

Box 45/5
Canton

vh
c198

1917

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Приложено къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

1903.

84(2Рос-Рус)1
150

Артистическое заведение А. Ф. МАРША, Москва, пр. М. Ф.

208872²1

Бюджетное учреждение
города Омска
«Омские муниципальные библиотеки»

№ 43
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІИ).

Старинный характеръ и библиковскія преобразования.—Шчто о Карасвиѣ и Пиднебесной и объ акаѳистѣ «матери Кукурузѣ».—Печерскій Кесарь и его импровизаціи.—Стремленіе войска уйти въ походъ противъ Вылезарія.—Легенда о библиковской тещѣ и о всепомогающемъ докторѣ.—Способъ обращать верхніе зубы въ нижніе.—Кваргальный антикварій.—Паѣздъ Виньеля.—Старецъ Малафей Пимычъ и отрокъ Гезій.—Порча отрока челоѡвчиной.—Открытіе моста.—Аскоченскій въ поэтическомъ восторгѣ.—Альфредъ фонъ-Юнгъ—его опечатки и его поэзія.—Анекдоты съ коннымъ нѣмцомъ и съ отцомъ Стрфокамиломъ.—Малафеево стояніе.—Неисполнившееся откровеніе.—Старцева смерть—отрокова женитьба.—Миръ въ тропарѣ.—Два дворянина.—Исключительный священникъ.—Тайна троицкой церкви.—Иѣчто о «Запечатлѣнномъ Ангелѣ».

«Мнѣ убо, возлюбленнїи, желательно есть вспомнати доброе житіе крѣпкихъ мужей и предложити вашей любви слово нехитроуѣчивое, но истинною украшенное. Вамъ же любезно да будетъ слышати добрыя повѣсти о мужахъ благостныхъ».

Изъ предисловія къ повѣсти «объ отцахъ и страдающихъ».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разскажу нѣчто про кїевскихъ оригиналовъ, которыхъ я зналъ въ дни моей ранней юности и которые, мнѣ кажется, стоятъ вниманія, какъ личности очень характерныя и любопытныя. Но, вначалѣ, да позволено мнѣ будетъ сказать два слова о себѣ. Они необходимы для того, чтобы показать, гдѣ и какъ я ознакомился съ «печерскимъ Кесаремъ», съ котораго я долженъ начать мою кїевскую галлерію антиковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Меня въ литературѣ считаютъ «орловцемъ», но въ Орлѣ я только родился и провелъ мои дѣтскіе годы, а затѣмъ въ 1849 г. перѣхалъ въ Кіевъ.

Кіевъ тогда сильно отличался отъ нынѣшняго, и разница эта заключалась не въ одной внѣшности города, но и въ нравахъ его обитателей. Внѣшность измѣнилась къ лучшему, т. е. городъ наполнился хорошими зданіями и, такъ сказать, *осаропенился*, но мнѣ лично жаль многого изъ стараго, изъ того, что сглажено и уничтожено, можетъ-быть, нѣсколько торопливою и во всякомъ случаѣ слишкомъ безцеремонною рукою Вибикова. Мнѣ жаль, напримѣръ, лишенаго жизни Печерска и облежавшихъ его урочищъ, которыя были застроены какъ попало, но очень живописно. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли также замѣчательно своеобразное и характерное населеніе, жившее неодобрительною и даже буйною жизнью въ стародавнемъ запорожскомъ духѣ. Таковыя были, напримѣръ, удалые Кресты и Ямки, гдѣ «мѣшкали безсоромія дѣвчата», составлявшія любопытное соединеніе городской, культурной проституціи съ казаческимъ престоилетствомъ и хлѣбосольствомъ. Къ этимъ дамамъ, носившимъ не европейскіе, а національные малороссійскіе уборы, или такъ называемое «простое платье», добрые люди хаживали въ гости съ своею «горілкою, съ ковбасами, съ саломъ и рыбицею», и «крестовскія дѣвчатки» изъ всей этой приносной провизіи искусно готовили смачныя снѣди и проводили съ своими посятителями часы удовольствій «по-фамильному».

Были изъ нихъ даже по-своему благочестивыя: эти открывали свои радушныя хаты для шировъ только до «благодатной», т. е. до второго утренняго звона въ лаврѣ. А какъ только раздавался этотъ звонъ, казачка крестилась, громко произносила: «радуйся, благодатная, Господь съ тобою», и сейчасъ же всѣхъ гостей выгоняла, а огни гасила.

Это называлось «досидѣть до благодатной».

И гости,—трезвые и пьяные,—этому подчинялись.

Теперь этого оригинальнаго типа непосредственной старожилой кіевской культуры съ запорожскою заправкою уже нѣтъ и слѣда. Онъ исчезъ, какъ въ Парижѣ исчезъ типъ

мюзаровской гризеты, съ которою у кievскихъ «крестовыхъ дiвчатъ» было нѣчто сходственное въ ихъ простосердечii.

Жаль мнѣ тоже живописныхъ надбережныхъ хатокъ, которыя лѣнились по обрывамъ надъ днѣпровской кручей: онѣ придавали прекрасному кievскому пейзажу особенный теплый характеръ и служили жилищемъ для большого числа бѣдняковъ, которые хотя и получили какое-то вознагражденiе за свои «поломанные дома», но не могли за эти деньги построить себѣ новыхъ домовъ въ городѣ и слѣнили себѣ гнѣзда надъ кручею. А между тѣмъ эти живописныя хаточки никому и ничему не мѣшали. Ихъ потомъ опять разметала властная рука Бибикова. Жаль превосходнѣйшей аллеи рослыхъ и стройныхъ тополей, которая вырублена уже при Анненковѣ для устройства на ея мѣстѣ нынѣшняго увеселительнаго балагана, съ его дрянными развлеченiями. Но всего болѣе жаль тихихъ куртинъ верхняго сада, гдѣ у насъ были свой лицей. Тутъ мы, молодыми ребятами, бывало, проводили цѣлыя ночи до бѣла свѣта, слушая того, кто намъ казался умнѣе, — кто обладалъ большими противъ другихъ свѣдѣнiями и могъ рассказать намъ о Кантѣ, о Гегелѣ, о «чувствахъ высокаго и прекраснаго», и о многомъ другомъ, о чемъ теперь совсѣмъ и не слышать рѣчей въ садахъ нынѣшняго Кiева. Теперь, когда доводится бывать тамъ, все чаще слышишь только что-то о банкахъ и о томъ, кого во сколько надо цѣнить на деньги. Любопытно подумать, какъ это настроенiе отразится на нравахъ подрастающаго поколѣнiя, когда настанетъ его время дѣйствовать...

Правы, собственно говоря, измѣнились еще болѣе, чѣмъ зданiя, и тоже, можетъ-быть, не во всѣхъ отношенiяхъ къ лучшему. Перебирать и критиковать этого не будемъ, ибо «всякой вещи свое время подъ солнцемъ», но пожалѣть о томъ, что было мило намъ въ нашей юности, надѣюсь, простительно, и кто, подобно мнѣ, уже пережилъ лучшiе годы жизни, тотъ, вѣроятно, не осудитъ меня за маленькое прирастiе къ тому старенькому, сѣрому Кiеву, въ которомъ было еще очень много простоты, нынѣ совершенно исчезнувшей.

Я зазналъ этотъ милый городъ въ его дореформенномъ видѣ съ изобилiемъ деревянныхъ домиковъ, на углахъ которыхъ тогда, впрочемъ, были уже вывѣшены такъ назы-

вавиліяся «бибиковскія доски». На каждой такой доскѣ была суровая надпись: «сломать въ такомъ-то году».

Этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на сломку домиковъ было чрезвычайно много. Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ и пошелъ его осматривать, то «бибиковскія доски» навели на меня неожиданную грусть и уныніе. Смотришь — чистенькія окошечки, на шпхъ горшочки съ краснымъ перцемъ и бальзаминами; по сторонамъ пришилены бѣлыя «фиранки», на крышахъ веркуютъ голуби и въ глубинѣ двориковъ хлопотно кудахчуть куры, и вдругъ почему-то и зачѣмъ-то придутъ сюда какіе-то сторонніе люди и все это разломають... Для чего это? И куда дѣнутся, куда тогда пойдутъ эти люди, которымъ, повидимому, довольно удобно и хорошо живется за ихъ бѣлыми «фиранками»? Можетъ статься, что все это было необходимо, но, тѣмъ не менѣе, отдавало какимъ-то неспрiятно-безцеремоннымъ и грубымъ самовластіемъ.

Бибиковъ, конечно, былъ человѣкъ твердаго характера и, можетъ быть, государственнаго ума, но, я думаю, если бы ему было дано при этомъ немнѣшко побольше сердца,—это не помѣшало бы ему войти въ исторію съ болѣе прiятнымъ аттестатомъ.

Старый городъ и Печерскъ особенно щедро были украшены «бибиковскими досками», такъ какъ здѣсь должно было совершиться и въ весьма значительной степени и совершилось намѣченное Бибиковымъ капитальное «преобразование». А на Печерскѣ жилъ самый непосредственнѣйшій изъ кiевлянъ, про которыхъ я попробую здѣсь для начала рассказать, что удержала моя память.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я съ пріѣзда поселился на Житомирской улицѣ, въ домѣ бывшаго секретаря комиссаріатской комиссіи Загорожскаго (тоже въ своемъ родѣ антика), но, совершенно одинокій и предоставленный самому себѣ, я постоянно тяготѣлъ къ Печерску, куда меня влекли Лавра и пещеры, а также и нѣкоторое еще въ Орлѣ образовавшееся знакомство.

Печерскіе знакомцы мои были молодые родственники нѣкогда чѣмъ-то знаменитаго въ Кіевѣ Николая Семеновича Шіянова.

Къ тому времени, когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, старикъ

Шіяновъ уже не жить на свѣтѣ и даже о быломъ его значеніи ничего обстоятельнаго не говорили, такъ я собственно и до сихъ поръ не знаю, чѣмъ и въ какомъ родѣ былъ знаменитъ Шіяновъ; но что онъ былъ все-таки знаменитъ,—этому я всегда вѣрилъ такъ же православно, какъ пріялъ это въ Орлѣ отъ его родственниковъ, увлекшихъ меня обольстительными рассказами о красотѣ Кіева и о поэтическихъ прелестяхъ малороссійской жизни.

Я остаюсь имъ за это всегда благодарнымъ *).

Наслѣдники Шіянова были тогда уже въ разбродѣ и въ захудалости. Когда-то значительные капиталы старика были ими торопливо прожиты или расхищены, о чемъ ходили интересныя сказанія въ духѣ французской исторіи наслѣдства Ренюпоновъ. Отъ всего богатства остались только дома.

Это были престранныя дома,—большіе и малые, всѣ деревянные; они были настроены тутъ въ такомъ множествѣ, что образовали собою двѣ улицы: Большую Шіяновскую и Малую Шіяновскую.

Обѣ Шіяновскія улицы находились тамъ же, гдѣ, вѣроятно, находятся и теперь, т.-е. за печерскимъ базаромъ, и по всей справедливости имѣли право считаться самыми скверными улицами въ городѣ. Обѣ онѣ были немощены,—каковыми, кажется, остаются и до настоящаго времени, но, вѣроятно, теперь онѣ немножко выровнены и поправлены. Въ то же время, къ которому относятся мои воспоминанія, онѣ находились въ привилегированномъ положеніи, которое дѣ-

*) Со временемъ потомство, можетъ-статься, не въ силахъ будетъ составить себѣ ясное понятіе даже и о такихъ достопримѣчательныхъ личностяхъ Кіева, какъ, напримѣръ, Карасивна и Ниднебсная, за знаменитыми булками которыхъ бѣгалъ на Подоль весь городъ. Все это происходитъ отъ аристократизма нашихъ хроникеровъ и лѣтописцевъ. Впрочемъ, эти полезныя дѣятельницы, помнится, названы въ одномъ изъ вариантовъ «акаѳиста матери Кукурузѣ», который былъ сложенъ студентами киевской духовной академіи, какъ протестъ противъ дурного стола и ежедневнаго почти появленія на немъ кукурузы въ пору ея созрѣванія. Акаѳистъ «Кукурузѣ» начинался такъ: «Вѣсть посланъ комиссаръ (помощникъ эконома) на базаръ рыбы купити, узрѣвъ же ти кукурузу сущу, возони гласомъ велимъ и рече: «Радуйся, кукурузо, нище презъбальная и пресладкая, радуйся, кукурузо, нище ядомая и николи же изъядасмая, радуйся, кукурузо, отцомъ ректоромъ николи же зримая, радуйся, и инспекторомъ николи же ядомая» и т. д. Тамъ гдѣ-то было и о Карасивнѣ съ Ниднебсною, послѣ которыхъ уже нѣтъ такихъ пекарокъ въ Кіевѣ.

дало ихъ во все влажное время года непроѣзжими. По какимъ-то геологическимъ причинамъ, онѣ были низменнѣе уровня базарной площади и служили просторнымъ вмѣстилищемъ для стока жидкой черноземной грязи, которая образовала здѣсь болото съ вонючими озерами. Въ этихъ озерахъ плавали «шіяновскіе» гуси и утки, которымъ было здѣсь очень привольно, хотя, впрочемъ, они часто сильно страдали отъ вползавшихъ имъ въ носъ длинныхъ зеленоватыхъ пѣвокъ. Чтобы защитить птицъ отъ этого бѣдствія, имъ смазывали клювы «свяченой оливой», но и это вѣрное средство не всегда и не вѣсѣмъ помогало. Утята и гусята отъ пѣвокъ дохли.

По вечерамъ здѣсь, выставивъ наружу голову, пѣли свои антифоны очень крупныя и замѣчательно басистыя лягушки, а звонкоголосыя молодячки канонархали. Иногда онѣ всѣ—молодыя и старыя гѣмъ соборомъ выходили на бережки и прыгали по бугорочкамъ. Это замѣняло барометрическое указаніе, ибо предвѣщало ясную погоду.

Словомъ, картина была самая букволическая, а между тѣмъ въ двухъ шагахъ отсюда былъ базаръ и притомъ базаръ очень завозный и дешевый. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, здѣшняя мѣстность представляла своего рода удобства особенно для людей небогатыхъ и неприхотливыхъ.

Впрочемъ, она также имѣла свои особенныя удобства для домохозяевъ еще въ отношеніи полицейскомъ, которое въ Кіевѣ тогда смѣшивали съ политическимъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Большіе и малые дома Шіянова, со множествомъ паворныхъ флигельковъ и хаточекъ, приспособленныхъ кое-какъ къ житію изъ старинныхъ служебныхъ построекъ, давно уже сдавались внаймы и, несмотря на свою ветхость, всѣ были обитаемы.

Постройки всѣ подъяръ были очень ветхи и стояли, повидимому, аридовы вѣки. Доски съ надписями, которыми «строго воспрещалось» чинить эти дома и были указаны сроки ихъ сломкѣ, красовались на ихъ углахъ, но дома упорно избѣгали определенной имъ злой участи, и нѣкоторыя изъ нихъ едва ли не уцѣляли до настоящаго времени.

Во мнѣніи жителей шіяновскіе дома охраняла отъ «би-

биковскаго разоренія» одна необычайная личность, создавшая себѣ въ то время героическую репутацію, которая, казалось бы, непременно должна перейти въ легенду. Быстрое забвеніе подобныхъ вещей заставляеть только поникнуть головою передъ непрочностію всякаго земнаго величія.

Легендарная личность былъ артиллеріи полковникъ Кесарь Степановичъ Берлинскій, на сестрѣ котораго, кажется Клавдіи Степановнѣ, былъ женатъ покойный Шіяновъ.

Такихъ людей, какъ Кесарь Степановичъ, нѣтъ уже болѣе не только въ Кіевѣ, но, можетъ-быть, и во всей Россіи. Пусть въ ней никогда не переводятся и, вѣроятно, впередъ не переведутся антики, но «печерскій Кесарь» дважды повторить быть не можетъ.

Сказать, что Берлинскій «управлялъ» домами Шіянова, было бы, кажется, не точно, потому что управлялъ ими, по выраженію Берлинскаго, «самъ Господь Богъ и Николай угодникъ», а деньги съ квартирантовъ собирала какая-то дама, въ конторскую часть которой не вмѣшивались ни Господь Богъ, ни Его угодникъ и даже ни самъ Кесарь Степановичъ. Этотъ герой Печерска, какъ настоящій «Кесарь», только господствовалъ надъ мѣстностью и надъ всѣми, кто, живучи здѣсь, обязанъ былъ его знать. Кесарь Степановичъ правственнно командовалъ жильцами обѣихъ Шіяновскихъ улицъ и вообще всею прилегающею областію за базаромъ. Всѣхъ онъ содержалъ въ реннектѣ и всѣмъ умѣлъ давать чувствовать свое авторитетное военное значеніе. Слово «моментъ», впоследствии основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется, впервые было пущено Берлинскимъ, и съ его легкой руки сдѣлалось необходимымъ подспорьемъ русскаго военнаго краснорѣчія.

При случаѣ Берлинскій готовъ былъ оказать и иногда, дѣйствительно, оказывалъ нуждающимся свое милостивое отеческое заступленіе. Если за кого нужно было идти попросить какое-либо начальство, печерскій Кесарь надѣвалъ свой военный сюртукъ безъ эполетъ, бралъ въ руки толстую трость, которую носилъ на правахъ раненаго, и шелъ «хлопотать». Нерѣдко онъ что-нибудь и выпрашивалъ для своихъ protégé, дѣйствуя въ сихъ случаяхъ на однихъ ласкою, а на другихъ угрозою. Существовало убѣжденіе, что онъ можетъ всегда «писать къ государю», и этого мно-

гіе очень боялись. Младшихъ же «чиноваловъ», говорили, будто онъ иногда убѣждалъ даже при содѣйствіи своей трости, *per argumentum baculinum*. Последнее онъ допускалъ, впрочемъ, не по свирѣности нрава, а «по долгу вѣрнопопданничества», единственно для того, чтобы не часто безнокошть государя письмами.

На базарѣ Берлинскаго всѣ знали и всѣ ему повиновались, не только за страхъ, но и за совѣсть, потому что молва громко прославляла «печерскаго Кесаря», и притомъ рисовала его весьма въ привлекательномъ народно-героическомъ жанрѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Берлинскій смолоду былъ молодець и писанный красавецъ въ тогдашнемъ гвардейскомъ родѣ; такимъ же онъ оставался до старости, а можетъ быть и до самой кончины, которая послѣдовала, если не ошибаюсь, въ 1864 или 1865 г. Въ жизнь свою онъ видѣлъ не одни красные дни, а перецесъ не мало нужды, горя и несправедливостей, но, обладая удивительною упругостью души, никогда не унывалъ и выворачивался изъ положеній самыхъ трудныхъ средствами самыми смѣлыми, и подчасъ даже невѣроятными и отчаянными.

Сердца Кесарь Степановичъ былъ, кажется, добраго и въ свою мѣру благороднаго, а также онъ былъ несомнѣнно чувствителенъ къ чужому горю и даже пѣженъ къ несчастнымъ. Онъ не могъ видѣть равнодушно ничьего страданія, чтобы тотчасъ же не возмущаться духомъ и не обнаруживать самыхъ горячихъ и искреннихъ порывовъ помочь страдающему. По мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія онъ это и дѣлалъ. Характеръ Берлинскій имѣлъ очень смѣлый, рѣшительный и откровенный, но нѣсколько съ хитринкой. Знвшіе его смолоду увѣряли, что ранѣ хитрости въ немъ будто не было, но потомъ, впоследствии, несправедливость и разныя суровыя обстоятельства заставили его понемножечку лукавить. Впрочемъ, въ его устахъ и во лбу свѣтило нѣкоторое природное лукавство. Берлинскій былъ самый большой фантазеръ, какого мнѣ удавалось видѣть, но фантазировалъ онъ тоже не безъ расчета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ быстро и сочинялъ такія нестрыя фабулы, что если бы

онъ захотѣлъ завлечься сочинительствомъ литературнымъ, то изъ него, конечно, выйдетъ бы любопытный сочинитель. Добавокъ къ тому, все, что Исхаръ разъ о себѣ сочинилъ, это сдѣлано для самого его истинно, въ которую опъ глубоко и убѣжденно вѣрилъ. Вѣроятно, оттого англо-тиберскія импровизации «исчерскаго Исхара» произвели на слушателей настолько сильное впечатлѣнiе, подъ влiянiемъ котораго въ досочинили еще болыше. Исхаръ Стена-новичъ умѣлъ вдохновлять и умѣлъ повлечь себя такъ, что во всѣхъ отношенiяхъ, — и чинкомъ, и значенiемъ стоялъ во мнѣнiи Исчерска несравненно выше настоящаго.

По моему мнѣнiю, онъ былъ только храбрый и, вѣроятно, въ свое время очень способный артиллерин подковникъ въ отставкѣ. Но крайней мѣрѣ такимъ и его заплата въ Орѣ, черезъ который онъ «везъ къ государю» за разъ восемь или десять (а можетъ-быть и больше) сыновей. Тогда опъ былъ во всей красѣ мужественнаго воина, съ георгиевскимъ крестомъ, и поразилъ меня смѣлостью своихъ павловскихъ. Онъ фхалъ съ тѣмъ, чтобы «выстоять» дѣ-то въ-хъ своихъ развѣтъ государю и сказать:

— Если хочешь, чтобы изъ нихъ тебѣ вѣрнѣе слуги вышли, то бери ихъ и воспитай, а мѣжь ихъ кормить не-члмъ.

Мы всѣ, т. е. и его орловскiе племнники (сыновья его сестры Юли Становой) недоумѣнно спрашивали:

— Почему вы такъ и скажете: *мы, государи?*

А онъ отвѣчалъ:

— Разумѣется, такъ и скажу, — и потомъ прибавитъ, будто это непремѣнно такъ даже и слѣдуетъ говорить, и будутъ государь Николай Павловичъ «такъ любить».

Настъ это просто поражаело.

Кормить дѣтей Берлинскому было нечлмъ. Онъ очень нуждался, какъ говорилъ, будто бы по причинѣ его какой-то отъѣдной честности, за которую опъ, по его собственнымъ разсказамъ, имѣлъ «кучу вратовъ около государя». Но онъ не умѣвалъ, но онъ очень умѣлъ сдѣло разсчитывать на самого императора Николая Павловича. Слѣ-дствъ это его и не постыдилъ: съ необходимостью черезъ мѣ-сяцъ, Исхаръ Становой опъ прослѣдуетъ изъ Петер-бурга въ Кiевъ черезъ Орѣ, уже совѣтъ одинъ. Государь велѣлъ принять въ учебныя заведенiя на казенный счетъ

«всю шеренгу» и увеличилъ будто бы пенсію самого Берлинскаго, а также велѣлъ дать ему не въ зачетъ какое-то очень значительное пособіе. Кромѣ принятія дѣтей, все остальное было какъ-то въ туманѣ.

Въ разсказѣ объ упомянутомъ сейчасъ событіи я и познакомился впервые съ импровизаторствомъ этого необыкновеннаго человѣка, которое потомъ мнѣ доставляло много интересныхъ минутъ въ Кіевѣ.

Многое множество изъ его грандіозныхъ разсказовъ я позабылъ, но кое-что помню, хотя теперь, къ сожалѣнію, никакъ не могу разсортировать, что слышалъ непосредственно отъ него самого, и что отъ людей, ему близкихъ и имъ вдохновенныхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

По словамъ Кесаря Степановича, которымъ я, впрочемъ, не смѣю никого обязывать вѣрить безъ критики, онъ встрѣтилъ государя гдѣ-то на почтовой станціи.

— Сейчасъ же, говорить, — я упросилъ графа Орлова дозволить мнѣ стоять съ дѣтьми на крылечкѣ, и сталъ. Ребята построилъ въ шеренгу малъ-мала-меньше, а самъ сталъ на концѣ въ правомъ флангѣ.

Государь, какъ вышелъ изъ коляски на крыльцо, замѣтилъ мой взводъ и говоритъ:

— Это что за ребята?

А я ему отвѣчаю:

— Это мои дѣти, а твои будущіе слуги, государь.

Тогда Николай Павловичъ взглянулъ будто на Берлинскаго и сейчасъ же его узналъ.

— А-а! говорить, — Берлинскій. Это ты, братецъ?

— Точно такъ, говорю, — ваше величество, это я.

— Очень радъ тебя видѣть. Какъ поживаешь?

— Благословляю Провидѣніе, что имѣю счастье видѣть ваше величество, а поживаніе мое очень плохо, если не будетъ ко мнѣ твоей милости.

Государь спросилъ:

— Отчего тебѣ плохо? Ты мнѣ хорошо служилъ.

— Овдовѣлъ, — отвѣчалъ Берлинскій: — и вотъ дѣтей у меня цѣлая куча; прикажи, государь, ихъ вскормить и выучить, а то мнѣ нечѣмъ, я бѣденъ, въ чужомъ домѣ живу и изъ того Бибииковъ выгоняетъ.

Государь, говоритъ, сверкнулъ глазами и крикнулъ:

— Орловъ! опредѣлить всѣхъ дѣтей Берлинскаго на мой счетъ. Я его знаю: онъ храбрый офицеръ и честный.

А потомъ, будто, опять оборотился къ Кесарю Стенановичу и добавилъ:

— За что тебя Бибииковъ выгоняетъ?

— Домъ, говорю,—гдѣ я живу, подѣ крѣпость разломать хочеть.

Государь будто отвѣтилъ:

— Вздоръ; домъ, гдѣ живетъ такой мой слуга, какъ ты, долженъ быть сохраненъ въ крѣпости, а не разломанъ. Я тебя хорошо знаю и у меня, кромѣ тебя и Орлова, нѣтъ вѣрныхъ людей. А Бибиикову скажи отъ моего имени, чтобы онъ тебя ничѣмъ не смѣлъ беспокоить. Если же онъ тебя не послушается, то напиши мнѣ страховое письмо,—я за тебя заступлюсь, потому что я тебя съ дѣтства знаю.

Почему государь Николай Павловичъ могъ знать Берлинскаго «съ дѣтства»,—этого я никогда не могъ дознаться; но выходило это у Кесари Стенановича какъ-то складно и статочно, а притомъ и имѣло любопытное продолженіе.

Когда государь самъ, будто, напомнилъ о столь давнемъ знакомствѣ «съ дѣтства», то Берлинскій этимъ сейчасъ же воспользовался и сказалъ:

— Да, ваше величество, это справедливо: вмѣстѣ съ вами играли, а съ тѣхъ поръ какая разница: вы вотъ какую отбѣнную карьеру изволили совершить, что теперь всѣмъ міромъ повелѣваете и всѣ васъ трещутъ, а я во всемъ нуждаюсь.

А государь ему на это, будто, отвѣтилъ: —

— Всякому, братецъ, свое назначеніе: мой перелетъ соколиный, а ты воробей не робѣй—приди ко мнѣ въ Петербургъ во дворецъ, я тебя хорошимъ пайкомъ устрою.

Берлинскій будто бы ходилъ во дворецъ и результатомъ этого былъ тотъ паекъ или «прибавокъ» къ пенсїи, которымъ «печерскій Кесарь» всѣхъ сосѣдей обрадовалъ и самъ очень гордился. Однако, и съ прибавкою Берлинскій часто не могъ покрывать многихъ, самыхъ воюющихъ нуждъ своей крайне скромной жизни на Печерскѣ. Но такъ какъ всѣ знали, что онъ «имѣетъ пенсїю съ прибавкомъ», то «Кесарь» не только никогда не жаловался на свои недостатки, а, напротивъ, скрывалъ ихъ съ большою трогательностію.

Порою, сказывали, дѣло доходило до того, что у него не бывало зимою дровъ, и онъ буквально стылъ въ своей холодной квартирѣ, но увѣрялъ, что это онъ «такъ любить для свѣжести головы».

Цифры своей пенсїи Берлинскій какъ-то ни за что не объявлялъ, а говорилъ, что получаетъ «много», но можетъ получать и еще больше.

— Стоить мнѣ написать страховое письмо государю,—говорилъ онъ:— и государь сейчасъ же прикажетъ давать мнѣ, сколько я захочу, но я не прошу болѣе того, что пожаловано, потому что у государя другія серьезныя надобности есть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Если вѣрить сказаніямъ, то государь Николай Павловичъ, будто, очень грустилъ по разлукѣ съ Берлинскимъ и даже неутѣнно жалѣлъ, что не можетъ оставить его при себѣ въ Петербургѣ. Но, по рассказамъ судя, пребываніе Берлинскаго въ столицѣ и дѣйствительно было совершенно неудобно: этому мѣшала слишкомъ большая и страстная привязанность, которую питали къ печерскому Кесарю «все солдаты».

Они такъ его любили, что ему нигдѣ, будто, нельзя было показаться: какъ солдаты его увидятъ, сейчасъ перестаютъ слушать команду, и бѣгутъ за нимъ, и кричатъ:

— Пусть насъ ведетъ отецъ нашъ полковникъ Берлинскій,—мы съ нимъ и Константинополь возьмемъ, и самого побѣдоноснаго полководца Вылезарія на царскій смотръ въ цѣняхъ приведемъ.

Доходило это, по рассказамъ, до такихъ ужасныхъ безпорядковъ, что нѣсколько человекъ за это были даже будто разстрѣляны, какъ нарушители дисциплины, и тогда Берлинскому самому уже не захотѣлось въ Петербургѣ оставаться, да и графъ Чернышевъ прямо, будто, сказалъ государю:

— Какъ вашему величеству угодно, а это невозможно есть: или пусть Берлинскій въ Петербургѣ не живетъ, или падо отсюда все войско вывести.

Государь, будто, призвалъ Кесаря Степановича и сказалъ:

— Такъ и такъ, братецъ, мнѣ съ тобою очень жаль разстаться, но ты самъ видишь, что въ такомъ случаѣ можно сдѣлать. Я тобою очень дорожу, но безъ войскъ столицу

тоже оставить нельзя, а потому тебѣ жить здѣсь невозможно. Ступай въ Кіевъ и сиди тамъ до военныхъ обстоятельствъ. Въ то время я про тебя непременно вспомню и пошлю за тобой.

А «лысый Чернышевъ» такъ его торопилъ выѣздомъ, что только нѣсколько дней дозволилъ ему пребыть въ Петербургъ, но и тутъ не обошлось безъ большихъ затрудненій, имѣвшихъ притомъ роковыя послѣдствія.

Это, по рассказамъ, было будто именно въ тотъ годъ, когда въ Петербургъ, на Адмиралтейской площади, сгорѣлъ съ народомъ извѣстный балаганъ Лемана.

Балаганъ сгорѣлъ съ народомъ, стало-быть, во время представленія, но, по вѣщанью самого импровизатора или благовѣстниковъ его славы, на сей разъ выходило что-то немножко нескладно: дѣло будто происходило *ночью*.

Берлинскій, будто, тогда стоялъ на квартирѣ въ Гороховой улицѣ, у одной нѣмочки, и дожидался бритвеннаго прибора, который заказалъ по своему рисунку одному англичанину. У нихъ въ родствѣ было много лицъ, стличавшихся необыкновеннымъ умомъ и изобрѣтательностью, и одинъ племянникъ Берлинскаго, будто, такія бритвы выдумалъ, что онѣ могли брить превосходно, а обрѣзаться ими никакъ нельзя.

Англичанинъ взялся эти бритвы исполнить, да не хорошо по рисунку сдѣлалъ, и опять сталъ передѣлывать. А лысый графъ Чернышевъ, которому непріятно было, что Берлинскій все еще въ Петербургѣ живетъ, ничего этого въ расчетъ взять не хотѣлъ. Онъ уже нѣсколько разъ присылалъ дежурнаго офицера узнать, скоро ли онъ выѣдетъ.

Берлинскій, разумѣется, дежурнаго не боялся и отвѣчалъ: «Пусть вашъ лысый графъ не беспокоится и пусть, если умѣетъ, самъ Вылезарія въ плѣчь беретъ, а я только моего особеннаго прибора дожидаюсь, и какъ англичанинъ мнѣ приборъ сдѣластъ, такъ я сейчасъ же выѣду, и буду, гдѣ государю угодно, вѣкъ доживать, да нечерскихъ чудотворцевъ за него молить, чтобы ему ничего непріятнаго не было. А пока мои бритвы не готовы, я не поѣду. Такъ лысому отъ меня и скажите».

Чернышевъ не смѣлъ его насильно выслать, но опять прислалъ дежурнаго сказать, чтобы Берлинскій днемъ не могъ на улицѣ показываться, чтобы солдатъ не будоражить,

а выходилъ бы для прогулки на свѣжемъ воздухѣ только послѣ зари, когда изъ пушки выпалить и всѣхъ солдатъ въ казармахъ запрутъ.

Берлинскій отвѣчалъ:

— Я службу такъ уважаю, что и лысому повинуюсь.

Послѣ этого онъ будто жилъ еще въ Петербургѣ нѣсколько дней, выходя подымать воздухомъ только ночью, когда войска были въ казармахъ, и ни одинъ солдатъ не могъ его увидѣть и за нимъ бѣгать. Все шло прекрасно, но тутъ вдругъ неожиданно и подвернулся роковой случай, послѣ котораго дальнѣйшее пребываніе Кесаря въ столицѣ сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Идетъ одинъ разъ Кесарь Степановичъ, закрывъ лицо шинелью, отъ Краснаго моста къ Адмиралтейству, какъ вдругъ видитъ впереди себя на Адмиралтейской площади «огненное пламя». Берлинскій подумалъ: не Зимній ли дворецъ это горитъ и не угрожаетъ ли государю какая опасность... И тутъ, по весьма понятному чувству, забывъ все на свѣтѣ, Берлинскій бросился къ пожару.

Прибѣгаетъ онъ и видитъ, что до дворца, слава Богу, далеко, а горитъ Лемановъ балаганъ и внутри его страшный вонь, а снаружи никого нѣтъ. Не было будто ни пожарныхъ, ни полиціи и ни одного человѣка. Словомъ, снаружи пустота, а внутри стона и гибель, и только отъ дворца кто-то одинъ, видный, рослый человѣкъ, бѣжитъ и съ одышкою спотыкается.

Берлинскій возрился въ бѣгущаго и узналъ, что это никто иной, какъ самъ государь Николай Павловичъ.

Скрываться было некогда, и Кесарь Степановичъ сталъ ему во фронтъ какъ слѣдуетъ.

Государь ему будто закричалъ:

— Ахъ, Берлинскій! тебя-то мнѣ и надобно. Полно вытягиваться, видишь—никого нѣтъ, бѣги за пожарными.

А Кесарь Степановичъ будто отвѣтилъ:

— Пожарные тутъ, ваше императорское величество, куда не годятся, а дозвольте скорѣе призвать артиллерію.

Государь изволилъ его спросить:

— Зачѣмъ артиллерію?

А онъ, будто, отвѣтилъ:

— Затѣмъ, что тутъ *надо схватить моментъ*. Деревяннаго балагана залить трубами нельзя, а надо артиллеріей въ *одинъ моментъ* стѣну развалить, и тогда сто или двѣсти человекъ убьемъ, а зато остальной весь народъ сразу высынется (вотъ еще когда и при какомъ случаѣ, значитъ, говорено военнымъ человекомъ о значеніи *момента*).

Но государь его не послушался,—ужасно ему показалось сто человекъ убить; а потомъ, когда балаганъ сгорѣлъ, тогда изволилъ, будго, съ сожалѣніемъ сказать:

— А Берлинскій миѣ, однако, правду говорилъ: все дѣло было въ моментъ и надо было его послушаться и артиллерию пустить. Но только все-таки лучше велѣть ему сейчасъ же выѣхать, а его бритвенный приборъ послать ему въ Кіевъ по почтѣ на казенный счетъ.

Сдѣлано это послѣднее распоряженіе было въ такомъ расчетѣ, что если бы при Берлинскомъ случился въ Петербургѣ другой подобный острый моментъ, то все равно нельзя было бы артиллерию вывести потому, что всѣ солдаты и съ пушками за нимъ бы бросились, чтобы онъ велъ ихъ плѣнять Вилезаря.

Такъ этимъ и заключилась блестящая пора служебной карьеры Кесаря Степановича въ столицѣ, и онъ не видѣлъ государя до той поры, когда послѣ выставилъ передъ его величествомъ «свою перенгу», а потомъ вернулся въ Кіевъ съ пособіемъ и усиленною пенсіею, настоящую цифру которой, какъ выше сказано, онъ постоянно скрываетъ отъ неносвященныхъ и говорилъ коротко, «что беретъ много», а можетъ взять еще больше.

— Стоитъ только государю страховое письмо написать.

Миѣ кажется, что онъ искренно вѣрилъ, что имѣеть дозволеніе вести съ государемъ перенгуку, и, Богъ его знаетъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ ему что-нибудь въ этомъ родѣ было сказано, если не лично государемъ, то кѣмъ-нибудь изъ лицъ, черезъ которыхъ Кесарь Степановичъ устроилъ дѣтей и получилъ свою прибавку.

Во всякомъ случаѣ это куражило старика и давало ему силу переносить весьма тяжелыя лишенія съ непоколебимымъ мужествомъ и внушающимъ достоинствомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Такъ Берлинскій и старѣлся, отъѣвно преданный государю и вѣрный самому себѣ во всемъ и особенно въ импровизаторствѣ. А когда онъ сталъ очень старъ и во всѣхъ отношеніяхъ такъ поотсталъ отъ современности, что ему нечего было сочинять о себѣ, то онъ перенесъ задачи своей импровизаціи на своего племянника (моего школьнаго товарища) доктора, имя котораго было Николай, но такъ какъ онъ былъ очень знаменитъ, то этого имени ему было мало, и онъ назывался «*Николавра*». Здѣсь значеніе усиливалось звукомъ *лавра*. Николай это было простое имя, какъ бываетъ простой монастырь, а *Николавра*—это то же самое, что лавра среди простыхъ монастырей.

Бесарь Степановичъ рассказывалъ удивительнѣйшія вещи о необычайныхъ медицинскихъ знаніяхъ и талантахъ этого очень много учившагося, но замѣчательно несчастливаго врача и человѣка съ отъѣвно добрымъ и благороднымъ сердцемъ, но большого неудачника.

Опять и тутъ я не помню многого и, можетъ-быть, самаго замѣчательнаго, но, однако, могу записать одинъ анекдотъ, который объясняетъ, въ какомъ духѣ и родѣ были другіе, нунценные въ обращеніе для прославленія Николавы.

Шель одинъ разъ разговоръ о зубныхъ боляхъ,---объ ихъ жестокой неутолимости и о неизвѣстности такихъ медицинскихъ средствъ, которыя дѣйствовали бы въ этихъ боляхъ такъ же вѣрно, какъ, напримѣръ, хининъ въ лихорадкахъ или касторовое масло въ засореніяхъ желудка и кишковъ.

Въ обществѣ было нѣсколько молодыхъ, въ тогдашнее время, врачей, и все согласно утверждали, что такихъ универсальныхъ средствъ дѣйствительно нѣтъ,---что на одного больнаго дѣйствуетъ одно лѣкарство, на другого—другое, а есть такіе несчастные, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, «нока само пройдетъ».

Вопросъ очень спеціальный и не интересный для бесѣды людей непосвященныхъ, но чуть къ нему коснулся художественный гений Берлинскаго, — произошло чудо, напоминающее вмазъ источеніе воды изъ камня въ пустынѣ. Крылатый Пегасъ-импровизаторъ ударилъ звонкимъ копытомъ и изъ сухой скучной матеріи полилась сага,—живая,

сочная и полная пренитересныхъ положеній, надъ которыми люди въ свое время задумывались, улыбались и даже, можетъ-быть, плакали, а во всякомъ случаѣ тѣхъ, кого это сказаніе касается, прославили.

Кесарь Степановичъ опротестовалъ медицинское мнѣніе и сказалъ будто, что универсальное средство противъ зубной боли есть и что оно изобрѣтено именно его племянникомъ, докторомъ Николавроу, и одному ему. Николаврѣ, только и извѣстно. Но средство это было такое капризное, что, несмотря на всю его полезность, оно могло быть употребляемо не всякимъ и не во всѣхъ случаяхъ. Медикаментъ этотъ, утолившій будто всякую боль, можно было употреблять только въ размѣрѣ одной капли, которую нужно было очень осторожно капнуть на больной зубъ. Если же эта капля хоть крошечку стечетъ съ зуба и коснется щеки или десень, то въ то же самое время человекъ мгновенно умираетъ. Словомъ, опасность странная! И выходило такъ, что нижніе зубы этимъ лѣкарствомъ можно было лѣчить, потому что на нижніе можно осторожно капнуть, но если заболѣли верхніе, на которые капнуть нельзя, то тогда уже это лѣкарство бесполезно.

Было ужасно слушать, что есть такое спасительное изобрѣтеніе и оно въ значительной долѣ случаевъ должно оставаться неприложимымъ. Но Кесарь Степановичъ, владея острымъ умомъ и рѣшительностью, нашелъ, однако, средство, какъ преодолѣть это затрудненіе, и усвоилъ для медицинской науки «перевертошный способъ», которымъ до тѣхъ поръ зубоврачебная практика не пользовалась. Этотъ этюдъ былъ извѣстенъ между нами подъ названіемъ «Берлинскаго анекдота о Бибииковской тещѣ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Жила-была, будто, «Бибииковская теща», дама «полниная и преогромная», и пріѣхала она, будто, на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ-то неподалеку отъ Кіева. Въ Кіевъ ей Бибииковъ вѣзжать не позволялъ «по своему характеру», потому что онъ «насчетъ женскаго сословія заблуждался и съ тещею не хотѣлъ объ этомъ разговаривать, чтобы она его не стала стыдить лѣтами, чиномъ и убожествомъ» (такъ какъ у него одна рука была отнята).

Несчастливая «полная дама» такъ и жила, будто, въ де-

ревиѣ и пошла, будто, она одинъ разъ съ внучками въ лѣсъ гулять и нашла на кустѣ орѣшника орѣхъ-двойчатку и обрадовалась, что счастье удвоится, и захотѣла раскусить. Внучки говорятъ ей:

— Не кусай, бабушка, двойчатку,— у тебя зубы стары.

А Бибиковская теща отвѣчаетъ:

— Итъ, раскушу,— мнѣ счастья удвоится.

Орѣхи она разгрызла, но только послѣ этого у нея сеѣчасъ же зубы заняли, и до того ее доняли, что она стала кричать: «лучше убейте меня, потому что это все удваивается и стало совсѣмъ невозможно вытерпѣть». А у нея былъ управитель очень лукавый, и онъ ей говоритъ: «чѣмъ если убивать—за что отвѣчать придется, то лучше дозвольте я вамъ изъ Кіева всепомогающаго лѣкаря привезу: онъ изъ извѣстной Шияновской родни—и всякую зубную боль въ одну минуту унять можетъ».

Бибиковская теща про Шияновыхъ много хорошаго слыхала и отвѣчаетъ: «привези, но только какъ возможно скорѣи».

Управитель, чтобы не произошло никакой медленности, сеѣчасъ же собрался и даже не ѣвши уѣхалъ.

Вечеромъ онъ изъ имѣнія выѣхалъ, а рано на зарѣ сталъ уже въ Кіевѣ на дымящихся и всѣбренныхъ коняхъ посреди печерскаго базара, а дальше тутъ уже не зналъ, куда ѣхать: по Большой или по Малой Шияновской, и закричалъ во все горло:

— Гдѣ тутъ всепомогающій лѣкарь Николавра, который во всякой зубной боли вылѣчиваетъ?

(По причинѣ большой извѣстности этого доктора, фамилія его никогда не произносилась, а довольно было одного его имени «Николавра», которое было такъ же славно, какъ, напримѣръ, имя Абеляръ).

Чумаки, которые стали тутъ съ вечера и спали на своихъ возахъ съ шпеномъ и саломъ, и съ сухою таранью, сеѣчасъ отъ этого крика проснулись и показали управителю:

— Годи тебѣ кричать, говорятъ,— вотъ туточка сеѣ лѣкарь живетъ, тѣльки цо вінъ теперь, якъ и усе християнство, спочивае.

Управитель побѣжалъ по указанію и заколотилъ о запертые ставни.

Оттуда ему кричать:

— Кто се такой и чего вамъ треба?

А онъ отвѣчаетъ:

— Отчиняйте скорѣй, або я всё окна побью,—миѣ надо всепомогающаго лѣкаря Николавру, который всякую боль излѣчиваетъ. Здѣсь онъ, или нѣтъ, а то и долженъ дальше скакать его разыскивать.

Управителю говорятъ:

— Никуда вамъ скакать дальше не треба, потому что всепомогающій докторъ Николавра здѣсь живетъ, но онъ теперь, якъ и все христіанство, спитъ. А вы майте собі трохи совѣсти и если въ Господа Бога вѣруете, то не колотайте такъ крѣпко, бо нашъ домъ старенькій, еще не за сихъ время, и шибки изъ оконъ повыскакують, а тутъ близко ни якого стекольщика нѣтъ, а теперь зима лютая и съ малыми дѣтьми смерзти можно.

Разсказывалось именно такъ, что при этомъ переговорѣ было упоминаемо про «зиму» и про «холодъ», и читатель не долженъ смущаться, что дѣло происходило во время лѣтняго наѣзда Бибиковской тещи въ свое имѣніе. Вскорѣ мы опять увидимъ, вмѣсто скучной и лютой зимы, веселое знойное лѣто.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Управитель Бибиковской тещи былъ человекъ горделивый, потому что, по необразованности своей, считалъ, какъ и другіе многіе, будто государь Бибикову Кіевъ все равно какъ въ подарокъ подарилъ, и что потому всё, кто тутъ живетъ, ему, будто, принадлежать въ родѣ крѣпостныхъ и должны все дѣлать.

— Велика важность, говорить, — ваши окна! Я отъ Бибиковской тещи прѣхалъ за лѣкаремъ и подавай миѣ лѣкаря.

Ему отворили двери и привели его къ самому Николаврѣ.

Тотъ — лихой молодчина былъ и хотя такой ученый, что страшно все понималъ, но церемониться ни съ кѣмъ не любилъ.

Какъ ему сказали, что отъ Бибиковской тещи управитель пришелъ, онъ говоритъ:

— Приведите его ко миѣ въ спальню. Если онъ во миѣ надобность имѣеть, то можетъ меня и безъ панталонъ во всякомъ видѣ разсматривать.

Управитель пришелъ и разсказываетъ, а лѣкаръ Нико-

лавра на него и вниманія не обращаетъ: лежитъ подъ одѣяломъ да колѣнки себѣ чешетъ. А когда тотъ кончилъ, лѣкарь только спросилъ:

— А въ какомъ строю у нея зубъ болитъ, въ верхнемъ или въ нижнемъ?

Управитель отвѣчаетъ:

— Я ей въ зубы не глядѣлъ, а полагаю, что, должно быть, болитъ въ строю *въ верхнемъ*, потому что у нея опухоль подъ самымъ глазомъ.

Тогда Николавра завернулся къ стѣнѣ и говоритъ:

— Прощай и ступай вонъ.

— Что это значить?

— То значить, что если боль въ верхнемъ строю, то мнѣ тамъ дѣлать нечего: я верхнихъ зубовъ лѣчить не могу.

Управитель говоритъ:

— Да вамъ-то не все ли равно лѣчить, что верхній зубъ, что нижній? Все равно, говоритъ,—кость окостенѣлая, что тотъ, что этотъ, одно въ нихъ естество, одно поврежденіе и одно лѣкарство.

Но лѣкарь на него посмотрѣлъ и говорить не сталъ.

Тотъ спрашиваетъ:

— Что же, отвѣчайте что-нибудь.

Тогда лѣкарь далъ ему такой отвѣтъ:

— Я, говоритъ, — могу разговаривать съ равнымъ себѣ по наукѣ, а это не твоего дѣла ума, чтобы я съ тобою сталъ разговаривать. Ты управитель, и довольно съ тебя—имѣиель и управляй, а не въ свое дѣло не суйся. Людей лѣчить это не то, что навозъ запахивать. Медицинѣ учатся. А тебѣ сказано, что я въ нижнемъ строю все могу вылѣчить, а до верха моимъ спасительнымъ лѣкарствомъ добраться нельзя.

— Но черезъ что же такое?—вопитъ управитель.

— А черезъ то, что она въ ту же минуту «окачурится» и мнѣ за нее отвѣчать придется; а я моею репутаціей дорожу, потому что я очень много учился.

Управитель какъ услышалъ, что она можетъ «окачуриться», еще больше сталъ просить лѣкаря, чтобы непремѣнно ѣхалъ, а тотъ разсердился, вскочилъ, вытолкалъ его въ шею и опять легъ ночь досыпать.

Тутъ въ это дѣло и вступилъ вездѣ находчивый Кесарь Степановичъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Увидалъ онъ, что племянникъ, хотя, по его словамъ, и уменъ, и въ своемъ медицинскомъ дѣлѣ очень свѣдуецъ, а недостаетъ ему еще настоящей тактики и практики, и молодой его разумокъ еще не очень находчивъ, какъ себѣ большую славу сдѣлать.

Кесарь Степановичъ, прослушавъ весь ихъ разговоръ изъ своей комнаты, сейчасъ всталъ съ постели, надѣлъ туфли и тулунчикъ и съ трубкой вышелъ въ залу, по которой проходилъ изгнанный лѣкаремъ управитель. Увидалъ онъ его и остановилъ,—говорить:

— Остановись, прохожій, никуда не гожій, и объясни мнѣ своей рожей, не выходявши изъ прихожей: на чемъ ты сюда прѣхалъ и есть ли тамъ третье сидѣние, чтобы еще одного человѣка посадить.

Управляющій очень радъ, что съ нимъ такой извѣстный человѣкъ заговорилъ, и отвѣчаетъ, что у него есть четверомѣстная коляска, и онъ можетъ не одного, а даже двухъ людей помѣстить.

Кесарь Степановичъ далъ ему щелчка въ лобъ и говоритъ:

— Ты спасенъ и твое дѣло сдѣлано: я сейчасъ къ племяннику взойду и совѣтъ ему дамъ. Николавра меня послушается, и мы переговоримъ и, можетъ-быть, все вмѣстѣ побѣдемъ. И ему одинъ способъ покажу, какъ можно верхніе зубы въ нижній рядъ поставить и тогда на нихъ чортъ знаетъ чѣмъ можно наканать.

— А ты, прибавляетъ,—только скажи мнѣ: очень ли она мучится?

Управитель отвѣчаетъ:

— Ужъ совсѣмъ замучилась и на весь домъ визжитъ.

— То-то,—говоритъ Кесарь Степановичъ:—мнѣ это знать надо, потому что моимъ способомъ съ ней круто придется обращаться—по-военному.

Управитель отвѣчаетъ:

— Она военныхъ даже очень уважаетъ и на все согласна, потому что у нея очень болитъ.

— Хорошо,—сказалъ Кесарь Степановичъ и пошелъ къ племяннику. Тамъ у нихъ вышелъ споръ, но Кесарь Степановичъ все кричалъ: «не твое дѣло, за всю опасность и отвѣчаю», и переспорилъ.

— Ты, говоритъ,—бери только свое спасительно лѣкарство и употребай его по своей наукѣ, какъ слѣдуетъ, а остальное, чтобы верхніе зубы снизу стали—это мое дѣло.

Лѣкаръ говоритъ:

— Вы забываете, какого она званія,—она обидится.

А Кесарь Стенановичъ отвѣчаетъ:

— Ты молодъ, а я знаю, какъ съ дамами по-военному обращаться. Вѣрь мнѣ, мы ей на верхній зубъ каннемъ, и она намъ еще книксенъ присядеть. Идемъ скорѣе, — она мучится.

Лѣкаръ было сталъ еще представлять, что каннуть на верхній зубъ нельзя, а она можетъ послѣ Бибикову жаловаться, но тутъ Кесарь Стенановичъ его даже постыдилъ.

— Ты вѣдь, говоритъ,—кажется, не простой докторъ, а учишь двѣ науки по физикѣ и понять не можешь, что тутъ надо только *схватить моментъ*, и тогда все можно. Не беспокойся. Это не твое дѣло: ты до нея не будешь притрогиваться, а мнѣ Бибиковъ ничего сдѣлать не смѣть. Ты, кажется, мнѣ можешь вѣрить.

Целебникъ повѣрилъ дядѣ и говоритъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, при васъ я не боюсь, а между прочимъ мнѣ это впередъ для таковыхъ же случаевъ можетъ пригодиться.

Одѣлся, положилъ пузыречекъ со своимъ лѣкарствомъ въ жилетный карманъ, и безъ дальнихъ разсужденій всѣ они строемъ покатали на верхній зубъ канать.

Управитель все фхаль и думаль: непременно она у нихъ качаурится!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Скакали путники безъ отдыха цѣлый день, и зато вечеромъ, въ самое то время, когда стадо говятей, пріѣхали на господскій дворъ, а зубы если когда разболются, то къ вечеру еще хуже болятъ.

Бибиковская теща ходитъ по комнатамъ, и сама огромная, а плачетъ какъ маленькая.

— Мнѣ очень стыдно, говоритъ,—этакъ плакать, по не могу удержаться, потому что очень черезъ силу болятъ.

Кесарь Стенановичъ сейчасъ же съ ней заговорилъ по-военному, но ласково.

— Это, говоритъ, — даже къ лучшему, что вамъ такъ

больно болитъ, потому что вы должны скорѣе на все рѣшиться.

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, Боже мой, я уже и рѣшилась. Что вы хотите, то и дѣлайте, только бы мнѣ выздоровѣть и въ Парижъ для развлечения уѣхать.

— Въ такомъ разѣ,—говоритъ Берлинскій:—мы должны кое-что сдѣлать... По-французски это называется «повертошь». Послѣ черезъ пять минутъ можете въ Парижъ ѣхать.

Она удивилась и вскричала:

— Неужели черезъ пять минутъ!

Берлинскій говоритъ: что мною сказано, то вѣрно.

— Въ такомъ разѣ, хоть не знаю, что такое «повертошь», но я на все согласна.

— Хорошо,—говоритъ Берлинскій:—велите же мнѣ поскорѣе подать два чистые носовые платка и хорошую, крѣпкую пробку изъ сотерной бутылки.

Та приказала.

— И еще,—говоритъ Кесарь Стенановичъ:—одно условіе: прикажите сейчасъ, чтобы всѣ, кто тутъ есть, ваши родные и слуги ваши, ни во что не смѣли вступаться, пока мы свое дѣло кончимъ.

— Все, говоритъ,—приказываю: мнѣ лучше умереть, чѣмъ такъ мучиться.

Словомъ, большая безусловно предалась въ ихъ энергическія руки, а тѣмъ временемъ Кесарю и Николаврѣ подали потребованные платки и пробку изъ сотерной бутылки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Кесарь Стенановичъ пробку осмотрѣлъ, погнулъ, подавилъ и сказалъ: «пробка хороша, а платки надо перемѣнить: батистовые, говоритъ,—не годятся, а надо самые плотные полотняные».

Ему такіе и подали. Онъ сложилъ ихъ оба съ угла на уголь, какъ складываютъ, чтобы зубы подвязывать, и положилъ на столикъ; а Бибииковской тещѣ говоритъ:

— Ну-те-ка, что-нибудь заговорите.

Она сираиваетъ:

— Для чего это нужно?

А Берлинскій ей отвѣчаетъ:

— Для того, чтобы схватить первый моментъ.

А самъ ей въ эту самую секунду сотерную пробку въ ротъ и вставилъ. Такъ ловко вставилъ ее между зубами, что Бибииковской теңѣ ни кричать и ни одного слова выговорить нельзя при такой распоркѣ.

Удивилась она и испугалась, и глазами хлопаетъ, а чѣмъ больше старается что-то спросить, тѣмъ только крѣпче зубами пробку напираетъ. А Кесарь Степановичъ, въ это же острое мгновеніе, улыбнулся и говорить ей:

— Вотъ только всего и нужно, а самъ ей однимъ платкомъ руки назадъ связалъ, а другимъ внизу платье вокругъ ногъ обвязалъ, какъ дѣлаютъ простонародныя дѣвушки, когда садятся на качели качаться. А потомъ крикнулъ племяннику:

— Теперь лови второй моментъ!

И сейчасъ же ловко, по-военному, перевернулъ даму внизъ головою и поставилъ ее въ уголъ на подушку теменемъ. Отъ этого находчиваго оборота, разумѣется, вышло такъ, что у нея верхніе зубы стали нижними, а нижніе — верхними. Непріятно, конечно, было, но не надолго, — всего на одну секунду, потому что лѣкарь, какъ человекъ одной породы съ дядею — такой же какъ дяди ловкій и понятливый, сейчасъ же «схватилъ моментъ», — капнулъ каплю дамѣ на верхній зубъ и сейчасъ же опять ее перевернулъ, и она стала на ногахъ такая здоровая, что сотерную пробку перекусила и говоритъ:

— Ахъ, мерси, — мнѣ все прошло; теперь блаженство! чѣмъ я могу васъ отблагодарить?

Кесарь Степановичъ отвѣчалъ:

— Я не врачъ, а военный, а военные во всѣхъ несчастіяхъ дамамъ такъ помогаютъ, а денегъ не берутъ.

Бибииковская теңа разспросила о Кесарѣ Степановичѣ: кто онъ такой и на какомъ положеніи у государя, и когда узнала, что онъ отставной, но при военныхъ дѣлахъ будетъ опять призванъ, подарила ему необыкновеннаго верхового коня. Конь былъ что-то въ родѣ Самсона: необычайная сила и удалъ заключались у него въ необычайныхъ волосахъ, и для того онъ былъ съ удивительнымъ хвостомъ. Такой былъ огромный хвостъ, что если конь скакалъ, то онъ сзади разстился какъ облако, а если шагомъ пойдетъ, то концы его на двухъ маленькихъ колесахъ укладывались и они бѣжали за конемъ, какъ шлейфъ за дамой.

Только удивительнаго коня этого нельзя было ввести въ Кіевъ, а надо было его гдѣ-то скрывать, потому что онъ былъ самый лучший на всемъ Орловскомъ заводѣ и Бибикову хотѣлось его имѣть, но благодарная теща сказала: «на что онъ ему? Какѣй онъ воишь!» и подарила коня Берлинскому, съ однимъ честнымъ словомъ, чтобы его въ «Бибиковское царство» не вводить, а содержать «на чужой сторонѣ».

Кесарь Степановичъ ногою шаркнулъ, «въ ручку поцѣловалъ» и коня принялъ, и честное слово свое сдержать.

Объ этомъ конѣ въ свое время было много протолковано на печерскомъ базарѣ. Собственными глазами никто это прекрасное животное никогда не видать, но все знали, что онъ вороной безъ отмѣтницъ, а поздри огненные и можетъ скакать черезъ самыя широкія рѣки.

Теперь, когда пересказываешь это, такъ все кажется такимъ вздоромъ, какъ сказка, которой ни минуты нельзя вѣрить, а тогда какъ-то одни смѣялись, другіе вѣрили, и все было складно.

Печерскіе перекупки готовы были клясться, что этотъ конь жилъ въ таинственной глубокой пещерѣ въ броварскомъ бору, который тогда былъ до того густъ, что въ немъ еще водились дикіе кабаны. А стерегъ коня тамъ старый москаль, «хромой на одно око». Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что москаль приходилъ иногда на базаръ и продавалъ въ горшки табакъ «прочухрай», отъ котораго, какъ понюхаешь, такъ и зачихаешь. Ввести же коня въ Кіевъ нельзя было «по причинѣ Бибика».

Исцѣленіе тещи имѣло, однако, и свои невыгодныя послѣдствія, если не для Кесаря Степановича, то для всепомогающаго врача, и виною тому была малообразованность публики. Когда дамы узнали объ этомъ исцѣленіи способомъ «повертона», такъ начали притворяться, что у нихъ верхній зубъ болить и стали осаждать доктора, чтобы и надъ ними былъ сдѣланъ «повертонъ». Онѣ готовы были злоупотреблять этимъ до чрезвычайности. Николавра имъ внушали, что это дѣло серьезное и научное, а не шутка, но онѣ все не отставали отъ него съ просьбами «перевернуть ихъ и вылѣчить». Пронесходило это болѣе оттого, что Николавра дамъ очень смѣшили, и онѣ въ него влюбились

въ это время безъ памяти. А онъ, будучи очень честенъ, не хотѣлъ разстраивать семейную жизнь во всемъ городѣ и предпочелъ совсѣмъ оставить и Кіевъ, и медицинскую практику.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Разумѣется, вся «причина Библика», о которой выше сказано, была чистѣйшій плодъ быстрой и сложной фантазии самого печерскаго импровизатора или его восторженныхъ почитателей. На самомъ же дѣлѣ Библиковъ не только не гвалтъ и ни за что не преслѣдовалъ занимательнаго полковника, но даже едва ли не благодѣтельствовалъ ему, насколько къ тому была склонна его жесткая и мало податливая на добро натура. Кажется, Библиковъ былъ даже чѣмъ-то полезенъ Берлинскому въ устройствѣ его дѣтей и вообще никогда на него не нападалъ, хотя, по весьма странной любви къ сплетнямъ и наушничеству, онъ зналъ очень многое о томъ, что Берлинскій на его счетъ импровизовалъ. Впрочемъ возможно, что иногда скучавшій Библиковъ имъ даже немножко интересовался, конечно, только ради смѣха и потѣхи.

Въ Кіевѣ въ то время проживалъ академикъ с.-петербургской академіи художествъ, акварелистъ Михаилъ Макаровичъ Сажинъ. Онъ составлялъ для Дмитрія Гавриловича акварельный альбомъ открытыхъ при немъ кіевскихъ древностей, и не разъ, бывало, сказывалъ, что Библиковъ шутилъ надъ своею зависимою отъ Берлинскаго. Особенно его забавляло, какъ Берлинскій увѣрялъ, что «безрукій» мимо его домовъ даже *ездитъ боится*.

Библиковъ въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, иногда не проѣзжалъ по Шияповскимъ улицамъ, но, разумѣется, не потому, чтобы ему былъ страшенъ Берлинскій, а потому, что тутъ невозможно было проѣхать, не затонувъ или, по крайней мѣрѣ, не измаравшись. Кесарь Степановичъ или вдохновенные имъ почитатели давали этому свое толкованіе, которое имъ гораздо болѣе нравилось, а для Кесаря имѣло притомъ свои выгоды. Всѣ эти легенды и басни значительно возвышали авторитетъ «галицкаго воина», который никого не боится, между тѣмъ какъ его всѣ боится и «даже самъ Библикъ».

Такъ какъ независимые люди всегда рѣдки и всякому интересны, то Кесарь Степановичъ пользовался у многихъ особенною любовью, и это выражалось своеобразнымъ къ нему поклоненіемъ. Думали, что онъ очень много можетъ защитить; а это, въ свою очередь, благопріятно отражалось на дѣлахъ шіановскихъ развалинъ, которыхъ Бибииковъ, по словамъ Сажина, называлъ «шіановскими нужниками», но зато ихъ не трогалъ, — можетъ въ самомъ дѣлѣ изъ какого-нибудь добраго чувства къ Берлинскому. Людямъ робкимъ, равно какъ и людямъ оппозиціоннаго образа мыслей было дивно жить въ этихъ «нужникахъ» вмѣстѣ, или «въ одномъ кольцѣ» съ такимъ вдохновительнымъ героемъ, какъ Кесарь Степановичъ. А какъ притомъ къ чистотѣ и благоустройству обиталищъ у насъ относятся еще довольно нетребовательно, то эти дрянныя развалины были постоянно обитаемы. Между невзыскательными жильцами здѣшнихъ мѣстъ встрѣчалось не мало тогдашнихъ «незаконныхъ», т. е. такихъ, у которыхъ были плохи паспортники. Они были увѣрены, что, будто, имѣютъ въ лицѣ Кесаря Степановича могущественнаго защитника. Думали, чуть, храни Богъ, встрѣтится какое-нибудь несчастіе или притѣсненіе отъ полиціи, то Кесарь Степановичъ заступится. А главное, что полиція сюда почему-то и дѣйствительно съ полицейскими цѣлями не ходила.

Въроятно не хотѣла, чтобы про нее было что-нибудь написано государю. Это обыкновенно имѣлось въ виду при наймѣ квартиръ, и нетребовательный жилецъ переѣзжалъ въ шіановскія развалины съ приятнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь хоть и «худовато, да спокойно».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Дорожа «спокойностью», въ шіановскіе закутки набиралась всякая нищета и мелкота, иногда очень характерная и интересная.

Аристократію составляли захудалое армейское офицерство и студенты-медики пятаго курса, которымъ надо было ходить въ клинику военнаго госпиталя. Эти были менѣе всѣхъ некательны насчетъ покровительства и протекціи, но Кесарь Степановичъ, впрочемъ, и имъ иногда сулил свои услуги.

— Люблю молодежь, — говорилъ онъ, и сейчасъ же, вздох-

пувь, прибавлять: — но зато спасибо имъ, и они меня лю-
бятъ. Бѣдные ребятки понимаютъ, что безрукій совѣтъ
готовъ бы ихъ затѣснить, да не смѣетъ,—боится...

Боялся онъ, разумеется, страхового письма.

Студенты, впрочемъ, къ полковнику за содѣлствіемъ не
обращались и даже слегка надъ нимъ подтрунивали, или
просто его избѣгали.

Иногда встрѣчались такіе, которымъ и самъ Кесарь Сте-
пановичъ, и его защитительная предупредительность каза-
лись очень подозрительными. Думали, будто онъ можетъ слу-
жить Бѣгови и мамону... Но «сѣрый жилецъ», т. е. публика
изъ простолюдиновъ, и особенно старовѣры, которымъ въ
тогдашнее сердитое время приходилось очень жутко, питали
къ нему безграничное довѣріе.

Эти отношенія мнѣ представлялись тогда очень стран-
ными, и я никакъ не могъ понять, происходило ли это до-
вѣріе къ Кесарю отъ большого практическаго ума или отъ
недоразумѣнія. Но такъ или иначе, а репутація дома все-
таки на этомъ выигрывала, и теперь это воспоминается
мнѣ мило и живо, какъ веселая старая сказка, подъ которую
сквозь какую-то теплую дрему свѣжо и ласково улыбается
сердце...

Люди нынѣшняго банковаго періода должны намъ про-
стить романтическую чепуху нашего молодого времени.

Явнымъ противорѣчіемъ между словомъ и поступками
Берлинскаго было то, что безиредѣльно храбрый въ своихъ
импровизацияхъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ съ властями
былъ очень предусмотрителенъ и, можетъ-быть, даже иска-
теленъ. Такъ, напримѣръ, считая Вибикова не только не
выше себя, но даже вѣскольکو ниже, по крайней мѣрѣ въ
томъ отношеніи, что онъ могъ писать о немъ, что угодно,
государю, Кесарь Степановичъ иногда надѣвалъ мундиръ и
являлся въ «Линки» къ Вибикову. Политиканы, склонные
къ обобщеніямъ, придавали этому большое значеніе и подо-
зрительно истолковывали такіе визиты въ неблагопріятномъ
смыслѣ; но всего вѣроятнѣе полковника заводила къ гене-
ралъ-губернатору просто нужда, въ которой Вибиковъ ему,
можетъ-быть, помогать изъ обширныхъ средствъ, находив-
шихся въ его безотчетномъ распоряженіи. Простолюдины
же толковали это совѣтъ иначе и получали выводы пре-
красные; они говорили:

— Пань-то, батюшка, воинь-то пань галицкій, Кесарій Степановичъ, овить пополозь ругать Бибика. Пуцай его пробереть недобраго.

Сажинь сказываль, что Бибиковъ даже и это зналь, и очень надъ этимъ смѣялся, а отношеній своихъ къ Берлинскому все-таки нимаю не измѣняль и не отказывался быть ему полезнымъ.

Такимъ образомъ Берлинскій, позабытый или незамѣчаемый въ выснихъ сферахъ кѣвскаго общества, въ которомъ не было и нѣтъ дворянской знати, въ среднемъ слоѣ слыль чудакомъ, котораго потихоньку вышучивали, но зато въ низшихъ слояхъ былъ героемъ, съ феноменальною и грандіозною репутаціею, которая держалась чрезвычайно крѣпко и привлекла подъ нѣяновскія текучія крыши два безнодобрѣйшіе экземпляра самаго заматорѣлаго во тѣмъ «древляго благочестія», изъ разряда «опасныхъ немоляковъ».

Впрочемъ, пока до нихъ, посмотримъ еще одно вводное лицо, — это кварталный-классикъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Была одна статья, которая, кажется, непременно должна бы бросить дѣль на независимость и отвагу Кесаря, — это операціи, имѣвшія цѣлю поддержаніе «нѣяновскихъ пужниковъ».

Всѣ набитые сбродомъ дома и домишки, хлѣвушки и закуточки Шѣяновскихъ улицъ давно валялись, а починять ихъ строго запрещалось суровымъ Бибиковскимъ эдиктомъ о «преобразованіи». Но о Берлинскомъ говорили такъ, что онъ этихъ эдиктовъ не признаеть, и что Бибиковъ не смѣеть ему воспретить дѣлать необходимыя починки, ибо самъ государь желаль, чтобы домъ, гдѣ живетъ Кесарь Степановичъ, былъ сохраненъ въ крѣпости. Между тѣмъ, какъ думаль объ этомъ Бибиковъ, было неизвѣстно, а починки были крайне пужны, особенно въ крышахъ, которыя прогудили, проросли и текли по всѣмъ швамъ. И что же? наперекоръ всѣмъ Бибиковскимъ запрещеніямъ, крыши эти чинились, но какъ? Этотъ способъ достоинъ занесенія его въ кѣвскую хронику.

Къ Кесарю Степановичу былъ входъ и почему-то попользовался его расположеніемъ мѣстный кварталный, котораго, поминься, какъ будто звали Діонисій Ивановичъ или

Иванъ Діонисовичъ. Онъ былъ полу-хохолъ, полу-полякъ, а по религіи «изъ тунгусскаго исповѣданія». Это былъ человѣкъ пожилой и очень неопрятный, а подчасъ и занѣбавшійся хмелемъ, но службистъ, закоповѣдъ и разнаго мастерства художникъ. Притомъ, какъ человѣкъ, получившій воспитаніе въ какихъ-то іезуитскихъ школахъ, онъ зналъ отлично по-латыни и говорилъ на этомъ языкѣ съ какимъ-то престарѣлымъ униатскимъ пономъ, который проживалъ гдѣ-то на Рыбальской улицѣ за лужею. Латынь служила имъ для объясненій на базарѣ по преимуществу о дороговизнѣ продуктовъ и о другихъ предметахъ, о которыхъ они, какъ чистые аристократы ума, не хотѣли разговаривать на низкомъ нарѣчьи племеевъ.

Въ служебномъ отношеніи, по части самовознагражденія классикъ придерживался старой доброй системы — натуральной повинности. Денежныхъ взятковъ классикъ не вымогалъ, а вималъ съ прибывающихъ на нечерскій базаръ возовъ, «что кто привезъ съ того и по штукѣ, —щобъ никому не было обиды». Если на возу дрова, то дровъ по ногѣну, капуста — то по кочану капусты, зерна по пригоршнѣ и такъ все до мелочи, со всѣхъ поровну, «якъ отъ Бога показано».

Гдѣ именно было такое показаніе отъ Бога — это зналъ одинъ классикъ, въ памяти котораго жила огромная, но пресстранная текстуализація изъ «Божого писанія» и особенно изъ апостола, Павла.

— Осъ у писаніи правда сказано, що «хлопъ якъ бувъ собі дурень, такъ вінъ дурнемъ и подохне».

Мужикъ слушалъ и, можетъ-быть, вѣрилъ, что это о немъ писано. А въ другой разъ классикъ приводилъ уже другой текстъ:

— Тоже, видать, правда, що каже апостоль Павелъ: «бій хлона по потылицѣ», —и такъ какъ за этимъ слѣдовала сама потылица, то вѣры тому было еще болѣе.

Натуральную подать принималъ ходившій за классикомъ нарочито учрежденный *custos*. Онъ все бралъ и сносилъ на шяновскій дворъ, гдѣ у квартальнаго въ какомъ-то закоулочкѣ была ветхая, но помѣстительная амбарушка. Тутъ все получаемое складывали и отходили за дальнѣйшимъ сборомъ, а потомъ въ свободное время все это сортировали и пѣчто пригодное для домашняго обихода брали домой, а

другое приготавливали къ промѣну на вещи болѣе подходящія. Словомъ, тутъ былъ свой маленькій мѣновой дворъ, или караванъ-сарай взяточныхъ продуктовъ, полученныхъ отъ хлоповъ, которыхъ апостолъ Павелъ «казавъ битъ по потылицѣ»

Платилъ ли что Иванъ Діонисовичъ за этотъ караванъ-сарай — не знаю, но зато онъ дѣлалъ дому всякія льготы, значительно возвышавшія репутацію «покойности» здѣшнихъ, крайне плохихъ на взглядъ, но весьма богохранимыхъ жилищъ.

Тутъ не бывало никакихъ обысковъ, тутъ, по рассказамъ, жило не мало людей съ плохими паспортами кромскаго, нѣжинскаго и мѣстнаго кіевскаго приготовленія. Обыкновенные сорта фальшивыхъ паспортовъ приготавливались тогда по всему главному пути отъ Орла до Кіева, но самыми лучшими слыли тѣ, которые дѣлали въ Кромахъ и въ Дмитріевѣ на Свапѣ. Въ шіановскихъ домахъ, впрочемъ, можно было обходиться и вовсе безъ всякихъ паспортовъ, но главное, что тутъ можно было дѣлать на полной свободѣ,—это *молиться Богу, какъ хочешь*, т. е. какимъ хочешь обычаемъ.

Последнее обстоятельство и было причиною, что на этотъ дворъ, подъ команду полковника Берлинскаго, приснастился оригинальнѣйшій богомолецъ. Сей бѣ именемъ Малахія, старецъ, прибывшій въ Кіевъ для совершенія тайныхъ требъ у старовѣровъ, которые пришли строить каменный мостъ съ англичаниномъ Виньёлемъ. Старецъ Малахія, въ просторѣчій Малафей Пимычъ, былъ привезенъ своими единовѣрцами «изъ невѣдомаго ключа» и «сокрытъ» въ шіановскихъ закоулкахъ «подъ тайностію». Все это въ надеждѣ на Кесаря—ибо имя его громко звучало по простолюдью дальше Орла и Калуги.

При старцѣ былъ отрокъ лѣтъ двадцати трехъ, котораго звали Гіезій.

Было ли это его настоящее имя, или только шуточная кличка—теперь не знаю, а тогда не интересовался это разслѣдовать.

Имени Гіезій въ православныхъ мѣсяцесловахъ нѣтъ, а былъ такой отрокъ при пророкѣ Елисеѣ. Можетъ быть, это оттуда и взято.

Какъ старецъ Малафей, такъ и его отрокъ были чудаки первой степени и поселены они были въ шіановской сло-

бодѣ въ расчетахъ на защиту «печерскаго Кесаря». Но прежде, чѣмъ говорить о старцѣ и его мужественномъ отроцѣ, окончу объ Иванѣ Діонисовичѣ и о его художествахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

У латыниста квартального было два искусства, изъ коихъ однимъ онъ хвастался, а о другомъ умалчивалъ, хотя собственно второе въ общественномъ смыслѣ имѣло гораздо большее значеніе.

Иванъ Діонисовичъ хвалился тѣмъ, что онъ «самъ себя стригъ». Это, можетъ-быть, покажется кому-нибудь пустяками, но пусть кто угодно на себѣ это попробуетъ, и тогда всякъ легко убѣдится, что остричь самому себя очень трудно и требуетъ большой ловкости и таланта. Второе же дѣло, которое еще болѣе артистически исполнилъ, но о которомъ умалчивалъ квартальный, относилось къ антикварному роду: онъ зналъ секретъ, какъ «старить» новыя доски для того, чтобы ими подшивать ночью прогнившія крыши. И дѣлалъ онъ это такъ, что никакой глазъ не могъ отличать отъ стараго новыхъ заплатахъ его мастерскаго приготовленія.

Въ томъ самомъ караванъ-сараѣ, гдѣ складывались натуральныя подати съ базарныхъ торговцевъ и производилась мѣновая торговля, тутъ же у Ивана Діонисовича была и антикварная мастерская. Здѣсь находились дрань, лубья и деготь или колесная смола, по-малороссійски «коломазь». Все это было набрано на базарѣ съ торговцевъ безданно, безпощинно и назначалось въ дѣло, которое, при тогдашнихъ строгостяхъ, заключало въ себѣ много тайности и не мало выгодъ. Химія производилась въ огромномъ старомъ корытѣ съ разведеннымъ въ немъ коровьимъ пометомъ и другими элементами, образующими новыя соединенія. Элементы все были простые: навозъ, песокъ, смола и зерна овса «для проросли». Въ этомъ корытѣ лежали приготавливаемые для антикварныхъ работъ лубы и драницы. Они подвергались довольно сложному процессу, за которымъ классикъ наблюдалъ не хуже любого техника, и новому матеріалу придавался видъ древности изумительно хорошо и скоро. Квартальный самъ дошелъ до того, какъ составлять этотъ античный колоритъ и пускать по нему эту веселую зелененькую проросль отъ разнѣженныхъ овсяныхъ зеренъ. Стоило приготовленную такимъ способомъ доску приколотить

па мѣсто и какъ «Бибики» около нея ни развѣзжай, ничего онъ не отличить.

Дошелъ до этого производства Иванъ Діонисовичъ, вѣроятно, изъ тѣхъ побужденій, чтобы у него не пропадали такіе продукты, какъ лубья и коломазь, для которыхъ нельзя было найти особенно хорошаго сбыта въ ихъ простомъ видѣ.

Кажется, кварталный иногда самъ и приколачивалъ приготовленные имъ заплатки, а, впрочемъ, я достовѣрно этого не знаю. Знаю только, что онъ ихъ приготовлялъ и притомъ приготовлялъ въ совершенствѣ.

Способъ нанесенія этого матеріала на ветхія постройки былъ простъ: избиралась ночь потемнѣе, и къ утру дѣло было готово. На слѣдующій день Кесарь Степановичъ ходилъ, гулялъ, поглядывалъ и говорилъ, улыбаясь:

— Что? много взялъ, безрукій!

А ему отвѣчали:

— Что онъ противъ тебя можетъ!

Такъ и это все шло въ подтвержденіе, что Бибикивъ ничего будто противъ «Кесаря» сдѣлать не можетъ, а тѣмъ временемъ пришла постройка моста и къ Виньелю притекла масса людей, изъ которыхъ много было раскольниковъ. Эти привезли съ собою образа и своихъ «молитвенниковъ», между которыми всѣхъ большей тайности и охранѣ подлежалъ уже разъ упомянутый старецъ Малафей. Онъ былъ «филиппонъ» (т. е. филипповецъ) и «немолякъ», т. е. такой сектантъ, который ни въ домашней, ни за общественной молитвой о царѣ не молился. Такіе сектанты, при тогдашнемъ маломъ знаніи и пониманіи духа русскаго раскола, почитались «опасными и особенно вредными».

Большинство людей, даже очень умныхъ, смотрѣли на этихъ наивныхъ буквѣдъ, какъ на политическихъ злоумышленниковъ и во всякомъ случаѣ «недруговъ царскихъ».

Этого не избѣгали наши старинные законовѣды и новѣйшіе тенденціозные фантазеры въ родѣ Щапова, который принесъ своими мечтательными изъясненіями старовѣрчества существенный вредъ нѣжно любимому имъ расколу.

Куда было дѣтъ въ Кіевѣ такого опаснаго старца, какъ Малахія? гдѣ его помѣстить такъ удобно, чтобы онъ самъ былъ цѣль и чтобы можно было у него «поначаться» и

вкусить съ нимъ сладость молитвеннаго общенія? Христолюбцамъ предлагала серьезная забота, «гдѣ сохранить старичка отъ Бибика».

Но гдѣ же лучше можно было устроить такого особеннаго богослова, какъ не въ «шіяновскихъ нужникахъ». Сюда его и привела подѣ крыло печерскаго «Кесаря» громкая слава дѣла этого независимаго и безстрашнаго человѣка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Старца Малафея съ его губатымъ отрокомъ въ шіяновскихъ палестинахъ водворили два какіе-то каменщика. Эти люди приходили осматривать помѣщеніе съ большими предосторожностями. О цѣнѣ помѣщенія для старца они говорили съ барышней, которая вѣдала домовые счета, а потомъ бесѣдовали съ Кесаремъ Степановичемъ о чемъ-то гораздо болѣе важномъ.

Это тогда заинтересовало всѣхъ близкихъ людей.

Каменщики были люди вида очень степеннаго и внушительнаго, притомъ со всѣми признаками самаго высокопробнаго русскаго благочестія: чолочки на лобикахъ у нихъ были подстрижены, а на маковкахъ въ честь Господню гурменца пробриты; говоръ тихій, а взглядъ умѣренный и «поникновенный».

О деньгахъ за квартиру для старца и его отрока раскольники не спорили. Очевидно, это было для нихъ послѣднимъ дѣломъ, а главное было то, о чемъ говорено съ Кесаремъ Степановичемъ.

Онъ ихъ «исповѣдывалъ во всѣхъ догматахъ» ихъ вѣры и — надо ему отдать честь — пришелъ къ заключеніямъ весьма правильнымъ и для этихъ добрыхъ людей благоприятнымъ.

На наши разспросы: чтѣ это за необыкновенные люди, онъ намъ чисто съ военною краткостію отвѣчалъ:

— Люди прекрасные и дураки.

Результатомъ такого быстраго, но правильнаго опредѣленія было то, что злосчастные раскольники получили разрѣшеніе устраиваться въ подлежащемъ отдѣленіи «шіяновскихъ нужниковъ», а квартальный-классикъ въ слѣдующую же ночь произвелъ надъ крышею отданнаго имъ помѣщенія надлежащія антикварныя поправки.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Подъ старца была занята довольно обширная, но весьма убогая хоромина,—впрочемъ, въ самомъ излюбленномъ раскольничьемъ вкусѣ. Это была низенькая, полудеревянная, полумазанная, совершенно отдѣльная хибара. Она стояла гдѣ-то на задворкѣ и была ни откуда не видима. Точно она здѣсь нарочно построена въ такомъ сокрытіи, чтобы править въ ней нелегальныя богомольства.

Чтобы добраться до этого, буквально сказать, молитвеннаго хлѣва, надо было пройти одинъ дворъ, потомъ другой, потомъ завернуть еще во дворикъ, потомъ пролѣзть въ закоулочекъ и оттуда пройти черезъ дверь съ блочкомъ въ дровиную закуточку. Въ этой закуточкѣ былъ сквозной ходъ еще на особый маленькій дворинко, весь закрытый пупомъ поднявшеюся высокою навозною кучею, за которою по сторонамъ ничего не видно. Куча была такъ высока, что закрывала торчавшую изъ ея середины высокую шелковицу или рябину почти по самыя вѣтви.

Хатина имѣла три окна и все они въ рядъ выходили на упомянутую навозную кучу, или, лучше сказать, навозный холмъ. При хатѣ имѣлись дощатые сѣни, надъ дверями которыхъ новые наемщики тотчасъ же по водвореніи водрузили небольшой мѣдный литой крестъ изъ тѣхъ, что называютъ «корсунчиками».

Съ другой стороны на кучу выходило еще одно маленькое окно. Это принадлежало другому, тоже секретному помещенію, въ которое входили со второго двора. Тутъ жили двѣ или три «старницы», къ которымъ ходили молиться раскольники иного согласія — «тропарники», т. е. пѣвшіе тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя». Я въ тогдашнее время плохо понималъ о расколѣ и не интересовался имъ, но какъ теперь соображаю, то это, должно быть, были поморцы, которые издавна уже «къ тропарю» склонялись».

Молитвенная хата, занятая подъ старца Малафея, до настоящаго найма имѣла другія назначенія: она была когда-то банею, потомъ птичною, «индѣчной разводкою», т. е. въ ней сиживали на гнѣздахъ индѣйки-насѣдки, а теперь, наконецъ, въ ней поселился святой мужъ и учредилась «моленна», въ знакъ чего надъ притолками ея дощатыхъ сѣней и утверждены были мѣдный «корсунчикъ».

Въ противоположность большинству всѣхъ помѣщений пѣяновскаго подворья, эта хата была необыкновенно теплая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старца Малахію каменщики привезли позднимъ вечеромъ на парныхъ деревенскихъ саняхъ и прямо привели его во храмшу и заключили тамъ на безысходное житье.

Убранства хатѣ никакого не полагалось, а что было необходимо, то сами же прихожане устроили безъ всякой посторонней помощи.

Мы ее однажды осматривали черезъ окно, при посредствѣ отрока Гіезія, въ тѣ часы, когда Малафей Пимычъ, утомясь въ жаркій день, «держалъ опочивъ» въ сѣнничкахъ. По одной стѣнѣ горенки тянулись въ два тябла старинныя иконы, передъ которыми стоялъ аналой съ поклонною «рогозинкою», въ углу простой деревянный столъ и предъ нимъ скамья, а въ другомъ углу двѣ скамьи, поставленныя рядомъ. Въ одномъ концѣ этихъ скамеекъ былъ положенъ толстый березовый обрубокъ, покрытый обрывками старой крестьянской свиты.

Это была постель старца, который почивалъ по правиламъ доблаго житія, «не имѣя возглавицы мягкія».

Для отрока Гіезія совсѣмъ не полагалось никакой ни утвари, ни мебелировки. Онъ велъ житіе не только иноческое, но прямо спартанское: пилъ онъ изъ берестяного сверточка, а спалъ лѣто и зиму на пеккѣ.

Старець «цѣпилъ», т. е. полагалъ «началъ» чтенію и пѣнію, исповѣдалъ и крестилъ у своихъ раскольниковъ, а Гіезій состоялъ при немъ частію въ качествѣ дьячка, т. е. «аминилъ» и читалъ, а частію въ родѣ слуги и послушника. Послушаніе его было самое тяжкое, но онъ несъ его безропотно и съ терпѣніемъ немовѣрнымъ. Старець его никуда почти не выпускалъ, «кромѣ торговой нужды», то есть хожденія за покупками; томилъ его самымъ суровымъ постомъ и притомъ еще часто «началилъ». За малыя прегрѣшенія «началенье» производилось ременною лѣстовицею, а за болѣе крупныя грѣхи — концомъ веревки, на которой бѣдный Гіезій самъ же таскалъ для старца воду изъ колодца. Если же вина была «особливая», тогда веревка еще нарочно смачивалась и оттого удары, ею наносимые синиѣ отрока, были больнѣе.

Старца Малахію мы никогда вблизи не видали, кромѣ того единственнаго случая, о которомъ наступить разсказъ. Извѣстно было только одно общее очертаніе его облика, схваченное при одномъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ появился какой-то нужды ради передъ окномъ. Онъ былъ роста огромнаго, съды и бѣлобородъ и даже съ празеленью: очи имѣлъ монурья и почти совсѣмъ невидныя за густыми, длинными и тяжело нависшими бровями. Лѣтъ старцу, по жаружности судя, было близко къ восьмидесяти; онъ былъ сильно сутуль и даже согбенъ, но плотенъ и несомнѣнно еще очень силенъ. Волосы на его головѣ были острижены не въ русскій кружокъ, а какими-то клоками; можетъ-быть, «постризало» на нихъ уже и «не восходило», а они сами не росли отъ старости. Одѣтъ онъ былъ всегда въ чернѣй мухояръ и черезъ плечи его на грудь висѣла длинная связка какихъ-то шаровъ, похожихъ на толстыя баранки. Связка эта спускалась до самаго пупа и на пупѣ приходился крестъ, вершка въ три величиною. Это были четки.

Голосъ старца былъ яко кимваль бряцающій, хотя мы сподоблены были слышать въ его произношеніи только одно слово: «парень». Это случалось, когда старецъ кликалъ изъ двери Гіезія, выходявшаго иногда посидѣть на гноищѣ у шелковицы или рябины.

Болѣе старецъ былъ не видимъ и не слышанъ, и судить о немъ было чрезвычайно трудно; но Кесарь Степановичъ и его характеризовалъ краткимъ опредѣленіемъ:

— Дуракъ присноблаженный.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Гіезія мы знали несравненно ближе, потому что этотъ, по молодости своей, самъ къ намъ бился, и, несмотря на то, что «дѣдушка» содержалъ его въ безмѣрной строгости и часто «началилъ» то лѣстовницей, то мокрой веревкой, отрокъ все-таки находилъ возможность убѣгать къ намъ, и вель себя въ нашемъ растлѣнномъ кругѣ не совсѣмъ одобрительно. Зато, какъ ниже увидитъ читатель, съ нимъ однажды и воспослѣдовало такое бѣдствіе, какое навѣрное ни съ кѣмъ другимъ не случалось: онъ былъ окормленъ *человѣчьимъ мясомъ*... Или, точнѣе сказать, онъ имѣлъ не-счастіе думать, будто надъ нимъ было совершено такое

коварство «учеными», въ которыхъ онъ видѣлъ прирожденныхъ враговъ душевнаго спасенія.

Впередъ объ этомъ ужасномъ случаѣ будетъ разсказано обстоятельно.

Отроку, какъ я выше сказалъ, было двадцать два года. «Отрокъ», по примѣненію къ нему, не выражало поры его возраста, а это было его званіе, или, лучше сказать, его санъ духовный. Онъ былъ ширококорожаго великорусскаго обличья, мордаты и губасты, съ русыми волосами и голубыми глазами, имѣвшими страшное, пытливое и въ то же время совершенно глупое выраженіе. Румянецъ пробивался на его лицѣ гдѣ только могъ, но нигдѣ просторно не распространялся, а проступалъ пятнами и отъ того молодое, едва опухавшееся мягкою бородкою, лицо отрока имѣло видъ издоровый, и въ то же время нездоровый. Бываютъ такія собаки, которыя «въ щенкахъ заморены». Видно, что породиста, да отъ заморы во всю свою природу не достигаетъ.

По уму и многимъ свойствамъ своего характера, Гіезій былъ несовершеннѣйшимъ выразителемъ того русскаго типа, который мѣтко и сильно рисуетъ въ своей превосходнѣйшей книгѣ профессоръ Ключевскій, т. е. «заматорѣлость въ преданіяхъ и никакой идеи». Сдѣлать что-нибудь иначе, какъ это заведено и какъ дѣлается, Гіезію никогда не приходило въ голову: это помогало ему и въ его отроческомъ служеніи, въ которое онъ, по его собственнымъ словамъ, «вданъ былъ родительницею до рожденія по оброку».

Это разъяснялось такъ, что у его матери была несносная болѣзнь, которую она, со словъ какихъ-то врачей, называла «азіятикъ»; болѣзнь эта происходила отъ какихъ-то пропсковъ злого духа. Бѣдная женщина долго мучилась и долго лѣчилась, но «азіятикъ» не проходилъ. Тогда она дала обѣтъ балыкинской Божіей Матери (въ Орлѣ), что если только «азіятикъ» пройдетъ и послѣ исцѣленія родится дитя мужскаго пола, то «вдастъ его въ услуженіе святому мужу, въ мѣру возраста Христова», т. е. до тридцати трехъ лѣтъ.

Послѣ такого обѣта больная, заступленіемъ балыкинской Божіей Матери, выздоровѣла и имѣла вторую радость—родила Гіезія, который съ восьми лѣтъ и началъ исполнять материнъ обѣтъ, проходя «отроческое послушаніе». А до 33 лѣтъ ему еще было далеко.

Старецъ на долю отрока Гіезіа вышалъ, можетъ-быть, и весьма святой, и благочестивый, но очень суровый и, по словамъ Гіезіа, «столько объ него мокрыхъ веревокъ обначалилъ, что можно бы по нимъ уже десяти человѣкамъ до неба взойти».

Но ученіе правиламъ благочестія Гіезію давалось плохо и не памятно. Несмотря на свое рожденіе по священному обѣту, онъ, по собственному сознанію, былъ, «отъ природы блудливъ». То онъ сны нехорошіе видѣлъ, то кошикамъ хвосты щемилъ, то мирился съ никоніанами, или «со иновѣрными спорился». А бѣсъ, всегда неравнодушный ко спасенію людей, стремительно восходящихъ на небо, безпрестанно подставлялъ Гіезію искушенія и тѣмъ оныя подводилъ его подъ мокрую веревку.

На піяновскомъ дворѣ, который былъ удаленъ отъ всякаго шума, Гіезіи прежде всего впалъ въ распри съ тѣми поморами, окно которыхъ выходило на ихъ совмѣстную навозную кучу, раздѣлявшую «ихъ согласія».

Какъ поморы, бывало, начнутъ пѣть и молиться, Гіезіи зализаетъ на рябину и дразнить ихъ оттуда, крича:

— Тропарі—мытари.

А тѣ не выдержатъ и отвѣчаютъ:

— Немоляки—раскоряки.

Такъ обѣ вѣры были взаимно порицаемы, а послѣдствіемъ этого выходили стычки и «камнемѣтаніе», заканчивавшіяся иногда разбитіемъ оконъ съ обѣихъ сторонъ. Въ заключеніе же всей этой духовной распри, Гіезіи, какъ непосредственный виновникъ столкновеній, былъ «началенъ» веревкою и иногда ходилъ дня по три согнувшись.

Затѣмъ, разумѣется, и Богъ, и старецъ его прощали, но онъ скоро впадалъ еще въ большія искушенія. Одно изъ таковыхъ ему едва не стоило потери разсудка и даже самой жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

При полномъ типическомъ отсутствіи идей, у Гіезіа была пытливость и притомъ самая странная. Онъ любилъ задавать такіе неожиданные вопросы, которые въ общемъ напоминали вопросы дѣтей.

Приблизить, бывало, подъ окно и спрашиваетъ:

— Отчего у льва грива растетъ?

Ему отвѣчаютъ:

— Пошелъ ты прочь — почему я знаю, отчего у льва грива растетъ?

— А какъ же, говорятъ, въ чемъ состоитъ наука свѣтская?

Его прогоняютъ, а онъ при случаѣ опять пристаесть съ чѣмъ-нибудь подобнымъ, и это безъ всякой задней мысли или ироніи, — а такъ какой-то рефлексъ его толкнетъ, онъ и спрашиваетъ:

— Отчего рябина супротивъ крыжовника горче?

Но больше всего его занимали вещи таинственныя, для которыхъ онъ искалъ разъясненія въ природѣ. Напримерь, ему хотѣлось знать: «какое бываетъ сердце у грѣшника», и вотъ это-то любопытство его чуть не погубило.

Такъ какъ въ домѣ жило нѣсколько медицинскихъ студентовъ, между которыми бывали ребята веселые и шаловливые, то одинъ изъ нихъ пообѣщавъ разъ Гіезію «показать сердце грѣшника».

Для этого требовалось придти въ анатомическій театръ, который тогда былъ во временномъ помѣщеніи, на нынѣшней Владимірской улицѣ, въ домѣ Беретти.

Гіезій долго не рѣшался на такой рискованный шагъ, но страстное желаніе посмотрѣть сердце грѣшника его преодолѣло, онъ пришелъ разъ къ студентамъ и говоритъ:

— Есть теперь у васъ мертвый грѣшникъ?

— Есть, говорятъ, — да еще самый захватскій.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ, а потомъ галку съѣлъ и зарѣзался.

Гіезій заинтересовался.

— Меня завтра дѣдушка къ Батухину въ лавку за оливой къ лампадамъ пошлетъ, а я къ вамъ въ анатомію прибѣгу, покажите мнѣ сердце грѣшника.

— Приходи, — отвѣчаютъ, — покажемъ.

Онъ сдержалъ свое слово и явился блѣдный и смущенный, весь дрожа въ страхѣ несказанномъ.

Ему дали выпить мензурку препаративнаго спирта для храбрости, подъ видомъ «осмѣлительныхъ капель», сказавъ притомъ, что безъ этого нельзя увидать сердце.

Онъ выпилъ и ошалѣлъ, сердце онъ нашелъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ и вовсе не похожимъ на то, какъ

его себѣ представлялъ, судя по извѣстному лубочному листу: «сердце грѣшника — жилище сатаны». Чтобы увидѣть сатану въ сердцѣ, его уговорили выпить еще вторую мензулку, и онъ выпилъ и потомъ что-то ѣлъ. А когда съѣлъ, то студенты ему сказали:

— Знаешь ли, что ты съѣлъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Не знаю.

— А это ты, братецъ, съѣлъ котлету изъ человѣческаго мяса.

Гіезій поблѣднѣлъ и зашатался: съ нимъ совершенно неожиданно сдѣлался настоящій обморокъ.

Его насилу привели въ себя и ободрили, увѣряя, что котлета сжарена изъ мяса человѣка зарѣзавшагося, но отъ этого съ Гіезіемъ чуть не сдѣлался второй обморокъ и начались рвоты, такъ что его насилу привели въ порядокъ, и на этотъ разъ уже стали разувѣрять, что это было сказано въ шутку и что онъ ѣлъ мясо говяжье; но никакія слова на него уже не дѣйствовали. Онъ бѣгомъ побѣжалъ на Печерскъ къ своему старцу и самъ просилъ «сильно его поначалить», какъ слѣдуетъ отъ страшнаго прегрѣшенія.

Старецъ исполнилъ просьбу отрока.

И дорого это обошлось здоровью бѣднаго парня: дней десять послѣ этого происшествія мы его вовсе не видали, а потомъ, когда онъ показался съ ведромъ за плечами, то имѣлъ видъ человѣка, перенесшаго страшныя муки. Онъ былъ худъ, блѣденъ и самъ на себя не похожъ, а, вдобавокъ, долго ни за что ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить и не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

Послѣ, по особому къ одному изъ насъ довѣрію, онъ открылъ, что дѣдушка его «вдвойнѣ началилъ», т. е. призывалъ къ сему дѣланію еще другого случившагося тутъ благовѣрнаго христіанина, и оба имѣли въ рукахъ концы веревки, «свитые во двое», и держали «ихъ оборучь». И начали Гіезія въ углѣ въ сѣняхъ, уложивъ «мордою въ войлокъ, даже до той совершенной степени, что у него отъ визгу ротъ трубкой заостенѣлъ, и онъ всей памяти лишился».

Но на дѣдушку отрокъ все-таки нимало не ропталъ, ибо сознавалъ, что «бить былъ во славу Божію», и надѣялся черезъ это болѣе «съ мірскими не суетить и исправиться».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Кажется, это и въ самомъ дѣлѣ произвело въ немъ такой сильный переломъ, къ какому только была способна его живая и увлекающаяся натура. Онъ рѣже показывался и вообще уже не заводилъ ни разговоровъ съ нами, ни пререканій съ благоневѣрными поморами, которые «на тропарѣ повисли».

Къ тому же, обстоятельства неизмѣнились и поразмели нашу компанію въ разныя стороны, и старецъ съ отрокомъ на время вышли изъ вида.

Между тѣмъ, мостъ былъ оконченъ и къ открытію его въ Кіевъ ожидали государя Николая Павловича. Наконецъ и государь прибылъ, и на другой день было назначено открытіе моста.

Теперь ничего такъ не торжествуютъ, какъ тогда торжествовали. Вечеръ наканунѣ былъ оживленный и веселый: всѣ ходили, гуляли, толковали, но были люди, которые проводили эти часы и иначе.

На темномъ задворкѣ шіяновскихъ закутокъ и поморы, и филиппы молились, одни съ тропаремъ, другіе безъ тропари. Тѣ и другіе ждали необычайной для себя радости, которая ихъ благочестію была «возвѣщена во Псалтырѣ».

Около полуночи мнѣ довелось проводить одну дѣвицу, которая жила далеко за шіяновскимъ домомъ, а на возвратномъ пути у калитки я увидѣлъ темную фигуру, въ которой узналъ аястронофага Гіезія.

— Что это, — говорю, — вы въ такую позднюю пору на улицѣ?

— Такъ, — отвѣчаетъ, — все равно, нонче надо не спать.

— Отчего надо не спать?

Гіезій промолчалъ.

— А какъ это васъ дѣдушка такъ поздно отпустилъ на улицу?

— Дѣдушка самъ выслалъ. Мы вѣдь до самаго сего часа молились, — почитай сію минуту только зааминили. Дѣдушка говоритъ: «повыдь посмотри, что дѣется».

— Чего же смотрѣть?

— Како, — говоритъ, — «суетятъ иконы и чего для себя ожидаютъ».

— Да что такое, — спрашиваю, — случилось и чего особеннаго ожидаете?

Гіезій опять замылся, а я снова повторилъ мой вопросъ.

— Дѣдушка, говоритъ,—много ждуть. Имъ, дѣдушкѣ, вѣдь все изъ Исагыри открыто.

— Что ему открыто?

— Съ завтрашняго числа одна вѣра будетъ.

— Ну-у!

— Увидите сами, — до завтра это втайнѣ, а завтра всѣмъ царь объявитъ. И упротивные (т. е. поморы) тоже ждуть.

— Тоже объединенія вѣры?

— Да-съ; должно быть того же самага. У насъ съ ними нынче, когда наши на сѣдальняхъ на дворикъ вышли, межъ окно опять легкая война произошла.

— Изъ-за чего?

— Опять о тропарѣ заспорили. Наши имъ правильно говорили: «подождать бы вамъ тропарь-то голосить въ особину; завтра разомъ всѣ вообще запоемъ; столпомъ воздымемъ до самага до неба». А тѣ несогласны и отвѣчаютъ: «мы давно на тропарѣ основались и съ своего не снидемъ». Слово по слову и въ окно плевать стали.

Я полюбопытствовалъ, какъ именно это было.

— Очень просто,—говоритъ Гіезій:—наши имъ въ окно кукиши казать стали, а тѣ оттуда плюнули, и наши не уступили,—имъ то самое, наоборотъ. Хотѣли войну сдѣлать, да полковникъ увидѣлъ и закричалъ: «Цыт! всѣхъ изрублю». Перестали плевать и опять заиѣли, и всю службу до конца доправили и разошлись. А теперь дѣдушка одинъ остался и страсть какъ внѣ себя ходитъ. Онъ вѣдь завтра выходъ сдѣлаетъ.

— Неужели,—говорю,—дѣдъ наружу выльзетъ?

— Какъ-же-съ,—дѣдушка завтра на улицу пойдетъ, чтобъ на государя смотрѣть. Скоро сорокъ лѣтъ, говорятъ, будетъ, какъ онъ по улицамъ не ходилъ, а завтра пойдетъ. Ему ужъ наши и шляпу принесли; онъ въ шляпѣ и съ костылемъ идти будетъ. Я его поведу.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ я и простился съ Гіезіемъ, совсѣмъ не понявъ тѣхъ многозначительнѣйшихъ намековъ, которые заключались въ его малосвязномъ, но таинственномъ разказѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

День открытія «новаго моста», который нынче въ Кіевѣ называютъ уже «старымъ», былъ ясный, погожий и прескрасный по впечатлѣніямъ.

Всѣ мы тогда чувствовали себя необыкновенно веселыми и счастливыми, Богъ въсть отчего и почему. Никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ силѣ и могуществовѣ родины, историческій горизонтъ которой казался чистъ и ясенъ, какъ покрывавшее насъ безоблачное небо съ ярко горящимъ солнцемъ. Всѣ какъ-то смахивали тогда на воровъ послѣдняго тургеневскаго разсказа: прыгали, чикали, насканивали, и никому въ голову не приходило посмотреть, не рѣветъ ли гдѣ поверху ястребъ, а только бойчались и чикали:

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Воевать тогда многимъ ужасно хотѣлось. Начитанные люди съ патріотическою гордостью повторяли фразу, что «Россія — *государство военное*», и военные люди были въ большой модѣ и пользовались этимъ не всегда великодушно. Но главное — тогда мы были очень молоды и каждый изъ насъ провожалъ кого-нибудь изъ существъ, заставлявшихъ скорѣе биться его сердце. Волокитство и ухаживанья тогда входили въ «росписаніе часовъ дня» благопристойнаго россиянина, чему и можетъ служить наилучшимъ выраженіемъ «дневникъ Виктора Аскоченскаго», напечатанный въ 1882 г. въ «Истрическомъ Вѣстникѣ». И самъ авторъ этого «дневника», тогда еще молодцоватый и задорный, былъ среди насъ и даже, можетъ быть, служилъ для многимъ образцомъ въ тонкой наукѣ волокитства, которую онъ практиковалъ, впрочемъ, преимущественно «по купечеству». У женщинъ настоящаго свѣтскаго воспитанія онъ никакого успѣха не имѣлъ и даже не получалъ къ нимъ доступа. Аскоченскій одѣвался щеголемъ, но безъ вкуса, и не имѣлъ ни мягкости, ни воспитанности: онъ былъ дерзокъ и грубъ въ разговорѣ, очень непріятенъ въ манерахъ.

По словамъ одного изъ его кіевскихъ современниковъ, впоследствии профессора казанскаго университета, А. О. Яновича, онъ всегда напоминалъ «переодѣвшагося архіерея». Въ сіяющій день открытія моста Аскоченскій ходилъ въ панталонахъ рококо и въ свѣтлой шляпѣ на своей крутой го-

ловѣ, а на каждой изъ его двухъ рукъ висѣло по одной подольской барышнѣ. Онъ велъ дѣвицъ и металь встрѣчнымъ знакомымъ свои тушья семинарскія остроты. Въ этотъ же день онъ, остававшись надъ кручею, декламировать:

... Вотъ онъ—Дибѣрь,
Тотъ самый Дибѣрь, гдѣ вся Русь крестилась
И, по милости судьбы, гдѣ она омылась.

За этими стихами слѣдовало его командирское слово:

На молитву же, друзья:
Кіевъ передъ вами!

Послѣ все это вошло въ какое-то большое его призывное стихотвореніе, по обыкновенію, съ тяжелою версификаціею и съ массою неглагольныхъ рифмъ. Его муза, подъ пару ему самому, была своеирравна и очень неуклюжа.

О немъ хочется сказать еще два слова: «дневникъ» этого довольно любопытнаго человѣка напечатанъ, но, по-моему, онъ не только не выяснилъ, но даже точно закуталъ эту личность. По-моему, дневникъ этотъ, который я прочелъ *весь* въ подлинникѣ, имѣетъ характеръ сочиненности. Тамъ даже есть *пятна слезъ*, оросившія страницы, гдѣ говорится о подольскихъ кунеческихъ барышняхъ. Или есть такія замѣтки: «я пьянъ и не могу держать пера въ рукахъ», а между тѣмъ, это написано совершенно трезвою и твердою рукою...

Вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ хорошей безпристрастной замѣтки о треволненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ бы ему выбрать его злѣйшій врагъ. Праху его миръ и покой, но его жизненные невзгоды и карьерная игра характерны и поучительны. Кромѣ Виктора Ипатыча, тогда въ Кіевѣ водились еще и другіе поэты, въ плоской части доживавъ свой маститый вѣкъ Подолнскій, а по городу ходили одна молодая дѣвица и одинъ молодой кавалеръ. Дѣвица, подражая польской импровизаторшѣ Деотымѣ, написала много маленькихъ и очень плохихъ стихотвореній, которыя были ею изданы въ одной книжечкѣ подъ заглавіемъ: «Чувства патріотки». Складъ изданія находился въ

«аптекѣ для души», т. е. въ подольской библиотекѣ Павла Петровича Должикова. Стихотворенія совсѣмъ не шли, и Должиковъ иногда очень грубо издѣвался надъ этою книгою, предлагая всѣмъ «вмѣсто хлѣба и водки—чувства патріотки». Въ день открытія моста стихотворенія эти раздавались безденежно. На чей счетъ было такое угощеніе—не знаю. Подолинскій, кажется, еще жилъ, но не написалъ ничего, да про него тогда и позабыли, а Альфредъ фонъ-Юнгъ что-то пустилъ съ своего Олимпа, но чтѣ именно такое—не помню. Невозможно тоже не вспомнить объ этомъ добрѣйшемъ парнѣ, совершенно безграмотномъ и лишенномъ малѣйшей тѣни дарованія, но имѣвшемъ неодолимую и весьма разорительную страсть къ литературѣ. И онъ, мнѣ кажется, достоинъ благодарнаго воспоминанія отъ кіевлянъ, если не какъ поэтъ, то какъ самоотверженнѣйшій пионеръ—периодическаго издательства въ Кіевѣ. До Юнга въ Кіевѣ не было газеты, и предпринять ее тогда значило навѣрное разориться. Юнга это не остановило: онъ завелъ газету и вмѣсто благодарности встрѣчалъ отовсюду страшныя насмѣшки. По правдѣ сказать, «Телеграфъ» юнговскаго изданія представлялъ собою не мало смѣшного, но все-таки онъ есть *дѣдушка* кіевскихъ газетъ. Денегъ у Юнга на изданіе долго не было, и чтобы начать газету, онъ прежде пошелъ (во время Крымской войны) «командовать волами», т. е. погонщикомъ. Тутъ онъ сдѣлалъ какія-то сбереженія и потомъ все это самоотверженно повергъ и сожегъ на алтарѣ литературы. Это былъ настоящій литературный маньякъ, котораго не могло остановить ничто; онъ все издавалъ, пока совсѣмъ не на что стало издавать. Литературная неспособность его была образцовая, но, кромѣ того, его и преслѣдовала какая-то злая судьба. Такъ, напримѣръ, съ «Телеграфомъ» на первыхъ порахъ случались такіе анекдоты, которымъ, пожалуй, трудно и повѣрить; напримѣръ, газету эту цензоръ Лазовъ считалъ полезнымъ запретить «за невозможныя опечатки». Поправки же Юнгу иногда стоили дороже самыхъ ошибокъ: разъ, напримѣръ, у него появилась поправка, въ которой значилось дословно слѣдующее: «во вчерашнемъ №, на столбцѣ такомъ-то, у насъ напечатано: *«тшовица»*, читай: *«Богородица»*. Юнгъ былъ въ ужасѣ больше отъ того, что цензоръ ему выговаривалъ: «зачѣмъ-де поправлялся!»

— Какъ же не поправиться?—вопросалъ Юнгъ, и въ самомъ дѣлѣ надо было поправиться.

Но едва это сошло съ рукъ, какъ Юнгъ опять ходилъ по городу въ еще большемъ горѣ: онъ останавливалъ знакомыхъ и, вынимая изъ жилетнаго кармана маленькую бумажку, говорилъ:

— Посмотрите, пожалуйста, — хорошъ цензоръ! Чтò онъ со мною дѣлаетъ!—онъ мнѣ не разрѣшаетъ поправить вчерашнюю ошибку.

Поправка гласила слѣдующее: «вчера у насъ напечатано: кїевляне преимущественно всѣ *онанисты*, — читай *оптимисты*».

— Каково положеніе!—восклидалъ Юнгъ.

Черезъ нѣкоторое время Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ, однако, кажется, разрѣшилъ эту, въ самомъ дѣлѣ, необходимую поправку. Но былъ и такой случай цензорскаго произвола, когда поправка не была дозволена. Случилось разъ, что въ статьѣ было сказано: «неудивительно, что при такомъ воспитаніи вырастаютъ *недоблуды*». Лазовъ удивился, чтò это за слово? Ему объяснили, что хотѣли сказать «лизоблуды»; но когда вечеромъ принесли сводку номера, то тамъ стояло: «по ошибкѣ напечатано: *недоблуды*, — должно читать: *переблуды*». Цензоръ пришелъ въ отчаяніе и со всѣмъ вычеркнулъ поправку, опасаясь, чтобы не напечатали чего еще худшаго.

Пора, однако, возвратиться отъ литераторовъ къ старцу Малахїи, который украсилъ этотъ торжественный день своимъ появленіемъ въ поднесенной ему необыкновенной шляпѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Густыя толпы людей покрывали все огромное пространство городского берега, откуда былъ виденъ мостъ, соединившій Кїевъ съ черниговскою стороною Днѣпра. Только болѣе страстные до зрѣлищъ или особенно патронлируемые кѣмъ-нибудь изъ властныхъ нашли возможность протѣсниться «за войска», расположенныя внизу у вѣзда на мостъ и, наконецъ, шпалерами вдоль самаго моста. Но такихъ счастливецъ было немного, сравнительно съ огромными массами, покрывшими надбережные холмы, начиная отъ выдубицкаго монастыря и Аскольдовой могилы до террасъ, прилегающихъ къ монастырю Михайловскому. Кажется, безъ ошибки можно

сказать, что въ этотъ день вышло изъ домовъ все кievское население, чѣмъ тогда и объясняли множество благоуслѣбно одѣланныхъ въ этотъ день кражъ. И, несмотря на всю длину этой страшно растянутой береговой линіи, трудно было найти удобное мѣсто. Были люди, которые пришли сюда спозаранка съ провизіей въ карманахъ и крѣпко заняли всѣ наилучшія позиціи. Оттого зрителямъ, которые пришли позже, нужно было перемѣнять множество мѣстъ, пока удавалось стать такъ, что была видна «церемонія».

Были люди, которые взлѣзли на деревья, были и такіе смѣльчаки, которые прилѣпились къ песчанымъ выступамъ обрывовъ и иногда скатывались внизъ вмѣстѣ съ своимъ утлымъ подножьемъ. Случайности въ подобномъ родѣ вызывали веселый хохотъ и шутливыя замѣчанія. Было довольно неудовольствій по поводу общаго обращенія господъ военныхъ съ цивическимъ элементомъ, но все это до судовъ не доходило, военные люди тогда свободно угнетали «аршинниковъ, хамовъ и штафирокъ». Духовенство тоже претерпѣвало отъ этого заурядъ съ мірянами и тоже не жаловалось. Это было въ порядкѣ вещей. Военные, повторяю, чувствовали себя тогда въ большемъ авантажѣ и, по современному выраженію, «сильно форсировали». Они имѣли странный усилѣхъ въ кievскомъ обществѣ и часто позволяли себѣ много совершенно неприличнаго. Особенно одно время (именно то, котораго я касаюсь) среди офицеровъ ожесточенно свирѣствовало поголовное притворство въ остроуміи. Они осчастливили своимъ знакомствомъ и кунеческіе дома, и здѣсь вели себя такъ развязно, что передъ ними спасовать даже самъ Аскаченскій.

Изъ военныхъ шутокъ при открытіи моста я помню двѣ: у самой ограды бывшаго зданія минеральныхъ водъ появился какой-то нѣмецъ верхомъ на рыжей лошади, которая безпрестанно махала хвостомъ. Его просили отъѣхать, но онъ не соглашался и отвѣчалъ: «не понимаю». Тогда какой-то рослый офицеръ сдернулъ его за ногу на землю, а лошадь его убѣжала. Нѣмецъ былъ въ отчаяніи и побѣжалъ за конемъ, а публика смѣялась и кричала вслѣдъ:

— Что, братъ, понять, какъ по-военному!

Офицеръ прослушалъ это нѣсколько разъ и потомъ крикнулъ:

— Перестать, дураки!

Они и перестали.

Должно-быть, не любилъ лести.

Это, впрочемъ, была болѣе отвага, чѣмъ остроуміе; настоящее же остроуміе случалось на мѣстѣ болѣе скрытомъ и тихомъ, именно за оградю монастыря Малаго Николая.

На неширокой, но сорной и сильно вытопанной площадкѣ здѣсь мѣстилось всякое печерское разночинство и нѣсколько человѣкъ монашествующей братіи.

Были маститые иноки съ внушительными сѣдинами и легкомысленные слимаки съ ихъ дѣвственными гривами въ разметъ на какую угодно сторону.

Одинъ изъ иноковъ, повидимому, изъ почетныхъ, сидѣлъ въ креслѣ, обитомъ просаленною черною кожею и похожемъ по фасону своему не на обыкновенное кресло, а на госпитальное судно.

Къ этому иноку подходили простолюдины: онъ всѣхъ ихъ благословлялъ и каждого спрашивалъ буквально одно и то же:

— Чьи вы и изъ какой губерніи?

Получивъ отвѣтъ, инокъ поднималъ руку и говорилъ: «Богу въ пріемъ», а потомъ, какъ бы чувствуя нѣкую силу, изъ себя исшедшую, зѣвалъ, жмурилъ глаза и преклонялъ голову. Замѣтно было, что общее оживленіе его какъ будто совсѣмъ не захватывало и ему, можетъ-быть, лучше было бы идти спать.

На него долго любовались и пересмѣивались два молодыхъ офицера, а потомъ они оба вдругъ снялись съ мѣста, подошли къ иноку и довольно низко ему поклонились:

Онъ поднялъ голову и сейчасъ же спросилъ ихъ:

— Чьи вы и какой губерніи?

— Изъ Чревоматерняго,—отвѣчали офицеры.

— Богу въ пріемъ,—произнесъ инокъ и, преподавъ благословеніе, слова зажмурился. Но офицеры его не хотѣли такъ скоро оставить.

— Позвольте, батюшка, побезноконтъ васъ однимъ воспросомъ,—заговорили они.

— А что такое? какой будетъ вашъ вопросъ?

— Намъ очень хотѣлось бы отыскать здѣсь одного нашего земляка іеромонаха.

— А какой онъ такой и какъ его звать?

— Отецъ Строфокамилъ.

— Строфокамилъ? не знаю. У насъ, кажется, такого нѣтъ. А впрочемъ, спросите братію.

Нѣсколько человѣкъ подвинулись къ офицерамъ, которые, не теряя ни малѣйшей тѣни серьезности, повторили свой вопросъ братіи, но никто изъ иноковъ тоже не зналъ «отца Строфокамила». Одинъ только сообразилъ, что онъ вѣрно грекъ и посоветовалъ разыскивать его въ греческомъ монастырѣ на Подолѣ.

Кадетскіе корпуса тогда въ изобиліи пекли и выпускали въ свѣтъ такихъ и симъ подобныхъ остроумцевъ, изъ которыхъ потомъ, однако, выходили «севастопольскіе герои» и не менѣе знаменитые и воспрославленные «крымскіе воры», и «полковые морельщики».

До чего заносчиво тогда, передъ Крымскою войною, было офицерство и какія они себѣ позволяли иногда выходки, достойно вспомнить. Вскорѣ этому, вѣроятно, уже не будутъ вѣрить.

Разъ пріѣхалъ, напримѣръ, въ Кіевъ офицеръ Р. (впоследствии весьма извѣстный человѣкъ) и вдругъ сдѣлалъ себѣ блестящую репутацію тѣмъ, «что умѣлъ говорить дерзости». Это многихъ очень интересовало и офицера нарасхватъ зазывали на всѣ балки и вечеринки. Онъ ошалѣлъ отъ успѣховъ и дошелъ до наглости невѣроятной. Одинъ разъ въ домѣ нѣкоего г. Г—ва онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обругалъ цѣлое собраніе. Г. собралъ къ себѣ на вечеринку друзей и пригласилъ Ра—цкаго. Тотъ ослѣпительнѣе пріѣхалъ, но поздно и, не входя въ гостиную, остановился въ дверяхъ, оглянулъ всѣхъ въ лорнетъ, произнесъ: «какая, однако, сволочь!» и уѣхалъ... никѣмъ не побитый! Последнимъ финаломъ его пошлыхъ наглостей было то, что однажды въ Кинь-Грусти, стоя въ парѣ въ паркахъ съ извѣстною въ свое время г-жею П—сареною, онъ не тронулся съ мѣста, когда его дама побѣжала; ту это смутило и она спросила его: «почему же вы не обѣжате Ра—цкій» отвѣчалъ: «потому, что я боюсь упасть, какъ вы». Тогда его выпроводили, но только по особому указанію Библикова, который былъ особенно предупредителенъ къ этой дамѣ. Другой бѣдовый воитель былъ артиллеристъ Кас—аль. Этотъ больше всего поражалъ тѣмъ, что весьма проницательно являлся «въ лучшіе дома» на балахъ совершенно пьяный, хотя, впрочемъ, онъ и трезвый стоялъ пьянѣе.

До чего онъ могъ довести свою безцеремонность, свидѣтельствуемъ слѣдующій случай: разъ, танцуя въ домѣ Я. П. Пе—на, Кле—аль полетѣлъ вмѣстѣ съ своею дамою подъ столъ. Его оттуда достали и начали оправлять. Хозяинъ былъ смущенъ и замѣтилъ офицеру, что онъ уже слишкомъ веселъ, но тотъ не сконфузился.—«Да, отвѣчалъ Кле—аль,—я веселъ. Это моя сфера. Впрочемъ, здѣсь такъ и слѣдуетъ»,—и сію же минуту, не ожидая возраженія, онъ добавилъ:

— Скажите, пожалуйста, мнѣ говорили, будто тутъ есть какой-то г. Ве—ти — всѣ говорятъ, что онъ, будто, ужасный дуракъ, но отлично, каналы, кормить. Вотъ я очень хотѣлъ бы сдѣлать ему честь у него поужинать.

Хозяинъ смѣшался, потому что Ве—ти стоялъ тутъ же возлѣ, но самъ Ве—ти сейчасъ же пригласилъ этого шалуна на свои вечера, и это служило къ ихъ оживленію. — Третій припоминается мнѣ офицеръ расформированнаго нынче жандармскаго полка, К—ій, котораго одна, очень юная и милая, подольская барышня имѣла неосторожность полюбить, а полюбя, поцѣловала и при какомъ-то случаѣ подарила ему свой бѣлокурый локонъ. Офицеръ сохранилъ эту галантерейщину и не отказывался отъ поцѣлуевъ, но съ предложеніемъ женитьбы медлилъ. Родители же дѣвушки находили это несоотвѣтственнымъ, и дѣвушка была помолвлена за другого. Ни барышня, ни женихъ ни въ чемъ не были виноваты, но г. К—ій пришелъ къ нимъ въ домъ на именинное собраніе и съ грубымъ ругательствомъ бросилъ *невѣсть въ лицо* ея локонъ, а жениха ударилъ. Многимъ и этотъ, надѣлавшій шуму, поступокъ казался своего рода развеселымъ, но довольно позволительнымъ фарсомъ, и когда покойный чиновникъ генераль-губернатора Друкартъ, производя объ этомъ слѣдствіе, не поблажалъ К—му, то Друкарта осуждали за «грубость» къ интересному герою.

Впрочемъ, подобное ожесточенное свирѣйство мнѣстеровъ тогда было повсемѣстно въ Россіи, а не въ одномъ) Кіевѣ. Въ Орлѣ бывшій елисаветградскій гусарскій полкъ развѣшивалъ на окнахъ вмѣсто шторъ похабныя картины; въ Пензѣ, въ городскомъ скверѣ, взрослымъ барышнямъ завязывали надъ головами низы платьевъ, а въ самомъ Петербургѣ рвали снизу до верха шинели несчастныхъ «штафироковъ». Успокоила этихъ сорванцовъ одна изнанка Крым-

ской войны. Но оставимъ ихъ будущему историку культуры русскаго общества и поспѣвшимъ къ тѣмъ, непосредственно которыхъ гораздо интереснѣе.

Въ ту же минуту, какъ изъ глазъ моихъ скрылись офицеры, разспрашивавшіе монаховъ объ отцѣ Строфокампі, я замѣтилъ невдалекѣ одного моего товарища, который такъ же, какъ я, зналъ Берлинскаго, Малахію и Гіезія.

Пріятель меня спрашиваетъ:

— Видѣлъ ли ты морское чучело?

— Какое? говорю.

— А старца Малахая (онъ имѣлъ привычку звать его Малахаемъ).

— А гдѣ онъ?

— Да вотъ сейчасъ, говорить,—недалеко здѣсь налѣво, за инженерскимъ домомъ на кирпичахъ стоитъ. Иди, смотри его,—онъ восхитителенъ!

— Неужели, говорю,—въ самомъ дѣлѣ хорошъ?

— Описать нельзя, и самъ хорошъ, и притомъ обставленъ удивительно! Вокругъ него всѣ столпы древняго благочестія «вообще» и нашъ губошлennyй Гіезька, весь, подлець, деревяннымъ масломъ промасленъ... А на самого Малахая, увидишь, какую шляпу наложили.

— А что въ ней такого замѣчательнаго?

— Антикъ,—другой такой нѣтъ. Говорятъ, изъ Москвы, изъ Грановитой палаты выписали на поддержаніе,—еще самъ царь Горохъ носилъ.

Я не заставлялъ себя болѣе убѣждать и поспѣшилъ разыскивать старца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Надо вспомнить, что между монастыремъ Малаго Николая и крѣпостною башнею, подъ которой нынѣ проходятъ Никольскія ворота, былъ только одинъ старый, но преудобный домъ съ дворомъ, окруженнымъ тополями. Въ этомъ домѣ съ нѣкоторыхъ поръ жили кто-то изъ начальствующихъ инженеровъ. За это его, кажется, и не разломали. Стоило обойти усадьбу этого очень просторно расположеннаго дома и сейчасъ же надо было упереться въ отгороженный временнымъ заборчикомъ задворочекъ, который пріютился между башнею и садомъ инженернаго дома. На этомъ задворочкѣ были свалены разные строительные остат-

ки — доски, бревна, нѣсколько кулей съ известкой и нѣсколько кладокъ бѣлаго кѣвскаго кирпича. Тутъ же стояла и маленькая, тоже временная, хатка, въ которой жилъ сторожъ. У воротъ этого загражденія была и надпись, объявлявшая, что «постороннимъ лицамъ сюда входить строго воспрещается». Въ день открытiя моста запрещенiе слабо дѣйствовало и дало сторожу возможность открыть сюда входъ за деньги. Сторожъ, рыжій унтеръ, съ серьгою въ ухѣ и вишневымъ пятномъ на щекѣ, стоялъ у этой двери и самъ приглашалъ благонадежныхъ лицъ изъ публики вступить въ запрещенное мѣсто. По его словамъ, отсюда было «все видно», а плату за входъ онъ бралъ умѣренную, по «злотувѣ», т. е. по 15 коп. съ персоны.

Взнеся входную цѣну и переступивъ за дощатую фортку, я увидалъ передъ собою такой «пейзажъ природы», который нельзя было принять иначе, какъ за символическое видѣнiе.

Мусоръ всѣхъ сортовъ и названiй, обломки всего, что можетъ значиться въ смѣтѣ матеріаловъ, нужныхъ для возведенiя зданiя съ подземнаго бута до кровли: доски, бревна, известковыя носилки и тачки, согнутые и проржавленные листы стараго кровельнаго желѣза, цѣлый ворохъ обломковъ водосточныхъ трубъ, а посреди всего этого хлама, надъ самымъ берегомъ шесть или семь штабелей запаснаго кирпича. Сложены они были столбиками неравной высоты, одни — пониже, другiе немного повыше, и наконецъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ зрѣлося человѣчище прекрупное, вельми древнее и дебелое. Это стоялъ Малахiя. Одѣянъ онъ былъ благочестивымъ предковскимъ обычаемъ, въ синей широкой суконной чуйкѣ, спиной совсѣмъ, какъ старинный охабень, и отороченной по рукавамъ, по вороту и по правой полѣ какимъ-то дряннымъ подлѣзлымъ мѣхомъ. Одеждѣ отвѣчала и обувь: на ногахъ у старца были сапоги рыжiе съ мягкой козловою холивою, а въ рукахъ долгiй крашеный костыль; но что у него было на головѣ посажено, тому, дѣйствительно, и описанiя не сдѣлаешь. Это была шляпа, но кто ее дѣлалъ и откуда она могла быть въ нашъ вѣкъ добыта, того никакой многобывалый человѣкъ опредѣлить бы не могъ. Историческая полнота свѣдѣнiй требуетъ, однако, сказать, что штука эта была добыта почитателями старца Малахiи въ Кiевѣ, а до того сохранилась

въ тайникахъ магазина Козловскаго, гдѣ и обрѣтена была случайно приказчикомъ его Скрипченкомъ при перевозѣ рѣдкостей моды съ Печерска на Крещатику.

Шляпа представляла собою прѣвысокой плюшевой цилиндръ, съ самымъ смѣлымъ перехватомъ на серединѣ и съ широкими, совершенно ровными полями, безъ малѣйшаго загиба ни на бокахъ, ни сзади, ни спереди. Сидѣла она на головѣ словно рожонъ, точно, какъ-будто, она не хотѣла имѣть ни съ чѣмъ ничего общаго.

Величественная фигура Малафѣя Пимыча утвердилась здѣсь, вѣроятно, раньше всѣхъ, потому что позиція его была всѣхъ выгоднѣе: занимая самую высокую кладку кирпича, старецъ могъ видѣть дальше всѣхъ и самъ былъ всѣмъ виденъ.

Рядомъ съ Пимычемъ на кладкѣ, которая была немножко пониже, помѣщался Гіезій. Онъ былъ въ бутылочномъ азіячкѣ съ тремя христіанскими сборами на кострецахъ и въ суконномъ шлычкѣ безъ козырька. Онъ безпрестанно перемѣнялъ ноги и въ его покосившейся на одно плечо фигурѣ чуялась несносная скука, лѣнь и томительное желаніе шевельнуть затекшими ногами и брызнуть въ ходъ.

Вокругъ нихъ было еще не мало людей, пропущенныхъ крѣпостнымъ заказникомъ, но эти, по своей безцвѣтности, не останавливали на себѣ особеннаго вниманія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Часто вращавшійся по сторонамъ Гіезій замѣтилъ мое желаніе поближе полюбоваться его дѣдушкой и показалъ глазами, что можетъ потѣсниться и дать мнѣ мѣсто возлѣ себя.

У штабеля стоялъ опрокинутый известковый ящикъ, по которому я могъ подняться на такую высоту, что Гіезій подалъ мнѣ свою руку и поставилъ меня съ собою рядомъ.

Малафѣй Пимычъ не обратилъ на наше размѣщеніе никакого вниманія; онъ былъ похожъ на матерого волка, который на утрѣ вышелъ походить по насту; сѣрые глаза его горѣли дикимъ фанатическимъ огнемъ, но самъ онъ не шевелился. Онъ устремилъ взоры на мостъ, который отсюда виденъ былъ, какъ на ладони, и не смаргивалъ оттуда ни на мгновеніе. Но я забылъ и мостъ, и Днѣпръ, «гдѣ вся Русь крестилась», и даже всю церемонію, которая должна

сейчасъ начаться: всѣмъ моимъ чувствомъ овладѣлъ одинъ Пимычъ. Несмотря на свой чудной уборъ, онъ былъ не только поразительно и вдохновительно красивъ, но, если только простительно темнаго святотатственное слово, онъ былъ въ своемъ родѣ божественъ и притомъ характерно божественъ. Это не Юпитеръ и не Лаокоонъ, не Уллисъ и не Вейнслаиненъ, вообще не герой какой бы то ни было саги, а это стоялъ олицетворенный *символъ древляго благочестія*.

Если я долженъ его съ кѣмъ-нибудь сравнить, что всегда имѣеть своего рода удобство для читателя, то я предпочелъ бы всему другому указать на известную картину, изображающую урокъ стрѣльбы изъ орудія, даваемый Петру Лефортомъ. Отрокъ Петръ, горя восторгомъ, наводитъ пушечный прицѣлъ... Вся его огневая фигура выражаетъ страстное уносящее стремленіе. Лефортъ въ своемъ огромномъ парикѣ тихо любитъ царственнымъ ученикомъ. Нѣсколько молодыхъ русскихъ лицъ смотрять съ сочувствіемъ, но вмѣстѣ и съ недоумѣніемъ. На нихъ, однако, видно, что они желаютъ царю «попасть въ цѣль». Но тутъ есть фигура, которая въ своемъ родѣ не менѣе образна, типична и характерна. Это сѣдой старикъ въ старорусскомъ охабнѣ съ высокимъ воротомъ и въ высокой собольей шапкѣ. Онъ одинъ изъ всѣхъ не на ногахъ, а *сидитъ*—и сидитъ крѣпко; въ правой рукѣ онъ держитъ костыль, а лѣвою оперся въ ногу и смотритъ на упражненія царя вкось, черезъ свой локоть. Въ его глазахъ нѣтъ нечестивости къ Петру, но чѣмъ удачнѣе дѣлаетъ юноша то, за что взялся, тѣмъ рѣшительнѣе символическій старецъ не встанетъ съ мѣста. Зато, если Петръ не попадаетъ и отвернется отъ Лефорта, тогда... старичокъ встанетъ, скажетъ: «плюнь на нихъ, батюшка: они всѣ дураки», и, опираясь на свой старый костыль, уведетъ его, «своего прирочоннаго» *домой*—мыться въ баню и молиться московскимъ угодникамъ, «одолѣвшимъ и новгородскихъ, и владимірскихъ».

Этотъ старикъ, по мысли художника, представляетъ собою на картинѣ *старую Русь*, и Малафей Пимычъ теперь на живой картинѣ кievскаго торжества изображалъ то же самое. Моментъ, когда передъ нами является Пимычъ, въ его сознаниі имѣлъ тоже историческое значеніе. Старикъ, Богъ вѣсть почему, ждалъ въ этотъ день какого-то великаго событія, которое сдѣлаетъ поворотъ во всемъ.

Такія торжественныя настроенія, безъ удобопонятныхъ причинъ, нерѣдко являютъ у аскетовъ, подобныхъ Пимичу, когда они, сидя въ спертой задухѣ своихъ прозмглыхъ закутъ, начинаютъ считать себя центромъ вниманія Творца вселенной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Могучая мысль, вызвавшая Малахію, побудила его явиться суетному міру во всеоружіи всей его изувѣрной святости и глупости. Сообразно обстоятельствамъ, онъ такъ пріобрелся, что отъ него даже на всемъ просторѣ открытаго нагорнаго воздуха сгинулся запахъ ладана и кипариса, а когда вѣтерокъ раскрывалъ его законный охабень съ звѣриной опушкой, то внизу виденъ былъ новый мухояровый «рабскій азамчикъ» и во всю грудь черезъ шею висѣвшая нить крупныхъ деревянныхъ шаровъ. Связка, по обыкновенію, кончалась у пуна большимъ восьмиконечнымъ крестомъ изъ красноватаго рога.

Стоялъ онъ, какъ сказано, точно изваяніе — совершенно неподвижно, и такъ же неподвиженъ былъ его взглядъ, устремленный на мостъ, только желтобѣлые усы его изрѣдка шевелились; очевидно, отъ истомы и жажды онъ овлажалъ свои засохшія уста.

— Съ шестого часа тутъ стоимъ, — шепнулъ мнѣ Гіезій.

— Зачѣмъ такъ рано?

— Дѣдушка еще раньше хотѣлъ, никакъ стерпѣти не могли до утра. Все говорилъ: опоздаемъ, пропустимъ — царь раньше выѣдетъ на мостъ, потому этакое дѣло надо на тцо сдѣлать.

— Да какое такое дѣло? О чемъ вы это толкуете?

Гіезій промолчалъ и покосилъ въ сторону дѣдушки глазами: дескать, нельзя говорить.

Вмѣсто отвѣта онъ, вздохнувъ, молвилъ:

— Булычку бы надо сбѣгать купить.

— Зачѣмъ же дѣло стало? сбѣгайте.

— Разсердится. Три дня уже такъ говѣино живемъ. Самъ-то даже и капли всѣ дни не принималъ. Тоже вѣдь и государю это не легко будетъ. Зато какъ нонѣ при всѣхъ едиными устнами тропарь за царя запоемъ, тогда и ѣсть будемъ.

— Отчего же нынѣ едиными «устнами» запоете?

Гіезій скосилъ глаза на старца и, закрывъ ладонью ротъ, сталъ шептать мнѣ на ухо:

— Государь черезъ мостъ ибидъ пойдетъ...

— Ну!

— Только вѣдь до середины рѣки идти будетъ прямо.

— Ну, и что же такое? Что же дальше?

— А тутъ, гдѣ крещебная струя отъ Владиміра князя пошла, онъ тутъ станеть.

— Такъ что же изъ этого?

— Тутъ онъ свое исповѣданіе объявить.

— Какое исповѣданіе? Развѣ неизвѣстно его исповѣданіе?

— Да, то извѣстное-то извѣстно, а намъ онъ покажетъ истиннос.

Я и теперь еще ничего вѣявъ не понялъ, но чувствовалъ уже, что въ нихъ дѣдушкою внушены какія-то чрезвычайныя надежды, которымъ, очевидно, никакъ невозможно сбыться. И все это сейчасъ же, или даже сію минуту придетъ къ концу, потому что въ это самое мгновеніе открытіе началось.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

По мосту между шпалерами пѣхоты тронулась артиллерія. Пушки, отчищенные съ неумолимою тщательностью, которою отличалось тогдашнее время, такъ ярко блестя на солнцѣ, что надо было зажмуриться; потомъ двигалось еще что-то (теперь хорошенько не помню), и, наконецъ, вдругъ выдался просторный интервалъ, и въ немъ на свободномъ просвѣтѣ показалась довольно большая и блестящая группа. Здѣсь все были лица, въ изобиліи украшенные крестами и лентами, и впереди всѣхъ ихъ шелъ самъ императоръ Николай. По его специально военной походкѣ его можно было узнать очень издали: голова прямо, грудь впередъ, шагъ маршевой, крупный и съ наддачею, лѣвая рука пригнута и держитъ пальцемъ за пуговицей мундира, а правая или указываетъ что-нибудь повелительнымъ жестомъ, или тихо, мѣрнымъ движеніемъ обозначаетъ тактъ, соотвѣтственно шагу ноги.

И теперь государь шелъ этою же самою своею отчетистою военною походкою, мѣрно, но такъ скоро подаваясь впередъ, что многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ въ свитѣ едва

поспѣвали за нимъ въ-притруску. Когда старенькій генераль съ опереніемъ на головѣ бѣжить, и опереніе это прыгаетъ, выходитъ забавно: точно какъ будто его кто встряхиваетъ и изъ него что-то сыплется.

Шествіе направлялось отъ городского горнистаго берега кѣвскаго къ пологому черниговскому, гдѣ тогда тотчасъ же у окончанія моста были «виньѣлевскія постройки»: дома, службы и проч. Гораздо далѣе была слободка, а потомъ извѣстный «броварской лѣсъ», который тогда еще не былъ вырубленъ и разворованъ, а въ немъ еще охотились на кабановъ и па козъ.

Въ свитѣ государя издали можно было узнать только старика Виньѣля и одного его, необыкновенно красиваго, сына, и то потому, что оба они были въ своихъ яркихъ англійскихъ мундирахъ.

Разумѣется, взоры всѣхъ устремились на эту группу: всѣ слѣдили за государемъ, какъ онъ перейдетъ мостъ и куда потомъ направится. Думали: «не зайдетъ ли къ англичанамъ *спасибо* сказать», но вышло не такъ, какъ думали и гадали всѣ, а такъ, какъ открыто было благочестивому старцу Малахіи.

Да, какъ разъ на самой серединѣ моста государь вдругъ остановился, и это моментально отозвалось въ нашемъ пунктѣ разнообразными, но сильными отраженіями: во-первыхъ, Пезій, совсѣмъ позабывъ себя, громко воскликнулъ: «сбывается!» а во-вторыхъ, всѣхъ насъ всколебало чѣмъ-то въ родѣ землетрясенія; такъ сильно встряхнуло кирпичи, на которыхъ мы стояли, что мы поневолѣ схватились другъ за друга. Пожелавъ найти этому объясненіе, я оглянулся и увидалъ, что это палецъ на колѣни старецъ Малафѣй Пимычъ...

Съ этой поры я уже не зналъ, куда глядѣть, гдѣ ловить болѣе замѣчательное—тамъ ли, на обширномъ мосту, или тутъ у насъ, на сорномъ задворкѣ. Взоръ и вниманіе поневолѣ двоились и рвались то туда, то сюда.

Между тѣмъ государь, остановясь «противъ крещебной струи», которую старецъ проводилъ по самой серединѣ Днѣпра, повернулся на минуту лицомъ къ городу, а потомъ взялъ правое плечо впередъ и пошелъ съ середины моста къ периламъ верхней стороны. Тутъ у насъ опять произошло свое дѣйство; Малахія крикнулъ:

— Гляди!

А Гіезій подхватилъ:

— Видимъ, дѣдушка, видимъ!

Государь пошелъ съ середины влѣво, то-есть къ той сторонѣ, откуда идетъ Днѣпръ и гдѣ волны его встрѣчаютъ упоръ ледорѣзовъ, т. е. со стороны Подола. Вѣроятно, онъ захотѣлъ здѣсь взглянуть на то, какъ выведены эти ледорѣзы и въ какомъ отношеніи находятся они къ главному теченію воды.

Государя, въ этомъ отклоненіи отъ прямого хода къ периламъ моста, сопровождалъ Виньель и еще кто-то, одинъ или два человѣка, изъ свиты. Теперь я этого въ точности вспомнить не могу и о-сю пору изумляюсь, какъ я еще могъ тогда наблюдать, что происходило и тутъ, и тамъ. Впрочемъ, съ того мгновенія, какъ государь остановился на серединѣ моста «противъ крещебной струи»,—тамъ я видѣлъ очень мало. Помню только одинъ моментъ, какъ публика, стоявшая за войсками у перилъ, увидя подходившаго государя, смѣшалась и жалась вмѣсто того, чтобы разступиться и открыть видъ на воду. Государь подошелъ и самъ собственною рукою раздвинулъ двухъ человѣкъ, какъ бы приклеившихся къ периламъ.

Эти два человѣка оба были мои знакомые, очень скромные дворяне, но съ этого событія они вдругъ получили всеобщій интересъ, такъ какъ по городу пролетѣла вѣсть, что государь ихъ не только тронулъ рукою, но и что-то сказалъ имъ. Объ этомъ будетъ ниже. Съ того мгновенія, какъ государь отстрашилъ двухъ оторопѣвшихъ дворянъ и сталъ лицомъ къ открытой рѣкѣ, вниманіе мое уже не рывалось на-двое, а все было охвачено Шимычемъ.

Первое, что отвлекло меня отъ торжественной сцены на мосту—было паденіе внизъ какого-то черного предмета. Точно будто черный Фаустовъ пудель вырвался изъ-подъ кирпичей, на которыхъ мы стояли, и быстро запрыгалъ огромными скачками книзу.

Если это былъ звѣрь, то онъ, очевидно, кого-то преслѣдовалъ или отъ кого-то удиралъ. Разобрать этого я не могъ, такъ какъ черный предметъ скатился внизъ и совершенно неожиданно нырнулъ и исчезъ гдѣ-то подъ берегомъ. Но отрокъ Гіезій былъ глазастѣе меня и воскликнулъ:

— Ай, пропала дѣдушкина шляпа!

Я посмотрѣлъ на Пимыча и увидѣлъ, что онъ стоитъ на колѣняхъ и съ непокрытою головою. Онъ буквально былъ виѣ себя: «огонь горѣлъ въ его очахъ и шерсть на немъ щетиной зрилась». Правая рука его съ крѣпко стиснутымъ двуперстнымъ крестомъ была прямо поднята вверхъ надъ головою, и онъ кричалъ (да, не говорилъ, а во всю мочь громко *кричалъ*):

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ этакъ-вотъ, родненькій, совершай! Сложи, какъ надо, два пальчика! Дай всей землѣ одно небесное исповѣданіе.

И въ это время, какъ онъ кричалъ, горячія слезы обильными ручьями лились по его покрытымъ сѣдымъ мохомъ щекамъ и прятались въ бороду... Волненіе старца было такъ сильно, что онъ не выстоялъ на ногахъ, голосъ его оборвался, онъ зашатался и рухнулъ на лицо свое и замеръ... Можно бы подумать, что онъ даже умеръ, но тому мѣшала его правая рука, которую онъ все-таки выправилъ, поднялъ кверху и все махалъ ею государю двуперстнымъ сложеніемъ... Вѣдникъ, очевидно, опасался, чтобы государь не ошибся, какъ надо показать «небесное исповѣданіе».

Я не могу передать, какъ это выходило трогательно!.. Во всю мою жизнь послѣ этого я не видалъ серьезнаго и сильнаго духомъ человѣка въ положеніи болѣе трагическомъ, восторженномъ и въ то же время жалкомъ.

Я былъ до глубины души потрясенъ душевнымъ напряженіемъ этого алкателя единыя вѣры и не могъ себѣ представить, какъ онъ выйдетъ изъ своего затрудненія. Одно спасеніе, думалось: государь отъ насъ такъ далеко, что нѣтъ возможности увидѣть, двумя или тремя перстами онъ перекрестится, и, стало-быть, дѣдушку Пимыча можно будетъ обмануть, можно будетъ пустить ему «ложь во спасеніе». Но я мелко и недостойно понималъ о высокомъ старцѣ: онъ такъ окинулъ прозорливымъ окомъ ума своего всю вселенную, что не могло быть никого, кто бы могъ обмануть его въ двѣ вѣры.

И вотъ наступилъ, наконецъ, мигъ, рѣшительный и жесточайшій мигъ.

Шествіе на мосту, вѣроятно, кончилось, вокругъ насъ почувствовалось какое-то нервное движеніе, люди какъ бы хотѣли перемѣнять мѣста и, наконецъ, зашумѣли: значить, кончено. Стали расходиться.

Гіезій позвавъ два раза: «дѣдушка! дѣдушка!»

У Пимыча шевельнулась спина, и онъ сталъ приподниматься. Гіезій подхватилъ его подъ руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старець поднимался медленно и тяжело, какъ поднимается осенью коченѣющій шмель съ тѣмъ, чтобы переползти немножко и околѣть.

Гіезій изнемогалъ, всирая старика вверхъ за оба локтя. Я захотѣлъ ему помочь, и мы взялись одинъ за одну руку, а другой за другую и поставили старца на колеблющіяся ноги.

Онъ дрожалъ и имѣлъ видъ челоуѣка смертельно раненаго въ самое сердце. Ротъ у него былъ широко открытъ, глаза въ остолбенѣніи и съ тусклымъ остеклѣніемъ.

Столь недавній живой фанатическій блескъ ихъ исчезъ безъ слѣда.

Гіезій, если не понялъ, то почувствовалъ положеніе старца и съ робкимъ участіемъ сказалъ:

— Пойдемъ домой, дѣдушка!

Малахія не отвѣчалъ. Медленно, тяжелымъ, сердитымъ взглядомъ повелъ онъ по небу, вздохнулъ, словно послѣ сна, и остановилъ взоръ на Гіезіи.

Тотъ еще съ бѣльшимъ участіемъ произнесъ:

— Довольно, дѣдушка; нечего ждать, пойдемъ; государь уже познаменовался.

Но при этомъ словѣ старика всего словно прожгло, и онъ вдругъ отвердѣлъ и закричалъ:

— Врешь, анаѣема! Врешь, не знаменовался государь двумя персты. Вижу я, еще не въ постыженіи остаются отступники никоніаны. И за то, что ты солгалъ, Господь будетъ бить тебя по устамъ.

Съ этимъ онъ замахнулся и наотмашь такъ сильно ударилъ Гіезію по лицу, что уста отрока въ то же мгновеніе оросились кровью.

Кто-то вздумалъ было за него заступиться и заговорилъ: «какъ это можно?»—но Гіезій попросилъ участливаго челоуѣка ихъ оставить.

— Мы свои,—сказалъ онъ:—это мой дѣдушка,—и началъ бережно сводить перестоявагося старца съ кирпича подъ руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Малахін было видѣніе, мечта, фантазія, назовите какъ хотите, что государь станетъ среди моста «лицомъ противъ крещебной струи» и передъ всѣми людьми перекрестится древнимъ двуперстіемъ.

А тогда, разумѣется, настанетъ для Малахін и иже съ нимъ торжество, а митрополитамъ и епископамъ, и всему чину церковному со всѣми нечестивыми никоніанами—посрамленіе до черноты лицъ ихъ. А тѣхъ, кои не покорятся, «Господь рукою вѣрныхъ своихъ будетъ бить по устамъ», и всѣ они окровенятся, какъ Гіезій. «Старая вѣра побьетъ новую». Вотъ чего желалъ и о чемъ, можетъ-быть, всю жизнь свою моляся опасный немолякъ за власти.

Но не сбылося по его вѣрѣ и упованію и погибли вмгъ всѣ его радости. Старецъ былъ посрамленъ.

Я помню и никогда не забуду, какъ онъ шелъ. Это была грустная картина: тяжело и медленно передвигалъ онъ какъ будто не свои остарѣлыя ноги по мягкой пыли Никольской улицы. Руки его были опущены и растопырены; смотрѣлъ онъ безпомощно и даже повиновался Гіезію, который одною рукою обтиралъ кровь на своемъ лицѣ, а другою подвигалъ старца ладонью въ спину и, плача о немъ, умолялъ:

— Иди же, мой дѣдушка, Христа ради, иди... Ты безъ шляпы... на тебя всѣ смѣяться будутъ.

Старецъ понялъ это слово и прохрипѣлъ:

— Пусть смѣются.

Это было послѣдній разъ, что я видѣлъ Малахію, но зато онъ удостоилъ меня вспомнить. На другой день, по отъѣздѣ государя изъ Кіева, старецъ присылалъ ко мнѣ своего отрока съ просьбою сходить «къ боярамъ» и узнать: «что царь двумъ господіямъ на мосту молвилъ, коихъ своими руками развелъ».

— Дѣдушка, — говорилъ Гіезій: — сомнѣваются насчетъ того: кія словеса рекъ государь. Нѣтъ ли чего отъ насъ утаеннаго?

Я могъ послать старцу отвѣтъ самый полный, безъ всякаго утаенія. Два господина, остолбенѣвшіе у перилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ захотѣлъ взглянуть на Дніпръ императоръ Николай Павловичъ, какъ я сказалъ, были мнѣ извѣстны. Это были звенигородскіе помѣщики, братья Про-

топоповы. Они мнѣ даже приходились въ отдаленномъ свойствѣ по теткѣ Натальѣ Ивановнѣ Азферьевой, которая была замужемъ за Михаиломъ Протопоповымъ. А потому мы въ тотъ же день узнали, что такое сказалъ имъ государь. Онъ отстранилъ ихъ рукою и проговорилъ только два слова:

— Пошли прочь!

Впрочемъ, и въ кружкѣ знакомыхъ всѣ интересовались, что было сказано, и вечеромъ въ этотъ день въ квартирѣ Протопоповыхъ на Бульварѣ перебивало множество знакомыхъ, и всѣ приступали къ виновнику событія съ разспросами.

— Правда ли, что съ вами государь разговаривалъ?

— Да-съ, разговаривалъ,—отвѣчалъ Протопоповъ.

— А о чемъ разговоръ былъ?

Протопоповъ съ удивительною терпѣливостію и точностію начиналъ излагать все по порядку: гдѣ они стояли и какъ государь къ нимъ подошелъ, «раздвинулъ» ихъ и сказалъ: «пошли прочь».

— Ну, и вы отошли?

— Какъ же,—сію же минуту отошли.

Всѣ находили, что братья поступили именно такъ, какъ слѣдовало, и съ этимъ, конечно, всякій долженъ согласиться, но ни къ старой, ни къ новой вѣрѣ это нимало не относилось, и чтобы не дать повода къ какимъ-нибудь толкованіямъ, я просто сказалъ Гіезію, что государь съ «господіями» ничего не говорилъ.

Гіезій вздохнулъ и молвилъ:

— Плохо намъ дѣло.

— Чѣмъ и отчего плохо?—полюбопытствовать я.

— Да, видите... дѣдушкѣ и всѣмъ намъ ужъ очень хочется тропарь пѣть, а невозможно!..

Среди безчисленныхъ и пошлыхъ клеветъ, которымъ я долговременно подвергался въ литературѣ за мою неспособность и нехотѣніе рабствовать презрѣнному и отвратительному деспотизму партій, меня сурово укоряли также за то, что я не раздѣлялъ неосновательныхъ мнѣній Афанасія Прокофьевича Щапова, который о-ту пору прослылъ въ Петербургѣ историкомъ и, вращаясь среди неповинныхъ въ знаніяхъ церковной исторіи литераторовъ, вѣщалъ о *политическихъ* задачахъ, которые скрытно содержитъ будто

нашъ русскій расколъ. Щаповъ стоялъ горой за то, что расколъ имѣеть политическія задачи, и благоуспѣшно увѣрилъ въ этомъ Герцена, который потомъ уже не умѣлъ разобратъ представившихся ему Ив. Ив. Шебаева и бывшего старовѣрскаго архіерея, умнаго и очень ловкаго человѣка, Пафнутія. Я тогда напечаталъ письмо о «людяхъ древняго благочестія», гдѣ старался снять съ несчастныхъ старовѣровъ вредный и глухой поклепъ на нихъ въ революціонерствѣ. Меня за это ужасно порицали. Писали, что я дѣла не знаю и умышленно его извращаю, — что меня растлило въ этомъ отношеніи вредное вліяніе Павла Ив. Мельникова (Печерскаго), что я даже просто «подкупленъ правительствомъ». Дошло до того, что петербургскому профессору Ив. Ѳ. Нильскому печатно поставили въ непростительную вину: какъ онъ смѣлъ гдѣ-то ссылаться на мои наблюденія надъ правами раскола и давать словамъ моимъ вѣру... А — увы и ахъ — вышло, что я правду говорилъ: раскольникамъ до политики дѣла нѣтъ и «тропарь» они не поютъ не за политику, которую хотѣли навязать имъ представители «крайней лѣвой фракціи». Г-нъ Нильскій давалъ писателямъ «лѣвой фракціи» отвѣды, гдѣ говорилъ что-то въ пользу моихъ наблюденій. Въ самомъ же дѣлѣ, хороши они или дурны, но они есть *наблюденія* того, что существовало и было, а не выдумка, не тенденціозное фантазерство фракціонистовъ, которымъ чуть не удалось оклеветать добрыхъ и спокойныхъ людей. Твердое и неизмѣнное убѣжденіе, что русскій расколъ не имѣеть противоправительственныхъ «политическихъ» идей, получено мною не изъ книгъ и даже не отъ Павла Ив. Мельникова (знанія котораго я, конечно, высоко цѣню), а я пришелъ къ этому убѣжденію прямо путемъ личныхъ наблюденій, которымъ вѣрю болѣе, чѣмъ тенденціознымъ натяжкамъ Щапова и всякимъ инымъ ухищреніямъ теоретиковъ «крайней лѣвой фракціи», которые нынѣ «преложились въ сердцахъ своихъ» и заскакали на правый флангъ крайнѣе самаго правофланговаго...

Вѣрю имъ нынче столько же, сколько вѣрилъ тогда...

Во всякомъ случаѣ то, что я рассказалъ здѣсь о старцѣ Малахінѣ, было для меня едва ли не первымъ урокомъ въ изученіи характера не сочиненнаго, а живого раскольника. Я не могу, да и не обязанъ забыть, какъ этому суровому

«немоляку за имя царево» хотѣлось «попѣти тропаря», и вся остановка была только за тѣмъ, чтобы императоръ «двумя персты» перекрестился. А тогда бы они позапечатали всѣхъ не-раскольниковъ въ томъ самомъ родѣ, какъ старецъ запечатлѣлъ Гіезьку, и горячѣе всѣхъ, пожалуй, приложили бы свои благочестивыя руки къ «крайней лѣвой фракціи».

Вотъ и вся раскольникья политика. А между тѣмъ было время, когда требовалось имѣть не малую отвагу, чтобы рѣшиться дать приютъ въ домѣ такому опасному сектанту, какъ старецъ Малахія... И это смѣшное и слѣпое время было не очень давно, а между тѣмъ оно уже такъ хорошо позабыто, что теперь «крайняя правая фракція» дружится, чтобы Волга-матушка всякъ побѣжала, а они бы могли начать лгать сначала. Раки, которые «перешепчутся», приходятъ въ «пустотѣль», а люди, которые хотятъ питаться, какъ раки, придутъ къ пустомыслию.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Отрока Гіезія я видѣлъ еще одинъ разъ въ жизни. Это было много лѣтъ спустя въ Курскѣ, вскорѣ послѣ постройки кievской желѣзной дороги.

Я ѣхалъ въ Кіевъ повидаться съ родными. Поѣзда ходили тогда еще не совсѣмъ аккуратно, и въ Курскѣ приходилась довольно долгая остановка. Я когда-то ѣзжалъ изъ Орла въ Курскъ, и теперь мнѣ хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ, гдѣ сидятъ «мон-то-те куриные, вѣдомые кмети», которые до того доцивилизовались, что потеряли цѣлую рощу.

Я прошелъ черезъ вокзалъ, чтобы съ задняго крыльца посмотрѣть на соборъ и на прочее, что можно разглядѣть отсюда.

Дѣло было утромъ, погода прекрасная. Курскъ въ такомъ раннемъ освѣщеніи очень весело смотритъ съ своихъ горокъ, изъ-за своей сонной Тускари. Онъ напоминаетъ собою Кіевъ, разумѣется въ миниатюрѣ и en laid. Но только теперь, въ ту минуту, когда я хотѣлъ любоваться, весь видъ или, лучше сказать, все поле зрѣнія застлалось какими-то, во множествѣ летающими и безъ толку мечущимися въ воздухѣ безголовыми птичками... Престранное видѣніе въ іезекилевскомъ жанрѣ: на одной какой-то точкѣ

бьютъ фонтаномъ и носятся какими-то незаконченными, трепетными взмахами въ воздухъ одни крылья; они описываютъ какіе-то незаконченные круги и зигзаги, и вдругъ падаютъ, упадутъ, встрепенутся, и опять взлетятъ снова, и опять посерединѣ подъема ослабѣютъ и снова упадутъ въ пыль...

Это что-то какъ будто апокалипсическое.

Въ довершеніе сходства характера, тутъ были и «жены»; онѣ подбираютъ обезглавленныхъ птишекъ и суютъ ихъ себѣ куда-то въ щѣдра или, по-просту говоря, за пазухи. Тамъ тепло.

Заинтересовало меня: что это такое?

Вотъ съ одной, пронесшейся надъ моею головою безголовой птички что-то капнуло... Тяжелое... точно она на меня зерно гороху уронила, и притомъ попало это мнѣ прямо на руку...

Это была кровь и притомъ совершенно свѣжая, даже теплая.

Что за странность?

Оглядываюсь — на противоположной сторонѣ площадки, такъ же какъ и я, глазѣютъ на безголовыхъ летуновъ человѣкъ шесть городскихъ извозчиковъ и нѣсколько ребятишекъ...

Вотъ одна безголовая птишка со всего размаха шлепнулась о желѣзную крышу какой-то надворной постройки.

Летѣла—казалось птичка, а упала—словно стала.

Осталось только самое маленькое пятнышко, которое надо было съ усиліемъ не потерять изъ глазъ,—до того стало оно ничтожно.

Зато теперь можно было разсмотрѣть, что это такое.

Я опустилъ руку въ дорожную сумку, гдѣ у меня былъ маленькій бинокль, и только-что сталъ наводить его на крышу, какъ кто-то сърымъ рукавомъ закрылъ мнѣ «поле зрѣнія».

У меня въ Курскѣ не могло быть знакомыхъ, которые бы имѣли право допустить такую короткую фамиллярность, но прежде чѣмъ я успѣлъ отнять отъ глазъ бинокль, сърая завѣса уже снялась, и я увидалъ ворону, которая уносила въ клювѣ обезглавленную птишку.

Послышался хохотъ, свистъ; въ ворону съ добычею, безъ вреда для нихъ, полетѣли щены и палки, и потомъ опять пошелъ фонтаномъ взлетъ обезглавленныхъ птишекъ.

Я захотѣлъ видѣть источникъ этого необычайнаго явленія, и оно объяснилось: тутъ же за угломъ стояла низкая крестьянская телѣга, запряженная заморенною лохматою лошадею. Лошадь ѣла сѣнцо, которое было привязано къ запрягу ея оглобли; а на телѣгѣ стоялъ большой дубочный коробъ, по верху котораго затянута нитяная сѣтка. Надъ коробомъ, окорячивъ его ногами, упертыми въ телѣжныя грядки, сидѣлъ рослый поваръ въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бѣлой курткѣ и въ бѣломъ колпакѣ, а передъ нимъ на землѣ стоялъ, среднихъ лѣтъ, торговый крестьянинъ и держалъ въ рукахъ большое рѣшето, въ которое поваръ что-то сбрасывалъ, точно какъ будто орѣшки.

Прежде опустить руку въ коробъ, потомъ вынуть ее точно чѣмъ-то обросшую, встряхнуть ею и сей же моментъ всюду по воздуху полетятъ безголовыя птички; а онъ сброситъ въ рѣшето горсточку орѣшковъ. И все такъ далѣе.

Спросилъ, что это дѣлають, и получилъ короткое объясненіе:

— Перспелокъ рвутъ.

— Какъ,—говорю,—странно.

— Отчего странно?—отвѣчаетъ продавецъ:—это у насъ всегда такъ. Они теперь жирныя; какъ заберешь ихъ въ руку, между пальчиками по головешкѣ, и встряхнешь, у нихъ сейчасъ всѣ шейки мылымъ дѣломъ и оборвутся. Полетаетъ безъ головки—изъ нее кровочка скапнуть, и скусь тоньше. А по головешкамъ, кои въ рѣшетѣ сбросаны, считать очень способно. Сколько головешекъ, за столько штукъ и плата.

«Ахъ, вы,—думаю,—«вѣдомые кмети!» Съ этакимъ ли способнымъ народомъ не спрятать безъ слѣдовъ монастырскую рошу!»

Но мнѣ интереснѣе всего былъ самъ продавецъ, ибо—коротко сказать—это былъ не кто иной, какъ оный давній отрокъ Пезій. Онъ обородатѣлъ и постарѣлъ, но видъ имѣлъ очень болѣзненный.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ только я назвалъ себя, Пезій узналъ меня сразу и подаль свою уваленную птичьимъ пухомъ руку. А между тѣмъ и перепелиная казнь была кончена; поваръ соскочилъ на землю и пошелъ къ бочкѣ съ водою мыть руки, а мы

съ старымъ знакомцемъ отправились пить чай. Съли уютненько, рѣшето съ птичьими головками подъ столъ спрятали и разговорились.

Гіезій сообщилъ мнѣ, что онъ давно отбылъ годы обѣтованнаго отрочества и уже «живетъ со второю хозяйкою», т. е. женатъ на второй женѣ, имѣетъ дѣтей, а живетъ промысломъ — торгуетъ то косами и серпами, то пенькою и пшеномъ, иногда же, между дѣломъ, и живностію.

Спрашиваю: «счастливо ли живете?»

— Ничего бы,—отвѣчаетъ,—если бы не ракъ.

— Какой ракъ?

— А какъ же, — говоритъ, — вѣдь у меня ракъ въ желудкѣ; я скоро умру.

— Да почему вы знаете, что у васъ ракъ?

— Много докторовъ видѣли, — всѣ одно сказали: ракъ. Да я и самъ вижу. Почти никакой пищи принять не могу, отъ всего извергаюсь.

— Чѣмъ же вы лѣчитесь?

— Прежде лѣчился, а нынѣ бросилъ, одинъ морковный сокъ натошакъ пью. Все равно, пользы никакой быть не можетъ.

— Отчего вы такъ печально думаете?

— Помилуйте, развѣ я дитя, что не понимаю. Тридцать вѣдь, сударь, лѣтъ и три года этакое тиранство я соблюдалъ при дѣдушкѣ Малахін! Вѣдь это вспомнить страшно становится. Онъ говѣлъ въ лѣтѣхъ своихъ замоторѣлыхъ, а я одно и такое же мученіе съ нимъ претерпѣвалъ въ цвѣтущей моей младости.

— И кромѣ того онъ васъ, помнится, очень билъ.

— Да, разумѣется, «началилъ», да это ничего, безъ того и невозможно. А вотъ голодь — это ужасно. Бывало, въ госпожнинъ постъ и оскребки изъ деревянной чашки всѣ со щепой переѣшь и, что въ землѣ случаемъ ногами втоптаню, вездѣ выковыряешь, да проглотишь, а теперь вотъ черезъ это старовѣрское злое безуміе и умирай безъ времени, а дѣтей пусти по-міру.

— Вы,—говорю,—постъ называете безуміемъ?

— Да-съ. А что такое? Впрочемъ, не осудите, съ досады иной разъ, какъ о ребятишкахъ вздумаешь, очень что-нибудь скажешь. Дѣтей жалко.

— А какъ теперь ваши религіозныя убѣжденія?

Онъ махнулъ рукою.

— Тропарь по старому не поете?

Гіезій улыбнулся и отвѣчалъ:

— Что вспомнили!—пѣлъ да уже и позабылъ.

— Какъ позабыли?

— Ну, Господи мой, вѣдь я же вамъ говорю, какая у меня страшная боль въ животѣ. Ракъ! Я теперь даже не токмо что среду или пятокъ, а даже и великій постъ не могу никакой говѣйности соблюдать, потому меня отъ всего постнаго сейчасъ вытошнить. Слонъ теперь, какъ молоко, мясное и зачищаю, точно баранинъ. При вѣрной церкви уже это нельзя, я и примазался...

— Къ единовѣрческой?

— Нѣтъ, чего! Тамъ тоже еще есть жизни правила, я къ простой, къ греко-россійской.

— Значить, даже тремя перстами креститесь?

— Все равно. Да и какое уже больному человѣку крещеніе. Почитай и о молитвѣ забыть. Только бы пожить для ребятъ хочется. Для того и присталъ къ церковной вѣрѣ, что можно жить слабже.

— А прочіе ваши собратія?

— Они тогда, какъ въ Кіевѣ дѣдушку схоронили, сейчасъ съ сосѣдами тропарь пѣть замотались, да такъ на тропарѣ и повисли. Правится имъ, чтобъ «нобѣды и одолѣнія», да и отчего не пѣть?—заклучилъ онъ:—если у кого силы живота постоянныя, то вѣдь можно какъ угодно вѣрить; но съ такимъ желудкомъ, какъ мой, какая ужъ тутъ вѣра! Тутъ одно искушеніе!

Съ тѣмъ мы и разстались.

Обѣтованный отрокъ, не читая энциклопедистовъ и другихъ проклятыхъ писателей, своимъ умомъ дошелъ до теоріи Дидро и поставилъ вѣру въ зависимость отъ физиологіи.

Епископъ Амвросій Ключаревъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ, напрасно порѣшилъ, что писателямъ «лучше бы не родиться». Тотъ, кто призвалъ всякую тварь къ жизни, конечно, лучше почтеннаго архипастыря знаетъ, кому лучше родиться, а кому не родиться, но случай съ Гіезіемъ не показываетъ ли, что простого человѣка иногда удаляютъ отъ вѣры не писатели, которыхъ простой народъ еще не знаетъ и не читаетъ, а тѣ, кто «возлагаетъ на человѣки бремена тяжкія и неудобноносимыя».

Но мы смиренно вѣримъ, что въ большомъ хозяйствѣ Владыки вселенной даже и этотъ ассортиментъ людей пока еще на что-то нуженъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Теперь еще хочется упомянуть объ одномъ кievскомъ событiи, которое прекрасно и трогательно само по себѣ и въ которомъ вырисовалась одна странная личность съ очень сложнымъ характеромъ. Я хочу сказать о священникѣ Евфимiи Ботвиновскомъ, котораго всѣ въ Кiевѣ знали просто подъ именемъ «попа Ефима», или даже «Юхвима».

Усопшiй епископъ рижскiй Филаретъ Филаретовъ, въ бытность его ректоромъ духовной академiи въ Кiевѣ, 28 декабря 1873 г. писалъ мнѣ: «спрашиваете о Евфимѣ,—Евфимъ, другъ нашъ, умре 19 сентября. Оставилъ семейство изъ шести душъ, трехъ женскихъ и трехъ мужескихъ. Но, видно, Евфимъ при слабостяхъ своихъ имѣлъ въ себѣ много добраго. При его погребенiи было большое стеченiе народа, провожавшаго его *съ большимъ плачемъ*. Дѣти остались на чужомъ дворѣ, безъ гроша и безъ куска хлѣба; но добрыми людьми они обезпечены теперь такъ, что едва ли бы и при отцѣ могли имѣть то, чтѣ устроила для нихъ попечительность людская».

Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ случалось быть въ Кiевѣ, я никогда и ни отъ кого не могъ получить никакихъ извѣстiй о дѣтяхъ отца Евфима; но, чтѣ всего страннѣе, и о немъ самомъ память какъ будто совершенно исчезла, а если начнешь усиленно будить ее, то услышишь развѣ только что-то о его «слабостяхъ». Въ письмѣ своемъ пр. Филаретъ говорить: «не дивитесь сему — банковое направленiе все зашло. Въ Кiевѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ *картъ и денегъ*».

Не знаю, совершенно ли это такъ, но думается, что довольно близко къ истинѣ.

Чтобы не вызывать недомолвками ложныхъ толкованiй, лучше сказать, что «слабости» о Евфима составляли просто *кутежи*, которые тогда были въ большой модѣ въ Кiевѣ. Отецъ Евфимъ оказался большимъ консерваторомъ и переносилъ эту моду немножко дальше, чѣмъ было можно. Отецъ Евфимъ любилъ хорошее вино, компанiю и охоту. Онъ былъ лучший бильярдный игрокъ *послѣ Курдюмова* и отлично

стрѣлялъ; притомъ онъ, по слабости своего характера, не могъ воздержаться отъ удовольствія поохотиться, когда понадалъ въ кругъ друзей изъ дворянъ. Тутъ о. Евфимъ перодѣвался въ егерскій костюмъ, хорошо приспособленный къ тому, чтобы спрятать его «гриву», и «полевалъ» по преимуществу съ гончими. Нрава Юхвима былъ веселаго, даже дѣтски шаловливаго и увлекающагося до крайностей, иногда непозволительныхъ; но это былъ такой человѣкъ, какихъ родится немного и которыхъ грѣшно и стыдно забывать въ одно десятилѣтїе.

Каковъ Юхвимъ былъ какъ священникъ,—этого я разбирать не стану, да и думаю, что это извѣстно одному Богу, которому служилъ онъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Высшимъ образомъ священнодѣйствовать Юхвимъ былъ большой мастеръ, но «лѣновать», и потому служилъ рѣдко — больше содержалъ у себя для служенія какихъ-то «приблудныхъ батюшекъ», которые всегда проживали у него же въ домѣ. Отецъ Юхвимъ прекрасно читалъ и иногда, читая великопостные каноны, неудержимо плакалъ, а потомъ самъ надъ собою шутилъ, говоря:

— Стѣлько я, ледачїй пїть, нагрѣшивъ, що Богъ вже змиловався надо мною и давъ менї слезы, що-бъ плакати дїль моихъ горько. Не можу служити, не плачучи.

Разберите и разсудите хоть по этому, что это былъ за человѣкъ *по отношенїю къ вѣрѣ?* По моему мнѣнїю, онъ былъ человѣкъ богопочтительный, но его кичущая, художественная и сообщительная натура, при умѣ живомъ, по крайне легкомъ и не серьезномъ, постоянно увлекала его то туда, то сюда, такъ что онъ могъ бы и совершенно извертѣться, если бы не было одного магнита, который направлялъ его блужданїя къ опредѣленной точкѣ. Магнитомъ этимъ, дѣйствовавшимъ на Юхвима съ страшною всеодолѣвающею *органическою* силою, была его громадная, прирожденная *любовь къ добру и состраданїе*.

Когда я зазналъ отца Евфима, онъ былъ очень юнымъ священникомъ маленькой деревянной церковки Иоанна Златоуста противъ нынѣшней старокїевской части. Приходъ у него былъ самый бѣднѣйшїй, и отцу Евфиму совершенно нечѣмъ было бы питаться, если бы семья его Господь не послалъ «врана».

Этотъ «питающїй вранъ» былъ *разучившїйся грамотъ*

дьячокъ Константинъ, или Котинъ, длинный, худой, съ сломаннымъ и согнутымъ на сторону носомъ, за что и прозывался «Ломоносовымъ».

Онъ самъ о себѣ говаривалъ:

— Я вже часто не здужаю, бо ставъ старый; але що маю подіяти, якъ робити треба.

«Треба» была именно потому, что Ломоносовъ имѣлъ «на своемъ воспитаніи» молодую, но быстро параставшую семью своего молодого и совершенно беззаботнаго священника.

Дьячокъ Котинъ служилъ при его отцѣ, Егорѣ Ботвиновскомъ, зналъ Евфима дитятею, а потомъ студентомъ академіи, и теперь, видя его крайнюю безпечность обо всѣхъ домашнихъ нуждахъ, принялъ домъ священника «на свое воспитаніе».

Трудъ Ломоносова состоялъ въ томъ, что все лѣтнее время, пока Кіевъ посѣщается богомольцами или, по произношенію Котина, «богомудами», онъ вставалъ до зари, садился у церковной оградочки съ деревяннымъ ящичкомъ, съ прорѣзкою въ крышкѣ, и «стеречь богомудовъ».

Дѣло это очень заботное и требовало не малой сообразительности и остроты разума, а также смѣлости и такта, ибо, собственно говоря, Ломоносовъ «воспитывалъ семейство» на счетъ другихъ приходовъ и преимущественно на счетъ духовенства церкви Десятинной, Андреевской и всѣхъ вкуиъ святины Подола.

Константинъ отпиралъ церковь, зажигалъ лампадочку и садился у дверей на маленькой скамеечкѣ; передъ собою онъ ставилъ мѣдную чашку съ водою и кропило, рядомъ ящичекъ или «карнавку», а въ руки бралъ шерстяной пагленокъ. Онъ занимался надвязываніемъ чулокъ.

— Бо духовному лицу треба бути въ трудѣхъ бденныхъ.

Какъ большинство обстоятельныхъ и сильно озабоченныхъ людей, Котинъ былъ порядочный резонеръ и уважалъ декорумъ и благопристойность.

«Богомудъ» (въ собирательномъ смыслѣ) идетъ по Кіеву опредѣленнымъ путемъ, какъ сельдь у береговъ Шотландіи, такъ что прежде «наклоняется усимъ святымъ печерскимъ, потімъ того до Варвары, а потімъ Макарію софійскому, а потімъ вже геть просто *мимо Ивана* до Андрея и Десятинного и на Подоль».

Маршрутъ этотъ освященъ вѣками и до такой степени

традиціонеръ, что его никто и не думалъ бы измѣнять. Церковь Іоанна Златоуста, или, въ просторѣчїи, кратко «Иванъ», была все равно, что пунктъ водораздѣла, откуда «богомудъ» принимаетъ наклонное направленіе, «мимо Івана».

Къ «Ивану» заходить было не принято, потому что Иванъ самъ по себѣ ничѣмъ не блестѣлъ, хотя и отворялъ радушно свои двери съ самыхъ снозаранокъ. Но нужда, изопряющая таланты, сдѣлала умъ Котина столь острымъ, что онъ изъ этого мимоходнаго положенія своего храма извлекалъ сугубую выгоду. Онъ сидѣлъ здѣсь на водораздѣлѣ теченія и «перелавливалъ богомудовъ», такъ что они не могли попадать къ святынямъ Десятинной и Подола, пока Котинъ ихъ «трохи не вытруситъ». Дѣлалъ онъ это съ превеликою простотою, тактомъ и съ такою отвагою, которою даже самъ хвалился:

— Тіі богомуды, що у лавру до святыхъ поприходили,— говорилъ онъ: — тихъ я до себе затягти не могу, не про те, що мій храмъ такій малесенькій, а про те, що лавра на такімъ пути, що її скрізь видно. Одъ нихъ вже нехай лаврикові торгують. А що до подольскихъ, або до Десятинного, то сіи вже нехай собі пальци поссуть, якъ я имъ дамъ що уторгувати и необібранихъ богомудівъ сиущу имъ.

Онъ «обиралъ» богомудовъ вотъ какимъ образомъ: имѣя подлѣ себя «карнавку», Котинъ, чуть завидитъ или слышитъ двигающихся тяжелыми ногами «богомудовъ», начиналъ «трясти грошъ» въ ящичкѣ и приговаривать:

— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церкви Івана Золотоустого!

И чуть мужички приостанавливались, чтобы достать и положить по грошу, Котинъ вдругъ опугивалъ ихъ ласкою. То онъ спрашивалъ: «звіткля се вы?», то «якъ у васъ сей годъ житечко зародило?», то предложитъ иному «ужитъ табаки», т. е. понюхать изъ его тавлинки, а затѣмъ и прямо звалъ въ церковь.

— Идить-же, идить до храму святого... усходьте... я вамъ одну таку святыньку покажу, що ніде її не побачите.

Мужички просились:

— Мы, выбачайте, на Подоль ідемо, та до князя Владиміра.

Но Котинъ уже не выпускалъ «богомудла».

— Ну, та що тамъ таке у святого Владимира?—начиналъ онъ съ неодолимою смѣлостію ученаго критика.—Богъ зна, чи що тамъ есть, чи чого нема. Вінъ собі бувъ нічого, добрый князь; але, якъ усі чоловіки, мавъ жінку, да ще не єдиную. Заходьте до мене, я вамъ свячену штучку покажу, що святивъ той митрополитъ Евгеній, що підъ софійскимъ підъ поломъ лежить... Евгеній, то, бачите, бувъ єній (Котинъ почему-то не говоривъ *єній*).

А во время такого убѣдительнаго разговора онъ уже волокъ мужика или бабу, которая ему казалась вліятельнѣе прочихъ въ группѣ, за руку и вводилъ всѣхъ въ церковь и подводилъ ихъ къ столу, гдѣ оная была другая чаша съ водою, крестъ, кропило и блюдо, а самъ шель въ алтарь и выносилъ оттуда старенькій парчевый воздухъ и начиналъ всѣхъ обильно кропити водою и отирать этимъ переначканнымъ воздухомъ, приговаривая:

— Боже благослови, Боже благослови!.. Умыхся еси, отерся еси... Вотъ такъ: умыхся и отерся... И сей умыхся... Якъ тебя звать?

«Богомуль» отвѣчаетъ: «Петро» или «Михаль».

— Ну, вотъ и добре, — и Петро умыхся, отерся... То нашъ єній Евгеній сей воздухъ святивъ... цілуйте его, христіяне, собі на здоровье... души во спасеніе... во очищеніе очесъ... костей укрѣпленіе...

И потомъ вдругъ приглашалъ прилечь отдохнуть на травкѣ около церкви, или же идти «впрость—до батюшки, до господи», т. е. на дворъ къ отцу Евфиму, который былъ тутъ же рядомъ.

Котину почти ежедневно удавалось заманить нѣсколькихъ «богомудовъ» на батюшкинъ дворъ, гдѣ имъ давали огурцовъ, квасу и хлѣба и мѣсто подъ сараємъ, а они «жертвовали» кто что можетъ.

Выходило это такъ, что и «богомудамъ» было безобидно, и «дома» хозяину выгодно. Каждый день былъ «свѣжій грошъ», а на другое утро «богомуды шли опустошени», и Котинъ ихъ самъ напутствовалъ:

— Ідїть теперички, христіяне, куди собі хочете, — хоть и до святого Владимира.

Перехожая поплина съ нихъ у Івана была уже взята.

Таковъ былъ простодушный, но усердный печальникъ о ссѣмъ безпечальнаго отца Евфима въ первое время; но, по-

томъ, когда Евфима перевели на мѣсто усопшаго брата его Петра, въ Троицкую церковь, его начали знать болѣе видные люди и стали доброхотствовать его семьѣ, о которой самъ Евфимъ всегда заботился мало.

— Нашъ батюшка,—говорилъ Котинъ:—завжди въ расходѣ, бо его люди дуже люблять.

Это была и правда. Ни семейная радость, ни горе не обходилась безъ «Юхвима». Ему давали «за руки» спорные деньги, его выбирали душеприказчикомъ, и онъ всѣ чужія дѣла исполнялъ превосходно. Но о своихъ не заботился нимало и довелъ это до того, что «самъ себя изнищилъ».

Вотъ событіе, которымъ онъ одно время удивилъ Кіевъ и далъ многимъ хорошій поводъ оклеветать его за добро самыми черными клеветами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Былъ въ Кіевѣ уѣздный казначей Осипъ Семеновичъ Ту—скій, котораго привезъ съ собою изъ Житомира предсѣдатель казенной палаты Ключаревъ. Мы этого чиновника знали мало, а отецъ Евфимъ *нисколько*. Вдругъ при одной повѣркѣ казначейства новымъ предсѣдателемъ Кобылиннымъ оказался прочетъ въ казенныхъ суммахъ, кажется, около 20,000 рублей, а можетъ быть и нѣсколько меньше. Казначей былъ извѣстенъ своею честностью и аккуратностію. Какъ образовался этотъ прочетъ,—я думаю, никто навѣрно не знаетъ, потому что дѣло было замято; не ранѣе того семьѣ казначея угрожала гибель. Объ этомъ много говорили и очень сожалѣли маленькихъ дѣтей казначея.

Дошло это дѣло до Евфима и ужасно его тронуло. Онъ задумался, потомъ вдругъ заплакалъ и воскликнулъ:

— Тутъ надо помочь!

— Какъ же помочь? надо заплатить деньги.

— Да, конечно, надо заплатить.

— А кто ихъ заплатитъ?

— А вотъ попробуемъ.

Отецъ Евфимъ велѣлъ «запрячь игумена» (такъ называлъ онъ своего караго коня, купленнаго у какого-то игумена) и поѣхалъ къ Кобылину съ просьбою поддержать дѣло въ секретѣ два-три дня, пока онъ «попробуетъ»

Предсѣдателю такое предложеніе, разумѣется, было во

Всѣхъ отношеніяхъ выгодно, и онъ согласился ожидать, а Евфимъ пошелъ гонять своего «игумена». Обѣздиль онъ всѣхъ друзей и пріятелей и у всѣхъ, у кого только могъ, просилъ пособить — «спасти семейство». Собралъ онъ не мало, помнится, будто тысячь около четырехъ, что-то далъ и Кобылинъ; но недоставало все-таки много. Не помню теперь, сколько именно, но много что-то недоставало, кажется, тысячь двѣнадцать, или даже болѣе.

У насъ были совѣты и рѣшено было «собранное собрать для семьи», а казначея предоставить его участи. Но предобрѣйшему Евфиму это не пришлось.

— Что тамъ за участь дѣтямъ безъ отца!—проговорилъ онъ, и на другой же день *взнесъ все деньги*, сколько ихъ слѣдовало.

Откуда же онъ ихъ взялъ?

Онъ *разорилъ свое собственное семейство*: онъ заложилъ домъ свой и домъ тещи своей, вдовы протоіерея Лободовскаго, надавалъ векселей и сколотилъ сумму, чтобы выручить человѣка, котораго, опять повторяю, онъ не зналъ, а узналъ только о постигшемъ его бѣдствіи...

Разсудительнымъ или безразсуднымъ кому покажется этотъ поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ столь великодушень, что о немъ стѣбитъ вспомнить, и если слова епископа Филарета справедливы, что дѣти Ботвиновскаго призрѣны, то поневолѣ приходится повторить съ псалмопѣвцемъ: «не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба».

Другого такого поступка, совершеннаго съ полнѣйшею простотою сверхъ силъ и по одному порыву великодушія, я не видалъ ни отъ кого, и когда при мнѣ говорятъ о пресловутой «поповской жадности», я всегда вспоминаю, что самый, до безразсудности, безкорыстный человѣкъ, какого я видѣлъ,—это *былъ попъ*.

Поступокъ Евфима не только не былъ оцѣненъ, но даже былъ осмѣянъ и послужилъ поводомъ къ разнообразнымъ клеветамъ, имѣвшимъ дурное вліяніе на его расположеніе и положеніе.

Съ этихъ поръ онъ началъ снова захудѣвать, и все въ его дѣлахъ пошло въ разстройство: домъ его былъ проданъ, долгъ тещѣ его тяготилъ и мучилъ; онъ переѣхалъ къ своей, перенесенной на Новое Строепіе, Троицкой церкви и, вдо-

бавокъ, овдовѣлъ, а во вдовствѣ такой человѣкъ, какъ Евфимъ, былъ совершенно невозможенъ.

Жена его была прекрасная и даже очень миленькая женщина, веселаго и добраго нрава, терпѣливая, прощающая и тоже беззаботная. Лучшей пары о. Евфиму и на заказъ нельзя было подобрать, но когда въ дѣлахъ ихъ пошелъ упадокъ и она стала прихварывать, ей стало скучно, что мужа никогда почти не было дома. Она умерла какъ-то особенно тихо и грустно, и это обстоятельство вызвало въ о. Евфимѣ еще одинъ необыкновенный порывъ въ свойственномъ ему малоразсудительномъ, но весьма оригинальномъ родѣ. Мало удосуживаясь видѣть жену свою при ея жизни, онъ не могъ разстаться съ нею съ мертвою, и это побудило его рѣшиться на одинъ крайне рискованный поступокъ, еще разъ говорящій о его причудливой натурѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Троицкая церковь, къ которой перешелъ о. Евфимъ послѣ смерти своего брата, находилась въ Старомъ Кіевѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ начинается скверъ отъ стороны софійскаго собора. Церковь эта была маленькая, деревянная и, вдобавокъ, ветхая, какъ и церковь Іоанна Златоуста, находившаяся по другую сторону присутственныхъ мѣстъ, и съ постройкою этихъ послѣднихъ ее рѣшено было перенести на Новое Строеніе, гдѣ, конечно, надо было строить церковь вновь, сохранивши названіе прежней. О. Евфимъ самъ распоряжался постройкою церкви и осуществилъ при этомъ нѣкоторыя свои фантазіи. Такъ, напримѣръ, въ бытность его въ Петербургѣ, онъ мнѣ рассказывалъ, что устроилъ гдѣ-то въ боковой части алтаря маленькую «комору подъ землею»,—чтобы тамъ лѣтомъ, въ жары, хорошо было отъ мухъ отдыхать.

Я не видѣлъ этой «коморы» и не знаю, какъ она была устроена, но знаю несомнѣнно, что она есть и что въ ней скрывается теперь ни для кого уже непроницаемая тайна.

— Гдѣ схоронена покойная Елена Семеновна?—спросилъ я о. Евфима, рассказывавшаго мнѣ тяжесть своего вдоваго положенія.

— А у меня подъ церковью,—отвѣчалъ онъ.

Я удивился.

— Какъ, говорю,—подъ церковью? Какъ же вы это могли выхлопотать? Кто вамъ разрѣшилъ?

— Ну, вотъ, говорить,—«разрѣшилъ!»! Что я за дуракъ, чтобы сталъ объ этомъ кого-нибудь спрашивать? Разумѣется, никто бы мнѣ этого не разрѣшилъ. А я такъ, чтобы она, моя голубонька, со мною не разставалась,—я самъ ее закопалъ подъ поломъ въ коморѣ, и хожу туда и плачу надъ нею.

Это мнѣ казалось невѣроятнымъ, и я безъ стѣсненія сказалъ о. Евфиму, что ему не вѣрю, но онъ забожился и разсказалъ исторію погребенія покойницы подъ церковью въ подробностяхъ и съ такою обстоятельностью, что основаніе къ недоувѣрію исчезло.

По словамъ о. Евфима, какъ только Елена Семеновна скончалась, онъ и два преданные ему друга (а у него ихъ было много) разобрали въ нижней «коморѣ» полъ и сейчасъ же стали *своими руками* копать могилу. Къ отпѣванію покойной въ церкви — могила была готова. Приготовлялась ли тоже, какъ слѣдовало, могила на кладбищѣ,—я не спросилъ. Затѣмъ покойную отпѣли въ большомъ собраніи духовенства и, кажется, въ предстояніи покойнаго Филарета Филаретова, который тогда былъ еще архимандритомъ и ректоромъ кievской академіи. По отпѣваніи и запечатлѣніи гроба, *выносъ былъ отложенъ* до завтра, будто за неготовностью могильнаго склепа. Затѣмъ, когда отпѣвавшее духовенство удалилось, о. Евфимъ съ преданными ему двумя друзьями (которыхъ онъ называлъ) пришли ночью въ церковь и *похоронили покойницу въ могилу, выкопанной въ коморѣ подъ алтаремъ*. (Одинъ изъ друзей-гробокопателей былъ знаменитый въ свое время въ Кіевѣ уголовный слѣдователь, чиновникъ особыхъ порученій генераль-губернатора Андрей Ивановичъ Друкартъ, впоследствии вице-губернаторъ въ Сѣдлецѣ, гдѣ и скончался. Потомъ полъ опять застлали и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда, «до радостнаго утра» *).

Покойный епископъ Филаретъ Филаретовъ, кажется, зналъ

*) Собранныя мною по поводу предложеннаго разсказа свѣдѣнія подтвердили вполне его достовѣрность: никто изъ людей, знавшихъ супруговъ Ботвиловскихъ, не помнитъ факта прохода на кладбище тѣла умершей жены о. Евфима, а помнятъ только фактъ совершеннаго надъ нею торжественнаго отпѣванія и предложенной затѣмъ изобильной помпальной трапезы.

объ этомъ. По крайней мѣрѣ, когда я его спрашивалъ: «гдѣ погребена Елена Семеновна?»—онъ, улыбаясь, махалъ рукою и отвѣчалъ:

— Богъ его знаетъ, гдѣ онъ ее похоронилъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Какъ же относились къ такому священнику люди?

Моралисты и фарисеи его порицали, но простецы и «мытари» любили «предобраго Евфима» и, какъ писалъ мнѣ преосвященный Филаретъ, «провожали его съ большимъ плачемъ».

Не каждого такъ проводятъ даже и изъ тѣхъ, кои «поягли все книги кожаны» и соблюли все посты и «субботы».

И какъ было не плакать о такомъ простякѣ, который являлъ собою живое воплощеніе добра! Конечно, онъ не то, что пасторъ Оберлинъ; но онъ нашъ, простой русскій попъ, человѣкъ, можетъ-быть, и безалаберный, и грѣшный, но всепрощающій и безкорыстнѣйшій. А много ли такихъ добрыхъ людей на свѣтѣ?

А что думало о немъ начальство?

Кажется, не одинаково. О. Евфимъ служилъ при трехъ митрополитахъ. Митрополитъ Исидоръ Никольскій былъ мало въ Кіевѣ и едва ли успѣлъ кого узнать. Преемникъ его Арсеній Москвитинъ не благоволилъ къ Ботвиновскому, но покойный добрый старикъ Филаретъ Амфитеатровъ его очень любилъ и жалѣлъ и на все навѣты о Ботвиновскомъ говорилъ:

— Все, чай, пустяки... Онъ добрый.

Разъ, однако, и онъ призывалъ Евфима по какой-то жалобѣ или какому-то слуху, о существовѣ коего, впрочемъ, на митрополичьемъ разбирательствѣ ничего обстоятельно не выяснилось.

О разбирательствѣ этомъ рассказывали слѣдующее: когда Филарету наговорили что-то особенное объ излишней «свѣтскости» Ботвиновскаго, митрополитъ произвелъ такой судъ:

— Ты Батвиневской?—спросилъ онъ обвиняемаго.

— Ботвиновскій,—отвѣчалъ о. Евфимъ.

— Что-о-о?

— Я Ботвиновскій.

Владыка сердито стукнулъ по столу ладонью и крикнулъ:

— Врешь!.. Батвиневской!

Евфимъ молчалъ.

— Что-о-о? — спросилъ владыка. — Чего молчишь? пови-
нись!

Тотъ подумалъ, въ чемъ ему повиниться? и благопокорно
произнесъ:

— Я Батвиневской.

Митрополитъ успокоился, съ добраго лица его радостно
исчезла непривычная тѣнь напускной строгости, и онъ про-
тянулъ своимъ беззвучнымъ баскомъ:

— То-то и есть... Батвиневской!.. И хорошо, что пови-
нися!.. Теперь иди къ своему мѣсту.

А «прогнавъ» такимъ образомъ Батвиневскаго», онъ
говорилъ намѣстнику лавры (тогда еще благочинному)
о. Варлааму:

— Добрый мужиченко этотъ Батвиневской,—очень доб-
рый... И повинился... Скверно только, зачѣмъ онъ трубку
изъ длиннаго чубука палить?

Инокъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ, а добрый вла-
дыка разворковался:

— Это, смотри, его протопонъ Крамаревъ обучилъ...
Университетскій! Скажи ему, чтобы онъ университетскаго
наученья не смущалъ, чтобы изъ длиннаго чубука не ку-
рилъ.

Очевидно, что въ доносѣ было что-то о куреніи. Отецъ
Евфимъ и въ этомъ *исправился*,—онъ сталъ курить папи-
росы.

Къ сему развѣ остается добавить, что Ботвиновскій былъ
очень видный собою мужчина и, по мнѣнію знатоковъ, въ
молодости превосходно танцевалъ мазурку, и... искусства
этого никогда не оставлялъ, но послѣ нѣкоторыхъ случай-
ностей танцевалъ «только на именинахъ» у прихожанъ,
особенно его уважавшихъ.

Мнѣ думается, что такой непосредственный человѣкъ не-
премѣнно долженъ имѣть мѣсто среди кievскихъ *антиковъ*,
и даже, можетъ-быть, воспоминаніе о немъ окажется са-
мымъ симпатичнымъ для кievлянъ, между коими, вѣроятно,
еще не мало тѣхъ, что «шли плача за его гробомъ».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

О *кievскихъ богатыряхъ* я знаю мало. Видоизмѣняясь
отъ облика Ильи и Чурилы до фигуры Остапа Вульбы, къ

моему времени въ Кіевѣ они являлись въ лицахъ того же приснопамятнаго Аскоченскаго, студента Кол — ова и торговаго человѣка (приказчика купца Козловскаго) Ивана Филипповича Касселя (чистаго, безпримѣснаго хохла, наказаннаго за какой-то родительскій грѣхъ иноземною кличкою).

О силѣ Аскоченскаго говорили много, приводи примѣры, что будто ее иногда поневолѣ принимали въ соображеніе бывшій въ его время ректоромъ «русскій Златоустъ» Иннокентій Борисовъ и инспекторъ Іеремія. Достовернаго въ этомъ кажется то, что когда инспекторъ отобралъ разъ у студентовъ чубуки и снесъ ихъ къ Иннокентію, то Аскоченскій, съ его «непобѣдимю» дерзостію», явился къ Иннокентію «требовать свою собственность». А когда Иннокентій назвалъ это нахальствомъ и приказалъ наглецу «выйти вонъ», то Аскоченскій взялъ «весь пукъ чубуковъ» и сразу всѣ ихъ переломилъ на колѣнѣ.

Все остальное, что касается его легендарной силы, выражалось въ такомъ родѣ: онъ все «ломать». Больше всего онъ ломалъ, или, лучше сказать, гнулъ за столами металлическіе ножи, ложки, вилки, а иногда подсвѣчники. Дѣлалъ онъ это всегда сюрпризомъ для хозяевъ, но не всегда къ ихъ большому удовольствію.

О «непобѣдимыхъ его дерзостяхъ» рассказывалось тоже много, но надъ всѣмъ преобладало сообщеніе о «стычкѣ его съ профессоромъ Серафимомъ» на лекціи церковной исторіи.

Дѣло было такъ, что профессоръ послѣ безпристрастнаго изложенія фактовъ, пришелъ научнымъ путемъ къ достоверному выводу, который изложилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— Итакъ, мы ясно видѣли, что мать наша, святая православная церковь въ Россіи, принявъ богоучрежденныя постановленія отъ апостоловъ, нынѣ управляется *самимъ Духомъ святымъ*.

— Въ генеральскомъ мундирѣ! — отозвался съ своей парты Аскоченскій.

Профессоръ смутился и, какъ бы желая затушевать немѣстное вмѣшательство студента, повторилъ:

— Самимъ Духомъ святымъ.

Но Аскоченскій снова не выдержалъ и еще громче произнесъ:

— Да, въ генеральскомъ мундирѣ!

— Что ты подь симь разумѣешь?—спросилъ его Серафимъ.

— Не что, а *тъчто*,—отвѣчалъ Аскоченскій, и пояснилъ, что онъ разумѣеть военнаго оберъ-прокурора синода Н. Ал. Протасова.

Серафимъ пошелъ жаловаться къ Иннокентію, но тотъ какъ-то спустилъ это мягко.

Послѣдній фактъ «непобѣдимой дерзости» Аскоченскаго былъ не въ его пользу. Это случилось тогда, когда въ одно время сошлись на службѣ въ Каменцѣ Аскоченскій, занимавшій тамъ мѣсто совѣтнаго судьи, и бывший его начальникъ по воронежской семинаріи Елпидифоръ, на эту пору архіепископъ подольскій.

Ап. Елпидифоръ былъ изрядно нетерпѣливъ и вспыльчивъ, но въ свою очередь онъ зналъ продерзостную натуру Аскоченскаго, когда тотъ учился въ воронежской семинаріи. Однажды Елпидифоръ служилъ обѣдню въ соборѣ, а Аскоченскій стоялъ въ алтарѣ (любимое дѣло ханжей, позволяющихъ себѣ нарушать церковное правило и стѣснять собою служащее духовенство).

Во время литургии какой-то діаконъ или иподіаконъ что-то напуталъ, и вспыльчивый владыка сказалъ ему за это «дурака».

Тѣмъ дѣло и кончилось бы, но послѣ обѣдни у епископа былъ пирогъ и къ пирогу явился Аскоченскій, а во время одной паузы онъ ядовито предложилъ такой вопросъ:

— Владыка святыи! что долженъ пѣть клиръ, когда архіерей возглашаетъ «дуракъ»?

— «Совѣстный судья»,—отвѣчалъ спокойно епископъ.

— А я думалъ: «и духови твоему»,—отвѣчалъ «непобѣдимый въ дерзости» Аскоченскій, но вскорѣ потерялъ мѣсто совѣтнаго судьи и навсегда лишился службы.

Другой *богатырь* Кол—овъ дѣйствительно обладалъ силою феноменальною и ночами ходилъ «переворачивать камни у Владиміра». Идеаль его былъ «снять крѣпостныя ворота и отнести ихъ на себѣ на Лысую гору», которой тогда еще не угрожалъ переходъ въ собственность извѣстнаго въ Россіи рода бояръ Анненковыхъ. Тогда тамъ слетались простыя кіевскія вѣдьмы. Но воротъ Кол—овъ не снятъ, а погибъ инымъ образомъ.

Третій, самый веселый богатырь моего времени былъ Иванъ Филипповичъ Кассель, имѣющій даже двойную извѣст-

пость въ русской арміи. Во-первыхъ, торгуя военными вещами, онъ обмундировалъ чуть ли не всѣхъ офицеровъ, переходившихъ въ Крымъ черезъ Кіевъ, а, во-вторыхъ, онъ положилъ конецъ большой войнѣ, не значащейся ни въ какихъ хроникахъ, но, тѣмъ не менѣе, продолжительной и упорной.

Не знаю, съ какого именно повода въ Кіевѣ установилась вражда не вражда, а традиціонное преданіе о необходимости боевыхъ отношеній между студентами и вообще статскою молодежью съ одной стороны; и юнкерами съ другой. Особенно считалось необходимымъ «бить саперовъ», т. е. юнкеровъ сапернаго училища. Шло это съ замѣчательнымъ постоянствомъ и заманчивостью, которая увлекала даже такихъ умныхъ и прекрасныхъ людей, какъ Андрей Ивановичъ Друкартъ, бывший въ то время уже чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Фундуклеѣ.

Съ утра, бывало, сговариваются приходитъ въ трактиръ къ Кругу или къ Бурхарду, гдѣ поджидались саперные юнкера, и тамъ «ихъ бить».

Ни за что, ни про что, а такъ просто «бить».

Но иногда для этого выѣзжали на дубу, или пѣшкомъ отправлялись «за мостъ» къ Рязанову, или на Подоль, къ Каткову, и тамъ «бились».

Порою съ обѣихъ сторонъ были жертвы, то-есть не убитые, но довольно сильно побитые, а война все упорствовала, не уставала и грозила быть такою же хроническою, какъ война кавказская. Но случилось, что въ одной стычкѣ юнкеровъ (сдѣлавшихъ вылазку изъ урочища Кожемяки) съ статскою партією (спускавшеюся отъ церкви св. Андрея) находился Кассель. Будучи призванъ къ участию въ битвѣ, Иванъ Филиппычъ одинъ положилъ на землю всѣхъ непріятелей, а потомъ заодно и всѣхъ своихъ союзниковъ. Въ пылу битвы онъ не могъ успокоиться, пока не увидалъ вокругъ себя *всѣхъ* «полегшими». Это было такъ не по-сердцу для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что съ этимъ разомъ битвы прекратились.

Богатырей, прославленныхъ силою, болѣе уже не было. Эти, кажется, были послѣдніе.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

О *кладахъ* мнѣ только извѣстно въ смыслѣ литературномъ. Гдѣ-то и у кого-то въ Кіевѣ долженъ храниться одинъ

очень драгоценный и интересный литературный клад, — это одно действительно мѣткое и остроумное сочиненіе В. И. Аскоченскаго, написанное въ формѣ рѣчи, произносимой кандидатомъ епископства при нареченіи его въ архіереи. Рѣчь новонарекаемаго епископа, сочиненная Аскоченскимъ, не только нисколько не похожа на тѣ рѣчи, какія обыкновенно при этихъ важныхъ случаяхъ произносятся, но она имѣетъ диаметрально противоположна по направленію и духу, хотя сводится къ тѣмъ же результатамъ. Въ заправдашнихъ рѣчахъ кандидаты обыкновенно говорятъ о своихъ слабостяхъ и недостойнствахъ, — вообще сильно отпрашиваются отъ епископства, боясь, что не пронесутъ обязанностей этого сана, какъ слѣдуетъ. Потомъ едва только къ концу, и то лишь полагаясь на всемогущую благодать Божію и на воспособляющую силу молитвъ предсѣдающихъ святителей, они «пріемляютъ и ни что же вопреки глаголятъ». Но рѣчь Аскоченскаго идетъ изъ иного настроенія: его кандидатъ епископства, человекъ смѣлаго ума и откровенной прямой натуры, напоминаетъ «Шлемяника г-на Рамо». Онъ смотритъ на жизнь весело и не видитъ никакой надобности возводить на себя самообвиненія въ тяжкихъ недостойнствахъ. Напротивъ, нарекаемый епископъ Аскоченскаго признается, что санъ епископскій ему издавна весьма нравится и очень ему пріятенъ. Онъ рассказываетъ даже, какія мѣры и усилія онъ употребилъ для достиженія своей цѣли — быть епископомъ. Потомъ говоритъ и о своихъ «недостойнствахъ», но оный по-своему: онъ не ограничивается общимъ поверхностнымъ упоминаніемъ, что у него есть «недостойнства», а откровенно припоминаетъ ихъ, какъ добрый христіанинъ добраго времени, стоящій на открытой, всенародной исповѣди. Кандидатъ доводитъ свою откровенность до того, что «недостойнства» его въ самомъ дѣлѣ какъ-будто заставляютъ опасаться за его годность къ епископскому служенію и за него становится и страшно, и больно... Но вдругъ живая душа исповѣдника дѣлаетъ быстрый взмахъ надъ міромъ и зреть оттуда съ высотъ, что и другіе, пріавшіе уже яремъ епископства, были не только не достойнѣе его, но даже и послѣ таковыми же остались. А онъ клянется, что когда ему на епископствѣ станетъ жить хорошо, то онъ, какъ умный человекъ, ни за что не станетъ искать никакихъ пустяковъ, не имѣющихъ прямой

цѣны для счастья, и «потому пріемлетъ и ни что же вопреки глаголетъ».

Аскоченскій мнѣ самъ читалъ эту рѣчь, замѣчательную какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и читалъ онъ ее многимъ другимъ, пока объ этомъ не узналъ покойный митрополитъ московскій Иннокентій Веніаміновъ. Онъ *запретилъ* Аскоченскому читать эту рѣчь и давать ее списывать, а Викторъ Ипатьичъ, часто прибѣгая къ Иннокентію по дѣламъ своего изнемогавшаго изданія и другимъ личнымъ нуждамъ, далъ слово митрополиту запретъ этотъ исполнить. Въ «Дневникѣ» Аскоченскаго, который я, по редакціонной обязанности, *весь прочелъ* прежде пріобрѣтенія его редакціею «Историческаго Вѣстника», *нѣтъ этой рѣчи*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ «Дневникѣ» записано множество выходокъ, гораздо менѣе удачныхъ, и литературныхъ шалостей, несравненно болѣе непристойныхъ и дерзкихъ по отношенію къ предстоятелямъ церкви. Можетъ-быть, Аскоченскій вырвалъ эти листы, въ угоду митрополиту, который, по словамъ Виктора Ипатьича, «просто позволилъ ему *обыскивать свой бумажникъ*». Во всякомъ случаѣ этотъ литературный кievскій кладъ *) очень

*) Указываютъ еще другой кладъ, оставленный В. И. Аскоченскимъ въ Кіевѣ и находящійся, вѣроятно, и теперь у кого-либо изъ его кievскихъ знакомыхъ. Это обширное его изслѣдованіе о тогдашнемъ состояніи русскихъ университетовъ, озаглавленное такъ: «Наши университеты». Ѳ. Г. Лебединцевъ читалъ эту толстую, листовъ въ 70, рукопись, написанную въ 1854 или 1855 г. Въ ней Аскоченскій съ безпощадною рѣзкостью осуждаетъ весь строй университетскій и раскрываетъ недуги профессоровъ банковскаго направленія. Рукопись наполнена массою самыхъ неприглядныхъ фактовъ, обличавшихъ пустоту университетскихъ чтеній, грошовое либеральничество профессоровъ и поврежденность нравовъ студентовъ и пр., и пр. Рукопись шибко ходила по рукамъ и произвела въ ученомъ и административномъ мірѣ бурю, кончившуюся тѣмъ, что безшабашнаго автора, какъ не служащаго дворянина, посадили на двѣ недѣли на гауптвахту при кievскомъ ординарѣ-гаузѣ.

Разсказывали въ ту пору, что когда Аскоченскій былъ «приличнымъ образомъ» доставленъ къ тогдашнему кievскому генераль-губернатору кн. Васильчикову, послѣдній далъ Аскоченскому прочесть ту статью изъ Свода Законовъ, которая грозила ему чѣмъ-то въ родѣ высылки «въ мѣста отдаленныя». Аскоченскій нимало не сробѣлъ: онъ прочелъ статью, положилъ книгу и улыбнулся.

— Васъ, стало, это забавляетъ?—спросилъ его добродушный князь Васильчиковъ

интересенъ, какъ для характеристики самого Аскоченскаго, такъ и въ смыслѣ опредѣленія прозорливости тѣхъ, которые чаяли видѣть въ Викторѣ Ипатьевичѣ защитника падающаго авторитета своего сана, съ дозволеніемъ иногда «обьискивать ихъ бумажники».

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Затѣмъ еще «послѣднее сказаніе», — тоже касающееся кievскихъ преданій и литературы.

Когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. Н. Каткова былъ напечатанъ мой рассказъ «Запечатлѣнный Ангелъ», то въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, при снисходительныхъ похвалахъ моему маленькому литературному произведенію, было сказано, что «въ немъ передано событіе, случившееся при постройкѣ кievскаго моста» (разумѣется, *старого*). Въ рассказѣ идетъ дѣло объ иконѣ, которую чиновники «запечатлѣли» и отобрали въ монастырь, а старовѣры, которымъ та икона принадлежала, подмѣнили ее копіею во время служенія пасхальной заутрени. Для этого одинъ изъ старовѣровъ *прошелъ съ одного берега рѣки на другой при бурномъ ледоходѣ по цѣпямъ*.

Всѣмъ показалось, что мною въ этомъ рассказѣ описана кievская мѣстность и «событіе, случившееся тоже въ Кіевѣ». Такъ это и остается до сей поры.

Позволю себѣ нынѣ замѣтить, что первое совершенно справедливо, а второе—лѣтъ. Мѣстность въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», какъ и во многихъ иныхъ моихъ рассказахъ, дѣйствительно, похожа на Кіевъ,—что объясняется моими привычками къ кievскимъ картинамъ, но *такого происшествія*, какое передано въ рассказѣ, въ Кіевѣ *никогда не происходило*, т. е. никакой иконы старовѣры не крали и по цѣпямъ черезъ Днѣпръ не переносили. А было, дѣйствительно, только

Аскоченскій пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Не думаю, чтобы кого-нибудь забавляла возможность прогуляться въ Сибирь. Мнѣ смѣшно другое.

Васильчиковъ не продолжалъ разговора и послалъ его подъ арестъ.

Въ этой запискѣ, по словамъ Лебединцева, было много очень умнаго, дѣльнаго и справедливаго, такъ что автору было за что посидѣть подъ арестомъ.

Но гдѣ эти два едва ли не самыя лучшія произведенія ума и пера Аскоченскаго? Неужто они пропали!

слѣдующее: однажды, когда цѣпи были уже натянуты, одинъ калужскій каменщикъ, по уполномочію отъ товарищей, сходилъ во время пасхальной заутрени съ кіевскаго берега на черниговскій *по цѣпямъ*, но не за иконою, а за *водкою*, которая на той сторонѣ Дибра продавалась тогда много дешевле. Наливъ боченокъ водки, отважный ходокъ повѣсилъ его себѣ на шею и, имѣя въ рукахъ шесть, который служилъ ему балансомъ, благополучно возвратился на кіевскій берегъ съ своею корчемною ношею, которая и была здѣсь раснита во славу св. Пасхи.

Отважный переходъ по цѣпямъ, дѣйствительно, послужилъ мнѣ *темою* для изображенія отчаянной русской удали, но цѣль дѣйствія и вообще вся исторія «Запечатлѣннаго Ангела», конечно, иная, и она мною просто вымышлена.

20 декабря 1882 г.

С.-Петербургъ.

ЧОРТОВЫ КУКЛЫ.

ГЛАВЫ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ началѣ истекающаго девятнадцатаго столѣтїя въ одной семьѣ германскаго происхожденїя родился мальчикъ необыкновенной красоты. Онъ былъ такъ хорошъ, что въ семьѣ его не звали его крестнымъ именемъ, а называли его Фебуфисъ или Фебуфисъ, т. е. сынъ Феба. Это имя такъ ему пристало, что онъ удержалъ его за собою въ школѣ, а потомъ оно осталось при немъ во всю его жизнь. Съ возрастомъ оказалось, что при тѣлесной красотѣ ребенокъ былъ осчастливленъ замѣчательными способностями: онъ прекрасно учился наукамъ и рано обнаружилъ даръ и страсть къ живописи.

Отецъ Фебуфиса занимался крупными торговыми операціями и имѣлъ обезпеченное состояніе. Онъ хотѣлъ, чтобы сынъ шелъ по его же дорогѣ, и потому не былъ обрадованъ его художественными наклонностями, но мать ребенка, женщина очень чувствительная и поэтическая, не любила прозаическихъ, торговыхъ занятїй мужа и настояла, чтобы Фебуфисъ получилъ возможность слѣдовать своимъ художественнымъ влеченїямъ.

Мать питала несомнѣнную увѣренность, что сына ея ожидаетъ слава, и она отчасти не ошиблась.

Отецъ уступилъ желанїямъ сына, поддерживаемымъ настойчивостью матери, и Фебуфисъ поступилъ въ высшую художественную школу, сначала въ томъ городѣ, гдѣ жили

его родители, а потомъ перешель для усовершенствованія въ Римъ, гдѣ на него вскорѣ же стали указывать, какъ на самаго замѣчательнаго изъ современныхъ живописцевъ.

Съ теченіемъ времени на него обращали вниманія больше и больше, и онъ вскорѣ сталъ пользоваться такою извѣстностью, которая уже довольно близко граничила со славою. Были основанія вѣрить, что невдалекѣ его ожидаетъ и настоящая слава. Характеръ у него былъ веселый, немножко заносчивый и дерзкій со старшими, но безпечный и общительный въ сношеніяхъ съ сверстниками, между которыми молодой человекъ имѣлъ друзей. Особенно дружны были съ нимъ два молодыхъ живописца, прозванные въ своемъ кружкѣ Пикомъ и Макомъ. Оба эти молодые люди были разныхъ національностей и несходнаго нрава, но находились въ тѣснѣйшей пріязни и никогда почти не разлучались. За то ихъ и прозвали Пикъ и Макъ,—по дѣтской игрѣ: «гдѣ Пикъ, тамъ Макъ,—Пикъ здѣсь—Макъ здѣсь,—Пика нѣтъ и Мака нѣтъ». Макъ былъ крупный брюнетъ съ серьезнымъ, даже нѣсколько суровымъ и задумчивымъ лицомъ, а Пикъ—розовая, бѣлокурая крошка, съ личкомъ изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ «овечьей мордочкой». Макъ былъ мыслитель,—его занимали общественные вопросы: онъ скорбѣлъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ и задумывался надъ служебными цѣлями искусства, а Пикъ смотрѣлъ на жизнь въ розовыя стекла и отрицалъ въ искусствѣ всѣ постороннія цѣли, кромѣ самой красоты; притомъ Пикъ любилъ и покутить, но только, несмотря на его неразборчивость, онъ почти никогда не имѣлъ удачи, а Макъ былъ само цѣломудріе и обладалъ всѣми шансами на успѣхи, но онъ ихъ не добивался; Пикъ находилъ почти всѣхъ женщинъ очень милыми, а Макъ смотрѣлъ на всѣхъ равнодушно и все надѣялся когда-нибудь увидѣть одну заповѣдную женщину по своимъ мыслямъ. Она должна была обладать красотою духовной болѣе, чѣмъ тѣлесною,—во всякомъ случаѣ, она непременно должна была имѣть надъ нимъ многія нравственныя превосходства, особенно въ деликатности чувствъ, въ тонкомъ ощущеніи благородства, чести и добра. Она должна была не отдѣлять его отъ міра, какъ любятъ дѣлать многія женщины, а роднить его съ высшимъ міромъ. Если случалось, что Пикъ и Макъ правилось одно и то же, то оно непременно правилось имъ съ разныхъ сторонъ.

Имъ, папримѣръ, обоимъ нравился Донъ-Жуанъ, и они оба оправдывали байроновскаго героя, но совершенно съ различныхъ сторонъ: Пикъ находилъ, что переимѣнять привязанности очень весело, а Макъ любилъ Жуана за то, что онъ открывалъ во всѣхъ любившихъ его женщинахъ обманъ, и не хотѣлъ довольствоваться фальсификаціею чувства. Несмотря на такое несходство во взглядахъ, Пикъ и Макъ были, однако, очень дружны: Пикъ уважалъ въ Макѣ его думы и даже заботы о служебныхъ задачахъ искусства, а Макъ любилъ въ Пикѣ искренность, съ какою онъ восхищался каждымъ дарованіемъ, кромѣ своего собственнаго. Оба они жили вмѣстѣ, не богато и не бѣдно, какъ жило въ то время множество людей ихъ среды.

Фебуфиса отыскалъ Пикъ и сказалъ нелюдиму Маку:

— Пойдемъ, посмотримъ человѣка съ большимъ дарованіемъ.

— Въ чемъ же онъ проявилъ свои дарованія?

— Прекрасно пишетъ.

— Что же онъ пишетъ?—спросилъ Макъ.

— Все.

— Все?.. Это много. Пойдемъ и посмотримъ *есе*.

— Да, а вотъ ты можешь научить его выбирать лучшее.

Они пошли и подружились сразу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У Фебуфиса не было недостатка въ фантазій, онъ прекрасно сочинялъ большія и очень сложныя картины, рисунокъ его отличался правильностью и смѣлостью, а кисть его блистала яркою колоритностью. Ему почти въ одинаковой степени давались сюжеты религіозные и историческіе, пейзажъ и жанръ, но особенно плѣняли вкусъ и чувство фигуры въ его любовныхъ сценахъ, которыхъ онъ писалъ много и которыя часто заходили у него за предѣлы скромности.

Въ послѣднемъ родѣ онъ позволялъ себѣ большія вольности, но грація его рисунка и живая прелесть колоритнаго письма отнимали у этихъ произведеній впечатлѣніе скабрёзности и на выставкахъ появлялись такіе сюжеты Фебуфиса, какіе отъ художника меньшихъ дарованій ни за что не были бы приняты. Съ другой же стороны, соблазнительная прелесть картинъ этого рода привлекала къ нимъ

вниманіе самой разнообразной публики и находила ему щедрыхъ покупателей, которые не скупились на деньги.

Такимъ образомъ росло его имя, и онъ получалъ такой значительный заработокъ, что уже не только не требовалъ никакой поддержки отъ родителей, но когда отецъ его умеръ, и дѣла ихъ пошатнулись, то Фебуфисъ уступилъ свою долю отцовскаго наслѣдства брату и сестрѣ и сталъ присылать значительныя суммы нѣжно любимой матери.

Пикъ всему этому шумно радовался, а Макъ серьезно молчалъ или, когда Пикъ очень надоѣдалъ ему своими восторгами и восклицалъ:

— О, до чего онъ можетъ достигъ!

Макъ отвѣчалъ:

— До всего; я боюсь, что онъ до чего хочешь достигнетъ.

— Нѣтъ, съ кѣмъ его можно сравнить?

— Съ Ванъ-деръ-Пуфомъ,—отвѣчалъ Макъ.

Ванъ-деръ-Пуфъ было шуточное прозваніе для тѣхъ, кто подавалъ большія надежды съ сомнительными послѣдствіями.

Пикъ за это сердился и находилъ, что Фебуфисъ похожъ на Луку Кранаха, котораго онъ очень любитъ и имѣетъ нѣкоторыя его свойства.

— Въ чемъ же это проявляется?—спрашивалъ Макъ.

— Въ дарованіи, въ смѣломъ характерѣ и въ умѣннѣ гордо держать себя съ великими міра.

Макъ отвѣчалъ, что лучшее умѣнье держать себя съ тѣми, кто почитаетъ себя великими міра, это — стараться не входить съ ними ни въ какія сношенія.

— А если это нельзя?

— Ну, тогда быть отъ нихъ какъ можно дальше.

— Э, братъ, это сочтутъ за робость и униженіе.

— Повѣрь, что въ этомъ только и есть настоящее величіе, которое и они сами чувствуютъ и которое одно можетъ уязвлять ихъ пустую надменность.

— Ну, ты, Макъ, вѣдь аскетъ. Этакъ жить, такъ нельзя будетъ сдѣлать ничего достойнаго въ мірѣ.

А Макъ, наоборотъ, думалъ, что такъ только и можно что-нибудь сдѣлать самое достойное.

— А именно что?

— Прежде всего сберечь *свое достоинство*.

— Ты все о *своёмъ* достоинствѣ,—все только о томъ, что для себя.

— Иѣтъ, сохраненіе «достоинства» это не «только для себя», а это потомъ пригодится и для другихъ.

Студию Фебуфиса искали посѣщать самые разнообразныя путешественники, но достигали этого не всѣ, кто хотѣлъ. Онъ допускалъ къ себѣ только или извѣстныхъ знатоковъ и цѣнителей искусства, или людей высокаго положенія, вниманіе которыхъ ему льстило и которымъ онъ по преимуществу продавалъ свои картины для ихъ музеевъ и палаццо, и всегда за дорогую цѣну. Но и при этомъ онъ давалъ еще много произвола своимъ художественнымъ прихотямъ и капризамъ, очень часто доводимымъ имъ до непопозволительной дерзости и пренебреженія къ сану и свѣтскому положенію своихъ важныхъ посѣтителей. Онъ продавалъ имъ часто не то, что они желали бы у него пріобрѣсть, а то, что онъ самъ соглашался уступить имъ, всегда съ затаеннымъ и мало-скрываемымъ намѣреніемъ заставить ихъ имѣть передъ собою сюжетъ, который могъ служить имъ намекомъ, попрекомъ или неприятнымъ воспоминаніемъ.

Пикъ находилъ это прекраснымъ и художественнымъ, а Макъ называлъ фиглярствомъ.

Произведенія Фебуфиса были въ модѣ, а притомъ же тогда было въ модѣ и потворство капризамъ художниковъ, и потому сколько-нибудь замѣчательнымъ изъ нихъ много позволяли. Люди, самые деспотичные и грозные, требовавшіе, чтобы самые ученые и заслуженные люди въ ихъ присутствіи трепетали, сносили отъ художниковъ весьма часто непопозволительныя вольности. Художниковъ это баловало и не всѣ изъ нихъ умѣли держать себя въ предѣлахъ умѣренности и забывались, но, къ удивленію, все это имъ сходило съ рукъ въ размѣрахъ, непонятныхъ для нынѣшняго реального времени.

Особенно они были избалованы женщинами, но еще больше, пожалуй, деспотами, которые отличались своею грозностью и недоступностью для людей всѣхъ ранговъ и положеній, а, между тѣмъ, даже какъ-будто находили удовольствіе въ томъ, что художники обращались съ ними безцеремонно.

Такое было время и направленіе.

Фебуфисъ какъ первенствовалъ между собратіями въ искусствѣ, такъ же отличался смѣлостью и въ художественныхъ фарсахъ и шалопайствахъ. У него было много любов-

ныхъ приключеній съ женщинами, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ слоямъ въ Римѣ, но была и одна привязанность, болѣе прочная и глубокая, чѣмъ другія. Эта любовь была замѣчательно красивая, блѣдная дѣвушка-римлянка, по имени Марчелла. Она любила красавца-иностранца безъ памяти и безъ всякаго расчета, а онъ и ее цѣнилъ мало. Онъ былъ больше всего занятъ тѣмъ, что съ успѣхомъ соперничалъ съ моднымъ кардиналомъ въ благорасположеніи великовѣтскихъ римлянокъ и высокорожденныхъ путешественницъ, или, наскучивъ этимъ, охотно шилъ и дрался кулаками въ тавернахъ за мимолетное обладаніе тою или другою изъ тамошнихъ посѣтительницъ. По первой категоріи подвиги его восходили до дуэлей, угрожавшихъ ему высылкою изъ тогдашней папской столицы, а по второй дѣла кончались потасовками или полицейскимъ призывомъ къ порядку, что тоже тогда въ художественномъ мірѣ не почиталось за дурное и служило не въ укоръ, а, наоборотъ, слыло за молодечество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сказано, что между любовными исторіями Фебуфиса была одна, которая могла его кое-къ-чему обязывать. Это то самое, что касалось красивой и простосердечной римской дѣвушки, по имени Марчеллы. Она была безвѣстнаго происхожденія и имѣла престарѣлую мать, которую съ большимъ трудомъ содержала своею работою, но замѣчательная красота Марчеллы сдѣлала ей большую извѣстность. Не одинъ Фебуфисъ былъ плѣненъ этою красотой, — молодой, тогда еще мало-извѣстный, патріотъ Гарибальди, на одномъ изъ римскихъ празднествъ, тоже подаль Марчеллѣ цвѣтокъ, снявъ его со своей шляпы, но Марчелла взяла цвѣтокъ Гарибальди и весело перебросила его Фебуфису, который поймалъ его и, поцѣловавъ, приколотъ къ своей шляпѣ. Гарибальди видѣлъ это, послалъ имъ обоимъ поцѣлуй и крикнулъ: «счастливаго успѣха влюбленнымъ!» Сближеніе ихъ было очень близко и оригинально. Расположенія Марчеллы искали многіе и въ числѣ претендентовъ на ея руку были и богатые люди: въ числѣ такихъ былъ одинъ пармезанецъ. Марчелла его не любила, но мать ея, указывая на свое нездоровье и преклонные годы, требовала отъ дочери «маленькой жертвы». Марчелла согласилась на жертву и сдѣлалась невѣстой, но

подъ самый день свадьбы пошла помолиться Мадоннѣ и безотчетно постучалась въ дверь Фебуфиса. Сюда привела ее нестерпимая любовь, съ которою она напрасно боролась, и она вышла отсюда только черезъ нѣсколько дней и пошла къ пармезанцу сказать, что уже не можетъ быть его женою. Но Фебуфисъ, какъ многіе баловни женщинъ, не хотѣлъ оцѣнить лучше другихъ поступокъ Марчеллы и скоро охладѣлъ къ ней, какъ къ прочимъ. Эта побѣда только выпела новый листокъ въ его любовные лавры, а Марчеллу познакомила съ чувствами матери. Пикъ былъ этимъ смущень, а Макъ оскорбленъ и разгнѣванъ: онъ пересталъ говорить съ Фебуфисомъ и не сталъ давать ему руку.

— Это слишкомъ ужъ строго,—говорилъ Пикъ.

Макъ на это не отвѣчалъ, но, встрѣтивъ однажды Марчеллу, сказалъ ей:

— Какъ ты живешь нынче, добрая и честная Марчелла?

— Ты меня называешь *доброю!*

— И честною.

— Спасибо; я живу не худо,—отвѣчала Марчелла.—Съ тѣхъ поръ, какъ у меня есть дитя, я работаю вдвое и, представъ себѣ, на все чувствую новымъ силы.

— Но ты исхудала.

— Это скоро пройдетъ.

— А ты мнѣ скажи... только скажи откровенно.

— О, все, что ты хочешь... Я знаю тебя—въ тебѣ благородное сердце.

— Согласись быть моею женою.

— Женою?.. Спасибо. Я знаю, что ты благородень и добръ... Женою!.. Нѣтъ, милый Макъ, я уже никогда не буду ничьею женою.

— Почему?

— Почему?—Марчелла покачала своею красивою головою и отвѣчала:—Я вѣдь люблю! Развѣ ты хочешь, чтобы между нами всегда былъ третій въ поминѣ? Нѣтъ, милый Макъ, я любила и это останется вѣчно. Полюби лучше другую.

Но благородство и гордость Марчеллы были подвергнуты слишкомъ тяжелому испытанію: мать ее безпрестанно укоряла ихъ тяжкою бѣдностью,—ея престарѣлые годы требовали удобствъ и покоя,—дитя отрывало руки отъ занятій,—бѣдность всѣхъ ихъ душила. О Марчеллѣ пошли недобрые слухи, въ которыхъ имя доброй дѣвушки связывалось съ

именемъ богатаго иностранца. Къ сожалѣнію, это не было пустою басней. Марчелла скрывалась отъ всѣхъ и никому не показывалась. Пикъ и Макъ о ней говорили только одинъ разъ и очень немного. Пикъ сказалъ:

— Слышалъ ты, Макъ, что говорятъ о Марчеллѣ?

— Слышалъ,—отвѣчалъ Макъ, сядя за мольбертомъ.

— И что же, ты этому вѣришь или не вѣришь?

— Вѣрю, конечно.

— Почему же конечно? Ты вѣдь былъ о ней всегда хорошаго мнѣнія.

Макъ отошелъ отъ мольберта, посмотрѣлъ на свою картину и, помедливъ, сказалъ:

— Я о ней и теперь остаюсь хорошаго мнѣнія.

Теперь Пикъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— Развѣ она не могла поступить лучше?

— Не знаю, можетъ-быть, и не могла.

— Значить, у нея нѣтъ воли, нѣтъ характера?

— Ты спроси объ этомъ того, кто устроилъ испытаніе для ея воли и характера.

— Но она могла выйти замужъ?

— Не любя?

— Хотя бы и такъ.

— Или... быть-можетъ, даже любивши другого?

— Ну, и все было-бъ лучше.

— Можетъ-быть, только она тогда не была бы тою Марчеллой, которая стоила бы моего лучшаго мнѣнія.

— А теперь?

— Изъ двухъ золъ она выбрала то, которое меньше.

— Меньше!.. Продать себя... это ты считаешь за меньшее зло?

— Не себя.

— Какъ не себя? Неужто этотъ богатъ ѣздить къ ней читать съ нею Петrarку или Данте?

— Нѣтъ; она продала ему свое прекрасное тѣло и, навѣрное, не обѣщала отдать свою душу. Ты различай между *я* и *мое*: я—это я въ своей сущности, а тѣло мое—только моя принадлежность. Продать его—страшная жертва, но продать свою душу, свою правду, обѣщаться любить другого—это гораздо подлѣе, и потому Марчелла дѣлаетъ меньшее зло.

— Есть еще средство!—замѣтилъ Пикъ.

— Какое?

— Прекратить свою жизнь. Смерть лучше позора.

Макъ сложилъ руки и сказалъ:

— Какъ, убить себя?! Женщинѣ убить себя за то, что се бросили, и бросить на всѣ мученія нищеты свою мать и своего ребенка?.. И ты это называешь лучшимъ? Нѣтъ, это не лучше. Лучше перенести все на себѣ и... Впрочемъ, иди лучше, Пикъ, читай уроки о чести другому,—мы о ней больше съ тобою никогда не должны говорить.

— Хорошо,—отвѣчалъ Пикъ:—но ты мнѣ никогда не докажешь...

— Ахъ, оставь про доказательства! Я никогда тебѣ и не буду доказывать того, что для меня ясно, какъ солнце, а ты знай, что доказать можно все на свѣтѣ, а въ жизни вѣрныя доказательства часто стѣять менѣе, чѣмъ вѣрныя чувства.

Въ отношеніи Марчелліа Макъ имѣлъ «вѣрныя чувства» и вѣрно отгадывалъ, что двигало ея поступками. Другіе о ней позабыли,—Фебуфису ея не интересовался. Онъ съ той поры имѣлъ много другихъ успѣховъ у женщинъ, которыя, помимо своей красоты, льстили его самолюбію, и вообще шедъ на быстрыхъ парусахъ при слабомъ рудѣ, который не правилъ судомъ, а предавалъ его во власть случайнымъ теченіямъ. Въ характерѣ его все болѣе обозначались признаки необузданности и своеволия. Успѣхи его туманили. Онъ становился капризенъ.

— Я хотѣлъ бы знать, чего онъ хочетъ?—говорилъ Пикъ.

— А я не хотѣлъ бы объ этомъ знать, но знаю,—отвѣчалъ Макъ.

— Чего же онъ хочетъ?

— Своей погибели,—и она будетъ его удѣломъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Фебуфису было около тридцати лѣтъ, когда онъ сбывъ съ рукъ исторію Марчоллы и потомъ въ теченіе одного года сдѣлалъ два безумные поступка: во-первыхъ, онъ послалъ дерзкій отказъ своему правительству, которое, по его мнѣнію, недостаточно почтительно приглашало его возвратиться на родину, чтобы принять руководство художественными работами во дворцѣ его государя; а, во-вторыхъ, произвелъ выходку, скандализовавшую цѣлую столицу. Жена одного изъ иностранныхъ дипломатовъ при намѣ удѣлила Фебуфису какую-то долю какого-то своего вниманія и по-

томъ,—какъ ему показалось,—занилась кардиналомъ. Фебуфисъ вскинулъ гнѣвомъ и выставилъ у себя въ мастерской самую неприличную картину въ родѣ известной классической Pandora. На этомъ полотнѣ онъ изобразилъ упомянутую красивую даму въ объятіяхъ знаменитаго въ свое время кардинала, а себя поставилъ близъ нихъ вмѣсто сатира, котораго отводитъ старуха со свѣчкой.

Картина эта представлялась забавною и ѣдкою всѣмъ, кромѣ малоразговорчиваго Мака.

— Твое цѣломудріе оскорблено моею *Пандорой*?—спросилъ его однажды вечеромъ, сидя за виномъ, Фебуфисъ.

Макъ прервалъ свое долгое молчаніе и отвѣтилъ ему:

— Да, съ этой поры я не перестану жалѣть, чѣмъ ты способенъ заниматься.

— Способенъ!.. Какъ это глупо! Я способенъ заниматься всѣмъ... и я, наконецъ, не понимаю, почему иногда не позволять себѣ шалость.

— Ты называешь это шалостью?

— Конечно. А ты?

— По-моему, это низость, это растлѣніе другихъ и самого себя.

— Такъ ты видишь здѣсь одинъ цинизмъ?

— Нѣтъ, я вижу все, что здѣсь есть.

— Что же, наиримѣръ?

— Задоръ и вызовъ на борьбу людей, которыхъ не стѣдуетъ трогать.

— Отчего? Они стоятъ довольно высоко и трогать ихъ не безопасно.

— А-га! такъ тебѣ это доставляетъ удовольствіе?

— И очень большое.

Макъ тихо двинулъ плечами и, улыбувшись, сказалъ:

— Я предпочелъ бы беречь свои силы, чѣмъ ихъ такъ раскидывать.

— Въ такомъ случаѣ, всѣ тѣ, кто желаетъ заслужить себѣ одобреніе властей, имѣютъ теперь отличный случай достигъ этого,—стѣдуетъ только обнаруживать пренебреженіе *Пандорь*. Ты это дѣлаешь?

Макъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ты не задерешь меня! Я не сорюсь изъ-за пустяковъ и не люблю, когда ссорятся. Мнѣ нѣтъ дѣла до тѣхъ,

которые ищутъ для себя расположенія у властей, но мнѣ нравятся тѣ, которые не задираются съ ними.

— Ну, не хитри, Макъ, ты—скрытый аристократъ.

— Пожалуй, я—аристократъ въ томъ смыслѣ, что я не хочу подражать слугамъ, передразнивающимъ у себя на застольной своихъ господъ. Я совсѣмъ не интересуюсь этими... господами.

— Другими словами, ты бережешь себя для чего-то лучшаго.

— Очень быть можетъ.

Фебуфисъ ему насмѣшливо поклонился.

— Можешь мнѣ и не кланяться,—спокойно сказалъ ему Макъ.

И Макъ, заплативъ свои деньги, ушелъ ранѣе другихъ изъ таверны.

Обѣ выходки Фебуфиса, какъ и слѣдовало ожидать, не прошли даромъ: первая оскорбила правительство его страны и Фебуфису нельзя было возвратиться на родину, а вторая подняла противъ него страшную бурю въ самомъ Римѣ и угрожала художнику насмѣлымъ убійствомъ.

Фебуфисъ отнесся къ тому и къ другому съ полнымъ легкомысліемъ и даже бравировалъ своимъ положеніемъ: онъ ни съ того, ни съ сего написалъ своему государю, что очень радъ не возвращаться, ибо изъ всѣхъ формъ правленія предпочитаетъ республику, а насчетъ картины, компрометировавшей даму и кардинала, объявилъ, что это «мечта живописца», и позволялъ ее видѣть посѣтителямъ.

Въ это самое время по Европѣ путешествовалъ одинъ молодой герцогъ, о которомъ тогда говорили, будто онъ располагалъ несмѣтными богатствами. О немъ тогда было очень много толковъ; увѣрили, будто онъ отличался необыкновенною смѣлостью, щедростью и непреклонностью какихъ-то своихъ совершенно особенныхъ и твердыхъ убѣжденій, съ которыми, долго ли, коротко ли, придется посчитаться очень многимъ. Это дѣлало его интереснымъ со стороны политической, а въ то же время герцогъ слылъ за большаго знатока и цѣнителя разнообразныхъ произведеній искусства и особенно живописи.

Высокій путешественникъ прибылъ въ Римъ полуинкогнито изъ Неаполя, гдѣ всѣ имъ остались очень довольны. Палекій Римъ ему не понравился. Рассказывали, будто онъ

сказалъ какому-то дипломату, что «дѣло поновъ—молиться, но не ихъ дѣло править», и не только не хотѣлъ принимать здѣсь никакихъ официальныхъ визитовъ, но даже не хотѣлъ осматривать и многихъ замѣчательностей вѣчнаго города.

Властямъ, которыя надѣялись вступить съ герцогомъ въ нѣкоторыя сношенія, было крайне непріятно, что онъ собирався уѣхать отсюда ранѣе, чѣмъ предполагалось по маршруту.

Говорили, будто одному изъ наиболѣе любимыхъ путешественникомъ лицъ въ его свѣтѣ былъ предложенъ богатый подарокъ за то, если оно сумѣетъ удержать герцога изъ определенное по маршруту время. Это лицо, — кажется, адъютантъ, — любя деньги и будучи смѣло и находчиво, позаботилось о своихъ выгодахъ и сумѣло заинтересовать своего повелителя разсказомъ о скандальномъ происшествіи съ картиною Фебуфиса, которая какъ разъ о ту пору оскорбила римскихъ монаховъ и о ней шелъ говоръ въ художественныхъ кружкахъ и въ свѣтскихъ гостиницахъ.

Хитрость молодого царедворца удалась вдвойнѣ: герцогъ заинтересовался разсказомъ и пожелалъ посѣтить мастерскую Фебуфиса. Этимъ предпочтеніемъ онъ могъ нанести уколъ властнымъ монахамъ, и отъ этого одного у него пропала хандра, но зато она слишкомъ рѣзко уступила мѣсто истеричности, составлявшему самую сильную черту характера герцога.

Фебуфисъ входилъ въ кругъ идей, для него постороннихъ, и неожиданно получилъ новое значеніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тотъ же самый адъютантъ, которому удалось произвести перемѣну въ расположеніи высокаго путешественника, былъ посланъ къ Фебуфису извѣстить его, что такая-то особа, путешествующая подъ такимъ-то инкогнито, желаетъ завтра быть въ его мастерской. Фебуфису показалось, что это сдѣлано какъ будто надменно, и его характеръ нашелъ себѣ здѣсь нищу.

— Развѣ вамъ герцогъ такъ любитъ искусство?—спросилъ онъ небрежно у адъютанта.

— Да, герцогъ любитъ искусство.

— И что-нибудь въ немъ понимаетъ?

— Какъ вы странно спрашиваете! Герцогъ прекрасный цѣнитель въ живописи.

— Я слыхалъ только, что онъ хорошій покуватель.

— Нѣтъ, я говорю вамъ именно то, что и хочу сказать: герцогъ—хорошій *цѣнитель*.

— Быть цѣнителемъ, это значить не только знать технику, но имѣть понятія о благородныхъ задачахъ искусства.

— Мм... да!.. Онъ ихъ имѣеть.

— Въ такомъ разѣ вы повезите его къ Маку.

— Кто это Макъ?

— Макъ? Эго мой славный товарищъ и славный художникъ. У него превосходныя идеи, и я когда-то пользовался его совѣтомъ и даже началъ было картину «*Бросься внизъ*», но не могъ справиться съ этою идеей.

— *Бросься внизъ?*

— Да... «*Бросься внизъ*».

Гостю показалось, что хозяинъ надъ нимъ обидно шутить, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Я не понимаю такого сюжета.

— Позвольте усомниться.

— Я не имѣю привычки шутить съ незнакомыми.

— «*Бросься внизъ*»—это изъ *Евангелія*.

— Я не знаю такого текста.

— Сатана говоритъ Христу: «бросься внизъ».

Адъютантъ сконфузился и сказалъ:

— Вы правы, я вспоминаю,—это сцѣпа на кровлѣ храма?

— Вы называете это «сценою»? Ну, прекрасно, будь по-вашему: станемъ называть евангельскія событiя «сценами», но, впрочемъ, все дѣло въ благородствѣ задачи. Обыкновенно вѣдь пишутъ сатану съ рожками, и онъ приглашаетъ Христа броситься за какiя-то царства... По идеѣ Мака выходило совсѣмъ не то: его сатана очень внимательный и практическiй господинъ, который убѣждаетъ вдохновеннаго правдолюбца только снизойти съ высоты его духовнаго настроенiя и немножко «броситься внизъ», придти отъ правды Бога къ правдѣ герцоговъ и королей, войти съ нимъ въ союзъ... а Христосъ, вы знаете, этого не сдѣлалъ. Макъ думаетъ, что у нихъ шло дѣло объ этомъ, и что Христосъ *на это* не согласился.

— Да, конечно. Это тоже интересно... Но герцогъ вообще хочетъ видѣть всѣ ваши работы.

— Двери моей студии открыты и вашъ повелитель можетъ въ нихъ войти, какъ и всякій другой.

— Онъ непременно желаетъ быть у васъ завтра.

— Непременно завтра?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, лучше пусть онъ придетъ послѣзавтра.

— Позвольте!.. Но почему же послѣзавтра, а не завтра?

— А почему именно непременно завтра, а не послѣзавтра?

— Нѣтъ, ужъ позвольте завтра!

— Нѣтъ, послѣзавтра!

Адъютантъ молча хлопнулъ нѣсколько разъ глазами, что составляло его привычку въ минуты усиленныхъ соображеній, и проговорилъ:

— Что же это значить?

— Ничего, кромѣ того, что я вамъ сказалъ, — отвѣчалъ Фебуфистъ и, вспрыгнувъ на высокій табуретъ передъ большимъ холстомъ, который расписывалъ, взялъ въ руки кисти и палитру.

Все существо его ликовало и озарялось торжествомъ въ самомъ его любимомъ родѣ: онъ могъ глядѣть свысока на стоявшаго около него свѣтскаго человѣка, присланнаго могущественнымъ лицомъ, и, такимъ образомъ, унижать и посла, и самого пославшаго.

Адъютантъ не скрывалъ своего непріятнаго положенія и сказалъ:

— Я не могу передать герцогу такого отвѣта.

— Отчего?

— Онъ не терпитъ отказовъ.

— Ну, нечего дѣлать, потерпите.

— Онъ не согласится остаться здѣсь до послѣзавтра.

— Человѣкъ, который такъ любитъ искусство, согласится.

— Онъ назначилъ завтра вечеромъ уѣхать.

— Онъ самъ себѣ господинъ и всегда можетъ отсрочить.

Адъютантъ разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Вы оригинальный человѣкъ.

— Да, я не рабская копія.

— Безъ сомнѣнія, герцогъ можетъ остаться вездѣ, сколько ему угодно; но поймите же, что съ нимъ не принято такъ обходиться. Ему нельзя диктовать.

— Значить, у него есть характеръ?

— И очень большой.

— Да, говорятъ, и я слышалъ — это интересно! Такъ вотъ мы его испробуемъ: вы скажите ему, что такъ и быть, пуцу его къ себѣ, но только послѣзавтра.

— Прошу васъ, оставьте это, маэстро!

— Не могу, господинъ адъютантъ, не могу, — я тоже, — рекомендуюсь вамъ, — человекъ упрямый.

— На что вамъ его сердить?

— По совѣсти сказать, ни на что, но мнѣ теперь взошла въ голову такая фантазія, и вы со мною, съ позволенія вашего, ни чорта не подѣлаете ради всѣхъ герцоговъ вмѣстѣ и порознь.

— Вы дерзки.

— Хотите дуэль?

— Очень хотѣлъ бы, но, къ сожалѣнію, я теперь не могу принять дуэли.

— Почему?

— Конечно, не потому, что я не желаю васъ убить или страшусь быть убитымъ, но потому, что я состою въ свитѣ такого лица, путешествіе котораго не должно сопровождаться никакими скандалами.

— Хорошо, не нужно дуэли, но я вамъ предлагаю пари.

— Какое? въ чемъ оно состоитъ?

— Оно состоитъ вотъ въ чемъ: мнѣ кажется, будто я знаю вашего герцога больше, чѣмъ вы.

— Это интересно.

— Да, и я это утверждаю и держу пари, что если вы передадите ему то, что я вамъ сказалъ, то онъ останется здѣсь еще на день.

— Ни за что на свѣтѣ!

— Вы ошибаетесь.

— Оставимъ этотъ разговоръ.

— А я вамъ ручаюсь, что я не ошибаюсь; онъ чудесно прѣждетъ до послѣзавтра, и я вамъ совѣтую принять пари, которое я предлагаю.

— Я желалъ бы знать, въ чемъ же будетъ заключаться самое пари?

— Въ томъ, что если вашъ повелитель останется здѣсь *на три дня*, то вы безъ всякихъ отговорокъ должны исполнить то, что я закажу вамъ; а если онъ не останется, то я исполню любое приказаніе, какое вы мнѣ дадите. Наши

шансы равны, и даже, если хотите знать, я рискую больше, чѣмъ вы.

— Чѣмъ?

— Я не буду знать, точно ли вы передадите мои слова.

— Я передамъ ихъ въ точности; но, въ свою очередь, я могу принять ваше условіе только въ томъ случаѣ, если въ заказѣ, который вы мнѣ намѣрены сдѣлать въ случаѣ моего проигрыша, не будетъ ничего унижительнаго для моей чести.

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ...

— Вы принимаете мое пари?

— Да.

— Это прелестно: мы заключаемъ пари на герцога.

— Мнѣ непріятно, что вы надѣ этимъ смѣетесь.

— Я не буду смѣяться. Пари идетъ?

— Извольте.

— Я подаю вамъ мою руку съ самыми серьезными намѣреніями.

— Я съ такими же ее принимаю.

Молодые люди ударили по рукамъ, и офицеръ откланялся и ушелъ, а Фебуфисъ, проводивъ его, отправился въ кафе, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ съ своими знакомыми и весело шутилъ съ красивыми служанками, а когда возвратился вечеромъ домой, то нашелъ у себя записку, въ которой было написано:

«Онъ остается здѣсь съ тѣмъ, чтобы быть у васъ въ студіи послѣзавтра».

Фебуфисъ небрежно смялъ записку и, улыбувшись, написалъ и послалъ такой же короткій отвѣтъ. Въ отвѣтѣ этомъ значилось слѣдующее:

«Онъ пробудетъ здѣсь *три дня*».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Слѣдующій день Фебуфисъ провелъ, по обыкновенію, за работой и принималъ нѣсколькихъ иностранцевъ, которые внимательно осматривали его талантливыя работы, а втайнѣ всего болѣе заглядывались на *Messaline dans la loge de Lisisca*, которая занимала большое и видное мѣсто. Картина во весь день не была задернута гобеленомъ, и ее видѣли все, кто посѣтилъ студію.

Потомъ Фебуфисъ былъ во всехъ тѣхъ мѣстахъ, которыя

имѣлъ въ обычаѣ посѣщать ежедневно, но вернулся домой нѣсколько ранѣе и, запершись дома съ слугою, занялся приведеніемъ своей мастерской въ большой порядокъ.

Семейство желчнаго, больного скульптора, обитавшее въ нижнемъ жильѣ, которое находилось подъ ателье Фебуфиса, очень долго слышало шумъ и возню отъ передвиганія тяжелыхъ мольбертовъ. Можно было думать, что художникъ наскучилъ старымъ расположеніемъ своей мастерской, или ему, можетъ-быть, пришла фантазія исполнить какую-нибудь новую затѣю съ *Messaline dans la loge de Lisisca*.

Это такъ и было.

На слѣдующій день догадки нижняго семейства подтвердились и разъяснились: тотчасъ послѣ ранней сіесты мастерскую Фебуфиса посѣтилъ именитый путешественникъ въ сопровожденіи двухъ лицъ изъ своей свиты.

Одинъ изъ нихъ былъ престарѣлый, но молодящійся саповникъ, во фракѣ и съ значительнымъ количествомъ звѣздъ. Онъ былъ первый совѣтникъ герцога по всѣмъ дѣламъ, касающимся иностранныхъ сношеній, и занималъ должность начальника этого вѣдомства. Въ числѣ звѣздъ, украшавшихъ его лацкана, были и такія, которыхъ никто другой, кромѣ его, не имѣлъ. Старецъ носилъ превосходно взбитый на головѣ парикъ, блисталъ бѣлѣйшими зубами и былъ подрисованъ и зашнурованъ въ корсетъ. Лѣта его были неизвѣстны, но онъ держался бодро, хотя и вздрагивая точно подъ ударами вольтова столба. Чтобы маскировать это непроизвольное движеніе, онъ отъ времени до времени дѣлать то же самое нарочно. Въ существѣ это была дипломатическая хартія, вся уже выцвѣтшая, но еще кое-какъ разбираемая при случаѣ. Въ немъ была смѣсь джентльмена, маркиза и дворецкаго, но утверждали, будто въ дѣлахъ онъ ловокъ и очень находчивъ. Другой при герцогѣ былъ тотъ самый молодой адъютантъ, съ которымъ Фебуфисъ держалъ свое пари о «завтра и послѣзавтра».

Самъ герцогъ и оба его провожатые были въ обыкновенномъ партикулярномъ платьѣ, въ которомъ, впрочемъ, герцогъ держался совсѣмъ по-военному. Онъ былъ представительный и даже красивый мужчина, имѣлъ очень широкія манеры и глядѣлъ какъ человекъ, который не боится, что его кто-нибудь остано- вить; онъ поводилъ плечами, какъ-

будто на немъ были эполеты, и шель легко, словно только лишь изъ милости касался ногами земли.

Взойдя въ atelier, герцогъ окинулъ все помѣщеніе глазами и удивился. Онъ какъ-будто увидалъ совсѣмъ не то, что думалъ найти, и остановился посреди комнаты, насунивъ брови, и, оборотись къ адъютанту, сказать:

— Это не то.

Адъютантъ покраснѣлъ.

— Это не то, — повторилъ громко герцогъ и, сдѣлавъ шагъ впередъ, подалъ художнику руку.

Фебуфисъ ему поклонился.

— А гдѣ же это?

Фебуфисъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ то на герцога, то на его провожатыхъ.

— Я спрашиваю это... то, что у васъ есть...

— Здѣсь рѣшительно все, что можетъ быть достойно вашего вниманія.

— Но было еще что-то?

— Кое-какой хламъ... пустяки, недостойныя вашего вниманія.

— Прекрасно... благодарю, но я не хочу, чтобы вы со мною чинились: не обращайтесь вниманія, что я здѣсь, и продолжайте работать, — я хочу не снѣша осмотрѣть все, что есть у васъ въ atelier.

И онъ пачаль скоро ходить взадъ и впередъ и вдругъ опять сказалъ:

— Да гдѣ же, наконецъ, *то*?

— Что вы желаете видѣть?—спросилъ Фебуфисъ.

— Что?

Герцогъ гнѣвно метнулъ глазами и не отвѣчалъ, а его адъютантъ стоялъ перекопфуженный, но статскій самовникъ шепнулъ:

— Герцогъ хочетъ видѣть *ту* картину... *ту* вашу картину... о которой всѣ говорятъ.

— Ахъ, я догадываюсь,—отвѣчалъ Фебуфисъ и откатилъ подставку, на которой стояло обернутое лицомъ къ стѣнѣ полотно съ повымъ многоличнымъ историческимъ сюжетомъ.

— Не то! — вскричалъ герцогъ. — Что изображаетъ эта картина?

— Она изображаетъ знаменитаго въ XVI вѣкѣ живописца Луку Кранаха.

— Ну?

— Онъ, какъ извѣстно, былъ почтенъ большою дружбой Иоанна Великодушнаго.

— А что далѣе?

— Художникъ умѣлъ быть благороднѣе всѣхъ высоко-рожденныхъ льстецовъ и царедворцевъ, окружавшихъ Иоанна, и когда печальная судьба обрекла его покровителя на заточеніе, его всѣ бросили, кромѣ Луки Кранаха.

— Очень благородно, но... что еще?

— Лука Кранахъ одинъ добровольно раздѣлялъ неволю съ Иоанномъ въ теченіе пяти лѣтъ и поддерживалъ въ немъ душевную бодрость.

— Хорошо!

— Да, они не только не унывали въ заточеніи, но даже успѣли многому научиться и еще болѣе возбудить свои душевныя силы. Я на своей картинѣ представилъ, какъ они проводили свое время: вы видите здѣсь...

— Да, я вижу, прекрасно вижу.

— Иоаннъ Великодушный читаетъ вслухъ книгу, а Лука Кранахъ слушаетъ чтеніе и самъ пишетъ этюдъ нынѣшней знаменитой вѣнской картины «*Поцѣлуй Иуды*»...

— Ага! вамекъ предателямъ!

— Да, вокругъ узниковъ миръ и творческая тишина; можно думать, что книга — историческая и, можетъ-быть, говорить о нравахъ царедворцевъ.

— Дрянн! — оторвалъ герцогъ. — Вы прекрасно будете поступать, если будете всегда карать эти нравы.

Фебуфисъ продолжалъ указывать мунтабелемъ на изображеніе Кранаха и говорилъ съ оживленіемъ:

— Я хотѣлъ выразить въ лицѣ Кранаха, что онъ старается проникнуть характеръ предателя и проникаетъ его... Онъ изображаетъ Иуду не злымъ, не скупцомъ, продающимъ друга за ничтожную цѣну, а только узкимъ, раздраженнымъ человѣкомъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это прекрасно!

— Это человѣкъ, который не можетъ снести широты и смѣлости Христа, вдохновеннаго мыслью о любви ко всѣмъ людямъ безъ различія ихъ породы и вѣры. Съ этой картины Кранахъ началъ ставить внизу монограмму сухого, тощаго дракона въ пятой манерѣ.

— Помню: сухой и тощій драконъ.

— Есть преданіе, будто онъ растиралъ для этого краску съ настоящею драконовою кровью...

— Да... Но все это не то!—перебилъ его герцогъ.—Гдѣ же то?! Я хочу видѣть вашу голую женщину!

— Голую женщину?

— Ну, да, голую женщину!—подсказалъ ему старый саповникъ.

— Ту голую женщину, которая вчера была на этомъ мольбертѣ,—подсказалъ съ другой стороны адъютантъ.

— Ахъ, вы это называете *то*?..

— Ну, да!

— Да, да.

— Но вы ошибаетесь, полковникъ, это вѣдь было го вчера, а позавчера.

— Оставьте споръ и покажите мнѣ, гдѣ голая женщина?— молвилъ герцогъ.

— Я думалъ, что она не стоить вашего вниманія, ваша свѣтлость, и убралъ ее.

— Достаньте.

— Она вынесена далеко и завалена хламомъ.

— Для чего же вы это сдѣлали?

Фебуфисъ улыбнулся и сказалъ:

— Я могу быть откровененъ?

— Конечно!

— Я такъ много слышалъ о вашей строгости, что проработалъ всю ночь за перестановкою моей мастерской, чтобы только убрать нескромную картину въ недоступное мѣсто.

— Не находчиво. Впрочемъ, меня любятъ представлять звѣремъ, но... я не таковъ.

Фебуфисъ поклонился.

— Я хочу видѣть вашу картину.

— Чтобы доставить вамъ удовольствіе, я готовъ проработать другую ночь, но едва могу ее достать развѣ только къ завтрашнему дню.

Посѣтителю понравилась веселая откровенность Фебуфиса, а также и то, что онъ его будто боялся. Лицо герцога приняло смягченное выраженіе.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—достаньте. Я остаюсь здѣсь еще до завтра.

Онъ не сталъ ничего больше разсматривать и уѣхалъ съ своими провожатыми, а Фебуфисъ обернулъ опять лицомъ

къ стѣпѣ полотна съ *Сатаной и Кранохомъ*, а *Пандору* поставилъ на мольбертъ и закрылъ гобеленомъ, подвижно ходившимъ на вздержковыхъ колыцахъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Устроивъ у себя въ мастерской все опять какъ было, по-старому, Фебуфисъ пошелъ, по обыкновенію, вечеромъ въ кафе, гдѣ сходились художники, и засталъ тамъ, въ числѣ прочихъ, скульптора, занимавшаго помѣщеніе подъ его мастерскою. Они повидались дружески, какъ всегда было прежде; но скульпторъ скоро началъ подшучивать надъ демократическими убѣжденіями Фебуфиса и рассказалъ о вознѣ, которую онъ слышалъ у него въ мастерской.

— Я не могъ этого понять до тѣхъ поръ, — говорилъ скульпторъ: — пока не увидалъ сегодня входившаго къ тебѣ герцога.

— Да, и когда ты его увидалъ, ты тоже ничего не понялъ.

— Я понялъ, что ты тоже не прочь поддѣлываться.

— Къ кому?

— Къ великимъ міра.

— Ну!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да еще къ такимъ, какъ этотъ герцогъ, который, говорятъ, рычитъ, а не разговариваетъ съ людьми по-человѣчески.

— Это неправда.

— Ты за него заступаешься?

— А отчего бы нѣтъ?

— Онъ тебя причаровалъ?

— Онъ держалъ себя со мною какъ бравый малый... немножко по-солдатски, но... онъ мнѣ понравился, и я даже не хотѣлъ бы, чтобы о немъ говорили неосновательно.

— Онъ кушилъ чѣмъ-то твоо расположеніе.

Фебуфисъ вспыхнулъ. Его горячій и вспыльчивый нравъ не дозволилъ ему ни отступить, ни разъяснить своего поведенія, — онъ увидѣлъ въ намекъ скульптора нестерпимое оскорбленіе и въ безумной занальчивости отвѣтилъ ему еще бѣльшимъ оскорбленіемъ. Завязался споръ и дошелъ до того, что Фебуфисъ схватился за стилетъ. Скульпторъ сдѣлалъ то же, и они мгновенно напали одинъ на другого. Ихъ розняли, но Фебуфисъ, однако, успѣлъ нанести скульптору

легкую царалипу, и самъ получилъ довольно серьезный уколъ въ правую руку.

Въ дѣло сейчасъ же вмѣшалась полиція,—римскія власти обрадовались случаю наказать художника, оскорбившаго своєю нескромною картиной кардинала. Фебуфисъ, какъ зачинщикъ схватки, ночью же получилъ извѣщеніе, что онъ долженъ оставить Римъ до истеченія трехъ сутокъ.

Гнѣвъ овладѣлъ Фебуфисомъ въ такой степени, что онъ не заботился о послѣдствіяхъ и сидѣлъ въ своей мастерской, когда къ нему опять вошли герцогъ-*incognito* съ его молодымъ провожатымъ и старцемъ со звѣздой.

Фебуфисъ привсталъ при ихъ входѣ и, держа правую руку на перевязи, лѣвою открылъ картину.

Высокій гость сразу обнялъ взглядомъ «*Пандору*», прищурилъ лѣвый глазъ и расхохотался,—столько было въ ней нескромнаго и въ нескромномъ смѣшного. Картина, видимо, доставляла зрителямъ величайшее наслажденіе и привела герцога въ самое доброе расположеніе. Онъ протянулъ художнику руку. Тотъ извинился, что подаетъ лѣвую руку.

— Принимаю ее,—отвѣчала гость:—она ближе къ сердцу. А, кстати, я слышала, съ вами случилась непріятность?

— Я не обращаю на это вниманія, ваша свѣтлость.

— Однако, васъ высылаютъ изъ панскихъ владѣній?

— Да.

— Въ этой исторіи я оказываюсь немножко причиною... Я былъ бы очень радъ быть вамъ полезенъ.

— Я на это не рассчитывала; но вы были мой гость, и я не хотѣла, чтобы о васъ говорили неуважительно.

— Вы поступили очень благородно. Сколько стѣбитъ «*Кранахъ*»?

Фебуфисъ сказалъ цѣну.

— Это дешево. Я ее покупаю и плачу вдвое.

— Это сверхъ мѣры и я...

— Ничего не сверхъ мѣры: благородная идея дорого стѣбитъ. И, кромѣ того, во всякомъ случаѣ, я еще вашъ должникъ. Скажите мнѣ, куда вы теперь намѣрены уѣхать и что намѣрены дѣлать?

— Я застигнутъ врасплохъ и ничего не знаю.

— Обдумайтесь скорѣе. Вы вѣдь не въ ладахъ съ вашимъ государемъ?

— Да, ваша свѣтлость.

— Это не хорошо. Я могу просить за васъ.

— Покорно васъ благодарю. Я не желаю прощенія.

— Дурно. Впрочемъ, всё вы, художники, всегда съ фантазіями; но я, хотя и не художникъ, а мнѣ тоже иногда приходятъ фантазіи: не хотите ли вы ѣхать со мною?

— Какъ съ вами? Куда?

— Куда Богъ понесетъ. Со мною вы можете уѣхать ра-
нѣе, чѣмъ вамъ назначено, и мы посѣтимъ много любопыт-
ныхъ мѣстъ... Кстати, вы мнѣ можете пригодиться при по-
сѣщеніи галлерей; а я вамъ покажу дикія мѣстности и
дикій воинственный народъ, быть котораго можетъ пред-
ставить много интереснаго для вашего искусства... Другими
никакими соображеніями не стѣсняйтесь—это все дѣло това-
рища, который васъ съ собой приглашаетъ.

Фебуфисъ стоялъ молча.

— Значить, ѣдемъ?—продолжалъ гость.—Сдѣлаемъ вмѣ-
стѣ путешествіе, а потомъ вы свободны. Рука ваша прой-
детъ и вы опять будете въ состояніи взяться за кисти и
за палитру. Мы разстанемся тамъ, гдѣ вы захотите меня
оставить.

— Вы такъ ко мнѣ милостивы,—перебилъ Фебуфисъ:—я
опасаюсь, какъ бы мысль о разлукѣ не пришла очень поздно.

Гость улыбнулся.

— Вы «опасаетесь», вы думаете, что можете пожелать
разстаться со мною, когда будетъ «поздно»?

Фебуфисъ сконфузился своей неясно выраженной мысли.

— Ничего, ничего! Я люблю чистосердечіе... Все, что
чистосердечно, то все мнѣ нравится. Я приглашаю васъ
быть моимъ товарищемъ въ путешествіи, и если вы запо-
здаете разстаться со мною на дорогѣ, то я приглашаю васъ
къ себѣ, и ручаюсь, что вамъ у меня будетъ не худо. Вы
найдете у меня много дѣла, которое можетъ дать просторъ
вашей кисти, а я подыщу вамъ невѣсту, которая будетъ
достойна васъ умомъ и красотою и дастъ вамъ невозму-
тимое домашнее счастье. Наши женщины прекрасны.

— Я это знаю,—отвѣчалъ Фебуфисъ.

— Только онѣ прекрасныя жены, но позировать въ на-
турѣ не пойдутъ. Такъ это рѣшено: вы мой товарищъ?

— Я вашъ покорнѣйшій слуга.

— Прекрасно! И вы съ этой же секунды увидите, что
это довольно удобно: берите шляпу и садитесь со мною.

Распоряженія и сборы объ устройствѣ вашей студіи по должны васъ волновать. При ранѣ, хотя бы и не опасной, это вредно... Довѣрьте это ему.

Гость показалъ глазами на своего адъютанта и, оборотясь слегка въ его сторону, добавилъ:

— Сказать въ посольствѣ, что они отвѣчаютъ за всякую мелочь, которая здѣсь есть. Все уложить и переслать на мой счетъ куда потребуется. Положитесь на него и берите вашу шляпу.

Фебуфисъ протянулъ руку провожатому и сказалъ:

— Мы квиты.

Тотъ вспыхнулъ.

Герцогъ посмотрѣлъ на молодыхъ людей и произнесъ:

— Что между вами было?

— Пари,—отвѣтилъ Фебуфисъ, и коротко добавилъ, что графъ ему проигралъ маленькую услугу, и теперешнія его заботы онъ принимаетъ за сквитку.

— И прекрасно! Честный человѣкъ всегда платитъ свои долги! А въ чемъ было пари?

Фебуфисъ опять взглянулъ въ лицо адъютанта и ему показалось, что этотъ человѣкъ умретъ сію минуту.

— Извините ваша свѣтлость, — сказалъ Фебуфисъ: — въ это замѣшано имя третьяго лица.

— Ахъ, тайна! Что есть тайна, то и должно оставаться тайною. Я не хочу знать о вашемъ пари. Ѳдемъ.

Фебуфисъ вышелъ вмѣстѣ съ герцогомъ и съ нимъ же вмѣстѣ уѣхалъ въ роскошное помѣщеніе его посла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Извѣстіе о томъ, что Фебуфисъ такъ спѣшно покидаетъ Римъ, и притомъ въ сообществѣ могущественнаго лица, мгновенно облетѣло всѣ художественные кружки. Фебуфисъ теперь не удалялся изъ Рима какъ изгнанникъ, а онъ выступалъ какъ человѣкъ, который одержалъ блистательную побѣду надъ своими врагами. Никто не сомнѣвался, что Фебуфисъ не испугался бы изгнанія изъ Рима, и, можетъ-быть, вышелъ бы отсюда еще съ какою-нибудь новою дерзостью; но выйти такъ величественно, какъ онъ теперь выходитъ съ могущественнымъ покровителемъ, который добровольно назвался его «товарищемъ», это было настоящее торжество. Всѣ говорили: «А герцогъ-то, значить, совсѣмъ

не такой грубый человекъ, какъ о немъ рассказываютъ. Воистинно онъ какъ простъ и какъ привѣтливъ! Чтò ни говори, а онъ достоинъ симпатій!»

И вотъ молодые художники,—все, кто зналъ Фебуфиса, побросали работы и веселою гурьбою отправились на первую станцію, гдѣ надлежало перемѣнять лошадей въ экипажи путешественника и его свиты. Все они хотѣли проводить товарища и даже привѣтствовать его великодушнаго покровителя. Въ числѣ провожатыхъ находились и Пикъ, и Макъ.

Здѣсь были цвѣты, вино, пѣсни и даже было сочинено наскоро величанье «покровителю художниковъ».

Герцогъ былъ очень доволенъ сюрпризомъ: онъ не спѣшилъ прерывать прощаніе товарищей, и даже самъ поднялъ бокалъ за «товарищей» и за процвѣтаніе «всего изящнаго и благороднаго въ мірѣ».

Это возбудило такой всеобщій восторгъ, что герцогъ уѣхалъ, сопровождаемый долго неумолкавшими кликами самаго притворнаго и горячаго восторга.

Экипажъ, въ которомъ ѣхали Фебуфисъ и адъютантъ, съ разрѣшенія герцога, остался здѣсь до утра, когда оба путешественника были уложены въ коляску и, удаляясь, должны были долго слышать вслѣдъ за собою нетрезвые крики друзей, смѣшивавшихъ имя Луки Краваха съ именемъ Фебуфиса и имя герцога съ именемъ Іоакна Великодушнаго. Больше всехъ шумѣлъ Пикъ.

— Нѣтъ, каковъ герцогъ! Каковъ этотъ суровый, страшный герцогъ! — кричалъ онъ весь въ поту, съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Смотри, будь счастливъ, Фебуфисъ! — вторили Пикъ другіе.

— О, онъ будетъ счастливъ! Онъ долженъ быть счастливъ съ такимъ покровителемъ!

— Еще бы! такое покровительство хоть кого выведетъ къ всемірной славѣ, тѣмъ болѣе Фебуфиса. Но какъ онъ это обдѣлалъ?

— А это штука; но чтò бы кто ни говорилъ, я ручаюсь за одно, что Фебуфисъ не дозволилъ себѣ ничего такого, чтò бы могло бросить тѣнь униженнаго искательства на его поведеніе!

— Конечно, конечно!

— Я тамъ не былъ, но я это чувствую... и я за это ручаюсь,—пастаивалъ Пикъ.

— Конечно, конечно!.. Изъ насъ никто тамъ не былъ, но мы всё ручаемся, что Фебуфисъ не сказалъ ни одного унизительнаго слова, что онъ не сдѣлалъ передъ герцогомъ ни одного поклона ниже, чѣмъ слѣдуетъ, и вообще... онъ... вообще...

— Да, вообще... вообще Фебуфисъ—благородный малый, и если скульпторъ имѣеть объ этомъ иное мнѣнiе, то онъ можетъ потребовать отъ каждаго изъ насъ отдѣльныхъ доказательствъ въ залѣ фехтовальныхъ уроковъ, а Фебуфису мы пошлемъ общее письмо, въ которомъ напишемъ, какъ мы ему вѣримъ, какъ возлагаемъ на него самыя лучшiя наши надежды и клянемся ему въ товарищеской любви и преданности до гроба.

— До гроба! до гроба!

Но въ это время кто-то крикнулъ:

— Вы поклянитесь на своихъ мечахъ!

Всѣ обернулись туда, откуда шель этотъ голосъ, и увидели Мака.

Одинъ Макъ до сихъ поръ упорно молчалъ, и это обижало Пика; теперь же, когда онъ прервалъ свое молчанiе фразой изъ Гамлета, Пикъ обидѣлся еще болѣе.

— Я не ожидалъ этого отъ тебя, Макъ,—сказалъ онъ и затѣмъ вспрыгнувъ на столъ и, снявъ съ себя шляпу, вскричалъ:

— Друзья, здѣсь шутки Мака неумѣстны! Восторгъ не должно оноплять! Восходитъ солнце, я гляжу въ его огненное лицо: я вижу восходящее свѣтило, я кладу мою руку на мое сердце, въ которое я умѣстилъ мою горячую любовь къ Фебуфису. Я призываю тебя, великiй въ дружбѣ Крапахъ!.. Кладите, друзья, свои руки не на мечи, а на ваши сердца, и поклянемся доказать нашу дружбу Фебуфису всѣмъ и всегда... и всегда... и всегда... да... да... да!

И принедеднаго въ восторгъ Пика стало истерически дергать горло, и всѣ его поняли, схватили его со стола, подняли его и всѣ поклялись въ чемъ-то на своихъ сердцахъ.

И затѣмъ опять шли и ибли всѣ, кромѣ Мака, который тихо всталъ и, выйдя въ садъ, нашелъ скрывавшуюся въ густой куртнѣ молодую женщину. Это было Марчелла. Она стояла одиноко у дерева, какъ бы въ окаменѣнiи. Макъ тронулъ ее за плечо и сказалъ ей:

— Тебѣ пора домой, Марчелла. Пойдемъ, я провожу тебя.

— Благодарю, — отвѣчала Марчелла и пошла съ нимъ рядомъ, но, пройдя недалеко по каменистой дорогѣ, остановилась и сказала:

— Меня покидаютъ силы.

— Отдохнемъ.

Они сѣли. До нихъ долетали звуки пьяныхъ гбсенъ.

— Какъ они противно поютъ! — уронила Марчелла.

— Да, — отвѣчалъ Макъ.

— Онъ пронадетъ?

— Не знаю, да и ты не можешь этого знать.

— Мое сердце это знаетъ.

— Твое сердце и здѣсь его не спасало.

— Ахъ, да, добрый Макъ, не спасало.

— Что же будемъ дѣлать?

— Жалѣй его вмѣстѣ со мною!

И она братски поцѣловала Мака.

А тамъ все еще гбли.

Такого взрыва восторженныхъ чувствъ друзья не видали давно, и, что всего лучше, ихъ широкое, начатое съ аффектаціей и поддержанное виномъ, не минуло безслѣдно. Художники на другой день не только послали Фебуфису общее и всѣми ими подписанное письмо, но продолжали интересоваться его судьбою, а его много обѣщавшая судьба и сама скоро начала усугублять ихъ вниманіе и сразу же обѣщала сдѣлаться интересною, да и въ самомъ дѣлѣ скоро таковою сдѣлалась въ дѣйствительности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Фебуфисъ вскорѣ же прислалъ первыя письма на имя Пика. Какъ въ жизни и въ искусствѣ, такъ и въ письмахъ своихъ онъ стремился быть болѣе красивымъ, чѣмъ натуральнымъ и искреннимъ; но, тѣмъ не менѣе, письма его чрезвычайно нравились Пикю и тѣмъ изъ ихъ говарницей, которые имѣли среднія свойства самодовлѣющихъ художественныхъ натуръ воспоминаемаго времени. Стоило молодой буфетчицѣ кафе, куда адресовалась корреспонденція маленькаго Пика, показать конвертъ, надписанный на его имя, какъ всѣ вскричали:

— Не отъ Фебуфиса ли? Письмо отъ Фебуфиса!

И если письмо было действительно отъ Фебуфиса, то Пикъ кивалъ утвердительно головою и всѣ вдругъ кричали:

— Друзья, письмо отъ Фебуфиса! Радость и вниманіе! Пишетъ товарищъ и другъ вѣнценосца! Читай, Пикъ!

Пикъ подчинялся общему желанію, раскрывалъ письмо, запечатанное всѣмъ знакомою камеей Фебуфиса, и читалъ. Тотъ описывалъ видѣнныя имъ мѣстности, музеи, дворцы и палаты, а также свои личные впечатлѣнія и особенно характеръ своего великодушнаго покровителя и свои взаимныя съ нимъ отношенія. По правдѣ сказать, это особенно всѣхъ интересовало. Ихъ отношенія часто приводили художниковъ въ такой восторгъ, что они всѣ чувствовали себя какъ бы объединенными съ высокимъ лицомъ чрезъ Фебуфиса. Въ ихъ дружескомъ кругѣ не упоминалось болѣе официальное величаніе этой особы, а вмѣсто всего громкаго титула ему дали отъ сердца ишедшее имя: «великодушный товарищъ».

Иначе его не называлъ никто, кромѣ Мака, который, впрочемъ, имѣлъ отъ природы недовѣрчивый характеръ и былъ наклоненъ къ насмѣлкѣ надъ всякими шумными и надутыми чувствами и восторгами; но на него не обращали много вниманія: онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ ворчунъ и, можетъ-быть, портилъ прямую линію самодовлѣющему искусству, наклоняя его къ «еретическому кудьту служенія идеямъ».

По поводу путевыхъ впечатлѣній Фебуфиса Макъ не лиговалъ: онъ не только не интересовался ими, но даже былъ рѣзокъ и удивлялся: что въ нихъ можетъ интересовать другихъ? Когда всѣ слушали, что описываетъ Фебуфисъ, Макъ или лѣниво зѣвалъ, или слѣдилъ глазами по печатнымъ строчкамъ газеты, ища встрѣтить имя Джузепе Гарибальди, тогда еще извѣстное очень немногимъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, были Марчелла и Макъ (Пикъ звалъ ихъ: «организмы изъ укуснаго гнѣзда». *Укусное гнѣздо* тогда было въ заводѣ). Понятно, что человѣку такого духа было мало нужды до «путешествія съ герцогомъ».

По взглядамъ Мака, Фебуфисъ былъ талантливый человѣкъ, который пошелъ по дурной дорогѣ, и въ виду чего-нибудь болѣе достойнаго имъ не стѣдуетъ заниматься.

— Ты—«черный воронъ», Макъ,—говорилъ ему съ обидою въ голосъ Пикъ.—Завѣщай намъ, чтобы мы изъ тебя сдѣлали пугало.

— А ты, мой милый Пикъ, настоящій теленокъ, и изъ тебя безъ всякаго твоего завѣщанія когда-нибудь пригото- вить такой же шнель-клѣнсъ, какъ изъ твоего Фебуфиса.

— А изъ Фебуфиса уже готовить шнель-клѣнсъ?

— Ну, конечно.

Послѣ такихъ перемолвокъ Пикъ давалъ себѣ слово ни- чего не говорить о Фебуфисѣ въ присутствіи Мака, но, однако, не выдерживалъ и при всякомъ новомъ извѣстіи сдѣ- шиль возвѣстить его при Макѣ. Да и трудно было удер- жаться, потому что извѣстія приходили одно другого эффек- тнѣе. На шнель-клѣнсъ не было ничего похожаго, — напро- тивъ, между Фебуфисомъ и его покровителемъ образовалась такая настоящая, товарищеская дружба, что можно было опасаться: нѣтъ ли тутъ преувеличеній?

— Шнель-клѣнса не будетъ!—говорилъ Пикъ, похлопы- вая Мака.

Но Макъ отвѣчалъ:

— Будетъ!

И вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, запахло шнель-клѣнсомъ: при- шло письмо, въ которомъ Фебуфисъ описывалъ, какъ они сдѣлали большой переѣздъ верхами по горамъ, обитаемымъ дикимъ воинственнымъ племенемъ. Прекрасно были опи- саны виды неприступныхъ скалъ, паденіе гремящихъ по- токовъ и удивительное освѣщеніе высей и дымящихся въ туманѣ ущелій и долинъ; потомъ описывались живописныя одежды горцевъ, ихъ воинственный видъ, мужество, отвага и простота ихъ патриархальныхъ обычаевъ, при которой сохранилось полное равенство, и, въ то же время, друже- ственность и гостепримство съ ласковостью, доходящею до готовности сдѣлать пріятное гостю даже съ рискомъ соб- ственной жизни.

«Въ одномъ мѣстѣ,—описывалъ Фебуфисъ:—я былъ чрез- вычайно тронутъ этою благородною чертой и у насъ даже дошло дѣло до маленькой непріятности съ моимъ патро- номъ. Впрочемъ, все это сейчасъ же было заглажено и отъ непріятнаго не осталось ни малѣйшаго слѣда,—напротивъ, мы еще болѣе сблизились, и я послѣ этого полюбилъ его еще болѣе».

— Начинается что-то любопытное,—вставилъ слово Макъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ Пикъ:— вѣдь ты слышишь: они «еще болѣе сблизились»; но слушайте, я продолжаю:

«Мы еще болѣе сблизились»... Да, вот гдѣ я остановился: «мы сблизились,—мы ѣхали вдоль узкой, покрытой кремнистою осыпью, тропинки, которая вилась надъ обрывомъ горной рѣчки. По обѣимъ сторонамъ тропы возвышались совершенно отвѣсныя, точно какъ бы обрубленные скалы гранита. Обогнувъ одинъ загибъ, мы стали лицомъ къ отвѣсной стѣнѣ, такъ сильно освѣщенной солнечнымъ блескомъ, что она вся казалась намъ огненною, а на ней, въ странной высотѣ, надъ свѣсившимися нитями зеленого діорита, мы увидали какой-то разсыпчатый огненный комъ, который то разлетался искрами, то вновь собирался въ кучу и становился густымъ. Мы всѣ недоумѣвали, что это за метеоръ; но наши проводники сказали намъ, что это просто рой дикихъ пчелъ. Горцы отлично знаютъ природу своего дикаго края и имѣютъ преострое зрѣніе: они опредѣлили намъ, что этотъ рой только-что отроился отъ стараго гнѣзда, которое живетъ здѣсь же гдѣ-нибудь въ горной трещинѣ, и что тамъ у нихъ долженъ быть медъ. Герцогъ пошутилъ, что здѣшнія пчелы очень предусмотрительны, что, живучи между смѣлыхъ людей, онѣ нашли себѣ такой пріютъ, гдѣ ихъ не можетъ потревожить человекъ самый безстрашный. Но старшій въ нашемъ эскортѣ, сѣдоволосый горецъ, со множествомъ ремешковъ у пояса, на которыхъ были наизаны засохшіе носы, отрубленные у убитыхъ имъ неприятелей, покачалъ своей красивою, бѣлою головой и сказалъ:

«— Ты не правъ, господинъ,—въ нашихъ горахъ нѣтъ для насъ мѣстъ недоступныхъ».

«— Ну, этому я повѣрю только тогда, — отвѣчалъ герцогъ:—если мнѣ подадутъ отвѣдать ихъ меда».

«Услыхавъ это, старый горецъ взглянулъ въ глаза герцогу и спокойно отвѣтилъ:

«— Ты попробуешь этого меда».

«Съ этимъ онъ сейчасъ же произнесъ на своемъ языкѣ какое-то, намъ непонятное, слово, и одинъ молодой красавецъ - наѣздникъ изъ отряда въ ту же минуту повернулъ своего коня, гикнулъ и исчезъ въ ущельѣ. А старикъ молчаливымъ жестомъ руки далъ намъ знакъ остановиться».

«Мы остановились, и должны были это сдѣлать, потому что всѣ наши провожатые стали какъ вкопанные и не двигались съ мѣста... старецъ сидѣлъ на своемъ конѣ неподвижно, глядя вверхъ, гдѣ свивался и развивался золоти-

стый рой. Герцогъ его спросилъ: «Что это будетъ?» — но онъ отвѣтилъ: «увидишь», и сталъ крутить въ грязныхъ пальцахъ свои сѣдые усы.

«Такъ прошло не болѣе времени, чѣмъ вы, можетъ-быть, употребите на то, чтобы прочесть мои строки, и вдругъ наверху скалы, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ вился рой, промелькнулъ отдѣлившійся отъ насъ всадникъ, а еще черезъ мгновеніе мы увидали его, какъ онъ спѣшился около гребня скалы и сталъ спускаться на тонкомъ, совсѣмъ незамѣтномъ издали, ремнѣ, и повисъ въ воздухѣ надъ странной пропастью.

«Герцогъ вздрогнулъ, сказалъ: «Это чортъ знаетъ, что за люди!» и на минуту закрылъ рукой глаза.

«Мы всѣ замерли и затаили дыханіе, но горцы стояли спокойно и старикъ-спокойно продолжалъ крутить свои сѣдые усы, а тотъ, межъ тѣмъ, снова поднялся наверхъ и черезъ пять минутъ былъ опять среди насъ и подалъ герцогу кусокъ сотоваго меда, воткнутый на остріѣ блестящаго кинжала.

«Герцогъ, къ удивленію моему, похвалилъ его холодно; онъ приказалъ адъютанту взять медъ и дать горцу червонецъ, а самъ тронулъ поводъ и поѣхалъ далѣе. Во всемъ этомъ выражалась какъ будто вдругъ откуда-то вырвавшаяся противная, властительная надменность.

«Это было сдѣлано такъ грубо, что меня взбѣсило. Я не выдержалъ себя, торопливо снялъ съ руки тотъ мой дорогой брильянтовый перстень, который подарила мнѣ извѣстная вамъ богатая англичанка, и, сжавъ руку молодого смѣльчака, надѣлъ ему этотъ перстень на палецъ, а горецъ отстранилъ отъ себя протянутую къ нему адъютантомъ руку съ червонцемъ и подалъ мнѣ медъ на кинжалѣ. И я его взялъ. Я не могъ его не взять отъ горца, который, отстранивъ герцогскій подарокъ, охотно принялъ мой перстень, и, взявъ мою руку, приложилъ ее къ своему сердцу; но далѣе я соблюлъ вѣжливость: я тотчасъ же подалъ медъ герцогу, только онъ не взялъ... онъ ѣхалъ, отворотясь въ сторону. Я подумалъ, что онъ обидѣлся; но это у меня промелькнуло въ головѣ и сейчасъ же исчезло, вытѣсненное живымъ опущеніемъ, которое сообщало мнѣ вдохновляющее спокойствіе горца.

«Его сердце билось такъ же ровно, какъ бьется сердце

человѣка, сиравляющаго пріятную сіесту. Ни страхъ ми-нувшей опасности, ни оскорбленіе, которое онъ долженъ былъ почувствовать, когда ему хотѣли заплатить черво-пецъ, какъ за акробатское представленіе, ни мой дорогой подарокъ, стоимость котораго далеко превосходила цѣн-ность трехсотъ червонцевъ, — ничто не заставило его чув-ствовать себя инымъ, чѣмъ создала его благородная при-рода. Я былъ въ такомъ восторгѣ, что совсѣмъ позабылъ о неудовольствіи герцога и, вынувъ изъ кармана мой до-рожный альбомъ, сталъ наскоро срисовывать туда лицо горца и всю эту сцену. Художественное было мнѣ дорого до той степени, что я совсѣмъ имъ увлекся, и когда кон-чилъ мои кроки, молча подѣхалъ къ герцогу и подаль ему мою книжку; но, вообразите себѣ, онъ былъ такъ невѣжливъ, что отстранилъ ее рукой и рѣзко сказалъ: «Я не требовалъ, чтобы мнѣ это было подано. Чортъ возьми, вы знаете, я къ этому не привыкъ!» Я спокойно поло-жилъ мою книжку въ карманъ и отвѣчалъ: «Я извиняюсь!» Но и это простое слово его такъ страшно уязвило, что онъ сжалъ въ рукѣ судорожно поводья и взглядъ его засверкалъ бѣшенствомъ, а между губъ выступила свинцовая полоска.

«Я помнилъ спокойствіе горца и на все это сверканіе обратилъ нуль вниманія и... я побѣдилъ грубость герцога. Мы поѣхали дальше; я все прекрасно владѣлъ собою, но въ немъ кинѣда досада и онъ не могъ успокоиться: онъ оглинулся разъ, оглинулся два и потомъ сказалъ мнѣ:

«— Знаете ли вы, что я никогда не позволю, чтобы кто-нибудь поправлялъ то, что я сдѣлалъ?»

«— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ я и добавилъ, что я вовсе не для того и показывалъ ему мой рисунокъ, чтобы тре-бовать отъ него замѣчаній, потому что я тоже не люблю постороннихъ поправокъ, и притомъ я увѣренъ, что съ этого наброска современемъ выйдетъ прекрасная картина.

«Тогда онъ сказалъ мнѣ уже повелительно: «Покажите мнѣ сейчасъ вашъ рисунокъ».

«Я хотѣлъ отказать, но улыбнулся и молча подаль ему альбомъ.

«Герцогъ долго разсматривалъ послѣдній листокъ: онъ былъ въ худо-скрываемомъ бореньи надъ самимъ собою и, повидимому, переламывалъ себя и потомъ взглянулъ мнѣ въ глаза съ холодною и злою улыбкой и произнесъ:

«— Вы хорошо рисуете, но не хорошо обдумываете ваши поступки.

«— Что такое?—спросилъ я спокойно.

«— Я чуть-чуть не уронилъ вашъ альбомъ въ пропасть.

«— Что за бѣда?—отвѣчалъ я.—Этотъ смѣльчакъ, который сейчасъ досталъ медь, вѣроятно, досталъ бы и мой альбомъ.

«— А если бы я вырвалъ отсюда листокъ, на которомъ вы зачертили меня съ такимъ особеннымъ выраженіемъ?

«— Я передалъ то выраженіе, которое у насъ было.

«— Все равно, кто-нибудь на моемъ мѣстѣ очень могъ пожелать уничтожить такое свое изображеніе.

«Я былъ въ расположеніи отвѣчать дерзко на его дерзости и сказалъ, что я нарисовалъ бы то же самое во второй разъ и только прибавилъ бы еще одну новую сцену, какъ рвутъ довѣренный альбомъ,—но, добавилъ я,—я вѣдь зналъ, что вы не «кто-нибудь» и что вы этого не сдѣласте.

«— Почему?

«— Потому, что вы въ нашемъ положеніи должны умѣть владѣть собою и не позволять намъ, простымъ людямъ, превосходить васъ въ благородствѣ и великодушій.

«Лицо герцога мгновенно измѣнилось: онъ позеленѣлъ и точно съ спазмами въ горлѣ прошипѣлъ:

«— Вы забылись!.. мнѣ тоже нельзя дѣлать и наставлений, — и на губахъ его опять протянулась свинцовая полоска.

«Это все произошло изъ-за куска меду и изъ-за того, что онъ не сумѣлъ какъ должно поблагодарить подудикаго горца за его отвагу, а я это поправилъ... Это было для него неспособное оскорбленіе; но я хотѣлъ, чтобы мнѣ не было до его фантазій никакого дѣла. Выѣсто того, чтобы прекратить разговоръ сразу, я сказалъ ему, что никакихъ наставлений не думалъ дѣлать и о положеніи его имѣю такое уважительное мнѣніе, что не желаю допускать въ немъ никакихъ понижающихъ сближеній.

«Онъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова, и, вообразите, мнѣ показалось, что онъ утомился; по—позоръ челоуѣчества!— въ это же время я вдругъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ его окружающихъ на меня не смотритъ ни одинъ челоуѣкъ и всѣ они держатъ своихъ коней какъ можно плотнѣе къ нему, чтобы оттереть меня отъ него или оборонить отъ меня. Во-

обще, не знаю, что такое они хотѣли, но, во всякомъ случаѣ, что-то противное и глупое.

«Я осадилъ своего коня и, поровнявшись съ тѣмъ горцемъ, который доставалъ медь, поѣхалъ съ нимъ рядомъ.

«Только здѣсь, теперь, въ безмолвномъ сосѣдствѣ этого отвѣжнаго дикаря, я почувствовалъ, какъ я самъ былъ потрясенъ и взволнованъ. Съ нимъ мнѣ было несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ важной свитѣ, составленной изъ людей, которые сдѣлались мнѣ до того непріятны, что я не хотѣлъ дышать съ ними однимъ воздухомъ и рѣшился на первой же остановкѣ распротеститься съ герцогомъ и уѣхать въ Испанію или хоть въ Америку»...

— Прекрасно!—перебилъ Макъ.

— Нѣтъ, ты подожди, что будетъ еще далѣе!—вставилъ Пикъ.

— Я всему предпочелъ бы, чтобы онъ сдержалъ это намѣреніе и этимъ кончилъ.

— Нѣтъ, ты услышишь!

Другіе вскричали:

— Да ну васъ къ чорту съ вашими переговорами! Письмо гораздо интереснѣе, чѣмъ ваши реплики!.. Читай, Пикъ, читай!

Пикъ продолжалъ чтеніе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«Я былъ очень золъ на себя, что предпринялъ это путешествіе съ герцогомъ, на котораго, признаться сказать вамъ, я однако, не питалъ ни гнѣва, ни злобы. Все это у меня ушло почему-то на долю его окружающихъ. Настроеніе было преротивное: всѣ молчали. Такъ мы доѣхали до ночлега, гдѣ намъ было приготовлено сносное для здѣшней дикой страны помѣщеніе. Всѣ имѣли лица съ самымъ натянутымъ, а нѣкоторые съ смѣшнымъ и даже съ жалкимъ выраженіемъ. Если бы я не былъ очень недоволенъ собою, то я всего охотнѣе занялся бы занесеніемъ въ мой альбомъ этихъ лицъ, разсматривая которыя, всякій порядочный человѣкъ, навѣрное, сказалъ бы: «вотъ та компанія, въ которой не пожелаешь себя увидѣть въ серьезную минуту жизни!» Но мнѣ было не до того, чтобы ихъ срисовывать. Притомъ же, это было бы уже крайне грубо. Я теперь

имѣлъ твердое намѣреніе немедленно же отстать отъ нихъ и ѣхать въ Америку.

«Не понижая своего тона и способа держаться, я не старался и скрывать своего раздраженія,—я отдалился отъ компаніи и не хотѣлъ ни ѣсть, ни спать подъ одною съ ними кровлей. Я отошелъ въ сторону и легъ на травѣ надъ откосомъ и вдругъ захотѣлъ спать. Этимъ въ моей счастливой организаціи обыкновенно выражается кризисъ моихъ волненій: я хочу спать и сплю, и во снѣ мои досажденія проходятъ или, по крайней мѣрѣ, смягчаются и представляются мнѣ послѣ въ болѣе сносномъ видѣ. Но я не успѣлъ разоспаться, какъ кто-то тронулъ меня за плечо; я открылъ глаза и увидаль герцога, который сидѣлъ тутъ же, возлѣ меня, на травѣ, и, не дозволяя мнѣ встать, сказалъ:

«— Простите меня, что я васъ разбудилъ. Я не ожидалъ, чтобы вы такъ скоро уснули, а я отыскалъ васъ и хочу съ вами говорить.

«И сейчасъ же влѣдъ за этимъ онъ сталъ горячо извиняться въ своей занальчивости. На меня это странно подействовало, и я старался его успокоить; но онъ съ негодованіемъ говорилъ о своей «проклятой привычкѣ» не удерживаться и о ничтожествѣ характеровъ окружающихъ его людей. Онъ былъ такъ искрененъ и такъ уменъ и милъ, что я забылъ ему все неприятное и зашелъ въ своемъ порывѣ дальше, чѣмъ думалъ. Можетъ-быть, я сдѣлалъ большую глупость, но это уже непоправимо. Я, навѣрное, удивлю васъ. Да! узнайте же, мои друзья, что я себѣ намѣтилъ мѣсто, и теперь приспѣло время выслать мнѣ мои вещи, но не на мое имя, а на имя герцога, такъ какъ я, *какъ другъ его*, отправляюсь съ нимъ въ его страну... Да, мои друзья, да, я называю его «другомъ» и ѣду къ нему. Это рѣшено и не можетъ быть переимѣнено, а рѣшено это тутъ же, на этомъ ночлегѣ, среди дикихъ скалъ, каплющихъ дикимъ медомъ. Не я просился къ нему и набивался съ моею дружбой, а онъ просилъ меня «не оставлять его» и ѣхать съ нимъ въ его страну, гдѣ я встрѣчу для себя большое поприще и, конечно, окажу услуги искусству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ему. Герцогъ—испорченная, но крупная натура, и я хочу быть полезенъ *ему*; его стала любить моя душа за его искренніе порывы, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ благородствѣ его природы, испорченной болѣе всего

раболѣпною и льстивою средой. Я могу внести и, конечно, внесу въ эту среду иное. А кстати еще объ этой природѣ и объ этой средѣ. Среда эта удивительна и вамъ трудно составить себѣ о ней живое понятіе. Я уже писалъ вамъ, какъ послѣ исторіи съ медомъ на кинжалѣ эти люди смѣшно отъ меня удалялись; но они еще смѣшнѣе опять со мною сблизились: это случилось за ужиномъ, къ которому *онъ* подвелъ меня подъ руку, а потомъ вскорѣ сказали:

«— Удивительно, какъ сильно вліяетъ на человѣка такой грубый приборъ, какъ его желудокъ: усталость и голодъ въ теченіе знойнаго дня довели меня до несправедливости передъ нашимъ художественнымъ другомъ, а теперь, когда я сытъ и отдохнулъ, я ощущаю полное счастье оттого, что умѣлъ заставить себя просить у него извиненія.

«Это произвело на всѣхъ дѣйствіе магическое, а когда герцогъ добавилъ, что онъ увѣренъ, что кто любитъ его, тотъ будетъ любить и меня, то усиліямъ показать мнѣ любовь не стало предѣла: всѣ лица на меня просіяли и всѣ сердца, казалось, хотѣли выпрыгнуть ко мнѣ на тарелку и смѣшаться съ маленькими кусками особливымъ способомъ приготовленной молодой бараннины. Мнѣ говорили:

«— Не тужите о родинѣ, которая васъ отвергла! У насъ будетъ одинъ отецъ и одна родина, и мы всѣ будемъ любить васъ, какъ брата!

«Все это у нихъ дѣлается такъ примитивно и такъ просто, что не можетъ быть названо хитростью и неспособно обмануть никого насчетъ ихъ характеровъ, и мнѣ кажется, что я буду жить, по крайней мѣрѣ, съ самыми безхитростными людьми въ цѣломъ свѣтѣ».

Письмо кончалось лаконическою припиской, что слѣдующія извѣстія будутъ присланы уже изъ владѣній герцога. И Пикъ, дочитавъ листъ, сталъ его многозначительно складывать и спросилъ Мака:

— Ну, какъ тебѣ это нравится?

— Не дурно для начала,—процѣдилъ неохотно Макъ и сейчасъ же добавилъ, что это напоминаетъ ему рассказъ объ одномъ безпечномъ туркѣ.

— Какомъ туркѣ?—переспросилъ Пикъ.

— Котораго однажды его падишахъ велѣлъ посадить на колы.

— Я ничего не понимаю.

— Все дѣло въ томъ, что когда этого турка посадили на колъ, онъ сказалъ: «это не дурно для начала» и сталъ опускаться.

— Чтò же тутъ сходнаго съ положеніемъ нашего товарища?

— Фебуфисъ сѣлъ на колъ и опускается.

— Ты отвратительно золь, Макъ!

— Нѣтъ, я по золь.

— Ну, завистливъ.

— Еще выдумай глупость!

— Тебѣ это письмо не нравится?

— Не нравится.

— Чтò же именно тебѣ въ немъ не нравится: медъ, книжкаль, сцена у скалъ, сцена съ альбомомъ?

— Мнѣ не нравится сцена съ желудкомъ!

— То-есть?

— Я не люблю положеній, въ которыхъ человѣкъ можетъ чувствовать себя въ зависимости отъ расположенія желудка другого человѣка.

— Ну, вотъ!

— Да, и въ особенности гадко зависѣть отъ расположенія желудка такого человѣка, по гримасамъ котораго къ тебѣ считаютъ долгомъ оборачиваться лицомъ или спиною другіе. Согласясь жить съ ними, Фебуфисъ сѣлъ на колъ, и тотъ, кто сталъ бы ему завидовать, былъ бы слѣпой и глупый человѣкъ.

— Ты, кажется, назвалъ меня глупцомъ?

Макъ посмотрѣлъ на него и замѣтилъ:

— Кажется, ты ко мнѣ хочешь придираешься?

— А если бы и такъ.

Макъ промолчалъ.

— Ты, навѣрное, желаешь этимъ пренебречь.

Макъ молча повелъ плечами и хотѣлъ встать.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?—приставалъ къ нему Пикъ, слегка заграждая ему путь рукой.

Макъ тихо отвелъ его руку; но Пикъ сталъ ему на дорогѣ и, покраснѣвъ въ лицѣ, настоятельно сказалъ:

— Нѣтъ, ты не долженъ отсюда уходить!

— Отчего я не могу уходить?

— Я вызываю тебя на дуэль!

Макъ улыбнулся.

— За что на дуэль?—сказалъ онъ, тихо поднимая себѣ на плечо свою альмавиву.

— За все!.. за то, что ты мнѣ надоѣдалъ своими насмѣлками; за то, что ты издѣваешься надъ отсутствующимъ товарищемъ, который... котораго... которому...

— Распутайся и скажи яснѣе...

— Мнѣ все ясно... который поднимаетъ имя и положеніе художника, котораго я люблю и хочу защищать, потому что онъ самъ здѣсь отсутствуетъ, и которому ты... которому ты, Макъ, положительно завидуешь.

— Теперь ты, въ самомъ дѣлѣ, глупъ.

— Что же съ этимъ дѣлать?

— Не знаю, но я уйду.

— Уходишь?

— Да.

— Такъ ты трусъ, и вотъ тебѣ оскорбленіе! — и съ этимъ Пикъ бросилъ Маку въ лицо бугылочную пробку.

Макъ поблѣднѣвъ и, схвативъ Пика за шиворотъ, поднялъ его къ открытому окну на улицу и сказалъ:

— Ты можешь видѣть что мнѣ ничего не стоитъ вышвырнуть тебя на мостовую, но...

— Нѣтъ, идемъ сейчасъ въ фехтовальный залъ.

— Но вѣдь это глупо!

— Нѣтъ, идемъ! Я тебя зову... я требую тебя въ фехтовальный залъ! — кричалъ Пикъ.

— Хорошо, дѣлать нечего, идемъ. Но ты знаешь что?

— Что?

— Я тамъ непременно обрублю тебѣ носъ.

Пикъ отъ бѣшенства не могъ даже отвѣтить, а черезъ часъ друзья, бывшіе въ залѣ свидѣтелями неосторожнаго фехтовальнаго урока, уводили его подъ руки, и Пикъ, въ самомъ дѣлѣ, держалъ носовой платокъ у своего носа. Макъ въ точности сдержалъ свое обѣщаніе и отрѣзалъ рапирой у Пика самый кончикъ носа, но не такой, какъ рѣжутъ дикари, надѣвающіе носы на вздержку, а только самый маленькій кончикъ, какъ самая маленькая золотая монета испанскаго чегана.

Честь обоихъ художниковъ была удовлетворена, какъ требовали ихъ понятія, и все это повело къ неожиданнымъ и прекраснымъ послѣдствіямъ. О событіи съ носомъ Пика никто не сообщалъ Фебуфису; но отъ него въ непродолжи-

тельною же времени было получено письмо, въ которомъ, къ общему удивленію, встрѣтилось и упоминаніе о носѣ. Въ этомъ письмѣ Фебуфисъ уже описывалъ столицу своего покровителя. Онъ очень сдержанно говорилъ о ея климатѣ и населеніи, не распространялся и объ условіяхъ жизни, но зато очень много и напыщенно сообщалъ объ открытой ему дѣятельности и о своихъ широкихъ планахъ.

Это должно было выражать и обхватывать что-то необъятное и свѣтлое какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ: чувствовалось, что въ головѣ у Фебуфиса какъ будто распустилъ хвостъ очень большой павлинъ, и художникъ уже положительно мечталъ направлять герцога и при его посредствѣ развить вкусъ въ его подданныхъ и быть для нихъ благодѣтелемъ: «расписать ихъ небо».

Ему были нужны помощники, и онъ звалъ къ себѣ товарищей. Онъ звалъ всѣхъ, кто не совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ и хочетъ болѣе широкой дѣятельности (деньги на дорогу можно безъ всякихъ хлопотъ получать отъ герцога представителя въ Римѣ).

Особенно онъ рекомендовалъ это для Пика, про котораго онъ какимъ-то удивительнымъ образомъ узналъ его исторію съ носомъ и имѣлъ слабость рассказать о ней герцогу (герцога все интересуется въ художественномъ мірѣ). Правда, что носъ заставлялъ его немного посмѣяться, но зато самый характеръ добраго Пика очень расположилъ герцога въ его пользу. При этомъ Фебуфисъ присовокуплялъ, что для него самого пріѣздъ Пика былъ бы очень большимъ счастьемъ, «потому что, какъ ему ни хорошо на чужбинѣ, но есть минуты...»

Пикъ скомкалъ письмо и вскрикнулъ:

— Вотъ это и есть самое главное! Я его узнаю и понимаю: какъ ему тамъ ни хорошо, но, тѣмъ не менѣе, онъ чувствуетъ, что «есть минуты», — я понимаю эти минуты... Это, — когда человѣку нужна родная, вполне его понимающая душа... Я ему благодаренъ, что онъ въ этихъ размышленіяхъ вспомнилъ обо мнѣ, и я къ нему ѣду.

Пикѣ совѣтовали хорошенько подумать; но онъ отвѣчалъ, что ему не о чемъ думать.

— Но крайней мѣрѣ, дай хорошенько зажить твоему носу. Онъ вздохнулъ и отвѣчалъ:

— Да, хотя Макъ и оскоблилъ мнѣ кончикъ носа, и мнѣ неприятно, что мы съ нимъ въ ссорѣ, но я съ нимъ помирюсь передъ отъѣздомъ, и онъ, навѣрное, скажетъ, что мнѣ тамъ приставятъ носъ.

Затѣмъ Пикъ безъ дальнѣйшихъ размышленій сталъ собираться, и прежде чѣмъ успѣлъ окончить свои несложные сборы, какъ предупредительно получилъ сумму денегъ на путешествіе.

Этимъ послѣднимъ вниманіемъ Пикъ былъ такъ растроганъ, что «хотѣлъ обнять міръ», и началъ это съ Мака.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Онъ побѣжалъ къ Маку, кинулся ему на шею и заговорилъ со слезами:

— Что же это, милый Макъ, неужто мы все будемъ въ ссорѣ? Я пришелъ къ тебѣ, чтобы помириться съ тобою и прижать тебя къ моему сердцу.

— Радъ и я, и отвѣчаю тебѣ тѣмъ же.

— Вѣдь я люблю тебя попрежнему.

— И я тоже тебя люблю.

— Ты такъ жестокъ, что не хотѣлъ сдѣлать ко мнѣ шага, по все равно: я самъ сдѣлалъ этотъ шагъ. Для меня это даже отрадило. Не правда ли? Я бѣгомъ бѣжалъ къ тебѣ, чтобы сказать тебѣ, что... тамъ... далеко... куда я ѣду...

— Ахъ, Пикъ, для чего ты туда ѣдешь?

— Между прочимъ, для того, чтобы ты могъ шутить, что мнѣ тамъ приставятъ носъ.

— Я вовсе не хочу теперь шутить и самымъ серьезнымъ образомъ тебя спрашиваю: зачѣмъ ты ѣдешь?

— Это не мудрено понять: я ѣду, чтобы жить вмѣстѣ съ нашимъ другомъ Фебуфисомъ и съ нимъ вмѣстѣ совершить службу искусству и вообще высокимъ идеямъ. Но ты опять улыбаешься. Не отрицай этого, я подстерегъ твою улыбку.

— Я улыбаюсь потому, что, во-первыхъ, не вѣрю въ возможность служить высокимъ идеямъ, состоя на службѣ у герцоговъ...

— А во-вторыхъ?.. Говори, говори все откровенно!

— Во-вторыхъ, я ни тебя, ни твоего тамошняго друга не считаю способными служить такимъ идеямъ.

— Прекрасно! Благодарю за откровенность, благодарю!—

лепесталь Пикъ:—и даже не спорю съ тобою: здѣсь мы по велики птицы, но тамъ...

— Тамъ вы будете еще менѣе, и я боюсь, что васъ тамъ оциплютъ и слопаютъ.

— Почему?

— О, чертъ возьми,—еще почему? Ну, потому, что у тамошнихъ итицъ и носы, и перья,—все здоровѣе вашего.

— Грубая сила не много значить.

— Ты думаешь?

— Я увѣренъ.

— Дитя! А я тебѣ говорю: оциплютъ и слопаютъ. Это не можетъ быть иначе: грачъ и ворона всегда разорвутъ мягкоклювую птичку, и вдобавокъ еще эта ваша разнузданная художественность... Вамъ ли перевернуть людей упрямыхъ и крѣпкихъ въ своемъ невѣжествѣ, когда вы сами сжеминутно готовы свернуться на всѣ стороны!

— Я прошу тебя, Магъ, не разбивай меня: я рѣшился.

— Ты просишь, чтобы я замолчалъ?

— Да.

— Хорошо, я молчу.

— А теперь еще одна просьба: ты не богатъ и я не богатъ... мы оба равны въ томъ отношеніи, что оба бѣдны...

— Это и прекрасно, зато до сихъ поръ мы оба были свободны и никому ничѣмъ не обязаны.

— Не обязаны!.. Ага! Тутъ опять есть шпилька: хорошо, я ее чувствую... Ты и остаешься свободнымъ; но я теперь уже не свободенъ,—я обязанъ, я взялъ деньги и обязанъ тому, кто мнѣ далъ эти деньги, но я ихъ заработаю и отдамъ.

— Да; по крайней мѣрѣ, не забывай объ этомъ и поспѣши отдать долгъ какъ можно скорѣе.

— Я тебѣ даю мое слово: я буду спѣшить. Фебуфисъ пишетъ, что тамъ много дѣла.

— Какого?.. «Расписывать небо», или писать баталіи, или голыхъ женщинъ на зеркалахъ въ чертогахъ герцога?

— Ну, все равно, ты всегда найдешь, чѣмъ огорчить меня и надъ чѣмъ посмѣяться; но я къ тебѣ съ такою просьбой, въ которой ты мнѣ не долженъ отказать при разлукѣ.

— Пожалуйста, говори ее скорѣе.

— Нѣтъ, ты дай прежде слово, что ты мнѣ не откажешь.

- Я не могу дать такого слова.
- Видишь, какъ ты упрямя.
- Это не упрямство: нельзя давать слова и обѣщаній, не зная, въ чемъ дѣло.
- Ты, какъ художникъ, любишь славу?
- Любить.
- А теперь развѣ уже не любишь?
- Теперь не люблю.
- Что же это значить?
- Это значить, что я узналъ нѣчто лучшее, чѣмъ слава.
- И любишь теперь это «нѣчто» лучше болѣе, чѣмъ извѣстность и славу?.. Прекрасно! Я понимаю, о чемъ ты говоришь: это все про народныя страданія и прочее, въ чемъ ты согласишься съ Джузеппе... А знаешь, есть мнѣнiе... Ты не обидишься?
- Бываютъ всякiя мнѣнiя.
- Говорятъ, что онъ авантюристъ.
- Это кто?
- Твой эгоистъ Гарибальди; по я знаю, что ты его любишь, и не буду его разбирать.
- Макъ въ это время тщательно обминалъ рукой стеариновый опилкъ около свѣтильни горѣвшей передъ ними свѣчи и ничего не отвѣтилъ. Никъ продолжалъ:
- Я не понимаю только, какъ это честный человѣкъ можетъ желать и добиваться себѣ полной свободы дѣйствiй и отрицать такое же право за другими? Если хочешь вредить другимъ, то не надо сердиться и на нихъ, когда они защищаются и тоже тебѣ вредятъ...
- Говори о чемъ-нибудь другомъ! — произнесъ Макъ.
- Да, да; правда: это не въ твой родъ и ты уже серднишься, а я все это виляю оттого, что боюсь сказать тебѣ прямо: мнѣ прислали на дорогу денегъ.
- Поздравляю.
- И я нахожу, что мнѣ много присланныхъ денегъ... Макъ, осчастлививъ меня: возьми себѣ изъ нихъ половину, чтобы имѣть возможность написать свою большую картину.
- Отойди, сатана! — отвѣчалъ Макъ, шутливо отстраняя отъ себя Ника, который вдругъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ и сталъ совать ему деньги.
- Возьми!.. Умоляю! — приставалъ Никъ.
- Ну, перестань, оставь это.

— Отчего же? Неужто тебѣ весь вѣкъ все откладывать произведеніе, которое сдѣлаетъ тебя славнымъ въ мірѣ, и мазикать на скорую руку для продажи твои маленькіе жанры?

— Я не вижу въ этомъ ни малѣйшаго горя: мои маленькіе жанры дѣлаютъ дѣло, которое лучше самой большой картины.

— Ну, мой другъ, что обольщаться напрасно!

— Я не обольщаюсь.

— Посмотри, сколько твоихъ жанровъ висятъ по тавернамъ: ихъ и не видитъ лучшее общество.

— Лучшее общество! А чортъ его побери, это лучшее общество! Оно для меня ничего не дѣлаетъ, а мои жанры меня кормятъ и шевелятъ кое-чѣю совѣсть. Особенно радуюсь, что они есть по тавернамъ. Нѣтъ, мнѣ чужихъ денегъ не нужно, а если у тебя такъ много денегъ, что онѣ тебѣ въ тягость, то толкнись въ домикъ къ Марчеллѣ и спроси, нѣтъ ли ей въ нихъ надобности?

— Марчелла! Ахъ, добрый Макъ, это правда. Я ему, однако, напомню о ней... я заставлю его о ней подумать...

— Нѣтъ, не напоминай! Найдется такой, который напомнитъ! Пойдемъ въ таверну и будемъ лучше пить на прощанье. Ни о чемъ грустномъ больше не слова.

Друзья надѣли шляпы и пошли въ таверну, гдѣ собрались ихъ другіе товарищи и всю ночь шло пированье, а на другой день Пика усадили въ почтовую карету и проводили опять до той же станціи, до которой провожали Фебуфиса. Карета умчалась, и Пикъ подъ звукъ почтальонскаго рожка прокричалъ друзьямъ послѣднее обѣщаніе: «писать все и обо всемъ», но сдержалъ свое обѣщаніе только отчасти, и то въ теченіе очень непродолжительнаго времени.

Макъ видѣлъ въ этомъ дурной признакъ: наивный, но честный и прямодушный Пикъ, безъ сомнѣнія, въ чемъ-нибудь былъ серьезно разочарованъ, и, не умѣя лгать, онъ молчалъ. Спустя нѣкоторое время, однако, Пикъ началъ писать, и письма его, въ одно и то же время, подкрѣпляли подозрѣнія Мака и приносили вѣсти, сколько интересныхъ, столько же и забавныхъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Для начала онъ, разумѣется, описывалъ въ нихъ только свою встрѣчу съ Фебуфисомъ и какъ они оба въ первую же ночь «напились по-старинному, вспоминая всѣхъ далекихъ, оставшихся въ Римѣ друзей», а потомъ писалъ о столицѣ герцога, о ея дорогомъ столѣ, но не очень важныхъ по монтировкѣ музеевъ, о состояніи искусства, о его техникахъ и направленіи и о предъявляемыхъ къ нему здѣсь требованіяхъ. Все это, въ настоящемъ художественномъ смыслѣ, для людей неинтересующихъ дѣло было жалко и ничтожно; но затѣмъ содержаніе писемъ измѣнилось и Пикъ скоро забредилъ о женщинахъ. Онъ неустанно распространялся о женщинахъ, въ изученіи которыхъ вдругъ обнаружилъ поразившіе Мака разносторонніе успѣхи. По его описаніямъ выходило, что въ этой странѣ всего лучше женщины. Особенно онъ превозносилъ ихъ милую женственность и ихъ удивительную скромность. «Самый амуръ здѣсь совершаетъ свой полетъ не иначе, какъ благословясь и въ тихомъ безмолвіи, на безшумныхъ крылышкахъ, — писалъ Пикъ. — Кто чувствуетъ склонность къ семейной жизни и желаетъ выбрать себѣ вѣрную и достойную подругу, тотъ долженъ ѣхать сюда и здѣсь онъ, навѣрное, найдетъ ее. Самъ герцогъ — образцовый супругъ и, любя семейную жизнь, онъ покровительствуетъ бракамъ. Это даетъ патриархальный тонъ и направленіе жизни. Случается, что герцогъ самъ даже бываетъ сватомъ и послѣ заботится о новобрачныхъ, которыхъ устроилъ. Дѣвушки въ хорошихъ семействахъ здѣсь такъ тщательно оберегаются отъ всего, что можетъ вредить ихъ цѣломудрію, что иногда не знаютъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, — словомъ, онѣ наивны и милы, какъ дѣти. Очень скромны и взрослые. Такова жизнь. Что вездѣ считается вполне позволительнымъ, какъ, на примѣръ, обѣдать въ ресторанахъ или ходить и ѣздить одной женщиной по городу, — здѣсь все это почитаютъ за неприличіе. Ни одной сколько-нибудь порядочной женщины не встрѣтишь въ наемномъ экипажѣ и не увидишь въ самомъ лучшемъ ресторапѣ. Если бы женщина пренебрегла этимъ, то ее сочли бы падшею и передъ нею не только закрылись бы навсегда всѣ двери знаковыхъ домовъ, но и мужчины изъ прежнихъ знако-

мыхъ позволили бы себѣ съ нею раскланяться развѣ только въ густыя сумерки. О дѣвушкахъ нечего и говорить: онѣ подъ постоянною опекой. Я часто сравниваю все это съ тѣмъ, что видѣлъ раньше среди римлянокъ и наѣзжихъ въ вашъ «вѣчный городъ» иностранокъ, и мнѣ здѣсь и странно, и нравится, я чувствую себя тутъ точно въ дѣвственномъ лѣсу, гдѣ все свѣжо, полно силъ и... страшная вещь! — но я вспоминаю тебя, Макъ, и начинаю размышлять социально и политически. А почему? А вотъ почему: ты все любишь размышлять объ упадкѣ нравовъ и объ общихъ бѣдствіяхъ и ищешь отъ нихъ спасенія... Ахъ, другъ, можетъ-быть, спасеніе-то именно здѣсь, гдѣ стѣнитъ волю захотѣть, чтобы что-нибудь сдѣлалось, и оно сейчасъ же становится возможнымъ, а не захотѣть — все станетъ невозможно? И все это оттого, что жизнь удержана въ удобной формѣ».

Дочитавъ письмо до этого мѣста, Макъ положилъ листокъ и сталъ собирать на него мастихиномъ загустѣвшія на палитрѣ краски. Соображенія Пика его болѣе не интересовали, а на вопросы товарищей о томъ, что пишетъ Пикъ, онъ отвѣчалъ:

— Пикъ пишетъ, что онъ живетъ въ такомъ любовномъ городѣ, гдѣ женщины пѣломудренны до того, что не знаютъ, отчего у нихъ рождаются дѣти.

— Вотъ такъ разъ!

— Что же? Этимъ вѣдь, пожалуй, можно быть довольнымъ,—замѣтили другіе и стали дѣлать по этому случаю различныя предположенія.

— Да,—отвѣчалъ Макъ:—и онъ этимъ очень доволенъ.

— По-моему, онъ тамъ можетъ неожиданно и скоро жениться.

— А отчего и нѣтъ, если тамъ это выгодно?

— Въ такихъ мѣстахъ что больше и дѣлать!—заключилъ Макъ:—или учиться, или жениться. Учиться трудно — жениться зашитѣе.

На письмо же то, о которое Макъ вытеръ свой мастихинъ, онъ вовсе не отвѣчалъ Пикю, но, вспоминая иногда о пріятелѣ, въ самомъ дѣлѣ, думалъ, что онъ можетъ жениться.

— Отчего, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ? Вѣдь несомнѣнно, что есть такой сортъ дѣятелей, которые прежде начала испол-

ненія всякихъ своихъ плановъ надѣваются себѣ на писю эту расписанную колодку. Почему же не сдѣлать этого и Пикю? или даже они оба тамъ съ этого начнутъ и, пожалуй, на этомъ и кончатъ.

И подозрѣніе еще усиливалось тѣмъ, что въ новомъ письмѣ Пикъ писалъ уже не о женищинахъ вообще, а особенно объ одной избранницѣ, которую онъ въ шаловливомъ восторгѣ называлъ именемъ старинной повѣсти: «Прелестная Пеллегрина или несравненная жемчужина». Онъ о ней много рассказывалъ. Макъ долженъ былъ узнать изъ этого письма, что «прелестная Пеллегрина» была дочь заслуженнаго воина, покрытаго самыми почтенными сѣдинами, ранами и орденами. Пеллегрина получила отъ природы милое, исполненное невинности лицо, ослѣненное золотыми кудрями, а герцогъ далъ ей за заслуги отца на свой счетъ самое лучшее образованіе въ монастырѣ, укрывавшемъ ее отъ всякихъ соблазновъ во всѣ годы отрочества. Пикъ увидалъ ее первый разъ на выпускномъ экзаменѣ, гдѣ она явля, какъ Пери, одѣтая въ бѣлое платье, и, рыдая, прощалась съ подругами дѣтства, а потомъ произошла вторая, повидимому, очень значительная встрѣча на лѣтнемъ праздникѣ въ загородномъ герцогскомъ замкѣ, гдѣ Пеллегрина въ скромномъ уборѣ страдала отъ надменности богато-убранныхъ подругъ, которыя какъ только переодѣлись дома, такъ и переобмѣнились другъ къ другу. Тутъ зато Пеллегрина показала умъ и характеръ: она все видѣла и поняла, но совѣсть не дала замѣтить, что страдаетъ отъ окружающей кичливости, и тѣмъ до того заинтересовала маленькаго Пика, что онъ познакомился съ ихъ домомъ и сталъ здѣсь какъ родственникъ. Онъ то играть въ шахматы съ вонномъ, покрытымъ сѣдинами, то ходить по лѣсамъ и полямъ съ Пеллегриною. Отецъ Пеллегрини, добродушный простякъ, безконечно ему вѣрить и только посылаетъ съ ними заслуженную и вѣрную служанку (онъ самъ давно вдовъ и на войнѣ храбръ, но дома, въ ядрахъ своего семейства, кротче агнца). Впрочемъ, Пикъ и Пеллегрина пока только собираютъ бабочекъ и букашекъ, при чемъ наивность Пеллегрини доходитъ до того, что она иногда говоритъ Пикю: «Послушайте, вы художникъ, посмотрите, пожалуйста, — вы должны знать—это букапъ или букашка?»

Макъ не сталъ отвѣчать и на это письмо, а затѣмъ отъ

Ника пришелъ только листочекъ съ описаніемъ маскарадовъ, которые ему казались верхомъ жизненнаго великолѣпія, и съ возвѣщеніемъ о большомъ путешествіи, которое онъ и Фебуфисъ намѣревались сдѣлать дѣломъ съ художественною цѣлью внутрь страны. На томъ переписка друзей оборвалась.

Въ Римѣ если не совсѣмъ позабыли о Фебуфисѣ и о Пикѣ, то, во всякомъ случаѣ, къ нимъ охладѣли и весь случай съ Фебуфисомъ вспоминали какъ странность, какъ капризъ или аристократическую прихоть герцога.

— Въ самомъ дѣлѣ, для чего этому отдаленному властителю Фебуфисъ? Чего онъ съ нимъ возится? Неужто онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ страстно любитъ искусство, или онъ не видалъ лучшаго художника? Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ сначала капризъ и желаніе сдѣлать колкость чернымъ королямъ Рима? Неужто, въ самомъ дѣлѣ, въ XIX вѣкѣ стануть повторяться Іоаннъ съ Лукой Кранахомъ? Вздоръ! Совсѣмъ не тѣ времена, ничто не можетъ ихъ долго связывать и, безъ сомнѣнія, фаворъ скоро отойдетъ и герцогъ его бросить.

— А, можетъ-быть, его немножко удержитъ трусость.

— Передъ кѣмъ и передъ чѣмъ?

— Передъ талантливымъ художникомъ, который всегда можетъ найти средство отплатить за дурное съ собою обращеніе.

— Какія глупости! какія наивныя, дѣтскія глупости! Что вы о себѣ и о нихъ думаете? Какое это средство?—спросилъ Макъ.

— Полотно, на которомъ можно все увѣковѣчить. А Фебуфисъ всегда останется талантомъ.

Макъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Вы дѣти! Повѣрьте, что тому, кому ввѣрилъ себя упоминаемый вами «талантъ», никакой стыдъ не страшенъ. Онъ, я думаю, почелъ бы за стыдъ знать, что такое есть боязнь стыда; а что касается «таланта», то съ нимъ расправа коротка: ничто не помѣшаетъ оставить этотъ талантъ и безъ полотна, и безъ красокъ, и даже безъ Божьяго свѣта. Да и безъ того... этотъ талантъ выцвѣтетъ... Не забывайте, что птицы съ ярко-цвѣтнымъ опереніемъ, перелинявъ разъ въ клѣткѣ, утрачиваютъ свою красивую окраску.

— Но зато онѣ выигрываютъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

— Да, онѣ обыкновенно жирѣютъ, перестаютъ дичиться, утрачиваютъ легкость и подвижность, — вообще становится, что называется, *ручными*.

Но намъ время оставить теперь этихъ пессимистовъ и оптимистовъ и послѣдовать за Фебуфисомъ и Пикомъ, съ которыми, въ ихъ новой обстановкѣ, произошли событія, имѣвшія для нихъ роковое значеніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

По прибытіи въ столицу своего покровителя, Фебуфисъ не былъ имъ покинутъ и позабытъ. Напротивъ, онъ тотчасъ же былъ прекрасно устроенъ во всѣхъ отношеніяхъ и не лишился даже знаковъ дружбы и вниманія, которыми пользовался во время путешествія. Конечно, теперь они видѣлись рѣже и бесѣдовали при другихъ условіяхъ, но все-таки положеніе Фебуфиса было прекрасное и возбуждало зависть въ мѣстномъ обществѣ и особенно среди приближенныхъ герцога. Повелитель, котораго боялись и трепетали всѣ его подданные, держалъ себя съ привезеннымъ художникомъ запросто, и Фебуфисъ этой линіи не портилъ. Къ чести его, онъ значительно измѣнился и, вкусивъ мало меду на кинжалѣ, посбавилъ съ себя закосчивости, а держался такъ скромно, какъ этого требовало положеніе. Участіе въ придворной жизни его не тяготило: сначала это ему было любопытно само по себѣ, а потомъ стало интересно и начало втягивать какъ въ пучину... Еще позже это стало ему нравиться... Какъ-никакъ, но это была жизнь: здѣсь все-таки шла безпрестанная борьба и кипѣли страсти и шевелились умы, созидавшіе планы интригъ. Все это похоже на игру живыми шашками и при пустотѣ жизни дѣлаетъ интересъ. Фебуфисъ сталъ чувствовать этотъ интересъ.

Такою вовсе не рассчитанною и не умышленною переимѣною въ своемъ поведеніи Фебуфисъ чрезвычайно утѣшилъ своего покровителя, и герцогъ сталъ изливать на него еще большія милости. Художнику дали отличное помѣщеніе, усвоили ему почетное званіе и учредили для него особенную должность съ большимъ содержаніемъ и съ подчиненіемъ ему прямымъ или косвеннымъ образомъ всѣхъ художественныхъ учрежденій. Положеніе Фебуфиса, въ са-

момъ дѣлѣ, какъ-будто готовилось напоминать нѣкоторымъ образомъ положеніе Луки Кранаха. Правда, не всѣ смотрѣли на это серьезно, но, по мнѣнію многихъ, Фебуфисъ будто могъ уже оказывать вліяніе на отношенія своего могущественнаго протектора къ людямъ разнообразныхъ положеній, и у него явились ласкатели и искатели. Когда герцогъ посѣщалъ его мастерскую, онъ, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ не объ одномъ искусствѣ, а и о многомъ другомъ, о чемъ не всѣ смѣли надѣяться имѣть съ нимъ бесѣды. Человѣка съ такимъ положеніемъ привѣчали лица, занимающія самыя высокія и почетныя должности. Фебуфисъ быстро очутился въ такъ-называемомъ лучшемъ обществѣ и здѣсь тоже держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Для пріобрѣтенія вѣса и значенія въ этомъ обществѣ ему не нужно было употреблять никакихъ усилій, все давалось ему даромъ, но все это ему скоро прискучило. Герцогъ тотчасъ замѣтилъ это и сказалъ ему: «ты не въ своей компаніи» — и предложилъ ему выписать къ себѣ кого-нибудь изъ его римскихъ друзей, при чемъ самъ же и назвалъ Пика.

Пикъ, сколь извѣстно, былъ выписанъ и представленъ герцогу, но онъ ему не понравился,—герцогъ нашель, что «онъ очень смѣшонъ», и велѣлъ назначить его преподавателемъ искусствъ въ избранномъ воспитательномъ женскомъ заведеніи, что и погубило Пика, сблизивъ его съ златокурою дочерью покрытаго сѣдинами воина.

Съ прибытіемъ Пика Фебуфису стало веселѣе; они работали и понемножку предавались кутежамъ, въ которыхъ, впрочемъ, находили здѣсь только хмельной чады, но не веселье. Оба они чувствовали себя здѣсь не по себѣ и оба другъ отъ друга это скрывали. Иногда они собирались оказывать какое-то большое вліяніе на что-то въ искусствѣ, но всякій разъ это кончалось ничѣмъ. Обо всемъ надо спрашиваться у герцога, а онъ не любилъ по имъ задуманныхъ перемѣнъ. Фебуфисъ скоро понялъ, что шпурокъ, на которомъ онъ ходитъ, довольно коротокъ, а Пикъ въ предѣлахъ своей дѣятельности попробовалъ быть смѣлѣе: онъ далъ дѣвицамъ рисовать торсы, вмѣстѣ рыцарей въ шлемахъ, и за это, совершенно для него неожиданно, былъ посаженъ на военную гаунтвахту «безъ объясненій». Это его такъ обидѣло, что онъ тотчасъ же хотѣлъ бросить все и уѣхать въ Римъ; но, вмѣсто того, отечески прощенный гер-

погомъ, тоже «безъ объясненій», ночель эту неприятность за неважное и остался.

— Что дѣлать, если это здѣсь бываетъ со всѣми.

Работать друзья могли только по заказамъ герцога, и опять же былъ и цѣнителемъ ихъ произведеній. Въ искусствѣ все зависѣло отъ него, какъ и во всемъ прочемъ: онъ осматривалъ всѣ произведенія учениковъ съ мѣломъ въ рукѣ и писалъ своею рукою на картинѣ свое безапелляціонное рѣшеніе. Фебуфисъ — ихъ главный руководитель — при этомъ только стоялъ и молчалъ. Пикъ говорилъ ему: «Для чего ты не возразишь?» — но тотъ не возражалъ. Безъ сомнѣнія, онъ понималъ, что находится здѣсь только для вида и для парада. Программы допускались только старыя, совсѣмъ не отличавшія новымъ живымъ стремленіямъ, обозначавшимся уже въ другихъ европейскихъ школахъ. Въ Римѣ слышали объ этомъ «академизмѣ» и смѣялись надъ нимъ. Фебуфису, по-настоящему, надо было сознаться, что его положеніе песочно, и уйти отъ него; но въ немъ жила фальшивая гордость: онъ не хотѣлъ быть синицею, которая летала пагрѣвать шиломъ море. Онъ рѣшался лучше кое-что перенести и пошелъ по этой дорогѣ уступокъ, чувствуя, что она вѣтся куда-то, все понижаясь, подъ гору, но раздражительно отрицалъ это, коль скоро то же самое замѣчали другіе. Въ такихъ бореиныхъ ему былъ тяжекъ и Пикъ и еще болѣе нѣкоторые умные люди изъ мѣстныхъ, и особенно главный пачальникъ внутренняго управленія, по фамиліи Шеръ, который самъ слылъ за художника и, въ самомъ дѣлѣ, разумѣлъ въ искусствѣ больше, чѣмъ герцогъ. Этотъ, какъ его называли, «внутренній Шеръ» былъ уменъ, пьянъ и безстыденъ, и допускалъ со всѣми очень странное, фамиллярное обращеніе, близко граничившее съ наглостью. Фебуфиса онъ, повидимому, считалъ ниже, чѣмъ бы тому хотѣлось, и называлъ его «величайшимъ мастеромъ по утвержденному герцогомъ образцу».

Это приводило Фебуфиса въ досаду, но, тѣмъ не менѣе, клочка плотно къ нему пристала.

И директоръ былъ не одинъ, который смотрѣлъ на привезеннаго герцогомъ фаворитнаго артиста, какъ на что-то полусмѣшное, полужалкое, изъ чего, можетъ-быть, гдѣ-то, пожалуй, и сдѣлали бы что-нибудь цѣнное, но изъ чего здѣсь ничего выйти не должно и не выйдетъ. Все это,

однако, нимало не помѣшало Фебуфису прогнѣваться въ стра-
щѣ, сдѣлавшейся его новымъ отечествомъ, за величайшаго
мастера, который понялъ, что чистое искусство гибнетъ
отъ тлетворнаго давленія соціальныхъ тенденцій, и чтобы
сохранить святую чашу неприкосновенною, онъ принесъ ее
и поставилъ къ ногамъ герцога. Герцогъ ее не оттолкнулъ,
какъ онъ не отталкиваетъ ничего, что можно снасти.
Пріѣзжіе мастера заставляли будто завидовать столицѣ гер-
цога всѣ тѣ страны, гдѣ искусство падало, приходи до слу-
жебной роли гражданскимъ и соціальнымъ идеямъ. И за то
они отблагодарятъ герцога,—они въ угоду ему распахнутъ
небо. Ника это не испортило, потому что, при ограничен-
ности его дарованія, онъ оставался только тѣмъ, чѣмъ быть;
но Фебуфисъ скоро сталъ замѣчать свою отсталость въ виду
произведеній художниковъ, трудившихся безъ покровителей,
но на свободѣ, и онъ сталъ ревновать ихъ къ славѣ, а
самъ поощрять въ своей школѣ «непосредственное творче-
ство», изъ котораго, впрочемъ, выходило подъ-рядъ все
только одно очень посредственное. Общій европейскій вос-
торгъ при появленіи картины Каульбаха «*Сраженіе гу-
новъ съ римлянами*», наконецъ, былъ нестерпимымъ ударомъ
для его самолюбія. Фебуфисъ почувствовалъ, что вотъ при-
шелъ въ міръ новый великій мастеръ, который повлечетъ
за собою послѣдователей въ идейномъ служеніи искусству.
Тогда Фебуфисъ рѣшительно сталъ на сторону противоположнаго
направленія, а герцогъ это одобрилъ и поручилъ
ему «произвести что-нибудь болѣе значительное, чѣмъ кар-
тина Каульбаха».

Внутренній Шеръ его расцѣловалъ и сказалъ ему за
обѣдомъ въ клубѣ на «ты»:

— Пришло твое время прославиться!

По герцогскому приказу Фебуфисъ началъ записывать
огромное полотно, на которомъ хотѣлъ воспроизвести сю-
жетъ еще болѣе величественный и смѣлый, чѣмъ сюжетъ
Каульбаха,—сюжетъ «гдѣ человѣческіе характеры были бы
выражены въ борьбѣ съ силой стихій»,—помѣстивъ тамъ и
себя, и другихъ и, вмѣсто пораженія Каульбаху, воспроиз-
велъ какое-то смѣшеніе псевдо-классицизма съ псевдо-на-
турализмомъ. Въ Европѣ онъ этимъ не удивилъ никого, по
герцогу угодилъ какъ нельзя болѣе.

— Тебѣ это удалось,—сказалъ герцогъ:—но всего бо-

лѣе похвально твое усердіе, и оно должно быть награждено.

Ему отпустили большія деньги и велѣли газетамъ напечатать ему похвалы. Ты сдѣлала свое дѣло. Была попытка поддержать его и въ Римѣ, но она оказалась неудачною, и сужденія Рима пришлось презирать.

— Они не хотять видѣть ничего, что явилось не у нихъ; чужое ихъ не трогаетъ,—объяснялъ герцогу Фебуфистъ.

— Ты это прекрасно говоришь: да, ты имъ чужой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ сюда...

— Ну, да!.. ты мой!

— Имъ кажется, что я здѣсь переродился.

— Это и прекрасно. Ты мой!

— Нѣтъ, они думаютъ, что я все позабылъ...

— Забылъ глупости!

— Нѣтъ,—разучился.

— А вотъ пусть они прїѣдутъ и посмотрятъ. Это все зависть!

— Не одна зависть,—я знаю, что они мнѣ не прощаютъ...

— Что же это такое?

— Измѣну.

— Чему?

— Задачамъ искусства.

Герцогъ сѣлъ на высокій табуретъ противъ мольберта и произнесъ дидактически:

— Задача искусства — это героизмъ и пастораль, вѣра, семья и мирная буколика, безъ всякаго сованья носа въ общественные вопросы—вотъ ваша область, гдѣ вы цари и можете дѣлать, что хотите. Возможно и историческое, я не отрицаю историческаго; но только съ нашей, вѣрной точки зрѣнія, а не съ ихней. Общественные вопросы искусства не касаются. Художникъ долженъ стоять выше этого. Такіе намъ пужны! Ищи такихъ людей, которые въ этомъ родѣ могутъ быть полезны для искусства, и зови ихъ. Обезпечить ихъ—мое дѣло. Можно будетъ даже дать имъ чины и форму. У меня они могутъ творить, ничѣмъ не стѣсняясь, потому что у меня вѣдь нѣтъ никакихъ тревогъ, ни тревоженій. Только трудись. Я хочу, чтобы наша школа сохранила настоящія, чистыя художественныя преданія и дала тонъ всеѣмъ прочимъ. Обновить искусство — это наше призваніе.

Фебуфисъ понималъ, что все это несбыточный вздоръ, и ничего не хотѣлъ дѣлать, а, между тѣмъ, изъ-за границы его уязвляла критика. Одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ судей искусства написалъ о немъ, что «во всей его картинѣ достойны похвалы только правильныи и твердыи рисунокъ, но что ея мертвый сюжетъ представляетъ что-то окаменѣвшее, что идея если и есть, то она рутинна и бесплодна, ибо она не поднимаетъ выше умъ и не облагораживаетъ чувства зрителя,—она не трогаетъ его души и не стыдитъ его за эгоизмъ и за холодность къ общему страданію. Художникъ будто спалъ гдѣ-то въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ и не замѣтилъ, что въ искусствѣ уже началось живое вѣяніе, и здравый умъ просвѣщеннаго человѣка отказывается высоко цѣнить художественныя произведенія, ласкающія одно зрѣніе, не имѣющія возвышающей или порицающей идеи. Теперь, чѣмъ такія бѣдныя смысломъ произведенія совершеннѣе въ своемъ техническомъ исполненіи, тѣмъ они укоризненнѣе и тѣмъ большее негодованіе должны поднимать противъ художника». А потому критикъ рѣшительно не хотѣлъ признать никакихъ замѣчательныхъ достоинствъ въ произведеніи, которымъ Фебуфисъ долженъ былъ прославить свою школу, и, вдобавокъ, унижилъ его тѣмъ, что сталъ объяснять овладѣвшее имъ направленіе его несвободнымъ положеніемъ, всегда зависящимъ отъ страха и фавора; онъ называлъ дальнѣйшее служеніе искусству въ такомъ направленіи «вреднымъ», «ставить надъ художникомъ крестъ» и давалъ ему совѣтъ, какъ самое лучшее по степени безвредности, «изображать по-старому голыхъ женщинъ, которыми онъ открылъ себѣ фортуу».

Фебуфисъ былъ странно уязвленъ этимъ «артиклемъ». Онъ никакъ не ожидалъ видѣть себя смѣщеннымъ и развѣчанымъ такъ скоро и такъ рѣшительно. Онъ ощутилъ въ себѣ неудержимый позывъ дать горделивый отпоръ, въ которомъ не намѣренъ былъ вступаться за свое произведеніе, но хотѣлъ сказать критику, что не онъ можетъ укорять въ несвободности художника за то, что онъ не запрягаетъ свою музу въ ярмо и не заставляетъ ее двигать топчакъ на молотилкѣ; что не имъ, слугамъ постороннихъ искусству идей, судить о свободѣ, когда они не признаютъ свободы за каждымъ дѣлать, что ему угодно; что онъ, Фебуфисъ, не только вольнѣй ихъ, но что онъ совсѣмъ воленъ, какъ

птица, и свободенъ даже отъ предвзсудка, желающаго запрячь свободное искусство въ плугъ и подчинить музу служенію пользамъ того или другого порядка подъ полицейскимъ надзоромъ деспотической критики. И многое еще въ этомъ же задорно-сконфуженномъ родѣ собралъ Фебуфистъ, не замѣчая, что сквозь каждое слово его отвѣди звучало признаніе, что онъ на чемъ-то пойманъ и въ спорѣ своемъ желаетъ только возбудить шумиху словъ, чтобы запутать понятія ясныя, какъ солнце. У него кстати оказался и стиль, благодаря чему въ отвѣди очень сносно доказывалось, что «для искусства безразличны учрежденія и порядки, и что оно можетъ процвѣтать и идти въ гору при всякомъ положеніи и при всякихъ порядкахъ».

Лучше написать это, какъ написалъ Фебуфистъ, даже не требовалось, но Никъ, которому онъ читалъ свои громы, говорилъ, что онъ все это уже какъ-будто раньше гдѣ-то читалъ или гдѣ-то слышалъ. И Фебуфистъ сердился, но сознавалъ, что это, однако, правда. Да вѣдь новаго и нѣтъ на свѣтѣ... Все уже когда-нибудь было сказано, но почему это же самое опять не повторить, когда это умѣстно? Впрочемъ, чтобы отвѣчать отъ лица школы цѣлой страны, надо, чтобы дѣло имѣло надлежащую санкцію, и потому авторъ рѣшилъ представить свой трудъ самому герцогу. Это ему внушало спокойствіе и дало всему, дѣйствительно, самое лучшее направленіе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Выбравъ удобный случай, чтобы представить свою рукопись герцогу, Фебуфистъ волновался въ ожиданіи его отвѣта, а тотъ не отвѣчалъ очень долго, но, наконецъ, въ одинъ прекрасный день передъ наступленіемъ новаго года художникъ получилъ приглашеніе отъ директора иностранныхъ сношеній,—того самаго искуснаго и ласковаго дипломата, который нѣкогда посѣтилъ вмѣстѣ съ герцогомъ его студию въ Римѣ.

Годы не измѣнили мягкихъ манеръ этого сановника: онъ встрѣтилъ Фебуфиста чрезвычайно радушно и весело поздравилъ его съ большимъ успѣхомъ у герцога.

— Вашъ отвѣтъ вашимъ озлобленнымъ завистникамъ привелъ въ совершенный восторгъ герцога, — началъ онъ, усаживая передъ собою художника. — Его свѣтлость изво-

лидъ поручить мнѣ выразить вамъ его полное сочувствіе вашимъ прекраснымъ мыслямъ, и если при этомъ могутъ имѣть какое-нибудь значеніе мои мнѣнія, то я позволю себѣ сказать, что и я вамъ вполне сочувствую. Я прочиталъ ваше сочиненіе. Герцогъ желалъ этого, и я былъ долженъ прочесть, и исполнился радости за васъ и скорби за себя... Да, въ числѣ моихъ помощниковъ нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы такіе ясные взгляды и умѣлъ бы такъ хорошо ихъ отстаивать.

Фебуфисъ поклонился, а сановникъ пожалъ его руку и сказалъ, что если бы онъ не былъ великимъ художникомъ, то онъ ни на кого бы смѣлѣе, чѣмъ на него, не рѣшился указать, какъ на способнѣйшаго дипломата.

— Значить, я теперь могу выпустить написанное въ свѣтъ?

— Нѣтъ. И это не нужно. Это само по себѣ такъ свѣтло, что не нуждается во внѣшнемъ свѣтѣ. Герцогъ на вашей сторонѣ. Вамъ сейчасъ предстоитъ удовольствіе увидать, что именно его свѣтлость начерталъ наверху валнихъ вѣрно-подданныхъ словъ своею собственною, безтрепетною рукой.

Произнеся съ горделивымъ достоинствомъ эти слова, сановникъ взялъ на колѣни малиновый бархатный портфель, съ золотымъ выпуклымъ вензелемъ и такимъ же золотымъ замкомъ, помѣщеннымъ въ полѣ орденской звѣзды. Затѣмъ онъ бережно ввелъ внутрь портфеля длинную кисть своей старческой руки и еще бережливѣе извлекъ оттуда рукопись Фебуфиса, на верхнемъ краю которой шли три строки, написанныя карандашомъ довольно красивымъ, кругловатымъ почеркомъ, съ твердыми нажимами.

Положивъ бумагу на палку посреди стола, сановникъ поднялся съ своего мѣста и попросилъ художника сѣсть въ кресло, а самъ сталъ и поднималъ вверхъ лицо, какъ-будто онъ готовился слушать лично ему отдаваемое распоряженіе герцога.

Фебуфисъ прочиталъ: «Одобряю и вполне согласенъ».

— Вотъ!—прошепталъ, придыханіемъ и наклоняя голову, вельможа.

«По»,—продолжалъ Фебуфисъ.

Сановникъ опять поднялъ лицо и опять застылъ въ позѣ.

«Имѣя въ виду всеобщее растлѣніе, которое теперь господствуетъ въ умахъ, нахожу несообразнымъ говорить съ этими людьми словами вѣрно-подданнаго убѣжденія».

Фебуфисъ вспыхнулъ и взглянулъ вопросительно на вельможу.

Тотъ тоже посмотрѣлъ на него выразительнымъ взглядомъ и произнесъ:

— Онъ неотразимъ! — и затѣмъ протянулъ руку къ бумагѣ съ тѣмъ, чтобы взять и вложить ее снова бережно въ малиновый портфель.

— Развѣ вы мнѣ не возвратите и мою бумагу?

— Конечно, нѣтъ. Съ этимъ начертаніемъ герцога она отнынѣ составляетъ достояніе исторіи... Она историческій документъ, который переживетъ насъ и будетъ храниться вѣка въ архивѣ, но вы, вмѣсто этой бумаги, получите другую, и вотъ она.

Онъ далъ художнику небольшой листокъ бристоля, на которомъ назначалось дать ему высокій чинъ и соединенныя съ нимъ потомственные права и имѣніе въ живописномъ уголкѣ герцогства.

Пока Фебуфисъ смотрѣлъ удивленными глазами на эти строки, значеніе которыхъ ему казалось и невѣроятно, и непонятно, и, наконецъ, даже щекотливо и обидно, директоръ поправилъ свой носъ и, наконецъ, спросилъ:

— Мнѣ кажется, что вы какъ будто удивляетесь.

— Да, графъ, — отвѣтилъ Фебуфисъ.

Графъ качнулъ головою, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, это обыкновенно бываетъ съ тѣми, кто не привыкъ къ характеру герцога. Рѣдко кто знаетъ, какъ онъ щедръ и какъ онъ умѣетъ награждать.

— Да, герцогъ щедръ, но въ числѣ его наградъ есть одна, которая, мнѣ кажется, соединена съ переменною подданства... Я уважаю герцога, но я никогда не просилъ объ этомъ.

— Неужто?.. Впрочемъ, я до вещей внутренняго управленія не касаюсь... на это у насъ есть господинъ Шерь. Правда, что у него въ вѣдомствѣ все идетъ чортъ знаетъ какъ, но зато по вдохновенію... У насъ это любить. Впрочемъ, если что неудобно, то вы сами можете говорить объ этомъ съ герцогомъ... Вамъ завтра надо ему представиться и благодарить его свѣтлость... Поцѣлуйте руку... Это такъ принято... Adieu!

Графъ повернулся и послалъ рукою поцѣлуй Фебуфису.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Фебуфись возвратился отъ обласкавшаго его дипломата въ самомъ дурномъ расположеніи духа: онъ переходилъ безпрестанно отъ угнетенности къ бѣшенству и не зналъ, чему дать болѣе хода. Дары, возвыщенные ему маленькою записочкой на брестолѣ, были очень щедры, но, при всемъ томъ, онъ чувствовалъ, что потерялъ нѣчто болѣе важное и существенное, чѣмъ то, что получаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ трактованъ слишкомъ ниже того, до чего положилъ себѣ предѣльную мѣту, и внутренней Шеръ имѣеть основаніе шутить надъ его «головнымъ павлиномъ», а графъ внѣшнихъ сношеній можетъ посылать ему на прощаніе дѣтскіе поцѣлуи. Всѣ они, въ самомъ дѣлѣ, значительные каналы, но крѣпче его наступаютъ людямъ на ноги, межъ тѣмъ, какъ онъ колеблется и не умѣетъ быть притворщикомъ, тогда какъ, въ сущности, это неотразимо требуется. Онъ все дышитъ и томится. А потомъ стекло, сквозь которое онъ смотритъ, какъ будто задышется и потемнѣетъ, и ничего не станетъ видно, и тогда онъ приметъ рѣшеніе, какого не думалъ. Такъ и теперь: простой и ясный смыслъ говорить ему, что онъ долженъ поблагодарить герцога сразу за все и сразу же отъ всего отказаться. Недаромъ духъ его возмущается и онъ чувствуетъ въ себѣ полный достатокъ силъ все это сдѣлать, по какъ только онъ начинаетъ соображать, что для этого нужно разрушить и въ чемъ повиниться, такъ его практическій смыслъ угнетается цѣлою массой представленій, для успокоенія которыхъ выходитъ изъ завѣшеннаго угла на ходуляхъ софизмъ: «не все ли равно, такой или другой деспотизмъ?.. И этотъ, и тѣ—все гнуть—не парять, и сломать—не тужать... Этотъ, по крайней мѣрѣ... Да нѣтъ,—все гадость, все несносно»...

Тутъ проходитъ какал-то полусонная глупость: одинъ получаетъ преимущество передъ другимъ, потому что онъ одинъ, а въ существѣ потому, что съ нимъ уже сдѣлка сдѣлана, а изъ одного закрома брать кормъ удобнѣе, чѣмъ собирать его по пустымъ токамъ. Головной павлинъ, дойдя досюда, складываетъ хвостъ и садится на насѣсть.

Такъ это было и теперь. Фебуфись вздыхалъ, скребъ грудь и даже, отправляясь утромъ другого дня въ герцогскій замокъ для принесенія благодарности его свѣтлости,

еще не зная, что онъ сдѣлаетъ, но съ нимъ былъ его практическій гений, и органически въ немъ уже сложилось то, что надо дѣлать.

Увидавъ его издали, герцогъ кивнулъ ему головою и, прервавъ рѣчь съ тѣмъ, съ кѣмъ разговаривалъ, громко спросилъ:

— Ты доволенъ?

Это была пренеудобная форма для начала объясненій; художникъ почти столько же волею, сколько и неволею уронилъ тихо, что онъ доволенъ, но осмѣлится нѣчто объяснить.

Отвѣтъ показался герцогу невнятенъ, и онъ переспросилъ:

— Что?!

— Я благодарю вашу свѣтлость за ваши милости, но...

— То-то!

Художникъ было почтительно началъ о своей отповѣди, которую онъ желалъ сдѣлать гласною, но герцогъ нахмурился и сказалъ:

— Оставь это: искусство, какъ и все, должно быть національно. А чтобы различные толки не портили дѣла, я велѣлъ принять мѣры, чтобы сюда не доходили никакіе толки. Ты очень впечатлителенъ. Пора тебѣ перестать вести одинокую жизнь. Я тебѣ совѣтую выбрать хорошую, добрую дѣвушку по-сердцу и жениться.

Фебуфисъ благодарилъ за милостивое вниманіе и заботливость, но не выразилъ желанія жениться.

Герцогъ сдвинулъ брови и сказалъ:

— А знаешь, мнѣ это очень противно! Семейная жизнь всего лучше успокаиваетъ, и ты это, навѣрное, увидишь на своемъ товарищѣ, котораго, кстати, поздравь отъ меня. Онъ сдѣлалъ превосходный выборъ и, вѣроятно, будетъ счастливъ.

— Мой товарищъ?.. О комъ, ваша свѣтлость, изволите говорить?

— Ну, разумѣется, о маленькомъ Пикѣ. Чтобы не забыть,—о немъ теперь надо лучше позаботиться, такъ какъ онъ женится, то я велю дать ему должность съ двойнымъ окладомъ. Его будущая жена—дочь очень достойнаго человека и моего вѣрнаго слуги. Храбръ... и глупъ, какъ сто тысячъ братьевъ. Будто ты ничего объ этомъ не знаешь?

— Ничего, ваша свѣтлость.

— Маленькій Пикъ, значить, въ любовныхъ дѣлахъ остороженъ. Это, впрочемъ, такъ и слѣдуетъ: дѣвушка очень молода и наивна, какъ настоящая монастырка, но онъ очень скоро побѣдилъ ея застычивость. Представь, онъ нашелъ способъ разъяснить ей, чѣмъ отличается букашъ отъ букашки... За это его тюкъ на крюкъ! Это довольно смѣшной случай, но пусть онъ самъ тебѣ о немъ расскажетъ. Кстати, онъ зоветъ ее «прелестная Пеллегрина». Ей это идетъ... Ты ее не видалъ?

— Нѣтъ.

— Очень интересна: она въ миньонномъ родѣ.

Фебуфисъ выслушалъ новость о Пикѣ какъ бы въ забытьѣ: его не интересовало теперь ничто, даже и то, что и съ самимъ съ нимъ происходило: все ему представлялось тяжелымъ сновидѣнiемъ, отъ котораго онъ хотѣлъ бы отряхнуться, только это казалось невозможнымъ. Онъ чувствовалъ, что какъ будто ушелъ далеко въ какой-то дремучій лѣсъ, изъ котораго не найти выхода. Да и куда выходить? И зачѣмъ? Здѣсь онъ все-таки значительная величина, хоть по герцогскому распоряженiю, а во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ станетъ наравнѣ со всѣми судимъ свободнымъ судомъ критики и... онъ знаетъ, какое она отведетъ ему мѣсто... Тяжкое униженiе! Здѣсь онъ ничего этого не испытаетъ... Сюда ничто ему непрiятное не проникнетъ,—противъ этого вѣрно принять мѣры. Онъ въ этомъ не виноватъ, а между тѣмъ ему отъ этого спокойно, и онъ легъ на диванъ, покрылъ ноги пледомъ и сладко заснулъ до сумерекъ, когда Пикъ сталъ весело будить его къ обѣду.

Фебуфисъ всталъ нѣсколько мрачный и серьезный, молчалъ въ продолженiе всего стола, но при концѣ обѣда прямо, безъ всякихъ предисловiй, спросилъ Пика:

— Я слышалъ, ты женишься?

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Герцогъ.

— На комъ же, смѣю спросить?

— Ну, что за глупость; будто ты не знаешь.

— До сихъ поръ не знаю.

— На какой-то милой дѣвушкѣ, невинной монастыркѣ, которую ты прозвалъ «прелестною Пеллегриной». Зачѣмъ ты покоришь ея сердце и научилъ ее, какъ узнавать букашъ отъ букашки?

Пикъ расхохотался.

— И герцогъ это знаетъ?

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Боже мой, какая противность! Чего онъ только не знаетъ? Кажется все, кромѣ нужды своего народа!

— Такъ это правда или нѣтъ?

— Что я женюсь?.. Конечно, неправда!

И Пикъ опять расхохотался. Онъ, такая маленькая крошка, чья незамѣтная фигура во всѣхъ возбуждала смѣхъ и шутовство, какъ онъ могъ быть любимъ милою дѣвушкой, которая ему чрезвычайно нравилась! И онъ женится! Это самому ему только и могло казаться слишкомъ грубою и слишкомъ неотдѣланною насмѣшкой, но, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ Фебуфису:

— Знаешь, я въ самомъ дѣлѣ, кажется, женюсь!

— Отчего же тебѣ это вдругъ стало казаться?

— Оттого, что я сдѣлалъ Пеллегринчкѣ предложеніе и объяснился съ ея отцомъ и отъ обоихъ отъ нихъ получилъ согласіе.

— Вотъ-те чортъ! Въ такомъ случаѣ, я поздравляю тебя,— ты, значить, навѣрное женишься.

— Да, вообрази, женюсь! Это случилось какъ-то внезапно... У нея есть кузень, молодой офицеръ, мерзкій шалунъ, который выдалъ мою тайну, и я былъ долженъ объяснить мои намѣренія... Конечно, не Богъ знаетъ что: мы съ нею, просто, ходили и гуляли, но этотъ достопочтенный старикъ, ея отецъ... онъ наивенъ такъ же, какъ сама Пеллегрина, и это неудивительно, потому что онъ женился на матери Пеллегрини, когда ему было всего двадцать лѣтъ, и его покойная жена держала его въ строгихъ рукахъ до самой смерти... Она умерла годъ тому назадъ.

— Онъ, вѣрно, радъ, что она умерла.

— М... ну—не знаю. Его племянникъ говорилъ, будто она ставила его на колѣни, и за то старичокъ теперь желаетъ будто компенсаціи и, какъ только выдастъ дочь замужъ, такъ самъ опять женится. Но этому хотятъ помѣшать.

Фебуфисъ уловилъ вполне ясно только послѣднее слово и повторилъ вяло:

— Жениться! Это значительный ресурсъ при большой скудѣ.

— Такъ ты противъ женитьбы?

— Какъ можно! Особенно при настоящемъ случаѣ, когда кое-что можетъ перепастъ и на мою холостецкую долю.

— Да, вѣдь, признайся, и тебѣ здѣсь скучно... Ты скучаешь?

— Очень скучаю, мой милый Пикъ, и потому я былъ бы очень счастливъ, если бы ты и твоя будущая жена не отогнали меня, старика, отъ своего обѣденнаго стола и отъ вашей вечерней лампы. А ужъ потомъ я буду желать вамъ спокойной ночи.

— О, конечно, это такъ и будетъ! Это неизмѣнно такъ и будетъ! Мы съ тобой не разстанемся и будемъ жить всѣ вмѣстѣ. Мы уже объ этомъ говорили. Пеллегриночка тебя очень почитаетъ. Она пренаивно дитя: она сказала, что она меня «любитъ», а тебя «уважаетъ», и сейчасъ же вскрикнула: «Ахъ, Боже мой! я не знаю, что больше!» Я ей сказалъ, что уваженіе значить больше, потому что оно заслуживается, и указалъ на ея чувства къ отцу, но она пренаивно замахала руками и говоритъ: «Что вы, что вы, я папу и не люблю, и не уважаю!» Я удивился и говорю: «За что же?»—А она говоритъ: «Я къ нему никакъ не могу привыкнуть».—«Въ какомъ смыслѣ?»—«Я не могу переносить, для чего отъ него бобковой мазью пахнетъ».—«Какіе пустяки!»—«Нѣтъ, говоритъ, это не пустяки; мать тоже никакъ не могла привыкнуть: она правду ему говорила, что онъ «не мужчина».—«Что же онъ такое?»—«Мама его называла: губка! Фу!»—«Чѣмъ же это порокъ?»—«Да фу!.. мнѣ о немъ стыдно думать!» Ты вообрази себѣ такую своего рода быстроту и бойкость въ нераздѣльномъ слити съ монастырскою наивностью... Это что-то дѣтское, что-то какъ будто игрушечное и чертотхайское... и, главное, эти неожиданные сюрриризы и переходы, начиная отъ букана до мужчины и до не-мужчины... Вѣдь все это видѣть, все это самому вызвать и наблюдать всѣ эти переходы...

— Что и говорить! — перебилъ Фебуфисъ. — Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, чувствуется біеніе жизненнаго пульса.

— Да, вотъ, именно біеніе жизненнаго пульса.

И ему было дано вволю испытать на себѣ въ разной степени біеніе жизненнаго пульса. Одно изъ высшихъ удовольствій въ этомъ родѣ онъ узналъ въ самый блаженный мигъ, когда послѣ свадебныхъ церемоній остался вдвоемъ съ прелестною Пеллегриной. Случай былъ такой, что Пикъ

совершенно потерялся, убіжалъ въ холодный залъ и, прислонясь лбомъ къ покрытому изморосью оконному стеклу, проплакалъ всю ночь. Въ этомъ же положеніи спасла его утромъ его молоденькая жена: она подошла къ нему съ своимъ невиннымъ дѣтскимъ взглядомъ, въ утреннемъ капотѣ новобрачной дамы, положила ему на плечи свои миниаторныя ручки и, повернувъ къ себѣ этими ручками его лицо, сказала:

— Мой другъ, вѣдь я не раздѣвалась...

— Мнѣ все равно!—отвѣтилъ сѣбно Пикъ.

— Нѣтъ... не все равно.

У Пика кинѣла досада и онъ отвѣтилъ:

— Я говорю вамъ: это мнѣ все равно!

— А я... я себѣ этого даже и объяснить не могу...

— Себя!

— Да.

— Даже себя не можете объяснить?!

— Вотъ именно!

— Это становится интересно.

— Я помню одно, что я дежурила въ комнатахъ у начальницы, и онъ неслышно взошелъ по мягкимъ коврамъ и... онъ взялъ меня очень сильно за поясъ...

— Чортъ бы васъ взялъ съ нимъ вмѣстѣ!

— Но я не раздѣвалась и только была совсѣмъ измучена... и я больше ничего не знаю... я ничего не помню...

— Не помните!

— Да, я затрепетала...

— Затрепетала!

— Да, затрепетала... мы такъ воспитаны.

— Вы очень оригинально воспитаны... Ничего не понимаете...

— Да... не понимала, а теперь мнѣ дурно.

Пикъ хотѣлъ ее оттолкнуть, но, вмѣсто того, принялъ жену подѣ руки, отвелъ ее въ спальню, помогъ ей раздѣться и сказалъ:

— Разъ что все было такъ, то это предается забвенію.

Она въ полузабытій, съ глазами, закрытыми вѣками, слабо пожала его руку.

— Но только мы уйдемъ отсюда. Здѣсь имъ вездѣ ужъ слишкомъ полно.

— Какъ ты хочешь, букантъ,—прошептали милоя, дѣтскія уста Пеллегринны.

Пикъ улыбнулся и сталъ цѣловать ихъ и повторять:

— Мы отъ него уѣдемъ, уѣдемъ, буканика!

— Да, уѣдемъ, буканичекъ,—отвѣчала Пеллегринна:—только не надо ничѣмъ тревожить папу.

Пикъ все позабылъ и растаялъ въ объятіяхъ своей наивной жены.

Букантъ и буканика были счастливы. Равновѣсіе въ ихъ жизни нарушалось только однимъ стороннимъ обстоятельствомъ: отецъ Пеллегринны, съ двадцати лѣтъ состоявшій при своемъ семействѣ, съ выходомъ дочери замужъ вдругъ заскучалъ и началъ страстно молиться Богу, но онъ со всѣмъ не обнаруживалъ стремленія жениться, а показалъ другую удивительную слабость: онъ поддался вліянію своего племянника и съ особеннымъ удовольствіемъ началъ искать веселой компаніи; чего онъ не успѣлъ сдѣлать въ юности, то все хотѣлъ вспомнить теперь: онъ завилъ на головѣ остатокъ волосъ, кушилъ трубку съ дамскимъ портретомъ, сталъ пить вино и началъ ѣздить смотрѣть, какъ танцуютъ веселыя женщины. Спустя малое время, онъ не выдержалъ и самъ принялъ участіе въ танцахъ.

По его значенію въ военномъ мірѣ, внутренній Шеръ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія герцога, а герцогъ, встрѣтя его въ паркѣ, спросилъ:

— Ты танцуешь?

— Виновать,—отвѣчалъ генераль.

— Отчего ты это вздумалъ?

— Рано женился и ничего не испыталъ въ молодости, ваша свѣтлость.

— То-то! Смотри, чтобъ этого не было.

Почтенный воинъ далъ слово своему повелителю, но не въ силахъ былъ этого слова выдержать: молодая компанія опять увлекла его въ опасное сообщество, гдѣ онъ нарушилъ свое обѣщаніе: онъ пилъ и танцевалъ, и дѣлая рондъ въ фигурѣ, вдругъ увидалъ передъ собою внутренняго Шера... Генераль сейчасъ же упалъ и переломилъ себѣ хребетъ, а когда пришелъ на мгновеніе въ себя и сообразилъ, что объ этомъ узнаетъ герцогъ, то тотчасъ же тутъ и умеръ на мѣстѣ преступленія. Внутренній Шеръ тихо перенесъ геролъ ночью въ его жилище и утромъ доложилъ герцогу. Герцогъ

слушалъ начало доклада въ гнѣвѣ, но потомъ былъ тронутъ поступкомъ генерала и сказалъ:

— Онъ хорошо кончилъ!

Затѣмъ вышло распоряженіе, чтобы молодыхъ людей посадить подъ арестъ, танцорокъ высѣчь, а усоншему сдѣлать погребальный церемоніаль по его заслугамъ и произнести надъ его гробомъ глубоко-прочувствованное слово.

Все это было исполнено, и герцогъ самъ былъ тутъ, самъ окинулъ взоромъ церемонію, самъ выслушалъ слово и даже приткнулся рукою ко гробу нѣкогда храбраго чловѣка, а потомъ съ чувствомъ пожалъ руку его дочери. Фактъ этотъ цѣликомъ перешелъ въ исторію народа.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Трауръ, который надѣла по отцѣ Пеллегрина, до того шелъ къ ея граціозной, легкой фигуркѣ и пенельной головкѣ, что Фебуфисъ, пребывавшій долгое время въ тяжелой и безпросвѣтной хандрѣ, увидавъ ее, просвѣтлѣлъ и сказалъ:

— Знаете ли, я очень хочу написать вашъ портретъ.

Пеллегрина, какъ женщина, съ удовольствіемъ чувствовала обаяніе, которое ея красота произвела на знаменитаго, по общему мнѣнію, друга ея мужа, и ничего не имѣла противъ осуществленія его артистическаго желанія. Пикъ одобрялъ это еще болѣе.

— Это тебѣ пришла счастливѣйшая мысль,—восклицалъ онъ:—это обоихъ васъ займетъ, и тебя, и ее заставитъ прогнать отъ себя тяжелыя мысли.

Портретъ былъ начатъ во весь ростъ на большомъ холстѣ, гдѣ нашли мѣсто для своего расположенія всѣ любимыя вещи въ будуарѣ Миньоны.

Фебуфисъ послѣ продолжительной апатіи и бездѣйствія взялся за работу съ большимъ рвеніемъ и портретъ Пеллегринны обѣщалъ превзойти портретъ, написанный Фебуфисомъ съ герцогини для кабинета герцога. Это обстоятельство заключало въ себѣ даже нѣчто щекотливое и заставляло Фебуфиса производить работу не въ мастерской, а въ будуарѣ Пеллегринны. Онъ приходилъ къ ней въ своемъ рабочемъ легкомъ костюмѣ—въ туфляхъ, сѣреныхъ широкихъ панталонахъ и коричневой бархатной курткѣ. Она позировала передъ нимъ стоя и, утомясь, отдыхала на широкой оттоманкѣ, а онъ переносилъ ея дѣвственныя черты

на полотно и нѣчто завесъ нечаянно въ свое сердце, начавшее гнать кровь въ присутствіи жены друга съ увеличенной силой. Онъ сталъ неровенъ и нервенъ,—она это, кажется, замѣчала, но оставалась во всегдашнемъ своемъ безпечномъ, младенческомъ настроеніи, и даже когда онъ однажды сказалъ ей, что не можетъ глядѣть на нее издали, она и тогда промолчала. Но ужъ тогда онъ бросилъ кисть и палитру и, кинувшись къ ней, обнявъ ея колѣни и овладѣвъ ею такъ бурно, что она совсѣмъ потерялась, закрыла лицо руками и прошептала не разъ, а два раза:

— Бога ради, Бога ради!

Онъ, кажется, не разобралъ, какъ это слѣдовало понять, и послѣдствія этого недоразумѣнія совершенно не отвѣчали программѣ сеанса.

Дѣла могли идти такимъ порядкомъ очень долго, но разъ Пикъ вошелъ домой не въ счастливый часъ и не въ урочное время и услышалъ это же странно произнесенное «Бога ради!» Онъ понялъ это не такъ, какъ слѣдовало: ему показалось, что его женѣ дурно, и онъ бросился къ ней на помощь, но, спѣшно войдя въ комнату, онъ засталъ Пеллегрину и Фебуфиса сидящими на диванѣ слишкомъ тихими и въ слишкомъ далекомъ другъ отъ друга разстояніи.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ, они на него, и всѣ трое не сказали другъ другу ни слова.

И Пикъ стоялъ, а тѣ двое продолжали сидѣть другъ отъ друга слишкомъ далеко, въ противоположныхъ концахъ дивана, и вездѣ, по всей комнатѣ, слышно было, какъ у нихъ у всѣхъ у трехъ въ груди бьются сердца, а Пикъ прошепталъ: «Какъ все глухо!»—и вышелъ вонъ, ошеломленный, быть-можетъ, одною мечтой своего воображенія, но зато онъ сію минуту опомнился и, сдѣлавъ два шага по ковру, покрывавшему полъ сосѣдней гостиной, остановился. Его такъ колыхало, что онъ схватился одною рукой за мебель, а другою за сердце... Вокругъ была нѣсколько минутъ жуткая тишина и только потомъ до слуха Пика долетѣлъ тихій шопотъ:

— Для чего вамъ было садиться такъ далеко?

Это говорила букашка и говорила съ укоризною... Фебуфисъ въ роли букаша былъ сильнѣе потерянь и молчалъ.

Ее это еще больше разсердило. Пикъ слышалъ, какъ она встала съ дивана и подошла къ столику, и какъ обручалъ-

ное колечко на миниатюрномъ пальцѣ ся руки тихо звякнуло о граненый флаконъ съ одеколономъ. Пикъ узнавалъ ее по всѣмъ этимъ мелкимъ примѣтамъ.

Она, очевидно, входила въ себя и держала себя на уровнѣ своихъ привычекъ, между тѣмъ какъ ей сообщникъ былъ недвижимъ и едва могъ произнести:

— Было бы все равно.

— Совсѣмъ не равно,—отвѣчала наставительно Пеллегринна, уже повышая тонъ до полуголоса.—Люди, которые просто разговариваютъ, никогда такъ далеко не сидятъ.

Онъ тоже хотѣлъ ободриться и съ улыбкою, слышною въ шопотѣ, спросилъ:

— Здѣсь это не принято?

Но она совсѣмъ уже полнымъ голосомъ повторила:

— Не принято!.. Гораздо важнѣе—это не то, что *здесь* «не принято», а то, что это *вездѣ естественно!*

И съ этимъ она поставила на уборный столъ флаконъ и, вѣроятно, хотѣла идти вслѣдъ за мужемъ въ тѣ самыя двери, въ которыя онъ вышелъ, но Пикъ предупредилъ ее: онъ бросился впередъ, схватилъ въ передней свой плащъ и шляпу и выбѣжалъ на улицу. На дворѣ уже темнѣло и лилъ проливной дождь. Пикъ ничего этого не замѣчалъ; онъ шелъ и свисталъ, останавливался у угловъ, не зная, за который изъ нихъ поворотить, и потомъ опять шелъ и свисталъ, и вдругъ расхохотался.

— И это я ей говорилъ. И ей объяснялъ, что букашка и что букашка! И это она увѣрила меня, какъ она не повидала, что съ нею дѣлаютъ, и затрещала! И это я писалъ Маку о здѣшнихъ женщинахъ, какъ онѣ наивны!.. Что могъ я понять въ этомъ омутѣ, въ этой поголовной лжи?.. Что я могу понять даже теперь? Впрочемъ, теперь я понимаю то, что я не хочу здѣсь оставаться ни дня, ни часа, ни минуты!

И съ этихъ поръ онъ исчезъ безслѣдно.

Внутренній Шеръ доложилъ герцогу объ исчезновеніи Пика въ числѣ обыкновенныхъ полицейскихъ событій. Все, что предшествовало этому загадочному исчезновенію и что было его настоящею причиною, осталось для всѣхъ постороннихъ неизвѣстнымъ. Когда же всѣ розыски Пика въ предѣлахъ герцогства оказались безуспѣшными, герцогъ призвалъ Фебуфиса и спросилъ:

— Что ты знаешь о своемъ товарицѣ?

— Ничего, ваша свѣтлость.

— А въ какомъ положеніи его жена? Она, можетъ быть, уже вдова и у нея нѣтъ права на пенсію?

— Если, ваша свѣтлость, повелите,—вкрадчиво вставилъ Шеръ.

— Да, — отвѣчалъ герцогъ:—я повелѣваю. И, кстати, пусть ее тоже опредѣляютъ воспитательницей тамъ, гдѣ она сама училась. Это будетъ пріятно герцогинѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Исчезновеніе Пика, однако, чувствительно ударило по сердцу Фебуфиса, и Пеллегрина перестала ему больше нравиться, а притомъ совершилось еще другое. Сопровождая герцога, онъ посѣтилъ одинъ богатый торговый городъ, въ ратушѣ котораго имъ былъ данъ роскошный балъ. На этомъ балѣ, въ числѣ многихъ красивыхъ женщинъ, появилась молодая дѣвушка классически строгой и поразительной красоты. Ее звали Гелія. Она была дочь мѣстнаго богатаго негоціанта, имѣвшаго дѣла со всею Европой. Красота ея бросилась всѣмъ въ глаза и сразу Фебуфиса плѣнила. Это замѣтилъ герцогъ, и тутъ же спросилъ его:

— Что ты о ней скажешь?

— Ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Фебуфисъ:—о ней можно сказать только, какъ говорятъ на Востоѣ: «глазъ смертнаго не можетъ видѣть такое совершенство безъ готовности умереть за него».

Герцогу понравилась восточная фраза: онъ, почитавшій себя покровителемъ вѣры, самъ любилъ иногда пустить въ ходъ что-нибудь въ библейскомъ родѣ, и въ данномъ случаѣ онъ тоже скопиновалъ что могъ: онъ поклоналъ Фебуфиса по плечу и сказалъ:

— Эге, смертный, я вижу, ты еси уже уязвленъ сею красою. Бойся заболѣть, но, впрочемъ, при мнѣ и сія болѣзнь можетъ оборотиться не къ смерти, а къ славѣ... только сумѣй ей понравиться.

— Ваша свѣтлость, смертный не дерзаетъ и думать о томъ, чтобы понравиться такой красавицѣ.

— Прекрасно сказано: можетъ-быть, ей даже и нельзя понравиться, потому что она, какъ единственная дочь богатаго отца, избалована ихватила хваленой цивилизаціи за границею. Говорятъ, она холодна, какъ Діана.

— Вотъ изволите видѣть!

— Да, да,—Діана, и даже ходитъ одна съ огромнымъ псомъ. И притомъ, она умна... и даже, кажется, что-то пишетъ... И вотъ именно объ искусствѣ... Она тоже живописецъ и училась у Каульбаха. Но, главное, отецъ въ ней не слышитъ души, и она очень своевольна. Но, надѣюсь, я здѣсь хозяйинъ и могу кое-что сдѣлать. Хочешь, я ее за тебя посватаю?

Фебуфистъ, сложивъ руки на груди, съ улыбкою поклонился герцогу и произнесъ:

— Поцадите, ваша свѣтлость!

— А вотъ же посватаю и высватаю: это дѣло мое, а ты знай самъ средство, какъ съ нею обходиться,—и съ этимъ онъ прямо съ мѣста направился къ отцу красавицы, взялъ его подъ руку въ сторону и сталъ просить у него руки дочери для жениха, котораго онъ рекомендуетъ.

Фебуфистъ былъ какъ на иголкахъ, но около него былъ Шеръ; онъ его успокоивалъ и шепталъ ему:

— Ничего не выйдетъ; у ся отца, у этого стараго Фрица въ головѣ преогромный навлинь: онъ собить дочкѣ мужа миллионера или маркграфа.

Отецъ красавицы, которую звали Гелія, былъ сытый и рослый бюргеръ съ надменнымъ лицомъ, напоминающимъ лицо герцога Веллингтона, слылъ за страшнаго богача и жилъ роскошно. Однако, обращаясь въ сторонѣ отъ дворянскихъ обычаевъ и притомъ въ торговомъ кружкѣ, въ которомъ онъ имѣлъ первенствующее значеніе, онъ не отличался находчивостью и былъ взятъ врасплохъ; онъ слышалъ, что такимъ сватамъ не отказываютъ, и не успѣлъ сказать, ни да, ни нѣтъ, какъ «сватъ» уже поманулъ къ себѣ жениха. Это обѣщало дрянную игру: два головные навлина спшибались: отецъ отца Фебуфиса былъ приказчикомъ у отца стараго Фрица, Фрицъ не могъ желать себѣ такого зятя, но, тѣмъ не менѣе, сухое и даже немножко надменное согласіе было дано. Герцогъ поднялъ бокаль за здоровье жениха и невесты, и они были помолвлены. Негодяи порта были этимъ удивлены и обижены,—на всѣхъ лицахъ было замѣтно неудовольствіе, а Шеръ, принеся свое поздравленіе отцу невесты, отошелъ въ амбразуру окна и, доставъ изъ кармана агенду, написалъ *nota bene*, по которой тайной агентурѣ слѣдовало пошарить вездѣ, гдѣ воз-

можно: все ли благополучно въ дѣлахъ почитаемаго въ милліонерахъ Фрица? Его уступчивость казалась Шеру подозрительною. Дѣвушка не протестовала нимало, но съ первыхъ же минутъ показала своему жениху холодное презрѣніе, а, тѣмъ не менѣе, вскорѣ же съ царственною пышностью была отпразднована ихъ свадьба. Невѣсту, которая все продолжала держать себя въ строгомъ чинѣ, подвели къ алтарю самъ герцогъ и оставался первымъ гостемъ на пирѣ, гдѣ присутствовала вся знать столицы, но присутствовала также незримо и Пемезида...

Негоціантъ ничего не опредѣлялъ дочери, но можно было думать, что онъ дастъ большое приданое, а герцогъ, который «любилъ награждать», конечно, доставить многостороннія другія выгоды,—вышло, однако, такъ, что все это было вдругъ испорчено на первыхъ порахъ. Недобрымъ предвѣстіемъ всего было письмо, которое Фебуфисъ написалъ у себя на столѣ въ то время, когда привезъ къ себѣ молодую супругу и оставилъ ее на короткое время въ ея художественно отдѣланной половинѣ. Письмо было написано какою-то злою и мстительною женщиной: въ немъ извѣщали Фебуфиса, что онъ великоколѣпно надуть, что онъ получить жену съ большими претензіями и безъ всякихъ средствъ; что тестъ его, слывшій за милліонера, на самомъ дѣлѣ готовый банкротъ, ищущій спасенія въ дорогомъ цѣнномъ имъ уступкѣ; что бракъ этотъ со стороны Геліи есть жертва для спасенія отца, а Фебуфисъ отъ всего этого получить право ужинать всегда безъ послѣдняго блюда.

Фебуфису показалось, что это писала Пеллегрина. Онъ знаетъ, что букашка чертовски скрытна, ловка и мстительна, а притомъ она, кажется, успѣла стать слишкомъ знакома съ внутреннимъ Шеромъ и умѣла узнавать у него кое-что изъ его ежедневныхъ упражненій въ подпечатываніи и чтеніи писемъ, ввѣряемыхъ почтовой пересылкѣ.

Маленькая, изящная Пеллегрина могла знать тайности, но ей также ничто не мѣшало и лгать, и клеветать на людей. Эта женщина—живое и мерзкое воспоминаніе, при которомъ является уколъ въ сердцѣ и мелькаетъ передъ глазами тѣнь маленькаго Пика.

Теперь это случилось какъ нельзя больше не въ-время. Теперь это надо рѣшительно прочь.

Онъ наскоро сунулъ смутившее его на минуту письмо

въ карманъ изящнаго спальнаго жакета изъ мягкой восточной матеріи и въ легкихъ восточныхъ туфляхъ спустился изъ мастерской внизъ къ женѣ, спальня и уборная которой были устроены въ тѣхъ самыхъ покояхъ, которые занималъ въ этомъ казенномъ домѣ Пикъ и его Пеллегринна. Спальня Геліи приходилась именно въ той самой комнатѣ, гдѣ Фебуфисъ писалъ портретъ Пеллегринны и скомпрометировалъ ее, сѣвши слишкомъ далеко отъ нея на диванѣ.

Это все опять ему ненадлежаще вспомнилось, когда онъ съ изящною ночью лампочкой въ рукѣ проходилъ по мягкому ковру той комнаты, гдѣ стоялъ Пикъ, держась рукою за сердце и выслушивая изъ собственныхъ устъ жены сознаніе въ ея поступкѣ и въ ея чертовской опытности и органической любви къ обману.

Фебуфисъ тряхнулъ своими порѣдѣвшими кудрями, какъ бы отгоняя воспоминанія, и положилъ руку на массивную бронзовую фигуру дракона, служившую ручкою двери въ женину спальню.

Сію минуту онъ увидитъ свою великолѣпную Гелію...

Сердце его усиленно билось, но дверь не подавалась... она была заперта. Быть-можетъ, это ему такъ только кажется; быть-можетъ, онъ неловко берется. Онъ надавилъ ручку сильнѣе, и теперь несомнѣнно убѣдился, что дверь заперта изнутри на ключъ. Значитъ, полученное неизвѣстнымъ путемъ письмо предупреждало его кое о чемъ вѣрно... свадебный миръ его конченъ, и онъ, какъ дитя, оставленъ «безъ послѣдняго блюда».

Онъ былъ въ нерѣшимости, что ему дѣлать: встряхнуть дверь и звать жену такъ, чтобы она должна была откликнуться, или выдержать себя и на первыхъ же порахъ наказать ея ни съ чѣмъ несообразный капризъ пренебрежительною холодностью?

Первое угрожало шумомъ и скандаломъ, который могъ дойти до ушей прислуги и сдѣлать его смѣшнымъ въ передней, на кухнѣ и въ мелочныхъ лавкахъ, откуда потомъ придетъ слухъ и въ гостиныя... Второе... еще можетъ къ чему-нибудь вывести.

Онъ предпочелъ второе и возвратился спать въ свою мастерскую.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Утро второго дня было для Фебуфиса тяжело неизвѣрно. Начало семейной жизни его не радовало, и онъ всталъ, ощущая никогда ему до сихъ поръ неизвѣстный страхъ передъ женщиной... прекрасною, строгою и чертовски холодною женщиной, избалованности и капризамъ которой, очевидно, нѣтъ мѣры, точно такъ же, какъ не видно мѣры ея упорству и самообладанію, которыхъ совсѣмъ нѣтъ у Фебуфиса.

Но обстоятельства требовали, чтобы онъ показалъ нѣкоторое самообладаніе, и онъ рѣшился сдѣлать надъ собою твердыя усилія. Онъ сошелъ въ столовую, гдѣ имѣлъ привычку пить свой утренній кофе, и, къ удивленію своему, засталъ здѣсь, за столомъ, совершенно одѣтую жену, передъ которой была англійская книга, а у ногъ ея лежала ея огромная черная собака Рапд. Супруги повидались холодно, какъ знакомые. Гелія не обнаружила ни малѣйшаго замѣшательства и даже дала замѣтить мужу, что она его нѣкоторое время ожидала за кофе. Онъ хотѣлъ разразиться, но вмѣсто того извинился, сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ и нѣсколько разъ посмотрѣлъ на чернаго Рапд. Его занимало: когда и кто привелъ въ его домъ эту собаку, имѣвшую чрезвычайную привязанность къ Геліи, а къ нему — возымѣвшую съ первой встрѣчи глухое личное неудовольствіе, способное, при всякомъ удобномъ поводѣ, перейти въ открытую неприязненность? Фебуфисъ даже по вытерпѣлъ и полюбонитствовалъ:

— Когда сюда перебрался Рапд?

Гелія отвѣчала, что Рапд пришелъ вчера съ ея вѣрною служанкой.

«Рапд и вѣрная служанка!.. Недурненькія штучки для пачала», подумалъ Фебуфисъ и затѣмъ спросилъ:

— А гдѣ вы нашли для него здѣсь помѣщеніе?

— Его помѣщеніе, какъ всегда, при мнѣ.

— Нѣтъ, гдѣ онъ спалъ?

— На коврѣ, въ ногахъ у моей постели.

«Какова штучка!» — подумалъ Фебуфисъ и всталъ, чтобы привѣтствовать двухъ близкихъ родныхъ жены, пріѣхавшихъ сдѣлать ей обычный визитъ на другое утро послѣ брака.

Фебуфисъ былъ радъ ихъ приходу, чтобы избавиться отъ

сообщества, въ которомъ ему становилось тяжело, и, въ то же время, показать первое проявленіе и своего равнодушія, и своего самообладанія.

Онъ мало поговорилъ и, вставъ, направился къ себѣ въ мастерскую; но, при поворотѣ на коврѣ, наткнулся на Раидъ и чуть не упалъ.

Онъ видѣлъ, что гости и его жена сдѣлали надъ собою усилие, чтобы не засмѣяться его полету и смѣшному взмаху, который онъ сдѣлалъ руками.

Одинъ Раидъ поглядѣлъ на него серьезно и грустно, безъ унижительной ироніи, и, звучно вздохнувъ изъ глубины своей собачьей души, точно хотѣлъ сказать: «Ахъ, уйди, тебѣ здѣсь не мѣсто!»

Фебуфисъ, съ своей стороны, подумалъ: «Я эту собаку непременно убью», и затѣмъ онъ прошелъ къ себѣ въ мастерскую, одновременно чувствуя и бѣшенство, и неотразимую потребность удерживаться, и вдругъ онъ схватилъ кисти и началъ работать.

Съ этихъ поръ мастерская, этажема выше жилья, сдѣлалась его постояннымъ пріютомъ. Онъ точно вышелъ изъ дому безъ спора и безъ боя, самъ не замѣтивъ, какъ это случилось.

Онъ дѣлалъ съ женой визиты; былъ съ нею на завтракъ, въ замкѣ, у герцога, причемъ герцогъ, поздравляя Гелію, поцѣловать у ней руку въ присутствіи герцогини. Потомъ у нихъ былъ родственный обѣдъ, за которымъ Фебуфисъ убѣдился, что отецъ его жены не дастъ дочери ничего, а что всѣ прочіе ея родственники совсѣмъ даже и не намѣрены почитать его за замѣчательнаго человѣка. Они нимало не скрываютъ, что смотрятъ на него просто какъ на герцогскаго фаворита, до котораго они снизошли случайно, по обстоятельствамъ, о которыхъ онъ пойметъ въ свое время и для которыхъ обязанъ будетъ поработать. Вообще современемъ ему скажутъ, что дѣлать. За обѣдомъ послѣдовала балъ, на которомъ, въ блестящей свитѣ, прошелъ герцогъ, и опять уже не разъ, а два раза поцѣловать руку Геліи, — здороваясь и прощаясь, — и сидѣлъ съ ней одной пять минутъ въ уединенной, маленькой гостиной, изъ которой, по принятому этикету, въ эти минуты всѣ вышли. Потомъ онъ подарилъ, по старинѣ, вниманіемъ и Фебуфиса. Онъ спросилъ его:

— Счастливъ?

Фебуфись поблагодарилъ за вниманіе.

— То-то!—пошутилъ герцогъ и, улыбаясь, шепнулъ ему на ухо:—Будь терпѣливъ и уповай на Бога.

«Что за дьявольщина!—подумалъ, провожая герцога, Фебуфись.—Во что, въ самомъ дѣлѣ, онъ не вмѣшивается, чего онъ только не знаетъ и о чемъ онъ не говоритъ!.. Какъ его много! Какъ его вездѣ чертовски много!»

И вдругъ онъ остановился на мѣстѣ и заматался. Оня вдругъ ясно увидѣлъ, что *его жена любовница герцога*.

Съ Фебуфисомъ сдѣлался обморокъ, и довольно странный обморокъ, въ которомъ продолжалось сознаніе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Этого, можетъ-быть, только не видятъ другіе, или, наоборотъ, это видѣли и видятъ всѣ, кромѣ его. Онъ настоящій, форменный мужъ, который узнаетъ о своемъ позорѣ самый послѣдній и потомъ смиряется и сноситъ это изъ ложнаго стыда или выгоды, но вотъ тутъ ужъ ошибка,—этого одного ужъ ни за что не будетъ съ Фебуфисомъ. Этого онъ не снесетъ ни за какія выгоды въ мірѣ. Онъ это разъяснить и разрубить все сейчасъ, сію минуту. И всѣ условія ему благопріятствовали—обморокъ сокрылъ отъ него развѣздъ гостей и окончаніе бала. Придя окончательно въ чувство, Фебуфись увидѣлъ себя въ полумракѣ, на кушеткѣ, въ будуарѣ жены. Сюда перенесли его гости, при которыхъ онъ упалъ въ дурнотѣ, проводивши герцога. Гелія стояла передъ нимъ, возлѣ нея была ея «вѣрная служанка» и не-вдалекѣ отъ нея, глядя ей въ глаза, лежалъ не менѣе вѣрный Рапѣ. Огни во всѣхъ апартаментахъ были потушены и въ домѣ была тишина; сквозь складки оконныхъ завѣсъ видѣлась звѣзда, меркнувшая въ предразсвѣтной синевѣ неба.

Фебуфись остановилъ взглядъ на служанкѣ и сказалъ:

— Зачѣмъ она здѣсь?

Гелія сдѣлала легкое движеніе головой, и женщина вышла.

— Могу ли я сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?—сказалъ Фебуфись.

— Конечно,—отвѣчала Гелія.

— О чемъ съ вами говорилъ наединѣ герцогъ?

Гелія сдвинула брови и покраснѣла. Фебуфись мгновенно сорвался съ мѣста и вскрикнулъ:

— Я хочу это знать!

— Онъ говорилъ со мной объ одномъ дѣлѣ моего отца.

— О какомъ дѣлѣ?

— Я не должна этого никому сказать.

— Это неправда!.. это ложь!.. Вы его любовница!

Краска мгновенно сбѣжала съ лица Геліи и замѣнилась болѣзненной блѣдностью.

— Да, — продолжалъ Фебуфисъ: — я васъ поймаю!.. я васъ открылъ, я теперь понимаю ваше поведеніе, и вотъ!.. вотъ!..

— Что вы хотите?

— Ничего!.. Отъ васъ ничего... Поняли?

— Поняла.

— Прекрасно!.. Миѣ не нужна герцогская любовница!

— Да!

— Да. Вы должны были, по крайней мѣрѣ, раньше миѣ сознаться въ этомъ.

— Идите-жь вонъ отсюда!.. Сейчасъ же вонъ, или... эта собака перекуситъ вамъ горло!

— Я вонъ... я?!

— Да, вы... Вонъ, сынъ приказчика моего дѣда!

— О,—протинулъ Фебуфисъ, въ головѣ котораго его собственный павлинъ вдругъ распустилъ все свои перья:— такъ вы вотъ какъ на меня смотрите! И вамъ покажу, кто я!

И онъ, задыхаясь и колеблясь отъ гнѣва на ногахъ, пошелъ въ свою мастерскую, но онъ не легъ спать, — его пожирала простая физическая жажда мщенія, — онъ сошелъ опять внизъ, взялъ изъ буфета двѣ бутылки шампанскаго и обѣ ихъ выпилъ, во все время безпрестанно волнуясь и то такъ, то иначе соображая свое положеніе. Онъ непремѣнно хотѣлъ что-то сдѣлать, и не зналъ, что ему дѣлать. Въ этомъ уплылъ остатокъ ночи и въ окнахъ сѣрѣлъ разсвѣтъ непогожаго дня.

Фебуфисъ сталъ приходить въ другое, мирное настроеніе: онъ чувствовалъ теперь потребность сказать женѣ, — холодно и не роняя своего достоинства, — что они навсегда будутъ чужды другъ другу, и рѣшить сообща съ нею, какъ имъ держать себя, пока они найдутъ наименѣе скандальный выходъ. Это будетъ холодное, дѣловое объясненіе, но его надо сдѣлать немедленно, сейчасъ, чтобы ни онъ, ни

она не предприняли ничего несоответственнаго порознь и чтобы съ сердца разомъ скорѣе сбросить то, что такъ тяжело и гадко.

Но двери ея спальни, конечно, опять уже заперты, и если она ихъ опять не отпереть?.. Ему надо было, просто, уходя, вынуть ключъ, но онъ не догадался. Но онъ ее *заставитъ* отпереться. Онъ не будетъ стучать и ломиться, какъ ревнивый портной, а онъ ее убѣдитъ... онъ ее образумитъ. Такъ или иначе, она ему отпереть и его выслушать... А иначе... онъ сдѣластъ чортъ знаетъ что!

Онъ вышелъ еще залпомъ, одинъ за другимъ, два стакана шампанскаго, взявъ съ каминна флаконъ со скипидаромъ и сталъ спускаться съ лѣстницы. Онъ не чувствовалъ себя пьянымъ и, въ самомъ дѣлѣ, онъ не былъ пьянъ. Онъ ни скоро, ни тихо подошелъ къ женной спальнѣ, которая, дѣйствительно, оказалась запертою, спокойно тронулъ ручку двери и произнесъ спокойнымъ голосомъ:

— Я прошу васъ меня извинить и не отказать мнѣ выйти ко мнѣ въ эту комнату: мы должны сейчасъ объясниться.

Гелія не отвѣчала.

— Я хочу знать, слышите ли вы, что я вамъ говорю?

— Слышу.

— Одѣньтесь и выйдите. Это важно для моей и вашей жизни.

Молчаніе.

— Я вамъ даю слово, что вы не услышите ни одного грубаго слова. Не бойтесь меня.

Ему слышалось, что она какъ-будто ходитъ и что-то дѣлаетъ, но на его слова не отвѣчаетъ.

— Я вамъ даю слово, что вамъ меня не должно бояться.

Она отвѣтила: «я не боюсь», и опять слышались ея шаги и движеніе.

«Она ждетъ служанку и хочетъ уйти другимъ ходомъ!» Это его взбѣсило.

— Вы не отворите?!—вскричалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, оставленныхъ ею безъ отвѣта.

Гелія снова молчала.

— А, въ такомъ случаѣ, я сейчасъ сожгу васъ въ нашемъ затворѣ.

Съ этимъ онъ плеснулъ скипидаромъ на портьеры и зажегъ ихъ и въ полномъ безуміи бросился къ другому выходу изъ спальни, но въ это же мгновеніе осажденная повернула ключъ и, открывъ двери, предстала въ пылающей рамѣ горящихъ портьеръ. Она была въ мантильѣ и въ платьѣ, съ головой, покрытой кружевною косынкой. Этого Фебуфисъ не ожидалъ и вскрикнулъ:

— Куда вы?

Она только смѣрила его глазами и сдѣлала шагъ впередъ.

Тогда онъ, забывъ все, кинулся, чтобы остановить ее, но она на все это была готова: она вынула изъ-подъ мантильи руку и подняла прямо противъ его лица маленькій, щегольскій пистолетъ.

— Я этого не боюсь! вскричалъ Фебуфисъ.

— А я требую только, чтобы вы до меня не касались.

Изъ отуманенной бѣшенствомъ и, можетъ быть, отчасти виномъ головы Фебуфиса выскочили сразу весь планъ его мирныхъ и благородныхъ дѣйствій. Не успѣла его жена пройти черезъ залу, какъ онъ догналъ ее у второй двери и схватилъ ее сзади за мантилью. Гелія ударилась вискомъ о рѣзной шпингалетъ и, вскрикнувъ отъ боли, рванулась и убѣжала... Въ рукахъ Фебуфиса осталась только ея мантилья. Жена ушла... стало пусто: на полу лежала большая золотая шпилька, верхка въ четыре дюйма длиной, какія носили по тогдашней модѣ, и на узорчатомъ шпингалетѣ двери вѣялись, тихо колеблясь, нѣсколько длинныхъ и тонкихъ, шелковистыхъ черныхъ волосъ.

Гелія выбѣжала изъ мужнина дома, какъ изъ разбойничьяго вертепа, въ одномъ платьѣ, и безотчетно пошла, какъ нѣкогда шель куда-то обиженный Пикъ. Она не замѣчала ни окружавшей ее стужи, ни вѣтра, который трепалъ ея прекрасные волосы и билъ въ ея красивое, негодующее лицо мелкими искрами леденнистаго снѣга.

Въ умѣ Геліи было идти прямо къ герцогу и сказать ему:

— Защитите меня отъ обиды и, если вы рыцарь,—какъ о васъ говорятъ,—скажите, что я не была вашею любовницей и отмстите за мою честь.

Она вѣрила, что она должна и можетъ это сказать, что она это непременно скажетъ, и что онъ защититъ ее какъ рыцарь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Не давая себѣ отчета, хорошо или дурно она думаетъ, Гелія очутилась у герцогскаго замка. Выросши въ торговомъ городѣ, жившемъ болѣе во внѣшнихъ политическихъ сношеніяхъ съ Европой, чѣмъ съ своимъ правительственнымъ центромъ, Гелія имѣла очень недостаточныя понятія о томъ, какъ можно и какъ нельзя говорить съ герцогомъ; но и это послужило ей въ пользу, или, быть-можетъ, во вредъ, какъ мы увидимъ потомъ, при развитіи нашего повѣствованія.

Въ замкѣ и вокругъ замка герцога жизнь начиналась по-военному, то-есть очень рано, и въ тотъ ранній часъ, когда Гелія показалась у подъѣзда герцога, тамъ уже стояла запряженная для него лошадь.

Гелія пошла прямо къ подъѣзду и стала у колонны. Дежурившій у подъѣзда офицеръ настоятельно просилъ ее удалиться и особенно указалъ ей на сопровождавшую ее собаку.

Гелія слабо понимала рѣчь того языка, на которомъ говорили въ столицѣ герцогства, но поняла указанія на Ралё и нетерпѣливо взглянула на него глазами.

Тяжелый и сильный звѣрь поднялся и пошелъ прочь за уголъ главной площадки замка.

— И вы сами тоже должны удалиться,—сказалъ офицеръ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ настоять на этомъ, массивная дверь быстро распахнулась и появился герцогъ. Гелія къ нему бросилась, какъ дитя и, въ то же время, какъ увѣренная въ своемъ достоинствѣ женщина.

Герцогъ остановился: вѣтеръ сильно перебивалъ ея лепетъ.

Она говорила, но онъ не понималъ ея и... не узнавалъ ея.

Она въ отчаяніи закрыла лицо руками.

Герцогъ еще отодвинулся и приложилъ ладонь надъ глазами.

Гелія унала на колѣни и на этотъ разъ твердо сказала: — Молю васъ, спасите.

— Что нужно?—спросилъ грозно герцогъ.

И въ этотъ же мигъ онъ узналъ Гелію и ужаснулся.

— Это вы, Гелія! Что съ вами случилось?

И онъ подался къ ней ближе и закрылъ ее отъ вѣтра и снѣга полою своего плаща.

— Ваша свѣтлость! — простонала она: — была ли я вашею любовницей?—и, зарыдавъ, она не могла продолжать далѣе.

Герцогъ замѣтилъ, что она шатается, и подхватилъ ее подъ руки.

— Кто смѣлъ сказать это?

— Вы меня выдали замужъ, — произнесла Гелія.

— Ну, да!.. Что-жъ дальше?

Гелія протянула къ герцогу руку, въ которой былъ пистолеть, и сказала:

— Прикажите скорѣе взять меня въ тюрьму.

— За что?

— Я сейчасъ хотѣла убить моего мужа.

— За что?

Она плакала.

— Говорите скорѣе, за что?

— Онъ хотѣлъ меня сжечь; онъ обращается со мною какъ разбойникъ!

И, произнося каждое слово, она колебалась на ногахъ и вдругъ совсѣмъ пошатнулась въ сторону.

Герцогъ плотнѣе прикрылъ ее плащомъ и сказалъ:

— Смотрите... правда ли это?

Вмѣсто отвѣта, Гелія взяла холодною рукой руку герцога и приблизила ее къ своей головѣ.

На бѣлой замшевой перчаткѣ герцога остались капли крови и нѣсколько глянцевитыхъ и тонкихъ черныхъ волосъ.

Изъ груди его вырвался звукъ ужаса и негодованія.

— Злодѣй! — вскричалъ герцогъ: — онъ будетъ страшно наказанъ!

Съ этими словами, задыхаясь и сверкая глазами, разгнѣванный герцогъ всхлинулъ и потомъ отечески обнялъ молодую красавицу, и, почувствовавъ, что она падаетъ, поднялъ ее, какъ дитя, на руки, поцѣловалъ въ темя и съ этою пошею возвратился назадъ въ двери замка.

Оглавленіе

XXXI тома.

	стр.
Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).	3
Чортовы куклы. (Главы изъ неоконченнаго романа).	90

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Семенгковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведёніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(АВТОБІОГРАФІЯ ПРАОТЦЕВА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мнѣ думаю, что я долженъ непременно написать свою повесть, или лучше сказать — свою исповѣдь. (Такъ начинается эта автобіографія.) Мнѣ это кажется вовсе не потому, чтобы я находилъ свою жизнь особенно интересною и назидательною. Совсѣмъ нѣтъ: исторіи, подобныя моей, но частямъ встрѣчаются во множествѣ современныхъ романовъ — и я, можетъ-быть, въ значеніи интереса новизны, не расскажу ничего такого новаго, чего бы не зналъ или даже не видалъ читатель, но я буду рассказывать все это не такъ, какъ рассказывается въ романахъ — и это, мнѣ кажется, можетъ составить нѣкоторый интересъ и даже, пожалуй, новость, и даже назиданіе.

Я не стану усѣкать однихъ и раздувать значеніе другихъ событій: меня къ этому не вынуждаетъ искусственная и неестественная форма романа, требующая закругленія фабулы и сосредоточенія всего около главнаго центра. Въ жизни такъ не бываетъ. Жизнь человѣка идетъ какъ развивающаяся со скалки хартія, и я ее такъ просто и буду развивать лентою въ предлагаемыхъ мною запискахъ. Кромѣ того, здѣсь, можетъ-быть, представить нѣкоторый интересъ, что эти записки писаны человѣкомъ, который не будетъ жить въ то время, когда его записки могутъ быть доступны для чтенія. Авторъ уже теперь стоитъ выше всѣхъ предразсудковъ или предвзятыхъ задачъ всякихъ партій и направленій и ни съ кѣмъ не хочетъ заигрывать; а это, на-

дѣюсь, встрѣчается не часто. Я пачну свою повѣсть съ дѣтства, съ самыхъ первыхъ своихъ воспоминаній: иначе нельзя. Англичане это прекрасно поняли и давно для осязательнаго изображенія характеровъ и духа человѣка начинаютъ свои романы съ дѣтства героевъ и героинь. Ребенокъ есть тотъ же человѣкъ въ миниатюрѣ, которая все увеличивается.

«Дити—это отецъ будущаго человѣка», говорятъ любящіе эффектъ французы, а здравый смыслъ нашихъ предковъ еще глубже и проще выразилъ это поговоркою: «каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку».

Итакъ, прежде чѣмъ вы наступите на мою отшельническую могилу, не откажитесь подойти къ моей дѣтской колыбели,—иначе, я боюсь, вы, какъ и другіе, будете недоумѣвать: зачѣмъ я очутился въ скитѣ?

Поэтъ Бенедиктовъ, произведеніями котораго я вдохновлялся въ дни моей юности (я былъ юнъ тогда, когда еще юноши любили поэзію), однажды напугалъ меня. Вычитавъ у него, что «счастье наше» не что иное, какъ «перлъ, опущенный на дно», и что «кто лѣниво влагу тянетъ и бѣится что хмѣльна», то «слабый смертный, не достанетъ онъ жемчужнаго зерна», я плѣнился другимъ образомъ, образомъ человѣка, который, «согрѣвъ въ дунѣ отвѣгу, вдругъ изъ чашы до чиста гонитъ жизненную брагу въ распаленныи уста». Я съ дѣтства уже приспособился принасть—и безъ передышки, безъ удержки, вынуть мою чашу, достать со дна ея завѣтный перлъ, и я ее выпилъ и—слышу надъ собою:

Вотъ счастливецъ! дотянулся;
Чашу разомъ о-земь хлопъ...
Браво, браво! оглянулся,
А за нимъ отверстыи гробъ.

Да, это такъ: за мной отверстыи гробъ—и въ виду его я обернусь къ моей колыбели и попробую разставить легкія вѣхи для обозначенія моихъ скитальничествъ между двумя крайними точками бытія.

Я былъ странный путникъ: бодрый, но неудержимо стремящейся впередъ, я безпрестанно терялъ тропу, путался, и когда я хотѣлъ поправиться, то выходило, что я не зналъ куда повернуть и еще хуже запутывался. Единственный поворотъ, сдѣлавъ который я немножко оріентировался,

это — трона въ скитъ. Только усѣвшись здѣсь, въ этой старой вышкѣ, гдѣ догораеть моя лампада, послѣ думъ во тьмѣ одинокихъ ночей, я пріучилъ себя глядѣть на все мое прошлое, какъ на тѣ блудящія огоньки, мерцающіе порою надъ кладбищемъ и болотомъ, которые видны изъ моей кельи. Поздно вижу я, что искалъ свѣта и теня тамъ, гдѣ только былъ одинъ заводящій въ трясины блескъ, и что вмѣсто полной чашки, которую я хотѣлъ выпить, я «вкусная вкусить мало меду и се азъ умираю».

Но начнемъ ab ovo, если не съ самой колыбели, то хоть съ той поры, какъ я себя помню. Это тоже въ своемъ родѣ моментъ довольно оригинальный и, вѣроятно, не совсѣмъ такой, какой сберегся у каждаго для перваго воспоминанія.

Я въ первый разъ созналъ свою индивидуальность съ довольно возвышенной точки: я держался обѣими руками за нижнюю планку рамы и висѣлъ надъ тротуаромъ за окномъ нѣкаго этажа.

Случай этотъ былъ нѣкогда предметомъ большихъ толковъ одного густонаселеннаго польскаго города, гдѣ тогда стоялъ кавалерійскій полкъ, которымъ командовалъ мой отецъ; руки мои ослабѣли и готовы были выпустить раму, вдругъ меня за нихъ, кто-то схватилъ и втянулъ въ комнату.

Для моихъ родныхъ и домашнихъ навсегда осталось тайною: какъ я очутился за окномъ. Прислуга, смотрѣнію которой я былъ порученъ, увѣряла, что меня смануль и вытянулъ за окно бѣсъ; отецъ мой увѣрялъ, что виною всему мое фантазерство и распущенность, за которыя моя мать терпѣла вѣчныя гоненія; а мать... она ничего не говорила и только плакала надо мною и шептала:

— Что такое дѣлается въ твоёмъ маленькомъ сердчинкѣ и въ твоёй головенкѣ?

Но все это уже было, разумѣется, послѣ, а я буду послѣдователемъ въ этомъ разсказѣ.

Я вылѣзъ за окно и повисъ на подоконникѣ, когда родителей моихъ не было дома—и оттого доставленный мною имъ сюрпризъ имѣлъ сугубый эффектъ: возвращаясь домой въ открытой коляскѣ, они при поворотѣ въ свою улицу увидали массу народа, съ ужасомъ глядѣвшую на домъ, въ которомъ мы жили,—и, взглянувъ сами по направленію, куда смотрѣли другіе, увидали меня висѣщаго на высотѣ

восьми сажень и готоваго ежеминутно оборваться и упасть на тротуарныя плиты.

Съ матушкой сдѣлался тяжкій и глубокой обморокъ, изъ котораго ее едва могли вывести, межъ тѣмъ какъ отецъ въ это время успѣлъ взбѣжать наверхъ въ свою квартиру и, схвативъ меня за руки, спасти отъ неминуемаго паденія.

И лучше и яснѣе всего въ жизни помню вечеръ этого дня: я лежалъ въ дѣтской, въ своей кроваткѣ, задержанной голубымъ ситцевымъ пологомъ. Послѣ своихъ эквилибристическихъ упражненій я уже соснулъ крѣпкимъ сномъ — и, проснувшись, слышалъ, какъ въ столовой, смежной съ моею дѣтскою комнатою, отецъ мой и нѣсколько гостей вели касающуюся меня оживленную бесѣду, межъ тѣмъ какъ сквозь ткань полога мнѣ былъ виденъ силуэтъ матери, поникшею головою у моей кроватки.

— Этотъ мальчишка — какое-то замѣчательное явленіе въ природѣ, — говорилъ мой отецъ, и при этомъ высказалъ опасеніе, что изъ меня современемъ непременно выйдетъ какой-нибудь совершенно неспособный къ жизни фантазеръ. — Всмотритесь вы въ его глаза, — продолжалъ отецъ: — онъ все какъ будто что-то ловить взоромъ и къ чему-то стремится... И не забудьте, что этотъ взглядъ у него таковъ съ самой минуты его рожденія. И помню, когда меня привели къ пеленальному столику, на которомъ его управляла бабка, — онъ не плакалъ, а превнимательно разсматривалъ ея лицо — и потомъ, переведя глаза еще выше, началъ еще внимательнѣе разглядывать пестрый трафаретъ комнатнаго карниза. И тогда же сказалъ: «Э, да это, кажется, въ свѣтъ пришелъ новый верхолетъ, которыхъ и безъ него довольно».

— Однако, вы могли въ этомъ ошибиться, — отвѣчалъ ему одинъ изъ гостей и другъ нашего дома.

— Да, — отвѣчалъ отецъ: — но у меня вѣрный глазъ, и я не ошибся. Моя жена, — даромъ, что она лютеранка, — она вѣритъ въ русскаго Бога и привѣщаетъ разныхъ монаховъ и странниковъ, которыхъ я, между нами сказать, терпѣть не могу; но представьте вы себѣ, что одинъ изъ такихъ господъ, какой-то Павлингъ, до сихъ поръ иногда пишущій намъ непостижимыя письма, смыслъ которыхъ становится ясень послѣ какого-нибудь непредвидѣннаго событія, недѣли три тому назадъ прислалъ намъ письмо, въ которомъ, между

всякимъ вздоромъ, было сказано: «а плодъ Богу предназначенный Онъ ангеломъ заповѣсть сохранить во всѣхъ путяхъ и на рукахъ его возьмутъ и не разбѣется». Повѣрьте, я далеко отъ суевѣрій, и самъ недавно проучилъ одного ксендза, который показывалъ фальшивое чудо, — но я увѣренъ, что моему мальчишкѣ, когда онъ остался одинъ, здѣсь въ комнатѣ непременно что-нибудь померещилось — и онъ потянулся за этимъ видѣніемъ и очутился за окномъ.

Услыхавъ этотъ разговоръ, я началъ припоминать, какъ это было — и, дѣйствительно, вспомнилъ, что передо мною несло что-то легкое, тонкое и прекрасное: оно тянуло меня за собою, или мнѣ только казалось, что оно меня тянетъ, но я бросился къ нему и... очутился въ описанномъ положеніи, между небомъ и землею, откуда и начинается рядъ моихъ воспоминаній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отцу, вѣроятно, очень не нравились и мой характеръ, и моя наружность, но крайней мѣрѣ я привыкъ такъ умо-заключать, судя по немногимъ моимъ столкновеніямъ съ виновникомъ моего бытія. Если батюнкѣ приходилось видѣть меня, когда онъ былъ въ духѣ, онъ обыкновенно брать меня за ухо и говорилъ:

— Учись, братецъ, всему полезному, а то, если будешь бесполезенъ, я тебя въ уланы отдамъ.

Я этого ужасно боялся и ревностно учился всему, чему меня учили.

Если батюшка былъ не въ духѣ, — что съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни случалось довольно часто, — то тогда онъ просто былъ страшенъ: онъ краснѣлъ въ лицѣ, металъ ужасные взгляды, топталъ ногами и рвалъ все, что ему попадалось подъ руку. Когда поднималась такая буря, всѣ въ домѣ проникались трепетомъ и старались, какъ птицы передъ грозю, спрятаться куда попало, пока эта буря пронесется. Съ отцомъ на это время оставались матушка и старій высокій денщикъ. Я не знаю, какъ они ладили съ безмѣрною раздражительностью и вспыльчивостью моего отца, но помню, что при всей моей тогдашней младенческой малосмысленности я постигалъ ихъ величіе — и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ въ исполненные небесной кротости глаза

моей прекрасной матери и въ маленькое сморщенное лицо денщика, худенькаго солдата Окулова.

Я не знаю, какъ мать и Окуловъ управлялись со вспыльчивостью моего отца, но только онъ имъ повиновался и успокаивался.

Но, наконецъ, выдался случай, который и ихъ вліяніе сдѣлать бесполезнымъ; это было такимъ образомъ: отецъ мой получилъ полкъ, въ которомъ прежде служилъ и съ которымъ былъ во множествѣ сраженій. Полкъ этотъ тогда только-что возвратился изъ похода и находился въ сильномъ безпорядкѣ: люди были дурно одѣты, лошади искалѣчены; а между тѣмъ, ему черезъ мѣсяцъ назначенъ былъ смотръ отъ такого лица, отъ котораго всецѣло зависѣла вся отцова карьера. Матушку это ужасно встревожило. По обычаю полковыхъ дамъ тогдашняго времени, она достаточно понимала требованія и условія военной службы и знала характеръ лица, которому отецъ мой долженъ былъ вывести на смотръ свой разтросенный полкъ. Это былъ человекъ не злой и даже, пожалуй, по-своему добрый, но, къ сожалѣнію, чрезвычайно схожій по характеру съ отцомъ моимъ: онъ былъ горячъ, вспыльчивъ и потому весьма часто несправедливъ. Матушка ждала большихъ непріятностей отъ встрѣчи этихъ двухъ характеровъ въ лицѣ подчиненнаго и начальника. Плохой, богадѣльный видъ полка долженъ былъ произвести самое дурное впечатлѣніе, а никакихъ надеждъ нельзя было возлагать на то, что осматривающее лицо войдетъ въ разборъ причинъ, поставившихъ полкъ въ такое положеніе. Отцу оставалось: или отказаться отъ полка, или же обмундировать и ремонтировать его на свой счетъ. Считая первое знакомъ недостойной трусости, отецъ рѣшился на второе; но это требовало большихъ денегъ, которыхъ у моего отца не было и которыхъ онъ ни у кого не могъ занять въ странѣ, гдѣ къ намъ относились враждебно. Тогда мать, всегда бывшая утѣшителемъ ангеломъ всѣхъ скорбящихъ и сѣтующихъ, поѣхала со мною въ Лифляндію къ бабункѣ, вдовѣ барона, иѣкогда служившаго въ русской службѣ, — откуда мы и возвратились съ значительною суммою, которой было достаточно на то, чтобы привести нашъ полкъ въ сколько-нибудь приличный видъ. Деньги эти были выручены залогомъ довольно бога-, таго имѣнія, составлявшаго собственность моей бабушки

матери и ея сестеръ. Снѣжный залогъ былъ сдѣланъ на самыхъ невыгодныхъ и тяжелыхъ условияхъ, но тягость эта значительно уменьшалась несомнѣнною надеждою скорой и легкой расплаты. Полкъ тогда давалъ командиру хорошия средства, которыми гнушаться было не въ духѣ времени, а къ тому же вскорѣ послѣ смотра предстояло полученіе ремонтныхъ денегъ, которыя могли съ излишкомъ погасить всю сумму займа. Однимъ словомъ, во всемъ этомъ не предвидѣлось ни малѣйшаго затрудненія—и отецъ мой принялся за дѣло съ свойственною ему неутомимою энергіею. Въ полковыхъ пивальняхъ и мастерскихъ кипѣла горячая и безустанная работа, въ которой кромѣ своихъ людей участвовали наемные мастера, какихъ только гдѣ-нибудь могли отыскать въ окружной чертѣ. Подручные люди отца оказывали ему самую ревностную помощь: одни закунали коней, другіе занимались ихъ выѣздкою и обученіемъ, третьи—пригонкою вещей и амуниціи и т. п. Времени до смотра оставалось очень не много, и потому многое дѣлалось на-снѣхъ, неаккуратно; на одно затрачивалось болѣе чѣмъ слѣдовало, другое дѣлалось кое-какъ. Будучи самъ человекомъ очень честнымъ, отецъ мой страдалъ излишнею доверчивостію и терпѣть не могъ никакой подозрительности; это благородное свойство его души послужило ему немножко во вредъ: занятыхъ суммъ не достало, и матушка нашла вынужденною занять еще нѣсколько тысячъ подъ вексель на покупку инструментовъ для полковой музыки. Но зато теперь уже все было произведено на славу и притомъ поспѣло въ срокъ къ своему времени. Я помню, какъ, передъ самымъ смотровымъ днемъ, музыканты принесли къ намъ на дворъ старыя, измятыя и изломанныя инструменты и вмѣсто нихъ взяли изъ высокой каменной кладовой блестящія новыя трубы, на которыхъ тутъ же и сыграли передъ окнами матери «Коль славенъ наничъ Господь въ Сіонѣ».

Въ прелестныхъ глазахъ матери сіяла безпредѣльная радость и благодарность Небу, Которое помогло ей все это устроить для спокойствія мужа. Она заплакала—и, выславъ музыкантамъ вина и ассигнацію, бросилась на колѣни и, прижавъ меня къ своей груди, стала молиться...

Въ эту минуту въ ея комнату вошелъ мой отецъ: онъ былъ очень доволенъ, но озабоченъ и, повидимому, хотѣлъ

тотчасъ же выйти назадъ,—но, увидавъ молящуюся мать, самъ сталъ на колѣни, положилъ молча земной поклонъ—и, восклонясь, обнялъ матушку и меня и, поцѣловавъ насъ обоихъ, сказалъ:

— Каролина! ты самый лучший ангелъ во всей вселенной, а на землѣ тебѣ нѣтъ подобной женщины.

— Не говори этого, Павелъ, — отвѣчала матушка: — это лесть или заблужденіе, но...—добавила она съ такими особенными слезами, какихъ я никогда прежде не видывала:— но объ одномъ тебя прошу: какъ бы ты ни увлекся всѣмъ тѣмъ, что тебѣ покажется прекраснымъ, не отнимай ни одной капли твоей любви отъ сына.

Съ этимъ матушка пододвинула меня рукою къ отцу, а сама сѣла въ кресла и закрыла глаза своими нѣжными бѣлыми руками.

Отецъ мой показался мнѣ очень смущеннымъ: онъ какъ будто застыдился чего-то по поводу приведенныхъ мною краткихъ словъ матери—и, небрежно обнявъ меня, поцѣловалъ въ голову и проговорилъ:

— Да, да; я, братъ Меркуль, тебя очень люблю, но только ты не будь фантазеръ и учись всему полезному, а то я тебя въ гусары отдамъ.

Эта небольшая семейная сцена имѣла важное вліяніе въ моемъ развитіи, какъ потому, что я изъ нея смутно уразумѣлъ тщательно скрываемую отъ меня драму моихъ родителей, такъ и потому, что это единственная и послѣдняя сцена, въ которой я видѣлъ моихъ родителей въ такихъ душевныхъ отношеніяхъ.

И во всю жизнь мою не переставалъ грустить о томъ, что дѣтство мое не было обставлено иначе,—и думаю, что безудержная погоня за семейнымъ счастьемъ, которой я впоследствии часто предавался съ такимъ безразсуднымъ азартомъ, имѣла первою своею причиною сожалѣніе о томъ, что мать моя не была счастлива,—что въ семьѣ моей не было того, что зовутъ «совѣтъ и любовь». И зналъ, что слово «увлеченіе» есть имя какого-то нашего врага.

Увлеченія! Боже мой, какъ печальны ваши слѣдствія и какъ поздно человекъ начинаетъ понимать, что, поддаваясь вамъ безъ удержа, — онъ оскорбляетъ не ту узкую мораль, которая въ разные времена послушна разнымъ велѣніямъ, а рушить вѣковѣчный завѣтъ въ разладѣ съ которымъ

пѣтъ мѣста для счастья! Но объ этомъ рѣчь впереди; я могу себя утѣшить, что, занимаясь исторіей моей жизни, я еще не разъ встрѣчу удобный случай обратиться къ этимъ мыслямъ, — а теперь буду непрерывно продолжать мое повѣствованіе, дошедшее до событія, которое я долженъ назвать первою моею катастрофою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я не имѣлъ болѣе ни времени, ни случая наблюдать отношенія моихъ родителей, потому что отецъ мой скоропостижно умеръ на другой день послѣ описанной мною сцены. Съ этого и началась та катастрофа, о которой я сказалъ въ концѣ предыдущей главы.

На первый разъ самое ужасное въ этомъ несчастіи была его неожиданность. Люди, которые всякій случай находятъ безразлично удобнымъ для остротъ и насмѣшекъ, говорили, что «полковникъ Праотцевъ зарѣзанъ на славу живой ниткой», по этотъ скверный каламбуръ имѣетъ очень точный смыслъ.

Дѣло было такъ: полкъ отца вышелъ къ смотру въ такомъ блестящемъ состояніи, что осматривающему его лицу не оставалось ничего, кромѣ какъ хвалить и благодарить. Все шло какъ нельзя лучше, но вдругъ... О, ужась! вдругъ высокая особа замѣтила, что на мундирѣ одного изъ солдатъ ослабѣла пуговица. Были ли тому виною поспѣшность работы, или прѣлая нитка, но только, когда особа съ безмѣрною радостью сдѣланнаго открытія дернула эту пуговицу, то злополучная оловянка сію же минуту отвалилась. Особа вскинулъ и пошла дергать все ниже и ниже, шибче и шибче... За одною пуговицею послѣдовала другая, третья: особа ихъ рвала, рвала съ солдатами и, наконецъ, въ неистовѣйшемъ бѣшенствѣ бросилась на самого моего отца съ крикомъ:

— Можетъ-быть, у васъ и у самихъ все на живую нитку? — при чемъ особа схватила отца за пуговицу; но отецъ быстро далъ шпоры коню — и, отскочивъ въ сторону, весь побагровѣвъ, отвѣтилъ:

— Не троньте меня, ваше-ство: я щекотливъ.

Особа повернула лошадь назадъ и понеслась, крича по рядамъ:

— Скверно, мерзко!

Мать все это видѣла и слышала, стоя у открытаго окна въ залѣ, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ для офицеровъ полка и для самой особы. Теперь этотъ столъ былъ какъ насмѣшка надъ нашей семейной бѣдой. Но это еще была не велика бѣда въ сравненіи съ тѣмъ, что ждало насъ впереди. Бѣды ревнивы и дружны — и не идутъ въ одиночку, а бродятъ толпами. Прежде чѣмъ матушка могла сообразить и обдумать какъ встрѣтить отца, который долженъ былъ возвратиться въ гнѣвѣ, — двери залы растворились и въ нихъ появился мой отецъ, поддерживаемый двумя денщиками. Онъ молча указалъ глазами на кресло — и когда его посадили, сорвалъ съ себя галстукъ и прохрипѣлъ:

— Попа!

Матушка кинулась къ нему, а онъ схватилъ ее руку, прижалъ ее къ лицу — и тотчасъ же умеръ подъ шопоть отходной, которую началъ читать надъ нимъ прибѣжавшій священникъ.

Такъ умеръ мой храбрый и честный, изрубленный въ бояхъ отецъ, котораго я мало зналъ и черты котораго въ настоящее время едва могу воскресить въ моей памяти. Едва помню его бравую военную фигуру, коротко остриженную голову, усы и бакенбарды съ сѣдыми концами, горячій рубensoвскій цвѣтъ лица и синіе глаза: вотъ и все.

Совѣтъ не то съ лицомъ матери. Мнѣ даже становится совѣстно, что я не умѣлъ поровну раздѣлить моихъ привязанностей между моими родителями, — но это уже такъ сложилось. Я беззавѣтно предалъ всю мою душу моей матери, небесный образъ которой безвыходно живетъ въ моей душѣ. Два раза въ жизни, когда я терялъ его, я былъ на краю пропасти и... тутъ снова явился мнѣ онъ, этотъ священный ликъ съ свѣтлыми кудрями Скіавона и съ глубокими очами познавшаго свѣтъ провидца. Матушка была бы красавица, если бы она не была ангеломъ.

Приводя себя на память впечатлѣніе, какое производила моя мать на людей, которые ее видѣли въ первый разъ, я всегда припоминаю мнѣніе Сократа, что «познаніе есть только воспоминаніе того, что мы нѣкогда знали». Впервые встрѣчая мою мать, всякій чувствовалъ, что онъ ее будто когда-то уже встрѣчалъ, и притомъ встрѣчалъ въ необыкновенную для себя минуту; каждому мнилось, что она ему

или уже когда-то едѣлала, или еще сдѣласть что-то доброе и хорошее. Однимъ словомъ, это было доброе, чудное лицо, о которомъ я не буду говорить болѣе — какъ потому, что рискую никогда не кончить съ этимъ описаніемъ, такъ и потому, что вижу теперь передъ собою этотъ священный для меня ликъ, съ застѣнчивой скромностью запрещающій мнѣ слагать ему мои ничтожныя хвалы.

Послѣ смерти отца, мы съ матушкой остались не только нищими, но на насъ лежала вина разоренія моей престарѣлой бабки и тетокъ, имѣніе которыхъ, заложенное для моего отца, было продано съ молотка. Бѣды повисли надъ нами тучей: старуха-бабка не вынесла своего горя — и когда ее стали выводить изъ ея родового баронскаго дома, она умерла на порогѣ. Мы этого не видали: мы съ матерью тогда еще оставались въ томъ самомъ городѣ, гдѣ скончался мой отецъ, и откуда мою мать теперь не выпускали за ея долгъ по векселю, за деньги, взятыя ею на покупку новыхъ инструментовъ для полкового оркестра. Платить намъ было не изъ чего, такъ какъ все наше имущество заключалось въ небольшихъ походныхъ ножиткахъ, да тѣхъ старыхъ трубахъ, которыя были свалены въ амбарѣ вмѣстѣ съ новыми на мѣсто ихъ новыхъ. Кредиторы должны были убѣдиться въ несостоятельности матушки и разсчитать ей долгъ на мелкіе платежи, какіе она надѣялась производить изъ имѣвагося въ виду пенсіона за отцову службу.

Я, впрочемъ, не помню, какъ шли всѣ эти переговоры и едѣлки, потому что едва ли не первымъ дѣломъ моей матери, послѣ того, какъ она овдовѣла, было отвезти меня въ Петербургъ, гдѣ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ доброжелателей, удалось пріютить меня въ существовавшее тогда отдѣленіе малолѣтнихъ, откуда дѣтей, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, переводили въ кадетскіе корпуса. Зачисленіе въ кадеты въ тѣ времена считалось вожделѣннѣйшимъ устройствомъ судьбы мальчика — и матушка, стало-быть, могла не безпокоиться, что ужъ я непременно выйду въ люди. Пребываніе мое въ отдѣленіи малолѣтнихъ и потомъ въ одномъ изъ столичныхъ кадетскихъ корпусовъ пренесполнено для меня самыхъ разнообразныхъ воспоминаній, между которыми грустныхъ, конечно, болѣе, чѣмъ веселыхъ, но я не стану заносить ихъ въ свои записки. Мнѣ противно положить своєю рукою лишній камень въ прибавку ко всей

тягости, въ такомъ изобиліи набросанной на эти школы. Да и къ чему бы это послужило? Масса описаній темныхъ сторонъ нашей школьной жизни такъ велика, что я не вижу нужды увеличивать ее своими разсказами, тѣмъ болѣе, что я не могу сказать ничего новаго и... долженъ сознаться, что я все-таки чувствую благодарность къ этому заведенію, которое прирѣло и воспитало меня такъ, какъ оно могло и умѣло. Оставленный самому себѣ, на руки безпомощной матери моей, я бы, конечно, былъ еще несчастливѣе — и потому миръ тебѣ, мой дѣтскій пріютъ, видѣвшій мои дѣтскія слезы!

Изъ всей школьной жизни упомяну только объ одномъ событіи, вслѣдствіе котораго я неожиданно разстался съ стѣнами заведенія и вылетѣлъ въ жизнь ранѣе положеннаго срока и не въ томъ направленіи, къ которому специально готовился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не знаю, какъ бы надлежало правильнѣе назвать происшествіе, которое около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ случилось въ одномъ изъ петербургскихъ корпусовъ, именно въ томъ, гдѣ я воспитывался. Я, впрочемъ, не буду разсказывать этой исторіи, малоинтересной для взрослыхъ. Достаточно сказать, что наиболѣе провинившихся (въ томъ числѣ и меня) исключили изъ корпуса для опредѣленія въ статскую службу.

Замыкая этимъ періодъ моей жизни, протекшей подъ попечительной опекой, перехожу къ началу моего *жизня на волю*, которою я умѣлъ пользоваться не благоразумнѣе, какъ та птичка, которую выпустилъ изъ клѣтки ребенокъ, и которая на первой же кровлѣ попала въ лапы хищной кошки.

Впрочемъ, изгнавъ насъ изъ залы, гдѣ мы были лишены кадетскаго званія, начальство еще не сразу покинуло насъ на произволь судьбы. До этого еще долженъ былъ пройти одинъ небольшой интервальный актъ, въ продолженіе котораго мы чувствовали надъ собою руку неукротимаго о насъ милосердія.

Насъ не прогнали изъ корпуснаго зданія, вѣроятно, принявъ во вниманіе, что намъ рѣшительно некуда было бы дѣться и всѣ мы въ первую же ночь непремѣнно попали бы подъ опеку ночного полицейскаго дозора. Но какъ мы

уже были не кадеты, то корпусъ находить невозможнымъ предоставить въ наше пользованіе ни одного изъ помѣщеній, отведенныхъ кадетамъ. Самое оставленіе насъ въ карцерѣ было признано неудобнымъ — и насъ отвели въ одинъ изъ дальнихъ корпусныхъ флигелей, гдѣ въ наше временное пользованіе были предоставлены три большія комнаты нижняго этажа.

Мебели здѣсь рѣшительно никакой не было, но къ ночи солдаты притащили сюда нѣсколько старыхъ, отслужившихъ срокъ матрацовъ и старый же, черный, изрѣзанный ножичками, небольшой столъ.

Оглядѣвшись въ своемъ новомъ жильѣ, мы тотчасъ же сдѣлали дальнѣйшую рекогносцировку и открыли, что находимся въ помѣщеніи совершенно изолированномъ и притомъ безъ всякаго контроля.

Это открытіе необыкновенно насъ обрадовало. Мы почувствовали себя на свободѣ, запыли: «Цыгане вольною толпою по Бессарабіи кочуютъ», потомъ собственными руками разложили матрацы рядомъ по полу и, улегшись на нихъ въ-покатку, какъ пошло, уснули крѣпчайшимъ, сладчайшимъ и безмятежнѣйшимъ сномъ. Утромъ, когда мы еще спали, пришелъ къ намъ офицеръ съ извѣстіемъ, что мы будемъ пользоваться здѣшнимъ пріютомъ до тѣхъ поръ, пока начальство справитъ намъ штатское платье и устроитъ нашу разсылку къ родителямъ. Для послѣдняго распоряженія отъ насъ были потребованы свѣдѣнія о томъ, куда кто можетъ ѣхать, — и мы были расписаны группами по трактамъ.

Тутъ я впервые задумался надъ тѣмъ: куда я прѣйду? Матушка, которой я очень давно не видалъ, жила въ Лифляндіи на маленькой мызѣ, оставшейся ей и теткамъ послѣ продажи ихъ имѣнія за отцовъ долгъ. Я началъ размышлять: какова можетъ быть жизнь моей матери въ этомъ положеніи и какъ ее должно поразить мое появленіе? Разсуждая обо всемъ этомъ, я тихонько силякнулъ и написалъ матушкѣ всю горькую правду о постигшей меня участи. Я утѣшалъ ее, что стану для нея жить и безъ усталы работать, но овладѣвавшее мною при этомъ смущеніе еще болѣе усиливалось; я вспомнилъ, что я ровно ничего не умѣю дѣлать и въ шестнадцать лѣтъ ѣду къ матери не для облегченія ея участи, а скорѣе для усиленія ея заботъ.

— Я ничему полезному не выучился—и даже въ гусары не похужь,—размышлялъ я съ ужасомъ, припоминая себѣ отцовы слова. Я видѣлъ, что роковое предчувствіе его надо мною уже начинаеть сбываться, что я, дѣйствительно, того и гляди, буду фантазёромъ и ничего путнаго въ моей жизни не сдѣлаю.

По къ значительному облегченію, или, по крайней мѣрѣ, къ отсрочкѣ моихъ скорбей, я не могъ долго держать нити моихъ печальныхъ размышленій: жизнь, которую вели мы въ нашемъ карантинѣ, тому не благоприятствовала.

Насъ, изгнанниковъ, было около сорока человѣкъ, изъ которыхъ кое у кого нашлись маленькія деньжонки, маленькія разумѣется по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, но по-тогдашнему весьма достаточныя для того, чтобы ходить въ верхнія мѣста театровъ и покупать сообѣща другія недорогія удовольствія. Въ числѣ послѣднихъ было вино, которое солдаты безпренятственно приносили намъ въ нашу казарму. Многимъ вино было еще не по вкусу, и нашлось между нами не мало такихъ, которые и вовсе не могли его пить, но положеніе дѣлъ было таково, что стало нужно пріучаться. Непитущихъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, прозвали «дѣвчонками»,—и за то тѣ, которые не хотѣли быть дѣвчонками, отличались, напиваясь до того, что мы нерѣдко должны были отливать ихъ водою.

Межь тѣмъ штатское обмундированье для насъ было готово и на завтра былъ назначенъ разъѣздъ буйной компаніи (она стала теперь достойна этого названія). Интересуясь способомъ нашей разсылки, мы узнали, что начальство подрядило нѣсколько «протяжныхъ троечниковъ», распредѣливъ ихъ по трактамъ на большіе города, куда лежалъ путь разсортированнымъ на трактовые пункты пассажирамъ. Пользуясь полною свободою ходить куда хотимъ, мы, разумѣется, сейчасъ же отправились на указанный намъ постоялый дворъ, который былъ гдѣ-то въ Гончарной улицѣ, — и тамъ, подъ темными навѣсами сараевъ этого двора, мы дружески познакомились съ извозчиками, съ которыми должны были ѣхать.

Тутъ я долженъ сказать, что я, къ величайшему моему удовольствію, освободился отъ ливонской группы, въ которую былъ сначала записанъ, — и переписался въ группу кievскую, потому что матушка, въ отвѣтъ на мое письмо

объ исключеніи меня изъ корпуса, увѣдомила меня, что мнѣ въ Лифляндію ѣхать не за чѣмъ, потому что тамъ она не надѣется найти для меня никакого дѣла, а что она немедленно же пользуется удобнымъ случаемъ переѣхать въ Кіевъ, гдѣ одинъ родственникъ моего отца занималъ тогда довольно видную пгтатскую должность — и мать надѣялась, что онъ не откажется дать мнѣ какое-нибудь мѣсто по гражданской службѣ.

Это было для меня чрезвычайно радостное извѣстіе; впервыя, я перестала завидовать нашимъ товарищамъ, которые ѣхали въ славянскомъ собратствѣ, между гѣмъ какъ и должны были тинуться съ нѣмцами; потомъ, вмѣсто мызной мазанки въ сврой Лифляндіи, я стремился къ «червоношій украинѣ», подъ тѣнь ея тополей и черешень, къ ея баринкамъ, къ Дибиру, къ святынямъ Кіева, подъ сводъ пещеры, гдѣ спочили Антоній, Песторъ и Никола князь, сброшенный вѣнецъ и въ рубницѣ стоявшій у воротъ Печерской лавры...

О Боже, какимъ неописаннымъ восторгомъ была полна душа моя при одной мысли, что я все это увижу! Я потерялъ всякое самообладаніе — и, точно опьянѣвъ отъ восторга, почти не обращалъ вниманія на все, что вокругъ меня происходило. Помню только, какъ мы съ участливостью осматривали большія, крытыя троечныя телѣги, въ которыхъ намъ надлежало ѣхать; садились въ нихъ, вытѣзали и снова садились; дѣлили между собою мѣста; осматривали лошадей, цѣнили ихъ, опредѣляли ихъ достоинство, силу и характеръ; потомъ отправились съ своими будущими возницами въ какой-то грязенькій трактиръ, гдѣ пили чай и водку. На этотъ разъ насъ угощали мужики, и мы все пили, — даже тѣ, кто никогда не бралъ въ ротъ капли вина, должны были выпить по двѣ или по три полурюмки сладкой водки.

Черезъ часъ мы все были пьяны, и не знаяше что съ нами дѣлать мужики запрягли парюю одну изъ своихъ крытыхъ телѣгъ, упаковали насъ туда какъ умѣли и отвезли въ корпусъ.

Мы этому нимало не противились; мы уже освоились съ своимъ безпачальнымъ положеніемъ и привыкли считать себя вольными казаками, надъ которыми нѣтъ старшаго. А потому насъ нимало не пугала мысль, что мы явимся

въ корпусъ въ такомъ развращенномъ и омерзительномъ видѣ. Мы ѣхали, расигвая военные пѣсни, дражные романы, обнимались, барахтались, кривлялись, дѣлали ручки проѣзжавшимъ дамамъ и вообще вели себя какъ настоящіе льянцы. Дома солдаты насъ едва уложили, а утромъ едва добудились. На дворѣ уже стояли, погромыхивая тяжелыми бубенцами, толстоногія тройки съ расписными дугами, и въ комнату къ намъ полозъ ѣдкій дымокъ тютюну, который курили ожидавшіе насъ у дверей извозчики.

Сердце ёкнуло: наше пришло до насъ.

— Господи, что-то будетъ?

Солдаты начали выносить наши пожитки и размѣнять ихъ по тѣлѣгамъ, кто къ которой былъ расписанъ. Шумъ, говоръ, бѣготня, движенье, все это, при моей больной съ похмелья головѣ, представлялось мнѣ какъ волны хаоса.

Принель корпусный батюшка, покромилъ насъ водой; потомъ казначей далъ намъ по двадцати семи рублей пятидесяти копеекъ денегъ на дорогу, и нагруженные нами повозки, съѣхавъ съ казеннаго двора, тяжело застучали по мостовой, медлительно подвигаясь къ нестрымъ бревнамъ заставы.

Впереди былъ длинный, очень длинный путь, о которомъ не могутъ составить себѣ даже приблизительно вѣрнаго понятія люди, доѣзжающіе нынче отъ Петербурга до Кіева въ трое сутокъ и вдобавокъ безъ всякихъ приключеній. Тогда было не то, особенно съ такими солидными путешественниками, каковы были мы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Намъ, по нашимъ расчетамъ, на этотъ переѣздъ требовалось не менѣе мѣсяца, а нашъ извозчикъ утѣшалъ, что, можетъ-быть, потребуется еще и побольше.

Извозчикъ, для ѣдущихъ на протяжныхъ, это совсѣмъ не то, что кондукторъ для нынѣшняго путешественника, несущагося по желѣзной дорогѣ. Съ извозчикомъ сѣдоки непременно сближались и даже сживались, потому что протяжная путнина — это часть жизни, въ которой люди дѣлили вмѣстѣ и горе, и радость, и опасности, и всѣ его досады. «Вмѣстѣ мокли и всѣ сохли», какъ выражается извозный людъ. Нашъ извозчикъ, отправленный везти молодыхъ госнодчиковъ по кіевскому тракту, былъ небольшой, но очень крѣпкій, коренастый мужикъ изъ новгородской

губерніи. Звали его Кирилъ. Онъ былъ раскольникъ, но, вѣроятно, очень плохой, потому что и пилъ, и курилъ, и самъ себя называлъ «попорченнымъ»; но онъ былъ очень веселый и, казалось, добрый малый, отъ сообщества котораго мы пророчили себѣ дорогой не мало удовольствій. Они тотчасъ и начались. Выѣхавъ съ нами изъ Петербурга за московскую рогатку, Кирилъ остановилъ у какого-то домика лошадей и объявилъ, что здѣсь живетъ его пріятель Иванъ Ивановичъ Елкинъ, къ которому, если не захватитъ и ему какъ слѣдуетъ не поклониться, то намъ въ дорогѣ не будетъ никакой спорыни.

Мы не прекословили и зашли: это былъ кабакъ, въ которомъ, разумѣется, никакого Ивана Ивановича не было, а сидѣлъ простой цѣловальникъ. Здѣсь мы, по настоянію Кирилы, всё выпили: кто могъ—водки; а кто не могъ пить водки, тотъ пилъ пиво или медъ.

Совершивъ такое возліаніе путевому божеству, всё мы охмелѣли, и, ѣдучи, сначала пѣли свои военные пѣсни и романсы, а потомъ заснули.

Насъ въ повозкѣ помѣщалось восемь человѣкъ, но какъ мы были всё люди небольшие и покладивые, а къ тому же и пожитками необремененные, то особаго стѣсненія не чувствовали. Но, несмотря на то, что мы соблюли обычай, указанный намъ Кирилою, и, войдя къ Ивану Ивановичу Елкину, совершили въ честь его возліаніе, путь нашъ не спорился: мы ѣхали, разумѣется, шагомъ, дѣлая не болѣе пятидесяти верстъ въ день, съ передневками черезъ два дня въ третій. Это всякому должно бы показаться чрезвычайно утомительнымъ и скучнымъ, но насъ все занимало: и новые люди, и новые мѣста,—и мы не погоняли нашего возницу, а добивались только одного, чтобы передновки приходились въ городахъ или по крайней мѣрѣ въ хорошихъ мѣстахъ, которые мы осматривали, кушали и спали. — Къ Иванамъ Ивановичамъ Елкинымъ, которыхъ по дорогѣ было чрезвычайно много и которые всё оказывались добрыми пріятелями Кирилы, мы уже болѣе не заходили—потому ли, что многимъ изъ насъ пришлось дорогою periodically переболѣть, послѣ петербургскихъ оргій, или тому, что на насъ очень хорошо дѣйствовала пріятная новость мѣста и людей, которыхъ мы «изучали» все-таки новою охотою и внимательностью.

если пренебре-

Кирилль, который любилъ выпить, по считалъ неумѣстнымъ дѣлать это на свои деньги, покѣшившись для два и виды, что изъ насъ ему нѣтъ сотоварищей и хлѣбосоловъ, подвигся на штуку: онъ отдѣлилъ у себя на козлахъ такъ-называемую «бесѣдочку», въ которую постоянно присаживалъ кого-нибудь изъ прохожихъ, и выручаемыя этимъ путемъ деньги считалъ позволительнымъ вручать Ивану Ивановичу Елкину. Пассажировъ этихъ онъ набиралъ вездѣ: по дорогѣ и на ночлегахъ по постояннымъ дворамъ, откуда мы обыкновенно съѣзжали чрезвычайно рано. Чтобы не тревожиться утромъ, а также чтобы не платить особыхъ денегъ за ночлегъ, мы все спали въ повозкѣ, — и Кирилль, съѣзжая со двора, не будилъ насъ; а обѣденный покормъ, длившійся часа четыре, мы перѣдко держали у дороги на лѣсныхъ опушкахъ, или гдѣ-нибудь надъ рѣкою, въ которой неизмѣнно купались и иногда по нѣсколько разъ въ самое короткое время.

Сколько-нибудь замѣчательныхъ происшествій съ нами никакихъ не происходило, но только во всехъ въ насъ въ течение немногихъ дней, проведенныхъ въ пути, какъ-то смѣлке и рѣзче начала обозначаться наша индивидуальная разность. Въ корпусѣ мы все въ общихъ чертахъ характера и взглядовъ походили другъ на друга, — все мы были *кадеты*; а теперь, хотя мы оставались въ своей же одноконической компаніи, въ насъ обозначались будущіе фаты, цеголи, которые будутъ пускать нить въ глаза, и задумчивые философы съ зародышемъ червя въ безпокойномъ вдаль-засматривающемъ воображеніи. Вскорѣ эта разновидность обнаружилась въ весьма осязательной для насъ формѣ.

Въ Твери питать нашъ должень былъ уменьшиться. Здѣсь намъ надлежало высадить одного товарища, по фамиліи Волосатина, отецъ котораго служилъ предѣдателемъ какой-то изъ тверскихъ палатъ.

По этому случаю мы сдѣлали въ Твери дневку — и высаженный здѣсь товарищъ нашъ прѣхалъ къ намъ на постоялый дворъ въ дрожкахъ, запряженныхъ паровъ лошадей, и приглашалъ насъ всехъ отъ имени своего отца на садочъ.

Возникъ товарищъ былъ изъ тѣхъ, которые подавали надыхъ госматся цеголями и франтами, — и два часа вѣрно очешъ крѣпче имъ въ разлукѣ съ нами въ домѣ сво-

его отца, безмѣрно подвинули въ немъ впередъ эту наклонность. Онъ звалъ насъ привѣтливо, но съ замѣтною небрежностью, и говорилъ съ нами не слѣзая съ дровякъ, на которыхъ сидѣлъ въ щеголеватомъ новомъ платьѣ, съ тросточкою въ рукахъ, — тогда какъ мы толпились вокругъ него всѣ запыленные и въ истасканныхъ дорожныхъ курткахъ.

Онъ наслаждался своимъ превосходствомъ и безъ церемоніи сказалъ намъ:

— Только, приглашая васъ къ себѣ въ домъ, я надѣюсь, что вы понимаете, что вамъ надо будетъ привести себя въ порядокъ и хорошенько приодѣться, а не валить тощую шкурицу поналоу; у насъ будутъ гости и будутъ танцовать: вотъ я для этого даже сейчасъ и ѣду кушить себѣ и сестрѣ перчатки. Советую всѣмъ вамъ, кто хочетъ танцовать, тоже сдѣлаться хорошими перчатками, — иначе нельзя.

— Баско мой! какъ это хорошо: будутъ танцовать!

— И у него есть сестра!

— Да одна ли сестра — иерно будетъ и еще много дамъ! — воскликнули разомъ нѣсколько голосовъ послѣ того, какъ товарищъ покатишь, обдавъ насъ цѣлымъ облакомъ пыли, — и всѣ мы кинулись къ своимъ узелкамъ, въ которыхъ были увязаны наши штатскій гардеробъ, построенный военнымъ портнымъ.

Восторгъ былъ всеобщій, но непродолжительный, потому что одинъ изъ товарищей, имѣвшій въ задаткѣ червя самолюбія, объявилъ, что онъ не пойдетъ, потому что Волосатинъ приглашалъ насъ очень обиднымъ тономъ.

Тонъ! мы, недавніе безцеремонные товарищи, вырывавшие недавно изъ рукъ другъ у друга кусокъ пирога или булки и не стыдившіеся выпрашивать одинъ у другого самыхъ ничтожныхъ мелочей, — уже теперь разбирали *тонъ!* Да и какъ еще разбирали? хоть бы какому заисковому дипломату или свѣтскому критику.

Вотъ свѣтъ! вотъ его первое наитіе, неизвѣстно откуда забравшеся въ нашу телѣгу, и тутъ же рядомъ несостоятельность его законовъ передъ шопотомъ звучихъ силъ доброй молодости.

— Да, — заговорили мы: — мы всѣ согласны; Волосатинъ скотинка: онъ очень форситъ, обидѣлъ насъ, но все-таки онъ нашъ товарищъ и мы дурно сдѣлаемъ, если пренебре-

жемъ его приглашеніемъ. Онъ одинъ виноватъ; а мы, если не пойдемъ, — мы покажемъ, что и мы сами невѣжи и не знаемъ какъ должно свѣтскихъ приличій. Принявъ приглашеніе, надо идти.

— Мы оскорбимъ его отца, который насъ звалъ и который, можетъ-быть, очень заслуженный человекъ.

— Какой чортъ «заслуженный»! просто какой-нибудь приказный.

— Но мы теперь и сами пр..... То-есть мы все теперь статскіе, — отвѣчали мы со вздохомъ.

— И наконецъ, онъ говорилъ, тамъ есть у него сестра, а развѣ можно оказать невѣжливость женщинѣ.

Эта «сестра», мнѣ кажется, очень много значила для всѣхъ насъ: всѣмъ намъ было пріятно называть молодое женское лицо..... стѣнки не устояли. Мы рѣшили перчатокъ не покупать, потому что такой экстренный расходъ былъ намъ не по карману, — но, принарядясь въ свои сюртуки, отправились въ качествѣ истанцюющихъ на вечеръ, который для меня имѣлъ очень серьезное значеніе съ довольно непріятными послѣдствіями.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Къ немалой нашей досадѣ выходило, что все мы довольно поотвыкли отъ женскаго общества, которое видѣли еще дѣтми и въ которое всевъмъ не умѣли вступить теперь, находясь въ своей странной неопредѣленной порѣ и въ своемъ неопредѣленномъ положеніи «истанцюющихъ кавалеровъ».

Самый первый шагъ вступленія въ освещенный залъ путалъ и сбивалъ все наши свѣтскія соображенія, а къ тому же мы никого не знали въ томъ домѣ, куда намъ предстояло предстать, и вдобавокъ насъ некому было от-рекомендовать и представить.

Положеніе было трудное, и оно еще усложнилось тѣмъ, что когда мы явились въ домъ—до нашего слуха долетѣли звуки вальса и сквозь неплотно-притворенныя двери передней, гдѣ мы стояли, ожидали Волосатина, видны были мелькающія пары.

Волосатинъ, за которымъ мы послали человека, не приходилъ къ намъ и его невозможно было ждать, потому что, по словамъ лакея, онъ танцовалъ, — невозможно было и

стоять безъ толку и движенія въ передней, тѣмъ болѣе что какой-то пожилой господинъ, котораго мы всѣ приняли за хозяина, проходи черезъ переднюю въ залъ, пригласилъ насъ войти и, взоиди самъ впереди насъ, поцѣловаль руки двухъ дамъ, сидѣвшихъ ближе ко входу.

Мы длинною вереницею вступили за нимъ и, слѣдуя во всемъ его примѣру, начали по очереди подходить къ ручкамъ всѣхъ дамъ. Неумѣстный пріемъ этотъ, которымъ мы по неопытности своей подражали взшедшему передъ нами другу дома, обратилъ на насъ всеобщее вниманіе, — и я, шедшій впереди лобызавшей руки шеренги, видя смущеніе дѣвицъ и насмѣшки мужчинъ, не зналъ, какъ мнѣ остаться и куда вести за собою свой гусѣкъ. Я желалъ бы быть лучше поглощеннымъ землею, какъ вдругъ, приклонивъ къ рукѣ одной молодой, блѣдной блондинки съ добрыми голубыми глазами, и почувствовалъ, что рука ея, ускользнувъ отъ моихъ губъ, легла на мое плечо, и сама она добрымъ дружескимъ шопотомъ проговорила мнѣ:

— Давайте лучше вальсировать!

Я подхватилъ ее — и сначала целовко, а потомъ съ достаточною смѣлостію сдѣлалъ съ нею туръ и посадилъ ее на мѣсто.

Въ этой умѣренности мною, по счастью, руководило правило, по которому намъ на балахъ запрещалось дѣлать съ дамами болѣе одного тура вальса, — и то изо всей нашей компании зналъ это правило одинъ я, такъ какъ на кадетскихъ балахъ для тащевъ съ дамами отбирались лучшіе танцоры, въ числѣ которыхъ я всегда былъ первымъ. А не знай я этого, я, вѣроятно, закружился бы до новаго неприличія, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока моя дама сама бы меня оставила.

Но по счастью опытность снаела меня, а моему примѣру послѣдовали и другіе мои товарищи, которыхъ я увидѣлъ вальсирующими, когда опустил свою даму.

— Сидьте возлѣ меня, — пригласила меня моя дама.

Я мѣлъ: она мнѣ казалась прекрасною и такою доброю, что я ее уже безповоротно полюбилъ.

— Мой братъ говорилъ мнѣ, что вамъ далеко еще ѣхать... — начала она.

— О братъ! Великій Боже! это *она* и есть, она, сама она, его сестра! О вы, души моей предчувствія, сбылись: не-

даромъ меня влекло сюда; подаромъ... иѣтъ, подаромъ: я былъ влюбленъ и притомъ не только безповоротно, но и смертельно влюбленъ!

Я только хотѣлъ бы знать ея имя и... хотя приблизительно: на сколько лѣтъ она меня старше?

Желанія мои сбылись: ко мнѣ подошелъ нашъ блестящій товарищъ Викторъ Волосатинъ — и, отведя меня въ уголокъ, гдѣ были собиты въ кучу все прочіе товарищи моего бѣдствія, сказалъ:

Надо же быть такимъ пошлымъ дуракомъ, какъ ты, чтобы, войдя въ залъ, начать прикладываться къ ручкамъ всѣхъ дамъ, и потомъ еще вальсировать въ три па и безъ перчатокъ... Это можно въ корпусѣ, но въ свѣтѣ такъ не поступаютъ.

Я, было, привелъ въ свое оправданіе примѣръ взошедшаго передо мною старичка, но Волосатинъ еще разъ назвалъ меня дуракомъ и растолковалъ, что тотъ старичокъ — его дядя, который держитъ себя здѣсь по-родственному, между тѣмъ какъ я...

Ну да, я и самъ зналъ, что сдѣлалъ ужасный и непростительный поступокъ и достоинъ за то всякой кары, а потому и не возражалъ и не обижался дружескимъ выговоромъ, тѣмъ болѣе, что все это была такая мелочь въ сравненіи съ любовью, которою я пламенѣлъ къ его прекрасной и доброй сестрѣ, которая (это, впрочемъ, очень большой секретъ) *сама ангажировала меня на мазурку.*

Отъ этой радости я просто былъ какъ въ чадѣ и цѣлый вечеръ ни съ кѣмъ не танцовать ни одного танца, а все смотрѣлъ изъ-за мужчинъ *на нее*. И что же вы думаете? *она* меня понимала: она тоже не танцевала и отказывала всѣмъ, кто къ ней подходилъ. Это было мнѣ очень пріятно, и вѣрное сердце мое слало ей тысячу благословеній. Не своди съ нея глазъ, я все находилъ ее прекраснѣе и прекраснѣе, и она, въ самомъ дѣлѣ, была недурна: у нея были прелестные бѣлокурые волосы, очень-очень доброе лицо и большіе тоже добрые, ласковые сѣрые глаза, чудная шея и высокая, стройная фигура, а я съ дѣтства моего страстно любилъ женщинъ высокаго роста, чему, вѣроятно, не мало обязанъ стройной фигурѣ А. Паулы Монти, изображеніе которой висѣло на стѣнѣ въ моей дѣтской комнатѣ и дѣйствовало на развитіе моего эстетическаго вкуса. — Къ тому

же, сестра-Волосатина мнѣ правилась своимъ поведеніемъ: она по вертѣлась, какъ всѣ дѣвицы, а все болѣе сдѣла со старушками и добродушно сносила торможенія безпрестанно подбѣгавшей къ ней кучерявой брюнетки, къ которой нѣсколько изъ моихъ товарищей относились съ ангажементомъ и получали отказъ. Эта кичливая и вѣтреная особа все танцевала съ франтами, которые, по моему мнѣнію, не имѣли ровно никакихъ достоинствъ.

Вечеръ прошелъ и моя блондинка сама отыскала меня глазами и сама выбрала для насъ скромное мѣсто, устроивъ предварительно нѣсколько партъ для моихъ товарищей, у которыхъ, все-таки, не оказалось ни одной такой красивой дамы, какъ моя, а что всего важнѣе: я не думаю, чтобы чья-нибудь другая дама умѣла вести такой оживленный разговоръ. Она все время мазурки проговорила со мною про корпусъ, интересовалась панною исторіею, панною прошлою жизнью и, наконецъ, заговоривъ о моихъ планахъ на будущее, сказала, что мнѣ еще необходимо много учиться.

Это меня немножечко обидѣло, но у меня былъ готовъ отвѣтъ, что условіемъ исключенія насъ изъ корпуса было позволеніе намъ поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія и обязательство вступить немедленно въ статскую службу. Но у нея тоже не стояло дѣло за отвѣтомъ.

— Учиться вездѣ можно, — отвѣчала она: — даже и въ тюрьмѣ, и на службѣ — и учиться непременно должно не для правъ и не для чиновъ, а для самого себя, для своего собственнаго развитія. Пониманіе есть высочайшее благо.

Мнѣ помнится, что я подъ конецъ мазурки далъ ей слово, что буду учиться и именно такъ, какъ она мнѣ внушала, т. е. не для полученія привилегій и правъ, а *для себя*, для своего собственнаго усовершенствованія и развитія.

Странная, прекрасная и непонятная женщина, мелькнувшая въ моей жизни какъ мимолетное видѣніе, а между тѣмъ мимоходомъ бросившая въ душу мнѣ свѣтлыя сѣмена: какъ много я тебѣ обязанъ и какъ часто я вспоминалъ тебя — предтечу всѣхъ моихъ грядущихъ увлеченій, — тебя, единственную изъ женщинъ, которую я любилъ и не страдалъ; и не каюсь за эту любовь! О, если бы ты знала, какъ ты была мнѣ дорога, не тогда, когда я былъ въ тебя

влюбленъ моею мальчишеской любовью, а когда я зрѣлымъ мужемъ глядѣлъ на' женщинѣ хваленнаго, позднѣйшаго времени и... съ болѣзненною грустью видѣлъ полное исчезнове- ние въ новой женщинѣ высокихъ воспитывающихъ молодого мужчину инстинктовъ и влеченій, — исчезновеіе, которое восполнять развѣ *новѣйшія* женщины, выступающія послѣ отшедшихъ новыхъ.

Возвратись съ вечера, который намъ показался пре- краснымъ баломъ, я во всю остальную ночь не могъ за- спуть отъ любви, и утро застало меня сидящимъ у окна и мечтающимъ о ней. Я обдумывалъ планъ, какъ я стану учиться безъ помощи учителей, сдѣлаюсь очень образован- нымъ человѣкомъ и явлюсь къ ней вполне достойный ея вниманія. А пока... пока я хотѣлъ ей написать объ этомъ, такъ какъ я былъ твердо увѣренъ, что одна подобная рѣ- шимость съ моей стороны непременно должна быть ей очень пріятна.

Но Кирилль уже запрягалъ своихъ лошадей—и товарищи встали и начали пить чай и собираться въ путь. Письмо подлежало отложить.

Мы съѣли—и я уѣзжалъ безъ малѣйшей надежды узнать даже имя своей дамы, какъ вдругъ недалеко около заставы насъ обогналъ Волосатинъ. Онъ ѣхалъ съ мальчикомъ купаться и везъ передъ собою на бѣговыхъ дрожкахъ за- крытую салфеткою корзину.

— Эй, вы, путешественники!—крикнулъ онъ намъ:—вотъ моя старшая сестра плетъ вамъ пироговъ, ватрушекъ и фруктовъ. Подѣлитесь, да не подеритесь, потому что она любитъ миръ и любовь. А тебѣ, Праотцевъ, она, кромѣ того, посылаетъ вотъ эту какую-то книжицу: это, вѣроятно, за твою добродѣтель, что ты вчера съ нею отъ души от- плясывалъ.

Я взялъ съ благоговѣніемъ поданную мнѣ имъ, запеча- танную въ бумагу, книжечку, но былъ оскорбленъ тономъ, какимъ онъ говорилъ о сестрѣ.

Я даже не удержался и поставилъ ему это на видъ, но онъ нагло расхохотался и отвѣчалъ:

— Да ты ужъ не влюбленъ ли въ Аню? а? Сознавайся-ка, братъ, сознавайся! Вѣдь это съ вами, философами, бываетъ, но только жаль, что сестрѣ скоро тридцать лѣтъ, а тебѣ шестнадцать.

Тридцать!—подумать и:—это немножко неприятно!»

А Волосатинъ продолжалъ хвастать своею другою сестрою Юленькой, той самой кучерявой брюнеточкой, которая вчера безпрестанно подлетала къ старшей сестрѣ и тормошила ее,—и затѣмъ онъ уфхалъ, разказавъ предварительно, что эта хваленая его сестра выходитъ замужъ за адъютанта и что онъ самъ, вѣроятно, когда-нибудь женится на красавицѣ.

Кто-то изъ насъ шутя назвался къ нему на свадьбу.

— Позови, моль, насъ, когда будешь жениться.

Но Волосатинъ въ отвѣтъ на это съ оскорбительною практичностью замѣтилъ, что это будетъ видно, смотря по тому, кто изъ насъ какъ сумѣетъ себя устроить въ обществѣ.

Ему казалось, что онъ себя уже отлично устроилъ, и товарищи, встѣдъ ему, назвали его «отвратительнымъ фатинкою»,—но мнѣ до этого не было никакого дѣла, потому что я былъ влюбленъ и желалъ обращаться въ сферахъ по преимуществу близкихъ къ предмету моей любви. Я быстро распаковалъ привезенную Волосатинымъ корзину и старался какъ, можно болѣе съѣсть присланныхъ его сестрою проговъ чтобы они не доставались другимъ, а между этимъ занятіемъ распечаталъ подаренную ею мнѣ книгу: это былъ романъ Гольдсмита—«Векфильдскій священникъ».

Я въ первый разъ имѣлъ въ рукахъ это сочиненіе и прочелъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, сократившимъ для меня время путешествія до Москвы.

Въ Москвѣ насъ ждалъ маленькій сюрпризъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы отказались заходить съ своимъ Кирилломъ къ Ивану Ивановичу Елкину, возница нашъ значительно къ намъ охладѣлъ и даже сдѣлался нѣсколько сухъ и суровъ, изъ чего мы дерзнули заключить, что этотъ добрый человекъ не столько добръ, сколько лукавъ и лицемеренъ. Но ему самому мы ничѣмъ не обнаруживали нашего открытія, потому что все мы, несмотря на военное воспитаніе, кажется, его порядкомъ побаивались. Въ Москвѣ же онъ насъ пугалъ и довольно сильно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Такъ какъ мы сами себѣ мѣсть для остановокъ не выбрали, а подчинились въ этомъ опытности и произволу Кирилла, то и въ Москвѣ намъ пришлось пристать тамъ,

гдѣ охъ хотѣлъ. Здѣсь намъ послужилъ пристанищемъ простой постоялый дворъ, гдѣ-то у Рогожской заставы. Намъ, впрочемъ, это было все равно, потому что помѣщеніемъ для насъ, какъ я выше сказалъ, во всю дорогу служила повозка, а разстоянія для насъ тогда не существовали, да и притомъ для насъ въ Москвѣ всякое мѣсто было свято и интересно. При одной мысли, что мы «въ Москвѣ», ни у одного изъ насъ не было другого намѣренія, какъ бѣжать, смотрѣть, восторгаться и падать ницъ (безъ всякаго преувеличенія, мы непремѣнно хотѣли хоть нѣсколько разъ *пасть ницъ*, но намъ удалось сдѣлать это только въ соборахъ, потому что на площадяхъ и на улицахъ такое желаніе оказывалось совершенно неудобисполнимымъ). Путешествовали мы по Москвѣ по образу нѣшаго хожденія и вообще очень экономничали, такъ какъ видѣли впереди еще очень большой путь, а денегъ у насъ было мало; какова же была наша досада, когда въ Москвѣ намъ пришлось прожить вмѣсто одного дня цѣлые четыре, потому что нашъ Кирилль съ перваго же вечера пропалъ, и пропалъ ровнымъ-ровнехоньго четверо сутокъ! Мы сами пошли и кормили его лошадей и нетерпѣливо поджидали его по цѣлымъ днямъ, сидя за воротами на опрокинутой колодѣ, но Кирилль какъ въ воду канулъ. Въ отчаяніи отъ того, что съ нами будетъ, такъ какъ деньги казна отдала Кирилль и никто другой насъ до Кіева не повезетъ, мы жестоко приуныли. Самая Москва потеряла для насъ свою цѣну: все наши обозрѣнія ограничились побѣгушками перваго дня, и затѣмъ мы не осмотрѣли великаго множества мѣстъ, къ которымъ влекли насъ прочитанные въ корнуетъ романы Лажечникова, Мосальскаго и Загоскина. Все мы страшно уняли духомъ, а нѣкоторые изъ насъ даже малодушно плакали, и тѣмъ наводили на другихъ еще большее уныніе, дошедшее наконецъ до всеобщаго отчаянія и страха. Къ кому мы ни обращались за свидѣніями о своемъ возницѣ, все это было напрасно: никто не давалъ намъ никакого опредѣлительнаго отвѣта; но, наконецъ, какой-то извозчикъ сжался и сообщилъ намъ, требовавъ съ насъ рубль за открытіе томившей насъ тайны, что Кирилль водить по Москвѣ медвѣдя.

Эта невѣроятная повость насъ обрадовала, и встревожила, и огорчила: какъ-де это не стыдно Кириллу, человѣку столь обстоятельному и старовѣру, позабыть свое дѣло и предаться

такому пустому шарлатанскому занятію, какъ вожденіе медвѣдя?

— Онъ можетъ погибнуть,—предполагали мы и съ минуты на минуту ожидали, что кто-нибудь привезетъ на дворъ и броситъ его несчастный трупъ, растерзанный медвѣдемъ.

Но, наконецъ, къ ночи четвертаго дня Кирилль явился — врачный и тяжелый, но живой, хотя, впрочемъ, съ несомнѣнными знаками только-что перенесенной титостной борьбы съ медвѣдемъ: армякъ и рубашка на одномъ плечѣ у него были прорваны насквозь и сквозь прорѣху видѣлось голое тѣло съ страшнымъ синякомъ, лицо возлѣ носа было расцарапано и покрыто черными струпами, а на шеѣ подъ лѣвымъ ухомъ въ складкахъ кожи чернѣла засохшая кровь.

Взглянувъ на него, мы не стали укорять его и только полюбознѣствовали: правда ли, что онъ все это время водить медвѣдя?

— Водить, чтобъ его проклятаго чертъ ободрать! — отвѣчалъ Кирилла и, уткнувшись лицомъ въ сѣно, захрапѣлъ.

Мы тоже не стали его ни о чемъ болѣе разспрашивать и поскорѣе улеглись спать въ своей повозкѣ, а утромъ были пробуждены зычнымъ крикомъ, который раздавался изъ хозяйскихъ комнатъ. Въ этомъ крикѣ среди многихъ другихъ голосовъ мы могли различать и голосъ нашего Кирилы.

— Не водить было тебѣ, подлецъ, медвѣдя! не молоденькій ты, чтобы баловствами заниматься! — выкрикать хозяйки.

— Что дѣлать: Господь попустилъ! — отвѣчалъ Кирилла.

— Такъ вотъ за то теперь и оставь намъ на прокормленіе пристяжную.

— Помилуй! — просилъ Кирилль: — мнѣ безъ третьей лошади все равно, что пропастъ!

— Ничего; пусть тебя палачъ плетью помилуетъ, а ты оставиши пристяжную да и все тутъ: я ужь два года изъ тебѣ сорокъ рублей жду, а ты всякій разъ какъ прѣдешь — опять за свою привычку: по Москвѣ медвѣдя водить! Пѣтъ; иди, иди, запрягай пару, а лѣвую оставь; не велики твои господчики — парой ихъ доведешь.

Кирилль жадостно просилъ панады и клялся, что ему парой пастъ не довестъ, потому что ближе къ Кіеву пойдутъ большіе пески, и парой ни за что телѣгу не выволочетъ; но дворникъ былъ неумолимъ и настаивалъ на томъ, чтобы третью лошадь оставить ему: мы-де ея тутъ чужого медвѣдя покорнимъ.

Все это насъ ужасно смутило: намъ представлялось и жалостное наше путешествіе на несчастной парѣ вмѣсто тройки, и потомъ намъ чрезвычайно жамко было обреченной на сѣденіе медвѣдю лошади, такъ какъ мы уже усѣли сильно сдружиться съ Кириллиными конями—и особенно съ лѣвымъ буланымъ меринкомъ, у котораго былъ пресвѣтлый нравъ, дозволявшій ему со всѣхъ, кто къ нему подходилъ, срывать шанки, и толстая широкая спина, на которой мы по очереди сживали въ то время, когда буланый ѣлъ на покормѣ подъ сараями свой овесъ.

Межъ тѣмъ какъ мы волновались подобными чувствами—до нашего слуха долетѣли другіе голоса, касавшіеся уже непосредственно насъ самихъ: кто-то давалъ Кирилѣ мысль прижать насъ и потребовать отъ насъ доплаты къ суммѣ, слѣдовавшей ему за нашъ провозъ; но Кирилъ энергически противъ этого протестовалъ и наотрѣзъ отказался насъ беспокоить, объявивъ, что онъ всю плату получилъ сполна и что это дѣло казенное—и онъ «мошенства» ни за что сдѣлать не хочетъ, а скорѣе пойдетъ куда-то къ начальству и скажетъ: такъ и такъ и т. д.

Мы даѣе не вслушивались—и тронутые благородствомъ Кирилы, рѣшились скорѣе выручить его необходимою суммою, для чего съ каждаго изъ насъ семерыхъ нужно было около шести рублей ассигнаціями. Мы уже развязали свои мѣшочки и складовали эту значительную по нашимъ средствамъ сумму, какъ вдругъ она оказалась вовсе ненужною, потому что утихшій на мгновеніе крикъ снова раздался съ удвоенной силой, и Кирилъ, слетѣвъ съ шумомъ и грохотомъ съ крыльца, проворно схватилъ подъ-узды свою уже запряженную тройку и свелъ ее со двора, а потомъ вскочилъ на облучокъ и поѣхалъ рысью.

Считая такую скорую ѣзду дѣломъ совершенно необыкновеннымъ, мы выглянули изъ-подъ рогожъ нашей повозки на своего возницу—и, увидавъ его въ какой-то ажитаціи, снова попрягались.

И, можетъ-быть, дурно дѣлаю, вдаваясь во всѣ мелочи нашего перваго путешествія, но, во-первыхъ, все это мнѣ чрезвычайно мило, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ моихъ юношескихъ воспоминаній, а во-вторыхъ, пока я дѣлалъ это путешествіе, оно, кажется, не знаю почему, дѣлало грунтъ для образованія моего характера, развитіе котораго

связано съ исторією бѣдствій и заключеній моеѣ послѣдующей жизни.

Московскій медвѣдь, оставшійся для насъ мудреною загадкой, повидимому, произвелъ весьма сильное впечатлѣніе и на самого Кирилу, который совершенно утратилъ на время свою веселость и, сдѣлавшись чрезвычайно молчаливымъ, все выбиралъ пальцами поднимавшіе у него въ бородѣ волосы. На прорѣхи своего платья и раны своего лица онъ не обращалъ никакого вниманія, несмотря на то, что количество поврежденій на его ликѣ, кажется, нѣсколько успилось послѣ его объясненій съ московскимъ дворникомъ, отъ котораго онъ спасся какою-то неизвѣстною намъ находчивостью.

Три дня послѣ выѣзда нашего изъ Москвы онъ все спалъ: спать на стоянкахъ, спалъ и дорогою — и съ этою цѣлію, для доставленія большаго удобства себѣ, никого не подсаживалъ въ бѣсѣдку, а лежалъ, растянувшись вдоль обоихъ мѣстъ, на передкѣ. Лошадьми же правилъ кто-нибудь изъ насъ, но, впрочемъ, мы это дѣлали болѣе для своего удовольствія, такъ какъ привычныя къ своему дѣлу кони сами знали, что имъ было нужно дѣлать, и шли своею мѣрною ходою.

Въ Тулѣ мы высадили еще одного товарища, а въ Орлѣ двухъ — и остались вчетверомъ, изъ которыхъ одному надлежало остаться въ Глуховѣ, другому въ Пѣкинѣ, а мнѣ и нѣкому поляку Краснопольскому вдвоемъ ѣхать до Кіева. Но, однакоже, не все мы доѣхали до мѣстъ своего назначенія: намъ суждено было погубить дорогою своего пѣкинскаго товарища, маленькаго Кнышенко. Это — небольшое, но очень трагическое происшествіе, которое чрезвычайно меня поразило, особенно своею краткою простотою и неожиданностію.

Я, конечно, знаю, что все люди смертны, но я... все-таки думалъ, что такое солидное дѣло, какъ умираніе, должно происходить съ нѣкоторою подготовкою, въ родѣ того какъ было съ отцомъ, апоплексическому удару котораго предшествовалъ нравственный ударъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ Тулѣ и Орлѣ мы были безпокойны, какъ бы нашъ Кирилъ опять не повелъ медвѣдя, такъ какъ онъ намъ

уже рассказал, что это такое значило,—и мы изъ словъ его узнали, что въ вожденіи медвѣдя никакой настоящей звѣрь этой породы не участвовалъ, а что это было не что иное, какъ то, что Кирилль, встрѣясь въ Москвѣ съ своими земляками, такъ сильно запилъ, что впалъ въ потемнѣніе разсудка и не помнить, гдѣ ходилъ и что дѣлалъ; пока его кто-то изъ тѣхъ же земляковъ отколотилъ и бросилъ у воротъ постоялаго двора, гдѣ мы его ждали въ такомъ ужасномъ перенугѣ и тоскѣ.

Однако, и въ Тулѣ, и въ Орлѣ Кирилль показалъ характеръ и удержался, да и впередъ обѣщалъ быть воздерженъ и даже выражать твердое намѣреніе, довезя насъ до Кіева, оставить навсегда свой извозничій промыселъ и ѣхать домой, гдѣ у него была жена, которая всегда могла его отъ всякихъ глуостей воздержать. Теперь онъ жилъ въ нѣкоторомъ умиленномъ состояніи и, вздыхая, повторялъ прекрасную пословицу, что «землиной рубль тонокъ да дологъ, а торговый широкъ да коротокъ».

Пословицу эту мы хвалили, но все-таки насъ пугала мысль: не пропалъ ли Кирилль въ Москвѣ всѣ деньги, данныя ему за нашу провозъ—и мы хотѣли узнать: будетъ ли ему съ чѣмъ доставить насъ до Кіева? Много церемониться было не изъ чего—и мы откровенно выразили ему наши опасенія; но Кирилль насъ тотчасъ же благородно успокоить и притомъ сдѣлать самому себѣ нѣкоторый комплиментъ, сказавъ, что онъ водить медвѣдя, держа разсудокъ въ сумкѣ, и пилъ только на чужой счетъ своихъ земляковъ, а всѣ деньги забилъ въ сапоги подъ стельку,—и потому когда товарищи захотѣли снять съ него и просить тѣ сапоги, то онъ тутъ сейчасъ оцувствовался и вскричалъ караулъ, но сапогъ снять не далъ, а лучше согласился претерпѣть неудовольствіе на самомъ себѣ, что и воспользовало.

Мы проѣхали всю орловскую губернію, встрѣтили въ Упороѣ у сада графа Гейдена первые тополи—и, налюбовавшись ими, вскорѣ перевалили за широкую балку, посрединѣ которой текъ маленькій ручеекъ, служившій живымъ урочищемъ, составляющимъ границу Великой Россіи съ Малороссією.

Теперь переѣздъ этотъ ничего не значить для путешественника, да и онъ совершается совсѣмъ не въ томъ мѣ-

ствѣ, гдѣ мы перебирались изъ страны «неба, елей и песку» въ страну украинскихъ черешень. Желѣзная дорога оставила далеко въ бокъ характерную мѣстность тогдашней переправы, получившую очень характерное названіе: «Пьяная балка». Здѣсь на одномъпологомъ скатѣ была великорусская, совершенно разоренная деревушка съ раскрытыми крышами и покосившимися избами, а на другомъ, немощко болѣе крутомъ и возвышенномъ берегу чистенькій, какъ колпикъ, малороссійскій хуторокъ. Ихъ раздѣляла только одна *Пьяная балка* и соединялъ мостъ; затѣмъ у нихъ всѣ условія жизни были одни и тѣ же: одинъ климатъ, одна почва, однѣ перемѣны погоды;—но на орловской, т. е. на великорусской сторонѣ были поражающіе нищета и голодъ, а на малорусской или черниговской вѣяло инымъ. Малороссійскій хуторъ процвѣталъ, великорусская деревня извелась въ конецъ—и невозможно было рѣшить: чего еще она здѣсь держится? Въ этой деревнѣ ни одинъ проезжій или проходій не останавливались—какъ потому, что здѣсь буквально не было жилья въ человѣческомъ смыслѣ, такъ и потому, что все населеніе этихъ разоренныхъ дворовъ пользовалось ужаснѣйшею репутаціею.

По одну сторону «*Пьяной балки*» была дорогая и скверная откупная водка, по другую—дешевая и хорошая. На самомъ мосту стоялъ кордонъ, бдительно наблюдавшій, чтобы великоруссы не проносили къ себѣ капли малороссійской водки; но проносить ее въ желудкѣ кордонъ не могъ возбранить—и вотъ почему балочники орловской губерніи были такъ отчаянно бѣдны: они постоянно все, что могли, тащили къ жидамъ на малороссійскую сторону и тамъ пропивали все до-чиста.

Въ самой балкѣ всегда стояли караваны телѣгъ: всѣ извозчики и не извозчики, всякая христіанская душа считала необходимостью, сдѣлавъ шагъ за малороссійскій рубежъ, сейчасъ же здѣсь намертво напиться дешевою водкою.—и отъ того здѣсь постоянно бывали ссоры, драки и даже нерѣдко убійства, о которыхъ мы много слышали отъ Кирилы, говорившаго о «*Пьяной балочкѣ*» съ восторгомъ, но меньшей мѣрѣ приличествовавшимъ развѣ, на примѣръ, приближенію вѣрующаго къ Палестинѣ.

— Ахъ!—воскликала онъ, ослабляясь и простирая руки въ томъ направленіи, гдѣ была «*Пьяная балка*». Восхваляя

это мѣсто, онъ въ восторгѣ своемъ называлъ его не мѣстомъ, а мѣстилищемъ, и говорилъ, что «тамъ идетъ постоянно шумъ, грохотъ, и что тамъ кто ни проѣзжаетъ—сейчасъ начинается пить, и стоять подъ горой мужики и кушцы и все водку носятъ, а потомъ часто бьются, такъ что даже за версту бываетъ слышенъ стонъ точно въ страженіи. А когда между собою надоѣтъ драться, то кордончиковъ бьютъ и даже нерѣдко убиваютъ».

Эта картина, повидимому, совершенно плѣнила нашего Кирилла, у котораго на лицѣ уже проходили слѣды московскаго вожденія медвѣдя, и мы опасались не разрѣшилъ бы онъ въ Пьяной балкѣ снова; но онъ категорически отвѣчалъ, что хотя бы и желалъ, такъ не можетъ, потому что онъ далъ самому Богу зарокъ водки не пить, а развѣ только попробуетъ наливки, что и исполнилъ тотчасъ же, какъ мы перетанцились за логовину на черниговскую сторону.

Всего безобразія этой Пьяной балки я рѣшительно не могу описать: это одно бы составило ужаснѣйшую картину отвратительнѣйшаго жанра. Вездѣ стояли и бродили омерзительно-пьяные мужики; торчали опрокинутые возы, раздавались хриплые голоса; довелось намъ даже слышать и тѣ стоны, которые въ восторгѣ описывалъ Кириллъ, учинившійся здѣсь пьянымъ какъ стелька.

Мы были этимъ несказанно удивлены, но онъ намъ самымъ обстоятельнымъ образомъ разъяснилъ, какъ случилось, что данный Богу зарокъ не помѣшалъ ему натянуться. Выходило, что, давая зарокъ, онъ умышленно разумѣлъ одну лишь водку настоящаго бѣлаго цвѣта, а ни о какихъ иныхъ напитоккахъ не упоминалъ, и потому всякимъ инымъ напиткомъ съ чисто совѣстью могъ напиваться.

Путешествуя далѣе до ночлега, онъ останавливался уже у всякой корчмы и все пилъ «чвертку красненькой», при чемъ нѣсколько разъ снова начиналъ намъ объяснять, какъ онъ уменъ и предусмотрителенъ въ томъ отношеніи, что далъ зарокъ Богу не пить простой *бѣлой* водки, а насчетъ «цвѣтной или красненькой ничего касающаго не обѣщать». Это его такъ утѣшило и придавало ему такую отвагу, что онъ даже утверждалъ, что Богъ съ него «никакой правды не имѣетъ взыскивать насчетъ того, о чемъ у нихъ договора не было».

Противъ одинъ день, онъ продолжалъ то же самое и на

другой, и все болѣе и болѣе входилъ въ стѣхъ — п, досадуя, что его никто не потчуетъ, возымѣвъ намѣреніе «хорошо проучить чертовыхъ хохловъ», которые, по его мнѣнію, были до жалости глупы.

Скоро къ тому представился случай: мы вѣрзикали какое-то село въ большой праздникъ. Въ корчмѣ была масса народа. Кирилль остановилъ лошадей, зашелъ въ корчму и проналъ тамъ.

Подождавъ его около четверти часа, двое изъ нашихъ пошли его вызывать, но возвратились съ извѣстіемъ, что нашъ возница затѣялъ какую-то штуку съ хохлами и ни за что не хотѣлъ выходить изъ корчмы.

Штука эта состояла въ томъ, что Кирилль спросилъ у шингарки четвертку водки — п не выпивъ самъ ни одной капли, распотчивалъ ее на трехъ ближайшихъ малороссійскихъ мужиковъ. Тѣ, ничего не подозревая, выпили, а теперь Кирилль объявилъ имъ, что и они, въ свою очередь, каждый долженъ его потчивать. Мужики почесавшись затребовали каждый по четверткѣ, а нашъ Кирилль, сливъ все это въ одну посуду, поблагодарилъ и выпилъ, уже на сей разъ совсѣмъ позабывъ свой зарокъ не пить белой.

При безобразномъ пьянствѣ нашего провожатаго мы кое-какъ добрались до Королевца, маленькаго грязнаго городишки, гдѣ тогда шла ярмарка и гдѣ Кирилль снова «надулъ проклятыхъ хохловъ», но уже на этотъ разъ его находчивость избрала орудіемъ для обмана насъ самихъ. Онъ устроилъ все это такъ обдуманно, смѣло и тонко, что мы ничего не могли понять до тѣхъ поръ, пока онъ выполнитъ весь свой коварный умыселъ, чрезвычайно насъ тогда обидѣвшій и опечалившій, а нынче, когда я пишу эти строки, заставляющій меня невольно улыбаться.

Надо сказать, что между нами тремя, которыхъ везъ теперь Кирилль, былъ нѣкто, котораго я назову Станиславомъ Пеняковскимъ. Этотъ молодой полякъ былъ годами двумя насъ постарше, высокъ ростомъ, довольно мужествененъ, красивъ собою, при этомъ большой франтъ — и по польскому обычаю франтъ довольно безвкусный.

Подчиняясь своей страсти къ щегольству, онъ въ Москвѣ купилъ у какого-то своего земляка венгерку съ шкурами и кутасами, яркоцвѣтныя широкія шаровары и красную тулупку ермолку съ синею шелковою кистью; въ этомъ страннымъ

номъ нарядѣ онъ и ѣхалъ, постоянно высовывался изъ повозки.

Кирилль, какъ только его голова немножко поправилась послѣ московскаго пьянства, обратилъ вниманіе на этотъ нарядъ, и многократно его одобрялъ, а потомъ, вѣроятно вслѣдствіе долгихъ соображеній, нашелъ случай его утилизировать. Началось это съ того, что чуть гдѣ-нибудь на мосту случалась беспорядица и давка — Кирилль просилъ Пенькновскаго высунуться и покричать, что тотъ съ удовольствіемъ и исполнялъ, дѣлая нерѣдко и даже нѣсколько болѣе того, о чемъ просилъ его Кирилль. Такъ, Пенькновскій зачастую, не ограничиваясь крикомъ изъ телѣги, выскакивалъ вонъ—и, выхвативъ у Кирилла его длинный троечипическій кнутъ, хлесталъ имъ встрѣчныхъ мужиковъ и ихъ лошадей, отчего послѣднія метались въ стороны и нерѣдко валяли и опрокидывали возы, мимо которыхъ мы потому съ торжествомъ проѣзжали среди мужиковъ, снимавшихъ въ страхѣ свои шапки и, вѣроятно, славныхъ намъ тысячи проклятій. Но какъ бы тамъ ни было, а Пенькновскій вездѣ по дорогѣ производилъ очень большой эффектъ—и Кирилль, находя въ этомъ не малую для себя выгоду, очень часто его хвалилъ и даже угощалъ пивомъ и водкою.

Такъ было во все время путешествія по Великой Россіи.

Вѣхавъ въ Малороссію, Кирилль началъ еще болѣе льстить нану Пенькновскому и увѣрялъ, что ему стоить показаться, такъ дураки-хохлы для него все съ себя скидаютъ.

Пенькновскому необыкновенно нравилось, что онъ играетъ такую замѣтную роль, и онъ по приглашенію Кирилы началъ съ нимъ заходить во всякую корчму. И что же выходило? Дѣйствительно, чуть, бывало, Пенькновскій взойдетъ и сядетъ, а Кирилль шепчетъ одно слово шинкарю или шинкаркѣ, какъ тѣ тотчасъ подають имъ обоимъ паливки, сколько они хотятъ, а также давали и закусокъ, и ни за что не требовали ни гроша, а только, выпроваживая ихъ,—тихонько вслѣдъ имъ плевали.

И и мой другой товарищъ понять не могли: за кого это насъ принимаютъ? Пенькновскій же увѣрялъ насъ, что все это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что онъ, будто бы, похожъ на казацкаго атамана, въ чемъ его, въ свою очередь, увѣрялъ льстивый и коварный Кирилль. Такъ мы доѣхали

до Королевца, гдѣ суждено было произойти развязкѣ этого пошлаго и смѣшного анекдота.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ярмарка въ Королевцѣ стояла на единственной немощной и чрезвычайно грязной городской площади. Я уже теперь не помню, около какихъ это было чиселъ, но знаю, что время было осеннее. Постоялые дворы вокругъ площади все были заняты—и Кирилль, не въѣзжая никуда на дворъ, остановился за угломъ одного дома у самой площади, выпрягъ здѣсь своихъ коней и, растянувъ хрентугъ, поставилъ ихъ къ корму, а самъ приступилъ къ Пеньковскому съ просьбою пройтись по базару. Кирилль сказалъ, что ему надо купить для себя пару бубенчиковъ, и что будто бы ему гораздо сподручнѣе сдѣлать это пріобрѣтеніе вмѣстѣ съ Пеньковскимъ.

Пеньковскій не отказался, и они пошли; а я и другой мой товарищъ, маленький Кнышенко, заинтересованные тѣмъ, неужели имъ и бубенчики достанутся даромъ,—слѣдили за ними издали.

Пеньковскій въ своемъ нестромѣ, въ глаза кидающемся нарядѣ шелъ впереди, — а Кирилль, обыкновенно обращавшійся съ нами за панибрата, здѣсь вдругъ какъ-будто проникся къ Пеньковскому крайнимъ и самымъ подобострастнымъ почтеніемъ. Онъ шелъ сзади и тщательно оберегалъ, чтобы его кто не толкнулъ, а между тѣмъ постоянно шепталъ что-то на стороны встрѣчнымъ людямъ, которые тотчасъ же со страхомъ разступались, и, крестясь, совали Кирилль кто грошъ, кто бубликъ, и потомъ, собираясь толпою, издали тянулись за ними со страхомъ, смѣшаннымъ съ неодолимымъ любопытствомъ.

До нашего слуха долетало какое-то чуждое слово, значенья котораго мы не понимали, но видѣли, что вереница, слѣдовавшая за Пеньковскимъ, все увеличивалась. Посреди торга толпа сгустилась до невозможности, и сидѣвшія тутъ на землѣ торговки, съ яблоками, булками и плоскою королевцевою колбасою, начали подавать сопровождавшему Пеньковского Кирилль каждая отъ своихъ щедротъ: кто булку, кто пару яицъ, кто еще что было подъ рукою; притомъ опять каждая, подавъ эту жертву, набожно крестилась и съ отвращеніемъ плевала въ сторону.

На площади внятнѣе прогудѣло опять то же слово чуждое и незнакомое намъ; слово это было: «катъ».

— Ката везутъ, московскаго ката въ Кіевъ везутъ: жертвуйте кату цо-бы милостивѣйше бить!—шештали со всѣхъ сторонъ—и жертвы до того увеличались, что Кирилль уже былъ значительно ими обремененъ и, замѣтивъ насъ, передалъ намъ долю своего обора, послѣ чего и отъ насъ тоже всѣ отшатнулись, и пронеслось:

— А се его ученики. Они еще бити не могутъ, а тпавки привязуютъ.

И намъ пошла особая, добавочная жертва!

Положеніе выходило престранное и, какъ мы понимали, не совсѣмъ ладное; но Шенькновскій, обаянный своимъ великолѣпьемъ, идучи впереди, ничего этого не слышалъ.

Онъ зашелъ въ балаганъ и кушль, или даромъ взялъ, бубенчики, положилъ ихъ въ карманъ и, потромыхивая ими, пошелъ еще съ большимъ эффектомъ; зашелъ въ палатку, гдѣ продавали вино и гдѣ были разные пьяные люди. Однако, несмотря на то, что всѣ эти люди были пьяны, чуть только они взомли и Кирилль кивнулъ имъ головою на Шенькновскаго — они перестали шумѣть и потребовали для него непокупнаго вина. Кирилль оставилъ здѣсь Шенькновскаго, а самъ, изрядно пьяный, вернулся къ телѣгѣ съ цѣлымъ ворохомъ разныхъ закусокъ и гостинцевъ. Онъ живою рукою заложилъ лошадей — и мы подѣхали къ куреню, гдѣ оставался великолѣпный Шенькновскій.

Услышавъ званіе нашихъ новыхъ бубенчиковъ, онъ вылезъ изъ-подъ прызной палатки — и мы поѣхали.

У насъ былъ цѣлый сборъ пироговъ, рыбы, колбасы, яицъ, вина, рѣпы, табаку и моркови, которую немилосердно христалъ подгулявшій Кирилль; но тутъ вдругъ случилось неожиданныйшее и казуснѣйшее происшествіе: не успѣли мы отѣхать и трехъ верстъ отъ города, какъ насъ обогналъ тарантасъ, запряженный тройкою лошадей. Намъ было велѣно остановиться — и краснолицый господинъ съ военною осанкою потребовалъ отъ насъ наши паспорта.

Мы развязали сумочки и предъявили наши бумаги. Военный господинъ просмотрѣлъ ихъ — и непосредственно за тѣмъ, сбивъ съ Кирилы шапку, началъ таскать его за вихры и бить по щекамъ.

Кто былъ этотъ быстрый на руку королевещій началь-

никъ—это такъ и осталось намъ неизвѣстно, но мы ему были очень благодарны, что онъ проучилъ Кирилу, а главное—открылъ намъ, что коварный мужиченко выдавалъ нашего великодушнаго товарища за московскаго палача, котораго онъ, будто бы, везеть въ Кіевъ польскую графиню наказывать, а насъ двухъ выдавалъ за его учениковъ.

Всѣ мы этимъ очень обидѣлись, а Пеньковскій потребовалъ отъ Кирилла объясненій: неужто онъ смѣлъ называть его палачомъ? Но жестоко выпоротый Кириллъ, хрустя во рту оставшеюся у него морковью, отвѣчалъ:

— Ну, такъ что же тебѣ изъ того за бѣда?

— Какъ что за бѣда? Я не хочу быть палачомъ.

— Ну, не хочешь, такъ и не будешь.

— А какъ же смѣлъ ты меня называть палачомъ?

— Эко важность какая: какъ смѣлъ? Антиресуются: что такого за нестраго чорта везешь? Я и сказалъ, что везу палача въ Кіевъ; за то же тебѣ вездѣ почтенье было, а меня отодрали.

Пеньковскій пожалъ плечами—и, быстро сбросивъ съ себя свои яркія шаровары, сказалъ намъ:

— Госнода, мы одурачены.

Мы согласились; но нашли, что все-таки Кириллъ досталось хуже всѣхъ, потому что у насъ пострадала репутація, а у него спина, отъ которой онъ жестоко кряхтѣлъ и нѣсколько дней не могъ разогнуться. Мы же съ своей стороны дали другъ другу слово, что эта исторія останется между нами. Нынѣ я впервые нарушаю это слово, но дѣлаю это, впрочемъ, съ совершенно покойной совѣстью, потому что оба лица, которымъ я обязался молчаніемъ, уже давно погибли отъ двухъ случайностей: Книшненко утонулъ въ рѣкѣ Сеймѣ, а погибель послѣдняго, т. е. Пеньковскаго, дѣло позднѣйшей эпохи; но маленькій Книшненко утонулъ на третій же день послѣ описаннаго королевецкаго событія—и утонулъ этотъ бѣдный ребенокъ неожиданно, весело и граціозно, какъ жилъ, но, однако, его смерть была для меня ужаснымъ, потрясающимъ событіемъ. Она дала мнѣ первый поводъ къ нѣскольکو рановременнымъ размышленіямъ о непрочности всего земнаго, и о тщетѣ и несбычивости самыхъ ближайшихъ надеждъ. Это сдѣлалось потомъ моею болѣзнию, которая мнѣ во многомъ вредила и во многомъ была полезна.

Кнышенко былъ добрый и очень нѣжный мальчикъ: онъ пламенно любилъ свою мать, говорилъ о ней съ восторгомъ и стремился къ ней съ какою-то болѣзненною страстностію. У него была тетрадка, въ которой онъ ежедневно зачеркивалъ дни разлуки — и, не зачеркнувъ только трехъ дней, разстался съ нею навѣки. Я видѣлъ въ этомъ злую насмѣлку рока.

Кнышенко умеръ такимъ образомъ: мы пріѣхали въ красивое мѣстечко Батурино, бывшую столицу Мазены, гдѣ есть развалины гетманскаго дома и опустѣлый дворецъ Разумовскаго. Объявивъ всѣ достопримѣчательности этого мѣстечка, мы, не смотря на позднее время года, вздумали сами половить въ рѣкѣ Сеймѣ здѣшнихъ знаменитыхъ раковъ. Раздѣвшись, мы спустились въ воду и стали шарить подъ корчами и береговыми уступами. Кнышенко при этомъ трунилъ надъ «катомъ» Пеньковскимъ, который оказывался чрезвычайно неловкимъ въ ловлѣ, между тѣмъ какъ Кнышенко оказывался очень ловокъ въ трунении — и такъ допекъ Пеньковскаго своими насмѣлками, что тотъ бросился на него съ поднятымъ кулакомъ. Кнышенко началъ отбивать его, поднимая въ лицо его тучу брызгъ и... вдругъ исчезъ въ облакѣ этихъ брызгъ и болѣе не показался. Онъ, вѣроятно, оступился и попалъ въ одинъ изъ глубокихъ, тишестыхъ омутковъ, которыхъ въ этой рѣкѣ чрезвычайно много; а можетъ-быть, съ нимъ случился ударъ, такъ какъ всѣ мы послѣ королевской оргіи все-таки были еще немножко пьяны.

Исторія эта надѣлала намъ множество тяжелыхъ и самыхъ неприятныхъ хлопотъ и продержала насъ въ Батурино около четырехъ сутокъ, пока утопленника достали, вскрыли и похоронили.

Въ эти дни мы, разумѣется, совсѣмъ протрезвились, и бѣдная душа моя, открывъ всю бездну своего глубокаго паденія, терзалась немилосердно. Въ гибели Кнышенко я видѣлъ несчастіе, которое ниспослано намъ въ наказаніе за наше безчинное поведеніе: за питье сладкой водки и наливковъ, и въ особенности за оскорбленіе нравственности вольнымъ обхожденіемъ съ королевскими ярмарочными красавицами. Разстроенные кутежами, первы мои помогли моему страданію, а вдобавокъ Кирилль въ это время вѣроятно вспомнилъ совѣты, данные ему въ Москвѣ, чтобы онъ по-

прижалъ насъ, — и вотъ онъ вздумалъ теперь воспользо-ваться сдѣланною намъ задержкою и, придравшись къ ней, потребовалъ съ насъ вознагражденія его убытковъ въ размѣрѣ цѣлыхъ ста рублей (разумѣется ассигнаціями).

Не знаю: какъ бы я отнесся къ такому нечестному и наглому требованію при другихъ обстоятельствахъ, но въ эту пору я былъ радъ всякой новой карѣ — и съ удовольствіемъ отдалъ всѣ свои деньги до послѣдней копейки, такъ что «кату» уже пришлось дополнить очень немного.

Въехали мы послѣ этого скучно: въ новозкѣ для насъ двухъ открылся просторъ, пользуясь которымъ Пенькновскій все силалъ въ-растяжку, а я вздыхалъ и размышлялъ о томъ, какъ поразить вѣсть о смерти Книженко его родителей, которые, вѣроятно, насъ встрѣтятъ въ Пѣжинѣ. Я часто плакалъ и молился, чтобы Богъ далъ мнѣ благодать слова, способнаго хотя немного облегчить скорбь бѣдныхъ родителей моего товарища. Я все подыскивалъ удобныхъ изреченій для выраженія той моей мысли, что ихъ сыну, можетъ-быть, совсѣмъ не худо, потому что мы не знаемъ, что такое смерть: можетъ-быть она вовсе не несчастіе, а счастье.

Впослѣдствіи, встрѣтивъ эту самую мысль у Сократа въ его отвѣтной рѣчи судьямъ, приговорившимъ его къ смерти, я былъ пораженъ: откуда могъ взять эту мысль я, будучи мальчикомъ и невѣждою. Но, тѣмъ не менѣе, какъ бы тамъ ни было, а *мы сошлись съ Сократомъ* въ то время, когда я зналъ о «великомъ старцѣ» только то, что, судя по видѣннымъ пѣкогда бюстамъ этого мудреца, онъ былъ очень некрасивъ и очевидно не имѣлъ военной выправки, безъ которой человѣку трудно держать себя съ достоинствомъ въ хорошемъ обществѣ.

Со мной происходилъ ужасно тяжелый нравственный переворотъ, достигшій, наконецъ, до такого экстаза, что я не видѣлъ средствъ оставаться въ живыхъ — никому не открывъ сей мрачной бездны моего паденія. Я хотѣлъ бы написать объ этомъ малушкѣ, но мнѣ показалось, что она, какъ близкое лицо, не перенесетъ всего ужаса, какимъ должна была объять ея чистую душу моя исповѣдь. Я рѣшилъ подождать пока пріѣду и тогда лично открыть матери снѣдающую меня скорбь, не иначе, какъ съ немедленнымъ же объѣтомъ посвятить всю мою остальную жизнь исправленію

моихъ недостоинствъ и загладить ихъ подвигами добра и самопожертвованія.

Подвиги—это была моя всегдашняя мечта; самоотреченіе и самопожертвованіе—это *идея*, въ которую болѣе или менѣе ясно отформировалось это упорное и педантичное мечтаніе.

Смѣшно; но тотъ сдѣлаетъ мнѣ большое одолженіе, кто не станетъ смѣяться надъ этими смѣшными порывами, такъ какъ я не знаю ничего лучше ихъ,—и горе тому, кто не вкушалъ сладостнаго желанія страданія за другихъ! Онъ не знаетъ лучшаго и чистѣйшаго удовольствія, какое возможно человѣку испытать на землѣ.

Но возвращаясь къ тогдашнимъ моимъ затрудненіямъ въ потребности исповѣди и въ обрѣтеніи благодатныхъ словъ, которыя могли бы облегчить скорбь родителей, потеряннаго сына.

Я этимъ былъ такъ занятъ, что, молясь о помощи свыше, началъ ощущать вблизи себя въ повозкѣ чье-то присутствіе,—присутствіе многихъ, очень многихъ существъ, которыя ѣхали со мною и понимали мои думы, въ глубочайшей тайнѣ хранимыя отъ моего возницы и оскверненнаго товарища.

Мы пріѣхали въ городокъ Борзну, на который теперь болѣе тоже не лежитъ главный путь къ Киеву. Эта Борзна—до жалости ничтожный и маленькій городокъ, при первомъ взглядѣ на который становится понятенъ крайній предѣлъ того, до чего можетъ быть мелка жизнь и глубока отчаянная скука. Не тоска,—чувство, тяжелое, но живое, сочное и подвижное, имѣющее свои фазы и переходы,—а сухая скука, раздражающая человѣка и побуждающая его дѣлать то, чего бы онъ ни за что не хотѣлъ сдѣлать.

Мнѣ казалось, что эта скука точно здѣсь виситъ въ воздухѣ: и не уснѣвъ я стать на ноги, какъ она уже охватила меня точно спрутъ или шивка и неодолимо начала присасываться къ моему сердцу. Я вышелъ за ворота постоялаго двора—и, взглянувъ на пустую площадь и на украшавшую ее тюрьму, ощутилъ неодолимую потребность бѣжать и скрыться. Мой извозчикъ, мой товарищъ, самая телѣга, въ которой я путешествовалъ,—были мнѣ противны, они служили мнѣ напомниманіемъ тягостныхъ и отвратительныхъ событій. У меня уже была *испорченная жизнь*—

и мнѣ хотѣлось оплакать и сбросить ее. Я увидалъ гдѣ-то за соломенными крышами стройные конусы зеленыхъ, въ рядѣ вытянутыхъ тополей — и бросился къ нимъ, надѣясь найти тутъ отдыхъ отъ сжимавшей мое сердце тоски, и я бѣжалъ не напрасно. Видѣнный мною деревья стояли въ рядѣ, окаймляя заборъ, за которымъ ютился довольно чистенькій домикъ съ надписью, возвѣщавшею, что здѣсь помѣщается городская больница.

Это было претихое мѣсто, какъ разъ идущее подъ стать тому, чего я искалъ. Между тополями и темнымъ заборомъ была довольно глубокая, заросшая травою канавка, въ которую я юркнулъ какъ хорь — и, упавъ на ее дно, легъ лицомъ ницъ къ землѣ и заплакалъ.

Я оплакивалъ свою *погибшую жизнь*, свое глубокое, нравственное паденіе, странно разстроившее мое воображеніе и нервы и доведшее меня до отчаянія, что я, сопричастясь безднѣ грязныхъ пороковъ, уже недостойнъ и не могу взглянуть въ свѣтлые глаза моей матери, — что я лишился себя права обнять ее и принять ее поцѣлуй на мое скверное лицо, которое дѣйствительно осунулось и жестоко измѣнилось. Это произошло отъ большого нравственного страданія и мукъ, которыя я испытывалъ, казня себя за всю развращенность, столь быстро усвоенную мною съ тѣхъ поръ, какъ я очутился на волѣ. Оплакивая въ канавѣ свое паденіе, я проникался духомъ смиренія: я иоризалъ свободу (и это такъ рано!) и жаждалъ какой-то сладкой неволи и тосковалъ о какомъ-то рабствѣ, — рабствѣ сладкомъ, добромъ, смирномъ, покорномъ и покойномъ, — словомъ: о рабствѣ пріязни и попечительной дружбы, которая бы потребовала отъ меня отчета и нанесла бы мнѣ заслуженные мною укоры, нанесла бы тономъ глубокимъ и сильнымъ, но такимъ, который бы нензбѣжно смягчался и открывалъ мнѣ будущее въ спокойномъ свѣтѣ. Но гдѣ же такой другъ, передъ которымъ бы я могъ подвергнуть себя такому сладостному самобичеванію? — Гдѣ? Великій Боже! Меня словно осыпало горячимъ пескомъ: какъ же я смѣю роптать, что у меня нѣтъ друга! Какъ могъ я въ эти минуты позабыть о ней, о той доброй сестрѣ моего тверского товарища, которая умѣла такъ ловко направить мою ошибку на вечеръ у ихъ отца и такъ великодушно меня обласкала и прислала мнѣ на дорогу книгу и пироговъ? Развѣ это еще не дружба, и

притомъ болѣе чѣмъ обыкновенная дружба — дружба съ женщиной!

О, какое это было сладостное воспоминаніе! Я почувствовалъ въ сердцѣ болѣзненно сладкій уколъ, который, подыскивая сравненіе, могу приравнять къ прикосновенію гальваническаго тока; свѣжая, и лучше бы хотѣлъ сказать: *глубая* молодая кровь ртутью пробѣжала по моимъ жиламъ, я почувствовалъ, что я люблю и по всей вѣроятности самъ взаимно любимъ... Иначе это не могло быть! Я вскочилъ на ноги, схватился руками за грудь и зашатался. Мнѣ показалось, что въ этой сорной канавѣ я какъ будто снова нашелъ мою потерянную чистоту,—и вотъ я, упершись руками въ края канавы, выскочилъ и бросился бѣжать со всѣхъ ногъ въ городъ. Здѣсь я купилъ въ лавкѣ бумаги и конвертъ и сѣлъ за столомъ въ кухнѣ писать письмо къ моей пафосской богинѣ, въ которой женщина для меня ни мало не затмевала божественный, мною созданный образъ; я любилъ ее, но не иначе, какъ смертный можетъ любить богиню,—и не предполагалъ, чтобы несомнѣнная ея любовь ко мнѣ имѣла другой характеръ, несоотвѣтствующій разницѣ нашихъ отношеній.

Я хотѣлъ бы слушать ее, но слушать какъ внушеніе; я хотѣлъ бы даже прикоснуться къ ней, но не иначе, какъ прикоснуться устами къ краю ея одежды.

То, что я танцевалъ съ нею, представлялось мнѣ ужаснымъ оскорбленіемъ ея величія—и я съ этого началъ мое весьма почтительное, но безмѣрно глупое письмо.

Совершая этотъ безумный поступокъ, я находилъ его прекраснымъ и не видалъ никакой неловкости въ томъ, что пишу въ неизвѣстный мигъ домъ, къ совершенно почти незнакомой мнѣ дѣвушкѣ.

Но тѣмъ хуже было для меня—но всемъ ужаснымъ послѣдствіямъ въ бреду совершеннаго поступка.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Письмо выходило чрезвычайно пространное и, какъ мнѣ тогда казалось, необыкновенно трогательное и задумчивое. Въ послѣднемъ, я думаю, я нимало не ошибался, потому что искреннѣе меня тогда не могла быть и сама отвлеченная искренность. Начавъ, какъ я сказалъ выше, съ того, что возвелъ Nathalie Волосатину въ санъ богини, я про-

силъ у нея прощенія въ томъ, что огорчилъ ее моею невоспитанностью, — и далѣе пространно описывалъ ей мое душевное состояніе и объяснялъ причины, отъ которыхъ оно произошло, т. е. я выисповѣдался, что пилъ вино и вообще *наль*; но, однако, по счастью, я еще какъ-то удержался — и скорбѣя о своемъ паденіи, ничего не открылъ насчетъ королевскихъ ярмарочныхъ дамъ подъ шатрами, а объяснялъ ужасъ и низость своего паденія эквивоками. Я просилъ сестру - Волосатина обдумать мое ужасное положеніе и примѣнить ея ибжность — если не ко мнѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ ея брату, моему товарищу, который по его лѣтамъ и неопытности могъ подвергнуться тѣмъ же искушеніямъ, какими былъ искушенъ и я, и потомъ подпасть подъ тѣ же муки раскаянія, какими я страдаю. Все, чего я хотѣлъ отъ нея для себя, я выпрашивалъ у нея для ея брата и потому считалъ его въ это время моимъ лучшимъ другомъ и такъ къ нему и относился въ письмѣ, которое передъ выѣздомъ своимъ изъ Борзны сдалъ на почту.

Но зачѣмъ я все это сдѣлалъ? Этотъ поздній вопросъ возникъ во мнѣ почти немедленно же послѣ того, какъ соломенные борзеньскія кровли утонули въ туманной чертѣ горизонта и я остался самъ со своими думами. Мало-помалу мною начали овладѣвать сомнѣнія: позволительно ли было съ моей стороны такое письменное обращеніе къ дѣвушкѣ, которую я видѣлъ всего одинъ вечеръ? Послѣ нѣкоторыхъ соображеній мнѣ начало казаться, что это не совсемъ позволительно, — и чѣмъ я болѣе размышлялъ, тѣмъ эта непозволительность становилась все яснѣе и возмутительнѣе. Къ тому же я теперь не могъ отвѣчать за каждое выраженіе моего письма, потому что хотя у меня и было черновое, но я, переписывая на-бѣло, кое-что измѣнилъ и — какъ мнѣ теперь казалось — во многихъ мѣстахъ весьма прозрачно обнаруживалъ свою возвышеннѣйшую любовь къ моей корреспонденткѣ. А что, если это письмо попадетъ кому-нибудь изъ ея семейныхъ, или она сама покажетъ его своему брату? О, какой стыдъ и ужасъ! Какъ они будутъ надо мной смѣяться? Или вдругъ *ея* отецъ напишетъ объ этомъ моей матери и, пожалуй, приложитъ въ подлинникъ мое письмо?.. Великій Господи! мнѣ показалось, что я этого не вынесу — и для спасенія своей чести мнѣ тогда по меньшей мѣрѣ должно будетъ застрѣлиться.

Я умолялъ Кирилла вернуться назадъ въ Борзну, съ тою цѣлю, чтобы выпросить у почтмейстера назадъ мое письмо; но Кирилль, сдѣлавшійся послѣ постигшей его подѣ Королевцемъ непріятности чрезвычайно мрачнымъ, не хотѣлъ меня слушать. Вообще теперь при выѣздѣ изъ городовъ онъ обнаруживалъ большую торопливость и безпокойство и ни за что не хотѣлъ остановиться; да къ тому же я и самъ скоро понялъ, что возвращеніе было бы теперь бесполезно, потому что я подалъ письмо передъ самымъ отправленіемъ почты, которая теперь мчитъ мое письмо на сѣверъ,—межъ тѣмъ, какъ я, злополучный, самъ неуклонно тянусь на югъ, гдѣ, однако, меня найдетъ и постигнетъ какое-то роковое и неотразимое послѣдствіе посланной корреспонденціи.

Никакая помощь, никакая поправка были невозможны,—и я, упавъ на дно тѣлги, сгоралъ со стыда и не видѣлъ никакого спасенія отъ неминуемаго позора, въ неотразимости котораго меня совершенно увѣрило мое безпокойное воображеніе.

Но, впрочемъ, какъ застрѣлиться мнѣ очень не хотѣлось, то я скоро занялся подыскиваніемъ другого подходящаго средства, обратясь къ которому, я только умеръ бы для людей, а для самого себя былъ бы живъ.

Передо мной мелькнулъ монастырь—и я счелъ эту мысль за благодѣтельное наитіе свыше.

«Что же,—думалъ я,—мнѣ дѣйствительно остается одно: скрыться навсегда въ стѣнахъ какого-нибудь монастыря и посвятить всю будущую мою жизнь искушенію безразсудствъ моей глупой молодости.»

Въ святой простотѣ ума и сердца, я, находясь въ преддверіи лабиринта, думалъ, что я уже прошелъ его и что мнѣ пора въ тотъ затонъ, куда я, какъ сказочный ерпій, попалъ, неходивъ всѣ океаны и рѣки и обивъ всѣ свои мышцы и перы въ борьбѣ съ волнами моря житейскаго. Я думалъ, что я дошелъ до края моихъ безразсудствъ, когда только еще начиналъ къ нимъ получать смутное влеченіе. Но какъ бы тамъ ни было, а желаніе мое удалиться отъ міра было непреложно—и я рѣшилъ немедленно же приводить его въ дѣйствіе.

«Постригусь,—думалъ я,—и тогда извѣщу матушку, что я уже не отъ міра сего, а причина этого навсегда останется моею глубокою тайною.»

Въ Итампѣ я убѣждалъ въ какой-то городской монастырь и потребовалъ, чтобы меня проводили къ настоятелю; но настоятель былъ въ отлучкѣ и въ его отсутствіи монастыремъ правилъ монахъ, котораго я назову отцомъ Діодоромъ.

Мнѣ было нѣкогда ждаты — и я потребовалъ, чтобы обо мнѣ доложили отцу Діодору; а самъ остался въ монастырскомъ дворикѣ. Я хотѣлъ избѣжать встрѣчи съ родными покойнаго Книженки, для которыхъ не выдумалъ никакого утѣшительнаго слова, потому что мою сократовскую мысль о томъ, что смерть, можетъ-быть, есть благо, всякій разъ перебивали слова переведенной на русскій языкъ греческой пѣсенки, которую мнѣ пѣвала матушка. Въ этой пѣсенѣ поется, какъ одинъ маленький мальчикъ освѣдомляется у матери: зачѣмъ она груститъ объ умершей его сестрицѣ, маленькой Зоѣ, которая, по собственнымъ же словамъ матери, теперь «уже въ лучшемъ мірѣ, гдѣ Вожы ангелы живутъ и ходять розовыя зори». И что же? Бѣдная мать, зная такіа хорошія слова утѣшенія для другихъ, сама не утѣшается ни свѣтомъ зорь, ни міромъ ангеловъ, и груститъ, что

У бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣткомъ и мотыльками
Забавляется она.

И чувствовалъ, что на такую грусть рѣшительно ничего не отвѣтишь, и бѣжалъ отъ разрывающей душу тоски. Потомъ, во-вторыхъ, я былъ увѣренъ въ живой для себя потребности бесѣды съ духовнымъ лицомъ насчетъ своего намѣренія поступить въ монастырь.

Но представьте же себѣ, что случилось здѣсь съ этимъ моимъ намѣреніемъ! Холодный осенній вѣтеръ, юлою вертѣвшійся на небольшомъ монастырскомъ дворѣ, привелъ меня въ отвратительнѣйшее безпокойное состояніе. Невольно наблюдая мятущееся безпокойство въ келій, и проникалъ моимъ воображеніемъ внутрь ихъ и убѣждался, что здѣсь вездѣ непокой и смятеніе. — что за всякою этой стѣною, передъ каждою трепещущею лампадой трепещеть, мятется и ноетъ человѣческій духъ, подражая смятенію, вою и досаждающему нуму этого вѣтра.

Отцу Діодору было лучше бы не принимать меня, но

обстоятельства такъ благопріятствовали моему ходатайству, что я былъ допущенъ въ очень большую и довольно хорошо убранную келью, гдѣ во второй — слѣдовавшей за залой — комнатѣ увидаль на диванѣ свѣжаго, здороваго и очень полного грека, въ черной полубархатной рясѣ съ желтымъ фуляровымъ подбоемъ и съ глазами яркими, какъ всприснутыя прованскимъ масломъ маслинны. Передъ почтеннымъ инокомъ стояла старинная бронзовая чернильница и такой же бронзовый колокольчикъ, а сбоку его въ креслѣ сидѣла розовая дама, передъ которою на столѣ были разставлены четыре тарелки, изъ коихъ на одной были фиги, на другой фундуки, на третьей розовый рахатъ-лукумъ, а на четвертой какое-то миндальное печенье и рюмка съ санторинскимъ виномъ, распространявшимъ по комнатѣ свой непріятный аптечный запахъ.

Эта обстановка немножко не совсѣмъ шла подъ стать моему аскетическому настроенію, для собесѣдованія о которомъ я сюда явился.

Отецъ Діодоръ (это былъ онъ), встрѣти меня, показавъ на кресло *vis-à-vis* съ угощавшейся у него дамой и спросилъ меня съ сильнымъ греческимъ акцентомъ, что мнѣ отъ него нужно.

Я весьма не смѣло объяснилъ съ замѣшательствомъ зачѣмъ пришелъ. Инокъ слушалъ меня, какъ мнѣ показалось съ первыхъ же моихъ словъ, безъ всякаго вниманія, и во все время — пока я разъяснялъ мрачное настроеніе души моей, требующей уединенія и покоя, — молча подвигалъ то одну, то другую тарелку къ своей гостьѣ, которая была гораздо внимательнѣе къ моему горю: она не сводила съ меня глазъ, преглуно улыбаясь и чавкая крахмалистый рахатъ-лукумъ, который липъ къ ея розовымъ деснамъ.

Когда рѣчь моя была кончена, великолѣпный отецъ Діодоръ позволилъ въ колокольчикъ и велѣлъ вошедшему служкѣ подать «цаскумъ на кофе».

— Съ молѣкомъ, или безъ молѣкомъ? — спросилъ молодой вертлявый греческій служка.

— Безъ никому, — отвѣчалъ иннокъ Діодоръ и опять началъ угощать свою гостью, не обращая никакого вниманія ни на самого меня, ни на мои остающіеся безъ разрѣшенія вопросы, о которыхъ я и самъ въ эти минуты пересталъ думать и разсуждать: зачѣмъ эти два грека говорятъ

между собою по-русски, когда имъ очевидно гораздо удобнѣе было бы объясняться по-гречески?

Межь тѣмъ служка подалъ чашку кофе и графинчикъ рому, выразившій собою какъ видно то «безъ никому», о которомъ сказала ему монахъ.

Я кофе выпилъ, но отъ рому отказался, несмотря на то, что меня имъ сильно потчивали и самъ отецъ Діодоръ, и его гостья, говорившая очень мягкимъ добрымъ голосомъ на чистомъ малороссійскомъ нарѣчїи, которое мнѣ очень нравилось всегда и правится понынѣ. Но мнѣ нужно было не угощеніе, а отвѣтъ на мои скорбящїе запросы, — а его-то и не было. Монахъ и дама молчали, я ждалъ отвѣта— и ждалъ его втуне. Тогда я рѣшился повторить свой вопросъ и предложилъ его въ прямой формѣ, требующей прямого же отвѣта.

— Это вы надо прежде спросить съ панинькомъ, съ маминькомъ.

Я сказалъ, что мой отецъ уже умеръ.

— Спросить съ маминькомъ,— отвѣчала отецъ Діодоръ и сейчасъ же вышелъ въ другую комнату, откуда, впрочемъ, черезъ минуту снова появился и пригласилъ туда и меня, и свою даму.

Здѣсь намъ открылся довольно хорошо сервированный столъ, уставленный разными вкусными блюдами, между которыми я обратилъ особенное вниманіе на жареную курицу, начиненную густой манной кашей, яйцами и изюмомъ. Она мнѣ очень понравилась—и я непритворно оказалъ ей усердную честь, запивая по настоянїю хозяйина каждый кусокъ то сладкимъ люцелемъ, то санторинскимъ, которое мало-помалу все теряло свой вначалѣ столь непрїятный для меня запахъ, а подъ конецъ даже начало мнѣ очень нравиться.

Я приходилъ въ прекрасное настроеніе духа, совсѣмъ не похожее на то, въ какомъ я явился въ греческую обитель,— и замѣчать, что то же самое происходило и съ моимъ хозяиномъ, который сначала молчалъ и какъ будто тяготился мною, а теперь сдѣлался очень привѣтливъ и даже очень говорливъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Достопочтенный отецъ Діодоръ вообще очень плохо выражался по-русски, но говорилъ охотно. Подыскивая слова,

онъ въ интервалахъ причмокивалъ и присасывалъ, сластилъ глазами, помогалъ себѣ мимическими движеніями лица и изображалъ руками все то, что, по его мнѣнію, было недостаточно ясно выражено его словомъ.

— Ицю, ицю, ицю,—зачмокалъ онъ вдругъ, самъ начиная говорить о моемъ желаніи поуступить въ монастырь,—желаніи, которое онъ ни одобрилъ, ни порицалъ, но проводилъ ту мысль, что мнѣ въ монастырь собираться рано: что прежде надо «всего испитать». «Всего, ицю, ицю, ицю, всего, всего», смаковалъ онъ, показывая руками во всѣ стороны.

Присутствовавшая при этомъ гостыя, однако, улыбаясь, замѣтила, что если все испитать, то тогда, пожалуй, въ монастырь «и не захочется»; но отецъ Діодоръ утверждалъ, что человѣку есть опредѣленіе, котораго онъ никакъ не избѣгнетъ, и при этомъ ставилъ себя въ примѣръ. Онъ разсказалъ слѣдующее.

— Насъ было цетыре братья,—началъ онъ:—и ми всѣ, всѣ какъ есть, послаи на царскій слузба и били вонны. Старсій братъ Костаки посолъ митосъ иѣхотосъ ицицю... вотъ такъ! (монахъ, сжавъ кулакъ, выпустилъ средній и указательный пальцы, промаршировалъ ими по столу и опять произнесъ: «вотъ такъ»). Этимъ онъ наглядно изобразилъ, что такое иѣхота, и потомъ продолжалъ): Другой братъ Дмитраки посолъ въ кавалерія (при чемъ отецъ Діодоръ посадилъ два пальца своей правой руки на указательный лѣвой—и, сдѣлавъ на нихъ маленькій объѣздъ вокругъ тарелки, пояснилъ: «вотъ такъ, кавалерія»). Затѣмъ снова разсказъ): третій Мануэлѣсъ посолъ митосъ артилеріосъ (при этомъ правый кулакъ отца Діодора быстро вскопчилъ на лѣвый и поѣхалъ на немъ по столу, какъ на лафетѣ, а третій палецъ онъ выставилъ впередъ и очень наглядно изобразилъ имъ сидящую на лафетѣ пушку). Пуски, пуски!—заговорилъ, указывая на этотъ палецъ, отецъ Діодоръ:—вотъ такъ: пуски!—И вслѣдъ за симъ онъ, весь сугубо оживившись, воскликнулъ:—а я, самый маленькій, самый мизинчикъ, посолъ митосъ флѣтосъ,—вотъ такъ.

Тутъ разсказчикъ эффектно положилъ кисть одной руки на другую, такъ что большіе пальцы приходились съ двухъ противоположныхъ сторонъ—и, подвигая ладонями по воздуху, гребъ большими пальцами точно веслами и приговаривалъ:

— Флётъ, вотъ такъ: флётъ! И,—продолжалъ Діодоръ:— когда я просоль насквозь весь цѣлый свѣтъ, то у меня были все разные ордены и кресты, даже съ этой сторона (онъ указалъ рукою отъ одного своего плеча на другое), и одна самая большая крестъ не умѣстился и тутъ повисъ,— заключилъ онъ, показавъ, что орденскій крестъ, для котораго уже не было мѣста у него на груди, кое-какъ долженъ былъ помѣститься на шеѣ.

Но не смотря на всю эту массу, почтенный отецъ Діодоръ, однако, пошалъ въ монахи и указывалъ мнѣ на это, какъ на знакъ воли Промысла, а потомъ пошелъ еще храбрѣе и храбрѣе: онъ рассказывалъ намъ о храбрости давнихъ и недавнихъ греческихъ грековъ въ родѣ Колокотрони, Вотцариса и Вобелины, а отъ нихъ непосредственно переносился къ нашему балаклавскому баталіону, героизмъ котораго выходитъ еще грандіознѣе.

— О, наша балаклавской баталіонъ, великая баталіонъ, она никому не снигался,—восторженно говорилъ Діодоръ и при этомъ рассказаль, что будто бы этотъ славный баталіонъ греческихъ героевъ когда-то однажды на смотру одному лицу показаль, что такое значитъ греки. Это было такъ, что будто бы лицо, осматривая разные войска, привѣтствовало всѣхъ словами: «здорово, ребята!» и всѣ русскія войска на это привѣтствіе, конечно, отвѣчали радостнымъ крикомъ: «здравія желаемъ, вашество». Но когда лицо крикнуло то же «здорово, ребята» баталіону, то греки будто только посмотрѣли одинъ на другого, почмокали и, покачавъ головами, перешепнулись: «Что мы за ребята? мы греки, а не ребята», и промолчали. Видя это, начальникъ снова повторилъ: «здорово, ребята», но мудрые греки снова переглянулись и снова нашли, что они не ребята, и потому опять не откликнулись. Тогда будто бы начальникъ этотъ «билъ не глухой въ своя голова» и, догадавшись, сказалъ «зласковымъ» голосомъ:

— Калисперось, греки!

А тѣ вдругъ, какъ одинъ полозили:

— Калякалитрумъ, вашество! такъ вотъ что значитъ греческій целовѣкъ! Греческій целовѣкъ самая умный целовѣкъ! — похваливалъ мнѣ своихъ соотчичей подгулявший отецъ Діодоръ—и я не знаю, про какія бы еще греческія чудеса онъ мнѣ не рассказаль, если бы служба не доложилъ,

что къ монастырю подѣхала наша повозка и мои спутники зовутъ меня ѣхать.

Въ самомъ дѣлѣ на дворѣ уже вечерѣло, и я простился съ хлѣбосольнымъ Дюдоромъ и уѣхалъ, напутствованный его благословеніемъ, просфорою, бутылкою санторинскаго вина и увѣреніемъ, что всякому человѣку положенъ свой предѣлъ, котораго онъ не обѣжить.

— Если будетъ предѣлъ, то и зенисы и будетъ у тебя орденъ съ эта сторона до эта сторона, а одна не помѣстится и тутъ на шеѣ повиснетъ, а все черный клубокъ попадешь,—увѣрялъ онъ меня напоследкахъ, и увѣрялъ, какъ я теперь вижу, чрезвычайно прозорливо и обстоятельно; но тогда я его словамъ не повѣрилъ и самого его счелъ не за что иное, какъ за гуляку, понавнаго не на свое мѣсто.

Полагаю, что причина подобнаго легкомыслія съ моей стороны должна была заключаться въ крайней сжатости и небрежности преподаванія священной исторіи въ нашемъ корпусѣ.

Но въ тѣ юные годы и при тогдашней моей невѣжественности и неопытности я ничего этого не понималъ, и пророчества отца Дюдора пустилъ по вѣтру вмѣстѣ со всѣми его нескладными разказами о его братьяхъ, отличавшихся въ вѣхотѣ, при пускахъ и во флотѣ, и о всей греческой храбрости, и о находчивой политичности знаменитаго, но уже болѣе несущаго въ Россіи греческаго балаклавскаго баталіона.

Но какъ бы то ни было, внутренній голосъ внутренняго чувства обманулъ меня уже два раза: разъ въ канавѣ, когда я почувствовалъ возрожденіе къ новой жизни и тотчасъ же сдѣлалъ новую глуность, написалъ письмо въ Тверь, — второй разъ теперь въ монастырѣ, гдѣ я мечталъ встрѣтить успокоеніе и нашелъ рахатъ-лукумъ и прочее, что мною описано.

— Гдѣ же, гдѣ же покой?—допрашивалъ я себя, доканчивая свое путешествіе грустный и унылый. Я былъ въ отчаяніи, что только лишь ѣдучи къ мѣсту своего назначенія я уже перепортилъ всю свою жизнь: я находилъ, что эта жизнь жестоко меня обманула; что я не нашелъ въ ней и ужъ, конечно, не найду той правды и того добра, для которыхъ считалъ себя призваннымъ. Я боялся какъ бы послѣ всего этого мнѣ не довелось еще открыть, что и

мать моя, можетъ-быть, не соведѣтъ такое глубокое и возвышенно-благородное созданіе, какимъ я себя ее воображалъ. По мѣрѣ своего собственнаго паденія я все болѣе и болѣе раздражался и дѣлался мизантропомъ. Въ этомъ лежалъ задатокъ моего спасенія.

Природа моя требовала реакціи, по возбужденіе ея должно было прійти откуда-то извнѣ.

Въ такомъ именно состояніи былъ я, когда увидѣлъ блестящій крестъ кіевской печерской лавры и велѣды за тѣмъ передо мною открылись кіевскія высоты со всею чудною нагорною панорамою этого живописнаго города. Я съ жадностію обозрѣвалъ это мѣстоположеніе и находилъ, что братья Кій, Щекъ и Хоревъ обладали гораздо болѣе совершеннымъ вкусомъ, чѣмъ основатель Москвы бояринъ Кучка и закладчики многихъ другихъ великорусскихъ городовъ. При самомъ первомъ взглядѣ на Кіевъ дѣлается понятно, почему святые отшельники нашей земли избирали именно это мѣсто для перехода съ него въ высшія обители. Кіево-печерская вершина — это русская ступень на небо. Здѣсь, у подножія этихъ горъ, изрытыхъ древле-русскими христіанскими подвижниками, всякій человѣкъ, какъ у подножья Сіона, становится хоть на минуту вѣрующимъ; необходимость глядѣть вдаль и вверху на эти уносящіеся подъ небо красоты будить душу — и у нея, какъ у отогрѣвающейся на подъемѣ орла, обновляются крылья.

Сухменная философія моя развѣялась подъ свѣжимъ вѣтромъ, которымъ насъ охватило на дигирировскомъ паромѣ, и я вступилъ на кіевскій берегъ Дигиры юношею и сыномъ моея родины и моея доброй матери, которую такъ долго не видалъ, о которой нѣкогда столь сильно тосковалъ и грустилъ и къ ногамъ которой горѣлъ петербургіемъ теперь броситься, и, обнявъ ихъ, хоть умереть подъ ея покровомъ и при ея благословеніи.

Я не замѣчалъ, въ какомъ состояніи находились мой Кирилль и мой товарищъ въ то время, когда мы проѣзжали низкія арки крѣпостныхъ воротъ, и самъ себя не помню какъ благодаря Кирилиной расторопности и толковитости, мы остановились у одного низенькаго домика, на окнахъ котораго я увидалъ въ тамбурѣ визанія бѣлыя шторы, какія любила по вечерамъ дѣлать моя матушка, а за ними вдали на противоположной стѣнѣ въ скромной черной рамѣ

давно знакомую мнѣ гравюру, изображавшую Фридриха Великаго съ его штабомъ.

Не было никакого сомнѣнiя, что здѣсь, именно здѣсь, живетъ моя прелестная мать.

Я взвизнулъ, затрясся и, свалившись съ тѣлѣги, бросился къ низенькимъ желтымъ дверямъ, но онѣ были заперты. Еле держась на дрожавшихъ ногахъ, я сталъ отчаянно стучать въ нихъ и... мнѣ сначала показалось въ ближайшемъ окнѣ блѣдное, какъ бы испуганное лицо; затѣмъ послышался шумъ, за дверью пронеслись быстрые легкіе шаги, задвижка щелкнула — и я упалъ на грудь высокой доброй старушки, черты которой только могли напомнить мою мать.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Я не помню, какъ исчезли съ моихъ глазъ Кириаль и мой Пеньковскій,—но они во всякомъ случаѣ сдѣлали это какъ-то такъ хорошо и деликатно, что ни одной минуты не помѣшали мнѣ любоваться священными чертами лица моей несомнѣнно-постарѣвшей матери.

Тому, кто не зналъ ее шесть лѣтъ назадъ, въ ея нынѣшнемъ благородномъ, полномъ возвышеннѣйшаго выраженiя лицѣ все-таки было бы трудно угадать ту очаровательную, неземную красавицу, какою она была въ роковой годъ смерти отца. Нѣжно-прозрачное лицо ея теперь было желто—и его робко оживлялъ лихорадочный румянецъ, вызванный тревогою чувствъ, возбужденныхъ моимъ прибытiемъ; злато-кудрые ея волосы, какихъ я не видалъ ни у кого кромѣ путевого ангела Товiн, на картинѣ Ари Шефера,—волосы легкіе, нѣжные и въ то же время какіе-то смиренномудрые, подернулись сѣдиною, которая покрыла ихъ точно прозрачною дымкой; они были по-старому зачесаны въ локоны, но этихъ локоновъ было уже не много,—они уже не волновались вокругъ всей головы, какъ это было встарь, а только напоминали прежнюю прическу спереди, вокругъ висковъ и лба, межъ тѣмъ какъ всю остальную часть головы покрывала черная кружевная косынка, красиво завязанная двумя широкими лонастями у подбородка. Ростъ и фигура, превосходной формы руки и строгiй поставъ головы на античной, слегка лишь пожелтѣвшей шеѣ—были все тѣ же; но губы поблѣднѣли, и въ голубыхъ,

полныхъ ласки и привѣта, глазахъ блуждалъ какой-то трепетный огонь.

Не своди глазъ съ матушкинаго лица, я созерцалъ ее въ безмолвномъ благоговѣннн, стоя передъ нею на колѣняхъ и держа въ своихъ рукахъ ея руки. Матушка сидѣла въ креслѣ и также молча смотрѣла то на меня, то на небольшой акварельный портретъ, который стоялъ возлѣ нея на крышкѣ ея открытой рабочей шкатулки.

Это былъ портретъ моего покойнаго отца, на котораго я теперь былъ поразительно похожъ, и хотя въ этомъ обстоятельстве не было ничего удивительнаго, но матушка была этимъ видимо сильно занята. Высвободивъ изъ моихъ рукъ свои руки, она въ одну изъ нихъ взяла этотъ портретъ, а другою приподняла волосъ съ моего лба — и, еще пристальнѣе взглянувъ мнѣ въ лицо, отодвинулась и прошептала:

— Какое полное повтореніе во всемъ!

Въ этомъ восклицаннн мнѣ послышалось что-то болѣзненное, что-то такое, чему мать моя, какъ будто, въ одно и то же время и радовалась, и ужасалась. Она, должно-быть, и сама это замѣтила и, вѣроятно, почти неумѣстнымъ обнаруженіе передо мною подобнаго чувства, тотчасъ же подавила его въ себѣ — и, придавъ своему лицу простое выраженіе, договорила съ улыбкою:

— Если замѣнить этотъ пушокъ на твоей губѣ густыми усами, бросить нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ голову и немножко постарить лицо, ты былъ бы настоящій двойникъ твоего отца. Это обѣщать, что ты будешь имѣть недурную наружность.

Желая блеснуть умомъ и серьезностью, я кашлянулъ и хотѣлъ сказать, что наружность не много значить; но матушка точно прочла мою мысль и отвѣтила на нее, продолжая рѣчь свою:

— Хорошая форма имѣеть много привлекательнаго, — сказала она: — въ хорошей формѣ надо стараться имѣть и хорошее содержаніе, — иначе она красивая надпись на дурномъ товарѣ. Ты, впрочемъ, очень счастливъ — равно испыталъ несчастье: я увѣрена, что оно дало тебѣ хорошій урокъ.

Это меня ужасно тронуло, и я еще жарче припалъ къ матушкинымъ рукамъ и на нихъ изъ глазъ моихъ полились обильныя слезы.

— Ты не плачь,—продолжала матушка нѣжнымъ и ласковымъ, но какъ будто нѣсколько дѣловымъ тономъ: — тебѣ теперь нужны не слезы, а душевная бодрость. Ты лишенъ самаго величайшаго блага — правильнаго образованія, но Богъ милосердъ: можетъ-быть, мы не только ничего не потеряемъ, а даже выиграемъ. А о томъ, что ты потерялъ нѣсколько правъ или служебныхъ привилегій—не стоить и думать. Все дѣло въ облагороженіи чувствъ и просвѣщеніи ума и сердца, чего мы съ тобою и станемъ достигать, сынъ мой, и въ чемъ намъ, надѣюсь, никто не помѣшаетъ.

Я вздрогнулъ: это были почти тѣ же самыя слова, какія я слышалъ въ Твери отъ сестры Волосатина, которой я написалъ и послалъ свое глупое письмо. Ненавистное воспоминаніе объ этомъ письмѣ снова бросило меня въ краску, и я, продолжая стоять съ поникшею головою передъ моею матерью, долженъ былъ дѣлать надъ собою усиліе, чтобы понимать ея—сначала безъ всякаго труда до глубины души моей проникшия—рѣчи.

А матушка все продолжала ласкать меня своею рукою по лицу и по головѣ—и въ то же время излагала мнѣ, что ея уже предпринято для того, чтобы прерванное образованіе мое не остановилось на этомъ перерывѣ, и что она еще намѣрена сдѣлать въ этихъ же цѣляхъ. Передо мною открывался обширный и обстоятельно обдуманый планъ, который показывалъ мнѣ, что я жестоко ошибался, почитая себя уже совсѣмъ вырвавшимся на волю,—и въ то же самое время этотъ планъ знакомилъ меня съ такою стороною ума и характера моей матери, какихъ я не видалъ до сихъ поръ ни въ одномъ чловѣкѣ и уже никакъ не подозревалъ въ моей маман, при мечтахъ и размышленіяхъ о которой передо мною до сихъ поръ обыкновенно стояли только нѣжная заботливость и доброта. Вдучи къ ней изъ корпуса, я хотя и не былъ намѣренъ отвергать ея материнскаго авторитета, но все-таки въ сокровеннѣйшихъ своихъ мечтахъ я лелѣялъ мысль, что мы съ нею встрѣтимся и станемъ жить на равной ногѣ, даже пожалуй съ нѣкоторымъ перевѣсомъ на мою сторону, такъ какъ я *мужчина*. Теперь на дѣлѣ, на первыхъ же порахъ, выходило совсѣмъ другое: я видѣлъ, что я еще мальчишкѣ, судьбою котораго намѣрена властно распоряжаться хотя очень добрая и по-нечителная, но въ то же время поуклонно-твердая воля.

Матушка сообщила мнѣ, что, прѣхавъ мѣсяць тому назадъ въ Кіевъ, она уже устроила, что дядя дастъ мнѣ мѣсто въ своей канцеляріи, но что это мѣсто будетъ, разумѣется, самое незначительное и по многимъ обязанностямъ, и по вознагражденію, которое я буду получать за мою службу.

— Но это и справедливо, и прекрасно, — говорила она, поднявъ меня съ полу и занявшись приготовленіемъ для меня чая изъ чистенькаго томпаковаго походнаго самовара моего отца — самовара, который я очень хорошо помню и который теперь принесла очень опрятно одѣтая пожилая женщина въ темномъ платьѣ и въ бѣломъ чепцѣ. — Это *справедливо*, — продолжала матушка: — потому что ты, не будучи подготовленъ ни къ какой полезной дѣятельности, не можешь претендовать на лучшія мѣста, которыя должны принадлежать достойнѣйшимъ; и это *прекрасно*, потому что при незначительныхъ обязанностяхъ по службѣ у тебя будетъ оставаться много времени на полезныя занятія для обогащенія свѣдѣніями твоего ума и развитія твоего сердца.

Въ способахъ достиженія этого развитія и обогащенія матушка явилась такою же основательною, какъ и во всемъ томъ, что я отъ нея уже слышалъ. Усадивъ меня сбоку отъ себя за столъ, къ корзинкѣ съ булками и стакану чаю, она сообщила мнѣ, что, уладивъ мое поступленіе на службу (къ чему я былъ обязанъ при моемъ исключеніи изъ корпуса), она обратилась къ свѣдущимъ людямъ, съ помощью которыхъ такъ же тихо и благонадежно устроила для меня возможность заниматься науками. Она сказала мнѣ, что и самый городъ Кіевъ она выбрала для нашего житія, во-первыхъ, потому, что не хотѣла, чтобы я проводилъ юность между чужеземнымъ населеніемъ въ Лифляндіи, которая хотя и была ея родной, но для меня не годится. Матушка высказала, что, будучи сыномъ русскаго человѣка, я долженъ взрасти и воспитаться въ преданіяхъ и симпатіяхъ русскаго края; а потомъ она указала вторую причину выбора Кіева: эта причина заключалась въ томъ, что здѣсь есть университетъ, который она назвала источникомъ свѣта, проливающимъ свои лучи на все, что становится въ возможной къ нему близости.

Я все это слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя и не совсѣмъ ясно понималъ, какое просвѣтительное вліяніе можетъ имѣть университетъ чрезъ одно пребываніе съ

нимъ въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ... Но матушка и это точно сейчасъ же прозрѣла и какъ бы въ скобкахъ разъяснила мнѣ распространеніе въ обществѣ добрыхъ и высокихъ идей посредствомъ обращенія съ просвѣщенными людьми, руководящими образованіемъ университетскаго юношества.

Меня поражала и эта простота и ясность ея взгляда, и ея спокойное *savoir faire*, съ которымъ она все располагала, какъ будто играла по нотамъ. Особенно же меня удивила ея прозорливость, съ какою она словно читала въ умѣ моемъ и тотчасъ сгнѣшила разъяснить все, что мнѣ было неясно. Но чтѣ всего болѣе на меня дѣйствовало — и дѣйствовало благотворнѣйшимъ образомъ — это опредѣленность ея сужденій, полныхъ, точныхъ, основательныхъ, такъ что къ нимъ не нужно было просить у нея никакихъ прибавленій, точно такъ же, какъ отъ нихъ ничего нельзя было бы отнять безъ ущерба ихъ полнотѣ и положительности.

Самыя мельчайшія детали составленнаго ею для меня плана уложены были въ такой незыблемый кодексъ, что совершеннѣе его въ этомъ родѣ уже, кажется, ничего нельзя было придумать.

Да простить мнѣ читатель (если таковой будетъ у моихъ записокъ), да простить онъ мнѣ, что я ниже этихъ строкъ сейчасъ приведу въ дословномъ изложеніи разговоръ, послѣдовавшій между мною и моею матерью.

Нѣтъ нужды, что въ немъ не будетъ эффектныхъ *crescendo* и *forto*, а все просто и плавно, какъ безстрастный діалогъ. Я его упомянулъ весь, отъ слова до слова, въ теченіе очень многихъ лѣтъ, а это несомнѣнное ручательство, что въ немъ есть *тычто* способное врѣзаться въ память.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

— Ты будешь спать вотъ тамъ,—сказала матушка, указавъ мнѣ на небольшую комнату влѣво отъ гостиной, гдѣ мы пили чай:—а вотъ здѣсь направо—точно такая же моя комната. Тутъ все наше помѣщеніе, какимъ мы можемъ располагать, и намъ большаго не нужно,—милліоны людей, гораздо болѣе насъ имѣющіе права на большія удобства, лишены и такихъ. Это очень жалко, но пособить этому не

въ нашихъ силахъ, а притомъ же это, вѣрно, такъ нужно, или такъ угодно Богу.

Она при этомъ слегка наморщила свой античный лобъ и подавила вздохъ, который свидѣтельствовалъ, что она искренно смущается тѣмъ, что у нея съ сыномъ есть для двоихъ три комнаты, между тѣмъ какъ у другихъ, болѣе насъ достойныхъ,—этого нѣтъ.

Затѣмъ она продолжала:

— Сегодня ты отдохнешь отъ дороги, и мы кое-куда сходимъ: не въ люди, а въ церковь, гдѣ ты долженъ помолиться за своего отца и попросить себѣ благословенія на твои начинанія; потомъ я тебѣ покажу городъ, который имѣеть очень много интересныхъ мѣстъ и прекрасныхъ видовъ. Позже передъ вечеромъ къ намъ придетъ одинъ мой новый другъ, профессоръ духовной академіи Иванъ Ивановичъ Альтапскій;—это очень умный, скромный и честный человѣкъ, при которомъ я прошу тебя держать себя въ разговорахъ скромно и разсудительно. Лучше всего говори меньше и больше слушай его: это самое умное правило, сохраняющій которое никогда не кается. Въ десять часовъ Иванъ Ивановичъ отъ насъ уйдетъ: онъ очень аккуратенъ и это его часъ; а онъ такъ благоразуменъ, что не отступитъ безъ нужды отъ своихъ правилъ. Нынче мы, ради дна твоего прѣзда, позволили себѣ полѣниться, а съ завтрашняго дня и мы будемъ подражать доброму примѣру Ивана Ивановича и начнемъ блюсти свое правило. Мы будемъ вставать не очень рано—не рѣже семи часовъ. Это вовсе не обременительно, а напротивъ даже здорово, да и ты, я думаю, точно такъ же вставалъ и въ корпусѣ?

— Да-съ, папан,—отвѣчалъ я, кашлянувъ, и эти почти первыя слова, произнесенныя мною въ домѣ моей матери, прозвучали такъ младенчески робко, что я даже сконфузился дѣтскою интонаціею, съ которою ихъ выговорилъ, и слова откашлялся, стараясь показать, что ребячливость моего голоса произошла отъ случайности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и освѣжить гортань на случай умѣстнаго произнесенія новаго слова.

— Вотъ и прекрасно,—продолжала мать:—значитъ, вставанье въ семь часовъ не будетъ для тебя обременительно?

— Нисколько, папан.

— Въ полчаса ты окончишь свой туалетъ...

— О, маман, даже гораздо скорѣе.

— Въ излишней поспѣшности нѣтъ нужды, да и въ ней мало толку. Нужно дѣлать все въ свое время, тогда у человека достанетъ времени все сдѣлать умно и спокойно. Въ половинѣ восьмого мы, стоя вмѣстѣ, прочтемъ главу изъ нѣмецкой библии. Это моя вседневная лютеранская привычка съ дѣтства, которую я удержала и принявъ православіе. Къ тому же это будетъ тебѣ нѣкоторою практикою въ нѣмецкомъ языкѣ, который ты долженъ знать какъ изъ уваженія къ національности твоей матери, такъ и потому, что онъ имѣетъ обширную и едва ли не лучшую литературу...

— Но, маман, — перебилъ я, покраснѣвъ отъ своей смѣлости: — развѣ вы православная? (Я зналъ, что мать моя при жизни отца была лютеранкой — и дѣйствительно очень изумился, когда она упомянула вскользь о своемъ православіи).

— Да, — отвѣчала матушка: — Богъ одинъ и христіанство полно и совершенно въ ученіи всѣхъ церквей, — но крайней мѣрѣ, я имѣю такое мнѣніе объ этомъ предметѣ, — но я нашла, что матери все-таки гораздо удобнѣе исповѣдывать ту вѣру, въ ученіи которой она должна воспитать своихъ дѣтей. Я православная потому, что такимъ долженъ быть ты. Но это мое дѣло, а мы будемъ знакомиться съ нашимъ уставомъ, которому я положила слѣдовать. Окончивъ чтеніе библии, мы будемъ пить нашъ чай; потомъ девятый часъ пройдетъ въ занятіяхъ греческимъ языкомъ, который очень интересенъ и изученіе котораго тебя, конечно, чрезвычайно займетъ. Отъ девяти до десяти мы будемъ заниматься исторіей, — я хочу провѣрить твои знанія, и за этимъ же легкимъ предметомъ ты немножко отдохнешь отъ перваго урока. Затѣмъ одиннадцатый часъ отдадимъ латинскому языку и потомъ будемъ завтракать, послѣ чего ты будешь ходить на службу. Что ты тамъ будешь дѣлать въ канцеляріи — я этого, конечно, не знаю, но старайся, разумѣется, все, что тебѣ поручатъ, дѣлать усердно и аккуратно. Я думаю, что ты будешь просто переписывать какія-нибудь бумаги. Ничего, не пренебрегай и этимъ; все, что человекъ себѣ усвоилъ, ему на что-нибудь пригодится, особенно же тебѣ практика въ письмѣ можетъ быть очень полезна. Сколько я могла замѣтить по твоимъ письмамъ, у

тебя довольно неразборчивый почеркъ, а это очень дурно и невѣжливо: благовоспитанный человекъ всегда долженъ писать такъ, чтобы чтеніе его письма не затрудняло читающаго. Или ты, можетъ-быть, только ко мнѣ такъ небрежно писалъ?

— Мама, какъ вы это можете думать?!

— Цѣтъ, я этого и не думаю, а я только проверяю тебя. Извини меня: вѣдь давно не видались. Но я продолжаю: въ три часа ты будешь возвращаться — и это будетъ часть нашего обѣда; потомъ ты имѣешь цѣлый часъ въ твое собственное распоряженіе. Въ пять часовъ будетъ приходиться Иванъ Ивановичъ, и у васъ съ нимъ начнется урокъ по математикѣ и по всемъ другимъ наукамъ, въ которыхъ я не могу быть тебѣ полезна. По его словамъ, тебѣ не тяжело будетъ заниматься два часа, а онъ такой знатокъ въ этомъ дѣлѣ, что его во всемъ надо слушаться. Притомъ же онъ такъ талантливо преподастъ, что мнѣ будетъ большимъ удовольствіемъ присутствовать при вашемъ урокѣ.

— О, мама, вы такъ милостивы! — пролепетала я, чувствуя, что у меня горятъ уши и заплетается языкъ отъ страха передъ этой строгой программой ожидающей меня развѣренной и развѣшенной жизни.

Но матушка отклонила отъ себя мою благодарность и сказала, что она намѣрена это дѣлать для себя самой, потому что не знаетъ лучшаго удовольствія, какъ учиться.

Впоследствии я узналъ, что въ этомъ случаѣ она говорила мнѣ правду только отчасти; то-есть, она дѣйствительно любила учиться, но главная ея цѣль присутствовать при всѣхъ моихъ занятіяхъ заключалась въ поощреніи меня къ тѣмъ довольно утомительнымъ трудамъ, на которые она меня обрекала.

А труды эти были еще не всѣ исчислены: у нея еще былъ *supplément* моего дня, который она оставляла pour la bonne bouche. *Supplément* этотъ заключался въ томъ, что въ восьмомъ часу къ намъ будетъ ежедневно заходить дочь моего профессора Ивана Ивановича, молодая дѣвушка Хариточка, о которой мама отозвалась съ необыкновенною теплотою, какъ о прелестнѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ созданіи.

— Она здѣсь по содѣйстви беретъ отъ семи до восьми часовъ урокъ музыки и пѣнія, объяснила мама: — а по-

томъ заходитъ ко мнѣ — и мы съ нею часъ занимаемси англійскимъ языкомъ, что мнѣ доставляетъ большое удовольствіе, потому что мой маленькій другъ Харита — очаровательнѣйшее дитя и притомъ занятіе съ нею мнѣ доставляетъ практику въ англійскомъ языкѣ, который я, ни съ кѣмъ не говоря на немъ, могла бы рисковать позабыть. Теперь, — добавила матушка, — я надѣюсь, этотъ рискъ немножко уменьшится, потому что ты за компанію съ Харитой, конечно, захочешь быть моимъ вторымъ ученикомъ, и потому мы, вѣроятно, скоро найдемъ возможность сдѣлать этотъ языкъ нашимъ домашнимъ разговорнымъ языкомъ попережку съ французскимъ, на которомъ будемъ объясняться до обѣда. Если Богъ намъ поможетъ, все это пойдетъ стройно и пресвело, а въ то же время это сблизитъ тебя съ достойнѣйшимъ семействомъ Альтанскаго, который вызвался давать тебѣ почти даровые уроки, потому что онъ не хочетъ брать деньги, а будетъ заниматься съ тобою за мои уроки его дочери. Видишь ли, какъ твоя мать съ Божіею помощію успѣла все это устроить ко всеобщей выгодѣ и удовольствію.

— О, превосходно, мама, превосходно!

— Да; и у насъ еще отъ половины девятаго часа до полуночи всякій день будетъ оставаться цѣлая бездна свободнаго времени для удовольствій. Въ это время Харита намъ всегда что-нибудь сыграетъ на фортепіано... Ты узнаешь его или нѣтъ, нашъ старый фортепіано? онъ довольно пожилъ и повздиль по свѣту, но еще служить — и мы на немъ себѣ недурно аккомпанируемъ и поемъ сообща маленькіе тріо и романсы. У Ивана Ивановича очень недурной баритонъ, а у тебя, вѣроятно, тоже найдется какой-нибудь голосокъ, потому что... у твоего отца былъ прекрасный голосъ, а ты во всемъ на него похожа. Но если бы и не такъ, для домашняго пѣнія въ своемъ кружкѣ можно пѣть и съ незначительнымъ голосомъ, — тутъ все дѣло въ нѣкоторомъ умѣньи, а я въ этомъ кое-что смыслю и помогу тебѣ. Въ десять часовъ наши гости обыкновенно уходятъ къ себѣ: Иванъ Ивановичъ готовится къ лекціямъ, а Харита распоряжается хозяйствомъ, такъ какъ она, бѣдняжка, имѣла несчастіе годъ тому назадъ осиротѣть послѣ смерти матери. Мы же съ тобой съ этихъ поръ вольные казаки: ты мнѣ часокъ считаешь какую-нибудь русскую

повѣсть или романъ, а въ одиннадцатъ мы разоидеся по своимъ комнатамъ, чтобы часъ передъ сномъ имѣть время обдумать проведенный день и написать, если нужно, какія-нибудь письма нашимъ далекимъ друзьямъ, которыхъ не можемъ видѣть. Въдъ у тебя, надѣюсь, завязаны какія-нибудь связи съ лицами, переписка съ которыми можетъ доставить тебѣ удовольствіе?

Это былъ ужасный вопросъ, при которомъ я, разумѣется, сію же минуту вспомнилъ мое борзенское посланіе къ тверской барыниѣ, и хотѣлъ бы провалиться сквозь землю.

— Mais oui, mais comment donc, mais sans doute, maman... то-есть нѣтъ, maman... я никому не обѣщаю,—пролетѣлъ я, краснѣя и тупя въ стѣль глаза, со страхомъ, что моя мать прочтетъ въ нихъ безпощадный мой позоръ и безчестіе.

Но—увы!—весь этотъ маневръ былъ совершенно напрасенъ: чѣмъ я тщательнѣе старался быть скрытнымъ, тѣмъ легче и яснѣе читала мать сокровенную тайну души моей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Матушка, разумѣется, не могла точно отгадать характера моихъ корреспондентныхъ чудотвореній любовнаго характера, но ясно видѣла, что простой вопросъ ея смутилъ меня,—и я чувствовалъ, какъ ея умный, проникательный взглядъ упалъ на мое лицо и произилъ меня до самаго сердца, заливнаго и затрепетавшаго отъ страха: что если моя пошлая выходка какъ-нибудь откроется... Что если матушка узнаетъ, что я влюбленъ... или былъ влюбленъ, потому что теперь уже во мнѣ не оставалось и слѣда моей любви къ тридцатилѣтней тверской барыниѣ, а все существо мое было поглощено и проникнуто страхомъ и благоговѣніемъ къ другой женициѣ, которая шестнадцать лѣтъ тому назадъ дала мнѣ бытіе и теперь давала мнѣ жизнь.

Однако безмѣрное материнское милосердіе смилостивилось надо мною,—и матушка, не предлагая мнѣ никакого новаго вопроса о корреспонденціяхъ, замѣтила только, что переписка—очень важная вещь и притомъ вещь очень полезная, ибо ею поддерживаются отношенія съ людьми и, кромѣ того, она лучше всего способствуетъ къ пріобрѣтенію навыка къ хорошему изложенію своихъ мыслей.

Съ этимъ маман встала изъ-за стола, за которымъ поила меня чаемъ; а я, чтобы оторвать разговоръ отъ тигостной для меня темы о перепискѣ, поспѣшилъ вильнуть въ сторону и освѣдомиться: чего же будутъ стоить мои уроки латинскаго и греческаго языка?

— А ничего, кромѣ одного нашего добраго желанія,— отвѣчала мать, покрывая полотенцемъ чайную шкатулку, въ которую замкнула ложечки.

— Какъ ничего, маман? кто же будетъ меня даромъ учить по-латыни и по-гречески?

— Пока ты не выучишься этимъ языкамъ больше меня, я сама буду съ тобою ими заниматься.

— Вы, *chère maman!*

— *Mais oui, moi-même, mon fils.* Что же это тебя такъ удивляетъ?

— Маман... простите меня... по развѣ дамы знаютъ по-латыни и по-гречески?

— Да, которыя учились— гдѣ, я думаю, знаютъ.

— А вы развѣ учились, маман?

— Наверно.

— Я этого не думалъ... я не помню, чтобы вы знали по-латыни и по-гречески.

— Ты и не можешь этого помнить, потому что я училась имъ въ самые послѣдніе годы въ Лифляндіи. У меня тамъ почти не было никакого дѣла,—и я, чтобы не скучать, нашла удовольствіе заниматься двумя этими языками, которые теперь, кромѣ удовольствія знать ихъ, доставляютъ мнѣ и пользу: я могу имъ выучить тебя, а это не шутка— такъ какъ безъ нихъ передъ тобою никогда бы не открылся во всей полнотѣ прелестный классическій міръ съ его нерушимыми образами и величавымъ характеромъ его жизни.

— Но, маман, вѣдь это такая ученость!

— Совсѣмъ нѣтъ: знаніе языковъ отнюдь еще не ученость, а только средство къ достиженію учености, которую, если мнѣ поможетъ Богъ и твоё усердіе, я хочу дать тебѣ въ неизмѣнное утѣшеніе твоей жизни.

И съ этими словами матушка удалилась въ свою комнату, чтобы надѣть шляпу, а я подошелъ къ окну и сталъ, огуманенный и оглушенный всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ, слышалъ, понималъ и предчувствовалъ.

Гдѣ этотъ корсусъ, его казарма, Кирилль, моя тверская любовь, «Пьяная балочка», утопленникъ Кнышенко и палачъ Пеньковскій, и отецъ Діодоръ съ его дамою и рахатъ-лукумомъ?—Все это точно было уже Богъ знаетъ какъ давно, да даже всего этого какъ будто бы и совсѣмъ не было. Трезвая рѣчь моей доброй матери, каждое слово которой дышало такою возвышенною и разумною обо мнѣ попечительностію и заботою, была сілоамскою купелью, въ которой я окунулся и сталъ здоровъ, и бодръ, и чистъ, какъ будто только слетѣлъ въ этотъ міръ изъ горнихъ міровъ, гдѣ не водятъ медвѣдей и не говорятъ о хлѣбѣ, ни о винѣ, ни о палачахъ, ни о домахъ, для счастья которыхъ нуженъ рахатъ-лукумъ, или «рогатый кумъ», какъ мы его называли въ своемъ корсусѣ. На меня отовсюду вѣяло здоровымъ стремленіемъ къ неутомимой, энергической дѣятельности и любовью къ созерцательной мудрости,—и чистый источникъ всего этого было столь близкое мнѣ существо, какъ моя мать. Боже мой, какъ я ею гордился! О, какъ я ее буду любить и лелѣять! Она была несчастлива: я это помню; но зато теперь... Душа моя вскипѣла высочайшимъ восторгомъ, въ горлѣ какъ клубокъ шевельнулись сказы,—и я, не удержавшись, громко зарыдалъ и, услыжавъ за собою шаги моей матери, бросился передъ нею на полъ—и, обнявъ ее колѣни, облилъ ноги ея моими чистыми покаянными слезами, какихъ не могъ добыть ни въ борзенской канавѣ, ни въ нѣжинскомъ монастырѣ.

Матушка подняла меня съ полу, заставила вынуть стаканъ воды, потомъ нѣжно прижала меня къ груди и, поцѣловавъ въ лобъ, сказала:

— У тебя есть сердце: это меня радуетъ; но этого еще мало, чтобы не дѣлать зла.

— Что же нужно, матан? Дайте мнѣ все то, что нужно, чтобы не сдѣлать никому никакого зла.

— Проси объ этомъ Его!—отвѣчала мать и, указавъ на небо, велѣла подать себѣ руку.

Мы вышли *подъ руку*, какъ пара совершенно равныхъ другъ другу людей. Мой ростъ уже совершенно позволилъ мнѣ вести ее подѣ руку: я былъ кавалеръ, она моя дама,—и вспоминая теперь всю прошедшую жизнь мою, я увѣренъ, что рука моя, на которую впоследствии опиралось не мало дамъ, никогда уже не вела женщины столь возвышенной и

прекрасной—несмотря на тогдашнія тридцать шесть лѣтъ, которыя имѣла моя превосходная мать.

Начавъ мое цѣленіе на колѣняхъ передъ нею, съ глазами опущенными внизъ, я теперь шелъ съ нею успокоенный и твердый, устремляя очищенный слезами взглядъ на небо съ непоколебимою вѣрою, что для меня будутъ отверсты сферы наивысшаго и наичистѣйшаго счастья, потому что со мною, какъ съ Товіемъ, идетъ мой Рафаиль, который научитъ меня достать желчь, нужную для просвѣтленія мысленныхъ глазъ моихъ.

Но было уже одно проклятое, ненавистное обстоятельство, которое и въ эти минуты смущало, томило и даже просто угнетало меня: это обстоятельство опять-таки заключалось въ томъ же роковомъ борзенскомъ письмѣ, котораго неотвизное предчувствіе заставляло меня страшно бояться и, какъ ниже увидимъ, совершенно справедливо.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Когда мы съ матушкой вышли для первой прогулки моей по Кіеву, день былъ пасмурный, но очень тихій и пріятный. На зданіяхъ и на всѣхъ предметахъ лежалъ мягкій и теплый сѣрожелтоватый колоритъ. Все имѣло свой цвѣтъ, но, какъ говорятъ живописцы, все по колерамъ было точно слегка *протерто* умброю.

Мы зашли въ Софійскій соборъ, гдѣ я впервые увидѣлъ мощи и приложился къ нимъ вмѣстѣ съ матерью. Тутъ же мы осмотрѣли гробъ Ярослава и древніе фрески, которые только тогда очищали отъ слоя штукатурки и реставрировали. Изъ Софійскаго собора мы прошли на террасу Андреевской церкви. Я пришелъ въ безумный восторгъ отъ легкаго фасада этого граціознаго храма, и особенно отъ вида, который отсюда открывается на Подоль и пологую часть заднѣпровья. Отсюда мы зашли въ Трехсвятительскую церковь, по преданіямъ строенную еще до принятія Владиміромъ христіанской вѣры, и потомъ перешли въ Михайловскій монастырь.

Здѣсь матушка направилась въ очень темный уединенный уголокъ подъ арками и, вставъ на колѣни, сказала мнѣ: — Помолись о твоёмъ отцѣ.

Мы помолились тихо, но, мнѣ кажется, очень усердно, хотя намъ никто не цѣлъ ни панихиды, ни молебновъ.

Я замѣтилъ это, но не подалъ матери никакого знака— и хорошо сдѣлалъ: въ послѣдствіи я скоро убѣдился, что, принявъ православіе, она удержала въ себѣ очень много лютеранскаго духа. Но о вѣрованіяхъ матушки еще придется говорить гораздо пространнѣе, а потому на этомъ остановимся.

Окончивъ свое паломничество, мы отправились къ католической горѣ, откуда открылся новый превосходный видъ па другую часть города и Днѣпра.

Матушка безпрестанно рассказывала мнѣ значеніе каждой мѣстности и каждаго предмета, при чемъ я могъ убѣдиться въ большомъ и весьма пріятномъ, живомъ знаніи ея исторіи, что меня, впрочемъ, уже не удивляло, потому что я, проведя съ нею два часа, получилъ непоколебимое убѣжденіе, что она говоритъ только о томъ, что основательно знаетъ.

Поворачивая съ площадки къ небольшому спуску, который велъ къ стоявшему тогда на Крепцатикиѣ театру, мы на полугорѣ повстрѣчали молодую дѣвушку въ сѣромъ платьѣ, завернутую въ большой мягкій пушистый платокъ. На темнорусой головкѣ ея была скромная шляпочка, а въ рукѣ длинный черный шелковый зонтикъ, на который она опералась и шла тихо и какъ будто съ усталостью.

Не знаю, почему она обратила на себя мое большое вниманіе, но это вниманіе еще болѣе увеличивалось, когда я замѣтилъ, что она намъ улыбается и что на ея улыбку такую же улыбкою отвѣчаетъ моя мать.

Наконецъ мы встрѣтились—и дѣвушка, не кланяясь матери и не говоря ей никакого привѣтствія, прямо спросила:

— Дождались?

— Какъ видишь, мой другъ,—отвѣчала, кивнувъ на меня головою, матушка, и онѣ обѣ подали другъ другу руки, при чемъ дѣвушка поднесла руку матери къ своимъ губамъ и поцѣловала ее, а потомъ протянула свою ручку мнѣ и съ прелестной, ласковой улыбкой молвила:

— Мы съ вами непременно должны подружиться: я люблю вашу маман, какъ родная дочь, и хочу, чтобы вы любили меня, какъ сестру.

Я очень неловко поклонился и еще неловче пожалъ поданную мнѣ ручку въ темной перчаткѣ.

— Это мой молодой другъ, дочь профессора Ивана Ива-

новича Альтанскаго, о которой я тебѣ говорила, — сказала мать.

— А вы уже успѣли обо мнѣ говорить?—подхватила, улыбаясь, дѣвушка, и тотчасъ же, оборотясь ко мнѣ, добавила:—Катерина Васильевна такъ меня избаловала, что я боюсь забыться и начать думать, что я въ самомъ дѣлѣ достойна ея вниманія; но вы, какъ мой непремѣнный другъ и нареченный братъ, пожалуйста, спасайте меня отъ самообольщенія и щуняйте за мои пороки, которыхъ во мнѣ ужасная бездна.

— Напримѣръ?—спросила, нѣжно и съ наслажденіемъ на нее глядя, мать.

Дѣвушка разсмѣялась и, сдвинувъ почти прямолинейно-лежавшія густыя темныя брови, проговорила:

— За примѣромъ ли дѣло? вотъ первый примѣръ: моя невоздержность: я хожу по воздуху, когда мнѣ позволено выходить только въ солнечные дни. Это гадко

— А зачѣмъ ты это дѣлаешь, Харита?

— Ужасно скучно,—отвѣчала она, и по молодому лицу ея точно пробѣжало облако, но сейчасъ же развѣялось, и дѣвушка, улыбаясь, отнеслась ко мнѣ со словами:—видите, какая я пустая: жалуясь на скуку и сама смѣюсь. Вы, однако, не торонитесь дѣлать заключенія, что я сумасшедшая. Когда вы познакомитесь съ нашей прекрасной малороссійской поэзіей, на чемъ я по праву дружбы буду непремѣнно настаивать, то вы увидите, что тутъ нѣтъ необходимости: у насъ воспѣваютъ такъ «лихо», которое «смѣется». А впрочемъ, я не задерживаю васъ,—прощайте до вечера.

Она пожала намъ руки и пошла въ гору, къ монастырю, а мы внизъ къ Крещатику, но матушка, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась и оборотилась назадъ.

Альтанская была отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и тоже, словно по какому-то предчувствію, оборотилась—и онѣ перемолвились съ моею матерью молчаливыми взглядами, изъ которыхъ я тогда не понялъ ничего.

Лицо матери выразило неудовольствіе и даже гнѣвливость.

— Неужто ничего?—спросила съ негодованіемъ мать.

— Ни-ч-е-го, — отвѣчала, растягивая слово, дѣвушка и, улыбнувшись, добавила:—ничего, Катерина Васильевна, ничего, да и не будетъ ничего.

Послѣднія слова она проговорила скоро и, кивнувъ намъ

головкой, быстро завернулась и пошла торопливой походкой дальше.

По мѣрѣ того, какъ она поднималась на гору, легкой, едва замѣтный вѣтерокъ обхватывалъ ее крѣпче и, приминная покрывавшую ее сѣрую пушистую шаль къ ея молодому, стройному тѣлу, обрисовывалъ ея фигуру мягкими плавными линіями, благодаря которымъ контуръ точно сливался съ воздухомъ и исчезалъ въ этомъ сліяніи.

— Это *она*, маман?—спросилъ я, когда мы пошли своей дорогой.

— Да, она,—отвѣчала съ нѣкоторой сухостью мать.

— Харит... то-есть, однако, какъ же это, маман, ея настоящее имя?

— Харитина... Харитина Ивановна.

— Харитина!

— Да.

— Возможно ли это, маман?

— А почему же нѣтъ?

— Такая прекрасная дѣвушка...

— Ну—и что далѣе?

— И между тѣмъ... такое имя!

— Какое же? чѣмъ оно тебѣ не нравится?

— Оно тривиально.

— Тривиально? Нимало; ты, вѣрно, не то хотѣлъ сказать.

— Нѣтъ, маман, я именно хотѣлъ сказать это самое.

— Ну, тогда мнѣ должно будетъ пожалѣть, что ты употребляешь слова, не понимая ихъ значенія. Объясни мнѣ, что выражается словомъ «тривиально».

Я не могъ этого объяснить и молчалъ. «Не хорошо, гадко, простонародно, неблагозвучно,—думалъ я,—но все это было не то, что я разумѣлъ подъ словомъ «тривиально», значенія котораго, дѣйствительно, не понималъ.

— Вотъ видишь ли, какъ опасно говорить о томъ, чего обстоятельно не знаешь,—сказала матушка, и, объяснивъ мнѣ происхожденіе латинскаго слова «trivialis» въ смыслѣ чего-то пошлаго и безпрестанно встрѣчающагося, добавила, что имя Харитина въ этомъ смыслѣ гораздо менѣе тривиально, чѣмъ множество другихъ безпрестанно намъ встрѣчающихся именъ.

Тогда я, желая поправиться и точнѣе выразить свою мысль, сказалъ, что имя Харитина, по моему мнѣнію, небла-

гозвучно, но матушка доказала мнѣ, что это имя хорошо и по смыслу, который въ себѣ заключаетъ, и пріятно по звучности.

— Х-а-р-и-т-и-н-а!—произнесла она эллинскимъ произношеніемъ, такъ что буква *и* послѣ *р* слилась въ ея устахъ въ гортанный *эй*:—прекрасный звукъ, а значеніе еще лучшее; Харитина значитъ *полна благодати*. Для такой неогъбенной дѣвушки, какъ та, которую мы встрѣтили, я бы затруднилась выбрать лучшее имя, способное полнѣе выражать ея свойства. Въ уменьшительной же и въ ласкательной формѣ здѣсь въ Малороссіи изъ этого имени дѣлаютъ *Христя*,—это ужъ просто прелестно.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ хорошо,—отвѣчалъ я, начиная чувствовать, что имя Харитина въ самомъ дѣлѣ получило для меня съ материныхъ словъ совсѣмъ другой вкусъ и ароматъ.

— Эге! да ты уступчивъ, это прекрасно, спорливость—черта удаляющая человѣка отъ истины. Но сознавшись, сибши же брать назадъ слово, а то это сознаніе будетъ мало полезно.

— Беру, тамап, и даже охотно беру, но только позвольте мнѣ еще предложить вамъ одинъ вопросъ—опять объ именахъ же. Она... эта дѣвушка назвала васъ два раза Катериной Васильевной. Что это значитъ, тамап?

— Не все ли равно, что Катерина Васильевна, или Каролина-Вильгельмина?—перебила матушка:—для тебя мое имя просто *мать*.

И послѣ этихъ словъ она заговорила со мною опять о городѣ. Ориентируя меня по отношенію къ болѣе интереснымъ мѣстамъ, она показала мнѣ гдѣ садъ, гдѣ лежитъ мой путь въ канцелярію, гдѣ почта—и при послѣднемъ указаніи добавила:

— Идучи на службу, ты будешь заходить на почту отдавать мои письма—это немножко облегчитъ нашу Бригиту, у которой съ твоимъ пріѣздомъ прибавляется дѣла.

И, разумѣется, изъявилъ радостное согласіе править эту почтовую службу—и мы, завершивъ большую прогулку, возвратились домой, гдѣ насъ ждалъ въ средней комнатѣ накрытый на два прибора столъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ скромныхъ, но вкусныхъ блюдъ, и яблока вмѣсто десерта. За столомъ намъ служила та же Бригита, то-есть та же

женщина въ темномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, которая принесла самоваръ въ минуту моего прѣзда и которая была нашей кухаркой и горничной.

Послѣ обѣда матушка удалилась въ свою комнату и, сѣвъ въ старое глубокое кресло, закрыла пальцами рукъ глаза, — я не могъ понять, погрузилась ли она въ тихій сонъ, или въ глубокую думу; но воспользоваться минутою свободы, чтобы удовлетворить образовавшейся за дорогу страстишкой покурить. Я тихонько зажегъ папироску и долго простоялъ съ нею у открытой форточки, а потомъ почувствовалъ неодолимый позывъ ко сну и, прислонясь къ подушкѣ, мгновенно уснулъ. Я спалъ глубоко и крѣпко, но, казалось, сквозь сонъ слышалъ, какъ мать входила въ мою комнату и, притворивъ форточку, разгоняла что-то по воздуху посовымъ платкомъ. Отъ этого представленія ко мнѣ привязалось какое-то безпокойное сновидѣнiе, подъ напѣтомъ котораго я и проснулся. На дворѣ было уже темно, но въ мою комнату по полу ползло откуда-то густое, желто-пунцовое освѣщенiе. Сначала я не могъ понять, что это за свѣтъ, но потомъ отгадалъ, что это, вѣроятно, гдѣ-нибудь топится печка.

Тишина была мертвая: ни шелеста, ни звука, — такъ что мнѣ даже стало страшно, и я, осторожно спустившись съ постели, началъ осматриваться.

Въ простомъ кирпичномъ каминѣ, который былъ устроенъ въ матушкиной комнатѣ, ярко горѣли дрова — и отъ нихъ-то и шло то пунцовое пламя, которое, пробѣгая черезъ всю нашу зальцу, тушевалось концомъ свѣта по полу моей комнаты. На этотъ счетъ я не ошибся, но что касается самаго характера окружающаго меня безмолвiя, то я не разгадалъ его: это не была *мертвая тишина*, а напротивъ это было безмолвiе глубокаго чувства и живой грусти, которыхъ я, однако, не могъ понять, хотя и видѣлъ ихъ въ образѣ очень граціозной и одухотворенной группы.

Матушка сидѣла передъ огнемъ въ своемъ креслѣ и, опустивъ книзу глаза, грустно смотрѣла на ярко освѣщенную огнемъ голову Хариты, которая полулежала на разостланной у ногъ матери на полу козьею шкурѣ, и, обхвативъ руками матушкины колѣна, прислонилась къ нимъ головою. Мнѣ было какъ нельзя лучше видно все ея лицо, обращенное въ ту сторону, откуда я наблюдалъ ее. Свѣтъ падалъ

на обѣ эти фигуры неровно: опущенное книзу лицо матушки было въ мягкомъ спокойномъ полутонѣ, межъ тѣмъ какъ голова и вся фигура Альтанской точно горѣли въ огнѣ. Одна ѳ ея ноги, уходя къ рампѣ камина, терялись и точно будто исчезали въ тѣни.

Не было ли это освѣщеніе прообразованіемъ того, чтѣ происходило тогда въ сердцахъ этихъ двухъ существъ, одного уже полуетстрадаващаго и гаснущаго, а другого полнаго жизненнаго разгара, но уже во всю мочь сердца вкушающаго священную сладость страданія.

Онѣ ничего между собой не говорили; но, какъ мнѣ показалось, обѣ онѣ вмѣстѣ думали обѣ одномъ и томъ же. Стоя въ молчаніи у своей двери, я хорошо видѣлъ ихъ лица,—и былъ пораженъ тѣмъ, что при первой встрѣчѣ съ Альтанскою не замѣтилъ ея прекрасной, характерной красоты. Изъ всего ея лица я тогда рассмотрѣлъ только большіе сѣрые глаза съ длинными черными рѣсницами и черныя же прямолинейныя брови. Теперь я видѣлъ весь овалъ ея немножко продолговатаго лица и пораженъ былъ строгою гармоничностью его линий и горячо-блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ щекъ, по которымъ, какъ брильянтъ, искрились и играли передъ огнемъ двѣ слезинки.

«Какъ она прекрасна и о чемъ она можетъ такъ грустить и плакать? Матушка непременно должна все это знать»,—думалъ я и тоже во что бы то ни стало хотѣлъ это узнать, съ тѣмъ, чтобы, если можно, сдѣлаться другомъ этой дѣвушки. Вѣдь она сама же просила меня обѣ этомъ. А я хотѣлъ умереть за нее, лишь бы она такъ не грустила и не плакала.

«Но кто же могъ быть виновникомъ этихъ ея страданій? О, съ какимъ бы удовольствіемъ я сдѣлалъ ему теперь самую невозможную дерзость! Но чтѣ онъ и гдѣ онъ?»

Среди этихъ мечтаній, въ продолженіе которыхъ я былъ какъ бы въ легкомъ бреду подъ обаяніемъ темныхъ бровей Хариты, входная дверь въ залу изъ передней отворилась—и на порогѣ ея показалась высокая, немножко сторбленная мягкая фигура въ длинномъ сюртукѣ и огромномъ высокомъ галстукѣ, высоко подпиравшемъ продолговатую сѣдую голову съ такими же прямолинейными бровями, какъ у Хариты.

«Это ея отецъ!—воскликнулъ я въ себѣ, пораженный

большимъ сходствомъ лица взошедшаго старика съ лицомъ только-что разсмотрѣнной мною дѣвушки.— Не съ нимъ ли мнѣ и придется за нее сражаться? Досадно! это будетъ не совсѣмъ удобно, потому что матушка при мнѣ наговорила этому старику бездну самыхъ лестныхъ похвалъ и избрала его быть моимъ просвѣтителемъ. Однако, посмотримъ. Чтобы быть благороднымъ—не надо ничѣмъ дорожить, кромѣ чести. Семья съ раннихъ лѣтъ зародила во мнѣ эту склонность, корпусное сотоварищество ее воспитало; раннее изгнаніе закрѣпило, а что сдѣлало изъ него послѣдующія обстоятельства—о томъ рѣчь впереди.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Я жестоко ошибся насчетъ старика Альтаискаго, котораго узналъ съ перваго на него взгляда. Этотъ человѣкъ никого не обижалъ и не могъ ни для кого быть причиною ни малѣйшихъ несчастій.

Матушка зажгла одну изъ стоявшихъ у нея на каминѣ свѣчъ, а Харита, воскликнувъ: «вотъ и мой старенькій тату пришелъ», кинулась къ нему на шею—и, нагнувъ къ себѣ его голову за затылокъ, поцѣловала его два раза въ лобъ и въ высокую свѣтлую лысину.

Профессоръ былъ человѣкъ рослый и широкій, но не полный, а скорѣе худой и костистый. При своей нѣсколько высокой и продолговатой головѣ, онъ имѣлъ длинный прямой носъ, немного отвисшую нижнюю губу и очень большіе сѣрые глаза, сильно напоминавшіе глаза дочери. Но что всего болѣе дѣлало ихъ похожими другъ на друга—это та же прямолинейная бровь. Я говорю не *брови*, а именно *бровь*, потому что обѣ брови у профессора соединялись надъ глазами въ одну непрерывную линію. Обыкновенно такія брови придають лицу выраженіе твердое, энергическое и рѣшительное,—и такое выраженіе было у отца и у дочери Альтаискихъ, но только у обоихъ у нихъ оно смягчалось безконечною добротою, которая въ лицѣ отца дышала совершеннымъ младенчествомъ. Въ его глазахъ были даже тѣ свѣтлые блики, которые бывають въ глазахъ у младенцевъ и которые въ глазахъ его дочери перешли въ пронизающую лучистость. Ей словно дано было читать въ глубинѣ души другихъ людей, тогда какъ самъ профессоръ смотрѣлъ

только внутри самого себя, гдѣ у него былъ богатый складъ наблюденій, опыта и знаній.

Въ обхожденіи старикъ Алтанскій былъ простъ и удивительно открытъ и привѣтливъ. Не успѣла матушка меня ему представить, какъ онъ сію же минуту заговорилъ со мною, точно со стариннымъ другомъ, и притомъ съ такимъ, который во всемъ былъ ему по всему равенъ. Въ разговорѣ, начатомъ непосредственно за его приходомъ и продолжавшемся около полутора часа, я не ощутилъ никакой разницы между его многоученостію и моимъ круглымъ невѣжествомъ. Онъ никого не оспаривалъ и не *проводилъ* никакихъ идей, но все, что при немъ говорилось,—неволью какъ-то выравнивалось и округлялось, по превосходной и совершеннѣйшей формѣ. О предстоящихъ моихъ съ нимъ занятіяхъ онъ не сказалъ ни слова—и даже когда матушка отрекомендовала меня, сказавъ:

— Вотъ вашъ ученикъ.

Онъ, ласково пожавъ мнѣ руку, тихо отвѣтилъ:

— Другъ, а не ученикъ.

Затѣмъ весь остальной разговоръ, сверхъ всякаго моего ожиданія, шелъ о предметахъ, о которыхъ я не имѣлъ тогда никакого понятія; но это Алтанскаго, повидимому, нисколько не смущало. Онъ говорилъ съ матушкою о правительствѣ, къ чему начальный поводъ дало мое исключеніе. Въ словахъ матушки я успѣлъ уловить въ этомъ разговорѣ не мало желчной ироніи, съ которой она отзывалась о правительственной системѣ того времени, а Иванъ Ивановичъ, точно Тацитъ, облегчалъ ея сужденія.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я полуребенкомъ слышалъ эту первую политическую бесѣду, и я бы, кажется, легко могъ про нее позабыть,—но вѣщее пророчество ея, такъ поразительно сбывшееся на моемъ вѣку, не обминуло и мою голову—и тогда-то, при тягостнѣйшихъ обстоятельствахъ моей жизни, я вспомнилъ слова Алтанскаго, и какъ еще вспомнилъ!

Уходя домой, Алтанскіе упросили матушку дать мнѣ два дня льготы отъ ученія, а съ меня взяли слово завтра утромъ придти къ нимъ. Матушка согласилась и, проводивъ ихъ, спросила меня:

— Мой сынъ! ты, кажется, куришь?

И сконфузился и потушилъ глаза.

— Къ чему это такъ рано?—продолжала матушка:—я не думаю, чтобы эта бездѣльная привычка портить воздухъ, необходимый для нашего дыханія,—могла приносить очень много удовольствія; но если уже ты хочешь курить, то, пожалуйста, не скрывайся и кури при мнѣ. Это по крайней мѣрѣ не будетъ тебя пріучать имѣть отъ матери тайны.

«Ужасная вещь!—думалъ я:—бѣдная матушка и въ мышленіи не содержитъ, какія я имѣю отъ нея тайности.»

Я чувствовалъ порядочную усталость, но, улегшись въ постель, не могъ уснуть и все обдумывалъ какой-нибудь планъ, какъ бы загарантировать себя отъ полученія отвѣта на мое посланіе въ Тверь. Я придумалъ идти завтра на почту и подкупить почтальона, чтобы, въ случаѣ полученія письма на мое имя, онъ не приносилъ его мнѣ домой, а оставилъ у себя, пока я не приду за нимъ. Это меня очень успокоило—и я уже хотѣлъ повернуться къ стѣнѣ и заснуть, какъ вдругъ въ это время замѣтилъ, что свѣтъ въ матушкиной комнатѣ еще не погасъ. Сначала мнѣ показалось, что это горитъ лампада, но, привставъ и поглядѣвъ въ дверь, я увидалъ, что то горѣла подъ абажуромъ свѣча, передъ которою матушка сидѣла за столикомъ, какъ была одѣтая днемъ, и писала. Прошелъ часъ, огонь не гасъ и писаніе матери не прекращалось. Теперь, настороживъ ухо, я даже слышалъ, какъ быстро скрипѣло въ ея рукѣ перо,—и по непонятному предчувствію это позднее писаніе получило въ моихъ глазахъ какое-то особенно важное значеніе. Я былъ убѣжденъ, что она пишетъ что-нибудь касающееся до меня; но что это могло быть такое и къ кому она могла писать? Размышляя объ этомъ и не придя ни къ какому выводу, я заснулъ все при томъ же свѣтѣ, а утромъ, когда матушка, напившись чаю, посоветовала мнѣ сходить засвидѣтельствовать свое почтеніе Альтанскому, я получилъ отъ нея довольно тяжелый запечатанный конвертъ, съ тѣмъ чтобы я зашелъ и отдалъ его на почту.

Порученіе это было мнѣ очень кстати, потому что я, какъ выше сказано, намѣренъ былъ обдѣлать на почтѣ свое собственное дѣло; но мнѣ, однако, это не удалось, потому что, зайдя по дорогѣ къ Альтанскимъ на почту, я на самомъ крыльцѣ почтоваго дома столкнулся съ Хариотиною Альтанской. Она тоже пришла сюда отправить письмо,

которое мнѣ очень хотѣлось видѣть для того, чтобы узнать, кому оно посылается. По тѣмъ же предчувствіямъ мнѣ казалось, что письмо, которое было теперь въ рукахъ Альтанской, содержало развязку ея тайны, какъ письмо матери хранило другія тайны,—и я, вынувъ изъ кармана матушкино письмо, прежде чѣмъ отдать его пріемнику, прочелъ: «*Филиппу Кольбергу въ Петербургъ*».

Что необыкновеннаго можно найти въ такомъ простомъ имени какъ «*Филиппу Кольбергу въ Петербургъ*», гдѣ такое множество всякихъ *берговъ*?!—но вы не можете себѣ представить, какъ меня поразило это имя и какъ оно мнѣ поправилось. Читая въ послѣдствіи письмо Гейне къ автору *Лалла Ружъ*, гдѣ поэтъ говоритъ, что, не зная самаго сочиненія, готовъ признать его превосходнымъ, потому что у него такое прекрасное названіе,—я вспомнилъ, что то же самое было со мною, когда я въ первый разъ узналъ сладостное имя Филиппа Кольберга. Кто могъ быть этотъ человѣкъ, которому не ставятъ на письмо никакого титула, а просто пишутъ одно его короткое имя: «Филиппъ Кольбергъ», тогда какъ всякому человѣку прибавляется хоть «благородіе» или хоть «милостивое государство»? Неужто онъ не имѣетъ никакого права даже на самый скромнѣйшій изъ нихъ? Неужто онъ просто какой-нибудь ремесленникъ? Но не можетъ быть, чтобы мать моя писала такія большія письма какому-то простому ремесленнику и притомъ... и притомъ я былъ увѣренъ, что имя «Филиппъ Кольбергъ» не можетъ принадлежать человѣку малообразованному. Я получилъ неодолимую и притомъ чуждую всякихъ сомнѣній вѣру, что человѣкъ, носящій это имя, долженъ быть какой-то превосходнѣйшій человѣкъ, которому нѣтъ никого подобнаго на свѣтѣ.

Но зато эти размысленія надъ письмомъ, а частію и присутствіе здѣсь дѣвнцы Альтанской были причиною, что я не успѣлъ не только переговорить съ почтальономъ насчетъ ожидаемаго мною отвѣта на мое посланіе въ Тверь, а даже совсѣмъ позабылъ объ этомъ неприятномъ обстоятельствѣ и не тревожился имъ, пока оно дало мнѣ себя почувствовать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Всего болѣе въ эту пору меня занимало, что я по глу-

бокому и, какъ послѣ оказалось, совершенно безошибочному предчувствію попалъ въ самый центръ сокровеннѣйшихъ тайнъ двухъ милыхъ мнѣ женщинъ, изъ которыхъ притомъ одна была моя мать.

Правда, что вмѣстѣ съ этимъ открытіемъ (предчувствія мои я могу считать и не предчувствіями, а пронизательностію, и потому выводы этой пронизательности принимать за открытія)—и этимъ именно открытіемъ я наносилъ своему сердцу небольшую рану, потому что послѣ вчерашняго вечерняго созерцанія Харитины Альтанской я уже снова начиналъ чувствовать, что во мнѣ зашевелилось нѣчто подобное тѣмъ возвышеннымъ, конечно, любовнымъ тревогамъ, какія я испыталъ въ Твери. Теперь, когда обнаружилось, что на свѣтѣ несомнѣнно существуетъ кто-то, которому она пишетъ, и притомъ сама собственноручно отправляетъ на почту свои письма,—я видѣлъ необходимость перемѣнить позицію и ужъ строго держаться роли друга, чего мнѣ, признаться сказать, не особенно хотѣлось, такъ какъ Харита была не то что тверская барышня: той было тридцать лѣтъ и она приходилась наполовину меня старше, между тѣмъ какъ этой шелъ девятнадцатый годъ и, стало-быть, я былъ моложе ея только тремя годами. Но, однако, я утѣшался тѣмъ, что буду хранить ея тайну.

Что же относится до тайны матери, то тутъ я предчувствовалъ одно, что тутъ пылаетъ какая-то купина, пламень которой долженъ быть для меня святъ, и сказалъ своему пытливому уму: «не касайся семо».

Все это я обдумалъ, идучи рядомъ съ Альтанской, которая, овладѣвъ мною, вела къ отцу. Мы шли съ нею въ полномъ молчаніи и не мѣшали другъ другу. Это былъ для меня первый опытъ пріятнаго молчанія, и онъ мнѣ чрезвычайно удался и полюбился.

Они жили въ небольшомъ сѣренькомъ домикѣ съ стеклянною галлереею, въ концѣ которой была дверь съ небольшою мѣдною дощечкою, на которой вмѣсто имени профессора значилась слѣдующая странная латинская надпись: «Nisi ter pulsata aperiatur tibi porta, honestus abeas», то-есть: «Если по троекратномъ стукѣ дверь тебѣ не отворится, то знай честь и отходи прочь».

Харитина постучала трижды въ эту дверь, она намъ отворилась, и мы вошли въ очень скромное помѣщеніе.

Старый профессор собирался на лекцію, но встрѣтилъ меня очень ласково, наскоро закурилъ съ нами и ушелъ, поручивъ меня попеченіямъ дочери; но бѣдной дѣвушкѣ было, кажется, совсѣмъ не до заботъ обо мнѣ. Она, видимо, перемогалась и старалась улыбаться отцу и мнѣ, но отъ меня не скрылось, что у нея подергивало губы и лицо ея то покрывалось смертною блѣдностью, то по немъ выступали вымученныя синерозовыя пятна.

Простодушный младенческій взглядъ старика, кажется, ничего этого не замѣчалъ въ то время, когда онъ навизывалъ меня на руки дочери, но я былъ гораздо прозорливѣе и практичнѣе и поспѣшилъ какъ можно скорѣе оставить ее въ покоѣ.

Не помню, какой я именно выбралъ предлогъ для того, чтобы ей откланяться,—но она сдѣлала эту выдумку совершенно излишнею. Въмѣсто отвѣта на мое прощанье, она взглянула на меня полными слезъ глазами и, крѣпко стиснувъ мою руку, произнесла по-малороссійски:

— Спасибо вамъ, сердце! Маму вашу поцѣлуйте.

Я понялъ, что Харитина уразумѣла мою деликатность и, оцѣнивъ ее, платить мнѣ трогательнѣйшею откровенностью,—и съ гордымъ спокойствіемъ держалъ мою роль, сказавъ ей прежнимъ спокойнымъ тономъ:

— Прощайте, Харитина Ивановна.

— Ивановна!—отвѣчала она, удерживая мою руку въ своей рукѣ.—Не зовите меня Харитиной Ивановной: нехай я буду для васъ просто ваша Христя.

— Извольте.

— Ну, такъ скажите мнѣ: помилуй тебя Боже, моя милая Христя.

Я повторилъ ея душевные слова и поцѣловалъ ея руку.

— Вотъ это такъ—по-нашему,—отвѣчала она и, выпустивъ мою руку, сама дала мнѣ знакъ скорѣе уходить, что я немедленно и исполнилъ, но сейчасъ же снова очутился въ большомъ затрудненіи. Проходя по стеклянной галлерей, я по какому-то невольному побужденію взглянулъ въ окно комнаты, въ которой оставилъ Христю,—и увидалъ, что бѣдная дѣвушка лежала ницъ на полу и, вытянувъ крѣпко схваченныя руки, съ такимъ усиліемъ удерживала свои рыданія, что ея спину и плечи судорожно вело и корбило,

межъ тѣмъ какъ тонкіе бѣлые пальцы нѣжныхъ рукъ поси-
нѣли и корчились.

Первая мысль моя была вернуться къ ней и помочь ей встать и перейти на постель; потомъ я это отмѣнилъ и хотѣлъ послать къ ней изъ кухни ихъ прислугу; но еще черезъ минуту нашелъ, что и это вѣроятно было-бы ей неприятно. Миѣ показалось, что ея невѣдомое миѣ, гордое, молчаливое горе должно ожесточаться отъ всякаго непрошеннаго и—увы!—всегда безсильнаго участія. Я готовъ былъ самъ зарыдать и, надвинувъ шанку, опрометью выбѣжать на улицу, по которой не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ меня нагналъ мой пріятель Пеньковскій.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Мой грандіозный коллега былъ теперь въ новой, слишкомъ для него просторной, поношенной венгеркѣ съ шнурками, въ четырехугольной польской шапочкѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ.

Полный своей скорби за Христю, я хотѣлъ отъ него убѣжать, но это было невозможно.

— Здравствуй, Праотцевъ!—вскричалъ онъ, хватая меня за руку.—Вотъ я думалъ, что мы съ тобой уже совсѣмъ разстались, а между тѣмъ опять привелось...

— Отчего же совсѣмъ разстаться?—отвѣчалъ я, стараясь скрыть свое волненіе.

— А такъ, братъ... знаешь, у насъ того... Э, да ты, кажется, чего-то плакалъ? Ты—вѣчная плакса.

— Вовсе я не плакалъ и не плакса,—отвѣчалъ я и началъ спрашивать его, чтѣ такое у нихъ «того»...

— Тсссъ! говори тише! у насъ въ домѣ говорятъ про страшныя дѣла: въ Австріи революція.

— Ну, а вамъ что за дѣло до Австріи?

— Да это тебѣ нѣтъ дѣла, потому что ты русскій, а тамъ, братецъ, венгерцы воюють.

— Такъ что же такое?

— Какъ что?—это старые наши польскіе союзники: *polak z wgram dwa bratanki, jak do szabli, tak de szklanki* (*). Они намъ свои.

Я этому нѣсколько удивился, потому что венгерцы, въ

*) Полякъ съ венгромъ— братья, какъ по оружію, такъ и за бутылкой.

моемъ тогдашнемъ пониманіи, были тѣ люди, которые носять по селамъ лѣкарственные снадобья да янтарные чѣтки и крестики; но Пеньковскій разъяснилъ мнѣ, что есть еще и другіе венгерцы — очень храбрые, и что вотъ съ тѣмъ-то онъ какъ нельзя болѣе заинтересованъ въ ихъ революціи.

— Неужто же ты, молъ, пойдешь въ ихъ революцію?

— Нѣтъ, честное слово—пойду: если всѣ пойдутъ, такъ и я пойду. Но помни, братъ-Меркуль,—заклучилъ онъ, оставаясь и схвативъ обѣ мои руки:—помни, что мы, все-таки, товарищи, и если мы встрѣтимся другъ съ другомъ съ оружіемъ въ рукахъ въ бою, я закричу: «скачи мимо!» и тебя не ударю.

— И я тоже, и я тебя ни за что не ударю,—отвѣчалъ я.

— Щадить другъ друга, щадить какъ должно благодороднымъ людямъ и однокашникамъ. Слышишь?

— Хорошо, непременно пощажу,—отвѣчалъ я.

— Махни саблей—и мимо.

— Махну—и мимо.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Руку отъ сердца!

И подавъ руку.

Заклучивъ этотъ союзъ взаимной пощады, мы крѣпко стиснули другъ другу руки и поцѣловались, что, впрочемъ, не обратило на насъ особенное вниманіе прохожихъ.—вѣроятно потому, что въ тогдашнемъ ополченномъ кievскомъ обществѣ поцѣлуи при уличныхъ встрѣчахъ знакомыхъ мужчинъ были дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

Затѣмъ Пеньковскій открылъ мнѣ, что онъ на войнѣ не будетъ никого бить изъ товарищей и только возьметъ въ плѣнъ нашего военачальника, а потомъ полюбопытствовалъ, куда лежитъ мой путь—и, узнавъ, что я иду домой, вызвался меня проводить и дорогою спросилъ: «что говорятъ у васъ про венгерскую революцію?»

— У насъ объ этомъ ничего не говорятъ,—отвѣчалъ я.

— Это не хорошо; это не хорошо, Праотцевъ!

— Что такое?

— Зачѣмъ ты скрываешь?

— Увѣряю тебя.

— Такъ о чемъ же вы разговариваете?

— Ну, вогу! Будто только и разговора, что про революцію?... у матери бываютъ разные ученые люди и профессора, и она сама знаетъ по-латыни и по-гречески...

— Фуу, какая скука!

— Нимало; напротивъ, мы вчера обсуждали правительство и очень приятно провели время. Я люблю такіе разговоры.

— Ну, ужъ я думаю! Не притворяйся, братъ, умникомъ-то! Что тамъ можетъ быть пріятнаго съ профессорами? А къ намъ къ отцу вчера пришли гости, молодые чиновники изъ дворянскаго собранія и изъ гражданской палаты, и все говорили какъ устроить республику.

Я удивился и спросилъ, про какую онъ говоритъ республику.

— Извѣстно, какая бываетъ республика! всѣмъ вмѣстѣ будетъ править и король, и публика, — отиѣчалъ весело Пеньковскій, и такъ какъ въ это время мы не только дошли до нашей квартиры, но вступили въ самыя сѣни, то онъ снова потребовалъ мою руку и, прощаясь, сказалъ:

— Ты приходи какъ-нибудь ко мнѣ: я тебя познакомлю съ моимъ отцомъ, у меня отличный отецъ; онъ титулярный совѣтникъ и у него есть сѣдло и двѣ винтовки, и сабля — и представь себѣ, что онъ служить въ гражданской палатѣ и какъ двѣ капли воды похожъ на Кошута. Когда начнется революція, онъ непременно хочетъ быть нашимъ полководцемъ, и всѣ чиновники на это согласны, но ты, сдѣлай милость, пока никому своимъ объ этомъ не говори.

И даль слово держать это дѣло въ большомъ секретѣ — и мы благополучно разстались бы на этомъ, если бы матушка, встрѣтивъ меня у порога залы, не спросила: съ кѣмъ я говорилъ, — и, узнавъ, что это былъ мой корпусный товарищъ, не послала меня немедленно воротить его и привести къ ней.

Исполняя это приказаніе безъ особенной радости, я, однако, ведучи подъ руку Пеньковскаго, усиль ему шепнуть, чтобы онъ не открывался при матушкѣ, что онъ революціонеръ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Пеньковскій обѣщалъ мнѣ быть скромнымъ насчетъ Венгрии и прекрасно исполнилъ свое обѣщаніе, но зато во

всемъ другомъ обличилъ передъ маман такую игривую развязность, какой я отъ него никакъ не ожидалъ: онъ пустился въ рассказы о нашемъ прошломъ и представлялъ ей не только корпусное начальство, но и директорину, и офицерскихъ женъ; дѣлая при этомъ для большей наглядности выходы изъ открытыхъ дверей маминной спальни, онъ вдругъ появился оттуда въ матушкиномъ спальномъ чепцѣ и ночномъ пеньюарѣ.

Серьезная мать моя чрезвычайно оживилась и много смѣялась; но лукавый дернулъ Пенькновскаго вспомнить про извозчика Кирилу и рассказать, какъ онъ заѣзжалъ къ Ивану Ивановичу Елкину и какъ королевецкое «начальство» отпоролло его на большой дорогѣ нагайкою.

Матушка встревожилась, что я былъ свидѣтелемъ такой грубой сцены.

— За что же это съ нимъ такъ поступили?—спросила маман.

— А—а, не беспокойтесь сударыня, онъ этого слишкомъ стоилъ,—воскликнулъ мой Пенькновскій. Я такъ и замеръ отъ страха, что онъ, увлекшись, самъ не замѣтитъ, какъ скажетъ, что Кириллъ предательски выдавалъ его за палача, который будетъ въ Кіевѣ наказывать жестоко-обращавшуюся съ крестьянами польскую графиню; но мой рѣчистый товарищъ быстро спохватился и рассказалъ, что Кириллъ, будто бы, напившись пьянъ, зацѣпилъ колесомъ за полицмейстерскую коляску.

Я былъ необыкновенно удивленъ этою смѣлою и находчивою ложью Пенькновскаго, а матушка, наморщивъ брови, проговорила, что она просто представить себѣ не можетъ, какъ это можно было отпратить насъ, дѣтей, съ однимъ пьянымъ мужикомъ.

— Какъ же, это просто ужасно!—поддерживалъ Пенькновскій.—Этотъ мужикъ былъ совершенно ужасный пьяница и притомъ... и притомъ... онъ постоянно пилъ водку и говорилъ всякій вздоръ.

— Вы могли Богъ вѣсть чего наслушаться!

— Помилуйте, да онъ насъ водку училъ пить...

— И неужто же изъ васъ кто-нибудь его въ этомъ слушался?—воскликнула въ сдержанномъ ужасѣ мать, но Пенькновскій пресмѣло ее на этотъ счетъ успокоилъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—нѣтъ; то-есть, я и вашъ сынъ—

мы его не слушались, потому что я самъ не шлъ и удерживаль вашего сына, но другіе... Положимъ, что это не совсѣмъ хорошо выдавать товарищей, но, презирая ложь, я не могу отрицать, что другіе, которые меня не слушались, тѣ шли.

При этомъ онъ подмигнуль мнѣ — и такъ неловко подмигнуль, что матушка это замѣтила. Впрочемъ, научась въ одинъ день наблюдать ея страшную пронипательность, я видѣль, что она еще во время самаго разказа Пенькновскаго ему уже не вѣрила и читала истину въ моихъ потуленныхъ глазахъ; — но она, разумѣется, прекрасно совлада собою — и съ спокойствіемъ, которое могло бы ввести въ заблужденіе и не такого дипломата, какъ Пенькновскій, сказала:

— Я вамъ очень благодарна за вашъ прекрасный примѣръ и совѣтъ, которыми вы сберегли моего сына отъ порока, одна мысль о которомъ должна быть противна честному человѣку.

— Какъ же: я его всегда оберегалъ, — отвѣчалъ Пенькновскій; а матушка сказала, что она, будто бы, очень рада, что я имѣль себѣ такого благоразумнаго и строгаго товарища.

Пенькновскому эти слова были все равно, что обольстительный ѳиміамъ, въ сладкомъ дыму котораго онъ ошалѣль до того, что вдругъ, принявъ вѣроятнo свою ложь за истину, возмнилъ себя въ самомъ дѣлѣ моимъ нравственнымъ руководителемъ, — началъ разказывать, будто бы онъ всегда за мною наблюдалъ и въ дорогѣ, и въ корпусѣ, и тогда-то говорилъ мнѣ то-то, а въ другой разъ это-то, и т. п. Самая хвастливая и наглая ложь лилась у него рѣкою и приводила меня въ такое смущеніе, что я молчалъ и не перебилъ его ни однимъ словомъ даже тогда, когда онъ, истощивъ потокъ своего краснорѣчія насчетъ своихъ превосходствъ, вдругъ перешелъ къ исчисленію моихъ пороковъ, которые, по его словамъ, парализировали его вліяніе и часто мѣшали мнѣ усвоить ту безмѣрную пользу, какую могли мнѣ преподать его совѣты.

— Хорошо его зная, я могу сказать, что онъ еще не совсѣмъ дурной мальчикъ, — говорилъ онъ, указывая на меня искоса глазами: — но у него есть этакое, какъ бы вамъ сказать... упрямство. Да, именно упрямство! Я ему всегда го-

ворилъ: слушай меня во всемъ, потому что ты долженъ меня слушать! Но онъ одинъ разъ послушается, а другой разъ нѣтъ.—Что, братъ?—отнесся онъ непосредственно ко мнѣ:—я тебѣ говорилъ, что я ничего не скрою и все это со временемъ разкажу твоей маман! Да; родители о насъ должны все знать—и ужъ ты сердись или не сердись на меня, а я теперь это дѣлаю для твоей же пользы.

— Вы знаете,—продолжалъ онъ, снова обращаясь къ маман:—въ Твери одинъ нашъ товарищъ...

— Послушай!—вскричалъ я, не вытерѣвъ и сквозь слезы.

— Что, братъ? Нѣтъ, ужъ извини: разкажу. Въ Твери одинъ нашъ товарищъ Волосатинъ пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ, который давалъ его отецъ, и вашъ сынъ тамъ такъ неприлично повелъ себя... просто такъ неприлично, что будь это въ другомъ мѣстѣ—я не знаю, что бы могло выйти!

Маман вся всыхнула и кинула на меня молниеносный взглядъ, но, вѣроятно, встрѣтивъ мой взглядъ, потерянный, перенуганный и умоляющій, сейчасъ же успокоилась. А безпощадный Пенькновскій продолжалъ и благополучно окончилъ свой рассказъ о томъ, какъ я, войдя впереди всѣхъ товарищей въ большую залу, «какъ сумасшедшій бросаюся цѣловать руки у всѣхъ женщинъ».

— Это очень просто, маман,—отвѣчалъ я:— я никогда не бывалъ на балахъ и думалъ, что это такъ принято.

— Ну, да,—тихо уронила матушка совѣмъ успокоеннымъ голосомъ—и, какъ я былъ несомнѣнно убѣжденъ, въ знакъ своего неосужденія меня за рассказанную неловкость, подала мнѣ ключикъ отъ своего туалета и велѣла подать ей оттуда батистовый носовой платокъ.

Въ этомъ незначительномъ порученіи я увидалъ знакъ снисходительнаго ея ко мнѣ благоволенія (такъ умѣла она выражать все однимъ тономъ своего прекраснаго голоса, что слова ея, кромѣ своего банальнаго прямого выраженія, имѣли еще иное, тайное инносказательное—и именно такое, какое она хотѣла передать ими тому, кто долженъ былъ уразумѣть въ нихъ смыслъ непонятный для другихъ). Я именно вялъ этому смыслу и, выйдя въ ея комнату за ея платкомъ, вздохнулъ отъ радости, что дѣло мое поправлено и что матушка на моей сторонѣ, а не на сторонѣ доносившаго на меня Пенькновскаго.

Между тѣмъ сей послѣдній, пока я возился у матушкинаго комода, вспомнилъ, что ему пора домой. Къ неописанному моему удовольствію, онъ началъ прощаться съ матушкой и опять отѣнилъ меня особеннымъ образомъ, попросивъ матушку отпускать меня изрѣдка къ нему, на его отвѣтственность, на что матушка и согласилась,—а Пеньковскій принялъ это согласіе за чистую монету и, поблагодаривъ матушку за довѣріе, закончилъ обѣщаніемъ приводить меня назадъ домой подъ его собственнымъ надзоромъ.

Тутъ я уже просто сробѣлъ передъ этою его выходкой и мысленно далъ себѣ слово никогда къ нему не ходить. Хотя мать моя выправила мысль совершенно противную, сказавъ, что она будетъ очень рада этому, потому что эти проводы, конечно, доставятъ ей удовольствіе часто видѣть Пеньковского и ближе съ нимъ познакомиться.

Это я счелъ уже со стороны шаманъ за непонятную для меня неискренность, которая меня очень покоробила, межъ тѣмъ какъ Пеньковскій былъ въ восторгѣ—и, надѣвая въ передней свое пальто, весело прощенталъ мнѣ:

— А что же ты мнѣ не показалъ: гдѣ ваши ученые? Нѣтъ ихъ, что ли?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я сухо.

— А когда они приходятъ?

— Вечеромъ.

— Вечеромъ. Ну, пускай ихъ ходятъ вечеромъ! а ты теперь кажется ясно можешь видѣть, что все дѣло заключается не въ учености, а въ практикѣ.

«Провалился бы ты куда-нибудь со всею твоею практикой!»—подумалъ я и едва удержался отъ желанія сказать ему, что требую назадъ свое слово не сражаться съ нимъ, когда встрѣтимся на войнѣ, и махать саблей мимо. Энергически захлопнувъ за нимъ двери, я вернулся въ комнаты и почувствовалъ, что я даже совсѣмъ нездоровъ: меня знобило и въ лѣвомъ ухѣ стоялъ болѣзненно-отзывавшійся въ мозгу звонъ.

Лицо мое вѣроятно такъ ясно передавало мое состояніе, что матушка, взглянувъ на меня, сказала:

— Ты, кажется, не совсѣмъ здоровъ, дитя мое?

— Да, шаманъ;—отвѣчалъ я:—мнѣ что-то холодно, и я чувствую звонъ въ ушахъ.

— Это тебѣ надоуло въ голову, когда ты вчера куриль у форточки. Поди лягъ въ свою постель и постарайся успокоиться: сегодня вечеромъ ты долженъ идти къ твоему дядѣ, а завтра подашь ему просьбу о принятіи тебя на службу въ его канцелярію.

— Какъ, тамап, я долженъ идти къ нему безъ васъ?!— воскликнулъ я, почувствовавъ нѣкоторый страхъ при мысли о свиданіи съ статскимъ генераломъ, занимавшимъ, по тогдашнимъ моимъ понятіямъ, чрезвычайно важную должность.

— Да; ты долженъ идти одинъ,—отвѣчала матушка и рассказала мнѣ, что когда я утромъ ходилъ къ Альтанскимъ, мой двоюродный дядя, этотъ важный статскій генералъ, былъ у нея и передалъ свое желаніе немедленно со мною познакомиться.—Азнакомиться съ нимъ,—добавила тамап:—тебѣ гораздо лучше одинъ-на-одинъ, чѣмъ бы ты выглядывалъ какъ цыпленокъ изъ-подъ крыла матери. Притомъ же тебѣ надо привыкать къ обхожденію съ людьми и умѣть самому ставить себя на настоящую ногу; а это пріобрѣтается только навыкомъ и практикой.

«Опять практика!»—подумалъ я, унавъ въ постель съ тревожною мыслию, что вокругъ меня что-то тяжело и совсѣмъ не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. А отчего мнѣ было тяжело и какъ бы я хотѣлъ учредить по-иному—этого я не зналъ; но только воображеніе несмѣло и робко, словно откуда-то издалека, нашептывало мнѣ, что моя тамап, безъ сомнѣнія, строгая, нравственная и въ высшей степени благородная, но сухая женщина,—и я вдругъ вспомнилъ объ отцѣ и, кусая концы носового платка, который держалъ у лица, тихо заплакалъ о покойномъ. Мнѣ показалось, что мы съ отцомъ «теримъ одинакую участь» отъ тяжести живо нами сознаваемого высокаго, но ужъ слишкомъ авторитетнаго превосходства матери, между тѣмъ, какъ есть же на свѣтѣ кто-нибудь, къ кому она мягче и снисходительнѣе. Письмо къ Филиппу Кольбергу, которое я отдалъ утромъ на почту, мелькнуло передъ моими глазами,—и самъ Филиппъ Кольбергъ, котораго я никогда не видѣлъ, вдругъ нарисовался въ моихъ мысленныхъ очахъ такъ ярко и отчетливо, что я склоненъ былъ принять это за видѣніе—и затѣмъ начался сонъ, который во всякомъ случаѣ былъ пріятнѣе описаннаго бдѣнія. Мнѣ снилось, будто Филиппъ Кольбергъ, высокий, чрезвычайно стройный и сильный чело-

вѣкъ, съ длинными темнорусыми кудрями, огромными густыми усами и густой же длинной эспаньолеткой, смотрѣлъ на меня умными, энергическими, какъ небо голубыми глазами и, сжимая мою руку, говорить:

— Да; ты отгадалъ: я люблю твою мать, я люблю ее, люблю, люблю, какъ херувимъ любить Бога, потому что видѣть Его благость и величiе и не любить Его невозможно, и мы съ тобою сольемся въ этой любви и полетимъ за нею въ ея сферѣ. Гляди!

Онъ указалъ мнѣ на плывущую въ эфирѣ, яркую, свѣтлымъ теплымъ пламенемъ горящую звѣзду, въ сферѣ которой мы неслись невѣдомо куда, и вокругъ насъ не было ничего, ни надъ нами, ни подъ нами, — только тихая лазурь и тихое чувство въ сердцахъ, стремящихся за нашей звѣздою.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Проснувшись я услыхалъ, что матушка была не одна: съ нею былъ профессоръ Альтанскій, и они вели между собою тихую, спокойную бесѣду.

Я былъ нѣсколько удивленъ этому спокойствiю и подумалъ: неужто профессоръ ничего не знаетъ о томъ, какъ страдаетъ его дочь и въ какомъ она нынче была положенiи. Да и прошло ли это еще? Или, можетъ-быть, это имъ ничего?

И затѣмъ у меня пошелъ рядъ самыхъ пустыхъ мыслей, съ которыми я дѣлалъ свой туалетъ, вовсе не думая о томъ, куда я собираюсь и какъ буду себя тамъ держать.

Когда я былъ совсѣмъ готовъ, матушка позвала меня къ себѣ—и, не трогаясь съ мѣста, сказала мнѣ:

— Ну-ка, покажись, какъ ты одѣтъ...

Я сталъ.

— Перевернись.

Я повернулся спиной.

— Молодецъ!—замѣтилъ, глядя на меня, Альтанскій.

— Молодецъ-то онъ молодецъ,—отвѣтила, какъ мнѣ показалось, не безъ гордости татам:—но я вижу, что у этого молодца скверно сшито платье.

И съ этимъ она, вздохнувъ, встала и своими руками перевязала на моей шеѣ галстукъ, иначе чѣмъ онъ былъ завязанъ, поправила воротнички моей рубашки и, перекрестивъ меня, велѣла идти.

— Не сиди долго,—сказала она въ напутствіе.

— Нѣтъ, татап.

— Однако и не спѣши: это надо соображать по приему— какъ держать себя хозяева. Да говори почаще Льву Яковлевичу «ваше превосходительство».

При этомъ губы матушки сложились въ нѣсколько прерывательную улыбку, а профессоръ громко откашлялся и плюнулъ.

Я никакъ не могу утверждать, что этотъ плевокъ относился непосредственно къ «его превосходительству», но татап, вѣроятно, въ виду этой случайности, сейчасъ же нашла нужнымъ добавить, что Левъ Яковлевичъ очень не злой человекъ и имѣетъ свои заслуги и достоинства, а жена его Ольга Фоминишна положительно очень добрая женщина, и дѣти ихъ тоже очень добрыя, особенно старшая дочь Агата, которую татап назвала даже натурою превосходною, благородною и любящею.

Путь мой былъ не великъ—и я черезъ десять минутъ очутился на большомъ дворѣ, по которому бродили молча какія-то необыкновенно смиренныя, или привычныя къ незнакомымъ посѣтителемъ, собаки. Ихъ что-то было много, и всѣ онѣ откуда-то вставали, переходили черезъ свѣтлую полосу, которая надала отъ одного изъ освѣщенныхъ оконъ, и исчезали во тьмѣ. Во дворѣ стоялъ большой, даже очень большой одноэтажный домъ и множество флигелей, построенныхъ углами и зигзагами. Все это, несмотря на сумракъ, представляло очень оживленную массу: во флигелевыхъ окнахъ свѣтились огни, а за углами, во всѣхъ темныхъ впадинахъ шевелились какія-то тѣни—и ихъ было такъ много, что онѣ становились для меня гораздо страшнѣе, чѣмъ собаки, на добродушіе которыхъ я началъ довѣрчиво полагаться. Всѣ эти тѣни, населяющія дворъ моего родственника и покровителя, были жида, которые каждый день подъ сѣнію сумерекъ въ обилии стекались сюда, неся съ собою разнovidные дары для пріобрѣтенія себѣ дядиной благосклонности. Они-то—эти всевѣдущіе потомки Израиля—и указали мнѣ путь, какимъ я долженъ былъ проникнуть въ святилище, куда ихъ по очереди и лишь за деньги впускалъ дядинъ камердинеръ.

Хотя генерала Льва Яковлевича мнѣ никто не рекомендовалъ съ особенно дурной стороны, но я не былъ распо-

ложенъ составлять о немъ хорошее мнѣніе: его домъ съ какимъ-то огненнымъ трясеніемъ во всѣхъ окнахъ, его псы, сумрачные жиды, а особенно его низенькій камердинеръ Иванъ съ узкимъ лисьимъ лицомъ и широкимъ алчпымъ затылкомъ — все это производило во мнѣ отталкивающее впечатлѣніе. Несмотря на свою тогдашнюю молодость и неопытность, я во всемъ этомъ обонялъ какой-то противный букетъ взятки, смѣшанной съ кичливой заносчивостью и внутреннимъ ничтожествомъ. Левъ Яковлевичъ съ виду не похожъ былъ на человѣка, а напоминалъ запеченный свиной окорокъ: что-то такое огромное, жирное, кожистое, мелкощетилистое, въ свѣтлыхъ мѣстахъ коричневое, а въ темныхъ подпаленное въ видѣ жженой пробки. Вся эта жирная массивная глыба мяса и жиру была кичлива, надменна, раздражительна и непроходимо глупа. Левъ Яковлевичъ былъ до того самообольщенъ, что онъ даже не говорилъ по-человѣчески, а только какъ-то отпырхивался и отдувался, напоминая то свинью, то лошадь.

При моемъ вступленіи въ его кабинетъ, онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ за столомъ и, продувъ что-то себѣ въ носъ, запырхалъ:

— А?.. какъ?.. что такое?..

Я ничего не понималъ, но замѣгилъ, что у этого окорока засверкали подъ бровями его гаденькіе глазки, а камердинеръ, подскочивъ ко мнѣ, строго проговорилъ:

— Отвѣчайте же, сударь. Развѣ вы не видите, что генералъ сердится?

— Я ничего не понималъ... вы мнѣ расскажите, — началъ было я, но этотъ гордый холопъ, махнувъ презрительно рукой и пробурчавъ: «да ужъ молчите, когда не умѣете», подошелъ ко Льву Яковлевичу.

Ставъ за его кресломъ, Иванъ фамильярно поправилъ сзади гребешочкомъ его прическу и молвилъ съ улыбкой:

— Они боятся передъ вашимъ превосходительствомъ.

— А... какъ?.. что?.. мм... да... чѣмъ?.. чѣмъ?.. зачѣмъ ко мнѣ?.. зачѣмъ?.. чѣмъ... ѣмъ... мѣ?..

— Къ генеральнѣ проводить прикажете?

— А?.. да... м... мм... къ Ольгѣ Фоминишнѣ... да.

— Идите! — скомандовалъ мнѣ лакей, и выведя меня черезъ двѣ застланныя коврами комнаты, ткнулъ въ третью, гдѣ за круглымъ чайнымъ столомъ сидѣло нѣсколько меньшихъ

окорочковъ, которые отличались отъ старшаго окорока тѣмъ, что они не столько не умѣли говорить, сколько не смѣли говорить.

Изъ всѣхъ этихъ отрожденій Льва Яковлевича я не могъ никого отличить одного отъ другого: всѣ они были точно семья боровыхъ грибовъ, наплывшихся вокругъ дряблущаго матерого боровика. Всѣ они были одной масти и одного рисунка,— всѣ одинаковы и ростомъ, дородствомъ, лицомъ, красотою; всѣ были живыя другъ друга подобія: одиѣ и тѣ же окорочныя фигуры, и у каждаго та же самая на свѣтлыхъ мѣстахъ коричневая сальнистая закопченность.

При видѣ этой многочисленной, мирно и молчаливо сидящей за чайнымъ столомъ семьи, я здѣсь оказался столь же безтолковымъ со стороны моего зрѣнія, какъ за минуту передъ симъ былъ безтолковъ на слухъ: у Льва Яковлевича я не могъ разобрать, что такое онъ гнушитъ, а тутъ никакъ не могъ произвести самаго поверхностнаго полового отличія. Безъ всякихъ шутокъ, всѣ представившіяся мнѣ существа были до такой степени однородны и одновидны, что я никакъ не могъ отличить среди ихъ мужчинъ отъ женщинъ. Мать, дочери, сыновья, свояченица и невѣстка— все это были на подборъ лица и фигуры одной конструкціи и какъ будто даже одного возраста: вся разница между ними видѣлась въ томъ, что младшіе были по-подкопченнѣе, а старшіе позасаленнѣе. Но вотъ одно изъ этихъ тяжелыхъ существъ встало изъ-за стола,— и я, увидавъ на немъ длинное платье, догадался, что это должна быть особа женскаго пола. Это такъ и было: благодѣтельная особа эта, встрѣтившая и привѣтствовавшая меня въ моемъ затруднительномъ положеніи посреди комнаты, была та самая Агата, о добротѣ которой говорила тата. Эта дѣвушка представила меня и другимъ лицамъ своего семейства, изъ которыхъ одно, именно: свояченица генерала, Меланья Ѳоминишна, имѣла очевидное надъ прочими преобладаніе: я замѣтилъ это изъ того, что она содержала ключи отъ сахарной шкатулки и говорила вполголоса въ то время, какъ всѣ другіе едва шептали. Меланья Ѳоминишна дала мнѣ возлѣ себя мѣсто и налила чашку чая, — что я, будучи очень неловокъ и застычивъ, считалъ для себя въ эту минуту величайшимъ божескимъ наказаніемъ. Но къ моему благополучію, чай оказался совсѣмъ холодень, такъ что я безъ особыхъ за-

трудней проглотилъ всю чашку однимъ духомъ — и, на предложенный мнѣ затѣмъ вопросъ о моей мамѣ, отвѣчала, что она, слава Богу, здорова. Но, вѣроятно, какъ я ни тихо далъ этотъ отвѣтъ, онъ по обычаю дома все-таки показался неумѣстно громкимъ, потому что Меланья Фоминишна тотчасъ же притворила дверь въ кабинетъ и потому торопливо выпроводила меня со всѣми прочими въ комнату дѣвицъ, какъ выпроваживаютъ дѣтей «поиграть». Здѣсь мнѣ показывали какіе-то рисунки, разсматривая которые я мимоходомъ замѣтилъ, что у второй дочери генерала на одной рукѣ было вмѣсто пяти пальцевъ цѣлыхъ шесть.

Но вниманіе мое отъ этого шестого пальца вскорѣ было отвлечено появленіемъ въ комнатѣ молодого, очень стройнаго и пріятнаго молодого человѣка, которому всѣ подавали руки съ какимъ-то худо-скрываемымъ страхомъ.

— Ахъ, Сержъ! здравствуйте, Сержъ! — привѣтствовали его дамы и дѣвицы и тотчасъ же искали случая отъ него отвернуться, чѣмъ онъ повидимому нимало не стѣснялся и обращался съ ними съ какимъ-то добродушнымъ и снисходительнымъ презрѣніемъ.

Онъ мнѣ очень понравился — и я, продолжая разсматривать картинки, съ удовольствіемъ поглядывалъ на этого новаго посѣтителя, совсѣмъ не похожаго ни на кого изъ сѣрыхъ членовъ генеральской семьи. Въ его миломъ лицѣ и пріятной фигурѣ было что-то избалованное и женственное.

Сержъ сѣлъ въ уголокъ дивана — и, красиво сложивъ на груди руки, закрылъ глаза или притворился спящимъ.

Во все это время мы и здѣсь все продолжали шептаться, но тутъ вдругъ вошелъ камердинеръ Иванъ и объявилъ, что генералъ велѣлъ мнѣ завтра явиться въ палату.

Это извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ самымъ ободряющимъ образомъ, и обѣ дочери генерала сразу спросили:

— Папа уѣхалъ?

— Уѣхали, — небрежно отвѣчала камердинеръ — и, добавивъ, что лошадей велѣно присылать только въ двѣнадцатомъ часу, хотѣлъ уже уходить, какъ вдругъ Сержъ возвысилъ голосъ и громко велѣлъ подать себѣ стаканъ воды.

Повелительное обращеніе Сержа произвело самое радостное впечатлѣніе: всѣ лица оживились; голоса стали громче и смѣлѣе — и шестипалая дѣвица сѣла за рояль и начала играть, а другая зашла. Сыновья ходили вдоль по ком-

нагъ, а сама генеральна, усадивъ меня въ уголь большого дивана, начала спрашивать: какъ мы съ матушкою устроились и что думаемъ дѣлать? Я со всею откровенностію рассказалъ ей извѣстныя уже мнѣ матушкины соображенія — и генеральна, а вслѣдъ за ней и всѣ другіе члены ея семьи находили все это необыкновенно умнымъ и прекраснымъ и въ одинъ голосъ твердили, что моя татап — необыкновенно умная и практичная женщина. Я замѣтилъ, что ничего не говорившій и повидимому безучастный Сержъ, при первыхъ словахъ о моей татап, точно встрепенулся и потомъ началъ внимательно слушать все, что о ней говорили, а при послѣднихъ похвалахъ ея практичности — всталъ порывисто съ мѣста и, взглянувъ на часы, пошелъ къ двери.

— Сержъ, вы будете закусывать? — спросила его вслѣдъ Меланья Ѳомиинна.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ голосомъ, который мнѣ тоже очень понравился.

— Оставить вамъ?

— Нѣтъ, ма tante, нѣтъ, — не оставлять.

— Но вы придете почевать?

Сержъ остановился, улыбнулся и, низко поклонясь Меланьѣ Ѳомииннѣ, произнесъ:

— Приду, ма tante, на сонъ грядущій получить ваше святое благословеніе.

Съ этимъ онъ вышелъ.

— Шутъ, — молвила ему послѣдъ Меланья.

— А зачѣмъ вы его спрашиваете? — прошептала одна изъ дѣвицъ.

— Отчего же?

— Развѣ вы не знаете, какой онъ?

— Что мнѣ за дѣло, какъ онъ отвѣчаетъ: я исполняю свой долгъ.

— А я — что вы хотите — я очень люблю Сержу, — протянула генеральша: — когда онъ придетъ изъ своей Рипатовки на одинъ денекъ, у насъ немножко жизнью пахнетъ, а то точно заиндѣвѣли.

Генеральша мнѣ показалась очень жалкою и добродушною, и я въ глубинѣ души очень расположился къ ней за ея сочувствіе къ Сержу, насчетъ котораго она тотчасъ же объяснила мнѣ, что онъ ея племянникъ по сестрѣ Вѣрѣ

Омниницъ и фамилія его Крутовичъ, что онъ учился въ университетъ, но, къ сожалѣнію, не хочетъ служить и живетъ въ имѣніи, въ двадцати верстахъ отъ Кіева. Хозяйничаетъ и покоитъ мать.

Меланья Омниница, очевидно, иначе была настроена къ Сержу и по поводу послѣднихъ словъ сестры замѣтила:

— Да; не дай только Богъ, чтобы всѣ сыновья такъ поклонили своихъ матерей!

— Отчего же, Melanie?

— Такъ; будто вы не знаете?

Melanie говорила генеральшѣ *вы*, хотя видимо и ставила ее ни во что.

— Я, право, не знаю, — отвѣчала генеральша: — по-моему, онъ — добрый сынъ, очень добрый и почтительный, а ужъ какъ онъ въ субординаціи держитъ этого дерзкаго негодяя нашего Ваньку, такъ никто такъ не умѣетъ. Видѣли: не смѣлъ ему прислать воды съ Василькою, а небось самъ подалъ и не расплескалъ по подносу, какъ мнѣ плещетъ. Я всегда такъ рада, что онъ у насъ останавливается. А что касается до Сережинныхъ увлеченій... кто же молодой не увлекался? Ему всего двадцать пять лѣтъ.

— Пора жениться.

— И не безпокойтесь такъ много, онъ, Богъ дастъ, па ней и не женится!

— Почему вы это знаете?

— Не женится, Melanie, не женится. Сержъ упрямъ, какъ всѣ нынѣшніе университетскіе молодые люди, и потому онъ васъ съ сестрой Вѣрой не слушался. Что же, въ самомъ дѣлѣ: какъ вы съ нимъ обращались? — сестра Вѣра хотѣла его проклинать и наслѣдства лишитъ, но вѣдь молодые люди Богу не вѣрятъ, да и батюшка отецъ Илья говорить, что на зло молящему Богъ не внемлетъ, а наслѣдство у Сережи — отцовское — онъ и такъ получить.

— Какія вы мысли проповѣдуете, Ольга, и еще при дѣтияхъ!

— Что же я такое проповѣдую, Melanie: я говорю правду, что вы не такъ дѣйствовали, чтобы ихъ разъединить — и Сержъ упрямился; а Каролина Васильевна практическая, и ужъ если сестра Вѣра поручила ей устроить это дѣло, такъ она устроитъ. Каролина Васильевна дѣйствуетъ на нее, а не на него: это и умно, и практично.

Практичность матушки сдѣлалась предметомъ такихъ горячихъ похвалъ, что я, слушая ихъ, получилъ самое невыгодное понятіе о собственной практичности говорившихъ и ошибся: я тогда еще не читалъ сказаній лѣтописца, что «суть бо кіяне льстиви даже до сего дне» и принималъ слышанныя мною слова за чистую монету. Я думалъ, что эти бѣдные маленькіе люди лишены всякой практичности и съ завистью смотрятъ на матушку: а это было далеко не такъ; но объ этомъ послѣ.

Въ десять часовъ на столъ была подана нарѣзанная ломтиами холодная отварная говядина съ горчицей, которую всѣ ѣли съ неимовѣрнымъ и далеко ея недостойнымъ аппетитомъ, такъ что на мою долю едва достался самый крошечный кусочекъ. Затѣмъ тотчасъ же послѣ этого ужина я откланялся и ушелъ домой, получивъ на прощанье приглашеніе приходить къ нимъ вмѣстѣ съ маман по воскресеньямъ обѣдать.

Очутясь на тихихъ, озаренныхъ луною улицахъ, я вздохнулъ полною грудью—и, глядя на открытую моимъ глазамъ съ полугоры грандіозную мѣстность Стараго Кіева, почувствовалъ, что все это добро зѣло... но не въ томъ положеніи, въ которомъ я былъ и къ которому готовился.

Прославляемая «практичность» матушки приводила меня въ нѣкоторое смущеніе и начала казаться мнѣ чѣмъ-то тягостнымъ и даже прямо враждебнымъ. Разсуждая о ней, я начиналъ чувствовать, что какъ будто этотъ бѣдный Сержъ тоже страдаетъ отъ этой хваленой практичности. Боже мой, какъ мнѣ это было досадно! Да и одинъ ли Сержъ? А отецъ, а я, а Христа?.. мнѣ показалось, что мы всѣ страдаемъ и будемъ страдать, потому что мы благородны, горячи, доврчивы и искренни, межъ тѣмъ, какъ она такъ практична!

Я былъ очень огорченъ всѣмъ этимъ и шелъ, опустивъ голову, какъ вдругъ изъ-за угла одного дома, мимо котораго пролегалъ моя дорога, передо мною словно выросли двѣ тѣни: они шли въ томъ же направленіи, въ которомъ надлежало идти мнѣ, и вели оживленный разговоръ.

Изъ этихъ двухъ тѣней одна принадлежала мужчине, а другая женщине—и въ этой послѣдней я заподозрѣлъ Христа, а черезъ минуту убѣдился, что я нимало не ошибся: это дѣйствительно была она. Но кто же былъ мужчина? О! одного пристального взгляда было довольно: это былъ Сержъ.

Убѣдясь въ этомъ, я почувствовалъ, что у меня ёкнуло сердце, и уменьшилъ шагъ. Я сдѣлалъ это вовсе не съ цѣлью ихъ подслушивать, а для того, чтобы не сконфузить ихъ своимъ появленіемъ, но вышло все-таки, что я мимовольно учинился ближайшимъ свидѣтелемъ ихъ сокровеннѣйшей тайны,—тайны, въ которой я подозрѣвалъ суровое, жестокое, неумолимое участіе моей матери и... желалъ ей неуспѣха... Нѣтъ; этого мало: я желалъ ей болѣе чѣмъ неуспѣха и почувствовалъ въ душѣ злое стремленіе стать къ ней въ оппозицію и соединиться съ партією, которая должна разстроить и низвергнуть всѣ систематическіе планы, сочиненные ея угнетающею практичностью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Первые звуки разговора, которые долетѣли до меня отъ этой пары, были какія-то неясныя слова, переибышанныя не то съ насмѣшкою, не то съ укоризною. Слова эти принадлежали Сержу, который въ чемъ-то укорялъ Христа и въ то же время самъ надъ нею смѣялся. Онъ, какъ мнѣ показалось, держалъ по отношенію къ ней тонъ нѣсколько покровительственный, но въ то же время не совсѣмъ увѣренный и смѣлый: онъ укорялъ ее какъ будто для того, чтобы не вспылить и не выдать своей душевной тревоги.

Христя отвѣчала совсѣмъ иначе: въ голосѣ ея звучала тревога, но рѣчь ея шла съ полнымъ самообладаніемъ и увѣренностію, которая дѣлала всякое ея слово отчетливымъ, несмотря на то, что она произносила ихъ гораздо тише. Начавъ вслушиваться, я хорошо разобралъ, что она увѣрила своего собесѣдника, будто не имѣетъ ни на кого ни въ чемъ никакой претензій; что она довольна всѣми и сама собою, потому что поступила такъ, какъ ей должно было поступить.

Сержъ опять искусственно рѣзсмѣялся.

— Что же? я радуюсь, что ты такъ веселъ, — молвила въ отвѣтъ на это Христя, но мнѣ показалось, что эта неумѣстная веселость ее обидѣла, и она тихо сняла руку съ его локтя.

— Зачѣмъ же ты отнимаешь у меня свою руку?—спросилъ Сержъ.

Христя промолчала.

— Слышите ли вы, Харитина Ивановна?—повторилъ онъ

шутливо:—я васъ спрашиваю: зачѣмъ вы отнимаете у меня свою руку?

— Такъ намъ обоимъ удобнѣе идти, чтобы не сбить другъ друга въ грязь.

— Это острота, или каламбуръ?

— Право, ни то, ни другое, Сержъ, и вы бы, мнѣ кажется, могли повѣрить, что мнѣ едва ли до остротъ.

— Но кто же, кто всему этому виновать?—вскричалъ истерически Сержъ.

— Никто не виноватъ! все это идетъ само собою такъ, какъ ему должно быть.

— Мать моя, наконецъ, вѣдь согласна на нашу свадьбу. Что же еще тебѣ нужно?

Христя молчала.

— Неужто тебя могутъ останавливать или стѣснять глупые толки этого кабана моего дяди или моихъ дуръ тетюшекъ? Гдѣ же твои увѣренія, что тебя не можетъ стѣснять ничье постороннее мнѣніе? Ты, значить, солгала, когда говорила, что любишь меня и тебѣ все равно хоть бы весь міръ тебя за это возненавидѣлъ...

Христя снова промолчала и ступала тихо и потерянно глядя себѣ подъ ноги.

— Между тѣмъ, мнѣ кажется, я сдѣлалъ все, — продолжалъ Сержъ: — ты желала, чтобы я помирился съ тетками. и я для тебя помирился съ этими сплетницами... И даже болѣе: ты хотѣла, чтобы въ теченіе года, какъ мы любимъ другъ друга, съ моей стороны не было никакой рѣчи о нашей свадьбѣ. Я зналъ, что это фантазія; вамъ угодно было мени испытывать, удостовѣряться: люблю ли я васъ съ такою прочностію, какой вы требуете?

— Да, Сержъ.

— И что же? какъ это мнѣ ни казалось вздорнымъ...

— Нѣтъ, это не вздоръ,—перебила тихо Христя.

— Ну, и прекрасно, что не вздоръ,—и я все это исполнилъ: цѣлый годъ я не говорилъ тебѣ объ этомъ ни одного слова (Христя вздрогнула). Наконецъ,—продолжалъ Сержъ:—когда по прошествіи этого года моего испытанія, мать моя по своимъ барскимъ предразсудкамъ косо смотрѣла на мою любовь и не соглашалась на нашу свадьбу, ты сказала, что ни за что не пойдешь за меня противъ ея воли; я и это устроилъ по-твоему: мать моя согласна. Ты теперь не мо-

жень сказать, что это не вѣрно, потому что она сама тебѣ объ этомъ писала, даже болѣе: она лично говорила объ этомъ твоему отцу; и, наконецъ, еще болѣе: я настоялъ, чтобы она сама была у васъ, и она одолѣла свою гордость и была у васъ, и была съ тобою какъ нельзя болѣе ласкова...

Хрестя перебила его—и, протянувъ ему руку, произнесла:

— Да, благодарю тебя, Сержъ, это все правда: ты очень добръ ко мнѣ, и я не заслужила того, что ты для меня дѣлалъ.

— Нечего про то говорить: заслуживаешь ли ты или не заслуживаешь; когда люди любятъ другъ друга, тогда нѣтъ мѣста никакимъ счетамъ; — но рѣчь о томъ, что всему же на свѣтѣ должна быть мѣра и свой конецъ.

— Ахъ, да, и они для насъ уже исполнились.

— Ну, я этого не вижу, ты не идешь къ концу, а напротивъ, все только осложняешь.

— Итъ, Сержъ.

— Какъ же итъ? когда я уѣзжалъ отсюда недѣлю тому назадъ, ты просила меня вѣрить, что теперь уже все кончено и рѣшено, что я долженъ быть покоенъ, а тебѣ нужно только нѣсколько дней, чтобы выбрать день для нашей свадьбы; но прошелъ одинъ день — и я получаю отъ тебя письмо съ просьбою не прѣзжать недѣлю сюда. Привыкнувъ къ твоимъ капризамъ, я смѣялся надъ этимъ требованіемъ, но, однако, и его исполнилъ. Въ эти восемь дней ты что-то писала маман... Что ты такое ей писала?

— Оставь это, Сержъ.

— Итъ; я хотѣлъ бы это знать, что у тебя за тайны отъ меня съ моей матерью?

— Я ей кое въ чемъ открылась.

— Открылась? въ чемъ?

— Это моя тайна, Сержъ!

— «Открылась...» «тайна»... Господи, что за таинственность!

— Оставь это, Бога ради; я открыла ей мои душевные пороки.

— Изволь. Я не знаю, что заключалось въ твоёмъ письмѣ; ты лжешь, что ты открыла какіе-то пороки, потому что твое письмо привело мать въ совершенный восторгъ. Я думалъ, какъ бы она съ ума не сошла; она цѣловала твое письмо, прятала его у себя на груди; потомъ обнимала

меня, плакала отъ радости и называла тебя благороднѣйшею дѣвушкой и своимъ ангеломъ-хранителемъ. Неужто это все отъ открытія тобою твоихъ пороковъ?

Христя молча пошатнулась и схватилась рукою за стѣну.

— Что съ тобою,—спросилъ Сержъ.

— Ничего; я поскользнулась. Не обращай на это вниманія, продолжай, — меня очень интересуешь, что говорила обо мнѣ твоя мать?

— Ничего болѣе, какъ она отъ тебя въ восторгѣ, и ни за что не хотѣла показать мнѣ твоего письма.

— Вотъ видишь ли, какъ хорошо я умѣю утѣшить!

— Да оно и должно бы быть все хорошо; но что же значить твое вчерашнее письмо, чтобы я не пріѣзжалъ еще двѣ недѣли, и твоя записка, которую я нашелъ у тетушки Ольги Ѳоминыны: что еще за капризъ или тайна, что ты не хочешь пускать меня къ себѣ въ домъ?

— Да, это тайна, Сержъ.

— Опять тайна!—новая, или все та же самая, что сообщалась матери?

— Почти та же самая.

— И ты ее, вѣроятно, рѣшилась мнѣ открыть?

— Да; я рѣшилась. Я хотѣла сдѣлать это, но не такъ скоро. Я хотѣла собраться съ силами, — но ты не послушалъ меня, пріѣхалъ—и мнѣ ничего не остается какъ сказать тебѣ все. Я знала, что ты пойдешь къ намъ и рѣшилась ждать тебя здѣсь... на дорогѣ.

Она пожалъ плечами и съ неудовольствіемъ произнесъ:

— Тайна съ открытіемъ на уличномъ тротуарѣ... Это оригинально!

— Да, Сержъ, да: оригинально, глупо, все что ты хочешь,—но здѣсь я открою ее, здѣсь или гдѣ попало, но не тамъ, не въ нашемъ домѣ, гдѣ меня оставляютъ силы, когда я подумаю о томъ, что я должна тебѣ сказать.

Сержъ остановился и выпустилъ ее руку.

— Нѣтъ, будемъ идти, —настояла Христя и, потянувъ его за руку, заговорила часто и скороговоркой: — между нами, Сержъ, все должно быть кончено... все... все... все... надежды, свиданія... любовь... Все и навсегда.

— Такъ ты это серьезно говоришь?

— Серьезно, Сержъ, серьезно; я не могу быть твоею женою...

я не могу поступить противъ твоей совѣсти... Да; противъ совѣсти, Сержъ, потому что я... я люблю другого, Serge.

И она вдругъ схватила обѣ его руки, жарко ихъ поцѣловала—и, поднявъ къ небу лицо, на которомъ луна освѣтила полныя слезы глаза, воскликнула: «Прости! прости меня!»—и бросилась бѣгомъ къ своему дому.

Молодой человекъ кинулся за нею—и, нагнавъ, ее остановилъ на калиткѣ.

Я не слыхалъ первыхъ словъ ихъ объясненія на этомъ пунктѣ, а когда я подошелъ, они уже снова разставались.

— И вы запрещаете мнѣ встрѣчаться съ вами?—спрашивалъ Сержъ.

— Да; я прошу... я не могу этого запретить, но я прошу обѣ этомъ, — отвѣчала Христя голосомъ, въ которомъ уже не было слышно недавняго волненія.

Онъ нѣсколько патетически произнесъ: «прощайте»—и, встряхнувъ ся руку, пошелъ назадъ.

Я прислонился за темный выступъ забора—и, пропустивъ его мимо себя, видѣлъ, какъ онъ остановился и, вздохнувъ, словно свалилъ гору, пошелъ бодрымъ шагомъ.

Христя еще стояла на порогѣ и все смотрѣла ему вслѣдъ. Мнѣ казалось, что она тихо и неутѣшно плакала, и я все хотѣлъ къ ней подойти и не рѣшался; а въ это время невдалекѣ за угломъ слышались голоса какой-то большой шумной компаніи, и на улицѣ показалось нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ я съ перваго же раза узналъ Пеньковскаго. Онъ былъ очень веселъ—и, замѣтивъ въ калиткѣ женское платье Христи, кинулся къ ней со словами:

— Позвольте васъ одинъ разъ поцѣловать!

Калитка въ ту же минуту захлопнулась, и опомнившася Христя исчезла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я подскочилъ, чтобы защищать ее отъ наглости Пеньковскаго, который, увидя меня, весело схватилъ меня за руку и вскричалъ:

— Ага! а ты это, братъ, что тутъ по ночамъ дѣлаешь?

— Я провожалъ мою мать, — отвѣчалъ я, боясь, чтобы самое имя Христи не стало ему извѣстно.

— А-а! мать... Такъ это здѣсь была твоя мать?

— Да, моя мать.

— Да куда же это она шла? Развѣ это вашъ домъ?

— Нѣтъ не нашъ, а тутъ одна наша знакомая больна.

— Фу, чортъ возьми, какая глупость! И чего же это однако твоя мать стояла на калиткѣ?

— Она меня крестила.

— Крестила тебя! Это какіе пустяки! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ она тебя крестила?

— На ночь. Она всегда меня креститъ.

— Ахъ, чортъ возьми! Но ты ради Бога же не говори ей, что это я къ ней подлетѣлъ.

Я даль слово не говорить.

— А ты какъ думаешь: узнала она меня или нѣтъ?— безпокойно запыталъ Пеньковскій.

— Нѣтъ,— отвѣчалъ я:—я думаю, что она не узнала.

— И мнѣ кажется не узнала... довольно темно, да и я немножко пьянъ, а вѣдь я ей наговорилъ, что въ ротъ ничего не беру. Ты, однако, смотри: это поддерживай.

— Какъ же, непременно!

— Да, а то это выйдетъ не по-товарищески. А у насъ, братъ, сейчасъ были какія ужасныя вещи! — и Пеньковскій, поотставъ со мною еще на нѣсколько шаговъ отъ своихъ товарищей, сказалъ о нихъ, что это все чиновники гражданской палаты и что у нихъ сейчасъ былъ военный совѣтъ, на которомъ открылась измѣна?

— Какъ измѣна? кто же вамъ измѣнилъ.

— Одинъ подлецъ дворянскій засѣдатель. Онъ подписалъ на революцію сто рублей и на этомъ основаніи захотѣлъ всѣми командовать. Мы его высвистали, и отецъ часть тому назадъ выгналъ его, каналью. Даже деньги его выбросили изъ кассы, и мы ихъ сейчасъ спустимъ. Хочешь, пойдемъ съ нами въ цукерню: я угощу тебя сладкимъ тѣстомъ и глинтвейномъ.

Я поблагодарилъ его и отказался.

— Ну, какъ хочешь!—сказалъ Пеньковскій:—а то бы пошелъ и отлично бы накатились. Но все равно, иди домой и непременно развѣдай завтра, узнала ли меня твоя мать— и если узнала, то побожись, что это не я.

— Пожалуй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Такъ, въ такой обстановкѣ и среди такихъ элементовъ я ориентировался въ живописномъ городѣ, который почи-

тается колыбелью просвѣщенія для всего русскаго народа,—и по стеченію обстоятельствъ, и по избранію моей матери въ теченіе десяти лѣтъ кряду быть моею житейскою школою.

Это десять многознаменательныхъ для меня лѣтъ, окончательно сформировавшія мой характеръ.

Послѣ того, что я описалъ, я непосредственно заболѣлъ; поводомъ къ этому недугу, какъ матушка отгадала, дѣйствительно, была простуда, полученная мною во время куренія у форточки.

У меня сдѣлалась лихорадка и колотье въ ушахъ,—болѣзнь, конечно, не важная, но, однако, она мѣшала моимъ и служебнымъ, и учебнымъ занятіямъ. Первый блинъ шелъ комомъ: я только началъ уроки, только подалъ просьбу объ опредѣленіи меня на службу и сейчасъ же слегъ.

Въ это время, помимо болѣзни, со мною случилось еще двѣ непріятности: во-первыхъ, Кирилль явился ко мнѣ прощаться, а какъ я тотчасъ не вставалъ съ постели, то его приняла матушка и дала ему рубль, и этимъ бы все могло благополучно и кончиться, но, тронутый этою благодатью, Кирилль захотѣлъ блеснуть умомъ и, возмнивъ себя чѣмъ-то въ родѣ многоопытнаго Улисса, пустился въ повѣствованіе о томъ, какъ мы дорогой страждовали, и какъ онъ послѣ многихъ мелкихъ злоключеній былъ наконецъ подъ Королевцемъ крушно выпоронъ.

Услыхавъ изъ своей комнаты, что дѣло дошло до королевецкихъ происшествій, я чрезвычайно оробѣлъ, а когда матушка вдобавокъ къ этому еще спросила: за что же именно его такъ обидѣли.—страхъ мой уже не зналъ предѣловъ; но коварный мужиченко отлично нашелся. Неожожко помятливъ и почесавшись, онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Эхъ, государыня-матушка, если всю правду говорить, какъ передъ Богомъ.—то, вздохнувъ ко Всевышнему, ничего я больше за собою не знаю, какъ это Господь наказалъ меня за мое лакомство.

— За какое лакомство?—сказала тата.

— А что я о ту пору, лба не перекрестя, морковь ѣлъ.

Послѣ такого объясненія Кирилль былъ отпущенъ, и эта бѣда сплыла, но зато, на мѣсто ея близилась другая: черезъ нѣсколько дней, во время самаго жестокаго пароксизма

лихорадки, въ домѣ получилось на мое имя письмо. Находясь въ нестерпимомъ жару болѣзни, я ничего не понималъ: ни адреса на конвертѣ, ни того, что стояло на вынутомъ мною листкѣ; бумага трепетала въ моей рукѣ и строки трислись и путались, а глаза ничего не видали. Тогда матушка, вынувъ изъ моихъ дрожащихъ рукъ это письмо, взглянула на первыя его строки и вся измѣнилась въ лицѣ, воскликнувъ:

— Боже мой! кто это смѣетъ тебѣ писать такое письмо?

— Что тамъ такое, татап?—освѣдомился я, едва шевели своими смягчающими губами.

— Письмо начинается со словъ: «Праотцевъ, ты дуракъ!»

«Плохо!»—подумалъ я, заключая, по слогу, что это вѣрно энергическая Тверь сноится съ вѣжливымъ Кіевомъ!

— Тебя бранятъ,—продолжала матушка, показывая мнѣ листокъ, на которомъ я теперь при новомъ толчкѣ, данномъ всѣмъ моимъ нервамъ, прочелъ нѣсколько болѣе того, что было сказано: «Праотцевъ! ты дуракъ и подлець»... Дальше нечего было и читать: я узналъ руку Виктора Волосатина и понялъ, что это откликъ на мою борзенскую корреспонденцію къ его сестрѣ, потому что вслѣдъ за приведеннымъ привѣтствіемъ стояли слова: «Какъ смѣлъ ты, мерзавецъ, писать къ моей сестрѣ». Читая эти слова, я вспомнилъ, что ихъ точно такъ же читаетъ теперь и моя мать, и потому быстро разорвалъ письмо и, отвернувшись къ стѣнѣ, проспалъ цѣлыя сутки.

Когда я проснулся опять, былъ день въ той же передобѣденной порѣ, около которой вчера было получено тверское бранное посланіе. Къ этой порѣ у меня обыкновенно начинался лихорадочный пароксизмъ; но, однако, проснувшись теперь, я этого не ощущалъ. Тверская встрѣлка меня вылѣчила: я съ горя переспалъ болѣзнь.

Осмотрѣвшись, я увидалъ, что со мною въ комнатѣ никого нѣтъ, но недалеко въ матушкиной комнатѣ шелъ тихій разговоръ. Этотъ разговоръ, который, впрочемъ, гораздо удобнѣе назвать медицинскимъ разсужденіемъ, происходилъ между татап и однимъ—въ то время очень молодымъ—университетскимъ профессоромъ и касался меня.

Матушка жаловалась, что я на ея взглядъ очень нервный и впечатлительный, и что она этого боится, а медикъ отвѣчалъ:

— Да пѣтъ, онѣ довольно хорошо построены, но онѣ на длинныхъ ножкахъ, а ужъ этикіе, разумѣется, всегда немощко валки.

— То-то, мнѣ кажется, онѣ слабѣ,—шентала маман.

— Да я вамъ и говорю: люди на длинныхъ ножкахъ всегда нѣсколько квола. Коротконожки гораздо прочнѣе, но ужъ этого не передѣлаешь: кто на какихъ ножкахъ заведенъ и пущенъ, тотъ на такихъ и ходитъ. Впрочемъ, будьте покойны: все хорошо, а я спѣшу заѣхать къ Льву Яковлевичу.

Маман спросила:—кто у нихъ боленъ?

— Кажется, всѣ вдругъ,—отвѣчалъ докторъ и добавилъ, что онѣ былъ у нихъ ночью и теперь снова спѣшитъ, потому что тамъ весь домъ въ тревогѣ.

— Боже мой! что же это такое? а я не могу за болѣзнію сына ихъ навѣстить.

— Да и не спѣшите: тревога пустая и ничего опаснаго пѣтъ; вчера къ нимъ прѣѣхалъ ихъ племянникъ Сержъ и разругалъ ихъ за что-то по правамъ родства.

— Ахъ, какая досада! они и такъ его не жалуютъ.

— Да, даже самого Льва Яковлевича называлъ дикою свиньей, а съ тѣмъ отъ этого сдѣлался обморокъ; но то не важно: онѣ на коротенькихъ ножкахъ и скоро поправится.

Съ этимъ докторъ взошелъ на прощанье взглянуть на меня—и какъ я притворился спящимъ, то онѣ только указалъ матери на мои закрытыя одѣяломъ ноги—и, прошептавъ, что лучше было бы, если бы онѣ были покороче, уѣхалъ.

Между тѣмъ я во все это время съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ изъ-подъ своихъ рѣсницъ собственныя ноги врача и нашелъ, что онѣ у него чрезвычайно пропорціональны.

Освободясь отъ этого визита, я снова открылъ глаза и сталъ размышлять: дѣйствительно ли большая или меньшая длина ногъ можетъ имѣть такое важное вліяніе на судьбу человѣка, или же господинъ докторъ наирастъ на это только потому, что у самого у него прекрасныя ноги и ему выгодно обращать на нихъ косвеннымъ образомъ всеобщее вниманіе.

Въ эту самую минуту къ моему изголовью пріѣѣла съ вязаньемъ въ рукахъ матушка и, взглянувъ на мое задумчивое лицо, спросила:

— О чемъ ты размышляешь, дитя мое?

Я сконфузился и покраснѣлъ.

— Если это секретъ, то не говори.

— Нѣтъ, *мамап*, какой же секретъ!..

И я рассказалъ ей, что мнѣ пришло въ голову по поводу докторскаго разсужденія о ногахъ.

— Зачѣмъ же такъ думать?—отвѣчала *мамап*:—нашъ докторъ очень хороший и умный человѣкъ.

— Да; онъ мнѣ кажется слишкомъ практичный, *мамап*.

— «Слишкомъ практичный»... что ты подъ этимъ разумѣешь?

— Онъ... онъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ только то, что имъ пріятно или выгодно.

— Значить, по-твоему, быть практичнымъ все равно, что быть эгоистомъ?

— Да, *мамап*... То-есть позвольте, я это хорошенько не обдумалъ.

— Такъ обдумай.

Матушка, не переставая работать длинными деревянными спицами своего филейнаго вязанья, сосчитала рядъ петель— и потомъ, не ожидая моего отвѣта, заговорила, что я сужу чрезвычайно односторонне и неправильно: что быть практичнымъ—это еще отнюдь не значитъ быть себялюбивымъ эгоистомъ; но что, кромѣ того, въ свѣтѣ часто безъ разбора называютъ *практическими* людей, которые просто *разумны* и поступаютъ умно не вслѣдствіе большой практики, а вслѣдствіе хорошей обдуманности и яснаго пониманія дѣла. Она мнѣ, какъ профессоръ, разъяснила, что *практически* можно знать опредѣленное число тѣхъ вещей, въ которыхъ человѣку прежде уже довелось имѣть опытъ, а *разумно* постигать можно все доступное разумнѣю всестороннихъ свойствъ предмета, среды дѣйствія и условій времени и мѣста. И вслѣдъ зачѣмъ *мамап*, какъ будто пожелавъ еще болѣе пояснить сказанное мнѣ живымъ примѣромъ, улыбнулась и добавила:

— Вотъ, на примѣръ, когда ты шелъ въ головѣ цѣловавшихъ дамамъ ручки кадетъ или писалъ письмо о своемъ душевномъ состояніи, ты былъ *непрактиченъ*,—ты это сдѣлалъ потому, что не зналъ, что это не принято и не дѣлается.

— Да, *мамап*, да,—увѣряю васъ, что потому.

— Ну да, и вот потому-то это, не заключая въ себѣ ничего особенно дурного и глупаго, только непрактично; а твой тверской товарищъ, который прислалъ тебѣ обидное письмо за твою ласковость, сдѣлалъ гораздо худшій поступокъ—уже непрактическій, а неблагоразумный: онъ тебя обижаетъ за то, что ты ласкаешься... Это обозначаетъ плохую голову и нехорошее сердце...

— Онъ свѣтскій, маман.

— Не думаю: свѣтскіе люди стараются быть сдержанными; а люди практическіе—если хотятъ кого обидѣть, то не бранятся съ первыхъ строкъ, потому что тогда благоразумные люди далѣе не читаютъ. Кстати, павини меня: я бросила это глупое письмо въ печку.

Я обняла матушку и припала головою къ ея плечу.

Меня обуревали самыя смѣшанныя чувства: я былъ радъ, что ненавистное письмо, котораго я такъ долго ждалъ и опасался—теперь мнѣ уже болѣе не страшно; я чувствовалъ приливъ самыхъ теплыхъ и благодарныхъ чувствъ къ матери за деликатность, съ которою она освободила меня отъ тяжелыхъ самобичеваній за это письмо, представивъ все дѣло совѣмъ не въ томъ свѣтѣ, какъ оно мнѣ представлялось,—а главное: я ощущалъ неодолимые укоры совѣсти за тѣ недостойныя мысли, какія я, было, началъ питать насчетъ материнаго характера. Я видѣлъ, что она добрая и благоразумная, а совѣмъ не *практическая*, какъ о ней толкуютъ,—и мнѣ ее стало безконечно жалко. Я прижался къ ней еще тѣснѣе и прошепталъ:

— Простите меня, маман!

Она взяла мое лицо въ обѣ свои руки и спросила:

— Въ чемъ, дитя мое?

— Маман, мнѣ это страшно сказать вамъ.

Матушка, видимо, встревожилась, а когда я къ этому прибавилъ, что вина моя заключается въ моемъ легкомысліи, съ которымъ я позволилъ себѣ осуждать ее въ своемъ умѣ,—она даже поблѣднѣла и не могла произнести ни одного слова.

Въ моихъ мысляхъ мелькнулъ Филиппъ Кольбергъ, и я увидалъ, что началъ пренеловкую рѣчь и поспѣшилъ поправиться.

— Маман, я ропталъ на васъ: вы мнѣ казались очень практичными,—проговорилъ я, потупивъ глаза.

— Вотъ что!

И матушка приподняла мою голову, посмотрѣла мнѣ въ глаза—и, спокойно улыбувшись, обняла меня и прижала къ сердцу.

Я слышалъ, какъ это сердце билось, и чувствовалъ, что оно бьется для меня, межъ тѣмъ какъ если бы оно было практичѣе—ему никто не смѣлъ бы помѣшать воспользо-ваться своимъ правомъ биться еще для кого-нибудь дру-гого, и при этой мысли я опять почувствовалъ Филиппа Кольберга,—онъ вдругъ изъ какого-то далека насторожилъ на меня свои смѣлые открытые глаза, которыхъ я не могъ ничѣмъ прогнать—и только въ ревнивомъ страхѣ скалъ матушку и въ отвѣтъ на ея ласки шепталъ ей:

— Мама, другъ мой! вы моя самая умная, самая доб-рая мать. Скажите же мнѣ, что вы меня простили.

— Ото всего сердца прощаю и извиняю.

— «Прощаю и извиняю», подумалъ я... Отчего не просто прощаю?

— О чемъ ты задумался?—спросила мама.

Я не вытерпѣлъ и отвѣчалъ:

— Я думаю о томъ, мама, зачѣмъ вы прибавили, что не только прощаете, но и извиняете меня. Развѣ это не все равно?

Она опять улыбулась и сказала:

— Нѣтъ, это не все равно: прощеніе дается даромъ по снисходительности того, кто прощаетъ; а извиненіе вызы-вается причинами, которыя заставляютъ не считать вину виною. Но ты, однако, очень пытливъ—это хорошее каче-ство, оно можетъ вести къ широкому разумнію; но надо чтобы при этомъ не было безпокойнаго воображенія, кото-рое всегда ведетъ къ напраснымъ тревогамъ и ошибкамъ.

Все это для меня было чрезвычайно ново—и я съ вос-торгомъ чувствовалъ, что матушка вводитъ меня въ соз-наніе простыхъ, но важныхъ житейскихъ истинъ, и гордился ею самою и ея умомъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждое изъ ея словъ раскрывало передо мною въ самой малой вещи весьма сложныя идеи, объясненіе которыхъ было мнѣ чрезвычайно пріятно: я вкушалъ въ эти минуты священную сладость просвѣщенія ума и сердца. Относясь еще вчера весьма пас-сивно къ матушкиному проекту моихъ усиленныхъ научныхъ занятій, я теперь уже осуждалъ себя за это равнодушіе—

и теперь самъ страстно желалъ учиться и учиться не для чего-нибудь корыстнаго, не для чиновъ, не для званій или денежныхъ выгодъ, а именно для самихъ знаній, для постиганія всего того, что при незнаніи и необразованности проходить у человѣка незамѣченнымъ и ничтожнымъ, между тѣмъ какъ при глубокомъ разумѣніи жизни въ ней все такъ осмысленно, такъ послѣдовательно, причинно и условно, что можно властвовать жизнью, а не подчиняться ей. Однимъ словомъ: задумевный, хотя какъ всегда сдержанный, разговоръ, который я имѣлъ съ матушкою въ этотъ вечеръ, оставилъ своимъ слѣдствіемъ то, что во мнѣ вспыхнула жажда знаній—и я съ этихъ поръ безъ перерыва много лѣтъ сряду рыскалъ и шарилъ вездѣ, гдѣ надѣялся найти какое-нибудь новое знаніе.

Я не дожидался полнаго моего выздоровленія—и прежде чѣмъ недовольный моими ногами докторъ разрѣшилъ мнѣ выходить изъ моей комнаты, я доставилъ татап и Ивану Ивановичу Альтанскому случай не разъ повторить мнѣ, что оба они мною очень довольны. Мое прилежаніе и быстрота, съ которою я одолѣвалъ самимъ мною выпрашиваемые и удваиваемые себѣ уроки, приводили и татап, и профессора въ удивленіе. О напоминаніяхъ учиться не бывало и рѣчи, и я уже слышалъ только одни удерживанья.

— Не спиши, мой другъ, не спиши,—говорилъ мнѣ, самодовольно улыбаясь, Альтанскій.—Не опережай времени. Успишемъ: ты еще молодъ для серьезныхъ занятій.

— У тебя ноги длинны, всего вдругъ не поднимешь,— шутила на ту же тему татап.

Но я ничему этому не внималъ и погрузился въ книги и ученье какъ мышь въ гадку съ мукдою, откуда выглядывалъ на свѣтъ Божій робко, изрѣдка, съ застѣчивою дикостью и большою неохотою. Притомъ же, удерживая сравненіе себя съ угонувшею въ мукѣ мышью, я долженъ сказать, что, найдя вкусъ и удовольствіе въ занятіяхъ науками, я и наружу выглядывалъ какъ бы обсыпанная мукою мышь, и уже въ столь ранніе мои годы началъ казаться изряднымъ чудакомъ. Но буду по возможности держаться въ своемъ повѣствованіи порядка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Выздоровѣвъ, я немедленно опредѣлился на службу, по о

службѣ моей я не стану распространяться: это была канцелярская служба, какъ большинство службъ этого рода, то есть служба весьма необременительная—и для меня, какъ для «генеральскаго родственника», даже совсѣмъ легкая. Самъ генераль не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, а ближайшее мое начальство (купно до столоначальника) всячески мнѣ вольготило, конечно не потому, чтобы тѣмъ хотѣли сберечь мнѣ мое время для другихъ болѣе пріятныхъ и полезныхъ занятій, а съ другою цѣлю, которой я тогда не понималъ. Чиновники, мѣряя меня на свой аршинъ, предполагали во мнѣ опаснаго конкурента на должности и потому заботились не допускать меня до ближайшаго изученія тайнъ канцелярской науки. Я обыкновенно перешисывалъ каждый день на-бѣло двѣ-три бумаги и затѣмъ всегда съ большимъ удовольствіемъ уходилъ домой, гдѣ меня ожидали добрые друзья и научныя занятія, которыми я, какъ выше сказано, неустанно предавался съ страстнымъ увлеченіемъ, и, разумѣется, содержалъ это въ полнѣйшемъ секретѣ отъ моихъ служебныхъ товарищей, съ которыми, впрочемъ, вообще я не имѣлъ ничего общаго кромѣ встрѣчь въ канцеляріи.

Генераль Левъ Яковлевичъ, въ началѣ моего служебнаго поприща, раза два освѣдомлялся обо мнѣ, что я дѣлаю; но потомъ такая внимательность ему, вѣроятно, надоѣла—и онъ уже болѣе никогда не интересовался моими служебными усиліями. Матушка это видѣла, но зная, что мнѣ еще рано служить и что я служу, только подчиняясь моей суровой долѣ, она даже радовалась, что я пребывалъ внѣ всякихъ надеждъ на повышеніе по службѣ, но зато ничего и не заимствовалъ и не усвоивалъ себѣ изъ той чиновничьей среды, въ которую меня довольно надолго забросила житейская волна.

Знакомствъ мы никакихъ не дѣлали, какъ потому, что жили на весьма ограниченныя средства, такъ и потому, что не чувствовали въ нихъ ни малѣйшей надобности. Изъ дома мы выходили чрезвычайно рѣдко—и то только развѣ къ генералу Льву Яковлевичу, который, имѣя нѣкоторыя фамусовскія черты, требовалъ, чтобы я у него по праздникамъ обѣдалъ, что мнѣ, впрочемъ, всегда было сущимъ наказаніемъ. Матушку же туда довольно часто вызывали, но это тоже дѣлалось не по любви и расположенности къ ней,

а въ цѣлихъ весьма практическихъ, такъ какъ воинственный статскій генераль, зная, что матушка была друженно знакома съ домомъ барона К., у котораго Левъ Яковлевичъ служилъ въ маленькомъ чинѣ, конфузился ея и при ней не позволялъ себѣ дебошировать въ той степени, до которой онъ порой доходилъ въ своей семьѣ, находясь на свободѣ безъ постороннихъ свидѣтелей. При этомъ я хочу замѣтить, что онъ однако никогда не дрался, а только шумѣлъ, гремѣлъ, стучалъ кулаками, источая потоки самой находчивой брани, называя большую жену «мокробютикой», старшую дочь «уродомъ», а свояченицу «чортовой перечницей» и другими сему подобными лестными кличками. При шашал онъ такъ не ругался.

Матушка очень тяготилась необходимостью посѣщать этотъ домъ, но, однако, не отказывалась—сколько по своей добротѣ и миролюбію, столько же и потому, что считала нужнымъ удерживать эти отношенія для моей пользы. Другой домъ, гдѣ мы бывали, былъ домъ Альтанскихъ: сюда мы ходили съ удовольствіемъ, но гораздо рѣже, потому что и профессоръ, и его дочь (романъ которой и до сихъ поръ остается неразъясненнымъ въ моихъ запискахъ) были ежедневно у насъ. Совмѣстныя занятія науками, совмѣстная душевная, умная и пріятная бесѣда у камина и совмѣстный чай, а потомъ легкій ужинъ ломтемъ холоднаго мяса—были нашимъ режимомъ, въ которомъ мы сблизились и слились до неразрывнаго душевнаго согласія, взаимной привязанности и единства.

Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ намъ не нужно было никакого болѣе просторнаго міра, хотя мы отсюда часто обзрѣвали весь міръ и передвигали передъ собою его картины при различныхъ освѣщеніяхъ. Въ характерѣ нашихъ бесѣдованій было замѣчательно то, что лица въ нашихъ разговорахъ играли относительно очень небольшую роль; мы почти никогда не говорили о комъ-нибудь, а всегда о чемъ-нибудь—и потому разговоръ нашъ получалъ форму не осужденія, а разсужденія, и черезъ это бесѣдѣ сообщался спокойный, философскій характеръ, незамѣтно, но быстро давшій моему уму склонность къ изслѣдованію и анализу.

Отправленіе въ каждой бесѣдѣ отъ живыхъ и часто по видимому ничтожныхъ явленій частной жизни къ вопросамъ общаго значенія—дѣлало эту бесѣду столь легкою и доступ-

ною, что я—самый младшій и невоспитанный членъ нашего кружка,—самъ не замѣтилъ, какъ началъ свободно понимать все, что мнѣ доводилось слышать, и чувствовалъ себя въ силахъ ставить иногда болѣе или менѣе умѣстно свое слово. Если мнѣніе мое не служило къ разъясненію вопроса, то оно нерѣдко было поводомъ къ указанію небывшаго до тѣхъ поръ на виду возраженія со стороны непросвѣщеннаго разума.

Голосъ мой въ своемъ родѣ былъ нѣчто въ родѣ *голоса изъ толпы*, на который всегда давался терпѣливый и разумный отвѣтъ, всегда шедшій мнѣ—представителю толпы—на добрую потребу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Первое что мнѣ припоминается — это бесѣда въ тотъ самый вечеръ, когда между мною и матушкою произошло сердечное примиреніе послѣ моихъ мысленныхъ противъ нея раздраженій.

Мы сидѣли въ полномъ сборѣ всѣ вчетверомъ, то-есть я, еще немножко больной и помѣщавшійся въ глубокомъ креслѣ, моя матан, профессоръ и его дочь, которая появилась къ вечеру съ нѣскольکو блѣднымъ, но твердымъ лицомъ.

Матушка, наливъ всѣмъ намъ чаю, молвила, что у нея сегодня очень радостный день, — что она сегодня сдѣлала дорогую находку или пріобрѣтеніе.

— Развѣ вы выходили сегодня?—спросила ее Христя.

— Нѣтъ, не выходила: я нашла мою находку у себя дома.

— Что же это такое?

Матушка отвѣчала, что она нашла сердце своего сына и пріобрѣла его довѣріе.

Я покраснѣлъ.

— Но развѣ его сердце не всегда вамъ принадлежало?—продолжала Христя.

— Да; онъ меня любитъ и онъ былъ *увѣренъ* въ моей любви, но съ сегодняшняго дня все, что мнѣ принадлежало отъ него *по вѣрть*, онъ отдалъ мнѣ *по убѣжденію*. Это мнѣ очень дорого — и я высоко буду цѣнить этотъ день. Это мой праздникъ.

Я покраснѣлъ еще болѣе.

— Не стыдись, пожалуйста, моей благодарности,—продолжала матан: — я знаю, что присутствовать на своей соб-

отвенной цензурѣ очень непріятно, особенно когда насъ въ глаза хвалить; но я все это говорю не въ похвалу тебѣ, а просто открываю тебѣ мою высшую радость. Приобрѣсти твою откровенность—это все, чего я могла желать и молить у Бога; и Онъ все это далъ мнѣ.

Я смутился: на душѣ моей лежала цѣлая тьма тайнъ, которыхъ я не открылъ и не рѣшился бы открыть моей матери; но эти ея слова, послуживъ мнѣ укоромъ, возбудили во мнѣ такой азартъ покаянія, что я заговорилъ:

— Нѣтъ, маман, я вамъ еще не все открылъ! И затѣмъ я началъ порывисто и страстно при всѣхъ приносить подробное покаяніе во всѣхъ моихъ путевыхъ проступкахъ, не умолчавъ даже о томъ, что встрѣтилъ подъ ярмарочными шатрами въ Королевцѣ женщину и послѣ того не могъ помыслить: какъ я предстану матери и обниму ее.

Это сдѣлалось такъ внезапно, что неприготовленные къ тому Альтанскіе скромно потупили глаза, а Христа даже хотѣла выйти; но маман остановила ее за руку и, склонивъ голову, внимательно и, казалось, покойно слушала мою исповѣдь.

Когда я кончилъ и заключилъ словами:

— Маман, прошу васъ, переимѣните обо мнѣ ваше доброе мнѣніе,—я его не стѣю...

Матушка помолчала минуту, а потомъ начала спокойнымъ и ровнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, если ты открылъ все это съ тѣмъ, чтобы не возвращаться къ тому, въ чемъ ты осудилъ себя, то ты стѣишь добраго мнѣнія.

— О да, маман, я гнушаюсь моимъ прошлымъ!

— Поди же и обними меня.

Это былъ такой краснорѣчивый отвѣтъ на мое сомнѣніе о правѣ обнять ее, что я кинулся ей на шею и, обнявъ ее, зарыдалъ.

— Перестаньте: вамъ еще вредно такъ сильно волноваться! — прозвучалъ въ это время надо мною нѣжный голосъ Христа, и когда я, услыхавъ этотъ голосъ, поднялъ свое лицо, добрая дѣвушка и мать обняли меня и обѣ попеременно поцѣловали.

Эти чистые поцѣлуи были цѣленіемъ отъ моей королевцевской проказы—и притомъ какимъ свитымъ и плодотворнымъ цѣленіемъ! Ими одинъ порокъ былъ навсегда опозоренъ передо мною и вырванъ изъ моего сердца.

— Еще, маман, продолжалъ я въ своемъ покаянномъ азартѣ:—я долженъ васъ предостеречь: я скрылъ отъ васъ, что мой товарищъ Пенькновскій совѣмъ не такой, какимъ онъ себя вамъ представилъ: онъ меня ни отъ чего не удер- живалъ.

Но матушка остановила меня знакомъ и не позволила болѣе рассказывать.

— Я все это считала возможнымъ,—сказала она: -- но твоего товарища осуждать нельзя — этотъ бѣдный молодой человекъ живетъ безъ добраго руководства.

— Колеблема вѣтромъ трость, — тихо поддержалъ Альтанскій и, вынувъ изъ кармана круглую табакерку, отошелъ съ нею къ окну, добавивъ:—панское сердечко — шляхетска кровь.

— Да; къ тому же онъ имѣетъ несчастіе быть полякомъ и потому заслуживаетъ извиненія,—подсказала маман.

Помня недавшій разговоръ о значеніи словъ *прощать* и *извинять*, я тотчасъ же постигнулъ вдуматься: почему польское происхожденіе можетъ заставить не только *прощать* пороки по милости, но даже извинять ихъ по какому-то праву на снисхожденіе, и я рѣшительно недоумѣвалъ, но матушка мнѣ это тотчасъ разъяснила.

— Поляки потеряли свою самостоятельность, — продолжала она:—а выше этого несчастія нѣтъ; всѣ народы, теряя свою государственную самостоятельность, обыкновенно теряютъ доблести духа и свойства къ его возвышенію. Такъ было съ великими греками, римлянами и евреями, и теперь то же самое на нашихъ глазахъ происходитъ съ поляками. Это ужасный урокъ.

— Да; сей урокъ учить любить свой народъ, дабы не видать его въ униженномъ удѣлѣ побѣжденныхъ,—вмѣшался Альтанскій.

— Вы прекрасно сказали,—отозвалась мать и добавила: но мнѣ кажется, что этотъ урокъ тоже учить и снисхожденію, какое вызываетъ участь побѣжденныхъ?

— Да, да; тоже и этому. *Fortuna belli artem victas quoque docet.*

— Но позвольте, маман,—заговорилъ я:—я, право, не знаю, какъ мнѣ быть; но мнѣ кажется, что я не долженъ отъ васъ скрывать, что Пенькновскій сказалъ мнѣ, будто они хотятъ дѣлать революцію.

Мамап сдвинула брови и переспросила меня, такъ ли я ей выразился; а когда я повторилъ ей мои слова, она сухо отвѣтила, что это непременно вадоръ.

— И на что имъ революція?

— Не знаю, говорю, мамап: они, кажется, хотять сдѣлать республику.

— Республика!.. Какая можетъ быть республика у пустыхъ и глухихъ людей?

— Не знаю, мамап, но онъ мнѣ говорилъ, что будетъ такая республика, гдѣ король и публика.

Мать промолчала, но профессоръ, сильно зарядивъ носъ табакомъ, проговорилъ съ легкою насмѣшкою:

— Республика — гдѣ король и публика, а республиканція — гдѣ нѣтъ королю ваканціи.

Мнѣ показалось, что профессоръ слегка шутилъ не надъ однимъ Пеньковскимъ, но и надъ словами матери, которая тоже сдѣлалась съ нимъ на нѣсколько минутъ суше, чѣмъ обыкновенно, и сказала, что, обращая все въ шутку, можно довести до того, будто польская республика была не что иное, какъ котлета съ горошкомъ, которую скушали и ея какъ не бывало.

— Нѣтъ, доказать, что она какъ не бывало, невозможно, — отвѣчалъ профессоръ: — потому что кто ее скушалъ, тѣ отъ этого распоязѣли; но можно доказать, что пустые люди, принимаясь за хорошую идею, всегда ее роняютъ и портятъ.

Съ этимъ профессоръ простился, оставивъ матушку примиренною съ его мнѣніемъ, а меня съ открытіемъ, что и онъ, и мать моя въ душѣ республиканцы и притомъ гораздо большіе, чѣмъ Пеньковский, но совсѣмъ не такіе, какъ онъ и его заговорщики.

Я не понималъ, что бы такое моя мать и Альтанскій могли сдѣлать для *великой идеи*, но былъ увѣренъ, что они бы ее ни за что «не уронили и не испортили».

Впослѣдствіи я убѣдился, что соображенія мои вѣрны, и притомъ, изучая характеры и взгляды этихъ лицъ, я открылъ, что у матушки были передъ профессоромъ значительныя преимущества возвышеннаго, но пылкаго духа, тогда какъ профессоръ относился ко всему съ спокойнымъ величіемъ мудреца. Эта разность въ характерахъ порождала между ними легкія столкновенія, разрѣшавшіяся чрезвычайно своеобразно. Когда матушка высказывала мысли, подобныя тѣмъ,

какія мною приведены выше по поводу разговора о Меньковскомъ, профессоръ обыкновенно отходилъ съ своею табакеркою къ окну и, казалось, думалъ совсѣмъ о другомъ, но, уловивъ какое-нибудь одно слово, вдругъ подбиралъ къ нему болѣе или менѣе удачную риму и отзывался шутливо въ стихотворной формѣ, въ родѣ:

«Въ республиканціи, нѣтъ королю ваканціи»

Такъ какъ онъ употреблялъ этотъ приемъ, очевидно, съ добродушною ироніею надъ всѣмъ слышаннымъ, то матушкѣ это не очень нравилось — и она, при всемъ своемъ самообладаніи въ подобныхъ случаяхъ, обнаруживала легкое раздраженіе. Вообще же, хотя татапа отзывалась объ Альтанскомъ не иначе какъ съ величайшею похвалою, я чувствовала, что всѣ ея похвалы относятся только къ ея свѣтлomu уму, непререкаемой честности и большимъ свѣдѣніямъ, но что въ немъ было нѣчто такое, что ей не совсѣмъ нравилось, и что если бы отъ нея зависѣло отлить человѣка въ идеальную форму, то этой формой не во всемъ послужилъ бы избранный ею мнѣ наставникъ.

Альтанскій былъ ученый бурсакъ, матушка—просвѣщенная баронесса: эта разница лежала между ними всегда при всемъ видимомъ сходствѣ ихъ убѣжденій и при несомнѣнномъ другъ къ другу уваженіи. Старый ученый считалъ мою мать женщиною выходящею далеко вонъ изъ ряда, но... все-таки иногда давалъ ей свои римованные отвѣты, смыслъ которыхъ обозначалъ, что онъ считаетъ то или другое ея положеніе недостойнымъ отвѣта болѣе серьезнаго.

Между тѣмъ, они были друзьями—и это меня чрезвычайно удивляло, такъ какъ я имѣлъ совсѣмъ иное понятіе о взаимномъ отношеніи дружественныхъ между собою людей.

Совсѣмъ не то установилось въ отношеніяхъ Альтанскаго ко мнѣ и въ отношеніяхъ моей матери къ Христѣ. Профессоръ, окончивъ со мною урокъ, часто и подолгу еще оставался за тѣмъ же столомъ и бесѣдовалъ со мною. Окончивъ занятія въ формѣ строго-научной, онъ давалъ мнѣ сладчайшую умственную пищу, продолжая разговоръ о томъ же предметѣ въ формѣ легкой и пріятной, всегда вызывающей на размысленія и дающей для нихъ обильную пищу. И здѣсь уже не было никакого мѣста римоплетенію, если только татапа не вмѣшивалась въ дѣло; но всякое болѣе или менѣе продолжительное вмѣшательство съ ея стороны—

тотчасъ же вызывало у профессора наружу и его стихи, и его табакерку.

Мамап это замѣтила—и въ противность своему обѣщанію перестала присутствовать при нашихъ урокахъ, а потомъ предложила, чтобы я для большаго удобства Альтанскаго самъ ходилъ къ нему на домъ, что и мнѣ самому было чрезвычайно пріятно, такъ какъ дома у себя старикъ былъ еще дружественнѣе и сообщительнѣе. Уроки шли долго, но мнѣ казалось, что время за ними летѣло на крыльяхъ; а бесѣды, которыми Альтанскій заключалъ эти уроки, портили все расписаніе часовъ, сдѣланное для меня матушкою. Французскому и англійскому языку оставалось очень немного часовъ, потому что почти все вечернее время, послѣ занятій съ Альтанскимъ классиками, я проводилъ у него, уносясь восторженными мечтаніями во времена давно миновавшія, въ міръ великихъ мудрецовъ и доблестныхъ героев. Христа въ эти самые часы обыкновенно брала свои музыкальные уроки и потомъ занималась съ мамап по-англійски, а мы съ старикомъ оставались двое въ его оригинальномъ большомъ кабинетѣ, куда не допускался никто изъ нешосвященныхъ, хотя бы даже для того, чтобы обмести пыль, которая лежала на всемъ густыми слоями или висѣла космами. Альтанскій никому не позволялъ нарушать тотъ безпорядокъ, въ которомъ онъ одинъ, къ неопisanному моему удивленію, всегда быстро умѣлъ находить все, что ему было нужно.

Я позволю себѣ, въ виду сверкающихъ сѣдинъ, еще на минуту завернуть въ этотъ задумчивый и пыльный кабинетъ, куда я прятался отъ людей, чтобы лучше ихъ видѣть и понимать.

Мы сѣли здѣсь за свои занятія часъ спустя послѣ обѣда и выходили отсюда, когда Богъ полагалъ на сердце.

Заходило солнце, спускались сумерки, восходила луна и серебристый свѣтъ ея тихо ложился на пыльный, до полу покрытый толстымъ фризомъ и заваленный фоліантами столъ, а мы все бесѣдовали. Я гдѣ-нибудь сидѣлъ въ углу, а сухой старикъ ходилъ—и ровною благородною ораторскою рѣчью повѣствовалъ мнѣ о дѣяніяхъ великихъ людей Греціи, Рима и Кароагена. И я все это слушалъ—и слушалъ часто вѣсь дрожа и замирая отъ страстнаго волненія.

Однажды, весь взволнованный разказомъ Альтанскаго о

судѣ надъ Сократомъ и весь преисполненный гнѣва и досады, я сорвался съ мѣста и схватилъ Альтанскаго за руку, какъ бы желая его остановить, но онъ спокойно обнялъ меня своею другою рукою и увлекъ впередъ. Мы ходили обнявшись — и бесѣда не прекращаясь лилась и лилась своею чередою.

— Ты дрожишь, — сказалъ опъ въ заключеніе, обратись ко мнѣ и впервые заговоривъ со мною на ты. — Ты дрожишь отъ негодованія на людскую несправедливость: слагай это въ своемъ сердцѣ.

— Я этого не позабуду, — отвѣчалъ я, сжимая до крови ногтями грудь подъ сорочкой.

Старикъ остановился и, посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— Какого духа ты теперь исполненъ?

— Я умереть хочу за справедливость, — прошепталъ я.

— О, добрый юноша! — воскликнулъ старикъ: — справедливость покуда лишь *хорошая идея*, осуществленія которой въ толпѣ нѣтъ точно такъ же, какъ не можетъ ея быть у тирана. Смирись передъ этимъ — и поди въ кухню и поставь самоваръ.

И когда я пошелъ буквально исполнить то, что мнѣ сказано, старикъ уснулъ — и я засталъ его спящимъ на диванѣ, всего озареннаго янтарными лучами заходящаго солнца.

«Такъ-то миренъ закатъ твой! — подумалъ я: — каковъ-то задастся онъ мнѣ?» — и при этомъ мнѣ вдругъ чудилось, что мнѣ еще куда-то надо сбѣжать отсюда до заката; въ открытую форточку врывалась свѣжая струя и куда-то манила... Куда?.. Но я отвращался отъ этой взманы и учился, учился все больше и служилъ моему учителю все покорнѣе и смиреннѣй. Я съ какимъ-то сладкимъ раболѣпствомъ исполнялъ при немъ разныя послуги: ходилъ покупать ему нюхательнаго табаку, бѣгалъ на Подоль за особыми булками, которыя ввечеру выносили на базаръ двѣ извѣстныя въ то время мѣвскія пекарки, Поднебесная и Керовна, и аккуратно чистилъ клѣтку его сѣдого бердичевского соловья.

Зато и самъ Альтанскій не чинился со мною — и въ то время, какъ употреблялъ меня вмѣсто отдыха на побѣгушки и ставленья самовара, онъ самъ садился къ окну и при свѣтѣ сумерекъ или при слабомъ блескѣ луны царапалъ въ моей тетради мысли, которыя хотѣлъ водворить въ душѣ

моей, чтобы поставить меня «господиномъ, а не рабомъ жизни».

Успѣхи я дѣлалъ невѣроятно быстрые, но вліяніе ихъ на меня было нѣсколько странно: я чувствовалъ себя очень слабымъ на моихъ длинныхъ ножкахъ.

Однако объ этомъ невдалекѣ рѣчь впереди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Отношенія татап и Христи являли другую картину; по моимъ замѣчаніямъ, татап не безъ нѣкоторой горечи видѣла мое исключительное пристрастіе къ Альтанскому, но нѣжно любила его дочь. Однако, какъ онѣ ни были другъ къ другу нѣжны, казалось, что между ними нѣтъ той тѣсноты духовнаго единенія, какая образовалась у насъ съ Ивановъ Ивановичемъ. Чтобы характеризовать ихъ отношенія, я могу сказать, что матушка любила Христю, а та ее... тоже любила, но гораздо менѣе, чѣмъ уважала.

Я это замѣчалъ и очень сожалѣлъ мою бѣдную татап, у которой была какая-то несчастная привилегія, при всѣхъ правахъ на всеобщую любовь, внушать людямъ всевозможныя возвышенныя чувства кромѣ одной любви. Ей безусловно вѣрили, на нее полагались, ее уважали и всѣ отъ нея ждали поступковъ самыхъ благородныхъ и прекрасныхъ, но я никогда не зналъ тѣхъ, кто бы ее беззавѣтно любилъ настоящею любовью туне-пріемлемою и туне-даваемою,—единою, какъ мнѣ кажется, истинною любовью... Мнѣ сдавалось, что матушка это знаетъ, — да и могло ли это быть иначе при той провинциальности, съ которою она читала въ сердцахъ людей? Я увѣренъ, что это было такъ—и этому болѣе всего приписываю ея постоянную тихую грусть, отражавшуюся въ ея взглядѣ.

Прекрасный и въ то же время мучительный взглядъ этотъ сталъ мнѣ особенно чувствителенъ въ то время, когда между мною и Альтанскимъ началось дружеское сердечное сліяніе, — и я началъ до такой степени страдать отъ этого взгляда, что однажды, когда мы сидѣли съ татап вдвоемъ, я вдругъ кинулся къ ней, схватилъ ее за руки—и, покрывая ихъ поцѣлуями, воскликнулъ:

— Матап, другъ мой, отчего вы такъ грустно смотрите?

Но описаннаго мною взгляда уже какъ бы не было: матушка смотрѣла на меня прямыми, добрыми и спокойными

глазами и, поправивъ мои волосы, поцѣловала меня въ лобъ и сказала:

— О, дитя мое, я совсѣмъ не грущу, я знаю, что ты меня много любишь, и я очень счастлива; но ты самъ очень много трудишься—и я прошу тебя, оставь книгу и пройдишь къ Альтанскимъ: посиди съ Иваномъ Ивановичемъ — это тебя успокоитъ.

— Нѣтъ; я ни за что на свѣтѣ не пойду отъ васъ, шатап, я хочу быть съ вами.

— Но, другъ мой, мнѣ нужно сходить посидѣть вечерокъ у твоего дяди, а какъ тебѣ тамъ нечего дѣлать, то ты можешь съ бѣльшимъ удовольствіемъ провести это время у Альтанскихъ, а потомъ, если хочешь, можешь попозже зайти за мною.

Я хотѣлъ возражать, но матушка, закрывъ мнѣ съ улыбкою ротъ своею ладонью, поцѣловала меня въ голову и вышла въ свою комнату, чтобы надѣть шляпу. Потомъ я проводилъ ее до дому дяди, а самъ, отправившись къ Альтанскому, и не замѣтилъ, какъ время ушло за полночь, и я не успѣлъ проводить шатап.

Матушка не сдѣлала мнѣ ни малѣйшаго упрека за это; напротивъ, спросивъ: весело ли мнѣ было, и получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, она сказала, что очень рада, что я умѣю находить удовольствіе въ бесѣдахъ съ такимъ разсудительнымъ человѣкомъ, какъ старикъ Альтанскій.

Все это у нея выходило такъ невозмутимо ровно, но во всемъ этомъ я чувствовалъ жгучія мученія ревности и святыхъ, беззавѣтныхъ уступки любви. Обо всемъ этомъ я скорбѣлъ и влекся силою неодолимаго тяготѣнія по усвоенному направленію—и не могъ восполнить потребности любви въ благородномъ и великодушнѣйшемъ сердцѣ моей матери.

Мучась тѣмъ, что я не могу полюбить ее болѣе, чѣмъ умѣю, я чувствовалъ безмѣрную радость, когда бралъ изъ рукъ почталіона и подавалъ ей въ недѣлю разъ письмо изъ Петербурга, написанное по-русски, но высоко-нѣмецкимъ почеркомъ: я по предчувствію и по наведенію зналъ, что эти письма приходятъ отъ Филиппа Кольберга,—и мудрено было, чтобы я въ этомъ ошибался, потому что при появленіи каждаго такого письма, приходившаго съ нѣмецкою аккуратностію въ воскресный день разъ въ недѣлю, матан теряла свою виѣшнюю спокойность—и, перечитывая напи-

санное по нѣскольку разъ, погружалась въ тихое, но восторженное созерцаніе или воспоминаніе чего-то чудно-прекраснаго и... *была счастлива*.

Я выводилъ, что когда мама чувствовала себя *счастливою*—это значить, что она чувствовала себя *любимою*, и непременно *любимою* возвышенно, искренно, прекрасно, однимъ словомъ—любимою гораздо болѣе, чѣмъ любили ее всѣ мы, здѣсь ее окружающіе, и я за это безмѣрно любилъ тогда неизвѣстнаго мнѣ Филиппа Кольберга.

Но, тѣмъ не менѣе, я жилъ все-таки тѣмъ же порядкомъ и не умѣлъ стать въ лучшія отношенія къ маман. Впрочемъ, мнѣ ничего иного и не оставалось, потому что матушка сама утверждала этотъ порядокъ, столь далеко отступающій отъ порядка, продиктованнаго для меня ею въ первый день моего прибытія. Я дѣлалъ усилія измѣнить это, но безуспѣшно — ибо хотя я просилъ ее возстановить именно тотъ порядокъ, который она сочинила и который не практиковался, а съ самыхъ же первыхъ дней уступилъ мѣсто другому, но матушка рѣшительно отвергла мои представленія и отвѣчала, что это не возможно и не должно быть, потому что нынѣшній, органически возникшій порядокъ жизни ей кажется гораздо лучше и цѣлесообразнѣе.

— Къ тому же,—добавила она:—если бы ты теперь былъ болѣе со мною, а менѣе съ Иваномъ Ивановичемъ, то помимо того, что я не могу принести для твоего развитія той пользы, какую приноситъ онъ, но мы съ тобой поступили бы неблагодарно по отношенію къ такому достойному старику, какъ Альтанскій, и огорчили бы его.

— Какое же огорченіе, маман! — я у него только отнимаю время.

— Нѣтъ, мое дитя, это не совсѣмъ такъ,—отвѣчала матушка: — ты Ивана Ивановича не обременяешь. Повѣрь мнѣ, что я въ этомъ кое-что понимаю: Иванъ Ивановичъ это то, что въ какой-то баснѣ представлено подъ видомъ лани, которая, лишась своихъ дѣтей и имѣя полное вымя молока, искала какого-нибудь звѣреныша, чтобы онъ отдоилъ это отягощающее ее молоко,—ты для него этотъ звѣренышъ, и притомъ очень добрый, а со временемъ будешь и благодарный.

— Маман, другъ мой, но я боюсь, что вы ошибаетесь: у него и безъ меня такая бездна слушателей въ его духовной академіи.

— Это ничего не значить. Тамъ у него слушатели, которымъ онъ говоритъ только то, что *обязанъ* говорить по требованіямъ службы; а тебя онъ учитъ, какъ внушаетъ ему его любовь къ просвѣщенію и истинѣ. Ты—счастливецъ, сынъ мой: ты имѣешь рѣдкаго образователя, трудовъ котораго нельзя оплатить никакими деньгами. Дорожи имъ и уважай его, потому что это такой честный и свободомыслящій человѣкъ, значеніе котораго ты поймешь только со временемъ.

Что мнѣ оставалось дѣлать, какъ не продолжать катить мою жизнь по тѣмъ колеямъ, на которыя она стала, сама собою сорвавшись съ колеи, намѣченныхъ для меня матушкой.

Я такъ и дѣлалъ: я, если такъ можно выразиться, все больше и больше *прилипался* къ моему наставнику, учился у него съ чрезвычайно быстрыми и прочными успѣхами и заправлялся въ бесѣдахъ съ нимъ на особый ладъ, который впоследствии привелъ меня къ большому разладу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Слова матушки были справедливы: любя Альтанскаго, я въ ту пору все-таки еще не понималъ, коего духа онъ былъ человѣкъ, — это пришло ко мнѣ гораздо позже, когда его уже не стало. Въ тѣ же юные мои годы, къ которымъ относится эта часть моихъ воспоминаній, я ощущалъ одно, что онъ былъ для меня какой-то сосудъ, заключающій цѣлебную смѣсь, которую, однако, надо было пить умѣючи, потому что малѣйшее усиленіе приема, вмѣсто пользы, покоя, здоровья, развивало во мнѣ мучительный душевный недугъ.

Легкая форма его бесѣдъ, съ тонкою критикою исторіи культуры, зароняла во мнѣ мысль, что жизнь современнаго общества, которая дѣлалась доступною моему вѣдѣнію, идетъ не по тому теченію, которое можетъ вывести человѣчество къ идеалу. Идеаль этотъ представляло мнѣ христіанство, которое всѣ будто бы уважаютъ, но къ которому, однако, никто сильно и искренно не стремится. Что это за ложь? какъ повернуть, чтобы это пошло иначе?

Альтанскій мнѣ объ этомъ *пока* еще ничего не говорилъ, но я изъ наведеній заключалъ, что выплыть къ этому идеалу можно только гребя противъ уносистаго теченія себялюбивыхъ, изменныхъ страстей.

Это—образецъ тревоги отъ бесѣдъ; но злополучная натура моя разыгрывалась такъ, что ее преисполняли тревогой даже самыя строгія занятія точными науками. Чтò бы я ни постигала, въ головѣ моей вдругъ мгновенно зарождалась безпокойная мысль: а что если къ этимъ уже извѣстнымъ мнѣ положеніямъ возникнетъ такое или иное неизвѣстное? И я начиналъ объ этомъ думать и на яву, и въ сновидѣніяхъ. Иныя изъ этихъ безпокойствъ занимали меня такъ сильно, что задумчивый видъ мой, который я принималъ подъ ихъ неотступнымъ давленіемъ, обращалъ на себя вниманіе матушки,—и она, вся блѣдная и встревоженная, говорила:

— Боже мой! чтò такое дѣлается съ тобою, дитя мое?

— Ничего, мама, —отвѣчалъ я: — я не могу себѣ кое-чего рѣшить.

— Чего? скажи мнѣ, чтò ты хочешь себѣ рѣшить?

Я конфузился, но большею частію открывалъ, чтò меня тревожить.

Это всегда былъ болѣе или менѣе вздоръ, но порою довольно оригинальный.

Такъ, я помню, что вскорѣ же послѣ начала моихъ занятій съ Альтанскимъ, когда онъ поправлялъ мои познанія въ географіи, я впалъ въ задумчивость отъ того, что никакъ не могъ себѣ представить: какъ привести въ соотношеніе съ дѣйствительнымъ временемъ часы въ карманѣ путешественника, если этотъ путешественникъ поѣдетъ вокругъ свѣта по дорогѣ, которую проложить прямо вдоль по равноденственной линіи? Какъ: тогда сколько ни уходи время, а все долженъ быть полдень... все двѣнадцать часовъ...

Мой черепъ домило отъ этого цѣлый день—и я едва могъ успокоиться и позабыть эту головоломную, по тогдашнему моему состоянію, дилемму.

Позже, когда мы начали заниматься исторіею и все опять шло какъ нельзя лучше, мнѣ опять пришло въ голову:

«Ну, прекрасно, — думалъ я: —теперь, когда свѣтъ простоялъ вотъ такое-то количество лѣтъ, человѣкъ въ теченіе своей жизни можетъ изучить исторію человѣчества и передавать ее другому. Но ежели же сегодняшній моментъ жизни есть только утро существованія нашего рода и впереди стоятъ милліоны милліоновъ лѣтъ... Какая же голова въ концѣ этого долгаго вѣка будетъ въ силахъ выучить и удер-

жать въ памяти все, что случилось отъ доисторическихъ временъ? Къ чему тогда весь лѣтописный трудъ, архивы, къ чему сама исторія и жажда знаній, когда всего этого позднѣйшій человѣкъ не въ состоянїи будетъ усвоивать? а что онъ будетъ не въ состоянїи—это вѣрно и...»—опять головная боль, досада и безпокойное томленіе до полного упадка духа.

Наконецъ, однажды, я окончательно испугалъ мать: это случилось тотчасъ, чуть я только коснулся логики и философіи. Я опять зафантазировался—и когда матушка умоляла меня разсѣяться, я, послѣ продолжительной потери аппетита и глубочайшей сосредоточенности въ себѣ, открылся ей, что терзаюсь неотвязною мыслию: отчего всѣ умные люди не соберутся въ одно мѣсто и не устроятъ такого государства, гдѣ бы или государь философствовалъ, или же бы гдѣ философъ царствовалъ.

Выслушавъ эти слова, матан посмотрѣла мнѣ въ глаза и сказала, что мнѣ рѣшительно надо отдохнуть отъ наукъ. Я выразилъ недоумѣніе и замѣтилъ ей, что я не усталъ.

— Не усталъ, но у тебя слишкомъ безпокойно разыгрывается воображеніе.

— Чего же вы бонтесь, матан, моего воображенія?

— Я боюсь... Да, я кое-чего боюсь.

— Но Бога ради: чего именно? скажите мнѣ, изъясните мнѣ вредъ моего безпокойнаго воображенія,—можетъ-быть мнѣ это поможетъ.

— Вредъ безпокойнаго воображенія заключается въ томъ, что оно создаетъ призраки и съ нимъ ничего нельзя знать основательно.

— О, вы правы, матан!

И я схватилъ обѣими руками свою голову, и, облокотясь на столъ, залился горькими слезами.

Матушка встревожилась.

— Какая причина твоего отчаянія?—запытала она, отнимая руки мои отъ лица.

— Матан, вы вѣрно сказали: я никогда не буду ничего знать основательно—я это чувствую и это меня убиваетъ.

Она старалась меня успокоить тѣмъ, что знанія не даются вдругъ, а на прїобрѣтеніе ихъ нужно продолжительное время; но я не внялъ симъ утѣшеніямъ: я чуялъ правду.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ я, даваясь слезами:—не утѣ-

шайте меня, мама: я никогда этого не достигну... Вы сами сказали, что у меня безпокойное воображеніе, и я никогда... никогда... не буду ничего понимать ясно.

И тутъ уже я такъ разрыдался, что матушка бросилась поить и брызгать меня водою, меня раздѣли и положили въ постель, въ которой я опомнился черезъ полтора мѣсяца, изнеможенный, блѣдный, худой, съ обритымъ теменемъ и растравленными ранами на спинѣ и на затылкѣ.

У меня было воспаленіе мозга, и я нѣсколько дней находился на краю гроба;—молодая натура моя вынесла эту опасную болѣзнь—и я послѣ кризиса очнулся, но неблагонадежныя тонкія ноги не въ силахъ были держать моего исхудалаго тѣла и распаленная страстною жаждою знаній голова моя была не въ силахъ работать.

Я лежалъ въ постели, пользуясь безотходнымъ вниманіемъ матери и Христи, которыя поочередно не оставляли меня ни на минуту,—и въ это-то время, освобожденный отъ всякихъ стороннихъ думъ и заботъ, я имѣлъ полную возможность анализировать взаимныя отношенія этихъ двухъ женщинъ и уяснить себѣ Христинъ романъ, на который натолкнулся въ первое время моего пріѣзда и о которомъ позабылъ въ жару разсказа о своихъ ученыхъ успѣхахъ.

Теперь время это поправить и разсказать кстати о дѣятельности моего интереснаго пріятели, пана Пеньковскаго, съ которымъ тоже этою порою стрались немалыя бѣды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Я начну не по порядку, то-есть съ Пеньковскаго.

Напоминаю читателю, что мы въ послѣдній разъ видѣли этого находчиваго юношу на улицѣ, тотчасъ послѣ того, какъ извѣстный ему дворянскій засѣдатель, пожертвовавъ сто рублей, хотѣлъ быть королемъ публики и потрясенный этимъ открытіемъ Пеньковскій возымѣлъ намѣреніе поцѣловать Христю Альтанскую, а потомъ напиться глинтвейну.

Съ тѣхъ поръ Пеньковскій бывалъ у насъ черѣдко; но я, при своихъ постоянныхъ увлеченіяхъ то романами, то ученостію, рѣшительно не могу дать отчета: какъ онъ появился въ нашемъ домѣ, несмотря на то, что оставался при убѣжденіи, будто онъ предлагалъ поцѣлуй мамѣ. Кажется мнѣ, однако, что мама сама облегчила ему его затруднительное положеніе: дѣлая однажды свою постѣбѣден-

ную прогулку вблизи дома, она встрѣтила Пенькновскаго, и попенявъ ему, что онъ насъ позабылъ, зазвала его напиться чаю. Миѣ помнится, будто онъ рассказывалъ что-то въ этомъ родѣ, но навѣрное помню только то, что однажды мы съ Иваномъ Ивановичемъ, окончивъ свои занятія, пришли вмѣстѣ къ намъ и, снимая въ сѣняхъ калоши, услышали чей-то громкій голосъ. Альтанскій, который терпѣть не могъ встрѣчи съ новыми людьми, хотѣлъ-было сейчасъ же уйти, но, къ счастью, я, прислушавшись, узналъ голосъ Пенькновскаго, и мы вошли.

Когда я отворилъ дверь, Пенькновскій стоялъ посреди комнаты и старался въ одномъ лицѣ изображать нѣсколько лицъ, соединенныхъ въ одной общей сценѣ.

Онъ помѣщался спиною къ двери, въ которую вошли мы, и, обращаясь къ сидѣвшимъ на диванѣ матушкѣ и Христѣ, говорилъ:

— Вотъ такъ, смотрите: отецъ шелъ вотъ такъ по той дорожкѣ, а Б... вотъ такъ по этой... Тутъ они встрѣтились, поговорили, и Б... его взялъ за усы и повелъ... Вотъ по аллеѣ, вотъ точно такимъ образомъ.

При этомъ Пенькновскій взялъ себя лѣвою рукою за губу—и подвигая передъ собою впередъ эту руку, тянулся за нею какъ бы нехотя по комнатѣ.

— Вотъ,—картавилъ онъ по причинѣ зажатой въ рукѣ губы:—вотъ какъ онъ велъ: но тутъ мой отецъ вдругъ вотъ такъ...

Пенькновскій освободилъ губу, поцѣловалъ свою руку и весело расхохотался.

Христя тоже смѣялась, но мамап казалась смущенною и, ничего не отвѣтивъ, заговорила о чемъ-то съ Альтанскимъ. Ей, кажется, очень не хотѣлось, чтобы Пенькновскій продолжалъ свой рассказъ, и тѣмъ болѣе, чтобы онъ повторялъ его при Альтанскомъ; но мой другъ былъ не изъ таковскихъ, чтобы его удержать,—и чуть только я успѣлъ ему замѣтить, что давно его не видалъ, какъ онъ сейчасъ же захохоталъ и понесъ:

— Когда тутъ, любезный другъ, видѣться! Я вотъ сейчасъ только рассказывалъ, чтѣ съ нами было...

Мамап встала и вышла въ свою спальню, а Пенькновскій весело продолжалъ:

— Ты, вѣдь, помнишь, о чемъ я тебя просилъ никому не сказывать?

— Помню.

— Ну, такъ это теперь болѣе не секретъ, потому что съ такими негодьями, какъ дворянскій засѣдатель, ничего нельзя дѣлать. Ты помнишь, что онъ за свои сто рублей хотѣлъ быть королемъ?

— Помню.

— Вообрази же, что онъ, мерзавецъ, выдумалъ: пользуясь тѣмъ, что онъ имѣетъ деревню, онъ составилъ противъ насъ аристократическую партію, чтобы осмѣять отца,— и когда мой отецъ выходилъ изъ костела, ихъ нѣсколько человекъ подскочили къ жандарму, который зоветъ экипажи, и говорятъ:—«Зови Войццкаго кочи!»—это засѣдателя. Тотъ позвалъ, а они опять:—«Зови пана Кошута калоши!»—Тотъ, разумѣется, и повелъ во всю глотку орать: «пана Кошута калоши под-д-да-а ва-а-ай,» а отецъ соскочилъ съ крыльца да хлопъ засѣдателя въ морду. А тотъ къ полицеймейстеру и рассказалъ, что мой отецъ похожъ на Кошута, а полицеймейстеръ Б..., а Б... встрѣтилъ отца на гуляньи въ саду, взявъ рукой вотъ такъ за усы: «пане Кошутъ, говоритъ, что это у васъ такое?» а отецъ мой—онъ ужасно какой находчивый—онъ нимало не смѣшался и говоритъ: «Это вата», а тотъ его прямо за усы и повелъ передъ всей публикой по аллеѣ.

— Будто такъ прямо за усы и повелъ?—переспросилъ удивленный Альтанскій.

— Честное слово вамъ даю, совершенно взялъ вотъ такъ за усы, но отецъ его въ руку...

— Укусилъ или плюнулъ?

— Поцѣловалъ!—съ гордостью воскликнулъ Пенькновскій.

Альтанскій отошелъ къ окну и громко щелкнулъ по табакеркѣ.

— О, онъ ужасно находчивъ: онъ поставилъ Б... въ самое мудреное положеніе—тотъ его сейчасъ и выпустилъ.

— Вашъ отецъ молодецъ,—протянулъ Альтанскій и забурчалъ: «нашъ отецъ, молодецъ, сѣлъ въ конецъ, взялъ ларецъ», и вдругъ, повернувшись лицомъ, добавилъ: «прощайте».

Съ этимъ онъ всѣмъ намъ подалъ руку и торопливо, и наскоро, кромѣ одного Пенькновскаго, руку котораго онъ пожалъ теплѣе и съ видимымъ участіемъ. И странное дѣло: это участіе, которое, разумѣется, не скрылось отъ взошед-

шей въ минуту прощанія тамап, было какъ бы поводомъ къ тому, что она вдругъ сдѣлалась гораздо суше въ обращеніи съ Пеньковскимъ и во все остальное время, пока онъ тутъ вертѣлся, даже избѣгала вести съ нимъ разговоръ.

Таковы были эти два лица: моя мать и Альтанскій, на которыхъ я смотрѣлъ, какъ на образцы. Имѣя однѣ и тѣ же симпатіи и антипатіи, они, однако, ни въ чемъ не могли сойтись, какъ скоро доходило до дѣла, и при горячей любви другъ къ другу и взаимномъ уваженіи къ однимъ и тѣмъ же принципамъ и идеямъ, они отвращались отъ всякаго взаимодѣйствія въ духѣ этихъ идей.

Мать моя не одна была возмущена тѣмъ, что Б. провелъ за усы кievскаго Кошута —Альтанскому это было еще болѣе противно; но какъ матушка этимъ возмущалась, то Альтанскій скрывалъ свое негодованіе и риёмовалъ «отецъ молодець, наконецъ и ларець». Съ другой стороны, матушка, презирая ничтожный польскій характеръ, отразившійся, между прочимъ, въ поступкахъ стараго Пеньковскаго, всегда считала обязанностью относиться къ полякамъ съ безконечною снисходительностію, «какъ къ жалкому народу, потерявшему національную самостоятельность», что, по ея мнѣнію, влекло за собою и потерю лучшихъ духовныхъ доблестей; но чуть только Альтанскій, питавшій тѣ же самыя чувства, но скрывавшій ихъ, далъ волю своему великодушію и съ состраданіемъ пожалъ руку молодому Пеньковскому, который кичился позоромъ своего отца, — матери это стало противно, и она не могла скрывать своего презрѣнія къ молодому Кошуту.

Христя, когда мы съ нею были одни, часто смѣялась надъ этою страстью нашихъ стариковъ противорѣчить другъ другу.

Впрочемъ, и мы съ Христею были въ нѣкоторомъ смыслѣ то же самое, что ея отецъ съ моею матерью: я дружески полюбилъ ее съ первой же встрѣчи съ нею и очень высоко чтилъ ее, но мы не сходились тѣснѣе, чѣмъ мною описано. Эта малороссійская дѣвушка, съ характеромъ глубокимъ, сильнымъ и сосредоточеннымъ, была со мною очень ласкова и, какъ вѣроятно читатели помнятъ, она даже сама предложила мнѣ свою дружбу; но я пользовался ея дружельюбіемъ, а никакими правами дружбы отъ нея не пользовался — и это незамѣтно, но скоро меня отъ нея отодвинуло. Мы съ

пею встрѣчались всегда искренно и даже съ радостью—и говорили обо всемъ, кромѣ того, о чемъ мнѣ сначала очень бы хотѣлось съ пею поговорить, то-есть о ней самой и о ея любви къ Сержу. Но этого никогда не случалось,—сначала я не смѣлъ къ этому приблизиться, а потомъ у меня явилось опытное заключеніе, что Христя, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, о которыхъ говорила моя мать и которыя я самъ признавалъ въ ней, была страшно горда и ни подъ какимъ видомъ никому не позволила бы прикоснуться къ ея горю. Въ этомъ заключалась разъединявшая насъ разница: я любилъ высказаться и искалъ сочувствія; она любила молчать и ничего сочувствія не требовала. Та откровенность, которую я могъ замѣтить у нея въ отношеніи къ татап въ первые дни моего прѣзда, была короткимъ, временнымъ явленіемъ, вызваннымъ роковымъ значеніемъ тогдашней критической минуты,—но и то это была не откровенность, а совсѣмъ другое. Рѣшась по особымъ, достойнымъ вниманія причинамъ разорвать свою условленную свадьбу съ Сержемъ, Христя искала въ татап даже не повѣрки своихъ мыслей, а орудія; но разъ что она, терзаясь и мучась, какъ я описалъ, все это исполнила, въ обхожденіи ея съ татап произошла быстрая переменна: Христя безцеремонно замкнулась въ самой себѣ. Было время, было нѣсколько такихъ дней, когда мнѣ казалось, что Христя даже избѣгала свиданій съ матушкой и переносила ихъ съ большимъ для себя принужденіемъ; татап, несомнѣнно, это замѣчала и казалась огорченною. Однакоже, это прошло—и у моей постели обѣ онѣ снова между собою сблизились. Не знаю, было ли у нихъ какое-нибудь объясненіе, но я засталъ между ними полнѣйшую *bonne intelligence*, хотя мой глазъ, или, вѣрнѣе сказать, мое чувство, приученное уже во всемъ видѣть недостатокъ гармоніи, открывало мнѣ и здѣсь что-то не то, что бы мнѣ хотѣлось видѣть въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мнѣ сдавалось, что Христя позволяла себя ласкать татап и сама была съ нею ласкова—не по потребности сердца, а только какъ бы изъ снисхожденія къ обычаю и потому что это ей ничему не мѣшало.

Скоро явилась возможность убѣдиться, что я не ошибаюсь на этотъ счетъ—и я запишу здѣсь открытія, какія являлъ мнѣ сложный характеръ этой дѣвушки, втихомолку разыгравшей свой страстный романъ въ то время, когда всѣ

мы считали его безвозвратно поконченнымъ и даже позабытымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Много ли, мало ли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ свидѣтелемъ разлуки Христа съ Сержемъ, но у насъ въ домѣ никогда не говорили объ этомъ человѣкѣ и я ни разу не слыхалъ, чтобы сама Христя произносила его имя. Прошелъ годъ и половина другого, какъ вдругъ я однажды неожиданно услышалъ въ канцеляріи, что племянникъ моего генерала женится на одной очень богатой дѣвушкѣ изъ довольно знатной фамиліи.

Меня это заинтересовало, и я, пустясь въ разспросы, узналъ, что предполагаемая невѣста Сержа считается очень высокою и даже лестною для него партіею, которой этотъ молодецъ ни за что бы не сдѣлалъ, если бы въ устройствѣ этого брака не принимало участіе самое высшее лицо въ городѣ, имѣвшее особое попоченіе о матери Сержа. Все это я не преминулъ, возвратясь домой, сообщить моей матушкѣ и былъ не мало удивленъ, что она выслушала мое донесеніе какъ вѣсть неприятную, но давно ей извѣстную; она сдвинула съ неудовольствіемъ брови и сказала:

— Только будь, сдѣлай милость, остороженъ и не говори объ этомъ ни одного слова при Христѣ.

Мама, однако, сдѣлалась очень озабочена: вечеромъ этого дня она куда-то ходила и не возвращалась довольно долго, такъ что пришедшая безъ нея Христя не дождалась ея. Мы пили съ Христей чай двое и напрасно искали нашего серебрянаго сливочника и сухарницы, которыя стояли на горкѣ, но которыхъ теперь тамъ не было. Затѣмъ Христя такъ и ушла, не дождавшись мамы, а мама, возвратясь около одиннадцати часовъ, показала мнѣ еще болѣе взволнованною и сказала:

— Знаешь, сынъ мой, мнѣ необходимо съѣздить по нашимъ дѣламъ въ Одессу.

— Надолго, мама?

— Нѣтъ, недѣли на двѣ, или на три, но мнѣ немножко нездоровится, и я боюсь ѣхать одна, а тебя мнѣ жаль отрывать отъ твоихъ занятій; я хочу просить Христю: вѣрно она не откажется со мною прокатиться.

— Да, я думаю, что она не откажется.—отвѣчать я:—она васъ здѣсь ждала, и мы съ нею пили чай.

— Ахъ, вы уже пили чай!..

— Да, пили; но только никакъ не могли пайти сливочника и сухаришцы. Гдѣ вы тамъ ихъ поставили?

Мамап какъ будто немножко смѣшалась и, отвѣтивъ скороговоркою:

— Все равно: они отыщутся,—поцѣловала меня въ лобъ и ушла въ свою комнату.

Я не сомнѣвался, что она пришлетъ письмо къ Филиппу Кольбергу—и по обыкновенію заснулъ прежде, чѣмъ у нея погасъ огонь. Утромъ я получилъ для отправки письмо, надписанное тому, кому я догадывался.

Все время, проведенное мною въ этотъ день на службѣ, я продумалъ объ этомъ моемъ знакомомъ незнакомцѣ, объ этомъ Филиппѣ Кольбергѣ, безъ отчета которому моя маман не проводила ни одного дня и регулярно получаемыя письма котораго всегда брала трепещущею рукою и читала по нѣсколько разъ съ глубокимъ и страстнымъ вниманіемъ, а иногда даже и со слезами на своихъ прекрасныхъ глазахъ. Характеръ этихъ отношеній никогда не переставалъ интересоватъ меня, а въ этотъ день я былъ почему-то особенно ими занятъ и въ такомъ настроеніи прямо со службы зашелъ къ Альтанскимъ. Христи была дома одна и шла.

Мнѣ она съ перваго взгляда показалась очень спокойною и даже веселою, но чуть я полюбопытствовалъ: знаетъ ли она, что маман хочетъ просить ее съѣздить съ нею въ Одессу, въ ней произошла самая неприятная перемена: она двинула своими прямыми бровями и рѣзко отвѣтила:

— Да, я это знаю: Катерина Васильевна уже приходила ко мнѣ съ этимъ великодушнымъ предложеніемъ.

— Что же: вы, конечно, ѣдете?

Но Христи вдругъ вся вспыхнула отъ этого невиннаго вопроса и проговорила:

— Съ какой же это стати?.. Напротивъ, я вовсе не ѣду: на мнѣ еще не лежитъ крѣпостной обязанности исполнять все, чтѣ нравится вашей маман.

Этотъ тонъ и грубая форма отвѣта до того смутили меня, что я началъ извиняться за мой вопросъ и потомъ не твердо проговорилъ:

— Повѣрьте, Христи, маман, вѣроятно, никакъ не ду-

мала васъ огорчить этимъ предложеніемъ: я думаю, что ей только хотѣлось соединить свое удовольствіе съ удовольствіемъ, которое эта поѣздка могла принести вамъ... Вы ее извините: она добрая.

— Очень добрая, только обо всемъ у Филиппа Кольберга спрашивается,—перебила Христя съ тѣмъ же худо-сдерживаемымъ азартомъ.

Это имя прозвучало для моего слуха какимъ-то страшнымъ глаголомъ и мучительно отозвалось въ моемъ сердцѣ: я хотѣлъ броситься на Христю... и не знаю, что сдѣлать съ нею, но потомъ сдержалъ себя и только взглянулъ на нее съ укоризною. Христя, конечно, поняла мое состояніе и поспѣшила поправиться.

— У Катерины Васильевны самое главное дѣло во всемъ этомъ поступить великодушно и написать объ этомъ Филиппу Кольбергу.

И молчать и нетерпѣливо мять въ рукахъ мою фуражку.

Христя продолжала тономъ, который звучалъ еще мягче:

— Вы развѣ не знаете, что все, что дѣлается съ людьми, которые имѣютъ счастье пользоваться какимъ-нибудь вниманіемъ вашей маман, должно быть во всѣхъ подробностяхъ извѣстно какому-то господину Филиппу Кольбергу? Вы его знаете?

— Не знаю.

— И я не знаю; а между тѣмъ онъ есть, онъ существуетъ—и править и вами, и мною.

— Я знаю только то, что моя мать въ перепискѣ съ человекомъ, носящимъ имя, которое вы сейчасъ назвали... но что мнѣ за дѣло до того, о чемъ эта переписка? И моей матери не судья.

— О, Боже! Да ее не въ чемъ и судить!.. Успокойтесь, другъ мой: я понимаю, что я говорю съ сыномъ о матери! И потому-то я такъ и говорю, что я знаю, что Катерина Васильевна не можетъ быть судима: она превыше всякаго человѣческаго суда, но...

Христя развела руками и, вздохнувъ, добавила:

— Но не слушайте меня пожалуйста, я говорю вздоръ, потому что мнѣ тяжело.

— Что же васъ тяготитъ?

Христя пожалала плечами и, вновь схвативъ свою, на минуту отброшенную работу, тихо уронила:

— Такъ... сама не знаю... Людямъ, пока они живы, тяжело съ ангелами.

И она, прилегши лицомъ къ шитью, начала откусывать шитью, а сама плакала и горька.

Я глядѣть на нее и перестала сердиться.

— Что же,—думалось мнѣ:—она говоритъ то самое, что не разъ противъ воли вертѣлось въ моей собственной головѣ: моя маман превосходная женщина, но она такъ высока и благородна, что съ нею именно тяжело—стоять рядомъ.

— Ея превосходство какъ-то давитъ меня,—проговорила въ это время, словно подслушавъ мою мысль, Христа.

Я встрепенулся.

— Меня, меня, одну *меня!* — повторила съ удареніемъ, стянувъ узелокъ, Христа.—Это не можетъ касаться ни кого другого, кромѣ меня, потому что я... презлая и прескверная.

Она вздрогнула и замолчала.

— Маман вовсе васъ не считаетъ такою и очень васъ любитъ, Христа.

— Знаю.

— И потому она къ вамъ участлива, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ вы хотите.

— Знаю, все знаю, и я совсѣмъ не участіемъ тягочусь: оно мнѣ дорого, и я люблю ее... но...

— Въ чемъ же дѣло?

Христа вся вслыхнула и, быстро сбросивъ на полъ работу, вскочила съ мѣста — и, ставъ посреди комнаты, закрыла глаза, не ладонями, а пульсами рукъ, какъ это дѣлають плача простонародныя малороссійскія дѣвушки.

— Все дѣло въ томъ,—воскликнула она:—что я люблю, люблю безъ разума, безъ памяти люблю!..

Эти слова были вмѣстѣ вопль, стоикъ и негодованіе души, не одолѣвающей силы своей страсти.

— Меня надо не жалѣть, а... проклясть меня! — заключила она, дернувъ себя за волосы, и унала головою въ уголъ кресла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Я, разумѣется, понявъ, что рѣчь, сдѣлавъ такой риконетъ противъ воли автора, касается не любви Христи къ моей маман, а чувство ея къ другому лицу, сказалъ:

— Христа! милая Христа!.. прогну васъ—успокойтесь! Можетъ-быть, все устроится.

Съ этимъ я подагъ ей воды, которой она выпила нѣсколько глотковъ, и, возвративъ мнѣ стаканъ, поникла головою на руку и, крѣпко почесавъ лобъ, проговорила:

— Ничто не можетъ устроиться: я сама все разстроила.

— Зачѣмъ же вы разстроили?

— Такъ было надо: ваша маман все знаетъ. Такъ было надо... и я о томъ не жалѣю; но когда мнѣ по потамъ расписываютъ: *какъ* это надо терпѣть, — въ меня входитъ бѣсъ, и я ненавижу всѣхъ, кто можетъ то, чего я не могу... Это низко, но что съ этимъ дѣлать, когда я не могу! Мнѣ завидую, что они дошли до того, что одинъ шипеть: «Gnaedige Frau», а другая, утѣшаясь, отвѣчаетъ: «Ich sehe, Sie haben sich in Allem sehr verfullkommet».

Христа произнесла обѣ эти нѣмецкія фразы съ папыщенною декламациею, съ какою говорятъ нѣмецкіе пасторы и актеры, и, нетерпѣливо топнувъ ногой, закончила:

— А я родомъ не така! Да, я не такая, я этого не могу: я оторвала отъ сердца все, что могла оторвать; а что не могу, такъ не могу. Отказаться можно, а перестать любить нельзя, когда любишь.

— Это правда.

— Ага! вотъ то-то и есть, что правда! А любишь, такъ никакъ себя и не усмиришь.

— Да и не усмиряйте.

— Да я и не стану. О, вы мнѣ повѣрьте! — добавила Христа, неожиданно улыбувшись и протягивая мнѣ руку: — вы непременно будете несчастный человѣкъ, да что же! — это и прекрасно.

И разсмѣялся.

— Да *такъ*, — продолжала Христа. — Да и о чемъ хлопотать: все равно и они несчастны. Они прекрасные люди, только немножко трусы: имъ все *Erwägung* снится, а все это вздоръ; мы будемъ смѣлѣе и пусть насъ не уважаютъ. Не правда ли? Если мы никому не дѣлаемъ зла, — пусть насъ не уважаютъ, а мы все будемъ любить то, что любили. Такъ или нѣтъ?

— Право, Христа, не знаю.

— Вздоръ; убей меня Богъ, знаетъ! — отпелась она безлично съ веселыми, вверхъ устремленными глазами, которые

Велѣдь за тѣмъ быстро вперила въ мой взглядъ и съ комическою настойчивостью произнесла:

— Dites moi tout ce que vous aimez.

— Tout le monde,—отвѣчала я.

— Ну, а я этотъ tout le monde терпѣть не могу: лживый, гнусный, лицемерный — ни во что не вѣрить, и все притворяется... Фуу, гадость! Я люблю, знаешь, кого?

Я кивнулъ головой.

— Да,—отвѣчала на этотъ знакъ Христа:—я его люблю,—очень, очень люблю; а онъ скверный человекъ, не хорошій, чепуриной, ему деньги нужны, онъ за деньги и женится, но со мною бы никогда не былъ счастливъ, потому что я простая, бѣдная... Да, да, да... онъ только не зналъ, какъ отъ меня отвязаться... Что же, я ему помогла!

— Я это знаю, какъ вы сдѣлали.

— Знаешь?!

— Да.

Я рассказалъ ей, какъ подсмотрѣлъ и подслушалъ ся разговоръ съ Сержемъ.

— Ну, да,—отвѣчала она спокойно:—я все ему соврала на себя. Никого я кромѣ его не люблю, но это такъ нужно, пусть его совѣсти полегчаетъ. Ему нужно... Онъ не можетъ не жить накомъ—и пусть живетъ; пусть его все родные за это хвалятъ, что онъ меня бросилъ. А они врутъ, бо онъ меня не бросилъ; бо я хороша, я честная женщина, а его невѣста поганая, дрянная, злая... тифу! Онъ не ее, а меня любить; да, меня, меня, и я это знаю, и хоть онъ какой ни будь, а я все-таки его люблю, и не могу не любить, и буду любить. И что мнѣ до всякаго Erwägung? Тифу!.. я падь собой вольна, и что хочу, то и сдѣлаю.

Я несмѣло спросилъ: что такое она хочетъ сдѣлать? Но Христа молча улыбулась и, сдѣлавъ гримаску, сказала:

— Вотъ я яка!..

Она обращалась со мною странно: вполонину какъ съ ребенкомъ, лепету котораго не придаютъ большого значенія; вполонину какъ съ другомъ, отъ котораго ждала сочувствія и отзыва.

Эта откровенность послѣ пасмурной рѣчи, которою начался нашъ разговоръ, увлекала меня за Христа въ ея внутренній міръ, гдѣ она жила теперь вольная, свободная

и чѣмъ-то такъ полно счастливая, что я не могъ понять этого счастья.

— Полно же; слышите вы: годи намъ журниться—пусть лихо смѣется!.. *Она* женится... онъ женится,—повторила она какъ бы съ угрозою и, стукнувъ рукою, добавила: —а ко мнѣ вернется.

Этотъ вѣчно памятный мнѣ разговоръ съ Христей, который она вела со мною подъ тягостнѣйшими впечатлѣніями своей неласковой доли и притомъ незадолго до катастрофы, которую пророчески назnamenовала себѣ, произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что когда я пришелъ домой, матушка, сидѣвшая за писаніемъ, взглянувъ на меня, спросила:

— Ты видѣлъ Христаю?

— Да, маман.

— Что съ нею?

— Кажется, ничего.

Маман вздохнула, хрустнула тонкими пальцами своихъ рукъ и приказала подавать мнѣ обѣдать, сама не сѣла за столъ, но продолжала писать.

«Конечно, къ Филиппу Кольбергу,—подумать я, впервые сидя одинъ за обѣденнымъ столомъ.—Вѣрно Христя съ матушкою говорила еще откровеннѣе, чѣмъ со мной,—и вотъ эта теперь все описываетъ. Чтò это, въ самомъ дѣлѣ, за странная переписка?»

Я уже въ глубинѣ души словно смѣялся надъ этою перепискою—и, получивъ на другой день конвертъ со знакомою надписью, подумать, что если въ самомъ дѣлѣ матушка заботится о томъ, чтобы всѣхъ, кого она любитъ, воспитывать и укрѣплять въ своемъ духѣ, то она едва ли въ этомъ успѣваетъ. По крайней мѣрѣ, Христя серьезно шла бунтомъ противъ ея морали, да и я чувствовалъ, что я... тоже склоненъ взбунтоваться.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Такъ какъ Христя рѣшительно отказалась ѣхать въ Одессу, то и матушка туда не поѣхала—и нашъ серебряный молочникъ съ сухарницею, отправлявшіеся гостить къ занимавшемуся ростомъ помощнику писемоводителя рекрутскаго присутствія, черезъ мѣсяць возвратились назадъ; а къ этому времени подоспѣла и свадьба Сержа, которой маман, кажется, совершенно напрасно опасалась для Христи.

Эта мудреная дѣвушка болѣе уже не впадала въ такую раздражительность, какую я описалъ въ предшествовавшей главѣ. Напротивъ, Христя вела себя чрезвычайно ровно и даже казалась очень спокойною, но только она, какъ-будто, бѣжала изъ своего дома и все старалась оставаться какъ можно болѣе у насъ.

Мамап, разумѣется, была съ ней въ крайней степени предупредительна и ласкова—и въ это время сдѣлала шагъ къ инымъ отношеніямъ со мною. Однажды, когда Христя ушла съ отцомъ домой, мамап сказала мнѣ:

— Ты уже въ такихъ лѣтахъ, дитя мое, что я могу тебѣ разсказать исторію нашей бѣдной Христи. Она превосходная, благороднѣйшая и очень гордая дѣвушка.

— Я это знаю, мамап.

— Да; она когда-то, до твоего прѣзда, часто бывала у твоего дяди и тамъ встрѣчалась съ Сержемъ. Ты видишь, что она почти красавица,—и Сержъ не могъ ее не замѣтить...

— Еще бы, мамап!

— Да, онъ оцѣнилъ ея достоинства и полюбилъ ее.

— Я все это знаю, мамап.

— Знаешь? Ну, прекрасно! Но этотъ бракъ не могъ состояться, потому что и мать Сержа, и твой дядя желали ему другой партіи, которую онъ теперь и дѣлаетъ. Это такъ выходило нужно по ихъ соображенію.

— Да,—отвѣчала я,—имъ нужно взять богатую невѣсту и породниться съ большими домами.

— Можетъ-быть; но я должна сказать, что Сержъ былъ довольно благороденъ и онъ не хотѣлъ этого брака, а уступилъ только настояніямъ и обстоятельствамъ...

— То-есть это такъ, мамап, что Христя сама его обманула.

Мамап взглянула на меня съ удивленіемъ и послѣ маленькой паузы отвѣчала:

— Да; но ты, однако, знаешь болѣе, чѣмъ я предполагала. Христя поступила возвышенно, великодушно и благо-разумно, потому что мать Сержа считала бы бракъ сына съ нею семейнымъ несчастьемъ... У нихъ запутаны дѣла и его мать... она черезъ это лишилась бы возможности поправить ихъ разстроеныя дѣла.

— Но позвольте, мамап, вѣдь это низко?

— Да, мое дитя, это не высоко; но зато Христя поступила очень благоразумно и великодушно, что отказалась отъ Сержа.

— Почему, маман? онъ ее любитъ.

— Потому что у него натура похожа на придорожную землю въ притчѣ: онъ ее любитъ, и теперь онъ ее можетъ любить какъ недосыгаемое и прекрасное; но если бы она была его, онъ началъ бы сожалѣть о выгодахъ, приобретаемыхъ его нѣнѣйшей женитьбой.

— Такъ онъ пустой человѣкъ?

— Да; онъ ея не стѣилъ.

— Но она не перестаетъ и не перестанетъ его любить.

Маман опять приостановилась и, еще болѣе удивляясь, сказала:

— Мой сынъ! но откуда тебѣ это все извѣстно?

— Отъ самой Христи, маман.

— Отъ самой Христи? Я думала, что ты такъ прощипателенъ, и хотѣла сказать, что ты, можетъ-быть, ошибаешься, но если Христя тебѣ сама сказала...

— Да; она мнѣ это сказала.

— Ну, въ такомъ случаѣ ты знаешь гораздо болѣе, чѣмъ я, — отозвалась маман, и она мнѣ показалась въ эту минуту чрезвычайно жалкою, какъ-будто для нея въ жизни все кончено, и она отрѣшена отъ нея. Такъ она была чутка и такъ немного надо было, чтобы причинять ей чувствительнѣйшія раны.

Тутъ вскорѣ была Сержѣва свадьба, на которой маман не была по причинѣ ея весьма основательной болѣзни; но, однако, мы объ этой свадьбѣ имѣли самыя подробныя свѣдѣнія отъ друга моего Пеньковскаго: онъ попалъ туда какъ-то въ качествѣ ловкаго танцора и оказался большимъ наблюдателемъ, а также талантливымъ и притомъ весьма правдивымъ рассказчикомъ. Принесенный имъ къ намъ отчетъ былъ такъ полонъ, что мы знали все, начиная отъ мелочей столоваго меню до путешествія Пеньковскаго подъ столъ, что случилось съ нимъ, будто бы, въ жару танцевъ и не по его, конечно, волѣ, а потому что онъ разлетѣлся и у него допнула штрипка и онъ упалъ. О женихѣ и невѣстѣ онъ не говорилъ ни слова — и это было очень удобно: Христя, слушавшая рассказъ Пеньковскаго о его паденіи подъ столъ, помирала со смѣха, точно все это было не на

Сержевой свадьбѣ. Такъ все это прекрасно разыгрывалось, что лучше и желать было невозможно. Молодые уѣхали въ деревню, потомъ переѣхали въ городъ и снова откочевали на лѣто въ деревню, и опять появились на зиму въ городъ. Ушли два года, въ теченіе которыхъ утекло не мало воды: Христа постарѣла, пожелтѣла и поблекла; у меня вокругъ всего лица засѣлъ мягкій, но густой пушокъ, довольно красиво отѣивавшій мои смуглыя щеки; а кто болѣе всѣхъ и выгоднѣе всѣхъ измѣнился въ эти года, такъ это Пенькновскій: онъ сталъ атлетъ и красавецъ, приобрѣлъ себѣ массу знакомствъ и усвоилъ большую обходительность. Меня онъ считалъ самымъ жалкимъ ничтожествомъ и, обращаясь со мною свысока, обыкновенно подавалъ мнѣ два пальца. Христа не только не тревожили, но даже, повидимому, вовсе не занимали странныя извѣстія, которыя начали доставлять намъ изъ дома Сержа Пенькновскій, имѣвшій счастье обратить на себя вниманіе Сержевой матери и учинившійся у нея какимъ-то секретаремъ фактотумомъ. Пенькновскій доносилъ, что дѣла у молодыхъ пошли не ладно, что супруга Сержа своевольна, зла, капризна и самовластна.

— *A do tego wsczystkiego trzeba wam dodac, ze ona ist i bardzo glupe,* — говорилъ Пенькновскій, привыкшій уже считать себя полякомъ.

Это были общія характеристики, но вслѣдъ за тѣмъ Пенькновскій появлялся къ намъ отъ времени до времени, ни кѣмъ не прошенный, сообщалъ намъ скандалы и частнаго свойства, между которыми иные были весьма возмутительны и представляли положеніе Сержа очень жалкимъ; но самъ Сержъ, кажется, никому ни на что не жаловался и тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свое горе.

Современемъ онъ, вѣроятно, нѣсколько попривыкъ къ своему положенію, а чужіе люди перестали имъ интересоваться. Такъ ушли еще два года, какъ опять внезапно къ намъ появился Пенькновскій и сообщилъ при Христѣ, что жена Сержа, заплативъ какой-то значительный долгъ за него, или за его мать, сдѣлала ему столь сильную неприятность, что онъ схватилъ шапку, выбѣжалъ вонъ изъ дома и не возвращался до утра.

— И это у нихъ теперь часто будетъ повторяться, — заключилъ Пенькновскій и заключилъ не опрометчиво, потому что одинъ разъ вскорѣ послѣ того, идучи вмѣстѣ съ Хри-

стей, мы замѣтили впереди себя одинокую фигуру, въ которой Христя не замедлила узнать Сержа и, сжавъ мою руку, дала знакъ идти тише.

Мы прошли за нимъ въ небольшомъ отъ него разстояніи нѣсколько улицъ. На дворѣ былъ поздній сѣрый вечеръ, покрывавъ дождь и улицы были почти пусты. Сержъ шелъ тихо, понуривъ голову, и часто останавливался;—мы все издали за нимъ слѣдовали, и я не замѣтилъ, какъ очутился въ улицѣ, гдѣ была квартира Альтанскихъ.

И что же? Сержъ, взойдя въ эту улицу, тихо пошелъ по противоположной сторонѣ и наконецъ остановился подъ темнымъ заборомъ.

Христя вздрогнула, и черезъ минуту, схвативъ меня за руку, тихо скользнула въ свою калитку, вошла въ комнату и, схвативъ карандашъ и бумагу, написала дрожащею рукою нѣсколько строкъ и подала ихъ мнѣ съ словами:

— Идите и отдайте это ему.

— То-есть Сержу?—переспросилъ я.

— Да; то-есть ему,—повторила она, снова меня передразнивая:—подите и отдайте! Или нѣтъ, стойте: вы не слуга мой, а другъ, и потому вы должны знать, что вы несете.

Она вырвала изъ моихъ рукъ записку, развернула ее и сказала:

— Прочтите.

Я прочелъ слѣдующее:

«Если вы несчастливы, и я могу что-нибудь для васъ сдѣлать, то я ни передъ чѣмъ не останавлиюсь. Я хочу васъ видѣть.»

— Да, пусть онъ ко мнѣ придетъ. Что вы на меня такъ смотрите?

— Я, ничего...

— А ничего, такъ идите и скажите, чтобы онъ къ намъ пришелъ... по-старому... завтра... я его ждать буду.

И съ этимъ она повернула меня и почти насильно вывела за двери.

Сержъ попрежнему стоялъ на улицѣ, но когда я сталъ приближаться, онъ тронулся съ мѣста и хотѣлъ уйти. Я ускорилъ шагъ и, нагнавъ его, слегка тронулъ его за руку и подалъ письмо, которое онъ взялъ молча и нетерпѣливо бросился съ нимъ къ фонарю.

Меня душили слезы: я чувствовалъ, что сейчасъ, сію

минуту совершится какое-то великое и тяжкое горе и, тихо зарыдавъ въ рукавъ, побѣжать домой, чтобы ничего болѣе не знать и не видѣть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Описанное мною событіе имѣло свои большія послѣдствія, которыя не могли долго скрываться: Сержъ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ дома Альтанскихъ; онъ у нихъ обѣдалъ, у нихъ сидѣлъ вечера и вообще проводилъ у нихъ почти все свое время.

Я очень скоро узналъ объ этомъ, но молчалъ и ничего не говорилъ маман, отъ которой это также не скрылось и заставило ее сильно страдать. Она была такъ сконфужена, что даже перестала писать Филиппу Кольбергу, а только стала очень часто нюхать спиртъ и проливать на сахаръ гофманскія капли. Къ этому подоסיѣла простуда, и маман заболѣла. Тутъ Христя меня удивила: она была до того къ намъ невнимательна, что даже не приходила навѣстить маман. Съ того вечера, какъ я отдалъ Сержу ея записку, она почти совсѣмъ не появлялась въ нашемъ домѣ, но старикъ Альтанскій ходилъ къ намъ непрежнему и въ немъ вообще не было замѣтно ни малѣйшей перемѣны ни въ какомъ отношеніи: онъ былъ такъ же снокоенъ, такъ же, какъ и прежде, шутилъ и такъ же занимался со мною классиками и математикой.

Частые визиты женатаго Сержа къ Христѣ, повидимому, не смущали старика и даже, можетъ-быть, совсѣмъ не останавливали на себѣ его вниманія, какъ иѣкогда не останавливало вниманія исчезновеніе этого молодого человѣка. Христя теперь, какъ и всегда, пользовалась неограниченнѣйшею свободою, и я странился, что покровительствуемая этою свободою страстная ея любовь, вѣроятно, сдѣлала въ это время большіе и безповоротные шаги. Наблюдая мою мать, я подозрѣвалъ, что и она опасается точно того же. Мнѣ даже казалось, что это собственно было и причиною ея болѣзни.

Я и не ошибался.

Однажды Альтанскій присѣлъ послѣ занятій со мною къ изголовью маман, сказавъ:

— Ахъ, я и позабылъ: у меня есть къ вамъ записочка отъ дочери.

И онъ подаль маман распечатанную записку, которую та взяла дрожащими руками и, пробѣжавъ ее, потребовала у меня свой бюваръ, сунула туда полученную записку и, написавъ отвѣтъ, велѣла мнѣ его запечатать.

Я взялъ бюваръ въ свою комнату и имѣлъ нескромность прочесть и Христину записку, и материнъ отвѣтъ. Христи писала слѣдующее:

«Катерина Васильевна! Вы должны имѣть обо мнѣ самое дурное мнѣніе и мнѣ хочется сказать вамъ, что я его винови́тъ: я *пропала!* Мое послѣднее поведеніе всякому дастъ право думать обо мнѣ какъ о самой недостойной женщи́нѣ— и я сама прежде всего считаю себя недостойною добраго расположенія и сообщества такой почтенной и горячо мною любимой женщи́ны, какъ вы. Вотъ почему я не иду къ вамъ—и зная, что вы больны по причинѣ, которую боюсь отгадать, рѣшилась просить васъ объ одномъ: не считайте меня холодною и неблагодарною, неумѣющею понимать и цѣнить вашей расположенности».

Маман на это отвѣчала короткимъ словомъ: «Приди ко мнѣ, другъ мой, моя милая Христи, я люблю тебя, я жду тебя со все́мъ нетерпѣніемъ и встрѣчу тебя съ вѣрнымъ тебѣ сердцемъ».

Я запечаталъ это письмо и отдалъ его Альганскому, а не болѣе какъ спустя одинъ часъ въ сѣняхъ нашихъ двей послышался стукъ щекотды, и въ дверяхъ залы появилась Христиа.

Она была одѣта очень небрежно, въ какомъ-то старомъ черномъ изношенномъ платьѣ, и покрыта съ головы такимъ же чернымъ платкомъ; но лицо ея, хотя и было блѣднѣе обыкновеннаго, казалось спокойнымъ и даже счастливымъ.

Заставъ меня одного въ залѣ, она, ни слова не говоря, подала мнѣ руку, улыбнулась и поцѣловала меня въ лобъ; я ей хотѣлъ что-то сказать, но она закрыла мнѣ ротъ и пошла скорыми шагами къ матушкиной комнатѣ, но вдругъ на самомъ порогѣ двери остановилась, закрыла ладонями глаза и опустилась на колѣни.

— Боже мой! другъ мой! Христиа! Ты ли это?—воскликнула, быстро вскочивъ и сѣвши въ кровати, маман.

— Да; это я... посмотрите на меня Бога ради!—отвѣчала, не поднимаясь и не открывая глазъ, дѣвушка.

— Зачѣмъ же ты тамъ стала? О, Господи! Иди, иди ко мнѣ, или я не выдержу...

— Вы меня не презираете?

— Нѣтъ, нѣтъ; я жалѣю тебя, я люблю тебя, я хочу плакать съ тобою!

Христя вскочила и, бросившись къ маман, обняла ее, а я поспѣшилъ уйти въ свою комнату и заперъ за собою двери.

Я долго сидѣлъ у себя, тяжело облокотясь головою на руки, и думалъ, что это за свѣтъ, что его за законы, ради которыхъ лучшее гибнетъ, принося себя въ жертву худшему,—и въ душѣ моей возставало смутное недовольство жизнью, которой я не понималъ, но уже былъ во враждѣ съ нею за эту Христю. *Я понималъ, что она сдѣлала*, и она мнѣ казалась героинею—и притомъ такую искреннею, такую прекрасною, что я готовъ былъ за нее умереть; а когда я пересталъ философствовать и сдѣлался снова свидѣтелемъ разговора, который она вела съ матушкою, добрыя чувства мои къ ней еще болѣе усилились.

Христя не приводила никакихъ аргументовъ въ свое оправданіе: она все брала на себя и говорила только одно, что она «не могла совладѣть съ собою».

— Какъ же ты думаешь теперь жить?

— Никакъ. Зачѣмъ думать: ничего не выдумаешь.

— Но твой отецъ?

— Отецъ мой меня любитъ.

— Но его годы, его взгляды...

— Не смущайте меня: я теперь счастлива, я любима, и вы меня не отвергаете—а болѣе мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла.

— А общество, а свѣтъ?

— А что они мнѣ дали? чѣмъ я имъ обязана? Не говорите мнѣ о нихъ: ихъ судъ мнѣ не нуженъ; я чувствую наслажденіе презирать его.

— Мой другъ, это не такъ легко.

— Легко ли, трудно ли, мнѣ объ этомъ теперь уже поздно думать.

— А собственная совѣсть?

— Совѣсть? она чиста. Я никого не погубила и не погублю: я отреклась отъ правъ на почетъ и уваженіе и взяла себѣ безславіе—и я снесу его.

— Зачѣмъ?

— Чтобы сдѣлать хоть немного счастливѣе того, кого я люблю и кто выше мѣры несчастливъ.

— А Богъ! а Богъ! ты забыла о Немъ, мое бѣдное дитя?

— Чей Богъ?

— Мой, твой, Богъ твоего отца.

— Богъ вашъ меня проститъ, потому что вы, будучи Его твореніемъ, меня простили.

— Словомъ, ты не чувствуешь въ своемъ сердцѣ на себя никакой грозы?

— Никакой.

— И ничего не боишься?

— Ничего равно. Я счастлива.

— О, Боже! — воскликнула маман. — Какъ правъ, какъ правъ мой другъ, который предрекалъ мнѣ все это!

— О комъ вы говорите?

— Ты его не знаешь: его здѣсь нѣтъ.

— Его здѣсь нѣтъ; но я все равно его знаю: это тотъ, кого зовутъ Филиппъ Кольбергъ?

— Да; это онъ.

— Что онъ вамъ предрекалъ на мой счетъ?

— Когда мы познакомились съ тобой и я писала ему объ этомъ и описывала твое положеніе и твой характеръ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «остерегайтесь поддерживать гордость этой дѣвушки: такіе характеры способны къ неудержимымъ жертвамъ—и въ этой жертвѣ все ихъ оправданіе». Я его не послушалась, я укрѣпляла въ тебѣ твою рѣшимость отказать Сержу, потому что я предвидѣла твое положеніе въ этой напыщенной семьѣ...

— И не жалѣйте объ этомъ, — перебила Христя: — вы укрѣпили меня въ самую важную минуту и спасли меня отъ положенія тяжкаго, котораго я бы не снесла—и умерла бы ненавистною себѣ и ему; межъ тѣмъ какъ теперь я счастлива и умру счастливою.

— Къ чему же рѣчь о смерти?

— О! я скоро, очень скоро умру!

— Зачѣмъ такая мысль?

— Она меня радусть: я хочу умереть скорѣй, скорѣй...

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? О, вы ли объ этомъ спрашиваете? зачѣмъ, чтобы не надоѣсть и... умереть любимою! Неужто вы не чувствуете какое это блаженство?

Мамаи промолчала.

— О, я жалю васъ, если вы этого не знаете,—продолжала дѣвушка.

— Нѣтъ, я это знаю,—отвѣтила тихо мамаи:—но...

— Но, я знаю что вы скажете,—перебила Христи:—вы скажете, что можно умереть любимую, сохранивъ себѣ уваженіе, то-есть не сдѣлавшись любовницею?

— Да.

— Отвѣчу вамъ: пускай это вмѣстить, кто можетъ; я же не могла и спросите этого добраго Кольберга... Я думаю, что онъ добрый?

— Какъ ангель.

— И онъ, конечно, уменъ?

— О, очень уменъ.

— Ну, такъ спросите его: осудить ли онъ меня или нѣтъ, что я пожертвовала собою, зная все... зная даже то, что меня долго любить не будутъ. Но я вамъ говорю: я предупреждаю это несчастье и умру любимая.

— Какая ты славная и какая несчастная. Христи!

Она засмѣялась и проговорила:

— Славная? да, я прославилась; молчите обо мнѣ: прячьте мою славу, пока ее не выдастъ всеѣмъ мое открытое безславіе.

Вышла пауза—и я понималъ, что онѣ въ это время должны были молча глядѣть другъ на друга: мать моя съ ужасомъ, а Христи со спокойствіемъ, которое вызывало этотъ ужасъ.

Я сталъ тихонько на колѣни передъ висѣвшимъ въ моей комнатѣ изображеніемъ Христа и, горько рыдая, просилъ Его:

— Омой, омой грѣхъ ея Твоею кровію!

Волѣе я ничего объ этомъ днѣ не помню.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Романъ Христи скоро получилъ огласку. Это и не могло быть иначе, потому что поведеніе страстно-влюбленнаго въ нее Сержа обличало его ежеминутно—и въ глазахъ его домашнихъ, и въ глазахъ постороннихъ, которымъ была охота что-нибудь видѣть. Я не знаю, было ли Христѣ что-нибудь извѣстно о томъ, что о ней толковали, но полагаю, что нѣтъ, потому что она рѣшительно умерла и погреблась для всего міра. Кромя ея собственнаго дома, ее нигдѣ нельзя было

видѣть: къ намъ она приходила, вся закутанная, поздно вечеромъ и уходила ночью, да и то это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока маман была больна; но какъ только маман начала выходить, Христя съ тѣхъ поръ къ намъ уже не показывалась. Еще оставалась у нея церковь, такъ какъ Христя, несмотря на свое своеволие, была очень набожна; но она избрала для своего моленія самую уединенную церковь и тамъ пряталась отъ всѣхъ взоровъ. Вообще прятанье сдѣлалось у Христи какою-то страстью и наводило на меня лично очень неприятное впечатлѣнiе: укрывающаяся Христя была точно олицетворенiе нечистой совѣсти, что все не шло къ ней, тѣмъ болѣе, что она, судя по ея недавнему объясненiю съ маман, считала свою совѣсть совершенно чистою.

А время все шло своимъ чередомъ, дни уходили за днями; Христя все такъ же старалась быть невидимой, и мы видѣлись съ нею очень рѣдко, а съ Сержемъ никогда; но укрупнившiйся въ фаворѣ женской половины этого дома Пеныновскiй ретиво доносилъ намъ, что тамъ идутъ ужасныя сцены и что жена и мать Сержа задумали какой-то планъ мщенiя. Планъ этотъ, какъ вскорѣ обнаружилось, состоялъ въ томъ, что высокiй покровитель семьи Сержа, при которомъ сей послѣднiй былъ записанъ на службу, далъ ему порученiе въ Петербургъ. Сержъ было возсталъ противъ этого и подавалъ просьбу въ отставку, но просьбы этой отъ него не приняли, а Христя убѣдила его не поднимать спора и ѣхать. Онъ ее послушался и уѣхалъ, кажется, точно такъ же легко, какъ прежде послушался ее и женился на другой. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, слушая ее, онъ слушался собственныхъ своихъ задушевныхъ и тайныхъ желанiй, которыя Христя только умѣла отгадывать и предлагать въ видѣ своихъ просьбъ.

Итакъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а мы придвинулись къ Христѣ, которая была очень спокойна и даже какъ бы довольна, что осталась одна,—обстоятельство, которое меня еще сильнѣе навело на мысль, что Христя только бодрится, а въ существѣ очень страдаетъ отъ невыносимой тяжести положенiя, которое себѣ устроила очертя умъ и волю. Она внутренно подобрала себя къ рукамъ,—стала гораздо порядочнѣе и спокойнѣе въ поступкахъ и въ мысляхъ, и даже во внѣшности: ея костюмъ и ея комнаты,—все это приняло

прежній стройный характеръ, который было совершенно утратился и исчезъ во дни ея безумныхъ увлеченій.

Такъ прошло болѣе мѣсяца, какъ вдругъ случились у насъ два происшествія: первое заключалось въ томъ, что къ роднымъ Сержа пришла, будто бы, вѣсть, что онъ въ Петербургѣ имѣлъ неприятную исторію съ братомъ своей жены и опасно занемогъ. При разсказахъ объ этомъ чего-то очевидно умышленно не договаривали и въ городѣ отъ этихъ недомолвокъ понесли толки, что у Сержа была дуэль и что онъ опасно раненъ. Жена его немедленно поскакала въ Петербургъ.

Христя, до которой дошла эта новость, сначала было очень испугалась, но потомъ подумала, успокоилась и сказала, что все это неправда.

Еще мѣсяць спустя получилось извѣстіе, что Сержъ уѣхалъ съ женою для пользованія за границу.

Христя, услыхавъ объ этомъ, сказала:

— Ну, вотъ *это* правда!

И вслѣдъ затѣмъ она получила отъ Сержа письмо, въ которомъ тотъ каялся, что роковая судьба заставляетъ его подчиниться тяжелымъ обстоятельствамъ; что онъ два года долженъ прожить съ женою за границею, потому что иначе теща лишитъ его значительной доли наслѣдства, но что онъ за всѣмъ тѣмъ останется вѣренъ своему чувству къ Христѣ и будетъ любить ее до гроба.

Христя все это приняла съ улыбкою и перенесла съ такимъ спокойствіемъ, что казалось, будто она вовсе даже нимало и не страдала. А вслѣдъ затѣмъ вскорѣ произошло событіе въ другомъ родѣ, которое ее даже заставило хохотать и долго было у насъ причиною немалого смѣха.

Виновникомъ этого веселаго событія былъ мой добрый другъ Пеньковскій.

Я уже сказала, что онъ пользовался большимъ фаворомъ на женской половинѣ Сержева дома. Какъ началось ихъ знакомство и дружество — я не знаю; но когда мы стали обращать на это вниманіе, то дѣла уже стояли такъ, что Пеньковскій былъ въ ихъ домѣ своимъ человѣкомъ и притомъ человѣкомъ самымъ необходимымъ. Теща, мать и жена Сержа, до самаго своего отъѣзда къ мужу, безъ церемоній употребляли моего друга на разныя посылки и послуги и удостоивали при этомъ своей особой довѣренности, которую

онъ и умѣлъ пользоваться съ дѣлющимъ ему честь тактомъ. Посѣщая насъ и принося намъ разныя непрошныя вѣсти изъ дома Сержа, онъ выуживалъ, гдѣ могъ, разныя сплетеншики о Христѣ—и, снабжая ихъ своими комментаріями, сносилъ туда. Онъ же оказывалъ самое ревностное и въ то же время самое осторожное содѣйствіе въ устройствѣ снасительной высылки Сержа за границу и потому остался утѣшать двухъ старухъ: родную мать Сержа—здоровую, толстую и чернобровую старуху Анну Ивановну, и его тещу Марью Ильиничну, старуху менѣе старую, высокую, стройную и сохранившую слѣды пѣкогда весьма замѣчательной красоты.

Эта послѣдняя была женщина свѣтская,—по-своему очень пеглуная, щедрая, даже расточительная; она занялась Пенъковскимъ съ знаніемъ дѣла: экипировала его со вкусомъ и такъ выдержала въ отношеніи всей его внѣшности, что въ одно прекрасное утро, всѣ мы, невзначай взглянувъ на моего друга, почувствовали, что онъ имѣетъ неоспоримое право называться замѣчательнымъ красавцемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, его высокій ростъ, крупная, но стройная и представительная фигура, прекрасные свѣлорусые, слегка вьющіеся волосы, открытое высокое чело, полное яблоко голубыхъ, завѣшанныхъ густыми рѣсницами глазъ и удивительнѣйшей, античной формы большая бѣлая рука, при мягкости и въ то же время развязности манеръ, быстро имъ усвоенныхъ подъ руководствомъ изящной и любившей изящество тещи Сержа, обратили его въ какого-то Ганимеда, затмевавшаго своей весенней красотой все, что могло сколько-нибудь спорить о красотѣ.

Онъ это чувствовалъ и сознавалъ—и необыкновенно легко обучился держать себя съ большою важностью. Состоя на однихъ со мною правахъ и потому будучи обязанъ служить приказнымъ, онъ, однако, бросилъ свою гражданскую палату—и, перемѣстясь въ аристократическую канцелярію къ начальнику, ведшему за усы его отца, взиралъ свысока на всѣхъ заасѣдателей и надсмотрщиковъ, которыхъ могъ обогнать однимъ шагомъ. Ему теперь все улыбалось—и онъ полнѣлъ, добрѣлъ и ликовалъ, и отнюдь не подозрѣвалъ, что въ это самое время ему готовился урокъ непрочности земного счастья. Среди самыхъ цвѣтущихъ дѣлъ онъ получилъ смертельный ударъ, заключавшійся въ томъ, что убогенькаго

жена моего дяди внезапно подавилась куриною косточкою и умерла, — а дядя мой, отъ котораго — по выраженію лица, у котораго служилъ Пеньковскій, — «взятками пахло», чтобы стбнть отъ себя этотъ дурной запахъ, сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Ильиничнѣ и получилъ ея руку быстро и безиноворотно. Этотъ политическимъ фортелемъ дидонка, сблизясь съ главнымъ начальникомъ края, укрѣпилъ себя на своемъ креслѣ, такъ какъ оно подъ нимъ довольно шаталось, — а бѣдный Пеньковскій очутился безъ пинаги. Въ домъ дяди его не пускали, а тайно благодѣтельствовать ему Марья Ильиничина или не хотѣла, или онъ самъ считалъ неудобнымъ участвовать въ этой тройной игрѣ. Словомъ, дѣла его приняли вдругъ самый дурной оборотъ: аристократическая канцелярія не давала ему ничего, кромѣ какихъ-то весьма отдаленныхъ видовъ; но какъ было ихъ дожидаться, когда скуной отецъ не давалъ ему ни гроша, а самъ онъ не умѣлъ добыть трудомъ ни копейки.

Всякій бы на мѣстѣ Пеньковского сталъ втуникъ, и съ нимъ случилось то же самое, но только съ тою разницею, что онъ скоро нашелся какъ поправить свои обстоятельства и притомъ способомъ самымъ прочнымъ и капитальнымъ.

Разъ, въ праздничный день, онъ приходитъ къ намъ по обыкновенію развязнымъ цеголемъ и франтомъ, и, предложивъ маманъ руку, просилъ ее его выслушать. Они вдвоемъ выпили въ залъ, а я остался въ матушкиной комнатѣ, гдѣ грѣлся передъ каминомъ; но не прошло и десяти минутъ, какъ матушка вдругъ вошла торопливой походкой назадъ. Она имѣла видъ встревоженный и смущенный я, плотно затворивъ за собою дверь, сказала мнѣ:

— Выйди, сдѣлай милость, къ нему и скажи, что я почувствовала себя дурно и легла въ постель.

Я смотрѣлъ на маманъ молча, изумленными глазами, но она еще настойчивѣе повторила мнѣ свое порученіе и закопалась въ мелкихъ вещицахъ на своемъ туалетѣ, что у нея всегда выражало большое волненіе.

Я вышелъ въ залъ и, увидѣвъ передъ собою представителя Пеньковского, ощутилъ всю трудность возложеннаго на меня порученія, тѣмъ болѣе, что не зналъ, чѣмъ оно вызвано. Одну минуту мнѣ пришло въ голову, ужъ не сдѣлалъ ли онъ предложенія моеи маманъ, но, вспомнивъ, что онъ въ послѣднее время усвоилъ себѣ привычку гово-

рить съ женищинами съ особенной тихой развязностью, я счелъ свою догадку преждевременной и просто попросилъ его въ свою комнату.

— Въ твою комнату? зачѣмъ это?—спросилъ онъ меня съ легкою гримаской; но, услыхавъ отъ меня то, что я долженъ былъ ему передать по порученію татап, онъ вдругъ смялся и на выхоленномъ лицѣ его мелькнули черты, которыя я видѣлъ на немъ, когда обнаружилось, что Кирилль водилъ его подъ видомъ палача по королевской ярмаркѣ.

— Послушай,—сказалъ онъ мнѣ въ одно и то же время и разсѣянно, и строго:—я въ правѣ отъ тебя, однако, потребовать одного, чтобы ты сказалъ: понимаешь ли ты, что это обидо...

— Ей-Богу, ничего я не понимаю,—отвѣчалъ я поистинѣ.

— Я объявляю твоей матери, что я женюсь на ея знакомой,—и такъ или иначе, дѣлаю ей все-таки честь: прошу ее быть моею посаженою матерью; а она, вдругъ, представъ себѣ: молча смотритъ на меня цѣлыя нять минутъ... замѣть, все молча! Потомъ извиняется, быстро уходитъ и высылаетъ ко мнѣ тебя съ этимъ глухимъ отвѣтомъ, что она нездорова... Знаешь, милый другъ, что если бы я не уважалъ ее, и если бы это не въ такое время, что я женюсь...

— На комъ же, на комъ ты женишься?—перебилъ я.

— А я, любезный другъ, женюсь на Аннѣ Ивановнѣ.

— На какой Аннѣ Ивановнѣ?

— На Довбичъ.

— На вдовѣ?!

— Ну да, на вдовѣ.

— На матери Сержа?

— Ну да; на его матери.

— И Сержъ долженъ будетъ называть тебя *mon père*?

У меня задергало щеки, и я не выдержалъ и расхохотался.

— Вотъ сейчасъ и видно, что ты еще дуракъ!—сказалъ Пеньковскій, которому и самому было и смѣшно, и конфузно; но онъ, однако, на меня не разсердился и ушелъ, удостоивъ меня чести приглашеніемъ въ шаферы.

Когда мы вечеромъ пришли къ Христѣ и я рассказалъ ей эту исторію, она смѣялась до упаду и до истерики, сколько надъ сѣге рара, какъ стали мы называть Пеньковского, столько же и надъ татап, которая сама шутила

надъ замѣнательствомъ, въ которое поставилъ ее Пеньковскій этою, по ея словамъ, «противною свадьбой».

Мы по этому случаю такъ много смѣялись и были такъ веселы, что и не думали ни о положеніи Христи, ни о томъ, что надъ самими надъ нами, можетъ-быть, тоже виситъ какая-нибудь внезапность, способная переконфузить насъ болѣе, чѣмъ замужество одной старухи сконфузило Пеньковского и въ то же время дало ему счастливую мысль самому скорѣе жениться на другой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ночью отъ этого усиленнаго смѣха Христи сдѣлалось внезапно такъ худо, что она присылала за маман—и я не слыхалъ, какъ маманъ къ ней ходила и возвратилась,—да собственно я не зналъ даже, что такое и было съ Христею, и не видалъ ее послѣ того въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Это случилось главнымъ образомъ отъ того, что я ѣздилъ по службѣ въ одинъ довольно-далекій великороссійскій городъ за принятіемъ мѣдной монеты. Порученіе это было пустое и весьма не лестное, такъ какъ его могъ бы исполнить всякій солдатъ; но маманъ оно очень нравилось—и даже, я увѣренъ, что она сама и схлопотала мнѣ эту посылку.

Впрочемъ, выѣхавъ изъ Кіева послѣ продолжительнаго здѣсь сидѣнія, я и самъ былъ очень доволенъ случаю провѣтриться. Новые мѣста и новые люди всегда меня интересовали—и на этотъ разъ я ими очень занялся и провелъ нѣсколько времени въ дорогѣ и при приѣмѣ денегъ очень пріятно. Поневолѣ освободясь отъ книгъ, я сопричащался къ жизни чужихъ мнѣ людей и считалъ это очень пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что куда я ни появлялся и съ кѣмъ ни сходился, мнѣ казалось, что всѣ меня очень ласкали и любили. Словомъ: я былъ очень счастливъ—и этимъ счастьемъ дышали всѣ письма, которыя я писалъ магуникъ, описывая въ нихъ въ подробности всѣ мои думы и впечатлѣнія. Отпускомъ меня отсюда не торопились: денегъ, за которыми я пріѣхалъ, не было въ сборѣ, — ихъ свозили въ губернскій городъ изъ разныхъ уѣздовъ; все это шло довольно медленно, и я этимъ временемъ свелъ здѣсь нѣсколько очень пріятныхъ знакомствъ; во главѣ ихъ было семейство хозяина, у котораго я присталъ съ моими двумя присяжными солдатами, и

потомъ чрезвычайно живой и веселый живописецъ Лантевъ, который занимался въ это время распискою стѣнъ и купола мѣстнаго собора и жилъ тутъ же рядомъ со мною въ комнатѣ у того же самаго небогатаго дворянина Нестерова. Живописецъ Лантевъ былъ человекъ маленькаго роста, съ веселыми карими глазками, широкой чистой лысиной, черезъ которую лежала одна длинная прядь черныхъ волосъ, съ открытымъ лицомъ и курносимъ носомъ, нѣсколько вздернутымъ и какъ бы смѣющимся. Однимъ словомъ: физиономія презамѣчательная и очень располагающая. Онъ имѣлъ отъ роду лѣтъ тридцать пять, происходилъ откуда-то изъ мѣщанъ; провелъ всю свою жизнь въ занятіяхъ церковною живописью, былъ очень уменъ и наблюдателенъ; любилъ кутнуть и считалъ себя знатокомъ церковнаго пѣнія, постоянно расписывалъ разныя херувимскія и концерты, но пѣть ихъ не смолъ, а только однѣ басовыя партіи, отчего, если его слушать изъ-за стѣны, выходило похоже на пѣвіе сумасшедшаго. Онъ то выработывалъ свою ноту, то вдругъ останавливался, воображая мысленно какъ поютъ въ это время другіе голоса, считалъ въ умѣ тактъ—и дождавшись времени, вдругъ опять хваталъ свою ноту и оралъ часто весьма немилосердно.

На этомъ мы съ нимъ и познакомились; онъ, встрѣтивъ меня однажды, спросилъ: не мѣшасть ли онъ мнѣ заниматься? на что я ему и отвѣчалъ, что онъ мнѣ не мѣшасть, но что я удивляюсь, какъ ему не мѣшасть сумасшедшій, который у насъ гдѣ-то кричитъ.

— А-а! этотъ сумасшедшій? Ну, я къ нему уже прівыкъ,—отвѣчалъ, добродушно смѣясь, Лантевъ.

— Развѣ вы давно здѣсь живете?

— Нѣтъ, я то здѣсь недавно, но онъ-то со мною уже давно; однимъ словомъ, этотъ сумасшедшій и самъ. Хе-хе-хе-хе!—засмѣялся онъ, какъ засмѣялъ великимъ горошкомъ, и, обнявъ меня съ искренней дружбой, добавилъ:—не конфузьтесь, пріятель дорогой, не конфузьтесь! вы не первый сочли меня за сумасшедшаго; почитайте меня такимъ, ибо я и въ самомъ дѣлѣ таковъ: пою и пью, священные явки изображаю и ежечасно грѣшу: чѣмъ не сумасшедшій...

Вечеромъ этотъ веселый человекъ, придя съ работы изъ церкви, взманилъ меня идти съ нимъ въ театръ, гдѣ очень плохая пресинципальная трунна разыгрывала *Каменнаго юста*.

И представлѣніе, и обстановка были крайне незамысловаты, но меня они, однако, удовлетворяли или по крайней мѣрѣ приводили въ нѣкоторый трепеть; а Лантевъ, который оказался большимъ театраломъ, по возвращеніи домой необыкновенно заинтересовалъ меня рассказами о столпныхъ театрахъ и актерахъ, изъ которыхъ онъ очень многихъ близко зналъ. Отъ актеровъ онъ перескочилъ къ пѣвцамъ, отъ пѣвцовъ къ живописцамъ и скульпторамъ — и, рисуя одну за другою картины артистическихъ нравовъ, увлекъ меня этимъ бытомъ до восхищенія и восторга, выразившагося тѣмъ, что я вскочилъ съ мѣста и расцѣловалъ его.

Онъ мнѣ казался умнѣе и прекраснѣе: чуя въ немъ бѣненіе пульса, присущее художественной натурѣ, я ощутилъ въ своей душѣ ближайшее родство съ нимъ, — родство и согласіе, какихъ не ощущаю до сихъ поръ ни съ кѣмъ, не исключая паша, Христи и профессора Альтанскаго.

— Гармонія—вотъ жизнь; достиженіе прекраснаго душою и сердцемъ—вотъ что лучше всего на свѣтѣ!—повторялъ я его послѣднія слова, съ которыми онъ вышелъ изъ моей комнаты — и съ этихъ заснулъ, и спалъ, видя себя во снѣ чуть не Апеллесомъ или Праксителемъ, передъ которымъ всѣ дѣвы и юныя жены стыдливо снимали покрывала, обнажая красы своего тѣла; онѣ были обвиты плющемъ и гирляндами свѣжихъ цвѣтовъ и держали кто на головѣ, кто на упругихъ плечахъ храмовыя амфоры, чтобы подъ тяжестью ихъ отчетливѣе обозначался линіи стройнаго стана—и все это затѣмъ, чтобы я, величайшій художникъ, увѣнчанный миртомъ и розой, лучше бы могъ передать полотну ихъ чаровничью прелесть.

О, юность! о, юность благая! зачѣмъ твои сны уходятъ вмѣстѣ съ тобою? Зачѣмъ не повторяются они такіе чистые и прекрасные, вдохновляющіе, какъ этотъ сонъ, послѣ котораго я уже не могъ уснуть въ эту ночь, всталъ рано и, выйдя на коридоръ, увидалъ моего Лантева. Онъ стоялъ и умывался передъ глинянымъ умывальникомъ, и, кивнувъ мнѣ головою, спросилъ:

— Или не поспалось?

— Да, не поспалось,—отвѣчалъ я:—мнѣ приснился хорошій сонъ и заспать его не хочется.

— А что за сонъ такой снился? Пойдемте-ка ко мнѣ чай пить, да расскажите про него, протобестію.

Мы вошли въ комнату, и я разсказать мой сонъ.

— Важно!—отвѣчалъ, выслушавъ меня, Лаптевъ:—сонъ хоть куда: хоть заправскому Рафаэлю. А знаете ли что сей сонъ обозначаетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А я знаю и сейчасъ разскажу: онъ значитъ, что, во-первыхъ, у васъ художественная жилка есть и ей надо дать пожить: пусть она, капалья, немножечко побьетса; а, во-вторыхъ... который вамъ годъ?

— Девятнадцать.

— Гм! возрастъ бѣдовый: тоже своихъ правъ требуетъ. Миѣ въ эти годы тоже чортъ возьми вдохновенныя штучки снились, и я такихъ-то Дурлей у отца въ лавкѣ на стѣнахъ углемъ производилъ, что ай люли. Только меня за это батька потягомъ по спинѣ каталъ!

— За что же?

— Чтобы стѣнъ, говорили, не портилъ. Эхъ, да, сударь, да: искусство—это такая вещь, что не дается пока за него не пострадаешь. Музы ревнивы, проклятыя: пока ото всего не отвернешься, да не кинешься имъ въ ноги, дескать «примите къ себѣ въ неволю», до тѣхъ поръ все отворачиваются.

— И съ вами такъ было?

— Да, и со мною такъ было: отецъ мой въ городѣ лавчонку имѣлъ и меня къ этому же промыслу пріучалъ, а я все рожи по стѣнамъ чертилъ,—онъ меня, покойникъ, за это и дралъ, дай ему Богъ царствіе небесное. А потомъ онъ умеръ, матушка меня къ чужому лавочнику въ такую же науку отдала: я опять рожи чертить, да къ звукамъ прислушиваться. Хозяинъ уйдетъ изъ лавки пообѣдать, а я стаканы на полкѣ разставлю, подберу ихъ подъ тонъ да и валяю на нихъ палочкой «Всемирную славу». Да разъ, эту «Всемирную славу» исполняя, въ такой азартъ пришелъ, что забиралъ-забиралъ все *forto fortissimo*, да всѣ эти стаканы и поколотилъ. Бросилъ ихъ въ корзинку, а они, дьяволы, такъ сладостно зазвенѣли, что я сгрѣбъ одинъ пятифунтовикъ да еще въ корзинку... Ахъ, хорошо!.. Я еще десятифунтовикъ,—еще лучше дребезгъ: точно изъ ораторіи какой-нибудь на разрушеніе міра... Я и ну катать,—да потомъ,—какъ опомился, что такое натворилъ,—шанку въ охапку да маршиъ большою дорогою черезъ заборъ въ Москву, разгонять тоску.

— Ну-съ?

— Ну-съ, и поступилъ къ живописцу, да лучше его писать сталъ—онъ меня выгналъ; я въ Петербургъ, чуть въ академію не попалъ.

— И отчего же вы не попали?—воскликнулъ я съ глубокимъ сожалѣніемъ.

— Дуракъ былъ,—отвѣчалъ Лаптевъ:—слюбился да женился,—муза сейчасъ и взревновала, и наплевала мнѣ въ голову, а баба ребятъ нарожала—и вотъ я лысый нынче лажу по дѣсамъ, да куполы расписываю и тѣмъ свой гаремъ питаю.

Лаптевъ замолчалъ и сталъ собираться на работу.

Я ушелъ отъ него и мнѣ сдѣлалось невыразимо скучно,—точно я разстался съ какимъ-то ближайшимъ и драгоценнѣйшимъ мнѣ существомъ. Повторяю опять, что хотя я въ этомъ влеченіи и узнавалъ знакомыя черты нилкости и восторженности моей природы, но это было совсѣмъ не то, чтó я чувствовалъ нѣкогда къ матери или Альтанскому. Все то было сухо, строго и подчинилось разуму, межъ тѣмъ какъ тутъ меня охватывало что-то неодолимое и неодолимою же тайною властью влекло къ Лаптеву. Въ немъ я видѣлъ, или лучше сказать, чувствовалъ посланца по мою душу изъ того чуднаго, завѣтнаго міра искусства, который вдругъ сталъ мнѣ своимъ—и манилъ, и звалъ меня къ себѣ, привѣчая и ластя... и я стремился къ нему, дрожа и мляя, и замирая отъ сладостной мысли быть въ немъ извѣстнымъ, знаменитымъ... славнымъ...

Бѣдный Лаптевъ уже представлялся мнѣ чѣмъ-то жалкимъ, добрымъ, но мизернымъ: крохотною козявочкой, которую я опережу однимъ взмахомъ крыла, крыла молодого, невыщипаннаго, бодрого и самонадѣяннаго.

Я отъ природы имѣлъ способность къ музыкѣ, какъ и къ живописи. Еще въ корпусѣ, находясь въ числѣ пѣвчихъ, я выучилъ вокальныя ноты подъ руководствомъ регента и самоучкою приспособился къ пониманію музыкальныхъ нотъ, но не умѣлъ играть ни на одномъ инструментѣ, кромѣ сигнальнаго рожка, на которомъ при удобныхъ случаяхъ выработывалъ кусочки едва удобные на этомъ бѣдномъ инструментѣ. Рисовалъ же я хорошо и карандашомъ, и красками, то есть, разумѣется, хорошо для кадета, а не для живописца, но я надѣялся быстро усовершенствоваться. При

достаточной скромности я все-таки был так самонадѣнитъ, что считалъ себя способнымъ сразу сдѣлать громадныя успѣхи, на которые позволяли мнѣ разсчитывать мое относительно ужь неузкое развитіе, вкусъ и знанія, какихъ не было у Лаптева.

Долговременное неупражненіе себя въ искусствахъ стало передо мною живымъ и нестерпимымъ укоромъ, и я страстно рванулся напередъ все это,—и, ни минуты болѣе не размышляя, бросился бѣгомъ въ церковь, гдѣ работалъ со своими подмастерьями Лаптевъ.

Живописецъ сидѣлъ высоко въ люлкѣ и писалъ въ парусѣ купола евангелиста.

Увидѣвъ меня, онъ захохоталъ опять тѣмъ же своимъ, какъ горохъ, дробнымъ смѣхомъ и крикнулъ:

— А что: не сидится, кортиги?

— Скучно,—отвѣчалъ я:—пришелъ посмотрѣть.

— Чего же даромъ смотрѣть: полѣзайте, работу дадимъ. Эй, Архипъ!—крикнулъ онъ живописцу, писавшему драпировки другого евангелиста:—дай-ка этому барину горшокъ съ брауротомъ, пусть его фонъ затираетъ.

— Испортить,—отвѣчалъ изъ-подъ паруса угрюмымъ басомъ Архипъ, большой человекъ, чрезвычайно похожіи на отставного солдата.

— Нѣтъ, не испорчу,—отвѣчалъ я.

— Кускомъ навалаете—послѣ сбивай ихъ мастихиномъ.

— Ничего, ничего: дай ему краски,—отозвался Лаптевъ и снова захохоталъ.

Я ватѣзь, взялъ кисть и пошелъ затирать фонъ вокругъ подмалеваннаго контура евангелиста Іоанна и исполнилъ это немудреное дѣло прекрасно.

Лаптевъ, очевидно даншій мнѣ эту работу для шутки, взглянувъ на нее, улыбнулся и не безъ удивленія сказалъ:

— Хорошо.

На другой день я сдѣлалъ ту же работу въ другомъ парусѣ и украдкой позволилъ себѣ положить небольшіе блики на спускающейся внизъ рукѣ евангелиста, которая казалась мнѣ поестественно освѣщенной.

Лаптевъ это замѣтилъ и, еще болѣе удивляясь, сказалъ:

— Вонъ оно, Архипъ, баринъ-то какъ мажетъ. Ему можно дать въ твоёмъ парусѣ драпировки подмалевать.

Въ этомъ парусѣ былъ изображенъ евангелистъ Іоаннъ,

какъ онъ обыкновенно пишется,—съ орломъ у плеча, но съ перстомъ уставленнымъ въ лобъ.

Я не видалъ ровню никакого смысла въ этомъ упертомъ въ лобъ пальцѣ у евангелиста, который писалъ вдохновенъ, для выраженія котораго здѣсь и представленъ орелъ. Такое сложное и натянутое сочетаніе мнѣ очень не нравилось—и я не преминулъ сообщить Лантеву мою мысль.

Онъ задумался—и потомъ, согласясь со мною, крикнулъ:

— Архимъ! слышишь, баринъ-то дѣло говоритъ: зачѣмъ евангелистъ палецъ въ лобъ уперъ?

— А куда же прикажете ему его упереть?—сердась отвѣчалъ Архимъ.

Лантевъ разсмѣялся и проговорилъ:

— Вамъ насъ уже не переучить.

И съ этимъ мы съ нимъ ушли, а когда я на другой день пришелъ въ церковь, то онъ, предупредительно встрѣтивъ меня, сказалъ:

— Садитесь-ко вотъ тутъ со мною, а то они сердятся.

Я помогалъ Лантеву педѣли двѣ и во все это время онъ какъ на зло не говорилъ со мною ни одного слова объ искусствѣ, а между тѣмъ, я видѣлъ, что онъ считаетъ меня далеко не чуждымъ этому призванію.

Меня это немножко досадовало, тѣмъ болѣе, что я, со свойственною мнѣ страстностью, весь предался работѣ и не замѣтилъ, какъ словно тать въ ночи подкрался день моего отъѣзда назадъ, въ великолѣпно-скучающій Кіевъ, къ моей чинной и страдающей матери, невозмутимому и тоже, кажется, страдающему профессору Альтанскому и несомнѣнно страдающей, хотя и смѣющейся, Христвѣ.

У меня сжалось сердце: мнѣ стало необыкновенно жалко всѣхъ ихъ и въ то же самое время мнѣ было странно возвращаться въ этотъ кружокъ, который мнѣ казался теперь такимъ унылымъ и скучнымъ... Я представилъ себѣ en detail свой домъ, домъ Альтанскихъ, всѣ эти милыя мнѣ, но какъ бы не моего письма лица и потомъ... служба... капцелярія съ ея стертыми какъ старые пятиалтынные лицами и запахомъ спертатаго воздуха и пашинрося... и мнѣ хотѣлось куда-то бѣжать. Куда? Да не все ли равно: хоть подъ паруса церкви на люльку Архипа, хоть на подмостки театра въ тогѣ командора, словомъ, куда бы ни было, но только туда, гдѣ бы встрѣтить жизнь, ошибки и тревоги, а не мо-

раль, вѣчную мораль добродѣтели и заботь о своемъ совершенствѣ... Это все мнѣ ужасно надоѣло и... я къ стыду моему понялъ, что это значитъ: я не могъ лукавить съ самимъ собою, я долженъ былъ сознаться себѣ, что мнѣ наскучило быть съ матерью, что мнѣ не хочется уже къ ней возвращаться, и я заплакалъ... отъ стыда своей неблагодарности и отъ досады, что я бѣденъ, ничтоженъ, что я не могу обезпечить мою мать всѣмъ нужнымъ и самъ броситься въ какую-то иную жизнь... Я не зналъ, какую именно, но зналъ, что она должна быть совсѣмъ не похожа на ту, которую я проводилъ до сихъ поръ и которую уважалъ... Я хотѣлъ попробовать жизни—уваженія недостойной: я чувствовалъ, что это влеченіе во мнѣ становится неодолимо.

Лаптевъ былъ человѣкъ очень умный и при всей своей малообразованности онъ былъ настоящій «художникъ въ душѣ» (что я считаю гораздо понятнѣе, чѣмъ, напримѣръ, «гусарь въ душѣ»). Онъ понялъ, какой червякъ забрался въ мою душу, и порѣшилъ помочь мнѣ его выкурить; но ошибся въ расчетѣ и вмѣсто одного горя отпустилъ со мною на дорогу два, изъ коихъ одно было злѣе другого, хотя оба они выводили меня на одну торную дорогу, къ глубочайшему раздору съ собою и съ міромъ, отъ котораго скрыла меня черная мантия и воскрылія клобука—моего духовнаго шлема.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Вскорѣ же послѣ описанной мною сцены и незадолго до моего отправления, Лаптевъ зашелъ ко мнѣ утромъ въ субботу и говорить:

— Вотъ что-съ, мой милостивый государь, не вамъ однимъ плохо спится, а и мнѣ тоже стало не спать—и въ этомъ виноваты вы.

Я удивился.

— Да такъ-съ,—продолжалъ Лаптевъ:—глядя на вашу страсть, я чувствую, что у меня старые пульсы заколотились. Что проку скрывать и молчать: я вамъ долженъ сказать, что вы мнѣ напомнили мои юные годы, когда я на стѣнахъ углемъ рисовалъ и стаканы билъ. Это, знаете, штука не безстрастная, да и не безстрашная,—потому я съ вами нѣсколько дней и не говорилъ объ искусствѣ.

— Я васъ не понимаю,—отвѣчалъ я:—чего же вы испугались?

— И не удивлюсь-сь, и не удивлюсь, что вы меня не поняли! Искусство... искусство, ухъ, какая мудреная штука! Это вѣдь то же, что монашество: оставь человекъ отца своего и мать и бери этотъ крестъ служенія да иди на жертву—и то ничего не будетъ, или будетъ вотъ такой богوماзь, какъ я, или самодовольный маляринка, который чтѣ ни сдѣлаетъ—всѣмъ доволенъ. Художнику надо вѣчно хранить въ себѣ святое недовольство собою, а это мука, это страданіе, и я вижу, что вы уже къ нему немножко сопричастились... Хе-хе-хе!—я все вижу!

— Отчего же, говорю,—вы это видите? я вѣдь вамъ, кажется, ничего такого не говорилъ, да и по правдѣ сказать, никакихъ особенныхъ намѣреній не имѣю. Я поучился у васъ и очень вами благодаренъ—это дастъ мнѣ возможность доставлять себѣ въ свободные часы очень пріятное занятіе.

Лаптевъ замоталъ головой.

— Нѣтъ,—закричалъ онъ:—нѣтъ, атанде-сь; не говорить-то вы мнѣ о своихъ намѣреніяхъ не говорили, это точно—и, можетъ-быть, ихъ у васъ пока еще и нѣтъ; но ужъ я искушенъ—и вы мнѣ повѣрьте, что они будутъ, и будутъ совсѣмъ не такія, какъ вы думаете. Гдѣ вамъ въ свободные часы заниматься! На этомъ никакъ не можетъ кончиться.

Меня очень заняла эта заботливость обо мнѣ веселаго живописца—и я, испытывая его пророческій духъ, спросилъ:

— А какъ же это кончится?

— А такъ кончится, что либо вы должны сейчасъ дать себѣ слово не брать въ руки кисти и палитры, либо васъ такой чортъ укуситъ, что вы скажете «прощай» всему міру и департаменту,—а это пресладостно, и прегадостно, и превредно.

Я разсмѣялся.

— Тсс! тсс!—остановилъ меня серьезно Лаптевъ:—я съ вами дружески говорю... потому что я васъ люблю и считаю обязанностью спасти васъ отъ опасности. Вы не смѣйтесь надъ этимъ: я, вѣдь, рукоесломъ богوماзь, а у меня внутри художественный чертенокъ все-таки живъ... Я люблю людей... такъ, ни за что. Взгляну въ харицу—и

если замѣчу, что на ней зракъ божественный отсѣиваетъ... я и пропасть: пристрашусь, полюблю и иногда чортъ знаетъ до чего люблю. Вотъ такъ и съ вами: ншь у васъ мордоилися-то какав. Ахъ ты, каналья, какой онъ прекрасный!

И находившійся въ своемъ удивительномъ художественномъ восторгѣ Лантевъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, пребольно уцѣпивъ меня съ обѣихъ сторонъ подъ челюстями и, нѣжко поцѣловавъ въ лобъ, договорилъ:

— Какъ же ты не художникъ, когда душа у тебя—вся душа наружу—и ты все это понимаешь, что со мною дѣлается? Нѣтъ; тебя непременно надо спасти и поставить на настоящую дорогу.

— Сдѣлайте милость,—отвѣчалъ я:—я не прочь, только дорога-то для меня уже выбрана: я долженъ служить и сидѣть въ канцелярїи.

И при этомъ я рассказалъ ему о тѣхъ привилегїяхъ, которыя я получилъ въ напутственное благословенїе при исключенїи меня изъ корпуса съ обязательствомъ служить восемь лѣтъ до перваго чина.

Лантевъ изрыгнулъ цѣлый потокъ самой злой брани, но потомъ усидкоился и сказалъ, что и это ничего; что восемь лѣтъ пройдутъ какъ уже часть ихъ прошла—и тогда только настанетъ для меня пора настоящаго выбора.

— Вамъ будетъ двадцать пять лѣтъ,—заговорилъ онъ:—и вы будете чинемъ коллежскїй регистраторъ, это еще чуть-чуть не китайскїй императоръ: съ такими началами чортъ бы ее побралъ, госножу службу! Вотъ тогда-то вы и шатнетесь, а куда шатнуться—это надо знать. Надо дѣлать славу или деньги: это большой расчетъ. Мой вамъ совѣтъ: дѣлайте деньги.

— Покорно васъ благодарю.

— Нѣтъ, кромѣ всякихъ шутокъ. Тогда и поэзія, и искусство, все въ мїрѣ мило будетъ, а иначе бѣда. Я объ этомъ и хлопочу: васъ надо отучить отъ искусства.

— Какъ же вы это сдѣлаете?

— А уже я сдѣлаю! Но безнокойтесь: я мужъ искушенннй; у меня есть на это вѣрное средство. Я затѣмъ къ вамъ и пришелъ. Вы скоро уѣзжаете; я не хочу, чтобы вы уѣхали съ тѣмъ, какъ теперь заправились. Вы вѣдь, небожь, думаете, что вы видѣли искусство и искусника. Э, дѣтъ, отецъ родной, вы видѣли не искусника, а чорта въ стулѣ!

А вотъ я вамъ покажу настоящее искусство и настоящаго искусника, такъ вы и поймете, что до него ухъ какъ далеко ѣхать! Да-съ, всякая охотинка отпадетъ какъ помотришь. сколько нужно грататься на верхушку, съ которой все видно станеть. Миѣ счастливая мысль пришла: сегодня суббота, завтра воскресенье, а послѣзавтра праздникъ, а потому именинница Борисоглѣбская гостиница: мои молодцы понируютъ, а потомъ стануть зубы расномаскивать и работать дня четыре не будутъ. Здѣсь въ городѣ и миѣ, и вамъ страшно скучно—и я хочу вамъ предложить небольшую прогулочку за городъ, но только ручаюсь вамъ, что прогулка будетъ первый сортъ, съ сопряженіемъ пользы и удовольствій.

Я пожелалъ что-нибудь подробнѣе знать объ этой прогулкѣ, на которую звалъ меня Лаптевъ.

— Видите,—отвѣчалъ онъ:—тутъ, въ восемнадцати верстахъ отъ города, есть село Кротово. Кличка у него ничего особеннаго не обѣщаетъ, но само оно чрезвычайно красиво: раскинуто на берегу Оки и все въ садахъ и паркахъ, а что самое главное—такъ тамъ такая господская усадьба, что передъ нею куда твой Петергофъ! Да, именно Петергофъ, потому что тамъ въ Кротовѣ даже есть такія собранія произведеній искусства, что все пальчики облизнешь: вотъ ихъ-то я вамъ и хочу показать. Самъ Павелъ Дмитричъ Кротовъ—аптикъ, который надо продавать на золотники: онъ разсорился со всеѣмъ Петербургомъ, уѣхалъ къ себѣ въ Кротово и никого видѣть не хочетъ, да намъ до него и дѣла нѣтъ; а у него есть галлерей,—дивная галлерей, картины всеѣхъ никовъ и едва ли не въ наилучшихъ образцахъ, и вдобавокъ въ куполѣ надъ бібліотекою теперь у него пишеть что-то *al fresco* одинъ извѣстнѣйшій нѣмецкій художникъ: миѣ страсть хочется это видѣть, да и вамъ совѣтую: во-первыхъ, огромное наслажденіе, и притомъ несмѣтная польза.

— Какая же?

— А вотъ тамъ увидите. Такъ значитъ ѣдемъ?

— Извольте.

Лаптевъ выбѣжалъ и черезъ нѣсколько минутъ забарабанилъ пальцами по стекламъ моего окна, и закричалъ:

— Подвода готова!

Я бросился къ окну и увидалъ у воротъ наглавную со-

ломою крестьянскую телѣжку, въ которой были запряжены худой, рослый, караковый меринъ и толстоногая буланая кобылочка, подъ выменемъ которой сосать пѣгнн жеребенокъ.

«Такъ вотъ экипажъ, на которомъ мы поѣдемъ въ кротовскій храмъ искусства—не важно!»—подумалъ я, находя эту телѣгу и сбрую, а особенно пристяжную кобылку съ жеребенкомъ, не особенно изящными; но дѣлать было нечего: «важнѣе» намъ не на чемъ было ѣхать, да и къ тому же я скоро сообразилъ, что по-деревенски это ничего не значитъ. И съ этимъ я не только радостный, но даже торжествующій, вскочилъ въ телѣжку рядомъ съ моимъ Лаптевымъ, и мы поѣхали, конвоируемые сзади жеребенкомъ, который, чувствуя впереди вольный воздухъ полей, заливался тонкимъ и веселымъ жеребячьимъ ржаніемъ.

Минуты этого отѣзда, равно какъ и всего этого путешествія я никогда не позабуду. Но самымъ страннымъ степеніемъ обстоятельствъ этотъ выѣздъ былъ моимъ исходомъ изъ отрочества въ иной періодъ жизни, который я опишу когда-нибудь, болѣе собравшись съ силами, а теперь, подходи къ этому рубежу, намѣчу только ту странную встрѣчу въ Кротовѣ, которая была для меня вѣхою, указавшею мнѣ новый путь и новыя страданія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Село Кротово дѣйствительно было, что называется, «преlestный уголокъ»: оно очаровало меня еще издали его далеко открывшимися видами, и я находилъ, что мой Лаптевъ не только ничего не преувеличилъ, подмалевывая мнѣ картины Кротова, но даже былъ немножко излишне скромнень въ своихъ похвалахъ. Село лежало въ удольѣ вдоль быстрого ручья, вливавшагося въ русло Оки подъ прямымъ угломъ, а барская усадьба была въ сторонѣ, надъ самыми берегами рѣки, по которой ползли струга съ своими разноцвѣтными значками. Издали видѣлся большой каменный домъ съ куполомъ и флагигокомъ, на которомъ, впрочемъ, флага не было, хотя владѣлецъ жилъ тутъ. Половина дома была не отдѣлана и, повидимому, заброшена, что придавало въ моихъ глазахъ всему зданію свою особенную поэзію. Домъ въ самомъ дѣлѣ похожъ былъ на замокъ, вокругъ котораго вѣяло чѣмъ-то мрачнымъ, таинственнымъ.

Рѣка подходила подь самый паркъ и такъ терялась въ темной тѣни отражавшихся въ ней деревьевъ, что казалось, будто деревья эти ссунулись въ воду. Я не зналъ, какъ мы переберемся черезъ эту рѣку: моста нигдѣ не было видно и ни живой души нигдѣ не шевелилось; но пока я размышлялъ объ этомъ затрудненіи, нашъ извозчикъ сложилъ у рта трубкой свои ладони и протрубилъ какой-то гулкій звукъ, въ отвѣтъ на который на томъ берегу что-то щелкнуло и изъ темени густыхъ тѣней поплосъ на шестахъ небольшой паромъ, сколоченный изъ двухъ плоскодонныхъ лодокъ.

Мы переѣхали и, очутивъ подь самымъ паркомъ, хотѣли подниматься на гору, какъ одинъ изъ нашихъ перевозчиковъ остановилъ насъ и велѣлъ подвизать колокольчикъ.

— Зачѣмъ это?

— Баринъ не любитъ: у насъ для того больше и моста нѣтъ и съ того конца тоже человѣкъ приставленъ... наблюдаетъ.

Мы сняли колокольчикъ и стали подыматься по довольно крутому взвозу, который шелъ въ огибъ парка и постоянно держалъ насъ въ какомъ-то секретѣ отъ замка и другихъ строгій, такъ что мы чѣмъ ближе къ нимъ приближались, тѣмъ меньше ихъ видѣли. Все это на меня дѣйствовало какимъ-то подготовляющимъ образомъ; мнѣ, невѣдомо почему, начало казаться, что я потерялъ въ моемъ сознаниіи мѣру времени и связь событій: я никакъ не могъ себя увѣрить, что мое имя есть точно мое, что я имѣю мать, которой имя и лицо такое, какое оно есть, и что я ее покинулъ въ томъ, а не въ другомъ мѣстѣ, и что этому прошло уже нѣсколько времени, а все это случилось не сейчасъ, не сію минуту... Меня это даже испугало: мнѣ показалось, что нѣчто подобное долженъ чувствовать человѣкъ, когда онъ начинаетъ терять разсудокъ, и между тѣмъ я не могъ искать на все это отвѣта у моего Лаптева, потому что я не могъ бы разсказать ему моего состоянія—и я съ прозорливостью провидца сознавалъ, что онъ меня не пойметъ и ничего мнѣ не въ силахъ будетъ отвѣтить.

Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ сидѣлъ въ своемъ камлотовомъ плащѣ—и, высоко задравъ голову, что-то въ себя тянулъ носомъ.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ я.

— А воздухецъ кушаю: вы развѣ не чувствуете, какой

воздухъ? Вѣдь это, батенька, почкой пахнетъ, а въ почкѣ весь эликсиръ жизни: мнѣ, знаете, даже спать захотѣлось.

— Вотъ какъ!

— Да что же: я всегда возобновляюсь этимъ и вамъ то же совѣтую, а вотъ мы и вѣзжаемъ на дворъ.

Я взглянулъ впередъ и удивился: обогнувъ паркъ и взвѣхавъ на террасу, мы вдругъ очутились у двухъ каменныхъ столбовъ, замѣнявшихъ ворота, и затѣмъ намъ открывался дворъ не дворъ — скорѣе цѣлая площадь, размеры которой въ моихъ глазахъ показались чудовищными, вѣроятно отъ страннаго фокуснаго освѣщенія. Солнце совсѣмъ уже сѣло и западъ, облитый багровымъ свѣтомъ, гасъ, но, угасая, онъ еще освѣщаль неотдѣланную половину дома и свѣтилъ черезъ незарамленные окна этой части на дворъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ окнахъ было темнешенько... Престранный это имѣло видъ: точно домъ этотъ — словно многоглазое чудовище, у котораго когда одни глаза сняты, то другіе смотрять. Я былъ тогда очень молодъ, очень мечтателенъ и склоненъ къ фантастическому, а къ тому же въ этотъ день чувствовалъ себя въ особенномъ настроеніи и очень легко предался мечтамъ, которыя освѣтили меня, чуть только я коснулся головою подушки, которую подкинула мнѣ вмѣстѣ съ простынею и одѣяломъ какая-то женщина.

Мы, кажется, пріѣхали не во-время: въ домѣ что-то такое происходило, что пріятелю Лаптева было недосужно принять насъ, а вдобавокъ ко всему для насъ не оказалось особаго помѣщенія—и мы должны были довольствоваться комнатою въ неоконченной части дома. Здѣсь намъ сдѣлали на снѣгъ постель, на которую я и бросился, межѣ тѣмъ какъ Лаптевъ пошелъ любоваться какими-то видами, представлявшими, по его словамъ, большой эффектъ при лунномъ освѣщеніи. Я за нимъ не послѣдовалъ, тѣмъ охотнѣе, что никакой луны не было—и я считалъ затѣю Лаптева о прогулкѣ пустою фантазіею, а потому, проводивъ его, я уснулъ глубокимъ и сладкимъ сномъ, но... вдругъ совершенно неожиданно проснулся, — точно меня кто въ бокъ толкнулъ; я открылъ глаза: луна свѣтила въ окно, обливая длинную анфиладу огромныхъ опустѣлыхъ палатъ блѣднымъ дрожащимъ свѣтомъ. Сонъ мой былъ такъ крѣпокъ, что, и проснувшись, я еще никакъ не могъ прійти

въ себя и понять, гдѣ я и что передъ собою вижу. Я только оглянулся на постели—и увидавъ, что Лаптева нѣтъ возлѣ меня, подумалъ, что его со мною и не было; все дѣйствительное мнѣ представлялось сномъ и одинъ сонъ былъ какъ будто дѣйствительностію. Безсиліе разобрать что-нибудь въ этомъ дѣйствовало на меня самымъ угнетающимъ образомъ—и я лежалъ точно въ какой летаргіи, тяжело устремивъ свой усталый, пристальный взглядъ въ одно мѣсто передъ собою. Какое это было мѣсто, — спросите меня: я не знаю; надо полагать, что это была стѣна подъ высокою аркою, куда свѣтъ луны попадалъ какимъ-то рефлексомъ и печально обливалъ изображеніе... какое это было изображеніе? Это были какія-то фигуры, изъ которыхъ я не узнавалъ ни одной, кромѣ той, которой не могъ не узнать, потому что это... была моя мать. Чѣмъ я пристальнѣе въ нее взглядывался, тѣмъ она становилась яснѣе: это была она, я теперь ясно видѣлъ ея стройную фигуру, ея небесныя черты и эти ея превосходные золотистые волосы, въ которыхъ только не было нынѣшнихъ бѣлыхъ нитей. Что это такое было: сонъ, видѣніе, или картина? Кто могъ изобразить эту картину, для которой моя мать послужила идеаломъ, и наконецъ, что представляетъ вся эта сцена, въ которой все казалось живымъ и движется, опять кромѣ ея, кромѣ этой святой для меня фигуры, которая стояла неподвижно, склонивъ подъ чѣмъ-то свою головку,—знакомое, прелестное движеніе, къ которому я такъ привыкъ, наблюдая ее въ тѣ минуты, когда она слушала о чьемъ-нибудь горѣ и соображала: какъ ему помочь и не остаться къ нему безучастнымъ...

Я боялся не только встать, но даже пошевелиться, а межъ тѣмъ лунный свѣтъ все становился слабѣе и видѣніе темнѣло и меркло, и словно переносилось со стѣны внутрь души моей: я сталъ припоминать, какъ я былъ неправъ противъ матери; какъ я тяготился даже ея чистотою и неотступнымъ ко мнѣ вниманіемъ,—словомъ, какъ мнѣ хотѣлось выйти изъ-подъ ея опеки, и... мнѣ вдругъ показалось, что я изъ-подъ нея вышелъ, что матери моей болѣе нѣтъ во всемъ ея существѣ, а она остается только въ моей памяти, въ моемъ сознаніи и въ моемъ сердцѣ.

Я повернулся къ стѣнѣ и заплакалъ: спать или не спать я послѣ этого — не знаю, но только я слышалъ, какъ при-

шелъ Лантевъ, какъ онъ долго зажигалъ свѣчу отсырѣвшими спичками и все шопотомъ на что-то ворчалъ, и очень долго укладывался, и потомъ опять всталъ, скрипѣлъ что-то дверями, вѣроятно запералъ ихъ, и снова ложился. Все это мнѣ ужасно надоѣло. Утромъ я всталъ очень рано: часовъ съ нами не было, они остались съ прочими нашими вещами внизу, въ жилыхъ покояхъ управителя, — но по солнцу я видѣлъ, что еще очень рано, и, вскочивъ, тотчасъ же наскоро одѣлся и вышелъ на цыпочкахъ, чтобы найти мое ночное видѣнiе.

Прiотворивъ съ усилiемъ двери, съ которыми такъ долго возился ночью Лантевъ, я пролѣзъ въ нихъ и остановился; передо мною былъ огромный круглый залъ недостроенный, но скорѣе заброшенный и теперь, повидимому, вновь реставрируемый, — по крайней мѣрѣ я такъ заключилъ по загромаждавшимъ его подмосткамъ, изъ-за которыхъ выглядывали на меня поблѣднѣвшiя головы фрескъ. Я повелъ глазами вокругъ, боясь найти и боясь потерять обликъ, котораго искалъ, — и вотъ онъ: я увидалъ его тамъ же, вверху ниши стрельчатой арки, и не помня себя, побѣжалъ вверхъ по зыбкимъ подмосткамъ. Я былъ уже почти наверху, почти у самаго изображенiя моей матери, какъ вдругъ вздумалъ взглянуть внизъ... земля подо мною вертѣлась, прямыя доски косили и выгибались подъ моими ногами, — я какъ-то повернулся су-бочь на одной ногѣ и почувствовалъ, что меня какъ будто что-то прiятно щелкнуло по темени и затѣмъ вдругъ встряхнуло и вытянуло... Это было такъ непрiятно, что я открылъ глаза — и увидалъ какого-то высокаго брюнета съ прекраснымъ чужеземнымъ лицомъ и сейчасъ же позабылъ и себя, и его, и въ предѣлахъ земныхъ все земное. Когда я пришелъ въ себя, была теплая, синiя ночь; комната, въ которой я лежалъ, была не высока, но воздухъ въ ней былъ необыкновенно легокъ и пропитанъ какимъ-то тонкимъ, живительнымъ ароматомъ. Я по всей строгой истинѣ рѣшительно не могъ сказать, гдѣ я нахожусь. Всѣ мои чувства были въ совершенномъ разбродѣ, но я ощущалъ какую-то невыразимо-прiятную тишину и разлитый въ воздухъ запахъ сирени — и, тихо приподнявшись, сѣлъ на постели. Въ открытое окно глядѣлъ мѣсяцъ и мерцали съ синiяго неба яркiя звѣзды, а внизу на подоконникѣ лежали сиреневыя грозди. Что же это: гдѣ

я наконецъ?.. Я никакъ ничего не могъ вспомнить, но въ это время за ковромъ, которымъ была завѣшана стѣна у моей постели, послышался вздохъ, глубокій, теплый, куда-то рвущійся вздохъ и раздались щиплюще за сердце металлические звуки цитры. Опытная и искусная рука играла хорошо знакомый мнѣ мотивъ псалма изъ старой гугенотской библии, которая не сходила со стола моей матери.

— Все она, и все она! Кто же это здѣсь ею занятъ? Мнѣ показалось необходимою узнать это теперь же, сейчасъ, сію минуту, и я тронулся и пошелъ нетвердыми шагами, держась рукою стѣны. Мнѣ что-то понадалось подъ руку — я что-то обходилъ, за что-то зацѣплялся и снова освобождался и, наконецъ, очутился въ совершенно-тѣсномъ пространствѣ, которое, вѣроятно, должно было быть коридоромъ. Но чтѣ это за коридоръ? Я чувствовалъ подъ ногами обитый ковромъ полъ и обтянутыя какою-то матерією стѣны и ничего болѣе. Куда ни двинешься—все то же самое. Но вотъ снова щипнула цитра, и еще, и еще, и свѣжій, крѣпкій, мужественный баритонъ запѣлъ: «Eternel, aie pitié de moi, car je suis sans aucune force! Eternel, retourne toi, garantie mon ame». Это было опять ея пѣніе, ея манера; я не выдержалъ и куда-то подвинулъ впередъ руки и остановился; тяжелый коверъ, преграждавшій мнѣ путь, поднялся и открылъ обширную комнату, меблированную въ старинномъ французскомъ вкусѣ. Всѣ окна ея также выходили въ садъ и были растворены; свѣтъ и аромат въ нее лилъ еще раздражительное и тутъ на длинной софѣ съ золоченымъ загибомъ сидѣлъ у небольшого легкаго столика... тотъ, кого я видѣлъ въ послѣдній разъ, когда потерялъ сознание: высокій мужчина съ полусѣдою головою — и онъ пѣлъ этотъ чудный псаломъ.

Коверъ, которымъ я двинулъ, заставилъ его оглянуться, и глаза наши встрѣтились.

— Богу хвала: вы живы! — воскликнулъ онъ по-французски и, вскочивъ съ мѣста, заключилъ меня въ свои объятія, и, посадивъ въ кресло, подаль мнѣ стаканъ воды съ каплей какого-то вина.

— Живъ?—спросилъ я:—развѣ я былъ боленъ?

— Да; вы лежали долго.

— Долго?

— Да; объ этомъ послѣ...

- Что же было со мною?
- Вы оступились съ высокаго мѣста.
- Помню. Что же, я расшибся?
- Нѣтъ; вы только получили большое сотрясеніе.
- Кто спасъ мнѣ жизнь?
- Конечно Тотъ, Кто вамъ далъ ее.
- Но я помню ваше лицо...
- Я былъ тамъ.
- Кто же вы?.. Какъ ваше имя?
- Мое имя Филиппъ.
- О, вы Кольбергъ!

— Я Кольбергъ, а тотъ, котораго мать ваша считаетъ своимъ другомъ; но теперь пока это все: пока болѣе ни слова. Слушайте меня: мы здѣсь одни, во всемъ имѣніи нѣтъ ни хозяина, ни управителя, ни Лаптева, который привелъ васъ; всѣ они разѣхались кто куда: я одинъ ждалъ васъ и дождался. За все это я попрошу у васъ повиновенія.

- Я долженъ повиноваться.
- Да; и она такъ хочетъ... она этого даже просила.
- Вы получили письмо отъ матушки?
- Да.
- Нельзя ли его видѣть?

— Нѣтъ; его нельзя видѣть, — отвѣчалъ Кольбергъ: — и вы должны не повторять этой просьбы до тѣхъ поръ, когда я самъ найду нужнымъ это исполнить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Онъ не скоро это исполнилъ — и зачѣмъ онъ исполнилъ это? О, сколько было бы лучше, если бы я никогда не узналъ того, что сдѣлалось съ тѣми, кого любилъ я, въ мое отсутствіе.

Съ этой поры я видѣлъ Кольберга всякій день — и, глядя на его вдохновенное лицо, думалъ:

«Что за тайна связываетъ этого человѣка съ моею матерью: можетъ-быть, она его любила, когда еще не была женою моего отца; можетъ-быть, онъ о-сю пору ее любить».

— Господинъ Кольбергъ! — спросилъ я его однажды, когда мы сидѣли вдвоемъ: я читалъ книгу, а онъ рисовалъ карандашомъ эскизъ будущей картины.

Онъ обернулся.

— Знаете, что я хочу васъ спросить?

— Итъ, не знаю.

— Не будетъ ли на этой картинѣ, которую вы сочиняете, лицо моей матери?

— Будетъ.

— Зачѣмъ вы его такъ часто рисуете?

— Потому, что оно прекрасно.

И онъ положилъ карандашъ и закрылъ руками глаза.

— Г. Кольбергъ!—продолжалъ я.

— Спрашивайте.

— Какъ это было?

— Что?

— Маша и вы...

Онъ разсказалъ мнѣ странную исторію, въ которой самъ игралъ роль жалкую, а моя мать по обыкновенію свитую и миссіонерскую: онъ былъ деритскій студентъ, буршъ, кутила и демократъ; мать — христіанка. Онъ былъ происхожденія ничтожнаго; она—баронесса. Онъ за нее сватался—ему отказали, — онъ не переставалъ ее любить, искалъ забвенія въ искусствѣ, искалъ смерти на баррикадахъ и остался живъ, для того, чтобы встрѣтить ее вдовою. Онъ снова предложилъ ей руку и снова получилъ отказъ, но на этотъ разъ уже не отъ ея родителей, а отъ нея самой.

— И вы знаете, кто этому былъ виновать?—заклучилъ онъ:—виновникъ всего этого *вы*.

— Я!

— Да; она отвѣчала мнѣ: «и половина сердца не можетъ отвѣчать цѣлому, а мое цѣлое принадлежитъ все моему сыну». Взамѣнъ любви она предложила мнѣ свою дружбу, и я жилъ ею, но когда ея не стало, я буду жить любовью къ вамъ!

— Кого не стало?—вскрикнулъ я.

— Кого?.. *Дружбы*, — отвѣчалъ Кольбергъ, повидимому совершенно спокойно, но я видѣлъ, что онъ жметъ, и спросилъ:

— Развѣ вы поссорились съ маша?

— Да, мы разладили.

— На чемъ?

— Я вамъ это скажу завтра.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ этого завтра и не зналъ какъ

начать, но Кольбергъ предупредилъ меня самъ и довольно грубо; онъ сказалъ мнѣ:

— Вы теперь достаточно сильны, чтобы узнать о томъ, что случилось...

— Съ маман!

— Нѣтъ; съ дѣвушкой, которую зовутъ...

— Христя!

— Да.

— Что съ нею?

— Ровно ничего.

— Какъ это?

— Ея больше нѣтъ.

— Она умерла?

— Умерла. Хотите прочесть объ этомъ?

— Очень хочу.

И я взялъ изъ его рукъ письмо маман отъ довольно давней уже даты и прочелъ вѣсть, которая меня ошеломила. Маман, послѣ краткихъ выраженій согласія съ Кольбергомъ, что «не все въ жизни можно подчинить себѣ», справедливость этого вывода примѣняетъ къ Христя, которая просто захотѣла погибнуть и погибла. Суть дѣла была въ томъ, что у Христи явилось дитя, рожденіе его было не благополучно—и мать, и ребенокъ отдали Богу свои чистыя души.

«Я укоряю себя за эту дѣвушку, — писала маман: — я слишкомъ высоко подняла въ ней тонъ—и это ее сгубило. Принималъ вещи обыденнѣе, она была бы счастливѣе, и»...

Тутъ что-то было далѣе, но Кольбергъ, слѣдившій за моимъ чтеніемъ, вынулъ на этомъ мѣстѣ изъ моихъ рукъ письмо и сказалъ:

— Остальное къ дѣлу не идетъ.

Я совсѣмъ оправился и сталъ собираться домой. Кольбергъ возвращался въ Петербургъ. Мы разстались въ городѣ очень дружно — и на прощанье онъ взялъ съ меня слово, что если мнѣ когда-нибудь понадобится другъ, то я не стану искать никого другого кромѣ его. Я далъ ему это слово.

— А на дорогу совѣтъ, — добавилъ онъ: — не поднимайте очень высоко тона...

— Не понимаю, говорю.

— Берите жизнь попроще, а то спутаетесь и другихъ

спутаєте. Я пострадалъ отъ этого. — смотрите вы не пострадайте,—зато и выработайте себѣ консервъ.

— Какой консервъ?

— Морали: я согласенъ, что не дѣлать того другому, чего себѣ не желаешь—мало; слова иѣтъ, что мало, потому что это одно отрицаніе зла, но не добро, — а вотъ какъ: faites ce que vous voulez qu'on vous fasse —и больше этого ничего не нужно... Прощайте.

Я ѣхалъ благополучно до самаго Кіева и уже перемѣнялъ лошадей на послѣдней станціи, какъ вдругъ смотритель мнѣ подаль пакетъ. Я взглянулъ на адресъ и узналъ руку Кольберга, а распечатавъ, нашелъ то же материно письмо, которое уже было въ моихъ рукахъ и не дочитано на буквѣ «и».

— «Дочитайте!»—подписалъ на немъ Кольбергъ.

— «Принимая вещи обиднѣе, она могла бы быть счастливѣе, и это приложимо ко многимъ. Я часто думаю, что въ христіанскомъ мірѣ установился нѣсколько неправильный взглядъ на нашу собственную жизнь: отчего, изводя себя по мелочамъ, ради той или другой идеи, мы не въ правѣ дѣлать того же самаго en gros? Я этого рѣшительно не понимаю: тѣ, которые клали подъ тонору свою голову за какую-нибудь высокую идею, развѣ въ сущности не тѣ же самоубійцы? Если сохраненіе жизни важнѣе всего, то они должны были ее сохранить, и тогда у насъ не было бы тѣхъ идеалистовъ, которыми хвалятся и ими живетъ, не доходя до крайней низости, весь родъ человѣческой. Не укоряйте меня, мой другъ, что всѣ эти мысли приходятъ мнѣ, когда я думаю о моемъ сынѣ: онъ теперь прожилъ уже срокъ своего наказанія, получаетъ чинъ и былъ бы свободенъ: онъ бы уѣхалъ къ вамъ, вы бы открыли дорогу его художественному развитію, между тѣмъ, какъ со мною онъ погибнетъ здѣсь среди удушливой атмосферы канцелярской, но почему знать—можетъ-быть, со временемъ скивется съ нею и позабудетъ все, что я старалась въ него вдохнуть... Эта мысль не даетъ мнѣ покоя и я чувствую, что я съ нею не справлюсь: мое счастье развязать ему крылья и благословить его полетъ, искупивъ свое самовластіе надъ собою карою, какой буду заслуживать».

Внизу этого рукою Кольберга было отмѣчено: «Съ тѣхъ поръ писемъ не было».

Вы можете вообразить, въ какое состояніе пришелъ я, прочитавъ это письмо! Вообразите же другое мое состояніе, когда я, входя въ свою квартиру, не встрѣтилъ моей матери... Я не спросилъ никакого объясненія у нашей служанки и бросился къ Альтанскому.

Это былъ вечеръ: старикъ сидѣлъ дома, все въ томъ же креслѣ и въ томъ же халатѣ, и за тѣми же классиками.

— А, другъ мой! Это ты! Ну что же: ты прѣхалъ все-таки не поздно, чтобы узнать свое горе.

— Моя мать... могъ я только проговорить.

— Твоя мать кончила съ собою (онъ не сказалъ мнѣ, какъ она отравилась). Она увлеклась своимъ самоотверженіемъ...

— О, я знаю это! Знаю! И это я во всемъ виноватъ.

— Чѣмъ же?

— Я не умѣлъ скрыть, что мнѣ скучно, что меня мучитъ что-то иное, — и я потерялъ ее, а съ ней все, что было мнѣ мило.

— Что же, она значитъ своего достигла: теперь она для тебя никогда не умретъ.

Онъ болѣе не утѣшалъ меня, да я и не требовалъ утѣшенія: я провелъ нѣсколько дней, молясь на могилѣ матери, и уѣхалъ отсюда навсегда, къ Кольбергу. Болѣе мнѣ ничего не оставалось дѣлать: я былъ выбитъ изъ старой колеи и долженъ былъ искать новой.

— Я не могу быть ученымъ, какъ вы, — сказалъ я Альтанскому: — въ душѣ моей горитъ другой огонь: огонь жизни; я хочу служить искусству.

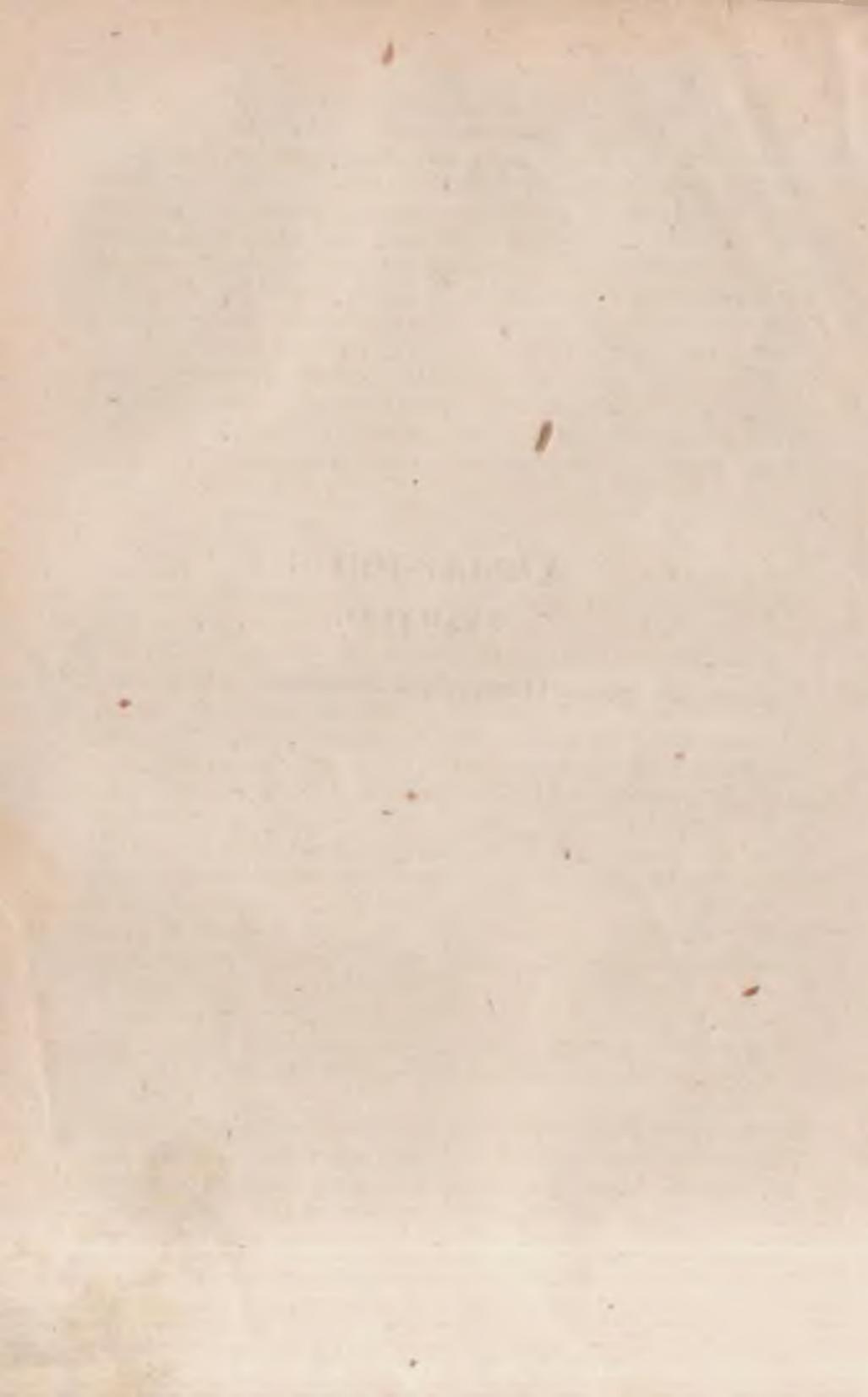
— И служи ему, — отвѣчалъ онъ въ часъ нашей разлуки, когда я въ послѣдній разъ поцѣловалъ его въ блѣдныя уста.

Онъ остался на берегу Дибюра, а я уѣхалъ къ Кольбергу. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ старика, онъ умеръ — не отъ грусти, не отъ печали одиночества, а просто отъ смерти, и прислалъ мнѣ въ наслѣдіе своихъ классиковъ; а я... я вступилъ въ новую жизнь — въ новую колею омибокъ, которая займу когда-нибудь, конечно уже не въ эту тетрадь, заключающую дни моего дѣтства и юношества, проведенные между людьми, которымъ да будетъ мирный сонъ и вѣчная память.

Оглавленіє

XXXII ТОМА.

	стр.
Блуждающіє огоньки. (Автобіографія Праотцева)	3

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

Н. С. ДРОНОВА

Артистическое издательство А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ЮДОЛЬ.

РАПСОДІЯ.

«Совѣща Богъ смиритися горѣ
и юдолямъ исполнитися въ ра-
вень земную».

Варухъ, V. 7.

Теперь (съ наступленіемъ весны 1892 года) мы можемъ сказать, что мы очень благополучно пережили крайне опасное положеніе, какое подготовили намъ наше плохое хозяйство и неурожай прошлаго лѣта!.. Бѣда сошла съ рукъ сравнительно легко. Страданія поселянъ, описываемыя корреспондентами современныхъ изданій, конечно были велики и, какъ говорятъ, — «вопіють къ Небу»; но «ужасъ» впечатлѣнія, какое эти описанія производятъ, очень слабъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сохраняетъ въ несвязныхъ отрывкахъ память о прошлыхъ голодовкахъ, когда не было никакой гласности и никакой общественной помощи людямъ «избывавшимъ отъ глада».

О томъ, что было при историческихъ голодовкахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и исторіи, то болѣе или менѣе извѣстно по тѣмъ описаніямъ, но у насъ были голодовки въ позднѣйшей порѣ, которую въ литературѣ принято именовать «глухою порою», — и онѣ не описывались, а потому воспоминанія объ этихъ голодовкахъ, хотя и не очень обстоятельныя, думается, были бы не излишни.

Сотрудникъ одной изъ нынѣшнихъ петербургскихъ газетъ, посѣтивши неурожайныя мѣстности Россіи зимою 1892 года,

имѣлъ случай бесѣдовать о той порѣ съ извѣстнымъ старожиломъ орловской губерніи, — помѣщикомъ и владѣльцемъ знаменитаго хрустальнаго завода генераломъ С. И. Мальцевымъ, и «генераль, помянуцій старинныя голодовки», въ разговорахъ съ упомянутымъ писателемъ «удивлялся, какъ мы далеко ушли впередъ». Въ удивленіи этомъ онъ отмѣчалъ то, что «теперь о голодѣ говоритъ вся Россія, и раньше всѣхъ на него указало само правительство». Не то было 40—50 лѣтъ тому назадъ. Тогда также случались неурожаи, но о нихъ могли знать лишь министры да развѣ сама голодающая масса. «Я тогда,—говорилъ генераль Мальцевъ,—представилъ проектъ обезпеченія народнаго продовольствія. Императоръ Николай Павловичъ весьма сочувственно отпесся къ проекту, и я рѣшилъ напечатать его, но *ни одна типографія* не согласилась взять мою рукопись для набора...» Генералу «удалось напечатать свой проектъ только благодаря покровительству принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго». (См. *Недѣля* 19-го апрѣля 1892 г., № 16).

Съ такими необыкновенными усиліями могъ быть напечатанъ сорокъ лѣтъ тому назадъ «проектъ» о мѣрахъ противъ голода въ народѣ; но описаній, какъ люди переживали этотъ голодъ, совсѣмъ не могло появиться въ печати, и, что еще удивительнѣе,—ихъ вѣроятно никто и не писалъ, потому что они не появлялись даже и въ послѣдующіе за тѣмъ годы, когда положеніе русской печати стало сравнительно немножко свободнѣе.

Во время страшнаго по своимъ ужасамъ «голоднаго (1840) года» я былъ ребенкомъ, но, однако, я кое-что помню,—по крайней мѣрѣ по отношенію къ той мѣстности, гдѣ была деревенька моихъ родителей—въ орловскомъ уѣздѣ орловской же губерніи. Значительно болѣе того, что я помню изъ тогдашняго времени, какъ непосредственный свидѣтель событій, я слышалъ многое послѣ отъ старшихъ, которые долго не забывали ту голодовку и часто обращались къ этому ужасному времени со своими воспоминаніями въ разсказахъ по тому или другому подходившему случаю.

Разумѣется, всѣ эти нынѣшнія *мои* воспоминанія охватываютъ одинъ небольшой районъ нашей ближайшей мѣстности (орловскій, мценскій и малоархангельскій уѣзды) и отражаются въ моей памяти только въ той формѣ, въ какой они могли быть доступны «барчуку», жившему подъ роди-

тельскимъ крыломъ, въ защищенномъ отъ бѣдствія господскомъ домѣ, — и потомъ воспоминанія эти такъ неполны, безсвязны, отрывочны и поверхностны, что они отнюдь не могутъ представить многостороннюю картину народнаго бѣдствія, но въ нихъ все-таки, можетъ-быть, найдется нѣчто пригодное къ тому, чтобы представить хоть кое-что изъ тѣхъ обстоятельствъ, какими сопровождалась ужасная зима въ глухой, безхлѣбной деревенькѣ сороковыхъ годовъ.

Словомъ, я рѣшился набросать на бумагу то, что уцѣлѣло въ моей памяти о давней голодовкѣ, относящейся къ той порѣ, о которой упомянулъ генераль Мальцевъ, и, приступая къ этому, я впередъ прошу у моихъ читателей снисхожденія къ скудости и отрывочности моего описанія. Я предлагаю только то, что могу вспомнить и о чемъ теперь можно говорить безстрастно и даже съ отрадою, къ которой даетъ возможность нашъ нынѣшній благополучный выходъ изъ угрожавшей намъ бѣды.

Воспоминанія мои будутъ не столько воспоминанія объ общей голодовкѣ 1840 года, сколько частныя замѣтки о томъ, что случалось голодною зимою этого года въ нашей деревенькѣ и по сосѣдству.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыми предвозвѣстительницами горя — какъ это ни странно — были старухи, которыя видѣли нехорошіе сны. Это началось съ половины Великаго поста. Самую страшною сновидицею была наша птичница, гордая женщина изъ вольныхъ однодворокъ, по имени Аграфена Петровна. Я помню, какъ отецъ одинъ разъ, придя къ столу, за которымъ всѣ мы сидѣли у вечерняго чая, сказалъ матери, что сейчасъ, когда онъ распоряжался работами, староста Дементій объявилъ ему, что мужики боятся сѣять «яровые», потому что птичница Аграфена и другія старухи на деревнѣ «прорекають голодь», и поэтому страшно, что сѣмена въ землѣ пропадутъ.

— Но вѣдь это глупо! — возразила мать.

Отецъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Да; это не разумно, но я не могу, однако, забыть, что во время большого неурожая въ мое дѣтство у насъ объ этомъ тоже заговорили еще передъ весною и притомъ также съ бабьяго голоса, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ вышелъ не-

урожай. Мужикамъ я, разумѣется, не позволю не сѣять ярового, и если они не захотятъ, то я засѣю ихъ поля собственными сѣменами и потомъ изъ будущаго урожая отберу у нихъ сѣмена назадъ. Я ужь это объявилъ Дементію и приказалъ ему, чтобы новѣстилъ сновидящимъ старухамъ, которыя станутъ прорекать о голодномъ годѣ, что я этихъ пророчицъ отряжу на всю весну индѣять и утятъ отъ коршуновъ караулить. А тебѣ совѣтую о томъ же самомъ построже сказать Аграфенѣ, такъ какъ она всѣмъ этимъ пророчествамъ, говорятъ, самая главная заводчица.

Матушка была характера скорого и нетерпѣливаго: она сейчасъ же велѣла позвать къ себѣ Аграфену съ тѣмъ, чтобы спросить ее: отчего она начала пророчествовать голодный годъ, и потомъ сказать ей, чтобы болѣе не пророчила.

А какъ я и братъ мой, и старшая сестра были въ это время уже просвѣщены грамотою и знали по «ста-четыремъ священнымъ исторіямъ», что пророчество есть «свыше спосылаемый даръ дивный и таинственный», то намъ, разумѣется, было въ высшей степени любопытно знать, какъ этотъ даръ спустился на нашу Аграфену, и какъ наша мать возбранитъ въ ней этому дару.

Аграфена же и сама по себѣ была личность интересная и пользовалась во дворѣ особыми правами, присвоенными ей превосходствомъ рожденія, возвышавшаго ее среди совершенно безправныхъ крѣпостныхъ людей. Аграфена, какъ сказано, была изъ людей вольныхъ и вышла замужъ за нашего крѣпостного сапожника Абрама, который вскорѣ умеръ, оставивъ ей двухъ дѣтей: сына Егорку и дочь Василису или Васѣнку, которой теперь только исполнилось четыре года. Оба они, какъ рожденные отъ крѣпостного отца, были «крѣпки своему владѣльцу». Со смертью мужа Аграфена могла отъ насъ удалиться, но ради любви къ своимъ «крѣпостнымъ» дѣтямъ оставалась при нихъ и служила какъ крѣпостная, но, въ отличіе отъ крѣпостныхъ «понѣвницъ», она носила красную юбку, какія въ нашемъ мѣстѣ носили однодворки, а крѣпостныя не носили. Кромѣ того, Аграфена была честна и горда,—она не сносила ни малѣйшаго подозрѣнія и считала себя въ правѣ вступаться за свою честь.

Ее надо было все «гладить по головкѣ»,—иначе она грубила.

Такъ случилось и тутъ, когда матушка позвала ее не въ урочное время изъ ея жаркой птичьей избы въ цокон.

Аграфена пришла недовольная и нехотя отвѣчала на вопросы, предложенные ей для претекста о сколотняхъ и паханьѣ, а когда матушка спросила ее: «Какіе ты видишь сны?»—Аграфена отвѣчала ей:

— Какіе приснятся.

— А зачѣмъ же ты голодь пророчишь?

— А отчего же не пророчить? Вѣстимо ужь, что когда хлѣба не будетъ, такъ голодь будетъ.

— Да почему?.. Чтò тебѣ снится... чтò дѣлается?

— Чтò ни снится и чтò ни дѣлается, а все теперь будетъ къ голоду, и я съ дѣтьми пропаду... уйду отселева. И слава-те, Господи!—отвѣчала Аграфена и ничего болѣе не пояснила, а между тѣмъ слова ея тутъ же были поддержаны обстоятельствами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приближалось Благовѣщеніе, когда у насъ было въ обычаѣ печь при церквахъ «черныя просвиры» изъ ржаной муки, подсыянной на чистое сито. Муку эту приходское духовенство собирало съ прихода и за сборомъ этимъ разъѣзжалъ на своей лошади высокій, старый дьячокъ, имя котораго я теперь позабылъ, но его всѣ называли «Адлиуѣ». Онъ во всемъ причтѣ пользовался авторитетомъ по церковному хозяйству и обыкновенно передъ праздниками обметалъ вѣнникомъ иконостасъ и собственноручно мылъ полъ въ алтарѣ и чистилъ лампады, и подъ его же надзоромъ усердныя бабы *по обѣщанію* вымывали полы въ остальной церкви; онъ же и «отстрѣливалъ голубей», которые прилетали на колокольню и марали колокола; а его дьячиха— престарѣлая «Аллилуева жена», некла «благовѣщенскія просвиры», о которыхъ надо сказать два слова въ объясненіе.

«Благовѣщенскія просвиры»—это совсѣмъ не то же самое, что обыкновенныя просфоры, которыя изготовлялись для проскомидіи. Проскомидійныя просфоры изготовлялись изъ пшеничной муки «нарочитою просфоршею» (вдовицею) и дѣлались высокенькія, столбушками, по общепринятому образцу, и печатались «именословною печатью» на верхней коркѣ, а эти,—благовѣщенскія,—дѣлались просто «кулабушками» или «катышками» изъ «черной», сборной муки и уподоблялись настоящимъ просфорамъ только тѣмъ, что наверху у нихъ тоже оттискивалась именословная печать.

Онѣ не требовались какимъ-либо церковнымъ правиломъ, а только *допускались*, или, точнѣе сказать, были терпимы во уваженіе «крѣпкой привычки народа».

Люди требовали, чтобы эти просфоры сыпали въ толпу сверху съ колоколни, и въ толпѣ ихъ ловили руками,— кто только схватить.

При этомъ разгуливалась сила и удаля: просвиры не «по чести», а «силомъ» брали,—«кто сколько вырветъ», а оттого людямъ этотъ обычай нравился.

Просфорня-вдовица «благовѣщенскихъ просвиръ» печь не могла, потому что она была старушка слабенькая, и вымѣсить въ дежѣ большой растворъ была не въ состояніи. А потому она ѣздила только собирать на просвиры и приходила съ печатью ихъ «знаменить», но ставила ихъ и выдѣлывала Аллилуева жена.

Никакимъ обычаямъ и правиламъ это было не противно.

Въ этотъ годъ Аллилуй по обыкновенію объѣхалъ съ просфорнею прихожанъ и собралъ муки и промѣнялъ ее у мельника на муку одинаковаго размола (такъ какъ изъ сборной муки разнаго поля и неровнаго размола печь неудобно, потому что она неровно закисаетъ и трудно подходить), а затѣмъ Аллилуева жена растворила въ дежѣ муку и ночью подбила тѣсто, которое всходило прекрасно, какъ слѣдуетъ, а еще послѣ затопила печь и передъ тѣмъ, какъ наступила пора разваливать тѣсто и «знаменать просвиры печатью», пошла звать учрежденную вдовицу, у которой была печать; но едва она вышла со своего двора, какъ увидала мужа, безпокойно бѣжавшаго къ дому священника, съ лицомъ до неузнаваемости измѣненнымъ отъ ужаса. Дьячиха окликнула мужа и хотѣла его разспросить, но онъ сердито замахалъ на нее обѣими руками и еще сильнѣе напрягся бѣжать къ Пинюлитову дому. Но такъ какъ Аллилуева жена была родомъ изъ сѣвскаго уѣзда, гдѣ уже есть «глуховскій духъ поведенціи», то-есть уже ощущается малороссійскій обычай женскаго господства въ семействѣ, то она забыла, затѣмъ шла, а переняла Аллилуя на пути и сказала:

— Это еще что за новости! Или я тебѣ не законная жена? Говори, что случилось!..

Аллилуй отвѣчалъ, что случилась бѣда.

— А какая?

— А такая, что баба Дулеба стала, вымывши амвонъ, пачисто воду спускать, да раскатилась и вся до половины съвзвъзъ двери въ алтарь просунулась...

— Кто же это видѣлъ?

— Никто кромѣ меня не видалъ.

— Ну, такъ и иди съ Господомъ Богомъ,—отпусти бабъ и займися самъ одинъ какимъ-нибудь дѣломъ посерьезнѣе, а на это и языкъ прикуси.

— Хорошо,—отвѣчалъ Аллилуй:—дай миѣ ченурушечку выпить, и я взаправду послушаю тебя — прикушу языкъ.

Дьячиха налила ему ченурушечку, и Аллилуй подкрѣпился и пошелъ опять къ храму, а жена его тоже, поправясь маленькой чашечкой, вышла вмѣстѣ съ нимъ и отправилась къ учрежденной вдовицѣ,—звать ее «знаменить». Тутъ онѣ тоже между собою покатакали, и когда вышли вдвоемъ, имѣя при себѣ печать на знаменованія, то Аллилуева жена на половинѣ дороги къ дому вдругъ услышала ни на что не похожій ударъ въ нѣсколько младшихъ колоколовъ, и тотчасъ же увидала людей, которые бѣжали къ колокольнѣ и кричали: «Аллилуй разбился!»

Несчастная женапина бросилась туда и нашла своего мужа простертымъ на землѣ и при послѣднемъ издыханіи: онъ лежалъ не дыша, съ закатившимися подъ лобъ глазами и съ окровавленнымъ ртомъ, изъ котораго торчалъ синій кусочекъ закушеннаго зубами языка.

Дѣло произошло такъ, что Аллилуй, не желая болѣе видѣть неловкихъ деревенскихъ бабъ, пошелъ исполнить другую работу и хотѣлъ очистить засиженные птицами колокола; онъ дѣлалъ это, держась за веревочки и стоя сапогами на перилахъ, съ которыхъ онъ покачивался, упалъ и разбился до смерти. Пришелъ священникъ, отецъ Ипполитъ, по фамиліи Мирдаровъ,—далъ Аллилую такъ-называемую «глухую исповѣдь», а потомъ положилъ ему въ ротъ причастіе и тутъ же сразу прочелъ ему и отходную.

Все это было дѣломъ непродолжительнымъ, но и химическій законъ въ дежѣ съ растворенною мукою тоже не медлилъ и совершалъ безостановочно свое дѣло: назначенное для благовѣщенскихъ просфоръ тѣсто ушло изъ дежи и расплзлось на полу. Въ него только ноги перепачкали люди, причестіе Аллилуево тѣло, а просфоръ печь было не изъ чего... Весь приходъ остался безъ просфоръ, а это соста-

вляло случай въ жизни крестьянъ небывалый, потому что у насъ все были люди набожные и ни одинъ крестьянинъ не выходилъ сѣять безъ того, чтобы у него въ «сѣвалкѣ», т.-е. въ круглой лубочной коробкѣ съ зернами, не было благовѣщенской просфоры.

Тенерь же первый разъ приходилось сѣять безъ просфоръ, а это добра не обѣщало. Притомъ случай съ бабой-дулебой, которая просунулась въ алтарь, тоже огласился: Аллилуева жена, когда стала въ голосъ «причитать» надъ мужниной могилой, выдала всенародно всю тайну своего пагубнаго самовластия и раскричала на весь крещеный мѣръ, что мужъ ея Аллилуй былъ человекъ праведный и не хотѣлъ утаить, что «дулеба» въ алтарь просунулась, а она его отвела отъ этого, и за то Господь покаралъ ее праведно: взять отъ нея совѣтъ къ себѣ на тотъ свѣтъ Аллилуу.

Тутъ, узнавъ этакую вещь отъ Аллилуевой жены, ахнуло и все приходское христіанство, и были такія мнѣнія, что бабу-дулебу надлежитъ убить за то, что она «въ елтарь сунулась»; но дулеба, къ счастью, скоро объ этомъ услышала и хорошо собою распорядилась, потому что пристала къ бѣглымъ, проходившимъ «въ вольный Николаевъ градъ», бывшій тогда для многихъ русскихъ людей «градомъ убѣжища». Этимъ дулеба спасла людей отъ грѣха, а себя отъ преждевременной смерти. Во всякомъ же случаѣ люди были окончательно обезкуражены какъ тѣмъ, что у нихъ въ приходѣ «баба въ елтарь вскочила», такъ и тѣмъ, что послѣ этого пришлось сѣять безъ просвиры, — даромъ это въ судьбахъ міра пройти не могло, — и предчувствія, что годъ предстоить «голодный», стали переходить въ увѣренность.

О томъ, что предстоящее лѣто можетъ принести хорошей урожай, съ мужиками нельзя было и спорить: они гѣрвали, что годъ будетъ голодный, и не хотѣли сѣять ни овса, ни гречи, ни проса.

— Для чего сѣять, когда все пропадетъ, и сѣмянъ не сберешь!

Въ нѣсколькихъ господскихъ имѣніяхъ такое упорство крестьянъ было строго наказано; но мужики претерпѣвали, но не сѣялись; кое-гдѣ они «скрыли сѣмена», побросавъ ихъ въ мѣшкахъ въ картофельныя ямы или овинны, или спустили въ подполья избѣ и въ другія скрытныя мѣста.

Мой отецъ къ крутымъ, понудительнымъ мѣрамъ не обращался, т.-е. «людей не стегалъ», какъ говорили мужики, но онъ настоялъ на томъ, что крестьяне должны были вснахать свои участки земли въ яровыхъ клинахъ и засѣяли ихъ выданными имъ разнообразными сѣменами, съ обязательствомъ возвратить сѣмена изъ урожая. Но возвращать было не изъ чего: просфорное тѣсто ушло не даромъ,—никакого урожая не было. Все посѣянное пропало.

И какъ пропало! съ какою-то злою пропиею или съ насмѣшкою, «точно шутъ шутить».

Взошло все густо и сильно, включилось такъ, что уже на Юрьевъ день (23 апрѣля), когда скотъ выгнали первый разъ съ образами въ поле, земля была укрыта сплошною, рослою зеленью,—и зелень была такая ядреная, что ею не только наѣдались до-сыта тонкогубыя овцы, но и коровы прибавили отъ себя удою. Къ Вознесеньеву дню грачь въ темно-синихъ озимыхъ зеленяхъ прятался, и сообразно тому «княземъ восходить» брошенный «въ грязь» овесъ, и поднимались изъ земли посѣянные злаки, какъ вдругъ, въ то время, когда наступила пора разсаживать на грядахъ вырощенную въ рассадникахъ канусту, стали слышаться жалобы, что «стало сушить». Разсаду и другія огородины «отливали водой», которую таскали на себѣ въ худыхъ ведрахъ бабы, а ребятники въ кувшинчикахъ; но «было не отлиться», — сушь «лубещила землю», и послышалось ужасное слово:

— Сожгло!..

Тутъ, увидѣвъ бѣду, «ударилась къ Богу», начали «звать поповъ и служить на поляхъ молебны».

Каждый день молебствовали и выносили образа, то на озимые хлѣба, то на яровые, но засуха стояла безотмѣнно.

Стали обращаться къ колдунамъ и знахарямъ—къ доморощеннымъ мастерамъ черной и бѣлой магіи, изъ которыхъ одни «наводили» что-то наговорами и ворожбою на листъ глухой крапивы и дули пылью по вѣтру, а другіе выносили откуда-то свои обглоданные избенными прусаками иконки въ лѣсъ и тамъ передъ ними шептали, обливали ихъ водою и оставляли почевать на деревѣ, — но дождя все-таки не было и даже прекратились росы.

Бѣда становилась неминуемою... Провозглашено было «покаяніе» и объявленъ запретъ на всякія удовольствія и радости.

Веревки на вислых качеляхъ, на улицѣ, закинули вверхъ, чтобы не качались; не позволяли дѣвкамъ «водить танки» и «играть (пѣть) пѣсни»; били ребятъ, которые играли въ казанки и въ свайку. Только одинъ пастухъ, «косолопый Өонька», имѣлъ право «вызывать на дудкѣ», но и его самодѣльная липовая дудка, вызывая коровъ, издавала слишкомъ унылые и непріятные звуки: это замѣтили, должно-быть, сами коровы и не шли на вызовъ косолопаго Өоньки, потому что онъ уже давно ихъ обманывалъ, и выгонялъ ихъ на поле, на которомъ имъ нечего было взять.

Въ народѣ стало усиливаться мрачное озлобленіе: мужья ни за-что и ни про-что били женъ, старики обижали ребятъ и пѣвцовъ, и всѣ другъ друга укоряли хлѣбомъ и одинъ на другого все призывали «пропасть»:— «О, пѣть на васъ пропасти!»

Явилась и она, явилась «пропасть»—совершилось общественное преступленіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пришелъ откуда-то «незнамый человѣкъ»; переночсвавъ у мужичка, онъ послушалъ рассказовъ о горѣ-злосчастіи отъ бездождія и сказалъ, что онъ это дѣло знаетъ, — что въ этой бѣдѣ поны не помогутъ, а надо выйти въ поле съ зажженной свѣчой, сдѣланной изъ сала опившагося человѣка, «схороненнаго на распутѣ дорогъ, безъ креста и безъ пастыря».

«Незнамый человѣкъ» былъ запасливъ, и въ сумкѣ у него какъ разъ оказался огарокъ такой свѣчи, какая требовалась. Прежде она была у него длинная, но онъ ее уже «пожегъ во многихъ мѣстахъ», гдѣ было такое же бездождіе, и вездѣ будто тамъ «дожди пролили».

Захожему собрали съ міра яницъ и шесть гривенъ денегъ и пошли съ нимъ «молитвить» на поле ночью.

Онъ «читалъ Отчу» и еще какую-то молитву и «махалъ навкрестъ» зажженной свѣчой изъ человѣчьяго сала, и велѣлъ къ утру ждать росы, а «со полдень тучи»,—но только чтобы «ей не мѣшать», а то она можетъ поворотить въ другую сторону.

Затѣмъ этотъ человѣкъ тутъ же и ушелъ темной ночью.

Росы къ утру не было, но о полдняхъ небо потемнѣло и начало будто тучиться. Вскорѣ и съ самомъ дѣлѣ за Дол-

гимъ лѣсомъ, принадлежавшимъ сосѣднему имѣнью, стало густѣть и появилась туча, но какая-то удивительная: вышла и стала на одномъ мѣстѣ и дальше не двигалась.

Три мужика, бывшіе на полѣ, долго не могли понять причину, почему туча не шла далѣе, но наконецъ—доглядѣлись и поняли.

Этому виноватъ былъ Егоръ Кожіёнъ, — шорникъ, который ходилъ по деревнямъ со своею работою. Онъ былъ хорошій мастеръ и отлично шилъ шлеи и хомуты, но челоуикъ былъ обстоятельный, и на выработанныя деньги пьянствовалъ иногда съ такимъ великимъ усердіемъ, что пропивалъ съ себя все и внутри себя утрачивалъ весь разумъ и тогда страдалъ отъ разнообразныхъ страховъ, безпокойно разыгрывавшихся въ его воспаленномъ мозгу.

Водѣ всего пьянаго Кожіёна преслѣдовалъ «черный быкъ», который обыкновенно стремился на него откуда-то издалеча и все хотѣлъ поднять его на рога и перекинуть черезъ свою спину въ тартарары.

Увидавъ этого хронически преслѣдовавшаго врага, Егоръ Кожіёнъ сейчасъ же отъ него бѣжалъ куда глаза глядятъ, но быкъ вдругъ неожиданно опять появлялся передъ нимъ впереди, и тогда Кожіёнъ останавливался въ ужасѣ, трясяся, махалъ руками и кричалъ: «Тиружй! тпружй!» Если ему удавалось увернуться, то онъ бросался въ противоположную сторону, а какъ и тамъ тоже появлялся тотъ же самый призракъ его больного воображенія, то шорникъ метался по полямъ изъ стороны въ сторону до тѣхъ поръ, пока гдѣ-нибудь быкъ его настигалъ, и тогда Кожіёнъ старался ужъ только о томъ, чтобы пасть ему между рогами и обхватить руками его за шею.

Это было отчаянное, но единственное средство спасенія, которое уже не разъ избавляло Кожіёна отъ смерти на рогахъ чудовища. Какъ онъ, бывало, залажетъ у быка между рогъ, такъ тотъ его носитъ на головѣ пока измается, и тогда сброситъ его на землю, а самъ убѣжитъ, а Кожіёнъ послѣ выпитія, чувствуетъ себя какъ послѣ качки на морѣ и «кунѣжится»—ищетъ, чтобы его пожалѣли: «Преставьте,—проситъ,—меня либо къ Матери Божіей—Она мнѣ заступница, либо пойдемте въ кабакъ—мнѣ цѣловальникъ въ долгъ дастъ».

Его находили недостойнымъ вести къ образу и обыкно-

венно отводили въ кабакъ, гдѣ онъ опохмелился у знакомаго цѣловальника и поправлялся.

То же самое заходило у него и теперь, когда его приѣтили въ полѣ три мужика, наблюдавшіе тучу за Долгимъ лѣсомъ. Егоръ въ ужасѣ бѣжалъ отъ своего быка и махалъ на него руками, крича: «Тиружй! тиружй!»

Онъ бѣжалъ теперь какъ разъ противъ тучи, и ни къ кому прямѣе, какъ къ ней, отпосились его отгоняющіе крики и жесты, и... его не стало.

О ту пору какъ съ Кожіёномъ это въ послѣдній разъ сдѣлалось, на томъ же полѣ, гдѣ былъ онъ и три мужика, случились еще двѣ небольшія крестьянскія дѣвочки, которыя пришли на заросшую межу ломать полынь для вѣшниковъ. Завидѣвъ скакавшаго и кричавшаго Кожіёна, дѣвочки испугались и залегли въ полынь, и видѣли, какъ Кожіёнъ упалъ на межу, и какъ къ нему тутъ же вскорѣ подошли три мужика и подняли его и старались поставить его на ноги, но онъ не становился, а плакалъ и голосилъ: «Ведите меня къ Божіей Матери!» Тогда третій мужикъ взялъ Кожіёна за ноги, и всѣ втроемъ они шибко пронесли его въ лѣсъ, гдѣ есть густо заросшій оврагъ, и тамъ сразу произошло какое-то несогласіе, и Кожіёнъ «навздохъ» закричалъ: за что меня лобаните?.. «И съ тѣмъ все утихло, а потомъ мужички къ ручейку спустились и у того ручья мыться стали.

Перепуганныя же дѣвочки все на межѣ въ полыни сидѣли до вечера, притаившись какъ зайчики, и сами себѣ не могли сказать—чего онѣ испугались; а когда солнце стало заходить за тотъ самый лѣсъ, куда унесли Кожіёна «лобанить»,—дѣвочкамъ сдѣлалось «еще больше ужасно», и онѣ выскочили и бросились бѣжать въ деревню безъ вѣшниковъ,—за чтó ихъ встрѣтили съ строгостью,—оттрениали за косы и пообѣщали еще «выдрать кранивою», — отчего онѣ и умолкли, чтобы не навлечь на себя чего-нибудь еще худшаго.

Такъ Кожіёна быкъ забодалъ и на рогахъ забросилъ.

Съ той норы уже никто и нигдѣ не видалъ шатающагося шорника Егора,—и какъ не нуженъ былъ ему паспортъ, такъ не нужна была ему и могила; но въ память его были совершены нѣкоторыя немаловажныя дѣла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

У насъ на чищобѣ, недалеко за гуменникомъ, стоялъ дрянной саранишко, который называли «старымъ половнемъ», хотя онъ никогда никакого «гуменнаго» назначенія не исполнялъ и даже для него не годился.

Саранишко этотъ сгородили для себя смоленскіе «копачи», или «грабари», приходившіе выкорчевывать нии отъ сведеннаго на этомъ мѣстѣ лѣса. Копачи, окончивъ свою работу, ушли, а сгороженный ими дрянной саранишко оставался неразобрааннымъ, можетъ быть потому, что дрянной матеріалъ, изъ котораго онъ былъ сколоченъ, не стоилъ и разбора.

Крыша сарая давно вся сотлѣла и просѣтилась, порошница унали и висѣли на одной «пяткѣ», и никто въ этотъ сарай не ходилъ, кромѣ солдатки Наташки, которую, впрочемъ, вѣрно было гонять отовсюду. И вдругъ въ одну ночь этотъ такъ-называемый «старый половень» *сгорѣлъ какъ свѣчка!*

Было тихо и темно, и вдругъ въ то самое время, когда мы поужинали,—значить, часу въ одиннадцатомъ, — небо озарилось теплымъ и очень пріятнымъ желтовато-розовымъ свѣтомъ.

Сначала всѣмъ показалось, что это будто такъ восходить «рыжая луна»; но оказалось, что это старый половень горитъ.

На пожаръ успѣли сбѣжаться многіе, но половня не растаскивали и не заливали, такъ какъ отецъ считалъ его ничего не стоящимъ; но хозяину, однако, былъ интересъ узнать: отчего могла загорѣться эта необитаемая и никому не нужная постройка?

Думали сначала на цыганъ, или на поляковъ, но ни цыганъ, ни поляковъ нигдѣ не видали; потомъ падала мысль на поводырей слѣплого Нефеда, которые курили трубку, но Нефедъ и его слѣпой товарищъ и ихъ поводыри, оказалось, «пѣли Лазаря», гдѣ-то далеко у Чудотворца на праздникъ, и тогда староста Дементій—старовѣръ и врагъ куреній—подавъ мысль, что не виновенъ ли въ этомъ кто-нибудь изъ молодыхъ «трубокуровъ», и это первое подозрѣніе Дементій обобщилъ съ другими извѣстными ему подозрѣніями насчетъ маленькой солдатки Наташки,—лустроф

бабенки съ огромнымъ генопшсе веселѣтнй куртизанки, изъ-за которой въ деревнѣ было много безпорядка не только между молодыми людьми, но и между старыми.

Дементій Васильичъ непремѣнно хотѣлъ по этому случаю «кое-кого взбрызнуть» или «пострекать», до чего онъ, какъ коренной «начальникъ» стараго фасона, былъ большой любитель; но когда онъ захотѣлъ «пострекать» кучеряваго сиротинку Вукола, то, отколь ни возмись, появилась сама солдатка Натанка и закричала:

— Не смѣй трогать Вукошку—это не онъ... я видѣла, кто половень сжегъ.

И Натанка вдругъ, не обинуюсь, назвала трехъ самыхъ обстоятельныхъ хозяевъ въ деревнѣ...

И тѣ были призваны и повинились, что они дѣйстви-тельно были въ «старомъ половнѣ» со свѣчой изъ *Кожіѣнова сала*, и, вѣроятно, какъ-нибудь по неосторожности, и проч.

Дѣло было уже не въ томъ, какъ они заронили огонь въ половнѣ, а въ томъ: отчего было произнесено упоминованіе о «свѣчѣ изъ Кожіѣнова сала»?

Все это сейчасъ же окутала густой мракъ самой тщательно скрываемаго тайны: отецъ взялъ всѣхъ трехъ мужиковъ къ себѣ въ кабинетъ и заперся съ ними на ключъ вмѣстѣ со старостою Дементіемъ. И о чемъ они тамъ говорили—никто не слышалъ; но, конечно, всѣ отлично знали, въ чемъ это дѣло, и обстоятельныѣ всѣхъ изслѣдовали его именно женщины, имѣвшія смѣлость спуститься на самое дно глубокаго оврага въ Долгомъ лѣсу, и тамъ подъ хворостомъ и сухою листвою прошлогодняго листопада разсмотрѣли сильно разложившійся трупъ, который вся деревня единогласно признала за трупъ шорника Кожіѣна. Изъ Кожіѣнова тука все «внутреное сало» было уже «соскоблено», и изъ него, по всѣмъ вѣроятіямъ, надѣлано достаточное количество свѣчъ, сожженныхъ въ разныхъ мѣстахъ, можетъ-быть, съ подобнымъ же результатомъ, какъ случилось и у насъ въ половнѣ.

Тогда отецъ увидѣлъ, что дѣло можетъ принять очень серьезный оборотъ, и поѣхалъ къ сосѣду, которому принадлежалъ Долгій лѣсъ. Помѣщикъ этотъ, старикъ, бывшій когда-то морякъ и капитанъ 2-го ранга, жилъ нелюдимо въ сообществѣ трехъ крѣпостныхъ женщинъ, вмѣстѣ съ

которыми и самъ состоятъ подъ надзоромъ четвертой, которая дирижировала весь кругъ его жизни. Событіе въ Долгомъ лѣсу вывело моряка изъ его зависимаго состоянія и подвигло къ собственной инициативѣ, по которой онъ условился съ отцомъ такъ, чтобы: есть или пить въ лѣсу убитый — о томъ имъ обоимъ благородно и чинно ничего не знать, и кто такой тамъ есть—этого не разыскивать, а для освѣженія чувства въ людяхъ, которые, очевидно, очень пѣшны, но только не знаютъ, что имъ дѣлать, — пригласить изъ трехъ сель трехъ священниковъ... и сдѣлать это какъ бы... при опасно больномъ консиліумъ... Отслужить соборнѣ три молебна—въ саду, на лугу и на полѣ, и быть всемъ вмѣстѣ, дворянамъ и мужикамъ... и потомъ—угощеніе.

Отецъ на это согласился и все предположенное къ исполненію «для освѣженія чувствъ въ народѣ» должно было происходить «на общихъ межахъ», по-сосѣдски, но «выходъ» долженъ былъ быть отъ насъ, и у насъ же быть «консиліуму» и угощенію.

— Такъ какъ у насъ,—сказалъ отцу морякъ:—есть дома законная супруга, а у меня на этотъ счетъ одно беззаконіе.

И торжество было отпразднено у насъ. Приглашенъ былъ еще одинъ сосѣдь, майоръ Алымовъ, тоже холостякъ и съ «репутаціей», но молодой по лѣтамъ, говорунъ и щеголь довольно дурного тона. Капитанъ 2-го ранга, вѣроятно, нехорошо былъ о немъ наслышанъ и не хотѣлъ съ нимъ сближаться, — ему даже непріятно было стоять рядомъ съ майоромъ за молебномъ, и Алымовъ это замѣтилъ и «начихалъ на него»: онъ отошелъ отъ горделиваго моряка и, переступивъ поближе къ дьячкамъ, сталъ задувать съ ними вмѣстѣ не въ тактъ, но очень громкимъ и звонкимъ голосомъ: «Даждь дождь землѣ алчущей, Спасе!» Разъ отъ раза онъ все хваталъ это смѣлѣе и громче, и очень этимъ угодили и крестьянамъ, и духовенству, съ представителями котораго онъ еще болѣе сомелся за столомъ, гдѣ опять нѣсколько разъ поднимался и пѣлъ: «Даждь дождь землѣ алчущей, Спасе!» Этимъ Алымовъ ввелъ у насъ прошеніе о дождѣ въ такое распространеніе, что послѣ у насъ въ домѣ всѣ по цѣлымъ днямъ пѣли: «Даждь дождь землѣ, Спасе!» Но больше всѣхъ въ этомъ упражнялись мы, дѣти: мы въ своемъ молитвенномъ напряженіи даже превзошли старшихъ тѣмъ, что устроили себѣ изъ нынѣшнихъ фартуковъ ризы, а изъ

свивальниковъ орари, и все облачались да пѣли: «Даждь дождь». Намъ это очень нравилось, но прислугѣ мы надобѣли, и служеніе наше было разстроено тѣмъ, что нянька отобрала у насъ облаченія и сказала:

— Полно дьячить! теперъ уже никому и дождь не нуженъ: настала пора убирать, а убирать нечего: *голодный годъ пришелъ уже!*

Это было для насъ ужасное открытіе! Мы и не замѣтили, что *онъ уже пришелъ*. Когда же это случилось? Мы все еще просили «отвратить праведный гнѣвъ, на ны движимый», и напитать людей, «яко же птицѣми онѣми», а тутъ уже все кончено: готово созрѣвшее поле, на которомъ «стоитъ колосъ отъ колоса такъ, что не слышать человѣческаго голоса, а сжатый снопъ отъ снопа—день ѣзды»...

Пришелъ голодный годъ! «Сѣдимъ, что зародилось, и умремъ», — говорили мужики и пекли еще изъ новины лепешки и наварили къ Успенью браги, а съ Богородичнаго Рождества нѣкоторые несмѣло стали отлучаться... Спросите — куда? Сначала былъ еще стыдъ въ этомъ сознаваться—отлучки эти скрывались: люди уходили изъ села и возвращались домой въ потемочкахъ, «чтобы сумы не было видно»,—но голодъ и нужда возрастали, и къ Покрову всѣ другъ о другѣ стали знать, что всѣмъ ѣсть нечего, и что «всѣмъ надо идти побираться».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кто хотѣлъ бы составлять себѣ представленіе о деревенскомъ голодѣ, бывшемъ въ сороковомъ году, по тѣмъ явленіямъ, какія можно было наблюдать прошлой зимою, 1892 года, когда народныя страданія были облегчаемы дружными усиліями разумныхъ и добрыхъ людей, тотъ получилъ бы очень невѣрное понятіе о томъ, какъ страдалъ народъ при тѣхъ порядкахъ безпомощія, о которыхъ вспомнулъ генералъ Мальцевъ. Такихъ заботъ, какія прилагались теперъ частными лицами, чтобы помочь голодающимъ крестьянамъ по одному человѣколюбію и состраданію, тогда и въ поминѣ ни у кого не было, да никакое оказательство въ смыслѣ общей помощи было и невозможно; а само правительство, разумѣется, не могло прокормить всѣхъ голодныхъ. «Казеннымъ» или такъ-называемымъ «государственнымъ крестьянамъ» тогда дали что-то изъ «запас-

ныхъ магазиновъ» на «обсѣмененіе полей»; но это была помощь слабая и ничтожная: «казенные» люди изъ названной категоріи на этотъ «занмобразъ» тоже не могли прокормиться. Но о томъ, чтобы кормить ихъ *до сытости*, и не считали нужнымъ заботиться: рассказывали, будто графъ Киселевъ сказалъ кому-то, что «крестьяне не солдаты», и что «до новины они могутъ *одну зиму какъ-нибудь перебиться*», и это будто бы послужило достаточнымъ успокоеніемъ чьей-то душевной тревоги. А казенные или государственные крестьяне въ то время считались за «любимыхъ дѣтей» правительства. Что же касалось людей другихъ, с. словій, то съ этими было еще меньше хлопотъ: о мѣщанахъ нечего было и говорить, такъ какъ они земли не пахутъ и хлѣба не сѣютъ, — стало-быть, у нихъ неурожая и не было, и притомъ о нихъ давно было сказано, что они «всѣ воры» и, какъ воры, они, стало-быть, могутъ достать себѣ все, чтѣ имъ нужно; а помѣщичьи «крѣпостные» люди были въ такомъ положеніи, что о нихъ нечего было и безпокоиться, — они со дня рожденія своего навѣки были предоставлены «попеченію владѣльцевъ», и тѣ о нихъ не клись... Злополучные крѣпостные люди были всѣхъ другихъ несчастнѣе: они не только страдали безъ всякой помощи, но еще съ связанными руками и съ трипницей во рту. Они даже не имѣли права отлучиться, и нерѣдко ихъ жалобы и стоны принимали за грубость, за которую наказывали. Лучшія исключенія были тамъ, гдѣ помѣщики скоро ужаснулись раскрывшагося передъ ними деревенскаго положенія и, побросавъ свои деревни, сбѣжали зимовать куда-нибудь въ города и городишки, — «все равно куда, лишь бы избавиться отъ своихъ мужиченковъ» (т. е. чтобы не слышать ихъ просьбъ о хлѣбѣ). Безъ господъ крестьянамъ по крайней мѣрѣ открывалась свобода брести куда глаза глядятъ и просить милостыню подъ чужими окнами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ большихъ экономіяхъ «своимъ крестьянамъ» давали хлѣба и картофеля въ долгъ или со скидкой противъ цѣны, за которую отпускали «чужимъ людямъ», но и это все было недостаточно, такъ какъ и по удешевленной цѣнѣ покупать было не на что.

Разумѣется, я говорю только о той мѣстности, гдѣ я тогда жилъ, въ орловской губерніи. Можетъ-быть, что въ другихъ мѣстахъ было и иначе.

И говорю *только* о томъ, что самъ видѣлъ или о чемъ слышалъ въ тогдашнее время.

Самымъ ужаснымъ тогда казалось, что люди въ нашемъ мѣстѣ были связаны крѣпостною неволюю: черезъ это они не могли никуда отлучиться и ничего себѣ промыслить. Среди мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ курской и въ нѣ-которыхъ уѣздахъ орловской губернии по мѣстамъ происходило такъ, что дѣти и старики «ходили въ-поборъ», а взрослые работали на барщинѣ, и работали работы несибѣшныя, какъ-то: сѣкли про запасъ хворостъ или рыли канавы,—съ чѣмъ со всѣмъ можно было подождать, а фли «сборное», т. е. то, что старики или ребятишки гдѣ-нибудь «напросятъ Христа ради». Въ большихъ экономіяхъ крестьянамъ было гораздо лучше, уже по тому одному, что тамъ по крайней мѣрѣ не стѣсняли людей, и мужики попользи «съ топорами» (т. е. плотничать) въ Кіевѣ, въ Харьковѣ и въ Нѣжинѣ, и «съ лошадемъ» подряжались везти «лагуны» (съ саломъ) или «бунты» (съ пенькою) въ Таганрогъ и въ Одессу. И въ первомъ, и во второмъ отходѣ заработокъ ихъ былъ самый ничтожѣйшій, или лучше сказать—никакого. Работали они больше только «изъ одного прокорма», и то считалось еще хорошо, если работникъ прокормится и назадъ домой вернется «съ лошадемъ», а не съ однимъ «кнутикомъ». А то случалось, что онъ придетъ да обрадуется домашнихъ, что «кобылу» или «мерина ободралъ въ ухабѣ». Крестьяне, которые «нашли ряду» и успѣли уѣхать ранѣе, пока лошади ихъ еще не обезсилѣли отъ изнурительной безкормицы, кое-какъ справлялись, и на дорогѣ, въ самомъ пути отъѣдались сами и откармливали лошадей: эти и возвращались благополучно; но которые не нашли рано работы, а тронулись тогда, когда давно уже сталъ санный путь и лошади давно заморены на безкормицѣ,— у этихъ все «рушилось»: лошади у нихъ запрокидывались кверху ногами въ первомъ раскатѣ и «падали». Какъ безподрѣзные сани пойдутъ въ раскатъ и ударить клячу по исхудалымъ буддыжкамъ,—она тотчасъ же и упадетъ, и лежитъ. Ее «поднимаютъ» мужики, кто за хвостъ, кто за плечи. Поднимутъ, установятъ и поддерживаютъ, а потомъ тронутъ: «ну, матушка!» Но она пройдетъ нѣсколько шаговъ, и опять хлоннется, ноги вверхъ задеретъ и даже не бьется. Чуть только не просить, чтобы ее ужъ и не тро-

гали,—что «мигъ-де уже все равно какъ околѣть, лишь бы только поскорѣе».

Иногда, бывало, видишь, что какъ только лошадь поднимутъ, такъ она тутъ же сію минуту опять и падаетъ. Мужики, даже самые жестокіе, тутъ плакали какъ дѣти и жалѣли лошадей, — не били ихъ, а все, бывало, уговариваютъ лошадку: «ну, матушка! ну, кормилица!» — да сами во всю дорогу то у одной, то у другой оглобли пыхтять и подсобляютъ, а сами все плачутъ.

Страшное это представляло зрѣлище, какъ они, бывало, плетутся по дорогамъ длинными вереницами, и сами взъерошенные, истощенные и ободранные, а лошади уже совсѣмъ одни скелеты, обтянутые кожей...

И не разберешь даже—кто кого жалче.

Во всякомъ случаѣ извѣстная художественная группа Рѣшша, изображающая поволжскихъ бурлаковъ, представляетъ гораздо болѣе легкое зрѣлище, чѣмъ тѣ мужичьи обозы, которые я видѣлъ въ голодный годъ, во время моего дѣтства.

Въ глубокихъ ухабахъ или подъ раскатами столбовыхъ дорогъ то-и-дѣло, бывало, валяются ободранныя «падла» и надъ ними стальми вѣются черныя птицы, высматривающія — какъ бы имъ ухватить что-нибудь изъ того, что можетъ остаться послѣ зубовъ страшно освирѣпѣвшихъ отъ голода собакъ. Собаки тогда рыскали очень далеко отъ домовъ и дичали совершенно какъ волки. Крестьяне, какъ извѣстно, и въ «довольное время» не любятъ кормить своихъ сторожевыхъ собакъ, и держатся того взгляда, что «песь самъ о себѣ промыслитель», а въ голодный годъ собакъ и пчѣмъ было кормить. На ихъ собачье счастье лошадей околѣвало множество и трупы ихъ, или, по-мужичьи, «коневое падло», валялись безъ перевода и по полямъ, и по задворкамъ. Псамъ только надо было имѣть чутье да ноги, чтобы не пропасть съ голода. Но удивительно было, какъ они далеко узнавали о каждой павшей скотинѣ! Бывало, гдѣ ни выволокутъ падло, собаки ужъ знаютъ, и черезъ часъ-два собачьи слѣды такъ и наплетутъ черезъ все поле съѣтъ по сигу. Люди удивлялись этому и предполагали, что у собакъ непременно есть какое-то свое имъ свойственное средство сообщать другъ другу новости о событіяхъ, совершающихся за предѣлами ихъ слуха, зрѣнія и

обонянія. Въ самомъ дѣлѣ, чутье едва ли могло достигать на такія далокія разстоянія, откуда сбѣгались собаки терзать падалъ! Приходилось видѣть знаемыхъ деревенскихъ собакъ, прибѣгавшихъ верстъ за двѣнадцать и за пятнадцать. Въ началѣ зимы, когда лошадей дохло много, собаки такъ хорошо отъѣлись, что волки ихъ боялись, и онѣ не подпускали волковъ къ пиру; но потомъ, когда всѣ лошади перекобли, голодъ собакъ сталъ ужасенъ, и волки пошли рвать ихъ. Впрочемъ, псамъ все-таки было лучше, чѣмъ травояднымъ. Коровъ своихъ крестьяне «до послѣдняго берегли» и «воспитывали крышами». Сгребуть, бывало, съ крыши давно почернѣвшую солому и иногда «попарять ее въ корчажкѣ» — вотъ и кормъ. Солить было нечѣмъ: тогда соль составляла «правительственную регалию», и была такъ дорога, что плоховатые мужики и въ «ровные»-то года часто ѣли сытъ несоленую. (У Тургенева мужикъ говоритъ, что надобно осиротѣлую дѣвчонку взять. Баба отвѣчаетъ: «намъ самимъ сытъ посолить нечѣмъ». А мужикъ говоритъ: «А мы ее несоленую!» — и дѣвчонку взяли). Коровъ «ходичихъ» не рѣзали. Станетъ она «падать» или «заваливаться», идучи на водоной — ее все еще поднимають и везутъ до дому, «поддерживають» и опять «крышей воспитываютъ». И такъ водится съ ней до тѣхъ поръ, пока у нея «титъки высохнутъ». Тутъ уже, значитъ, ждать отъ нея больше нечего — «воспитаніе» ея кончено и остается ей «ножь воткнуть». Зарѣзанную полуиздохшую корову поскорѣ «требушили» и потомъ волокли «въ копотъ», т. е. разнимуть ея трупъ на частички и повѣсятъ эти разсѣченныя части «надъ дымомъ», чтобы ихъ «прокурило» и «духъ отшибло», потому что у этого мяса даже до посмертнаго разложенія былъ какой-то особенный, вѣроятно болѣзненный запахъ, котораго «утроба человѣческая не принимала». А потомъ, когда дымъ все это «прокуритъ» — вонь нѣсколько измѣняла свой характеръ и мясо воняло иначе, — менѣе противно: тогда его, бывало, варятъ и ѣдятъ.

Но все это еще было сравнительно благополучное время, когда было что «дымить», а впереди ждало положеніе гораздо болѣе тяжкое.

Здѣсь, однако, мнѣ припоминается, какое горе бывало въ крестьянскомъ дворѣ, когда дѣлалась очевидною неминуемая надобность немедленно предать смерти «кормилицу».

Какъ, бывало, доходить послѣдній кормъ, такъ «безкормной коровѣ» отъ мужиковъ выходитъ рѣшеніе, что ее надо «приколоть»... Тогда всѣ бабы принимаютъ «выть», а на нихъ глядя, заводятъ всѣ дѣти, и всѣ стараются «коровушку покрыть», т. е. увѣряютъ мужиковъ, будто она еще можетъ жить; но мужики этому не внемлютъ, и какъ замѣтятъ, что подойникъ пустъ, такъ сейчасъ же и берутся исполнить свое рѣшеніе.

Это ужасныя минуты въ крестьянской избѣ, которыхъ нѣтъ средствъ описать, а ихъ надо видѣть.

Послѣ ссоры и спора изъ-за коровы между бабами и мужиками—въ избѣ вдругъ пропадаетъ хлѣбный ножъ!..

Нѣтъ его, да и только! Бабы говорятъ: «ребята затащили»,—мужики дерутъ ребятъ за виски; ребята говорятъ: «мамка скрала»,—мужики мнутъ мамкѣ потылицу... Всѣмъ дѣла много, а ножъ все-таки не отыскивается.

Идутъ занимать ножъ къ сосѣду, но и у сосѣда ножъ пропалъ! Бабы рѣжутъ хлѣбъ какими понало ножевыми «аскретками», а настоящіе хлѣбные ножи всѣ «пропали». Ихъ ищутъ-ищутъ и не находятъ. Мужики понимаютъ, что это значить, и долго не разговариваютъ, а идутъ за ножомъ на другой конецъ деревни и тамъ гдѣ-нибудь пригодный ножъ находятъ. Тутъ же дѣлаютъ и уговоръ еще о живой коровѣ: какъ дѣлать ее «тушу», кому передъ, кому задъ, кому нутро или студни. Объ этомъ уговариваются, чтобы не пропала «убонна», и за разъ нѣсколько коровъ въ деревнѣ не рѣжутъ. Сегодня рѣжетъ одинъ сосѣдъ, а другой поджидаетъ, если есть чѣмъ издыхающую «воспитывать».

Когда мужикъ добудетъ ножъ и возвращается въ избу, онъ молча начинаетъ водить ножъ по желѣзистому кирпичу на загнилкѣ. Видъ у него тогда мрачный, и бабы начинаютъ его бояться и уже не воютъ, а тихо плачутъ; но мужика и это выводитъ изъ терпѣнія. Къ тому же мать, или другая старуха, которая не боится тукманки, гдѣ-нибудь за угломъ причитаетъ. Мужикъ снѣшитъ точить ножъ и, пощупавъ его на ладони, уходитъ звать на помощь сосѣда. Съ «уборкой» буренки надо снѣшить, потому что она того и гляди околѣетъ, и тогда выйдетъ не «убонна», а «надло.»

Потомъ настаетъ въ избѣ жуткая тишина... Со двора все слышно, какъ мужики путаютъ корову вожжами и потомъ

бьютъ ее долбней по головѣ. Безъ этого они убить большую скотину не умѣютъ. А потомъ, когда этотъ ужасный стукъ долбни по черепу прекратится, — мужикъ перекрестится и всунетъ коровѣ ножъ въ горло... И всё стоять вокругъ въ тишинѣ и смотреть, какъ кровь бьется и зарѣзанная еще дрыгаетъ связанными ногами и смотреть. Потомъ тишина кончена и закричатъ: «давай ночвы!» Тутъ всему дѣлу развязка: бабы уже работаютъ спокойно; носить разрубленные части своей бурѣнки по избамъ и вѣшаютъ ихъ на деревянныхъ крючьяхъ и на лыковыхъ веревкахъ подъ потолками и надъ дверями черныхъ избъ (гдѣ дымъ идетъ). Тутъ это мясо копилось или какъ будто бы копилось. На самомъ же дѣлѣ орловскіе мужики мяса коптить не умѣли, да и негдѣ было имъ его коптить какъ надобно; а они только добивались, чтобы отъ него «не дуло смердѣло».

Такъ прѣшли весь рогатый скотъ, и ко Срѣтенью (2 февраля) во всемъ селѣ, о которомъ рассказываю, осталась только одна корова у старосты, да двѣ у дворовыхъ; но лошадей еще оставалось на сорокъ дворовъ штукъ восемь, и то не у крестьянъ, а у однодворцевъ, которые жили въ одномъ порядкѣ съ крѣпостными. Однако, всё эти лошади содержались на одной соломѣ и ни для какой работы не годились. Ихъ даже нельзя было гонять на водоной къ колодцу, потому что онѣ завязали въ сугробахъ и падали, и люди должны были ихъ вытаскивать и волочь домой—что было очень трудно.

Но не будемъ болѣе говорить о скотахъ, а посмотримъ что случалось съ самими сынами человѣческими, отбывавшими здѣсь же безпомощно и безропотно всё выпавшія на ихъ долю злоключенія «голоднаго года».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Изобразить въ общихъ чертахъ состояніе духа деревенскихъ людей за все время ужасной зимы сорокового года—я не умѣю. Была и унылость, и отчаяніе, и стоны, и немовѣрное мужество... все это «человѣкомъ» и «часомъ», т.-е. каждый человѣкъ переносилъ свое мученіе сообразно своему характеру и не во всякую минуту одинаково. Съ виду даже, пожалуй, незамѣтно было, что люди переживаютъ *особенное страданіе*: жизнь въ крестьянскихъ избахъ

плелась почти такая же безотрадная, какъ и всегда. Тѣ же стоны и крихтѣныя стариковъ, не слѣзающихъ съ остылыхъ печей; тотъ же дымъ и вонь, а часто и сивѣтъ, продѣлающій по угламъ, съ наружной стороны избъ во внутреннюю; тѣ же слабые шески голыхъ, и еле живыхъ ребятъ со вспухшими животами и красными отъ дыма глазами; по зимняя картина въ орловской деревнѣ никогда и не была другою... И ее всегда видѣлъ именно такую. Мнѣ гораздо легче вспомнить и удобнѣе, кажется, передать нѣкоторые, *особенные случаи*, которые уцѣляли въ памяти и которые я изложу одинъ отъ другого въ отдѣльности.

Прежде всего вспоминается мнѣ хилая дѣвочка Васѣнка, которую «Богъ взялъ», и я съ этого начну мои разсудки, но такъ какъ мать Васѣнки жила на дворовомъ положеніи, то прежду я скажу коротко о положеніи людей дворовыхъ, которое отличалось отъ крестьянскаго. Дворовымъ людямъ, которые въ обыкновенное время почитали себя несчастіемъ крестьянъ, въ голодовку выходило лучше, чѣмъ крестьянамъ, потому что дворовыхъ, не имѣвшихъ земли и состоявшихъ на работѣ при помѣщичьихъ дворахъ, помѣщики должны были кормить и кое-какъ кормили. Въ обыкновенное время имъ отпускали на мужчину 1 п. 30 ф. въ мѣсяцъ, а на женщину 1 п. 20 ф. и на дѣтей (съ 5 до 15 лѣтъ) по 20 ф. ржаной муки. Больше не давали ничего: приварокъ и соль они должны были принасти себѣ сами, и гдѣ-то они этимъ дѣйствительно раздобывались. Въ голодный годъ во многихъ мѣстахъ этимъ людямъ сдѣлали страшную обиду: «сняли ихъ съ мучной мѣсячины на печеный отвѣсъ», т.-е. стали давать имъ по 3 ф. хлѣба въ день на мужчину и по 2 ф. на женщину, а мальчикамъ и дѣвочкамъ по полтора фунта. Притомъ, если варили щи или кашу, то въ эти дни хлѣбный отвѣсъ уменьшался на половину. Этимъ уже дворовые люди были страшно недовольны, потому что они своимъ «отвѣснымъ хлѣбомъ» дѣлились со своимъ родственниками, голодавшими на деревнѣ, и это составляло ихъ священное право «помогать на деревню».

Дворовымъ и комнатной прислугѣ съ Введенія (21 ноября) мѣсячину и отвѣсъ тоже стали выдавать не «чистымъ хлѣбомъ», а съ примѣсью, но съ примѣсью очень съдобною, по преимуществу съ картофелемъ, и только въ случаѣ не-

достатка картофеля,— съ коноплянымъ жмыхомъ, который если свѣжъ и не горекъ, то вкусъ хлѣба не очень портить. Во всемъ хозяйствѣ теперь только намъ къ столу подавали чистый и притомъ «обрушенный» ситный хлѣбъ, муку для котораго содержали въ кади, въ кладовой подъ замкомъ, и отпускали ее въ кухню для выпечки.

Хлѣбъ этотъ былъ, конечно, гораздо лучше крестьянскаго пирога, и мы, дѣти, это знали и, ѣвши такой хлѣбъ, чувствовали что-то въ родѣ стыда по тому случаю, что мы пресыщались вкуснымъ хлѣбомъ и даже кормили имъ нашу собачку Фидельку, тогда какъ на деревнѣ дѣти сосали жмыхъ...

Въ дѣтскихъ сердцахъ нашихъ какъ будто раздавался голосъ Бога, вопрошающаго о братѣ...

Пекла нашъ «господскій хлѣбъ» та птичница Аграфена, изъ однодворокъ, о которой упоминалось выше,—та, которая видѣла сны и первая запророчила быть голодному году. Она—напоминаю опять—имѣла право уйти отъ насъ, но жила на положеніи крѣпостной, потому что у нея были дѣти, прижитыя съ крѣпостнымъ мужемъ, и въ числѣ ихъ была та Васѣнка, которую «Богъ взялъ», о чемъ сейчасъ и будетъ предложено, какъ это случилось.

Испеченный Аграфеною ситный хлѣбъ опять принимали отъ нея по вѣсу, требуя на каждый пудъ муки определенное по опыту количество припеку, на что пекарки-бабы очень жаловались и находили это требованіе несправедливымъ, потому что «всякая мука даетъ свой припекъ неровно». Но имъ не вѣрили и учитывали ихъ на золотники, точно дѣло шло о золотѣ. И «свой братъ» и «своя сестра», такіе же дворовые и крѣпостные, поддерживали въ господахъ это недоверіе, постоянно донося на пекарокъ, будто тѣ «отнимаютъ тѣста отъ господскихъ хлѣбовъ своимъ дѣтямъ на лепешки». По такимъ доносамъ ключницею дѣлались внезапные обыски, и одинъ разъ у птичницы Аграфены, которая имѣла четырехлѣтнюю дочь Васѣнку, страдавшую «кишкою», дѣйствительно нашли «шматокъ тѣста съ ладонь», спрятанный между грязными подушками постели, на которой стонала ея больная дѣвочка. Я помню, какъ объ этомъ «довела» дѣвочка, бывшая въ «виносушкахъ», по имени Агашка, и передъ матушкою стояли разомъ эта Агашка и ключница, производившая обыскъ, и

Аграфена, а на столѣ въ видѣ полчища лежалъ «шматокъ тѣста», которое она отняла отъ барскихъ хлѣбовъ и хотѣла спечь изъ него лепешку Васѣнку. Аграфену уличали Анна и Агашка, и Аграфена не отпиралась, а стояла гордая и «грубила». А грубость ея выражалась тѣмъ, что она очень страшно кляла свою дѣвочку Васѣнку. Это зашло такъ далеко, что матушка забыла о дѣлѣ по существу и начала сердиться на Аграфену за то, что она проклинала дитя. Матушка говорила ей, что она не имѣетъ права такъ клясть дѣвочку и желать ея смерти! Но Аграфена этому кощунственно не вѣрила и, скребя ногтями свои локти, отвѣчала:

— Что еще за право надо, когда я ей родительница! Возьму ее да и убью!

— И судиться будешь.

— Ну, такъ и что жъ такое!

— Тебя не помилютъ.

— Да и не надо!.. И такъ-то ужъ у васъ надо!..

И проговоривъ это съ дерзостью, Аграфена нетерпѣливо повернулась и ушла.

Ее не останавливали: ея одиоворчество было для нея все равно, что «римское гражданство».

Матушка сказала, чтобы ей простили шматокъ тѣста и не попрекали ее этимъ, и тѣмъ дѣло о шматкѣ въ господскомъ домѣ было окончено, но въ птичьей избѣ, гдѣ несли хлѣбы, оно продолжалось и окончилось только наканунѣ Николина дня (5 декабря), когда четырехлѣтняя Васѣнка была найдена надъ птичною избой возлѣ трубы, въ гнѣздовой плетушкѣ, и совершенно закоченѣвшая. А нашла Васѣнку опять та же Агашка, которая въ этотъ разъ была послана ключницею навѣрхъ птичьей избы обождать въ покинутыхъ галочьихъ гнѣздахъ забытыя «подкладухи» (каменные яички). Тутъ Агашка, шаря въ полутьмѣ руками подъ застрѣху, нащупала въ заиндѣвшемъ хворостѣ что-то такое, что инстинктивно показалось ей чрезвычайно страшнымъ. Агашка вскрикнула и, не попавъ на приставную лѣстницу, свалилась прямо съ потолка избы на полъ сѣней, а когда прибрѣжала въ горницу, то заговорила, что «на птичьей избѣ подъ застрѣхой въ хворостинахъ, близко къ трубѣ, сидитъ что-то страшное». Тогда послали на верхъ взрослою дѣвушку съ фонаремъ — и та нашла тамъ Ва-

сѣнку... Дѣвочка была въ одной рубашкѣ и босая, но ножки обвертѣла хлопочками, которые нашла въ выставленномъ сюда изъ избы плетеномъ гнѣздѣ, на которомъ въ свое время сидѣли на яйцахъ насѣдки. Васѣнка подвинула одно изъ такихъ гнѣздъ подъ застрѣху, утѣлась въ него, а головою прислонилась къ заиндѣвѣвшимъ хворостиннымъ рѣшетинамъ соломенной кровли и такъ закоченѣла, но она еще была жива, и когда ее принесли въ избу, она даже какъ будто бы смотрѣла, но только глазки у нея были «какъ сонные».

Когда ее принесли въ избу, то сейчасъ же прибѣжали въ господскій домъ сказать объ этомъ случаѣ барыни. Это, разумѣется, произвело смятеніе, въ которомъ всякій по-своему обнаруживалъ свою находчивость. А такъ какъ это произошло въ то время, когда мы только отпили утренній чай и матушка перемывала въ полоскательницѣ чайныя чашки, по срединѣ которыхъ стоялъ чайникъ со спитымъ чаемъ и съ двумя кусочками сахара, составлявшими «положенье» для няни и ключницы, то матушка велѣла отнести этотъ чай въ птичную и сама поспѣшила туда же, а за нею, въ общей суматохѣ, проникли туда и мы.

Тамъ мы увидѣли, что наша мать и нѣсколько женщинъ стояли вокругъ Аннушки, которая сидѣла на скамейкѣ и держала на колѣняхъ застывшую дѣвочку, а матушка, нагнувшись къ ней, старалась влить Васѣнкѣ въ ротикъ съ ложечки чаю.

Стоя близко къ самому центру дѣйствія, я видѣлъ, какъ матушка достигла чего хотѣла, — она влила въ ротикъ Васѣнки чайную ложечку тепловатаго чаю, и дѣвочка этотъ чай какъ будто проглотила, но вдругъ на губкахъ у дитяти что-то запѣнилось и затѣмъ все вылилось вонъ, а въ горлынкѣ что-то щелкнуло и въ животикѣ забурило.

Аннушка ослабила руки, которыми держала ребенка, и, вскинувъ на матушку испуганными глазами, прошептала:

— Отходить!

Послали какъ можно скорѣе принести изъ матушкина образника илисовую шапочку угодника Митрофанія, но когда стали ее надѣвать на головку Васѣнки, увидѣли, что она уже умерла.

Шапочку, однако, все-таки надѣли, и Анна въ этой же шапочкѣ положила дѣвочку на лавку подъ образъ, а возлѣ нея

поставили ковшикъ съ водою, чтобы «душка ея обмылась».

Это для меня было трогательно и занимательно, потому что до этой норы я еще не былъ при разлученіи человеческой души съ тѣломъ, и я не ожидалъ, чтобы это происходило такъ просто.

Аграфены во все это время дома не было: она ходила на деревню къ своей бѣдной сестрѣ-солдаткѣ, которая тоже умирала.

Матушка послала за Аграфеной, а сама ушла, но я при-танлся и остался въ птичней.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Этотъ первый случай, «какъ духъ уходилъ, и никто не видѣлъ, куда онъ идетъ», вѣзался у меня въ памяти на всю мою жизнь, и тихая «смѣрточка» тихой Васѣнки тогда вдругъ показалась мнѣ страшнымъ укоромъ, вставшимъ противъ самыхъ близкихъ и дорогихъ мнѣ людей, до которыхъ сердце мое не желало бы допустить никакой укоризны. Я бросился въ уголь, гдѣ стояли гусинья гнѣзда, и горько заплакалъ о Васѣнкѣ... Я все воспоминалъ, какъ, бывало, зайдешь въ эту избу, среди дня, когда она жарко натоплена и въ ней стоитъ густой запахъ свѣже-испеченаго хлѣба, — караван хлѣба лежать на столѣ, покрытые бѣлымъ закатникомъ, въ конешкахъ гогочуть гуси и тикаютъ цыплятки, а Аграфены нѣтъ, и только одна терпѣливая Васѣнка лежитъ на грязной постели подъ грубымъ веретьемъ и смотритъ тихо и безропотно или вдругъ скажетъ:

— Мамки нѣтъ... она ушодцы!—и сама снова умолкнетъ, и опять лежитъ тихо-претихо.

Теперь она уже совсѣмъ умолкла и затихла навѣки. Ей теперь хорошо; но сколько она должна была перестрадать и перемучиться, пока застыла подъ застрѣхой! Какой ужасъ! И что такое могло такъ побудить оставить постельку, на которой она всегда такъ терпѣливо лежала, и лѣзть на холодный чердакъ, чтобы тамъ закончить въ странной службѣ?

Я былъ твердо увѣренъ, что тутъ есть какая-то тайна, которую отгадать страшно, и получилъ въ этомъ еще большее удостовѣреніе, когда въ избу съ надворья, въ облакъ морознаго пара, вошла вдова Аграфена.

Она посмотрѣла на свою умершую дѣвочку и на всѣхъ, которые ее укладывали «подъ свитые», и молча, съ совер-

ненно безчувственнымъ лицомъ, пошла въ противоположную сторону къ печи и стала грѣть возлѣ нея руки.

Въ это время опять вошла матушка, неся въ рукахъ дѣтскую рубашечку съ голубою лентою. Увидя Аграфену, матушка тронула ее за плечо и сердито показала ей на мертвого ребенка.

Аграфена посмотрѣла и опять ни слова не отвѣчала.

— Видишь или нѣтъ?—строго спросила матушка, и только тутъ Аграфена отвѣтила ей дерзко:

— Что видѣть-то?.. Ну, и вижу!

— Это твой вѣдь ребенокъ?

— Ну, и мой! Что жъ такое? Былъ мой, а теперь пускай будетъ Божій! Господь его принялъ, и слава Богу.

— Ты безчувственная!

— Ну, такъ что жъ такое, хоть и безчувственная!.. Богъ взять дитя—что тутъ еще чувствовать! Его воля.

Матушка покачала головою и, погрозивъ Аграфенѣ пальцемъ, вышла и унесла съ собою на груди шапочку Митрофанія; а какъ только барыня ушла—Аграфена подошла къ дѣвушкамъ и, обхвативъ ихъ всѣхъ трехъ сразу одной охапкой, толкнула къ дверямъ и сказала:

— Сгиньте, доносчицы!

Я не трогался и не шевелился.

Аграфена меня не замѣчала: она стала возлѣ Васенки, посплюнула пальцы и этими пальцами разгладила ей на лобикѣ ея льняные волосы, потомъ другъ икнула, опустилась на лавку, и у нея подились слезы; но это было не долго: она вытерла лицо грязной тряпкой и подошла къ стоявшей въ углу коробѣ.

Здѣсь она увидала меня и, казалось, нетного удивилась, но, однако, не сказала мнѣ ни слова, а, порывшись въ коробѣ, достала оттуда конецъ полотна, нитки и наперстокъ и пошла къ столу, чтобы что-то кроить, но въ это время въ избу воѣжала дѣвочка Агашка и сказала, что мать моя сама приплетъ Васенкѣ саванъ и покровецъ.

Аграфена ничего не отвѣтила, но завернула нитки и ножницы опять въ полотно и снова все это положила въ коробью, и тугъ, нагнувшись надъ коробьею, вдругъ зарыдала.

Я робко приблизился къ ней и, самъ плачучи, обвилъ руками ея шею, но она меня отодвинула и сказала:

— Не замай! не замай!—и опять заголосила.

Мнѣ показалось странно съ нею оставаться, и я пошелъ домой, гдѣ теперь все были заняты судьбою Васѣнки и притомъ всякій по-своему: матушка отрѣзала холстъ на саванъ Васѣнкѣ, а дѣвушки шили эту никогда до той поры мною невиданную вещь «на живую нитку». Матушка каждой изъ нихъ напоминала, чтобы непременно шить «на живую нитку».

Я очень интересовался, почему дѣвушки должны были шить на живую нитку, когда имъ въ другихъ случаяхъ такое шитье ставилось въ вину, и мнѣ объяснили, что это такое правило, что «на мертвыхъ всегда надо шить на живую нитку».

Я тогда былъ въ такомъ возрастѣ, когда дѣти «набираются впечатлѣній», и все новое меня очень интересовало.

Я давно слыхалъ слово «саванъ» и привыкъ чувствовать въ его звукѣ что-то зловѣщее, но никогда савана не видалъ, и теперь напрасно всматривался, какъ его шили, потому что ничего не могъ разобрать въ кучкѣ полотна, которая вертѣлась у нивен на колѣняхъ; но потомъ мнѣ удалось его увидеть. Когда большія дѣвушки пошли обѣдать, рѣзвая дѣвчонка Роська, остававшаяся дежурной по дѣвичьей комнатѣ, наложила Васѣнкинъ саванъ на себя и стала передъ отворенными дверями въ нашу дѣтскую, такъ что мы ее увидали, и сначала мнѣ показалось, будто я вижу «козу», которая ходитъ плясать съ медвѣдями, но потомъ я понялъ, что это и есть саванъ... Я испугался и, закричавъ отчаяннымъ голосомъ, убѣжалъ къ старшимъ.

Васѣнку я не видалъ въ ея погребальномъ уборѣ, приготовленномъ для нея на живую нитку; но когда я легъ спать, то, прежде чѣмъ заснуть, мнѣ привелось услыхать разъясненіе, какъ она попала на чердакъ. Всему дѣлу виновницею оказалась ея мать, Аграфена, или, точнѣе сказать, ея «сибирный карахтеръ» (такъ доносила матушкѣ старостиха Домна). «Аграфена узгордилась, чтобы никто на нее не смѣлъ думать, что она дочкѣ шматовъ тѣста отъ господской дежки беретъ». И она будто Васѣнку взяла и выгнала, чтобы та шла въ общую людскую избу, пока хлѣбъ высидится, а сама Аграфена къ сестрѣ на деревню пошла и тамъ задержалась, потому что сестрѣ горшокъ накидывала;

а Васёнка побоялась идти въ людскую избу, потому что тамъ въ сѣняхъ бѣлая телка, которая бодалась, и спрягалась на чердакъ въ гнѣзда и тамъ застыла.

И Васёнку схоронили, а на Аграфену не сердились, и даже, когда подходилъ Васёнкѣ девятый день, Аграфенѣ велѣли выдать полпуда муки на блины и приказали дать ей лошадь, чтобы она могла поѣхать съ сыномъ своимъ, девятилѣтнимъ Ёгоркою, на кладбище; но Аграфена муку взяла и отнесла ее на деревню къ сестрѣ, а на лошади не поѣхала, а пошла съ Ёгоркою пѣшкомъ, хотя день былъ прескверный: холодъ и метель.

Пошли они утромъ, но не возвратились засвѣтло, а метель разыгралась, и думали, что вдова съ сыномъ останись переждать погоду у кого-нибудь изъ дьячковъ. Но на другой день ее не нашли на Поповкѣ, а потомъ и ее, и сына отыскиали въ овражкѣ—мать съ сыномъ сидѣли обнявшись, и оба замерзли.

Повидимому, они шли домой и сбились съ дороги; но пѣкоторые думали, что Аграфена нарочно заморозила сына, чтобы его «ослобонить».

Истину въ этомъ дѣлѣ открыть было невозможно, и дьячокъ Меркурій, которому заказывали дѣлать надписи на крестахъ, написалъ на крестѣ, покрывшемъ семейство горделивой Аграфены: «Боговинися душа».

Никто не могъ понять въ точности, что такое это значило, но все находили, что это «что-то значить».

А дьячокъ Меркурій только кивалъ значительно головою и произносилъ: «гмъ!» — а внятиѣе ничего не сказывалъ.

Смерть Васёнки, Аграфены и Ёгорки была первымъ трагическимъ случаемъ изъ всѣхъ событій голодной зимы въ нашей деревнѣ, но драма эта совершилась втайнѣ и «передана волѣ Божіей».

Другія событія, которыя я припоминаю, случились позже и не такъ близко, какъ это. Но здѣсь еще надо вставить отрывокъ о хитромъ помѣщикѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хитрый помѣщикъ былъ не кто иной, какъ майоръ Алымовъ, о которомъ вскользь уже упомянуто. Его почему-то не называли по имени и отчеству, а титуловали *по чину*:

«майоръ». Онъ былъ молодой, холостой, бравый, сильный, плечистый, съ огромнѣйшими черными усами «въ-розметъ» и съ бойкими, но неприятными манерами дурного тона, которыми онъ и оттолкнулъ отъ себя сосѣда-морика при молбѣ о дождѣ для земли алчущей.

Алымовъ служилъ въ какомъ-то полку и вышелъ въ отставку по какой-то «исторіи». Это, должно-быть, имѣло общественное значеніе, потому что при всякомъ случаѣ, когда мои родители знакомили съ кѣмъ-нибудь майора Алымова, то непременно къ громко произнесенной рекомендаціи его прибавляли потише, что онъ «вышелъ по исторіи». Майоръ былъ холостъ и постоянно «лыталъ и судьбы пыталъ» или, проще сказать — искалъ выгодныхъ невѣсть для законнаго брака, а до устройства себѣ искомаго семейнаго положенія онъ жилъ одинъ въ своей небольшой деревушкѣ, гдѣ у него былъ очень скромный домикъ, въ пять комнатъ, и вся усадьба, устроенная его матерью «по-одинодворчески», а не по-дворянски. То-есть, домикъ у Алымова былъ построенъ однимъ фасадомъ въ садъ, гдѣ не было никакихъ иныхъ деревьевъ, кромѣ фруктовыхъ, а всѣми другими тремя сторонами этотъ домикъ выходилъ во дворъ, обнесенный всѣми хозяйственными службами, — закутами, сараями, амбарами и амбарушками.

Такой способъ постройки въ нашихъ мѣстахъ назывался «въ кольцо» и имѣлъ ту выгоду, что и люди, и животныя — всѣ были у хозяина передъ глазами; но зато кромѣ ихъ уже ничего другого видно не было.

Отъ этого на такихъ усадьбахъ не ходитъ вѣтеръ, — тепло, хозяйственно и очень скудно.

Алымовъ, по выходѣ въ отставку, уже нѣсколько лѣтъ сидѣлъ на этой усадьбѣ и велъ свое небольшое хозяйство аккуратно, почему у него было довольно всего, что только нужно въ его положеніи домовитаго холостого помѣщика и «женишка». А женишокъ этотъ, по памяти моему мнѣ опредѣленію моей няньки, былъ притомъ человекъ «довольно будто простенькій, но и довольно будто хитренькій». Онъ, напримѣръ, не подражалъ большинству помѣщиковъ, которые бывали часто очень требовательны къ своимъ людямъ и на всякую неисполнительность наказывали ихъ сурово и даже жестоко. Алымовъ хотѣлъ быть «добрымъ баринкомъ»;

онъ хотѣлъ «жить такъ, чтобы въ деревнѣ ему своихъ людей нечего было бояться», и «чтобы люди его хвалили». Но онъ достигъ только одной половины этой программы, т. е. онъ у себя въ домѣ своихъ людей нисколько не боялся, но похвалъ себѣ отъ нихъ не дождался, а люди его говорили о немъ, что онъ «шишймора».

Алымовъ былъ очень скупъ и изъ-за скупости будто бы и не женился, а только все сватался и на жениховскомъ положеніи ѣздилъ изъ одного помѣщичьяго дома въ другой, заставляя принимающихъ его хозяевъ кормить его, съ кучеромъ, казачкомъ «Валеткой», тройкою лошадей и легавою собакою, которая называлась «Интендантъ». Она была замѣчательна тѣмъ, что вездѣ умѣла отыскивать съѣстные припасы и вездѣ ихъ очень ловко крада.

У Алымова, также какъ и у насъ, въ этотъ годъ не уродилось въ поляхъ ничего, и надо было купить ржи, чтобы засѣять озимыя поля—свои и крестьянскія.

Это требовало большихъ расходовъ, и притомъ это была такая надобность, которой нельзя было отвести; но Алымовъ, однако, съ этимъ справился: онъ уѣхалъ изъ дома въ самый сѣвъ и возвратился домой «по грудкамъ», когда земля уже замерзла и была запорошена мелкимъ снѣгомъ. А чтобы не нести покоръ на своей душѣ, что онъ бросилъ крестьянъ на жертву безкормицы, онъ ихъ утѣшилъ:

— Братцы!—сказалъ онъ «своимъ людинкамъ» по возвращеніи:—я объ васъ хлопоталъ,—хотѣлъ найти озимыхъ сѣмянъ, да не нашель; но вы какъ-нибудь перебьетесь... Не правда ли? И нашель отличныя сѣмена *яровой ржи* и купилъ цѣлыхъ десять четвертей. По осени ихъ везти неспособно было изъ Дмитровки, а теперь готовьтесь: какъ санный путь встанетъ—поѣзжайте на пяти подводкахъ, берите по двѣ четверти на лошадь и привозите домой, ссыпайте въ одинъ мой амбаръ, а по веснѣ, что Богъ дастъ,—запашемъ и засѣемъ всѣ земли—мои и ваши, и будетъ чудесно... не правда ли?

Мужики отвѣчали:—Можетъ, и правда! А сами подумали: «Вѣрно, брешеть,—вѣрно, что-нибудь крутить, шшшймора!»—однако поѣхали и яровую рожь привезли.

А какая она такая будетъ и годится ли—то имъ было не вѣдомо, и потому они дѣлали все это съ неудовольствіемъ.

Прибыли на дворъ, выпрягли лошадей и оставили рожь на санкахъ,—ссыпать было поздно.

А когда пришло ссыпать на другой день, то увидели нѣчто необыкновенное: господинъ ихъ захотѣлъ Божье зерно все перепортиить.

Алымовъ начиталъ въ «Трудахъ Экономическаго Общества» что-то необыкновенное о «навозной жижи», въ которой рекомендовалось мочить сѣмена и потому ихъ высушить, и отъ посѣва такихъ сѣмянъ урожай бываетъ отлѣнный.

«Шинимора» сейчасъ же устроилъ у себя на скотной избѣ ящикъ, величиною въ два большихъ корыта,—навелъ тамъ жижицы на мѣшаномъ конскомъ и иномъ пометѣ и велѣлъ въ немъ «зерно макать да просушивать», и тогда только въ амбаръ ссыпать.

Затѣя эта мужикамъ очень не понравилась и показалась глупою, а оттого и руки у нихъ не поднимались, чтобы «добро не знамо въ чемъ мочить»; но дѣлать было нечего—власть господская выше, и мужики своему «шиниморѣ» повиновались, все помочили, обсушили и ссыпали,—амбаръ занерн и ключъ ему принесли и у самыхъ образовъ на стѣнку повѣсили. А «шинимора» сейчасъ же опять велѣлъ заложить свою тройку въ сани, взявъ казачка Валетку и собаку «Интенданта» и поѣхалъ свататься на цѣлую зиму. И выѣздъ этотъ онъ производилъ съ повсемѣстнымъ успѣхомъ, которому очень помогала его «продувная штука», «какъ онъ оплѣлъ мужиковъ».

Оплетаніе же заключалось въ томъ, что яровая рожь, припасенная на сѣмя, была «припоганена» посредствомъ замачиванья ея въ навозной жижи, и что теперь за эту рожь уже бояться нечего, такъ какъ мужики ее, «поганую» отъ мочки въ навозѣ, на снѣдь уже не украдутъ.

— А что же они зимой будутъ ѣсть? —спрашивали майора.

— Сдѣлайте вашу милость!—отвѣчалъ Алымовъ: — объ нихъ, пожалуйста, не беспокойтесь! Они свое дѣло знаютъ. Но я ихъ, впрочемъ, такъ не оставляю: я имъ сказать: «Братцы! вѣдь это всего только до весны... вы до весны какъ-нибудь перебейтесь!» Они, не беспокойтесь: они перебьются!

И всѣмъ это казалось очень забавнымъ: люди съ воображеніемъ представляли себѣ—какъ тамъ у него мужики при-

дутъ къ амбару, гдѣ ссыпана рожь, макаящая въ навозной жиждѣ, и попохаютъ они, чѣмъ пахнетъ, и увидятъ, что рожь есть, а бѣтъ ее цѣлзыи... Вотъ и смѣхъ! Но правда ли?—вотъ они и пойдутъ прочь и «какъ-нибудь перебьются».

Этого человѣка не презирали и не порицали, а напротивъ находили его пининморскій постунокъ очень забавнымъ, и продолжали всюду принимать Алымова и кормить его. Но мы теперь оставимъ майора путешествовать изъ дома въ домъ, а сами посмотримъ, какъ обходились и что выдумывали тѣ, кому было предоставлено: «какъ-нибудь перебиваться».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Передъ Рождествомъ Христовымъ прошла молва, что началось людоедство. Известно, что и въ 1892 году въ деревняхъ объ этомъ пробовали говорить; но теперь писари и старшины читають газеты и знаютъ, что о такихъ событіяхъ пишется, а потому ложь скоро опровергается; но тогда было другое дѣло. Пришелъ кто-то откуда-то и сталъ сказывать, будто бы съ отчаянія и съ голоду люди убиваютъ другихъ людей и варятъ ихъ въ золотыхъ корчагахъ и съѣдаютъ. Но преимуществу такія продѣлки приписывали матерямъ, которыя будто бы дѣлали это изъ состраданія. Глядитъ-глядитъ, будто бы, мать на своихъ дѣтей, какъ они мучатся голодомъ, и заманитъ къ себѣ чье-нибудь чужого ребенка, и зарѣжетъ его, и сваритъ, и накормитъ своихъ дѣтей «убоиною». Указывали даже очень недалекія селенія, гдѣ, будто, навѣрное совершились всѣ такія происшествія, и описывали подробности этихъ случаевъ. Такъ, въ одномъ селѣ, которое было отъ насъ въ десяти верстахъ, одна баба, будто бы, долго терзалась, гляди на томлеіе умиравшихъ отъ голода четырехъ дѣтей, да и говоритъ имъ съ вечера въ потемочкахъ (огня въ деревняхъ тогда много по бѣдности «не свѣтили»):

— Сните, дѣтки мои, голубяточки, и если вы спать будете, то я вамъ завтра сварю убоинки.

Старшая изъ дѣтей этой бабы уже понимала нужду своего бѣднаго жигтя и говоритъ:

— Гдѣ же ты, мамка, возьмешь намъ убоинки?

А мать отвѣчаетъ:

— Это не ваше дѣло: вы уже только засните, а я побѣгу либо у кого-нибудь выпрошу, либо впотьмахъ у волка вырву.

Дѣвочка и раздумалась о томъ, какъ мать будетъ впотьмахъ у волка изъ зубовъ мясо вырывать, и говорить:

— Странно, мамушка!

А баба отвѣчаетъ:

— Ничего не странно: спите! Вотъ какъ вы не спите да голосите, такъ мнѣ это гораздо страннѣе!

А было это какъ разъ въ сочельникъ.

Дѣти же у бабы были погодочки—всѣ малъ-мала-меньше: старшей дѣвочкѣ исполнилось только пять лѣтъ, а остальные всѣ меньше, и самый младшій мальчишка былъ у ней у груди. Этотъ ужъ едва жилъ — такъ онъ извелся, тянувши напрасно изсохшую материну грудь, въ которой отъ голода соедачь и молока не было. Очевидно, что грудной ребенокъ неминуемо долженъ былъ скоро умереть голодною смертью, и вотъ на него-то мать и возымѣла ужасное намереніе, о которомъ я передамъ такъ, какъ о немъ рассказывали въ самомъ народѣ.

Какъ только баба обманомъ угомонила дѣтей и ея старшіе ребятинки уснули съ голоднымъ брюхомъ, она взяла своего грудного мальчика, дрожавшаго въ ветошкахъ, положила его къ себѣ на колѣни и дала ему въ ротикъ грудь, а возлѣ себя положила на столъ хлѣбный ножикъ. Изнуренный ребенокъ, несмотря на свою усталость, взялся за грудь, но какъ молока въ груди не было, то онъ только зацелкалъ губенками и сейчасъ же опять оторвался и зашипалъ... Тогда мать поцекотала у него пальцемъ подъ шейкой, чтобы онъ поднялъ головку, а другою взяла ножъ и перерѣзала ему горло.

Убивъ дитя, она, будто, сейчасъ же положила его въ ночвы, а потомъ разняла въ части, посовала въ горшокъ и поставила въ печку, чтобы мясо сварилось, а «утробку» на загибткѣ въ золѣ сожгла, и ночвы и столъ вымыла, и тогда побудила старшую дѣвочку и сказала ей:

— Вотъ тутъ въ печи стоитъ горшокъ—варится... Въ помѣ, гляди, для васъ полно убонны... достаньте его и все мясушко съѣшьте, ничего не оставляйте. Слышишь ли?

Дѣвочка говорить:

— Мамушка рѣдная! ты зачѣмъ же одна въ кусочки пойдешь, когда у насъ убоинка варена! Съѣшь убоинки!

Но мать только поблѣднѣла и руками замахала:

— Пѣтъ,—говорить.—я не хочу—вы одни ѣшьте!—и съ этимъ толкнула дверь ногой и ушла.

А дѣвочка сейчасъ же высунула емками горшокъ изъ печи, перебудила своихъ младшихъ,—сѣли за столъ и начали ѣсть.

И всего своего брата они сѣли бы безъ остаточка, но только кому-то изъ нихъ къ концу стола попалась пераскинувшаяся въ кипяткѣ ручка или ножка ребенка, и они по этой пожкѣ или ручкѣ узнали, что ѣдятъ «человѣчину»...

Тутъ они бросились бѣжать вонъ изъ избы, но только-что отворили дверь, какъ смотрятъ—мать ихъ въ сѣняхъ виситъ удавившись, подѣвивъ веревку за рѣшетину въ снятой крышѣ.

Въ другомъ же селѣ вышло будто дѣло еще страшнѣе: тамъ будто бы «внучки сѣли свою бабушку».

Обѣ эти новости принесъ въ деревню и рассказывалъ всѣмъ на удивленье и на страхъ сухорукій Ефимъ, у котораго было особенное, очень пріятное положеніе. Его называли «прощеникъ», потому что онъ когда-то, еще при прежнихъ господахъ, сдѣлалъ очень большой грѣхъ: укралъ и одинъ, ни съ кѣмъ не подѣлясь, сѣлъ цѣлый артосъ, и за это онъ былъ три года скорченъ, но потомъ господа ѣздилъ куда-то къ святынѣ и возила этого Ефима съ собой, и онъ тамъ исцѣлился. «Богъ его простилъ»: корча отъ него была отнята, но для памяти о его грѣхѣ у него рука усохла, такъ что работать ему было невозможно. Съ тѣхъ поръ Ефимъ не жилъ осѣдло, а все ходилъ по святымъ мѣстамъ, «молился и презвнцалъ». Ефимъ былъ мастеръ рассказывать, но въ основѣ его рассказовъ часто бывало много вздора и вралъ онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, какъ будто ему и не было прощенья. Точно такъ же онъ навралъ и о сваренномъ ребенкѣ, и о старухѣ, которую сѣли внучки. Но навралъ онъ не все отъ своего ума, а взялъ нѣчто и отъ другихъ людей, среди которыхъ оба эти рассказа сложились энически, и въ основу ихъ фабулы легли нѣкоторыя дѣйствительныя происшествія, которыя въ ихъ натуральной простотѣ были гораздо болѣе ужасны, чѣмъ весь приведенный вымыселъ съ Ефимовой раскраской.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ дѣйствительности было вотъ что: довольно далеко отъ насъ,—версть болѣе чѣмъ за сто,—была деревня, гдѣ крестьяне такъ же голодали, какъ и у насъ, и тоже всѣ ходили побираться кто куда понало. А такъ какъ въ ближнихъ къ нимъ окрестныхъ селеніяхъ нигдѣ хлѣба не было, то многіе крестьяне отбивались отъ дома въ дальнія мѣста и разбредались цѣлыми семьями, оставляя при избѣ какую-нибудь старуху или дѣвочку, которой «покидали на пропитаніе» рѣдкіе собранныхъ «кусочковъ».

Одна изъ такихъ крестьянскихъ семей, удалившись въ поборъ, оставила въ избѣ дѣвочку лѣтъ тринадцати, которую съ собою нельзя было взять, потому что она немогала, и притомъ у нея совсѣмъ не было ни обуви, ни одежды.

Ей «покинули» сколько могли корочекъ и охапки три хворосту, чтобы она могла имъ понемножку топить избу, и оставили ее на волю Божью. Несчастная абандона коротала дни одинокая въ пустой и почти холодной избѣ, для согрѣванія которой было очень мало топлива. Она сидѣла днемъ подъ окошечкомъ, прята какую-то посконь и томилась и отъ голода, и отъ стужи, и отъ немощи, и отъ одиночества, и въ этомъ положеніи ее навѣщала только одна подруга,—такихъ же лѣтъ дѣвочка изъ сосѣдней избы. Разумѣется, и эта дѣвочка была такая же бѣдная, но та, первая—была тихая и покорная, а эта, вторая,—очень бойкая и, какъ увидимъ, слишкомъ предприимчивая.

Она и надѣлала бѣдъ, изъ которыхъ сложились потомъ разнообразныя легенды, ходившія по округу и еще сохраняемыя, можетъ-быть, и доселѣ.

У этой, второй дѣвочки-«озорницы» недавно умерла мать, и отецъ ея отложилъ новую женитьбу «до урожая», а пока онъ самъ уходилъ побираться съ двумя мальчиками, а «озорницу» онъ жалѣлъ таскать, потому что ей было не во что одѣться.

Ей также «покидали кусочковъ и топливца», и она оставалась «при избѣ». А какъ одной въ избѣ сидѣть скучно, то «озорница» приходила скучать къ смиренной сосѣдкѣ.

Вдвоемъ имъ было веселѣе и теплѣе и дни коротать, и ночь спать.

Дѣвочки ладили между собою, цесмотря на то, что рѣзкая, приходя къ тихой, не давала ей покоя и не разъ ее забижала; но это все было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что она одинъ разъ устроила.

Однажды, въ холодный и солнечный день, утромъ, когда обѣ дѣвочки встали,—хворая хозяйка начала набивать хворостомъ печь, а озорница убѣжала «свою избу провѣдать» и долго не возвращалась; но потомъ хворая слышитъ, что кто-то отворилъ дверь, которая вела съ надворья въ сѣни, и сейчасъ же въ сѣняхъ послышалось блеяніе ягненка.

Неможная дѣвочка удивилась, потому что во всемъ ихъ концѣ деревни давно уже ни ноги овечьей въ живыхъ не осталось, и ягненку взятъ было неоткуда. Уцѣлѣло же нѣсколько овецъ только у двухъ «богатѣевъ». но это было въ дворахъ на противоположномъ концѣ деревни. Оттуда сюда забѣжать ягненку было далеко, да и незачѣмъ.

Но, однако, больной ясно было, что у нея въ сѣняхъ есть ягненокъ, и что онъ пришелъ туда не своею охотою, а его кто-то тащитъ и въ то же время запираетъ за собою дверь съ надворья.

Большая стоитъ у печи и смотритъ на дверь, а дверь вдругъ распахнулась и съ клубомъ холоднаго облака врывается въ избу соседняя озорница, а передъ собою толкаетъ маленькаго черненькаго ягненочка.

Большая спросила ее.

— Чей это баранчикъ?

А озорница ей отвѣчаетъ:

— Развѣ не видишь, что мой!?

— Нѣтъ, исправни чей?

— Да вотъ исправни и есть, что мой.

— Чего ты врешь!

— Ничего не вру: въ моихъ рукахъ, такъ, стало-быть, мой. Давай мнѣ, дѣвушка, поскорѣй ножъ—я его зарѣжу!

Та удивилась.

— Что ты,—говорить,—выдумала!.. Уйди ты!

— Ну, какъ же, такъ я сейчасъ и ушла!—поддразнила озорница, и добавила:—Мы эту барашку сейчасъ обдеремъ и спечемъ, и ѣсть будемъ.

А сама увидала въ эту минуту на столѣ хлѣбный ножъ, схватила его, зажала барашка въ колѣни и перерѣзала ему горло.

Хворая было-бросилась, чтобы отнять барашка, да уже поздно было: барашекъ трепеталъ и фыркалъ кровью.

Дѣвочки побранились, и хозяйка хотѣла выгнать гостью вонъ изъ избы вмѣстѣ съ зарѣзаннымъ ягненкомъ; но озорница ея не послушалась и не пошла вонъ, а схватила изъ-подъ лавки рогожу и хотѣла закрыть ею окно, чтобы никто случайно не заглянулъ въ это окно и не увидалъ, что тутъ дѣлается; но едва она зацѣпила на веретено одинъ уголь рогожи, какъ замѣтила, что къ окну снаружи прильнуло дѣтское лицо въ огромной шапкѣ, и шепелявый полудѣтскій голосъ проговорилъ:

— А я все видѣлъ, что вы, сибирьня, сдѣлали!

Робкая хозяйка такъ и замерла, а бойкая виновница всего происшествія дала ей знакъ, чтобы она молчала, а сама закричала на говорившаго:

— Антъ, врешь, ты ничего и не видѣлъ!

— А вотъ же, убей меня Богъ, видѣли!—отвѣчалъ мальчикъ, въ которомъ обѣ дѣвочки теперь могли узнать картаваго хозяйскаго сына изъ того самаго двора, чьего ягненка озорница заколола.

— Ну, а если видѣлъ — такъ скажи: что же ты видѣлъ?..—переговаривалась она, продолжая держать противъ окна рогожу.

— Я видѣлъ, что вы нашего ягненка зарѣзали, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, вотъ ты и врешь!

— Нѣтъ, видѣлъ... я сейчасъ побѣгу и тяткѣ скажу.

Тутъ озорница не стала больше спорить, а перемѣнила тонъ:

— Нѣтъ, ты слушай... ты, хорошій мальчикъ, этого пустого не сказывай!

— Антъ, скажу... Зачѣмъ вы зарѣзали?

— Да на посмотри, барашекъ живъ еще.

— Не ври, не ври! Я видѣлъ, какъ ты на него верхомъ сѣла, да по горлу его полоснула!..

— Ну, а вотъ ноги же, посмотри, — опъ живъ.

— А зачѣмъ онъ не кричитъ?

— А зачѣмъ ему кричать, когда ему хорошо. Бяшка! Бяшка! Инъ, смотри... хвостикомъ махаетъ! Поди посмотри, какъ ему хорошо, — тебѣ и самому такъ захочется.

Мальчикъ хотѣлъ посмотрѣть въ окно, но дѣвочка не отвела рогожи, а упорно звала его въ избу.

— Поди,—говорила она:—поди сюда въ избу... Ишь ты, какой молодчикъ! И чья это только на тебѣ такая шапка ухастая?

— Шапка дѣдкина.

— То-то, ты въ ней ишь... какъ купецъ пригожій. Она у тебя, гляди, въ середкѣ-то еще, должно-быть, пуховая?

— Съ перьями.

— То-то я и вижу, что изъ нея изъ середки перо куриное лѣзетъ... Поди, я тебѣ эту дырку въ шапкѣ иглой зашью.

— Не надобно.

— Отчего жъ такъ не надобно? Иди, дурачокъ,— я зашью.

— Свои бабы зашьютъ.

Дѣвчонка бойко его передразнила:

— «Свои бабы зашьютъ»... Легко ли радость какая въ своихъ бабахъ! Къ намъ иди—у насъ лучше.

— Не надобно.

— Зарядилъ одно: «не надобно!» Иди, говорю тебѣ,— увидишь, что надобно будетъ.

Мальчикъ сталъ водить по снѣгу хворостиною и, замѣчаясь, повторилъ:

— А что будетъ?

— Хорошо поиграемъ съ тобою... Иди скорѣе!

Мальчикъ еще больше заколебался и глухо протянулъ:

— Не надо было барана рѣзать... Зачѣмъ зарѣзала?

— Да полно тебѣ все про одно, дуракъ!.. Иди... я за тебя замужъ выйду, а она будетъ свахою, а потомъ я тебя на ней женю... Иди... хорошо поиграемся.

Маленькая сирена восторжествовала, и еще меньшій сатиръ, въ дѣдкиной шапкѣ на куриномъ перѣ, будто нехоти, поползъ въ двери избы, куда его поманили на обѣщанныя забавы, а чуть только онъ отворилъ дверь и перелѣзъ черезъ порогъ въ дѣдкиномъ треухѣ и съ огромною хворостиною, озорная дѣвчонка сейчасъ же схватила его за руку и говоритъ:

— На-ка, игрунокъ, смотри-ка, гдѣ вапъ ягненокъ-то!

— А гдѣ же онъ?

— Вонъ, вонъ, гляди, онъ сигаеть вверху на полочкѣ!

Мальчикъ этотъ былъ моложе обѣихъ дѣвочекъ, — ему всего было лѣтъ десять, но онъ понималъ, что барашекъ не птица и что ему на полицѣ быть не пристало; однако, мальчикъ поднялъ вверху голову, а дѣвчонка въ ту же се-

кунду нахлобучила ему шапку до подбородка, воткнула ему въ горло ножикъ и толкнула его колѣномъ въ спину такъ сильно, что онъ упалъ ницъ, и ножикъ еще глубже вонзился въ его горло.

Мальчикъ лежалъ ницъ, замирая въ тихихъ, но сильныхъ содроганіяхъ и захлебываясь собственною горячею кровью, которая лилась изъ раны прямо въ шапку и, наполняя ее, быстро задушила его черезъ ротъ и поздри. Онъ не вскрикнулъ и даже не подалъ стопа, и можно сказать — былъ убитъ мастерски, да и самъ себя велъ молодецки: приди сюда поиграть въ мужья, онъ въ самомъ дѣлѣ велъ себя мужественно — не плакалъ и не жаловался на женское предательство, а лежалъ какъ жертва коварства и любви, расшатавъ руки въ-размѣтъ въ разныя стороны и не выпускавъ изъ крѣпко сжатой ладони орѣховой хворостины.

Какъ шель на свиданіе, такъ и умеръ во всей своей пышной представительности.

Больная дѣвочка, увидя такое происшествіе, заголосила и хотѣла выбѣжать изъ избы, но гостыя погрозила и ей пожомъ и сказала:

— Чего ты боишься?.. Онъ самъ наткнулся. Хотѣлъ играть — вотъ и поигралъ... Слушай меня, а то и тебѣ то же будетъ. Пихай больше хворосту въ печь... Мы этого мальчѣнку сождемъ — и знать ничего не будутъ, а барашка спечемъ и поѣдимъ убойны.

Больная дѣвочка, дрожа отъ страха, стала исполнять распоряженія своей гостыи: онѣ съ очень большимъ трудомъ запихали убитаго мальчика въ печь, потому что растопыренныя руки ребенка и хворостина, которую дѣвочки никакъ не могли вырвать изъ окоченѣвшей руки, давали мальчику самооборону; онъ растопырился въ самомъ устьѣ печи и не хотѣлъ лѣзть, такъ что съ нимъ съ мертвымъ пришлось бороться и драться. Только послѣ многихъ трудовъ и усилій его, наконецъ, одолѣли и пропихали въ печь, и завалили его хворостомъ, и зажгли этотъ хворостъ, а потомъ принялись свѣжевать бараша; но дѣло это тоже пришлось имъ не по силамъ.

Чтобы снять кожу съ убитаго животнаго, для этого нужно извѣстное умѣнье, котораго у дѣвочекъ не было, и притомъ онѣ сдѣлали упущеніе, давъ трупъ барашка закоченѣть, послѣ чего освѣжевать его стало еще труднѣе. А потому

онѣ все перенюхали и бросили, а откромсали кое-какъ, вмѣстѣ со шкурою. одну ляжку и принялись ее печь безъ всякой приправы и въ той же самой печи, гдѣ теперь сожигался убитый мальчикъ.

Мальчикъ горѣлъ закинутый въ печь подальше, а баранья ляжка пеклась въ той же печи, только поближе къ устью, и у загиѣтки стояла робкая дѣвочка-хозяйка, подбывая къ огню хворостъ, а озорная гостья убирала хату, т.-е. засыпала соромъ и золою кровь, пролитую на земляной полъ, и металась, не зная куда сбрызнуть съ глазъ долой вынужденную изъ барака утробу.

Въ концѣ она рѣшила закопать ее подъ лавкою, и прилягала за это дѣло.

Простота всѣхъ побужденій и пріемовъ этого двойного и прогрессивно восходящаго преступленія двухъ малолѣтнихъ была изумительна! Обѣ дѣвочки убивали и прятали слѣды своего преступленія чисто по-дѣтски, — точно будто играючи... И пока на дворѣ былъ свѣтъ, онѣ чувствовали себя бодро; но когда короткий зимній день померкнулъ, на нихъ тотчасъ же напалъ страхъ, и онѣ стали соображать, что печку пора бы закрыть и избу «укутать», но этого нельзя было сдѣлать, потому что мальчикъ еще далеко не сгорѣлъ, и казалось, что онъ будто даже и не горитъ, а словно онъ еще живъ, и въ пылавшемъ хворостѣ «ѣжится». Дѣвочки старались избавиться отъ него какъ можно скорѣе и снѣжили набивать въ печь новаго топлива, и не замѣтили, какъ сожгли весь бывший у нихъ запасъ хвороста, и печь угрожала потухнуть; а между тѣмъ въ домѣ, гдѣ пропали баранчикъ и мальчикъ, къ ночи хватились того и другого и начали ихъ искать по дворамъ, при чемъ искавшіе пришли и въ избу, гдѣ были дѣвочки, и преступленіе ихъ было открыто: убитаго мальчика отыскали «по гари», т.-е. по пригорѣлому запаху изъ печи.

Барашекъ былъ еще цѣлъ подъ лавкою, а въ печи подъ лепломъ нашли обгорѣлое туловище ребенка, отъ котораго даже не отпали ни голова, ни оконечности. Дѣвочки во всемъ признались и были отправлены въ острогъ, а изъ того, что онѣ сдѣлали, посредствомъ пересказа изъ устъ въ уста, составила та басня, которую принесъ къ намъ въ деревню исцѣленный Іѳимка.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Другой изъ разсказовъ Ефимки о томъ, будто «внучки живую бабку съѣли», имѣлъ въ основѣ своей иное, трогательное происшествіе: въ вольномъ селѣ Мотыляхъ доживала вѣкъ одинокамъ старушка, которая много лѣтъ провела въ господскихъ и купеческихъ домахъ, въ пняшкахъ, и «нажила капиталъ» — цѣлую тысячу рублей ассигнаціями (т. е. на нынѣшніи деньги около 280 руб.).

Подъ старость ей стало тяжело нинчить хозяйскихъ дѣтей, и она захотѣла уйти «на покой», для чего и рѣшила уѣхать изъ города въ то село, откуда была родомъ, и гдѣ у нея оставались еще какіе-то родственники.

Опытные люди отговаривали ее отъ этого: они представляли ей давно извѣстную опасность, — что тѣмъ, кто жизнь прожилъ въ городѣ, въ старыхъ лѣтахъ возвращаться въ село не безопасно. Про такого человѣка сейчасъ прославятъ, что онъ богатъ или она «богатѣя», и тогда, того и гляди, что кто-нибудь изъ родныхъ «соскучится дожидаться» и «приспѣшитъ смерти»; но старуху предупреждали напрасно — она этого дѣльнаго предостереженія не послушалась.

— Легкое ли дѣло, что у меня за богатство! — разсуждала она. — Мѣстечко у міра выпрошу, сколько-нибудь денегъ на вино для старичковъ испою, а потомъ избенку себѣ поставлю, да коровенку куплю, — вотъ всего ничего у меня и останется на овсяный кисель да на словую домовину... За что меня и убить-то?.. И грѣха взять не стѣиги!

Такъ она и съѣхала изъ Орла, отъ своихъ почтенныхъ купцовъ, на деревню, пропонила старичкамъ три ведерка вина, получила мѣсто для хаты, построила избу, завела коровенку и стала жить.

Старушка была хороша и добрая; она привѣчала всѣхъ и давала отъ своей коровки молочка безкоровнымъ ребятишкамъ, а особенно ласкала дочерей своей племянницы, ихъ которыхъ одна, самая младшая, была ей любимницею.

Эту дѣвочку старушка совѣмъ забрала къ себѣ жить и общала отказать ей по смерти своей и избу, и корову, и «все богатѣйство».

А сколько было того «всего богатѣйства», — то было не считано и «не смѣтно».

Когда настала голодный годъ, къ старушкѣ стало при-

ходить такъ много ребятишскѣ, что она не могла уже всѣмъ имъ дать молока отъ своей коровы. Треть-четыре дать, а больше и нѣтъ, — и самой похлебать ничего не оставалось. Не привыкла старушка отказывать, да дѣлать нечего — поневолю отказываетъ, и бѣдные ребятишки отходятъ съ пустыми ладонями... А такіе они все жалкіе, испытые, даже и не плачутъ, а только глядятъ жадно... Думать о нихъ больно. И не знаетъ старушка, какъ ей быть и какъ между всѣми молочко дѣлить...

Но вдругъ все это ея затрудненіе сразу покончилось: въ одну изъ темныхъ зимнихъ ночей, передъ праздникомъ, кто-то увелъ изъ сѣней ея корову, и слѣды ея на улицѣ съ другими такими же слѣдами попутались, и стало негдѣ искать коровы.

Старуха не согласилась и явку подавать, — сказала:

— Боюсь я, не поклепать бы невиннаго!

Говорили ей, будто коровка ея по частямъ разнята и солится въ корчагахъ на большой дорогѣ у постоялаго дворика, но старуха таки - выдержала себя — не жаловалась.

Щуныли ее и племянники, и попъ при встрѣчѣ ей выговаривать, что нехорошо не заявлять, — что «кто вору по-такаетъ, тотъ самъ если и не тать, то на ту же стать»; но старушка все отвела тѣмъ, что «Богъ все знаетъ, — а она не письменная!»

Теперь она осталась при одномъ киселѣ и не уставала киселемъ дѣлиться, но и это по тогдашней всеобщей нуждѣ много значило, и стало это безпокоить старушкину племянницу.

— Кормить-де она мою дѣвочку и общала ей отказать избу и корову, а вотъ коровы уже и нѣтуті. Того гляди, то же самое выйдетъ и со всѣмъ ея богатствомъ. Все она истравитъ на чужихъ ребятъ, а тогда мнѣ съ моими дѣтьми ужъ ничего и не останется... Лучше бы она, старушка, сдѣлала, если бы теперь поскорѣй померла!.. Чего ей?.. вѣдь ужъ пожила! А то все будетъ жить да раздавать, и раздастъ все такъ, что послѣ, какъ помретъ, то и поцу за похороны дать будетъ нечего, — еще съ нею съ мертвою-то тогда и наплачешься.

И стала племянничка о своей теткѣ все больше печалиться и даже начала говорить ей:

— Ты то вздумай-ка, бауныка, что ты вѣдь уже старь-человѣкъ...

— Стара, дитятко!

— Гляди, ужь тебѣ еще немного на свѣтѣ маяться.

— День мой—вѣкъ мой, касатка.

— То-то и есть, а осталось бы, на что тебя схоронить и чѣмъ помянуть.

А старуха вдругъ оказалась невозмутимо беззаботною.

— И-ихъ-ма!—говоритъ:—есть про что сгадывать! Умру, такъ похоронять, наверху земли валяться не оставятъ!

Такъ солдаткѣ и не удалось унять старуху отъ того, чтобы она никого чужихъ дѣтей не привѣчала, а благодѣтельницаствовала киселемъ только однимъ солдаткинымъ дѣтямъ, и задумала солдатка поправить это на другой ма-неръ,—пришла къ старухѣ въ сумерки и стала опять пла-каться:

— Ходила, — говоритъ, — я нынче весь день, — страсть какъ иззябла вся: въ трехъ деревняхъ была, а трехъ лом-тей жмыховаго хлѣба не выпросила... Вездѣ говорятъ: «Богъ подастъ,—сами втроемъ въ поборъ ушли...»

— Тяжко, болѣзная! — отозвалась старушка.—Всѣмъ равно сослано понѣ тяжко отъ Госнода!

А солдатка отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, бауныка, не всѣмъ равно,—вотъ у тебя еще есть!

— Да; пока еще малость есть... да ужь теперь... оста-лось немножечко.

— Что это?.. Денежекъ, что ль, останеся-то у тебя не-множечко?

— Да-а... денежекъ!.. Немножечко!

— А что же ты будешь дѣлать, когда все сойдетъ?

— Когда все сойдетъ-то, что буду тогда дѣлать?

— Да.

— А не знаю еще... не думала.

— Какъ же такъ!.. Надо думать... смерть-то вѣдь за плечами!

— А знамо дѣло, что за плечами; да что думать-то... думать-то нечего! Ничего, касатка моя, не выдумаешь... Только и есть на свѣтѣ всѣхъ помогаевъ, что одинъ Го-снодь-Ватюшка... Онъ же вѣдь зато и милостивъ!.. И-и-ихъ сколь милостивъ!.. Можетъ, Онъ дастъ... по своей милости, еще и такъ со мною сотворить, что я еще всего и что

есть, и того не доѣмь, а Онь и по мою по душу пошлетъ,— вотъ ничего думать тогда и не стоить.

— Это хорошо, бабушка, какъ помрешь!

— А то что жь!.. И то и говорю... Богъ съ милостью! Онь создастъ хорошо: помру, и ничего мнѣ не надобно!

— А если какъ все изведешь да не помрешь?

— Ну, такъ что жь такое: я тогда себѣ средство найду.

— А какое же теперь средство, когда изъ всякаго двора всѣ сами въ поборъ тронулись, и не зная, у кого можно корку выпросить.

— Ну, это такъ только въ деревняхъ въ однѣхъ... издыхаютъ-то!.. да!.. въ деревняхъ въ однѣхъ... А въ городахъ-то, касатка, не такъ... тамъ хлѣбъ-то есть у купцовъ... Тамъ припасено у купцовъ-то... всего... гляди-ко сколько!..

— Что жь ты, въ городъ, что ли, хочешь?

— А что жь! въ городъ сойду... Къ хозяевамъ-то къ старымъ приду, да и попрошусь на кухнѣ жить... Пустить!.. Неужли-таки выгонять?! Чай, не выгонять... Проживу, пока надобно.

— То-то,—отвѣчаетъ солдатка:—вотъ оттого ты такая и щедрая, что тебѣ хорошо.

— Да,—говоритъ старуха:—мнѣ, касатка, всю жизнь мою все жилось хорошо. И не щедрая, а... хорошо мнѣ.

— А намъ-то вотъ худо, а не хорошо.

— Потерпѣть надо, касатушка! Нонче всѣ терять... Голодный годъ насталъ!

— Поди-ко ребята-то воютъ, такъ не утерпишь... и самому ѣсть хочется... въ животъ какъ веретеномъ сучить... Намъ хуже собакъ... тѣ надо лонаютъ, да еще насъ за лытки рвутъ... Вонъ меня укусили всю!

— Надо съ палочкой.

Тутъ истерѣливая племянница на тетку и осердилась, что та все ей совѣты даетъ, когда той такъ горько жить!

— Перестань,—говоритъ,—ты мнѣ тоску отводить; черезъ эти твои слова еще хуже мнѣ; вѣдь у насъ знакомыхъ купцовъ нѣтъ, намъ идти не къ кому, а ты вонъ еще мою дѣвчонку всю избаловала.

— Ну, зачѣмъ пустое говорить: чѣмъ я ее избаловала?

— Какъ же чѣмъ?.. все ее чистымъ хлѣбомъ кормила и побираться не пушала!

— Что-жь, гдѣ ей побираться, когда она махонькая!..

А ты ее отпусти со мной: я и ее съ собой въ городъ сведу... у меня есть тамъ хозяева добрыс... мои вынильчениые; они велить намъ съ ней и вдвоемъ жить... будемъ вдвоемъ садиться съ прислугами.

— А другія-то мои дѣтушки мнѣ, думаешь, развѣ не жалобны?—говорить солдатка.

Тутъ старунка и задумалась.

— Другія! — говорить: — Да... вотъ то-то и есть... Еще и другія есть!

Развела руки и опять задумалась, и стала сама къ себѣ втишь приговаривать:

— Охъ, охъ-охъ-охъ!.. Одни да и другія есть... да и много ихъ... Вотъ и горюшко! А что сдѣлать-то?

А солдатка, не долго думая, отвѣчаетъ ей:

— А ты не знаешь, баунька, что сдѣлать?

— Не знаю, касатынька.

— Вотъ то-то и оно.

— А ты развѣ знаешь что-нибудь?

— Я знаю.

— Такъ ты скажи.

Солдатка задумалась, словъ у нея не находилось для выраженія того, что она придумала.

И старунка молчить.

Тягостно-тягостно стало въ темной избѣ, какъ будто сатана взошелъ.

Старунка вздохнула и сказала:

— Встань-ка, касатка, подойди къ печкѣ, вздуй огня.

А племянница ей грубо отвѣтила:

— А па что тебѣ огонь,—вовсе не надобно.

— Какъ же не надобно... темно совсѣмъ.

— Ну, такъ что жъ, что темно?... Нонче... всѣ безъ огня... Ложися спать, баунька!

— Да зачѣмъ же такъ... внотьмахъ... Надо стать Богу помолиться.

— Ну, и помолись, баунька.

Та не поняла или не разслышала и переспросила:

— Что, матушка?

— Помолись, говорю, баунька.

— Да что ты меня торонишь — придетъ часъ, такъ и помолюсь.

— Итъ, баунька, часъ ужъ пришелъ—скорѣй молись.

— Да что ты пристала!.. Я стану ложиться спать—помолюсь... Ступай-ка домой, а ко мнѣ дѣвку ночевать пошлай, мы съ нею станемъ ложиться спать и помолимся.

Тогда солдатка видитъ, что бабушка безтолькова, и потому ей еще менѣе причины оставаться въ живыхъ, и сказала ей на чистоту:

— Нѣтъ, ты къ себѣ мою дѣвку не жди, она не придетъ.

— Отчего не придетъ?

— А оттого, бауныка, что къ тебѣ твой конецъ пришелъ. Если не хочешь молиться—такъ и такъ будь тебѣ легкая смѣртушка.

Старуха стала приподниматься и спросила:

— Что?..

— Прощай, бауныка!—Солдатка всхлинула, обняла старуху, поцѣловала ее и сказала:

— Теперь помирай!

— Что ты это... я не хочу!—и старушка безсилно замахала руками.

— Нѣтъ, ужъ все одно... помирай!

И съ этими словами солдатка опрокинула «бауныку» на ее же кровать, накрыла ей лицо подушкою, да надавила своей грудью полегонечку, но потомъ сама вдругъ громко вскрикнула и начала тискать старуху безъ милосердія, а руками ее за руки держала, «чтобы трепетанія не было».

(Такъ это все съ больною подробностью сама солдатка рассказала при слѣдствіи).

«Бауныка» послѣ этого почила скоро, а убійцею сейчасъ же былъ сдѣланъ въ имуществѣ убитой самый внимательный розыскъ; но «всѣхъ денегъ» у богачихи въ шерстяномъ нагленкѣ въ коробѣ найдено полтора рубля, и больше ничего у этой богачихи не было.

Въ этомъ и заключались ее «всѣ деньги», о которыхъ она съ обстоятельностью разсуждала за пару минутъ до опредѣленной ей «легкой смѣртушки».

Но смѣртушка бауныки, какъ ни старалась ее облегчить добрая племянница, — все-таки, видно, трудновата приплась ей.

Когда разсвѣло на другой день, солдатка взяла съ собою любимую внучку покойной и пошла вмѣстѣ съ нею навѣстить бабушку, и нашли ее, разумѣется, мертвою, а лицо у

нея синее и руки въ пятнахъ, а глаза выпучены и языкъ наружу, длиннѣй Аллилуева.

Дѣвчонка какъ увидала это, такъ сейчасъ затряслася и замерла, а мать говорить ей «не своимъ голосомъ»:

— Ничего не шкни... убью!.. Говори: гдѣ у нея были пожницы?

Дѣвчоночка, дрожа, показала молча ручонкою на коробью, въ которую уже вчера еще лазила солдатка за деньгами.

Теперь она опять открыла эту коробью, въ которой было все перерыто, и перебросавъ еще больше лежавшія тамъ ветонки и тряпочки, нашла на днѣ коробки безручныя пожницы, которыми стригутъ овецъ, и, схвативъ ихъ въ дрожавшія руки, подошла къ мертвой и отрѣзала у нея выдающійся конецъ языка; но отъ этого языкъ наружѣ какъ будто нисколько не уменьшился, а только сталъ еще безобразнѣе.

Солдатка взглянула на свою работу, взяла за руку дѣвочку и пошла къ сотекому, — вошла тихо, помолилась на образъ и сказала:

— Вяжи мнѣ руки!

— Что тебѣ, дура, попритчилось, что ли? — спросилъ сотекій.

— Нѣтъ, вяжи руки: я бабку убила.

— Врешь на себя!

— Нѣтъ, не вру, — отвѣчала солдатка и, сѣвши на лавку, раскрыла свою грудь и сказала: — На-ко-сь, глядите-ка — вотъ онѣ тичочки... Это когда я ее вчера душить стала, такъ она меня зубами за титьку тиснула.

Тогда пошли и удостовѣрились, и увидали, что солдатка говорила правду, и связали ей руки, и увезли ее въ станъ, а оттуда — «куда дѣла требуютъ».

Черезъ годъ ее били кнутомъ въ Орлѣ на Ильинской площади. Она была еще молоденькая и очень хорошо сложенная. Ей дали пятнадцать ударовъ и растерзали ей до кости все бока и спину, но она не потеряла чувствъ и за каждымъ ударомъ вскрикивала: «Понапрасно страдаю!» А когда ее сняли съ деревянной кобылы и она увидала на своей свиткѣ набросанныя мѣдныя деньги, то заплакала и сказала:

— Не надо мнѣ ничего, сонлите все въ деревню на церковь.

О дѣтихъ своихъ она, можетъ-быть, позабыла.

И такихъ преступленій, поразительныхъ по несложности ихъ замысловъ и по простотѣ и холодности ихъ выполненія, было слышно очень много, и очень значительное число ихъ осталось неизслѣдованнымъ и даже неизвѣстнымъ даже своего околотка. Становые пристава за всѣмъ услѣдить не могли; «корреспондентовъ» тогда еще не водилось, а въ губернскихъ вѣдомостяхъ всѣ новости состояли изъ распоряженій начальства о перемѣщеніи и увольненіи чиновниковъ и, въ видѣ особенно интересныхъ случаевъ, объ отдачѣ ихъ подѣ судѣ.

Особенно поразительна была холодность и какая-то легкомысленная жестокость въ дѣйствіяхъ, затѣвавшихся съ голода. Въ сосѣдствѣ съ нами, селѣ пастухъ Игнанка съ подпаскомъ, напримѣръ, захотѣли «ѣсть убойну», и съ этой цѣлью сами, вдвоемъ, отлучили одну исправную тѣломъ овцу отъ стада и сволокли ее въ лѣсной оврагъ, чтобы тутъ зарѣзать и начать ее ѣсть; а на деревнѣ сказать, что ее волкъ съѣлъ. Но, спустясь въ оврагъ, они вздумали, что всей овцы имъ за одинъ день не съѣсть, а недоѣденное мясо протухнетъ и пропадетъ даромъ. Тогда они порѣшили овцу не зарѣзывать, а связать ее и *отрѣзать* у нея у живой столько мяса, сколько имъ на день нужно, а остальная овца пусть лежитъ и дожидается. Они такъ и начали, — отрѣзали у живой овцы «четверть», спекли ее и съѣли, а остальное оставили въ оврагѣ, — а сюда пришелъ въ самомъ дѣлѣ волкъ и прекратилъ терзательныя мученія овцы, и сволокъ и сожралъ ее всю безъ остатка, а пастухи, не найдя овцы на другой день, заподозрили другъ друга въ кражѣ, подрались и другъ друга выдали. Игнанку прозвали «живорѣзомъ».

Женскій полъ, какъ замужня, такъ и незамужнія, продавали свои труды ни по чемъ: въ услуги или на работу поденно охотно набивались «изъ-за прокорму», но и на этихъ условіяхъ въ деревняхъ мѣста нельзя было найти. Духовенство набрало себѣ безплатныхъ батраковъ и батрачекъ, но только въ потребномъ числѣ, а предложеніе услугъ было безгѣрно. Цѣна же женскихъ издѣлій была невѣроятная: «конецъ холста» продавали за полтину мѣдью (7 аршинъ за 14 копѣекъ), «пчатонокъ пряжи» — за мѣдную гривну (3 коп.), и фунтъ хлѣба стоялъ 3 коп. Покупали все это грабительскимъ образомъ торгаша, которыхъ назы-

вають «кошатниками» или «кошкодралами». Они покупають кошекъ и тутъ же ихъ убиваютъ о колесную шину телѣги или о головашку саней. Цѣна кошки черной и сѣрой — гривна, а пестрой — пятакъ мѣди. Этимъ же кошкодраламъ бабы и дѣвки тогда продавали «свою дѣвичью красу», т. е. свои волосы, и весьма часто свою женскую честь, цѣна на которую, за обиліемъ предложенія, пала до того, что женщины и дѣвочки, иногда самыя молоденькія, предлагали себя сами, безъ особой приплаты, «въ придачу къ кошкѣ». Если кошатникъ не хотѣлъ брать дрянную кошку, то продавищица стонала: «купи, дяденька, хороній мой: я къ тебѣ въ сумерки къ колодцу выйду». Но кошатники были этимъ добромъ изобильны, и не на всякую «придачу» льстились; они цинически разсказывали, что имъ теперь хорошо, потому что «кошка стѣитъ грошъ *вмѣстѣ съ хозяйкою*». Кошачья шкура была товаръ, а хозяйка — придачею. И этотъ взглядъ на женщину уже не обижалъ ее: обижаться было некогда; мученія голода были слишкомъ страшны. Съ этимъ же взглядомъ осваивались и подростки-дѣвочки, которыя отдавали себя въ такомъ возрастѣ, когда еще не переставали быть дѣтьми... Вообще крестьянскія женщины тогда продавали свою честь въ нашихъ мѣстахъ за всякую предложенную цѣну, начиная съ мѣдной гривны, но покупатели въ деревняхъ были рѣдки. Болѣе предприимчивыя и приглядныя бабы уходили въ города «къ колодцамъ». И у себя въ деревняхъ молодыя бабы выходили вечерами постоять у колодцевъ, — особенно у такихъ, на которые подворачиваютъ проѣздомъ напонтъ коней обратные ямщики, прасолы или кошкодралы, и тутъ въ сѣрой мглѣ повторялось все то, чтѣ было и въ оны дни у колодца Лаванова. Здѣсь взаимно омрачала другъ друга и старость, и юность, и все это буквально за то, чтобы «не околѣть съ голода»... Не могу теперь ясно отвѣтить, почему сельскія женщины и въ городахъ мѣстами своихъ жертвоприношеній избирали «колодцы», у которыхъ онѣ и собирались, и стояли кучками съ сумерекъ. Можетъ-быть, въ другихъ пунктахъ ихъ прогоняли горожанки. Особенно въ этомъ отношеніи въ Орлѣ прославились крытые колодцы у Миханла Архангела и Плаутинъ. Кромѣ того, множество женщинъ ютилось по пустымъ баркамъ, зазимовавшимъ во льду между Баннымъ мостомъ и мужскимъ монастыремъ и его слобод-

кою. Срамъ это былъ открытый, но его какъ-то не вмѣняли въ преступленіе. Старшія семьянины не только отпускали молодыхъ на вѣдомое дѣло, но еще склоняли къ тому, говоря: «чего такъ-то сидѣть: надо сойти въ городъ у колодца *раздобыться*». А молодыхъ не нужно было много уговаривать: правила ихъ всегда были шатки, а голодъ — плохой другъ добродѣтели. Молодайки уходили, мало таясь въ томъ, на что онѣ надѣются, и бойкія изъ нихъ часто прямо говорили: «чѣмъ голодать — лучше срамъ принять». Когда онѣ возвращались отъ колодцевъ, ихъ не осмѣивали и не укоряли, а просто рассказывали: «такая-то пришла... въ городу у колодца стояла... развѣлась — стала гладкая!» *)

*) Чтобы имѣть ясное понятіе, какъ относились къ этому «миръ», стоить припомнить, какъ относились къ своему «стоянію» тѣ, кто претерпѣлъ его ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ. Когда я посѣтилъ родныя мѣста года черезъ три послѣ благословеннаго дня «освобожденія», мнѣ привелось посѣтить съ однимъ изъ мировыхъ посредниковъ прекрасную сельскую больницу, въ которой «но усердію» трудилась въ черныхъ работахъ пожилая женщина, очень крупнаго роста, по имени Стеха. Она же ходила и на деревню «обмывать мертвыхъ», тоже не по нуждѣ и не за плату, а «по усердію». Ей было уже лѣтъ за пятьдесятъ и она была сильна, велика и смахивала немножко на мужика. У нея на деревнѣ было свое хозяйство — дворъ, скотина, земли, дѣти и внуки, и даже, кажется, правнуки. Пользовалась она у всѣхъ почетомъ, — говорили о ней: «Стеха души не убьетъ, — Стеха не совретъ, — Стеха справедливая». И всѣ знали, что она «угождаетъ больнымъ» и «покойниковъ» убирать только для Господа, а ея душа чиста, какъ стаканъ сѣтителъ». А эта самая Стеха, — несомнѣнно имѣвшая всѣ тѣ добрыя качества, которыя ей приписывали, — рассказывала мнѣ о голодномъ годѣ при своей пожилой уже дочери и при взрослой дѣвушкѣ и внучкѣ, «ничего не прибавляючи и не отбавляючи», и въ этомъ рассказѣ прямо о всѣхъ своихъ сверстницахъ и о себѣ говорила: «всѣхъ насъ, милый, восемь бабенковъ молоденькихъ было, и всѣхъ насъ кошкодрамы у колодца уговорили: «поѣдьте, говорить, мы васъ въ Орель свеземъ, тамъ у колодцевъ лучше здѣшняго». — «Мы всѣ, дуры, и повѣрили, и пошли, а хорошаго только и было, что прокормились; ну, да вѣдь тогда большаго-то грѣхъ было и спрашивать». О нравственной сторонѣ «инцидента» Стеха будто вовсе не думала, а когда я наклонилъ вопросъ въ эту сторону и побудилъ ее выразить свое мнѣніе, — она поконала веретенкомъ подъ головною повязкою и сказала: «Что говорить-то! Вѣдь голодная смерть страшнѣй сраму... Все же лучше было шкуру свою продать, чѣмъ душу».

А ужъ что она разумѣла подъ продажей души — этого я не знаю.

О достоинствѣ взглядовъ этой женщины я вообще не могу и не хочу судить, потому что боюсь какъ бы не согрѣшить передъ Стехой и другими ей подобными грѣшницами болѣе тяжело, чѣмъ вѣсить всѣ ихъ согрѣшенія передъ «Могущими спасти всѣхъ» (Іак. IV).

Кромѣ «гладкости» или сытости тѣла, ничто другое не принималось и въ соображеніе. Всѣ высшія цѣли бытія человѣческаго словно перестали существовать.

У насъ была молодая баба Калерка или Холерка (настоящее имя—Калерія). У нея была прегнусная свекровь, которая «ее сбила въ городъ», и она пошла «у колодцевъ стоять», но ей такъ не повезло, что она ни добычи домой не принесла и сама не «послажѣла», а напротивъ «гнить стала» и сидѣла всею на ужасъ въ погожіе дни на пыльной дорогѣ, *безъ языка*, издавал странную вошь и шипѣше вмѣсто крика... Ей бросали корки издали, какъ злой собакѣ, и отбѣгали, закрывая себѣ носъ. А сказу о ней было только, что она «въ голодный годъ у колодца стояла». Эта Холерка наконецъ задавила себя поясомъ.

О такихъ дѣлахъ, бывало, все «доводятъ господамъ», но больше только для новости и пріятнаго развлеченія,—какъ фельетоны.

Въ большомъ напряженіи чувства мы пережили рождественскіе праздники и, зайдя за Крещеньевъ день, стали чувствовать, что нашей унылости какъ будто брезжится край. И почувствовалось это по весьма неважному и даже незначительному обстоятельству: отецъ спросилъ старосту:

— Что, Дементій, не слыхать ли чего новаго?

А староста, который давно давалъ мрачно одинъ отрицательный отвѣтъ, на этотъ разъ отвѣчалъ:

— Да вотъ на Поповкѣ есть будто новость!

— А что тамъ такое случилось?

— Да вотъ Меркуль оттуда заѣзжалъ и сказывалъ, что къ нимъ новый дьячокъ присланъ.

— Это на Аллилуево мѣсто?

— Да, во его званіе.. И еще не совсѣмъ придѣленъ, а только приукаженъ, для просмотра, отъ отца Иннолита.

(Имя «Иннолито» для крестьянскаго произношенія было трудно, и они находили удобнѣе приставлять И.).

Отецъ спросилъ:—хорошъ ли новый дьячокъ?

А Дементій отвѣчалъ:

— Ничего; Меркуль сказывалъ — свистулой поетъ, по вопче, по благословію надо полагать, что не важный.

— А почему?

— Да ужъ если не сразу придѣленъ, а на время приука-

женъ, для прісмотрѣнія должности, такъ стало-быть подъ владычнымъ сумлѣніемъ.

А черезъ нѣсколько дней тотъ же Дементій уже по собственному почину сообщилъ:

— Новый духовенный-то... я вамъ сказывалъ?

— Что же такое?

— Ничего не стѣищій.

— Отчего?

— Совсѣмъ нутопясь!

— Да отчего?.. Что значить нутопясь?.. очень проворень, что ли?..

— Точно такъ. Пашкой звать.

— Отчего же ты его зовешь Пашкой, а не Павломъ?

— Не стѣищъ онъ полнаго званія.

— Да чѣмъ же онъ такъ плохъ?

— Совсѣмъ никуда не годится.

Обстоятельство было не важное, а стало интересно, что за молодецъ къ намъ прибылъ «во мѣсто Аллилуя» и какое онъ займетъ у насъ «прідѣленіе»?

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прибывшій «во мѣсто Аллилуя» Павлушка-дьякъ былъ оригиналъ и всего менѣе человѣкъ «духовенный», — оттого онъ по свойствамъ своимъ такъ скоро и получилъ соответственное прозваніе «Нутопясь». Онъ былъ столь бѣденъ, что казался бѣднѣ всѣхъ людей на свѣтѣ, и по словамъ мужиковъ—пришелъ «не токма что голый, но ажно синій», и еще онъ привелъ съ собою мать, а въ рукахъ принесъ лубяной тузокъ да гармонію, на которой игралъ такъ, что у всѣхъ, кто его слушалъ, — ноги сами поднимались въ плясъ.

Имущества у него не было никакого и денегъ ни гроша. Причтъ не зная, куда его дѣтъ, и помѣстили Павла и его мать въ тѣсной сторожевой избушкѣ, вмѣстѣ со сторожемъ.

Мѣстными дознаніями было открыто, что Павлушкина мать была когда-то дьячихою, а потомъ ходила въ городѣ по стиркамъ, а иногда просила милостыни. Павелъ былъ ею воспитанъ въ тяжкой долѣ и могъ бы, кажется, постичь жизнь, но не удался, — «все клонилъ къ легкомысленности» и за то былъ исключенъ изъ третьяго класса и долго болтался «безъ прідѣленія», и теперь онъ еще не былъ совсѣмъ

опредѣленъ «во мѣсто Аллилуя», а пока только былъ еще временно приукаженъ, что выходило въ родѣ испытанія.

У насъ, впрочемъ, все сразу стали увѣрять, что изъ этого приукаженія ничего и не выйдетъ, потому что за очевидныя Пашкины малодушества отецъ Инполитъ непременно «въ отзывѣ его опорочить».

Павлуша и въ самомъ дѣлѣ «не потрафлялъ»: онъ читалъ скверно, невнятно и «скорохватомъ», и все «посищалъ на лукаваго». Начнетъ «Отче нашъ» и зачастую такъ, что ничего нельзя разобрать, пока придетъ «отъ лукаваго». Такъ же и «Иже на всякое время» и прочее— все онъ «читалъ безъ понятія», но пѣть могъ, только гораздо охотнѣе пѣлъ свѣтское пѣніе, чѣмъ «духовное», и любилъ шутки строить надъ старшими.

На это сторожъ жаловался его матери, но та отвѣчала, что у него такой же былъ и отецъ, который былъ на хорошемъ мѣстѣ, а зашутился и пропалъ безъ вѣсти— слѣдовательно Павлу ужъ нечего и думать, чтобы удержаться.

Павлушина мать была стара и имѣла пляску св. Вита, отчего она дергала лицомъ и при каждомъ судорожномъ движеніи издавала звукъ «фиг! фиг!».

За это ее называли «Фалтея».

О Павлушѣ скоро дошли до насъ вѣсти, что онъ очень веселый, и велѣдъ затѣмъ мы очень скоро убѣдились, что это правда.

Между нашею деревнею и деревнею майора Алымова (въ верстѣ отъ алымовской усадьбы) стоялъ одинокій дворъ однодворца Луки Кромсаева, или попросту Кромсая. Кромсай этотъ подъ нѣкоторою личиною степенства и скромности былъ настоящій «шельма мужикъ» или «воръ-мужикъ»: онъ умѣлъ изъ всякаго положенія извлекать себѣ выгоды и жилъ скупо и одиноко, держа свое семейство въ «страхѣ Божіемъ», т. е. колотилъ всѣхъ чѣмъ ни пошло.

Онъ шинковалъ водочкой и бралъ подъ залогъ разныя вещи, отчего у него можно было найти кое-что такое, чего въ деревнѣ у другаго не встрѣтишь. Такъ, между прочимъ, у него оказалась гитара, которая пришла къ нему давно и неизвѣстно откуда, и которую онъ давно не могъ никому «придѣлать»; но съ того момента, какъ Кромсай увидѣлъ Павла-дьячка, гитарашла себѣ «придѣленіе».

Кромсай послушать игру Павла на гармоніи и сказать, что эта игра пристала кучерамъ, либо наемщикамъ, а что у него есть «струментъ»—гитара,—такъ вотъ это ужъ можно сказать что струментъ благородный—и притомъ онъ отдасть его Павлу въ долгъ и за-дешево.

Пустоплисъ сейчасъ же этимъ соблазнился—пошелъ къ Кромсаю и взялъ гитару, на которой еще уцѣлѣли четыре струны. Павлуша подстроилъ, какъ зналъ, эти четыре струны и заигралъ сначала у Кромсаю, а потомъ, проходя мимо насъ, зашелъ въ людскую и тамъ привелъ всѣхъ въ восторгъ своею игрою и поддѣвками.

Дѣвушки донесли матушкѣ, что онъ «такія штуки дѣлаетъ, что и смотреть нельзя».

А какъ мы тогда всѣ уже очень наскучались, то вѣсть о веселомъ человѣкѣ показалась намъ заманчивою, и Павлуша-дядюшкѣ былъ приглашенъ въ комнаты, гдѣ, дѣйствительно, произвелъ очень значительныя вещи, которыя должны были свидѣтельствовать о его большихъ дарованіяхъ.

Онъ пѣлъ много веселаго и заунывнаго, и наконецъ дать цѣлое представленіе во вкусѣ братьевъ Давенпортовъ, славу которыхъ онъ могъ бы упредить за цѣлыя сорокъ лѣтъ.

Павлуша, между прочимъ, представилъ у насъ съ гитарой комическую сцену, имѣвшую соотношеніе съ претерпѣваемымъ бѣдствіемъ, т. е. съ голодомъ,—и тѣмъ «заставилъ самое горе смѣяться». Для этого онъ сѣлъ въ темнотѣ концѣ комнаты на стулъ, взялъ свою гитару о четырехъ струнахъ и велѣлъ покрыть себя простынею.

И чуть только его укрыли, какъ онъ требовалъ, такъ сейчасъ же изъ-подъ простыни запѣли два человѣка: сначала пѣла очень слабая и печальная старушка, а ей сразу бойко отвѣчалъ веселый старичокъ.

Старушка выгвѣвала подъ грустный аккомпанементъ:

«Дѣдушка-а, Си-идоръ Карпови-ичъ!
Да когда-жь ты буде-ешь уми-рять?»

А дѣдъ превесело отвѣчалъ совсѣмъ другимъ голосомъ:

«Въ середу, бабушка,—въ середу,
Въ середу, Пахомьевна,—въ середу!»

И дѣдъ не только пѣлъ, но онъ присвистывалъ и при-

пцелкивалъ перстами, а бабка начинала хныкать и опять заводила:

«Чѣмъ теби помина-ать?»

Дѣдъ отхватывалъ:

«Блинками, бабушка,—блинками,
Блинками, Пахомьевна,—блинками!»

И тутъ дѣдъ притопывалъ и соловьемъ свистѣлъ, а баба со слезами спрашивала:

«Гдѣ мучицы взять?»

Дѣдъ училъ:

«По-міру, бабушка,—по-міру,
По-міру, Пахомьевна,—по-міру».

И, разрѣшивъ эту задачу, дѣдъ хохоталъ и заливался, а когда старуха пропѣла съ ужасомъ, что «по міру собаки злы», то дѣдъ уже выбивалъ по гитарѣ трепака, а самъ пѣлъ:

«Съ палочкой, бабушка,—съ палочкой,
Съ палочкой, Пахомьевна,—съ палочкой!..»

Это Павлушино представленіе всѣхъ разутѣшило и сразу же завоевало ему у насъ всеобщее благорасположеніе, въ силу котораго съ этихъ поръ въ нашемъ домѣ начали Павломъ интересоваться и угощать его.

А онъ къ намъ «на привѣтъ» заходилъ и принесъ съ собою нѣсколько веселыхъ минутъ, съ которыми мы, сиди въ сугробахъ и слыша однѣ жалобы на голодъ, совсѣмъ было-раззнакомились.

Павель принесъ первое обновленіе въ замершую жизнь, и бывалъ онъ у насъ нерѣдко, потому что съ того случая, какъ приобрѣлъ гитару, онъ сталъ все ходить къ Кромсаю, и это моему отцу показалось не хорошо, и онъ сказалъ Павлушѣ:

— Ты, Кромсая, смотри, берегись!.. Кромсай — воръ-мужикъ!

Но Павлуша за Кромсая заступался и говорилъ, что онъ его «дуриному не научаетъ». И у нихъ съ Кромсаемъ завязалась тѣсная дружба, а къ тому же въ посту на Кромсая нашло благочестіе и рачительство: онъ пришелъ къ священнику и сказалъ, что вотъ у нихъ дома ни у кого хлѣба нѣтъ и муки къ Благовѣщенью собрать не у кого, и того гляди опять въ этотъ годъ придется безъ просвяръ сѣять; а потому Кромсай надумалъ—бѣхать на своей ло-

пшадн къ роднымъ, въ сытныя мѣста, и тамъ муки попросить, а ксати самому въ городѣ отъ куричьей слѣпоты и отъ вередовъ лѣкарства попросить. Но какъ собирать муку на просфоры есть дѣло церковное, то Кромсай просилъ отпустить съ нимъ «во свидѣтеляхъ» дьячка Павла. Священникъ на это согласился, и они поѣхали вдвоемъ «въ сытныя мѣста» на четвертой недѣлѣ Великаго поста, но къ Благовѣщенію не возвратились. Ждали ихъ нетерпѣливо, но напрасно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ждали ихъ попустому до самаго праздника, но зато, какъ только отиѣли святую заутреню и поны стали въ рядъ посреди церкви съ лукошками, чтобы всѣ люди подходили къ нимъ христосоваться и класть лѣнца, то вдругъ подошелъ съ желтымъ, въ лукѣ крашенинымъ лѣнцомъ и Кромсай.

— Христось воскресе, — говоритъ, — батюшка; держи яничко.

— Воистину воскресе! — отвѣчаетъ священникъ, и отъ радости, не выдержавъ, тутъ же сталь его спрашивать:— Когда явился?

— А вотъ въ самую въ заутреню: когда ты звонить зачалъ, такъ я еще за лоциной былъ... Путался... Чуть, братъ, не залился.

— Ну-у! А Павелъ гдѣ-жь?

— Ей же ты Богу! Меринъ-то мой, насилу, братъ, выскочилъ!

— Скажи пожалуй!.. Ну, а Павелъ гдѣ-жь?

— Его, братъ, ужъ нѣтути!

— А гдѣ же онъ?

— Онъ не прѣхаль.

Дальше говорить было нельзя, потому что это задерживало движеніе подходящихъ христосоваться крестьянъ, и дьяконъ, замѣтивъ непорядокъ, сказалъ: «не препятствуйте», а Кромсаю добавилъ: «Удались!» Тогда священникъ велѣлъ Кромсаю войти въ алтарь и подождать, пока онъ съ народомъ «отцѣлуется». И когда всѣ люди отцѣловались и священникъ сталь въ алтарь разоблачаться, то Кромсай поведаль ему, что «Павелъ въ городу остаися».

— Для чего же онъ остаися?

— Да вотъ... сказать мнѣ: «ты, говорить, поѣзжай, — а я, говорить, останусь».

— А зачѣмъ?

— Потому, говорить, что мнѣ надо себѣ... другое при-
дѣленіе.

— Ну, и ты его придѣлилъ?

— Не я, а онъ самъ придѣлился.

Священникъ подвелъ Кромсая къ окну, изъ котораго
видны были могилки, и говорить:

— Всмотрись-ка да «помяни грѣбы—они вѣчны дома»: долго ли намъ жить-то остается?.. Куда ты Павлушку дѣлъ?

Кромсай понялъ, какое смущеніе зашло въ душу священника, и отвѣчалъ ему съ широкой улыбкой:

— Что ты... Полно, батя!.. Неужели ты думаешь, что я Павлушку загубилъ? Живъ Павлушка!

— Ты подумай: у него мать Фаптея древняя. Если ей о сынѣ что-нибудь ужасное сказать—она помретъ!..

Но ужаснаго ничего не было.

Кромсай разсказалъ только слѣдующее: когда они съ Пустоплясомъ выѣхали, то Пустоплясъ будто «все на самого себя обижался». Что, говорить, дядя Кромсай, разсуди ты, какой я неахтительный, что никто меня очень не обожаетъ! И всего у меня средства только одна старушка есть, только къ ней къ одной у меня есть и жалость на землѣ,—такъ что ни для кого, какъ для ней, я бы даже и въ солдаты... Вѣдь я могу на Кавказъ пойти и въ офицеры выйти». А Кромсай ему и помогъ начать всю эту карьеру: онъ свелъ его къ Николаю Андреевичу Воробью, старинному орловскому маклеру, или «сводчику», а тотъ его какъ въ хороводъ завелъ и «опредѣлялъ идти по найму за бакалейщикова сына».

Священникъ, услыхавъ неожиданно такую развязку, молча присѣлъ на сундучокъ и только глаза на Кромсая выставилъ.

— Ну ты, говорить, братъ, жиганъ! не даромъ, видно, тебя воромъ кличутъ!

— А что же «кличутъ»?.. Кличутъ-то меня разное кличутъ, а у кого я что-нибудь укралъ? Анъ я ничего не укралъ, а живу честно и благородно. Павлушка не такъ пошелъ, а семьсотъ серебра получилъ деньгами, да что еще,

братъ, гульбы было... Вотъ бы ты посмотрѣлъ! А онъ еще сто рублей прислать матери.

— Ну, лучше бы ужъ ты у него все послѣднее съ плечъ укралъ, чѣмъ такое добро ему сдѣлать.

— Чего онъ хотѣлъ, то ему и сдѣлано... Чего ты на меня!..

— Ты, Кромсай, жиганъ, ты нехорошій, дурной человекъ!

— Что ты это?.. за что?.. Развѣ пропалъ Павлушка? Онъ пошелъ служить Богу и великому государю... Ты, сдѣлай милость, въ этомъ оставь меня!

— А сто рублей матери-то его... цѣлы у тебя?

— А ты почему знаешь?

— Вѣрно не цѣлы?

— Ну, если тебѣ открыто, то что же спорить... Не цѣлы!

— Вотъ вѣдь какая твоя совѣсть!

— Что же совѣсть!.. И ихъ везъ и доведъ до самой лонины. А тутъ званъ услыхалъ и въ загорь сѣлъ... Сдѣлай милость—это хоть и на тебя доведись: провались хоть и ты подъ сибѣгъ, такъ, небось, все покинешь, а одну свою душу начнешь спасать! Меринъ битися сталъ... И, братъ, весь растерялся: и два кули хлѣба при мнѣ были,—везъ на просвиры,—и тѣ оба тамъ въ загорѣ погубилъ.

— Тамъ и деньги пропали?

— Все тамъ осталось. Тридцать рублей, которые везъ бумажками, тѣ какъ на крестѣ были привязаны, такъ они и уцѣлѣли, а семьдесятъ, которые были серебряными монетами: рубли и полтинники—съ сапогомъ вмѣстѣ снялись и изъ-за голенища потонули.

Священникъ выслушалъ, поднялся съ мѣста и сказалъ Кромсаю:

— Ну, да и подлецъ же ты!

— Хорошо, что хоть ты честный! — вздохнулъ Кромсай.

— Ну, смотри же: вспомни мое слово—за это разразитъ тебя Богъ!

Это надъ Кромсаемъ очень скоро и исполнилось *).

*) Наемный замѣститель рекрута, которому слѣдовало идти въ службу по очереди или по жребью, почитался въ народѣ за человека не только «пропащаго», но и презрѣннаго: о наемщикѣ никогда не говорили съ жалостью, а всегда, какъ о палачѣ, говорили съ омерзѣниемъ, и отъ солдатъ ему не было иной клички, какъ «продажная шкура». Имѣть общеніе съ наемщикомъ считалось такъ же противно, какъ имѣть общеніе съ палачомъ, которому, по мнѣнію простолюдиновъ, будто даже «но

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Во вторник на Оуминой недѣлѣ, никому не въ примѣту, съ какой стороны, взялась на небѣ сѣрая тучка и вдругъ начала темнѣть, расти и пучиться и расплзлась странно, принявъ такія очертанія, какъ баснословный пардъ или перуносный змѣй съ лапами, и ползло это чудище прямо-примешенко на Кромсаевъ дворъ. Это все видѣли. И какъ только туча надошла надъ Кромсаемъ, такъ она сейчасъ же сверкнула огнемъ и ударила прямо въ чуланъ, въ то мѣсто, гдѣ у Кромсаи была примончена короватка, на которой онъ спалъ, а подъ короваткой стояла у него завѣт-

даютъ причастія». А какъ таково было всеобщее презрительное отношеніе къ этимъ людямъ, то, разумѣется, объ этомъ знали и сами тѣ, кто нанимался въ солдаты, и потому, за весьма рѣдкими исключениями, это были «люди отчаянные» — зашалившіеся, загулившіе, сбившіеся съ пути или чѣмъ-нибудь особенно несчастные, по какому-нибудь роковому стеченію семейныхъ обстоятельствъ стремившіеся къ гибели. Эти послѣдніе и составляли жалостное исключеніе, да къ ихъ числу можно еще придать «крѣпостныхъ», которые, впрочемъ, могли наниматься только съ согласія своихъ владѣльцевъ, и то послѣ рискованной процедуры съ освобожденіемъ ихъ на волю. Случалось, что вольный человекъ «выкупалъ крѣпостного» съ тѣмъ, чтобы онъ послѣ пошелъ въ рекруты за дѣтей этого капиталиста, и выкупаемый крѣпостной общался это исполнить, но, получивъ отпускную въ свои руки, отказывался отъ «охотничанія» и предлагалъ выкупщику отработать заплаченные за него деньги, или — еще проще — благодарилъ его и уходилъ иногда съ обѣщаніемъ «помогать Бога», а еще чаще съ бранью и насмѣшкой. Нанившійся же «распутникъ» съ распутства начиналъ и въ распутствѣ продолжалъ все время своего «сговора» съ хозяиномъ. Зачиналъ это въ Орлѣ пропащій паренъ съ того, что появлялся въ безобразномъ и всего вѣроятнѣе въ безумномъ состояніи, въ торговый день (въ пятницу), на Ильинской площади и, остановясь у вѣсовъ, кричалъ громкимъ голосомъ: *Жарь!* Его «схватывали *жвиты*» и сейчасъ же «мчали» его въ близстоявшій «Подшиваловскій трактиръ» и сразу же «подавали ему жару», то-есть поили его водкою и приглашали для «кураженія» его подходящаго свойства женщинъ, или «короводницъ», имѣвшихъ вблизи свое становище у мостика на Перестанкѣ. Хороводницы, или «короводницы», являлись скоро и не одна, а двѣ или три, изъ самыхъ отчаянныхъ и самыхъ безстыжихъ — «согласныхъ съ охотникомъ гулять». Онъ сейчасъ же бралъ пынаго парня въ свои раздольныя объятія и, обласкавъ его «до воли», начинали его «вывозить». Обвизавъ его красными платками, его вели «катать» на извозчикѣ, при чемъ «короводницы» держали охотника на сидѣньѣ извозничьихъ дрожекъ или саней, а сами вѣпились вокругъ него, обнимали его и громко пѣли безстыжія пѣсни и говорили въ народъ сальности, и дергались, и приплясывали; а окураженный ими охотникъ сидѣлъ осовѣлый, какъ дуракъ, или по временамъ безумно вскри-

ная коробья, раскрашенная цвѣтами и подь лакомъ. Все это такъ «феваркомъ и загорѣлося». Но при этомъ еще показалось удивительно, что изъ всего добра, которое тутъ было и которое сгорѣло,—выкинуло вверхъ только одну доску отъ цвѣтной коробьи, и когда она упала на землю и ее осмотрѣли, то увидали, что къ ней прилипло нѣсколько штукъ копеечекъ и всѣ ихъ раскинуло треугольникомъ, а какъ разъ посреднѣ угла сидѣлъ серебряный рубль,—будто глазъ глядѣлъ.

Какъ увидали это люди, то всѣ удивились и заговорили: «Это чудо! надо это показать священнику». И показали. А священникъ посмотрѣлъ и Кромсаю перстомъ погрозилъ.

Тогда Кромсай поблѣднѣлъ и сталъ каяться, что онъ утаилъ у Фантен семьдесятъ рублей и что они были цѣлы и береглись въ узелкѣ подь подушкою, да вотъ это ихъ-то молоньей и раскинуло, и эти монетки, которыя влипли въ доску, дѣйствительно были изъ тѣхъ утаенныхъ денегъ.

А когда послѣ пожара стали разгребать нелель, то нашли слитокъ серебра и возлѣ него другое чудо: деньги сплавилась, а возлѣ нихъ лежала остывшая «громовая стрѣла» или «чортовъ палецъ».

Кромсай отъ этого пришелъ въ такой ужасъ, что сейчасъ же сталъ жертвовать этотъ слитокъ на церковь, но священникъ недоумѣвалъ: можно ли брать эти деньги, такъ какъ «наемщикъ», или замѣститель въ солдатахъ, почитался тогда въ народѣ за что-то очень гадкое и приравнивался ко «несу продажному» (хотя несъ себя никогда не продаютъ).

кивалъ и вопилъ: «еще жару!» Такимъ образомъ наренъ уже былъ афишированъ на весь городъ. А въ это время, какъ одинъ хватъ его такъ «окручивали», другіе уже прискивали хозяина, которому наемщикъ нуженъ, и сдавали его ему съ вознагражденіемъ себе за труды и за расходы по всей первоначальной обстановкѣ дѣла. Такая безобразная гульба продолжалась все время до сдачи наемщика въ рекруты, и онъ «давалъ себя знать» своему хозяину, который вынужденъ былъ исполнить всѣ выдумки и капризы пронащаго парня, и тотчасъ же бросалъ его, когда тому забривали лобъ и онъ дѣлался «продажною шкурою», которую на службѣ очень любили «выкозачивать». До этого «погибелнаго состоянія» чедовѣка доводили всегда при необходимомъ и неизбѣжномъ участіи женщинъ, именно сихъ выше названныхъ «короводницъ», которыя чаще всего сами и наводили слабыхъ людей «на эту путь», т.-е. научали ихъ кричать: «жару!». Склоннаго къ загулу дычка Наму очень не трудно было провести этимъ путемъ, что Кромсай, вѣроятно, и обдѣлалъ.

А во Второзаконіи (23, 18) есть запрещеніе: «да не принесешъ въ храмъ мзды блудничи и цѣны песни»; но благочинный это разрѣшилъ. Онъ сказалъ, что «Второзаконіе дѣйствовало при Ветхомъ Заветѣ, а теперь, при Новомъ, — все новое».

Страшная гроза, спалившая Кромсаевъ дворъ, оживила нашъ воздухъ. Предчувствовалось уже въ тѣ дни, что году наступаетъ конецъ и близятся «времена отрады». Городскіе жители начинали вспоминать о своихъ деревенскихъ друзьяхъ и родственникахъ и посѣщать ихъ. Мы снова входили въ общеніе съ міромъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Передъ тѣмъ какъ растаять рѣчкѣ, къ намъ пріѣхала тетушка Пелагея Дмитріевна, которую, въ ранніе ея годы, въ родствѣ всѣ называли «проказница». Впрочемъ, у нея была репутація очень многосторонняя и сложная, и сообразно различнымъ ея фазисамъ и переходамъ ей давалось «новое имя».

Пелагея Дмитріевна или, по-домашнему, «тетя Полли», была княгиня и годъ тому назадъ выдала старшую дочь замужъ за очень именитаго князя.

Тетушка всегда была прекрасный человѣкъ, но въ молодости, когда на нее сердились, и потомъ, помиришь съ нею, называли ее «проказницей», — она «страдала самордаками». «Самордаки» — это такая болѣзнь, совмѣщавшая фантазію и упрямство. Своего рода «блажь». Самордаки у тети совѣмъ никогда и не прошли, а только «переблажились». Въ голодный годъ она заблажила тѣмъ, что не продала ни пуда муки, а все искормила на дѣтскихъ мужиковъ, надъ которыми она была опекуншею, и завела такое баловство, что всѣ мужики и бабы приводили съ собою къ ней на дворъ своихъ дѣтей и всѣ у нея наѣдались.

На это двое ея сосѣдей обращали вниманіе предводителя и указывали, что она, какъ опекунша, такихъ расходовъ допускать не смѣетъ, — тѣмъ болѣе, что своимъ примѣромъ она другихъ подводитъ къ опасности; и предводитель ей дѣлалъ замѣчаніе, но «не могъ запретить». Тетя отвѣчала, что она «хочетъ идти подъ судъ».

Вообще тетя Полли была особа живая, смѣлая и интересная, и одолѣть ее — была не шутка...

Суда она не боялась, потому что держала въ своей совѣсти судъ надъ собою.

Теперь ей было уже лѣтъ за сорокъ, но она была еще очень красива: высокая, стройная, — что называется «король-баба», — съ черными какъ смоль густыми волосами, которые вились у лба и у пробора на темени, и съ большими сѣрыми глазами, которые у нея «умѣли говорить все, что она хотѣла».

Недавно умершій Николай Антоновичъ Ратынскій, который былъ значительно меня старше и зналъ наше орловское родство, говорилъ мнѣ, будто Тургеневъ съ тети Полли нарисовалъ въ своемъ «Помѣщикѣ» ту барыню, о которой сказалъ, что она «была не вздоръ въ нашъ вѣкъ болѣзненный и хилый».

Разумѣется, описанное въ «Помѣщикѣ» лицо имѣло сходство съ тетей Полли только во внѣшности, а въ свойствахъ духа у нихъ была схожесть развѣ въ «побѣдоносности» и въ неукротимой энергїи и настойчивости.

«Побѣдоносный, свѣтлый взоръ, —
Все въ ней дышало древней силой».

Впрочемъ, какъ тетя Полли была оригинальное и характерное лицо дворянскаго круга глухой поры (тридцатыхъ годовъ) и такъ какъ ея «блажь» составляла въ голодный годъ нѣкоторое исключительное явленіе, то мнѣ кажется, что о ней стоитъ разсказать поподробнѣе.

Выше уже сказано, что она пользовалась репутаціей «проказницы», но слава ея въ этомъ родѣ была сильно раздута. Тавта (какъ мы ее тоже называли) по положенію своему принадлежала къ губернской знати, но по живости своего ума и характера была лицо всесословное. Она держалась со всѣми какъ нельзя болѣе просто, «знала всѣ обстоятельства» и даже очень любила подшутить надъ родовитымъ невѣжествомъ. Первый мужъ ея былъ богатъ, скученъ и тученъ, но не именитъ, и никакимъ особеннымъ вниманіемъ и вліяніемъ не пользовался, но рокъ, однако, судилъ такъ, что онъ цѣлые полгода исправлялъ «по случаю» предводительскую должность и съ достоинствомъ умеръ въ этокъ почтенномъ званіи.

Тетушка овдовѣла очень молодою, она имѣла всего не болѣе двадцати трехъ или четырехъ лѣтъ и уже была матерью трехъ дочерей.

Если бы не дѣти, то очень могло статься, что тетушка пошла бы въ монастырь, такъ какъ у насъ въ Орлѣ это тогда было въ модѣ между дворянствомъ (съ чего и написана Лиза у Тургенева); но дѣти этому помѣшали. Они же дали чувствамъ тети и другое направленіе, а это послѣдовало вскорѣ послѣ смерти отца, когда всѣ дѣти вдругъ опасно заболѣли.

Болезнь была изъ «прилипчивыхъ», и родные молодой вдовы всѣ ее покинули. Это въ благородномъ сословіи и тогда уже было въ модѣ и практиковалось безъ зазрѣнія совѣсти. О положеніи тетушки дошла вѣсть въ Послово, гдѣ жила въ замкнутомъ одиночествѣ именитая г-жа княгиня Д*, знатная дама, занимавшая передъ тѣмъ видную «позицію», но вдругъ чѣмъ-то кому-то не угодившая и удаленная.

Говорили, будто она живетъ въ Пословѣ поневолѣ и «пребываетъ» тутъ однимъ лишь тѣломъ, а что «душа ея не тутъ»—она живетъ «въ недосыгаемыхъ сферахъ». Сама же княгиня Д* не считала себя равною ни съ кѣмъ и не допускала къ себѣ никого. У нея была собственная церковь, собственный попъ и собственный врачъ, которому она не позволяла лѣчить никого, кромѣ ея особы.

Этотъ врачъ былъ французъ, съ качествами извѣстнаго по пьесѣ Дьяченко французскаго гувернера m-г Дорси: онъ былъ и пустъ, и вѣтренъ, и хорошъ собою, и великодушень.

Узнавъ черезъ людей, что въ сосѣднемъ селѣ такъ безжалостно всѣми брошена молодая и притомъ очень интересная вдова съ больными дѣтьми, онъ «взбунтовался» и объявилъ своей важной дамѣ, что онъ «ѣдетъ лѣчить сосѣдскихъ дѣтей».

Дама объ этомъ и слышать не хотѣла, но онъ продолжалъ настаивать, и когда люди не стали ему запрягать лошадей, то онъ завязалъ шею шарфомъ, надѣлъ теплые сапоги съ мѣхомъ и пришелъ къ тетѣ по снѣгу четыре или пять верстъ пѣшкомъ.

Разумѣется, онъ былъ встрѣченъ тетей какъ ангель-утѣшитель и оказался вполне достойнымъ такой встрѣчи.

Онъ «воскресилъ дѣтей» и тѣмъ, понятно, произвелъ неотразимое вліяніе на сердце молодой матери. Княгиня Д* была поставлена этимъ случаемъ въ очень большія затрудненія. Сначала она сердилась и три дня не обращала вниманія, а потомъ позвала управителя и велѣла ему подать

объявленіе, что «пропаль французъ»... Докторъ и тетя объ этомъ узнали, и оба смѣялись... Имъ было хорошо и радостно, потому что дѣти выздоравливали, а они были поглощены такимъ увлеченіемъ, которое дѣлало для нихъ чужія сердечныя страданія смѣшными... Это вызвало со стороны княгини Д рядъ мѣропріятій, изъ которыхъ одно было очень рѣшительное и имѣло успѣхъ; она сначала прислала сказать доктору, чтобы онъ не смѣлъ къ ней возвращаться изъ заразнаго дома; а потомъ, когда увидала, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не возвращается, — она прислала его звать, такъ какъ съ нею случился припадокъ какой-то жестокой болѣзни, и наконецъ, черезъ полтора мѣсяца, когда пришла весна и природа, одѣвшаяся въ зелень, выманила француза въ лѣсъ, пострѣлять куропатокъ для завтрака тети, на него внезапно нанали четыре человѣка въ маскахъ, отняли у него ружье, завернули его въ коверъ и отнесли на рукахъ въ скрытую на лѣсной дорогѣ коляску и такимъ образомъ доставили его княгинѣ... Здѣсь съ нимъ было или только ему угрожало происшествіе смѣшное и тяжкое, изъ котораго онъ вышелъ благополучно только благодаря тому, что изъявилъ согласіе сію же минуту, немедленно, сочетаться съ княгиней Д* законнымъ бракомъ, что и было исполнено въ ея собственной церкви, ея священникомъ и при ея людяхъ...

Тетушка узнала объ этомъ только на другой день и горько плакала—участь бѣднаго француза казалась ей необыкновенно трогательною, и она укоряла себя, зачѣмъ она сама была такъ увлечена обаятельностью своего положенія, что не оформила всего по образцу княгини. Вѣдь это было такъ просто и такъ возможно, и даже не нужно было этихъ низкихъ угрозъ, которыми и его, и себя унизила Д*... Онъ бы самъ охотно на все согласился... Но ужъ дѣло было потеряно и вдобавокъ требовался коррективъ, и тетюшка, какъ думали, запылала мщеніемъ и «не снесла обиды», а отомстила княгинѣ какъ настоящая «проказница»: она, совершенно ни съ кѣмъ не посоветовавшись и для всѣхъ неожиданно, вышла замужъ за князя С—ва, въ которомъ только то и было, что онъ былъ молодъ и холостъ, но со всѣмъ необразованъ и вдобавокъ, по совершенной бѣдности, служилъ квартальнымъ...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Mésalliance былъ самый полнѣйшій, но мщеніе все-таки было совершено: Д*—родовая княгиня—черезъ замужество съ французскимъ лѣкаришкою потеряла княжескую корону, а наша милая тетька возложила ее на себя и на свое нисходящее потомство, такъ какъ князь С—въ былъ дѣйствительный, настоящій князь, изъ «Рюриковичей», и въ гербѣ у него стояли многозначительныя слова: «не по грамотѣ».

Словомъ — какой это ни былъ опрометчивый поступокъ, но тетушка о немъ не сожалѣла, такъ какъ она и вообще не сожалѣла никогда о томъ, что уже случилось, а держалась того правила: «что укоротишь — того не воротишь: надо съ другого конца падшивать или надвизывать».

Впрочемъ, ея князь не былъ совсѣмъ особенно плохъ: въ немъ было что-то «породистое» и самую «форму кварталнаго» онъ носилъ съ военнымъ шикомъ. Съ этой стороны онъ былъ замѣтенъ и ради того по представительности своей былъ отличенъ начальствомъ и употреблялся для сношеній съ благородными лицами города. А потому, когда представилась надобность объявить тетушкѣ бумагу, присланную изъ московскаго опекунскаго совѣта, о какихъ-то ея опекунскихъ дѣлахъ, то по распоряженію полицеймейстера къ ней былъ посланъ съ этою бумагою кварталный-князь, и онъ былъ принятъ тетушкою не такъ, какъ принимали обыкновенныхъ кварталныхъ. Тетушка велѣла позвать его къ себѣ въ залъ, гдѣ она сидѣла въ это время въ распашномъ пеньюарѣ за утреннимъ чаемъ, и, посмотрѣвъ на него, пригласила его сѣсть, — что было тоже необычайностью для лицъ его сана.

Князь сѣлъ, и пока тетушка пробѣжала принесенную ей бумагу и потомъ потребовала себѣ перо и чернильницу для того, чтобы расписаться «о прочтеніи оной», она успѣла «бросить на него взглядъ ока», и сейчасъ же сообразила: на что находящійся передъ нею человекъ можетъ быть годенъ и какъ за это дѣло надо взяться.

А дѣло не допускало промедленія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

С—въ тутъ же получилъ отъ тетушки порученіе по какому-то частному ея дѣлу — по поводу какихъ-то ея хло-

потъ съ принадлежащимъ ей пустопорожнимъ мѣстомъ на берегу, гдѣ производилась погрузка хлѣба на барки, — и князь исполнилъ данное ему порученіе охотно, быстро и съ блестящимъ успѣхомъ.

За это онъ былъ вознагражденъ денежнымъ подаркомъ сверхъ мѣры заслугъ и кромѣ того удостоился разговора, вхожаго въ его положеніе, которое тетушка находила несоотвѣтствовавшимъ его родовому званію, такъ какъ князя С—вы въ самомъ дѣлѣ принадлежали къ «Рюриковичамъ» и были князя «не по грамотѣ».

С—въ былъ не глухъ и не уменъ, а то, что называется «человѣкъ средній», и участіе довольно именитой и весьма интересной дамы его такъ тронуло и согрѣло, что онъ почувствовался и осмѣлился подѣловать поданную ему на прощанье руку. Тогда это, впрочемъ, было въ обычаѣ, и тетушка этимъ не обидѣлась и даже обѣщала ему принять въ немъ участіе и о немъ подумать.

Князь былъ въ восторгѣ и провелъ нѣсколько дней въ размышленіи: какъ бы настроить ее такъ, чтобы она выпросила ему у губернатора мѣсто смотрителя тюремнаго замка или гдѣ-нибудь городничаго.

Но тетушка имѣла на него гораздо болѣе важные виды: черезъ нѣсколько дней она позвала его къ себѣ и спросила, не хочетъ ли онъ «измѣнить свой карьеръ».

Князь былъ готовъ на все и несказанно обрадовался, когда услышалъ, что тетушка желаетъ принять его къ себѣ управителемъ. Онъ сейчасъ же подавъ въ отставку, снявъ квартальническую форму и переселился въ тетушкино имѣніе, гдѣ пріучался къ хозяйству подъ ея непосредственнымъ руководствомъ, и для того ѣздилъ съ ней вдвоемъ въ кабриолетѣ безъ кучера, а жилъ во флигелѣ, но потомъ въ одинъ прекрасный день переведенъ въ домъ и обвѣнчанъ съ хозяйкою въ ихъ деревенской церкви, точно такъ же скромно, какъ Д* обвѣнчалась у себя съ французомъ.

Бывшая Д*, не будучи нимало знакома съ тантою, прислала ее поздравить «отъ себя и отъ мужа». Это была дерзость, но тетя была умна и не обратила на это вниманія, а въ вознагражденіе за то французъ прислалъ ей двусмысленное утѣшеніе, состоявшее изъ одной фразы: «Le nombre des sots est infini».

Тетушку и это уже не занимало: она услаенно хозяйни-

чала, и одинъ разъ, поѣхавъ на поле, такъ растряслась по кочкамъ, что въ тотъ же день Богъ далъ ей дочь— прехорошенькую княжну. Къ счастью, ребенокъ хотя пришелъ на свѣтъ немножко и рановременно, но это ему не повредило.

Маленькая неудача сказалась въ другомъ: тихій и благопристойный Рюриковичъ, послѣ того, какъ тетушка къ нему поближе присмотрѣлась, не выдержавъ самой снисходительной критики и оказался еще скучнѣе перваго ея мужа, предводителя.

Кромѣ того, тетѣ неприятно было, что князь все болтался и ничего не дѣлалъ и вдобавокъ,—какъ она убѣдилась,—ничего и не умѣлъ дѣлать, кромѣ клеенья коробочекъ изъ картона и цвѣтной бумаги съ золотыми бордюрами.

По мнѣнію родныхъ, тетя сама была во многомъ виновата, потому что она была со своимъ княземъ *очень суха*; но потомъ это перемѣнилось, и она сдѣлалась къ нему матерински нѣжна и неожиданно устроила его вполицъ по его вкусу: какъ онъ когда-то мечталъ, такъ и получилъ вдругъ мѣсто городничаго въ отдаленномъ городѣ, куда отбылъ одинъ, и его лѣтъ шесть не видали. Во все это время про князя никто и не говорилъ, а тетя-княгиня заперлась отъ всѣхъ и «предалась книгамъ». Дѣти, книги и хозяйство ее поглотили, и о ней стали говорить, что она «вознеслась надъ жизнью». Но вдругъ князь потерялъ мѣсто и снова прибылъ въ деревню. Танта отвела ему помѣщеніе въ мезонинѣ, даже пожертвовала ему свой письменный столъ для кабинета, но сама осталась при дочеряхъ, изъ которыхъ старшая, Сусанна, *не-княжна*, имѣла въ это время уже шестнадцать лѣтъ и смотрѣла невѣстою.

Она и двѣ ея младшія, единокровныя и единоутробныя сестры, очень любили мать и ея младшую дочку, *княжну Валу*, но самого князя не могли переносить.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ онѣ были въ мать — «ужасныя читалки и игралки»,—т.-е. вѣчно были за книгой или за музыкальными занятіями, и ихъ занимали живые бытовые вопросы и литература, а князя не занимало ничто. Если онъ не клеилъ коробокъ, то онъ только могъ ходить да сви-стать, или сидѣлъ въ своихъ комнатахъ у окна и переговаривался съ проходящими мимо бабами и мужиками — и всегда о пустякахъ. Всякое обращеніе съ книгою ему

было противно, и хотя онъ зналъ, что онъ невѣжда и что это не хорошо, но преодолѣть свою вражду къ книгѣ не могъ.

Онъ понималъ, что онъ своей женѣ не пара и что «попалъ въ честь по случаю», и терпѣлъ это, и не нахальничалъ. Онъ только завидовалъ, что жена его, при ея запасѣ врожденнаго ума и начитанности, всегда занята и всегда ей вездѣ весело, а ему вездѣ скучно,—и единственное ему спасеніе—быть городничимъ.—ходить, свистать и покрикивать.

Въ семьѣ изъ этого ничего стройнаго не выходило, и благодаря тому, что падчерицы его не всегда умѣли скрыть, что онъ имъ непріятель и что онѣ страдаютъ за свою умную и образованную мать, видя ее женою такого осто-лопа,—князь страдалъ отъ своего положенія и даже сталъ возбуждать къ себѣ состраданіе въ сердцѣ очень чувствительной и доброй танты.

Тетя стала за него заступаться и говорила дочерямъ:

— Что онъ вамъ мѣшаетъ? Онъ очень простой человекъ, но что же онъ дѣлаетъ вреднаго?.. Онъ проводитъ время, какъ умѣетъ, и его можно оставить въ покоѣ. Онъ и безъ того всѣхъ избѣгаетъ и вѣчно одинъ.

И княгиня стала навѣщать бѣднаго князя въ его уединеніи, и чтобы это не имѣло видъ сентиментальности, она писала письма на письменномъ столѣ, перенесенномъ въ его кабинетъ. Такъ шли дѣла въ теченіе всей зимы, а по веснѣ Сусанна одинъ разъ окинула мать испытующимъ взглядомъ и сказала:

— Однако, что же это, мама?!

— Что такое?—спросила тетя и покраснѣла.

— То-то и есть, мама... вы краснѣете!.. И должно краснѣть!

— Чего же мнѣ краснѣть?—отозвалась, оправясь, тетя.

— Того, что мы уже взрослые, а вы... ходите письма писать... Мы перенесемъ вашъ письменный столъ въ вашу комнату.

Но дѣло было уже не поправимо, и у Сусанны съ ея сестрами явился еще маленькій братецъ. Ребенка опять всѣ любили и ласкали, кромѣ самого князя, у котораго это удовольствіе было отнято, и на этотъ разъ — увѣ! — навсегда. Князю снова достали соотвѣтственное городничеству мѣсто на Кавказѣ, и онъ тамъ ходилъ, курилъ, свисталъ и по-

крикивалъ, и тамъ же и умеръ, выкупавшись послѣ жирнаго обѣда въ холодномъ Терекѣ.

Смерть мужа, взятаго точно напрокатъ и поставленнаго ни въсть на какую позицію, уязвила сердце тети сознаниемъ своего грѣха передъ этимъ человѣкомъ, который былъ принесенъ ею въ жертву самымъ эгоистическимъ соображеніямъ, весьма ничтожнаго свойства. Онъ, живой человѣкъ, пришедшій въ міръ, чтобы свободно исполнить на землѣ какое-то *свое* назначеніе, былъ обращенъ ею въ метелку, которую она замахнула сорный слѣдъ своего колоброда, и потомъ смыла его съ рукъ и сбросила въ Терекъ...

Ей было ужасно стыдно и ужасно его жаль.—и она заперлась въ спальнѣ и плакала о немъ много и долго; и тутъ же, запершись, въ уединеніи отъ дочерей, которыя не могли сдерживать своего презрѣнія къ захудалому глуповатому «Рюриковичу», исполнявшему и глуповатую роль въ жизни, — она обдумала себя. Дѣвницъ и теперь раздражало и обижало, что мать была такъ потрясена событіемъ и относилась къ князю съ «чувствомъ»... Онѣ были въ томъ «счастливомъ» возрастѣ, который даетъ возможность разсуждать обо всемъ не только очень эгоистично, но и очень ошибочно, и имъ было *стыдно* за то, что «она, значить, все-таки его любила»... Имъ, для ихъ семейнаго достоинства, не хотѣлось, чтобы это было такъ; но онѣ не понимали, что это именно *такъ* и не было! Тетя Полли не оплакивала въ князѣ человѣка, котораго бы она предпочитала всѣмъ другимъ людямъ, — что выражаетъ банальное требованіе такъ-называемой «любви», — но она оплакивала въ немъ человѣка-брата, котораго она встрѣтила случайно, заставила его продѣлать все, что хотѣла, и къ которому не оказала благоволенія. Какіе бы доводы ей ни представляли, что она ни въ чемъ передъ нимъ не виновата, она чувствовала свою вину и хотѣла утолить ее. Тетя сдѣлала трауръ двумъ младшимъ дѣтямъ и сама надѣла черное платье,—отстояла на колѣняхъ заупокойную обѣдню и панихиду, и еще рядъ другихъ панихидъ, но утоленія не было: покой къ ней не приходилъ. Она находила, что это все не то... И вотъ она вдругъ уѣхала куда-то парою, въ маленькой бричкѣ съ однимъ кучеренкомъ, и, возвратясь черезъ десять дней, сказала, что она была въ Оптиной пустыни у «старца», но на разспросы о томъ: что тамъ

Такое? — съ странною разсѣянностью отвѣчала: «Опять все это не то». И подаренныя ей старцемъ маленькія книжечки она прочла разъ и ботѣ ихъ не открывала: опять было «не то». Она послала къ приходскому священнику, чтобы тотъ далъ ей Библию. Но Библии въ церковномъ обиходѣ не было. За нею послали въ Орель, но и въ Орлѣ продажной Библии не нашли, а достали ее «почитать» у семинарскаго ректора, и то съ предвареніемъ отъ своего священника, что «это книга мірская и читать ее небезпечно».

И другіе тоже пробовали отговаривать тетю, «чтобы не сошла съ ума, прочитавъ Библию»; но она была «неимовѣрная»: она таки прочитала всю Библию и, разумѣется, какъ слѣдуетъ, — сошла съ ума и начала дѣлать явныя несообразности.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Такъ, напримѣръ, окончивъ чтеніе Библии, тетя не задала себѣ труда повторять это, какъ дѣлають многіе одолѣвшіе названную книгу, а она отложила ее въ сторону разъ и навсегда и «понесла фантазіи» въ родѣ того, что «хорошихъ временъ еще не было», или что «лучшая жизнь на землѣ будетъ впереди насъ, а не та, которая осталась позади насъ»... И она въ это не только вѣрила, но говорила, что «въ такой вѣрѣ только и находятъ силу жить и трудиться для того, чтобы равнять путь лучшему, которое идетъ и непременно придетъ — когда «горы и юдоли сравняются и левъ ляжетъ съ ягненкомъ и не завредитъ ему».

Эти «глупости» танти основательные люди передавали другъ другу и, весело смѣясь, называли ее лицемѣрной фантазеркой и даже душой. Препрежнее игривое наименованіе «проказницы» было уже теперь для нея слабо, такъ какъ оно не выражало опаснаго характера ея нынѣшняго настроенія, и то, старое названіе было у нея отнято.

— *Была* проказница, — говорили о ней: — но тогда была зато хоть живая и преинтересная, а теперь стала Богъ знаетъ на что похожая — противная, скучная фантазерка, съ которой старикамъ нечего дѣлать, потому что она ихъ не слушаетъ, а молодежь... даже страшно оставлять съ нею!

Одинъ изъ основательныхъ дворянъ, имѣвшихъ «голосъ въ собраніи и въ обществѣ», во время выборовъ сдѣлалъ

заявленіе, что слѣдовало бы обратить вниманіе на то, въ какомъ духѣ танта воспитываетъ своихъ дочерей. Но предводитель, очень добрый и мягкій человекъ, нашелъ, что какъ у княгини всѣ ея дочери—дѣвочки, то какъ бы она ихъ ни воспитывала—это не важно.

Воспитывала же она ихъ странно—безъ учителей,—всему обучая ихъ сама, при содѣйствіи выписанной изъ Англій *квакерши*, Гильдегарды Васильевны, которая была бы чрезвычайно красива, если бы «совершенно» себя не безобразила», нося постоянно сѣрое платье въ складкахъ и лѣтомъ широкую соломенную шляпу, а зимою маленькую теплую черную шапочку «съ затылкомъ и съ ушками, безъ всякаго фасона».

Притомъ танта съ этою квакершею сдѣлались неразрывными друзьями и ни съ кѣмъ не перемоглись.

Къ нимъ можно было завхатъ, и онѣ всякаго гостя встрѣчали очень привѣтливо, но всегда прямо желали узнавать: чѣмъ онѣ ему могутъ быть полезными. И затѣмъ сію же минуту дѣлали для него все, что могли, но потомъ, сдѣлавши это, тотчасъ же къ нему, или къ ней, охлаждѣвали и держали себя съ гостями — какъ будто «занимать» его или ее совсѣмъ не ихъ обязанность. Онѣ оставляли пріѣзжихъ въ покоѣ и сами обращались къ своимъ обыденнымъ занятіямъ, въ которыхъ наблюдали строгій порядокъ,—очень противный для людей съ истинной «широкой натурой».

Кончилось это тѣмъ, что стали находить, будто у бывшей «милрой проказницы» огрубѣли манеры и пропала женственность. Она стала носить безсмѣнно однообразнаго, самаго простаго фасона черное шерстяное платье зимою и такое же свѣтлое ситцевое платье лѣтомъ; лѣчила у крестьянъ самыя неопытныя болѣзни, сама своими руками обмывала ихъ раны и дѣлала кровавые разрѣзы и другія простыя операціи, и при этомъ ни за что не хотѣла поручить присмотрѣть за больнымъ горничнымъ дѣвушкамъ, ибо она находила, что горничныя слишкомъ деликатны и «нось воротятъ». Вообще тетя Полли стала будто рѣзка и даже иногда употребляла «Антошины словечки». Оно такъ и было: тетя выражалась порою немножко во вкусѣ Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго, называя вещи ихъ прямыми именами, что, впрочемъ, въ ея устахъ не было ни плоско, ни грубо, а только прямо и образно. Такъ же

рѣзки казались и ея чувства, въ которыхъ не находили самаго необходимаго—раскаянія и сожалѣнія о прошломъ,—что ей очень бы и очень не мѣшало... На это даже и обращали иногда ея вниманіе, и говорили: кто хочетъ показать другимъ лучшей образъ жизни, тотъ не долженъ никогда забывать своего худшаго. «Врачу, исцѣлися самъ!»

Тетя за эти намеки нимало не сердилась и отъ нихъ не конфузилась: она, безъ сомнѣнія, понимала, во что люди мѣтили, но все слушала спокойно и, выслушавъ, отвѣчала:

— По отношенію ко мнѣ все это совершенно справедливо, и я постоянно чувствую, какъ не хорошо имѣть неопрытное прошлое, — чистыхъ не въ чемъ упрекать и на нихъ выдумываютъ, а о насъ можно говорить правду, которая тяжелѣе всякой лжи,—но то дурное, что я дѣлала, я уже оставила.

Мама разъ замѣтила ей, что, «переставъ грѣшнить, надо начать каяться», но тетя отвѣтила ей:

— Насчетъ раскаяній мнѣнія различны; но я не пахожу никакой пользы въ томъ, чтобы порочный человѣкъ, сознавъ свои дурныя дѣла, сидѣлъ бы и все смотрѣлъ на свой животъ, какъ это дѣлаютъ какіе-то чудаки въ Индіи. У очень многихъ людей въ ихъ прошедшемъ есть порядочное болото, но что же пользы возиться въ этомъ болотѣ? Лучше поскорѣе встать да отряхнуться и идти доброй дорогой.

Такъ она и жила, «отряхнувшись», и не хотѣла жить иначе, и, несмотря на все ея «порядочное болото въ прошломъ», личность ея стала казаться свѣтлою и получила такую привлекательность, что къ ней широко запылала любовь во множествѣ сердець.

Ея дочери, которыя унаслѣдовали не все ея свойства, напрасно боялись, что ея пассажъ со вторымъ бракомъ повредитъ ихъ карьерѣ: одна изъ этихъ дочерей очень скоро и очень пріятно разочаровалась въ этомъ потому, что прибывшій въ ихъ мѣстность, для принятія наслѣдства, молодой сынъ именитаго вельможи, князь Z., одинъ разъ побывавъ у тети Шолли, такъ полюбилъ ее и ея Гильдегарду, и все ихъ семейство, что не захотѣлъ оставаться чужимъ этой семьѣ и твердо настоялъ на томъ, чтобы ему былъ разрѣшенъ бракъ съ ея старшею дочерью, съ тою самую Сусанной, которая была груба къ матери, стыдилась

ея беременности, -- а потомъ еще болѣе стыдилась этой своей выходки и сдѣлалась образцомъ дочерней любви и уваженія къ матери.

Это было наградою тетѣ Полли, которая сама себя почитала «во всѣхъ статьяхъ неисправною» и никого не бралась исправлять, но до самозабвенія восторгалась, когда видѣла, что люди «ни отъ чего исправляются».

Ни отъ чего!..

Она была бы до слезъ смущена, если бы ей доказали, что это «ничто» была сама она, ушедшая «отъ своего болота».

Такъ преобразилъ ее Тотъ, Кто жалѣеть объ уtratѣ одной овцы, и, хватившись ея, оставляетъ девяносто девять овецъ, идущихъ своею дорогою, и ищетъ въ кустахъ и тернии потерявшую путь одну овцу, и находитъ ее, беретъ ее на Свои священные руки, и несетъ, и радуется, и даетъ радость всѣмъ, кому понятна и дорога радость, что *ожилъ человекъ!*

Личныхъ утѣшеній тетя Полли съ тѣхъ поръ не искала, но они ее иногда находили, и одно такое прекрасное утѣшеніе освѣтило ея закатъ: ея зять, мужъ Сусанны, отличился благороднѣйшею дѣятельностью при «освободительныхъ работахъ» въ царствованіе Александра II. И тетя, при полученіи извѣстія объ этомъ, плакала радостными слезами на груди у своей Гильдегарды и сама себя перебиwала словами:

— Итъ, за что же?.. За что мнѣ такъ много дано, когда я такъ мало стою!

Но, увлекаясь воспоминаніями о тетѣ Полли, я отступаю отъ порядка повѣствованія, съ которымъ здѣсь пора кончить.

Возвращаюсь къ тому, когда тетушка пріѣхала къ намъ въ деревню, измученную голодомъ, которому уже былъ виденъ предѣлъ, но къ которому теперь присоединились повальные болѣзни: онѣ сложили на землю половину живущихъ и навели уныніе и страхъ на другую половину.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Тетя Полли собственно была вызвана къ намъ отцомъ, который описалъ ей наше унылое состояніе, и она сейчасъ же пріѣхала вмѣстѣ съ Гильдегардою и привезла успокоеніе и радости.

Эта женщина всегда привозила съ собою, во-первыхъ,

свою непобѣдимую и никогда ее не оставившую благородную веселость, а потомъ непремѣнно всѣмъ людямъ и дѣтямъ по подарку. *Дарить*—это была ея слабость и ея радость, и она имѣла удивительную способность всѣхъ помнить и всякому подобрать подарокъ, подходящій по его потребности и по вкусу.

Женщинамъ дарились головные платки, горничнымъ — ситцы на платья, лакею — «отрѣзь на жилетъ», кучеру — «касандрійская рубаха», скотнику — рукавицы, но болѣе всего привозилось дешевыхъ алыхъ лентъ — деревенскимъ дѣвчонкамъ на «косоплетки».

Эти косоплетки, нарѣзанные кусочками соответственнаго размѣра, тетя всегда имѣла у себя въ запасѣ въ карманѣ платья, и гдѣ бы ни встрѣтила дѣвчонку, она подзывала ее къ себѣ и дарила, всегда съ шуточкою:

— Дѣвки! дѣвки! подите ко мнѣ, я васъ осчастливлю!.. На-те вамъ—въ косы заплетите... Ты чернуха — тебѣ вотъ ленточка алая, а ты бѣлый тараканъ — тебѣ лучше будетъ синенькую...

«Осчастливленныя» просіявали отъ счастья и съ разгорѣвшимися глазенками бѣжали за тетей и просили, чтобы къ алой была прибавлена синенькая, а къ синенькой — аленькая, и тетя увлекалась радостью дѣтей и имъ не отказывала, а иногда брала дѣвочекъ и цѣловала ихъ не со всѣмъ чистыя лица, приговаривая:

— Ахъ вы, рожицы!.. Тоже щеголихи!.. На-те вамъ, чу-мазя! на-те!

И ленты летѣли въ толпу, и деревня расцвѣчалась пестротою дѣвичьихъ косоплетокъ.

Видно было, что «баловница пріѣхала».

Было ли послѣ этого чему удивляться, что эта «баловница» (сколько у нея было *прозваній!*..) была въ то же время и общая любимица и что такое лицо, какъ она, въ лихую годину, сразу однимъ своимъ появленіемъ наполняла сердца людей довѣріемъ и унованіемъ, облегчающими въ значительной мѣрѣ всякое горе и «всякую язю въ людѣхъ»?!

А тетя Полли и Гильдегарда теперь и пришли къ намъ съ нарочитою цѣлюю—принести облегченіе больнымъ, которыхъ было полдеревни и которые валялись и мерли въ своихъ промзглыхъ избахъ безъ всякой помощи.

Какая это была болѣзнь—я не помню, но знаю, что надѣ

распознаваніемъ ся по правиламъ науки никто не трудился. Уѣздные врачи (которыхъ тогда было по одному на уѣздъ) дѣлали только судебныя «вскрытія», а лѣчить больныхъ времени не имѣли; отецъ мой обладалъ «Лѣчебникомъ штабъ-доктора Егора Каменецкаго», но не имѣлъ дара лѣчить; матушка боялась заразы, а французъ-докторъ, женатый на нашей богатой сосѣдкѣ, бывшей княгинѣ Д*, еще въ самомъ началѣ голоднаго года покинулъ жену и уѣхалъ отъ снѣжныхъ сугробовъ Россіи на свою цвѣтущую родину, а оттуда въ палящія степи Африки, гдѣ охотился на львовъ вмѣстѣ съ Клодомъ Жераромъ.

Мы были совершенно безпомощны и знали о болѣзни, убивавшей крестьянъ, только такіе симптомы, что у нихъ сначала «заболитъ голова, а потомъ на нутрѣ сверлитъ, а потомъ весь человѣкъ слабъ сдѣлается» и валяется, пока «потмится въ лицѣ и духъ вонь».

У тетушки и Гильдегарды Васильевны былъ талантъ къ лѣченію больныхъ крестьянъ, и имъ это было ни почемъ, такъ какъ онѣ не боялись заразиться. Болѣзнь, которою умирали наши крестьяне, началась-было на деревнѣ и у тети Полли, но тамъ ей не дали развиваться. Тетя и Гильдегарда тотчасъ же отдѣляли больныхъ изъ семьи и клали ихъ въ просторную столярную мастерскую, гдѣ и лѣчили ихъ, чѣмъ знали, съ хорошимъ успѣхомъ.

Теперь у нихъ все было благополучно, и онѣ явились на помощь къ намъ во всеоружіи своей духовной мощи и знаній и съ запасомъ потребныхъ лѣкарствъ. Но болѣе всего полезенъ былъ ихъ мощный духъ, присутствіе котораго сразу измѣняло весь ходъ и настроеніе нашей жизни.

Тетя Полли не успѣла еще снять съ себя въ передней свой темно-зеленый шелковый ватонникъ, какъ уже давала тонъ и направленіе.

Первыя слова ея были къ отцу:

— Ну, что это за стыдъ!.. мы проѣхали всю вашу деревню и не слышали ни какъ гусь гогочетъ, ни какъ корова мычитъ. Здравствуй, братъ!.. Или у васъ уже совсѣмъ нѣтъ коровъ?

Отецъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и отвѣчалъ, что на деревнѣ осталась всего одна корова у старосты.

— Ахъ, да!.. И правда!.. Я ее, должно-быть, видѣла... Бурая?.. Но мнѣ показалось, что это неживое чучело.

Такой разговоръ произошелъ еще на самомъ порогѣ, и затѣмъ это такъ и продолжалось въ живомъ и энергичномъ тонѣ и съ однимъ и тѣмъ же надъ всѣмъ преобладающимъ стремленіемъ поставить все ниже заботы о деревнѣ.

Тетя ласкала насъ—болѣе руками и взглядами—и въ то же время задавала отцу вопросы, требовавшіе немедленнаго исполненія ея просьбъ или приказаній, которыя вытекали изъ каждаго обстоятельства и шли одно за другимъ въ быстромъ, но стройномъ порядкѣ.

Тетя спрашивала: «сколько больныхъ на деревнѣ?» И видя, что отецъ затрудняется точнымъ отвѣтомъ, сейчасъ же сама за него отвѣчала:

— Ты не знаешь?.. Это не дурно для начала со стороны христіанина и помѣщика средней руки!.. А могу ли я видѣть твоего старосту или кого-нибудь, кто у тебя есть поумнѣе и у кого меньше упрямства и предрасудковъ?.. У тебя былъ, я помню, гдѣ-то за усадьбой пустой половень.

— Онъ сгорѣлъ,—отвѣчалъ отецъ.

— Вотъ какъ!.. Вѣрно отъ грозы?

— Нѣтъ,—мои дураки тамъ колдовали съ человѣчьимъ саломъ.

— Какъ это?

Отецъ разсказалъ ей извѣстную исторію со свѣчой изъ Кожіёнова сала, отъ которой сгорѣлъ половень.

Тетя пила чай и слушала исторію безъ улыбки, безъ ужаса и безъ гримасы, и только посмотрѣла въ бокъ на Гильдегарду, которая тоже окинула ее отвѣтнымъ взглядомъ, и было ясно, что имъ не надо было говорить болѣе, чтобы понимать другъ друга.

Когда былъ конченъ разсказъ о свѣчѣ и о всемъ томъ, что записано выше въ этихъ воспоминаніяхъ, тетя Полли вздохнула и сказала:

— Да!.. здѣсь юдоль плача... Голодь ума, голодь сердца и голодь души. Вотъ мотокъ, въ которомъ не знаешь, за какую нить хвататься!.. Дмитрій Ростовскій, впрочемъ, говорилъ въ дворцовой церкви, что онъ извиняетъ, когда люди «за нуждою и утѣсненіями забываютъ о Высшемъ». И теперь ужъ надо помогать одной низшей, грубой нуждѣ. Лучшее сдѣлають когда-нибудь послѣ другіе, а не мы. Если половень сгорѣлъ, я прошу ригу и помѣшу въ ней больныхъ. Это первое дѣло, — ихъ надо сейчасъ отдѣлать. Мы

уже отдохнули и теперь обойдемъ съ Гильдегардой всѣ избы и сосчитаемъ всѣхъ больныхъ— и потомъ ихъ сейчасъ же перевезтъ...

— Больные не пойдутъ со своихъ печей и лавокъ,— заѣхитилъ отецъ.

— Ну, мы постараемся убѣдить ихъ, чтобъ они пошли, > въ крайнемъ случаѣ... мы ихъ возьмемъ и унесемъ.

— Насильно?

Тетя посмотрѣла въ глаза отцу и, помолчавъ минуту, отвѣтила:

— А хотя бы и насильно!.. Какъ странно! Развы ты и я—мы всѣ ими владѣемъ по ихъ доброй волѣ? Нустики! Того, кто тонетъ, берутъ за волосы и вытаскиваютъ *на- сильно*... Это очень грубо, но совершенно необходимо. Соломы вѣрно нѣтъ у васъ, чтобы настлать кучами постелей по всей ригѣ?.. Это очень жаль, но, можетъ-быть, есть конопляная костра? Есть? Ну, вотъ и прекрасно,—обойдемся съ ней... Пока мы съ Гильдегардой будемъ на деревнѣ, возьми на себя трудъ наблюсти, чтобы здоровые натаскали въ ригу сухой костры и наклали ее для больныхъ кучками... Вели дѣлать такъ... какъ большія котлеты, въ ростъ человѣка,—и въ головахъ—повыше, а къ ногамъ—пониже. Черезъ часъ тамъ уже будутъ больные... Твоя жена не можетъ намъ помогать?

Отецъ тихо отвѣтилъ:

— Она боится.

— Ну, и не нужно ея... Кто боится, тѣмъ это и вредно. А мы сейчасъ же идемъ!

Проговоривъ это, она уже стояла и покрывала свою курчявую голову мягкимъ платкомъ, а Гильдегарда Васильевна надѣвала свою высокую, съ широчайшими полями, соломенную шляпу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Тетя и Гильдегарда взяли въ карманы крошечный карманый фонарикъ съ рефлекторомъ (для осмотра горла), флаконъ съ какой-то жидкостью и записную книжку, и ушли.

Отецъ предлагалъ имъ провожатаго, но онѣ не взяли, и сказали, что надо зайти подъ-рядъ въ каждую избу.

— На васъ могутъ напасть собаки.

— Полно, пожалуйста! Собаки такія почтенныя живот-

ныя,—онѣ знаютъ, кто идетъ не съ дурнымъ намѣреніемъ, и будутъ съ нами вѣжливы.

И дѣйствительно, собаки повсемѣстно отнеслись къ нимъ превосходно, но все-таки экспедиція ихъ не обошлась безъ приключенія: бурая корова Дементія, которую тетя оскорбила, назвавъ ее «неживымъ чучеломъ», доказала, что она еще жива, и когда Гильдегарда, проходя мимо нея, остановилась, чтобы поощрить ее ласкою, тощая буренка немедленно подняла голову, сдернула съ англичанки ея соломенную шляпу и быстро удалилась съ нею на середину самой глубокой и непроходимой лужи, гдѣ со вкусомъ и съѣла шляпу, къ неопisanному удовольствію тети Полли, которая надъ этимъ очень смѣялась, а англичанка, потерявъ шляпу, повязалась своимъ носовымъ платкомъ и окончила обходъ въ этомъ уборѣ.

До вечера было сдѣлано множество вещей: въ ригѣ было настлано двадцать семь постелей изъ сухой костры и на нихъ уложили соотвѣтственное число людей, освободивъ отъ производимаго ими смрада тѣсныя избы, въ которыхъ мѣстились ихъ семейства. При этой «эвакуаціи» насилій не было, но имѣли свое мѣсто энергія и настойчивость обѣихъ женщинъ, которыя сами при этомъ работали до изнеможенія и не пришли обѣдать до темнаго вечера.

Матушка долго и напрасно ждала ихъ и сердилась. Обѣдъ весь перестоялся и былъ испорченъ. Отецъ стыдился покинуть тетю и англичанку однѣхъ съ больными мужиками и бабами, и тоже оставался въ ригѣ: онъ помогалъ имъ раскладывать больныхъ и защищать ихъ отъ сквозного вѣтра въ импровизированномъ для нихъ баракѣ.

Имъ тамъ было холодновато, но они тотчасъ же стали легче дышать, а въ то же время безопаснѣе и легче дышалось и тѣмъ, которые остались у себя въ избахъ.

Отецъ, тетя и Гильдегарда пришли въ домъ, когда уже былъ вечеръ, и ѣли скоро и съ аппетитомъ, а говорили мало. На лицахъ у обѣихъ женщинъ какъ будто отпечаталось то выраженіе, какое онѣ получили въ ту минуту, когда тетя проговорила:

— Это ужасно: круглый голодъ, — голодъ ума, сердца и души... И тогда уже—всякій голодъ!

Ни тетя, ни Гильдегарда не были теперь разговорчивы и даже отвѣчали суховато и какъ бы неохотно.

Мать имъ сказала:

— Извините за обѣдъ... Онъ весь перешель, — вы сами виноваты, что дотянули обѣдъ до звѣзды.

Гильдегарда ее, кажется, не поняла; но тетя, разумѣется, поняла, но небрежно отвѣтила:

— До звѣзды!.. Ахъ, да... и ты права: мы въ самомъ дѣлѣ очень любимъ звѣзды... ихъ видѣть такъ отрадно. Тамъ вѣдь, безъ сомнѣнія, живутъ другія существа, у которыхъ, можетъ-быть, нѣтъ столько грубыхъ нуждъ, какъ у насъ, и потому они, должно-быть, противъ насъ лучше, чище... меньше самолюбивы и больше сострадательны и добры...

— Но вѣдь это фантазія, — замѣтила мама.

Тетя ей не отвѣчала.

— И притомъ, мы всѣ очень грѣшны, — зачѣмъ намъ мечтать такъ высоко! — молвила мать, конечно, безъ всякаго намека для тети.

Тетя ее слышала и произнесла тихо:

— Надо подниматься.

— Да вѣдь какъ это сказать...

Матушка, кажется, побоялась сбиться съ линіи, а тетя ничего болѣе не говорила: она озабоченно копошилась, ища что-то въ своемъ дорожномъ баулѣ, а Гильдегарда въ это время достала изъ темнаго кожанаго футляра что-то такое, что я принялъ за ручную аптечку, и перешла съ этимъ къ окну, въ которое смотрѣлось небо, усѣянное звѣздами.

Мама вышла. Тетя закрыла баулъ, подошла къ столу, на которомъ горѣли двѣ свѣчки, и обѣ ихъ потушила, а потомъ подошла къ англичанкѣ и тихо ее обняла. Онѣ минуту стояли молча, и вдругъ по комнатѣ понеслись какіе-то прекрасные и до сей поры никому изъ насъ незнакомые звуки. То, что я принялъ за ручную аптечку, была концертина, въ ея тогдашней, примитивной формѣ, но звуки ея были полны и гармоничны, и подъ ихъ аккомпанементъ Гильдегарда и тетя запѣли тихую пѣсню — англичанка пѣла густымъ контральто, а тетя Полли — высокимъ фальцетомъ.

Онѣ пѣли «cantique» на текстъ «Приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ» (Іоан. VI, 37), и слова ихъ пѣсни передъ звѣздами (въ русскомъ переводѣ) были таковы:

«Таковъ какъ есть,—бо имя крови,
За насъ пролитой на крестѣ,
За вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ,
Христось, я прихожу къ Тебѣ.»

Я былъ пораженъ и тихой гармоніей этихъ стройныхъ звуковъ, такъ неожиданно наполнившихъ домъ нашъ, а простой смыслъ дружественныхъ словъ ибѣни илѣшилъ мое пониманіе. Я почувствовать необыкновенно полную радость оттого, что всякій человекъ *сейчасъ* же, «таковъ какъ есть», можетъ вступить въ настроеніе, для котораго нѣтъ расторгающаго значенія времени и пространства. И мнѣ казалось, что какъ будто, когда *онъ* тронулись къ Нему «за вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ», и *Онъ* тоже шелъ къ нимъ навстрѣчу, Онъ подавалъ имъ то, что дѣлаетъ иго Его благимъ и бремя Его легкимъ...

О, какая это была минута! я уткнулся лицомъ въ спинку мягкаго кресла и плакалъ впервые слезами невѣдомаго мнѣ до сей поры счастья, и это довело меня до такого возбужденія, что мнѣ казалось, будто комната наполняется удивительнымъ тихимъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ плыветъ сюда прямо со звѣздъ, пролетаетъ въ окно, у котораго поютъ двѣ пожилыя женщины, и затѣмъ озаряетъ внутри меня мое сердце, а въ то же время всѣ мы — и голодные мужики, и вся земля — несемся куда-то навстрѣчу мірамъ...

О, если бы за всѣ скорби жизни земной еще разъ получить такую минуту при уходѣ изъ тѣла!

Этотъ вечеръ, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снѣгомъ житейской зимы, кажется, имѣлъ для меня значеніе на всю мою жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

На другой день передъ обѣдомъ, когда тети Цолли и Гильдегарда, съ помощью отца и двухъ дворовыхъ, перекладывали въ ригѣ больныхъ на свѣжія подстилки изъ кострики, на которую разостлали рогожи, въ ригу неожиданно вошелъ исчезнувшій по осени съ нашего горизонта майоръ Алымовъ, а за нимъ шли его легавый «Интендантъ» и мальчикъ съ табачнымъ кisetомъ и съ трубкой.

Я почему-то сразу понялъ, что майоръ напрасно вошелъ сюда, что ему здѣсь не мѣсто, и точно то же самое, очевидно, подумалъ мой отецъ, который, увидавъ майора, слегка

покраснѣть, передалъ мнѣ въ руки полоскательницу съ уксусомъ и губкой, а самъ пошелъ скорымъ шагомъ навстрѣчу Алымову и, здороваясь съ нимъ одною рукою, другою далъ знакъ мальчику, чтобы онъ удалилъ отсюда собаку.

— Ахъ, да!.. здѣсь госпиталь! — замѣтилъ Алымовъ. — Это интересно. Я еще теперь только ѣду домой... Я всю зиму леталъ и своимъ мужикамъ не мѣшалъ жить какъ имъ угодно.. Вѣдь мы имъ, право, только мѣшаемъ... Они сами — чудесный народъ и всегда какъ-нибудь обойдутся... А вы представьте меня, пожалуйста, вашей сестрицѣ: я объ ней много слышанъ.

Отецъ представилъ его обѣимъ дамамъ, но тѣ поклонились ему черезъ плечо, не отрываясь отъ своего дѣла, и отецъ увелъ его въ домъ, а одинъ изъ дворовыхъ, подавая тетѣ дегтярное мыло и воду, чтобы вымыть руки, доложилъ ей вкратцѣ, что это за человѣкъ г. Алымовъ и какую онъ штуку сдѣлалъ, вымочивъ въ навозной жижи рожь, чтобы сдѣлать ее несѣдобной.

Тетя перевела это по-англійски Гильдегардѣ, а та прошептала: «O. God!» и сконфузилась какъ ребенокъ.

Алымовъ уже не могъ ожидать встрѣтить у этихъ женщинъ симпатіи и за обѣдомъ напрасно старался втянуть тетю въ разговоры: она или молчала, или говорила съ нами, т. е. съ дѣтьми, а Гильдегарда вовсе не вышла къ столу, потому что у нея разболѣлась голова.

Новый гость могъ бесѣдовать только съ моими родителями, да и то отецъ, повидимому, не радъ былъ ни его визиту, ни говорливости, но мама въ этотъ разъ была къ нему внимательна...

Она въ душѣ не долюбливала тетю Полли, которая всегда «брала все не въ мѣру»: то была «проказница», а потомъ стала «фантазерка», и теперь развела у насъ въ домѣ близкое и опасное сношеніе съ больными людьми, чего мама никогда бы не допустила!

Мама умѣла говорить немощко «въ пику» тѣмъ, чьи «правила» ей не нравились, и присутствіе майора Алымова давало ей прекрасный поводъ поиронизировать надъ причудами и выдумками «филантропокъ», затѣи которыхъ будто нимало не полезны для нашего народа, такъ какъ нашъ народъ превосходно вѣритъ въ Бога, и Богъ спасетъ его отъ всякихъ бѣдствій.

Алымовъ былъ совершенно тѣхъ же мнѣній и при концѣ обѣда резюмировалъ разговоръ:

— Вотъ я ни во что не мѣшался... И прекрасно!.. Къ чему?.. Я знаю, что всѣхъ спасти нельзя, и нечего пробовать! Не правда ли?.. А если нельзя помочь всѣмъ, то какое право мы имѣемъ дѣлать однимъ людямъ предпочтеніе передъ другими!.. Не правда ли? Если уже спасать, то спасать *всѣхъ* людей!.. Это я понимаю... Не правда ли? Но если я этого не могу, то я не мѣшаюсь... Я отхожу въ сторону и ничего не порчу, и... по крайней мѣрѣ я не посылаю зависти однимъ къ другимъ, какъ это на Западѣ, гдѣ все гнѣтъ, а не понимаютъ, отчего гнѣтъ? Не правда ли?.. Но у насъ этого нѣтъ... И вотъ, когда я могу сдѣлать серьезное и существенное дѣло, которое я, какъ хозяинъ, давно задумалъ, я его и дѣлаю — я возвращаюсь на мой постъ и всѣ мои крестьяне получаютъ *равно!*.. и если они не свиньи, — я оговариваюсь: если только они не свиньи, — то они навѣрно теперь поймутъ, что я для нихъ сдѣлалъ хорошее, а не дурное, и они благословятъ меня и отдадутъ мнѣ долгъ изъ новаго урожая!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Алымовъ уѣхалъ веселый и вдохновленный насквозь своимъ монологомъ, а ввечеру этого же дня къ намъ пріѣхалъ изъ Послова старикъ крѣпостной кондитеръ «бывшей княгини Д*», — очень почтенный человекъ, обучавшійся своему ремеслу въ Парижѣ. Онъ желалъ быть «допущенъ на очи» къ пріѣзжимъ дамамъ и въ витиевато сложенной рѣчи изложилъ имъ, что онъ «рабъ своей госпожи, бывшей княгини Д*», и былъ за границей съ покойнымъ княземъ и служилъ «у него при дворѣ» въ Петербургѣ, а теперь прибылъ отъ своей госпожи, которая «больна мнѣніемъ»: она уже всю зиму не выходитъ изъ одной комнаты... въ другую переступить боятся... а если переступить, то сейчасъ забезнокоится и говоритъ: «Я, вѣрно, что-то забыла?.. Скажите мнѣ, что я такое забыла? Боже мой!.. какая я несчастная! Отчего мнѣ никто не хочетъ напомнить?» А если сдѣлаетъ какое-нибудь распоряженіе, то очень странное. «Вотъ и теперь она прислала меня вамъ доложить, что отъ графа пришли въ посылкѣ двѣ шкуры отъ львовъ, которыхъ онъ убилъ, и она желаетъ подарить эти шкуры

бѣдственнымъ людямъ для ихъ постелей...» Поэтому его госпожа просить тетю и Гильдегарду, если онѣ позволятъ, привезти къ нимъ эти шкуры, и очень желали бы еще отдать что-нибудь, «что можетъ годиться»...

Наши дамы выслушали этотъ докладъ обѣ вмѣстѣ, но такъ какъ Гильдегарда говорила по-русски очень дурно, то отвѣчала за себя и за нее тетя Полли.

Она сказала:

— Бѣднымъ людямъ можетъ годиться все, что имъ захотятъ дать, и даже львиныя шкуры годятся, — мы ихъ охотно возьмемъ и за нихъ очень благодаримъ, но постигать ихъ мужикамъ мы не будемъ.

— Конечно, сударыня! — съ почтительнымъ поклономъ отвѣчалъ кондитеръ.

— Да, мы ихъ отошлемъ въ городъ и продадимъ ихъ, а на эти деньги кушимъ, что понужие.

— Разумѣется, сударыня! Какъ же можно иначе-съ! И это и говорилъ компаньонкѣ... Львиныя шкуры мужикамъ!.. И много ли это... всего на двухъ человекѣхъ... но вѣдь наша книжна... онѣ... болыны мнѣиёмъ и, — извините, — по-русски я не смѣлъ бы сказать о своей госпожѣ, а скажу по-французски, — онѣ совсѣмъ какъ... perroquet... Отъ горя своего въ послѣдней разлукѣ съ супругомъ онѣ стали совсѣмъ въ дѣтствѣ. Если бы вы осчастливили ихъ видѣть и сказали бы имъ, что надо сдѣлать... онѣ бы рады... И даже, можетъ-быть, большія благодѣянія могли бы людямъ сдѣлать... Супругу ихъ мы не можемъ достаться, потому что онъ здѣшнихъ правъ не имѣетъ владѣть живыми людьми, но мы можемъ поступить послѣ ея смерти въ раздѣлъ ихъ дальнимъ родственникамъ, въ жестокія руки... Вы извините меня, что я, какъ рабъ, и притомъ смѣю такъ говорить; но ихъ племянники и племянницы пишутъ къ ихъ компаньонкѣ и къ іерею... и эти имъ отвѣчаютъ... Все это на нашу бѣду!.. Если бы госпожа понимала, что можно сдѣлать, — онѣ бы сдѣлали... Онѣ теперь двухъ картофелинъ въ мундирахъ не докушиваютъ — одну сылаютъ на подачку бѣдственнымъ... Я ихъ мнѣиё понимаю: они алкаютъ добродѣтели... и не умѣютъ... Онѣ сказали про васъ компаньонкѣ: «Какія это дамы пріѣхали? Говорятъ, добрыя... Ахъ, когда бы были на свѣтѣ гдѣ-нибудь добрые люди!.. Я даже не вѣрю: говорятъ — эти дамы всюду сами ходятъ и не боятся...

Зачѣмъ я такъ не могу?..» Ихъ, вѣдь, такъ воспитали и... графъ (мы ихъ супруга называемъ для ихъ удовольствія *графомъ*—они французъ)... графъ ихъ робковать и онъ имъ сказалъ, что надо опасаться голодныхъ людей, — и самъ уѣхать.—и княгиня все боится, и затомили себя въ одной комнатѣ въ домѣ... Но если бы кто ихъ постигъ, къ кому онъ, какъ къ вамъ, расположились своею мечтою...

И старикъ вдругъ упалъ на колѣни, воздвѣлъ руки вверхъ и зашепталъ придыханьемъ, рыдая:

— Рабыни Господни!.. Умилосердитесь... Разрушите совѣтъ нечестивыхъ!.. Придите!.. Вложите ей мысль... Она вѣдь добра... Быть-можетъ, она завѣщаетъ отпустить насъ на волю!

А пока онъ рыдалъ и это высказывалъ, тетя и Гильдегарда переслались другъ съ другомъ своими говорящими глазами, и отвѣтъ ихъ былъ готовъ.

— Онъ есть тутъ лошадь? — спросила Гильдегарда, касаясь своимъ пальцемъ до груди слуги.

Какъ квакерша, она никому не говорила «вы», и не желая говорить «ты» тѣмъ, съ кѣмъ это было неудобно, употребляла мѣстоименія въ третьемъ лицѣ, касаясь при этомъ рукою того человѣка, къ которому относились ея слова.

Кондитеръ былъ присланъ съ кучеромъ въ рессорной разсыльной телѣжкѣ, и когда Гильдегарда получила отвѣтъ, что есть на чемъ ѣхать, — она сейчасъ же встала и взяла со стола импровизированную шляпу, сшитую ей вчера тетею изъ сѣраго коленкора.

Тетя сказала ей одно только слово:

— Конечно!

Имъ было достаточно этого слова, чтобы понять въ немъ все, что было нужно.

Но этотъ день, о которомъ я рассказываю, приводитъ къ концу мои воспоминанія о нашихъ домашнихъ событiяхъ при проходахъ голоднаго года, — были днемъ удивительныхъ сюрпризовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Гильдегарда, уѣхавшая въ сумерки, не возвратилась къ ночи.

Для разстоянiя въ четыре или въ пять верстъ, которое отдѣляло нашу деревушку отъ богатаго села Послова, было довольно времени, чтобы сѣздить въ два конца и имѣть достаточно времени для дѣловаго разговора или для перваго знакомственнаго визита, къ избалованной и одичавшей

капризницѣ и недотрогѣ, какою все и не безъ основанія считали «бывшую княгиню» Д. Но Гильдегарда не возвращалась.

Отца это обезпокоило, и онъ хотѣлъ непременно послать за ней свои дрожки въ Послово, — даже и матан находила это необходимымъ, но тетя настойчиво потребовала, чтобы этого не дѣлали.

Тетя сказала о Гильдегардѣ:

— Она безъ надобности нигдѣ тратить время не станетъ, а если она находитъ, что ей тамъ есть дѣло, то для чего ее отрывать оттуда *по нашимъ соображеніямъ*, когда она пошла туда по волѣ Бога?

Матан было непріятно, что тетя такъ безцеремонно думаетъ, будто ихъ туда и сюда посылаетъ Богъ.

Она это ей и сказала, конечно, съ смягчающей шуткой, но та ей отвѣтила совершенно серьезно:

— Я не возьму моихъ словъ назадъ: Богъ дѣйствительно посылаетъ туда и сюда всехъ тѣхъ, кто ищетъ вездѣ исполнить не свою волю, а послужить другимъ.

Тетя согласилась только на то, чтобы отецъ послалъ верхового — проѣхать до Послова и посмотреть: не случилось ли съ Гильдегардой и ея кондитеромъ что-нибудь въ дорогѣ? А негласно посланному велѣно было какъ-нибудь разузнать: отчего не возвращается англичанка?

Посланный скоро возвратился и привезъ извѣстіе, что путники доѣхали благополучно, и что англичанка у госпожи Д* и выходила съ ней на балкоцъ.

Тетя улыбнулась и сказала:

— Вотъ видите: она ее уже выводитъ на чистый воздухъ.

Утромъ Гильдегарда вернулась и сказала что-то тетѣ очень тихо, — въ отвѣтъ на что та покраснѣла и отвѣтила:

— Для чего ей это дѣлать? Я сама сейчасъ къ ней поѣду. Братъ! дай мнѣ лошадь въ Послово.

Такой оборотъ былъ неожиданъ и невѣроятенъ: эти двѣ женщины, соперничество которыхъ когда-то было такимъ непримиримымъ, что никто не могъ думать объ ихъ встрѣчѣ, шли нынче навстрѣчу другъ другу, и даже снѣнили одна другую предупредить въ этомъ движеніи!..

Для чего это имъ было нужно?

Но тетя уѣхала и пѣль ея поѣздки оставалась загадкою, а прежде чѣмъ она успѣла вернуться къ намъ, прискакали самъ на себя не похожіи Алымовъ.

Онъ былъ блѣдень, разстроенъ и растрепанъ, его кокъ ушалъ и повисѣлъ, галстукъ сбился на бокъ и венгерка разстегнута...

— А чтѣ я вамъ говорилъ!—началъ онъ, входя въ залу и ни съ кѣмъ не здороваясь.

Отецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Я не помню, чтѣ такое вы мнѣ говорили?

— Я говорилъ вамъ вчера... и вашей сестрѣ, что наши люди—это не люди, а это скоты!

— Ну, хорошо... я этого что-то не помню; но, впрочемъ, что жъ дальше?

— Моя яровая рожь вся тю-тю!

— Какъ?

— Тю-тю вся до послѣдняго зерна!

— Но вѣдь она была у васъ подъ замкомъ?

— Подъ большимъ американскимъ замкомъ, котораго невозможно ни отпереть безъ ключа, ни сбить, не разоривъ двери.

— Ну, и что же?

— Просверлили дыры въ доскахъ въ полу и все выпустили!

— Когда же это?

— Почему же я могу это знать! Меня всю зиму не было дома... А Кромсай, подлецъ, которому я, какъ вольному человѣку, поручалъ наблюдать и обѣщаль дать ему за это теленка, говоритъ: «должно-быть, зимой помаленьку цѣдили». А куда же, спрашиваю, они ее дѣли? — «Должно-быть, говоритъ, слопали»... Ну, не скоты ли!.. Вѣдь она, говорю, была вонючая!.. я ее нарочно припоганилъ! «Такъ, говоритъ, поганковатую, вѣрно, и слопали». А чего «вѣрно», когда онъ самъ же, подлецъ, ее и лопалъ!

— Почему же вы это узнали?

Алымовъ закашлялся, покраснѣлъ и, вытащивъ изъ кармана венгерки мужичью трубку съ мѣдной крышкой, швырнулъ ее на столъ и закричалъ:

— Смотрите ее!.. Вотъ почему!.. Это его, подлеца, трубка... Не правда ли? ее подъ амбаромъ нашли... Онъ еще и всю усадьбу сжечь могъ. Я ихъ теперь всѣхъ, подлецовъ, разнесу... Я имъ сказалъ: «Я прямо поѣду къ исправнику и потребую сюда временное отдѣленіе земскаго суда... Пусть васъ всѣхъ заберутъ и заморятъ!..» А онъ еще, этотъ Кромсайка... вообразите, даетъ мнѣ въ родѣ родительскаго наставленія... «Погоди, — говоритъ, — ты еще младъ чело-

вѣкъ, тебѣ еще много вѣку надо на землѣ жить да радоваться... а ты себя укорочать хочешь... Это моя трубка, ничего что она моя... У меня ее, братъ, украли да тебѣ подкинули... Это все вороги... народъ воровской—шельмы... А ты ихъ не замай... прости... Богъ съ ними... Ты ужъ того, что пропало, не воротись, а потерпи—оно само вѣрнѣе въ другой оборотъ придетъ... А то укоротятъ тебѣ вѣку»... Вообразите, краснымъ пѣтухомъ меня пугать стали!.. «Спать, — говоритъ, — дѣло сусѣдское: развѣ какому-нибудь жигуну огонька сунуть долго! У тебя постройка хозяйственная — весь дворъ въ кольцо — запылаетъ, и живой не выпрыгнешь». Стращать меня!.. Не правда ли? Но это неправда!.. Я не французъ изъ города Бордо... я не поѣду въ Африку львовъ стрѣлять, а сейчасъ прямо къ губернатору.

Отецъ сталъ его уговаривать и увелъ къ себѣ въ кабинетъ, потому что въ это время возвратилась тетя и отецъ не хотѣлъ ей показывать Алымова, положеніе котораго было и крайне смѣшно, и жалостно.

Впрочемъ, на этотъ разъ отецъ мой имѣлъ удачу: онъ успокоилъ майора и уговорилъ его побывать у губернатора, но не сильно жаловаться, и лучше простить мужиковъ, не разыскивая, кто изъ нихъ «полопалъ» припоганенную рожь.

Губернаторъ далъ ему тотъ же самый совѣтъ, которому Алымовъ и внялъ, и смилостивился надъ мужиками, — онъ «простилъ ихъ». А зато его Богъ простилъ и пропача его «возвратилась другимъ оборотомъ»: дивный урожай, слѣдовавшій за голоднымъ сороковымъ годомъ, — обсѣменилъ его поля самосѣвомъ, и Алымовъ «сжалъ, гдѣ не сѣялъ».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Свиданіе же тети Полли съ бывшей княгиней Д*, вѣроятно, имѣло что-то неудобопередаваемое. Тетя вернулась домой въ сумерки, когда всѣ мы, дѣти, сидѣли вокругъ Гильдегарды Васильевны въ отведенной для нихъ комнатѣ. Англичанка показывала сестрѣ моей, какъ надо дѣлать «квадратный шнурокъ» на рогулькѣ и въ то же время рассказывала всѣмъ намъ по-французски «о несчастномъ Іудѣ изъ Керіота». Мы въ первый разъ слышали, что это былъ человѣкъ, который имѣлъ разнообразныя свойства: онъ любилъ свою родину, любилъ отеческій обрядъ и испытывалъ

страхъ, что все это можетъ погибнуть при переменѣ пошгѣи, и онъ сдѣлалъ ужасное дѣло, «предавъ кровь неповинную».

Въ это время въ комнату вошла тетя Полли и, сказавъ всѣмъ намъ общее привѣтное слово, опустилась на стоявшее въ углу кресло.

— Что жъ вы замолкли?—сказала она:—продолжайте говорить, о чемъ вы говорили.

Гильдегарда Васильевна мелькомъ взглянула на нее и продолжала объ Иудѣ, и закончила, что если бы онъ былъ безъ чувствъ, то онъ бы не убилъ себя, а жилъ бы какъ живутъ многіе, погубивши другого.

Тетя прошептала:—Правда.

Англичанка спустила паузу и сказала:

— Ты довольна собой или нѣтъ?

Тетя Полли хрустнула пальцами руки и отвѣчала:

— Не знаю, но... она такъ трогательна, она переноситъ на меня такія чувства, что мнѣ хочется плакать.

Въ голосѣ у нея въ самомъ дѣлѣ звучали слезы. Англичанка опять дала паузу и потомъ тихо сказала:

— Титанія...

Но тетя перебила скороговоркою:

— Ахъ, конечно, конечно!.. Титанія, доразсвѣтная Титанія, которая еще не видитъ, что она впотьмахъ цѣловала... осла!..

— Я этого не сказала,—замѣтила, смутясь, Гильдегарда.

— Ничего, мой другъ! Ничего! я знаю, ты не хочешь, чтобы я «предавалась воспоминаніямъ», ну, и карай меня!

Тетя ласково кинула на плечи англичанкѣ свои руки и сказала:

— Ты Петръ, и это значить: «камень»; и ты блаженна,—но прости насъ, грѣшныхъ!

И она, кажется, хотѣла спуститься и стать на колѣни, только Гильдегарда успѣла схватить ее подъ плечи и воскликнула:

— Полли! Полли! Неужели я тебя оскорбила?!

— Нѣтъ,—отвѣчала тетя:—мнѣ просто... хочется плакать.

Онѣ обнялись, и тетя два раза всхлинула, потомъ утерла слезы и, улыбувшись, сказала:

— Вотъ когда *аминь!*

Свиданіе это имѣло также и другія разнообразныя дѣбрыя послѣдствія, изъ числа которыхъ два были очень замѣчательны. Первое состояло въ томъ, что больныхъ въ нашей мѣстности съ этихъ поръ уже не приходилось болѣо

класть на кострикъ въ холодной ригѣ, потому что «бывшая княгиня» построила «для всей мѣстности» прекрасную больницу и обезпечила ее «на вѣчныя времена» достаточнымъ содержаніемъ; и второе: слезы кондитера, рыдаваго и воздымавшаго руки къ «рабынямъ Господнимъ», были отерты: въ Пословѣ было написано завѣщаніе, дававшее послѣ смерти Д* «всѣмъ волю».

Это было величайшее событіе во всей губерніи, которая такого примѣра даже немножко испугалась.

А кромѣ того, въ день отъѣзда отъ насъ тети и Гильдегарды, «бывшая» Д* сама пріѣхала къ намъ, чтобы еще разъ видѣть обѣихъ этихъ женщинъ.

Я ее помню, эту «Титанію», —какая она была «нетлѣнная и жалкая»: вся въ лиловомъ бархатномъ капотѣ на мягчайшемъ мѣхѣ шеншелѣ, —дробненькая, миниатюрная, съ крошечными руками, но припухлая, и на всѣхъ смотрѣла съ какимъ-то страхомъ и недовѣріемъ. Ея лицо имѣло выраженіе совы, которую вдругъ освѣтило солнце: ей было и неприятно, и больно, и въ то же время она чувствовала, что не можетъ теперь сморгнуть въ сторону.

Мнѣ показалось, что вотъ это и есть онъ самъ — воплощенный голодъ ума, сердца, чувствъ и всѣхъ понятій.

Тетѣ некогда было съ нею теперь заниматься, потому что, узнавъ объ ихъ отъѣздѣ, пришло множество больныхъ и всѣ ожидали у балкона, на которомъ тетя и Гильдегарда ихъ осматривали, обмывали и гдѣ было необходимо — дѣлали проколы и надрѣзы.

«Бывшую» Д* посадили въ кресло на этомъ же балконѣ. Она сама не хотѣла отсюда удалиться и смотрѣла съ величайшимъ вниманіемъ на все, что дѣлала тетя, и наконецъ даже сама захотѣла принять хоть какое-нибудь непосредственное участіе и сказать человѣку хоть теплое слово.

Къ этому и представился поводъ въ томъ случаѣ, который особенно поразилъ вниманіе ея голоднаго ума.

Въ числѣ женщинъ, пришедшихъ съ больными дѣтьми, стояла баба неопредѣленныхъ лѣтъ, худая, съ почернѣвшей кожей; она была беременна и имѣла при себѣ трехъ дѣтей, изъ которыхъ двое тянулись за материну юбку, а третье безпомощно пищало у ея изможденной груди.

У всѣхъ дѣтей лица были въ красныхъ отмѣткахъ наружной болѣзни, которую въ крестьянствѣ называютъ «огникъ».

Это поразило даму, и она устремила на бабу пристальный взоръ и, не умѣя соразмѣрять голоса, сказала ей строго:

— Это зачѣмъ столько?

— Что матушка?

— Зачѣмъ столько... дѣтей?

— Да вѣдь какъ же мнѣ быть-то? замужемъ я... сударынька!

— Ну, и что же такое!.. И я замужемъ... Дѣтей нѣтъ.

— Ваше дѣло иное, сударынька...

— Отчего дѣло иное? Пустяки!

— Какъ пустяки, болѣзная: вы живете въ такихъ-то широкихъ хоромахъ... Накось какое мѣсто... занимаете... просторъ вамъ... разойдетесь и не сусрѣтитесь; а у насъ избы тѣсныя, все мы вмѣстяхъ да вмѣстяхъ...

— Ну, и не надо!

— Да не надо, а приключается.

Тутъ сразу и баба, и дама остановились, и тетя расхохоталась, а Гильдегарда сконфузилась. Тогда и «бывшая» Д* что-то поняла и, осмотрѣвъ бабу въ лорнетъ, проговорила:

— *Savez-vous: elle est maigre, mais...*

Дама вдругъ вздрогнула, нѣсколько разъ перекрестилась и прошептала:

— *Retire-toi, Satan!*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Прощаясь съ тетей, дама еще выкинула претрогательную штуку, которая была бы въ состояннн очень сконфузить тетю, если бы та не была находчива.

Когда тетя простилась и съ этою дамою, и со всѣми нами, и перецѣловала всѣхъ окружавшихъ ее дворовыхъ женщинъ и горничныхъ дѣвушекъ, и уже занесла ногу на спускную ступеньку коляски, — «бывшая» Д* ринулась къ ней, какъ дитя къ страстно-любимой нянькѣ, и закричала:

— *Arrêtez! Arrêtez!*

— Чтò вамъ угодно, *princesse*?

— Вотъ именно... вотъ и объ этомъ... Если можно... я могу буду вамъ это отдать?

Она держала вынутый изъ кармана капота конвертъ.

— Чтò это такое?

— Мой *testament*... я всѣхъ на волю.

— Ахъ, это надо послать въ опекунскій совѣтъ!

— Да, вотъ, ужь это именно вы... Я боюсь сдѣлать именно такъ, какъ не надо.

Тетя взяла конвертъ.

— И еще... мнѣ скажите,—проговорила и запнулась Д*:*— что я могу буду или нѣтъ къ вамъ написать?

— Пожалуйста!

— И вы мнѣ будете писать отвѣтъ?

— Непремѣнно!

— Тогда... еще одно... Я могу буду васъ попросить...

— Все, что угодно.

— Не пишите мнѣ *princesse*, а... напишите мнѣ...

— Просто ваше имя?

— Нѣтъ!.. напишите мнѣ просто: *ты!*

Тетѣ, вѣроятно, показалось, что она ослышалась, и она недоумѣло и тихо спросила:

— Что?

А та ей робко и краснѣя прошептала: — «ты»! я хочу: «ты»!

Тогда тетя вдругъ вся вспыхнула, нагнулась къ ней, поцѣловала ее и сказала ей твердо и громко:

— Хорошо: я *тебѣ* напишу «ты» и буду о *тебѣ* думать съ любовью, которой «ты» стоишь.

Тутъ и произошло для финала нѣчто смутившее тетю, потому что бывшая ея соперница и «бывшая» Д*:* вдругъ сжала въ своихъ рукахъ и поцѣловала *ея руку!*

Но тетя Полли, я говорю, была находчива: она успѣла взять обѣ ея руки и обѣ ихъ поцѣловала, и сказала:

— Будь счастлива—и прощай, а то я, пожалуй, при всѣхъ разревусь здѣсь, какъ дура!

Подозрѣвали тогда, что въ мозгу Д*:* въ это время была уже такая путаница, что она не узнавала въ тетѣ Полли лицо, нѣкогда ее сильно уязвившее; но это была неправда. Компаньонка этой дамы рассказывала, что, сдѣлавъ знакомство съ тетеею, Д*:* постоянно ею бредила и искала случая говорить о ней, и всякій разговоръ заключала словами:

— Что жъ... ее вѣдь не любить нельзя... Я *его* понимаю... Нельзя!..

А когда Д*:* вскорѣ послѣ этого умерла, то въ мелкихъ вещахъ, завѣщанныхъ ею разнымъ лицамъ, нашли конвертикъ, ею самою надписанный на имя тети Полли. Онъ былъ

тщательно-претщательно обвязанъ шелковымъ шуручкомъ и припечатанъ два раза, и въ немъ оказался миниатюрный портретъ «робковатаго» стрѣлка львовъ, за котораго онѣ когда-то взаимно ненавидѣли другъ друга, и потомъ, вѣроятно, обѣ почувствовали, что ненавидѣть другъ друга ни за что на свѣтѣ—не стоить!

Чувствительные люди, которымъ сдѣлалось извѣстно объ этомъ подаркѣ, были этимъ очень тронуты, и поняли дѣло такъ, что миниатюра подарена тетѣ Полли, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы она перешла княжнѣ Валѣ, которая приходилась слишкомъ сродни тому, чьи черты передавала миниатюра; но тетя какъ-то всю эту тонкость промакировала и о миниатюрѣ не осталось ни памяти, ни слѣда.

Эта Титанія, очевидно, уже не придавала никакого значенія миниатюрамъ прошлыхъ увлеченій, которыя померкли въ лучахъ озарившаго ее великаго Солнца Любви, свѣтящаго въ вѣчность...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Голодный годъ прошелъ: злаки взошли, и люди, и животныя стали сыты. Хлѣбъ созрѣлъ необыкновенно рано. Въ половинѣ юня мужики уже парили въ горшкахъ рожь и ѣли ее немолотую, а къ Петрову дню некли «новый хлѣбъ».

Петровъ день—это былъ «нашъ престолъ» и «нашъ праздникъ». Духовенство обходило съ образами приходъ, пѣло молебны и собирало «новину». На улицѣ опять «шла гульба», было «сыто и пьяно»; высоко «подмахивали качели», и молодые люди, стѣной наступая другъ на друга, пѣли: «А мы просо сѣяли!» А другіе отвѣчали: «А мы просо вытопчемъ. Ой, дидъ Ладо, вытопчемъ!» А за ручьемъ на косогорѣ, гдѣ были кабакъ, разливало: «Паваримте, братцы, нива молодого»...

Пошла опять знакомая струя, но эти звуки, долетавшіе въ нашу дѣтскую, мнѣ уже не были милы. Я уже разсуждалъ, что это за «дидъ», что за «Ладо»? Зачѣмъ одни хотятъ «вытоптать» то, что «посѣяли» другіе? Я былъ тронуть съ стараго мѣста... Я ощущалъ *молодъ* ума и мнѣ были милы тѣ звуки, которые я слышалъ, когда тетя и Гильдегарда пѣли, глядя на звѣздное небо, давнее имъ «зрѣніе», при которомъ можно все простить и все въ себѣ и въ другихъ успокоить.

О „КВАКЕРЯХЪ“.

(Post-scriptum къ «Юдоли».)

«Honey soit qui mal y pense».

Мои ретроспективные рассказы, напечатанные подъ заглавіемъ «Юдоли», вызвали у нѣкоторыхъ лицъ недоумѣнія: нѣкоторымъ изъ читателей показалось странно, откуда взялась квакерша въ русскомъ домѣ 30 — 40-хъ годовъ?! Этимъ читателямъ помнится, что тогда въ дворянскую жизнь скорѣе врѣзывалось романтическое вліяніе римскаго католицизма, къ которому покровительственно относились оберъ-прокуроръ синода кн. Голицынъ и другія вліятельныя особы тогдашней поры, но что тогда, будто бы, отнюдь неизвѣстно было «суровое — квакерское, религіозное резонерство». А потому упомянутымъ читателямъ думается, что эпизодъ съ выведенной у меня квакершей Гильдегардой какъ будто бы не подходитъ къ тому времени и отдаетъ свѣтомъ иной, позднѣйшей поры, наступившей послѣ появленія въ русскомъ обществѣ англичанина, лорда Редстока. При чемъ мнѣ дѣлають указанія на сочиненія протоіерея Михаила Як. Морозкина и гр. Дм. Андр. Толстого о іезуитахъ, а также и на то, что писали о Редстокѣ кн. Мещерскій и другіе, «совоспитанные ему». Нѣкто же, болѣе прочихъ увѣренный въ основательности своихъ свѣдѣній по исторіи «постороннихъ религіозныхъ вліяній», утверждаетъ, будто «квакеры даже и не видали въ Россіи до нынѣшняго (1892) года, когда они прибыли сюда

подъ именемъ *Друзей* и привезли въ Россію денежную помощь для голодныхъ».

Такія замѣчанія очень многозначительны для писателя, и на всѣ эти, съ разныхъ сторонъ доходящія до меня замѣчанія я считаю необходимою дать читателямъ моихъ воспоминаній объясненіе.

Вначалѣ скажу, что я, конечно, читалъ и знаю, что писали о католичествѣ въ Россіи протоіерей Морошкинъ и графъ Дм. Толстой, а о Редстокѣ есть книга, написанная мною самимъ, и за свѣдѣніями объ этомъ англичанинѣ мнѣ итъ никакой надобности обращаться къ сочиненіямъ кн. Мещерскаго,—а затѣмъ перехожу къ объясненіямъ по самому существу выраженныхъ «недоумѣній».

Совершенно справедливо и въ историческихъ изысканіяхъ послѣдняго времени съ достовѣрностью доказано, что въ тридцатыхъ годахъ среди русской знати имѣло значительный успѣхъ стороннее вліяніе римскаго католичества, а не протестанство, но это отнюдь не доказываетъ, что тогда совсѣмъ не имѣли участія въ русской жизни и другія религіозныя вѣянія, исходившія отъ людей, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ «піетистовъ» (отъ *pietas*—благочестіе), въ числѣ которыхъ были и *квакеры*.

Такъ какъ въ «Юдоли» я сообщаю воспоминанія, касающіяся только моего родственнаго круга, то для оправданія себя лично я почелъ бы достаточнымъ сказать, что по отношенію къ протестантамъ мы въ своемъ родственномъ кругу были въ особливыхъ, сближающихъ условіяхъ, такъ какъ одна изъ моихъ тетокъ была замужемъ за англичаниномъ, и всѣ мы (тогдашняя молодежь) выросли въ уваженіи къ вѣрованіямъ и благочестію родственнаго намъ англійскаго семейства, въ которомъ наши старшіе нерѣдко ставили намъ, молодымъ, на видъ образцы дѣятельной христіанской жизни, послужившіе намъ во многомъ примѣрами. Мнѣ кажется, одной этой ссылки было бы довольно, чтобы читателю стало ясно, какъ въ семью нашу проникалъ немножко духъ англійской религіозности, и почему живая душа тети Полли послѣ своихъ хромыхъ движеній туда и сюда—на оба колѣна—нашла облегченіе и попутный ходъ къ свѣту въ содружествѣ такой женщины, какъ описанная мною молодая и очень красивая квакерша Гильдегарда Ва-

сильевна, которую тети Полли встрѣтила случайно, быстро ее поняла и оцѣнила, а потомъ страстно къ ней привязалась и часто называла ее своею «крестною матерью», хотя безъ всякаго сомнѣнія Гильдегарда надъ моею тетушкою воднаго крещенія не повторяла.

Московскіе старожилы, которымъ сколько-нибудь памятно англійское населеніе «Шкоговскаго дома» въ Леонтьевскомъ переулкѣ, конечно знаютъ, что тамъ, въ этомъ старомъ домѣ, пока онъ принадлежалъ г-жѣ Шкотъ (мачихѣ мужа моей тетки), всегда былъ выборъ англичанокъ, занимавшихъ мѣста воспитательницъ. И это всегда были особы нравственныя, иногда очень образованныя и всегда строго религіозныя.

Отсюда онѣ разлѣзжались «на мѣста» по Россіи, и по преимуществу въ тѣ губерніи, гдѣ четыре сына «старого Шкота» (Якова Яковлевича) занимались управленіемъ большими помѣщичьими *имѣніями* Нарышкиныхъ и Перовскихъ.

Сосѣди просили ихъ рекомендовать «англичанокъ» *благонадежныхъ* и получали какъ разъ такихъ, какихъ просили.

Изъ этихъ воспитательницъ очень многія «приросли» къ своимъ воспитанницамъ и остались друзьями ихъ *на всю жизнь*. А между ними бывали и методистки, и квакерки. Ни рекомендатели, ни наниматели въ этомъ никакой разницы не полагали *).

*) Теперь мнѣ приходится на память одинъ не важный, но характерный случай, дополняющій картину отношеній родственниковъ моихъ къ квакерскимъ женщинамъ. Изъ числа моихъ двоюродныхъ братьевъ одинъ овдовѣлъ въ очень молодыхъ годахъ и у него осталось трое дѣтей, съ которыми онъ не зналъ какъ управиться, и очень тосковалъ по своей прекрасной скончавшейся женѣ. Тетка наша, бывшая за англичаниномъ, очень сожалѣла этого своего племянника, но раздѣляла его опасенія, что жениться во второй разъ очень рискованно, ибо первоначальнымъ дѣтямъ при мачихѣ будетъ худо. Они перебирали на совѣтъ множество извѣстныхъ имъ дѣвушекъ и все находили, что «ненадежно» и «страшно»: жена можетъ выйти изрядная, а для того, чтобы вышла добрая мачиха,—ни одна этому не отвѣчала. Тогда тетка и сказала племяннику: «Развѣ вотъ что: если ты дѣйствительно честный человекъ и хочешь жениться для счастья семьи, а не для одной своей утѣхи, то поѣзжай въ Англію, найди тамъ себѣ расположеніе въ квакерской семьѣ и *женись на квакеркѣ*. Онѣ умѣютъ приводить миръ въ домъ». Родственникъ нашъ такъ и сдѣлалъ,—онъ уѣхалъ въ Шотландію на пѣлый годъ и возвратился оттуда съ молодою женою, которая въ первый же день своего пріѣзда въ домъ мужа собственноручно вымыла babysoap'омъ уши его дѣтямъ и повела ихъ такъ, что ничьи глухыя наученія не по-

Слѣдовательно, квакеркѣ придти въ орловское дворянское семейство тогда было очень просто, и она для этого не имѣла надобности прибѣгать ни къ какимъ хитростямъ. На этомъ, я думаю, можно бы и кончить, ибо ясно, что въ нашъ родственникъ кругъ было откуда придти квакершѣ; но такимъ образомъ выяснился бы только частный случай, касающійся нашего родства; да и въ томъ читатель долженъ бы былъ принимать мои слова на-вѣру,—чего я не желаю. А я хочу и долженъ основательно удостовѣрить читателя, что квакеры впервые появились въ Россіи не въ 1892 году, «съ пособіемъ», а что они были здѣсь гораздо ранѣе, не только «до Редстока», но даже и до нашего рожденія,—и что присутствіе ихъ (мужчинъ и женщинъ, и даже *особенно женщинъ*) у насъ тогда уже очень чувствовалось и даже вызывало правительственныя мѣры. Къ этому теперь и прошу вниманія.

Я не знаю, по какому случаю въ Сибирь были сосланы изъ Россіи «слѣдователи квакерской ереси: квакеры и квакеры» (sic), но въ числѣ нѣсколькихъ бумагъ о «сибирской старинѣ», подаренныхъ мнѣ покойнымъ сибирскимъ уроженцемъ,—извѣстнымъ золотопромышленникомъ и русскимъ генералъ-маіоромъ Вѣнаминомъ Ивановичемъ Асташевымъ, есть обстоятельная записка именно «о квакереяхъ» (т.-е. женщинахъ), и въ этой интересной запискѣ, составленной со ссылками на года и на лица, значится слѣдующее:

мѣшали ей овладѣть ихъ почтеніемъ и любовью. А когда это такъ пошло, то другой братъ этого родственника, холостой, тоже пожелалъ жениться на англичанкѣ и притомъ на такой, которую ему посовѣтуетъ взять сволченица. Та это обдумала и исполнила: она дала ему письмо въ свою родную семью, гдѣ онъ нашелъ себѣ суженую въ младшей сестрѣ жены своего брата, и не избѣгъ этой судьбы: онъ женился на ней и остался навсегда въ Англіи, въ семьѣ престарѣлаго тестя своего, а свое имѣніе въ Россіи передалъ брату и съ нимъ разсчитался. Не возвращаясь онъ въ Россію, какъ говорили, потому, что здѣсь бракъ двухъ братьевъ съ двумя сестрами могъ быть признанъ незаконнымъ, а также и потому, что очень полюбилъ семейство жены и не хотѣлъ огорчать ее разлукою съ ея отцомъ. Итакъ, этотъ нашъ чистосердечный родственникъ съ очень милою, поэтическою натурою навсегда отчуждился отъ родины и мы его совѣмъ потеряли изъ вида, но слышали, что онъ пользовался въ общинѣ прекрасною репутаціею и видѣлъ на себѣ и на семьѣ своей «благословеніе Божіе». — что по ихъ манерѣ выражаться замѣняетъ понятіе, усвояемое словомъ: онъ «былъ счастливъ».

«*Квакереями* въ преданіяхъ томскихъ старожиловъ называются *послѣдовательницы квакерской ереси*, сосланныя въ томскій дѣвичь-монастырь, въ послушаніе и тяжкія монастырскія работы. Колодницы эти, числомъ двадцать двѣ, имѣли большое вліяніе на *религіозныя понятія тогдашнихъ томскихъ обывателей*. «Осужденныя за богомерзкую ересь, эти женщины прибыли въ томскій дѣвичь-монастырь въ 1744 году и оставались въ немъ даже и тогда, когда самый монастырь былъ уже упраздненъ и церковь его обращена въ приходскую. О нихъ въ памяти томскихъ старожиловъ сохраняется много «разнообразныхъ преданій». Преданія эти довольно обширны и излагать ихъ въ подробностяхъ для нашей цѣли нѣтъ надобности, но изъ всѣхъ изъ нихъ вытекаетъ прямой выводъ, что въ Сибири о «квакереяхъ» знали и сначала судили о нихъ различно, — кто хорошо, а кто худо: одни почитали «квакерей» за добрыхъ, благочестивыхъ женщинъ и относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, а другіе видѣли въ нихъ вредныхъ «еретицъ» и пренебрегали ими. Эти послѣдніе обходились съ квакереями недружелюбно и желали вызывать противъ нихъ общее недовѣріе и строгости. Авторъ Асташевской записки (духовное лицо одной изъ сибирскихъ епархій), на основаніи извѣстныхъ ему соображеній, предполагаетъ, что не всѣ 22 томскія колодницы содержали квакерскую ересь, и что между ними были и другія сектантки: но во мнѣніи томскихъ обывателей всѣ онѣ неправильно почитались подъ одну стать «квакереями». Изъ нихъ, по разсказу этого очень обстоятельно освѣдомленнаго автора, особенно извѣстна была нѣкая «*матеря Надѣжа Григорьевна*». По описанію, это была очень дородная женщина, «огромнаго роста», которая прославилась «благочестивою жизнью», и томскіе любители благочестія ходили къ ней молиться и «совѣтоваться въ семейныхъ дѣлахъ, а особенно въ горестяхъ»; а по сосѣдству съ «*матерю Надѣжею Григорьевною*» жилъ ея братъ «и другія *квакеры*», прожившія въ Томскѣ болѣе пятидесяти лѣтъ и оставшія по себѣ воспитанниковъ, подобныхъ по духу самой Надѣжѣ Григорьевнѣ *)». Но въ чемъ

*) О братѣ Надѣжи Григорьевны нѣтъ объясненія: былъ ли и онъ тоже квакеръ, и были ли съ нимъ сосланы тоже другія лица мужескаго пола, или онъ одинъ попалъ сюда при сестрѣ и другихъ квакереяхъ.

именно и какъ выражался духъ «матерой квакерей Надѣжи Григорьевны» — авторъ записки не разъясняетъ, но зато въ запискѣ встрѣчается отдѣльное упоминаніе о другой квакереѣ, по имени Маріи Матасовой, при которой значится, что ей ставили въ вину. Изъ отмѣтки о Матасовой видно, что въ 1826 году священникъ томскаго Благовѣщенскаго собора, Никифоръ Большанинъ, сдѣлалъ въ томское духовное правленіе «доносъ», въ которомъ притомъ прописалъ и общую характеристику дѣятельности «квакерей» (Указъ тобольской консисторіи 1826 г., за № 3067). Изъ доноса видно, что названный сибирскій духовный, надо полагать, имѣлъ что-то непріязненное противъ священника того монастыря, въ которомъ были заключены квакереи, и сочинилъ доносъ такъ, что значительная тягость помѣщенныхъ въ немъ обвиненій падала на монастырское духовенство. Соборный священникъ Большанинъ писалъ, что «хитрыя квакереи учили своихъ почитателей строго соблюдать всѣ внѣшніе обряды православія, казаться наружно православными и *задабривать, сколько возможно, приходскихъ священниковъ*, чтобы они не имѣли на нихъ никакого подозрѣнія. Эти наставленія онѣ прежде всего исполняли сами, и въ глазахъ своихъ монастырскихъ священниковъ *въ теченіе сорока лѣтъ казались строго православными*, такъ что эти священники, обязанные ежегодно доносить объ ихъ поведеніи, постоянно отзывались, что *присланныя квакерской ереси растрини-дѣвки житіемъ пребываютъ исправно и вѣру христіанскую содержатъ во всемъ, какъ христіанская должность повелѣваетъ: до церкви святой для слушанія славословія Божія всегда ходятъ нелѣбно, у исповѣди и св. причастія бываютъ, иныя по дважды, а другія по вся посты неотмѣнно, и *прежняю за ними злодѣйства нынѣ не оказываются*» («Репорты священника Шихова 1760 г. и Дульцова 1775 г.»).*

Изъ вышесказаннаго ясно видно, что священники, которые должны были умѣть различать духъ ересей, разумѣли «присланныхъ» за послѣдовательницъ «квакерской ереси» и исправляли ихъ отъ «прежняго злодѣйства», которое, безъ сомнѣнія, заключалось въ квакерскомъ понятіи объ обрядахъ, о власти и о прочемъ, что отличаетъ религіозныя мнѣнія этихъ людей, ставящихъ выше всего личное духовное возрожденіе.

Такимъ образомъ записка, сохранившаяся въ бумагахъ извѣстнаго сибиряка, генерала Асташева, даетъ несомнѣнное удостовѣреніе, что «квакерен» у насъ дѣйствительно *были*, а даѣе,—эта же записка представляетъ и любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ эти квакерен дожили вѣкъ свой въ Томскѣ.

Постоятель томскаго мужскаго монастыря, архимандритъ Лаврентій, въ «промеморіи», поданной имъ посѣтившему Сибирь историографу Миллеру, объяснилъ, что въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ которомъ жили присланныя двадцать двѣ дѣвки-квакерен, «положеніе бѣдственное: церковь одна, деревянная и весьма ветхая, та такова-жъ и ограда, келій шесть—все ветхія; вкладчиковъ, служителей и крестьянъ нѣтъ и земель и угодій не имѣется». А послѣ архимандрита Лаврентія самъ причтъ монастыря, гдѣ томились квакерен, жаловался митрополиту Сильвестру, что у нихъ церковь уже «въ развалинахъ», «въ монастырѣ монахинь нѣтъ, а ссыльныя растринги *дѣвки-квакерен живутъ на мірскомъ подаданіи*» *).

*.) Хотя и нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ справедливости объясненій, поданныхъ причтѣмъ митрополиту о томъ, что «квакерен живутъ мірскимъ подаданіемъ», но есть, однако, данныя, по которымъ можно предполагать, что и въ старости своей «квакерен» искали средствъ жить трудами рукъ своихъ и дѣлали что могли и что умѣли. Въ числѣ тѣхъ же самыхъ бумагъ, подаренныхъ мнѣ покойнымъ генераломъ Асташевымъ, есть разрозненные листки приходныхъ и расходныхъ тетрадей, изъ которыхъ видно, что старушки жили какъ-будто общиною,—сообща покупали писчую бумагу, свѣчи, чернила и краски и «писали заказы», т.-е. занимались *стисываніемъ книгъ*, за что получали плату и вносили ее общею статьею на приходѣ. Такъ же общимъ расходомъ показываны издержки на крупу, соль, масло, холстяну и проч. обиходныя вещи. Есть у меня и три листка ихъ письменныхъ работъ, совершенно схожихъ съ такимъ же работами инокинь старовѣрческихъ скитовъ. Письмо мелкимъ и очень красивымъ полууставомъ, в очень красивыя заставки съ пестрою орнаментовкою, раздѣланной лазоремъ, киноварью и золотомъ, и въ коймахъ цвѣты, птицы и травы со тцаніемъ. На одномъ листкѣ поздравительное письмо къ благодѣтельницѣ, на другомъ—отрывокъ какого-то «утѣшенія», а третій—самаго изящнаго письма и тонкаго, красиваго рисунка съ золотомъ—«Штпшокъ» или «пѣснь»,—весьма милая и особенно трогательная по положенію трудившихся надъ ея воспродзведеніемъ. Это «пѣснь къ душѣ», начинающаяся словами:

Авторъ записки, дошедшей до насъ черезъ руки генерала Асташева, доискивался и того, кто были эти томскія квакеры, и пришелъ къ убѣжденію, что «это были *раскольниковы, приставшія къ немногимъ подлиннымъ русскимъ квакерамъ*».

Слѣдовательно, квакеры и «квакеры» были извѣстны отцамъ нашимъ.

Любопытная судьба сосланныхъ въ Сибирь квакерей, по запискѣ, дошедшей отъ генерала Асташева, кончилась тѣмъ, что двадцать изъ нихъ перемерли до 1784 года, но двѣ—Марія Дмитріевна и Анна Васильевна — жили очень долго, и когда монастырь развалился, онѣ сдѣлались предметомъ немалыхъ заботъ для начальства. Явился вопросъ о томъ, куда ихъ пристроить. «По закрытіи томскаго монастыря», который совсѣмъ обѣднялъ и разрушился, до того, что жить въ немъ стало невозможно, — квакерей Марью Дмитрову и Анну Васильеву «слѣдовало перевести въ енисейскій монастырь». Почему опять это такъ «слѣдовало» — изъ записки не видно, но видно, что тутъ вздумали посмотреть на этихъ двухъ остальныхъ квакерей: каковы онѣ были въ это время, и тутъ увидали, что время ихъ не пощадило, и что онѣ уже такъ слабы и ветхи, что ихъ совсѣмъ «нельзя переводить», и «того ради» ихъ тогда рѣшились подвести подъ манифестъ «къ освобожденію изъ содержанія». Объ этомъ началась новая переписка и «продолжалась годъ», а въ апрѣлѣ 1784 года послѣдовало распоряженіе: «такъ какъ колодницы-квакеры Марія Дмитрова и Анна Васильева находятся въ Сибири чрезъ 39 лѣтъ, и *всѣма престарѣлыя*, и черезъ такіе многіе годы отъ нихъ противности церкви святой не оказывается, то по старости ихъ, не переводя изъ онаго мѣста по отдаленности въ содержаніе, въ енисейскій штатный дѣвичь

«Душа моя—странница,
Не здѣшняго міра ты.
Къ чему приближаешься
И чѣмъ очаруешься?
Ты птичка залетная,
Пурхая (sic) по радостямъ,
Пришла въ дебри страшныя,
Невѣдѣнья дикаго».

монастырь, оставить по смерти ихъ при той же въ городѣ Томскѣ церкви (гдѣ былъ монастырь), при коей онѣ нынѣ находятся на мірекомъ подаянн, подѣ смотрѣніемъ духовнаго правленія, и приходскаго священника, и тамошняю городничаго, а вперёдъ ихъ въ числѣ колодниковъ уже не показывать».

О смерти этихъ двухъ послѣднихъ изъ «квакерей» въ занискѣ, дошедшей ко мнѣ отъ генерала Асташева, ничего не сказано, но надо думать, что старушки-квакеры и въ послѣдніе свои дни на землѣ никакихъ «противностей» и «злодѣйствъ» не оказали и ничѣмъ не испортили той доброй репутаціи, послѣдствіемъ которой было распоряженіе не посылать ихъ въ Енисейскъ, а оставить умереть тамъ, гдѣ онѣ прожили 40 лѣтъ, не причиня никакого вреда никакимъ людямъ.

Такого же духа была и «сердечный другъ» тети, Полли—англичанка Гильдегарда.

Да будетъ легка какъ пухъ надъ ихъ костями земля русская и—*«Bonny soit qui mal y pense»*.

Лѣто 1892 г.

Мерекюль.

ПУСТОПЛЯСЫ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

На одномъ дорожномъ ночлегѣ по старому тракту сбилось такъ много людей, что всѣ мѣста въ просторной избѣ были заняты. Случились тутъ люди и конные, и пѣшіе, и швецы, и жнецы, и удалые разносчики, и чернорабочіе, которые ходили дорогу чистить. На дворѣ было студено и всѣ, съ надворья входя, лѣзли погрѣться у припечка, а потомъ раскладывались, гдѣ кто мѣсто засталъ, и начали разговаривать. Сначала поболтали про такія дѣла, какъ неурожай да подати, а потомъ дошли и до «судьбы божества». Стали говорить — отчего это Богъ Іосифу за семь лѣтъ открылъ, что въ Египтѣ «неурожай сойдетъ», а вотъ теперь такъ не дѣлаетъ: теперь живутъ люди и бѣды надъ собою не ожидаютъ, а она тутъ и вотъ она! И начали говорить объ этомъ всякій по-своему, но только одинъ кто-то съ печки откликнулся и сразу всѣхъ занялъ; онъ такъ сказалъ:

— А вы думаете, что если бы намъ было явлено, когда бѣда придетъ, такъ развѣ бы мы отвели бѣду?

— А разумѣется.

— Ну, напрасно! Мало, что ли, у всѣхъ въ виду самаго яснаго, чего отвести надо, а однако не отводимъ.

— А что, напримѣръ?

— Да вотъ, напримѣръ, чего еще яснѣй того, что бѣдныхъ и несчастныхъ людей есть великое множество, и что пока ихъ такъ много, до тѣхъ поръ никому спокойно жить нельзя; а вѣдь вотъ про это никто и не думаетъ.

— Вотъ то-то и есть! А если бь предвѣщеніе объ этомъ было—небось бы поправились.

А тотъ съ печи отвѣчаетъ:

— Ничего бь не поправились: не въ предвѣщеніи дѣло, а въ хорошемъ разумѣ. А разума-то и не слушаютъ; ну, а какъ предвѣщенія придутъ, такъ они не обрадуютъ.

Его и стали просить рассказать про какой-нибудь такой примѣръ предвѣщенія, и онъ началъ сразу сказывать.

— Я вѣдь уже старикъ, мнѣ седьмой десятокъ идетъ. Первый большой голодъ я помню за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, какъ наши на венгра шли, и вышла тогда у насъ въ селѣ удивительность.

Тутъ его перебили излишнимъ вопросомъ: откуда онъ?

Разсказчикъ быстро, но нехотя оторвалъ:

— Изъ села Пустоплясова. Знаешь, что-ль?

— И не слышали.

— Ну, такъ услышишь, что у насъ въ Пустоплясахъ случилось-то; смотри, чтобы и у васъ въ своемъ селѣ чего-нибудь на такой манеръ не состроилось. А теперь помолчите, пока я dokonчу вамъ: моя сказка не длинная.

Стало въ томъ у насъ удивительно, что вокругъ насъ у всѣхъ хлѣба совсѣмъ не родило, а у насъ поле какъ-то такъ островкомъ вышло задачное,—урожай Богъ далъ средственный. Люди плачутъ, а мы Бога благодаримъ,—говоримъ: слава тебѣ, Господи! А что намъ отъ сосѣдей тѣснота придетъ, о томъ понимать не хотимъ. А сосѣди намъ всѣ завидуютъ; такъ и говорятъ про насъ: «Божьи любимчики: мы у Господа въ наказаніи, а вы въ милости». «И какимъ-де вы святителямъ молились и которымъ чудотворцамъ общались?» А наши ужъ и чванятся, что въ самомъ дѣлѣ они въ любви у Господа: убираемъ, жнемъ, копны домой возимъ и снопы на овины сажаемъ да на токахъ молотимъ... Такая трескотня идетъ, что любя-два! И сейчасъ послѣ этого сряду пошло баловство: наколоди убоины, свезли попамъ повины, наварили бражки, а потомъ мужики норовятъ винца попить, а бабы съ утра затѣваютъ: «аь натѣрушковъ натѣрить! аь лепешечекъ спечь!» И ѣдимъ да пьемъ во вредъ себѣ больше, чѣмъ надобно. По другимъ деревнямъ вокругъ мякиною и жмыхомъ давятся, а мы въ утѣху себѣ говоримъ: вѣдь мы не

причинны въ томъ, что у другихъ голодно. Мы вѣдь имъ вреда на поляхъ не дѣлали и даже вмѣстѣ съ ними по веснѣ на поляхъ молились, а вотъ нашу молитву Господь услышалъ и намъ урожай сослалъ, а имъ не пожаловалъ. Все въ Его волю: Господь праведенъ; а мы своихъ сосѣдовъ не покидаемъ и передъ ними не горжаемся: мы имъ помогаемъ кусочками. А сосѣди-то къ намъ и за правду повадились кажидень да и безперечь, и все идутъ да идутъ и что дальше, то больше, и стали они намъ очень надокучны. Такъ пришло, что не токмо не кажись на улицѣ, а и въ избѣ-то стало посидѣть нельзя, потому что слышно, какъ все тянутъ голодные свою скорбинку: «Б-о-ж-ь-и л-ю-б-и-м-ч-и-и! сотворите святую милостынюку Христа ради!» Ну, разъ дашь, и два дашь, а потомъ ужъ дальше постучишь въ окно да скажешь: «Богъ подасть, милые! Не прогнѣвайся!» Что же дѣлать-то! Хорошо, что мы «Божьи любимчики», а имъ хоть и пять ковригъ изрѣжь, ихъ все равно не накормишь всѣхъ! А когда отошелъ его отъ окошка, — другая бѣда: самому стыдно дѣлается себѣ хлѣбъ рѣзать... То-есть ясно, какъ не надо ясные, Господь тебѣ въ сердце кладетъ, что надо не отсылать, а надо иначе сдѣлать, а пока чего должно не сдѣлаешь — нельзя и надѣяться жить во спокойствіи.

И надо бы, кажется, это понять, а вотъ, однако, не поняли; тогда и превозвѣстникъ пришелъ, — его прогнали.

Тутъ по избѣ шопоткомъ пронеслось:

— Слушайте, братцы, слушайте!

Запечный гость продолжалъ:

— Такъ доняли насъ голодные сосѣди, что намъ совсѣмъ стало жить нельзя. а какъ помочь бѣдѣ — не вѣдаемъ. А у насъ лѣсникъ былъ Федосъ Ивановъ, большой грамотникъ и умѣлъ хорошо всѣ дѣла разбирать. Онъ и сталъ говорить:

— А вѣдь это не хорошо, братцы, что мы живемъ какъ безчувственные! Что ни суди, а живемъ мы всѣ при жестокости: бѣдственнымъ людямъ норовимъ корочку бросить, — нешто это добродѣтель есть? — а сами для себя все вѣдь съ затѣями: то лепешечекъ намъ, то натірушковъ. Ахъ, не такъ-то совсѣмъ бы надо по-Божьи жить! Ахъ, по-Божьи-то надо бы намъ жить теперь въ строгости, чтобы себѣ какъ можно меньше извѣсть, а больше дать бѣдствен-

нымъ. Тогда, можетъ-быть, легкость бы въ душѣ освѣтилась, а то прямо сказать — отдыханья нѣтъ! Въ безразсудкѣ-то омраченіе, а чуть станешь думать и въ свѣтъ себя приводить—такое предстанетъ терзательство, что не знаешь, гдѣ легче мучиться, и готовъ молить: убей меня, Господи, отъ разу!

Федось, говорю, начитавшись былъ и братья ото всего къ размышленію человѣчному, какъ, то-есть, что человѣку показано... въ обществѣ... То-есть, какъ вотъ одинъ перстъ болить — и все тѣло неспокойно. Но не нравилось это Федосово слово игрунамъ и забавникамъ во всемъ Пусто-пьясовѣ. Онъ, бывало, говоритъ:

— Вы, почкенные старички, и вы, молодой народъ, на мои слова не сердитесь: мои слова—это не самъ я выдумалъ, а отъ другого взялъ; сами думайте: эти люди, которые хотятъ веселиться, когда за порогомъ другіе люди бѣдствуютъ, они напрасно такъ думаютъ, будто помѣхи не дѣлаютъ, — они сѣютъ зависть и тѣмъ суть Богу противники. Теперь, братцы, надо со страдающими пострадать, а не праздновать—не вино пить да лепешкой закусывать.

Старики за это на Федоса кривились, а молодые ему стрекотали въ отвѣтъ:

— Чего ты тутъ, дядя Федось, очень развякался! Что ты попъ, что ли, какой непостриженный? Намъ и попъ такихъ рѣчей не уставливалъ. Если намъ Богъ милость сослалъ, что намъ есть что ѣсть, то отчего намъ и не радоваться? Пьемъ-ѣдимъ тоже вѣдь все въ славу Божию: съѣдимъ и запьемъ и отоидемъ—перекрестимся: слава-те, Господи! А тебѣ-то что надобно?

Федось не сердился, а только зналъ, что отвѣтить.

— Несмысленные! что тутъ за слава? Никакой славы нѣтъ, что вы будете лепешки жевать до отвалу, когда люди козурой давятся! А вы вотъ такую славу вознесите Христу, чтобы видѣли всѣ, что вы у Него въ послушаніи... Вѣдь Его же есть слово къ намъ: «пусть знаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если имѣете любовь между собою!»

Но только ничего Федось не успѣвалъ, и всѣ ему наотрѣзъ грубили, и особенно ему перечила своя его собственная внучка Маврутка, — одна только она у него и осталась отъ всего поколѣнія, и онъ съ нею съ одною и жилъ въ избѣ, а была она съ нимъ несогласная: такая-то

была вертеница и Федоса не слушалась, и даже озорничала съ нимъ.

— Ты,—бывало, скажетъ,—очень ужъ старъ сталъ, такъ вотъ и пужаешь всѣхъ и нѣтъ совѣмъ при тебѣ никакой веселости. Чего ты пристаешь ко всѣмъ: «Богъ» да «Богъ»! Это мы и въ церкви слышали, и крестились, и кланялись, а теперь надо веселаго!

Онъ ей, бывало, скажетъ:—«Эй, не хорошо, Мавра! Бога надо постоянно видѣть передъ собою, на всѣхъ мѣстахъ ходящаго и къ тебѣ понятно глаголющаго, что тебѣ хорошо, а чего ненадобѣ».—А дѣвка на эти слова отъ себя зачистить-зачастить и всякій разъ кончитъ тѣмъ, что:—«Ты простой мужикъ, а не попъ, и я не хочу тебя слушаться».

А онъ ей:

— Я простой мужикъ—я въ попы и не суюся, а ты не суди, кто я такой, а суди только мое слово: оно вѣдь идетъ на добро и отъ жалости.

А внучка отвѣчаетъ:

— Ну, ладно: въ молодомъ-то вѣку не до жалости; въ молодомъ вѣку надо счастье попробовать.

А Федось ей и сказалъ:

— Ну, что дѣлать—испробуешь, только вѣдь не насытисься.

Итакъ, гдѣ, бывало, съ дѣдомъ Федосомъ люди ни сойдутся—сейчасъ всѣ противъ него; а онъ все толкуетъ, что надо жить въ тихости, безъ шума и грохота, да только никакъ съ людьми не столкуется, и съ Мавруткою къ празднику нелады у него по домашеству; пристасть она:

— Дай, дѣдко, мучицы просѣять, спечь лепешечекъ!

А онъ этого не хочетъ, говорить:

— Ышь рѣшотный хлѣбъ, отъ другихъ не отличай себя.

Мавра и злится:—«Насъ,—говорить,—Богъ отличилъ, а ты морить хочешь!»

Федось отвѣчаетъ:—«Эхъ, глупая! еще невѣдомо, для чего вы отличены; можетъ-быть, и не для радости, а въ поученіе».

И когда разъ одинъ Маврутка такъ на Федоса разсердилась, такъ взяла да и сказала ему:

— Не дай Богъ съ тобою долго жить, хоть бы померъ ты.

Но Федось и тутъ не разсердился.—«Что же такое!.. Ни-

чего! Погоди, вотъ скоро похороните; можетъ-быть, потомъ поминать станете».

А молодые-то и расхохотались:

— Еще, моль, чего! Тебя, стараго ворчуна, вспоминать будемъ!

Да и старички-то, которыхъ звалъ онъ «почкенные», не на его сторонѣ становились, а тоже, бывало, говорятъ:— Чтò онъ превышаетъ—лучше всѣхъ хочетъ быть во всемъ въ Пустошлясовѣ! Довольно знаемъ мы всѣ его: вмѣстѣ и водку съ нимъ пили, и съ бабами пѣсни играли—чего великатится!

Молодые это слышать и рады, и иной озорной подойдетъ къ нему и говорить:

— Дѣдь Ѳедось!

— А что тако?

— А вонъ чтò про тебя старики-то сказываютъ!

— Да! Ну-ка, давай, послушаемъ.

— Говорять... будто ты... Стыдно сказывать!

— Ну что?.. ну что? Не тебѣ это стыдно-то!

— Когда молодой-то былъ...

— У, былъ пакостникъ!.. Школы намъ, братцы, не было! Бойло было, а школы не было.

— Говорять, ты солдаткѣ въ половець гостинцы носилъ!

— Да и хуже того, братцы мои, дѣлывалъ. Слава Богу, многое уже позабылося... Видно, Богъ простилъ, а вотъ... людямъ-то все еще помнится. Не живите, братцы, какъ я прожилъ, живите по-лучшему: чтобъ худого про васъ людямъ вспоминать было нечего.

А мы, разъ отъ раза больше все ошибаючись, попали, братцы, передъ святками въ такое безстыжество, что мало намъ стало натѣруховъ да лепешекъ, а захотѣли мы завести забавы и игрища. Сговорились мы, потаймя отъ своихъ стариковъ, нарядиться какъ можно чуднѣе, медвѣдями да чертями, а дѣвки — цыганками, и махнуть за рѣку на постоялый дворъ шутки шутить. А Ѳедось какъ-то узналъ про это и пошелъ ворчать:

— Ахъ, вы,—говорить,—безстыжіе! Это вы мимо голодныхъ-то, дразнить ихъ пойдете, что ли, съ пѣснями? Слушай, Мавра, нѣтъ тебѣ моего позволенія!

Мы всѣ ее у Ѳедоса отпрашиваемъ:

— Пусти, молю, ее, Федось Ивановичъ, что тебѣ ея вѣкъ томить!

А онъ отвѣчаетъ:

— Пошли вы, пустошны! Какое въ этомъ утомленіе, чтобы не пустить человѣка изъ себя дурака строить!

— Ну, да ты, молю, ужь всегда такой: ото всѣхъ все премудрости требуешь!

— Не премудрости,—говорить,—а требую, что Господь велить,—на ближнія разумѣнія: ближній въ скорбѣхъ, и ты не попрыгивай.

— Да развѣ ближнему-то хуже отъ этого?

— А разумѣется,—не вводи его въ искушеніе, а въ себѣ не погубляй доброту ума.

— Ну, вотъ, молю, ты опять все про вумственность! Это надокучило! Небось, когда молодъ былъ самъ, такъ не разсуживалъ, а игралъ, какъ и прочіе.

— Ну, и что же такое,—отвѣчаетъ дѣдъ Федось.— Я вѣдь ужь не разъ сознавался вамъ, что въ молодыхъ годахъ я много худого дѣлалъ, такъ неужели же и вамъ теперь долженъ тоже совѣтовать дѣлать худое, а не доброе! Эхъ, неразумные! Съ пьянымъ-то, чай, вѣдь надо говорить не тогда, когда онъ пьянъ, а когда выспится. Молодой я пьянъ былъ всякой хмелиною, а теперь, слава Богу, повьспался. А если бы я былъ человѣкъ не грѣшный, а праведный, такъ я бы и говорилъ-то съ вами совсѣмъ на другой манеръ: я бы вамъ, можетъ, прямо сказалъ: Богъ это вамъ запрещаетъ, и можетъ за это придти на васъ наказаніе!

Тутъ за это слово всѣ на Федоса поднялись.

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричали.—Что ты, какъ воронъ, все каркаешь! Это все ты самъ повьдумывалъ! Веселье и въ церквахъ поминается. Давыдъ-царь и игралъ, и плясалъ, и на свадьбѣ-то мало ли вина было пошито. Ты своего не уставляй,—это намъ не запретное. Если бы похотѣлъ Господь, чтобы поворотить народъ на другую путь, Онъ бы не тебѣ послалъ, а особаго посла-благовѣстника.

Федось имъ желалъ внушить, что не вамъ судить, какого посла куда посылаетъ Богъ, а что слово Господне—духовное и черезъ кого оно доходить, черезъ того все равно и засмѣняется: кто въ божьихъ смыслахъ говорить, того и

послушайся, а нарочныхъ пословъ не жди. Нарочный-то, бываетъ, такъ придетъ, что и не поймешь его.

Ну, а все же хоть и всѣ съ дѣдомъ спорили, а въ открытость супротивъ его дѣлать стыдились, потому что когда вспомнится намъ то, что старики про половень говорили, мы Федоса будто и не уважаемъ, а потомъ вздумаемъ, что онъ давно уже человекъ справедливый сталъ, а тѣ, «почтенные»-то, все еще вокругъ половня ходятъ—намъ Федоса и совѣстно. Грѣшникъ-то онъ, правда, что грѣшникъ былъ, да вѣдь онъ отстоялся ужъ и повернулъ себя на хорошее! Своё-то намъ справить хочется, а его все-таки стыдно. И стали мы съ своими намѣренными крыться и сдѣлали уговоръ вечеромъ на рождественъ день собираться всѣ въ ригу и ждать другъ дружку въ углу, въ колосѣ, а потомъ идти всей гурьбой перереженнымъ къ дворнику. А мы знали, что у дворника праздникъ какъ слѣдуетъ: быка залобанили, трехъ свиней зарѣзали и двѣ бочки браги наварено. Пойдемъ, молъ, налопаемся, а на обратномъ пути дѣвки пусть себѣ гдѣ знаютъ хоронятся.

Такія зашли затѣи хорошія!

Пошли у насъ хлопоты: разныя мы одежи прихасаемъ да прячемъ въ потайныхъ мѣстахъ. Воимся только, чтобы не подсмотрѣли за нами сосѣди немунціе да наши похоронки не укралн бы.

Мы имъ до сочельника все подавали кусочки, а ночь сочельникъ бабы и дѣвки сказали имъ:

— Слушайте, вы, немунціе! вы чтобы завтра не смѣть приходить сюда, потому что мы завтра будемъ сами въ печкахъ мыться и топорами лавки скрестъ. Завтра намъ не до васъ. Обходитесь какъ знаете.

Маврутка захотѣла свои уборы выплестъ въ ригу, когда дѣдъ Федосъ въ лѣсъ пойдетъ, и вотъ, когда все, что надо было, у себя въ избѣ отмыла и отскребла, да поглядѣла въ окно, а на улицѣ, видитъ,—мятель и сиверка, такъ что дышать трудно. Маврутка думаетъ: «дай скорѣе сомчу, а то дѣдъ воротится!» и только-что отворила дверь, какъ сдушило ее сиверкой, а передъ самымъ ея лицомъ на жерновомъ камнѣ у порожка нищенское дитя стоитъ, и какое-то будто особенное: обликъ нѣжный, а одежи на немъ только одна рваная свиточка и въ той на обонхъ плечахъ

дыры, соломкой заправлены, будто крылышки сломаны да въ соломку завернуты и тутъ же приткнуты.

Маврутка на него осердилася.

— Чего тебѣ,—говорить,—для чего въ такой день при-
шелъ! Ишь ты, нѣтъ на васъ пропасти!

А дитя стоитъ и на нее большими глазами смотреть.

Дѣвка говоритъ:—«Что же ты бѣльма вынулъ! Прочь
пошелъ!»

А онъ и еще стоитъ.

Маврутка его повернула и сунула:

— Пошелъ въ болото!

А сама побѣжала, и никакого ей безпокоя на душѣ не
было, потому что вѣдь сказано всѣмъ имъ было, чтобы не
ходить въ этотъ день—чего же таскается!

Прибѣжала Мавра въ ригу да прямо въ дальній уголь
и тамъ въ сухомъ колосѣ все свое убранье и закопала, а
когда восклонилася, чтобы назадъ идти—видитъ, что этотъ
лупоглазый ребенокъ въ воротахъ стоитъ.

Маврутка на него опалилася.

— Ты, шелудивый,—говорить,—подслѣжаешь меня, что-
бы скрасть мое доброе! Такъ я отучу тебя!—Да и швыр-
нула въ него тяжелый цѣпъ, а цѣпъ-то такой былъ, что
дитя убить сразу могъ, да Богъ даль—она промахнулася,
и съ того еще больше осердилася, и погналася за нимъ. А
онъ не то за уголь забѣжалъ, не то со страху въ какой-
нибудь овинъ нырнулъ, только Мавра не нашла его и до-
мой пошла, и носнѣшастъ, чтобы придти прежде, чѣмъ дѣдъ
Федосъ воротится изъ лѣсу, а на самоѣ на нее сталъ страхъ
нападать, будто какъ какая-то бѣда впереди ея стоитъ или
позади вслѣдъ за ней гонится.

И все чѣмъ она шибче бѣжитъ, тѣмъ сильнѣе въ ней
духъ занимается, а тутъ еще видитъ, что у нихъ на заваленкѣ
будто кто-то сидитъ...

Маврутка вдругъ стала смотрѣть: что это, неужели опять
лупоглазый тамъ?..

Дѣвка-ровесница съ ведромъ шла и спрашиваетъ:

— Что у тебя, нога, что ли, подвихнулася?

А Маврутка машетъ ей и говоритъ:—«Послушай-ка, что
тебѣ нашу избу видно?»

Та отвѣчаетъ:—«Видно».

— А что это такое тамъ у насъ подь окномъ на за-
валенкѣ?

— Это твой дѣдъ Федось сидить...

— У тебя, можетъ-быть, курья слѣпота въ глазахъ?

— Чего еще! Ярко его вижу, вонъ онъ руки въ рукави-
цахъ на костыль положилъ, а нѣдромъ носить. Тяжело его
удушье бьетъ...

— А робенка лупоглазаго не видишь тамъ?

— Лупоглазое дитя-то нонѣ по всему селу ходило, а те-
перь его нѣтутъ...

А Маврутка ей говоритъ, что она сейчасъ лупоглазое
дитя видѣла и что онъ подсмотрѣлъ, гдѣ она свой уборъ
закопала.

— Теперь,—говоритъ,—то и думаю, что онъ, стылый,
откопаетъ да и выкрадетъ.

— Пойди перепрячь скорѣй!

— И то сбѣгаю!

А сама чувствуетъ, что теперь ужъ ей въ ригѣ было бы
боязно.

И тутъ Мавра съ дѣдомъ опять не въ ладъ сдѣлала,
такъ что онъ сказалъ ей:

— Ты, должно-быть, задумала что-нибудь на своемъ по-
ставить. Смотри, бѣды бѣ не вышло!

Она отвѣчаетъ:—«Не удержишь меня!»

— Чего силомъ держать... и не надобно... А тебѣ, слышь,
чего же тамъ понравилось?... Назадъ-то пойдете, ребята
чтобъ васъ не обидѣли.

— Закаркалъ, закаркалъ опять! Никого не боимся мы,
а тамъ праздникъ какъ слѣдуетъ,—тамъ били бычка и
трехъ свиней, и съ солодомъ брага варена...

— Вона что наготовлено изступленія! И пьяно, и убоисто...

— А тебѣ и свиней-то жаль!

— Воробья-то мнѣ и того-то жаль, и о его-то головенкѣ
вѣдь есть вышнес усмотрѣніе...

— О воробьиной головкѣ-то?

— Да!

— Усмотрѣніе?

— Да!

— Тьфу!

Мавра враскатъ громко плюнула.

Дѣдъ сказалъ:—«Чего-жъ плюешься?»

— На слова твои плюнула.

— На мой-то наплой,—не груби только Хозяину.

— Огъ миѣ и ненадобенъ.

— Вона какъ!

— Разумѣтся!.. Пусть его нелюбымъ конямъ гривы мнеть.

— Что городишь-то, неразумная! Я тебѣ говорю про Того, Кому мы всѣ работать должны.

— Ну, а я не разумѣю и не хочу.

— Что это,—работать-то?

— Да.

— Поработаешь. Не всѣ, вѣдь, вольною волей работаютъ,—другіе неволю. И ты поработаешь.

Мавра черезъ гнѣвъ просмѣялася и говоритъ:

— Полно тебѣ, дѣдь, въ самомъ дѣлѣ, видно, правда, что ты съ ума сошелъ!

А дѣдь посмотрѣлъ и отвѣтилъ ей:

— Господь съ тобой, умная!—и самъ на печь полѣзъ, а она схватила подъ полу его фонарь со свѣчой и побѣжала въ ригу свой нарядъ перепрятывать.

А въ ригѣ-то уже темно, и страхъ на нее тутъ такъ и налетѣлъ со всѣхъ сторонъ вмѣстѣ съ ужасью: такъ ее и за плечо беретъ, и ноги ей пугаетъ. Думаетъ: «дай скорѣй огонь зажгу—смѣлѣй станеть». Черкнула ешничкою разъ и два—что-то у самага лица будто пролетѣло. Она зажгла фонарь и перекрестилась, а только зашла въ уголь къ колосу, какъ вдругъ съ одной стороны къ ней штанка, а съ другой другая,—точно не хотять допустить ее!

И видитъ она, что это ей не кажется, а взаправду есть: откуда-то слетѣли воробушки и пали на колосъ въ свѣтъ и сидятъ-глядятъ на нее, натопорщившись...

«Давай скорѣе выхвачу да и убѣгу»,—думаетъ Мавра, и стала скорѣй руками колосъ разворачивать, а тамъ подъ рукой у нея что-то двинулось и закопалось... Она—цапъ посильнѣй, а ей откуда ни снади еще воробей, и трещетъ, и чирикаеть... «Тыфу, молъ, что тебѣ надобно? Проклятый ты!» Взяла его да и сорвала съ него головеночку, а сама не замѣтила, какъ съ сердцемъ въ злости фонарь бросила и отъ него въ-разъ солома вся всполыхнула; а оттуда-то, изъ кучи-то—что вы скажете!—возстаетъ оное дитя луноглазое и на челушкѣ у него росить кривь.

Тутъ ужь Мавра забыла все и бросилась бѣжать, а огонь потекъ съ бурей въ повсемѣстности и истлилъ за единый часъ все, чѣмъ мы жили и куражились...

И стало намъ хуже всѣхъ тѣхъ, которые докучали намъ, потому что не только у насъ весь хлѣбъ погорѣлъ, а и жить-то не въ чемъ было, и пошли мы всѣ къ своимъ нищимъ проситься пожить у нихъ до теплыхъ дней.

А дѣдъ-то Ѳедось на пожарѣ опека весь и вставать не сталъ; ну, а все ладилъ въ ту же стать и говорилъ другимъ съ утѣшеніемъ:

— Ничего, — говоритъ, — хорошо все отъ Господа посылается. Вотъ какъ жили мы въ Божьихъ въ любимчикахъ — совсѣмъ, было, мы позабылись, — хотѣли все справлять свои дурости, а теперь Господь опять насъ наставить на лучшее.

Такъ и померъ съ тѣмъ, — съ этой вѣрой-то!

А какое это было дитя, и откудава, и куда оно въ пожаръ дѣлося — такъ никогда потомъ и не дозналися, а только стали говорить, будто это былъ ангель и за нечувствительность нашу къ нему мы будто были наказаны.

— Все равно, — говорилъ Ѳедось: — кто бы ни былъ онъ, — бѣдное дитя всегда «Божій посоль»: черезъ него Господь наше сердце пробуетъ... Вы всѣ стерегитесь, потому что съ каждымъ вѣдь такой посоль можетъ встрѣтиться!

ДУРАЧОКЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Кого надо считать дуракомъ? Кажется, будто это всякій знаетъ, а если начать свѣрять, какъ кто это понимаетъ, то и выйдетъ, что всѣ понимаютъ о дуракѣ не одинаково. По академическому словарю, гдѣ каждое слово растолковано въ его значеніи, изъяснено такъ, что «дуракъ—слабоумный человѣкъ, глупый, лишенный разсудка, безумный, шутъ»... Въ подкрѣпленіе такого толкованія приведенъ словесный примѣръ: «Онъ былъ и будетъ дуракъ-дуракомъ». «Дурачокъ—смягченіе слова дуракъ». Ученіе этого объясненія уже и искать нечего, а между тѣмъ въ жизни случается встрѣчать такихъ дураковъ или дурачковъ, которымъ эта кличка дана, но они, между тѣмъ, не безумны, не глупы и ничего шутовского изъ себя не представляютъ... Это люди любопытныя, и про одного такого я здѣсь и расскажу.

Былъ у насъ въ деревнѣ безродный крѣпостной мальчикъ Панька. Росъ онъ при господскомъ дворѣ, ходилъ въ томъ, что ему давали, а ѣлъ на застольщинѣ вмѣстѣ съ коровницею и съ ея дѣтьми. Должность у него была такая, чтобы «всѣмъ помогать»; это значило, что всѣ должностныя люди въ усадьбѣ имѣли право заставлятъ Паньку дѣлать за нихъ всякую работу, и онъ, бывало, безпрестанно работаетъ. Какъ сейчасъ его помню: бывало, зимою,—у насъ зимы бывають лютыя,—когда мы встанемъ и подбѣжимъ къ окнамъ, Панька уже везетъ на себѣ, изогнувшись, большія салазки съ вязанками сѣна, соломы и съ плетушками

колоса и другого мелкаго корма для скотины и птицъ. Мы встаемъ, а онъ уже наработался, и рѣдко увидишь его, что онъ присядеть въ скотной избѣ и ѣсть краюшку хлѣбца, а заливаетъ водою изъ деревяннаго ковшика.

Спросишь его, бывало:

— Что ты, Паня, одинъ сухой хлѣбъ жуешь?

А онъ шути отвѣчаетъ:

— Какъ такъ «съ ухой»?—онъ, гляди-ко, съ чистой водичею.

— А ты бы еще чего-нибудь попросилъ: капустки, огурца или картошечки!

А Паня головой мотнетъ и отвѣчаетъ:

— Ну, вотъ еще чего!.. Я и такъ наѣлся,—слава-те, Господи!

Поднянется и опять на дворъ идетъ таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилася, потому что всѣ его заставляли помогать себѣ. Онъ и конюшни, и хлѣва чистилъ, и скоту кормъ задавалъ, и овецъ на водопой гонялъ, а вечеромъ, бывало, еще себѣ и другимъ ланти плететь, и ложился онъ, бывало, позже всѣхъ, а вставалъ раньше всѣхъ до-свѣта и одѣтъ былъ всегда очень плохо и скаречно. И его, бывало, никто и не жалѣетъ, а всѣ говорятъ:

— Ему вѣдь ничего,—онъ дурачокъ.

— А чѣмъ же онъ дурачокъ?

— Да всѣмъ...

— А на примѣръ?

— Да что за примѣръ!—вонъ коровница-то всѣ огурцы и картошки своимъ дѣтямъ отдаетъ, а онъ, хоть бы что ему... и не просить у нихъ, и на нихъ не жалуется. Дуракъ!

Мы, дѣти, не могли хорошо въ этомъ разобраться, и хоть глупостей отъ Паньки не слышали, и даже видѣли отъ него ласку, потому что онъ дѣлалъ намъ игрушечныя мельницы и твезочки изъ бересты,—однако и мы, какъ всѣ въ домѣ, одинаково говорили, что Панька дурачокъ, и никто противъ этого не спорилъ, а скоро вышелъ такой случай, что объ этомъ уже и нельзя стало спорить.

Былъ у насъ нанятъ строгій-престрогий управитель, и любилъ онъ за всякую вину человѣка наказывать. Ѣдетъ,

бывало, на бѣговыхъ дрожкахъ и по всѣмъ сторонамъ смотритъ: нѣтъ ли гдѣ какой неисправности? И если замѣтитъ что-нибудь въ безпорядкѣ—сейчасъ же остановится, подзоветъ виноватаго и приказываетъ:

— Ступай сейчасъ въ контору и скажи моимъ именемъ старостѣ, чтобы дали тебѣ двадцать-пять розогъ; а если слукавишь—я тебѣ вечеромъ при себѣ велю вдвое дать.

Прощенья у него ужъ и не смѣли просить, потому что онъ этого терпѣть не могъ и еще прибавлялъ наказаніе.

Вотъ разъ, лѣтомъ, ѣдетъ этотъ управляющій и видитъ, что въ молодыхъ хлѣбахъ жеребята ходятъ и не столько зелени рвутъ, сколько ее топчутъ и копытами съ корнями выколупываютъ...

Управитель и расшумѣлся.

А жеребятъ въ этотъ годъ были приставленъ стеречь мальчикъ Петруша.—сынъ той самой Арины-коровницы, которая Панькѣ картошекъ жалѣла, а все своимъ дѣтямъ отдавала. Петруша этотъ имѣлъ въ ту пору лѣтъ двѣнадцать и былъ тѣломъ много помельче Паньки и понѣжнѣе, за это его и дразнили «творожничкомъ»—словомъ, онъ былъ мальчикъ у матери избалованный и на работу слабый, а на расправу жидкій. Выгналъ онъ жеребятъ рано утромъ «на-росу», и стало его знобить, а онъ сѣлъ да укрылся свиткою, и какъ согрѣлся, то на него нашель сонъ—онъ и заснулъ, а жеребятки въ это время въ хлѣбъ и взопли.

Управитель, какъ увидаль это, такъ сейчасъ стегнулъ Петю и говоритъ:

— Пусть Панька пока и за своимъ, и за твоимъ дѣломъ посмотреть, а ты сейчасъ иди въ разрядную контору и скажи выборному, чтобы онъ тебѣ двадцать розогъ далъ; а если это до моего возвращенья домой не исполнишь, то я при себѣ тогда тебѣ вдвое дамъ.

Сказаль это и уѣхаль.

А Петруша такъ и залился слезами. Весь трясется, потому что никогда его еще розгами не наказывали, и говорить онъ Панькѣ:

— Братъ милый, Панюшка, очень страшно мнѣ... скажи, какъ мнѣ быть?

А Панька его по головкѣ погладилъ и говоритъ:

— И мнѣ тоже страшно было... Чтѣ съ этимъ дѣлать-то... Христа били...

А Петруша еще горче плачетъ и говоритъ:

— Боюсь я идти и боюсь не идти... Лучше я въ воду кинуся.

А Панька его уговаривалъ-уговаривалъ, а потомъ сказалъ:

— Ну, стой же ты: оставайся здѣсь и смотри за мной и за своимъ дѣломъ, а я скорѣй сбѣгаю, за тебя постараюсь,—авось тебя Богъ помилуетъ. Видишь, ты трусъ какой.

Петруша спрашиваетъ:

— А какъ же ты, Панюшка, постараешься?

— Да ужъ я штуку выдумалъ—постараюсь!

И побѣжалъ Панька черезъ поле къ усадьбѣ рѣзвенько, а черезъ часъ назадъ идетъ, улыбается.

— Не робѣй,—говоритъ,—Петька, все сдѣлано; и не ходи никуда—съ тебя наказанье избавлено.

Петька думаетъ:

«Все равно: надо вѣрить ему»,—и не пошелъ; а вечеромъ управляющій спрашиваетъ у выборнаго въ разрядной избѣ:

— Что, пастушонокъ утромъ приходилъ съчъсь?

— Какъ же,—говоритъ,—приходилъ, ваша милость.

— Взбрызнули его?

— Да,—говоритъ,—взбрызнули.

— И хорошо?

— Хорошо,—постарался.

Дѣло и успокоилось, а потомъ узнали, что высѣкли-то пастушонка, да не того, котораго было назначено, не Петра, а Паньку, и пошло это по усадьбѣ и по деревнѣ, и всѣ надъ Панькой смѣялись, а Петю уже не стали съчъ.

— Что же,—говорили,—уже если дуракъ его выручить,—нехорошо двухъ за одну вину разомъ наказывать.

Ну, не дуракъ ли, взавравду, нашъ Панька былъ?

И такъ онъ все и дальше жилъ.

Сдѣлатась черезъ нѣсколько лѣтъ въ Крымѣ война и начали набирать рекрутъ. Плачъ по деревнѣ пошелъ: никому на войнѣ страдать-то не хочется. Особенно матери о сыновьяхъ убиваются—всякой своего сына жалко.

А Панькѣ въ это время уже совершенные годы исполнились, и онъ вдругъ приходитъ къ помѣщику и самъ просится:

— Велите,—говоритъ,—меня отвести въ городъ—въ солдаты отдать.

— Что же тебѣ за охота?

— Да такъ, — отвѣчаетъ, — очень мнѣ вдругъ охота пришла.

— Да отчего? Ты обдумайся.

— Нѣтъ, — говорить, — некогда думать-то.

— Отчего некогда?

— Да нешто не слышно вамъ, что вокругъ плачутъ, а я вѣдь любимый у Господа, — обо мнѣ плакать некому, — и я хочу идти.

Его отговаривали.

— Посмотри-ка, моль, какой ты неуклюжій-то: надъ тобой на войнѣ-то, пожалуй, всѣ расхохочутся.

А онъ отвѣчаетъ:

— То и радостнѣй: хохотать-то вѣдь веселѣе, чѣмъ ссориться; если всѣмъ весело станеть, такъ тогда всѣ и замирятся.

Еще разъ сказали ему:

— Утѣшай-ка лучше самъ себя да живи дома!

Но онъ на своемъ твердо стоялъ.

— Нѣтъ, мнѣ, — говорить, — это будетъ утѣшнѣе.

Его и утѣшили, — отвезли въ городъ и отдали въ рекруты, а когда сдатчики возвратились, — съ любопытствомъ ихъ стали спрашивать:

— Ну, какъ нашъ дуракъ остался тамъ? Не видали ли вы его послѣ сдачи-то?

— Какъ же, — говорятъ, — видѣли.

— Небось, смѣются всѣ надъ нимъ, — какой увалень?

— Да, — говорятъ, — на самыхъ первыхъ порахъ-то было смѣялись, да онъ на всѣ на два рубля, которые мы дали ему награжденія, на базарѣ цѣлыя ночвы пироговъ съ горохомъ и съ кашей купилъ и всѣмъ по одному роздалъ, а себя позабылъ... Всѣ стали головами качать и стали ломать ему по половиночкѣ. А онъ застыдился и говорить:

— Что вы, братцы, я вѣдь безъ хитрости! Кушайте.

Рекрута его стали дружно похлопывать:

— Какой, моль, ты ласковый!

А на утро онъ раньше всѣхъ въ казармѣ всталъ, да все убралъ и старымъ солдатамъ всѣмъ салоги вычистилъ. Стали хвалить его и старики у насъ спрашивали: «что онъ у васъ дурачокъ, что ли?»

Сдатчики отвѣчали:

— Не дуракъ, а... малость сроду такъ.

Такъ Панька и пошелъ служить со своимъ дурачествомъ и провелъ всю войну въ «профосахъ»—за всѣми позади рвы копать да пакость закапывать, а какъ вышелъ въ отставку, такъ, по привычкѣ къ пастушеству, нанялся у степныхъ татаръ конскіе табуны пасти.

Отправился онъ къ татарамъ изъ Пензы и не бывалъ назадъ много лѣтъ, а скитался, гоняя коней, гдѣ-то вдали, около безводныхъ Рынь-Песковъ, гдѣ тогда кочевалъ большой мѣстный богачъ Ханъ-Джангарь. А Ханъ-Джангарь, когда прѣзжалъ на Суру лошадей продавать, то на тотъ часъ держалъ себя будто и покорно, но у себя въ степи чтѣ хотѣлъ, то и дѣлалъ; кого хотѣлъ—казнилъ, кого хотѣлъ—того миловалъ.

За отдаленностью дикой пустыни слѣдить за нимъ было невозможно, и онъ, какъ хотѣлъ, такъ и своевольничалъ. Но расправлялся онъ такъ не одинъ: находились и другіе такіе же самоуправцы, и въ числѣ ихъ появился одинъ лихой воръ, по имени Хабибула, и сталъ онъ угонять у Хана-Джангара много самыхъ лучшихъ лошадей, и долго никакъ его не могли поймать. Но вотъ разъ сдѣлалась у однихъ и другихъ татаръ свалка, и Хабибулу ранили и схватили. А время было такое, что Ханъ-Джангарь спѣшилъ въ Пензу, и ему никакъ нельзя было остановиться и сдѣлать надъ Хабибулою судъ и казнить его такою страшною казнью, чтобы навести страхъ и ужасъ на другихъ воровъ.

Чтобы не опоздать въ Пензу на ярмарку и не показаться съ Хабибулой въ такихъ мѣстахъ, гдѣ русскія власти есть, Ханъ-Джангарь и рѣшилъ оставить при маломъ и скудномъ источникѣ Паньку съ однимъ конемъ и раненаго Хабибулу, окованнаго въ конскихъ желѣзахъ. И оставилъ имъ пшена и бурдюкъ воды и наказалъ Панькѣ на-строго:

— Береги этого человѣка какъ свою душу! Понялъ?

Панька говоритъ:

— Чего-жъ не понять-то! Вполнѣ понялъ, и какъ ты сказалъ, я такъ точно и сдѣлаю.

Ханъ-Джангарь со всей своей ордой и уѣхалъ, а Панька сталъ говорить Хабибулѣ:

— Вотъ до чего тебя твое воровство довело! Такой ты

большой молодецъ, а все твое молодечество не къ добру, а ко злу. Ты бы лучше исправился.

А Хабибула ему отвѣчаетъ:

— Если я до сихъ поръ не исправился, такъ теперь ужъ и некогда.

— Какъ это «некогда»! Только въ томъ вѣдь и дѣло все, чтобы хорошо захотѣть человѣку исправиться, а остальное все само придетъ... Въ тебѣ вѣдь душа такая же, какъ и во всѣхъ людяхъ: брось дурное, а Богъ тебѣ сейчасъ начнетъ помогать дѣлать хорошее, вотъ и пойдетъ все хорошее.

А Хабибула слушаетъ и вздыхаетъ.

— Нѣтъ,—говорить,—уже про это нехстати и думать теперь!

— Да отчего же нехстати-то?

— Да оттого, что я окованъ и смерти жду.

— А я тебя возьму да и выпущу.

Хабибула ушамъ своимъ не повѣрилъ, а Панька ему улыбается ласково и говоритъ:

— Я тебѣ не шучу, а правду говорю. Ханъ мнѣ сказалъ, чтобы я тебя «какъ свою душу берегъ», а вѣдь знаешь ли, какъ надо сберечь душу-то? Надо, братъ, ее не жалѣть, а пусть ее за другого пострадаетъ—вотъ мнѣ теперь это и надобно, потому что я терпѣть не могу, когда другихъ мучаютъ. Я тебя раскую и на коня посажу и ступай, спасай себя, гдѣ надѣнешся, а если станешь опять зло творить—ну, ужъ тогда не меня обманешь, а Господа.

И съ этимъ присѣлъ и сломалъ на Хабибулѣ конскія желѣзныя путы, и посадилъ его на коня, и сказалъ:

— Ступай съ миромъ на всѣ стороны.

А самъ остался ожидать здѣсь возвращенія Хана-Джангара,—и ждалъ его очень долго, пока ручеекъ высохъ и въ бурдюкѣ воды осталось очень немножечко.

Тогда и прибылъ Ханъ-Джангаръ со своей свитой.

Осмотрѣлся Ханъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ Хабибула?

Панька отвѣчаетъ:

— Я отпустилъ его.

— Какъ отпустилъ? Что ты такое рассказываешь?

— Я тебѣ говорю то, что въправду сдѣлалъ по твоему

велѣнію и по своему хотѣнію. Ты мнѣ велѣлъ беречь его какъ свою душу, а я свою душу такъ берегу, что желаю пустить ее помучиться за ближняго... Ты вѣдь хотѣлъ замучить Хабибуду, а я терять не могу, чтобы другихъ мучили,—вотъ возьми меня и вели меня вмѣсто его мучить,— пусть моя душа будетъ счастливая и отъ всѣхъ страховъ свободная, потому что вѣдь я ни тебя, ни другихъ никого не боюсь ни канельки.

Тутъ Ханъ-Джангаръ сталъ водить глаза во всѣ стороны, а потомъ на головѣ тюбетейку поправилъ и говорить своимъ:

— Подойдите-ка всѣ поближе ко мнѣ: я вамъ скажу, что мнѣ кажется.

Татары вокругъ Хана-Джангара стѣснилися. А онъ сказалъ имъ потихонечку:

— А вѣдь Пацьку, сдается, нельзя казнить, потому что въ душѣ его, можетъ-быть, ангелъ былъ...

— Да,—отвѣчали татары всѣ однимъ тихимъ голосомъ:— нельзя намъ ему вредить: мы его не поняли за много лѣтъ, а теперь онъ въ одно мгновенье всѣмъ намъ ясенъ сталъ: онъ вѣдь, можетъ-быть, праведный.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

Опытъ систематическаго обозрѣнія *).

«Народъ непремѣнно долженъ имѣть ясное понятіе о литературныхъ памятникахъ и источникахъ, которые вліяли на образованіе его идей и представленій».

Чт. въ Общ. Люб. Древн. Россійскихъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тридцать лѣтъ назадъ, когда у насъ много писали о женскомъ вопросѣ, не разъ было упоминаемо, будто въ Россіи репутаціи женщинъ былъ нанесенъ большой вредъ житійными сказаніями, которымъ вѣрили наши предки. Тамъ, будто, женщины постоянно выставляются соблазнительницами, стремившимися удалить мужчинъ отъ возвышенныхъ задачъ жизни и погрузить ихъ въ жизнь чувственную и безразсудную. Нѣкоторыми, болѣе горячими, чѣмъ основательными друзьями женскаго вопроса было выхвачено нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ, и гдѣ примѣры, принятые безъ критики, до сей поры остаются въ непререкаемомъ значеніи убѣдительныхъ фактовъ. Между тѣмъ, на самомъ

*) Обозрѣніе это составлено по *древле-печатному, переводному* Прологу, редакціи котораго не соотвѣтствуетъ тому, который издается послѣ Петра Великаго. Древле-печатный, переводный Прологъ, содержащій въ себѣ приводимые здѣсь «прилоги», не входитъ въ кругъ церковныхъ книгъ и не только не пользуется церковнымъ авторитетомъ, но представляетъ книгу «отреченную», и сказанья его, по выраженію Теофана Прокоповича, относятся къ разряду *«пустыя и смѣху достойныхъ басенъ»*. Интересъ, имъ представляемый, есть собственно интересъ литературный и историческій.

дѣлъ, *это есть ложь*, и въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто пожелаетъ познакомиться съ женскими типами Пролога.

Это здѣсь и предлагается.

Разбирая Прологъ, какъ повѣствовательный источникъ, я нашелъ въ немъ ровно *это* темъ или «прилоговъ», которые даютъ болѣе или менѣе пригодный матеріалъ для воспроизведенія въ повѣствовательномъ или пластическомъ искусствѣ, а изъ этихъ ста исторій—въ тридцати пяти участвуютъ женщины.

Годъ по Прологу начинался съ 1 сентября, и первое соблазнительное дѣло описано подъ 5-мъ числомъ сентября.

1) «По діаволу злохитрству, впаде въ блудъ цѣкій епископъ». Объ этомъ никто не зналъ въ его паствѣ; но епископъ былъ человѣкъ искренній и самъ не могъ снести своего грѣха; онъ пришелъ въ церковь, снялъ съ себя омофоръ и, ставъ предо всѣми на колѣни, началъ каяться, «глаголю: отсель не могу быти вамъ епископъ».

Словомъ—онъ принесъ публичное покаяніе въ блудномъ грѣхѣ, послѣ чего его надо было «извергнуть»; но какъ этотъ епископъ былъ человѣкъ очень добрый и люди его любили, то имъ стало жаль потерять его, и потому «возопиша вси люди съ плачемъ: грѣхъ твой на насъ буди».

Епископъ отговаривался, но народъ настаивалъ на своемъ. Тогда растроганный епископъ, заливаясь слезами, потребовалъ себѣ отъ людей наказанія, а тѣ на это согласились, лишь бы онъ у нихъ остался. Но вотъ епископъ легъ на полъ у дверного порога и просилъ, чтобы каждый мірянинъ, выходя изъ церкви, толкнулъ его презрительно ногой. Люди его послушались и стали его толкать, и когда послѣдній человѣкъ, выходя изъ церкви, наступилъ на согрѣшившаго архіерея, тогда только епископъ всталъ, поклонился вышедшимъ чрезъ двери людямъ и остался служить у нихъ епископомъ, и люди не чувствовали въ этомъ смущенія, ибо всѣ были увѣрены, что грѣхъ его прощенъ ради его искренности и смиренія. «Зане запну его ногой своею» и та, которая была его соучастницей въ грѣхѣ.

2) *Сентября 15*. Одного молодого пустынника страшно мучили любовныя мечтанія. Онъ пришелъ къ старцу Пахому и просилъ у него совѣта: какъ ему отъ этого избавиться. «Онъ же (то-есть старецъ) рече: не дивися дѣлу сему: азъ бо многажды обрѣтахся въ снцевыхъ. Се бо видяши мя

человѣка уже стара суца и дрихла, яко уже чотыредесять лѣтъ сижу въ хижинѣ и токмо и пекуся о единомъ своемъ спасеніи, и уже тольми ветхъ смѣи, а и до днешняго дне еще не свободенъ».

3) *Октябръ 29.* Старецъ Авраамій «сочетался съ женой», но потомъ, когда вникъ въ семейную жизнь, то она ему не понравилась—онъ нашелъ, что домою жить очень хлопотно и безпокойно, и вообще это гораздо труднѣе отшельничества, къ которому онъ уже привыкъ. Тогда Авраамій опять оставилъ жену и, «отшедъ, затворился въ маѣ хлевинѣ». Теперь ему не о комъ было заботиться; но когда Авраамій просидѣлъ въ затворѣ девять лѣтъ, умеръ его братъ и оставилъ семилѣтнюю дочку. Волей-неволей Авраамію пришлось взять племянницу на свое попеченіе. Авраамій вышелъ изъ «хлевины», сдѣлалъ тутъ же рядомъ другую такую же «хлевинку» и замуrowалъ туда дитя. Дѣвочка прожила замуrowанная въ затворѣ на глазахъ у диди тринадцать лѣтъ и никакихъ дурныхъ примѣровъ не видала, но когда пошелъ ей двадцатый годъ, «она завистию бѣсовскою впала въ паденіе». Неизвѣстно, какъ она, замуrowанная, чрезъ оконце «познакомилась съ блудницами», выкарабкалась изъ затвора и ушла съ этими своими знакомками въ такую «гостиницу», гдѣ собирались въ досужное время военные люди. Военные же люди въ той странѣ такъ любили женское общество, что вездѣ подманивали къ себѣ дѣвицы, а обратно получить отъ нихъ дѣвушку было уже очень трудно. Они отпускали женщину развѣ только тогда, когда она имъ надокучить и они сами ее прогонять. Старецъ ихъ усовѣщивалъ, и кричалъ на нихъ, и угрожалъ имъ изъ своего затвора; но военные смѣялись, и его молоденькой затворницы ему не отдали, а увели ее и не возвращали. Зная это, старецъ Авраамій обратился къ хитрости, которою и достигъ желаннаго успѣха. Въ одинъ день онъ самъ вышелъ изъ своего затвора, досталъ себѣ верхового коня, добылъ воинскіе доспѣхи, «во образъ воинскій оболкся» и поѣхалъ верхомъ въ ту же самую гостиницу, гдѣ веселились съ женщинами военные, къ которымъ ушла изъ затвора его племянница. Переодѣтый воиномъ, затворникъ держалъ себя въ гостиницѣ такъ искусно, что никто его не узналъ, и даже не заподозрилъ, что это затворникъ, а всѣ сочли его за настоящаго военнаго. Даже и племянница его не узнала, а

онъ, увидя это, самъ притворился разбитнымъ гулякой и сталъ звать незнающую его дѣвушку, чтобъ она шла съ нимъ отсюда препроводить дальнѣйшее время, за что Авраамій обѣщалъ ей дать по обычаю «даръ». Молодая дѣвушка, еще недавно только пустившаяся въ гулевую жизнь, ничего хитростнаго не подозрѣвала и ушла съ Аврааміемъ изъ гостиницы, въ полномъ убѣжденіи, что ей сопутствуетъ настоящій воинъ. А когда они остались вдвоемъ, тогда Авраамій ей себя обнаружилъ и укорилъ ее, и ужъ на свободу не выпустилъ, а посадилъ опять «въ малу хлевину», гдѣ она, послѣ долгихъ стenanій и плача, «покаялась, а послѣжди, чудеса творяше, скоро почила».

4) *Октябръ 29*. Была женщина Анна, которой хотѣлось спасти себя, живучи въ мужскихъ монастыряхъ. Она назвала себя Ефимьяномъ и стала жить съ монахами. Бороды у нея не росло, но это никого не соблазняло: монахи все думали, что Ефимьянъ—скопецъ, и нимало этимъ не смущались. Но одинъ изъ монаховъ того монастыря на свое несчастіе былъ «воображенникъ». Ему непременно хотѣлось дознаться: отчего у Ефимьяна не растетъ борода? Къ этому еще прибавилось и искушеніе: невдалекѣ отъ ихъ монастыря жила женщина, которая знала тайну Ефимьяна и притомъ была болтлива; она сказала «воображеннику»:

— Это не скопецъ, а *жена-безстрастница!*

(Сказавшая сама сейчасъ же и исчезла).

А «воображеннику» съ этой поры вступило въ голову во что бы то ни было «подсмотрѣть Ефимьяна».

Онъ объ этомъ и началъ стараться, «тщанася низринуть Ефимьяна» и «сотвори сіе, но бысть божественною силою до полу-сухъ». Анна же «объжалася отъ соблазненія, имѣя съ собой точію два монаха».

5) *Февраля 9*. Братъ ивкій жилъ въ скитѣ, не види ни одной женщины, но врагъ «вложи ему въ память ивкѣи жены прекрасны». Воспоминаніе о женской красотѣ ужасно беззаконно скитника. Одинъ разъ пришелъ къ нему другой братъ и началъ рассказывать, что случилось въ мірѣ новаго, и упомянулъ, что красавица, которая правилась брату, умерла. Тогда этотъ несчастный, какъ дождался ночи, взялъ свой «лентій» и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ, по разказу, похоронили красавицу. Тутъ онъ разрылъ ея могилу, открылъ гробъ и «нотре гной ея лентіемъ и возвратися, имѣя

при себѣ смрадъ той». И это его исцѣлило. Когда ему приходило на умъ, какъ эта женщина была прекрасна, онъ доставалъ этотъ «смрадъ» и, «полагая его предъ собой», говорилъ: «вотъ то, что отъ всякой красоты остается».

6) *Марта 18.* Данило Египтянинъ исцѣлялъ женщинъ отъ неплодства. Одинъ молодой мужъ пришелъ къ нему съ просьбой, чтобъ онъ посѣтилъ его домъ и помолился надъ его женой, которая не рождаетъ. Старецъ пошелъ по приглашенію мужа, и съ того случая молодая женщина «Богу изволившу зачать во чревѣ». Мужъ былъ очень радъ и доволенъ, но сосѣди стали смѣяться ему и говорить, будто все чудо въ томъ заключается, что жена его естественно затяжелѣла отъ старца Данилы. Когда это дошло до Данилы, онъ позвалъ къ себѣ смущеннаго молодого супруга и сказалъ ему: «когда у тебя родится дитя, собери всѣхъ родственниковъ на обѣдъ, и я тогда тоже приду къ тебѣ, и все дѣло разъяснится». Молодой человекъ такъ и дѣлалъ, какъ сказалъ ему помогательный старецъ: на двадцатый день по разрѣшеніи беременности его жены, онъ собралъ къ себѣ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Пришелъ и Данилъ, и когда всѣ сѣли за столъ, старецъ взялъ на руки новорожденное дитя и спросилъ его: «кто твой отецъ?» Двадцатидневное дитя протянуло ручку и, указывая пальчикомъ на молодого супруга, проговорило: «вотъ кто».

7) *Марта 17.* Два брата жили въ пустынѣ и, сильно между собою подружившись, дали обѣтъ никогда не оставлять другъ друга, «не точію въ жизни, но и по смерти».

Но вдругъ одинъ изъ нихъ «началъ ратоваться отъ бѣса». Бѣсъ навелъ на него такую неодолимую скуку, что обуеваемый «не возмогъ стерпѣть» и сказалъ брату своему: «Отпусти меня въ людное мѣсто; я не могу здѣсь терпѣть,—хочу жить, какъ всѣ, и веселиться».

Благоразумный братъ употребилъ всѣ усилія уговорить несчастнаго, чтобъ онъ возобладалъ надъ страстью и не губилъ столькихъ лѣтъ прожитой въ чистотѣ жизни; но тотъ никакъ не могъ совладать съ собою и стоялъ на своемъ, что ему надо уйти веселиться.

— Но какъ же мнѣ быть въ такомъ случаѣ?—спросилъ благоразумный братъ. — Вѣдь вотъ ты поминишь, я далъ обѣтъ никогда съ тобою не разставаться!.. Какъ же мнѣ

быть теперь, когда ты стремишься къ распутству, въ которое я себя допустить не желаю?

— А уакъ мнѣ до этого теперь никакой заботы нѣтъ, — отвѣчалъ страстью уязвленный братъ. — Поступай, какъ знаешь, но я ни для чего остановиться не могу: я, какъ сказалъ, такъ и пойду искать угѣнительной жизни, а ты оставайся въ пустынѣ; но, впрочемъ, — добавилъ онъ, — если ты хочешь при мнѣ быть, то, пожалуй, иди со мною въ городъ и повеселимся вмѣстѣ. А можетъ-быть, мнѣ тамъ и не долго понравится, и я скоро почувствуюсь — тогда, можетъ-быть, я и возвратусь съ тобою опять сюда же.

Благоразумный братъ подумалъ: «что за несчастіе съ человѣкомъ содѣялось? Совсѣмъ омраченъ онъ, и можно ли отпустить его одного въ такомъ омраченіи? Одинъ онъ непременно попадетъ въ компанію распутниковъ, среднюю пылѣвшему его одержимому настроенію, и онъ къ нимъ такъ притѣшится, что погибнетъ невозвратно, а надо лучше не выпускать его изъ глазъ и ждать въ немъ перемѣны отъ времени».

«Да, — разсудилъ благоразумный, — пусть лучше я самъ приближусь къ соблазну, но не оставлю человѣка совсѣмъ ослабѣвшаго. Нѣтъ, не покину его, — пойду съ нимъ и буду ждать, когда умъ и чувства его опять придутъ въ свѣтлое состояніе».

Всталъ благоразумный братъ и пошелъ въ городъ вмѣстѣ съ страстнымъ братомъ.

Идти имъ было трудно, ибо путь былъ не малъ, а страстный «бѣжа скоро», и какъ пришелъ въ городъ, — сейчасъ же «счочи въ огражденіе садовное», откуда неслися «песканы и гвѣни», и видѣлись женскія лица и плечи. А благоразумный братъ сѣлъ на пыльной дорожкѣ предъ этимъ «огражденіемъ», набралъ горстями земляной пыли, зарыдалъ и сталъ насыпать себѣ пыль на голову.

Люди, проходя, спрашивали его: о чемъ онъ плачетъ? А онъ имъ отвѣчалъ по правдѣ: «Любимый братъ мой, долго жившій чистою жизнью, вошелъ вотъ туда, въ садовное огражденіе». Люди надъ нимъ смѣялись, говорили: «Что же тебѣ? Иди и ты туда же и повеселись тамъ вмѣстѣ со всѣми съ нами». И сами туда же входили, а благоразумный братъ все сидѣлъ въ пыли и все плакалъ.

Такъ прошла цѣлая ночь, а братъ, «вскочившій въ огра-

жденіе», все еще не выходилъ оттуда, пока на небѣ засвѣтился новый день, и тогда вывалила изъ «огражденія» большая толпа мужчинъ и все шумѣли и ссорились, и въ ихъ-то безпорядочномъ обществѣ паходился страстный братъ, съ блѣднымъ лицомъ, помятыми волосами и угаснившимъ взоромъ. И чуть только страстный братъ вышелъ,—благоразумный братъ вскочилъ и бросился къ нему съ радостію и заговорилъ:

— Для чего ты такъ долго тамъ оставался! насилу я тебя дождался! хорошо, что ты наконецъ вышелъ: конечно, ты видишь теперь, какъ это гадко и можетъ тебя погубить. Пойдемъ скорѣе отсюда назадъ въ нашу пустыню!

— Ахъ, отстань ты, пожалуйста! — отвѣчалъ страстный братъ. Это совсѣмъ не такъ гадко, какъ ты воображаешь. Мнѣ тамъ, напротивъ, очень понравилось, и я ни за что теперь не пойду въ пустыню, а ты, если хочешь, уходи. Я тебѣ не препятствую.

Какъ благоразумный братъ ни уговаривалъ страстнаго — все оказалось безуспѣшно: страстному такъ понравилось въ «огражденіи садовѣмъ», что онъ совсѣмъ пришелъ въ изступленіе и уже не боялся ни суда Божія, ни вѣчныхъ мукъ, и ни за что не хотѣлъ возвращаться съ благоразумнымъ въ пустыню. Онъ слушалъ благоразумнаго молча, а самъ въ себѣ только и помышлялъ о томъ, чтобы какъ-нибудь поскорѣе скоротать день, а потомъ опять попасть въ огражденіе, объ удовольствіяхъ котораго онъ тѣмъ больше думалъ, тѣмъ болышую къ нимъ чувствовалъ несытость.

Видя такое страшное изступленіе несчастнаго, благоразумный братъ пересталъ его и уговаривать идти въ пустыню, во опять сталъ вопрошать самого себя: можно ли ему оставить друга и брата въ такомъ неистовствѣ? и, обдумавъ дѣло съ разныхъ сторонъ, благоразумный братъ увидалъ, что тотъ безъ него тутъ и погибнетъ въ безпутствѣ, и рѣшилъ самъ съ нимъ оставаться, пока надъ тѣмъ пройдетъ это «обладаніе».

Но чтобы жить въ городѣ и притомъ еще веселиться въ «огражденіи», надо было имѣть деньги, а у пустынныхъ братьевъ запасныхъ денегъ не было, и вотъ они стали оба наивматься на работы. И оба работали во всю силу, какъ благоразумный, такъ и страстный, а вечеромъ страстный братъ забиралъ себѣ и свой заработокъ, и заработокъ сво-

его благоразумнаго брата, и ночью все это истрачивалъ на свои удовольствія въ «огражденіи». Благоразумный же братъ не жалѣлъ этого и о деньгахъ своихъ со страстнымъ не спорилъ; но онъ жалѣлъ его, что тотъ такъ нравственно падъ и всякій день все глубже и глубже погружается въ смрадное болото порока, о которомъ благоразумный братъ самъ не имѣлъ никакого познанія, и изумлялся силѣ грѣха, такъ страшно возобладавшаго надъ братомъ. Но при всемъ этомъ онъ вѣрилъ, что любовь его какъ-нибудь спасетъ одержимаго, и когда страстный входилъ въ «огражденіе», благоразумный садился при дорожкѣ противъ этого «огражденія», насыпалъ себѣ на голову дорожной пыли и горестно плакалъ. Страстный это видѣлъ, но не останавливался и скорой стеною уходилъ внутрь «огражденія».

Такъ каждую ночь — одинъ гулялъ, а другой оплакивалъ его безуміе.

Днемъ братья между собою уже не говорили, а становились на работу молча и уходили молча, и благоразумный братъ никогда болѣе не укорялъ страстнаго. И это, наконецъ, такъ тронуло страстника, что тотъ однажды бросился благоразумному въ ноги и воскликнулъ:

— Братъ мой любимый! Ты уязвилъ своимъ терпѣніемъ мою душу! возьми меня въ свою власть и сдѣлай со мною, что хочешь! Я не хочу оставаться такимъ, какимъ сдѣлался, но не могу собой править.

Тогда благоразумный братъ сейчасъ же поступилъ какъ почиталъ за лучшее: онъ взялъ страстнаго прямо отъ воротъ «огражденія», гдѣ съ тѣмъ произошелъ спасительный переломъ, и увелъ его изъ города въ пустыню и «такъ пріобрѣлъ себѣ брата своего».

Видѣвъ же безумную страстность несчастнаго, благоразумный братъ и въ пустынѣ не оставилъ его на жертву его собственной волѣ, а заключилъ его въ тѣсную пенсерку, гдѣ тотъ черезъ малое время много преуспѣлъ и скончался».

8) *Апрѣля 15.* Два монаха, живя вмѣстѣ, вдругъ оба наскучили одиночествомъ и пошли въ городъ. Тамъ они сейчасъ же взяли себѣ двухъ женщинъ и устроились такъ, чтобы жить съ этими подружками, а обѣты свои оставили. Но скоро они увидали, что жить съ женщинами совсѣмъ не такъ легко, какъ они ожидали, а что это довольно хлопотливо, что женщины требуютъ себѣ того и другого, и

по добру хорошихъ внушеній го слушаются, а надо ихъ много усовѣщивать и понуждатъ къ покорности, а черезъ то отъ совместнаго сожителства съ ними получается не столько удовольствія и радостей, сколько безпрестанныхъ досажденій. Монахи нашли, что имъ не совладать съ семейнымъ житиемъ, и опять стоворились другъ съ другомъ покинуть взятыхъ женщинъ и убѣжали отъ нихъ назадъ въ монастырь, и тамъ рассказали про все, что съ ними было во время ихъ блужденія, и принесли покаяніе. Старшіе ихъ приняли и посадили въ затворъ и оставили каяться, а когда минуло время ихъ наказанія, то прини на нихъ по-смотреть, и увидѣли, что заключеніе оказало на нихъ совершенно различное вліяніе: одинъ согрѣшившій монахъ весь исхудалъ и цетомился, а другой, напротивъ, былъ тѣломъ бодръ и лицомъ веселъ. Спросили исхудавшаго: «что тебѣ бысть?» Онъ отвѣчалъ: «Кость моя прильпе къ гортани, егда воспоминаю, что сотворихъ». Тогда спросили о томъ же бодрого, а тотъ отвѣчалъ: «я все радуюсь, отъ какой бѣды меня Господь спасъ».

Старицы обсудили оба отвѣта и нашли, что «оба брата пришли равно въ хорошее понятіе».

9) *Мая 1.* Два брата, живучи въ скитѣ, занимались искуснымъ рукодѣльемъ, и одинъ разъ, наготовивъ работъ, пошли оба въ городъ, чтобы продать свои произведенія. Тутъ они, какъ только вступили въ городскія ворота, сейчасъ же и разошлись въ разныя стороны: одинъ пошелъ въ улицу, которая шла отъ воротъ направо, а другой—въ улицу, которая шла влѣво. И весь день они другъ друга не видѣли. Когда же настало уговоренное время, чтобъ имъ сойтись въ условленномъ мѣстѣ и идти назадъ въ скитъ, братъ, пошедшій влѣво, сказалъ другому, пошедшему вправо:

— Знаешь ли, со мною случилось нѣчто такое, послѣ чего я уже не могу идти назадъ въ скитъ.

— Что же такое съ тобою случилось?—вопросилъ второй братъ.

— А то, что когда мы съ тобою разстались, то я встрѣтилъ очень красивую женщину и поддался соблазнительному влеченію, и вотъ мой обѣтъ цѣломудрія мною нарушенъ.

— Это очень дурно,—отвѣчалъ другой братъ:—но ужъ, если это случилось, то тѣмъ скорѣе должно тебѣ сѣбѣ снѣсти отсюда въ нашу пустыню.

— Итъ, братъ возлюбленный, — отвѣчалъ падшій: — я уже не рѣшусь теперь оскорбить наше чистое жилище своимъ присутствіемъ.

Братъ же, ходившій въ улицу направо, еще настойчивѣе звалъ его скорее идти въ пустыню и самъ тянулъ его за руку; но падшій не шелъ и отвѣчалъ:

— Итъ, тебѣ самому будетъ тяжело со мною. Ты — чистый.

Тогда второй братъ «помысли мало и отвѣща»:

— Не сокрушайся о томъ, что мнѣ будетъ тяжело въ твоемъ присутствіи, ибо когда мы съ тобою сегодня разстались и ты пошелъ лѣвѣ, а я понесъ свои рукодѣльи направо, то со мною въ правой сторонѣ города случилось какъ разъ то же самое, что случилось съ тобою въ лѣвой.

Тогда первый братъ ободрился и воскликнулъ:

— Значитъ, мы равны!

— Да, оба мы равны, ибо оба пали.

— Что же мы теперь сотворимъ далѣе?

— Пойдемъ оба, какъ равные, вмѣстѣ въ свой скитъ и оба вмѣстѣ покаемся старцамъ.

— А что же намъ будетъ отъ старцевъ?

— А ужъ что будетъ, то будетъ одинаково, что одному, то и другому. Не робѣй — перенесемъ вмѣстѣ по заслугамъ нашимъ, а какъ я старше тебя, то вѣрно мнѣ сдѣлаютъ наказаніе строжайшее, а тебя, младшаго, — накажутъ полегче.

Братъ, ходившій влѣво, «умилялся» и пошелъ въ скитъ. Тамъ съ ними вышло, какъ говорилъ второй братъ, который собтвенно не былъ грѣшнѣе, но только сказать на себя грѣхъ для того, чтобы поддержать духъ падшаго брата, и тѣмъ не допустилъ его до отчаянія.

10) *Мал 21.* Одинъ братъ вышелъ изъ скита на рѣку, чтобы почерпнуть воды, и вдругъ замѣтилъ тамъ на берегу «жену перуну ризы», то-есть прачку, моющую одежду, и «прилучися брату пасти съ нею». По совершеніи же этого грѣха, братъ зачерпнулъ воды и понесъ водопостъ въ скитъ свой; но его облѣнили бѣсы и стали кричать ему въ уши: «Чего идешь въ скитъ! Тебѣ тамъ теперь ужъ не мѣсто; оставайся теперь съ прачкой!»

Братъ этимъ очень смутился, но сейчасъ же понялъ, что бѣсы такъ хотятъ совѣмъ отбѣить его отъ пути спасенія, и сказалъ:

— Чего вы ко мнѣ выжестесь и для чего мнѣ досаждаете! Я не хочу отчаиваться.

И съ тѣмъ онъ пришелъ въ свою келью и «безмолвствовать», но согрѣшеніе его открылось одному старцу. Тогда братъ покаялся и разсказалъ, что онъ скрывалъ свой грѣхъ, боясь, какъ бы не впасть въ отчаяніе.— Старецъ похвалилъ его «разсужденіе».

11) *Мая 24.* Одинъ старецъ, проведя всю жизнь въ скитѣ, пошелъ разъ въ Александрію продать свое рукодѣліе и тамъ увидѣлъ, какъ одинъ монахъ входитъ въ корчму. Пустынникъ сѣлъ противъ двери, въ которую вошелъ александрійскій монахъ, и сталъ дожидаться, пока тотъ выйдетъ. Когда же монахъ черезъ нѣкоторое время показался на порогѣ, скитникъ бросился къ нему, обхватилъ его руками и, удерживая его, сталъ говорить:

— Чтѣ ты, несчастный, дѣлаешь? Или ты не вѣдаешь, что носишь ангельскій чинъ? Зачѣмъ же ты лѣзешь во вражьи сѣни, для чего входишь въ корчемницу, гдѣ сходятся неподобные мужи и женщины? Молю тебя, бѣги къ намъ въ пустыню,—тамъ ты спасешься.

Молодой же городской монахъ отвелъ руки скитника и сказалъ ему:

— Иди себѣ, калугере, — Богъ ничего не ищетъ кромѣ чистаго сердца.

Старецъ «воздвигъ руки къ небу» и сказалъ:

«— Я въ пустынѣ не стяжалъ чистаго сердца, а сей ходищій въ корчемницу стяжалъ».

12) *Юня 3.* Встрѣтилъ отецъ Пафнутіи въ пустынѣ нагого человѣка, закрывавшагося своими волосами, и сталъ его разспрашивать объ его прежнемъ житіи. Нагой человѣкъ сказалъ, что онъ жилъ сначала въ монастырѣ и былъ ткачомъ, но наконецъ ему не понравилось жить въ монастырѣ, а вздумалось, что лучше жить одному: «я такъ и сдѣлалъ, и сталъ работать и жить очень хорошо»; но это шло только «пока позавидовалъ мнѣ дьяволъ. Попросила меня одна черноризница устроить ей полотно. Я сдѣлалъ. Она попросила устроить другое. Я сдѣлалъ и другое, и яко уже свѣчаи ми бысть съ нею и часть съ часу дерзновенію большее, то она зачехни родила беззаконіе». Тогда нашло на него раскаяніе, и онъ, бросивъ черноризницу, бѣжалъ въ пустыню, гдѣ Пафнутіи и встрѣтилъ его нагого.

Нафнутий съ нимъ разговорился и спросилъ:

— Что же, я думаю, сначала-то тебѣ здѣсь и тяжело было?

— «Вельми изнемогахъ, — отвѣчала нагой, — и лежахъ въ пещерѣ въ тузѣ и въ страсти». Опять хотѣлось ему возвратиться къ «черноризицѣ», но «пришелъ нѣкій мужъ, какъ бы ножомъ изрѣзалъ всю мою утробу, очистилъ ее и спить вложилъ, и руками замазалъ, — и съ той поры туга и страсть остависта мя».

13) *Юня 20.* Жилъ въ дальней пустынѣ одинъ благочестивый старецъ и имѣлъ близкую родственницу, оставшуюся въ мѣрѣ. Долго они не видались, но вдругъ этой женщиной какъ-то соскучилось и захотѣлось сходить навѣстить своего родственника. При этомъ женщина не имѣла никакого дурного умысла, а только хотѣла узнать чисто по родственному: живъ ли пустынный, или онъ уже умеръ; если же онъ живъ, то она хотѣла побесѣдовать съ нимъ о божественномъ и чѣмъ-нибудь послужить ему по силамъ своимъ. Плутала она долго по пустынѣ, пока встрѣтила «камиларя», или пастуха, который пасъ верблюдовъ. Женщина рассказала ему, кого она ищетъ. Пастухъ верблюжий знаетъ пустытника и показалъ ей, какъ найти его пещерку, которая была тутъ же неподалеку. Женщина разыскала своего родственника. Онъ ее уже не могъ узнать, но она сказала ему, что «сродница твоя есмь». Тогда пустынный ее принялъ. Потомъ они стали съ нимъ бесѣдовать; но «егда приде ночь», то старецъ «преступи съ ней свой обѣтъ цѣломудрія». Это сейчасъ сдѣлалось извѣстно необычайнымъ случаемъ. Въ этой же самой пустынѣ, на нѣкоторомъ разстояніи, жилъ другой старецъ, который нимало не интересовался тѣмъ, что произошло у сосѣдняго старца; но онъ пошелъ почерпнуть воды, и только-что погрузилъ свою чашу въ воду, какъ «чаша перевернулась». Старецъ удивился, потому что до этого случая чаша у него никогда не переворачивалась. Онъ второй разъ зачерпнулъ чашу, но чуть ее поставилъ, какъ она опять перевернулась.

Тогда пустынный подумалъ:

«Вѣрно это по усмотрѣнію Божію».

А такъ какъ онъ въ одиночествѣ никакъ не могъ себѣ разъяснить, къ чему ему давалось такое знаменіе, то онъ,

не теряя времени, пошелъ къ другому пустыннику, спасавшемуся въ той же пустынь, но въ другомъ мѣстѣ.

«Пойду и расскажу ему, — думалъ старецъ, — и вдвоемъ съ нимъ мы это лучше обсудимъ».

А старецъ, къ которому онъ собирался идти, какъ разъ и былъ тотъ самый, у котораго въ это время гостила родственница.

Пошелъ къ нему пустынникъ на совѣщаніе, но въ одинъ день не дошелъ, а заночевалъ дорогой подъ стѣнами идоляскаго капища и тутъ обо всемъ узналъ. Случилось такъ, что въ этомъ капищѣ именно въ ту ночь собрались бѣсы и въ чрезвычайной радости завели шумное торжество, и стали хвастать, что соблазнили одного извѣстнаго и опытнаго пустынника, при чемъ не разъ называли соблазненнаго и по имени.

Это былъ какъ разъ тотъ, къ кому шелъ путешествовавшій. Но путникъ хотя и смутился этимъ, однако все-таки пришелъ къ тому, который налъ во грѣхъ съ родственницей, и, поздоровавшись, спросилъ у него:

«— Чтѣ убо сотворю, отче, — егда наполню чашу мою водой и она во времи снѣденія превращается?»

А тотъ посмотрѣлъ на него и вмѣсто отвѣта самъ предложилъ вопросъ:

«— А чтѣ убо азъ сотворю, яко азъ внадохъ въ блудъ?»

— Да, я это уже знаю, — отвѣчалъ гость: — я слышалъ объ этомъ «въ церкви идолястей».

Тогда преступившій обѣтъ цѣломудрія старецъ, какъ только услышалъ, что о немъ даже дьяволы говорятъ, вскопчилъ и отчаянно закричалъ:

— Ну, если это такъ, то тогда ужъ все равно — я брошу пустыню и пойду въ міръ!

Но тотъ братъ, у котораго чаша переворачивалась, отговорилъ его отъ этого, а совѣтовалъ прогнать только отъ себя родственницу.

«Старецъ послушался и исправилъ житіе свое».

14) *Юня 27.* Отцы Данилъ и Палладій, прииди въ Александрію, встрѣтили молодого монаха, выходящаго изъ бань. Имъ это показалось подозрительно и непристойно, и они ему это сказали, а тотъ, вмѣсто того, чтобы покаяться, отвѣчалъ имъ: «не судите и не судимы будете». Старцы попросили у него прощенія, но скорѣли о немъ, потому

что видѣли, какъ около него вертятся два мурина. Спусти же нѣкоторое время они узнали, что этотъ молодой красавецъ-монахъ пришелъ въ Александрію изъ Константинополя и вступилъ въ связь съ «женой енарха», а слуги енарха изловили его и, желая сдѣлать свухомъ, такъ его изуродовали, что онъ чрезъ три дни умеръ, «и бысть веѣмъ мнихомъ поруганіе и урокъ».

15) *Юля 22.* Жилъ въ одномъ скитѣ многолѣтній старецъ и ослабѣлъ силами. Трудъ, который онъ до сего времени исполнялъ, пришлось разложить на другихъ. Это старика очень стѣсняло, и, чтобы не быть даромъ хлѣба, онъ рѣшился уйти въ Египетъ. Тамъ же жилъ съ нимъ въ скитѣ другой старецъ, Моисей, который ранѣе бывалъ въ Египтѣ и вообще былъ человекъ очень опытный; онъ сказалъ старцу: «не ходи въ Египетъ, — тамъ много женщинъ, и ты соблазнишься».

А старецъ этому не повѣрилъ и даже обидѣлся.

— Что ты мнѣ несообразное говоришь! — возразилъ онъ Моисею. — Ты бы долженъ постыдиться даже вспоминать мнѣ объ этомъ! Или ты не видишь, какъ я старъ, и все тѣло мое уже одрихлѣло и умерло!

Моисей же все стоялъ на своемъ и говорилъ, что какъ человекъ ни будь старъ, но, пока онъ живъ, ему, все равно, не безопасно побывать въ Египтѣ.

Старецъ такъ разсердился, что назвалъ Моисея нескромнымъ и соблазнительнымъ, а самъ сейчасъ же всталъ и ушелъ отъ него въ Египетъ. Слава же этого старца была столь велика, что его уже и въ Египтѣ знали, и объ его замѣчательной жизни рассказывали другъ другу. А потому, какъ только старецъ появился въ Египтѣ, такъ и стали приходить къ нему разные люди за духовными наставленіями и исцѣленіями. И сначала все шло очень хорошо, но одинъ разъ «пріиде также по вѣрѣ Божіи послужити ему и нѣкая дѣва». Она была чѣмъ-то неспѣливо больна, «по по лѣтѣ единемъ старецъ исцѣли се и впадѣ съ нею въ грѣхъ и она явися непрадна». Люди, приходивше къ старцу, стали замѣчать особенное положеніе дѣвушки и начали говорить объ этомъ различно. «А простая же чадь прямо вопроси ея: откуда се имани?» Дѣвушка отвѣчала имъ: «отъ старца». Одни ей вѣрили, а другіе не вѣрили, ибо «бѣ той старецъ воельми многолѣтенъ». Но старецъ,

услыхавъ эти разногласія, самъ подтвердилъ слова дѣвушки. Онъ сказалъ: «се азъ сотворихъ сію, и вы сохраните отроча рождающееся». «И ради просьбы его бысть родшееся отроча отдоено». Спустя же нѣкоторое время въ скитѣ бысть праздникъ и собралось много народа, и тогда посреди толпы вдругъ появился оный старецъ, «нося на рамя своемъ отроча отдоенное», и вошелъ въ церковь и, оборотясь къ скитникамъ, сказалъ: «Видите ли это дитя? Это есть плодъ моего непослушанія. Берегите себя отъ этого, потому что ежели такое дѣло могло случиться со мною, при моей старости, то тѣмъ легче это можетъ случиться со всякимъ въ молодости».

«И видѣвши это всѣ заплакали».

16) *Юля 25*. Въ одномъ египетскомъ монастырѣ былъ знаменитый «славный» дьяконъ. Случилось, что мѣстный князь той страны преслѣдовалъ одного простолудина, у котораго была очень красивая жена. Преслѣдуемый, укрываясь отъ князя, приближалъ съ семьей въ монастырь, чтобы здѣсь сохранили его жену отъ страстныхъ преслѣдованій нестоваго князя. Монахи приютили супруговъ, но мужъ отъ этого ничего не выигралъ, ибо тутъ «удариста во дьякона неурязненныя силы вражія», и съ женой простолудина таки-случилось то самое, чѣмъ угрожало ей нестовство князя. Дьяконъ, замѣнившій князя, былъ изобличенъ и пристыженъ, и его опредѣлили «погребсти живаго въ темницу», и такъ и сдѣлали. Дьяконъ долго оставался замурованный; но въ краѣ томъ настала продолжительная засуха, и сколько ни молились о ниспосланіи съ неба дождя, — дождя все не было. Тогда явлено было одному старцу, что надо «извести наружу и поставить къ служенію сокрытаго славнаго дьякона». Сдѣлали по этому внушенію, и когда размуровали затворъ «и дьяконъ, изнедь и вземни санъ свой», началъ молебствовать — «сопеть дождь на землю».

17) *Августа 12*. Въ царствованіе Леона, царя константинопольскаго, жилъ одинъ очень славный и богатый человекъ, который притомъ былъ и чрезвычайно добръ, но въ то же время былъ и большой грѣшникъ. Онъ имѣлъ неодолимое влеченіе къ красѣ женщинъ и находился въ постоянномъ съ ними обращеніи, и такъ къ этому привыкъ, что каковъ былъ смолоду — точно такимъ же оставался и въ

старости, — «заяже устарѣся въ немъ той злой обычай». Въ такомъ страстномъ обдержаніи этотъ именитый и добрый человѣкъ и умеръ. При погребеніи его, у патріарха Гермогена и епископовъ, а также и у мірскихъ знатныхъ лицъ въ Византіи возникло огромное недоумѣніе: какъ почитать этого усоннаго, за праведника или за грѣшника, и въ какомъ мѣстѣ онъ долженъ быть помѣщенъ послѣ смерти, то есть въ рай ли съ праведниками, — чего онъ былъ достоинъ по свойствамъ своей доброй души, или въ аду съ грѣшниками, куда ему слѣдовало идти за свой любострастный «обычай». Долго объ этомъ разсуждали важнѣйшіе духовные люди въ Византіи и никакъ не могли придти къ рѣшенію. Тогда захотѣли спросить Небо, и патріархъ Гермогенъ повелѣлъ всѣмъ монастырямъ и затворникамъ молиться, чтобы «явлено было о человѣкѣ семь пользы ради человѣческой». И Небо отвѣтило: открыто было нѣкоторому затворнику слѣдующее: «видѣлъ онъ *мѣсто нѣкое*, имущее одесную рай, а ошую озеро огненное, и между ближняго рая и страшнаго пламени стояше привязанъ умершій мужъ и злѣ стенаше, позирая на рай. А ангель Господень говорилъ ему: «напрасно, человѣче, стонещи, ибо ради милосердія твоего избавленъ еси отъ муки, — за скверну же любострастія лишень рай».

Прослѣдованное нами въ семнадцати «прилогахъ» ясно показываетъ, что изъ тридцати пяти случаевъ, гдѣ имѣеть мѣсто любовный соблазнъ, — въ семнадцати случаяхъ женщины Пролога не обнаруживаютъ никакого обольстительнаго коварства для совращенія мужчинъ, а напротивъ, мужчины сами увлекаются въ эту сторону съ необычайною неразборчивостью и легкостью.

Этимъ кончается первая категорія женскихъ лицъ, за которую слѣдуютъ другія, представляющія собою характеры болѣе сложные и болѣе интересныя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прямыми соблазнительницами женщины Пролога являются въ слѣдующихъ исторіяхъ:

18) (1) *Октябръ 7*. Въ Александріи былъ славный художникъ, дѣлавшій необыкновенно изящныя вещи изъ серебра и золота. Его звали Зеонъ (въ Прологѣ онъ назы-

вается «златокўзнецъ»). Онъ былъ потаенный христіанинъ. По художеству его ему нигдѣ не было равнаго. Самыя именитыя женщины роскошнаго города наперебой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ, а Зенонъ не успѣвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ. Богатыя щеголихи Александріи шли наперебой одна передъ другой и платили очень дорого, чтобы перещеголять другъ друга, но только и это не помогало. Тогда въ Александрію пріѣхала изъ Антиохіи одна молодая красавица, необычайно своенравнаго и настойчиваго характера. Она имѣла привычку ни предъ чѣмъ не останавливаться для достиженія своей самонадѣявшейся цѣли, а цѣль ея въ Александріи была превзойти здѣсь своею пышностью всѣхъ александрійскихъ женщинъ. Имя ея было Нефорисъ или Нефора. Вся Антиохія знала ее, какъ самую первую красавицу, затмѣвавшую собою всѣхъ иныхъ въ роцѣ Дафны. Она захотѣла во что бы то ни стало имѣть «головную утварь на красоту своего тѣла» и не послала звать къ себѣ художника, потому что знала, что Зенонъ откажется, а она взяла золото и драгоценные камни и сама пошла къ нему и стала его «умолять»—сдѣлать для нея такое головное украшеніе, которое какъ можно болѣе шло бы къ ней и еще сильнѣе возвысило «красоту ея изысканаго тѣла».

Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ красивой мѣстности, до которой было довольно далеко. Нефора шла сначала тѣнистою аллеей, по которой ей встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщинъ, и съ грохотомъ проѣзжали колесницы на коняхъ съ подстриженными гривами; потомъ путь становился безлюднѣе и тише. Отъ аллеи начинались мелкіе свертки по тропинкамъ въ удолья, утонувшія въ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подвѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старикъ и кормилъ своего верблюда. Нефора спросила его, гдѣ живетъ Зенонъ златокўзнецъ. Онъ ей указалъ на поляну, гдѣ зрѣли ароматныя дыши, межъ сирени, жасминовъ и розъ, а сзади катился ручей и за нимъ въ чащѣ кустовъ стоялъ бѣлый домикъ. Вокругъ было тихо—только черныя дрозды сидѣли на бѣломъ карнизѣ и пѣли. Дверей не было видно. Нефора ударила три раза въ стѣну—и передъ ней раздвинулась панель и ее встрѣтилъ Зенонъ.

Онъ былъ пораженъ и недоволенъ ея посѣщеніемъ, но принялъ ее въ свою мастерскую. Это была большая квадратная комната безъ оконъ,—свѣтъ проникалъ въ нее черезъ потолокъ, сквозь фіолетовую слюду, отчего все въ ней казалось обвитымъ какою-то тонкою дымкой. По серединѣ комнаты стоялъ бронзовый ибисъ и изъ его клюва струилась свѣжая вода; въ углахъ помѣщались обширные тазы, въ которыхъ росъ златоглавый мускусъ и наполъ всю атмосферу своимъ запахомъ. Все стѣны были покрыты художественными произведеніями искусства. Здѣсь были и Аписъ, и фараоновы кони, и шесты, и посуда.

Застигнутый дома врасплохъ, «златокузнецъ» не могъ отдѣлаться отъ этой бойкой и настойчивой гостыи и сталъ съ ней разговаривать, невольно замѣчая, что она чрезвычайно красива и одѣта къ лицу, такъ что красота ея выдѣлается еще ярче. Чернокудрая голова ея была покрыта нирокимъ и тонкимъ полосатымъ кефье, мягкія складки котораго облегали, какъ воздухъ, ея черносніія кудри. Кефье перевязано было желтымъ инуромъ. Въ уши, руки и пальцы были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на шеѣ было золотое ожерелье изъ множества тонкихъ цѣпочекъ и на концѣ каждой изъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣсницы ея были подведены, а концы пальцевъ подрумянены и тонкіе ногти отливали радужнымъ перламутромъ. На поясѣ ея, который обхватывалъ приятнаго сѣраго цвѣта тунику съ красною каймой, висѣло маленькое зеркальце и такой же маленькій сосудъ съ пахучею индійскою эссенціей.

Она сѣла, не ожидая приглашенія хозяина, поглядѣлась въ свое зеркало, приснула на себя и передъ собою духами и пригласила художника, чтобъ онъ помогъ ей обсуждать: какъ ей можно еще «примножить ея красоту». И когда увидала, что онъ растерялся, то, дабы не дать ему опомниться и сразу преклонить его на свою сторону и получить отъ него такую изыщную «утварь», какой нѣтъ ни у какой другой именитой женщины во всей Александріи, она стала прельщать его своею красотой, съ намѣреніемъ довести это до крайняго результата. «Тогда,—думала она,—онъ, какъ любовникъ своей, сдѣластъ для меня уборъ всѣхъ лучшій, а вреда моей чести отъ этого никакого не будетъ, ибо никто даже и не подумаетъ, что я, будучи столь знатна

и богата, согласилась бы такую цѣною златокузную его купить». Подходы цеголихи были такъ ясны, что художникъ не могъ ихъ не понять; но она еще ихъ усилила, — она сказала ему:

— Здѣсь жарко, и ты долженъ видѣть тѣло мое безъ постороннихъ прикрасъ: сѣрый и красный цвѣтъ отбѣняютъ цвѣтъ моей кожи. Я должна сбросить тунику.— И она ее сбросила, и въ это же время вилась передъ нимъ, перемѣняя прически, а онъ примѣривалъ къ ея лицу и головѣ то тѣ, то другія снизи и пронизи и безпрестанно имѣлъ въ своихъ объятіяхъ ея тѣло, покрытое одною сорочкой, которая держалась застежкой на правомъ плечѣ и шла внизъ подъ лѣвую руку, такъ что въ глаза ему била прелесть ея тѣла, и это его туманило... Художникъ «блзняхся на ню», а она ему «подаваше помизаніе очима и неподобенъ смѣхъ». Онъ опускалъ свои вѣки, чтобъ ея не видѣть, но она, смѣясь, насильно открывала ихъ своими тонкими пальцами,—онъ опять ее видѣлъ и душа его играла и прыгала, какъ молодая лань въ горахъ или какъ горный потокъ въ стремнинахъ Ливана. Зеновъ просилъ ее удалиться. Нефора смѣялась и тихо шептала: «зачѣмъ?»

— Я хочу быть царемъ моей совѣсти

— О! оставь это! Повѣрь, веселѣе быть червемъ, гложущимъ тутовый листъ въ роцѣ Дафны, чѣмъ томиться въ царственной скукѣ. Дай мнѣ вина и лобзанье въ память нагого ребенка!

Зеновъ ей подаль фіалъ; она отпила половину, а другую половину, смѣясь, влила ему во уста и держала его все это время въ своихъ объятіяхъ, а потомъ, бросивъ пустой фіалъ, поцѣловала Зенона въ честь Вакха...

Страсть, какъ темная гора, покрыла сердце Зенона.

Случай могъ быть чрезвычайно опаснымъ для обоихъ, но златокузнецъ александрійскій былъ тайный христіанинъ, и это спасло обоихъ. Въ самую безумную минуту, «егда устремися уже грѣху, — помянуса художному мужу слово евангельское: аще соблазняетъ тебя рука твоя или нога — отсѣцы ее, или око — избоди е». И онъ, воззрѣвъ на жену, рече: «мало ми отступи» (отойди немножко) и иземъ ножъ, удари ся въ око десное и рече: «Видѣ, Господи, яко сохранитель заповѣди Твоя есмь, — да егда и азъ востребую

помощи отъ Тебя — Ты не удайся». Соблазнительница ужаснулась и убѣжала.

Вскорѣ въ Александріи случилось гоненіе на христіанъ. Гонитель ихъ былъ человекъ не только жестокой, но и насмѣшливой, — онъ хотѣлъ издѣваться надъ христіанами и, призвавъ ихъ епископа, сказалъ ему: «Не нахожу въ вашей вѣрѣ ничего основательнаго и твердаго, да не вѣрю, чтобы вы и сами могли вѣрить въ то, о чемъ рассказываете. Вотъ я задамъ вамъ рѣшительное испытаніе: если вы его выдержите, то вы останетесь цѣлы, и все, что у васъ есть, — ваше будетъ; а если не выдержите, тогда я поступлю съ вами, какъ съ обманщиками, и оберу у васъ все, что вы имѣете, на государя. Испытаніе же вѣрѣ вашей назначаю вамъ по вашимъ книгамъ; тамъ написано: *если кто имѣеть веру* и скажетъ горѣ — «стронься съ мѣста и пойдетъ», то будто гора непременно тронется и поидетъ. Вотъ, видите, тамъ недалеко отъ берега Нила есть гора Адеръ. Она стоитъ тамъ много лѣтъ, огнемъ земнымъ выдвинутая еще въ началѣ созданія земли, когда не было ни пирамидъ, ни сфинксовъ, ни праотцевъ вашихъ, трудившихся надъ этими постройками. Выберите изъ себя такого истинно вѣрующаго, который могъ бы сдѣлать надъ Адеромъ то, что представляется за возможное въ вашихъ книгахъ; если гора Адеръ стронется съ мѣста и поидетъ, то я повѣрю, что въ вашихъ книгахъ писана правда, а если вы ничего этого не сдѣлаете, то вы тѣмъ докажете, что все вы лгуны, и тогда я поступлю съ вами какъ съ недостойными уваженія обманщиками, а все ваши имущества возьму у васъ на государя.

Христіане пришли въ ужасъ. Они знали, что ихъ правитель жестокъ и пощады имъ отъ него не будетъ: если гора Адеръ не тронется съ своего мѣста и не поидетъ въ Нилъ, тогда всемя имъ доведется погибнуть съ позоромъ, а все добро, которое они собрали трудами въ теченіе всей своей жизни, будетъ расхвачано или поверстано въ казну, а дѣти ихъ останутся нищими и съ осмѣянною религіей и безъ руководства родителей перейдутъ въ вѣру торжествующихъ отцовскихъ мучителей...

Въ такомъ ужасномъ положеніи все христіане, жившіе въ сосѣдствѣ горы Адера, надѣли на себя неподрубленные одежды печали, постылись, молились и плакали, а между тѣмъ время шло и приближался уже срокъ, назначенный

правителемъ. Никто, — ни одинъ изъ христіанъ не чувствовалъ въ себѣ той увѣренности, чтобы сказать горѣ при людяхъ: «стронься съ мѣста и иди въ воду».

Скорбь христіанъ сдѣлалась извѣстна и иновѣрнымъ людямъ въ городѣ, и тогда къ христіанскому епископу пришла тайно та самая египетская красавица, которая ранѣе приходила соблазнить «златогузница», и она сказала епископу:

— Я узнала о вашемъ горѣ и мнѣ васъ жалко; но вы, можетъ-быть, напрасно приходите въ отчаяніе, ибо если только вѣрѣ все возможно, то у васъ есть такой человекъ, который имѣетъ настоящую вѣру, и его вѣра можетъ выдержать всякое испытаніе.

— Какъ! — воскликнулъ епископъ: — неужели ты, похристіанка, увѣрена, что гора можетъ сдвинуться?

— Да, я вѣрю въ это потому, что я видѣла вѣру, которая преодолѣла законы естества; но меня очень удивляетъ, что этого-то одного человека я и не вижу между тѣми, которыми ты себя здѣсь окружаешь и съ которыми советуешься!

— Скажи же скорѣе, сострадательная госпожа, — кто онъ такой?

— Онъ златогузнецъ, художникъ.

— Неужто Зенонъ окривляемый, который дѣлаетъ кумиры и утварь для женскихъ уборовъ?

— Да, это Зенонъ.

— Помилуй! — воскликнулъ христіанскій епископъ: — ты говоришь невозможную вещь.

— Почему?

— Зенонъ искусный художникъ, ни слова объ этомъ; но онъ въ вѣрѣ нашей не крѣпокъ, онъ въ постоянномъ общеніи съ людьми разныхъ вѣрѣ, и ты имя его можешь увидѣть на исподахъ различныхъ кумировъ, — крокодиловъ мерзостныхъ, страстнаго ибиса и быка съ чернымъ пятномъ и коней фараона; притомъ Зенонъ часто бываетъ лѣнивъ: онъ не поспѣваетъ къ общей со всеми молитвѣ; въ день недѣльный, когда много заказовъ, онъ одинаково трудится, будто какъ въ будень; онъ живетъ безъ жены и нимало не занятъ тою мыслію, чтобы учредить себѣ семью или удалиться въ пустыню, а онъ охотно разговариваетъ съ посторонними женщинами, которымъ онъ нуженъ, и угождаетъ ихъ суетности.

— Может-быть, все это правда,—отвѣчала гостья:—но, быть можетъ и то, что все это не такъ важно, какъ тебѣ кажется.

— Ахъ, ивѣтъ, госпожа,—что ужъ касается степени важности въ вѣрѣ, то ты повѣрь, что намъ это близко извѣстно.

— Я и не спорю,—отвѣчала Нефорисъ:—такъ и должно быть, чтобы вамъ все было лучше извѣстно; но услышите и то, что я знаю о вѣрѣ Зенона.

— Что же тебѣ стало извѣстно?

— Миѣ извѣстно, что Зенопъ покорилъ себя волѣ Учителя вашего, котораго все вы зовете Сыномъ вашего Бога, и при миѣ показалъ такую силу любви къ Его слову, какой, можетъ-быть, никто изъ васъ не видѣлъ.

Епископъ попросилъ ее, чтобы она рассказала, что такое она видѣла, и Нефорисъ съ полною откровенностью рассказала ему всю соблазнительную сцену, которую она устроила художнику изъ желанія имѣть отъ него искусный уборъ на голову.

Старецъ всплеснулъ руками. Ему было извѣстно, что златокузнецъ недавно окривѣлъ на одинъ глазъ; но онъ не зналъ, отчего это случилось съ Зенономъ. Услыхавъ рассказъ красивой Нефоры, епископъ понялъ всю трудность борьбы, которую одолѣлъ художникъ, и далъ цѣну его поступку. Онъ благодарилъ гостью и сказалъ ей:

— Вѣрь, прекрасная госпожа, это никогда не забудется въ нашемъ народѣ, что ты пожалѣла о насъ и не скрыла этого происшествія, которое при совершеннѣйшей красотѣ твоей для всякаго должно быть удивительно, и я согласенъ съ тобой, что Зенопъ доказалъ свою вѣру своимъ послушаньемъ: я сейчасъ пошла звать его, чтобы онъ сдвинулъ гору.

Въ тотъ же часъ отъ епископа пошла за Зенономъ пошла, чтобы онъ немедленно явился, а антиохійская модница, рассказавъ свою тайну и тайну Зенона, ушла, чтобы съ нимъ тутъ не встрѣтиться. Ни епископъ, ни бывшіе при немъ люди не уразумѣли настоящихъ намѣреній гостьи. Египтянка Нефора, растливая умъ свой въ Антиохіи на безумныхъ пирахъ въ роцѣ Дафны, не знакома была съ состраданіемъ, но мстила Зенону за его равнодушіе и нарочно выставила его на самую ответственную роль, въ которой онъ долженъ быть народомъ осмѣянъ.

Кривой златокузнецъ не скоро пришелъ изъ своего заго-

роднаго дома, а когда пришелъ и епископъ разсказалъ ему, что отъ него требуется, чтобы онъ сдвинулъ гору, то онъ этому очень удивился и отвѣчалъ:

— Господи, Боже мой! Что только я слышу! Или вы это вздумали въ шутку, чтобы посмѣяться надо мной!

— Какъ!— отвѣчали ему:— да ты развѣ не знаешь, какое надъ нами случилось бѣдствие?

— Скажите скорѣе! я живу далеко и отъ молвы городской въ сторонѣ, и ничего не знаю.

— Нашъ правитель велѣлъ намъ для испытанія вѣры нашей, чтобы мы сдвинули съ мѣста гору Адеръ.

— О, Боже великій! кто жъ это долженъ исполнить?

На это все вдругъ ему отвѣтили:

— Ты!

Художникъ подумалъ, что онъ ослышался, и воскликнулъ:

— Что? Я не слышу, что вы сказали?

Но народъ еще громче вскричалъ въ одно слово:

— Ты, Зенонъ, ты сдвинешь гору!

Зенонъ закрылъ себя ладонями уши и стоялъ въ молчаніи минуту, а когда открылъ слухъ, — опять оглушилъ его тотъ же самый крикъ:

— Ты, Зенонъ, сдвинешь гору!

— Такъ это не въ шутку на меня возложили?

— Да, Зенонъ, да! Ты это сдѣлай. Мы все тебя просимъ.

Зенонъ покачалъ головой и сказалъ:

— Кто научилъ васъ задавать мнѣ такую задачу? Неужели я во всей общинѣ всехъ лучше вѣрю, и нѣтъ человека, котораго смѣле можно бы выставить на такое великое дѣло—испытаніе вѣры.

А епископъ ему отвѣчалъ:

— Напрасно, Зенонъ, ты стараешься спрятаться за свое смиреніе! Мы сами считали тебя въ вѣрѣ нескрѣпкимъ, по узнали одну твою тайну и теперь перемѣнили свое мнѣніе. Ты напрасно будешь отговариваться: ты одинъ можешь сдвинуть гору.

— Но объясните мнѣ... о какой такой моей тайнѣ вы говорите?

— А отчего ты потерялъ глазъ?

— Глазъ?

— Да!

Зенонъ смутился и поникъ головой.

— То-то и дѣло,—сказалъ ему, ударяя его по плечу рукой, епископъ: — сюда приходила красивая госпожа и все про тебя рассказала. Въ тебѣ природа повинуется Богу. Мы знаемъ теперь, какъ ты освободилъ себя отъ соблазновъ, входившихъ въ сердце твое черезъ глаза: ты его выкололъ. Не марай себя ложью, скажи намъ: такъ это было?

— Такъ,—уронилъ тихо Зенонъ.

— Я старъ, но не даромъ я избранъ въ епископы: я понимаю, какое ты сильное одолѣлъ искушеніе. Вѣрѣ твоей больше нельзя да и не должно таиться; какъ старшій въ общинѣ нашей, я советую съ тебѣ темный хитонъ твоего смиренія. Отселѣ ты, Зенонъ, долженъ просіять всему міру и спасти насъ передъ издвѣгающимся гонителемъ.

Кривой художникъ очень долго отказывался; но епископъ не освобождая его отъ труднаго послушанія, а видя его непреклонность, сказалъ людямъ, чтобы всѣ люди Зенона просили, и тѣ всѣ стали плакать, бить себя въ груди и громко кричать:

— Или ты, строя крокодиловъ изъ золота, и самъ уже сталъ крокодилъ, а не человекъ, и не имѣешь состраданія? Отчего же ты умѣлъ спасти себя одного, а теперь все множество людей хочешь оставить въ жесточайшемъ бѣдствіи? Устыдись своего жестокосердія, испробуй свою вѣру, повели горѣ Адеру двинуться и идти въ воду, чтобы всѣ мы остались цѣлы въ нашихъ жилищахъ!

Такого общаго жалостнаго вопля художникъ не выдержалъ.

— Братъ мой, — сказалъ онъ: — не укоряйте меня въ томъ, что я мастерствомъ моимъ произвожу изъ камней и изъ золота подобія создаваемыхъ въ природѣ твореній. Отъ этого нѣтъ никакого зла, и самъ я не сдѣлался черезъ то ни камнемъ, ни золотомъ, и скорбь ваша жжетъ мое сердце. Повѣрьте, что если бы для спасенія вашего нужно вамъ было, чтобы я выкололъ себѣ второй глазъ, то я бы это сдѣлалъ сейчасъ же и не искалъ бы себѣ за то ни возмездья, ни славы; но повелѣть горѣ, чтобы она двинулась съ мѣста и поверглась въ Илтъ—я не могу, потому что я не вѣрю, чтобы слабая вѣра моя на это годилась. Не себѣ, а всѣмъ вамъ, всѣмъ христіанамъ, я боюсь сдѣлать укоръ и ученію Христа постыжденье, ибо не мнѣ ту вмѣнять задачу, а Его стануть укорять безразсудно.

А тѣ отвѣчали:

— Оставь, Зеновъ, оставь! И мы, и епископъ, всё тебѣ вѣримъ, что крѣпка твоя вѣра, и потому не медли, сѣбѣ прославить всеобщее унованіе на вѣру твою: помолись и повели горѣ идти съ мѣста!

Кривой золотокузнецъ воздвигнулъ плечами и воскликнулъ:

— Всемоущій и Вѣчный Отецъ! Ты видишь скорби этихъ людей, которымъ Ты далъ уразумѣть Тебя черезъ Инуса, Отрока Твоего! Передъ Тобою открыта безконечность вселенной и всё глубины бездны, но Ты же видишь и терзаніе моего сердца, которое не можетъ сносить слезъ моихъ братьевъ. Прости мнѣ, что смѣю Тебя умолять,—не постыди насъ всѣхъ, оживившихся вѣрою, и соверши невозможное, какъ возможное, ибо Твоя есть сила и слава во вѣки!

Всѣ александрійскіе христіане повторили эту краткую молитву кривого художника и всё сразу, поднявшись, заглян несломъ и пошли изъ города въ смиреннѣ толной къ горѣ Адеру, а впереди ихъ шель, тихо молясь, ихъ епископъ.

О движеніи христіанъ въ тотъ же часъ дали знать градоправителю, у котораго въ ту пору было много именитыхъ гостей, и онъ, и всё его гости захотѣли поѣхать къ горѣ, гдѣ надѣялись видѣть, какъ будутъ смѣшны христіане. Градоправитель, въ пурпуровой съ золотомъ тогѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ въ колесницѣ, выложенной серебромъ и слоновою костью, съ львиными головами на гайкахъ, гдѣ колеса были привернуты къ оси. Воронье кони его были ярмыю потомки коней фараона; ихъ челки и остриженные гривы покрыты золотою тяжелою сѣткою работы Зенона, поводья изъ золотистаго желтаго шелка съ золотой бахромою. Въ другихъ колесницахъ также парадно ѣхали гости. Къ нимъ приставали по пути прохожіе на убранныхъ ослахъ и дорого стоимвшихъ бѣлыхъ верблюдахъ съ пушистою шерстью. Ишіе люди въ большомъ изобиліи ихъ окружали несмѣтной толпою. Явились крестьянки съ кувшинами свѣжей воды и съ корзинами фруктовъ. Толпа становилась все больше и больше, и всё шутили и смѣялись, ожидая, что когда гора не пойдетъ, то правитель дастъ знакъ отряду слѣдовавшихъ за ними воиновъ, и они сгонятъ христіанъ къ Нилу и всѣхъ ихъ помечутъ съ берега въ воду. Появились на старыхъ ослахъ и закладчики съ мѣшками монеты и съ таблицами, на которыхъ писали заклады. Ничто

ни секина не хотѣлъ держать за то, что гора сдвинется, но держали за то: всѣхъ ли утонить правитель, или только немногихъ, а другихъ отдастъ въ рабство.

Между тѣмъ христіане съ епископомъ, не снѣша, подошли къ подошвѣ горы, опять помолились и пошли обходить гору вокругъ. Со смиренной молитвой они обошли «все основанье горы», и когда возвратились на то мѣсто, откуда начали обходить, то епископъ сказалъ кривому художнику, чтобъ онъ еще помолился. И чуть художникъ преклопитъ колѣно, какъ подъ землей послышался гулъ, и гора Адеръ колыхнулась, какъ шапка на сонномъ феллахѣ.

Толпа горожанъ, забывъ смѣхъ и заклады, шарахнулась назадъ и испугала копей и верблюдовъ; вышло смятеніе, колесницы одна заѣбляла другую, верблюды зафыркали и подняли шеп, а ослы закричали и начали биться...

Напрасно трубили въ рожокъ и напрасно кричали градоправитель: «Уймись, безумцы! Это не больше, какъ грохотъ колесъ, или простой гулъ отъ волнъ Нила!»

Всякій чувствовалъ, что земля подъ нимъ колебалась, и замѣтили всѣ, какъ кремнистыя ребра горы внаги, потомъ вдругъ напряглись, вышли наружу и стали крошиться. Осколки остряхъ камней и песокъ сыпались внизъ, и порой, какъ изъ пращи, разлетались въ стороны съ трескомъ; внизу же необъятнымъ пластомъ ползли олозны глины... Казалось, какъ будто разрушалось созданье горы, а разстояніе, которое отдѣляло Адеръ отъ Нила, на виду у всѣхъ начало убавляться съ обѣихъ сторонъ, ибо вода въ рѣкѣ также шумѣла, билась на берегъ и затопляла пространство...

Тутъ не только тѣ, которые были на мѣстѣ, но всѣ, кто оставался въ Александріи, такъ испугались, что потеряли всякое обладанье собой; всѣ бросились скорѣе вонъ изъ своихъ колебавшихся домовъ и устремились бѣгомъ къ подножью Адера. Среди нихъ, то мѣшаясь въ толпѣ, то выдвигалась впередъ, шла въ волненіи Нефорисъ и говорила всѣмъ о своемъ поведеніи, и о стыдѣ, и о страхѣ, которые испытывала она у Зенона, и этотъ Зенонъ теперь по ея видѣ погибаетъ. На нее смотрѣли какъ на сумасшедшую. Гдѣ спокойно стояли одни христіане со своимъ епископомъ и кривымъ художникомъ,—всѣ тѣ, которые пришли сюда съ торжествомъ и насмѣшками, метались, рыдали и, хватаясь одинъ за другого, другъ друга отгалкивали, чтобы не стать

тяжелѣй отъ того, что другой человекъ держится, и не провалиться съ нимъ вмѣстѣ въ трещины, которыя, къ вѣщему ужасу, стали обозначаться подъ осѣдавшею глиной.

Тогда приближавшіе александрійцы издали закричали христіанамъ:

— Безчестные люди! вотъ до чего довело насъ милосердіе, съ которымъ мы васъ терпѣли! Что вамъ за польза дѣлать намъ зло? Для чего вы ведете недвижную Адери-гору съ ея вѣковѣчнаго мѣста? Для чего хотите завалить нашу рѣку? Ниль орошаетъ всѣ наши поля и дынные гряды; черезъ его мѣрный разливъ земля всѣхъ насъ кормитъ, а вы хотите сдѣлать такъ, чтобы гора загрохотала сразу всю воду и чтобы Ниль выступилъ вдругъ и началось по всѣмъ полямъ и по дыннымъ грядамъ потопленіе! О, проклятый народъ! о, жестокіе люди! И вы еще смѣете уничтожать крокодиловъ! Нѣтъ людей хуже васъ во все-ленной! Вы злѣй гальскихъ друидовъ и вашъ Богъ — Ари-мана персидскаго злѣе!

Тогда христіанскій епископъ поднялъ руку и отвѣчалъ александрійцамъ:

— Богъ христіанскій проститъ и въ вину не поставитъ вамъ то, что вы, не зная Его, о Немъ говорите. Онъ есть Отецъ всѣхъ и Отецъ милосердія. Вы въ заблужденіи. Не мы, христіане, хотѣли, чтобы нарушенъ былъ священный покой мірозданія. Если же гору ведемъ, то не своею мы это дѣлаемъ волей.

— Кто же могъ вамъ это велѣть?

— Спросите о томъ своего градоправителя: это онъ повелѣлъ намъ, а мы, христіане, повинуемся власти.

Въ это время проносили въ носилкахъ градоправителя, которому въ суматохѣ перешагло колесницею ноги, и онъ услышалъ это и, тяжело стоная отъ мучительной боли, воскликнулъ:

— О, какъ я наказанъ, и какъ о безумствѣ моемъ сожалѣю! Но довольно: я вѣрю вамъ, вѣрю, великъ Богъ христіанскій, и я не хочу впередъ съ Нимъ состязаться! Если вы въ самомъ дѣлѣ не противитесь власти, то теперь я повелѣваю вамъ: сейчасъ же остановите гору!

— Господишь, — отвѣчалъ ему христіанскій епископъ: — мы власти покорны, но мы не знаемъ, можемъ ли мы исполнить второе твое повелѣніе. Ты вѣдь самъ перечиталъ наши

книги и ихъ знаешь: тамъ точно сказано, что можно вѣлѣть горѣ *двинуться* и *идти въ воду*; но припомни—тамъ вѣдь ничего нѣтъ о томъ, можно ли остановить гору, когда она уже тронулась и пошла со своего мѣста.

Земли же между горою и Илломъ въ это время все убавлялось; ползучая глина тѣснила народъ съ одной стороны, а вода хлестала съ другой, и песокъ въ промежуткѣ засыпалъ людей по колѣно.

— Земля поглощаетъ насъ!—воскликнули люди. — Проклятiе правителю! Смерть ему, ненавистнику! Великъ Богъ христіанскій!

Тогда правитель остановить посланки и сталъ просить александрийцевъ простить ему его дерзость; но тѣ его не слушали, а сами ушли предъ христіанами на колѣни и завопили:

— Святая вѣра ваша, и всѣ мы хотимъ принять эту вѣру. Возьмите нашего правителя; мы отдаемъ вамъ его и даже сами сейчасъ бросимъ его въ Илль предъ вами, только спасите насъ,—пусть гора станетъ.

Епископъ сказалъ имъ:

— Нѣтъ. Вы не знаете, какого мы духа. Намъ не желанна погибель ничья. Богъ не хочетъ смерти грѣшныхъ. Со смертью кончается путь къ исправленію. Всякій же здѣсь себя обязалъ исправить. И правитель нашъ тоже жизнь имѣетъ отъ Бога. Пусть живетъ, пока дни его совершатся. Зло отвергни, въ сердцѣ съ одною любовью воскликнемъ всѣ безъ различія:

— Помилуй, Владыко!

— Помилуй! помилуй!—прокатило въ народѣ, и всѣ пали лицами въ землю.

Все стало стихать; вѣтеръ умчался, осыпи крѣпли, сухіе камни перестали лонаться и крошиться, влажные оползни огуствѣли и твердѣли. Епископъ все тихо молился. Порядокъ возстановился. Гора, которая *двинулась* по вѣрѣ художника, стала на своемъ мѣстѣ по молитвѣ епископа. Люди и животныя какъ бы пробуждались отъ сна. Всѣ наслаждались покоемъ, кони трясли головами, а верблюды лежали, поджавъ подъ себя широко-копытныя лапы и жевали свою безконечную жвачку. На деревьяхъ показались глиноцвѣтные голуби и заворковали. Нефорисъ благовѣствовала: она

незамѣтно подошла тихо къ Зепону и, держа его за руку, говорила:

— О, если бы ты зналъ, какъ мнѣ тебя жаль, и какъ я чту и люблю твоего Бога и какъ укоряю себя!

— Въ чемъ ты себя укоряешь?

— Око... твоё гдѣ, твоё око, бѣдный Зепонъ!

— Оставь это. Зенонъ блаженъ, а не бѣденъ. Я счастливъ, Нефора, что вижу въ тебѣ однимъ окомъ теперь тихую мысль христіанки, и ты сама мнѣ милѣй, чѣмъ тогда... когда я въ два глаза смотрѣлъ, какъ лицо твое рдѣло безстыдствомъ порока.

— О, замолчи!.. Я призналась во всемъ передъ всеми...

— Ты очень достойно поступила, Нефора.

— Да, теперь я удаляюсь... въ пустыню.

— Въ пустыню!.. Помедли, на тебѣ есть мой долгъ.

— Долгъ мой!.. Чѣмъ должна я тебѣ?—удивилась Нефора.

— Чтобы исполнить совѣтъ моего Учителя, я отдалъ мой глазъ; ты была въ этомъ отчасти причина; но когда ты не пожалѣла себя и обнажила передъ людьми свой сокровенный грѣхъ — ты себя исправила и привлекла меня къ себѣ. Мы теперь одного духа и можемъ быть опорой другъ другу... Для чего намъ теперь разставаться? Нефора! будь ты женою Зепона!

И они сдѣлались супругами.

Отсюда видимъ, что соблазнъ, устроенный художнику модницей III вѣка, не имѣлъ успѣха. Египетская красавица не только не могла соблазнить нравственнаго чловека, но еще сама была поражена твердостью христіанскихъ правилъ, и вся эта исторія послужила къ обращенію въ христіанство множества людей, не признававшихъ до тѣхъ поръ ничего выше соблазновъ чувственности.

Кривой художникъ «сдвинулъ» эту гору *).

Второй случай соблазна.

19) (2) *Декабри 24*. Былъ монахъ Никола, который прежде служилъ въ войскѣ. Когда при Никифорѣ царь случилась война, онъ не утерпѣлъ, чтобы оставаться при мирныхъ занятіяхъ въ монастырѣ, и опять пошелъ воевать.

*) Нельзя не подивиться, какъ это сказаніе могло оставаться до сихъ поръ незамѣченнымъ тѣми, которые держатся буквальнаго пониманія словъ: «отецки и брось!».

Никола былъ родомъ грекъ и находился въ цвѣтущей порѣ возраста. Онъ былъ высокій ростомъ, статный, сильный и красивый и съ молодецкою, военною выправкой.

Когда Никола проходилъ по Болгаріи, на него постоянно обращали вниманіе женщины, а онъ не замѣчалъ ихъ; но вотъ случилось ему разъ зайти переночевать въ одну болгарскую гостиницу, и тутъ случилось съ нимъ нѣчто опасное.

Пока онъ ходилъ, вечерялъ и потомъ укладывался спать, «примѣтила его юная болгарыня, дѣвица вельми младая, дочь гостинника болгарскаго, и плѣнилась его красотой». Инокъ же, воинственный Никола, ничего этого не подозрѣвалъ; онъ спокойно поужиналъ, помолился Богу и легъ спать, и какъ онъ отъ дороги очень усталъ, то сейчасъ же и заснулъ очень крѣпко. Но только-что онъ разоснался «ко второй стражѣ ноци», неожиданно почувствовалъ, что его кто-то тихо, но неостетунно потрогиваетъ. Монахъ простеръ руки и ощутилъ горячее человѣческое тѣло и встрѣтилъ молодя, тонкія руки, которыя страстно сцепились съ его руками, и въ то же время чьи-то страстные уста во тьмѣ стали покрывать лицо его поцѣлуями. А при этомъ все прочіе люди, ночевавшіе въ гостиницѣ, снали крѣпкимъ сномъ и никто не могъ бы помѣнать страстной сценѣ, по иннокъ самъ освободился отъ искушенія.

Никола «восприяну», отстранилъ отъ себя ласкающую его прелестницу и «вопроси ее: кто еси и чесо хочещи?»

«Она же отвѣща ему: дщерь есмь гостинникова, — раченіемъ любви къ тебѣ уязвлена и пригекона влекущися страсти ради нещасльныя».

Монахъ началъ останавливать страстную болгарку, и напомнилъ ей, какъ она еще молода, и что ей должно стараться соблюсти свою дѣвичью чистоту, чтобы вступитъ честно въ бракъ или сдѣлаться инокиней; но дѣвушка такъ имъ увлеклась, что не слушала его нравственныхъ увѣщаній и совѣтовъ, а обратилась къ хитростямъ, чтобы выиграть время и опять напасть на него, не надѣлавъ шума. Она «отползла отъ него», улеглась потихоньку на своей постели и притворилась—какъ будто заснула, но «къ третьей стражѣ ноци наки принаде къ нему влекущи». Тогда Никола опять заговорилъ съ нею уже строго и притомъ громко. Этого дѣвушка испугалась, чтобы другіе отъ ихъ переговоровъ не проснулись, и она «сего ради отступи мало» отъ

Никола, но тяжело дышала и «клетцающе», какъ клетчатъ въ гнѣздахъ молодыя орлицы, опять кинулась цѣловать Николау. Это уже переполнило «мѣру терпѣнія инока». Монахъ Никола плюнулъ, сказалъ: «ты бѣвь, а не дѣвушка», — и, вѣтавь, ушелъ ночью изъ гостиницы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Слѣдовательно, и вторая соблазнительница тоже не могла соблазнить правдивнаго мужчину. Теперь увидимъ, какой успѣхъ ждалъ третью, — женщину самую смѣлую и самую настойчивую въ искусствѣ соблазна.

20) (3) *Декабря 27.* Въ одной нижне-египетской пустынѣ жилъ очень воздержный отшельникъ, о которомъ разсказывали много необычайнаго, и особенно хвалили его за то, что онъ не поддастся никакимъ соблазнамъ. Соблазнить его считалось невозможнымъ. Одни этому вѣрили, а другіе нѣтъ. Разъ знатные люди, пировавшіе съ городскими гетерами, переходя отъ одного соблазнительнаго разговора къ другому, заговорили объ этомъ пустынникѣ, и кто-то изъ нихъ — шутникъ и затѣйникъ — сказалъ одной изъ самыхъ славныхъ гетеръ:

— Вотъ этотъ человекъ — не то, что мы, — онъ васъ, женщины, презираетъ, и никакая красавица его не соблазнить.

Гетера же отвѣчала:

— Это пустяки: я никогда не повѣрю, чтобы какой-нибудь мужчина могъ устоять передъ женщиной, если она хороша изъ себя и хочетъ его привлечь къ своимъ ласкамъ.

Съ этихъ словъ завязался оживленный разговоръ, въ которомъ приняли участіе всѣ пировавшія вмѣстѣ гетеры и угощавшія ихъ знатныя лица, и, будучи распалены виномъ и взаимнымъ сближеніемъ половъ, всѣ они стали спорить: возможно или нѣтъ, чтобы мужчина, хоть и благочестивый и постникъ, устоялъ передъ соблазномъ, который поставитъ ему красивая женщина, если она рѣшится ни передъ чѣмъ не останавливаться для достиженія своей цѣли. И гетеры, и знатные богачи высказывали на этотъ счетъ разные предположенія, и спору ихъ не предвидѣлось конца; но тогда одна самая красивая изъ всѣхъ тутъ бывшихъ гетеръ сказала: «Чтобы намъ не толковать объ этомъ долго безъ доказательствъ, я предлагаю вамъ рѣшить споръ нашъ опы-

томъ; положимъ сейчасъ же закладъ: могу ли я соблазнить вашего отшельника или нѣтъ. Это больше докажетъ, чѣмъ споръ на словахъ, и будетъ гораздо интереснѣе. А потомъ я пойду и попробую силу моеѣ красоты надъ его благочестіемъ, и мы увидимъ на дѣлѣ, кто изъ насъ правѣе: вы ли, которые думаете, что на свѣтѣ есть твердые мужи, недоступные силѣ женской красоты, или правы мы, женщины, которыя стояли за силу нашей власти надъ природою мужчины? Но только я не стану дѣлать этого задаромъ: я хочу знать, что вы мнѣ за это дадите болѣе противъ того заклада, какой я сама за себя положу вамъ?

Пированіе же друзья пообѣщали дать ей «очень дорогую вещь».

— Хорошо, — сказала гетера: — я увѣрена, что изложу вашего старца, и, не теряя времени, сейчасъ къ нему отправлюсь въ пустыню, а вы вставайте завтра утромъ раньше передъ тѣмъ, когда изъ-за горъ поднимется солнце; возьмите съ собою пѣтровъ и вѣтвей со смолистыми шишками ведра, пусть за вами несутъ копницы съ сочными гроздьями и пусть будетъ все какъ надо идти къ новобрачнымъ, а подъ одежки себѣ сокройте свирѣль и пектиду; когда же придете къ пустынной пещерѣ, то приближайтесь безъ шума и тихо туда черезъ тѣнь загляните: я вамъ ручаюсь, что анахоретъ вашъ въ утомленіи страсти будетъ лежать въ крѣпкомъ снѣ, преклонясь къ своимъ ногамъ, — и вотъ это будетъ отвѣтъ вамъ на всѣ ваши споры со мною!

Собесѣдники весело согласились какъ сдѣлать. Тогда гетера безъ малѣйшаго промедленія переодѣлась въ сѣрую одежду съ неподрубленными краями и, имѣя видъ скромной странницы, вышла изъ города, а къ вечеру дошла до пещеры отшельника. Придя же къ самой двери отшельника, она притворилась утомленною до совершеннаго изнеможенія и стала просить, чтобъ онъ пустилъ ее къ себѣ перепочевать. Старецъ былъ остороженъ и ни за что не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы пустить къ себѣ женщину: онъ отгонялъ ее прочь всякій разъ, какъ она къ нему «воиняла»; но она не отставала и была очень искусна въ притворствѣ. Послѣ того, какъ старецъ отгонялъ ее нѣсколько разъ, она начала прежалобно плакать и представлять ему, какимъ страннымъ опасностямъ она вскорѣ подвергнется, если онъ не пуститъ ее хоть за ограду, окружающую его

пенчерку, и она должна будет остаться на всю ночь въ неогражденномъ мѣстѣ.

— Разсуди, отче, — говорила она: — вѣдь и я человѣкъ, подобный тебѣ...

— Въ томъ-то и дѣло, что — «подобный», — отвѣчалъ тихо, какъ бы про себя старецъ.

— Такъ куда же мнѣ дѣться?

— А развѣ мала пустыня и нѣтъ въ ней пенчерокъ? Иди и пощи себѣ пріюта.

Но переодѣтая притворница отвѣчала:

— Ахъ, я не знаю, гдѣ искать, и къ тому же я сегодня такъ много прошла, что мои ноги болѣе уже не посягъ моего усталого тѣла: я не могу дальше идти и бродить шпотъмахъ въ пустынь.

Старецъ молчалъ.

Петера выдержала нѣсколько минутъ и продолжала со скорбною рѣшимостью:

— Ну, пусть будетъ такъ: если ты не открываешь мнѣ двери, такъ и, все равно, лягу здѣсь на голыхъ камняхъ, у колевь твоей загородки, и тутъ наскочатъ на меня тигръ или левъ, и пусть они здѣсь же меня растерзаютъ.

Старецъ опять не отвѣчалъ, а она продолжала:

— Вотъ пусть здѣсь и найдутъ мои кости у пенчеры христіанскаго отшельника. Это будетъ тебѣ похвала за то, какъ ты соблюдалъ свою славу, что согласился, чтобы женщину разорвали у твоего порога, лишь бы о тебѣ какой-нибудь болтунъ не сказалъ пустого слова въ корчмѣ или на торжищѣ, или не посмѣялись бы надъ тобой глупыя бабы, полоская бѣлье у заруды.

Старца начало уязвлять это, но онъ все-таки не подавалъ голоса, а та еще продолжала:

— Муки и смерть моя навсегда останутся тебѣ укоризной. Оставляй меня на съѣденіе звѣрю — и будешь самъ одною достоинствомъ со звѣремъ.

Рѣчь эта тронула пустынника. Онъ слушалъ ее, держась рукою за подножье деревяннаго распятія, которое было у него въ пенчерѣ во впадинкѣ, и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ его въ рукахъ своихъ; но когда женщина представила въ словахъ, какъ звѣри будутъ терзать ее за его чаштоколомъ, сердце старца стало смягчаться состраданіемъ, руки, ослабѣвая, освобождались и самъ онъ, обращаясь по-

немногу лицомъ къ двери, чрезъ которую у нихъ шель разговоръ, сказалъ пришедшей:

— Окаяница! Чтѣ за напасть ты мнѣ несешь, и откуда ты мнѣ навязалась?

— О, старче Божій! — отвѣчала искусительница. — Не все ли это равно для тебя, откуда я пришла? Стыдись объ этомъ вопрошать! «Аще богобоекъ и человекѣлюбивъ еси», то довольно съ тебя того, что я человекъ, что я изнемогаю и что жизнь моя въ смертной опасности; а ты можешь избавить меня отъ этой опасности и ничего не дѣлаешь, да даже, кажется, еще думаешь угодить своимъ безчувствіемъ Богу, Который создалъ людей и слышитъ всѣ ихъ стоны и жалобы. О! какъ ты удаляешь себя отъ Бога! Бѣдетвенно теперешнее мое положеніе, но, знай, я ни за чтѣ не согласилась бы промѣнять его на твое! Оставайся въ затворѣ, жестокій старикъ! — я не хочу болѣе отягчать мученіями твою совѣсть, я не хочу, чтобы люди укорили тебя за твою жестокость. Пусть никто, кромѣ Бога и меня, не знаетъ, какое у тебя безсострадательное сердце, — я удаляюсь въ пустыню, и пусть звѣри меня растерзаютъ.

Пустыннику сдѣлалось жалко ее, сердце его сжалось отъ представленія объ ожидающемъ ее ужасѣ, и онъ воскликнулъ:

— Не уходи, окаяница, — такъ и быть, я внушу тебя.

— Ну, я благодарю Бога, что Онъ послалъ состраданіе ко мнѣ въ твое сердце, — скромно отозвалась гетера.

— Да; но только я все-таки не введу тебя въ мою пещерку, а внушу тебя только войти въ огородочку.

— Все равно, — для меня будетъ довольно и этого: лишь бы не сдѣли меня звѣри.

Пустынникъ вытащилъ изъ частокола двѣ плахи и, открывъ лазъ, внушилъ гетеру, не глядя въ лицо ей, и опять задвинулъ лазъ плахами, а ей сказалъ, чтобы она приотлилась тутъ въ этой загородкѣ и не просилась бы далѣе въ самую пещеру.

Гетера согласилась и дала ему обѣщаніе болѣе его не беспокоить до утра; но едва прошло малое время и старецъ сталъ на ночную молитву, какъ она начала потихоньку постукивать въ его дверь тонкимъ пальчикомъ, а голосомъ пѣжно жаловалась, что ея одежды слинкомъ легки, а ночь становится будто очень холодна, и вотъ она сильно зябнетъ.

Старецъ выбросилъ ей черезъ оконце свое ветхое рубище и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, окаянница, все, что у меня есть! Возьми это себѣ и помни, что больше теперь уже ничего для тебя нѣтъ! Укрой этимъ свою смрадную плоть и не мѣшай мнѣ молиться.

Гетера его благодарила, и, отбросивъ отъ себя прочь рубище пустынника, которое казалось ей столь же смраднымъ, какъ тому была смрадна ея плоть,—обѣщала быть спокойною и ничѣмъ болѣе не нарушать его молений.

Но обѣщаніе это, разумѣется, опять было неискренно, и спустя небольшое время, какъ только старецъ, начавшій продолжать прерванную молитву, «устремилъ свой умъ на высокая», безпокойная гетера опять начала къ нему тихо стучаться и царапаться, напирая легкимъ тѣломъ своимъ на узкую дверку его пещеры.

Старецъ смутился, потому что дверка, сколоченная его неискусными руками, была непрочна и во многихъ мѣстахъ сквозилась.

— Что же еще нужно тебѣ, окаянница? — спросилъ старецъ.

— Ахъ, я ужасно претерпѣваю! — отозвалась гетера.— Здѣсь на меня прыгаютъ съ земли асиды! Ахъ, я несчастная! Это ужасно!

— Не бойся ихъ: я помолюсь за тебя, и асиды тебѣ ничего не сдѣлаютъ.

Но гетера горько расплакалась и говорила, что уже теперь странно страдаетъ, чувствуя опасный зудъ отъ укушеній, сдѣланныхъ ей асидами.

— Я буду молиться и объ этомъ,—сказалъ старецъ; но она, какъ бы не внимая ему, или не довѣря тѣмъ таинственной силѣ молитвъ, вскричала съ болью и гнѣвомъ:

— Нѣтъ, ты мнѣ не то говоришь!.. Ты злой и гордый старикъ, или ты трусъ, надъ которымъ насмѣется врагъ твой, дьяволъ, за то, что ты боишься бѣдной, слабой женщины и не хочешь прикоснуться своею святою рукою къ моему страждущему тѣлу и исцѣлить меня отъ укушенія асидовъ!

Старецъ ей отвѣтилъ:

— Не прикоснуся!—и вложивъ въ уши свои персты, началъ качать головою и громко молиться.

Но какъ только гетера увидала, что онъ заткнулъ уши, то она такъ сильно застучала въ дверь, что «все всколебалось», и старецъ невольно обратился къ ней съ вопросомъ:

— Теперь еще что тебѣ, окаянница?

— Я слышу, какъ ползуть огромныя змѣи; вотъ онѣ шуршатъ по травѣ, — вотъ изгибаются, чтобы проникнуть межъ кольевъ, — сейчасъ онѣ меня уязвятъ и обольютъ смертоноснымъ ядомъ.

— О, если бы ты, окаянная, знала, koliko ты сама для меня хуже всякой змѣи! Но вотъ на тебѣ мой посохъ, — онъ изъ такого дерева, котораго змѣи боятся. Возьми его и положи возлѣ себя и спи. Когда посохъ мой будетъ возлѣ тебя, змѣи отъ тебя удалятся.

И подумавъ старецъ, что теперь уже всѣ опасности для почующей въ оградѣ женщины предотвращены, и хозяйину, и гостѣ—обоимъ можно мирно уснуть, каждому на своемъ мѣстѣ.

Онъ уже хотѣлъ загасить мерцавшій предъ нимъ свѣтильникъ и лечь на свое жесткое, тростниковое ложе, какъ женщина вдругъ бросилась на его дверь съ страшнымъ воплемъ и въ неописуемомъ ужасѣ закричала:

— О, старецъ! старецъ! впусти меня скорѣе къ себѣ! Я погибаю!

— Да что же еще тебѣ приключилось?—вскричалъ разгнѣванный старецъ.

— Ахъ, неужели же ты столько глухъ, сколь и жестокосердъ, что не слышалъ, какъ страшныя звѣри рыщутъ вокругъ твоей огорожи!

— Я ничего особеннаго не слышу, — отвѣтилъ старецъ.

— Это оттого, что ты затворилъ свое сердце, и вотъ затворяется слухъ твой и скоро затворятся очи. Но отирай мнѣ сейчасъ!—вотъ уже одинъ левъ съ палящею пастью поднялся на лапы, вотъ онъ бьетъ себя хвостомъ по бокамъ и уже перевѣсилъ сюда голову... О, скорѣй скорѣй! — вотъ онъ уже трогаетъ мое тѣло своимъ языкомъ... Твои ветхія колья сейчасъ обломатся, и кости мои затрепчатъ въ его пасти...

Пустынникъ отодвинулъ трепещущею отъ страха рукой задвижку двери, чтобы удостовѣриться въ томъ, справедливо ли сказывала ему лукавая женщина, а она не дала

ему опомниться и сейчас же «впала» къ нему «въ его затворецъ», и съ тѣмъ вмѣстѣ и дверь за собою захлопнула, и вырвала изъ рукъ старца деревянный ключъ и бросила за оконце...

— А-га, окаинница, такъ вотъ ты вскочила!—произнесъ, увидя себя обманутымъ, старецъ.

Она же посмотрѣла «безстыдно» и отвѣтила:

— Да, ты теперь въ моей власти!

И затѣмъ она сейчасъ же сѣла въ уголь и, глядя съ безстыдною улыбкой на старца, начала снимать съ себя одежды одну за другою, и съ странною быстротою сняла съ себя все, даже до послѣднихъ покрововъ...

Цѣломудренный отшельникъ былъ такъ пораженъ этимъ, что не успѣлъ ничѣмъ помѣшать поступку своей наглой гостью; но, увидя ее уже раздѣтою, всплеснулъ руками и бросился лицомъ ницъ на землю, стелая и моля гетеру:

— О, жестокая! о, окаинная! О, пощади меня... Скройся!

Она же ему отвѣтила:

— Чтѣ тебѣ до меня? Я тебя и не касаюсь! Ты во власти у Бога, и обладаешь собой, а я вольна надъ собой; мнѣ тяжель мои ризы, и для того я сняла ихъ.

Пустыжникъ ей что-то хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ опутилъ, что въ немъ побѣждало «адово пламя». и впало ему въ мысль «повлестись» къ этой женщинѣ. И тутъ онъ одолѣлъ и себя, и ее, и любителя всякой нечистоты—дѣвола. Онъ вскочилъ съ земли, быстро расправилъ огонь въ своемъ свѣтильникѣ какъ можно пылче, и, вложивъ въ пламя свою руку, началъ жечь ее...

Кожа его затрещала и по нещерѣ поползъ острый смрадъ горящаго тѣла.

Гетера ужаснулась и хотѣла вырвать у него фитиль, но онъ не далъ и оттолкнулъ ее. Тогда она отошла отъ него и заговорила:

— Оставь это безумство! — я лучше уйду отъ тебя, ибо мнѣ противно обонять запахъ твоего горящаго тѣла!

Но—увы!—ей выйти изъ нещеры было невозможно, потому что двери ея же хитростію были заперты и поневолѣ она и пустыжникъ должны были почевать вмѣстѣ. И напрасно она во всю ночь молила его перестать жечь себя—пустыжникъ оставался непреклоненъ и все продолжалъ свою муку, а самъ смотрѣлъ въ сторону, ибо и при терзаніи себя

огнемъ онъ все-таки еще боялся смотрѣть на облаженную соблазнительницу, а она, оцѣненѣвъ отъ страха, не могла собрать свои платья и оставалась нагою.

Такъ прошла цѣлая ночь, и къ утру рука у пустынника была вся обуглена, а гетера «окаменѣла отъ ужаса».

Когда стала заниматься заря, то, по условію между гетерой и ея пріятелями, къ пещерѣ пришли юноши и съ ними подруги этой несчастной, которая взялась соблазнить отшельника; всѣ они были еще въ пьяномъ загулѣ и приближались къ пещерѣ съ виноградными гроздями и жаренымъ мясомъ и мѣхомъ вина, а также съ пахучими шинками смолистыхъ деревъ, и ставъ у дверей частокола, заиграли на своихъ свирѣляхъ, но гетера имъ не отвѣчала. Тогда они поднялись и заглянули черезъ оконце въ пещеру и увидали, что отшельникъ продолжаетъ жечь себя на огнѣ, а обнаженная гетера сидитъ, окаменѣвши отъ ужаса.

Тутъ они выломали дверь и вынесли на свѣжій воздухъ свою лишившуюся чувствъ сообщницу, и когда она пришла въ чувство, то созналась, что не могла соблазнить старца, и горько въ своемъ намѣреніи каялась.

Такимъ образомъ выходитъ, что и третья соблазнительница тоже не имѣла уснѣха, какъ и двѣ первыя, напавшія на такихъ людей, которые не искали любовныхъ забавъ. Теперь остается четвертая, которую приходится ставить въ эту группу.

21) (4) *Апрѣля 1.* Житіе преподобной Маріи Египетской въ первомъ періодѣ ея жизни описываетъ цѣлый рядъ грѣхонаденій все противъ одной и той же зановѣди о цѣломудріи. Эта, дѣйствительно, успѣвала въ соблазнѣ молодыхъ людей; но какъ она причислена къ лику святыхъ, и притомъ житіе ея весьма общезвѣстно, то здѣсь никакихъ извлеченій изъ него дѣлать не будемъ. Но для своихъ систематическихъ выводовъ замѣтимъ, однако, что въ первомъ періодѣ жизни Маріи Египтянки соблазнительное поведеніе составляло ея профессію, такъ что и она тоже отнюдь не прилагала заботъ къ тому, чтобы соблазнить людей цѣломудренныхъ и удалившихся отъ сближенія съ непостоянными женщинами, а она обращалась съ беспорядочными и развратными мужчинами просто потому, что жила въ такомъ кругу, гдѣ она иначе и не могла жить, пока ей открылось, что такая жизнь унижаетъ человѣка, и она,—опять къ

чести ея женской природы, — сама эту позорную жизнь оставила.

Соблазнительницъ или прелестницъ на 35 женщинъ, описанныхъ въ древнемъ, отреченномъ Прологѣ, оказывается *всею три*, и то изъ нихъ одна гетера, для которой это дѣло было ея ремесломъ. Стало-быть, отъ нея никакой высшей нравственности невозможно и требовать. Другая соблазнительница, пристававшая ночью къ монаху Николѣ въ болгарской гостиницѣ, несовершеннолѣтняя дѣвочка, была очевидно больная, всего вѣроятнѣе нервно-разстроенная. И затѣмъ, значить, въ настоящей, соблазнительной роли остается *только одна*, египетская щеголиха, употребившая чары своей красоты на то, чтобы соблазнить художника, дѣлавшаго красивыя женскіе уборы. Эта красавица изъ высшаго круга александрійскихъ горожанокъ дѣйствовала какъ настоящая соблазнительница изъ-за того, что хотѣла пріобрѣсти себѣ цѣной своей красоты уборы на голову. Слѣдовательно, по разсмотрѣніи всей этой галлерей, мы находимъ всего только *одну* соблазнительницу на тридцать пять женщинъ... Надо признаться, что эта доля чрезвычайно малая, но притомъ и эта изящная женщина, равно какъ и истерическая болгарская дѣвочка и гетера—все въ своихъ искательствахъ на мужчинъ не имѣли успѣха...

Послѣ этого позволительно спросить: изъ чего же можно вывести, будто житійная литература представляетъ женщинъ въ особенно худомъ видѣ сравнительно съ мужчинами? Систематическое обозрѣніе нашего источника не показываетъ основаній для такого вывода.

Продолжая нашъ обзоръ, увидимъ нѣчто еще болѣе интересное и еще сильнѣе противорѣчащее старому повѣрью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

22) *Сентября 29*. «Вылъ монахъ Кононь—попъ саномъ и устроенъ бѣ на крещеніе». Когда онъ крестилъ дѣтей или мужчинъ, все дѣло шло у него благополучно; но когда Конону приходилось крестить взрослыхъ женщинъ — ему были искушенія: «егда мазаша жены—люте соблазняшеся». Какъ ни старался попъ Кононь возобладать надъ этимъ искушеніемъ—оно отъ него не отступало, и, терзаясь такимъ образомъ при всякой новокрещенницѣ, попъ Кононь

рѣшился оставить свое соблазнительное послушаніе и бѣжать изъ монастыря. Онъ уже и привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, то-есть вышелъ изъ монастыря и пошелъ куда глаза глядятъ, только чтобъ удалиться отъ монастыря и никогда болѣе не крестить взрослыхъ женщинъ; но не успѣлъ Кононъ далеко отойти изъ монастыря, какъ ему въ степи «явился Іоаннъ Креститель» и сказалъ ему: «не ходи, — я тебя облегчу отъ этой брани». Попъ Кононъ повѣрилъ словамъ Крестителя и воротился опять къ своему дѣлу въ монастырь. И нѣкоторое время не жалѣлъ объ этомъ. Теперь попу Конону въ самомъ дѣлѣ какъ будто было сносно, такъ что онъ уже могъ помазывать новокрещенницъ безъ особеннаго для себя мученія; но вдругъ отъ одного незначительнаго, повидимому, случая все испортилось. Пришла въ монастырь креститься одна молодая персіянка, и Кононъ ее окрестилъ въ водѣ, но никакъ не могъ помазать своими руками тѣло ея освященнымъ масломъ, — «бѣ бо только красна лицомъ персіяныня, яко не моци попови помазати ногу ея». Дѣлалось съ нимъ что-то такое, что передо всѣми обнаруживало въ немъ большое страданіе, котораго онъ ни скрыть, ни преодолѣть не могъ. Что такое именно было съ Конономъ и какими припадками выражалось—въ древнемъ сказаніи не объяснено. Цѣлый день мучился съ этимъ искушеніемъ попъ Кононъ и все-таки никакъ не могъ помазать персіянку. О происшествіи этомъ сообщили епископу Петру, — и епископъ велѣлъ сейчасъ же привести персіянку къ себѣ; но отъ этого сдѣлалось не лучше, а хуже, ибо и самъ епископъ Петръ, «увидавъ персіянку, удивися добродію ея и восхоте пояти ее къ себѣ за діакона». Молодая же персіянка, хотя еще и мало была наставлена въ истинахъ христіанской вѣры и даже была еще не совсемъ докрещена, однако, она не захотѣла согласиться на предложеніе епископа Петра, — чтобы жить при немъ подъ видомъ діакона, и, несмотря на всѣ убѣжденія епископа, «не сотвори сего». Такъ она и осталась съ непомазанными ногами, потому что когда персіянку повели къ епископу, попъ Кононъ «разгнѣвася, вземъ ризы своя и отъиде въ горы». Теперь онъ уже ни за что не хотѣлъ идти назадъ въ монастырь и муропомазывать персіянку. Но когда попъ Кононъ, разсердясь на своего епископа, блуждалъ по пустынѣ, его опять встрѣтилъ Іоаннъ

Креститель и сказалъ ему: «возвратися, поне, въ монастырь, уже азъ облегчу тебя теперь отъ брани».

«Тогда Кононъ рече съ гнѣвомъ: не обращаюся, многажды бо общался облегчити ми и не сотвори».

«Емъ же его св. Іоаниѣ посади и откры ризы его и знаменемъ крестнымъ перекрести и глаголя: хотѣлъ, дабы ты имѣлъ мзду брани, но понеже не хоцещи, се уже облегчихъ ти, но мзды уже не имаша отъ вещи сея».

«И возвратися въ монастырь пресвитерь, на утро же крестивъ помага персіянку, даже яко бы не разумѣвъ яко жена есть естествомъ».

Вниманіе читателя не должно проскользнуть безъ замѣчанія мимо того, что оба мужнины, то-есть попъ Кононъ и епископъ Петръ, страдали, и Кононъ даже не могъ справиться съ собой безъ особаго чуда со стороны Іоанна Крестителя, а персіянка, дѣвушка, безъ особыхъ усилій охраняла себя и воздержала отъ паденія обоихъ священнослужителей *).

23) *Апрѣля 29.* Нѣкоторый монахъ, жившій въ недостаточномъ монастырѣ, былъ посланъ во время рабочей поры въ мѣръ, чтобы поработать на людей и, прокормивъ себя, принесъ бы также что-нибудь въ обитель. Монахъ этотъ зналъ одного очень честнаго и довѣрчиваго поселнина и пришелъ къ нему предложить свои услуги. Поселнинъ принялъ его съ полнымъ довѣріемъ и, встрѣтивъ

*) Въ тѣ времена, къ которымъ относится рассказъ, крестильныя обязанности соединены были для крещающаго съ довольно значительными трудами. Въ знаменитомъ «Ученіи двѣнадцати апостоловъ», открытомъ Бриеніемъ, встрѣчаемъ слѣдующее (см. переводъ журнала *Дѣтская Помощь*, М. 1885 г., № 8): «Что касается до омовенія (но кievскому переводу «крещенія»), то омывайте (кievск. «крестите») такъ: напередъ скажите тому, кого вы омываете, все, что тутъ сказано (о пути жизни и о пути смерти) и *потомъ омывайте* во имя Отца и Сына и Св. Духа, въ водѣ проточной. Если же не имѣешь проточной воды, то омывай въ другой водѣ; если нѣтъ ни той, ни другой, то облей три раза водой голову. Предъ омовеніемъ же пусть постится *тотъ, котораго будутъ омывать, и тотъ, который будетъ омывать, и другіе, если могутъ*. «Понъ, учрежденный на крещеніе», прежде чѣмъ омыватъ крещаемую, имѣлъ обязанность поститься съ ней и внушать ей: «берегись тѣлесныхъ и мірскихъ побужденій, не прелюбодѣйствуй, не распутничай, не умерщвляй младенца въ утробѣ и рожденнаго не убивай, не сквернословь, не скверномысли и не озрайся на то, чего тебѣ не надо видѣть—это ведетъ къ распутству» (стр. 426).

надобность отлучиться изъ дома, оставилъ монаха на хозяйствѣ «домоглядѣльцемъ», поручивъ ему также свою очень молодую дочь, которая была замужемъ всего только одинъ годъ и овдовѣла.

Суди по тому, въ какіе ранніе годы выдавали тогда дѣвочки замужъ на Востокъ, надо полагать, что эта молодая вдовица, съ которою монахъ остался «домоглядѣльцемъ», имѣла что-нибудь около 12—13 лѣтъ, то-есть, по нашимъ нынѣшнимъ представленіямъ, она сама была еще почти дитя.

Оставшись съ этою юницей, монахъ, которому было поручено охранять ее, вдругъ самъ началъ чувствовать, что «онъ побѣждается ею». Не сказано, какъ «побѣждаемый» боролся; но сказано, что онъ сразу же сталъ вести себя такъ странно, что и побѣдительница его стала это замѣчать, и побѣда ея надъ нимъ была ей нежелательною. Она испугалась своего положенія, которое и въ самомъ дѣлѣ было небезопасно, такъ какъ она оставалась съ монахомъ съ глазу на глазъ одна, и даже возлѣ дома ихъ не было близко сосѣдей, которые могли бы ей подать помощь. Молодая женщина все это сообразила и поняла, что она ни откуда не могла надѣяться получить себѣ защиту въ томъ случаѣ, если «побѣждаемый ею» монахъ совѣмъ побѣдится и, утративъ самообладаніе, обратится къ дерзкимъ мѣрамъ насилія. Она не могла рассчитывать на свою силу, чтобы отразить его. А къ несчастію, скоро въ этомъ оказалась надобность. Монахъ однажды, «пришедъ по обычаю, нача смущатися и къ ней подвизатися». Приступъ его былъ столь рѣшителенъ, что молодицѣ казалось уже невозможно въ этотъ разъ спастись отъ него; но она, однако, отыскала средство къ спасенію. «Бывъ смышлена и благоразсудна», молодица не стала сопротивляться иноку силой и даже не подняла никакого бесполезнаго шума, такъ какъ она понимала, что при всякомъ сопротивленіи «побѣжденному» перевѣсъ оказался бы не на ея побѣдной сторонѣ, и вотъ она не захотѣла сопротивляться ему какъ животному, а отважилась повліять на лучшую сторону его духовной природы,—не на его взбунтовавшіяся физическія силы, а на его совѣстливость.

— О, отче! — сказала она монаху: — для чего ты такъ усиленно на меня нападаешь! Развѣ я и безъ того не въ твоей власти! Мы съ тобой вдвоемъ въ цѣломъ домѣ, и я

слишкомъ слаба, чтобы тебѣ сопротивляться. Не загораживай же напрасно всѣ двери и окна: я не птица и не муха и не могу отсюда ни улѣтѣть, ни выйти. Сейчасъ я буду вся въ твоей власти, но только оставь мнѣ покуда еще одно малое мгновеніе, чтобы я могла сдѣлать то, что желаю.

Монахъ сказалъ:—Сдѣлай!

А она попросила, чтобы и онъ, «анце милосердѣ», сдѣлать то же самое, что она будетъ дѣлать.

«—Что же ты хочешь сотворить?»—спросилъ монахъ.

«—Хочу рещи глаголь нѣкій Богу», — отвѣчала молодлица:—а такъ какъ сіе и твое дѣло, то потому давай оба вмѣстѣ помолимся, и потомъ ты, помолясь Богу, поступиай со мной какъ пожелаешь.

Монахъ нашелъ, что это ему совершенно нежелательно, и не только не сталъ молиться, а еще болѣе «побѣждался, митошася отъ брани». Тогда молодлица стала умолять его, чтобы онъ хоть ей далъ время помолиться. На это монахъ согласился, и она сейчасъ же начала молиться и молилась вслухъ, выражая въ словахъ, относимыхъ къ Богу, свою беззащитность и свою покорность предъ несчастіемъ, которое можетъ надъ ней совершиться; а притомъ излила и свое горячее сожалѣніе о несчастномъ человѣкѣ, который хочетъ оскорбить ея чистоту, и просила простить ему грѣхъ его, потому что онъ далъ надъ собой такую власть страсти, что сталъ хуже всякаго животнаго, ибо посвящаетъ на цѣломудріе женщины, которая сама довѣрилась его защитѣ... Монахъ все ее слушалъ—и совѣсть его стала пробуждаться, и, наконецъ, дѣло дошло до того, что онъ прослезился, и вдругъ увидать, что молящуюся женщину окружаютъ какіе-то свѣтлые духи, и онъ испугался и убѣжалъ отъ нея.

Можно подумать, что этотъ легендарный случай былъ извѣстенъ Мильтону и что онъ вызвалъ у него прекрасныя строфы:

«Такъ свято предъ очами неба дѣвство,

Что если искренно душа блюдетъ его завѣты—

— Тьмы ангеловъ на службу ей готовы».

Послѣ такихъ юныхъ, нѣжныхъ и граціозныхъ женскихъ лицъ, какъ эта молодлица и персіянка, встрѣчаемъ опять цѣломудренную и энергическую женщину степеннаго воз-

раста, которая, согласно своей житейской опытности, не только себя оберегла от соблазна, но еще дала прекраснейший урок соблазнителю. Эта степенная женщина тоже обрешонивается и спасает монаха, по совѣмъ инымъ прѣемомъ.

24) *Юня 13.* «Братъ нѣкій посланъ бысть изъ монастыря по службѣ» и, идучи дорогою, «пришелъ на мѣсто нѣкое, имущее воду». Здѣсь ему понравилось положеніе, и онъ присѣлъ, чтобъ отдохнуть и подкрѣпить себя пищей; но едва расположился, какъ примѣтилъ женщину, которая, стоя на берегу, мыла «платно». Разстояніе мѣшало брату опредѣлить возрастъ и рассмотреть черты лица женщины, но, тѣмъ не менѣе, братъ засмотрѣлся, какъ она моетъ и нагибается, и на него сейчасъ же «принде брань»: братъ былъ неопытный и не могъ долго бороться; онъ сейчасъ же подошелъ къ этой женщинѣ близко и, не стѣняясь тѣмъ, что женщина была значительно старше его, сдѣлалъ ей предложеніе, чтобъ она раздѣлила съ нимъ удовольствіе загорѣвшейся въ немъ страсти.

А женщина, надо полагать, была разсудительная и спокойная: она посмотрѣла на взволнованнаго инока безо-всякаго страха и отвѣчала ему съ ироніей:

— Мнѣ не трудно тебя послушаться, но только смотри, не пришла бы тебѣ послѣ отъ этого скорбь?

— А какая мнѣ можетъ быть скорбь?

— Не стала бы тебя мучить совѣсть и не впасть бы ты въ отчаяніе?

— Нѣтъ, я этого ничего не боюсь,—отвѣчалъ монахъ.

— Ну, смотри: многіе послѣ каются.

— Да нѣтъ, ужъ я себя знаю.

— Нѣтъ, ты хорошенько подумай: не сталъ бы ты сильно жалѣть!

— Да нѣтъ же, не безпокойся: ни о чемъ я жалѣть не буду!

— А ты сколько лѣтъ прожилъ уже въ монастырѣ?

— Семнадцать.

— И неужели тебѣ не жаль ихъ?

— Нимало.

— А ты знаешь ли еще («имали ли искусь»,—то-есть испытывали ли?), что есть жена?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ какъ же ты, не зная, что есть, согла-

нашъся бросить за это невѣдомое то, въ чемъ наставленъ и чего добивался цѣлыхъ семнадцать лѣтъ? Ты знай, что взять женщину — это значить взять на себя большое обязательство. Я, изволь, согласнусь, на что ты манишь меня, и пусть это будетъ по-твоему; но помни, что потомъ я отъ тебя не отстану, и можетъ случиться, что тебѣ придется принять на себя еще и большую тягость.

— Какую же еще большую тягость?

— А такую, что есть ли у тебя гдѣ содержать меня и дѣтей, и чѣмъ кормить насъ?

— Нѣтъ, у меня жилья нѣтъ и кормить васъ нечѣмъ.

— Такъ какъ же ты смѣешь меня звать?

— Я объ этомъ не думалъ.

— Ты, вѣрно, думалъ, что послѣ можешь удалиться?

— Да, я вотъ именно такъ намѣревался.

— Ну, такъ ты очень глупъ, а ты впередъ знай, что женщины не для того только созданы, чтобъ угашать въ васъ огонь вайней страсти, а что онѣ имѣютъ стыдъ и любовь къ дѣтямъ, и себя и своихъ дѣтей оберегаютъ и за виновникомъ ихъ рожденія всюду готовы сѣдовать. Осмѣйся-ка тронь меня, я посмотрю, куда ты отъ меня дѣнешься? И пойду къ твоему аввѣ и скажу: авва! не дай ему ни хлѣба, ни сочива и прогони его вонъ: и черезъ него стала тяжелою и не могу больше гнущься,—пусть онъ идетъ со мною и кормить меня, и вмѣстѣ со мною питаетъ и дитя, которое имѣетъ родиться. Авва твой тебя и выгонитъ, а я тогда заставлю тебя полоскать вмѣсто меня въ водѣ портомойню.

— Ты меня вельми просвѣтила,—отвѣчалъ монахъ.

— То-то и есть. Образумься. Если ты ужъ посвятился въ монахи, то иди скорѣй въ свой монастырь, а не стой по такимъ мѣстамъ, гдѣ женщины моютъ на рѣчкѣ.

Братъ почувствовалъ себя пристыженнымъ и, испугавшись того, чѣмъ пристыжила его прачка, возвратился бѣгомъ въ монастырь и никогда больше не засматривался на женщинъ, ибо всегда помнилъ эту прачку и со встрѣчи съ нею питалъ опасеніе къ рѣшительности женскихъ характеровъ.

Трогательны и способны вызывать живое сочувствіе выведенные вельдѣ за снмъ типы профессиональныхъ «блудницъ» и «блудницъ нищеты ради уготованныхъ».

25) *Августа 3.* Въ городъ Тиръ пришли разъ два черноризца, и когда они проходили по уединенному мѣсту, гдѣ притаивались городскія блудницы, то одна изъ этихъ несчастныхъ женщинъ, по имени Порфирія, томимая голодомъ, бросилась къ одному изъ братій и, рыдая, восклицала: «Отче! спаси меня, какъ Христось спасъ блудницу!» Тутъ же были проходящіе люди и все это видѣли.

Черноризецъ зналъ, что тогдашніе люди имѣли самое невысокое мнѣніе о монашескомъ цѣломудріи и теперь, увиди его съ блудницей, навѣрное стануть смѣяться надъ нимъ и осуждать его,—особенно если онъ исполнитъ просьбу блудницы и станеть о ней заботиться; но, съ другой стороны, онъ разсудилъ,—что же важнѣе: снести ли напрасное осужденіе отъ толпы, или явно отвергнуть человѣка, который умоляетъ «спаси» его во имя Христова? Выбрать правильное рѣшеніе, разумѣется, было не трудно, и черноризецъ отвѣтилъ блудницѣ: «иди за мною» и, «взявъ ее за руки, повелъ ее сквозь народъ изъ города».

Тогда по всему городу и по окрестностямъ быстро распространилась молва, что «черноризецъ поялъ себѣ блудницу Порфирію», и всѣ видѣли въ этомъ большой соблазнъ; но ни черноризецъ, ни его игумень не обращали на это никакого вниманія, а спасенная отъ позорнаго промысла блудница Порфирія, отдохнувъ и поправивъ у брата, обнаружила въ себѣ большую сердечную доброту и нѣжность. Она нашла у какого-то уединеннаго бѣднаго храма брошеннаго дитя и, исполнившись къ нему жалости, взяла его и стала его воспитывать. «По лѣтъ же единомъ простая чадь (то-есть простолюдины) изъ Тира» пришли для молитвенныхъ цѣлей въ обитель, куда укрыта была Порфирія, и узнали ее, а увидавъ при ней годовое дитя, заговорили: «добре чернице-черничница еси породила!» Люди эти рассказали въ Тирѣ, что видѣли у черноризца Порфирію и при ней годового ребенка, какъ разъ будто похожаго на того брата, который взялъ ее и провель съ собою черезъ весь городъ. Черноризецъ слышалъ объ этомъ и семь лѣтъ молчалъ, а въ это время пріемышъ Порфиріи выросъ, а она сама сдѣлалась монахиней. Тогда чернецъ, чувствуя приближеніе смерти, взялъ эту женщину и ея пріемыша и пошли всѣ трое вмѣстѣ въ Тиръ. Здѣсь инокъ собралъ въ одно мѣсто сто человѣкъ и велѣлъ принести

полную кадьльницу жарко горящихъ угольевъ, и при всѣхъ ссыпаль эти пламеняющіе уголья въ свой стихарь. Стихарь не загорѣлся и даже не чадилъ. Всѣ это видѣли и удивлялись, а черпоризецъ сказалъ:— «Вотъ и смотрите: въ этомъ есть знаменіе, что я отъ рожденія своего никогда не зналъ грѣха женскаго». Раздѣлявшая же съ нимъ напраслину Порфирія, прежде бывшая тирская блудница, а потомъ благочестивая отшельница, посвятила остатокъ своей жизни спасенію другихъ женщинъ, переносившихъ въ Тирѣ такое же самое унизительное положеніе, изъ котораго она вырвалась при состраданіи монаха, котораго она никогда не склоняла къ любовному сближенію со собою, а хранила къ нему только высокое чувство благодарности и уваженія.

Другая блудница къ самому паденію своему приводится такимъ трогательнымъ путемъ, какому не представляетъ равнаго никакой художественный вымыселъ.

26) *Апрѣля 8.* Въ Александріи жила одна очень молодая и очень красивая дѣвушка, египтянка. Она была круглая сирота. Родители ея умерли, едва только она вышла изъ дѣтства, и оставили ей хорошій достатокъ. Дѣвица имѣла благоустроенный домъ и обширный виноградный садъ по скату къ рѣкѣ Нилу. Наслѣдства, которое она получила, достаточно было бы, чтобъ ей прожить цѣлую жизнь въ довольствѣ; но молодая египтянка была чрезвычайно участлива ко всякому человѣческому горю и ничего не жалѣла для того, чтобы помочь людямъ, впадающимъ въ бѣдствіе. Черезъ это съ нею произошелъ слѣдующій роковой случай.

Разъ передъ вечеромъ, когда схлынулъ палящій египетскій жаръ, египтянка пошла со своими служанками купаться къ Нилу. Она выкупалась и, освѣженная, покрывшись легкимъ покрываломъ, тихо возвращалась къ себѣ назадъ черезъ свой виноградникъ. Служанки ея этимъ временемъ оставались еще на рѣкѣ, чтобъ убрать купальныя вещи.

Вечеръ послѣ знойнаго дня былъ прелестный; работники, окончивъ свое дѣло, ушли, и виноградникъ былъ пустъ. Египтянка могла быть увѣрена, что она одна въ своемъ саду; но вдругъ, къ удивленію своему, она замѣтила въ одной куртнѣ присутствіе какого-то незнакомаго ей человѣка. Онъ какъ-будто скрывался и въ то же время торопливо дѣлалъ что-то у одного плодovitаго дерева. Можетъ-

быть, онъ рвалъ плоды и оглядывался, боясь, что его поймутъ вертоградари.

Египтянкѣ пришло на мысль подойти ближе къ незнакомцу съ тѣмъ, чтобы помочь ему скорѣе нарвать больше плодовъ и потомъ тихо проводить его черезъ ходъ, выходящій на берегъ Иила, къ купальнѣ. Съ этою цѣлью она и пошла къ незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидала, что этотъ незнакомецъ не срываетъ плоды, а дѣлаетъ что-то совершенно другое: онъ закрѣплялъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось ей непонятно, и она припала, чтобы видѣть, что будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнурѣ петлю и вложилъ въ нее свою голову... Еще одно мгновеніе—и онъ удавился бы въ этой петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было бы его вынуть, а пока она успѣла бы позвать на помощь людей, давленникъ успѣлъ бы умереть... Надо было помѣшать этому немедленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросаясь къ самоубійцѣ, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомецъ былъ пожилой человѣкъ, эллинъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубленнымъ краемъ. Увидавъ египтянку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду, и сказалъ ей:

— Какое несчастіе! Злой демонъ, что ли, выслалъ тебя сюда, чтобы остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна?—отвѣчала ему египтянка.

— Можетъ-быть, жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которые живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я находилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ мнѣ несносное бремя: ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мнѣ возможность вылѣзть по моей веревкѣ вонъ изъ этой житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и калеными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удавиться: я закричу—и сейчасъ прибѣгутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ подъ одежду и поди за мною въ мой домъ: Расскажи мнѣ тамъ

твое горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сделаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ безпомощно, какъ ты думаешь, тогда... выходи отъ меня со своимъ инуромъ куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревь.

— Хорошо, — отвѣчалъ незнакомецъ: — и какъ мнѣ ни тяжело медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столько ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повиноваться. Вотъ уже шпуръ мой сирятанъ подъ мою одеждою, и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пыльномъ коврѣ, вышла, чтобы переменить свое купальное платье на другое. Когда же она возвратилась, то сѣла тутъ же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кистей начали приводить въ колебаніе спускавшеся съ потолка огромное, напитанное ароматами, онахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ.

Египтянка желала какъ можно скорѣе узнать горестную исторію незнакомца, что онъ и исполнилъ. Разсказать его было просто и немногосложно. Покусившійся на самоубійство эллинь недавно еще имѣлъ большое состояніе, но потерпѣлъ неудачи въ дѣлахъ и до того задолжалъ, что не могъ разсчитаться со своимъ займодавцемъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ его состраданію; но это было напрасно: богачъ соглашался оказать ему снисхожденіе, но не иначе, какъ на одномъ ужасномъ условіи.

— Въ чемъ же заключается это условіе? — спросила египтянка.

— Я не могу сказать тебѣ этого при твоихъ слугахъ.

Она велѣла служанкамъ удалиться.

— У меня есть дочь, дѣвушка твоихъ лѣтъ. Она такъ же, какъ ты, стройна станомъ и прекрасна лицомъ, а о сердцѣ ея суди какъ можешь по слѣдующему. Займодавецъ мой, большой и безирравственный сластолюбецъ, сказалъ мнѣ: «отдай мнѣ твою дочь на ложе, и тогда я освобожу тебя отъ темницы, — иначе ты задохнешься въ колодкѣ». Я оскорбился и не хотѣлъ слышать объ этомъ. Это было мнѣ тѣмъ болѣе тяжело, что у моей бѣдной дочери есть женихъ.

Онъ бѣденъ, но имѣеть возвышенный умъ, и дочь моя горячо любить его съ самаго дѣтства; кромѣ того, и жена моя не снесетъ такого безчестья, чтобы дочь наша стала паломницей. Но бѣда настагаетъ бѣду: представь себѣ новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мнѣ тихо:

«— Отецъ, я все знаю... я уже не ребенокъ... я рѣшилась, отецъ... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости мнѣ, отецъ... я рѣшилась...»

Она зарыдала, и я вмѣстѣ съ нею рыдалъ еще больше и сталъ ее отговаривать, но она отвѣчала:

«— Любовь къ тебѣ и къ матери, которая не снесетъ твоего униженія, во мнѣ теперь говоритъ сильнѣе любви къ моему жениху: онъ молодъ, — продолжала она, глотая бѣжавшія слезы:—онъ полюбитъ другую и съ ней пусть узнаетъ счастье супружеской жизни; а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мнѣ больше ни слова, отецъ, потому что я твердо рѣшилась».

Притомъ она пригрозила, что если я буду ей противорѣчить, то она не станетъ ждать завтрашняго дня, когда заимодавецъ назначилъ мнѣ срокъ, а уйдетъ къ нему сію же минуту.

Незнакомецъ отеръ набѣжавшія на лицо его слезы и кончилъ:

— Что еще скажу тебѣ дальше? Моя дочь имѣеть рѣшительный нравъ и ибжно насъ съ матерью любить... Что она порѣшила, противъ того напрасно съ ней спорить... Я упробилъ ее только подождать до завтра, и солгалъ ей, будто имѣю еще на кого-то надежду... День цѣлый я ходилъ какъ безумный, потомъ возвратился домой, обнялъ жену и дочь и оставилъ ихъ вмѣстѣ, а самъ взялъ тихонько шнурокъ и побѣжалъ искать уединеннаго мѣста, гдѣ могъ бы окончить мои страданія. Ты мнѣ помѣнала, но зато облегчила горе мое своимъ сердобольнымъ участіемъ. Мнѣ мило видѣть лицо твое, прекрасное и доброе, какъ лицо моей дочери. Пусть благословитъ тебя Небо, а теперь прощай и не мѣшай мнѣ: я пойду и покончу съ собой. Когда я не буду въ живыхъ, дочь моя не станетъ бояться колодки, которую могутъ набить на шею отцу, и она выйдетъ замужъ за своего жениха, а не продастъ себя, ради отца, богачу на безчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь рассказ незнакомца, а потом сказала, глядя ему твердо въ лицо:

— Я понимаю во всемъ твою милую дочь — она добрая дѣвушка.

— Тѣмъ это тяжелѣй для меня, — отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я понимаю и это; но скажи мнѣ: сколько ты долженъ заимодавцу?

— О, очень много, — отвѣчалъ незнакомецъ и назвалъ очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянію египтянки.

— Приди ко мнѣ завтра — я дамъ тебѣ эту сумму.

Незнакомецъ изумился: онъ и радовался, и не могъ вѣрить тому, что слышитъ, а потомъ сталъ ей говорить, что онъ даже не смѣетъ принять отъ нея такую великую помощь. Онъ напомнилъ ей, что долгъ его составляетъ слишкомъ значительную сумму, и просилъ ее подумать, не подвергается ли она себя слишкомъ большой жертвѣ, которой онъ даже не въ состояніи и обѣщать возвратить ей.

— Это не твое дѣло, — отвѣчала египтянка.

— Притомъ же, — сказалъ онъ: — припомни и то, что я изъ другого народа — я эллинь, и другой съ тобой вѣры.

Египтянка опустила рѣсницы своихъ длинныхъ, какъ миндалины, глазъ и отвѣчала ему:

— Я не знаю, въ чемъ твоя вѣра: это касается нашихъ жрецовъ; но я вѣрю, что грязь такъ же мараетъ ногу гречанки, какъ и ноги всякой иной, и одинаково каждую жжетъ уголь каленый. Не смущай меня, грекъ; твоя дочь покорила себѣ мое сердце, — иди, обними твою дочь и жену и приди ко мнѣ завтра.

А когда незнакомецъ ушелъ, дѣвушка тотчасъ же опять взяла свое покрывало и пошла къ богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цѣну все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Черезъ малое же время, когда прошелъ срокъ сдѣланнаго заклада, ростовщикъ пришелъ съ закладной и взять за себя все имущество египтянки, а она должна была оставить свой домъ и виноградникъ и выйти въ одномъ бѣдномъ носильномъ платьѣ. Теперь у нея не было ни средствъ, ни пріюта.

Скоро увидѣли ее въ этомъ положеніи прежніе знакомые ея родителей и стали говорить ей:

— Ты безумная дѣвушка и сама виновата въ томъ, до чего тебя довела твоя безразсудная доброта!

Она же имъ отвѣчала, что ея доброта не была безразсудна, потому что теперь она лишь одна потерцить несчастіе, а безъ этого погибало цѣлое семейство. Она разсказала имъ все о несчастіи эллина.

— Такъ ты вдвое безумна, если сдѣлала это все для людей чужой вѣры!

— Да вѣдь не народа и вѣра страдали, а люди, — отвѣтила она.

Услыхавъ такой отвѣтъ, знакомые почувствовали противъ нея еще большее раздраженіе.

Ты хочешь блистать своей добротою къ чужезѣрнымъ пришельцамъ, ну, такъ живи же, какъ знаешь! — и всѣ предоставили ее судьбѣ, а судьба приготовила ей жестокое испытаніе.

Великодушная дѣвушка не могла избѣжать тяжкихъ бѣдствій по причинамъ, которыя крылись въ ея воспитаніи: она совсѣмъ не была приготовлена къ тому, чтобы добывать себѣ средства своими трудами. Она имѣла молодость, красоту и свѣтлый, даже проникающій умъ и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Предестное, дѣвственно тѣло ея было слабо для того, чтобы исполнять грубую работу — береговья поденицы ея отгоняли; она не могла носить ни корзины съ плодами, ни киринчи на постройки, и когда она хотѣла мыть бѣлье на рѣкѣ, то зола изъ сгорѣвшаго пильскаго тростника разбѣдала ея нежные руки, а текучая вода производила у нея головокруженіе, такъ что она упала въ воду и ее, полуживую, безъ чувствъ вытащили изъ Нила.

Она очутилась въ отчаянномъ положеніи: въ мокромъ платьѣ и голодна. Съ ней подѣлилась сухою ячменною лепешкой береговая блудница, — одна изъ тѣхъ, которыя во мнѣжествѣ бродили по берегу Нила, ожидая проходившихъ здѣсь вечеромъ чужеземныхъ матросовъ (павклировъ); одна эта женщина подѣлилась съ нею и на ночь свою цыповкой, она же прикрыла ее и отъ стужи ночной своею сухою одеждою, а потомъ... прекрасная египтянка стала такою же, какъ эта, прибрежной блудницею.

Всѣ знавшіе Азу отъ нея отвратились — она погибала. Иногда она приходила въ свой бывший виноградникъ, подѣ

то самое дерево, на вѣтвяхъ котораго хотѣлъ удавиться избавленный ею незнакомецъ, и вспоминала его разсказъ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, какъ поступила: пусть страдаетъ она, но другіе спасены!.. Это радовало египтянку и давало ей силу терпѣть ея униженіе; но случались минуты слабости, когда она была близка къ отчаянію и готова была броситься въ Нилъ. Тогда она садилась надъ кручей на красномъ, какъ сгустѣлый комъ крови, песчаномъ холмѣ и размышляла о томъ: неизбежно ли такъ должно быть, чтобы добрый всегда былъ между грязью и калеными угольями?

Или будь безучастенъ къ горю людскому, или утопи въ горѣ самъ? Третій выборъ — плетись между грязью и углемъ. Для чего же тогда нашимъ сердцамъ дано знать состраданіе? Или Небо жестоко? Зачѣмъ оттуда никто не сойдетъ и не укажетъ — какъ людямъ сдѣлать жизнь свою лучше, чтобы отверженныхъ не было, и чтобы не было гордыхъ, пресыщенныхъ и нищихъ? О, если бы снизошелъ оттуда такой великій учитель, если бы былъ такой человекъ, — какъ бы она хотѣла рыдать у его ногъ и во всю жизнь исполнить все, что онъ ей прикажетъ!

Въ такомъ настроеніи она однажды тихо брела вдоль берега Нила, по уединенному мѣсту, и не встрѣчала въ этотъ день даже буйныхъ мореходцевъ. Она уже два дни не ѣла, и чувствовала мучительный голодь. Въ глазахъ у нея мутилось. Она подошла къ рѣкѣ и нагнулась, чтобы напиться, но сейчасъ же отскочила въ испугъ: такъ самой ей показалось страшно ея изнуренное лицо съ померкнутымъ взглядомъ. А такъ недавно еще ее всѣ называли «прекрасной».

— О, я понимаю теперь, что это значить. Я уже больше не «прекрасная», — я страшна даже самымъ потеряннѣмъ людямъ!.. Голодь приблизился, мучительный голодь... но я не ропщу... Я посылаю послѣдній привѣтъ мой Небу, которое внушило мнѣ рѣшеніе любить другихъ больше себя, и съ тѣмъ умираю!

Она бросилась къ рѣкѣ, чтобы утонуть, и непременно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержалъ за плечо, и она, оглянувшись, увидела передъ собой пожилого человека, скромнаго вида и въ чужестранной одеждѣ.

Египтянка приняла его за одного изъ чужестранцевъ,

приходящихъ на это мѣсто съ цѣлями, о которыхъ ей было извѣстно, и сказала ему:

— Оставь меня въ покоѣ: я не хочу идти сегодня съ тобой.

Но чужеземецъ не отошелъ, а взглянулъ на нее ласково и сказалъ ей:

— Напрасно думаешь, сестра моя, что я былъ намѣренъ сказать тебѣ что-либо дурное. Мнѣ показалось, что ты въ какомъ-то бореньѣ съ собой.

— Да; я вынимаю ноги мои изъ грязи и хочу ступить на горячіе уголья. Это требуетъ силы.

— Ты очень слаба.

— Я два дня не ѣла.

— Такъ ѣшь же скорѣе: со мной есть хлѣбъ и печеная рыба.

Чужеземецъ поспѣшно перебросилъ изъ-за спины холщевую сумку и подаль дѣвушка рыбу и хлѣбъ и флягу воды съ виномъ.

Египтянка стала ѣсть, заливая глотками воды, а когда первый мучительный голодъ ея былъ утоленъ, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

— Но хорошо, что я ѣмъ твою пищу: ты путешествуешь и тебѣ нуженъ запасъ для себя.

— Не безпокойся, сестра, — я могу потерпѣть, и повѣрь, что терпѣть гораздо отраднѣе, чѣмъ видѣть терпящихъ.

Египтянка вздрогнула.

— Чужестранецъ! — сказала она: — ты меня накормилъ и хорошо говоришь... но зачѣмъ ты два раза уже называешь меня своею *сестрой*? Развѣ не понимаешь ты, кто я такая?

— Ты такое же созданіе Бога, какъ я, и сестра мнѣ. Какое мнѣ дѣло, чѣмъ житейское горе и жестокость людей тебя теперь сдѣлали.

Дѣвушка вперила въ него свои глаза, опять засверкавшие бывалымъ огнемъ, и вскричала:

— Ты жжешь меня своими словами! Ты, быть-можетъ, посланникъ боговъ?

— Нѣтъ, я такой же, какъ ты, простой человѣкъ.

— Но кто научилъ тебя такъ говорить, что сердце мое горитъ и трепещетъ?

— Сядемъ здѣсь вмѣстѣ, и я расскажу тебѣ, кто научилъ меня такъ говорить.

Несчастливая еще больше смутилась.

— Какъ,—сказала она:—ты хочешь сидѣть со мной рядомъ! Тебя могутъ увидѣть съ блудницей почтенные люди, и что ты имъ скажешь тогда въ свое оправданіе?

— Я скажу имъ, что Тотъ, Кто всѣхъ ихъ почтеннѣе, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

— Кто жь это былъ онъ?.. Я о такомъ не слыхала... но ты о немъ говоришь, и слова твои льютъ новую жизнь въ мое сердце... Можетъ-быть, онъ-то и есть твой учитель?!

— Ты не ошиблась. Это Онъ—мой Учитель.

Египтянка заплакала.

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, чужестранецъ! Гдѣ же онъ, гдѣ этотъ небесный посланникъ?!

— Онъ съ нами.

— Съ нами!.. со мной!.. Не смѣйся надъ бѣдною блудницей!.. я несчастна... Скажи мнѣ, гдѣ онъ, и я побѣгу... Я стану его умолять... быть-можетъ, и мнѣ онъ дастъ новую жизнь!

Чужеземецъ самъ взволновался.

— Успокойся,—сказалъ онъ:—ты ее будешь имѣть—новую жизнь,—развяжись только со старой,—развяжись скорѣй съ тѣмъ, что гнететъ тебя въ прошломъ.

— Слушай же, кто я такая!—воскликнула съ оживленіемъ дѣвушка, и рассказала все, что съ ней было, и когда повѣсть ея была кончена, она добавила въ свое оправданіе:

— Говорить, будто мнѣ надлежало иначе размыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолѣло разсудокъ.

— Кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять, тотъ не пахарь. Не жалѣй о томъ, какъ ты поступила.

Она потупила взоръ и сказала:

— Я не о томъ сожалею... но мнѣ тягостно думать о томъ, что было послѣ...

— Послѣ того, когда ты совершила святѣйшее дѣло любви,—прервалъ ее чужестранецъ:—послѣ того, когда ты позабыла себя для спасенія другихъ... Оставь сокрушенія эти!.. Когда каленое уголье жжетъ ноги, ноги ползутъ въ холодную грязь, но любовь покрываетъ много грѣховъ и багро-

вья пятна бѣлѣть, какъ волну на ягненкѣ... Подними лицо твоо вверху... Прими отъ меня привѣтъ христіанскій и знай, что *Онъ*, къ Кому душа твоя рвется, перстомъ на сыпучемъ пескѣ твой грѣхъ написалъ и оставилъ смести его вѣтру.

Египтянка подняла лицо свое и плакала, а христіанинъ глядѣлъ на нее, колѣни его незамѣтно согнулись, онъ поклонился ей въ ноги и тихо промолвилъ:

— Ты была мертвая и стала живая!

Утѣшеніе совершилось,—пришла новая жизнь въ смущенную душу египтянки. Христіанинъ разсказалъ ей, въ чемъ состоитъ ученіе Христова, и египтянка непремѣнно захотѣла узнать: есть ли люди, которые живутъ по этому ученію, во взаимной любви, и у которыхъ нѣтъ ни осужденія, ни зла, ни нищеты.

— Они были,—отвѣчалъ христіанинъ.

— Отчего же не все такъ и теперь?

— Это трудно, сестра.

— Въ чемъ же тутъ трудность?

— Слушай, какъ они жили.

Христіанинъ прочелъ ей на память мѣсто изъ *Дѣяній*:

«У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа, — никто изъ имѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что у нихъ было, они раздѣляли по нуждѣ каждаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца» (Дѣян. IV, 32).

— Такъ вѣдь это прекрасно!—воскликнула Аза.

— Но для иныхъ это трудно!

«Такъ Юссія, прозванный отъ апостоловъ Варнавою, что значитъ «сынъ утѣшенія» — левитъ, родомъ изъ Кипра, у котораго было свое помѣстье, — продалъ его и принесъ деньги къ ногамъ апостоловъ» (37).

Послѣ многихъ сумрачныхъ дней лицо египтянки освѣтилось отрадной улыбкою: Варнава отдалъ помѣстье, и назвали его: «сынъ утѣшенія»...

Она выше подняла лицо и сказала:

— Это вовсе не трудно. Это только *такъ должно!*

— Такъ иди же отсюда, куда я тебя научу, и разскажи тѣмъ людямъ, къ которымъ придешь, все, что ты мнѣ разсказала.

Чужеземецъ назвалъ ей мѣсто, гдѣ сходятся христіане Александріи и кто ихъ епископъ.

Египтянка, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанію.

Когда она пришла, ее сейчасъ же узналъ одинъ клирикъ и сказалъ ей:

— Красотка! мнѣ очень знакомо твое лицо: ты похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Нила.

— Я сама и есть та блудница,—отвѣчала египтянка:— но то уже кончено: я хочу быть христіанкой.

— Ну, это не сразу: ты должна прежде очистить себя постомъ и раскаяніемъ.

— Я все готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, какъ надо поститься; она пошла и долго постилась, питаясь тѣмъ, что ей давали изъ состраданія. Наконецъ, она изнемогла и пришла снова съ просьбой, чтобы ее крестили и приняли со всѣми въ общеніе. Клирики сказали ей: «Ты такъ мерзко жила у всѣхъ на виду, что должна принести при всѣхъ покаяніе».

— Да, я затѣмъ и пришла, чтобы сказать всѣмъ, какъ дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу васъ: скажите епископу, что я прошу скорѣе принять меня въ общеніе.

Клирики сказали епископу, и тотъ скоро велѣлъ назначить ей катехизатора, который долженъ былъ проговорить ей символъ и всѣ догматы вѣры и потомъ удостовѣрить ея познанія, и тогда египтянку положили крестить.

Но она этого не дождалась; нетерпѣливое желаніе ея получить христіанское имя и жить съ христіанами вмѣстѣ сивдало ее; она жаловалась и плакала, «а всѣ пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка лежала больная «въ малой хлевницѣ», туда къ ней среди ночи вошли «два свѣтлые мужа» и одѣли ее въ бѣлыя, «крестильныя ризы». Въ нихъ и осталось на землѣ ея мертвое тѣло, а живой духъ ея отлетѣлъ въ обитель живыхъ.

Кончина египтянки, одѣтой въ крестильныя ризы, сдѣлала затрудненіе клирикамъ: они недоумѣвали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришелъ тотъ чужеземецъ, который говорилъ съ усопшею у

берега Пила. Онъ былъ философъ и пресвитерь сирійскій, другъ Исаака-Сирійца, — онъ вернулся сюда съ дороги по внушенію духа. Онъ поклонился къ усоншей и сталъ читать христіанскія молитвы, а пока онъ молился, тѣло ея зарыли въ землю, но сиріецъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ вдаль — онъ что-то думалъ, онъ былъ въ восторгѣ и двигалъ устами.

Его спросили:

— Вѣрно ты видишь чудное что-нибудь?

— Да, — отвѣчала онъ: — я вижу какъ будто бы небо отворсто... и туда... кто-то входитъ...

— Неужто блудница?

— О, нѣтъ!.. блудницу вы законали въ грязи: я вижу... какъ легкая струйка съ каленаго угля сливается съ свѣтомъ; мнѣ кажется, это восходитъ *дочь злѣшнѣя*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдующее женское лицо является въ нпой, но не мѣлѣе трогательной обстановкѣ, также ярко рисующей и общую картину нравовъ V вѣка.

27) *Июня 14*. Кисевій изъ Аскалона рассказывалъ, что у нихъ въ городѣ былъ купецъ, имѣвшій свои корабли, на которыхъ онъ возилъ дорогіе товары въ Африку. Разъ сдѣлалось кораблекрушеніе, и купецъ этотъ сразу оббѣдѣлъ: корабли его потонули, а выкинутые на берегъ товары были расхищены. Тогда замодавцы посадили этого купца въ тюрьму, а его молодая и очень красивая жена ходила на цоденищину и что успѣвала зарабатывать, на то приготавливала нищу и приносила ее мужу въ темницу. При этихъ посѣщеніяхъ она иногда долго засиживалась съ заключеннымъ, стараясь облегчить его несносное томленіе. Въ Аскалонѣ же у знатныхъ людей было обыкновеніе, чтобы по особливимъ днямъ ходить посѣщать содержащихся въ тюрьмахъ и подавать имъ милостыню. Одинъ изъ такихъ знатныхъ людей пришелъ разъ въ темницу, когда жена разорившагося купца сидѣла у своего мужа, и какъ только взглянулъ на нее, такъ и плѣнился ею. «Уязвился вельможа сердцемъ, видя красоту ея, бѣ бо по истинѣ красна зѣло». Вельможа сейчасъ же «подосла къ ней нѣкоего страпника», чтобъ она подошла къ нему «пріяти милостыню».

Женщина, не подозрѣвая ничего дурного со стороны

вельможн, встала и подошла къ нему, чтобы «пріять его милосердіе», а онъ сталъ ее спрашивать: за что она сидитъ въ темницѣ? Женщина отвѣчала, что заключенъ здѣсь ее мужъ, а она только приходитъ посѣщать его и остается съ нимъ по любви и состраданію, чтобы облегчать его участь. Тогда вельможа сказалъ ей прямо: «я тебѣ помогу: приходи нынче вечеромъ и пробудь со мной ночь, а я завтра выкуплю твоего мужа изъ темницы».

Женщина не обнаружила ни гнѣва, ни досады и не стала устыжать вельможу за то, какъ онъ пользуется затрудненіями бѣдности, а сказала ему:

— Я должна спросить объ этомъ своего мужа, и какъ онъ скажетъ, такъ я и сдѣлаю. Хочешь — я пойду и спрошу его?

Вельможа не стѣснялся и отвѣтилъ ей: «Спроси».

Она подошла къ мужу и передала ему съ совершенною простотою предложеніе, сдѣланное ей вельможей.

Купецъ заплакалъ и, глубоко вздохнувши, сказалъ:

— Да, не даромъ сказано: «не надѣйтесь на князи и сыны человѣческіе». Пусть проститъ ему Богъ обиду, которою онъ хотѣлъ насъ унижить еще болѣе, чѣмъ мы унижены. Подойди къ нему и скажи, что мы не хотимъ купить свободу такую цѣной.

Жена подошла и въ той же самой простотѣ передала слова мужа вельможѣ. Вельможа разсердился и вышелъ. Сидѣлъ же тутъ неподалеку отъ купца въ другомъ углу темницы одинъ дорожный разбойникъ, который все это видѣлъ и слышалъ. Взаимная любовь и вѣрность супруговъ его тронули, и онъ «поману къ себѣ жену и рече ей: азъ умилихся, видя цѣломудріе ваше. Азъ разбойникъ есмь и имамъ злато сокровенно въ зиданіи граднѣмъ. Иди па мѣсто, имя рекъ, раскопай и возьми злато тамъ сокровенное на воздаяніе долга мужа твоего и нныя потребности ваши».

Женщина пошла и нашла золото и искупила мужа милосердіемъ разбойника.

За симъ наступаетъ типъ возвышеннѣйшей деликатности.

28) *Мая 30.* Блаженный отецъ Маркъ плылъ однажды на кораблѣ въ Константинополь, но поднялась буря и загнала его «кораблець» къ «нѣкоторому пустынному острову». Пока корабельщики справлялись съ поврежденными

снастями, блаженный Маркъ сошелъ походить на безлюдный островъ и, къ удивленію своему, вдругъ замѣтить на пескѣ слѣдъ ноги человѣческой. Онъ пошелъ дальше по этому слѣду и вскорѣ увидѣлъ въ отдаленіи челоуѣка, который, впрочемъ, былъ въ очень странномъ и непонятномъ видѣ и, замѣтивъ Марка, видимо старался отъ него скрыться. Блаженный Маркъ, заинтересованный неожиданно встрѣчей, погнался за удалившимся жильцомъ необитаемаго острова и скоро сталъ его настигать. Тогда преслѣдуемый имъ дикій или полудикій челоуѣкъ, видя, что ему уже не скрыться отъ настигающаго пришельца, сталъ передъ нимъ «присѣдать», стибаясь къ землѣ, и что-то говорилъ ему неразборчивымъ и жалобнымъ голосомъ. Бл. Маркъ, слыша этотъ жалкій и слабый стопъ или мольбу, пріостановился и сказалъ:

— Не убѣгай отъ меня: я христіанинъ и не намѣренъ сдѣлать тебѣ никакого зла.

А присѣдавшій дикарь еще ниже пригнулся и отвѣчаетъ:

— Я не боюсь тебя; но стыжусь, ибо я нагая женщина, а ты мужъ, и потому я ухожу отъ твоего взгляда. Если же ты милостивъ и хочешь со мной говорить, — то брось мнѣ что-нибудь изъ твоей одежды, чтобы я могла хоть немножко закрыться, — тогда я стану къ тебѣ лицомъ, и мы можемъ поговорить.

Бл. Маркъ имѣлъ на себѣ въ ту пору двѣ ризы. Одну онъ оставилъ на себѣ, а другую свернулъ комкомъ и бросилъ нагой женщинѣ, а самъ отворотился. Женщина подхватила одежду, покрылась ею и подошла къ бл. Марку. Они сѣли, и когда разговорились, то бл. Маркъ узналъ отъ нея слѣдующее: женщина эта родилась въ простомъ и бѣдномъ семействѣ и притомъ родители ея скоро умерли, а она осталась совершенно безпомощною сиротой. Попалась она какъ-то разъ на глаза одному именитому и богатому челоуѣку, который тронулся ея положеніемъ, изъ жалости взялъ ее къ себѣ въ домъ и сталъ воспитывать вмѣстѣ со своими дѣтьми. У него она выросла и стала красива, и обнаружила умъ и добрый характеръ, и этимъ нашла себѣ такое благорасположеніе у своего воспитателя, что онъ не хотѣлъ искать для своего сына лучшей жены, какъ эта сиротка. Молодой челоуѣкъ тоже лю-

билъ ее и тоже не хотѣлъ себѣ иной невѣсты, но женщины-родственницы съ материнной стороны жениха имѣли непремѣнное намѣреніе женить «наслѣдника всего имѣнія» на дѣвушкѣ богатой и знатнаго рода. Это повело къ большимъ семейнымъ неприятностямъ, отъ которыхъ молодой человѣкъ много страдалъ и, наконецъ, сильно заболѣлъ, но и лежка въ огнѣ болѣзни все одно повторяли: «люба ми есть та, еже воспиталъ мой отецъ». Тогда, чтобъ онъ не лишился жизни, — ихъ соединили. Молодые супруги были, вполнѣ счастливы, — особенно мужъ, который и послѣ свадьбы все еще повторялъ: «люба ми есть, еже дахъ мой отецъ!» — но мать его и ея родственницы постоянно старались сѣять раздоръ въ домѣ и поносили молодого человѣка за его любовь къ женѣ, избранной имъ изъ бѣднаго и низкаго круга. Тогда эта молодая женщина, видя, что семейныя смуты въ домѣ и страданія любимаго ею мужа не прекратятся, пока ее видятъ въ домѣ, — рѣшилась пожертвовать собою и, для водворенія семейнаго спокойствія, бѣжала изъ дома. Сначала она шла, куда глаза глядятъ, а потомъ плыла на кораблѣ, но корабль разбило, и ее выбросило на этотъ самый безлюдный островъ, гдѣ нашелъ ее блаженный Маркъ. Здѣсь она испытала холодъ, голодь и безпріютность и вдобавокъ ощутила въ себѣ младенца, котораго и родила, воспитала и живетъ съ нимъ уже тридцатый годъ, не видя лица человѣческаго. Блаженный Маркъ видѣлъ и сына этой великодушной женщины: совсѣмъ юной, онъ прятался въ пещерѣ и былъ пораженъ ужасомъ и удивленіемъ при видѣ третьяго человѣка, притомъ покрытаго одеждами.

Слѣдующій очеркъ представляетъ женскій типъ и очень энергическій, и не лишенный своеобразной проиы, паномниающей русскую княгиню Ольгу въ ея дѣлѣ съ древлянами.

29) *Августа 14.* Въ одномъ прибрежномъ торговомъ мѣстѣ жили въ большой дружбѣ два купца: одинъ женатый, а другой холостой. У женатаго жена была очень красивая, а притомъ очень умная и цѣломудренная, но супружеское счастье ихъ не было продолжительно: мужъ внезапно умеръ, а красавица-жена его осталась вдовой, и какъ она очень любила своего мужа, то не хотѣла вступать во второй бракъ, а желала посвятить остальную жизнь служенію добрымъ дѣламъ. Между тѣмъ ея красота и извѣстная скромность ея съ сожителемъ съ первымъ мужемъ влекли къ ней мно-

гихъ жениховъ, которымъ она вѣсѣмъ спокойно отказывала, совѣтуя имъ брать себѣ въ жены дѣвушекъ. Многихъ она такъ отводила; но явился одинъ такой пылкій сонскатель, съ которымъ ей нелегко было раздѣлаться. Это былъ тотъ самый искренній другъ ея перваго мужа, въ которомъ она и не подозрѣвала, что и онъ увлеченъ ея красотой, а онъ такъ «уязвился къ ней страстію неисцѣлною, что мало не изгибе».

Тогда эта красавица, какъ женщина уже опытная и не разъ издававшая передъ собою влюбленныхъ, замѣтила томленія друга своего покойнаго мужа и безъ ошибки разгадала, какого они свойства. Она признала за лучшее вывести дѣло на чистоту и потомъ оказать этому человѣку помощь.

— Друге!—сказала она ему:—я вижу, что ты самъ не въ себѣ, когда говоришь со мною. Не должна ли я изъ этого заключить, что ты вѣрно имѣешь ко мнѣ что-нибудь особенное, но стѣсняешься сказать это. Прошу тебѣ, не продолжай далѣе такого для тебя вреднаго, да и для меня безпокойнаго состоянія, потому что я не хочу видѣть тебя страдающимъ. Скажи мнѣ, что тебѣ отъ меня надобно, и будь увѣренъ, что я сдѣлаю все, какъ могу лучше, и надъ твоимъ признаніемъ не посмѣюся.

Онъ же, услышавъ такое поощреніе, очень обрадовался и съ откровенностію ей сказалъ, что плѣненъ ея красотой, почитаесть извѣстныя ему ея душевныя качества и желаетъ взять ее себѣ въ жены.

Разсудительная вдова поблагодарила его за уваженіе, но отвѣчала ему, что, испытавъ радости брака съ мужемъ любимымъ, она уже не желаетъ второй разъ испытывать того же самаго съ другимъ человѣкомъ, ибо думаетъ, что лучшее время жизни уже не повторится, а худшее родитъ только сожалѣнія о прежнемъ и не составитъ ни для той, ни для другой стороны счастья. А потому она предпочитаетъ не вступать въ новый союзъ ни съ кѣмъ, а будетъ жить для дѣтей и для общественныхъ заботъ, которыя всегда достойны вниманія и поглощаютъ досугъ съ пользою для ближняго. Молодому же человѣку она указывала на молодыхъ, только дошедшихъ до брачнаго возраста дѣвушекъ, съ которыми и совѣтовала ему вступить въ бракъ, ибо съ такою онъ можетъ жить въ любви, свободной отъ воспоминаній о прошломъ.

Но молодой человекъ «только уязвился любовью ко вдовицѣ, иже вся иныя ни за что вмѣняя», — онъ не слушалъ никакихъ доводовъ и указаній на дѣвунекъ, а нетерпѣливо «принадать ко вдовѣ и молилъ ее быть его женой», причемъ онъ «люте настаивалъ», былъ унылъ и «ко гробу склонился, ходилъ пенстовъ яко бы бѣсенъ».

Такая докучная неотвязчивость и непріятное приставаніе пестернимо надоѣли вдовицѣ, которая рассуждала такъ, что не можетъ же она «ради влеченія его исполнить все, елико онъ хощеть»!.. И тогда, чтобы покончить съ нимъ, она ему сказала:

— Чтѣ ты терзаешь себя и меня? Долго ли это еще будетъ?

Онъ же отвѣчалъ ей:

— Такъ будетъ до вѣку, пока я или ты живемъ на свѣтѣ, потому что душа моя и сердце все стремятся къ тебѣ, и ты напрасно говоришь мнѣ о юныхъ дѣвахъ. Я ихъ вида не вижу и онѣ чужды желаніямъ моего сердца, а по тебѣ настаиваютъ всѣ силы моего тѣла и мозгъ костей моихъ сворачивается. Исцѣли меня, уязвленнаго твоею красотой: стань женой моею, или я иначе умру.

— Горе мнѣ съ тобою! — отвѣчала вдова и, замисливъ нѣчто въ умѣ своемъ, сказала: — Да не обманываешься ли еще ты, будто такъ меня любишь, что и жить не можешь? Неужели въ самомъ дѣлѣ для счастья твоего нѣтъ ничего драгоценнѣе моей взаимности?

Купецъ клялся въ этомъ, а она ему отвѣчала какъ бы въ недоувѣріи:

— Остановись, клясться предо мною, такъ какъ я уже не дѣвица и страстнымъ мужскимъ словамъ не доувѣрю. Всѣ вы таковы, что когда плѣняетесь женщиной, то становитесь безразсудны, и въ ту пору уста у васъ черезъ мѣру полны восхищеній, но послѣ бываетъ иное. Я потребую отъ тебя доказательствъ, что для твоего счастья всего потребнѣе обладаніе мною и ничто иное тебя привлечъ къ себѣ не можетъ.

Купецъ съ радостію воскликнулъ:

— «О, я вельми готовъ, и аще мнѣ міръ весь предложить — не взгляну на него, а къ тебѣ устремлюся».

Вдова улыбнулась и отвѣчала:

— Міръ весь не нашъ, а Божій, и такой великой об-

ласти для искушенія твоего я предложить не могу, но я поставлю тебѣ нѣчто меньшее и увидимъ: не устремимъ ли къ этому неважному, а меня, столь тебѣ необходимую, отринешь.

— Никогда этого не случится! — воскликнулъ влюбленный.

— Иди же сейчасъ отсюда домой, затворишь въ своей верхней комнатѣ, выкинь мнѣ ключъ въ окно и оставайся тамъ, пока я приплю за тобой. Обѣщаешь ли мнѣ это исполнить?

— О, что говорить о такихъ пустякахъ!

— Хорошо, и если потомъ твое стремленіе будетъ все то же, то я даю тебѣ слово, что перестану вспоминать объ умершемъ мужѣ и отдамъ себя въ твое угожденіе. Теперь, съ этой минуты, все, чему быть и чему не быть — отъ тебя зависитъ.

Купецъ побѣжалъ домой весело, потому что почиталъ свое дѣло выиграннымъ. Онъ взнесъ въ домъ свой и веселою рукой затворился у себя въ верхней горницѣ, а ключъ выбросилъ въ окно и велѣлъ отнести его вдовѣ въ доказательство, что онъ свой урокъ уже началъ. Вдова же приняла ключъ, но ничего больше жениху не заказала.

Купецъ пробылъ въ горницѣ день, провожая часы ожиданія въ любовныхъ мечтаніяхъ и ожидая, въ чемъ будетъ дальнѣе его испытаніе; но сутки прошли, а вдова ни о чемъ новомъ ему не сообщала. На другой день онъ опять думалъ о вдовѣ, но вспомнилъ также нѣсколько разъ и о своемъ желудкѣ, который былъ пустъ и требовалъ пищи, а на третій день голодь стала такъ напоминать ему о себѣ, что купецъ не обращался въ сладкихъ мечтахъ ко вдовѣ, а гнѣвался на нее и все думалъ о пицѣ, а въ ночи онъ не могъ спать, потому что и сонъ его наполнялся уже не видѣніями обольстительной вдовы, а запахомъ яствъ. Утро же четвертаго дня купецъ встрѣтилъ въ мучительныхъ боляхъ желудка и послалъ преданнаго ему человѣка ко вдовѣ спросить: не забыла ли она о немъ? Вдова отвѣчала, что она не забыла.

— Но онъ умираетъ! — сказалъ ей посланецъ.

— Не пугай меня этимъ, — отвѣчала вдова сквозь улыбку: — до смерти еще далеко. Но, впрочемъ, я не хочу томить его долѣе. Пусть онъ теперь одѣвается въ гостинное

платье, я за нимъ скоро припью, и онъ получитъ все, чего пожелаетъ.

Въ предобѣденный же часъ въ домъ купца пришла довѣренная отъ вдовы и, имѣя ключъ отъ жениховой двери, открыла ее и сказала:

— Радуйся, господинъ! ты вполне сдержалъ свое обѣщаніе, иди же теперь къ моей госпожѣ: она тебя ожидаетъ и, со своей стороны, свое обѣщаніе сдержитъ.

Но купецъ, одѣтый въ гостиное платье, смотрѣть на посланницу внавѣдши глазами и уныло, слабымъ голосомъ, отвѣчалъ, что готовъ за ней слѣдовать. Онъ былъ такъ изнуренъ, что надо было позвать людей, которые взяли его подъ руки и помогли ему идти.

Вдова встрѣтила гости въ дверяхъ своего жилища. Она была во всемъ блескѣ своей красоты, ибо и она тоже смѣнила одежду вдовства и надѣла легкотканную одежду, державшуюся на ея плечахъ самоцвѣтными стижками и открывавшую шею и руки, съ которыхъ несло благоуханіе амбры.

Принявъ входившаго гости подъ руки, вдова ввела его въ большую горницу, которая была раздѣлена на-двое повѣшеннымъ на кольцахъ ковромъ. Въ одной половинѣ, ближайшей ко входу, былъ накрытъ столъ, установленный прозрачными кубинами съ некрометнымъ питьемъ и блюдами, изъ которыхъ одно было покрыто; а на другой половинѣ возвышалось пышное ложе съ двойнымъ изголовьемъ.

— Ты теперь господинъ въ моемъ домѣ, — сказала вдова: — и я тебѣ повинуюсь. Вотъ здѣсь трапеза, здѣсь ложе. Избери, что ты хочешь; я готова раздѣлить съ тобой то и другое.

Купецъ же отвѣчалъ ей:

— Ахъ, помилуй меня, — «азъ вельми истощахъ, дай мнѣ впередъ насытиться!» — и онъ потянулся къ столу и возлегъ, озирая посуду.

— Мы имѣемъ достаточно время, такъ какъ яства въ присѣдѣніи еще не испортились, — сказала вдова.

— А это здѣсь что же покрыто на блюдѣ?

— Это пишено, — оно безвкусно, пока къ нему не поспѣетъ облива.

— Мнѣ все теперь вкусно! — воскликнулъ купецъ и,

открывъ блюдо, сталъ насыщаться пиномъ, безъ обливъ, а вдова сказала ему:

— Вотъ ты теперь видишь: потреба погребѣ есть рознь: безъ одного жить человѣку нельзя, а безъ другого жить можно!—и съ этимъ она велѣла подавать кушанья и опустила поверь, который навсегда закрыть отъ кунца ея ложе.

30) *Апрѣля 5.* Стремясь возвышаться надъ силой страстей, женщины Пролога представляютъ еще одинъ такой высокій характеръ, которому удачи и безмитезное счастье были даже въ тигость.

Одинъ изъ александрійскихъ отцовъ увидѣлъ разъ женщину, которая чрезвычайно усердно молилась и притомъ горько плакала. Это его тронуло, и онъ спросилъ молившуюся: какое у нея горе? Она же отвѣчала ему: «ахъ, я очень счастлива, и у меня нѣтъ никакого горя, но я живу среди людей и вижу много огорченныхъ, и теперь молю Бога, чтобъ Онъ отдѣлилъ на мою долю часть ихъ страданій, дабы я не пристрастилась къ здѣшней жизни». Александрійскій отецъ подивился этой благоразумной женщинѣ, которая лучше многихъ знала, въ чемъ заключается высшая опасность для человѣка.

Этимъ оканчивается группа женскихъ лицъ, которыя то удивляютъ мужчинъ высотой своихъ порывовъ, то исправляютъ ихъ, отвлекая отъ чувственной грубости, то прямо спасаютъ людей съ полнымъ самоотверженіемъ и потомъ безъ малѣйшаго ропота сами несутъ отверженіе, нищету и всевозможныя униженія. Въ такомъ санѣ превосходной чистоты мы насчитываемъ по Прологу *девять* женщинъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Систематическая схема наша являетъ намъ теперь такую пропорцію: изъ 35 женщинъ, составляющихъ цѣлую треть лицъ, представляющихъ интересъ въ повѣствовательномъ родѣ, 17 не соблазнили мужчинъ, а пострадали отъ ихъ соблазновъ и насилій; 4 соблазнили—одна съ успѣхомъ, а три безъ успѣха, причемъ изъ нихъ безъ успѣха остались: одна свѣтская дама изъ Александрии, одна гетера, нанятая знатными богачами, и одна припадочная болгарская дѣвочка. Успѣвала въ своихъ намѣреніяхъ только Марія изъ Египта, но и она, впрочемъ, держала себя какъ простая

«блудница», какою она была до возвышеннаго поворота во второй половинѣ ея жизни. Девять же не только останавливали мужчинъ отъ ихъ грубыхъ страстей, но даже научили ихъ обуздывать свою природу и жить для болѣе возвышенныхъ цѣлей.

Въ дурномъ видѣ Прологъ представляетъ только *двухъ* женщинъ, изъ которыхъ одна обнаруживаетъ жестокое сердце, омраченное страстью къ мужчинѣ, а исторія другой такъ мало понятна, что ее, слѣдуя опредѣленію Теофана Прокоповича, очевидно, остается только отнести къ разряду «пустыхъ басенъ».

31) *Марта 19*. Молодая вдова, по имени Марія, имѣя двухъ маленькихъ дѣтей, влюбилась въ одного «воина» и захотѣла выйти за него замужъ. Воинъ же, хотя и былъ близокъ съ ней, но не хотѣлъ брать ее въ замужество. Онъ нагло выставлялъ на видъ свой эгоизмъ и отказывался тѣмъ, что не желаетъ «пещися о дѣтихъ перваго мужа». Тогда влюбленная Марія, подъ наитіемъ страсти, «заколола обонхъ дѣтей и послала вѣсть воину, что у нея уже нѣтъ дѣтей». Воинъ, когда получилъ эту «вѣсть», тотчасъ же догадался, въ чемъ дѣло, и поправился на другой ладъ: онъ «покаялся не брать дѣтоубійцы». Онъ остался правъ, а женщина погибла. Случаи въ этомъ родѣ, съ замѣчательнымъ тождествомъ мотивовъ и частностей, повторяются въ изобиліи даже и до сего дня.

32) *Мая 5*. Одна «постница» тщательно берегла себя: она много постилась и молилась и избѣгала всякаго сообщества мірскихъ людей, а держалась только съ клириками, но и тутъ по неосторожности сблизилась съ однимъ пѣвчимъ, который, по сказанію, самъ не былъ ни въ чемъ повиненъ передъ ней, а она сама «растлилась и зачала». Увидѣвъ такое серьезное и, какъ видно, нежеланное послѣдствіе отъ своего сближенія, постница опять обратилась къ Богу и начала пламенно молиться, «чтобы зачатое ею въ незаконн *родилось мертво*», и это такъ и случилось.

Два эти сейчасъ приведенные случаи (31 и 32) представляютъ самое худшее, что есть въ ряду всѣхъ исторій съ женщинами, описанными въ Прологѣ; но если и на эти два самые худшіе «прилога» смотрѣть безпристрастно, что отъ критики безусловно и требуется, то нельзя не видѣть, что обѣ здѣсь представленныя женщины тоже отнюдь не

являются собою особеннаго коварства къ погубленію мужчинъ, а напротивъ, онѣ по своему безразсудству и страсти губятъ только себя и своихъ дѣтей.

Слѣдуетъ также замѣтить и то, что у всѣхъ прологовыхъ женщинъ высшаго настроенія, при большой примитивности ихъ пріемовъ, постоянно видна ясность въ ихъ цѣляхъ и отчетливость въ дѣйствіяхъ, чего нѣтъ въ описаніяхъ, изображающихъ мужчинъ, желавшихъ исправить женщинъ. У женщинъ (кромѣ двухъ дѣтубойцъ) *совсѣмъ нѣтъ грубости*, а у мужчинъ безъ нея не обходится никакое дѣло.

33) Нѣкто Виталій изъ Каира послужилъ при кельѣ старца Спиридона шестьдесятъ лѣтъ и ушелъ въ Александрію, потому что не захотѣлъ болѣе аскетической славы, а «начать жить на соблазнѣ», то-есть юродовать. Самое соблазнительное въ юродствѣ этого старика, которому не могло быть менѣе какъ лѣтъ семьдесятъ, было то, что Виталій всякую ночь шелъ туда, гдѣ собирались блудницы. Онъ это затѣялъ, какъ ниже увидимъ, не съ дурною, а съ доброю цѣлью, и это ему стоило не мало хлопотъ и трудовъ, ибо для такого рода жизни нужно было постоянно имѣть съ собою изрядныя деньги. Виталій и старался доставать нужныя ему средства: онъ вставалъ рано утромъ, выходилъ на поденщину и цѣлый день работалъ, получая серебрянникъ за день, а понабавивъ, тотчасъ же несъ этотъ серебрянникъ въ блудный домъ, нанималъ себѣ за эту цѣну блудницу, и когда оставался съ нею наединѣ, то передавалъ ей серебрянникъ и говорилъ: «вотъ, дочь моя, я за эту монету цѣлый день проработалъ, а ты теперь возьми его себѣ и цѣлую ночь за нее просни спокойно».

Женщина, которой Виталій, такимъ образомъ, покупалъ возможность спокойно провести ночь, ложилась и спала, а Виталій становился тамъ же возлѣ нея, какъ возлѣ ребенка, и не смущался ни ея присутствіемъ, ни тѣмъ, что достигало до его слуха изъ-за утлыхъ перегородокъ и завѣсъ переполненнаго буйными гостями блудница, возносилъ въ молитвахъ за міръ духъ свой къ Богу, а утромъ опять поспѣвалъ на работу. И такъ юродивый Виталій дѣлалъ всякій день, причѣмъ онъ всегда упранивалъ бывшихъ съ нимъ женщинъ, чтобъ онѣ никому не рассказывали, какъ онъ съ ними обходится, а говорили бы, что онъ точно такой же

блудникъ, какъ и всѣ другіе, вхожіе въ ихъ жилище. Многія женщины такъ и говорили, и тайна Виталія долго оставалась неизвѣстною; но вдругъ одна изъ женщинъ рассказала, что она любитъ Виталія за то, что онъ, оставаясь съ нею, не беспокоитъ ее, а только молится во всю ночь. Другія же женщины оспаривали эту свою подругу и говорили, какъ научилъ ихъ Виталій, то-есть, что онъ бываетъ у нихъ за тѣмъ же самымъ, за чѣмъ и всѣ прочіе ихъ посяцающіе мужчины.

Услыхавъ объ этомъ спорѣ, Виталій и огорчился, что одна женщина выдала тайну его юродства, — тогда онъ «помолился и женщина взбѣсилась». Это отвѣчало дальнѣйшимъ цѣлямъ юродиваго Виталія, потому что слова «бѣшеной» уже не пользовались ничѣмъ довѣріемъ, а онъ хотѣлъ, чтобъ о добродѣтели его не знали, а считали бы его блудникомъ.

Такъ цѣлая группа открыто промышленливыхъ собою блудницъ оберегали тайну юродиваго, оказывавшаго имъ трогательное участіе.

34 и 35) Въ заключеніе видимъ сразу двухъ женщинъ: мать и дочь — въ ужасномъ положеніи. У одной матери было двое дѣтей, — сынъ и дочь. Сынъ не захотѣлъ работать для поддержанія жизни матери и сестры, а покинулъ ихъ и ушелъ въ монахи. Онъ постригся и сталъ жить въ монастырѣ очень строго. Старуха же осталась на рукахъ одинокой дочери, которая никакъ не могла честнымъ трудомъ заработать столько, чтобы прокормить и одѣть себя и старуху. «Отъ нищеты она поползнула и впаала въ напастъ во огражденіи баннѣмъ» (то-есть на банномъ дворѣ). Въ странѣ той, гдѣ это было, женщинъ строго карали за распутство, и эту дѣвушку «взялъ князь» и «по закону хотише убить ю». По строгости такого рѣшенія надо думать, что «напастъ во огражденіи баннѣмъ» заключалась въ какомъ-нибудь особенномъ развратномъ дѣяніи, за которое «по закону» полагалось убивать для устрашенія другихъ. Такіе случаи бывали, но рассказывать о нихъ неудобно. Мать осужденной на смерть дѣвушки пришла къ князю и просила его не казнить ея дочь, потому что послѣ этого не будетъ кому напоить ее, старуху, водой. А если уже дочь за ея беззаконіе нельзя помиловать, то старуха умоляла князя, чтобы повелѣлъ и ее самой тоже убить одно-

временно вѣстѣ съ дочерью. Князь спросилъ: «Развѣ у тебя нѣтъ больше дѣтей?»

— У меня есть сынъ, — отвѣчала старуха:—но онъ монахъ и не живетъ съ нами.

— Пусть придетъ ко мнѣ этотъ монахъ и поговорить о сестрѣ,—сказалъ князь.

Старуха отправилась въ монастырь къ сыну, но она потрудила напрасно: монахъ не пошелъ къ князю говорить о сестрѣ, а сказалъ еще:

«— Вѣру ими ми, мати, аще и тебя побѣютъ съ нею— азъ и о томъ орудіи не имамъ. Умрохъ бо міру».

Старуха пересказала это князю, и князь помиловать дочь старухи безъ разговора съ монахомъ.

Этими тридцатью пятью женскими лицами представлено полное обзоріе женскихъ типовъ Пролога, какъ древняго житійнаго источника, отреченнаго церковною критикой, но до сихъ поръ уважаемаго русскимъ простонародіемъ. Держась самой сжатой краткости, мы имѣли цѣлью показать, что въ этомъ житійномъ сборникѣ женщины представлены отнюдь не такъ дурно, какъ это думаютъ и утверждаютъ люди, не потрудившіеся обзорѣвать подобные сборники обстоятельно и безпристрастно. Если мы этого хоть мало достигли, то весьма тому радуемся:

МАЛАНЬЯ — ГОЛОВА БАРАНЬЯ.

(С К А З К А.)

Въ одномъ глухомъ и отдаленномъ отъ городовъ мѣстѣ была большая гора, поросшая дремучимъ лѣсомъ. У подошвы этой горы текла рѣка, и тутъ стояло селеніе, гдѣ жили зажиточные рыболовы и хлѣбопанцы. Отъ этого селенія шла черезъ лѣсъ дорожка въ другую деревню, а на этой дорожкѣ въ сторонѣ на полянкѣ стояла избушка, въ которой жила бѣдная женщина по имени Маланья, а по прозванію «Голова баранья». Такъ прозвали ее потому, что считали ее глуною, а глуною ее почитали за то, что она о другихъ больше, чѣмъ о себѣ, думала. Если, бывало, кто-нибудь попросить о такомъ, что нельзя сдѣлать безъ того, чтобы лишиться себя какихъ-нибудь выгодъ, то такому человѣку говорили:

— Оставь меня въ покоѣ; мнѣ это не выгодно—вонъ тамъ на пригоркѣ живетъ Маланья—голова баранья: она не разбираетъ, что ей выгодно и что не выгодно,—ее и попроси,—она, небось, сдѣлаетъ.

И человѣкъ шелъ на пригорокъ и просилъ у Маланьи, и если она могла ему сдѣлать, о чемъ онъ просилъ,—то она дѣлала, а если не могла, то привѣтитъ, да приласкаетъ и добрымъ словомъ утѣшитъ,—скажетъ:

— Потерпи, — Христовъ терпѣлъ и намъ велѣлъ.

У Маланьи избушка была крошечная, такъ что только можно было повернуться около печечки, а жили здѣсь съ нею сухорукій мальчикъ Ерашка, да безногая дѣвочка Живучечка сидѣла на хромомъ стулчкѣ.

Оба они были не родня Маланьѣ — головѣ бараньей, а чужіе, — родныхъ ихъ разбойники въ лѣсу закололи, а ихъ бросили; поселяне ихъ нашли и стали судить — кому бы ихъ взять? Никому не хотѣлось брать безрукаго, да безногую, — никогда отъ нихъ никакой пользы не дождешься, а Маланья услышала и говоритъ:

— Это вы правду, добрые мужички, говорите: безъ рукъ, безъ ногъ ничего не обработаешь, а пить-ѣсть надобно: давайте мнѣ Ерашку съ Живулечкой. Случается, что мнѣ одной ѣсть нечего — тогда намъ втроемъ веселѣй терпѣть будетъ.

Мужички захохотали.

— Беззаботная, говорятъ, — Маланья, — прямая ты голова баранья, — и отдали ей и Ерашку, и дѣвочку Живулечку.

А Маланья ихъ привела и оставила у себя жить.

Живутъ часомъ съ квасомъ, а порою съ водою. Маланья ночь не спитъ: то богатымъ бабамъ пряжу придетъ, то мужикамъ вязанки изъ шерсти вяжетъ, и мучицы и соль зарабатываетъ, и хворосту по лѣсу наберетъ — печку затопитъ и хлѣба спечетъ, и сама поѣстъ, и Ерашку съ Живулечкой покормитъ.

Сошлись передъ вечеромъ у колодца домовитыя бабы и спрашиваютъ Маланью:

— Какъ ты, Маланья — голова баранья, съ ребятишками прокуратничаешь.

— А все хорошо, слава Богу, — отвѣчаетъ Маланья.

— Чѣмъ же хорошо? вѣдь они у тебя безсчастные!

— А тѣмъ, бабоньки, и хорошо, что они безсчастные, — что на ихъ долю немного нужно. Если бы они были несчастливѣе, да позадачливѣй, — мнѣ бы не послужить ими Господу Богу, а какъ они плохіе да бездомные, то чтѣ я имъ ни досиѣю — все это для нихъ лучше того, какъ если бы я ихъ не приняла, да объ нихъ не подумала.

Покивали бабы головами и говорятъ:

— А ты еще впередъ-то подумала ли: чтѣ съ ними будетъ?

— Нѣтъ, — говоритъ Маланья: — я объ этомъ не думала.

— Да какъ же такъ можно? Надо всегда о передѣ думать!

А Маланья отвѣчаетъ:

— Чтѣ пользы думать о томъ, чего знать невозможно, дастъ Богъ день — дастъ и пищу на день, а ночью намъ всѣмъ есть покой на печечкѣ.

— И то правда,—сказали бабы:—они—плохіе,—можетъ-быть, и умрутъ скоро на твое счастье!

А Маланья руками замотала.

— Что вы! что вы!—говорить,—зачѣмъ смерть звать: я ее къ себѣ на порогъ не хочу—пусть она за дверьми присохнетъ.

Домовитыя бабы распотѣшились и разсмѣялись:

— Ну, Маланья,—говорить,—голова баранья,—да какая же ты удалая да смѣшная: саму смерть у порога засунуть хочешь.

Пошла Маланья къ Ерашкѣ съ Живулечкой — понесла имъ водицы напиться дать и ее согрѣть въ горшкѣ, да голловенки вымыть у припечка, а бабы стоять у колодца, — вслѣдъ ей смотреть и пересмѣиваются. А къ нимъ изъ лѣсу выходитъ старый старичокъ, на двѣ клюки опирается:

— Бабоньки,—говорить:—кто у васъ тутъ есть на селѣ живъ человѣкъ, что пускаетъ къ себѣ немущаго путника?

А бабы ему отвѣчаютъ:

— А ты чей человѣкъ и какъ тебя звать по имени и по отчеству?

Старикъ отвѣчаетъ:

— Странникъ я свѣта Божьяго, и имя миѣ Живая Душа на костылькахъ; пріусталъ въ пути да уснуть хочу.

— Мы не знаемъ тебя,—отвѣчали бабы:—и пустить къ себѣ безъ мужиковъ не смѣемъ, а мужики у насъ строгіе да грозные—придутъ, заругаютъ насъ.

— Что же, вы, видно, своихъ мужиковъ больше Бога бонтесъ. Богъ-то, вѣдь, велѣлъ принять и покормить немущаго.

Бабы отвѣчаютъ:

— И то правда твоя, странничекъ: Божье слово помнимъ, а человѣческаго бонмся.

Живая Душа покачала головой и говоритъ:

— А вѣдь это, бабоньки, по худу быть — такъ бы вѣдь вовсе не надобно. Пойду къ самимъ мужикамъ: у нихъ попрошусь.

Пошелъ къ мужикамъ, и мужики его не пустили.

— Кто тебя знаетъ,—сказали:—можетъ-быть, ты слабымъ прикинулся и самъ разузнать хочешь, гдѣ у насъ дорогое добро лежитъ, да ворами открыть, а можетъ-быть, у тебя

на тѣлѣ прыщи да вереды, а у насъ избы чистыя и поля стланые—иди-ка по тропиночкѣ въ гору, тамъ есть бѣдная избушка—въ ней живетъ Маланья—голова бараны, она всѣхъ пунцаетъ и тебя пустить.

— Спасибо вамъ, добрые хозяева,—отвѣчала старичокъ Живая Душа и пошла къ Маланьѣ.

А Маланья увидѣла его изъ окна и послала безрукаго Еранку, чтобы звать его ужинать.

Еранка добѣжалъ къ старику и кричитъ:

— Иди-ко-съ, дѣдко: тетунка Маланья наварила горшочекъ сънытки, сольюю посолила, зоветь тебя ужинать.

Старикъ Живая Душа погладилъ Еранку по головѣ.

— И то,—говоритъ:—къ вамъ иду. Другіе-то не пускають.

И только влѣзъ въ избу,—тѣсно стало и сѣсть не на чемъ, а Маланья говоритъ:

— Садись, дѣдушка, со ребятками ѣшь, а я постою.

Сѣлъ дѣдко и поужиналъ, и заговорилъ по-учтивому и по-ласковому.

— Спасибо,—говоритъ:—тебѣ, что не спросила, откуда я и какъ меня звать по имени, а посадила хлѣба ѣсть. И теперь пойду въ лѣсъ—у тебя тѣсно—всѣмъ намъ лечь негдѣ.

— Что ты! что ты! Живая Душа Божія! Въ лѣсу медвѣди и волки ходять—развѣ я тебя ночью туда выпущу! Здѣсь намъ всѣмъ мѣсто будетъ. Вотъ Еранка на печку, а Живулька за печку, а ты тутъ протянись, гдѣ просторъ опростается, а мнѣ мое мѣсто найдется.

— Ну, будь по-твоему,—сказалъ старикъ, а самъ думаетъ: «гдѣ-же это ей-то самой мѣсто будетъ?»

Легъ, покрылся своей ветошью, да и уснулъ съ одного вздоха отъ усталости, а послѣ третьихъ иѣтуховъ проснулся—и видитъ: Маланья стоитъ на ногахъ и придетъ кудель, которая у нея на колочекъ подъ потолокомъ приткнута.

Посмотрѣлъ на нее старикъ однимъ глазкомъ и говоритъ:

— А вѣдь это ты, тетка, должно-быть, и не ложила.

А Маланья отвѣчаетъ:

— Да мнѣ, Живая Душа, и не хотѣлося.

Старикъ покачалъ головой и говоритъ:

— Ну-ну-ну! Водилъ, водилъ меня Господь долго по свѣту; думалъ я, что позабылъ Онъ меня и покинулъ, а Онъ привелъ меня въ отрадное мѣсто и сподобилъ узрѣть любовь чистую.

Скажи теперь мнѣ за то въ одно слово: что у тебя есть въ желаніи—я тебѣ то у Бога и выпрошу.

А Маланья говорить:

— Что мнѣ недостаетъ? и н такъ всегда радостна, а желаю только, чтобы смерть моего порога не переступала, а если придетъ, такъ чтобы за дверью присохла.

Старикъ отвѣчаетъ:

— Что-жъ,—такъ и будетъ.

Ушелъ старикъ, а смерть вотъ же тутъ и жалуетъ; наряжена богатой казачкой въ парчевомъ шугаѣ съ золотой пикой, юбка штофная, на боку стальная коса на золотой цѣпочкѣ, чеканной на манеръ мертвыхъ костей человѣческихъ, вся рожа накрашена, черные зубы во рту бѣлымъ платочкомъ въ рукѣ заслоняетъ и въ избу просится.

— Покажи,—говоритъ:—мнѣ дѣтушекъ—голубятушекъ, я имъ принесла по медовому груздочку и по точеному яблочку.

А Маланья какъ взглянула на нее, такъ и признала ее, что это смерть,—вскричала ей:

— Хорошо имъ со мной и безъ яблочекъ, а тебя бы лучше не было и присохни ты на одномъ мѣстѣ.

Та и присохла и не можетъ оторвать ногъ отъ того мѣста, гдѣ пристала, а Маланья ее сухимъ хворостомъ заслонила, чтобы не видать ея было.

И славно бы дѣло едѣлалось, да пошли отъ селенія ужасные стоны и слезы: сильный слабago тѣшится и бьетъ безъ милости, и итъ на злодѣя въ жестокомъ сердцѣ его никакой угрозы, и какъ были люди жестоки, то стали еще жесточе того, и приходятъ къ Маланьѣ всякій день столько несчастныхъ, сколько она во всю свою жизнь не видала, и она уже не можетъ помогать имъ, и слышитъ, какъ они плачутъ и смерть кличутъ: «Смертюшка-матушка, гдѣ ты завѣялась! зачѣмъ мѣръ покинула! приди, укрой насъ отъ злодѣевъ нашихъ немилостивыхъ—безъ тебя они зазнались безъ памяти!»

Тутъ Маланья ума хватилась.

— Это я,—говоритъ:—дура, все лихо надѣлала, захотѣла поправлять дѣла Божіи—чему быть, а чему не быть сотворенному. И завѣяла смерть, а заслонена у меня кучкой хвороста.

— Ахъ, спусти ее, матушка, умилосердися! Вѣдь вотъ

уже сто лѣтъ у насъ ни однѣхъ похоронъ не было, и обезсердечили люди жестокіе, а мы состарѣлись, измалылись. Спусти ее и ихъ убрать отъ большихъ грѣховъ, и насъ — отъ страданія.

И пошла Маланья, развалила хворость, а смерть-то такъ ужь не румяною казачкой глядитъ, а какъ паутиночка, и коса у ней вся заржавѣла.

— Иди, куда тебя Богъ послалъ! — сказала Маланья смерти: и та колыхнулась и поплыла къ селу паутинкою по сжатому полю, и послышался вскорѣ погребальный звонъ, и перекрестились бѣдняки и встрепенулись богатые мужики.

— Мы, было, думали, — она навсегда кончилась, а вотъ она, какъ змѣя, изъ хворосту выскочила. Нельзя вѣкъ лютовать и властвовать.

А убогіе крестились и сами въ гробы ложились:

— Устали, — говорятъ: — наши косточки — насылу дождались земли горсточки.

И обошла смерть все село за лѣсомъ и убрала все, что было нужно убрать, — а съ другими вмѣстѣ и Ерашку, и Живулечку, потому что было уже и безрукому, и безногой болѣе, чѣмъ по сту лѣтъ, а Маланья осталась жить и все живеть, какъ прежде жила, и все то же дѣлаетъ, что и прежде дѣлала, и всѣ тѣ умерли, кто звалъ ее «Маланьей — головой бараньей», и сама она это имя позабыла. И какъ смерть обойдетъ весь свѣтъ да придетъ къ ней и спроситъ:

— Какъ тебя звать?

Она старается вспомнить и никакъ вспомнить не можетъ и говорить:

— Не знаю — вѣрно, мое имя перемѣнилось.

Смерть стала вопрошать: «какъ имя этой женщины?» А ей въ отвѣтъ и упалъ съ неба бѣлый, какъ снѣгъ, чистый камень, какъ сердце обточенный, и на немъ огнистымъ золотомъ горитъ имя: «Любовь».

Увидѣла это смерть и сказала:

— Ты не моя, — нѣтъ твоего имени въ моемъ приказѣ: любовь не умираетъ: ты доживешь до тѣхъ поръ, когда правда и милосердіе встрѣтятся, и волкъ ляжетъ съ ягненкомъ и не обидитъ его.

Оглавленіе

XXXIII ТОМА.

	СТР.
Юдоль. (Рапсодія)	3
О «квакерейхъ». (Post-scriptum къ «Юдоли»)	97
Иустоплясы. (Святочный разсказъ)	106
Дурачокъ. (Разсказъ)	118
Легендарные характеры. (Опытъ систематическаго обзорѣнія).	126
Маланья—голова баранья. (Сказка).	196

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. Н. Сементковскаго и съ приложениемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

В. С. ЛИСКОВА

Артистическое заведение А. Ф. МАРСА, Пажанж. пр., № 29.

ПОЛУНОЩНИКИ.

(ПЕЙЗАЖЪ И ЖАНРЪ.)

«Парки бабѣ лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня».

Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

...Я былъ грустно настроенъ и очень скучалъ. Уѣхать изъ города на лѣто было еще рано, и мнѣ посовѣтовали сдѣлать непродолжительную прогулку съ цѣлью увидѣть новыя, непримелькавшіяся лица. Я сдался на убѣжденія моихъ друзей и поѣхалъ. Я не зналъ никакихъ порядковъ города, куда держалъ путь, ни нравовъ людей, съ которыми мнѣ тамъ придется встрѣтиться, но фортуна начала благопріятствовать мнѣ съ перваго шага. На первыхъ же порахъ во время путешествія я нашелъ услужливыхъ и опытныхъ людей, которые дѣлали это путешествіе уже не первый разъ, и они научили меня, гдѣ надо пристать и какъ себя пристойнѣе держать. Я все принялъ къ свѣдѣнію и остановился тамъ, гдѣ останавливаются всѣ, кого влечетъ сюда призваніе. Учрежденіе это не отель и не гостиница, а оно совершенно частный домъ, приспособленный сообразно вкусу и надобностямъ здѣшнихъ посѣтителей, и называется онъ — «Ажидациа».

Мнѣ досталась маленькая комната. Выбирать помѣщеній здѣсь не принято, а равно не принято и претендовать на ихъ относительныя неудобства. Это все человѣкъ узнаетъ

еще во время короткаго перѣзда. Всякій помѣщается здѣсь на томъ мѣстѣ, какое ему отведутъ; а что кому надо отвести—это сразу опредѣляетъ пронизательное око очень бойкой женщины, которую называютъ «риндательша»; если же нѣтъ на мѣстѣ самой «риндательши», тогда сортировку посѣтителей занимается состоящая при ней подручная ключница. Обѣ онѣ, повидимому, благороднаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, это дамы, которыя достаточно видѣли свѣтъ и имѣютъ о немъ надлежащее понятіе. Нынѣшній солидный возрастъ обѣихъ дамъ, кажется, долженъ бы хранить ихъ отъ всякаго злоязычія, а здравый смыслъ и благочестіе начертаны на ихъ лицахъ, хотя, впрочемъ, довольно различными пошибами. Лицъ «риндательши» ударяетъ въ сухой, византійскій стиль, а ключница съ дугообразными бровями принадлежитъ итальянской школѣ. Обѣ эти женщины несомнѣнно умны и относятся къ разряду тѣхъ, о которыхъ сказано: «ихъ же не оплетени». Другъ другу онѣ улыбаются какъ друзья, но въ глазахъ ихъ, казалось, свѣгались какія-то инныя чувства, совсѣмъ несхожія съ искренней дружбой. Наблюдательный человекъ могъ подумать, что этихъ женщинъ связываетъ какъ будто какое-то взаимное опасеніе.

Въ ихъ необыкновенномъ домѣ господствуетъ система: какъ къ нимъ «привалить» цублика, или, какъ ее называютъ—«толщучка», дамы встрѣчаютъ гостей и тотчасъ же ихъ сортируютъ; знакомыхъ лицъ онѣ прямо размѣщаютъ по извѣстнымъ комнатамъ, а незнакомыхъ подвергаютъ предусмотрительному разбору, послѣ чего каждый ожидатель получить въ «Ажидациі» такое помѣщеніе, какого онъ заслуживаетъ *).

Для этого прежде всего всѣхъ ожидателей сначала «собьютъ въ уголь къ Владычицѣ». Здѣсь «въ ажидациі» немножко помоятся передъ большимъ образомъ, а ихъ въ это время расцѣпляютъ и разсортируютъ.

Довольно большой домъ въ два этажа составляетъ одно помѣщеніе—«для ожидающихъ». Дѣло, очевидно, ведется очень просто, но основательно: въ особѣ ключницы сосредото-

*) Слово «Ажидациі» здѣсь употребляется въ двухъ смыслахъ: а) какъ названіе учрежденія, гдѣ «ожидаютъ», и б) какъ самое дѣйствіе ожиданія. Въ одномъ случаѣ оно пишется съ прописной буквы, а въ другомъ—со строчной.

точена большая экономическая сила и исполнительная полицейская власть.

Сила нравственная и политическая находится въ рукахъ самой «риндательши». Остальной домашней штатъ «Ажидаци» состоитъ изъ услуживающихъ лицъ женскаго пола, которыя находятся почти въ постоянныхъ побѣгушкахъ. Кромѣ того есть «куфарка». Весь этотъ подборъ принадлежитъ къ служебнымъ типамъ самаго низшаго сорта. Впрочемъ, у «куфарки» есть драповая тальма, въ которой она, должно-быть, служила еще «генералу»,—теперь она ее соблюдаетъ больше для важности, и показывается въ ней публикѣ, или «толнучкѣ».

Мужчинъ усматривается двое: одинъ стоитъ при дверяхъ въ нижнемъ этажѣ, а другой сидитъ у окна въ концѣ коридора за шкафикомъ.

Первый производитъ впечатлѣніе придурковатаго простачка; второй — бойкій жохъ изъ отставныхъ военныхъ.

Размѣщеніе въ «Ажидаци» отлично приурочено къ ожидательской цѣли. Въ обоихъ этажахъ вдоль всего зданія идетъ посредній коридоръ, а по сторонамъ — стойлицы.

Это «номера для ожидателей». Здѣсь не называютъ: «пріѣзжающіе» или «прибывающіе», а «ожидающіе». Это солиднѣе и соответственнѣе.

Коридоры наверху и внизу просторны и свѣтлы. Въ концѣ каждаго изъ нихъ по окну. Коридоръ нижняго этажа содержится въ посредственной чистотѣ. Особенной чистоты нѣтъ,—ее здѣсь и не убережешь, потому что сюда входятъ прямо съ надворья и тутъ же раздѣваются и обтираютъ обувь. Тутъ же и печурка, гдѣ ставятъ самовары, и ходъ въ кухню, откуда пахнетъ грибнымъ и рыбнымъ. На одной изъ стѣнъ большой образъ Владычицы и рядомъ поменьше образъ, передъ нимъ лампада, аналой и на полу вытертый коврикъ, а напротивъ деревянная скамья со спинкой, изъ такъ-называемыхъ твердыхъ дивановъ.

Въ разныхъ мѣстахъ фотографическіе и печатные портреты одного и того же духовнаго лица.

Съ прихода всѣ ожидатели идутъ къ Владычицѣ и молятся, или, какъ говорятъ, «припадаютъ». Затѣмъ всѣхъ разводятъ въ ихъ номера.

Знакомые имѣютъ номера излюбленные, которые какъ

бы всегда состоятъ за ними. Изъ нихъ нѣкоторые даже и не «припадаютъ» въ коридорѣ, а поздоровавшись съ хозяйками, прямо проходятъ въ «свои номера». Имъ только говорить:

— Пожалуйте.

Другихъ, «которые первенскіе, но почище», водворяютъ по усмотрѣнію въ свободныхъ номерахъ перваго и втораго этажа.

Это—аристократія необыкновеннаго дома.

Они получаютъ распредѣленіе скоро. Имъ нѣтъ нужды ждать, пока размѣстятъ всѣхъ остальныхъ. Прочихъ ключница беретъ и ведетъ въ общую.

У одного изъ оконъ нижняго коридора за маленькимъ желтымъ шкафикомъ помѣщается отставной военный съ очень серьезнымъ выраженіемъ. Возлѣ него на табуреткѣ сидитъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ девяти, имѣющій въ чертахъ большое сходство съ военнымъ. Передъ мальчикомъ куча вскрытыхъ конвертовъ, съ которыхъ онъ смачиваетъ слюнами марки и переклеиваетъ ихъ въ тетрадь. Дѣлаетъ онъ это скоро и ловко и съ замѣчательною, не дѣтскою серьезностью, которую, повидимому, очень заинтересована стоящая возлѣ него кухарка въ драповой тальмѣ. Она долго на него смотритъ и наконецъ вздыхаетъ и говоритъ:

— Прелесть какъ ловко,—лапочки будто у мышеночка—такъ и виляютъ!

Отецъ этого прилежнаго отрока, очевидно, имѣетъ здѣсь довольно серьезное значеніе и сидитъ прочно на дебетомъ стулѣ, подъ которымъ посланъ мягкій коврикъ. Военный просматриваетъ какія-то записки и что-то выкладываетъ на маленькихъ счетахъ; но это его не вполне поглощаетъ: онъ все видитъ и слышитъ; мимо него никто не пройдетъ, чтобы онъ не увидѣлъ и не повелъ на него глазомъ и усами.

Шкафикъ у него покрытъ черною, запачканною клеенкою, на которой стоитъ чернильница съ гусинымъ перомъ и лежатъ наръзанные листки бумаги.

Въ серединѣ въ шкафѣ есть чистыя поминальныя книжки, лампадное масло, восковыя свѣчи и ладанъ, а также какія-то брошюрки и фотографическіе портреты меньшаго и большаго размѣра.

Воинъ этотъ — человѣкъ солиднаго вѣка и, несомнѣнно, очень твердаго характера.

Прислуга дала ему прозваніе «балыкъ».

Номера нижняго этажа «Ажидацин» всё непожечко съ грязной и съ кисловатымъ запахомъ, который какъ-будто привезенъ сюда изъ разныхъ мѣстъ крѣпко запеченнымъ въ пирогахъ съ горохомъ. Всѣ «комнатки», кромѣ двухъ, имѣютъ по одному окну, съ худенькими занавѣсками, расщипанными дырками по срединѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ удобно можно сколоть булавками. Меблировка скудная, но, однако, въ каждомъ стойлицѣ есть кровать, вѣшалка для платья, столикъ и стулья. Въ двухъ большихъ комнатахъ, имѣющихъ по два окна, стоитъ по скверному клеенчатому дивану. Одна изъ этихъ комнатъ называется «общею», потому что въ ней пристають такіе изъ ожидателей, которые не желаютъ или не могутъ брать для себя отдѣльнаго номера. Во всѣхъ комнатахъ есть образа и портретики; въ общей комнатѣ образъ значительно бѣльшаго размѣра, чѣмъ въ отдѣльныхъ номерахъ, и передъ нимъ теплится «неугасимая». Другая неугасимая горитъ передъ Владычицей въ коридорѣ.

Передъ образами въ номерахъ тоже есть лампы, которыя, впрочемъ, зажигаются при входѣ сюда ожидателей и притомъ, безъ сомнѣнія, на ихъ счетъ, такъ какъ здѣсь же есть кружка «на масло». Лампады возжигаетъ воинъ, имѣющій свой торговый постъ у шкафика.

Нѣкоторые изъ ожидателей не довольствуются огнемъ лампадъ и еще прилѣпливаютъ передъ номерными образами восковыя свѣчки. Это имъ дозволяется и даже поощряется, но не иначе, какъ тогда, когда сами ожидатели находятся въ комнатѣ и не спятъ. При выходѣ же изъ комнаты или при отходѣ ко сну, они обязаны гасить свѣчи, но лампы у нихъ могутъ горѣть во всю ночь.

Бываютъ случаи, что нѣкоторые, помолвившись и легши въ постель, оставляютъ прилѣпленныя свѣчи «догорать», но «риндательница» или ея помощница непременно это замѣчаютъ и сейчасъ же постучать рукой въ двери и попросить погасить.

Наблюдаютъ онѣ за этимъ тщательно и укрыться отъ нихъ никому невозможно.

Въ верхнемъ этажѣ «Ажидацин» все чище и лучше. Коридоръ такъ же широкъ, какъ и внизу, но несравненно свѣтлѣе. Онъ имѣетъ пріятный и даже веселый видъ и служить мѣстомъ бесѣды и прогулокъ. Въ окнахъ, которыми заканчивается коридоръ по одну и по другую сторону, стоятъ кулическіе цвѣты: герань, бальзаминъ, волкамерія, красный лонушокъ и мольное дерево, доказывающее здѣсь свое безсиліе противъ огромнаго изобилія моли. На одномъ окнѣ цвѣты стоятъ прямо на подоконникѣ, а у другого окна—на дешевой черной камышевой жардиньеркѣ. Вверху подъ занавѣсками—клѣтки съ птичками, изъ которыхъ одна канарейка, а другая—чижикъ. Птички порхаютъ, стучатъ о жердочки носиками и перекликаются, а чижикъ даже поетъ. Торговыхъ приспособленій здѣсь никакихъ не видно. Напротивъ, тутъ все имѣетъ претензію казаться чинно и благородно. На стѣнѣ, приблизительно въ такомъ же разстояніи, какъ и въ нижнемъ коридорѣ, помѣщается другой Владычній образъ, тоже большого размѣра и въ бѣленомъ окладѣ съ золоченымъ вѣнцомъ. Онъ въ рамѣ за стекломъ съ отводинами, освѣщенъ лампадою въ три огня и передъ нимъ разостланъ на полу совершенно свѣжій коврикъ съ розовыми букетами и стоитъ аналой, а на немъ крестъ и книга. Книга и крестъ завернуты въ эпитрахиль на зеленой подкладкѣ.

Полъ коридора крашеный и блеститъ. Онъ, очевидно, вымытъ съ мыломъ и натирается воскомъ. Вдоль всего коридора довольно широкая джутовая «дорожка» съ цвѣтною каемкою.

Вдоль стѣны противъ образа поставлено одно кресло и нѣсколько легкихъ вѣнскихъ стульевъ съ тростниковыми плетенками. Въ углахъ плевательницы.

Комнаты верхнихъ номеровъ все гораздо лучше обмѣблированы, чѣмъ внизу. Здѣсь, кромѣ кроватей и стульевъ, есть комодики и умывальники. Нѣкоторыя комнаты передѣлены ситцевыми драпировками на-двое: одна половина образуетъ спальню, другая—что-то въ родѣ гостиной. Тутъ на комодѣ туалетное зеркальце и въ углу образъ, передъ которымъ тоже можно зажигать лампаду, или, по желанію, свѣчку.

Свѣчки, однако, больше зажигаютъ «сѣрые ожидальщики», которые собственно составляютъ «толнучку» и имѣютъ

остановку въ нижнихъ номерахъ, а «верхняя публика» почти всегда ограничивается одними лампадами.

Кислаго запаха гороховой начинки здѣсь не слышно, и только внутри комодныхъ ящиковъ пахнетъ прогорклою конторскою икрой и сѣмгой, отъ которыхъ и остались въ изобилии жирныя пятна.

Наверху, также какъ и внизу, есть тоже общая комната, помѣщающаяся рядомъ съ собственнымъ покоемъ «риндательши». Эта комната имѣетъ, впрочемъ, видъ гостиной. Она уставлена мягкой мебелью и имѣетъ большую образницу, въ которой много образовъ, а передъ ними опять коверъ и алтарь съ крестомъ и съ книгою въ эпитрахили. Лампада горитъ «общая», и огонь ея красиво дробится въ широкомъ стаканѣ изъ мелко ограниаго алмазной гранью хрусталя. Лозль образника укрѣплена и припечатана зеленая кружка для доброхотныхъ вкладовъ.

Въ комнатѣ этой ночуютъ только въ такихъ случаяхъ, если число ожидателей бываетъ больше, чѣмъ сколько есть номеровъ. Тогда здѣсь помѣщаются «залишнихъ ожидателей» одного пола или какое-нибудь цѣлое семейство; въ остальное же время комната эта считается «бесѣдною» и открыта для всѣхъ прибывающихъ въ домъ ожидателей.

Послѣ ранней обѣдни здѣсь ежедневно служатъ молебень, за которымъ всѣ могутъ молиться и подавать свои поминанья и записки. Тѣ же, которые, кромѣ общаго моленія, желаютъ такъ устроить, чтобы еще отдѣльно за себя молиться въ своемъ номерѣ, должны заявлять о своемъ желаніи особо. Ходатайство объ этомъ надо вести черезъ «риндательшу». Ключница за это не берется. Непосредственныя же просьбы объ этомъ часто не доходятъ.

Свѣчи, масло и все прочее, что нужно къ служенію, требуется наверхъ снизу, и завѣдующій этимъ хозяйствомъ воинъ подастъ все это въ молчаніи и съ торжественной серьезностью.

Главный надзоръ за учрежденіемъ принадлежитъ самой «риндательшѣ», которая, какъ сказано, живетъ тутъ же на верхнемъ коридорѣ, въ маленькой комнатѣ, рядомъ съ «бесѣднымъ» покоемъ, а внизу править дѣломъ помогающая ей ключница, которая присматриваетъ тоже за кухонной частью и за свѣчнымъ унтеръ-офицеромъ.

Обязанности у обѣихъ дамъ раздѣлены. «Риндательша», какъ собственница учрежденія, избрала себѣ часть болѣе умственную: она держитъ кормило корабля. Ей одной известна ея касса и тѣ средства, которыя приходятъ въ нее ея одной открытыми путями. Она даетъ надлежащій тонъ всему своему заведенію и владѣетъ возможностью доставлять особыя душевныя утѣшенія тѣмъ, кто ихъ разумно ищеть при ея посредствѣ.

Ея часть, такъ-сказать, генеральная, а часть ключницы, помѣщающейся внизу, болѣе обозная, узко-хозяйственная, полная мелочныхъ хлопотъ и отчасти даже неприятностей, потому что она имѣетъ дѣло съ прислугою, избранною изъ людей самаго низшаго качества, и съ ожидателями изъ того слоя общества, который называется «сѣростью». «Сѣрость», выражаемая не однимъ званіемъ и относительно бѣдностью, имѣетъ также очень грубые навыки и не всегда отличается честностью въ расчетѣ. «Риндательша» удаляется отъ всякихъ неприятныхъ столкновеній въ денежномъ родѣ и слыветъ «доброю»; но, по словамъ прислуги, она «большая скрытница» и «ужасно» требуетъ отъ ключницы охраненія всѣхъ своихъ выгодъ и интересовъ. Ключница должна прибѣгать къ разнымъ пріемамъ, чтобы все было заплачено.

— «Сила вся въ ихъ рукахъ»,—говоритъ общій голосъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я прибылъ къ нимъ безъ всякой протекціи. Я могъ бы получить рекомендаціи, но это не входило въ мои скромные и безпритязательные планы. Я искалъ облегченія отъ тоски и томленья духа и явился просто въ чинѣ ожидателя. Какъ человѣкъ средній, я былъ помѣщенъ по непосредственному усмотрѣнію дамъ въ маленькой комнатѣ верхняго этажа.

Не зная, какъ здѣсь лучше вести себя, я присматривался во всемъ къ другимъ и старался дѣлать то, что дѣлаютъ опытные люди. Только такимъ образомъ я и могъ понасть въ господствующій тонъ пріютливаго меня учрежденія, что было необходимо. Я не хотѣлъ обнаруживать никакого диссонанса въ чувствахъ и настроеніи группы необыкновенныхъ людей, но лицамъ которыхъ было видно, что всѣ они прибыли сюда съ очень большими и смѣлыми

надеждами, и хотягъ. во что бы ни стало, получить что кому нужно. Я «принадаль» съ ними вездѣ, гдѣ они попадали, и держался сколь можно ближе всѣхъ ихъ обычаевъ, и скоро ощутилъ, что это невыразимо тяжело и неопишимо скучно. Притомъ мнѣ казалось, что здѣсь всѣ особенно другъ друга остерегаются и боятся, и что я приѣхаль очевидно напрасно, потому что пребываніе здѣсь не можетъ мнѣ представить ничего интереснаго.

Я ошибался.

Вечеромъ я погулялъ немножко въ одиночествѣ по городу, и это произвело на меня еще болѣе удручающее впечатлѣніе: изобиліе портерныхъ и кабаковъ, группы солдатъ, испитыя тѣни какой-то бродяжной рвани и множество спующихъ по тротуарамъ женщинъ извѣстной жалкой профессіи.

Я долженъ бы помнить, что благодать преобладаетъ тамъ, гдѣ прензбыточествуетъ грѣхъ, но я это забылъ и возвратился домой подавленный и съ окончательно разстроенными нервами; я наскоро нашлся чаю въ «бесѣдной» и потомъ вышелъ постоять на крыльцо, но, кажется, потревожилъ кухарку въ тальмѣ. Она разговаривала съ какою-то военною особою и все повторяла: «Ну, такъ что!.. А мнѣ хоть бы что-шеньки». Чтобы не сердить ее, я ушелъ въ свой номеръ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уснуть какъ можно крѣпче до утра, а завтра встать пораньше и уѣхать во свояси утромъ же, ничего не дожидаясь.

Усталость и скука сильно клонили меня къ изголовью довольно сносной постели, которую я, впрочемъ, на всякій случай посыпалъ порядкомъ порошкомъ персидской рюмашки.

Намѣреніе хорошо спать, однако, не удалось. Сначала мнѣ все странно казалось: нѣтъ ли въ кровати клоповъ, съ которыми я въ моей кочевой жизни имѣлъ много неприятныхъ столкновеній на русскихъ ночлегахъ, а потомъ стало лѣзть въ голову желаніе опредѣлить себѣ: въ какую это я попалъ компанію, что это за люди — больше дурные или больше хорошие, больше умные или больше глупые, престаки или надувалы? Но никакъ я этого не могъ разобратъ и не зналъ, какъ ихъ назвать и къ какой отнести категоріи. А межъ тѣмъ сонъ развѣялся, и мнѣ, вмѣсто отдыха, угрожала раздражающія тоска бессонной ночи. Но,

но счастью, едва все стихло въ коридорахъ, какъ по обѣ стороны моей комнаты пошли ночные звуки. У меня оказалось разговорчивое сосѣдство, на которое я сначала сердился, а потомъ увлекся и началъ слушать.

Справа прилились у меня сосѣди только досадительные и даже, кажется, не совсѣмъ съ чистою совѣстью. Поговору слышно было, что тутъ, должно-быть, помѣщены какой-то старичокъ со своею старушкою. Они все что-то перекладывали и бурчали, при чемъ старикъ употреблялъ букву *и* вмѣсто *е* и *ж* вмѣсто *з*, а также онъ употреблялъ что-то и изъ «штакана» и называлъ это «анкорь». У нихъ, очевидно, было какое-то безпокойное домашнее обстоятельство, которое они прѣхали уладить и кому-то угрожать, но при этомъ они и сами ощущали какой-то большой страхъ за себя. Впрочемъ, больше безпокоилась одна старуха, которая была, очевидно, довольно трусливаго десятка, а старикъ былъ отваженъ.

— Ничего, мама,—говорилъ онъ старушкѣ:—ничего, «не робѣй, воробей». Это штараая наша кавказская поговорка. Ты увидишь, что онъ намъ дастъ — непременно дастъ... плохо-плохо, что четвертую дастъ. Меньше ѣхать не шлоило.

— Хорошо, если дастъ!

— Дастъ, нелькя чтобы не дать, я ужъ шамую жадобрилъ и клюшницу тоже. Шама-то вше поняла, какъ я могу ей и вредъ, и пользу шдѣлать, — могу штаратына вше ужнавать, и она будетъ жа нашъ штаратына.

— Очень ты ей нуженъ!

— Штъ, мамка, нужелъ. Ёй надо жнать, кто штъ какими мыслями прѣжжакаетъ, а я жнаешъ... я вше што ештъ въ человекѣ — вше это могу ужнать и шкажать. Я буду чашнто шуда публику шопровождать и шо вшѣми ражговаривать и отъ каждаго его прошлюю жиктъ ужнавать, а они потомъ будутъ ихъ этимъ удивлять, что вше жнають. Я имъ хорошо придумалъ. Я надобный! Ну, давай же анкорь!

— А ты теперь какъ ей сказался?

— Какъ? Какъ мы штъ тобой рѣшили, такъ я и шкажался: пакъ благородныхъ, кавказской армин, брошены — непочтительный шынъ — шкажокъ начитална... Ну, давай анкорь!

— Что онъ Богу не молится, ты это сказалъ?

— Да, скажаль: скажаль, что и Богу не молитна, и что шлужить не жахотѣль, а шамоги шьеть... и у жидовъ швѣчки пошлѣ шабаша убираеть. Я више скажаль, више скажаль, и дай миѣ жа это шомужки и анкорь!

А старушка отвѣчала:

— Сѣмужки на, а анкорь не надо.

— Отчего же не надо? Я именно хочу анкорь.

— Такъ, нельзя анкорь.

— Что жа такъ! что жа нельзя!.. Палей, палей миѣ, мама, штаканчикъ! Я умно, хорошо вждумаль, -- мы теперь уштроимна.

Она налила, а онъ выпилъ и крякнулъ.

— Тише!—остерегла его старушка.

— Чего ты више такъ боишься?

— Всего боюсь.

— Не бойша, више пуштаки... ничего не бойша.

— Скандаль можетъ выйти.

— Какой скандаль? отчего?

— Еще спрашиваетъ: отчего? будто не знаетъ.

— Да; не жнаю.

— Вѣдь мы съ чужою рекомендаціею прѣхали.

— Да; ну, такъ што-жь такое?

— Тѣ, сосѣдніе жильцы, ее теперь, небось, вѣдь хватились,—своей рекомендаціи-то.

— Можетъ быть, и хватились...

— Ну, они сюда и придеруть.

— Анъ не придеруть.

— Почему?

— Дай анкорь, тогда скажу—почему.

— Пьяница!

— Шовиѣмъ иѣтъ, а я умный человекъ. Дай анкорь.

— Отчего же жильцы не могутъ прѣхать?

— Палей анкорь, такъ скажу.

Она налила, а онъ выпилъ, и сказалъ, что подаль вчера «подозрѣніе» на какихъ-то своихъ сосѣднихъ жильцовъ, у которыхъ этими супругами, надо думать, была похищена какая-то блистательная рекомендація.

Старушка промолчала; очевидно, средство это показалось ей годнымъ и находчивымъ.

Черезъ минуту она спросила его: совѣтовался ли онъ съ

къмъ-то насчетъ какого-то придуманнаго сновидѣнiя, и что ему сказали?

Старичокъ отвѣчалъ, что совѣтовался, и тотчасъ же понизилъ голосъ и добавилъ:

— Она меня отлично научила, какъ про шонъ говорить.

— А какъ?

— Шмотрѣть на него, какъ онъ плушаетъ, и ешли онъ пожметъ шебѣ руку въ бокъ, то тогда шейчангъ перепитать и больше не шкаживать. Ешли вжалъ руки въ бокъ по-офицершки—значить шердитна. А что-жъ ты мнѣ анкоръ? Вѣдь я бежъ того не ушну.

Я закрылъ голову подушкой и пролежалъ такъ минутъ двадцать. Стало душно. Я опять раскрылъ голову и прислушался. Разговоръ не то продолжается, не то конченъ, и старички даже, кажется, снятъ. Такъ и есть: слышны два сонныя дыханiя: одно какъ будто задорится вырабатывать «анкоръ», а другое пускаетъ въ отвѣтъ тоненькое: «или-или».

— Encore!

— Или-или.

Травить кого-то, или даже, можетъ-быть, казнятъ—разстрѣливають, что ли, кого-то во снѣ.

Будь наше мѣсто свято!

Я тихо всталъ съ постели и поскорѣ завѣсилъ своимъ пледомъ дверь, изъ-за которой до слуха моего доползала эта затѣя.

Жадный тарантулъ и его ехидна, обнявшiеся на супружескомъ ложѣ, для меня исчезли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зато, чуть стихла эта сцена справа, совсѣмъ другая начала обнаруживаться за стѣною слѣва.

Говорили двѣ дамы; одна, младшая, называла старшую: Марья Мартыновна; а другая, старшая, звала эту: Аичка. (По купечеству въ Москвѣ «Аичка» дѣлаютъ въ ласкательной формѣ изъ имени *Raisa*). Онѣ говорили тихо и такъ мирно и обстоятельно, что я сразу могъ понять даже, какъ онѣ теперь размѣщены въ своей комнатѣ и какъ другъ къ другу относятся.

Старшая, то-есть Марья Мартыновна, вкрадчивымъ, медовымъ голосомъ говорила младшей, Аичкѣ:

— Вотъ, мой ангель, я и рада, что вы у меня улеглись на покой въ постельку. Эта комнатка своей чистотой здѣсь изъ всёхъ выдающаяся и постелька мякенькая. И вы понѣжьтесь, моя милочка. Вы должны хорошенько отдохнуть, иначе вамъ немислимо. Вставать вамъ ни зачѣмъ не нужно. Я ваши глазурныя очи при лампадочкѣ прекрасно вижу, и что только вы подумаете—я сейчасъ замѣчу и все вамъ подамъ на постельку.

— Нѣтъ, я сама встану и лампадъ закрою, — отвѣчала Аичка молодымъ голосомъ съ московской оттяжкой.

— Анъ вотъ же и не встанете,—вотъ я лампадъ ужъ книжкой и загородила.

— Да ужъ вы извѣстная—ножилая, да скорая.

— Да, я и не могу иначе: у меня вѣдь игла ходить въ тѣлѣ.

— Какая игла въ тѣлѣ?

— Самая тонкая, одиннадцатый нумерь.

— Зачѣмъ же она вамъ въ тѣло попала?

— По моей скорости шила и въ ладонь ее воткнула—она и ушла въ тѣло. Лѣкаря ловили, да не поймали. Сказали: «сама выйдетъ», а она ужъ тридцать лѣтъ во мнѣ по всёмъ мѣстамъ ходитъ, а вонъ не выходитъ... Вотъ теперъ вашимъ глазурнымъ очамъ не больно, и я покойна, и буду здѣсь же у вашихъ ножекъ сидѣть и потихоньку васъ гладить, а сама буду что-нибудь вамъ рассказывать.

— Нѣтъ, не надо меня гладить, я это не люблю! Садитесь въ кресло и изъ кресла мнѣ что-нибудь рассказывайте, — отвѣчала Аичка.

— А я непременно здѣсь хочу! Это мое самое любимое—услужить милой дамѣ, въ чемъ приятно, и у ея ножекъ посидѣть, и помечтать съ ней о какихъ-нибудь разностяхъ! Воспоминается, какъ еще, бывало, сами мы молоденькими дѣвушками, до невѣстинья, все такъ-то по ночамъ другъ съ другомъ шу-шу про всё свои тайности по секрету шу-шукались, и такъ, бывало, расшалимся, что и заснемъ вмѣстѣ, обнявшись.

— А по-моему женнинѣ съ женщиной обнявшись ласкаться никакой и особенной радости нѣтъ, даже и мечтать не о чемъ.

— Ласки, мой ангель, сами и мечты привлекутъ, и которыя дружныя, тѣ для того уединясь и мечтають. Разумѣется, не

со всякой такая дружба возможна, но если у которой есть настоящій другъ, выдающійся, то «сколько счастья, сколько муки!»... Это испытать и не позабыть!

— Ничего не понимаю.

— Удивляюсь! Но я понимаю: у меня въ дѣвушкахъ былъ такой заковычный другъ, Шура. Ахъ, какая была прелесть пріятненькая, и зато ужъ мы любили другъ друга! Мамаша, бывало, сердится и говоритъ: «не расточайте вы, дурочки, попусту свои невинныя ибжности—мужьямъ ласки оставьте». А мы и замужъ не хотѣли, да и что еще ждетъ замужемъ-то! Я только и свѣту видѣла, что до замужества, а ужъ какъ двумъ Центефрѣямъ въ жертву досталась, такъ и не обрадовалась.

— Какъ же вы это двумъ достались? Это интересно.

— Одного закопала, а за другого вышла.

— Ахъ... такъ!.. вы за одного послѣ другого вышли!

— Да, а то какъ же?

— Вы сказали, что «двумъ досталась».

— А ужъ ты подумала, что я вмѣстѣ была за двумя разомъ.

Марья Мартыновна разсмѣялась дробнымъ горонкомъ и весело проговорила:

— Ахъ, ты, шалуша, шалуша! Ты думала, что у меня одинъ мужъ былъ праздничный, а другой для будни?

— Да вѣдь это-жъ тоже бываетъ.

— Бываетъ, мой другъ, бываетъ. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ чего не бываетъ, но со мной не было.

— Иные вѣдь обманываютъ: женатый, да скроетъ про первую жену, и еще разъ женится. Ему за это достанется, а второй женицинѣ ничего.

— Да, если она отведетъ отъ себя, что не знала, то тогда ей особенно выдающагося наказанія ибтъ, но только все-таки въ судѣ ее защитники-то процыганяютъ и прокуроръ о постыдныхъ вещахъ разспрашивать будетъ.

— А какая бѣда, что спрашиваютъ? черезъ это женицина-то, когда о себѣ расскажетъ, такъ послѣ еще всѣмъ интереснѣе дѣлается; да и съ тѣмъ же, съ кѣмъ разведутъ, послѣ опять жить можно.

— Да, но только ужъ придется жить все равно какъ невѣнчаные.

— Извините-съ, настоящій разводъ предъ престоломъ

ниче не дѣлають. въ церкви вѣнцовъ не снимають, а только и всего, что въ судѣ прочитають.

— А все ужъ по отдѣльному виду надо прописываться.

— Это не важность!

— Да; по полицейскимъ правиламъ это все равно, но прислуга меньше уважаетъ.

— Платите больше, и отлично уважать будетъ.

— Все—какъ при законѣ—такъ жить нельзя.

— А при капиталѣ какъ хочешь жить можно, такъ это еще и лучше.

— Разумѣется, при твоёмъ капиталѣ, какъ выдающемся, и ты молодая вдова, въ двадцать четыре года, такъ тебѣ всѣ пути не заказаны, дѣлай что хочешь. И я тебѣ совѣтъ дамъ: не губи время и дѣлай.

— Совѣтуете?

— Отъ всей моей души совѣтую. Вѣкъ молодой надо чѣмъ помянуть; тоже вѣдь за старикомъ-то ты пить лѣтъ промучилась—это не шутка.

— Не вспоминайте мнѣ про него!

— Прости, милуна, прости! Я не знала, что ты про покойниковъ вспоминать боишься.

— Я его не боюсь, а... мнѣ противно вспомнить, какъ онъ храпѣлъ ночью.

— Да, ужъ мужчина, который если храпитъ—это немислимая гадость.

— Я, бывало, цѣлыя ночи не сплю, заверну голову одѣяломъ и сижу въ постели, да и плачу. А теперь, если приснится, какъ онъ храпѣлъ, сразу весь сонъ и пропадетъ.

— Да, кто храпитъ, имъ и не стоитъ жениться, тѣмъ больше, что это при твоей молодости, и при капиталѣ, да еще и при выдающейся красотѣ...

— Ну, вы мнѣ про мою красоту много не льстите,—я вѣдь сама себя въ зеркало видывала... Разумѣется, я такъ себѣ,—не уродъ, но алиповата.

— А чѣмъ же вы нехороши?

— Не о томъ, что нехороша, а я не люблю, если ко мнѣ съ лестью подъѣзжаютъ. Это вѣдь не ко мнѣ, а все къ капиталу.

— Ну, мой другъ, я вѣдь у васъ сколько живу, а вы

миѣ про свой капиталъ до сихъ поръ никогда ничего не объяснили.

— И не обязана. Я и никому никогда о капиталѣ ничего не скажу. Капиталъ—дѣло скрытное.

— Я и знать не стараюсь. Я взялась быть при васъ компаньонкою и по хозяйству—въ томъ и состою, и чтѣ вы хотите, я то и дѣлаю: въ садъ—такъ провожаю въ садъ, въ театръ—такъ въ театръ, а сюда захотѣли ѣхать—я и здѣсь пригодна, потому что я и здѣшніе порядки знаю; а о чемъ ваше сердечное прошеніе и желаніе совершенія заграничей успѣшной молитвы—этого я не знаю.

— И тоже и это вы никогда не узнаете. О чемъ я хочу молить—это мое одно дѣло.

— Да я и не любопытствую.

— Конечно! И если не будете любопытничать, то вамъ же спокойнѣй у меня жить будетъ. А вы мои мечты оставьте,—лучше что-нибудь про себя миѣ рассказывайте.

— Что же, мой ангель?

— Что-нибудь «выдающееся».

— Нишь, шалуша, какъ мое слово охватила!

— Да, я люблю, какъ вы рассказываете.

— Правится?

— Не то что правится, а какъ-то... такъ, бывало, у насъ въ домѣ одна монахиня про Гринику Отрепьева рассказывала... сейчасъ смѣшно, и сейчасъ жалостно.

— Да, я говорю грамматически. Это многіе находили. Николай Ивановичъ Степеневъ, деверь вдовы, который всѣми ихъ дѣлами управляетъ, когда, бывало, боленъ послѣ гуляньевъ, всегда, бывало, просить меня, чтобы съ нимъ быть и разговаривать.

— А у него не было ли чего другого на умѣ-то?

— Ничего, мой другъ, кромѣ того, что шутить надъ собою и надо мною: «Я, говорить, мужъ выпѣвающій, а ты—жена-переносица, — играй миѣ на чей-нибудь счетъ увертюру».

— Нишь какъ рассказываетъ!

— Хорошо?

— Да чтѣ вамъ допрашиваться, говорите грамматически о своей жизни,—вотъ и все.

— А у меня въ жизни, мой другъ, кромѣ горя ничего и нѣтъ выдающагося.

— Ну, вотъ, и расскажите всю эту увертюру: какого вы роду и племени и что вы занапрасно терпѣли. Я люблю слушать, какъ занапрасно страдаютъ.

— А я все такъ страдала. Я вѣдь, не забудь, откушной породы и Бернадакина крестница, потому что папана у него въ откунахъ служилъ. Большое жалованье онъ получалъ, но говорилъ, что страсть какъ много за то на себя и грѣха принять. Впоследствии сталъ страннаго суда бояться и все шить, и умеръ, ничего намъ не оставилъ. А у Бернадакина повсемѣстно много было крестниковъ и не всѣмъ даже давалось на воспитаніе, а только чьи выдающіяся родительскія заслуги. Меня опредѣлили учиться; но у меня объявилась престранная способность: ко всѣмъ рѣшительно понятіямъ развитіе очень большое, а къ наукамъ совсѣмъ никакой памяти не было. Ко всему память и соображенія хорошія, а къ ученюю нѣтъ—долбицу умноженія сколько ни долбила, а какъ, бывало, зададутъ задачу на четыре правила сложенія—плюсить или минусить, или въ умѣ составить, наприкладъ, пять изъ семи—сколько въ отставкѣ?—то я и никакихъ пустяковъ не могу отвѣчать. Тоже и по словесности—выговоръ у меня для всего былъ очень хорошій, окатистый, но постоянно отчего-то осебливья слова дѣлались, и какъ на публичномъ экзаменѣ архирей задать мнѣ вопросъ: кто написалъ Апокалипсъ Іоанна Богослова—я и не знала.

— Еще бы!—протянула Аичка.—Да на что это и нужно.

— Рѣшительно ни на что—только сбиваютъ. А тутъ я на шестнадцатомъ году, милуша моя, вдругъ очень выровнялась и похорошѣла, стала рослая, а личико миліатюрное и маленькая родинка у подбородка. Точно я будто французинка. И тутъ со мною самый подлый поступокъ и сдѣлали.

— Кто же въ этомъ виноватъ былъ?

— Все черезъ родныхъ.

— Это ужъ какъ разумѣется.

— А потомъ и пошли меня, бѣдную, мыкать: французинку, да скорѣй меня съ рукъ спихивать, кому понало, за русскихъ. Сейчасъ же вскорѣ мамаша стала просить о помощи и торопиться, чтобы скорѣе пять тысячъ мнѣ въ приданое назначили. Сейчасъ и жениха какого-то нашли мнѣ этакого хвата, въ три обхвата, и животъ этакій имѣлъ,—

ахъ, какой выдающійся! Представь себѣ, такъ весь огурцомъ «а-ли-пузе».

— Чортъ знаетъ, что такое! — сказала въ возбужденіи Аичка.

— Да, мой другъ, ужь лучше бы и не вспоминать его, — отвѣчала Марья Мартиновна и продолжала: — а я-то тогда еще всего боялась; но меня вѣдь и не спрашивали. Онъ какъ прѣхалъ, такъ тотчасъ съ мамашей поладить и три тысячи приданого до вѣнца сорвалъ. Что же, — вѣдь не родительскіе, а конторскіе, — Вернадкины. Двѣ тысячи маменька еще себѣ отшибла: «мы, говоритъ, тебя воспитывали и кормили. Надо теперь и о младшей сестрѣ подумать». И ничего и не спорила, своей пользы не понимала. Съ женихомъ обо всемъ маменька разсуждала и съ тѣмъ уговаривалась, чтобы онъ уважалъ мою сердечную невинность и никогда никакого попрека мнѣ отъ него не было, а между тѣмъ, какъ ему двѣ тысячи не додали, то онъ послѣ только и зналъ, что сталъ попрекать, и ужасно все мотивировалъ и посылалъ, чтобы я ходила просить, и дома со мной ни на что не хотѣлъ сидѣть. Даже часто ни обѣдать, ни ночевать не приходилъ, и моя эта французская миліатюрность, и стройность, и родинка, ничего его не только не утѣшали, а даже онъ сталъ меня терпѣть не мочь, и именно за то, чѣмъ могла я понравиться, дѣлалъ мнѣ самыя обидныя колкости.

— «Что мнѣ, говоритъ, съ тобой за удовольствіе? въ кости, что ли, я буду играть? я обожаю въ дамѣ полноту въ обхожденіи».

— Значить, вы его въ воображеніе не умѣли привести, — встала Аичка.

— И нельзя.

— Это пустяки!

— Нѣтъ, нельзя.

— Отчего же?

— Хладнокровіе такое имѣлъ, какъ настоящій змѣй, и это, его-то испугавшись, я и иглу въ себя впустила. Онъ на меня толкнулъ, а я иглу-то вмѣсто подушки въ себя воткнула. А потомъ, когда я больная была, и если, бывало, почувствую гдѣ игла колетъ, и прошу, чтобы скорѣе доктора пригласить, чтобы изъ меня иглу вонъ вытащить, потому что я ее чувствую, такъ онъ и тутъ преспокойно отвѣчаетъ:

— «Для чего такая нетерпѣливость? подожди, можетъ-быть, игла изъ тебя теперь и сама гдѣ-нибудь скоро выскочитъ».

Аичка разсмѣялась и спросила:

— И что же, наконецъ, вышло?

— Наконецъ, то вышло, что у меня игла нигдѣ не вышла, а зато онъ самъ у своей полной дамы закутился и попалъ ему такой номеръ, что онъ номеръ, а я тогда ему на зло взяла да сейчасъ и вышла за поддѣлчаря.

— Э тотъ лучше былъ?

— Еще хуже.

— Неужели опять въ три обхвата?

— Нѣтъ!.. Чего тамъ! — тотъ, напротивъ, весь былъ съ иштуній гребешокъ, но зато самый выдающійся язвитель. А маменька пристала: «иди, да иди». «Ты, говоритъ, на французинку подобна, и онъ къ этой породѣ близокъ». А его всей близости только и было, что его фамилія была Померанцевъ, а лѣкаря его называли «Флёръ-д'оранжъ». А его просто лучше бы звать Антихристъ. Мнѣ даже пророчество было за него не идти.

— Ахъ, это люблю—пророчества! Что же было?

— Я только изъ воротъ къ вѣщу съ нимъ стала выѣзжать и на передней лавочкѣ въ каретѣ завитый отрокъ съ образомъ сидѣлъ, — видно, что свадьба, — а какой-то проходій въ воротахъ заглинулъ и говоритъ: «Вотъ кого-то везутъ наказывать».

— Вотъ удивительно! Ну, и какъ же онъ васъ наказывалъ?

— Всего, мой другъ, натерпѣлась. Прежде всего онъ былъ большой хитрецъ и притворялся, будто ему нравится моя миниатюрность, а мои деньги ему не нужны. И пришелъ свататься въ раснарадѣ, какъ самый свѣтскій игтомецъ: на рукѣ перстень съ брилліантомъ, и комплиментъ такой отпустилъ, что какъ онъ человекъ со вкусомъ, то въ женщинѣ обожаетъ гибкую худобу и легкость, а потомъ оказалось, что онъ это вралъ, а кольцо было докторово, и я ему совсѣмъ и не нравилась. Я говорю: въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы врали и притворялись влюбленнымъ? А онъ безъ всякаго стыда отвѣчаетъ: «Золото красиво — съ нимъ намъ милой быть не диво», и объяснилось, что онъ самъ обидѣлся въ томъ, что ожидалъ получить за мною

большой капиталъ, а какъ не нашелъ этого, то тоже желаетъ мою худобу пренебрегать, и дѣйствительно такъ начать жить, что какъ будто онъ мнѣ и не мужъ.

— А за это вы могли на него его начальству жаловаться.

— Я и жаловалась. Главный докторъ его призвалъ и при мнѣ же ему сталъ говорить: «Флёръ-д'оранжъ! что же это?» а онъ началъ въ свое оправданіе объяснять: «Помилуйте, ваше превосходительство, — это немислимо: въ ней игла ходитъ», и опять и этотъ тоже пошелъ мотивировать. Главный докторъ даже удивился: велѣлъ мужу выйти, а мнѣ говорить: «Что же вы послѣ этого хотите, чтобы я какое распоряженіе сдѣлалъ? Я не могу. Если вы съ иглою, то я только и могу вамъ посоветовать: молитесь, чтобы изъ васъ скорѣе игла вышла».

Ишь, какая вы, Мартыновна, на мужское расположеніе къ себѣ несчастная!

— Да, Анчка, да! За что молоденькую ласкали, за эту миліагорность и легкость, за то самое потомъ отъ мужей ничего не видала, кромѣ холодности и оскорбленія. Особенно этотъ подгвѣкаръ, — онъ даже не хотѣлъ меня иначе называть, какъ «индюшка горбатая», и всякую ложь на меня сочинялъ. — «Я, говоритъ, по анатоміи могу доказать, что у тебя желудокъ и потомъ спина, и больше ничего нѣтъ». Но Господь же Богъ истинно милосердѣйшій, — Онъ меня скоро отъ обоихъ отъ нихъ освобождалъ: сталъ и этотъ Флёръ-д'оранжъ тоже пить и пропадать, и одинъ разъ дошелъ до того, что поѣхалъ дачу нанимать и въ саду повѣсилъ, а я ни съ чѣмъ осталась и въ люди жить пошла.

Въ людяхъ жить трудно.

— Ничего, у меня характеръ хорошій: меня всѣ любятъ.

— Ну, это вы только хвалитесь.

— Нѣтъ! правда.

— А вѣдь вотъ вы долго у Степеневыхъ жили, а они васъ за что-то выгнали.

— Извините, Анчка, меня никто и ни откуда не выгонялъ.

— Ну, отпустили. Вѣдь это только такъ, для вѣжливости говорится, а все равно — выгонъ.

И не отпустили, а я сама ушла.

— Черезъ что же вы ушли? Вѣдь ихъ домъ хорошій, какъ вы говорите — «выдающійся».

— Домъ былъ самый очень выдающійся, да черезъ одну

причину начал портиться, и къ тому же вотъ съ этимъ мѣстомъ вышло замѣнительство.

— Съ которымъ мѣстомъ?

— Вотъ, гдѣ мы съ вами теперь находимся въ нашей сегодняшней «ажидацин».

— Ну, такъ вотъ вы про это-то теперь и рассказывайте. Да только отсыдѣте вы отъ меня, пожалуйста, подальше на кресло, а то и я боюсь, что въ васъ иголка.

Вотъ какая ты мнительная! Но я, мой другъ, теперь вѣдь ужъ тѣльца на себя собрала, и тѣльце у меня — попробуй-ка—крѣпкое, просвирковатое!

— Не буду я къ вамъ касаться: я очень мнительная. Подайте мнѣ тоже сюда и мою сумочку съ деньгами.

— Я ее хорошенько въ комодъ прибрала.

— Нѣтъ, дайте—я люблю деньги подъ подушкой имѣть... А теперь сказывайте: отчего вы ушли изъ степеневского дома?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Тутъ много сдѣлалъ падѣжъ бумагъ.

— Вы развѣ на биржѣ обращались?

— Не я, а деверь у Степеневыхъ, у Маргариты Михайловны. У нихъ въ семьѣ вѣдь немного: всего сама она, эта Маргарита съ дочерью, съ Клавдинькой, да сестра ея, Ефросинья Михайловна—обѣ вдовы. Ефросинья-то бѣдная, а у Маргариты мужъ былъ, Родионъ Ивановичъ, отличный фабрикантъ, но къ рабочимъ былъ строгъ до чрезвычайности, «Продомъ» его звали—все на штрафахъ замаривалъ; а другой его братъ, Николай Ивановичъ, къ народу былъ проще, но зато страсть какой предпріятелиной: постоянно онъ въ трехъ волненіяхъ, и все спѣшить вездѣ постановъ вопросу дѣлать. Сначала онъ болѣе всего мимооски строилъ, и въ это время страсть какъ распустился кутить съ морскими голованерами. Гдѣ онъ ѣдетъ, тамъ ужъ шумъ и громъ на весь свѣтъ, а домой пріѣдетъ—чтобы сейчасъ ему была такая тишина, какой невозможно. Жена у него была писаная красавица и смиренница, такъ онъ ее до того занугалъ, что она, бывало, если и одна сидитъ да ложечкой о блюде стукнетъ, то сейчасъ сама на себя цыкнетъ и сама себѣ пальцемъ пригрозитъ и «дуру» скажетъ. Но онъ съ нею все-таки ужасно обращался и въ гробъ ее сбилъ,

а какъ овдовѣлъ, такъ и жениться въ другой разъ не захотѣлъ: сына Петю въ нѣмецкій пансіонъ отдалъ, а самъ сталъ жить съ французженками, и все мимоноски туда сплавилъ. Думали: конченъ нашъ Николай Ивановичъ «выигрывающій»; но онъ опять выплылъ: присталъ къ какому-то въ компанію дѣлать постановъ вопроса, и завели они подземельный банкъ, и опять сталъ таскать при себѣ денегъ видимо и невидимо и пошелъ большія количества тратить на польскую даму, Крутильду Сильверстовну. Ея имя было Клотильда, но мы Крутильдой ее называли, потому что она все, бывало, не прямо, а крутить, пока какое-то особенное удареніе ко всеѣмъ его чувствамъ сдѣлаетъ, и тогда стоитъ ей, бывало, что-нибудь захотѣть и только на ключъ въ спальнѣ запереться, а его къ себѣ не пустить, такъ онъ тогда на что хочешь сдѣлается согласенъ, лишь бы вслѣдъ за нею достигнуть.

— Вотъ это такъ и слѣдуетъ! — замѣтила Аичка.

— Да, да; это правда. Онъ для нея и по-французски сталъ учиться, а когда сынъ свое ученіе кончилъ, онъ его изъ дома прогналъ. Придрался къ тому, что Петя познакомился съ Крутильдичиною племянницею, и отправилъ его съ морскими голованерами навкругъ свѣта плыть, а Крутильда свою племянницу тоже прогнала, а та была молоденькая и миліатюрная, а оказалась въ тягости, и Богъ одинъ знаетъ, какія бы ее ожидали послѣдствія. А самъ ужъ не зналъ, чѣмъ тогда своей Крутильдѣ заслужить: ходилъ постоянно завить, обрить и причесанъ, раздушенъ и одѣтъ а-ля-морда, и все учился по-французски. Стоитъ, бывало, передъ зеркаломъ и по ляжкамъ хлопаетъ и поетъ: «Пожолія, понолія». А тутъ вдругъ кто-то въ ихнихъ бумагахъ въ подземельномъ банкѣ портежъ и сдѣлалъ. Страшная кучма народу толнучкой бросилась, чтобы у нихъ свои деньги вынимать, и онъ до того не въ себѣ домой пріѣхалъ, что кричить:

«Запри скорѣй ножницы и принеси мнѣ калитку!»

И еще сердится, что этихъ его словъ не понимаютъ!

Мы думали, что онъ съ ума сошелъ, а онъ это испугался надежда бумагъ и привезъ къ намъ какіе-то купоны стричь, да такъ все и потерялъ, и за эту стрижку подъ судъ попался, но на счастье свое несчастнымъ банкротомъ сдѣлалъ. Ну, тутъ Крутильда его, разумеется, было бро-

сила, а сестра, Маргарита Михайловна, взяла его къ себѣ въ службу и всё дѣла ему поручила. Онъ же годъ и два простоялъ хорошо, а потомъ опять гдѣ-то съ голованерами встрѣтился и какъ разъ наносудился и такъ застотертилъ, что никакъ его нельзя было успокоить. Маленькій удержъ недѣли на двѣ сдѣласть, а потомъ опять ударить и возвращається домой съ странными фантазіями. — называетъ одну сестру Бланжей, а другую Мимишкой... не понимаетъ, гдѣ себя воображаетъ. А станешь просить его, чтобы онъ велъ себя степеннѣе, онъ сейчасъ: «Что такое? Какъ ты смѣешь? Давно ли ты на домашняго адвоката курсъ кончила? А я на этихъ увертюрахъ съ дѣтства воспитанъ!» И всегда въ это время у него со мной ссора, а потомъ послѣ ужасно поладить и шутить: «Мармартынь, мой Мармартынь, получай съ меня алтынъ», и опять до новой ссоры.

— А вы зачѣмъ встрѣввали?

— Для золовокъ, — золовки просили.

— Мало ли что! Развѣ можно мужчинѣ пренятствовать!

— Ахъ, мой другъ, да какъ же ему не пренятствовать, когда онъ въ этихъ своихъ трехъ волненійхъ невѣдомо чего хочетъ, и ему вдругъ вздумается куда-то ѣхать, и онъ самъ не знаетъ, куда ѣхать.

— Знаетъ, небось.

— Нѣтъ, не знаетъ. «Мнѣ, — говоритъ, — три волненія надоѣли, и я хочу отъ нихъ къ самому чорту въ адъ уѣхать». Золовки пугаются и просятъ меня: «Разговори его!» И я говорю: «Туда дороги никто не знаетъ, — сиди дома». — Нѣтъ, — говоритъ, — Мармартынь, нѣтъ; нужно только на антихристовъ извозчика понасть, у котораго шестьсотъ-шестьдесятъ-шестой номеръ, — тотъ знаетъ дорогу къ чорту».

И пристанетъ вдругъ ко мнѣ: «Уйдемъ, Переносница, со мною потихонечку изъ дома и найдемъ шестьсотъ-шестьдесятъ-шестой номеръ и поѣдемъ къ дьяволу! Что намъ еще здѣсь съ людьми оставаться! Повѣрь, всё люди подлецы! Надоѣли они!» И такъ упротить, что даже со слезами, и жаль его станеть.

И неужели вы съ нимъ ѣздили? — спросила Аичка.

— Да что, мой другъ, дѣлать. По просьбѣ золовокъ, случилось, — отвѣчала Марья Мартыновна. — Какъ своя

въ домѣ у нихъ привыкла, и когда бывало, сестры просятъ: «видишь, какой случай выдающійся, прокатись съ нимъ за городъ, досмотри его»,—я и ѣздила, и всё его глупыя шутки и надсмѣлки терпѣла. Но только въ послѣдній разъ, когда окончательный скандалъ вышелъ, онъ мени взялъ насильно.

— Какъ же онъ могъ васъ насильно взять?

— Я въ лавкѣ себѣ сапоги купила и очень занялась, а приказчикъ обмануть хочеть и шабаринить: «Помилуйте... первый сортъ... фасонъ бамбе, а товаръ до того... даже Миллера». А онъ входитъ — и вдругъ ему увертюра московскаго воспоминанія въ лобъ вступила:

— «Я, — говоритъ, — мать-Переносица, ѣхалъ, и тебя увидалъ, и очень нужное дѣло вспомнилъ: отбери мнѣ сейчасъ шесть паръ самыхъ дорогихъ сапожковъ бамбе и поѣдемъ ихъ одной дамѣ мѣрить». Я говорю: «Ну васъ къ Богу!» а онъ говоритъ: «Я иначе на тебя сейчасъ подорвѣннѣе заявлю».

— Ишь какой, однако, прилипчивый!

— Ахъ, ужасный! совершенно вотъ какъ пѣвочъ или банная листва, — такъ и не отстанеть. И чего ты хочешь: какъ его образумить? Во-первыхъ, кутила, а во-вторыхъ, бабелляръ, и еще какой бабелляръ! Какъ только напоудится, такъ и Крутильду забыть, и сейчасъ новое удареніе къ дамской компаніи, и опять непременно не какія понало дамы, а все чтобы выдающіяся, напиримѣрь, ѣздовницы съ аренды изъ цирка или другія прочія выдающіяся сужекты своего времени. А угощать благородно не умѣлъ: въ какомъ хочешь помѣщеніи дезгардыжъ надѣлаеть, всего, чего понало, натребуеть и закричить: «Лопайте шакець-а-гу!» Многія, бывало, обидятся и ничего не хотить, или еще его «свиньей» назовутъ, но ему все ничего, шумить:

«Глядите, иншурин, въ пространство, что я могу: я не плотець Сконицынъ, который съ деньгами заперался, а я со всѣми увертюрами живу!» И сейчасъ и начнетъ свою первую обыкновенную увертюру: всю скатерть съ приборами на полъ, а платить—«убирайся къ чорту».

Того и гляди, что его когда-нибудь отколотятъ.

Я это и говорю его сестрамъ: «какъ хотите, а по-моему его надо молитвою избавить отъ его безстыдства», и Афро-

синья сейчасъ этому и обрадовалась; но онъ самъ ни за что и слышать не хотѣлъ о молитвахъ.

— «Постановъ вопроса, говоритъ, такой: что и—порченый, что ли, чтобы меня отмаливать? Я въ духовныхъ дѣлахъ самъ все знаю: я шелъ чай у преосвященнаго Макаріуса и у патріарха въ Константинополѣ рахатъ-лукумъ-ѣлъ, и послѣ нихъ мнѣ теперь въ молитвахъ даже самъ Мономахъ не можетъ потрафить».

Разумѣется, надо было сразу не пощадить на самое выдающееся; но вдова Маргарита Михайловна Стененева хоть и богачка, а замялась въ неопредѣленномъ наклоненіи. Я вашего капитала, разумѣется, вполне не знаю...

— Это вамъ и не надо знать, — оторвала Личка: — вы ведите свои исторіи, а меня врасплохъ не испытывайте.

— Конечно. Я только такъ къ слову сказала, я и не любопытна, но все равно на то же вышло. У Маргариты Стененевой, какъ и вамъ сказала, есть дочь Клавдія, молодая и прекрасная этакая дѣвица, собой видная, — красоты видъ въ родѣ англійскаго фасона, но съ буланцемъ... Воспитывалась она въ иностранномъ училищѣ для дѣвицъ женскаго пола, вмѣстѣ съ одною нѣмочкою, и сдѣлалась ея закованнымъ другомъ, а у той былъ двоюродный ея братъ, докторъ Ферштеть; онъ, этотъ Ферштеть, ее и испортилъ.

— Спуталъ? — спросила живо Личка.

— Нѣтъ, — отвѣчала Марья Мартиновна: — спутать онъ ее не могъ, потому что она безчувственная, но разныя пустиы мысли ей вперилъ.

— Про что же?

— Да вотъ, наиримѣръ, насчетъ повсемѣстнаго бѣдствія людей. Самъ онъ такой неслыханный оригиналецъ былъ, что ничего ему не пужно; такъ и назывался: «безсчетный лѣварь». Ко всѣмъ онъ шелъ, а что ему кто заплатитъ, или даже ничего не заплатитъ, это ему все равно, всѣхъ одинаково лѣчилъ и къ бѣднымъ даже еще охотнѣе ходилъ и никогда не отказывался, а если дадутъ, такъ онъ сунеть въ кармакъ и не считаетъ, чтобы не знать, кто сколько далъ. Вотъ онъ ее этимъ безразличемъ плѣнилъ и къ такой простотѣ ее свелъ, что она обо всемъ образѣ жизни людей стала иначе думать и все она начала желать чего-то особеннаго, чего невозможно и что всѣхъ огорчаетъ.

— Непочительная, что ли, стала?

— Нельзя даже понять — как она, почтительная или непочтительная, но только стало ей нравиться все удивительное. Вотъ этотъ ея подружникъ братъ въ ниверситетѣ учился, и весь свой курсъ вышелъ, а служить нигдѣ не захотѣлъ. Всѣ этимъ огорчились, а ей это хорошо.

— Отчего же онъ служить не пошелъ?

— Такъ разсудилъ, что «на службѣ, говорить, можно получать различныя порученія, какихъ я дѣлать не хочу, надо въ пустякахъ для угожденія много время тратить, и уважать кого не стоить, и бояться, какъ бы съ дурной стороны не представили. — а я-де ни съ кѣмъ ни въ какую общественную исторію попадать не хочу, а хочу лучше самъ по своимъ понятіямъ людямъ услуживать». И такъ безъ всякихъ чиновъ и остался, и всю зиму и лѣто въ одной прохладной шинелинкѣ ко всѣмъ бѣднымъ ходилъ, пока въ прошломъ году простудился и умеръ, и семью какъ есть ни съ чѣмъ оставилъ. Спасибо, нѣмцы при похоронахъ сговорились между собою и все семейство устроили. По Клавдинькиному это все и превосходно, и Клавдинька какъ только съ нимъ познакомилась, такъ сдѣлалась отъ всѣхъ своихъ семейныхъ большая скрытница и все начала евангеліе читать, и все читала, читала, а потомъ всѣ наряды прочь и начала о бѣдныхъ убиваться. Сидитъ и думаетъ. Спросишь: «что ты все думаешь? чего тебѣ недостаетъ?» А она отвѣчаетъ: «у меня все есть и даже слишкомъ больше, чѣмъ надобно, но отчего у другихъ ничего нѣтъ необходимаго?» Ей скажешь: «Что же тебѣ до этого? это отъ Бога такъ, чтобы было кому богатымъ людямъ служить и чтобы богатые имѣли кому отъ щедротъ своихъ помогать», — а она головою замахаетъ, и опять все думаетъ и доведетъ себя до того, что начнетъ даже плакать.

— О бѣдныхъ? — воскликнула Аичка.

— Да!

— Что же они ей лучше богатыхъ, что ли?

— И я это самое ей говорила: чего? Если тебѣ жаль, поди въ церковь и подай на крыльцѣ. Отъ состраданія нечего плакать. А она отвѣчаетъ: «Я не отъ состраданія плачу, а отъ досады, что глупа и зла, и ничего придумать не могу». Ну, и стала все думать, и придумала.

Аичка сказала:

— Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Стала она такъ жить, что начала не надѣвать на себя ни золота, ни дорогихъ нарядовъ. «Для чего мнѣ это?— говоритъ:— это совсѣмъ ненужное, и нисколько не пріятно и не весело; да это даже и имѣть стыдно».

— Отчего же ей это стыдно?— спросила Аичка.

— Для чего на ней дорогія вещи будутъ, когда на другихъ и самыхъ простыхъ одеждѣ имѣть.

— Такъ это же вѣдь нарочно такъ и дѣлають, для отлички другъ отъ друга.

— Ну да! какъ же иначе и разобрать, кто котъ — кто поварь? А для нея мать сдѣлала тальму изъ фонть-горской козы и морской травы цвѣта плющъ покрыла, а она ее и не надѣла.

— Это почему?

— «Стыдно, говоритъ,— такую роскошь носить»— простое пальто ей больше нравится. Сшила себѣ сама черное кашемировое платье и бѣлые рукавички и воротнички и сама ихъ мостъ и гладить, и такъ англичанкою и ходить, а лѣтомъ въ свѣтленькомъ ситцѣ, а что ей мать подарить деньгами или шелковыя, она сейчасъ пойдетъ шелковыя все продать и всѣ деньги неизвѣстно кому отдать. Мать сначала, бывало, шутя спрашиваетъ:

— «Что же ты это, Клавдичка, на молитвы, что ли, все раздаешь?»

— «Имѣть, говоритъ,— маменька, зачѣмъ же мнѣ покупныя молитвы? Это долженъ всякъ для себя, а я просто такъ отдаю тѣмъ, которымъ трудно заработать сколько нужно, или нечѣмъ за ученье платить, когда ихъ дѣтей исключаютъ».

Мать ей и не перечила:— «Что же, говоритъ,— отдавай, если хочешь: пусть за тебя бѣдные Бога молятъ». — Но ей никакъ не потрафилъ сказать.

— «Я, говоритъ,— маменька, это совсѣмъ не для того, а просто мое сердце не терпитъ, когда я вижу, какъ я счастлива, а люди живутъ бѣдственно».

— «Вотъ потому-то и нехорошо, что ты все ходишь, эту бѣдственность смотришь: ты на нихъ посмотришься и себя этимъ и разстраиваешь».

— «Все равно, говоритъ,— мама, если я на нихъ хоть

и смотрѣть не буду, такъ я знаю, что они есть и страдаютъ, и что я должна дѣлать облегченіе въ ихъ жизни».

— «Ну, поступи членомъ въ общество и ѣзди съ хорошими дамами; я тебѣ столько денегъ дамъ, что можешь больше всѣхъ графинь и княгинь сыпать».

Она молчитъ.

— «Я знаю, — говорить, — что нужно дѣлать».

— «Такъ скажи, что такое?»

Она молчитъ.

— «Отчего же ты такая грустная и такая печальная? На тебя смотрѣть больно! Отчего это?»

— «Это, мама, оттого, что я еще очень зла: я себя еще не переломила и борюсь».

— «Съ кѣмъ, мой ангелъ?»

— «Съ собою, мама. Не обращайтесь на меня вниманія, мнѣ скоро легче будетъ. Я какъ-нибудь перейду на свою сторону, а теперь я не на своей сторонѣ, — я себя противниа».

Дядя Николай Ивановичъ хоть шабарниа, но онъ любилъ ее и говорить:

— «Не приставайте къ ней: она иначе не можетъ; это въ ней все отъ роляльнаго воспитанія. Я знаю, что съ ней надо сдѣлать: надо дать ей развязку на веселыхъ увертюрахъ».

Взвился и привезъ ей театральнѣй билетъ въ ложу на «Африканскаго Мавра».

Хоть и великій постъ былъ, но для нея поѣхали. А она у нихъ въ театрѣ и разрыдалась.

— Это еще чего?

— «Я, говорить, — вамъ говорила, что я не могу видѣть дикія грубости! — Въ чемъ вамъ представляется занимательность, я въ томъ же самомъ вижу ужасъ и горе».

— Какой же ужасъ? Въ чемъ тутъ горе?»

— «Какъ же не ужасъ: такой огромный, черный мужчина душитъ слабую женщину и по какой причинѣ?».

Николай Ивановичъ говорить:

— «Ты этого еще не понимаешь: за любовь отъ ревности самый образованный человѣкъ долженъ изъ ванаей сестры всю кровь пролить».

— «Не правда это, говорить, — какой это образованный человѣкъ: это глупость, это зѣбрство! Не должно это такъ быть и не будетъ, — я не хочу это видѣть!»

И уѣхали изъ театра, и такъ и пошло съ ней съ этихъ поръ во всѣхъ междометіяхъ. Благородныя удовольствія, театръ или концерты, или оперы, все это ей не нравится, а назоветъ къ себѣ безнортошныхъ ребятиншекъ, дастъ имъ мармеладу и орѣховъ и на фортепьянахъ имъ заиграетъ и поетъ, какъ лягушки по дорожкѣ скачуть, вытянувши ножки, и сама съ ними утѣшена и плачетъ, и пляшетъ. Этакая красавица, а лягушкой прыгаетъ!..

Видѣвши это, мать своего священника приходскаго на духу упростила поговорить съ ней, и онъ на Пасхѣ, когда прѣхалъ съ крестомъ и какъ сталъ послѣ закусывать, то началъ Клавдинькѣ выговаривать:

— «Нехорошо, барышня, нехорошо, вы въ заблужденіи». — А она ему брякъ наотрѣзь:

— «Да, говорить, — благодарю васъ, благодарю, вы правы — и мнѣ тоже кажется, что мы живемъ въ больномъ заблужденіи, но теперь я уже немножко счастлива».

— «Чѣмъ же съ?»

— «Тѣмъ, что я уже собой недовольна; я теперь уже не на своей сторонѣ; я себя осуждаю и вижу, гдѣ свѣтъ».

Онъ говоритъ: — «Не много ли вы на себя берете?»

Она замялась и отвѣчаетъ: — «Я не знаю».

А батюшка говоритъ: — «То-то и есть! А мы знаемъ, что на свѣтѣ должны быть и богатые, и бѣдные, и это такъ повсемѣстно».

Она отвѣчаетъ: — «Это, къ несчастію, правда».

— «Такъ и нечего бредить о томъ, чтобы у насъ всѣ были равны».

А она вся стынетъ и виски себѣ треть, и шопотомъ говоритъ: — «Бредятъ невольню».

А батюшка говоритъ: — «Да, бредятъ невольню, а одного и за невольный бредъ иногда далеко очутиться можно. Не идите противъ религіи».

— «Я не иду, я люблю религію».

— «А зачѣмъ противнаго желаете?»

— «Развѣ желать въ жизни простоты и чтобъ не было терзающей бѣдности противно религіи?»

— «А вы какъ думаете? Да Христось-то признавалъ нищихъ или нѣтъ?»

— «Признавалъ».

— «Такъ что же, вы Ему хотите возражать?»

— «Я вамъ отвѣчаю, а не Христу. Христосъ самъ жить какъ нищій, а мы все живемъ не такъ, какъ Онъ жить».

Священникъ всталъ и говоритъ:

— «Такъ вотъ вы какая!»—и оборотился къ матери ея и сказалъ:

— «Маргарита Михайловна! Откровенно вамъ скажу, уважая васъ какъ добрую прихожанку, я съ вашей воспитанной дочерью поговорилъ; но, уважая себя, я нахожу, что съ нею, сударыня, не стоитъ разговаривать. Вамъ одно остается: молиться, чтобы она не погибла окончательно».

Маргарита Михайловна, вся красная и въ слезахъ, извиняется и проситъ у него прощенья, что это вышло какъ на смѣхъ.

Священникъ смягчился и отвѣчаетъ:

— «Мнѣ, разумѣется, Богъ съ нею, пусть что хочетъ болтаетъ, теперь этихъ глупыхъ мечтаній въ обществѣ много, и мы къ нимъ наслышавшись; но попомните мое слово, это новое, но стоитъ стараго зла—нигилизма, и дочь ваша идетъ дурнымъ путемъ! дурнымъ! дурнымъ!»

Маргарита Михайловна ему скорѣе красненькую, но онъ не подкупился, деньги подъ большой палецъ зажалъ, а указательнымъ все грозитъ и свое повторяетъ:

— «Дурнымъ путемъ, дурнымъ!»

Маргарита Михайловна сама разсердилась и, какъ онъ вышелъ, говоритъ ему вслѣдъ:

— «Какой злока сталъ!»

А Клавдинька безъ гнѣва замѣчаетъ:

— «Вы, другъ мой, мама, сами виноваты, зачѣмъ вы ихъ безнокоите. Онъ такъ и долженъ былъ говорить, какъ говорилъ».

— «А кого же мнѣ на тебя, какую власть просить?»

— «Ну, полноте, мамочка, зачѣмъ на меня власть просить. чѣмъ я вамъ непокорна?»

— «Въ очень во многомъ, въ самомъ важномъ ты непокорна: грубить ты мнѣ не грубишь, но ты не одѣваешься сообразно нашему капиталу, чтобы все видѣли; не живешь, а все съ бѣдностью вознишься, а богатства стыдишься, которое твой дѣдъ наживалъ и за которое отецъ столько грѣха и несправедливости сдѣлалъ».

А Клавдинька тутъ одною рукою мать за руку схватила,

а другою закрыла свои вѣщія звѣнцы и, какъ актриса театральная, вдругъ дрожащимъ голосомъ закричала:

— «Мамочка! мама!.. Милая! не говорите, не говорите! Ничего не будемъ объ отцѣ,—такъ страшно вспомнить!»

— «Разумѣется, — царство ему небесное, — онъ былъ аспидъ, а я тебя сама избаловала, и за то, думала, пусть хоть духовный отецъ тебя наставитъ».

— «Мама! да вы сами меня лучше всѣхъ можете наставить».

— «Нѣтъ, я не могу и не берусь!»

— «Почему?»

— «Мнѣ тебя жаль!»

— «Ну, вотъ я и наставлена. Вы меня пожалѣли и этимъ меня и наставили! Я вѣдь люблю васъ, мама, и ничего не сдѣлаю такого, что можетъ огорчить мать-христіанку. А вѣдь вы, мама, христіанка?»

И глядитъ ей въ глаза, и ластитъ ее, и такъ и поладятъ, и все такъ, потихоньку, что только сама она съ собою вздумаетъ, то съ матерью и сдѣлаетъ. Ужъ не только на представленіе «Мавра» отклонила смотрѣть, а даже въ оперу «Губинотовъ» слушать — и то говорить: «не надо, мама; пѣсни хороши, когда ихъ поютъ отъ чувства для скорби или для веселости, а этакъ, за деньги—это пустяки, и за такія трилюзіи стыдно деньги платить, лучше отдадимъ ихъ босымъ дѣтямъ». И мать сейчасъ съ нею въ этомъ согласна и улыбается: «На, отдавай, ты какаля-то Божія». А та ей съ большимъ восхищеніемъ: «О, если бы такъ! если бы я въ самомъ дѣлѣ была Божія!» и вдругъ опять со смѣхомъ шутя запостъ и запляшетъ: «Вотъ, говорить,—вамъ даровой театръ отъ моей радости». А мать ужъ не знаетъ, какъ и навеселиться. И стало ужъ Клавдинькѣ такое житье, что дѣлай все, что ей угодно, у матери и позволенія не спрашивай.

— «Я, говорить,—вѣрю, что она меня любитъ и ничего такого, что меня огорчить, она не сдѣлаетъ».

Стала Клавдинька ходить въ искусственные классы, гдѣ разныя учебныя моды на оба пола допущены, и пристряла къ тому, чтобы изъ глины рожки лѣпить, и научилась. Всѣ, всѣ, какія только есть принадлежности, она возьметъ и вылѣпитъ, а потомъ на фарфоръ научилась красить, и весь домъ намусорила, а въ собственную въ ея комнату хоть и

не входи, да и не позволяеть, и прислуги даже не допускаеть. Намѣщаетъ въ тазу зеленой глины, вывалить все на доскѣ, какъ тѣсто, и пойдетъ пальцами вытѣпливать.

— Это, однако, вѣдь трудно,—замѣтила Анчка.

— Ничего не трудно,—отвѣчала нетерпѣливо Марья Мартиновна. — Обозначить сначала носъ и ротъ, а потомъ и всѣ остальные принадлежности—вотъ и готово. А фарфоръ нарисуетъ, но безъ мужика обойтись не можетъ,—выжигать русскому мужику отдаеть. А потомъ всѣ эти предметы въ магазины продавать несеть. Мать и тетка, разумѣется, сокрушаются: ей ли такая крайность, чтобы рукодѣлье свое продавать! При такомъ капиталѣ и такія послѣдствія! А выручить деньги—и неизвѣстно куда ихъ отнестъ и неизвѣстнымъ людямъ отдасть. А тогда, знаешь, какъ разъ такое время было, что разомъ дѣйствовали и поверхностная коммисія, и политическій компотъ. Кому же она носить? Если бѣднымъ, то я, бѣдная женщина, сколько лѣтъ у нихъ живу, и отъ матери и отъ тетки подарки видѣла, а отъ нея ни на грошъ. Одинъ разъ сама прямо у нея попросила: «что же, говорю, ты, Клавдичка, мнѣ отъ своихъ праведныхъ трудовъ ничего не подаришь? хоть бы купила на смѣхъ ситчику по нѣтовой землѣ пустыми травками». Такъ она и шутки даже не приняла, а твердо отрѣзала: «вамъ ничего не надобно, вы себѣ у всѣхъ выпросите». Господи помилуй! Господи помилуй! Этакое безчувствіе! Правда, что я не горжусь,—если у меня нѣтъ, я выпрошу, но какое же ей до этого дѣло! Такъ же и противъ матери: въ самую материны именины, вообрази себѣ, розовый цвѣтокъ ей сорвала и поднесла: «Другъ мой, мама!—говорить:—вамъ вѣдь ничего не нужно». И вообрази себѣ, та соглашается: «У меня, говоритъ, все есть, мнѣ только твое счастье нужно»,—и цѣлуетъ ее за эту розу. А Клавдинька еще разговариваетъ:

— «Мамочка! что есть счастье? Я съ вами живу и счастлива, но въ свѣтѣ есть очень много несчастныхъ».

Опять, значитъ, за свое,—даже въ именинный день! Тутъ я уже не вытерпѣла и говорю:

— «Вы, Клавдинька, хоть для дня ангела маменькинаго нынче эту заунывность можно бы оставить вспоминать, потому что въ этомъ вѣдь никакой выдающейся пріятности нѣтъ».

Но мать, представь себѣ, сама за нее заступилась и говоритъ мнѣ:

— «Оставь, Марья Мартыновна, и скажи людямъ, чтобы самоваръ отсюда убирали.—А въ это время, когда я вышла, она даритъ Клавдинкѣ пятьсотъ рублей: «отдай, говоритъ, своей гольтепѣ-то! Кто они тамъ у тебя такіе, Господи! можетъ, страшно подумать».

— А вы какъ же это видѣли?—спросила Аичка.

— Да просто въ щелочку подсмотрѣла.—Но Клавдинька вѣдь опять и изъ этихъ денегъ никому изъ домашнихъ ничего не удѣлила.

— Отчего же?

— Вотъ оттого, дескать, что «здѣсь всѣ сыты».

— Что же, она это и правильно.

— Полно, мой другъ, какъ тебѣ не стыдно!

— Ни крошечки.

— Нѣтъ, это ты меня дразнишь. Я знаю... Будто чело-вѣку только и надо, если онъ сытъ? И потомъ сколько разъ я ни говорила: «ну, прекрасно, ну, если ты только къ чужимъ добра, зачѣмъ же такъ скрытна, что никто не долженъ знать, кому ты помогаешь?»

— «Добръ,—отвѣчаетъ,—тотъ, кто не поконится, когда другіе безпокойны, а я не добра. Вы о добротѣ какъ должно не понимаете».

— «Ну, прекрасно, я о добротѣ не понимаю, но я понимаю о скрытности: для чего же ты такъ скрываешься, что никакими слѣдами тебя услѣдить нельзя, куда ты все тащишь и кому отдаешь? Развѣ это мыслимо или честными правилами требуется?»

А она, вообрази, съ улыбкою отвѣчаетъ:

— «Да, это мыслимо и честными правилами требуется!»

— «Такъ просвѣти же,—говорю,—матушка: покажи, гдѣ эти правила, въ какой святой книжкѣ написаны?»

Она пошла въ свою комнату—выносить маленькое евангеліе.

— Все съ евангеліемъ!—перебила Аичка.

— Да, да, да! Это постоянно! У нея все сейчасъ за евангеліе и оттуда про текстъ, какого никогда и не слыхивала; а только понимать какъ должно не можетъ, а выведетъ изъ него что-нибудь совсѣмъ простое и обыкновен-

ное, что даже и не интересно. Такъ и тутъ подастъ мнѣ евангеліе и говоритъ:

— «Вотъ сдѣлайте себѣ пользу, почитайте тутъ»,—и показываетъ мнѣ строчки—какъ надо, чтобы правая моя не знала, что дѣлаетъ лѣвая моя, и что угощать надо не своего круга людей, которые могутъ за угощенье отплатить... И прочее.

Я знаю, что съ ней не переспоришь, и отвѣчаю: «Евангеліе—это книга церковная и премудрость ея запечатана: ее всякому нельзя понимать».

Она сейчасъ возражаетъ:—«Нѣтъ, то-то и дѣло, что евангеліе для всѣхъ понятно».

— «Ну, а я все-таки,—говорю,—я евангеліе лучше оставлю, а у батюшки спрошу, и въ какомъ смыслѣ мнѣ священникъ про это скажетъ, такъ я только съ ними, съ духовными, и согласна».

И точно, дѣйствительно, я захотѣла ее оспорить и пошла къ ихъ священнику. Я ему въ прошломъ году нахучую ервань услужила—у его матушки сѣра очень кипить, такъ листокъ въ ухо класть,—а теперь зашла на рынокъ и купила синицу; перевязала ее изъ клѣтки въ платочекъ и понесла ему, такъ какъ онъ приходившихъ безъ презента не любитъ и жаловался мнѣ разъ, что у нихъ во всемъ домѣ очень много клоповъ и никакъ вывести не могутъ.

— «Вотъ,—говорю,—вамъ, батюшка, синичка: она и поетъ, и клопа истребляетъ. Только, пожалуйста, не надо ее ничѣмъ кормить,—она тогда съ голоду у васъ вездѣ по всѣмъ щелямъ клоповъ выберетъ».

— Пеужли это правда?—спросила Аичка.

— Что это?

— Насчетъ синицы, что она клоповъ выберетъ?

— Какъ же! всѣхъ выберетъ.

— Удивительно!

— Что ты, что ты! Это самое обыкновенное: бывало, наши откупные и духовные всегда для этого синицъ держатъ. И священникъ меня поблагодарилъ.

— «Знаю, говоритъ. Старинный способъ! Перепусти синичку въ клѣточку, а когда она оглядится, я ее по комнатѣ летать выпущу,—пусть ловить; а то нынче персидскій порошокъ стали продавать такой гадостный, что онъ ничего и не дѣйствуетъ. Во всемъ подмѣси».

Я сейчас же къ этому слову и пристала, что теперь, моль, ужь ничего не разберешь, что какое есть. И рассказываю ему про Клавдюшины выходки съ евангеліемъ и говорю:

— «Неужто же, — говорю я, — въ евангеліи, дѣйствительно, такое правило есть, что знакомства съ значительными людьми надо оставить, а все возись только съ одной бѣдностью?»

Онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— «А ты слушай, дубрава, что лѣсъ говоритъ; они берутся не за свое дѣло: выбираютъ сюжетты, а не знаютъ, какъ ихъ понять, и выводятъ суетная и ложная».

— «А вы отчего же, — спрашиваю, — о такихъ ихнихъ ложныхъ сюжеттахъ никому не доводите?»

— «Доводили, — говоритъ, — матушка, и не разъ доводили».

— «Такъ какъ же они смѣютъ все-таки отъ себя разсуждать и утверждать все свое на евангеліи?»

— «Такое ужь стало положеніе; ошибка сдѣлана: множены книжки и всякому ни по чемъ въ руки дадены».

— «И зачѣмъ это?»

— «Ну, это долго рассказывать. Раньше негодовали, что слабо учатъ писанію, а я и тогда говорилъ: «учатъ хорошо и сколько надо для всякаго, не мечите бисеръ — попрутъ»; вотъ они его теперь и попираютъ. И вотъ, говоритъ, и пошло — и неурожай на поляхъ, и на людяхъ эта непонятная боль — впадѣмція».

Словомъ, очень хорошо говорилъ, но помощи не подалъ. Даже и побывалъ у нихъ послѣ этого, но, прощаясь съ нею, сказалъ только:

— «Пересаливаете, барышня, пересаливаете!»

А она вскоряхъ и еще лучше сдѣлала: взяла, да и пропала.

— Такъ совсѣмъ и пропала? — удивилась Аичка.

— Нѣтъ, прислала матери депешъ, что у нея одна бѣдная подруга заболѣла въ черной осипъ и у нея престарѣлая мать и за ней никто ходить не хочетъ, такъ вотъ докторъ Ферштетъ и взялся лѣчить, а наша Клавдичка ее навѣстила и осталась при ней сестрой милосердной ухаживать, а домой депешъ прислала, у матери прощенья просить, что боится заразу занести.

Аичка вздохнула и сказала:

— Повѣрьте, она испорчена.

— Да, все можетъ-быть; а поговори съ ней, такъ у нея

опять и это тоже будто по евангелію. А сколько мать перемучилась—рябая или безъ глазъ дочь вернется,—это ей ничего. И когда она благополучно вернулась, то опять просили священника съ нею поговорить, и онъ ей опять сказалъ: «Пересаливаете! жестоко пересаливаете». А она ему шутить:

— «Это лучше; а если соль разсолится—это хуже. Тогда чѣмъ ее сдѣлать соленою?»

Но священникъ ей на этомъ хорошо осадилъ:

— «Тексты, говорить,—барышня, мало знать,—надо знать больше. Разсаливается соль не наша, которую всѣ нынѣ употребляютъ, а слабая соль палестинская; а наша соль елтонка крѣпкая,—она не разсаливается. А вотъ у насъ есть о соли своя пословица: что «недосоль на столѣ, а пересоль на спинѣ». Это бы вамъ знать надобно. Недосоленное присолить можно, а за пересоль наказываютъ».

Но она хоть бы что, весь страхъ потеряла.

Тогда я говорю ей матери:

— «Ее простой священникъ ничего и не можетъ при- страстить, это очевидно; на нее теперь надо ужъ что-нибудь выдающееся». И упоминаю про «здѣшняго».

А сестра ея Ефросинья и себя не слышитъ отъ радости, и много стала рассказывать, что въ здѣшнемъ мѣстѣ бываетъ.

— «Попробуемъ, — говорю, — обратимся, пригласимъ, кстати и для Николая Ивановича тоже вѣдь это очень хорошо, для его воздержанія».

Но Маргарита Михайловна какъ-то замаялась и что-то, вижу, утаиваетъ и неправильно отвѣчаетъ:

— «Въ моемъ горѣ,—говорить,—съ нею никто не поможетъ».

— «Отчего это не поможетъ?»

— «Оттого, что она вѣдь и сама все руководить себя по евангелію».

— «Полноте, пожалуйста,—говорю,—у васъ это въ душѣ отчаяніе, а отчаяніе—смертнй грѣхъ. Другое дѣло, если вамъ жаль денегъ; такъ вѣдь ему нѣтъ положенія, сколько денегъ давать, а сколько дадите, да и то онъ себѣ вѣдь совершенно ничего не беретъ, даже ни малости, а все для добрыхъ дѣлъ, — такъ вѣдь Клавдія Родионовна и сама добрыя дѣла обожаетъ».

— «Не о деньгахъ,—говорить,—а...»

— «Хлопоты, что ли?»

— «И не хлопоты, а какую же вѣру онъ у насъ встрѣтитъ?.. вотъ съ чѣмъ совѣстно: вѣдь не только Клавдинька, а и деверь Николай Ивановичъ — онъ въ церковь ктиторомъ только для ордена пошелъ, а о своемъ воздержаніи онъ молить и не захочетъ»

— «Да, голубчикъ мой, вѣдь на это же средство есть: мы ему вѣдь и не скажемъ, что о немъ молятся: мы дадимъ видъ, будто это для Клавдиньки».

— «А Клавдинька еще хуже обидится».

— «А мы и отъ нея скроемъ; ей мы скажемъ, что это для дяди».

— «Вотъ все, значить, такъ и начнется у насъ обманомъ, и будетъ ли это угодно?»

— «Что же такое? да, сначала будетъ будто немножко обманъ, а кончится все въ ихъ пользу».

Маргарита стала соглашаться, а я кую желѣзо пока горячо и предлагаю, что сама готова съѣздить и все въ здѣшнемъ мѣстѣ уладить.

— «Я, молъ, найду выдающихся лицъ, которыя все знаютъ, и съѣзжу, и приглашу, и въ каретѣ навстрѣчу ему выѣду. Вамъ только и хлопотъ, что мнѣ на расходъ выдать».

А она отвѣчаетъ:

— «Не о томъ рѣчь, а что если онъ дѣйствительно всѣ принадлежности-то въ человѣкѣ насквозь видитъ, такъ я боюсь, и удивляюсь, какъ это вамъ не страшно. Или вы обѣ безгрѣшныя?»

И я, и сестра ся Ефросинья Михайловна стали ее успокаивать, что и мы не безгрѣшныя, но что этого не надо бояться, потому что онъ хоть на что ни прозритъ — все видитъ, но онъ все въ себѣ и задержитъ, а на весь свѣтъ не скажетъ. Да, наконецъ, и какіе же у васъ особенные грѣхи?

А она говоритъ:

— «Есть».

— «Что же это за грѣхъ?»

— «А я,—говорить,—и сама не знаю, а только всегда, когда что-нибудь противъ Клавди завожу, то это выходитъ дурно».

— «Ну, это искушеніе. А еще что жь?»

— «А еще вонъ деверь Николай Ивановичъ въ безбракъ съ Крутильдой живетъ и для угожденія ей законнаго сына Петю отъ себя выгналъ. Я его жалъю конфузить».

— «Матушка,—говорю,—да вѣдь это же онъ для женскаго угожденія! Вѣдь это же влюбленные мужчины и всѣ надъ дѣтьми своими подлости дѣлають,—это такіе невыдающіеся пустяки!»

— «Нѣтъ, это,—говорить,—не пустяки, чтобъ свое дитя прогнать. Я постоянно того и гляжу, что у Клавдиньки съ дядею за его несправедливость съ Петей можетъ самый горячій скандалъ выйти».

Я поняла, что она умомъ всюду вертится и бонтся того, чтобы не обнаружилось, что въ ея дорогой Клавдинькѣ заключается; но въ этотъ разъ я на своемъ не настояла: не успѣлъ еще тогда часъ воли Божіей.

Заботилась она опять, чтобы Клавдію развлекать: пробовала опять брать ложи на «Губинотовъ» и Бурбо слушать, но изъ силъ съ нею выбилась и говоритъ мнѣ:

— «Милый другъ нашъ, Марья Мартыновна, мы тебя за свою семьянку считаемъ и къ тебѣ прибѣгаючи: ты бы пустилась разъ подсмотреть, куда она ходитъ и кому свои деньги отдаетъ, и отчего удовольствій никакихъ не желаетъ».

Я говорю: «извольте, я для васъ готова».

И послѣ этого сразу же, какъ только Клавдинька со двора, и я сейчасъ за нею, какъ полицейскій аргентъ, и все издали. Она пѣшкомъ—и я пѣшкомъ, она на гонку—и я въ слѣдующемъ агонѣ, она на извозчика—и я тоже, но изъ глазъ ее не выпускаю. Разъ, два, три такимъ манеромъ за ней погонялась, и наконецъ выслѣдила, что чаще всего она проникаетъ въ бѣдный домикъ, и въ одну квартиру юркнула съ свертками. Я сейчасъ къ дворнику, дала ему на чай и стала спрашивать: кто въ этой квартиркѣ живетъ?—Говоритъ: «одна бѣдственная старушка обитаетъ». Кто же къ ней ходитъ?—«Приходятъ, говоритъ, одна барышня, да племянникъ ейный». Молодой, спрашиваю, племянникъ?—«Молодой!»—И вмѣстѣ сходятся?—«Бываютъ и порознь, бываютъ и вмѣстѣ».

Поймала голубку!..

— Ес вы поймали, а меня не жмите; я вамъ сказала,

что хоть вы и просвирковатая, а я вашей иголки боюсь, — отозвалась съ усиленной полусонной оттяжкой Анчка.

— Ахъ, ты, пріятненькая! дай мнѣ только хоть твое мармеладное плечико-то поцѣловать...

— Ни за что на свѣтѣ! мои плечи не для такихъ поцѣлуевъ созданы. Продолжайте рассказывать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Взворотилась я домой къ Степеневымъ и, какъ умѣла, все имъ передала.

— Ну, да ужъ я думаю, вы сумѣете!

— Конечно, сумѣла. Парень съ дѣвкою такой выдающейся у старухи сходится, — что тутъ еще угадывать, чѣмъ они занимаются? Я, впрочемъ, — не думай, — я не матери, а только теткѣ Ефросиньѣ Михайловнѣ сказала, а она вспомнила, что у нихъ мать была раскольница и хоть по поведенію своему была преспотенная, но во всѣхъ книгахъ у своего же дворника «дѣвкою» писалась, то ей и стало Клавдію жалко, и она дала мнѣ тридцать рублей и просила:

— «Молчи, другъ мой Мартыновна, никому объ этомъ грандеву не рассказывай: тайно бо содѣянное — тайно и судится. Ежели это уже сдѣлалось, то пусть погуляетъ, ся фигура миліатюрная, ничего незамѣтно будетъ, а мы тѣмъ часомъ ей жениха найдемъ. Тогда ужъ она не станетъ капризничать.

Стала тетка Ефросинья Михайловна ходить по свахамъ. Клавдинькѣ жениховъ выспрашивать, и успѣхъ былъ очень порядочный, даже, можно сказать, выдающійся; но она, вообрази себѣ, кто ни посватаетъ, обо всѣхъ одинъ отвѣтъ:

— «Я не знаю его образъ мыслей; нужно, чтобы мы были другъ другу по мыслямъ».

Вотъ вѣдь у нихъ — не то, чтобы какъ слѣдуетъ чело-вѣкъ по своему роду или капиталу подходилъ, или по наружности личности нравился, а у нихъ чтобы себѣ по мыслямъ добирать!

А потомъ вдругъ сама объявляетъ, что ей по мыслямъ пришелъ Ферштетовъ родственникъ, докторъ.

Мать-то Маргарита — полная, — какъ услышала это, такъ и брякъ съ ногъ, сѣла на полъ.

Клавдинька ее поднимать, а она приказываетъ:

— «Оставь!.. Убивай меня здѣсь! Онъ изъ нѣмцевъ?»

— «Да, мама».

— «А какой онъ вѣры?»

— «Реформаторъ».

— «Что такое еще за реформаторъ, съ кѣмъ родниться приходится?»

Дядя же Николай Ивановичъ былъ подвыпивши и говорить:

— «Реформаторы, это я знаю: это тѣ самые, которыхъ вѣщаютъ».

— «Господи!»

А Клавдинька обернулась на него въ полъ-оборота и говорить:

— «Перестаньте, дяденька, мою мать тревожить и себя стыдить. Реформатская церковь есть».

Николай Ивановичъ говорить:

— «А это другое дѣло, но постановь вопроса такой: я, какъ выдающійся членъ въ домѣ и петріотъ, желаю, чтобы ты выходила за правильнаго человѣка настоящей православной вѣры».

А она отвѣчаетъ:

— «Ну, полно вамъ, дядя, что вы за богословъ! вы такъ говорите, а сами и никакого православія отличить не можете».

— «Нѣтъ, это ты лжешь! Я старостой былъ и своему батюшкѣ даже набрюшникъ выхлопоталъ».

Тогда Клавдюшенька ласково его потрепала и говорить:

— «Вотъ только-то всего вы и знаете, какъ набрюшники выхлопывать. Встаньте-ка лучше съ этого табурета да подите велите себя обчистить, а то вы всѣ глиною замарались».

Николай Ивановичъ ушелъ и все покончилось, но на другой день опять приходитъ къ ней въ высшемъ градусѣ и видитъ кругомъ рожи съ рожками да съ козлиными ножками, и опять ей началъ говорить:

— «Когда это можно было ждать, чтобы дѣвушка, наслѣдница купеческаго рода, и такое уродство лѣпила! На что они кому-нибудь, эти болвашки?»

А она нимало не злобится и говорить:

— «Вы мнѣ что-нибудь другое закажите, я вамъ по вашему заказу другое сработаю».

Дядя говорить:

— «Я согласенъ и могу тебѣ бюстру заказать, но только божественное».

— «Закажите».

— «Сдѣлай моего ангела Николу, какъ онъ Арія въ цѣку бьетъ. Я прииму и заплачу».

— «Лучше сдѣайте, какъ онъ о бѣдныхъ хлопоталъ или осужденныхъ юношей отъ казни избавилъ».

— «Нѣтъ, этого я не могу. Я самъ бѣднымъ подаю и видѣлъ, какъ казнятъ... Это тоже необходимо надобно... ихъ священникъ провожаетъ... А ты представь мнѣ, какъ свититель посреди собора Арія по щекѣ хлопнулъ».

Сейчасъ и пошелъ у нихъ новый споръ, пошелъ и о казни, и о пощечинѣ, и Клавдинька въ концѣ говоритъ:— «Я этого не могу».

— «Почему? Развѣ тебѣ не все равно?»

— «Во-первыхъ, мнѣ это не равно, потому что хорошо то работать, что нравится, а мнѣ это не нравится; а вторыхъ, слава Богу, теперь извѣстно, что этой драки совсѣмъ и не было».

Николай Ивановичъ сначала удивился, а потомъ и сталъ гричать:

— «Не смѣй этого и говорить!.. Потому что это было, да, было! Онъ его при всѣхъ запалилъ».

А Клавдія говоритъ:— «Нѣтъ!»

Дядя говоритъ:— «Ты это только для того со мной споришь, чтобы мнѣ досадить, потому что я его уважаю».

А Клавдія отвѣчаетъ:

— «А мнѣ кажется, что я его уважаю больше, чѣмъ вы, и хочу, чтобы и вы то знали, за что его уважать должно».

И чтобы споръ порѣшить, Николай Ивановичъ вздумалъ ѣхать ко всенощной, а оттуда къ какому-то профессору спрашивать у него: было ли дѣйствіе съ Аріемъ? И поѣхалъ, а на другой день говоритъ:

— «Представьте, я вчера съ профессоромъ на бляярдѣ игралъ и сдѣлалъ ему постановъ вопроса объ Аріи, а онъ дѣйствительно подтверждаетъ, что наша ученая правду говоритъ — угодника на этомъ соборѣ дѣйствительно совсѣмъ не было. Мнѣ это большая неприятность, со мной черезъ это страшный переломъ религіи долженъ выйти, потому что я этотъ фактъ больше всего обожаю, и вчера какъ

заспорилъ, то этому профессору даже бляердный шаръ въ лобъ пустилъ; теперь или онъ на меня жалобу подастъ и я долженъ за свою вѣру въ тюрьмѣ сидѣть, или надо ѣхать къ нему прощады просить. Вотъ какая мнѣ катастрофа отъ Клавдіи сдѣлана!»

Сль и зарыдалъ.

Тутъ Ефросинья Михайловна за него вступилась и говорить сестрѣ:

— «Какъ ты себѣ хочешь, Маргаритенька, а что же это такое въ самомъ дѣлѣ, что отъ Клавдіи уже всѣ плачутъ; теперь и мнѣ въ твоёмъ домѣ жутко, хоть со двора бѣги».

Тогда и Маргарита согласилась и ко мнѣ обращается:

— «Съѣзди, — говорить, — пожалуйста, Мартыновна, и пригласи».

Я отвѣчаю:

— «И давно бы такъ: благо теперь такой выдающійся случай, что окончательно всѣ принадлежности можно спутать, такъ что изъ нихъ никто и не разберетъ, для кого это дѣлается: Николай Ивановичъ будетъ думать, что это для Клавдиньки, а Клавдинька пусть думаетъ, что для Николая Ивановича».

И Маргарита, и Ефросинья меня расцѣловали.

— «Ты,—говорять,—у насъ умница, прокатись, милая, и все какъ должно обдѣлай, чтобы мнѣ безъ хлопотъ, только деньги выдать».

— «Извольте, но только напишите привѣтственное письмо отъ себя и отъ Николая Ивановича, какъ отъ выдающагося члена фамилии, чтобы мнѣ было съ чѣмъ пріѣхать приглашать. Безъ этого немислимо».

Онѣ согласились; но только вышло затрудненіе, кто это письмо напишетъ, потому что старухи ищутъ курилянкою и своего руки подчерка совѣстятся, а у меня *те, ша и ша, те* всегда въ одинъ видъ сливаются, и въ другой разъ смысла не выходитъ. Да и не знаемъ, какъ ему надо подписывать: просто его высокопреподобію, или высоко-оберъ-преподобію.

Вздумали: позовемъ Клавдиньку,—она больше всѣхъ катехизисъ учила и должна всѣ формы духовнаго обращенія знать.

Но только попросили Клавдиньку, чтобы пришла изъ

своей комнаты письмо написать, съ нею сейчасъ опять сразу же непріятность готова: пришла, сѣла и перо въ руки взяла, а какъ только узнала, къ кому,—опять перо положила и руку вытерла, и встала.

Мать спрашиваетъ, что это значитъ, а она извиняется:

— «Я,—говорить,—мама, не знаю, какъ къ этимъ господамъ писать принято, а потомъ, мнѣ кажется, что если позволите сказать вамъ мое мнѣніе, то мнѣ кажется, зачѣмъ призывать лицо изъ такой отдаленности, а своихъ ближнихъ лицъ этого званія устранять. Вѣдь они все одно и то же могутъ исполнить, зачѣмъ же обижать ближнихъ?»

Старуха и задумалась.

Ну, я вижу, что это пойдетъ опять множественный разговоръ въ неопредѣленномъ наклоненіи, и скорѣй перебила.

— «Оставьте,—говорю,—я летаю въ мѣховой магазинъ на линію, тамъ всегда ажидацію сбиваютъ, и должны знать, какъ къ нему письма писать!»—и полетѣла.

Тамъ сразу написали, и я къ Николаю Ивановичу понеслась, чтобы онъ подписалъ.

— Вотъ хлопотунья вы!—протянула Анчка.

— Да, внутри себя съ иглой... я ужъ всегда такая развизная и живая. Но представь ты себѣ... я не знаю, ты вѣришь или не вѣришь въ искушенія?

— Какъ же, вѣрю, а въ другой разъ не вѣрю.

— Завсегда вѣрь; я всегда вѣрю, и они какъ нарочно бываютъ, когда человѣкъ къ вѣрѣ близится. Такъ и тутъ, вообрази, что случилось!..

Николая Ивановича я въ ихъ магазинъ не застала. Приказчики говорятъ, что онъ опять въ угарѣ и пошелъ съ галантерейными голанцами въ «Паганистанъ» завтракать и шары катать. Я въ «Паганистанъ» и посылаю съ швейцаромъ письмо, чтобы Николай Ивановичъ подписалъ, а онъ уже всѣхъ голандцевъ разогналъ и одинъ сидитъ, черный кофе съ коньякомъ пить и къ себѣ меня въ кабинетъ требуетъ. Я вхожу и вижу, что у него рожа бургонская, потому что онъ не только отъ вчерашняго еще не прохладился, а на старыя дрожжи еще много и новаго усердія подбавилъ. Сталъ читать и ничего уже не разбираетъ. Держитъ листокъ и самъ спрашиваетъ меня:

— «Про что это здѣсь настроено это къ Корифеямъ посланіе,—я ничего не понимаю».

Я говорю:—«Это въ вашемъ же желаніи, о выдающемся благочестіи, чтобы Клавдинькѣ дать полезную назидацию».

А онъ отвѣчаетъ:—«По мнѣ теперь все равно; если Арію плюхи не дано, такъ не надо никому и назидаци».

А я и ухватилась за это.

— «Вотъ,—говорю, — мы въ этомъ же и сдѣлали политическій компотъ, чтобы ее, нашу ученую, и упрровергнемъ и покажемъ ей плюху во всю щеку румянца. Такъ и такъ: я вотъ кого на нее привезть хочу и только за вами дѣло стало, чтобы вы письмо подписали и встрѣтить поѣхали. Вамъ это не трудно будетъ надѣть на себя на одинъ часъ свои принадлежности».

— «Нѣтъ,—говоритъ,—теперь такой постановъ вопроса, что я въ выдающемся родѣ разстроены, у меня въ подзельномъ банкѣ самыя вредныя послѣдственныя дѣла вскрываются, и если еще узнаютъ ко всему этому, что я особенное благочестіе призываю, то непременно подумаютъ, что я совсѣмъ прогорѣлъ, и это мнѣ всего хуже. А вашъ женскій политическій компотъ я и знать не хочу, а поѣду, все остальное промотаю и на сестру векселей напину».

Я вижу, что онъ въ такомъ безразсудкѣ, и домой его зову, но онъ и слышать не хочетъ.

— «Да ты,—говоритъ,—что это... давно, что ли, на домашняго адвоката экзаменъ сдала? такъ я тебя сейчасъ же или по-домашнему побую, или такой постановъ вопроса сдѣлаю, что позову изъ общей залы политическаго аргента и тебя за компотъ подъ надзоръ отдамъ. А если хочешь всего этого избавиться, то отправимся со мною вмѣстѣ, заѣдемъ въ родительный домъ».

— «Зачѣмъ,—говорю, — батюшка, зачѣмъ въ родительный домъ?»

— «Мы тамъ захватимъ съ собою одну знакомую дежурную акушерку, Марью Амуровну».

— «Да что ты, осатанѣлъ, что ли! мнѣ не нужно дежурную акушерку».

Но онъ вѣдь такой нестойчивый, что какъ прицѣнитъ, то точно півокъ или банная листа. Къ чему онъ затѣялъ эту акушерку, и пошелъ ее выхвалять такъ, что я даже понять не могу, на какомъ она издивеніи.

— «Марья Амуровна,—говоритъ,—въ акушеркахъ состоитъ только для принадлежности званія, а она живетъ

въ свое удовольствіе: поѣдемъ съ ней въ отель Лангетеръ и будемъ безъ всего дурного антруи клюко пить, и она будетъ одна танцовать».

— «Такъ зачѣмъ же,—говорю,—антруи ѣхать? Я не хочу, вдвоемъ поѣзжайте».

— «Нѣтъ, — говоритъ, — теперь къ женскому полу кто вдвоемъ ѣздитъ—гоненіе; Марья Амуровиѣ могутъ быть непріятности, а ты будешь при насъ въ родѣ родственной дамы за ширмой торчать. Я тебѣ за это на караганчатомъ мѣху тальму дамъ».

И какъ присталь, какъ ущемили меня: ѣдемъ и ѣдемъ антруи, такъ и не отпалъ какъ пивовоѣ, и я должна была ѣхать, и все его безобразіе видѣла; до самаго утра они короводились, а я за ширмой спала, пока акушерка дальше и больше начала съ нимъ спорить, и онъ съ нею поссорился, и она одна уѣхала. Тогда я насилу могла уговорить его выйти и въ карету сѣсть. Но и то дорогой все назадъ рвется,—говорить:

— «Мнѣ еще рано, вѣдь я полуночникъ».

Я говорю: — «Какая же теперь полночь! Посмотри на часы-то на каланчѣ: вѣдь ужъ утро!»

А онъ отвѣчаетъ:—«Эти часы невѣрно стрѣлку показываютъ, а я по тому сужу, что фиміазмы слышу; это значить ночные фортепящики съ ящичками ѣдутъ, — стало-быть, до утра еще далеко».

И вдругъ ему показалось, будто ему въ «Лангетерѣ» чужую шляпу надѣли. Никакъ его не могу переспорить, что на немъ его собственная шляпа, которая и была.

— «Нѣтъ, — говоритъ, — я отлично помню, что у меня былъ надѣтъ круглый цимерманъ, а зачѣмъ теперь на мнѣ плоскій цилиндръ? Это, можетъ-быть, какой-нибудь вашъ политическій компотъ дѣйствуетъ, а съ меня такъ монументальную фотографію снимутъ, и я потомъ долженъ буду за тебя или еще за какую-нибудь другую фибзу отвѣчать и послѣдую въ отдаленныя мѣста, даже и самимъ ангеламъ невѣдомыя... Нѣтъ, ты меня въ компотъ не запутаешь. Я тебѣ самъ политическій процессъ сдѣлаю и буду кричать:— Спаси, Господи...»

И началъ городского звать.

Чтобы его утихомирить, я уже и говорю ему: — «Чортъ

съ тобою совѣмъ, возвращайся въ «Лангетеръ», я на всё ваши виды согласна.

Онъ и успокоился.

— «Хорошо,—говорить,—вотъ это я люблю. Мы теперь и не будемъ возвращаться, а поѣдемъ съ тобою на танцевальный вечеръ. Этихъ хозяевъ осуждаютъ, для чего къ нимъ честныя дамы не ѣздятъ,—ну, вотъ я къ нимъ тебя и привезу вмѣсто честной дамы. Тамъ до поздняго утра безобразить можно... Но только смотри — дома объ этомъ типунь... ни слова!»

— «Да ужъ, разумѣется, говорю, типунь. Что мнѣ за радость про свой срамъ-то рассказывать, куда ты меня, несчастную, возишь».

А онъ ласковый сдѣлался и говоритъ:

— «А ты, если хочешь покойна быть,—не думай ничего дурного: это мѣсто общественное, тутъ пальтошниковъ нѣтъ, а разная публика и при ней популярныя совѣтницы и интригантусы; мы здѣсь въ своей компаніи всю ашконику видимъ и называемъ себя: «дружки». Три мускатера: Тупась, Тушась и Тулясь, а я у нихъ командиръ. Тупась—это веселый голанецъ; а Тушась химикомъ съ завода считается, но онъ не химикъ, а вотъ именно самый популярный совѣтникъ, онъ присовѣтуетъ; а Тулясь—интригантусъ, онъ всѣхъ и спутаетъ. Ему стоить чью-нибудь карточку показать—и все сдѣлаетъ, познакомится, спутаетъ и въ руки доставитъ».

— «Господи! да это насчетъ чего же?»

А онъ отвѣчаетъ:—«Насчетъ чего хочешь и не хочешь».

— «Жалованье большое вамъ идетъ?»

— «Аргенту,—говорить,—и интригантусу идетъ, а я по своему благородному желанію изъ чести поступилъ, а теперь назадъ вопъ выйти уже невозможно».

Публика же въ этомъ ихъ обществѣ все оказались больше одни кукоты да кукотки, и кукоты всё неглиже какъ попало, а кукотки однѣ разодрѣты въ шелковье, а нѣкоторыя скромно, будто въ траурѣ, и всё подходятъ къ Николаю Ивановичу, какъ знакомыя, и кричатъ: «Командиръ», «Командиръ», и меня нисколько не конфузятся, а руки подають и зовутъ вѣжливо: «метеву-плисъ», то-есть значить: садитесь на мѣсто. А ему — вообрази, какъ только онъ увидалъ аргента и интригантуса, — опять постановь

вопроса о компотѣ въ голову лѣзеть, и онъ мнѣ шепчетъ на ухо:

— «Ты, пожалуйста, пей и не отказывайся, а то у меня этотъ интригантусъ теперь передъ глазами вертится, и если я на тебя разсержусь, то я ему могу про компотъ рассказать, а онъ послѣ, пожалуй, и меня самого занутаетъ».

И ни жива, ни мертва. Думаю: пьяный все сказать можетъ,—но шю поневолѣ и не знаю, чѣмъ дѣло кончится. А компанія у нихъ ужаснѣйшая: голанецъ этотъ, какъ арбузъ комышенскій, а аргентъ и интригантусъ сами небольшие, но съ страшными усами, а Николаю Ивановичу и всѣхъ еще мало и онъ набираетъ еще въ компанію кого попади и мнѣ рекомендуетъ: «этотъ актеръ—я его, говорить, люблю: онъ въ томъ состарѣлся, что при столахъ всѣхъ смѣшитъ». И цѣлуетъ его: «Пей, мамочка!»—«Этотъ сочинитель: онъ мнѣ къ именинамъ нѣжную эпитафію напишетъ». «Этотъ—художникъ: онъ мнѣ планъ садовой керамиды Крутильдѣ на дачу сдѣлаетъ, а этотъ въ оперѣ генераль-басъ, лучше Петрова пѣть можетъ»... А потомъ на минуту мужчинъ бросить и къ траурнымъ кукоткамъ по-французски... да все плохо у него выходитъ,—все вставляетъ: «команъ-диръ», да «команъ-диръ», а тѣ ему—«тре-шепете», да «тре-журавле»,—и вѣрами его хлопаютъ, а онъ тыръ-тыръ-тыръ, и пермете муа сортиръ, и заикнется, и спятится. И опять скорѣй по-русски чего-нибудь требуетъ: все ему подавайте, что нужно и что никому не нужно, а французики только «пассе», да «перепассе», не столько ѣдятъ, сколько ковыряютъ, а фиціанты все еще тащутъ и расковыренное назадъ уносятъ, а за буфетомъ тройнѣ счеты приписываютъ, а онъ знай командуетъ: «клюко, корнишонъ, брадолъсъ, цыгаръ такихъ, да цыгаръ этакихъ!» И все «пассе» да «перепассе», и отъ ѣды отпали, а только пьютъ, чокаются и заспорили про театральныхъ.

Актеръ сталъ генераль-баса упрровергать и говорить, что противъ Петрова ему никогда не спѣть, и такую Ругнѣду развели, что всѣ кукотки ушли, а масктеры ужъ одинъ другого крошать какъ попало и все ни во что не считаютъ. Кто-то кричитъ уже, что про Петрова совсѣмъ и вспоминать не стоить. А другой перекрикиваетъ: «я Тумберлика всѣмъ предпочитаю». А третій: «я Кальцонари и Бозю слушалъ»... «А я помню еще какъ Бурбо выходила въ

«Трубедурѣ», а Лавровская въ «Волшебномъ Стрѣльцѣ». Тутъ кто-то про Лавровскую сказала: «А зачѣмъ она когда постъ, то глазами моргаетъ?» А Николай Ивановичъ за нее заступился и закричалъ, что онъ всѣхъ выше одну Лавровскую обожаетъ, и сталъ ее представлять: заморгалъ въ-ками и загѣлъ женскимъ голосомъ:

«Мѣдный конь въ полѣ палъ!
Я пѣшкомъ прибѣжалъ!»

А одному военному это не понравилось, и онъ говоритъ: — «Лучше нашу кавказскую полковую»,—и завелъ:

«Въ долину Драгестанна
Съ винцомъ въ груди
Заснулъ отрадно я».

А другіе раздѣлились и хватили подтягивать кто кому попало, и завели такую кутинью, что стало невозможности, и вдобавокъ вдругъ у Николая Ивановича съ официантами возъярился споръ изъ-за цыгаръ и дѣло до страшнаго рубконашнаго боя угрожается. Онъ спрашивалъ какое-то «Буэно-Густо», и налили, а когда ящикъ погребовалъ, то оказалась надпись «Гуэно-Бусто», или будь оно пусто, а Николай Ивановичъ взялъ всѣ цыгары разломалъ и распивиралъ и ногами притопалъ. Это ужъ такой обыкновенный конецъ его поведенія, чтобы сдѣлать рубконашную.

Тогда сейчасъ, чтобы этого не допустить, явился нѣмецъ или еврей изъ-за буфета и начинаетъ его стыдить по-французски, а онъ, когда до денегъ дошло, уже не хочетъ затруднять себя по-французски, а высунулъ впередъ кукишь и по-нѣмецки спрашиваетъ:

— «Это хабензи гевидѣль?»

— «То-есть, значитъ, вы не хотите платить?»

— «Нѣтъ,—говоритъ:—подавай мнѣ счетъ!»

А когда подали счетъ, такъ онъ не принимаетъ: «Тутъ, говоритъ, все присчитано».

Провѣряетъ.—«Что это писано: «салатъ съ агмарами»—я это не требовалъ.... «Огурцы кашшонны»—не было ихъ».

Еврей ему ужъ по-русски говоритъ:

— «Помилуйте, какъ же не было! — Вѣдь этакъ можно сказать, что и ничего не было подано».

— «Нѣтъ,—говоритъ,—этакъ со мной не разговаривать! Я что видѣлъ на столѣ, за то плачу. Вотъ я вижу, что на столѣ лежитъ рыба-фишъ и изволь бери за нее шишъ, я

за нее плачу, а супъ братаньеръ здѣсь не былъ и ты его приписалъ, и я не плачу».

— «Да какой супъ братаньеръ?.. про него и не писано».

— «Ну, все равно, ты другое приписалъ».—И такъ заспорилъ—что хочешь съ нимъ дѣлай, онъ ни гроша не платитъ.

Я говорю этому хозяину:

— «Сдѣлайте милость, теперь его оставьте... вѣдь это онъ только теперь такъ... а завтра прищлите ему въ кладовую счетъ... онъ вообще господинъ очень хорошій».

А еврей отвѣчаетъ:

— «Мы знаемъ, что онъ вообще господинъ очень хорошій, но только зачѣмъ онъ такой дурной платитъ!»

Однако выпустили. Думаю, наконецъ, съ миромъ изыдемъ, анъ нѣтъ: въ швейцарской захотѣлъ-было что-то дать швейцару изъ мелочи и заспорилъ:

— «Не мои калоши,—говоритъ,—мнѣ подали: мои были на пятакахъ съ набалдашниками!»

Шумѣлъ, шумѣлъ и всю мелочь опять назадъ въ карманъ сунулъ и ничего не далъ, и уѣхалъ.

На воздухѣ дремать сталъ и въ просоньяхъ все крестится и твердитъ: «сан-петъ, сан-петъ».

Я его все потрогиваю—какъ бы онъ не умеръ—онъ и очнулся.

— «Я, говорю,—испугалась, чтобы ты не умеръ».

— «И я,—говоритъ,—испугался: мнѣ показалось, что у меня тузъ и дама самъ-пикъ и король самъ-бубень»...

«Эге! думаю, бабушка: вонъ ты ужъ какъ залепеталъ!»

— «Высуньтесь, — говорю, вы, Николай Ивановичъ, въ окошко—вамъ свѣжесть воздуха пойдетъ».

Онъ высунулся и подышалъ, и говоритъ:

— «Да, теперь хорошо... теперь уже нѣтъ фиміазмы. Значитъ, всѣ фортепянишки проѣхали.. и вонъ мелочныя лавочки ужъ открываютъ. Утро, благослови, Господи! Теперь постановь вопроса такой, что ты выльзай вонъ и ступай домой, а я одинъ за заставу въ простой трактиръ чай пить поѣду».

Я говорю:—«Отчего же не дома пить чай?»

— «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчаетъ:—что ты за домалиннй адвокатъ, я за заставу хочу и буду тамъ ждать профес-

сора: я съ нимъ теперь объ Ариі совѣмъ другой постановъ вопроса сдѣлаю».

— «А какъ же, — говорю, — письмо подписать?»

А онъ меня — къ чорту.

Я даже заплакала, потому что какъ же быть? Все, что я претерпѣла, значить, хинью пошло. Начинаю его упрашивать, даже руку поцѣловала, а онъ хоть бы что!

— «Не задерживай, — говоритъ, — вотъ тебѣ рубль, иди въ мелочную лавку, пускай за меня лавочникъ подпишетъ: они это дѣйствуютъ». — А самъ меня вонъ изъ кареты пихаетъ.

Я и высѣла, и вошла въ лавочку. Лавочникъ крестится, — говоритъ: «первая покупательница, Господи благослови», а подписать за Николая Ивановича не согласился, — говоритъ: «Конечно, это дѣло пустое, но мы нынче полициі опасаемся, и даже чернилъ въ лавкѣ не держимъ». На мое счастье тутъ читальщикъ вбѣжалъ, покислѣе квасу захотѣлъ напиться, и онъ мнѣ совѣтъ далъ вскочить въ церковь къ вынимальщику, который просвиры подписываетъ. Тотъ, говоритъ, подпишетъ. Онъ и подписалъ, да на что-то, глупецъ, ненужныя слова прибавилъ: «Николай Степеневъ и всѣхъ сродниковъ ихъ».

Я этого тогда, спасибо, и не досмотрѣла.

Довольно съ меня, намучилась, сунула письмо за лифъ и домой пришла и все поведеніе его степенства сестрамъ рассказала, начиная съ Марьи Амуровны, но подь клятвою, и говорю:

— «Теперь сами думайте, что съ нимъ дѣлать».

Маргарита Михайловна, однако, еще и тутъ не рѣшилась, — все держалась наклоненія неопредѣленнаго, думала, что для нея довольно того будетъ, если она у него довѣренность назадъ отберетъ. «Но впрочемъ, — прибавила, — если Клавдинька не откажется отъ своей жизни и простоты и чтобы за реформатора замужъ идти, то я согласна: поѣзжайте и просите».

Позвали Клавдиньку.

— «Клавдія! можетъ-быть, ты ночью обдумалась и не будешь стоять на томъ, что тебѣ Ферштетовъ братъ по мыслямъ, тогда скажи, мы Марью Мартыновну и не пошлемъ».

А та со всегдашнею своею ласковостью отвѣчаетъ:

— «Нѣтъ, мамочка, я не могу это отдумать: онъ честный и добрый человекъ, и я его потому люблю, что могу съ нимъ согласно къ одной цѣли жизни идти».

— «Какая же это цѣль жизни вашей: чтобы не столько о себѣ, какъ о другихъ заботиться?»

— «Да, мама, чтобы заботиться не только о самихъ себѣ, но и о другихъ».

— «Это, значитъ, чужія крыши крыть».

Тогда Маргарита Михайловна обратилась ко мнѣ и говорить:

— «Въ такомъ разѣ, Марья Мартыновна, поѣзжайте».

Тутъ я въ первый разъ видѣла, какъ Клавдинька себѣ измѣнила.

Скрытница, скрытница, однако покраснѣла и твердо заговорила:

— «Мама! Если вы эту непонятную посылку дѣлаете для меня, то увѣряю васъ... это ни къ чему не поведетъ».

— «Ничего, ничего! Пусть это будетъ».

— «Да вѣдь, родная, изъ этого ровно ничего не выйдетъ!»

— «Ну, это мы еще увидимъ. У людей польза была, и намъ поможетъ. Поѣзжайте, Марья Мартыновна».

Клавдинька еще просить стала, чтобы оставить, но мать отвѣтила:

— «Наконецъ, что тебѣ за дѣло: я просто для себя желаю въ выдающемся родѣ молиться! Надѣюсь, я имѣю на это право?»

— «Ну, какъ вамъ угодно, мама!»—отвѣтила Клавдинька и ушла къ себѣ своихъ лѣсныхъ чертей лѣпить, а я отправилась творить волю посланнаго и думала все здѣсь просто обхлопотать, вотъ какъ и ты теперь смѣло надѣешься.

— Да вы про меня не беспокойтесь!—отозвалась Личка.— Я смѣла и знаю, почему я могу быть смѣла: я капиталу не пожалѣю, такъ кого захочу, того къ себѣ, куда вздумаю, туда въ первомъ классѣ въ купѣ и выпишу.

— Ну, я не знаю, сколько ты намѣрена не пожалѣть, но, однако, и съ капиталомъ иногда пишъ съѣшь.

— Полноте, съ капиталомъ-то... всякому можно сказать: «хабензи гевидѣль».

— Нѣтъ, какъ ототрутъ, такъ и не «гевидишь».

— Какъ же это меня отъ собственнаго моего капитала ототрутъ?

— Да, да, да! Такъ и я тогда поѣхала, такъ и мнѣ тогда все казалось очень легко.

— А отчего же тяжело-то сдѣлалось?

— Оттого, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ себѣ всего представить, что можетъ быть при большой ажидаціи.

— Да вы это не закидывайте, чтобы услугу свою выставлять, а рассказывайте: что же такое было съ вами самое выдающееся?

— «Хабензи» увидишь.

— Ну... послушайте... вы такъ со мною не смѣйте... я это не люблю.

— А отчего же?

— А оттого же, что вы моихъ шутокъ не повторяйте, а рассказывайте мнѣ: какъ вы сюда пріѣхали и что за этимъ начинается.

— Ну, начинаются басомпьеры.

— Вотъ и постоитъ: начинаются «басомпьеры» — что же это такое за басомпьеры?.. Вы, кажется, на меня дуетесь? такъ вы не дуйте и тоже и не говорите сердитымъ голосомъ: я вѣдь при своемъ капиталѣ ничего не боюсь, и я васъ не обидѣла, а баловать, кто у меня служить, я не люблю. Говорите же, что же это такое басомпьеры?

— Люди такъ называемые.

— Вотъ и рассказывайте.

Бѣдная Марья Мартыновна вздохнула и, затанувъ въ себѣ вздохъ на половину, продолжала повѣствованіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

— Начались мои муки здѣсь, — заговорила снова Марья Мартыновна: — съ перваго же шага. Какъ я только высѣла и пошла, — сейчасъ мнѣ попался очень хорошій человѣкъ извозчикъ — такой смиренный, но рѣчистый — очень хорошо говорилъ. И вотъ онъ видитъ, что мнѣ здѣсь мѣсто не знакомое, кланяется и говоритъ:

— «Пожелавъ вамъ всего хорошаго, осмѣлюсь спросить: вѣрно вамъ нужно къ пѣвцу или въ Ажидацію?»

Я даже не поняла и говорю:

— «Что такое за пѣвецъ, зачѣмъ мнѣ къ нему?»

— «Онъ,—говорить,—все аккордомъ дѣлаетъ».

И это мнѣ извозчикъ говорилъ очень полезное и хорошо, но я не поняла, что значитъ: «аккордъ», и отвѣчала:

— «Мнѣ нужно просто—гдѣ собирается ажидація».

Извозчикъ тихо говоритъ:

— «Просто ничего не выйдетъ, а иѣвецъ лучше вамъ устроить аккордъ, такъ какъ онъ его сопровождающій и всегда у него при локтѣ».

— «Ну,—я говорю,—вѣрно это какой-нибудь аферистъ, а я съ такими не желаю, и тебя слушать не намѣрена».

— «Ну, садитесь,—говорить,—я васъ за двугривенный свезу въ Ажидацію».

И привезъ меня сюда честно, но мнѣ и здѣсь какъ-то дико показалось. Внизу я тогда никого не застала, кромѣ мальчика, который съ конвертовъ марки склеиваетъ. Спросила его:

— «Здѣсь ли ожидаютъ?»

Онъ шопотомъ говоритъ:—«Здѣсь».

— «А гдѣ же старшіе?»

Не знаетъ. И все, о чемъ его ни спрошу, все онъ не знаетъ: видать—школенный, ни въ чемъ не проговорится.

— «А зачѣмъ,—говорю,—столько марокъ собираешь? Это знаешь ли?»

Это знаетъ.

— «За это,—отвѣчаетъ,—въ Ерусалимѣ бутылъ масла и цыбикъ чаю даютъ».

Умный, думаю, мальчишка,—какой хозяйственный, но все-таки, чѣмъ его дѣтскія рѣчи здѣсь слушать, пойду-ка я лучше въ храмъ, посмотрю, не тамъ ли сбиваютъ ажидацію, а кстати и боготворной иконѣ поклонюсь.

Около храма—вижу—кучка людей, должно быть тоже съ ажидаціей, а какіе-то люди еще все подходятъ къ нимъ и отходятъ, и шушукуются,—ни дать, ни взять, какъ пальтошники на панеляхъ. Я сразу ихъ такъ и приняла за пальтошниковъ и подумала, что, можетъ-быть, и здѣсь съ прохожихъ монументальныя фотографіи снимаютъ, а послѣ узнала, что это они-то и есть здѣшней породы басомшеры. И между ними одинъ ходитъ этакой аплетического сложения, и у него страшно выдающійся бугровый носъ. Онъ подходитъ ко мнѣ и съ фономъ спрашиваетъ:

— «По чьей рекомендаціи и гдѣ пристали?»

Я говорю:—«Это что за спросъ! Тебѣ что за дѣло?»

А онъ отвѣчаетъ:—«Конечно, это наше дѣло; мы всѣ при немъ отъ Моисея Картоныча».

— «Брысь! Это еще кто такой Моисей Картонычъ и что онъ значить?»

— «Ага!—говорить,—а вамъ еще неизвѣстно, что онъ значить! Такъ узнайте: онъ въ болотѣ на цаллиныхъ яйцахъ сидитъ—живыхъ журавлей выводитъ».

Я ему сказала, что мнѣ это не интересно, и спросила: не знаетъ ли онъ, гдѣ риндательша?

Онъ качнулъ головой на церковь.

— «А скоро ли, спрашиваю, кончатъ вечерню?»

— «У насъ нонче не вечерня, а всенощная».

— «Не можетъ быть,—говорю,—завтра нѣтъ никакого выдающагося праздника».

— «Да, это у васъ нѣтъ, а у насъ есть».

— «Какой же у васъ праздникъ?»

— «А право,—говорить,—въ точности не знаю: или семь снящихъ дѣвъ, или теченіе головы Потоковы».

— «Ну,—говорю,—я вижу, что хотя вы и возлѣ святини чего-то ожидаете, а сами мерзавцы».

— Да, да,—отвѣчаетъ,—а вамъ, пожелавъ всего хорошаго, отходи, пока не выколочена».

Я больше и говорить не стала, вошла въ храмъ и отстояла службу, но и тутъ все замѣчаю, будто шепчуть аргенты,—и началось на меня безпокойство, что непременно какъ сунутся къ боготворной иконѣ, такъ у меня вытаскать деньги. Вышла я и возвратилась сюда и помѣстилась вотъ точно такъ же здѣсь, только въ маленькой-премаленькой комнаткѣ, за два рубля, и увидала тутъ въ коридорѣ самыхъ разныхъ людей и стала слушать. Одинъ офицеръ изъ Ташкента пріѣхалъ и оттуда жену привезъ: такъ съ нею вѣдь какое невообразимое несчастіе сдѣлалось: они по страшной жарѣ въ тарантасѣ на верблюдѣ ѣхали, а верблюдъ идетъ неплавно, все дергается, а она грудного ребенка кормила, и у нея отъ кожныхъ ханья въ грудяхъ изъ молока кумысъ свертѣлся!.. Ребенокъ отъ этого кумыса умеръ, а она не хотѣла его въ песокъ закопать и получила черезъ это родъ помѣшательства. И они вотъ эти-то желали, чтобы имъ завтра получить самое первое благословеніе и побольше денегъ. То-есть, разумѣется, не сама

сумасшедшая этого добивалась, а ее мужъ. Этакимъ, правду сказать, съ виду непріятный, и съ красными глазами, такъ около всѣхъ здѣшнихъ и юлитъ, чтобы ему устроили получение, и всѣхъ подговариваетъ: «Старайтесь, — что Богъ дастъ—все пополамъ». А его и слушать не хотятъ. Зачѣмъ дѣлать пополамъ, когда всякъ самъ себя все радъ получить! Ну, а я какъ денежнаго благословенія у него себя просить не намѣрена, то по самолюбію своему и загордичилась — думаю: что мнѣ такое? — мнѣ никто не нуженъ! Такъ все и надѣялась своимъ бабскимъ умомъ сама обхватить и достигнуть выдающейся цѣли своей аждаціи: но въ комъ сила содержится и что есть самое выдающееся, того и не поняла.

— А что же здѣсь самое выдающееся? — полюбопытствовала Аичка.

— Вотъ отгадай.

— Я не люблю отгадывать: впрочемъ, вѣрно—благословеніе?

— То-то и есть: благословеніе, но какое? Всякій говорить «благословеніе», а что именно такое заключаетъ въ себя благословеніе, это не всякій понимаетъ. Ты вѣдь священную исторію, небось, учила?

— Учила, да ужъ все позабыла.

— Какъ это можно! Все позабыть это невысказимо.

— Ну, вотъ, а я забыла.

— Ну, вспомни про Исава и Якова. Ихъ Богъ еще въ утробѣ не сравнилъ: одного возлюбилъ, а другого возненавидѣлъ.

Аичка разсмѣялась.

— Чего же ты, милушка, смѣешься?

— Да что вы какіе пустяки врете!

— Нѣтъ, извини, это не пустяки.

— Да какъ же, развѣ я не понимаю... въ утробѣ ребенокъ ничего не пьетъ и не ѣстъ, а только потѣеть. Въ чемъ же тутъ причина, за что можно ихъ одного возлюбить, а одного возненавидѣть? Это только мать можетъ ненавидѣть, которая стыдится тяжелой быть, а Богъ за что это?

— Ну, ужъ за что возненавидѣлъ Богъ—объ этомъ ты не у меня, а у духовныхъ спроси; но первое благословеніе всегда бываетъ самое выдающееся. Яковъ надѣлъ себя

на руки овечьи пагlinkи и первое выдающееся благословеніе себѣ и сцаналь, а Исаву осталось второе. Второе благословеніе—это уже не первое. Въ здѣшнемъ мѣстѣ ужь замѣчно, что самое выдающееся—это то, гдѣ его раньше получаютъ. Тамъ и исполненіе будетъ и въ деньгахъ, и отъ впоіемціи, а что позже пойдетъ, то все будетъ слабѣе. «Сила его исходяще и совѣщающе».

— Вотъ это я помню, что объ этомъ я гдѣ-то учила,—вставила Аичка.

— Нѣтъ, а я хотя объ этомъ и не учила, а взяла да свою записку сверху другихъ и положила, но риндательша меня оттолкнула и говоритъ: «Пожалуйста здѣсь не распоряжайтесь». Однако, онъ мое письмо прочиталъ и говоритъ:

— «Вы сами, или нѣтъ, Степенева?»

— «Никакъ нѣтъ,—говорю,—я простая женщина».

Онъ перебилъ:

— «Всѣ простые, но вѣдь есть еще Ступины—или Ступины».

— «Нѣтъ,—отвѣчаю,—я не отъ тѣхъ,—я отъ Степeneвыхъ. Домъ выдающійся».

— «Кто у нихъ боленъ?»

— «Никто,—отвѣчаю,—не боленъ: всѣ, слава Богу, здоровы».

— «Такъ о чемъ же вы просите?»

Отвѣчаю:—«Я по ихъ порученію: просятъ васъ къ себѣ и желаютъ на добрыя дѣла пожертвовать».

— Хорошо,—говоритъ,—я послѣзавтра буду и ожидайте».

Я благословила и съ первымъ отходомъ ѣду назадъ съ ажидаціей. И на дунгѣ у меня такая побѣдная радость, что никому я не кланялась и ничего не дала ни пѣвцу, ни сѣвцу, ни риндательшѣ, а все такъ хорошо и легко обдѣлала. Всѣмъ, кто вмѣстѣ со мною возвращается, я какъ сорока болтаю: вотъ послѣзавтра онъ у насъ первыхъ будетъ, мнѣ велѣлъ себя ждать съ каретою. Разспрашиваютъ: какъ моя счастливая фамилія? А я по своей простотѣ ничего дурного не подозреваю и всѣмъ, какъ дура, откровенно говорю, что моя фамилія ничтожная, а счастливая фамилія—это выдающіеся купцы Степeneвы. Тутъ еще споръ вышелъ изъ-за того, что это фамилія выдающаяся или не выдающаяся. Только одинъ поваръ вступился:

— «Я,—говорить,—знаю фруктовщиковъ Степеневыхъ, такъ тѣ выдающіеся: я черезъ нихъ у генерала мѣста лишился за то, что они мнѣ фальшивый сыръ подвернули».

А другіе пассажиры совсѣмъ будто никакихъ Степеневыхъ не знаютъ, а я имъ сдуру и пошла все расписывать,—совсѣмъ и въ понятіи не имѣю, что изъ этого при человѣческой подлости можетъ выйти.

— А что же выйдетъ?—протянула Анчка.

— Ахъ, какой фортъ ангельъ вышелъ! Вдругъ на меня напалъ ташкентскій офицеръ и началъ кричать: «Замолчите вы, пустозвонка! мнѣ васъ скверно слушать, вы меня раздражаете! Я этому человѣку въ его святость совсѣмъ не вѣрю: я вотъ къ нему со своею больною двѣнадцать рублей проѣздилъ, а онъ мнѣ всего десять рублей подалъ! Это подлость! Пьетъ изъ ушата, а цѣдитъ горсточкой; а его подлокотники въ трубы трубятъ и печатаютъ. Это базарь!»

Всѣ отъ его крика даже присмирѣли, потому что видъ у него сдѣлался очень жадный: женѣ онъ швырнулъ два баранка, какъ собаченочкѣ, а самъ ходитъ и во всѣ стороны глаза мечетъ.

Люди тихо говорятъ:—«Не отвѣчайте ему,—это петріотъ механику стронтъ».

Но одинъ лавочникъ его призналъ и пояснилъ:

— «Никакой онъ, — говоритъ, — не петріотъ, а просто мошенникъ, и которую онъ несчастную женщину при себѣ за жену возитъ—она ему вовсе не жена, а съ постоялаго двора дурочка».

И точно, только-что мы пріѣхали и стали вылѣзать, къ нему сейчасъ два городскихъ подошли и повели его въ участокъ, потому что эту женщину родные разыскиваютъ.

Повздыхали всѣ: ахъ, ахъ, ахъ! Какая низость! Какой обманъ! И подивились, какъ онъ ничего этого не прозрѣлъ! А потомъ испугались. Да и гдѣ можно все это пропикать въ такой сутолокѣ! И разсыпались всѣ по своимъ домамъ.

Пріѣзжаю и я прямо къ Маргаритѣ Михайловнѣ и говорю ей: «Креститесь и радуйтесь, Богъ милость послать. Послѣзавтра на нашей улицѣ праздникъ будетъ и васъ счастье осѣнитъ: я согласіе получила и угромъ мнѣ надо вѣхать встрѣчать его на ажидаціи».

Всѣ тутъ обрадовались, и Маргарита Михайловна, и Ефросинья Михайловна, и начали меня разспрашивать: «узнала ли я, чѣмъ его принимать и просить». Я говорю: я все узнала, но не надо ничего особенно выдающагося, кромѣ чаю съ простой булкой и винограду; а если откупать согласится, то надо супъ съ потрохами.

— «А можетъ - быть, какого - нибудь вина превосходнаго?»

— «Вина, — говорю, — можно подать только превосходной мадеры, но самое главное вы сейчасъ разрѣшите, кто поѣдетъ его встрѣчать на ажидацію: вы ли сами, или я, или Николай Иванычъ, если онъ въ своей памяти. По-моему, всѣхъ лучше Николай Иванычъ, такъ какъ онъ мужчина и членъ въ домѣ выдающійся. Только если онъ теперь опять не съ буланцемъ».

Рѣшили, что Николай Иванычъ и я вдвоемъ поѣдемъ. Какъ-нибудь ужъ его на этотъ часъ уберечь можно. Оттуда Николай Иванычъ пусть съ нимъ вмѣстѣ въ карету усядется, а я назадъ на пролеткахъ приѣду.

На счастье намъ, Николай Иванычъ ввечеру явился въ раскаяніи и въ забытіи: идетъ и самъ впереди себя руками водить и бармутить:

— «Дорогу, дорогу... идетъ гласъ выпѣвающій... уготовьте путь ему въ пустынь... о, Господи!»

Да и застрялъ въ углу, и началъ искать чего-то у себя по карманамъ.

Я подошла и говорю: — «Чего, опять вчерашняго дня, небось, ищете? Удаляйтесь скорѣй на покой».

А онъ отвѣчаетъ:

— «Подожди... тутъ у меня въ карманѣ очень важный сюжетъ былъ, и теперь нѣтъ его».

— «Какой же сюжетъ?»

— «Да вотъ Твердамасковъ мнѣ съ Крутильды пробный портретъ безбиле сдѣлалъ, и я его хотѣлъ сберечь, чтобъ никому не показать, да вотъ и потерялъ. Это мнѣ неприятно, что его могутъ разсматривать. Я поѣду его разыскивать».

— «Ну ужъ, — говорю, — это нѣтъ. Попалъ домой — теперь типунъ, больше не уѣдешь», — и мы его на всѣ два дня заперли, чтобъ опомнился.

И спала я послѣ этого у себя ночь какъ въ раю, и все

вокругъ меня летали безплотные ангелы,—ликовъ не видно, а этакъ все машутъ, все машутъ!

— Какіе же они сами?—полюбопытствовала Аичка.

— А вотъ похожи какъ пѣвчіе въ формѣ и въ такихъ же халатикахъ. А какъ сонъ прошелъ и начался другой день, то начались опять и новыя мученія. Съ самаго ранняго утра стали мы хлопотать, чтобы все къ завтраму приготовить. И все уже они безъ меня и ступить боятся: мы съ Ефросиньюшкой вдвоемъ и въ курятную потроха выбирать ходили, чтобы самые выдающіеся, и Николая Ивановича наблюдали, а на послѣзавтра, когда встрѣчѣ быть, я сама до свѣта встала и побѣжала къ Мирону-кучеру, чтобы онъ закладывалъ карету какъ можно лучше.

А онъ у нихъ пристрашный грубіанъ и искусный отвѣтчикъ, и ни за что не любитъ женщинъ слушаться. Что ему ни скажи, на все у него колкій отвѣтъ готовъ:

— «Я самъ все формально знаю».

Я ему говорю:

— «Теперь же, нынче ты не груби, а хорошенько закладывай, нынче случай выдающійся».

А онъ отвѣчаетъ:

— «Ничего не выдающее. Миѣ все равно: заложу какъ слѣдно по формѣ, и кончено!»

Но еще больше я беспокоилась, чтобы безъ меня Клавдинька изъ дома не ушла или какую-нибудь другую свою трилюзію не исполнила, потому что всѣ мы знали, что она безвѣрная. Твержу Маргаритѣ Михайловнѣ:

— «Смотри, мать, чтобы она не выкинула чего-нибудь выдающагося».

Маргарита Михайловна сказала ей:

— «Ты же, Клавдюша, пожалуйста нынче куда-нибудь не уйди».

Она отвѣчаетъ:—«Полноте, мама, зачѣмъ же я буду уходить, если это вамъ непріятно».

— «Да вѣдь ты ни во что не вѣришь?»

— «Кто это вамъ, мамочка, такія недѣлности наговорилъ, и зачѣмъ вы имъ вѣрите!»

А та обрадовалась.

— «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты во что-нибудь вѣруешь?»

— «Конечно, мама, вѣрую».

— «Во что же ты вѣруешь?»

— «Что есть Богъ и что на землѣ жилъ Иисусъ Христосъ, и что должно жить такъ, какъ учитъ Его Евангеліе».

— «Ты это истинно вѣришь—не лжешь?»

— «Я никогда не лгу, мама».

— «А побожись!»

— «Я, мама, не божусь; Евангеліе вѣдь не позволяетъ божиться».

Я вмѣшалась и говорю:

— «Отчего же не побожиться для спокойствія матери?»

Она мнѣ ни слова; а та ее уже цѣлуетъ съ радости и твердить:

— «Она никогда не лжетъ, я ей и такъ вѣрю, а это вотъ вы всѣ хотите, чтобы я ей не вѣрила».

— «Что вы, что вы!—говорю я:—во что вы хотите, я во все вѣрю!»

А сама думаю: вотъ при немъ вся ея вѣра на повѣркѣ окажется. А теперь съ ней разводивъ разводить нечего, и я бросилась опять къ Мирону посмотрѣть, какъ онъ запрягаетъ, а онъ уже запрягъ и подаетъ, но самъ въ простомъ армякѣ.

Я запумѣла:

— «Что же ты не надѣлъ армякъ съ выпухолью?»

А онъ отвѣчаетъ:

— «Садись, садись, не твое дѣло: выпухоль только зимой полагается».

Вижу его, что онъ злой-презлой.

Николай Ивановичъ сѣлъ мирно со мною въ карету, а двѣ дамы дома остались, чтобы насъ встрѣтить, а между тѣмъ съ нами начались такія выдающіяся приключенія, что превзошли все, что было у Исава съ Яковомъ.

— Что же это случилось?—воскликнула Анчка.

— Отхватили у насъ самое выдающееся первое благо-словеніе.

— Какимъ же это манеромъ?

— А вотъ это и есть Моисей Картоничъ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Приѣхали мы съ Николаемъ Ивановичемъ въ каретѣ,—опъ со всѣми принадлежностями, съ ктиторской медалью на шеѣ и съ иностраннымъ орденомъ за шахово подношеніе,

а я одѣта по обыкновенію, какъ слѣдуетъ, скромно, ничего выдающагося, но чисто и пристойно. А народу совокупи-лась непроходимая куча, и стоитъ нѣсколько каретъ съ ажидаціей, и на простыхъ лошадяхъ, и на стриженныхъ, — на козлахъ брумы съ хлопальными арашиками и полицейскіе со всѣми въ рубконашню бросаются—хотятъ всѣхъ по ранжиру ставить, но не могутъ.

Помощникъ пристава тутъ же, какъ встрепаный воробей, подпрыгиваетъ и уговариваетъ публику:

— «Господа! не безобразьте!.. всѣ увидите. Для чего невоспитанность!»

Я думаю, вотъ этотъ образованный! и подхожу къ нему и прошу, чтобы велѣлъ нашу карету впереди другихъ поставить, потому что намъ назначена первая ажидація: но онъ хоть бы что!.. на всѣ мои убѣдительныя слова и вниманія не обратилъ, а только все тонорщится воробьемъ и твердить: «что за изверги христіанства! что за свинская невоспитанность!» А я вдругъ замѣчаю, что здѣсь же въ толпучкѣ собрались всѣ мои третьёводнишніе знакомые, съ которыми я назадъ ѣхала, и особенно та благочестивая старушка, у которой весь домъ отъ виолемціи боленъ, и я ей все рассказывала.

— «Вотъ и вы,—говорить,—здѣсь?»

— «Какъ же, — отвѣчаю я, — здѣсь; къ намъ вѣдь къ первымъ обѣщано».

— «Вы вѣдь отъ Степеневыхъ, кажется?»

— «Да, — отвѣчаю, — я отъ Степеневыхъ, — въ ихъ каретѣ,—Миронъ кучеръ».

— «Ахъ!—говорить,—Миронъ кучеръ...»

А тутъ весь народъ вдругъ вздрогнулъ и стали креститься, и ужъ какъ попрутъ, то ужъ никто другъ друга и жалѣть не сталъ, но всѣ какъ дикій табунъ толпучкою одинъ другого задавить хотятъ... Раздался такой стонъ и пискъ, что просто сказать, какъ будто бы всѣ люди озвѣрѣли и другъ друга задушить хотятъ!

Помощникъ ужъ не можетъ и кричать больше, а только стонеть: «что за изверги христіанства! что за скоты безъ разума и безъ жалости!» А городовые пустились-было въ рубконашнюю, но вдругъ протиснулись откуда-то эти тамошнія бургонскія рожи, — эти басомпьеры, — тѣ, которые про спящихъ дѣвъ говорили, — и вразъ смяли всѣхъ, и городо-

выхъ, и ожидателей! Такъ и смяли! Обхватили его и пруть прямо къ какимъ знаютъ каретамъ, и кричатъ: «сюда, сюда!» — и даже, я слышу, Степeneвыхъ называютъ, а межъ тѣмъ въ чью-то не въ нашу карету его усадили и повезли.

Я стала кричать:

— «Позвольте! вѣдь это немислимо,—это... не отъ Степeneвыхъ карета... у насъ Миронъ кучеръ называется!»

А межъ тѣмъ его обманомъ усадили въ другую карету, съ той самой старушкой, съ моей-то съ благочестивой попутчицей, у которой всѣ въ виоліемціи, и увезли къ ней!

Аичка вмѣшалась и сказала:

— Что же—это такъ и слѣдовало.

— Почему?

— У нея больные, а у васъ нѣтъ.

Мартыновна не стала спорить и продолжала:

— Я къ помощнику, говорю:

— «Помилуйте, господинъ полковникъ, что же это за безпорядокъ!»

А онъ еще на меня:

— «Вамъ, — говоритъ, — еще что такое сдѣлали? Язычница! вы больше всѣхъ лѣзли. Что вамъ на любимую мазоль, что ли, кто наступилъ? Вотъ аптека, купите себѣ пластырю».

— «Не въ аптеку,—говорю,—дѣло, а въ томъ, что мнѣ была назначена первая ажидація, а ея нѣтъ».

— «Чего же вы ее не ухватили—ажидацію-то?»

— «Я бы ухватила, а отъ полиціи порядка не было — вы видѣли, что мнѣ и подойти было немислимо, у меня выхватили...»

— «Что у васъ выхватили?»

— «Отсузули меня...»

— «А у васъ ничего не украдено?»

— «Нѣтъ, не украдено, а сдѣланъ обманъ ажидаціи».

А онъ на это рукою махнулъ.— «Экая важность!—говорить,—это и часто бываетъ».

И больше никакого вниманія.

— «Ну, васъ,—говоритъ,—совсѣмъ, отстаньте».

Я къ Николаю Ивановичу, который въ каретѣ усѣлся, и говорю ему:— «Что же здѣсь будемъ стоять, надо за ними рѣзво гнаться, и взять хоть со второй ажидаціи».

Онъ отвѣчаетъ, что ему «все равно», а Мирошка сейчасъ же спорить:

— «Гнаться,—говорить,—нельзя».

— «Да вѣдь вотъ еще ихъ видно на мосту. Поѣзжай за ними, и ты ихъ сейчасъ догонишь».

— «Мнѣ нельзя гнаться».

— «Отчего это нельзя? Ты вѣдь всегдашній грубецъ и искусный отвѣтчикъ».

— «То-то и есть, — говоритъ: — что я отвѣтчикъ: я и буду въ отвѣтъ; ты будешь въ каретѣ сидѣть, а меня за это формально съ козелъ снять да въ полиціи за кликъ посадятъ. Во всю мочь гнать не позволено».

— «Отчего же за ними вонъ въ чьей-то каретѣ какъ рѣзво ѣдутъ?»

— «Оттого, что тамъ лошади не такія».

— «Ну, а наши какія? Чѣмъ хуже?»

— «Не хуже, а тѣ — аглицкіе тарабахи, а наши — тамбовскіе оетюки: это разница!»

— «Да ужъ ты извѣстный отвѣтчикъ, на все отвѣтишь, а просто ихъ кучеръ лучше умѣетъ править».

— «Отчего же ему не умѣть править, когда ему ихъ экономка при всѣхъ здѣсь цѣлый флаконъ вишневои пунцовки дала выпить, а мнѣ дома даже поклеванникъ съ чаемъ не дали допить».

— «Ступай и ты такъ посиѣшно, какъ онъ, тогда и я тебѣ дома цѣльную бутылку пунцовки дамъ».

— «Ну, — говоритъ, — въ такомъ разѣ формально садись скорѣй».

Сѣла я опять въ карету и погнали. Миронъ посиѣваетъ: куда они на тарабахъ, туда и мы на своихъ оетюкахъ, не отстаемъ; но чуть я въ окно выгляну — все мнѣ кажется, будто всѣ кареты, которыя ѣдутъ — это все съ ажидаціей. Семь каретъ я насчитала, а въ восьмой увидала — двѣ дамы сидятъ, и закричала имъ:

— «Отстаньте, пожалуйста, — это моя ажидація!»

А Николай Ивановичъ вдругъ рванулъ меня сзади изо всей силы, чтобы я сѣла, и давленнымъ, злымъ голосомъ шипитъ:

— «Не смѣйте такъ орать! мнѣ стыдно!»

Я говорю: — «Помилуйте! какой съ безстыжей толпучкой стыдъ!»

А онъ отвѣчаетъ:

— «Это не толпучка, а моя знакомая блондинка; она мнѣ можетъ черезъ одно лицо самый неприятный постановъ вопроса сдѣлать».

И опять такъ меня рвануль, что платье затрепало, и я его съ сердцовъ по рукѣ, а по дверцамъ локтемъ, да и вышибла стекло такъ, что оно зазвонило въ дребезги.

Къ намъ сейчасъ подскочилъ городской и говоритъ:

— «Позвольте узнать, что за насиліе? О чемъ эта дама шумятъ?»

Николай Ивановичъ, спасибо, ловко нашелся:

— «Оставь, — говоритъ, — насъ, — эта дама не въ своемъ умѣ, я ее везу въ сумасшедшій домъ на свидѣтельство».

Городской говоритъ:—«Въ такомъ разѣ прослѣдуйте!»

Опять погнались, но тутъ какъ разъ впоперекъ погребальный процессъ: какъ на зло какого-то полкового мертвеца съ парадомъ хоронить везутъ, — духовенство много выступаетъ — всѣ по парамъ другъ за другомъ въ линію, архиерей позади, а потомъ гробъ везутъ; солдаты протяжно тащатся и двѣ пушки всѣмъ велѣдъ волокутъ, точно всей публикѣ хотять разстрѣль сдѣлать, а потомъ ужъ кареть и конца нѣтъ, и по большей части всѣ пустыя. Ну, пока все это передъ своими глазами пропустили, онъ, конечно, уѣхалъ и тарабахи скрылись.

Поѣхали опять, да не знаемъ, куда ѣхать; но тутъ, спасибо, откуда-то взялся человекъ и говоритъ:

— «Прикажите мнѣ съ кучеромъ на козлы сѣсть—я со-
последователь и знаю, гдѣ первая ажидація».

Дали ему рубль, онъ сѣлъ и поѣхалъ, но куда ѣдемъ — опять не понимаю. Стененевыхъ домъ въ Ямской слободѣ, а мы пріѣхали на хлѣбную пристань, и тутъ, дѣйствительно, оказалась толпучка народу, собралась и стоитъ на ажидаціи... Смотрѣтъ даже ужасти, сколько людей! А самого-то его уже и не видать, какъ высѣлъ, — и говорятъ, что насилу въ домъ проводили отъ ожидателей. Теперь за нимъ и двери закрычили, и два городскихъ не пунають, а которые закрубятъ, тѣхъ пожмутъ и отводятъ.

Но однако, впрочемъ, всѣ ожидатели ведутъ себя хорошо, ждуть и о разныхъ его чудесахъ разговариваютъ, — гдѣ что имъ сдѣлано, а все больше о выигрышахъ и о внолемціи, а у меня мой сударь Николай Ивановичъ вдругъ взбеленился.

— «Что мнѣ, говорить, тутъ съ вами, ханжами, стоять! У меня виолиемціи нѣтъ, а еще, пожалуй, опять за банкрута сочтутъ!.. Я не хочу больше здѣсь съ вами тереться и ждать. Оставайся здѣсь и жди съ каретою, а я лучше хоть на простой конкѣ на волю уѣду».

Я уговариваю:—«У Бога, говорю,—всѣ равны. Вѣдь эта ажидація для Бога. Если хотите что-либо выдающееся сподобиться, то надо терпѣливо ждать».

Кое-какъ онъ насилу согласился одинъ часъ подождать и на часы отгѣтилъ.

Часъ этотъ, который мы тутъ проманежились, я весь языкъ свой отбила, чтобы Николая Иваныча уговаривать, и за этими разговорами не замѣтила, что уже сдѣлался выходъ изъ подѣзда, и его опять въ ту же самую секунду въ другую карету захихнули и помчали на другую ажидацію. Боже мой! второе такое коварство! Какъ это снести! Мы опять за ними слѣдомъ, и опять намъ въ третій разъ та же самая удача, потому что Николай Иванычъ съ орденами и со всѣми своими принадлежностями нейдетъ на видъ, а прячется, а меня въ моемъ простомъ видѣ всѣ прочь оттираютъ.

А въ концѣ концовъ Николай Иванычъ говоритъ:

— «Ну, ужъ теперь тилунъ! я не намѣренъ больше позади всѣхъ въ свитѣ слѣдовать. Ты сиди здѣсь и ѣзди, а я не хочу».

И съ этимъ всѣ свои принадлежности снимаетъ и въ кармакъ прячетъ.

Я говорю:—«Помилуйте, какъ же я одна останусь?! это немислімо...»

А онъ вдругъ дерзкій сталъ и отвѣчаетъ:—«А вотъ ты и размышляй о томъ, что мыслимо, а что немислімо, а я въ трактирѣ хоть водки выпью и закушу миногой».

— «Такъ вотъ,—говорю,—и подождите же, Богу помолитесь натошакъ, а тогда кушайте; тамъ все уже приготовлено, не только миноги, а и всякая рыба, и потроха выдающіеся, и прочія принадлежности».

Онъ меня даже къ чорту послалъ.

— «Очень мнѣ нужно!—говорить.— Не видалъ я, поди, твои потроха выдающіеся!»—и вмѣсто того, чтобы забѣжать въ трактиръ, сѣлъ на извозчика да и совсѣмъ уѣхалъ.

Тутъ я даже заплакала. Много я въ моей жизни низо-

стей отъ людей видѣла, но такою выдающеюся подлостью, чтобы такъ и силою оттирать, и обманно чужимъ именемъ къ себѣ завлекать и, закинувши въ карету, увозить—этого я еще и не воображала.

Въ отчаяніи рассказала это другимъ, какъ это сдѣлано, а другіе и не удивляются, говорятъ: «вы не огорчайтесь, это съ нимъ такъ часто дѣлаютъ».

А какъ только онъ вышелъ, такъ смотрю—эти же самые, которые такъ хорошо говорили, сами же въ моихъ глазахъ, какъ тигры, рванулись и въ четвертый разъ подхватили его, закинули въ карету и повезли.

Я просто залилась слезами и кричу Мирошкѣ:

— «Миронъ, батюшка, да имѣй же хоть ты Бога въ сердцѣ своемъ, бей ты своихъ оетюковъ безъ жалости, чтобы мнѣ хоть на пятую ажидацію шибче всѣхъ подскочить, и не давай другимъ ходу! Я тебѣ двѣ пушечки дамъ».

Миронъ отвѣчаетъ:— «Хорошо! формально дамъ ходу!» И такъ нахлесталъ оетюковъ во всю силу, что они понеслись шибче тарабаховъ, и въ одномъ мѣстѣ старушонку съ ногъ сшибли, да скорѣй въ сторону, да боковымъ перуломъ—опять догнали, и какъ передняя карета стала подворачивать, Миронъ ей наперерѣзъ и что-то вразъ имъ и обломалъ... Такъ зацѣпилъ, что чужая карета на бокъ, а лаша только завизжала.

Кучера стали ругаться.

Городовые нашихъ лошадей сгребли подъ уздцы и Мироновъ адресъ стали записывать.

А онъ ужъ опять выходитъ, но тутъ я скорѣй двери настежь и прямо къ нему:

— «Такъ и такъ, — говорю, — что же вы изволили намъ обѣщать къ кучамъ Степневымъ... Они люди выдающіеся и съ самаго утра у нихъ всеобщая ажидація».

А онъ на меня смотритъ, какъ голубокъ въ усталости или въ большомъ изумленіи, и говоритъ:

— «Ну, такъ что жъ такое? Вѣдь я уже сегодня у Степневыхъ былъ».

— «Когда же?— говорю.— Помилуйте! Нѣтъ, вы еще не были».

Онъ вынулъ книжку, поглядѣлъ и удостовѣряется:

— «Степневы?»

— «Да-съ».

— «Купцы?»

— «Выдающиеся купцы».

— «Да, вот они... выдающиеся... Они у меня и зачеркнуты... Въ книжечкѣ ихъ имя зачеркнуто. Значить, я у Степеневыхъ былъ».

— «Нѣтъ,—говорю,— помилуйте. Это немислимо. Я отъ васъ ни на минуту не отстаю съ самаго утра».

— «Да я у самыхъ первыхъ у Степеневыхъ былъ. И семейство помню: старушка такая въ темномъ платочкѣ меня къ нимъ возила».

Я догадалась, кто эта старушка! Это та, передъ которой я о выдающейся фамилии Степеневыхъ говорила.

— «Это,—говорю,—обманъ подведенъ: она не отъ Степеневыхъ, Степеневы совсѣмъ не тамъ и живутъ, гдѣ вы были».

Онъ только плечомъ воздвигнулъ и говоритъ:

— «Ну, что жъ теперь дѣлать! Теперь еще подождите: я здѣсь справлюсь и съ вами поѣду».

Я опять осталась ждать на шестую ажидацію, и тутъ я только поняла, какіе бываютъ на свѣтѣ народы, какъ эти басомпьеры! Ихъ совокупившись цѣлая артель и со старостой, который надо мною про семь спящихъ дѣвъ-то ухмылялся—это онъ и есть, аплетического сложенія, съ выдающимся носомъ. Бродяжки они, гольтепа, работать не охотники, и нашли такое занятіе, что подсматриваютъ... и вдругъ скучатся толпучкой и никому сквозь ихъ не пролѣзть... Если имъ дашь, они къ той каретѣ такъ его и насунуть, а не дашь—станутъ отодвигать... и...

— Типунъ!—пошутила Анчка.

— Типунъ. Мнѣ уже послѣ старушка одна рассказала: «Полю тебѣ, — говоритъ, — дурочкой-то вослѣдъ ѣздить. Неужели не видишь — въ комъ сила! Подзови мужчину въ зеленой чуйкѣ да дай ему за труды—онъ его къ тебѣ вразъ патиснетъ. Они вѣдь съ этого только кормятся».

Я подманила этого промыслителя и дала ему гривенникъ, но онъ малый смиренный—недоволенъ моею гривной, а просить рубль. Дала рубль—онъ къ нашей каретѣ ходъ и открылъ, понапѣръ, понапѣръ и впихнулъ его въ самыя двери и крикнулъ:

— «Съ Богомъ!»

Получила и везу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Я было-хотѣла отдѣльно отъ него ѣхать, какъ недостойная, но онъ, препростой такой, самъ пригласилъ:

— «Садитесь, говорить, вмѣстѣ, ничего».

Простой-препростой, а лицо выдающееся.

Слушательница Марья Мартиновны перебила ее и спросила:

— Чѣмъ же его лицо выдающееся?

И мнѣ, признаться, очень любопытно было это услышать, но рассказчица уклонилась отъ отвѣта и сказала:

— Вотъ завтра сама увидишь,—и затѣмъ продолжала:— Я сѣла на переднемъ сидѣньѣ и смотрю на него. Вижу, усталъ совершенно. Зѣваетъ голубчикъ и все изъ кармана письма достаетъ. Много-премного у него въ карманѣ писемъ, и онъ ихъ все вынимаетъ и раскладываетъ себѣ на колѣни, а деньги сомнетъ этакъ, какъ видно, что онъ ему ничего не стоющія, и равнодушно въ карманъ спускаетъ и не считаетъ, потому что онъ вѣдь изъ нихъ ничего себѣ не беретъ.

— Почему вы это знаете?—протянула Анчка.

— Ахъ, мой другъ, да въ этомъ даже и сомнѣваться грѣшно, за это и Богъ накажетъ.

— Я и не сомнѣваюсь, а только любопытствую—у него, говорятъ, крали—кто жъ это знаетъ?

— Не думаю... не слышала.

— А я слышала.

— Что же—онъ, вѣрно, свои доложилъ.

— То-то.

— Да вѣдь это видно. Его и занимаетъ... Распечатываетъ, прочитаетъ, а деньги въ карманъ опуститъ и крандашомъ отмѣтитъ, и опять новое письмо распечатаетъ, а между тѣмъ и шутить препросто.

— О чемъ же, напримѣръ, шутить?

— Да вотъ, напримѣръ, спрашиваетъ меня:— «Что же это значитъ? я у Степеневыхъ, значитъ, еще не былъ?»

— «Навѣрно,—говорю,—не были».

Онъ головой покачалъ, улыбнулся и смѣется:

— «А можетъ-быть, вы меня туда во второй разъ везете?»

— «Помилуйте,—говорю,—это немислимо».

— «Съ вами,—отвѣчаетъ,—все мыслимо».

Потомъ опять читаль, читаль и опять говоритъ:

— «А у кого же это, однако, я былъ вмѣсто Степеневыхъ? Вотъ я теперь черезъ это замѣшательство не знаю, кого мнѣ теперь въ своей книжкѣ и вычеркнуть».

Я понимаю, что ему досадно, но не знаю, что и сказать.

Аичка перебила:

— Какъ же онъ такой святой, а ничего не видитъ, что съ нимъ дѣлають!

— Ну, видишь, онъ полагаль такъ, что Степeneвы—это тѣ первые, у которыхъ онъ былъ по обману, и они его о сынѣ просили, что сынъ у нихъ ужасный грубиянъ—познакомился съ легкомысленною женщиной и жениться хочеть, а о другихъ невѣстахъ хорошаго рода и слышать не хочеть.

— Отчего же такъ?—спросила Аичка.

— Долгъ, видишь, обязанность чувствуетъ воздержатъ ее въ степенной жизни.

— Просто, небось, въ красоту влюбился.

— Разумѣется... Что-нибудь выдающееся... Но я опять къ своему обороту; говорю, что у настоящихъ Степеневыхъ сына выдающагося нѣтъ...

— «А невыдающийся что же такое дѣлаеть?»

Я отвѣчаю, что у нихъ и невыдающагося тоже нѣтъ.

— «Значить, совсѣмъ нѣтъ сына?»

— «Совсѣмъ нѣтъ».

— «Такъ зачѣмъ же вы путаете: «выдающагося», «невыдающагося?»»

— «Это, извините, у меня такая поговорка. А у Степеневыхъ не сынъ, а дочь, и вотъ съ ней горе».

Онъ головой, уставивъ, покачалъ и спросилъ:

— «А какое горе?»

— «А такое горе, что она всему капиталу наслѣдница, и молодая, и очень красивая, но ни за что какъ слѣдуетъ жить не хочеть».

Онъ вдругъ вслушался и что-то вспомнилъ:

— «Степeneвы, говоритъ... Позвольте, вѣдь это именно ихъ братъ Ступинъ?»

Я не поняла, и онъ затруднился.

— «Вѣдь мы это теперь къ Ступинымъ?»

— «Нѣтъ, къ Степеневымъ: Ступины — это особливые, а Степeneвы—особливые; вотъ ихъ и домъ и на воротахъ сигналъ: «кунцовъ Степеневыхъ».

Онъ остро посмотрѣлъ, какъ будто отъ забытья прокнутулся, и спрашиваетъ:

— «Для чего сигналъ?»

— «Надпись, чей домъ обозначено».

— «Ахъ, да, вижу, надпись».

И вдругъ всѣ остальные не распечатанные конверты собрали и въ путреной карманъ сунули и стали выходить у подъезда.

А народу на ажидацію у нашего подъезда собралось видимо и невидимо. Всю улицу запрудили толпучкой и еще за нами слѣдомъ четыре кареты подъѣхали съ ажидаціей.

Мы за нимъ двери въ подъездѣ сильно захлопнули, и тутъ случилась большая досада: одной офицершѣ, которая въ домъ насильно пролѣзть хотѣла, молодецъ два пальца на рукѣ такъ прищемилъ, что съ ней даже сдѣлалось въ родѣ обморока.

А только-что это уладили, полицейскій звонится, чтобы Мирона за давленіе старухи и за полѸмъ чужого экипажа въ участокъ брать протоколъ писать. Мы скорѣй спрятали Мирона въ буфетную комнату, и я ему свое обѣщанье — пунцовку — дала, а внутри въ домѣ ожидало еще больше выдающееся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Онъ вошелъ, разумѣется, чудесно, какъ честь-честью, и сказалъ: «миръ всѣмъ», и всѣхъ благословилъ, и хозяйку Маргариту Михайловну, и сестру ея Ефросинью Михайловну, и слугъ старшихъ, а какъ коснулось до Николая Ивановича, то оказывается, что его, милостивѣйшаго государя, и дома нѣтъ. Тогда маменька съ тетенькой бросились къ Клавдичкѣ, а Клавдичка хоть и дома, но, изволите видѣть, къ службѣ выходить не намѣрена.

Онъ спрашиваетъ:—«Дочка ваша гдѣ?»

А бѣдная Маргарита Михайловна, вся въ стыдѣ, отвѣчаетъ:

— «Она дома, она сейчасъ!»

А чего «сейчасъ», когда та и не думаетъ выходить!

Раньше этого была съ матерью ласкова и обнимала ее и ни слова не сказала, что не выйдетъ, а тутъ, когда мы уже приѣхали и мать къ ней виѣ себя вскочила и стала говорить:

— «Идетъ, идетъ!»

Клавдичка ей преспокойно отвѣчаетъ:

— «Ну, вотъ, мама, и прекрасно; я за васъ теперь рада, что вамъ удовольствіе».

— «Такъ выйди же его встрѣчать и подойди къ нему!»

Но она тихую улыбку сдѣлала, а этого исполнить не захотѣла.

Мать говоритъ:—«Значить, ты хочешь сдѣлать мнѣ неприятность?»

— «Вовсе нѣтъ, мама, я очень рада за васъ, что вы хотѣли его видѣть, и это ваше удовольствіе исполняется».

— «А тебѣ, стало-быть, это не удовольствіе?»

— «Мнѣ, мамочка, все равно».

— «А какъ же ты говорила, что и ты въ Бога вѣришь?»

— «Конечно, мама, вѣрю, и мнѣ кромѣ Его никого и не надобно».

— «А исполнять по вѣрѣ, стало-быть, тебѣ ничего и не надобно?»

— «Я, мамочка, исполняю».

— «Что же ты исполняешь?»

— «Всѣмъ повелѣнное: ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица и никому зла не дѣлать».

— «Ахъ, вотъ въ чемъ теперь твоя вѣра? Такъ знай же, что ты мнѣ большое зло дѣлаешь».

— «Какое?.. Что вы, мама!.. Ну, простите меня».

— «Нѣтъ, нѣтъ! Ты меня срамишь на весь нашъ родъ и на весь городъ. Въ малярихи или въ прачки ты, что ли, себя готовишь? Что ты это на себя напустила?»

А та стоитъ да глинку мнетъ.

— «Брось сейчасъ твое лѣпленье!»

— «Да зачѣмъ это вамъ, мама?»

— «Брось! сейчасъ брось! и сними свой фартукъ и выйди со мною, а то я съ тебя насильно фартукъ сорву и всю твою эту глиномятную артиллерію на полъ сброню и ногами растопчу!»

— «Мамочка,—отвѣчаетъ,—все, что вамъ угодно, но выходить я не могу».

— «Отчего?»

— «Оттого, что я почитаю, что все это не слѣдуетъ».

Тутъ мать уже не выдержала и—чего у нихъ никогда не было—браннымъ словомъ ее назвала:

— «Сволочь!.. гадина!»

А дочь ей съ ласковымъ укоромъ отвѣчаетъ:

— «Мамочка! мама!.. вы послѣ жалѣть будете».

— «Выходи сейчасъ!»

— «Не могу».

— «Не можешь?»

— «Не могу, мама».

А та—хлопъ ея фигуру на полъ и начала ее каблуками топтать. А какъ дочь ее захотѣла-было обнять и успокоить, то Маргарита-то Михайловна до того вспылила, что прямо ее въ лицо и ударила.

— Эту статую?—спросила Аичка.

— Нѣтъ, другъ мой, саму Клавдиньку. «Не превозносись!» Клавдинька-то такъ и ахнула и обѣими руками за свое лицо схватилась и зашаталась.

— За руки бы ее!—замѣтила Аичка.

— Нѣтъ, она этого не сдѣлала, а стала просить только:

— «Мамочка! пожалѣйте себя! Это ужасно, вѣдь вы женщина! Вы никогда еще такой не были».

А Маргарита Михайловна задыхается и говоритъ:

— «Да, я никогда такой не была, а теперь вышла. Это ты меня довела... до этого. И съ этой поры... ты мнѣ не дочь: я тебя проклинаю и въ комиссію прошеніе пошлю, чтобы тебя въ неисправимое заведеніе отдать».

И вотъ въ такомъ-то положеніи, въ такомъ-то разстройствѣ, сейчасъ послѣ такого представленія — къ нему на встрѣчу!.. и можешь ли ты себѣ это вообразить, какое выдающееся стenanіе!

Онъ, кажется, ничего не замѣтилъ, что къ нему не всѣ вышли, и сталъ передъ образами молебень читать, — онъ вѣдь не поетъ, а все отъ себя прочитываетъ, — но мы никто и не молимся, а только переглядываемся. Мать взглянетъ на сестру и видъ даетъ, чтобы та еще пошла и Клавдиньку вывела, а Ефросинья сходить да обратный видъ подаетъ, что «не идетъ».

И во второй разъ Ефросинья Михайловна пошла, а мать опять все за ней на дверь смотреть. И во второй разъ дверь отворяется, и опять Ефросинья Михайловна входитъ одна и опять подаетъ мину, что «не идетъ».

А мать мину дѣлаетъ: отчего?

Маргарита Михайловна мнѣ мину даетъ: иди, дескать, ты уговори.

Я—мину, что это немислимо!

А она глазами: «пожалуйста», и на свое платье показываетъ: «дескать, платье подарю».

Я пошла.

Вхожу, а Клавдинька собираетъ глиняные оскребки своего статуя, котораго мать сшибла.

Я говорю: — «Клавдія Родіоновна, бросьте свои трелюзи—утѣшите мамашу-то, выйдите пожалуйста».

А она мнѣ это же мое послѣднее слово и отвѣчаетъ:

— «Выйдите пожалуйста!»

Я говорю: — «Жестокое въ васъ сердце какое! Чужихъ вамъ жаль, а мать ничего не стѣитъ утѣшить, и вы не можете. Вѣдь это же можно сдѣлать и безъ всякой безъ вѣры».

— Разумѣется,—поддержала Анчка.

— Ну, конечно! Господи, вѣдь не во все же вѣришь, о чемъ утверждаютъ духовные, но не препятствуешь имъ, чтобы другіе имъ вѣрили.

Но только-что я ей эту назидацию провела, она мнѣ повелѣваетъ: «Выйдите!»—А за что?—«За то, говорить, что вы—воплощенная ложь и учите меня лгать и притворяться. Я не могу васъ выносить: вы мнѣ гадкое говорите».

Я вернулась и какъ только начала объяснять миною все, что было, то и не замѣтила, что онъ уже читать пересталъ и подошелъ къ жардинверкѣ, сломалъ съ одного цвѣтка вѣточку и этой вѣточкой сталъ водой брызгать. И самъ всѣхъ благодарить и поздравляетъ, а ничего не поетъ. Все у него какъ-то особенно выдающееся.

— «Благодарю васъ, — говорить,—что вы со мной помолвились. Но гдѣ же ваши прочіе семейные?»

Вотъ и опять лгать надо: о Николаѣ Ивановичѣ и солгали, сказали, что его къ графу въ комиссію потребовали.

— «А дочь ваша, гдѣ она?»

Ну, тутъ уже Маргарита Михайловна не выдержала и молча заплакала.

Онъ понялъ, и ее какъ ангель обласкалъ, и говорить:

— «Не огорчайтесь, не огорчайтесь! въ молодости много необдуманнаго случается, но потомъ увидятъ свою пользу и оставятъ».

Старуха говорить:

— «Дай Богъ! дай Богъ!»

А онъ успокаиваетъ ее:

— «Молитесь, вѣрьте и надѣйтесь, и она будетъ такая-жь, какъ всѣ».

А та опять:

— «Дай Богъ».

— «И дастъ Богъ! По вѣрѣ вашей и будетъ вамъ. А теперь если она не хочетъ къ намъ выйти, то не могу ли я къ ней взойти?»

Маргарита Михайловна, услыжавъ это, отъ благодарности ему даже въ ноги упала, а онъ ее поднимаетъ и говоритъ:

— «Что вы, что вы!.. Поклоняться одному Богу лично, а я человекъ».

А я и Ефросинья Михайловна тою минутою бросились обѣ въ Клавдинькину комнату и говоримъ:

— «Скорѣе, скорѣе!.. ты не хотѣла къ нему выйти, такъ онъ теперь самъ къ тебѣ желаетъ придти».

— «Ну, такъ что же такое?»—отвѣчаетъ спокойно.

— «Онъ тебя спрашиваетъ, согласна ли ты его принять?»

Клавдинька отвѣчаетъ:

— «Это домъ мамашинъ; въ ея домѣ всякій можетъ идти куда ей угодно».

Я бѣгу и говорю:—«Пожалуйте».

А онъ мнѣ ласково на отвѣтъ улыбнулся, а Маргаритѣ Михайловнѣ говоритъ:

— «Я вамъ говорю, не сокрушайтесь; я чудесъ не творю, но если чудо нужно, то всегда чудеса были, и есть, и будутъ. Проводите меня къ ней и на минуту насъ оставьте, мы съ ней должны говорить въ одномъ вездѣприсутствіи Божіемъ».

— «Конечно, Боже мой! развѣ мы этого не понимаемъ! Только помоги, Господи!»

— Ну, я бы не вытерпѣла,—сказала Анчка:—я бы подслушала.

— А ты погоди, не забѣгай.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мы его въ Клавдинькину дверь впустили, а сами скорѣе обѣжали вокругъ черезъ столовую, откуда къ ней въ комнату окно есть надъ дверью, и вдвоемъ съ Ефросиньей Михайловной на столъ влѣзли, а Маргарита Михайловна,

какъ грузная, на столъ лѣзть побоялась, а только къ дверному створу ухо присунула слушать.

Онъ, какъ вошелъ, сейчасъ же положилъ ей свою руку на темя и сказалъ по-духовному:

— «Здравствуй, дочь моя!»

А она его руку своею рукою взяла да тихонько съ головы и свела и просто пожала, и отвѣчаетъ ему:

— «Здравствуйте».

Онъ не обидѣлся и началъ съ ней дальше хладнокровно на «вы» говорить.

— «Могу ли я у васъ сѣсть и побесѣдовать?»

Она отвѣчаетъ:

— «Если вамъ это угодно, садитесь, только не запачкайтесь: на васъ одежда шелковая, а здѣсь есть глина».

Онъ посмотрѣлъ на стулъ и сѣлъ, и не замѣтилъ, какъ рукавомъ это ея маленькое евангелище нечаянно столкнулъ, а безъ всякаго множественнаго разговора, прямо спросилъ ее:

— «Вы лѣпленіемъ занимаетесь?»

Она отвѣчаетъ:—«Да, лѣплю».

— «Конечно, вы это дѣлаете не по нуждѣ, а по желанію?»

— «Да, и по желанію, и по нуждѣ».

Онъ на нее посмотрѣлъ выразительно.

— «По какой же нуждѣ?»

— «Всякій человѣкъ имѣетъ нужду трудиться; это его назначеніе и въ этомъ для него польза».

— «Да, если это не для моды, то хорошо».

А она отвѣчаетъ:

— «Если кто и для моды сталъ заниматься трудомъ вмѣсто того, что прежде ничего не дѣлалъ, то и это тоже не плохо».

Понимаешь, вдругъ сдѣлала такой оборотъ, какъ будто не онъ, а она ему будетъ давать назиданію. Но онъ ея сталъ строже спрашивать:

— «Мнѣ кажется, вы слабы и нездоровы?»

— «Нѣтъ,—говоритъ она:—я совершенно здорова».

— «Вы, говорятъ, мяса не ѣдите?»

— «Да, не ѣмъ».

— «А отчего?»

— «Мнѣ не нравится».

— «Вамъ вкусъ не нравится?»

— «И вкусъ, и просю я не люблю видѣть передъ собою трупы».

Онъ и удивился.

— «Какіе,—спрашиваетъ,—трупы?»

Она отвѣчаетъ:—«Трупы птицъ и животныхъ. Кушанья, которыя ставятъ на столъ, вѣдь это все изъ ихъ труповъ».

— «Какъ! это жаркое или соусъ—это трупы! Какое пустомысліе! И вы дали обѣтъ соблюдать это во всю жизнь?»

— «Я не даю никакихъ обѣтовъ».

— «Животныхъ,—говоритъ,—показано употреблять въ пищу».

А она отвѣчаетъ:—«Это до меня не касается».

Онъ говоритъ:

— «Стало-быть, вы и больному не дадите мяса?»

— «Отчего же, если ему это нужно, я ему дамъ».

— «Такъ что же?»

— «Ничего».

— «А кто васъ этому научилъ?»

— «Никто».

— «Однако, какъ же вамъ это пришло въ голову?»

— «Васъ это развѣ интересуетъ?»

— «Очень! потому что эта глупость теперь у многихъ распространяется, и мы ее должны знать».

— «Въ такомъ развѣ я вамъ скажу, какъ ко мнѣ пришла эта глупость».

— «Пожалуйста!»

— «Мы жили въ деревнѣ съ няней и некому было зарѣзать цыплятъ, и мы ихъ не зарѣзали, и жили, и цыплята жили, и я ихъ кормила, и я увидала, что можно жить, никого не рѣзавши, и мнѣ это понравилось».

— «А если-бъ въ это время къ вамъ пріѣхалъ больной человѣкъ, для котораго надо зарѣзать цыпленка?»

— «Я думаю, что для больного человѣка я бы цыпленка зарѣзала».

— «Даже сама!»

— «Да,—даже сама».

— «Своими, вотъ этими, нѣжными руками!»

— «Да,—этими руками».

Онъ воздвигъ плечами и говоритъ:

— «Это ужасъ, какая у васъ непослѣдовательность!»

А она отвѣчаетъ, что для спасенія человѣка можно сдѣлать и непослѣдовательность.

— «Просто мракобѣсїе! Вы, можетъ-быть, и собственности не хотите имѣть?»

— «При какихъ обстоятельствахъ?»

— «Это все равно».

— «Нѣтъ, не равно; если у меня два платья, когда у другой нѣтъ ни одного, то я тогда не хочу имѣть два платья въ моей собственности».

— «Вотъ какъ!»

— «Да вѣдь это такъ же и слѣдуетъ, это такъ и указано!»

И съ этимъ ручку изволить протягивать къ тому мѣсту, гдѣ у нея всегда ея маленькое евангелие лежить, а его тутъ и нѣтъ, потому что онъ его нечаянно смахнулъ, и теперь онъ ее самъ остановилъ,—говорить:

— «Напрасно будемъ объ этомъ говорить».

— «Отчего же?»

— «Оттого, что вы только къ тому все и клоните, чтобы доказывать, что прямое криво».

— «А мнѣ кажется, какъ будто вы все только хотите показать, что кривое прямо!»

— «Это,—говорить,—все мракобѣсїе въ васъ, оттого что вы не несете въ семействѣ своихъ обязанностей. Отчего вы до сихъ поръ еще дѣвушка?»

— «Оттого, что я не замужемъ».

— «А почему?»

Она на него воззрилась.

— «Какъ это почему? Потому что у меня нѣтъ мужа».

— «Но вы, можетъ-быть, и бракъ отвергаете?»

— «Нѣтъ, не отвергаю».

— «Вы признаете, что самое главное призваніе женщины жить для своей семьи?»

Она отвѣчаетъ:—«Нѣтъ, я иного мнѣнія».

— «Какое же ваше мнѣніе?»

— «Я думаю, что выйти замужъ за достойнаго человѣка очень хорошо, а остаться дѣвушкою и жить для блага другихъ—еще лучше, чѣмъ выйти замужъ».

— «Почему же это?»

— «Для чего же вы меня объ этомъ спрашиваете? Вы навѣрно сами это знаете: кто женится, тотъ будетъ нести

заботы, чтобы угодить семьѣ, а кто одинъ, тотъ можетъ имѣть заботы шире и выше, чѣмъ о своей семьѣ».

— «Вѣдь это фраза».

— «Какъ,—говорить,—фраза!» — И опять руку къ столу, а онъ ее опять остановилъ и говорить:

— «Не трудитесь доказывать: я знаю, гдѣ что сказано, но все же надо умѣть понимать: родъ человѣческій долженъ умножаться для исполненія своего назначенія».

— «Ну, такъ что же такое?»

— «И должны рождаться дѣти».

— «И рождаются дѣти».

— «И надо, чтобы ихъ кто-нибудь любилъ и воспитывать».

— «Вотъ, вотъ!—это необходимо!»

— «А любить дитя и пещись о его благѣ дано одному только сердцу матери».

— «Совсѣмъ нѣтъ».

— «А кому же?»

— «Всякому сердцу, въ которомъ есть любовь Божія».

— «Вы заблуждаетесь: никакое стороннее сердце не можетъ замѣнить ребенку сердце матери».

— «Совсѣмъ нѣтъ; это очень трудно, но это возможно».

— «Но вѣдь заботиться объ общемъ благѣ можно и въ бракѣ».

— «Да, но это еще труднѣе, чѣмъ не вступать въ бракъ».

— «Итакъ, у васъ нѣтъ ничего жизнерадостнаго».

— «Нѣтъ, есть».

— «Что же такое?»

— «Пріучаться жить не для себя».

— «Въ такомъ случаѣ, вамъ всего лучше идти въ монастырь».

— «Для чего же это?»

— «Тамъ ужъ это все приноровлено къ тому, чтобы жить не для себя».

— «Я совсѣмъ не нахожу, чтобы тамъ это такъ было приноровлено».

— «А вы развѣ знаете, какъ живутъ въ монастыряхъ?»

— «Знаю».

— «Гдѣ же вы наблюдали монастырскую жизнь?»

А она уже его перебиваетъ и говорить:

— «Извините меня... развѣ не довольно, что я вамъ отвѣчаю на все, о чемъ вы меня допрашиваете обо мнѣ»

самой, но я не имѣю обыкновенія ничего рассказывать ни о комъ другомъ», — и сама беретъ при немъ мять свою глину, какъ бы его тугъ и не было.

— Ишь какая, однакоже, она шустрая! — замѣтила Анчка.

— Да чѣмъ, мой другъ?

— Ну все, однако, какъ хотите — этакъ отвѣчать можетъ, и онъ ее не срѣжетъ.

— Ну, нѣтъ... онъ ее срѣзалъ, и очень срѣзалъ!

— Какъ же именно?

— Онъ ей сказалъ: — «Неужто вы такъ обольщены, что вамъ кажется, будто вы лучше всѣхъ понимаете о Богѣ?» А она на это отвѣчать не могла и созналась, что: «я, говоритъ, о Богѣ очень слабо понимаю и вѣрую только въ то, что мнѣ нужно». — «А что вамъ нужно?» — «То, что есть Богъ, что воля Его въ томъ, чтобы мы дѣлали добро и не думали, что здѣсь наша настоящая жизнь, а готовились къ вѣчности. И вотъ, пока я объ этомъ одномъ помню, то я тогда знаю, чего во всякую минуту Богъ отъ меня требуетъ, и что я должна сдѣлать; а когда я начну припоминать: какъ кому положено вѣрить? гдѣ Богъ и какой Онъ? — тогда у меня все путается и позвольте мнѣ не продолжать этого разговора: мы съ вами не сойдемся».

Онъ говоритъ: — «Да, мы не сойдемся, и я вамъ скажу — счастье ваше, что вы живете въ наше слабое время, а то вамъ бы пришлось покоптиться въ кострѣ».

А она отвѣчаетъ: — «И вы бы меня, можетъ-быть, провондали?»

И сама улыбнулась, и онъ улыбнулся и ласково ей говоритъ:

— «Послушайте, дитя мое: вашу мать такъ сокрушаетъ, что вы не устроены, а долгъ дѣтей свою мать жалѣть».

Ее все будто вдругъ погнуло и на глазахъ слезы выступили.

— «Умилосердитесь, — говоритъ, — неужто вы думаете, что я, проживши двадцать лѣтъ съ моею матерью, понимаю ее и жалѣю меньше, чѣмъ вы, пріѣхавши къ намъ сейчасъ по ея приглашенію!»

А онъ говоритъ: — «Ну, и хорошо, и если вы такая добрая дочь, такъ изберите же себѣ достойнаго жениха».

— «Я его уже избрала».

— «Но этотъ выборъ не одобряетъ ваша мать».

— «Мама его не хочет узнать».

— «Да что-жь ей его и узнавать, когда онъ иновѣрецъ!»

— «Онъ христіанинъ!»

— «Полноте! отчего вамъ не уступить матери и не брать себѣ мужа изъ своихъ людей, обстоятельныхъ и извѣстныхъ ей и вашему дядѣ?»

— «Чѣмъ же не обстоятеленъ тотъ, кого я выбрала?»

— «Иновѣрецъ».

— «Онъ христіанинъ, онъ любитъ всѣхъ людей и не различаетъ ихъ породы и вѣры».

— «А вотъ и прекрасно: если ему все равно, то пусть и приметъ нашу вѣру».

— «Для чего же это?»

— «Чтобы еще тѣснѣе соединиться во всемъ съ вами».

— «Мы и такъ соединены тѣсно».

— «По отчего же не сдѣлать еще тѣснѣе?»

— «Оттого, что тѣснѣе того, чѣмъ мы соединены, насъ ничто больше соединить не можетъ».

Онъ посмотрѣлъ на нее внимательно и говорить:

— «А если вы ошибаетесь?»

А она вдругъ порывисто отвѣчаетъ:

— «Извините, я совершеннолѣтняя, и я себя чувствую и понимаю: я знаю: что я была до извѣстной поры и чѣмъ я стала теперь, когда во мнѣ зародилась новая жизнь, и я не промѣняю моего теперешняго состоянія на прежнее. Я люблю и почитаю мою мать, но... вы вѣрно знаете, что «тотъ, кто въ насъ, тотъ больше всѣхъ», и я принадлежу ему, и не отдамъ этого никому, ни даже матери».

Сказала это и даже задохнулась и покраснѣла.

— «Извините, — добавила: — я вамъ, кажется, отвѣтила рѣзко, но зато и больше уже ничего не могу дополнить», — и двинула стулъ, чтобы встать.

И онъ тоже двинулся и отвѣтилъ:

— «Нѣтъ, отчего же, если вы ужъ такъ соединены... чувствуете новую жизнь...»

А она встала и строго на него посмотрѣла и говорить:

— «Да, мы такъ соединены, что насъ нельзя разъединить. Кажется, больше говорить не о чемъ!»

Онъ отъ нея даже откачнулся и тихо сказалъ:

— «Мнѣ кажется, вы на себя... наговариваете!»

А она ему преспокойно:

— «Нѣтъ! все, что я говорю, все то и есть!»

А Маргарита Михайловна въ это же самое мгновеніе— «ахъ!» да и съ ногъ долой въ обморокъ, а я, какъ самая глупая овца, забыла, что стою на концѣ гладильной доски, и спрыгнула, чтобъ помочь Маргаритѣ, а гладильная доска перетянулась, да Ефросинью Михайловну сронила и меня другимъ концомъ пониже поясицы, и всѣ трое ниспроверглись и лежимъ. Грохотъ этакой на весь домъ сдѣлался. И онъ это услыхалъ, и всталъ, и весь въ волненіи сказалъ Клавдинькѣ:

— «Какія ужасныя волненія!.. И все это черезъ васъ!..»

Она ему ни словечка.

Тогда онъ вздохнулъ и говорить:

— «Ну, я не могу терять больше времени и уйду».

А Клавдинька ему тихо въ отвѣтъ:

— «Прощайте».

— «Прощайте,—и ничего болѣе? Прощаясь со мною, вы не имѣете сказать мнѣ отъ души ни одного слова?»

И она,—вообрази,—вдругъ одобрилась и подала ему обѣ руки,—и онъ радъ и взялъ ее за руки, и говорить ей:

— «Говорите! говорите!»

А она съ ласкою ему отвѣчаетъ:

— «Пренебрегите нами, у насъ всего есть больше, чѣмъ нужно; сдѣлите скорѣе къ людямъ бѣдственнымъ».

Даже изъ себя его вывела, и онъ, какъ будто задыхаясь, ей отвѣтилъ:

— «Благодарю васъ-съ, благодарю!»—и попросилъ, чтобы она и провожать его не смѣла.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

А когда онъ изъ дому на видъ показался, Клавдинька вернулась и прямо пришла въ темную, гдѣ мы лежали повержены, двери распахнула и кинулась къ матери, а что мы съ Ефросиньей никакъ подняться не можемъ—это ей хоть бы что! Ефросиньѣ Михайловнѣ девятое ребро за ребро заскочило, а мнѣ какъ-будто самый сидѣльный хвостикъ переломился, а кромѣ того и досадно, и смѣхъ разрываетъ.

«Хороша, думаю, дѣвушка! объяснилась... и ужъ сама не скрывается»...

Такъ въ этакомъ-то неслыханномъ постыдномъ безпорядкѣ все и кончилось. Мы и не видали, какъ онъ сѣлъ

и вся ажидація разсѣялась, и опять обманъ былъ, опять онъ въ чужую карету сѣлъ и не замѣтилъ — сталъ письма доставать. Такъ его и увезли, а наши служащіе въ домѣ всѣ ужасно были обижены, потому что все это вышло не такъ, какъ ждали, и потомъ всѣ, оказалось, слышали, какъ Клавдія сама, хозяйская дочь и наслѣдница, при всѣхъ просила: «пренебрегите нами»... Чего еще надо! Онъ и вправду, я думаю, этого никогда еще ни отъ кого не слышивалъ. Всѣ его только просятъ и молятъ со слезами, чтобы онъ осчастливилъ, чтобы пожаловалъ, а она какъ-будто гонить: «нами пренебрегите и ступайте къ бѣдственнымъ». Молва поднялась самая всенародная. Кучеръ Миронъ, какъ всегдашній грубіянь, да еще двѣ пунцовки выпивши, вывелъ на дворъ своихъ оетюковъ, чтобы ихъ пѣтой водой попрыскать, а оетюки его сытые — храпятъ, кидаются и грызутся, а Миронъ старается ихъ словами унять, а въ конюшню пазадъ ни за что вести не хочетъ.

— «Я, говоритъ,—слава-те, Господи! Я формально знаю, какъ и чтѣ велитъ законъ и религія: всегда перво-на-перво хозяевъ прыскають, а потомъ на тотъ же манеръ и скотовъ».

Насилу у него лошадей отняли и спать его уложили, какъ вдругъ Николай Иванычъ пріѣзжаетъ и въ самомъ выдающемся градусѣ.

— Скверный мужчина!—отозвалась Аичка.

— Преподдець!—поддержала Марья Мартыновна и продолжала:—съ этимъ опять до тѣхъ поръ безпокоились, что безъ всѣхъ силъ сбѣгались, и какъ пали въ сумерки, гдѣ кто достигъ по диванамъ, такъ тамъ и уснули. Но мнѣ и во снѣ все это снилося, какъ Клавдинька отличилась съ своимъ безстыдствомъ... Николай Иванычъ на весь домъ храпитъ и Ефросинья тоже ничкомъ дышитъ, а мнѣ даже не спится, будто какъ что меня поднимаетъ,—и не даромъ. Прислушиваюсь и слышу, что Маргарита Михайловна тоже не спитъ... ходитъ...

И такъ это она меня, моя Маргарита, заинтересовала, что я лежу и присасливаю, будто сплю, а о снѣ и не думаю, а все на нее однимъ глазкомъ гляжу и слушаю, куда она пойдетъ.

А она неслышной стопою тихонечко по всѣмъ комнатамъ, у жердинверки остановилась, съ цвѣтковъ будто

сухіе листики обираетъ въ руку, потомъ нанарейкѣ сахарокъ въ клѣткѣ поправила, лоскуточекъ какой-то маленькій съ полу подняла, а сама, вижу, все слушаетъ, всѣ ли мы спимъ крѣпко, и потомъ воровски, потихонечку—топъ-топъ и вышла.

Я сейчасъ же вскочила на диванъ и уши наострила... Слышу, она кружнымъ путемъ черезъ залъ къ Клавдинькиной комнатѣ пошлепала.

Такъ во мнѣ сердце и заколотилось... Что у нихъ будетъ?

Гороникомъ я съ дивана прыгнула, туфли сбросила да подъ мышку ихъ, и въ однихъ чулкахъ черезъ другой кругъ обѣжала и въ гардеробную,—оттуда тоже въ Клавдинькину комнату надъ дверью воловье око есть. Опять тамъ тихонечко все взмостила, поставила на столъ стулъ и стала на него и гляжу.

Въ комнатѣ полтемно. Лампа горитъ, но колпакъ такъ споровленъ, что только въ одно мѣсто свѣтъ отбиваетъ, гдѣ она руками лѣпится... Все это она сама себя всегда и зажигаетъ, и гаситъ, и на конфоркѣ воду грѣетъ—все безъ прислуги.

И теперь такъ — весь домъ въ покоѣ отдыхаетъ, а она завистная работница, какъ ни въ чемъ не бывало, опять уже всѣ свои принадлежности расправила.

Мнетъ да приставляетъ, да чортъ знаетъ что выльбливасть, и я даже на фигуру ея посмотрѣла, что она сама на себя высказала, но нѣтъ еще, — ничего не замѣтно, — вся высокая и стройная.

Мать вошла, а она не видитъ, а у меня сердце токъ-токъ-токъ! — такъ и толчется.. Что будетъ? — прибѣтъ ея старуха, что ли, и какъ та—съ покорностью ли это выдержитъ, или, помилуй Богъ, забудется, да и сама на мать руку подниметъ? Тогда я тутъ и нужна окажусь, потому что по крайней мѣрѣ я вскочу да схвачу ее за руки и подержу—пусть мать ее хорошенько поучить.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Все дыханіе я въ себя затаила.

Маргарита Михайловна постояла въ полутемнотѣ и ближе къ ней подходить...

Тогда госпожа Клавдинька вдрогнула и глянцу свою уронила.

— «Мамочка! — говорить, — вы не спите! какъ вы меня испугали!»

Маргарита удерживаетъ себя и отвѣчаетъ:

— «Отчего же это тебѣ мать страшна сдѣлалась?»

— «Зачѣмъ вы, мама, такъ говорите: вы мнѣ вовсе не страшны! Я вамъ рада, но я занялась и ничего не слышала... Садитесь у меня, милая мама!»

А та вдругъ обѣими руками, ладонями ея голову обхватила и всхлинула:

— «Ахъ, Клавдичка моя! дитя ты мое, дочка моя, сокровище!»

— «Что вы, что вы, мама!.. Успокойтесь».

А старуха ея голову крѣико зацѣловала, зацѣловала и вдругъ сама ей въ ноги сползла на колѣни и завопила:

— «Прости меня, ангелъ мой, прости, моя кроткая! я тебя обидѣла!»

Вотъ, думаю, такъ оборотъ! Она же къ ней пришла и не строгостью ее пристрастить, а еще сама же у нея прощенія просить.

Клавдинька ее сейчасъ подняла, въ кресло посадила, а сама передъ нею на колѣни стала и руки цѣлуетъ.

— «Я, — говорить, — милая мама, ничего и не помню, что вы мнѣ осердясь сказали. Вы меня всегда любили, я весь вѣкъ мой была у васъ счастливая, вы мнѣ учиться позволили...»

— «Да, да, другъ мой, дура я была, я тебѣ учиться позволила, и вотъ что изъ этого ученья вышло-то!»

— «Ничего, мамочка, дурного не вышло».

— «Какъ же «ничего»?.. Что теперь о насъ люди скажутъ?»

— «Что, мама?.. Впрочемъ, пусть что хотятъ говорятъ... Люди, мама, вѣдь рѣдко умное говорятъ, а гораздо чаще глупое».

— «То-то «все глупое». Нѣтъ, ужъ если это случилось, то я согласна, чтобы скорѣе твой грѣхъ скрыть: выходи за него замужъ, я согласна».

Клавдія изумилась.

— «Мама! милая! вы ли это говорите?..»

— «Разумѣется, я говорю; мнѣ твое счастье дорого, только не уходи отъ меня изъ дома, — тоска мнѣ безъ тебя будетъ».

— «Да никогда мы не уйдемъ отъ васъ...»

— «Не уйдешь? Онъ тебя отъ меня не уведетъ?»

— «Да ни за что, мама!»

Старуха такъ и захохотала:

— «Вотъ, вотъ! вотъ,—говорить,—опять ты всегда такая добрая... А онъ добрый ли?»

— «Онъ гораздо меня добрѣе, мама!»

— «Почему же такъ?»

— «Онъ смерти не боится».

— «Ну... для чего же такъ... Пусть живеть».

— «Вамъ жаль его?»

А та заморгала и сквозь слезы говоритъ:—«Да!»

И опять обнялись и обѣ заплакали.

Вѣришь, что даже мнѣ и то стало трогательно!

Анчка поддержала:

— Да и очень просто—растрогаютъ!

— А Клавдинька-то и пошла тутъ матери не спѣша и спокойно рассказывать: какой у него братъ былъ добрейшей души, и этотъ тоже,—ко всѣмъ идетъ, ни съ кѣмъ не ссорится, ничего для себя не ищетъ и всѣмъ все прощаетъ, и никого не боится, и ничего ему и не надобно.

— «Кромѣ тебя?»

А она законфузилась и отвѣчаетъ:

— «Мама!.. я его такъ уважаю... онъ меня научилъ жить... научилъ чувствовать все, что людямъ больно... научилъ любить людей и ихъ Отца... и... и вотъ я... вотъ я... счастлива навѣки!»

— «Ну, и пусть ужъ такъ... пусть. А только все-таки... зачѣмъ... ты такъ себя допустила?»

— «До чего, мама?»

— «Да ужъ не будемъ лучше говорить. Пусть только будетъ ваша свадьба скорѣй — я тогда опять успокоюсь... Я вѣдь тебѣ все простить готова... Это меня съ тобою только... люди разстраиваютъ, сестра... да эта мать-переносица Мартыниха».

— «Богъ съ ней, мама: не сердитесь на нее, — она несчастная».

— «Нѣтъ, она мерзкая выдумщица... по всѣмъ домамъ бѣгаетъ и новости затѣваетъ... я ее выгоню...»

— «Что вы, что вы, мама! Какъ можно кого-нибудь выгонять! Она безпріютная. Вы лучше дайте ей дѣло какое-

нибудь, чтобы она занятое имела, и не слушайте, что она о ком-нибудь пересуживает. Она ведь не понимает, какое она зло дѣлаетъ».

— «Нѣтъ, не понимаетъ; онѣ приступили ко мнѣ съ сестрой, что ты странная, и такъ мнѣ надоѣли, что и мнѣ ты стала казаться странною. Что же дѣлать, если я такая слабая... Я повѣрила и послала ее приглашать, и отъ этой общей ажидаціи сама еще хуже разстроилась».

— «Все пройдетъ, мама».

— «Ахъ, нѣтъ, мой другъ... ужъ это, что съ тобою сдѣлалось, такъ это... не пройдетъ».

Клавдинька на нее недоумѣнно смотритъ:

— «Я васъ,—говоритъ,—не понимаю».

— «Да я и не стану говорить, если тебѣ это непріятно, но я и о томъ думаю: какъ же это онъ провидецъ, а его обманомъ въ чужую карету—обмануть можно?»

— «Ахъ, не станемъ, мама, спорить объ этомъ!»

— «Я ему хотѣла пятьсотъ рублей послать, — а теперь пошлю завтра за непріятность тысячу».

— «Посылайте больше, мама,—мнѣ жаль его».

— «Чего же его-то жаль?»

— «Какъ же, мама... какое значеніе на себя взять: какая роль!.. Люди видятъ его и теряютъ смыслъ... бѣгутъ и даятъ другъ друга какъ звѣри, и просятъ: *денегъ... денегъ!!* Не ужасно ли это?»

— «Ну, это мнѣ все равно... только не хорошо, что теперь билетны пойдутъ; а я не люблю, кто о тебѣ дурно говоритъ. И зато вотъ я девсря Николая Иваныча, какой онъ ни есть, и кутила, и бабеларь, а я его уважаю, потому что онъ самъ съ тобою въ глаза спорится, а за глаза о тебѣ никому ничего позволить не хочетъ. — Сейчасъ, говорить, прибью за пее!»

— «Дядя добрякъ, мнѣ жаль его,—онъ во тьмѣ».

— «И для чего это все необыкновенное затѣяли! У насъ все было весь вѣкъ по-обыкновенному: свой, бывало, придетъ и попоетъ, и закуситъ, и въ карты поиграетъ, и на все скажетъ:—Господь проститъ».

— «Простое, мама, во всѣхъ случаяхъ всегда самое лучшее».

— «Да, онъ тебя крестилъ, онъ пусть и первѣнчаетъ».

А Мартыниха пусть къ намъ и не приходитъ, чтобы никакихъ выдающихся затѣй отъ нея больше не было».

Вотъ что было-выходило мнѣ за мои хлопоты, но дѣло рѣшилось иначе, и совсѣмъ неожиданно.

— Кто же его рѣшилъ?—спросила Аичка.

— Кошка, да я немножко, — продолжала Марья Мартышовна.

Но Клавдинька, къ чести ея приписать, и въ концѣ оиьгъ за меня заступилась, стала просить, чтобы меня какою-нибудь выдающеюся прислугою въ домѣ оставили.

Старуха ей отвѣчаетъ:

— «Изволь, и хотя мнѣ это неприятно, но для тебя я ее оставлю».

Но во мнѣ ужъ сердце закипѣло.

«Нѣтъ ужъ, думаю я, голубушки, я и безъ васъ проживу: я птичка-невеличка, но горда, какъ самый горделивый звѣрь, и у меня кромѣ васъ по городу много знакомства есть,—я въ услуженіе лакейкой никуда не пойду»... И честное тебѣ слово даю, что я въ ту же минуту хотѣла потихоньку отъ нихъ, не прощаясь, со двора сойти, потому что я, ей-Богу, какъ звѣрь горда; но вообрази же ты себѣ, что это не вышло. Ко всему этому случаю подпалъ еще другой, который и задержалъ. Пока я стояла на стулѣ и, на столѣ взгромоздившись, слушала ихъ совѣты, жирный котъ разыгрался, подхватилъ мои войлочные туфли, которыя я на полу оставила, и началъ, мерзавецъ, швырять ихъ лапой по всему полу.

Отъ этакаго пустяка — а меня просто ужась обхватилъ: задѣнетъ, думаю, мерзавецъ, туфлю за какое-нибудь легкое стуло или табуретку и загремитъ, и онѣ тогда сейчасъ сюда взойдутъ, и какова я имъ покажусь на своей каланчѣ? куда мнѣ тогда и глаза дѣвать и что выдумать и сказать: зачѣмъ я это въ здѣшнемъ мѣстѣ, вскочивши на столъ, случилась?

Снялась я съ великимъ страхомъ, чтобъ не упасть, и стала кругомъ на полу ползать—туфли свои искать. Ползла-ползла, весь полъ выползла, а туфель не нашла. А между тѣмъ страхъ боюсь, что теперь мать съ дочерью совсѣмъ поладили и сейчасъ выйдутъ и увидятъ, что меня нѣтъ на томъ диванѣ, гдѣ я спала. И какъ тогда мнѣ при нихъ да черезъ Николая Иваныча комнаты идти? Что подумать могутъ? Бросилась я безъ туфель бѣжать и вернулась на

свое мѣсто благополучно. Николай Ивановичъ безъ воротничковъ спитъ и не храпитъ, и не ворочается; а я въ однихъ чулкахъ легла на диванъ и только-что притворилась, что будто сплю, какъ Маргарита съ дочерью и взаправду входятъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Маргарита Михайловна спокойнымъ голосомъ съ прохладною велитъ, чтобы всѣ лампы зажечь и чай подавать, и стала всѣхъ будить къ чаю, а какъ ко мнѣ подошла, я говорю:—«я сейчасъ сама встану», и начинаю туфли искать.

А она, какъ на грѣхъ, спрашиваетъ:—«Что ты ищешь?»

— «Туфли ищу».

— «Гдѣ же ты ихъ приставила?»

— «На мнѣ онѣ были, на ногахъ».

— «Куда же онѣ съ ногъ могли дѣться?»

— «И сама не знаю».

— «Женихъ, что ли, приходилъ тебя разувать, — такъ вѣдь это только на святкахъ бываетъ».

— «Нѣтъ, — я говорю, — женихи ко мнѣ не ходятъ, а это, быть-можетъ, надсмѣшка».

— «Ну, вотъ еще! Кто будетъ надсмѣхаться? Ищите, пожалуйста, всѣ Мартыновнины туфли!»

И что это ей за неотступная забота припала искать — ужъ и не понимаю. А въ это самое время, какъ на грѣхъ, вдругъ Николай Ивановичъ выбѣгаетъ въ трехъ волненіяхъ изъ своихъ комнатъ и, должно-быть, еще не проснавшись или въ испугѣ, кричитъ:

— «У-е-ля хамъ? У-е-ля хамъ?»

Золовки ему отвѣчаютъ:

— «Что ты, батюшка! что ты!.. Какой Хамъ?»

А онъ даже трясется отъ злости и отвѣчаетъ:

— «Хамъ значитъ женщина!»

Маргарита Михайловна его перекрестила и говоритъ:

— «Какая женщина?»

— «Которая мнѣ гадость сдѣлала».

— «Что сдѣлала? какую гадость? Небось сказать нельзя?»

А онъ, какъ козелъ, головой замоталъ и въ самомъ повелительномъ наклоненіи:

— «Я, — говоритъ, — всѣмъ такой постановъ вопроса даю».

какая это фибаза меня разбудила и на постели у меня вот эту свою туфлю оставила?»

И показывается въ рукѣ мою туфель...

Ну, разумеется, всѣмъ смѣшно стало.

А я отвѣчаю:

— «Это туфля моя, но надо знать, какъ она туда попала».

А онъ и не слушаетъ.

— «Это всякому,—говорить,—известно, какъ попадаетъ».

А тутъ мальчишка Егорка, истопникъ, весь блѣдный, бѣжить и кричить:

— «У насъ въ ванной кто-то чѣмъ-то съ печки швыряется».

Пошли туда, а тамъ въ ванной въ водѣ другая моя туфля плаваетъ, а на печкѣ на краю проклятый котъ сидитъ.

— «Господи! — воскликнула я: — что же это! если всѣ меня выживаютъ, то мнѣ лучше самой уйти».

А Николай Иванычъ поспѣшаетъ:

— «И сдѣлай свою милость, уйди! У насъ безъ тебя согласнѣй будетъ»,—и съ тѣмъ повернулъ меня лицомъ къ зеркалу и говорить:

— «Вѣдь ты только посмотришь на себя и сдѣлай постановь вопроса: пристойно ли тебѣ своими туфлями заигрывать!»

То-есть, чортъ его знаетъ, что онъ такое въ своей пьяной безпамятности понималъ, а тѣ дуры такое ко мнѣ приложеніе приложили, что будто я и у него въ комнатѣ, и въ ванной вездѣ его преслѣдую.

— А можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ?—протянула Анчка.

— Полно, пожалуйста! Будто же я этакъ могла сдѣлать, что вдругъ одна моя нога въ комнатѣ, а другая въ ванной!.. Вѣдь это же и немислимо такъ растерзать себя! Но представь себѣ, что вѣдь старая дура обидѣлась и начала шептать:

— «Я,—говорить,—никого не осуждаю, но для чего же это... непременно въ моемъ домѣ... и послѣ посѣщенія»...

И не вытерпѣла, и съ своей стороны фехтовальное жало ей въ грудь вонзила:

— «Полно,—говорю,—пожалуйста, что такое вашъ домъ, да еще послѣ посѣщенія!.. Проводили этакаго посѣтителя такъ, что чуть его не выгнали»,—и рассказала, какъ Клавдія его просила ихъ домомъ пренебречь, а спѣшить къ людямъ бѣдственнымъ.

А Николаю Ивановичу это и за-любѣе стало.

— «Такъ,—говорить,—и слѣдовало: чего онъ, взаправду, все здѣсь? Ему надо къ неурожайнымъ полямъ ѣхать и большой урожаи вымолить, для умноженія хлѣбовъ. Съ нашей сытостью ему, взаправду, и возиться бы стыдно».

Я отвѣчаю:

— «Что же вы все мнѣ говорите про стыдное! Не я дѣлаю что-то стыдное въ вашемъ домѣ... а поищите стыднаго при себѣ ближе...»

А Николай Иванычъ, какъ всегда, любитъ срывать свое зло на комъ попало, и вдругъ кинулся на меня, какъ ястребъ на цыпленка, и началъ душить меня...

— Ахъ, Боже мой!—пожалѣла Анчка.

— Да, да, да,—продолжала Марья Мартыновна.—Золовки у него меня даже отнять не могли. Задушилъ бы, — но Клавдія вошла и сказала: «дядя, прочь!» Совершенно какъ на пуделя крикнула. Онъ и оставилъ. Тогда Маргарита выноситъ изъ спальни пятьсотъ рублей и говоритъ мнѣ:

— «Вотъ тутъ, Марья Мартыновна, пятьсотъ рублей отъ меня вамъ награжденія, и какъ вамъ угодно — хоть эти деньги за свою обиду примите, хоть на Николая Иваныча жалуйтесь, но я, Богъ съ вами, на васъ не сержусь, и если хотите проститься съ нами по-хорошему, я вамъ и еще дамъ, но уходите».

— «Я, — говорю, — жаловаться не пойду, потому что я православная».

А Николай Иванычъ зарычалъ:

— «Не потому, а ты знаешь, что, пожаловавшись, ты меньше получишь».

— «Можете,—говорю,—располагать какъ хотите, а я не желаю, чтобы на судѣ произносили священный типъ личности наравнѣ съ госпожи Клавдіи двичьими секретами».

Но тутъ онъ опять какъ сорвется... а Клавдія его схватила и вывела и сама вышла, а Маргарита подаетъ мнѣ еще триста рублей и говоритъ:

— «Другъ сердечный, нѣ, возьми это скорѣй себѣ и уходи. Хорошаго ждать теперь нечего».

— «Я,—говорю,—и не жду».

— А деньги взяли?—спросила Анчка.

— Неужли же имъ ихъ оставила!

— То-то! А то Клавдинька ихъ своимъ «бѣдственнымъ» сводокла бы!

— Разумѣется!

Помолчали.

— Такъ-то вы и называете, что простились, «по-хорошему»?— спросила Аичка.

— Да, уложила свои вещи, все забрала, а имъ сказала, ошибкою, вмѣсто «покойной ночи»— «упокой васъ Господи», да и уѣхала.

— И не жалѣете, что такъ вышло?

— И не жалѣю, да и жалѣть-то грѣхъ: они сами себя па все осудили. Каковъ отъ нихъ былъ пріемъ святой ажданціи, таково же и имъ отъ Бога наклоненіе. Былъ домъ выдающійся въ великолѣпіи, а теперь одна катастрофія за другою слѣдуетъ, и жительство ихъ спускается до самаго обыкновеннаго положенія. И все черезъ Клавдію Родіоновну рояльное воспитаніе; и никто этого не останавливаетъ— такъ всѣхъ она въ свои прелюзіи и привлекаетъ.

— Неужли всѣ стали лѣнить принадлежности?— спросила Аичка.

— Нѣтъ, это она одна лѣнитъ, и ей теперь даже заказы бюстровъ заказываютъ, а она своихъ семьянъ привела гораздо въ худшія послѣдствія.

— Что же такое, напримѣръ, съ ними сдѣлалось?

— А, напримѣръ, вотъ что сдѣлалось: начать съ того, что Николай Иванычъ, возвратившись разъ изъ своего маскатерства, забылъ, про что онъ позабылъ.

— Ну!

— А это оказалось въ послѣдствіи, что онъ позабылъ у себя въ карманѣ депешъ о томъ, что къ нему завтрашній день сынъ его Петруша изъ кругосвѣта возвращается. Онъ и возвратился, и пріѣхалъ утромъ на извозчикѣ, когда его никто не ждалъ, и отецъ тогда только вспомнилъ про депешъ и принялъ сына какъ нельзя хуже, и даже совсѣмъ не желалъ-было его видѣть.

— «Мнѣ, — говорить, — никакой заатлантическій дуракъ не нуженъ».

Но Клавдія этого Петрушу обласкала, а дядѣ только лѣвою рукою однимъ пальцемъ погрозила, а потомъ и начала Петинькой руководствовать и привела его къ тому, что онъ вдругъ, самъ безпріютный, да сталъ еще просить у отца

позволенія жениться на той самой Крутильдиной племянницѣ, за которую его отецъ выслалъ. Отецъ объ этомъ, разумѣется, и слышать не хотѣлъ, да и немислимо было это допустить, потому что у той въ это время еще одинъ проступокъ былъ, — и вотъ чего мы всѣ объ этомъ не знали, а Клавдія Родіоновна знала, потому что она, какъ оказалось, за этою особою слѣдила и отыскала ее въ напасти и содерживала у той старушки, куда я ее прослѣдовала, и тамъ ее отъ всѣхъ бѣдъ укрывала и навѣщала, и навелатаки своего двоюроднаго брата на то, что «вотъ ты предъ ней виноватъ, потому что черезъ то, что ты ее покинулъ, она еще разъ пала, и ты долженъ это загладить, и ее взять и никогда ни въ чемъ ее не укорять, потому что ты самъ всѣмъ ея бѣдамъ виновникъ». И все опять ему изъ евангелія, и что онъ будто ни на комъ другой, кромѣ этой, жениться не смѣетъ, и тѣмъ кончила, что сбила его на свое— Петька согласился. И тогда она явилась просить за нихъ дядю и стала ему доказывать, что та очень хорошаго сердца, а проступокъ ея былъ именно чрезъ то, что она была брошена.

Старикъ говоритъ:

— «Стало-быть, постановь вопроса такой, что это потвоему хорошо?»

— «Не хорошо,—отвѣчаетъ Клавдія:—но это такое, что вы должны простить, потому что все это произошло черезъ васъ; оттого, что кто безпомощную бросаетъ—тотъ и виноватъ за нее».

— «Гдѣ же это писано?»

А она сейчасъ-было за евангеліе, но онъ ее за руку.

— «Оставь»,—говорить.

— «Нѣтъ, не оставляю, и если вы будете жестоки и потребуете, чтобы еще разъ также ее оставить, то съ нею можетъ быть худшее».

— «Что же,—спрашиваетъ,—худшее?»

Она говоритъ:

— «Вы это лучше знаете, чтѣ ожидаетъ тѣхъ, кого вы сбиваете съ честнаго пути, а потомъ бросаете. Но вы знайте, что вашъ сынъ теперь не въ вашихъ рукахъ».

— «А въ чьихъ же?»

— «Въ тѣхъ рукахъ, съ Кѣмъ вы не смѣете спорить: Петя послушаетъ не васъ, а Того, Кто не дозволилъ пускать соблазнъ въ міръ».

— «Такъ ты его бунтуешь?»

— «Я не бунтую,—говорить Клавдія:—а я говорю, что другъ друга бросать нельзя! Отъ этого—страданье и грѣхъ. Послѣ этого Петрушѣ нельзя будетъ жить съ чистой совѣстью, и я его убѣдила и еще буду убѣждать, чтобы онъ почиталъ волю Небеснаго Отца выше воли отца земного. А вы если не хотите слушать, что я вамъ говорю о вѣчной жизни, то вы умрете вѣчной смертью».

И заговорила, заговорила, и такъ его пристрастила и умаяла, что онъ, какъ рыба на удочкѣ, ротъ раскрылъ и отвѣчать не умѣеть.

А тутъ и Петруша сталъ за ней то же самое повторять, что его совѣсть три года во всѣхъ мѣстахъ мучила и теперь покою не даетъ, и что онъ эту преступной дѣвушки вину на своей совѣсти почитаетъ и желаетъ ея и свою жизнь исправить.

Тутъ Николай Ивановичъ сталъ губы кусать и вдругъ говорить:

— «А это вѣдь точно, — пожалуй, можно и умереть, мы дѣйствительно всѣ грѣшныя: зришь на молодую мамзель и сейчасъ свое исполняешь, какъ бы ее такъ обратить, чтобы она завтра была уже не мамзель, а гуть-моргенъ. Это подлость всей нашей увертюры; а Клавдія прямо идетъ!» — и благословилъ сыну подзакониться, и вдругъ даже мальчика ихъ, своего внука, очень любить сталъ и безъ стѣсненія всѣмъ рекомендовать началъ: «вотъ это сынъ мой — европеецъ, а это мой внукъ подевропонецъ». Но Крутильда свою гордость выдержала и этого не перенесла, взяла и за своего Альфонса замужъ вышла, а на Николая Ивановича векселя подала, чтобы его въ тюремное содержаніе.

— Вотъ эта хорошій тишунъ сдѣлала, — отозвалась, засмѣясь, Аичка.

— Да. Но Клавдинька дядю въ тюрьму не допустила,— у матери уйму денегъ выпросила: «это, сказала, будетъ мнѣ за приданое», и та за него заплатила, и домъ продали, а сами стали жить круглый годъ на фабрикѣ. Такъ и теперь всѣ круглый годъ живутъ въ этой щели, и Клавдинькѣ это очень нравится.

— И красота ея, стало-быть, такъ тамъ и вянетъ?—спросила Аичка.

— Разумѣется, такъ у дуры все и завянегъ, но, однако, до сихъ поръ еще очень хороша, злодѣйка.

— А какъ же ся Ферштеть?

— Ахъ, съ нимъ оборотъ такъ еще всего чище!

— Вышла она за него или не вышла?

— Ничего не вышла!..

— Спятися?..

— Нѣтъ, онъ не спятися, а они оба себя одинъ въ другомъ превзошли, и потомъ она его на тотъ свѣтъ и отправила.

— Какимъ же это манеромъ?

— Да никакимъ!

— Что же, однако, было?

— Да ничего, и не было. «Мы,—говорить,—нашли, что намъ не нужно на себя никакихъ обязательствъ и имѣть семью тоже не надобно». Рѣшили остаться друзьями по своей вѣрѣ и довольно съ нихъ.

— Что за уроды!

— Оглашенные!

— А какъ же она его уморила?

— Ничего никто не зналъ. Вдругъ она приходитъ домой блѣдная и ничего не рассказываетъ, а потомъ оказалось, что онъ умеръ.

— Вотъ и разъ!

— Да. Дитя какое-то блѣдное такую заразность въ горлѣ получило, что никто его въ домъ лѣчить не хотѣлъ, а онъ по примѣру брата пошелъ и для другихъ все о болѣзни списалъ, а самъ заразился и умеръ.

— Очень она убивалась?

— Не знаю, какъ сказать,—точно каменная. Мать говорила: «Что же, всѣ твой грѣхъ знаютъ: если ты Бога не стыдилась, такъ ужъ людей и стыдиться не стоить,—иди, протисъ съ нимъ, поцѣлуй его во гробѣ. Тебѣ легче будетъ». А она тутъ только зарыдала и на плечи матери вскинулась и говоритъ: «Мамочка! я съ нимъ уже протисилась»...

— Призналась?

— Да;—«когда,—говорить,—онъ уходилъ туда, я его живого поцѣловала; прости мнѣ это».

— Значитъ, всего-на-все и было, что разъ одинъ поцѣловала?

— Такъ она сказала.
— Ну, а это-то... про что она раньше-то еще сознавалась?
— Что такое?
— Ну, вотъ, что вы рассказывали...
— Ахъ, это про родительный въ неопредѣленномъ наклоненіи?

— Да.
— А это такъ и осталось въ неопредѣленномъ наклоненіи.
— Какъ же это такъ вышло?
— Такъ, совсѣмъ ничего не вышло
— Значить, вы тогда на нее все наврали?
— И вовсе не то значить, а значить только то, что я ожидала правильно, чего слѣдуетъ по сложенію всѣхъ вѣроятностей, а у нихъ все верченое, и «новую жизнь» она въ себѣ оказывается нашла по божеству, какъ будто Христось ихъ соединяетъ въ однѣхъ вѣчныхъ мысляхъ. Подумай только, какъ смѣть этакое выдумать и такую святость себѣ приписывать!

Аичка не скоро процѣдила въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, это пустяки, — а откуда-то только у нихъ беретя терпѣніе, чтобы этакъ жить!

— Ужасты! ужасты!.. Ничѣмъ, ничѣмъ ихъ изъ себя не выведешь... Какое хочешь огорченіе и обиду—они все снесутъ, какъ будто горе земное до нихъ совершенно и не касающее!..

— Донимать ихъ, я думаю, какъ слѣдуетъ не умѣютъ.

— Это можетъ быть.

— Нѣтъ, навѣрно!

— А ты что бы имъ хотѣла.

— На сковородку бы ихъ босыми ножками, да пожаривать.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Ну, такъ, говорить, будто это жестокости.

Аичка ничѣмъ не отозвалась. Или она засыпала, или, можетъ-быть, стала думать о чемъ-то «въ сторону».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Мартиновна встала, куда-то прошла и опять сѣла на мѣсто.

Въ это время Аичка вздохнула и, повидимому, какъ будто ни къ тому, ни къ сему промолвила:

— Словесницы безплодныя!

Марья Мартыновна поняла, къ чему это, и подхватила:

— Да, ужь именно! Другая какая-нибудь... этакая простой души — живеть и втихомолочку чего только она ни дѣлаетъ и потихоньку во всемъ на духу покается, и никто ничего не знаетъ, а эти,—что ступить, то стукнуть, а потомъ вдругъ лишатся всякаго счастья и впоследствии коротаютъ вѣкъ не для себя, а сами остаются въ неопредѣленномъ наклоненіи... Нѣтъ, ты мнѣ этотъ постановъ вопроса рѣши: чтѣ съ ними дѣлать, чтобы ихъ вывести?

Но Аичка снова молчала, и Марья Мартыновна опять сама заговорила:

— Ну, пускай такъ, какъ ты говоришь, что не знаютъ, чтѣ съ ними дѣлать, я съ этимъ съ тобою согласна; но отчего же они такіе особенные, что ни слезъ у нихъ нѣтъ, ни моления и жалобы, а принимаютъ все, что надъ ними учинится, какъ будто это такъ и надобно?

— Притворяются.

— И я то же думаю! Гдѣ же, скажи на милость, только что вышла такая катастрофа — женихъ умеръ, а она въ тотъ же день, какъ его схоронили, съела работать и завела еще школу, чтобы даромъ бѣдныхъ дѣтей учить. Но только одно хорошо, что хоть ты и говоришь, что съ ними не знаютъ, что дѣлать, но и имъ тоже повадки заводить чтѣ хотять не даютъ: ей школу скоро прикончили. И замѣть, она и тутъ тоже опять ничего не томилась и не жаловалась.

— Они закоренѣлые.

— То-то и есть! Что же съ ними подѣлаешь, когда они такіе безпечальные? Ей школу прикрыли, а она теперь всемъ людямъ, чѣмъ только можетъ, услуживаетъ, и книжки дѣтямъ раздастъ, и сама съ ними садится гдѣ пошло читать.

— И этого не надо позволять.

— И было непозволеніе, становой и изъ-за книжекъ приѣзжалъ, чтобы всемъ ея книжкамъ повальный обыскъ сдѣлать, но посмотрѣлъ книжечки и все ей оставилъ, да еще началъ и извиняться.

— «И,—говорить,—приказаніе исполнилъ, а мнѣ самому совѣстно».

— Вонъ тебѣ какъ!

— Да еще что! — Какъ она ему отвѣтила, что не обижается, и руку свою подала, такъ онъ у нея и руку поцѣловалъ, и говорить:

— «Простито меня, вы праведница».

— А замужь она, стало-быть, такъ ужъ и не пойдетъ?

— Мать ее спрашивала: не дала ли она обѣтъ, чтобы послѣ смерти перваго жениха ни за какого другого не выходить? Она отвѣчала, что «обѣта не давала». По-ихнему вѣдь тоже и обѣтъ давать будто не слѣдуетъ. Старуха добивалась, что, можетъ-быть, она въ разговорахъ покойнику обѣщалась ни за кого не выходить? И этого, говорить, нѣтъ.

— «Ну, такъ, можетъ-быть, еще обрадуешь меня, выйдешь замужь?»

И на это тотъ же отвѣтъ:

— «Не знаю, мама, но только не думаю».

— «Отчего же?»

— «Со мной, мама, жить очень трудно».

Сама такъ и созналась, что съ нею жить—адъ. А потомъ въ день именинъ матери такой даръ поднесла, что говорить:

— «Мамочка! я ваша! я сегодня, въ вашъ день, рѣшилась и подарила себя служить вамъ и бѣднымъ людямъ. Я замужь не пойду».

Такъ и остается, и такъ и живетъ теперь вѣковушею. вмѣсто того, чтобы народить своихъ дѣтей, да ихъ въ ласкѣ нѣжить и имъ свой остатокъ капитала передать, она собрала опять безнортошную дѣтвору, да одѣваетъ ихъ, да поетъ имъ про лягушку на дорожкѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Собесѣдницы умолкли: Марья Мартыновна, вѣроятно, на слаждалась удовольствіемъ, что довела до конца сказаніе, въ которомъ ея главный врагъ, Клавдинька, была опозорена; а Анчка не отзывалась, — можетъ-быть, потому, что опять куда-то перенеслась и о чемъ-то думала.

Это и подтвердилось.

Послѣ довольно продолжительной паузы она вздохнула и сказала:

— Какъ мнѣ это все-таки, однако, удивительно!

— Что такое?

— Представьте, что я у себя точно такого же дурака знаю.

— Мужчину?

— Да, и очень интересный, а вотъ и въ немъ сидитъ точно такая же глушь.

— Что же, какъ онъ въ своемъ полѣ уродуетъ?

— То же самое, какъ и эта: ничего ему не нужно — ни вкусно ѣсть, ни носить красивое платье и ничто на свѣтъ.

— И любовь женская не нужна?

— Представьте—тоже не нужна!

— Этого никогда быть не можетъ! Это при какомъ хочешь положеніи изъ моды не выходить!

— Нѣтъ, то-то и есть, что выходить!

— Ни за что не повѣрю!

— Да какъ же вы не вѣрите, когда я васъ увѣряю!

— А я, моя дорогая, не вѣрю. Мужчину женской фигурей всегда соблазнить можно.

— А я вамъ, моя денювая, говорю, что и не соблазните.

Марья Мартыновна какъ будто поперхнулась, но оправилась и договорила:

— Разумѣется, мое время прошло.

— Хотя бы ваше и время не прошло, и хоть бы въ васъ иголки не было, а ничего не убѣдите.

— Отчего же это?

— Оттого, что у нихъ все нечеловѣческое—они красоту совсѣмъ не обожаютъ, а ищутъ все себѣ чего-то по мысли, и потому, если изъ нихъ кого полюбить, то съ ними выйдетъ только одно неудовольствіе.

— А онъ тебѣ очень нравится?

— Почему вы знаете?

— Неужли же не видно!—Ты тѣмъ все и портишь, что свои чувства ему оказала.

— Ничего я не порчу, а я ему просто противна.

— Какъ нищему гривна?

— Нѣтъ, совсѣмъ противна.

— Какъ же этакая молодая, богатая—и противна? Что же это за дуракъ выдающійся!

— Не дуракъ, а вотъ въ этомъ же самомъ родѣ, какъ ваша Клавдинька: все тоже смотреть въ евангеліе, и все чтобъ ему жить просто, да чтобъ работать и о гольтеиѣ думать,—и въ этомъ все его пустое удовольствіе.

— И будто ужъ нельзя его всѣмъ твоимъ капиталомъ привлечь?

— Ахъ, да на что ему капиталъ, когда ему больше того, что есть, ничего не надобно! Ему вкусный кусокъ положите, а онъ отвѣчаетъ: «не надо, я уже насытился»: за здоровьемъ

попросите выпить, а онъ отвѣчаетъ: «зачѣмъ же пить?—я не жажду».

— Ну, что это взаправду за уродство!

— Да; я такъ жить ни за что не хочу.

— Разумѣется; пусть онъ себѣ беретъ такую и жену, къ ихъ фасону подходящую.

Но Раичка, услыхавъ это, вскрикнула:

— Что-о-о!—И сейчасъ же рѣзко добавила, что она этого никогда не позволить.

— Лучше на столѣ подъ полотномъ его увижу, чѣмъ съ другою!

— Что же, — и это можно, — успокоила ее мирнымъ тономъ Мартыниха.

Раичка понизила голосъ.

— То-есть, что же... развѣ вы это можете?

— Подъ полотно положить?

— Да... но вѣдь за это отвѣчать можно.

— Стоить только ему рубашку выстирать да на ночь дать одѣть... вотъ и все.

— Ишь, какая вы вредная!

— Да вѣдь я это для тебя же!—скопфуженно остановила ее Мартыниха.

— Нѣтъ, а какъ вы смѣли для меня это подумать! Рубашку вымыть!

— Ну, оставь, пожалуйста: видишь, чай, что я пошутила!

— Пошутила!.. Нѣтъ, вы думали, что ужъ влюбленную дуру нашли, и я вамъ дамъ такое порученіе, что въ вашихъ рукахъ буду! Я не дура!

— Да кто жъ тебѣ говоритъ, моя дорогая, что ты дура!

— То-то и есть, моя дешевая!

— Фу ты, Господи!

— Да, да, да.

— Такъ какъ же ты жить хочешь?

— Чтобы онъ былъ мой мужъ и жилъ какъ я хочу, и больше ничего.

— Такъ ты бы ему лучше прямо такъ и изъяснила, что: «люблю и женюсь!»

— И вотъ, представьте же себѣ, что я уже до этой нисости дошла, что и изъяснилась.

— И что же онъ—возвеличился?

— Нимало, а только пожалъ мнѣ руку и говоритъ:

«Ранса Игнатъевна, вы на этотъ счетъ ошибаетесь!» Меня даже въ истерику и въ слезы бросило, и я говорю: «Нѣтъ, я васъ люблю, и весь капиталъ вамъ отдамъ». А онъ...

Аичка вдругъ всхлипнула и заплакала.

— Полно, полно, пріятненькая, убиваться! — попросила ее Марья Мартыновна.

— Не гладьте меня, я не люблю! — скапризничала Аичка.

— Ну, хорошо, хорошо, я не буду. Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Не вѣрить, дуракъ.

Послышались опять слезы.

— Ну, значитъ, онъ или безчувственный, или безпонятный, — рѣшила Марья Мартыновна.

— Нѣтъ, онъ не безчувственный и даже очень понятный; а онъ говорить: «вы въ вашихъ чувствахъ ошибаетесь — это вы мою презрѣнную плоть любите и хотите со мною своихъ свиней пасти, а самого меня вы не любите и не можете меня полюбить, потому что мы съ вами несогласныхъ мыслей и на разныхъ хозяевъ работаемъ; а я хочу работать своему хозяину, а свиней съ вами пасти не желаю».

— Что же это такое?.. И къ чему это?.. Какихъ свиней пасти, и на какихъ разныхъ хозяевъ работать? — протянула ледоумѣнно Марья Мартыновна.

— А вотъ въ томъ и дѣло, что если не понимаете, то и не спорьте! — дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ откликнулась Аичка и черезъ минуту еще сердитѣе добавила: — Поихнему, любовью утѣшаться — это значитъ «свиней пасти».

— Тѣфу!

Мартыновна громко плюнула и вскрикнула:

— Свины! Ей-Богу, они сами свины!

— Да, — отвѣчала Аичка: — и онъ еще хуже говорил... Онъ отвѣтитъ...

— За что, пріятная, за что? Что онъ еще... чѣмъ тебя оскорбилъ?

— Онъ меня ужасно оскорбилъ... онъ сказалъ, что я не христіанка, что со мною христіанину жить нельзя и нельзя дѣтей въ христіанствѣ воспитывать...

— Ахъ, за это отвѣтитъ!

— Да; я ему это и сказала: «Я говѣю и сообщаюсь, а вы никогда... Кто изъ насъ—христіанинъ?»

— Онъ отвѣтитъ.

— А я своего характера не переломлю!

— И не ломай! Что ихъ еще баловаты!

— Я ему сказала, что я ожесточусь, и лучше кому захочу, тому все богатство и отдамъ, но только я по-своему отдамъ, а не по-ихнему.

— Вотъ я теперь тебя и поняла.. зачѣмъ ты сюда пріѣхала! Конечно, тебя тутъ на рукахъ носить будутъ!

— Очень мнѣ нужно ихъ ношенья! Но только вы ничего и не поняли!

— Нѣтъ, ты теперь проговорила.

— Ни капли я не проговорила. Я, просто, буду проговаривать: вѣрно ли это, что здѣсь можно умолить, чтобъ въ пемь сердце затомилось и все стало—какъ я хочу.

Но Марья Мартыновна на этомъ Анчку перебила.

— Ангель мой!—воскликнула она живо:—здѣсь умолить можно все; здѣшнее мѣсто—все равно, что гора Фаворъ; но только должно тебѣ знать, что Богъ вѣдь на зло молящему не помогаетъ!

Анчка совсѣмъ разсердилась.

— Что вы за глупости говорите!—вскричала она:—какое же здѣсь «на зло молящее», когда я хочу его отъ безсмейнаго одиночества въ законъ брака привести и потомъ такъ сдѣлать, чтобы онъ любилъ непремѣнно все то, что всѣ люди любятъ.

— Да; то-есть, чтобы онъ не косоротился бы къ протѣ, а искалъ бы себѣ прямо не одна душеполезное, но и тѣлополезное?

— Вотъ и только!

— Да, если только въ этомъ, то это, конечно, благословенный законъ супружества, и въ такомъ случаѣ Богъ тебѣ навѣрно поможетъ!

— Да,—а вы, пожалуйста, теперь ужъ дальше замолчите, потому что скоро будетъ разсвѣтъ, и я очень разстроилась, и буду блѣдная.

Шехерезада умолкла. Сосѣдки больше ничего не говорили и, можетъ-быть, уснули; послѣдовавъ имъ благоразумному примѣру, заснуть передъ утромъ немножко и я, но потомъ

вскорѣ снова проснулся, оставилъ на столѣ деньги за свою «ажидацию» и уѣхалъ изъ Рима, не видавъ самого папы...

А поѣздка эта все-таки принесла мнѣ пользу: мнѣ стало веселѣе. Я какъ будто побогатѣлъ впечатлѣнiями, — и теперь, когда мнѣ случается возвращаться ночью по купеческимъ улицамъ и видѣть темящiяся въ ихъ домахъ разноцвѣтныя лампы, я уже не воображаю себѣ тамъ однѣхъ безстыжихъ притворщицъ или робкихъ и безнадежныхъ плаксъ «темнаго царства», а мнѣ сдается, будто тамъ уже дышитъ бодрый духъ Клавдиньки, дающiй ресурсъ къ жизни во всякомъ положенiи, въ которомъ Высшей волѣ угодно совершать въ борьбѣ со тьмою все рожденное отъ свѣта.

Павлинъ.

(РАЗСКАЗЪ).

Я былъ участникомъ въ небольшомъ нарушении строгаго монастырскаго обычая на Валаамѣ. На этой суровой скалѣ не любятъ праздныхъ прогулокъ: откуда бы ни приплылъ сюда далекій посѣтитель и какъ бы ни велико было въ немъ желаніе познакомиться съ островомъ, онъ не можетъ доставить себѣ этого огромнаго удовольствія,—говорю *огромнаго*, потому что островъ поистинѣ прекрасенъ, и грандіозныя картины его восхитительны. На Валаамѣ за обычай всякій паломникъ подчиняется *послушанію*; онъ долженъ ходить въ церковь, молиться, трапезовать, потомъ трудиться и, наконецъ, отдыхать. На прогулки и обозрѣванія здѣсь не разсчитано; но, однако, мнѣ, въ сообществѣ трехъ мужчинъ и двухъ дамъ, удалось обойти въ одну ночь весь островъ и запечатлѣть навсегда въ памяти дивную картину, которую представляютъ при блѣдномъ полусвѣтѣ лѣтней сѣверной ночи дикія скалы, темныя урочища и тихіе скиты русскаго Аюна. Особенно хороши эти скиты, съ ихъ непробудною тишью, и изъ нихъ особенно поражаетъ скитъ Предтечи на островкѣ Серничанѣ. Здѣсь живутъ пустынники, для которыхъ суровость общей валаамской жизни кажется недостаточною: они удаляются въ Предтеченскій скитъ, гдѣ начальство обители бережетъ ихъ покой отъ всякаго нашествія мірскаго челоука. Здѣсь теплятъ свои лампы люди умершіе міру, но неустанно молящіеся за міръ: здѣсь вѣчный постъ, молчанье и молитва.

Не зная направленія валаамскихъ тропинокъ, мы подошли къ проливу, отдѣляющему островъ Серничанъ отъ

главнаго острова, неожиданно — и, плѣвпясь густыми папоротниками, которыми заросла здѣшняя котловина, сѣли отдохнуть и заговорили о людяхъ, избравшихъ это глухое уединеніе мѣстомъ для своей молитвенной и созерцательной жизни.

— Какіе это люди, съ какими силами и съ какимъ прошлымъ приходятъ они сюда, чтобъ погребсти себя здѣсь заживо? — воскликнулъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ. — Я никакъ не могу иначе думать, что это должны быть какіе-то титаны и богатыри духа.

— Да, и вы правы, — отвѣчалъ другой: — это богатыри, но только богатыри мощные нищетою. Это зерна, которые уже *прозябли* и пошли въ ростъ.

— А пока они прозябли?

Собесѣдникъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Пока они прозябли... они лежали при дорогахъ, глохли подъ терніемъ и погибали, какъ вы и я, и цѣлый свѣтъ, пока вѣтеръ схватилъ ихъ и бросилъ на добрую почву.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы знали кого-нибудь изъ людей, имѣвшихъ силу погребсти себя заживо въ этихъ дебряхъ.

— Да, мнѣ кажется, что я, дѣйствительно, зналъ такого человѣка.

— Онъ былъ умень?

— Да.

— И разсудителень?

— Гм!.. да. А впрочемъ, я о немъ судить не берусь, по я его любилъ и очень уважаю его память.

— А онъ уже умеръ?

— Да.

— Здѣсь?

— Неподалеку, — отвѣтилъ, снова тихо улыбувшись, собесѣдникъ.

— Жизнь такого человѣка всегда способна возбуждать во мнѣ большой интересъ.

— И во мнѣ, и во мнѣ тоже, — подхватили другіе.

Дамы интересовались еще болѣе мужчинъ — и одна изъ нихъ, красивая блондинка съ черными глазами, обратясь къ этому нашему понутчику, сказала:

— Знаете ли, что вы сдѣлали бы намъ чрезвычайно большое одолженіе, если бы здѣсь же, въ тиши этой

дебри, гдѣ мы такъ неожиданно очутились, рассказали намъ исторію извѣстнаго вамъ отшельника.

Другая дама и всѣ мы присоединились къ этой просьбѣ— и тотъ, къ кому она относилась, согласился ее исполнить и началъ:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Назадъ тому лѣтъ двадцать, когда я былъ школяромъ и ходилъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій, мы съ покойницей моей матушкой и ея сестрою, а моею теткой Ольгой Петровной, жили въ домѣ моей другой богатой тетки по отцу. Хотя этой послѣдней теперь уже нѣтъ въ живыхъ, но я все-таки не выдамъ ея настоящаго имени и назову ее Анной Львовной. Домъ ея стоитъ и теперь на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоялъ; но только тогда онъ былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ большихъ на всей улицѣ, а нынче онъ тамъ одинъ изъ маленькихъ. Громадныя новѣйшія постройки его задавили—и на него никто болѣе не указываетъ какъ было въ то время, съ котораго начинается моя исторія.

Начавъ свой рассказъ не съ людей, а съ дома, я уже долженъ быть послѣдователемъ и рассказать вамъ, что это былъ за домъ; а онъ былъ домъ странный—и страшный во многихъ отношеніяхъ. Онъ былъ каменный, трехъ этажный и съ тремя дворами, уходившими одинъ за другой внутрь и обстроенными со всѣхъ сторонъ ровными трехъэтажными корпусами. Видъ его былъ мрачный, сѣрый, почти тюремный. Впечатленіе, производимое имъ, было самое тягостное. Домъ этотъ составилъ часть приданаго моей тетки, когда она выходила замужъ за своего не совсѣмъ далекаго родственника, очень много общавшаго, въ свое время блестящаго, свѣтскаго молодого человѣка, который, впрочемъ, кончилъ тѣмъ, что необыкновенно проворно спустил все незначительное свое и значительное женино состояніе и протянулъ руки къ остаткамъ ея приданаго, т. е. къ этому дому. Такое поцолзновеніе мужъ моей тетки обнаружилъ въ Парижѣ, гдѣ супруги въ то время жили и гдѣ Анна Львовна думала, что она блистаетъ красотою и можетъ удивить ея весь свѣтъ—если бы только на глазахъ у этого свѣта не мелькала какая-то дама полусвѣта, съ которою борьба была неудобна, да и невозможна, потому что роскошь

сей послѣдней была до того баснословно, что самыя солидныя дамы интересовались: откуда все это берется у этой куртизанки? Интересовалась, вѣроятно, этимъ и моя тетунка Анна Львовна и получила отъ своего мужа въ отвѣтъ, что завидное положеніе проходимки зависитъ отъ щедрости какого-то разбогатѣвшаго въ индійской кампаніи англичанина; но вскорѣ оказалось, что все это вздоръ и что богатчанинъ былъ не кто иной, какъ самъ супругъ моеи тетушки, самымъ неосмотрительнымъ образомъ распорядившійся ея состояніемъ въ пользу этой темной звѣзды. Увлеченіе его зашло такъ далеко, что у нихъ не осталось ничего, кромѣ петербургскаго дома, о которомъ я говорю. Узнавъ объ этомъ, тетка Анна Львовна побѣсновалась, порыдала, а потомъ взялась за умъ и проявила не только большую силу характера, но даже и порядочную долю жестокосердія: она уничтожила формальнымъ порядкомъ свои довѣренности на имя мужа—и, бросивъ его въ Парижъ на жертву кредиторамъ, укатила назадъ въ Россію и поселилась въ своемъ домѣ. Домъ этотъ давалъ изрядный доходъ, такъ что тетка могла безнуждно жить этими средствами и воспитывать сына Вольдемара, или по-домашнему Додю. Мужу она ничего не посылала и никогда о немъ не говорила: такъ онъ гдѣ-то пропалъ и, наконецъ, совсѣмъ пропалъ за границу въ полной безвѣстности. Одни говорили, что онъ умеръ гдѣ-то въ долговой тюрьмѣ; другіе увѣряли, что онъ служилъ въ должности крушѣ въ какомъ-то игорномъ домѣ. Но это для насъ все равно. Тетка Анна Львовна къ тому времени, когда я ее узналъ, была женщина лѣтъ сорока пяти; она еще сохраняла слѣды довольно замѣчательной, хотя самой непріятной, сухой и жесткой красоты, составляющей принадлежность женщины русскаго бомонда. Анна Львовна жила въ своемъ домѣ, занимая половину прекраснаго бельэтажа. Это было большое помѣщеніе, которое давало тетукѣ возможность жить какъ должно большой дамѣ, притомъ дамѣ строгой и солидной, какою она слыла у огромнаго числа посѣщавшихъ ее высокопоставленныхъ людей. Она любила немножко рисоваться своимъ положеніемъ, жаловалась при случаѣ на свою беззащитность и ограниченность вдовьихъ средствъ—и превосходно обдѣлывала свои дѣла. Благодаря ея связямъ и ловкости, воспитаніе сына ея ничего не стоило, она кромѣ того какимъ-то

образомъ, неходатайствовала себѣ очень порядочную субсидію за «безпримѣрное несчастіе», а доходы съ дома копила. Анна Львовна была женщина очень разсчетлива и, по правдѣ сказать, весьма безсердечная, что вы, я думаю, можете отчасти заключить изъ ея поступка съ мужемъ, которому она никогда не простила его вины и не помогла ему въ его бѣдственномъ положеніи ни однимъ грошемъ. Въ домѣ тетки всѣ ея боялись и трепетали: я это зналъ отлично, потому что, живучи въ одномъ изъ флигелей ея дома, я могъ наблюдать какъ на нее смотрѣли люди. У тетки не было управляющаго: она сама завѣдывала домомъ, и была госпожею строжайшею и немилосердѣйшею. У нея былъ порядокъ, что всѣ жильцы должны были платить ей за квартиры за мѣсяць впередъ — и если кто не платилъ одинъ день, тому сейчасъ же выставляли окна и черезъ два дня вышвыривали жильца вонъ. Льготы и снисхожденія не оказывалось никому — и ихъ никто изъ жильцовъ не пытался добиться, потому что всѣ знали, что это было бы напрасно. Тетка правила мудро: она сама была для жильцовъ никогда невидима и къ ней никого изъ нихъ не допускали, ни подъ какимъ предлогомъ, — она только отдавала приказанія, и немилосердивыя приказанія эти приводились въ исполненіе. Говорили, что въ исполненіи этихъ приказаній никогда не допускалось ни малѣйшей поправки, — но тетка все-таки находила, что исполнители ея воли дѣйствовали еще довольно слабо, и перемѣнила многихъ изъ нихъ, пока не нашла, наконецъ, одного, который вполне удовлетворялъ ея немилосердой строгости. Этотъ замѣчательный человекъ былъ швейцаръ Павлинъ Петровъ, по фамиліи Пѣвуновъ, или попросту, какъ его звали, *Павлинъ*. — Рекомендую этого человека особенному вашему вниманію, потому что, несмотря на его скромное положеніе, онъ будетъ героемъ начатаго вамъ разказа. Поэтому же самому я и опишу его вамъ нѣсколько подробнѣе и разкажу: какъ мы лично имѣли удовольствие познакомиться съ этимъ антикомъ въ цестрой дивреѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Когда мы съ матушкою поселились въ маленькой квартиркѣ одного изъ флигелей второго двора теткинаго дома, Павлинъ Пѣвуновъ уже лѣтъ шесть состоялъ у нея въ

должности швейцара и считался преданнѣйшимъ ей человекомъ и, что называется, ся правою рукою. Насчетъ безграничнаго довѣрія Анны Львовны къ Павлицу и еще болѣе насчетъ того, что онъ жилъ у нея безсмѣнно много лѣтъ, тогда какъ до него никто изъ людей у нея не уживался, по дому ходили даже разные пелѣные толки, основанные на самыхъ глупыхъ выводахъ и болѣе всего на томъ, что Павлинъ, по мнѣнiю многихъ, былъ красавецъ. Опишу вамъ паружность Павлина въ ту пору его жизни, какъ я его зналъ. Ему въ то время было лѣтъ съ небольшимъ за сорокъ, онъ былъ мужчина высокiй, плотный и очень стройный; свѣтлый блондинъ, съ большими, очень прiятными сѣрыми глазами, прекраснымъ умнымъ лбомъ, замѣчательною строгостию въ лицѣ и достоинствомъ въ движенiяхъ и во всей его въ глаза бросающейся многозначительной позитурѣ. Можно держать какое угодно пари, что ни въ одной изъ столицъ Европы не было и нѣтъ швейцара импозантнѣе Павлина. Я думаю, что онъ былъ бы еще важнѣе въ какой-нибудь другой, болѣе важной, не швейцарской ливреѣ; но, однако, и этотъ пестрый уборъ шелъ къ нему чрезвычайно. Въ расшитомъ галунами, длинномъ ярко-синемъ сюртукѣ съ капюшономъ, въ широкой убранной галуномъ перевязи, въ трехугольной шляпѣ и съ блестящею вызолоченною булавою въ рукахъ, Павлинъ былъ настоящiй *павлинъ*, и притомъ самый нарядный павлинъ, способный поспорить съ наилучшимъ экземпляромъ щеголеватой птицы, передѣланной Юноною изъ Аргуса. По этой представительности Павлинъ могъ бы получить мѣсто швейцара въ любомъ изъ клубовъ, или при какомъ-нибудь изъ самыхъ блестящихъ посольствъ, но Павлинъ за этимъ не гнался и служилъ въ довольно скромномъ и буржуазномъ домѣ моей тетки. Сюда онъ поступилъ на первое мѣсто въ Петербургѣ, а мнѣнять мѣста было не въ его правилахъ. Павлинъ у тетушки содержался не въ особой холѣ и по обычаю буржуазныхъ домовъ несъ на себѣ нѣсколько обязанностей. Павлинъ былъ тетушкинъ Аргусъ: при его содѣйствiи она могла знать все, что только желала. Онъ, кажется, видѣлъ весь домъ сквозь его каменные стѣны и зналъ, что дѣлается въ самыхъ сокровенныхъ его закоулкахъ,—и это для всѣхъ было тѣмъ удивительнѣе, что Павлинъ не имѣлъ во всемъ домѣ ни съ кѣмъ изъ прислуги никакихъ сношенiй. Онъ былъ очень гордъ и

важенъ не только съ вида, но и по характеру — самоуважающему, твердому и даже надменному. Павлинъ жилъ въ небольшой, но очень чисто содержимой имъ комнатѣ, скрытой за колоннадою просторнаго параднаго антра, гдѣ на небольшомъ возвышеніи между двухъ колоннъ стоялъ его тронъ, старинное черное кресло съ мѣднымъ дракономъ на высокой спинкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Павлинъ поселился въ своей комнатѣ, у него не былъ никто изъ постороннихъ людей и никому не было извѣстно, что тамъ у него за убранство. Два выходившія на улицу окна кѣтки Павлина были всегда задернуты чистою кисеею, на нихъ стояли горшки съ цвѣтами—и если кому доводилось заглянуть въ эти окна вечеромъ, когда комната освѣщалась изнутри горѣвшею передъ образомъ лампадою, то тотъ могъ только видѣть верхъ очень чистыхъ, густою голубою краскою выкрашенныхъ стѣнъ и ширмы; а болѣе ничего невозможно было разсмотрѣть. Комната постоянно была занерта и ключъ отъ ея маленькой двери всегда былъ у Павлина въ карманѣ. Досужихъ людей, которые подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ пытались проникнуть въ покой Павлина, онъ не допускалъ до этого самымъ рѣшительнымъ и безцеремоннымъ образомъ, такъ что его, наконецъ, всѣ оставили и никто въ гости къ нему не порывался. Что такъ тщательно хранилъ Павлинъ въ своей вѣчно-запертой комнатѣ,—этого никто не могъ отгадать, а такъ какъ нельзя же было оставить этого безъ объясненія, то учредившійся въ домѣ наблюдательный комитетъ за Павлиномъ открылъ, что онъ тоже чрезвычайно бережливъ, умѣренъ въ пищѣ и не пьетъ ничего кромѣ воды и молока, — поэтому комитетъ объявилъ, что Павлинъ «молокапъ». Это всѣмъ очень понравилось и удовлетворило общественную пытливость насчетъ личности Павлина настолько, что всѣ почилъ въ спокойной увѣренности, что Павлинъ *гордецъ по религіи*. Какъ во всякомъ вздорѣ есть своя доля истины, такъ было и здѣсь: Павлинъ, дѣйствительно, былъ заносчивъ и гордъ и не хотѣлъ допускать ни малѣйшаго сближенія съ собою никого изъ служащихъ людей. Оно и было понятно: онъ былъ поставленъ съ ними въ одну среду, но не имѣлъ съ ними ничего общаго ни по уму, ни по характеру. Прошлое его было мало извѣстно; были слухи, что онъ изъ крѣпостныхъ людей, служилъ камердинеромъ у какого-то важнаго лица

и лѣтъ пять тому назадъ откупился на волю, взнеся своему господину чуть ли не тысячу рублей серебромъ за одну свою гордую и суровую душу; но этимъ слухамъ не совсѣмъ довѣряли. Гораздо охотѣе вѣрили чьей-то выдумкѣ, что Павлинъ ограбилъ почту, убилъ шесть почтальоновъ и потомъ добылъ себѣ фальшивую бумагу, съ которою и живетъ въ швейцарахъ, храни въ своей занертой каморкѣ несмѣтныя сокровища ограбленной почты. Впрочемъ, и это, разумѣется, рассказывали только стороною; самъ же Павлинъ никогда ничего не говорилъ о своемъ прошломъ. Жизнь свою онъ проводилъ однообразно и разсчитанно какъ часы: рано утромъ онъ появлялся въ антрэ, молъ его и потомъ скрывался въ свою комнату, гдѣ пилъ чай или кофе изъ какого-то особаго самоварчика, котораго устройство и способъ кипяченія оставался для всѣхъ секретомъ и предметомъ неразъяснимаго любопытства. Затѣмъ Павлинъ выходилъ въ одной ливреѣ на лѣстницу и отправлялся къ тетункѣ: тутъ у нихъ шелъ докладъ или бесѣда, по поводу которой никто ничего достовѣрнаго не зналъ и всѣ билетничали невѣроятный и невозможный вздоръ. Бесѣда длилась около часа, и послѣ нея Павлинъ снова появлялся на лѣстницѣ, но уже не съ пустыми руками, а съ домовою книгою, которую клалъ на столъ подъ клеенку, надѣвалъ перевязь, бралъ въ руки булаву и отпиралъ двери подъѣзда. — Совершивъ эту церемонію, онъ садился въ широкое, обитое краснымъ сафьяномъ кресло и начиналъ просматривать домовую квартирную книгу, дѣлая изъ нея карандашомъ отмѣтки въ особую тетрадку. Этимъ дѣломъ Павлинъ занимался до десяти. Съ послѣднимъ ударомъ десятаго часа онъ ставилъ къ колоннѣ булаву, смѣнялъ треугольную шляпу обшитою галуномъ фуражкой и въ этой полуформѣ выходилъ черезъ ворота на дворъ: мимоходомъ онъ молча ударялъ рукою въ дворницкую дверь, и когда оттуда на этотъ знакъ тотчасъ же выскакивали два рослые парня, одинъ съ топоромъ, другой съ молоткомъ и клещами, и оба ему низко кланялись, онъ отвѣчалъ имъ на ихъ привѣтствіе молчаливымъ поклономъ и шелъ далѣе. Дворники, вооруженные топоромъ и клещами, слѣдовали за нимъ молча и въ почтительномъ отдаленіи. Павлинъ направлялъ свои стопы туда, куда указывала ему раскрытая передъ нимъ на рукѣ квартирная книга.

Я вамъ едва ли сумѣю передать хотя слабую тѣнь того, что такое производило на всѣхъ въ домѣ это утреннее шествіе Павлина по дому, въ сопровожденіи двухъ слѣдовавшихъ за нимъ лекторовъ. Изъ всѣхъ оконъ длинныхъ флигелей внутренняго двора, занимаемыхъ бѣдными жильцами, на Павлина устремлялись то злые, то презрительные, а чаще всего тревожные взоры; нерѣдко вслѣдъ ему слышались бранныя слова и ядовитыя насмѣшки, еще чаще проклятій и слезные вопли; Павлинъ не обращалъ ни на что на это никакого вниманія. Онъ совершалъ свое теченіе, какъ планета въ ряду расчисленныхъ свѣтилъ по закону своего вращенія, и не удостоивалъ никакія заявленія ни гнѣва, ни сожалѣнія. Шествіе это выражаетъ, что Павлинъ идетъ собирать ежемѣсячную плату съ бѣдныхъ жильцовъ дробныхъ квартиръ, на которыя тетушка передѣлала всѣ внутренніе флигели — въ томъ основательномъ расчетѣ, что дробныя квартиры всегда приносятъ болѣе, чѣмъ крупныя, потому что онѣ занимаютъ людьми бѣдными, которыхъ всегда болѣе, чѣмъ богатыхъ, и которые не претендуютъ ни на вкусъ, ни даже на чистоту. А почему это шествіе Павлина представлялось столь внушительнымъ и возбуждало столько ужаса, мы сейчасъ увидимъ, если послѣдуемъ за нимъ на одну изъ узкихъ темныхъ лѣстницъ, по которымъ онъ взбирается въ сопровожденіи своихъ ассистентовъ. Вотъ онъ останавливается у извѣстнаго ему номера и звонитъ у двери; ему не скоро отворяютъ, но онъ терпѣливъ и не докучаетъ; онъ слышитъ какъ тамъ шушукуются, бѣгаютъ, что-то прячутъ и плачутъ—и все стоитъ, а потомъ звонитъ во второй разъ, не особенно сильно, но такъ внушительно, что болѣе не отпираться нельзя, и двери нехоти отпираются. Павлинъ снимаетъ фуражку и спокойно входитъ въ нихъ со своею книгою, а сопровождающіе его люди между тѣмъ ждутъ на террасѣ. Если онъ минуты черезъ три выходитъ назадъ, то вы непременно видите, что онъ кладетъ что-то за широкій обкладъ своей нестрой ливреи. Это онъ прячетъ хозяйскія деньги и идетъ далѣе, въ другую квартиру, для которой сегодняшній день есть тоже день очередной раслаты за мѣсяцъ впередъ. Дворники опять слѣдуютъ за нимъ по пятамъ съ топоромъ и клещами и ждутъ его *распоряженій*. Всѣ ждутъ этихъ распоряженій и всѣ молятъ Бога, чтобы ихъ не послѣдовало.

Но что же это за распоряженія?.. А вотъ что: вотъ Павлинъ, выйдя изъ одной квартиры, ничего за свой обнлазь не спрятавъ, а только кивнулъ головою, и сейчасъ же въ одномъ изъ оконъ этой квартиры появляются двѣ головы павлиновыхъ спутниковъ; топоръ и кленци работаютъ съ неописанною быстротою и ловкостью, рама исчезаетъ — и въ обезрамленное окно несется женскій крикъ и дѣтскій плачь, а Павлинъ течетъ далѣе, и теченіе его опять гдѣ-нибудь выражается исчезающею изъ окна рамою. И опять крикъ и плачь, и въ пустыя окна вырывается клубомъ незащищенная компанная теплота, которую вымораживаемая бѣдность напрасно силится удержать и сберечь вывѣшиваемыми на рычагахъ и щеткахъ лохмотьями...

Чѣмъ далѣе вглубь дворовъ и чѣмъ выше этажи по дѣстницамъ, тѣмъ эти въ содроганіе приводящія распоряженія Павлина повторяются чаще. Я хотѣлъ-было сказать «и тѣмъ рѣшительнѣе», но у Павлина ничего никогда не было мало-рѣшительно.

Обойдя всѣ двери, въ которыя ему надлежало въ этотъ день постучаться, онъ текъ обратнымъ теченіемъ, а дворники за нимъ несли выставленные рамы, которыя Павлинъ собственною рукою заиралъ въ особый чуланъ у себя подъ дѣстницею и затѣмъ спокойно садился въ свое высокое кресло съ бронзовымъ дракономъ на спинкѣ и начиналъ читать *Щелму* и другія газеты, которыя получались въ домѣ, проходя непременно предварительно черезъ павлиновы руки. Это чтеніе, повидимому, очень его интересовало, и онъ занимался имъ во всѣ свои свободныя минуты. Прочтѣвъ газеты и потомъ уже раздавъ ихъ подписчикамъ, Павлинъ брался за чтеніе книгъ, преимущественно или даже исключительно переводныхъ французскихъ романовъ, которыхъ, впрочемъ, онъ по гордости своей ни у кого не выпрашивалъ, а абонировался на нихъ въ библиотекѣ.

За этимъ занятіемъ, кромѣ посѣтителей, которымъ Павлинъ долженъ былъ оказать то или другое содѣйствіе по должности швейцара, за этимъ же занятіемъ его заставляли другіе посѣтители, — это тѣ жильцы, квартиры которыхъ онъ подвергнулъ утромъ усиленной вентиляціи черезъ вынутыя рамы.

Если неисправный жилецъ приносилъ деньги, Павлинъ молча бралъ ихъ, отмѣчалъ въ книгѣ — и дергалъ

звонокъ, на который являлись дворники и, вынеся изъ чулана молча указанную имъ раму, отирались се вставить. Если же жилецъ или жилища являлись съ жалобой, пенями или просьбою льготы, то опять молчаніе, звонокъ, дворники— и проситель выводится, не услыхавъ въ отвѣтъ на свои жалобы ни одного слова.

Такъ исполнялъ свою службу моей теткѣ ея знаменитый Павлинъ, съ которымъ потомъ съ самимъ судьба сыграла не менѣе знаменитую штуку, чѣмъ все разыгранныя имъ съ жильцами теткина дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мы съ матушкою и ея сестрою Ольгой Петровной, занимавшеяся при нездоровіи татапа моимъ воспитаніемъ, имѣли въ домѣ Анны Львовны небольшую квартиру по одной изъ лѣстницъ второго двора. Я не вспомню теперь, сколько мы платили за нашу квартиру и не могу сказать, какъ бы съ нами было поступлено, если бы мы хотя одинъ разъ не сдѣлали за нее своего взноса въ срочное время. Вѣроятно, что, не щадя своего запропавшаго мужа, Анна Львовна не отличила бы слабости и къ его сестрѣ, а моей матери, которая, Богъ вѣсть почему, заблагоразсудила жить въ домѣ своей золовки, гдѣ насъ на первомъ же шагу встрѣтила памятная непріятность, при которой мы въ первый разъ познакомились съ Павлиномъ. Мы перебрались въ тетункинъ домъ въ самый рождественскій сочельникъ. День былъ морозный и по обыкновенію въ это время года въ Петербургѣ очень короткій, такъ что когда возы съ нашею небогатою мебелью взѣхали на дворъ, настали уже сумерки. Матушка до этого времени сидѣла у тетки Анны Львовны, а мы съ тетей Ольгой, которая терпѣть не могла Анны Львовны, расхаживали по пустой квартирѣ; но чуть прибыла наша мебель, матушка тоже пришла въ свою квартиру, чтобы распорядиться, гдѣ ставить вещи. По ея словамъ, Анна Львовна сама посовѣтовала ей придти для этого, и она пришла и сказала людямъ: «вносите»; но люди только переглянулись, а изъ-за плечъ ихъ выросъ Павлинъ и за нимъ два его адъютанта съ извѣстными инструментами.

— Что тебѣ, батюшка, угодно?—спросила татапа.

— Деньги пожалуйте за мѣсяцъ, — отвѣчалъ Павлинъ, разворачивая передъ татапа свою книгу.

— Хорошо, батюшка мой, хорошо; я завтра утромъ пришла,—отвѣчала матанъ съ родственною короткостію, отстраняя отъ себя рукою и книгу, и Павлина, и подзывалъ своихъ слугъ; но слуги не трогались, а Павлинъ едва замѣтно улыбнулся и отвѣчалъ, что онъ до завтра не можетъ ничего отсрочивать, что деньги должны быть заплачены ему непременно сію же минуту.

Матанъ сочла это за невѣжливость и обидѣлась, и поблѣднѣла.

Павлинъ это замѣтилъ, и это ему, очевидно, было непріятно: онъ насунилъ брови и съ нѣкоторою нервною нетерпѣливостью въ голосъ проговорилъ:

— Сударыня! здѣсь такой порядокъ.

— Прекрасно, что у тебя такой порядокъ, но вѣдь ты же, я полагаю, можешь разсудить...

Матушка, горячась, теряла слова и занулась.

Павлинъ отвѣтилъ ей на ея послѣднее замѣчаніе:

— Могу-съ.

— Ты знаешь, что Анна Львовна мнѣ не чужая, а своя?..

— Знаю-съ.

— А знаешь, такъ чтѣ... такъ чего же тебѣ?..

— Деньги-съ... я безъ того не могу позволить вносить вашихъ вещей.

— Какъ не можешь позволить? Но неужто же вещамъ стоять ночь на дворѣ, а намъ на полу спать?

— И вамъ не спать на полу, а вы потрудитесь отсюда уйти, или я сейчасъ велю выставить окна,—отвѣчалъ Павлинъ и, опять сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе бровями, прибавилъ:—у насъ такой порядокъ.

Между прислугою и извозчиками, доставившими наши вещи, начались говоръ и смятеніе. Павлинъ стоялъ съ книгою въ передней и не обращалъ ни на что это никакого вниманія.

— По это смѣшно, — воскликнула матанъ: — я сейчасъ видѣлась съ Анной Львовной, и она мнѣ ни слова не сказала, что не вѣрять мнѣ до завтра... Засидѣвшись у себя, я опоздала взять въ банкѣ деньги... Но... но чтѣ за глупость! Я вовсе не хочу съ тобой разсуждать, — добавила разсерженная матушка и сказала, что она сейчасъ сама идетъ къ Аннѣ Львовнѣ.

— Это будетъ напрасно-съ,—сухо ствѣтилъ Павлинъ.

— Ну, ужъ это не твое, батюшка, дѣло.

И она, взволнованная, накинула на себя платокъ и пошла къ хозяйкѣ, межъ тѣмъ какъ Павлинъ, не покидая своего поста, сдѣлалъ незамѣтный для насъ знакъ своимъ ассистентамъ—и черезъ минуту, къ немалому нашему удивленію, изъ комнаты, назначавшейся для маменькиной спальни, потянулъ проникающій холодъ. Я, занимавшійся до сихъ поръ разсматриваніемъ нестраго убранства Павлина, оглянулся и увидалъ, что дворники несли въ рукахъ по одной внутренней рамѣ, а въ то же время съ другой стороны появилась татап и, вся дрожа отъ холода и негодованія, сказала по-французски:

— Представь, Ольга: какова эта Анна Львовна? Вообрази: она меня не приняла!

Добрая тетя Ольга отвѣчала, что она этого и ожидала.

— Это ужасно!—отвѣчала татап.—Я увѣрена, что она дома, потому что пѣтъ четверти часа, какъ мы растались; но мнѣ сказали, что она уѣхала ко всеобщей. Какъ она можетъ быть у всеобщей, когда здѣсь въ ея домѣ такъ оскорбляютъ родню ея мужа! Уѣдемъ отсюда: пусть все бросаютъ на дворѣ, но я не хочу здѣсь жить, и моя нога болѣе не будетъ въ этомъ домѣ! Одѣвайся и уѣдемъ куда-нибудь въ гостиницу. Я не могу одной минуты видѣть этого негодяя!

Отпустивъ этотъ послѣдній комплиментъ по адресу Павлина, моя нервная татап начала порывисто надѣвать на меня мое теплое платье. Между прислугою смятеніе еще болѣе усиливалось; дворники съ вынутыми рамами въ рукахъ тихонько пересмѣивались; извозчики внизу кричали и шумѣли ронца, что ихъ долго не отпускаютъ; по квартирѣ распозался черезъ выставленные рамы холодъ. Павлинъ стоялъ въ своей строгой позитурѣ и на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшаго безпокойства. Какъ ни странно можетъ показаться вамъ мое сравненіе, но онъ мнѣ сразу напомнилъ тогда собою Гете, величавую и до холодности спокойную фигуру котораго я зналъ по гравюркѣ, вклеенной въ моей дѣтской книжкѣ. Павлина какъ будто вовсе не трогали мелкія страданія людей: онъ имѣлъ въ виду одну какую-то общую гармонию того, чтò совершалъ и видѣлъ.

Но, помимо этихъ моихъ наблюденій, я не знаю чѣмъ бы все это смѣшное и досадное замѣшательство съ нами кон-

чилося; вѣроятно насъ бы прогнали, если бы въ дѣло не вмѣшалась тетка Ольга. Она отвела маман немножко въ сторону и, говоря съ нею по-французски, усилъла ее убѣдить, что дѣло отъ каприза ничего не выиграеть и что мы почтенной Аниѣ Львовнѣ ничего не докажемъ, потому что она уже, вѣроятно, видѣла всякія доказательства въ этомъ родѣ и ни однимъ изъ нихъ не переубѣдилась.

— Но я увѣрена, что это не она, а этотъ грубіянь, — молвила, смягчаясь, маман.

— А я увѣрена напротивъ, что это именно она, а не «этотъ», какъ ты его называешь, «грубіянь». Онъ мнѣ кажется очень хорошимъ и честнымъ человѣкомъ, потому что онъ точно исполняетъ то, что обязанъ исполнить; я это уважаю и цѣню, — отвѣчала Ольга.

— Но что же намъ дѣлать? Это смѣшно: у меня недостаетъ денегъ, я забыла ихъ взять...

— Мы ихъ достанемъ и заплатимъ.

— Гдѣ? теперь банкъ закрытъ, на дворѣ вечеръ, а у насъ нѣтъ никого изъ знакомыхъ (мы тогда только переселились въ Петербургъ изъ провинціи). Не у Анины же Львовны занимать, чтобы ей же заплатить.

— Нѣтъ, не у нея, — молвила тетя Ольга, и съ этимъ, подойдя къ Павлину, сняла со своей руки два брильянтовые кольца и спросила: — Не можете ли вы взять отъ насъ это до послѣзавтра въ залогъ? Послѣзавтра мы возьмемъ деньги и выкупимъ.

— Сударыня, я долженъ сейчасъ представить господамъ деньги, — отвѣчалъ Павлинъ съ глубокимъ уваженіемъ къ Ольгѣ.

Отвѣчая ей на вопросъ, онъ точно благодарилъ ее интонаціею своего голоса за то, что она о немъ сказала маман.

— Ну, пошлите заложить эти вещи въ какую-нибудь лавку.

Павлинъ подумалъ — и, моргнувъ одному изъ своихъ дворниковъ, велѣлъ ему исполнить требованіе Ольги, заложивъ ей кольца у какого-то извѣстнаго ему лавочника, имя котораго имъ названо было и потомъ для обстоятельности еще разъ повторено.

Пока посланный дворникъ возвратился съ деньгами, которыхъ пришесть болѣе, чѣмъ намъ на этотъ случай было нужно, Павлинъ молча помогаль другому вставить вынутыя у насъ рамы — и, получивъ, что ему слѣдовало, за квартиру, вѣжливо поклонился и вышелъ.

Тетка Ольга, обладавшая не только большим смыслом и добротой, но и превосходным веселым характером и остроумием, тотчас же по уходѣ Павлина начала очень забавно трюнить надъ нашимъ минувшимъ затрудненіемъ и привела въ самое веселое расположеніе не только маман и меня, но даже всю нашу прислугу и извозчиковъ, которые, внося каждую вещь снизу въ комнаты, не упускали случая отпускать разныя остроты насчетъ Анны Львовны, величая ее чертовкой и вѣдьмой, и другими лестными названіями.

Черезъ часъ у насъ вся мебель была поставлена на мѣсто, мелкія вещи, болѣе или менѣе, были убраны, и квартира приведена въ возможный порядокъ; а еще черезъ другой часъ, который мы съ матушкою и теткою провели у всенощной, мы застали нашу квартиру уже теплою и встрѣтили праздникъ на своихъ чистыхъ постеляхъ. Черезъ день кольца тетки Ольги, разумѣется, были выкуплены, и мы зажили, но безъ рѣшимости оставаться здѣсь долго, послѣ встрѣтившихъ насъ на первыхъ же шагахъ непріятностей. Маман говорила, что мы здѣсь не останемся долѣе мѣсяца, а если она ранѣе найдетъ удобную квартиру, то мы переѣдемъ отсюда и ранѣе. Ей никто не противорѣчилъ, но другой удобной квартиры, къ крайней досадѣ маман, не находилось, а та, въ которой мы теперь жили, была тепла, суха и какъ нельзя болѣе для насъ удобна. Къ тому же, суровый домъ тетки Анны Львовны, благодаря царившему въ немъ строгому духу Павлина, отличался тишиною и опрятностію, на что тетка Ольга указывала маман и мало-по-малу убѣдила ее не горячиться и не переѣзжать отсюда до лѣта.

— Мы ее этимъ не накажемъ,—говорила тетка Ольга, намекая на почтенную Анну Львовну:— а только себѣ надѣлаемъ хлопотъ и убытковъ. Стоитъ ли она этого?

Матушка мало-по-малу согласилась, что Анна Львовна этого не стоитъ, и рѣшилась остаться еще на мѣсяць, но только съ тѣмъ, чтобы «грубіянь», то-есть Павлянь, не возмущалъ ее спокойствія и никогда не показывался къ намъ въ квартиру.

Тетка Ольга взялась это устроить— и подъ тотъ день, когда намъ предстоялъ второй мѣсячный платежъ, она сама занесла деньги въ швейцарскую и вручила ихъ Павлину.

Съ Анной Львовной не видались ни маман, ни тетка

Ольга, въ отношеніяхъ которой къ Аннѣ Львовнѣ я, при всей моей тогдашней неопытности, замѣчалъ неодолимое отвращеніе. Мы жили совершенно какъ чужіе и вовсе незнакомые хозяйкѣ люди и это насъ нисколько не тяготило,—се это тоже, вѣроятно, не очень смущало. — Мы видали изъ своихъ оконъ, какъ Павлинъ отъ времени до времени совершалъ свои роковые обходы по дому за сборомъ денегъ; послѣ чего то въ одной, то въ другой квартирѣ открывались въ окнахъ прорѣхи; но это насъ непосредственно не касалось, и мы къ этому скоро привыкли, и даже стали по-немножку подсмѣиваться. Что дѣлать?—такова сила «чудовища привычки». Мы смѣялись не надъ горемъ вымораживаемыхъ жильцовъ, а надъ тѣмъ способомъ, какъ это дѣлалось среди многолюднаго города, словно на постояломъ степномъ дворѣ. Этотъ важный пестрый Павлинъ съ фizioномією и позитурою Гёте, эти дворники съ инструментами, напоминающіе распинателей Иисуса Христа на картинѣ Штейбена, и это быстрое выставленіе и вставленіе оконъ и полное равнодушіе всѣхъ къ этому самоуправству,— все это въ самомъ дѣлѣ имѣло въ себѣ что-то траги-комическое. Къ намъ Павлинъ не появлялся, потому что въ концѣ второго мѣсяца тетка Ольга опять отвратила его появленіе, лично занеся ему деньги въ его швейцарскую наканунѣ срока; точно такъ же опять наканунѣ заплатила она и на четвертый мѣсяцъ, и такой порядокъ у насъ установился—и, благодаря ему, мы продолжали жить въ своей хорошей и удобной квартирѣ, вовсе позабывъ, что домъ этотъ принадлежитъ Аннѣ Львовнѣ, по милости которой мы такъ оригинально встрѣтили канунъ Рождества. Мы вспоминали о ней, впрочемъ, когда видѣли изъ своихъ оконъ огни въ ея парадныхъ комнатахъ, но вспоминали такъ, мимоходомъ, равнодушно: «вотъ-де у нея гости» или что-нибудь подобное. Что же касается до Павлина, то я и самъ не знаю, какъ это случилось, что имя его, бывши у насъ долгое время подъ запретомъ, вдругъ начало произноситься не только безъ раздраженія и злобы, но даже съ чѣмъ-то похожимъ на уваженіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Если установившеся у насъ доброе мнѣніе о Павлинѣ могло ему на что-нибудь пригодиться, то онъ обязанъ былъ

за это теткѣ Ольгѣ, къ которой онъ при всякой встрѣчѣ относился съ безконечной аттенціей и самъ обрѣлъ у нея себѣ благоволеніе. Матушка шутя смѣялась надъ теткѣй Ольгой, что она совершила Давилово чудо надъ звѣремъ, поработивъ себѣ Павлина; но въ этой шуткѣ была своя доля истины: Павлинъ благоговѣлъ передъ теткой, хотя къ чести его надо сказать, что онъ, однако, и это благоговѣніе выражалъ съ полнымъ сохраненіемъ своего неприступнаго достоинства. Онъ только кланялся ей гораздо ниже, чѣмъ прочимъ, и уступалъ ей дорогу почтительнѣе, чѣмъ самой Аннѣ Львовнѣ, которую онъ, по наблюденіямъ тетки Ольги, терять не могъ и презиралъ. На чемъ она основывала эти свои выводы и заключенія, никогда не говоря съ Павлиномъ, я не знаю, но въ выводахъ этихъ чувствовалась правда. Изъ этого вы видите, что у насъ почему-то постоянно занимались Павлиномъ: онъ заинтересовалъ насъ собою, не исключая даже и меня, засматривавшагося на его пеструю ливрею, и мамап, начавшую симпатизировать ему за подмѣченное въ немъ теткой Ольгой презрѣніе къ Аннѣ Львовнѣ.

Такъ шло довольно долго: мы все продолжали жить въ домѣ Анны Львовны и наблюдали Павлина издали, какъ вдругъ совершенно неожиданно представился поводъ къ ближайшему съ нимъ знакомству. Это случилось такимъ образомъ, что мамап, будучи недовольна кѣмъ-то изъ прислуги, нанимала другого человѣка. Въмѣсто отходящаго былъ отысканъ и ангажированъ другой, и на слѣдующій день этотъ новый слуга долженъ былъ прибыть и вступить въ отправленіе своей должности, но, въ предшествовавшій этому дню вечеръ, тетя Ольга получила съ дворникомъ конвертъ, надписанный на ея имя. Почеркъ былъ незнакомый и изъ нецегольскихъ, — какимъ пишутъ на Руси грамотные самоучки; въ конвертѣ оказалось письмо, писанное опрятно, на чистой бумажкѣ, но съ тѣмъ же самоучковымъ почеркомъ, и содержало оно въ себѣ, сколько я помню, отъ слова до слова слѣдующее: «Ваше Высокоблагородіе Ольга Петровна! Госпожа ваша сестрица договорили себѣ прислугу (имя рекъ), но сей договоренный есть человѣкъ легкомысленный, а потому къ довѣренности ему ненадежный, о чемъ пріемлю смѣлость вамъ для предосторожности доложить». Подпись: «швейцаръ Павлинъ Пѣвуновъ». Тетка показала

это письмо матушкѣ, и та рѣшила послушаться предостереженія, которое дѣлалъ Павлинъ; договоренному легкомысленному слугѣ былъ посланъ отказъ, и татап, идучи на свою обычную прогулку и встрѣтивъ на дворѣ Павлина, поблагодарила его за доброжелательство. Антикъ снялъ свою шляпу съ галуномъ и отвѣтилъ татап молчаливымъ, но вѣжливымъ поклономъ.—Вечеромъ татап, сяди за часмъ, сказала теткѣ Ольгѣ:

— Но, однакоже, намъ все-таки нуженъ слуга. Господинъ Павлинъ намъ одного опорочилъ, а гдѣ искать лучшаго—не показалъ.

— Это и не его дѣло,—отвѣчала тетка.

— Знаю; но... онъ бы, я думаю, могъ намъ порекомендовать, если бы захотѣлъ.

— А ты его развѣ просила?

— Нѣтъ; да онъ, кажется, со мною и не желаетъ говорить—выглянулъ окомъ по меньшей мѣрѣ министерскаго величія и откланялся. Другое дѣло,—пошутила она:—если бы ты его объ этомъ попросила: для тебя онъ вѣрно за высокую для себя честь почтетъ оказать намъ эту услугу.

Тетка приняла эту шутку съ обыкновенно-свойственною ей веселостью и такъ же шути отвѣчала:

— Хорошо: я его попрошу.

На другой же день тетушка, идучи куда-то передъ вечеромъ, вмѣстѣ со мною зашла въ швейцарскую, гдѣ Павлинъ по обыкновенію сидѣлъ одинъ въ своемъ креслѣ и читалъ передъ зеленою лампою книгу.

Увидѣвъ тетку, онъ тотчасъ же положилъ на столъ книгу, вѣжливо поклонился и, выпрямившись во весь свой длинный ростъ, принялъ позитуру Гёте.

Тетушка высказала ему просьбу. Павлинъ сдвинулъ брови, подумалъ и отвѣчалъ:

— Нынче обстоятельныхъ слугъ къ своей должности нѣтъ.

— Такъ вы и не можете намъ никого рекомендовать?

— Не смѣю-съ, потому что никого такого не предвижу.

Мы отошли ни съ чѣмъ, и когда вернулись домой, то татап не мало потрунила надъ тетушкой, что власть сей послѣдней надъ Павлиномъ Пѣвуновымъ не плодотворна и онъ все-таки грубый бирюкъ; но тети и тутъ защищала его, говори, что она и въ этомъ его отказѣ видитъ только новое доказательство его обстоятельности и благоразумія:

опъ остороженъ, говорила она, потому что «обстоятельный человѣкъ». А знай онъ кого-нибудь, за кого бы могъ поручиться, опъ бы, конечно, непременно порекомендовалъ.

И тетка не ошиблась: къ ся вставанью на слѣдующее утро опять появилось краткое письмо, которымъ Павлинъ, въ лапидарномъ стилѣ, просилъ ее повременить дня два наймомъ слуги, ибо онъ получилъ какія-то свѣдѣнія объ извѣстномъ «обстоятельномъ господскомъ служителѣ, бывшемъ однихъ съ нимъ господѣ».

Тутъ сказались настоящія чувства маман къ Павлину: она перестала говорить о немъ, какъ о грубіянкѣ, и очень обрадовалась, что можетъ имѣть слугу одной съ нимъ школы, и изъявила согласіе ждать рекомендованнаго Павлиномъ человѣка хоть цѣлый мѣсяць. Но это было вовсе не нужно, потому что ожидаемое лицо явилось на другой же день и тотчасъ же было нанято и вступило въ должность скромнаго лакея нашего скромнаго жилища.

Поставленный Павлиномъ человѣкъ былъ нѣсколько старше его и гораздо его простодушнѣе и добрѣе. Онъ даже совсѣмъ былъ добрякъ, имѣлъ веселый, открытый характеръ и необычайную кротость и исполнительность, чѣмъ и заслужилъ у насъ сразу всеобщее довѣріе и расположеніе, хотя, разумѣется, ему въ этомъ не мало содѣйствовала рекомендація Павлина, оказавшаго намъ такимъ образомъ первую услугу.

Вскорѣ опъ сдѣлалъ и другую: мы собрались на лѣто въ деревню и грустили, что должны были оставить нашего любимаго человѣка дома при квартирѣ, и что же? Не успѣли мы объ этомъ поговорить дома за нашимъ вечернимъ чаемъ, какъ утромъ опять къ тетускѣ посланіе: Павлинъ опять въ томъ же лапидарномъ стилѣ извѣщаетъ, что намъ отнюдь не нужно никого оставлять на лѣто въ своей квартирѣ, такъ какъ онъ, Павлинъ, «самъ достаточно можетъ ее досмотрѣть безъ всякаго затрудненія». Принять это одолженіе было очень соблазнительно; это отлично улаживало всѣ наши дѣла и вопросъ могъ быть только въ томъ: какъ вознаграждать Павлина за его досмотръ? Къ обсужденію этого вопроса былъ допущенъ нашъ слуга, но отъ него получился по этому поводу рѣшительный протестъ.

— Павлинъ Петровичъ человѣкъ амбиціонный, —сказалъ онъ: —онъ это предоставляетъ изъ чести и платою его можно песенно обидѣть.

Такъ это и осталось: ни папан, ни тетка Ольга рѣшительно не могли придумать: чѣмъ бы поблагодарить *доброю* Павлина.

Павлинъ у насъ началъ именоваться «*добрымъ*». Такъ измѣнялъ онъ въ нашихъ глазахъ свою репутацію въ преддверіи наступающей эпохи, когда ему предстояло явить себя на искусь въ борьбѣ чувствъ, ему, повидимому, вовсе не свойственныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы уѣхали и, возвратившись, застали свою нежилую во все время нашего отсутствія квартиру въ чрезвычайномъ порядкѣ, а изъ дверей въ двери противъ насъ въ другой квартирѣ появились новые жильцы. Это была молодая дама съ престарѣлою матерью и шестилѣтнею дочерью, очень красивою дѣвочкою. Намъ, разумѣется, до этихъ новыхъ сосѣдей не было никакого дѣла, но папан и тетка невольно обратили вниманіе на одну замѣчательную странность фамильной черты всѣхъ трехъ лицъ нашихъ новыхъ сосѣдокъ: всѣ три онѣ были въ разныхъ порахъ жизни, но у всѣхъ у нихъ на лицахъ—въ красотѣ меркнувшей, цвѣтущей и еще только распускающейся—была какъ бы растворена какая-то родовая печаль и роковое предназначеніе къ несчастію.

Тетка Ольга первымъ дѣломъ позаботилась узнать: не бѣдны ли онѣ,—и отрадно успокоилась, что у этой семьи есть кормилецъ; оказалось, что у молодой дамы есть мужъ, который служить полковымъ врачомъ, и онѣ живутъ не нуждаясь. Тетка перекрестилась и сказала: «слава Богу». Это «слава Богу» касалось и нашихъ сосѣдокъ, и самой тетки, которая въ первую же ночь по нашемъ возвращеніи въ городъ видѣла во снѣ, будто къ нашимъ сосѣдкамъ пришелъ Павлинъ и его распинатели, и будто изъ ихъ оконъ выкидывали все на дворъ и въ ту же пору со двора поѣхалъ гробъ, на этомъ гробу сидѣла та прекрасная дѣвочка съ растворенною печалью въ лицѣ и чертами рокового несчастія, и за этимъ поѣздомъ очутился Павлинъ въ своей нестрой ливрѣ съ расписною перевязью и въ шляпѣ. Въ одной рукѣ у него, будто, была его блестящая булава и факель, а въ другой—его собственная отрѣзанная голова, а вокругъ него изъ-подъ земли выныривали какія-то блѣдноро-

зовья птицы: онѣ быстро поднимались вверхъ, производя пестершимый свистъ своими крыльями, а оттуда съ высоты съ этихъ крыльевъ сыпались бѣлыя перышки и по мѣрѣ приближенія къ землѣ обрацались въ перетлѣвннй пепель. Минута—и отъ всей пестроты павлинова убора уже не осталось и знака, а онѣ стоялъ весь черный, какъ обгорѣлый пень, и былъ опять съ головою, но съ какою то такою страшною, что тетушка пришла въ ужасъ, закричала и проснулась,—но проснулась съ убѣжденіемъ, что она видѣла сонъ вѣщій, который не можетъ пройти безъ послѣдствій.

Тетка не ошиблась: ея сонъ былъ въ руку и непререкаемаго Павлина ждало тяжкое и роковое испытаніе.

Дѣло началось съ того, что, проснувшись однажды въ жестоко холодное кренценское утро, мы увидали въ квартирѣ нашихъ новыхъ сосѣдей три выставленные окна. Матушка и тетка тотчасъ же поняли, что это работа нашего «добраго» Павлина, и такъ и ахнули. На дворѣ, какъ я вамъ сказала, стояла жестокая стыдь и не трудно было себѣ представить, что теперь должны были переносить злополучныя женщины, жилище которыхъ добрый Павлинъ привелъ среди зимы на лѣтнее положеніе. Очевидно, онѣ должны были кочевать въ своихъ комнатахъ безъ оконъ. Маманъ съ своею первою ей первенствомъ страшно разгнѣвалась; назвала нѣсколько разъ «добраго» Павлина палачомъ, жидомъ и разбойникомъ и послала дѣвушку просить сосѣдокъ сдѣлать ей одолженіе занять на время одну изъ нашихъ комнатъ, которая сію же минуту и была приготовлена къ ихъ принятію. Но дѣвушка возвратилась съ отвѣтомъ, что самой сосѣдней барыни нѣтъ дома, — что она куда-то ушла, а старушка-мать ея благодарить за участіе, но рѣшительно отказывается принять матушкино предложеніе. Отказъ старушки былъ мотивированъ тѣмъ, что она ждетъ дочь и увѣрена, что та скоро возвратится съ деньгами, тогда-де залатимъ и все опять будетъ въ порядкѣ. Маманъ опять послала второго посланца просить, чтобы къ намъ отпустили хоть маленькую дѣвочку, которой выпутыя изъ оконъ рамы угрожали простудою. Это посольство было задачливѣе: я точно сейчасъ вижу, какъ къ намъ привели шестилѣтнюю дѣвочку съ прехорошенькимъ, но будто отмѣченнымъ какою-то печатью несчастія лицомъ. Есть такія лица, есть: по крайней мѣрѣ я не разъ встрѣчала ихъ. Наша маленькая

гостя, очевидно, не ясно понимала тогда затруднительное положеніе своего семейства—и, освободясь изъ шелковаго ватопника, въ которомъ ее привели въ напу переднюю, обратила свое вниманіе на то, чтобы взойти съ извѣстною граціею и сдѣлать реверансъ, что ей вполнѣ и удалось. Видно было, что о ея виѣшней благовоспитанности и манерахъ заботились,—впрочемъ, тогда дѣти, неумѣющія войти и поклониться, еще не входили въ моду, — фребелевскихъ матерей у насъ еще не было.

Пока мы обогрѣвали дѣвочку, которую звали Любою,—ея мать, имени которой я теперь не помню, возвратилась домой. Наши видѣли, какъ эта молодая дама прошла къ себѣ въ квартиру, но, къ величайшему нашему удивленію, она не спѣшила изъ квартиры прибѣжать или прислать за дочерью—и за нею, какъ бывало въ подобныхъ случаяхъ, если недоимка была вымогнута, не несли выставленныхъ рамъ... Все это были плохіе знаки: не трудно было отгадать, что бѣдная сосѣдка наша вернулась безъ денегъ: мать и тетя Ольга поняли это сію же минуту, и послѣдняя, нимало не медля, бросилась въ разоренную квартиру, а еще черезъ минуту вернулась назадъ, щелкнула ключикомъ своеѣ шкатулки и снова убѣжала къ сосѣдямъ. Десять минутъ спустя по двору подвигалась извѣстная процессія: дворники, рамы, молотки, клещи, гвозди и жестяной жбанъ съ замазкой, а за всѣмъ этимъ пестрый Павликъ съ его до сихъ поръ въ трепеть меня приводящею платежною книгою. Было понятно, что добрая тетка Ольга нашла у себя нужныя деньги и что сосѣдки наши приняли ихъ и заплатили за свою квартиру, которая немедленно же была приведена въ порядокъ и топилась. Но какъ комнаты, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безъ оконъ, значительно настыли, то мама и тетя не только не отпустили домой маленькой Любы, но залучили къ себѣ на весь день и ея мать. Просили и бабушку Любы, но старушка вѣжливо благодарила, но ни за что не пошла и оставалась дома. Мать же Любы просидѣла у насъ до полуночи и, горько плача, рассказала, что мужъ ея служитъ врачомъ въ одномъ изъ находившихся тогда въ Венгріи русскихъ полковъ, — что состоянія у нихъ никакого не было и нѣтъ; но что они жили безъ нужды до тѣхъ поръ, пока мужъ ея выступилъ съ полкомъ въ походъ. Сначала онъ присылалъ имъ на содер-

жаніе, но вдругъ два мѣсяца замолкъ, и онѣ не имѣютъ о немъ ни слуха, ни духа.

— Богъ вѣсть, — говорила, рыдая, дама: — можетъ-быть... его уже нѣтъ въ живыхъ, или онѣ въ плѣну, или съ нимъ случилось еще что-нибудь худшее — и тогда... мое бѣдное дитя... мое бѣдное дитя, что съ нимъ будетъ?

Она взглянула на Любочку, которую и развлекалъ, усадивъ ее на кресло и стоя передъ нею на колыняхъ, и вдругъ быстро отвернулась и закрыла рукою глаза, молвивъ въ какомъ-то вдохновеніи:

— Темно, темно: я не могу глядѣть въ эту темь!

И она вдругъ затрепетала, рванулась къ ребенку и, прижавъ къ груди своей ребенка, замерла.

Тетка Ольга знала болѣе: она знала, что кормилица этихъ сиротъ уже не было на свѣтѣ: его не то поразила венгерская пуля, не то прикончила лихорадка. И бабушка знала объ этомъ и сказала это теткѣ Ольгѣ съ тѣмъ, чтобы она помогла ей открыть роковую вѣсть бѣдной вдовѣ и пособила бы ей принять весь ужасъ ея безпомощнаго положенія.

Тетка, вѣроятно, исполнила какъ-нибудь это печальное порученіе, хотя я не знаю, какъ и когда она это сдѣлала, потому что моя впечатлительная и нервная мама послѣ этого дня ни за что не хотѣла оставаться въ нашей квартирѣ, и мы вскорѣ же дѣйствительно выбрались въ другой домъ, гдѣ не было ни Павлина, ни жестокихъ порядковъ, которые онѣ съ такою суровостью приводили въ исполненіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мама, какъ очень многія впечатлительныя женщины, болѣе всего избѣгала сценъ возмущавшаго ее жестокосердія и заботилась о томъ, чтобы *не видѣть ихъ*; но первыя тетки Ольги были крѣпче, и она не боялась становиться съ горемъ лицомъ къ лицу, а потому она и здѣсь не оставила нашихъ сосѣдокъ и навѣщала ихъ съ своей новой квартиры. Тонкая деликатность тетки, вѣроятно, не позволяла ей спросить у нихъ: есть ли чѣмъ у нихъ заплатить за слѣдующій, наступающій мѣсяць, но она стерегла и подкарауливала, какъ имъ обойдется урочный день наступающаго срока платежа. Я помню, какъ она тревожно и съ какимъ сердобольнымъ безпокойствомъ она берегла въ своей па-

мяти этотъ день, страпась какъ бы не просчитать его, — и, дождавнись, когда онъ наступилъ, рано утромъ побѣжала въ домъ, гдѣ наши бѣдныя сосѣдки оставались во власти Павлина. Взбѣжавъ на дворъ, она прежде глянула на ихъ окна... рамы были на мѣстѣ... Тетка успокоилась. Прошелъ и еще мѣсяцъ — и тетка Ольга опять точно такъ же стерегла срочное число и опять съ деньгами въ карманѣ побѣжала къ старымъ сосѣдкамъ, и опять все застала въ полномъ порядкѣ и спокойствіи, какое было возможно въ ихъ стѣсненномъ положеніи. По крайней мѣрѣ квартира была тепла, хотя, видимо, все мало-по-малу пустѣла. На третьемъ мѣсяцѣ у этихъ бѣдныхъ жильцовъ умерла старушка бабунка... Ходили странные слухи: говорили, будто она отравилась фосфорными спичками и сдѣлала это въ полной памяти и съ знаніемъ дѣла: она распустила фосфоръ не въ водѣ и не въ спиртѣ, какъ это дѣлаетъ большинство отравляющихся этимъ способомъ, а въ маслѣ, въ которомъ фосфоръ растворяется совершенно. Говорили, что она отравилась съ единственной цѣлю не обременять собою бѣдную дочь, которая не хотѣла ее оставить и бѣдствовала, давая дешевые уроки, тогда какъ она съ одною дѣвочкою могла бы поступить куда-нибудь классною дамою или гувернанткою. Бабушка хотѣла развязать своей дочери руки и развязала ихъ съ удивительнымъ спокойствіемъ. Справедливы или нѣтъ были все эти толки объ отравѣ — я навѣрно не знаю; но только старушку, однако, схоронили безъ всякихъ полицейскихъ исторій, а расчетъ ея оказался невѣрнымъ: хотя она и развязала руки дочери, но дочь ея не получила желаемого мѣста, — а напротивъ, бѣгая по своимъ дешевымъ урокамъ, совсѣмъ надломилъ свой потрясенный организмъ, послѣ чего ей довольно было самой маленькой простуды, чтобы у нея развилась жестокая болѣзнь, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ низведшая эту бѣдную женщину въ могилу.

Она умерла, не оставляя дочери ничего: ни имѣнія, ни добрыхъ людей; даже моей доброй тетки Ольги не было тогда въ городѣ, потому что она объ эту пору ѣздила въ другой городъ къ роднымъ и возвратилась въ очень скверный день, когда по грязному снѣгу раннимъ февральскимъ утромъ на Волково кладбище танцались бѣдныя дроги съ гробомъ, у изголовья котораго тутъ же на дрогахъ сидѣла заплаканная Люба, а сзади дрогъ шелъ — Павлиньшъ... Сто-

вомъ: все точь-въ-точь, какъ тетка Ольга видѣла когда-то во снѣ. Павлинъ былъ съ непокрытою головою, облаченный для сего печальнаго случая въ сѣрую шинель на старомъ волчьемъ мѣху. Тетка Ольга ужасно встревожилась этимъ событіемъ и, переговоривъ съ маман, рѣшила взять сиротку Любу къ намъ пока удастся ее куда-нибудь устроить; но все это оказалось излишнимъ: Люба уже была устроена и, вѣроятно, не хуже, чѣмъ бы могли устроить ее мы съ нашими весьма ограниченными средствами и безъ всякихъ сколько-нибудь вѣскихъ и значительныхъ связей. Виповникомъ попечительныхъ заботъ объ осиротѣвшей дѣвочкѣ явился тотъ же самый Павлинъ, который два мѣсяца тому назадъ вымораживалъ ее вмѣстѣ съ ея матерью и бабушкой.

Когда тетка Ольга, окончивъ свои переговоры съ маман, пришла въ швейцарскую Павлина, чтобы узнать отъ него, гдѣ Люба,—она не нашла его на его обычномъ креслѣ. Это было едва ли не первое нарушеніе Павлиномъ своихъ обязанностей съ тѣхъ поръ, какъ онъ надѣлъ въ этомъ домѣ пеструю ливрею и взялъ въ руки блестящую булаву.

Освѣдомясь у кого пошло о швейцарѣ, тетка узнала, что онъ уже возвратился съ кладбища къ себѣ и принесъ туда на рукахъ въ свою комнату дѣвочку.

Тетка, долго не раздумывая, направилась къ неприкосновенному апартаменту Павлина и растворила дверь. Передъ нею открылась очень маленькая комнатка, съ диванчикомъ, на которомъ помѣщалась плачущая Люба, а передъ нею стоялъ на кофѣйныхъ Павлинъ и перемѣнялъ на ребенкѣ промокшую обувь.

При входѣ тетки онъ всталъ и, вѣжливо поклонясь ей, сказалъ:

— Сударыня, вѣрно изволили пожаловать насчетъ барышни?

— Да,—отвѣчала тетка.

— Изволите желать взять ихъ?

— Да.

— Какъ вамъ угодно.

Дѣвочка тянулась къ теткѣ, и мы ее взяли, но ввечеру того же дня къ намъ появился Павлинъ и просилъ доложить теткѣ, что онъ пришелъ переговорить о сиротѣ.

Павлина позвали въ залъ, куда къ нему вышла и тетка.

Они говорили около получаса, по истеченіи котораго Павлинъ ушелъ, а тетка возвратилась къ маманъ въ восторгѣ отъ ума и твердости характера Павлина.

Павлинъ, являсь къ теткѣ, объяснилъ ей, что желаетъ взять Любу на свое попеченіе, но не настаиваетъ на этомъ, если дѣвочка можетъ быть устроена лучше. А для того, чтобы дать теткѣ возможность судить о его средствахъ и благонадежности, онъ нашелъ нужнымъ разсказать ей свое прошлое и представить нынѣшнее свое положеніе и планы насчетъ Любы. По его словамъ, онъ былъ крѣпостной человѣкъ, обученъ музыкѣ, но не любилъ ее, и изъ музыкантовъ попалъ въ камердинеры, потомъ откупился дорогою цѣною на волю самъ, своею единственною душою; но послѣ, собравъ трудами и бережливостью довольно большую для его положенія сумму, онъ выкупилъ на волю свою старуху-мать, сестру и зятя и снялъ имъ на большой тульской дорогѣ хороній постоялый дворъ. Затѣмъ, считая себя обязаннымъ помогать хозяйству этихъ родственниковъ, онъ самъ не женился и жилъ для родныхъ; но, назадь тому съ мѣсяць, онъ получилъ извѣстіе, что всѣ его родные вслѣдъ другъ за другомъ поумирали холерою. Оставаясь теперь совершенно одинокимъ и находя, что ему время для женитьбы уже прошло, Павлинъ выразилъ желаніе остатокъ дней своихъ посвятить сиротѣ Любѣ, которая, по своему положенію, сдѣлалась ему чрезвычайно жалка.

Тетку мою такъ тронуло это доброе движеніе, что она подала Павлину руку и посадила его, чтобы онъ обстоятельно изложилъ ей свой планъ, которому думаетъ слѣдовать насчетъ Любы. Тетка была увѣрена, что степенный Павлинъ, рѣшаясь взять дитя на свои руки, непременно имѣеть ясныя намѣренія, которыя и расчитываетъ привести въ исполненіе, и она не ошиблась. Павлинъ, дѣйствительно, имѣлъ планъ, и притомъ весьма обстоятельный, удобный исполнимый и вполне отвѣчающій его солидному и твердому характеру. Онъ приготовился не только взять дѣвочку и вскормить ее, но расчелъ весь путь, какимъ она должна была войти въ жизнь и стать въ ней твердою ногою. При этомъ онъ обнаружилъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя до сихъ поръ еще незамѣченныя въ немъ черты, а именно: прямоту, скромность и презрѣніе къ тщеславнымъ посягательствамъ человѣка на высшій полетъ. Павлинъ избиралъ

сиротѣ, можетъ-быть, очень скромную долю: онъ сказалъ теткѣ, что намѣренъ отдать Любу въ школу къ одной извѣстной ему очень хорошей дамѣ, гдѣ дѣвочка года въ четыре обучится необходимымъ, по его соображенію, наукамъ, то-есть чтенію, письму, закону Божію и ариметикѣ, а также «историческимъ свѣдѣніямъ», а потомъ онъ отдастъ ее учиться руководляемъ, а самъ въ это время къ выходу ея изъ этой послѣдней науки соберетъ ей денегъ, откроетъ магазинъ и потомъ выдастъ ее замужъ за честнаго чело-вѣка, «который ее могъ-бы стоить. Этакъ,—говорилъ онъ,—я располагаю, будетъ гораздо вѣрнѣе, потому что къ благодородству, если удастся судьба, можно всегда очень легко привыкнуть, но самое первое дѣло человѣку имѣть средства на себя надѣяться».

Теткѣ, которая всегда была сама очень умна и проста, этотъ простой и удобный планъ воспитанія необыкновенно какъ нравился, но татапа плалъ Павлина не совсѣмъ былъ по мысли: она находила, что никто не имѣлъ права такимъ образомъ «исковеркать будущность бѣдной сиротки противъ того, на что она имѣла право по своему происхожденію». На этомъ татапа и тетка никакъ не могли согласиться, и онѣ, вѣроятно, долго бы спорили, если бы въ дѣло не вмѣшался случай и не порѣшилъ все это по-своему: здоровье татапа потребовало перемѣны климата, и она должна была уѣхать на годъ далеко изъ Петербурга къ своему брату; меня отдали въ Петербургъ въ пансіонъ, а моя добрая тетка отъѣхала въ иную сторону и устроилась особеннымъ образомъ: она поступила въ одинъ уединенный женскій монастырь на берегу Днѣпра за Кіевомъ. Сиротку Любу такимъ образомъ волею-неволею пришлось ввѣрить исключительнымъ попеченіямъ Павлина, котораго рвеніе устроить это дитя и средства все это сдѣлать были притомъ едва ли не далеко превосходнѣе нашихъ. Притомъ же и нравственныя ручательства, которыя Павлинъ далъ теткѣ при прощаньи съ нею, значительно успокоивали ее за судьбу Любы. Павлинъ объяснился теткѣ въ такомъ родѣ:

— Я знаю, сударыня,—сказалъ онъ:—что меня считаютъ злымъ человѣкомъ, а это все отъ того, что я почитаю, что всякій человѣкъ долженъ прежде всего свой долгъ исполнить. Я не жестокое сердце имѣю, а съ практики взялъ, что всякій въ своей бѣдѣ много самъ виноватъ, а потвор-

ство къ тому людей еще болѣе располагаетъ. Надо помогать человѣку не послабленіемъ, такъ какъ отъ этого человѣкъ еще болѣе слабнетъ, а надо помогать ему на ноги становиться и о себѣ вдаль основательно думать, чтобы могъ отъ немилостивыхъ людей самъ себя оберегать.

Итакъ, татан и тетка, оплакавъ Любу, оставили ее Павлину на его произволь дѣлать изъ нея женщину безъ слабостей и способную сама себя оберегать; а вышло, что она—эта маленькая дѣвочка—сдѣлала изъ самого Павлина то, чѣмъ этотъ крѣпкій человѣкъ врядъ ли думалъ сдѣлаться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Время шло; Павлинъ воспитывалъ Любу точно такъ, какъ обѣщаль моей тетѣ въ первомъ ихъ разговорѣ объ этой сироткѣ. Пока я проводилъ послѣдніе годы въ гимназическомъ пансіонѣ, Люба училась въ домашней школѣ у одной дамы, которой Павлинъ платилъ за ученіе и содержаніе своей питомки съ свойственной ему аккуратностью. Здѣсь Люба, разумѣется, не набралась большихъ знаній, но, однакоже, все-таки узнала гораздо болѣе, чѣмъ считалъ для нея нужнымъ и полезнымъ Павлинъ. Занятый своимъ дѣломъ, я-было совсѣмъ позабылъ о Любѣ, но, увидавъ ее случайно на улицѣ вскорѣ послѣ своего поступленія въ университетъ, я тотчасъ же ее вспомнилъ и очень ей обрадовался. Миѣ тогда было лѣтъ восемнадцать, а Любѣ шель четырнадцатый годъ. Она расцвѣла и общала быть очень красивою дѣвушкой, у нея выполнялась очень стройная и преграціозная, миньонная фигурка; головка ея была повита густыми волнующимися золотистыми волосами самаго пріятнаго цвѣта, и при этомъ черныя брови и длинныя темныя рѣсницы, изъ-подъ которыхъ глядѣли два большіе темносиніе глаза. Я такъ былъ пораженъ ея красотой, что противу воли моей не умѣлъ этого скрыть, и мы оба другъ друга сконфузились и разстались, не успѣвши наговориться. Потомъ еще черезъ годъ мы съ нею снова встрѣтились въ церкви за ранней обѣдней, гдѣ она, еще болѣе расцвѣтшая, стояла впереди Павлина, глядѣвшаго на нее, какъ миѣ тогда казалось, съ глубочайшею нѣжностью. Восемь лѣтъ имѣли на Павлина небольшое вліяніе, но вліяніе не особенно разрушительное: онъ только началъ сдѣлать и потуч-

нѣль, но все-таки былъ молодцомъ для своихъ пятидесяти лѣтъ. Въ его выходномъ костюмѣ не было никакой разницы; Люба же у него была одѣта скромно, но очень опрятно, и держалась барышней,—Павлинъ, въ поношенной коричневой бекешѣ, казался ея дядькой. Онъ, какъ я вамъ сказалъ, стоялъ сзади Любы и держалъ на рукѣ ея платье и вязаную гарусную косыночку, которую та сняла, потому что въ церкви было довольно жарко. Жарко было всѣмъ, но казалось, что Любѣ было особенно знойно и темно: она краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и взглядъ ея представлялся мнѣ безпокойнымъ и растеряннымъ. И еще что было замѣчательнѣе, что эта видимая напряженность ея состоянія усиливалась по мѣрѣ приближенія службы къ концу. Мнѣ сдавалось, что въ этой напряженности кое-что принадлежитъ моему неожиданному появленію передъ Любой, такъ какъ она, увидавъ и очевидно узнавъ меня, не переставала наблюдать меня своими большими зрачками изъ-подъ густыхъ и длинныхъ темныхъ рѣсницъ. Послѣдствія убѣдили меня, что я не ошибался; когда я по окончаніи обѣдни подошелъ къ Любѣ, которой Павлинъ подавалъ въ это время ея верхнее платье, напряженность ея достигла крайней степени: она мнѣ едва кивнула головкой и, слѣпно одѣваясь, все совала руку мимо рукава, межъ тѣмъ какъ на опущенныхъ книзу рѣсницахъ ея потупленныхъ глазъ сверкала большая полная слеза,—слеза не умиленная и добрая, а раздражительная и досадная. Люба, несомнѣнно, страдала отъ того, что я видѣлъ ее съ *лакеемъ*, но не въ томъ положеніи, въ какомъ лакей могъ бы быть пріятель для человѣческой суетности. Павлинъ не показывалъ ни малѣйшаго вида, что онъ это замѣчаетъ, но я былъ увѣренъ, что онъ все это видѣлъ и понималъ; однакоже, онъ, повидимому, не смущался, но дѣлалъ свое дѣло, какъ всегда, точно и аккуратно, то-есть въ данномъ случаѣ онъ одѣлъ Любу и opravилъ все на нее надѣтое не болѣе какъ со вниманіемъ служителя; а Любѣ, казалось, и это не нравилось: она, что называется, *нижонилась*, — сторонилась отъ него какъ голубенокъ отъ сосѣдящаго къ нему грача.

Во мнѣ шевельнулись старыя воспоминанія: припомнилось уваженіе, которое моя добрая тетка выражала къ этому суровому блюстителю всякаго принятаго на себя долга.—и мнѣ стало досадно на Любу: я одновременно по-

дать правую руку ей, а лѣвую Павлину и, какъ умѣлъ, ласково сказать ему:

— Я очень радъ, что вижу васъ, Павлинъ Петровичъ,— простите, что подаю вамъ лѣвую руку, но она ближе правой къ сердцу.

Онъ сжалъ мою руку крѣико-крѣико, и мнѣ показалось, что на глазахъ у него тоже блеснула слеза, но не такая, какъ у Любы. Это не скрылось отъ Любиной наблюдательности, и потушенные глаза ей поднялись: она точно обрадовалась, что между всѣми нами тремя какъ-будто возобновилось равенство, и просіяла. Павлинъ опять былъ тотъ же по внѣшности, но было что-то такое, что и въ немъ сказалось тихо-сдержаннымъ удовольствіемъ.

— Любовь Андревна-то-съ, — заговорилъ онъ ко мнѣ, выходи изъ церкви: — какъ переѣхались... выросли совсѣмъ.

— Да, выросла и... я хотѣлъ сказать, что она похорошѣла, но нашелъ, что не слѣдуетъ ей этого говорить, и добавилъ, что я едва узналъ ее.

— Какъ же, — отвѣчалъ Павлинъ: — помните... вѣдь онѣ тогда остались... совсѣмъ ребенокъ... А теперь имъ нынче пятнадцать лѣтъ.

Я очень некстати удивился, что будто уже со дня сиротства Любы идетъ десятый годъ. Тѣмъ это и кончилось; но въ слѣдующее воскресенье я опять свидѣлся съ Любой и Павлиномъ въ той же церкви, и встрѣчи эти пошли все чаще и чаще, пока, наконецъ, я однажды увидалъ Павлина въ церкви безъ Любы и освѣдомился: что это значить?

— Онѣ... Любочка... нездоровы-съ, — отвѣчалъ швейцаръ, пазывавшій Любу въ ея присутствіи не иначе, какъ Любовь Андревна.

Я спросилъ: что съ нею такое случилось?

Павлинъ задумался и развелъ руками, а потомъ неохотно промолвилъ:

— Должно-быть что-нибудь отъ воображенія.

— Развѣ, говорю, — Любочка очень мнительна?

— Нѣтъ-съ, — если вы полагаете мнительность насчетъ болѣзни, то нѣтъ-съ; на этотъ счетъ онѣ не мнительны, а даже напротивъ... не занимаются собой; а... такъ... въ характерѣ у нея сохраняется что-то... этакое...

Мы на этомъ разстались, и послѣ долго не видѣлись, но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, въ одинъ осенній вечеръ ко

мнѣ приходитъ Павлинъ и съ тревожнымъ выраженіемъ сообщаетъ, что Люба заболѣла.

— Пришла,—говоритъ,—въ прошлую субботу ко мнѣ вечеромъ на одну минуту и вдругъ разнемоглась и всѣхъ перепугала. Анна Львовна своего доктора прислала, и даже сами приходили и молодой баринъ... но теперь ей лучше: спала немножко и, проснувшись, говоритъ: «какъ бы мнѣ хотѣлось что-нибудь о моей маманѣ слышать!» Сдѣлайте милость, пожалуйста къ ней посидѣть. Она про васъ вспомнила—и я замѣчаю, что ей хотѣлось бы про дѣтство свое поговорить, такъ какъ вы ее мать видѣли. Вы этимъ ей, больной, большое удовольствіе можете принести.

Я всталъ и пошелъ.

— Только, знаете, если она будетъ много спрашивать, вы ей не все говорите,—шепнулъ Павлинъ, вводя меня въ заповѣдную дверь своей швейцарской комнатки.

Эта комната, которую я теперь видѣлъ въ первый разъ, была очень маленькая, но преопрятная и пріютная; она мнѣ съ перваго же взгляда напомнила хорошенькую коробочку, въ которой лежитъ хорошенькая саксонская куколка: куколка эта и была пятнадцатилѣтняя Люба.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Павлинъ оставилъ насъ здѣсь съ Любою вдвоемъ, а самъ пошелъ хлопотать о чаѣ. Люба сидѣла въ креслѣ, съ погами, положенными на скамеечку и укутанными старенькимъ, но очень чистымъ пледомъ. Я привѣтствовалъ ее выраженіемъ удовольствія, что она поправляется, и сѣлъ напротивъ ей черезъ столикъ.

Она мнѣ ничего не отвѣтила, но вздохнула и сдѣлала гримаску, которую я принялъ за выраженіе какого-нибудь болѣзненного ощущенія, но это была ошибка: Люба хотѣла показать своею гримасою, что она недовольна и безутѣшна.

— Я вовсе не рада, что я выздоравливаю,—проговорила она мнѣ, наконецъ, надувъ свою губку.

— Не рады! что же, вамъ нравится болѣть?—отвѣчалъ я, стараясь настроить разговоръ на шуточный тонъ; но Люба еще больше насунилась и молвила:

— Нѣтъ, не болѣть, а у...

— «У?..»—отвѣчалъ я съ попыткою обратить дѣло въ шутку.—Вамъ еще рано «у...»

— Я очень несчастна, — прошептала больная, и слезы ручьями полились по обѣимъ ея щекамъ.

И старался ее успокоить общими утѣшеніями въ родѣ того, что вся ея жизнь еще впереди и пройдетъ тяжелая полоса, наступитъ и лучшая, но она махнула мнѣ рукою и нетерпѣливо сказала:

— Никогда мнѣ ничего лучшаго не будетъ.

— Почему?

— Такъ... мнѣ это на роду написано.

И посмотрѣвъ на нее и не найдя, что ей отвѣчать: въ ея словахъ звучало не минутное болѣзненное настроеніе, а въ самомъ дѣлѣ что-то роковое, и во всемъ существѣ ея лежало что-то неотразимое, феральное. Молодое ея личико напоминало мнѣ лица ея бабушки и матери. Разговор нашъ перервался и не шелъ далѣе. Люба не выспрашивала меня о своемъ прошломъ, какъ ожидалъ Павлинъ, а молчала и сердилась. На что?—очевидно, на свое положеніе. Кого же она въ немъ винила? устроившее такъ Провидѣніе?.. нѣтъ; у нея, кажется, былъ на умѣ другой виноватый—и этотъ виноватый, какъ мнѣ показалось, едва ли не Павлинъ. Подозрительность подсказывала мнѣ, что, вѣроятно, между ними незадолго передъ этимъ произошла какая-нибудь сценка, отъ которой Павлинъ растерялся—и, не желая беспокоить Любу своимъ присутствіемъ, а въ то же время жалѣя оставить ее одну, позвалъ меня къ ней самъ, безъ всякаго ея желанія. Та же, можетъ-быть, не совсѣмъ основательная подозрительность подсказывала мнѣ, что Павлинъ нажилъ себѣ въ Любѣ напасть. Люба казалась мнѣ дѣвочкою не въ мѣру чувствительною, претензіозною и суетною,—а я уже тогда зналъ, что съ такими существами серьезному человѣку не легко ладить. Мнѣ сдавалось, что все страданіе Любы, главнымъ образомъ, происходитъ отъ того, что она живетъ въ швейцарской, а не въ бельэтажѣ, и что она обязана благодарностью *лакею*, а не его госпожѣ... И вотъ, придя съ тѣмъ, чтобы сожалѣть Любу, я невольно началъ жалѣть Павлина. Онъ, казалось, уже пассивалъ передъ нею, и теперь чувствовалъ, что онъ прирожденный лакей,—а она, всѣмъ ему обязанная, все-таки прирожденная барышня, въ которой сила привычки заставляетъ его признавать существо чѣмъ-то его превышающее. Люба тожо несомнѣнно замѣчала это преобладаніе надъ своимъ воспи-

тателемъ, но у нея не было великодушія, чтобы быть скромною и благодарною. Разговорившись со мною, она всего охотѣе рассказывала лишь о томъ, что у нея сегодня и вчера была сама Анна Львовна и ея старшій сынъ Вольдемаръ, тогда только-что произведенный въ корнеты одного изъ щегольскихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Надутая и молчаливая. Люба чрезвычайно охотно распространялась объ ихъ посѣщеніи и о томъ, что они «говорили съ нею по-французски, потому что не хотѣли, чтобы Павлинъ понималъ ихъ разговоръ», и при этомъ Люба со вниманіемъ разсматривала и нюхала оставленный ей старою генеральшею флаконъ съ ароматическимъ укусомъ. Послѣ этого разговора я былъ окончательно убѣжденъ, что для того, чтобы вылъчить Любу—надо бы ее только какъ кошечку перекинуть съ мѣста на мѣсто, то-есть перенести изъ швейцарской въ бельэтажъ,—и послѣдствіемъ невдалекѣ же показали мнѣ, что я не ошибся.

Выздоровѣвъ и побывавъ въ бельэтажѣ у генеральши, молоденькая Люба нашла отраду въ томъ, чтобы хотя нѣсколько часовъ въ день не удаляться отсюда. Въ мастерскую, куда она была отдана Павлиномъ, теперь ей было такъ тяжело идти, что при одной мысли объ этомъ она снова разнемогалась. Павлинъ не зналъ, что ему съ нею дѣлать: онъ все только жаловался, говоря:

— Вотъ, вотъ люди!.. Гм!.. подружки... наговорили ей, знаете, про то, что она... благородная! Теперь не хочет! А что такое это благородство?—пустяки.

Принудить же Любу, заставить, поневолить ее идти въ мастерскую... на это непреклонная воля Павлина была безсильна. Взять же ее къ себѣ и держать въ своей каморкѣ онъ тоже находилъ неудобнымъ и непрстойнымъ, такъ какъ каморка была тѣсна, а Люба была уже почти совсѣмъ взрослая дѣвушка. Однимъ словомъ, дѣло гнуло совсѣмъ не туда, куда направлялъ его Павлинъ,—и что же вы думаете: какъ онъ нашелся уладить всю эту неладницу? Ручаюсь, что вы не отгадаете!.. Павлинъ черезъ годъ женился на этой шестнадцатилѣтней Любѣ, на этой пустой и напыщенной дѣвчонкѣ, которая его презирала со всею жестокостью безнатурности,—и вы были бы несправедливы, если бы хоть на одну минуту подумали, что Павлинъ Любу къ этому прямо или косвенно чѣмъ-нибудь приневоливалъ.

Нимало нѣтъ; молодая дѣвушка сама этого захотѣла. А какъ ей это пришло въ голову—про это я вамъ сейчасъ расскажу

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Какъ ипогда люди женятся и выходятъ замужъ? Хорошіе наблюдатели утверждаютъ, что едва ли въ чемъ-нибудь другомъ человеческое легкомысліе чаще проглядываетъ въ такой ужасающей мѣрѣ, какъ въ устройствѣ супружескихъ союзовъ. Говорятъ, что самые умные люди покупаютъ себѣ саногы съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ выбираютъ подругу жизни. И вправду: не въ рѣдкость, что этимъ выборомъ какъ-будто не руководствуетъ ничто, кромѣ слѣпого и насмѣшливаго случая. Такъ было и у Павлина съ Любою.

Люба хотѣла только не идти въ магазинъ, гдѣ какая-то дѣвочка сказала ей грубость,—и въ этихъ цѣляхъ «инженилась» и, ластясь подъ крылышко Анны Львовны, жаловалась и горевала, что ей опять надо идти туда, гдѣ люди такъ необразованны и грубы, что не умѣютъ цѣнить преимуществъ ея происхожденія, а напротивъ, какъ бы метать ей за него.

— Да и навѣрное они метать тебѣ,—отвѣчала, глядя на Любу, Анна Львовна.

Онѣ обѣ въ это время сидѣли и работали у матоваго карсея въ уютномъ кабинетѣ.

— И чему этотъ Павлинъ хочетъ тебя еще учить? Не понимаю я этого!—продолжала Анна Львовна, взглянувъ на Любину работу:—по-моему, ты и теперь уже превосходная мастерица.

— Онъ хочетъ мнѣ открыть магазинъ...

— Онъ... Позволь мнѣ тебѣ сказать, что этотъ твой онъ—ужасный, пестрый, гороховый шутъ. Зачѣмъ онъ будетъ тебѣ открывать магазинъ?

— А что же ему со мной дѣлать?

— Что дѣлать?.. Очень просто; я не понимаю: зачѣмъ онъ на тебѣ не женится?

Дѣвушка потупилась и промолчала. Она тогда еще едва ли думала о замужествѣ, но во всякомъ случаѣ оно представлялось ей желаннымъ вовсе не съ Павлиномъ. Генеральна видѣла, что высказанная ею мысль не приходила въ голову Любы, но видѣла и то, что она ее, однако, не

пугаетъ и, повидимому, довольно хорошо укладывается въ ея головѣ.

— Конечно такъ,—продолжала генеральша.— Ты думаешь, это легко быть модисткой: лгать всякой рожѣ: «это хорошо! это вамъ идетъ», да потрафлять на всякій капризъ и становиться передъ каждою на колѣни да мѣрку снимать?.. А между тѣмъ, выйди ты замужъ... это гораздо лучше. Особенно если за него, за Павлина; тогда бы мы съ тобою никогда не разставались: ты бы у насъ при гостяхъ разливала чай и кофе, я бы тебѣ что-нибудь платила, на гардеробъ; а по вечерамъ мы бы съ тобою сидѣли и вмѣстѣ работали, ожидали бы, пока Володя прѣдетъ и расскажетъ намъ гдѣ что дѣлается. Володя очень любитъ съ тобою говорить, и ты всегда будешь какъ своя въ нашемъ домѣ.

Люба, краснѣя, молчала, и на рѣсницахъ у нея стали поблескивать слезки, а генеральша продолжала:

— А то ты подумай, что же, если ты, открывши магазинъ, когда-нибудь и выйдешь хоть и за молодого человѣка, да за необразованнаго какого-нибудь, положимъ, хоть ремесленника, или даже художника—ничего вѣдь изъ этого лучше не будетъ. Такъ въ томъ кружкѣ и погрязнешь. А за кого-нибудь другого, повыше, тебѣ выйти мудро. потому что ты не такъ поставлена.

— Я это знаю,—произнесла, глотая слезы, Люба.

— Вотъ и прекрасно, что ты такая умница! А Павлинъ, какъ ты хочешь, онъ хоть не молодъ, но человѣкъ рѣдкихъ правилъ, онъ тебя ни въ чемъ не стѣснитъ: я его болѣе двадцати лѣтъ знаю и всегда онъ честенъ, всегда уменъ, всегда въ порядкѣ и при томъ всемъ, хотя я не вѣрю, что люди болтаютъ, будто бы онъ нажилъ себѣ у меня порядочныя деньги, но онъ человѣкъ очень бережливый и какъ-нибудь деньжонки у него непременно есть въ запасѣ. Вотъ пусть онъ на тебя этотъ запасецъ-то и порастрясетъ. Да, мой другъ, да! И ты этого стѣснись. И оно, конечно, такъ все и будетъ, потому что что же ему можетъ быть пріятнѣе, какъ не наряжать молоденькую и такую хорошенькую жену? Повѣрь-ка мнѣ, что люди его лѣтъ гораздо надежнѣе, чѣмъ всякіе вертопрахи въ родѣ этого художника, который ходитъ снимать съ меня портретъ и все на тебя заглядывается.

Люба снѣла: она еще въ первый разъ слышала,

что на нее заглядываются мужчины — и притомъ слышала это отъ такой солидной женщины, какъ генеральша, къ которой молодая дѣвочка стремилась какъ травка къ солнцу. Ей было пріятно, что Анна Львовна ее такъ бережетъ — и Люба разнервничалась и, сбросивъ съ колѣнъ работу, кинулась къ ней на грудь и заплакала, лепеча:

— Заступитесь за меня, я васъ во всемъ буду слушаться.

Анна Львовна отвѣчала ласками на ея ласки и продолжала ее наставлять и уговаривать и, наконецъ, заключила:

— Я только одного боюсь, можетъ-быть Павлицъ въ самомъ дѣлѣ тебѣ кажется немножко старъ?

Люба молчала.

— Можетъ-быть тебѣ непременно хочется молоденькаго мужа?

— Ахъ, я ничего объ этомъ не говорю, — перебила Люба.

— Ну, и прекрасно, если ты этого не говоришь, такъ и дай Богъ добрый часъ.

Дѣвушка испугалась, что все было такъ скоро кончено, и, краснѣя, поспѣшила сказать, что она ни за кого не пойдетъ замужъ; но Анна Львовна пропѣла ей стишокъ изъ «Краснаго сарафана», что «не вѣкъ-де пташечкой въ полѣ распѣвать и златокрылой бабочкой порхать» и, разсмѣявшись, приподняла рукою ея личико и спросила:

— Не хочешь ли ты въ монастырь?

— Мнѣ все равно, — отвѣчала шопотомъ Люба.

— О-о-о, лжешь; не тѣ у тебя глазенки, чтобы идти въ монастырь. Нѣтъ, ты тамъ всѣхъ будешь смущать: мужчины, вмѣсто того, чтобы Богу молиться, будутъ на тебя смотрѣть.

Дѣвушка разсмѣялась.

— А вотъ что... шутки въ сторону, ты подумай, на что тебѣ рѣшиться: я тебѣ объ этомъ давно хотѣла сказать и теперь такъ серьезно говорю, потому что вижу, что ты насъ очень полюбила...

— Я васъ очень, очень люблю! — подтвердила Люба, покрывая поцѣлуями генеральшины руки.

— Да, и я понимаю, что, побывъ съ нами, ты въ мастерскую къ этимъ своимъ швеямъ рѣшительно не можешь идти...

— Рѣшительно не могу! Я скорѣе утоплюсь.

— Я все это понимаю; рѣшительно все понимаю, но не

знаю, зачѣмъ тониться: это грѣхъ. Павлину не дѣлаетъ чести, что онъ такой умный человѣкъ, а посылаетъ тебя, гдѣ ты наслушиваешься всѣхъ этихъ нехристіанскихъ мыслей: я уже ему про это говорила...

— Вы ему говорили *про это*?

— Да; я ему говорила, и онъ тоже это понимаетъ и согласенъ со мною, но ты посуди: куда же ему тебя дѣть? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь съ тобою очень трудно что-нибудь придумать: ты такъ воспитана, что гувернанткою ты не можешь быть, потому что мало знаешь; боинною при дѣтихъ ты тоже еще не годишься, потому что очень молода; а вѣдь въ швен или въ горничныя тебя опредѣлить—это ему будетъ очень тяжело... Онъ о тебѣ все-таки заботился... Не правда ли?

Дѣвушка уронила тихое «да»

— Ну, вотъ видишь, — продолжала генеральна: — я бы, положимъ, сама взяла тебя къ себѣ жить...

Люба кинулась передъ нею на колѣни и воскликнула:

— Ахъ, возьмите! возьмите! Бога ради, возьмите!

— Но какая же будетъ у меня твоя роль?

— Это все равно; только бы у васъ...

— Да и Павлинъ этого не захочетъ, онъ непременно найдетъ, что это не хорошо, и не захочетъ; къ тому же у меня взрослый сынъ мужчина. Положимъ, что онъ у меня добрый молодой человѣкъ, и очень тебя любитъ, но все-таки ты теперь уже совершеннолѣтняя дѣвушка и это не идетъ. А разъ, что ты выйдешь за Павлина замужъ... тогда все это прекрасно улаживается.

Дѣвушка молчала, а Анна Львовна продолжала:

— Мой совѣтъ вотъ: послушайся меня и выходи за Павлина замужъ, и ты будешь жить преспокойно; а время свое ты будешь проводить у насъ: я стара и мнѣ все простить, что я тебя къ себѣ приблизила...

Люба опять молчала.

— Ну, что же, надо говорить, а не молчать: быть такъ или нѣтъ?

Дѣвушка опять приняла къ мягкой пухлой рукѣ своєї покровительницы и прошептала:

— Вы лучше знаете, что мнѣ нужно: я на все согласна.

Такъ экспромтомъ подготовилось это несчастье для Павлина съ Любою, въ которую Павлинъ дѣйствительно былъ

жестоко влюбленъ, по только не смѣлъ о ней думать. Когда же генеральша все это за него обдумала и прямо открыла передъ нимъ двери рая—у него закружилась голова, онъ позабылъ всѣ доводы разсудка, заставлявшаго его не мечтать о Любѣ.

Я какъ сейчасъ помню визитъ, которымъ онъ почтилъ меня, приглашая къ Любѣ шаферомъ; Павлинъ былъ неузнаваемъ: онъ просидѣлъ у меня съ часъ и все дѣлалъ въ это время себѣ разные комплименты, чего съ нимъ прежде никогда не бывало. Мысль, что его любить молодая дѣвушка, очевидно, до того вскружила ему голову и развязала языкъ, что онъ сдѣлался неспособно болтливъ и даже хвастливъ, но, конечно, совершенно по-своему. Опъ и въ этомъ порывѣ говорливости все стоялъ на почвѣ долга.

— Я человекъ простой,—говорилъ онъ:—по я человекъ довольно пачитанный, и я, извольте видѣть, раньше времени себя не погубилъ. Я давно развѣ не могъ бы жениться-съ? Очень бы могъ-съ и многія женщины мнѣ къ этому виду подавали, но я имѣлъ такой долгъ, чтобы этого не сдѣлать. Проще сказать: я для родныхъ этого не сдѣлалъ. Глупые люди говорили, что родные мои будутъ мнѣ неблагодарными родственниками, а я останусь на старости лѣтъ одинъ. Что же, я никогда на это не уважалъ. Я вѣдь роднымъ помогать не изъ благодарности, а долгъ свой исполнять: я и Любовь Андревну воспиталъ совсѣмъ не изъ благодарности и не изъ какихъ-нибудь видовъ, а вышло вотъ, что счастье себѣ и подругу въ нихъ получилъ. Надо всегда дѣлать все какъ должно, а уже оно само непременно все выйдетъ какъ слѣдуетъ на настоящую пользу.

Этотъ обобщающій выводъ меня чрезвычайно заинтересовалъ, и я съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ, какъ Павлинъ все подводилъ подъ это правило: выходило, что онъ и окна у жильцовъ выставялъ для блага человечества, въ тѣхъ видахъ, что она, т. е. Анна Львовна, жалости не знаетъ и надо, чтобы на свѣтѣ никто на жалостливыхъ не расчитывалъ, потому что ихъ немного, да и въ тѣхъ можно ошибиться и «тогда хуже выйдетъ». А строгость лучше: при ней всякъ о себѣ больше заботится и, злыхъ людей опасаясь, лучшее себѣ во всемъ получаетъ.

И за симъ, менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ этого разговора, Павлинъ сдѣлался мужемъ своей питомки, Любы,—

а вскорѣ и очень большимъ страдальцемъ по ея милости и по милости другихъ, не пощадившихъ ни его заслугъ, ни его сѣдинъ и достоинствъ его замѣчательнаго, твердаго и честнаго характера.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Я не знаю, достаточно ли я обрисовалъ въ началѣ своего разсказа генеральшу Анну Львовну?—вѣроятно, нѣтъ,—и потому теперь еще разъ обращаюсь къ этому и вкратцѣ скажу, что это была женщина не только сухая, своекорыстная и жесткая, но и едва ли не жесточайшая и расчетливѣйшая эгоистка въ мірѣ, способная не остановиться ни передъ чѣмъ, ради самыхъ ничтожныхъ своихъ выгодъ. Она всегда была готова съ невозмутимѣйшимъ спокойствіемъ приносить въ жертву для самомельчайшихъ своихъ расчетовъ и счастье, и самую жизнь своего ближняго.

То самое сдѣлала она и теперь, соединивъ пожилого Павлина узами брака съ юною Любой. Анна Львовна знала, что Люба не можетъ любить Павлина, и не ошибалась: ни лежавшая между супругами огромная разница лѣтъ, ни строгость Павлинова характера, ни его вишняя суровость,—ничто не позволяло надѣяться, что Люба рано или поздно привыкнетъ къ своему мужу и станетъ питать къ нему что-нибудь, кромѣ страха и отвращенія—не столько какъ къ старику, сколько какъ къ лакею...

Генеральша Анна Львовна сама хотя давно умерла для всякихъ увлеченій, но все-таки она была женщина—и знала, что въ такомъ супружествѣ, какое она устроила для Павлина и Любы, у послѣдней непременно будетъ много горькихъ минутъ если не бѣшеной, то тихой, но ядовитой тоски; а отъ тоски разовьется мечтательность, мечтательность воспитываетъ безпокойное воображеніе, а безпокойное воображеніе чего не нарисуетъ и чего не подстроитъ? Анна Львовна знала, что въ молодой головѣ съ безпокойнымъ воображеніемъ непременно скоро пойдутъ сравненія—и, какъ вообще никакая жизнь не можетъ выдержать сравненій съ пылкою мечтою, мечта ее одолѣетъ, и... Люба увлечется и очутится въ рукахъ Анны Львовны.

Вы не подумайте, пожалуйте, что я обмолвился, сказавъ вамъ, будто генеральшѣ понадобилось, чтобы Люба попала въ ея руки. Нѣтъ, ей дѣйствительно такъ было нужно.

Чтобы скорѣе вести мою исторію къ концу, скажу вамъ прямо, что Анна Львовна, соединивъ Павлина съ Любою, затѣяла на ихъ счетъ пружестокую игру, мысль и планъ которой внушили ей самыя возвышенныя чувства, именно *материнскія*.

Володичка, служа въ щегольскомъ полку, стоить Аннѣ Львовнѣ дорого и вель себя рискованно. Аннѣ Львовнѣ хотѣлось его немножечко присадить дома, а какъ его присадить, когда его тянетъ на десно и налѣво. Женить его было рано; вниманіемъ свѣтскихъ женщинъ онъ хотя и хвастался, но на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ подобномъ никогда никакого уснѣха не имѣлъ; иностранцыя дамы изъ «морскихъ» и въ тѣ времена обходились такъ дорого ихъ адораторамъ, что генеральна трепетала всякаго слуха о сближеніи Володички съ этими кровонійцами, — а, между тѣмъ, Володичка доказывалъ, что онъ, какъ русскій барчукъ извѣстнаго тона, непремѣнно долженъ жить, какъ всѣ «порядочные люди»; а для того, чтобы жить такъ, — онъ, конечно, хотѣлъ обнаруживать покровительственныя права на какую-нибудь женщину, которая бы была не хуже другихъ за веселымъ столомъ у любого изъ «морскихъ» рестораторовъ.

Генеральна и сама понимала, что это настоящему свѣтскому кавалеристу необходимо и противъ этого не спорила; но это и тогда, какъ и теперь, стоило чертовски дорого, и вотъ... Но добрая мать, послѣ догадочныхъ думъ и соображеній, набрела на мысль, что у нея противъ всего этого есть подъ рукою универсальнѣйшее средство, и это средство есть Люба. Люба молода, хороша и пикантна, — и если ее немножечко *поразить*, то она очень и очень можетъ отслужить Додѣ службу за выѣздную даму; а что Додя влюбитъ ее въ себя — въ томъ можетъ ли быть сомнѣніе?

Онъ на взглядъ матери былъ хорошъ собою — и хотя она считала его «дуракомъ на службѣ», но у него такой красивый мундиръ, онъ умѣетъ подбирать себѣ аккомпанементъ и поетъ романсы въ родѣ кружившаго тогда женскія головы иѣснонѣнія объ «удаломъ постояльцѣ».

«Какъ хорошъ, не правда-ль, мама

Постоялецъ нашъ удалый?..

Мундиръ золотомъ весь шитый,

И какъ жаръ горять ланиты..

Боже мой, Боже мой, ахъ, когда бы онъ былъ мой!»

Анна Львовна знала, что того скуднаго обаянiя, какимъ владѣлъ ея «дуракъ на службѣ», было много, слишкомъ много для легкомысленной женщины, имѣющей семнадцать лѣтъ отъ роду и мужа-старика, котораго она стыдится... Игра казалась безпронгрышною и началась подтасовка и сдача на руки картъ.

Прежде всего, чтобы повысить социальное положенiе Любы, обратились къ шуткѣ: ея всѣ въ домѣ звали «швейцаркой Любой». Это очень хорошо звучало и удачно маскировало ся лакейскiй марьяжъ. Всѣ молодые люди, вертѣвшiеся въ домъ Анны Львовны, видѣли въ Любѣ не молоденькую жену надутаго швейцара Павлина, а что-то совсѣмъ особенное, стоящее совсѣмъ ни отъ кого независимо и... и привлекательно.

За Любою началось волокитство, умѣренное и сначала благоприличное, но постоянное, упорное и неотвязчивое. Ухаживали за нею безъ исключенiя всѣ товарищи Доди. Любѣ не правился изъ нихъ никто: она довольна была всѣми, кого видѣла въ домѣ Анны Львовны, но, какъ говорили встарь поэты, сердце ея еще никого не избрало, и Павлинъ былъ счастливъ. Счастливъ чѣмъ? Развѣ Люба такъ любила и счастливила? Нѣтъ; Люба была все та же: она отъ него только тщательно сторонилась и проводила все свое время у Анны Львовны за работою или разливанiемъ кофе и чая, но Павлинъ безмѣрно любилъ ее и не желалъ ничего, кромѣ ея счастья. Для ея счастья нужно было не быть съ нимъ—онъ и это принималъ съ удовольствиемъ.

Уязвленный страстию, Павлинъ совсѣмъ, что называется, ослѣпъ и осуетился: его прирожденный демократизмъ сталъ какъ свѣтъ, и онъ самъ хотя и не стыдился своей построй ливрен, но, видимо, желалъ, чтобы Люба забирала крыломъ повыше. Люба, знакомая съ французскимъ языкомъ съ дѣтства и подучившаяся ему еще болѣе въ школѣ, а потомъ окончательно напрактиковавшаяся у Анны Львовны, радовала своего мужа тѣмъ, что она могла держать себя совсѣмъ какъ барышня, совсѣмъ какъ иностранка,—словомъ, швейцарка по всѣмъ статьямъ.

Въ Павлинѣ, который всего этого какъ бы самъ желалъ, въ то же время развивалась особенная, весьма странная робость, которую онъ чувствовалъ передъ капризами Любы.

Бѣдный старикъ, кажется, безпрестанно стѣснялся тѣмъ, что она родовая барышня, а онъ лакей. Ему, вѣроятно, никогда и въ голову не приходило, что онъ будетъ ее такъ любить и такъ ее стѣсняться, какъ это вышло. Онъ противъ этого нимало не возставалъ и не возмущался: напротивъ, ему даже нравилось служить Любѣ и во всемъ полагать ей. Онъ рядилъ ее какъ куколку, рядилъ именно, чтобы она походила не на швейцаршу, а на настоящую швейцарку.

Это порядкомъ опустошало мѣшокъ его завѣтныхъ, но относительно, конечно, весьма незначительныхъ сбереженій; но онъ все это терпѣлъ безропотно и усугублялъ экономію на себя и на всѣ тѣ статьи, гдѣ могъ замѣнить расходы личнымъ трудомъ. Такъ, съ женитьбою своею онъ хотя не ослабѣлъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, но у него уже не оставалось такъ много времени для чтенія романовъ, потому что чуть Люба, вставши и разодѣвшись, утромъ отпраивалась наверхъ къ Аннѣ Львовнѣ, Павличъ убиралъ свою комнату, пересматривалъ женинъ гардеробъ и, наконецъ, брался приводить его въ порядокъ.

Люба наверху шила для Анны Львовны разные *broderie anglaise*, а Павличъ, запершись на ключъ въ своей чистенькой каморочкѣ, чистилъ женины сапожки, закрѣплялъ подпорывшуюся прюнель, закрѣплялъ пуговки и крючочки и грѣлъ въ маленькой круглой печкѣ плюсовые щипцы и утюги, а когда они раскалялись—вытаскивалъ изъ-за шкапа гладильную доску, покрывалъ ее чистымъ закатникомъ и начиналъ гладить и плоть ее рукавички, юбки и манишки.

Взвѣсивъ за эти занятія въ видахъ экономіи, Павличъ скоро достигъ въ глаженѣ и плоекѣ надлежащаго совершенства, но сбереженія отъ всего этого были ничтожны въ сравненіи съ огромными расходами, какихъ требовало франтовство Любы и страсть Павлина утѣшать ее хорошими нарядами, о которыхъ Люба его никогда не просила, по которыми влюбленный старикъ самъ хотѣлъ ее забавлять и тѣнить.

При такомъ баловствѣ и холѣ, Любѣ не трудно было для всѣхъ посѣтителей дома Анны Львовны оставаться на счету интересной «швейцарки»,—иностранки, которою заниматься въ качествѣ хорошенькой, пикантной жепцинки, отнюдь не предосудительно: съ нею говорили, смѣялись, шутили и вообще обращались какъ съ ровнею:

Нѣкто изъ пріятелей сына генеральши, имѣвшій небольшою талантъ граціозно рисовать карандашомъ женскія головки, безпрестанно набрасывалъ во всѣхъ альбомахъ легкую, бѣлокурую головку швейцарки Любы. Головка эта ему особенно удавалась, и молодежь наперебой выпрашивала себѣ у автора эти пріятные абрисы.

Эскизы эти, расходясь по рукамъ jeunesse dorée, сообщали Любѣ довольно широкую популярность. Люба, сама того не зная и вовсе о томъ не заботясь, сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ магнитомъ для очень многихъ молодыхъ людей, желавшихъ видѣть оригиналь художественнаго списка. Такимъ образомъ, у Любы являлось все больше и больше поклонниковъ: за нею волочились, насколько это было удобно, и генеральша это видѣла и допускала.

Что же касается до Павлина, то онъ обнаруживалъ въ отношеніяхъ къ своей молоденькой женѣ такую толерантность, какой не встрѣтите у очень многихъ крикуновъ о независимости чувствъ и о равноправіи половъ въ разсужденіи свободы. Павлинъ, впрочемъ, предавался въ это время нѣкоторой суетности: онъ *молодился* и съ этою цѣлію досталъ гдѣ-то рѣдкую, по его словамъ, книгу, изъ которой вычитывалъ замѣчательныя вещи. Такъ, напримѣръ, онъ однажды разсказывалъ мнѣ, что «совсѣмъ утвердился въ своихъ правилахъ насчетъ обязанности человѣка, который, если будетъ жить по нравоученію долга, то проживетъ на свѣтѣ по меньшей мѣрѣ сто лѣтъ».

Свой вѣкъ въ пятьдесятъ лѣтъ Павлинъ разсматривалъ на основаніи той книги только какъ *совершеннолѣтіе* и по той же книгѣ увѣрялъ, что «умираютъ ранѣе ста лѣтъ одни глупцы,—а болѣютъ негодян, которые практики жизни не понимаютъ». Что же касается до него, то онъ всеконечно былъ глубоко убѣжденъ, что имъ эта «практика» вполне усвоена.

— И,—говорилъ онъ:—никогда болеть не былъ и не знаю зачѣмъ болѣть: живи какъ слѣдуетъ; не пей вина, ни кофею; не копти грудь табакомъ и не заболишь; спи безъ подушки въ правильную линію и не будешь гнутья; а ѣшь солонѣ и пей кислѣе, такъ и умрешь не сгниешь.

Изъ этихъ сказовъ Павлина я позналъ тайны его обыденной гигиены и подумывалъ: врядъ ли все это можетъ нравиться молоденькой и свѣженькой Любѣ?

Онъ нисколько не претендовалъ, что Люба почти не жила въ его швейцарскомъ затворѣ, въ которомъ съ женитьбою Павлина появились новые занавѣсы, цвѣты и канарейки. Онъ даже не ревновалъ, когда выходящіе отъ Анны Львовны молодые люди, принимая изъ его рукъ свои шинели, расточали неосторожно не совсѣмъ скромныя похвалы красотѣ «швейцарки». Павлинъ при этихъ хваленьяхъ только молчалъ и улыбался въ свои густые, свѣтлорусые усы.

Благоразумный и разсудительный, но всегда строгій къ себѣ и честный Павлинъ, не будучи способенъ ни къ какому коварству и предательству, не подозрѣвалъ его и въ другихъ—и потому, имѣя умъ свой чистымъ и свѣтлымъ, являлся совершенно слѣпымъ. Глядя на него, можно было провѣрить всю истинность словъ Бакона Веруламскаго о людяхъ, которые, вслѣдствіе преобладанія философскаго настроенія, дѣлаются совами, видищими только во мракѣ своихъ умозаключеній и слѣпотствующими при свѣтѣ дѣйствій, а особенно, лишенными способности видѣть то, что всего яснѣе и очевиднѣе. Такъ какъ «сынове міра сего мудрѣе сыновъ свѣта въ родѣ своемъ» и какъ Павлинъ въ своемъ родѣ былъ сынъ свѣта и слуга долга, то сынове міра перемудрили его и обокрали...

Люба была окончателно отвращена отъ мужа и затѣмъ, конечно, сбита съ толку и обманута сама. Какъ это произошло—я не стану вамъ разсказывать, потому что самъ при томъ не былъ и ни отъ кого этихъ подробностей не слыхалъ,—да и наконецъ, не все ли это равно намъ, какъ это сдѣлалось. Довольно того, что имѣющій стадо овецъ таки взялъ и отвязалъ послѣднюю у имѣвшаго одну овцу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вамъ, я думаю, едва ли нужно говорить, кто былъ виновникомъ увлеченія Любы? Не трудно отгадать, что она, при всеобщемъ за нею волокитствѣ, должна была сдѣлаться львиною долею Доди, которому особенно благопріятствовали на этотъ счетъ всѣ домашнія обстоятельства. Люба проводила съ нимъ дни и ночи подъ однимъ кровомъ—и, такъ-сказать, противъ воли поддалась увлеченію. Она видѣла, что онъ готовъ мстить ей, нарушая дорогое ей расположеніе Анны Львовны; видѣла, что когда онъ сунется и дуется на нее, это огорчаетъ ее благодѣ-

тельницу—и та плачетъ и страдаетъ... Люба не нашлась какъ поступить иначе и отерла ей слезы... Додя былъ малый пустой, онъ моталъ деньги, когда онѣ были, а когда ихъ не было, добывалъ ихъ подѣ тройные векселя и при всемъ томъ не имѣлъ дамы, которая бы слыла его фавориткою. Люба ему представилась удобною для этой роли, и онъ ее къ тому предназначилъ и довелъ. На этотъ выходъ ее снарядилъ и одѣлъ самъ Павлинъ своими собственными руками (онъ мнѣ впоследствии рассказывалъ объ этомъ въ одну прискорбнѣйшую минуту своей жизни).

Это былъ такой случай: на дворѣ стояла зима; въ городѣ шли балы и маскарады—и Анна Львовна, желая доставить бѣдной Любѣ маленькое удовольствіе, снарядила ее на одинъ изъ костюмированныхъ баловъ въ какомъ-то клубѣ. Объ этомъ выѣздѣ Павлину было сказано чуть ли не за мѣсяць, а въ теченіе этого мѣсяца въ домѣ шли хлопоты о любимомъ костюмѣ. Въ этихъ хлопотахъ принимали участіе всѣ, начиная отъ самой Анны Львовны до Павлина, который, сверхъ обыкновенія, былъ постоянно отрываемъ отъ должности и бѣгалъ съ записками то въ одинъ, то въ другой магазинъ за мелочами, требовавшимися къ волшебному костюму Любы. Самымъ же выполненіемъ костюма, требовавшимъ особыхъ художественныхъ соображеній, завѣдывалъ художникъ—другъ Додя, рисовавшій такіе удачные карандашные портреты Любы. Все это, разумѣется, сближало молодыхъ людей до самой дружественной короткости и совсѣмъ затуманивало въ головкѣ Любы стараго мужа-лакея. Наконецъ, костюмъ былъ готовъ и вышелъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Павлинъ увидалъ жену, сходившую по лѣстницѣ сверху въ сопровожденіи родственницы Анны Львовны, оберегавшихъ Любу кавалеровъ, въ числѣ коихъ были художникъ и Додя.

Люба была одѣта *Зарю*: на ней былъ легкій эфирный хитонъ изъ расцвѣченной красками въ тѣнь дыма. Изъ этого широкаго, густыми складками падающаго платья былъ темень какъ ночь, по чѣмъ выше, тѣмъ болѣе темнота рѣдѣла, облегалась, переходила мягкими полутонами въ другіе болѣе легкіе и яркіе цвѣта—и съ пояса вверхъ становилась уже воздушной и легкой, такъ что фигура Любы словно уносилась и таяла какъ облака. И посреди-то этого таянія, свѣтлая головка Любы сіяла вѣнчанная лилей и

красною розой; а за плечами у нея сквозили переливами свѣта испещренные тысячью цвѣтовъ восковыя крылышки, въ рукахъ же у нея былъ золотой свѣточъ, обвитый голубыми незабудками и махровымъ макомъ. Сонъ и пробужденіе, томная дрема страстей и яркій разгаръ ихъ—все знаменовалось въ Любѣ приличными приспособленіями, — и Павлинъ такую усадить ее въ карету, а черезъ четыре часа вынулъ ее изъ этой же кареты совсѣмъ другою... Люба, встрѣтивъ мужа, не сказала ему ни слова; не хотѣла прикоснуться къ приготовленной имъ для нея жареной курицѣ и настлѣ, а сорвавъ съ себя платье, бросилась въ постель, обернувшись къ стѣнѣ и, не двигаясь, пролежала въ такомъ положеніи остатокъ ночи и весь слѣдующій день. Павлинъ берегъ ея долгій сонъ, но берегъ его напрасно; Люба не спала,—она сначала долго плакала и потомъ лежала съ краснымъ воспаленнымъ лицомъ и сухими, открытыми глазами, устремленными въ одну точку.

Всякій мало-мальски наблюдательный человѣкъ, взглянувъ на эту женщину, не усомнился бы сказать, что у нея черезъ руки прошла большая игра, и это было вѣрно. Люба сама хотѣла открыть что-то на этотъ счетъ Павлину, но передумала и, дождавшись вечера, одѣлась и пошла жаловаться на Додю Аннѣ Львовнѣ. Однако, жалоба такъ дурно сочинялась въ ея головѣ, что она и это отиѣнила—и ограничилась тѣмъ, что пожаловалась на Додю ему самому и... заключила миръ поцѣлуемъ. Разъ начатыя выѣзды и веселости подъ маскою—стали повторяться. Когда Павлинъ, дремля поздно вечеромъ въ своихъ креслахъ, поджидалъ запаздывающихъ жильцовъ парадной лѣстницы, или укладывался безъ подушки на жесткій коникъ за колоннами—онъ и не подозрѣвалъ, что въ это время его жена отнюдь не скучаетъ съ Анной Львовной, а носится въ черномъ домино по ярко-освѣщеннымъ маскараднымъ заламъ, въ вихрѣ танцевъ, а въ тѣ часы, когда онъ пробуждается и посылаетъ женѣ вверхъ на генеральшину половину мысленный привѣтъ, пѣжная Люба, съ головкою отуманенною парами шампанскаго, мчится на погромыхивающей бубенчиками тройкѣ, жадно глотая распаленными устами свѣжій воздухъ...

Долгонько все это шло шито да крыто. Обстоятельства такъ хорошо сложились, что, казалось, обманщицѣ никогда нечего было опасаться. Старая генеральша такъ рано уxo-

дила въ свою комнату и такъ плотно запирала за собою двери изъ маленькой моленной, гдѣ спала на обитомъ мигкимъ ковромъ отоманѣ Люба, что послѣдней не стоило никакого труда встать и одѣться въ свои лучшія платья, которыя по милости той же генеральши хранились въ шкафахъ ея гардеробной. Анна Львовна или крѣпко спала, или была такъ занята своими счетами, что никогда не слыхала этихъ сборовъ. Болѣе: она была такъ простодушна, что даже никогда невзначай имъ не помѣшала ни уходить, ни приходить. Возвращаясь въ образную, Люба могла, если хотѣла, поплакать передъ слабо освѣщенными строгими темными ликами фамильныхъ иконъ. Но плакала ли передъ ними Люба о своемъ паденіи? Вѣрно немножко поплакалось вначалѣ, но зато очень много поплакала она въ концѣ своего яркаго блистанія въ томъ крѣпко затягивающемъ кругѣ, который былъ затрогиваемъ очень многими писателями въ литературахъ всѣхъ образованныхъ странъ свѣта, но едва ли онъ имѣетъ гдѣ-нибудь полное, комплектное описаніе, которое могло бы знакомить съ физиологіею его роковой и чудовищно-затягивающей жизни. У насъ онъ вовсе никѣмъ не изображенъ, ни въ одной мало-мальски живой и яркой картинѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ томъ кругѣ страсти кишатъ и пылаютъ часто гораздо сильнѣе, чѣмъ въ свѣтѣ, и наша швейцарка увлеклась своей новой жизнью и играла видную роль въ своей средѣ. Сначала она такъ дичилась и конфузилась, что едва рѣшилась на это. А потомъ тутъ вскорѣ замѣнилось самолюбіе. Люба увидала, что Додя труситъ и сомнѣвается: можетъ ли онъ предстать съ нею, не опасаясь, что она будетъ хуже другихъ; отнюдь не лишенная ума и проницательности, Люба замѣтила эту обидную неувѣренность, въ ней заговорила гордость суетной красавицы—и она во что бы то ни стало положила себѣ быть первою между тѣми, куда спускалась, и все, что она себѣ тогда въ уязвленіи своей гордости положила, то все такъ въ совершенствѣ и исполнила. Додичкѣ не приходилось краснѣть за Любу: она сразу же вошла въ свою роль и исполняла ее съ такимъ апломбомъ, что всѣ должны были признать полный успѣхъ *madame Paulin*. Это сладостное имя, можетъ-быть, даже не разъ долетало до ушей

самого Павлина; но что ему было за дело до этого? онъ не зналъ, что оно значить.

Успѣхъ Любы усиливался, темная слава ея росла, но Люба была кладъ не купленный: она любила Додю и тѣмъ окончательно сбила его съ толку. Онъ возмечталъ о себѣ такъ высоко, что возмнилъ, будто для любой женщины нѣтъ человѣка его драгоцѣннѣе. Этимъ воспользовались дышавшая на Любу зависть и злоба соперницъ: зазнавшася Додичку коварно приласкали и потомъ все это вывели наружу. Люба была уязвлена въ самое сердце и стала мстить равнодушіемъ. А между тѣмъ, пока она вела эту игру, Додичку трясли за карманъ и трясли такъ немилосердно и ловко, что онъ не успѣлъ оглянуться, какъ погрязъ въ самыхъ запутанныхъ долгахъ. Тутъ началась исторія обыкновенная, кончившаяся, однакоже, не совсѣмъ обыкновенно. По мѣрѣ того, какъ средства Додички истощались, соперницы Любы охлаждѣвали къ ея измѣннику и, наконецъ, насытивъ местию и не видя въ Додѣ болѣе ничего лестнаго, покинули его на жертву скорби и униженія. Между тѣмъ, въ это время съ глазъ Павлина начала опускаться завѣса: Люба, обнаруживавшая такъ много способностей скрывать свою любовь, рѣшительно оказалась безсильною такъ же скрытно переносить свое страданіе: она, во-первыхъ, сбѣжала изъ апартаментовъ своей благодѣтельницы и плотно поселилась у мужа. Этимъ шагомъ Люба, разумѣется, не хотѣла начинать шаговъ безповоротныхъ, къ доброму житію, а желала только не видать нѣкоторое время своего измѣнника; бѣдняжка надѣялась дать ему этою порою почувствовать, что она къ нему равнодушна и легко можетъ обойтись безъ него... Павлинъ напрягъ умъ и зрѣніе, чтобы проникнуть: что за сокровенная, но злая скорбь мучить его жену? Донскиваясь этой разгадки, онъ сначала-было подумалъ: не обидѣла ли Любу Анна Львовна, но Люба успѣла увѣрить мужа, что Анна Львовна ничего ей не сдѣлала обиднаго. Тогда подозрѣнія Павлина пошли по другому пути и все прямѣе и ближе къ цѣли—онъ мекнулъ: не обидѣлъ ли его жену баринъ—и сердце его упало въ груди и запыло. А тутъ вдругъ—нежданно-негаданно подоспѣло и полное раскрытіе тайны. Додичка, подобно большей части пускающихся на этотъ путь безъ громадныхъ средствъ, окончательно запутался и принужденъ былъ оставить своей

полкъ и удалиться въ одинъ изъ очень отдаленныхъ городковъ на сѣверо-востокъ Россіи. Понятно, что все это не обошлось безъ семейныхъ сценъ, во время которыхъ и Павлина, какъ ударъ грома, поразила вѣсть о невѣрности его жены.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Павлинъ, прійдя въ себя, ни съ того, ни съ сего явился поздно вечеромъ ко мнѣ съ просьбою дозволить ему переночевать у меня, такъ какъ онъ боялся ночевать въ домѣ Анны Львовны, ибо «понявъ все дѣло какъ слѣдуетъ, опасастся какъ бы не могъ во гнѣвѣ сдѣлать чего не должно». И, разумѣется, ему въ этомъ не отказали.—и вотъ тутъ-то наступила довольно странная въ моей жизни ночь, когда я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ жилъ въ нѣдрахъ чужой души и самъ онцуцалъ то палящій жаръ ея любви и страданія, то смертный леденящій холодъ ея ужаснаго отчаянія. Павлинъ находился въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія—но какого возбужденія? Какого-то страннаго и непонятнаго. Хотѣлъ бы для болѣе точнаго опредѣленія наблюдаемаго мною тогда состоянія этого человѣка воспользоваться библейскимъ выраженіемъ и сказать, что онъ былъ *восхищенъ* изъ самого себя и поставленъ на какую-то особую ступень созерцанія, открывающаго ему взглядъ во что-то сокровенное. Если помните, въ Эрмитажѣ, недалеко отъ рубенсовской залы, есть небольшая картинка Страшнаго суда, писанная чрезвычайно отчетливо и мелко какимъ-то средневѣковымъ художникомъ. Тамъ есть эмблематическая фигура, которая помещена въ серединѣ картины, такъ что сіи одновременно виденъ вверхъ Богъ въ Его небесной славѣ, а внизъ—глубина преисподней съ ея мрачнымъ господиномъ и отвратительнѣйшими чудищами, которыя терзаютъ тамъ грѣшниковъ. Всякій разъ, когда я становлюсь передъ этой картиной и гляжу на описанную мною фигуру, мнѣ непремѣнно невольно припоминается Павлинъ: такъ, мнѣ казалось, схоже было его душевное состояніе съ положеніемъ этого эмблематическаго лица. Павлинъ, если такъ можно выразиться, страдалъ мучительно, но торжественно и благоговѣйно: онъ не палъ духомъ, не плакался и не рыдалъ, но и не замкнулся въ суровомъ и гордомъ молчаніи, въ чемъ многие полагаютъ силу характера. Напротивъ, онъ

созерцать, откуда испалъ и куда еще глубже того долженъ погрузиться и низвести съ собою другое существо,—и онъ принять все надъ нимъ разразившееся, какъ вполнѣ заслуженный имъ ударъ учительской лозы, и заговорилъ въ самомъ неожиданномъ для меня тонѣ самоосужденія. Взойдя ко мнѣ, онъ сѣлъ въ моей залѣ безъ всякаго моего приглашенія и нѣсколько минутъ провелъ въ глубокомъ и тихомъ молчаніи, переводя глаза съ предмета на предметъ и потирая на колѣняхъ одну руку другою, а потомъ вдругъ окинулъ меня тяжелымъ, какъ бы усталымъ взглядомъ и спросилъ:

— Слышали-съ?

Я отвѣчала ему утвердительно.

Онъ покачалъ въ раздумьѣ головою и тихо произнесъ: «Это ужасно!», а вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы спохватясь, добавилъ живѣе: «Вы извините меня, что я такъ... сѣлъ...»

— Сдѣлайте милость, Павлинъ Петровичъ!

— Колѣни гнутся-съ... Не могу успокоиться-съ... пока не услышу отъ нея самой... Все хотѣлъ утвердиться во всемъ.

— И что же: разспросили вы ее?

Онъ ничего не отвѣтилъ, но склонилъ въ знакъ согласія молча голову и черезъ минуту началъ таинственнымъ шопотомъ:

— Благородная-съ!.. Всю душу свою мнѣ открыла... на груди моей плакала-съ и прощенія просила...

— Вы простили?

— То-есть... въ чемъ же-съ? Она мнѣ, открывъ душу свою, вглубь меня зрѣнье открыла, и я-съ ужаснулся-съ. Ея вина про себя какъ легкой жаворонокъ пропѣла и подъ небомъ скрылась; а мой грѣхъ, какъ грачъ разботѣлый, понизу кричетъ и отъ земли не поднимется... Я сейчасъ ходилъ къ духовному отцу; онъ меня утѣшалъ, говоритъ: «ты законъ сохранилъ, а она жена невѣрная». Позвольте!.. это все смоковничье листье: ими я себя не закрою. Богъ видитъ, гдѣ былъ я, когда къ годамъ моимъ сопрягалъ ея юность? Я насильникъ: я вижу, что я палъ какъ гора и разсыпался... Вы полагаете, что я тотъ, какой былъ вчера и третьяго дня? Нѣтъ-съ; нынѣ въ день скорби Господь мнѣ явилъ свою милость: я внялъ, что я прахъ, что я весь образованъ изъ брѣнія и что всѣ вожди страстей могутъ орать и сѣять на хребтѣ моемъ: страсть, гордость, нечи-

стога и сластолюбіе, и ревность, и... и... склонность къ убійству... Ахъ! ахъ! ахъ!..

Онъ вскочилъ и, заметавшись по комнатѣ, продолжалъ:

— Простите меня... Я... самъ я теперь ничего прощенья не стою, а ради Христа... во имя Христова... простите!.. Я все говорю и... молчать не могу... Духъ внутри... меня тѣснить какъ вино не открытое и... бьетъ въ совѣсть и языкъ подвигаетъ въ гортани.. Прошу... если со мной чтѣ случится... чтобъ знали, что я ее погубилъ... Правъ Господь... меня наказуя: благословляю огорчившаго душу мою и исполню все къ счастью ихъ.

— Что вы такое думаете?

— Я... я хочу сдѣлать... чтобы я не мѣшалъ.

— То-есть какъ же это?.. Умереть, что ли?

Онъ посмотрѣлъ на меня и вдругъ неожиданно улыбнулся, чрезвычайно странной улыбкой, давней его гордому лицу такое доброе и прелестное выраженіе, какого я никогда на немъ не видалъ, и проговорилъ:

— Умру-съ и живъ буду. Надо спасаться. Она теперь дома. Позвольте мнѣ у васъ немножко уснуть!

«Вино вѣрно открылось и духъ его болѣе не тѣснилъ». Онъ казался глубоко спокойнымъ и, оставшись одинъ въ комнатѣ, тотчасъ же легъ на диванъ и заснулъ. Утромъ я еще спалъ, когда Павлинъ всталъ и, умывшись на кухнѣ, ушелъ. Мой человѣкъ, по любопытству своему прослѣдивъ Павлина, видѣлъ, что онъ пошелъ въ церковь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Когда я, въ то время еще довольно нетерпѣливый, утромъ появился къ огорченной *ma tante* Аннѣ Львовнѣ, она уже была вставши и довольно граціозно сидѣла въ глубокихъ креслахъ—и, изображая изъ себя невинную страданицу, понемножечку плакала, обтирая платкомъ глаза. Она была говорлива и даже краснорѣчиво распространялась на тему о злонравномъ товариществѣ, которое будто бы подвело съ неосторожнаго Додю подъ незаслуженныя имъ подозрѣнія и погубило его при содѣйствіи отвратительнѣйшей женщины.

Тутъ Анка Львовна несла всякій вздоръ, рисуя такія фантастическія картины, что всякій поневолѣ убѣждался, что все это вздоръ и клевета.

Во весь этотъ день, приходя и уходя отъ Анны Львовны,

я не видѣлъ ни Любу, ни Павлина, должность котораго въ этотъ суматошный день оставалась безъ отправленія, и мнѣ не у кого было о немъ даже освѣдомиться. Не получивъ о немъ никакихъ слуховъ и во весь другой день, я къ вечеру пошелъ безъ церемоніи о немъ справиться. Я узналъ слѣдующее. Комната Павлина еще со вчерашняго дня оказалась пустою: имущество его найдено все брошеннымъ зря и какъ понало, точно послѣ воровскаго визита; ни Павлина, ни жены его нигдѣ не было, и никто о нихъ не могъ дать никакого ни слуху, ни духу. Одинъ я могъ свидѣтельствовать, что Павлинъ говорилъ мнѣ, будто жена его теперь дома и онъ желаетъ освободить ее отъ грѣха и соблюсти свою душу; но чтѣ могли значить всѣ эти его слова? Теперь имъ приписывались разныя иносказательныя значенія, въ истолкованіи которыхъ казалось по временамъ что-то не совсѣмъ невѣроятное. «Жена дома теперь» — это, говорили, будто бы значить, что онъ ее прикончилъ и такимъ образомъ проводить въ вѣчный домъ; а пошелъ соблюдать свою душу, это — онъ ушелъ куда-нибудь въ пустыню. Какъ вы хотите, въ этомъ было нѣчто столь вѣроподобное, что всѣ такъ на этотъ рассказъ и положились. Вдобавокъ же ко всему, недѣли черезъ двѣ, или нѣсколько позже, гдѣ-то у Екатерингофа или въ Чекушахъ, волною прибило къ берегу подвергнувшееся гнилости тѣло молодой женщины, лица которой узнать было невозможно, но на ней оказалось тонкое бѣлье и черное шелковое платье... какъ разъ такое, въ которомъ видѣли въ послѣдній разъ швейцарку Любу. Правда, что большинство черныхъ шелковыхъ платьевъ всѣ похожи одно на другое, но подозрѣніе не разсуждаетъ: къ молодой утопленницѣ никто не признавался ни изъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ, — а потому домашними Анны Львовны и ею самою было рѣшено и утверждено, что эта утопленница не кто иная, какъ несчастная Люба, жена свирѣпаго и мстительнаго Рауля, швейцара Павлина Пѣвунова, пропавшаго безъ вѣсти.

Это обстоятельство не прошло безъ послѣдствій: погибшую женщину схоронили, и Анна Львовна была такъ добра, что отпустила для нея десять рублей на гробъ и на поминъ души Любы. Такимъ образомъ, благодаря христіанской заботливости Анны Львовны, были устроены заупокойныя молитвы о душѣ безвременно-погибшей Любы, а про Пав-

лина забыли. И позабыли про него такъ хорошо, что не вспомнили о немъ и до сихъ норъ, кромѣ одного раза, когда въ аукціонной камерѣ продавали неразворованные остатки имуществва «безвѣстно-пропавшаго Пѣвунова».

Но гдѣ же дѣлись Павлинъ и Люба?

Для этого мы должны вернуться назадъ къ тому времени, когда потеряли ихъ изъ виду.

ГЛАВА ЦЯТНАДЦАТАЯ.

Павлинъ, простясь со мною, прошелъ къ женѣ никѣмъ не замѣченный. Люба, увидя мужа, затрепетала: она никогда не видала его такимъ добрымъ, и оттого онъ ей и показался такимъ страшнымъ.

Онъ наскоро переодѣлся, одѣлъ жену, взялъ все, что пахло нужнымъ, и вывелъ Любу изъ дома Анны Львовны. Люба не сопротивлялась и понимала только одно, что ее куда-то везутъ. Павлинъ и Люба встрѣтили Додичку на одной изъ станцій за Петербургомъ. Люба не показывалась, но Павлинъ предсталъ моему кузену и — предсталъ не въ злобѣ оскорбленнаго мужа, а въ великой кротости смиреннаго себя христіянина и сказалъ ему:

— Будьте милостивы и великодушны, скажите: любили ли вы мою жену?

— Да; что же тебѣ нужно?—отвѣчалъ Додичка, еще не отвыкший тогда чувствовать свое превосходство передъ стоявшимъ противъ него лакеемъ.

— Я вамъ сейчасъ скажу, что мнѣ нужно, — отвѣчалъ смиренный Павлинъ:—но вы извольте прежде отвѣтить: любите ли вы ее и теперь?

— Да, люблю, ну, и что же такое?

— Только-съ, только-съ всего, и она васъ тоже любитъ, ужасно любить... и... и сама мнѣ объ этомъ сказала.

— Ты ее объ этомъ спрашивалъ?

— Да-съ, я ее объ этомъ спрашивалъ, и она мнѣ прямо во всемъ призналась и плакала... Что дѣлать: я виноватъ за нее Богу!

Додичка ушамъ своимъ не вѣрилъ и не понималъ: что это значитъ? А Павлинъ вышелъ въ это время въ сосѣдную комнату и вывелъ оттуда за руку свою смущенную жену и сказалъ:

— Вотъ она-съ; она мнѣ больше не жена!

— Ну?! — воскликнулъ, не понимая, чѣмъ это кончится, Додичка.

— По всему этому я се по божественному закону отъ себя отпускаю... И какъ она васъ столь преданною любовью любить, то берите ее и женитесь на ней!

— Ты съ ума сошелъ! — оправился Додичка. — Какъ я могу на ней жениться?

— Почему же нѣтъ? Развѣ вамъ унизительно?.. Напрасно-съ. Я бы ей даже не совѣтоваль выходить за васъ, потому что я знаю, какой вы человѣкъ, и ей счастья съ вами не будетъ, но и она сама это знаетъ и все-таки васъ въ сердцѣ имѣетъ, такъ тутъ дѣлать нечего... Ей бы надо въ монастырь идти, а се еще въ пронасть тинеть, такъ пусть же это будетъ хоть безъ грѣха и срама; а потому... женитесь...

— Но ты постой, Павлинъ, — зашепталъ, оправдываясь, Додичка: — я вѣдь... не потому... а что ты живъ еще...

— Да-съ, я живъ; я живъ еще и Богъ знаетъ сколько еще промаячу, но я рукъ на себя и для нея даже не наложу. Вчера я объ этомъ думалъ, но...

При этихъ словахъ Люба взвизгнула и бросилась въ темный уголъ съ сжатыми у лица руками.

— Г-мъ, видите! — молвилъ, болѣзненно улыбувшись, Павлинъ: — она меня не любить и ей за меня тяжело, а вамъ за нее словно бы нѣтъ, а между тѣмъ она васъ все-таки любить... Люби она меня сотую долю такъ, какъ она васъ любить, я бы даже ссылку съ нею за рай почиталъ... Ну, да что толковать!.. все равно: извольте ее теперь взять и побъжайте... и... женитесь на ней... я за этимъ буду наблюдать и... если вы не сдѣлаете, какъ я говорю, то... Онъ пригнулся къ уху Доди и добавилъ: — не понуждайте меня ко грѣху: я теперь говорю вамъ смиренно, какъ христианинъ, а то я васъ убью; гдѣ бы вы ни были — я васъ найду и убью, за нее... за жену... за беззащитную...

Павлинъ, должно-быть, говорилъ это очень рѣшительно, или кузень мой былъ уже слишкомъ большой трусъ, но только у него вдругъ отпала всякая охота отказываться отъ женитьбы на Любѣ, и онъ изъявилъ на это свое полное согласіе. Впрочемъ, возможно, что онъ далъ это согласіе, имѣя въ умѣ твердое намѣреніе никогда его не исполнить, тѣмъ болѣе что имѣлъ основаніе рассчитывать на

возможность скрыться отъ Павлина. Въ этихъ соображеніяхъ онъ только указалъ старику на то обстоятельство, что немедленное бракосочетаніе его съ Любою невозможно, потому что жену живого мужа съ другимъ не перевѣнчаютъ, по Павлинъ отвѣчалъ:

— Ну, ужъ объ этомъ вы не безпокойтесь, это мое дѣло: я къ тому времени умру, а васъ съ ней перевѣнчаютъ.

— Ты умрешь?

— Да; я умру.

«Умреть, а между тѣмъ хотеть убивать меня, — думалъ Додя.—Вѣднѣй старикъ, какъ они, эти простые люди, иногда любятъ!.. Мнѣ его даже жалко: онъ помѣшался».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Съ этимъ они разъѣхались — и Додя, конечно, считалъ себя совершенно освобожденнымъ и отъ наскучившей ему жены Павлина, которую онъ не прочь былъ показывать какъ свою любовницу, но никакъ не хотѣлъ имѣть свою жену. Додя ѣхалъ хорошо. Онъ путешествовалъ не спѣша, не по срочному маршруту; останавливался въ подорожныхъ городахъ, принималъ посѣщенія и самъ посѣщалъ лицъ, вниманію которыхъ былъ рекомендованъ доброжелателями Анны Львовны изъ Петербурга, и даже заживался кое-гдѣ подъ предлогомъ усталости и болѣзни. Словомъ: все шло для нашего странника какъ нельзя лучше, и онъ такимъ образомъ отбылъ почти весь свой путь, какъ вдругъ на самомъ перовалѣ черезъ Уралъ на него—какъ будто изъ вѣковѣчныхъ снѣговъ и тумановъ—грянулъ Павлинъ!.. Да вѣдь какой Павлинъ: грозный и неотразимый, видимый и незримый, дѣйствующій и несуществующій.

Знаете: когда читаешь въ повѣсти или романѣ какое-нибудь чрезвычайное событіе, всегда невольно думаешь: «эхъ, любезный авторъ, не слишкомъ ли вы широко открыли клананъ для вашей фантазіи?» А въ жизни, особенно у насъ на Руси, происходятъ иногда вещи гораздо мудренѣе всякаго вымысла—и между тѣмъ такія странности часто и остаются совсѣмъ незамѣченными.

Додичка пріѣхалъ въ какой-то городокъ, котораго я вамъ не назову, да тутъ и не въ названіи дѣло. Здѣсь мой милый кузенъ надѣялся найти лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ письма. Разсчитывая тутъ пріотдохнуть и поцѣлится, онъ,

приставъ за болѣзнію въ единственной тамонней гостиницѣ рядомъ со станціей, уже успѣлъ à la Хлестаковъ перемигнуться съ какою-то сосѣдкою изъ противоположнаго дома,—сосѣдкою, лица которой онъ, къ слову сказать, надлежащимъ образомъ не разсмотрѣлъ, потому что чуть она появилась у окна въ комнатѣ, снаружи передъ этимъ окномъ вдругъ всталъ и началъ протирать рукавомъ стекла высокій, лохматый, сѣдой старикъ съ огромною бородою и въ неестественной, по понятіямъ Доди, оленьей шубѣ. И чертъ его знаетъ, откуда онъ взялся? Додичка его, правда, слегка замѣтилъ сидящимъ у окна на замечной свѣгомъ завалинѣ, но онъ ему съ перваго взгляда показался болѣе похожимъ на стараго козла, чѣмъ на человека — и вдругъ это чучело вскакиваетъ и ѣздитъ по стекламъ своими лапами, точно нарочно для того, чтобы лишить добраго юношу возможности наслаждаться красотой сосѣдки... И онъ таки своего достигъ, этотъ старикъ. Додя не разсмотрѣлъ заинтересовавшей его сосѣдки, но это, впрочемъ, ему было совершенно все равно: она ему понравилась по одному чутью — и съ его стороны не было болѣе никакихъ препятствій разыграть съ ней мимолетную интрижку, тѣмъ болѣе что сосѣдка (сколько онъ могъ судить) тоже имъ вѣроятно заинтересовалась. По крайней мѣрѣ Доди имѣлъ основаніе такъ думать, потому что занимательная незнакомка, замѣтивъ его, очевидно не безъ умысла нѣсколько разъ мелькнула въ окнѣ. Досадно было только то, что она все мелькала немножко слишкомъ быстро, такъ что Доди никакъ не могъ ее хорошо разсмотрѣть. Но зато это, конечно, еще болѣе раздражало любопытство, и онъ присѣлъ къ окну съ твердою рѣшимостію не вставать съ мѣста прежде, чѣмъ ее хорошенько увидитъ. Дѣло было подъ вечеръ; Додя все сидѣлъ у окна и все дождался, не покажется ли еще разъ поясище въ окнѣ его интересное vis-à-vis... Судьбѣ заблагоразсудилось его побаловать: вотъ въ окнѣ блеснулъ слабый свѣтъ, на столѣ появилась зажженная свѣча, а между нею и окномъ выдвинулся и сталъ слышать женской фигуры. Опять весьма эффектное, но самое неудобное положеніе. Какая же женщина, желая показать себя, станетъ или сидеть между темнымъ окномъ и свѣчою, освѣщающею ее сзади? Очевидно, это или совершенная невинность, или ужь очень опытная кокетка, желающая производить свои ковар-

няя упражненія надъ неопытнымъ человѣкомъ. Но Додя не провинціальная простофиля: онъ прошесть хорошую петербургскую школу у женщинъ и, конечно, хотѣлъ считать себя человѣкомъ опытнымъ: онъ не зажжетъ у себя огня и сосѣдкѣ его нельзя будетъ видѣть: занимается онъ ею или нѣтъ? Такимъ образомъ, если она не кокетка, а податливая романическая простушка, то она непременно попадетъ на эту удочку. Это ей покажется досадно: она не поостережется и, разсердись, подойдетъ сама принять свою свѣчку—и тогда онъ ее увидитъ; а если она ловка и хитра, какъ... какъ, напримѣръ, была въ Петербургѣ эта Люба, отъ которой онъ, слава Богу, такъ далеко теперь откатился, то тѣмъ лучше: она будетъ хорошо наказана за свою хитрость и можетъ просидѣть хоть до завтра, или пока этотъ ея сѣдой козелъ закроетъ ставни... А кстати, гдѣ дѣлся этотъ сѣдой козелъ? его что-то нѣтъ... Впрочемъ, легко оказался и онъ на поминѣ: не успѣвъ сидящій во тѣмѣ Додя о немъ подумать, какъ ему послышалось, будто скринула дверь его номера. — и когда онъ обернулся, передъ нимъ стоялъ упомянутый козловатый старикъ. Онъ взошелъ тихо и, имѣя на ногахъ мягкіе валеные сапоги, тихо же подошелъ къ самому креслу Додички и остановился у него за плечами такъ близко, что когда мой кузень обернулся, то они стали носъ къ носу съ таинственнымъ пришельцемъ. Додя, какъ все наглые люди, былъ большой трусъ. и, при подобной встрѣчѣ невыразимо потерявшись, едва произнесъ упавшимъ голосомъ:

— Что вамъ нужно?..

— Не безпокойтесь-съ, — отвѣчалъ таинственный посетитель голосомъ, въ которомъ не было ничего страшнаго, но отъ котораго трусливаго Додю забила лихорадка. — Не безпокойтесь, я къ вамъ по маленькому дѣлу не отъ себя...

— Павлинъ!.. это ты?

— Тестъ! позвольте... Что такое: Павлинъ? никакъ нѣтъ: вы ошибаетесь: я не Павлинъ, я не знаю никакого Павлина; я совсѣмъ другой человѣкъ. Я мѣщанинъ Спиридонъ Андросовъ, простой мѣщанинъ... да-съ, и со мною мой паспортъ есть... хорошій паспортъ, законный: съ печатью и все пронумеровано. Спиридонъ Андросовъ, мастеровой, хожу для промысла и бумагу свою часто прошеываю: куда при-

ѣду, сейчасъ же ее прописываю... для осторожности; тоже и здѣсь недѣлю тому назадъ прописалъ...

— Но это ты... ты самъ Павлинъ! развѣ я тебя не знаю?

— Никакъ нѣтъ, я Спиридонъ Андрюсовъ.

— Чтѣ же вамъ отъ меня нужно?

— Миѣ совершенно ничего; а вамъ я принесъ записочку, вотъ извольте получить.

— Отъ кого это?

— Отъ одной вдовы тутъ... да, молодая вдова... извольте прочесть: сами увидите, чтѣ тутъ такое.

Кузенъ мой за минуту предъ симъ былъ увѣренъ, что передъ нимъ стоитъ не кто иной, какъ окосматѣвшій Павлинъ, но, услышавъ соблазнительныя слова о вдовѣ и ея запискѣ, онъ какъ-то все упустилъ изъ виду и торопливо зажегъ свѣчу, чтобы скорѣе прочитать бумажку,—и вдругъ неожиданно уронилъ ее снова: теперь не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что стоявшій передъ нимъ человекъ былъ Павлинъ Пѣвуновъ. Онъ только чрезвычайно обросъ сѣдыми волосами вокругъ всей головы и лица, да вырядился въ какой-то полузвѣтскій костюмъ, но, тѣмъ не менѣе, всякій, кто его зналъ, не могъ бы не сказать, что это онъ, Павлинъ, самъ собственнѣйшею своею особой. И въ его-то глазахъ ясно видно, что онъ видитъ, что его узнали и понимаетъ, что не узнать его невозможно. Кузенъ мой ото всего этого такъ растерялся, что на сей разъ уже громко закричалъ:—Павлинъ!.. Клянусь честью, это ты, Павлинъ, но...—Но при этихъ словахъ пришлецъ такъ сильно сдвинулъ Додю въ косточкахъ руки, что молодой франтъ присѣлъ книзу и пролепеталъ: «что же это такое?» и въ растерянности опять взялъ оброненную имъ бумагу: это была церковная выписъ изъ книги объ умершихъ, гдѣ значилось, что около полутора мѣсяца тому назадъ въ такомъ-то городѣ скоропостижно умеръ и погребенъ царско-сельскій мѣщанинъ Павлинъ Петровъ Пѣвуновъ, а вдовѣ его, Любови Андреевой Пѣвуновой, выдано въ томъ сіе свидѣтельство съ подписью и печатью.

Такъ вотъ кто эта вдова! Эта вдова была не кто иная, какъ сама влюбленная въ Додю Люба. Дѣло было поставлено круто и узловато—и результатомъ всего этого вышло, что Додичка, не доѣхавъ до мѣста своего назначенія, женился на «швейцаркѣ Любѣ.» Посягнувъ онъ на это, не

оказавъ ни какого сопротивленія, а какъ будто даже и съ удовольствіемъ. Почему это произошелъ въ немъ такой курьезъ-переверкенъ—разсказать не умѣю, но думаю, что тутъ играли роль все большее и большее удаленіе его отъ дома—и по мѣрѣ большаго удаленія все болѣе и болѣе чувствуемое сиротство. Они-то, вѣроятно, пробудили въ немъ живыя чувства къ иѣжно любившей его женщинѣ, а тутъ и ея красота, романическое положеніе, а можетъ-быть и угрожающія настоянія Павлина,—однимъ словомъ: все это вмѣстѣ или порознь подвигнуло моего кузена къ тому, что онъ даже съ удовольствіемъ обвинчался съ женою Павлина, а мѣщанинъ Спиридонъ Андросовъ былъ при ихъ свадьбѣ и расписался свидѣтелемъ въ обыскной книгѣ.—Надѣюсь, вы меня не станете разспрашивать: какъ же это могло случиться, что Павлипъ похоронилъ самого себя и добылъ въ томъ свидѣтельство своей вдовѣ? Эти вещи у насъ не сказка, но побывальщина: умеръ на постояломъ дворѣ прохожій: Павлипъ стакнулся съ кѣмъ надо, сунулъ въ суму покойника свой паспортъ, а его бумагу взялъ себѣ, — вотъ и дѣло сдѣлано. Въ Повороссійскомъ краѣ когда-то это систематически дѣлалось и отъ того такъ люди по паспортамъ до полуторасти лѣтъ доживали. Умереть Иванъ 70-ти лѣтъ, его паспортъ беретъ сорокалѣтній Петръ, и пошло продленіе возраста... Однако, я продолжаю, или, лучше сказать, оканчиваю мною повѣсть.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Молодые, поселивъ въ назначенномъ имъ для житія крохотномъ городишкѣ, рѣшительно не знали, чѣмъ занять себя и что дѣлать. Привязанность Любы не могла надолго осчастливить Додю, который, въ качествѣ петербургскаго свѣтскаго юноши, любилъ жизнь общественную и душа котораго жаждала сильныхъ ощущеній. Не имѣя желанія, а можетъ-быть, не находя въ себѣ и силы отстать отъ этого образа времяпрепровожденія, онъ и теперь въ этомъ скверномъ своемъ положеніи отыскалъ, какихъ могъ, подходящихъ ему по вкусамъ людей между разнымъ сбродомъ, пиянствовать съ ними простой водкой, играть на мелкія деньги жонки въ карты, дергалъ и передергивалъ, былъ часто битъ, и наконецъ къ великому своему, но едва ли сознаваемому имъ счастью, совсѣмъ убитъ въ дракѣ, за неправильно взя-

тый съ кону пятнадцатилѣтній. Во все время этой жизни, продолжавшейся около двухъ лѣтъ, Люба жила, что называется, горькую чашу жестокаго страданія, но въ этой унылой горести своей постоянно была поддерживаема письмами и деньгами Спиридона Андросова, который, какъ видно, не выпускалъ ее ни на минуту изъ вида и былъ на стражѣ ея спокойствія. Онъ опредѣлился гдѣ-то неподалеку на службу— и при отличной честиности, умѣренности и аккуратности, не измѣнившись въ немъ съ перемѣною имени, онъ скоро приобрѣлъ себѣ уваженіе и деньги, и изъ послѣднихъ почти ничего на себя не тратилъ, а все берѣгъ для Любы. Не знаю какъ Люба распорядилась этими сбереженіями, которыя пересылалъ ей ея отставной мужъ, но вѣрнѣе всего можно полагать, что если не все эти деньги, то по крайней мѣрѣ большую ихъ часть пропивалъ и проигрывалъ ея мужъ, совершенно распившійся и омужичившійся Додичка. Говорили, что онъ отнималъ у Любы все, иногда самыми грубыми требованіями, а въ другой разъ даже и побоями. Павлинъ все это зналъ, какъ будто онъ тутъ вотъ и жилъ съ ними, но не смутилъ души Любы ни на одно мгновеніе и не воспользовался ея разочарованіемъ въ Додѣ, для того, чтобы разлучить ихъ другъ съ другомъ. Совсѣмъ напротивъ: Павлинъ поддерживалъ Любу большими и прекрасными письмами, которыя по нѣкоторому случаю сдѣлались моимъ достояніемъ—и я храню ихъ, какъ рѣдкій и превосходный образецъ простаго, но глубокаго философски-мистическаго умствованія необразованнаго, но умнаго и могучаго волею человека. Эти письма, писанныя «отъ грѣшнаго раба» къ состраждущей Любви, имѣютъ немножко характеръ посланій: въ нихъ авторъ говоритъ, какъ бы уже онъ все вынесъ; онъ страдалъ и, бывъ искушенъ, самъ теперь можетъ помогать искушаемому. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и даже очень во многихъ, Павлинъ ничего не пишетъ женѣ объ интересѣ дня, а даетъ совѣты, убѣждаетъ ее быть терпѣливою, благоразумною, доброю, неизмѣнно-вѣрною и преданною избранному ея мужу. Если читать эти письма въ хронологическомъ порядкѣ и читать по времени ихъ слѣдованія одного за другимъ, то въ нихъ невольно обращаетъ на себя вниманіе постоянно усиливающаяся духъ религіознаго мистицизма. Авторъ сначала какъ будто соболѣзнуеть о долѣ Любы и говоритъ о необходимости терпѣнія, потому

что отъ нетерпѣнія бываетъ еще горше; но потомъ онъ мало-по-малу видоизмѣняетъ этотъ мотивъ и начинаетъ ее убѣждать, что она должна радоваться, если несчастна, и самъ радуется, да радуется такъ, что вначалѣ поневолѣ чувствуется смущеніе: не овладѣло ли душою автора низкое злорадство къ очевиднымъ несчастіямъ измѣнившей ему Любы; но потомъ, ближе вникая въ дальнѣйшія письма, вы видите, что перомъ ихъ сочинителя водить иное чувство, чувство какой-то совершенно особенной, прямо, можно сказать, неземной любви—и притомъ любви самой заботливой и самоотреченной, но строгой. Павлинъ все учитъ Любу терпѣть для блага другихъ и для искупленія своихъ заблужденій и, убѣждая въ этомъ доводами довольно старыми, издавна извѣстными изъ книгъ духовнаго содержанія, излагаетъ эти доводы съ такою живостью и непосредственнымъ даромъ убѣдительнаго краснорѣчія, что какъ бы придаетъ имъ новую живую силу. Онъ несомнѣнно заботится объ одномъ: *возродитъ духомъ* погибающую Любу—и, вѣроятно, видя изъ ея отвѣтныхъ писемъ, что это озабочивающее его возрожденіе возможно, даже въ самомъ обращеніи къ ней употребляетъ слова «дочь моя». Последнее письмо съ этимъ воззваніемъ вначалѣ исполнено своеобразнѣйшей и трогательной пѣжности, непоглощаемой покрывающимъ его общимъ локальнымъ суровымъ тономъ: въ этомъ письмѣ Павлинъ, подписывающійся «Спиридономъ Андросовымъ», пишетъ: «не унывай: не намъ, слабымъ, а свитому апостолу Павлу ангелъ сатаны былъ данъ въ плоть его, но онъ его побѣдилъ, и ты побѣдишь его силою, ибо уже и недолго остается».

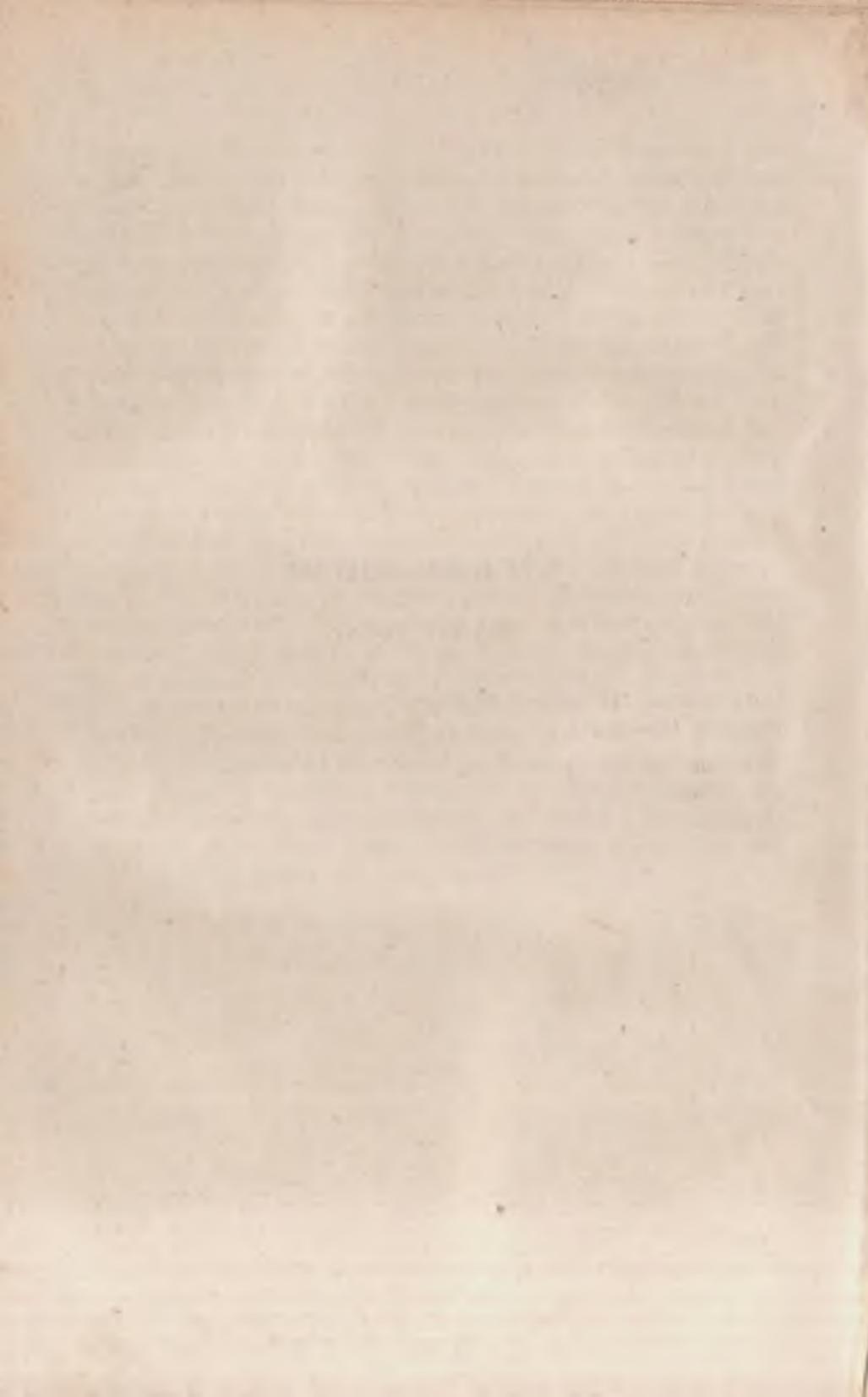
Это «недолго» было пророчествомъ провидца, и Люба его такъ и приняла, когда черезъ нѣсколько дней послѣ полученія этого письма отъ перваго своего умершаго міру мужа, второй ея мужъ былъ избитъ въ дракѣ и умеръ у ея двери, въ которыя не могъ попасть съ-пьяна. Она тотчасъ же извѣстила объ этомъ событіи Павлина—и тотъ немедленно же явился къ ней: они вмѣстѣ похоронили какъ должно Додю и вслѣдъ за тѣмъ немедленно же вмѣстѣ исчезли. Куда? Никто этого не зналъ; но я вамъ расскажу и то, чего никто не знаетъ. За Кіевомъ, надъ Днѣпромъ, въ темномъ дремучемъ бору есть бѣдный женскій монастырекъ. Бѣдность и незначительность этой обители такова, что ее иначе не называютъ какъ *монастырекъ*: тамъ-то была мо-

нахиня, потомъ схимница, Людмила. Она скончалась нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, далеко еще не въ преклонныхъ годахъ, *ослѣпнувъ отъ слезъ*. Эта милая, чистая сердцемъ старица съ *выплаканными глазами*, въ орбиты которыхъ у нея для благообразія были вставлены кругленькіе перламутровые образки, была настоящей ангелъ кротости и милосердія; о добротѣ ея и всепрощающей христіанской любви и теперь еще съ умиленіемъ и слезами вспоминають не только сестры бѣдной обители и посѣщающіе монастырекъ богомольцы, но даже еврей близко-лежавшаго торговаго мѣстечка. О ней извѣстно, что она вдова человѣка очень хорошей фамиліи и поступила въ монастырь, потерявъ мужа, а привезъ ее сюда на собственной лошади очень издалека какой-то суровый человѣкъ, *молчальникъ*, отъ котораго никто не слыхалъ ни одного слова. На могилѣ ея нѣтъ памятника, объясняющаго ея происхожденіе, а стоитъ простой дубовый крестъ съ надписью: «Схимонахиня Людмила, въ мѣрѣ грѣшная Любовь». Крестъ этотъ надъ нею поставилъ тоже схимникъ, приходившій въ монастырекъ послѣ смерти сестры Людмилы изъ далекой суровой обители, которой мнѣ вамъ называть не за чѣмъ. Не знаю также, нужно ли вамъ пояснять и то, что эта схимница Людмила, «въ мѣрѣ грѣшная Любовь», была не кто иная, какъ наша знакомая швейцарка Люба; а схимникъ, который пришелъ поставить на ея могилѣ крестъ, былъ Павлинъ, иноческаго имени котораго я не знаю. Вотъ какія тайны и какіе характеры живутъ иногда въ стѣнахъ монастырей!

Оглавленіе

XXXIV ТОМА.

	СТР.
Полунощники. (Пейзажъ и жанръ)	3
Навлипъ. (Разказъ)	105

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛЕБСКОВА

ВЪВЕДЕНІЕ

Сочинения Н. С. Лебскова, собранные в одно издание, изданы в Петербурге в 1882 году. В настоящее время изданы в Москве в 1883 году.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ПЕЧАТЪ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЗАВЕДЕНІЯ

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
А. Ф. МАРКСА

1883

МЕЛОЧИ АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(КАРТИНКИ СЪ НАТУРЫ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНИИ:

1. Архіерейскіе объѣзды.
2. Епархіальный судъ.
3. Русское тайнобрачіе.

Предисловіе.

Общеизвѣстные очерки Лѣскова: «Мелочи архіерейской жизни», посвященные изображенію быта нашего духовенства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, т.-е. въ дореформенное время, имѣютъ большое историческое значеніе и преслѣдуютъ одну чрезвычайно важную цѣль: установленіе болѣе безпристрастнаго отношенія русскаго общества къ представителямъ церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устраненіе усиливающагося отчужденія между ними.

Прошло почти два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ выдающійся представитель нашей церкви, знаменитый Теофанъ Прокоповичъ, и родоначальникъ нашей свѣтской литературы Кантемиръ дѣйствовали рука объ руку, какъ два вѣрнѣйшихъ союзника.

Съ тѣхъ поръ пути духовной и свѣтской литературы стали расходиться, конечно, ко вреду истиннаго просвѣщенія, въ которомъ такъ сильно нуждается наше отечество. Свѣтская литература игнорировала духовную, а та платила ей тѣмъ же. Какъ мало, въ сущности, въ теченіе всего XVIII-го вѣка и первой половины XIX-го свѣтская литература занималась духовенствомъ, т.-е. представителями церкви, одной изъ главныхъ насадительницъ просвѣщенія въ Россіи! Великая заслуга автора «Соборьянъ», «На краю свѣта», «Владычнаго суда» и многихъ другихъ великолѣпныхъ очерковъ изъ жизни нашего духовенства, состоитъ въ томъ, что онъ первый, и притомъ въ такое время, какъ 60-е годы прошлаго вѣка, снова обратилъ вниманіе свѣтской литературы на духовен-

ство и изобразилъ его такъ, что пастыри русской церкви стали людьми, близкими сердцу всякаго русскаго интеллигентнаго человѣка. Незабвенные образы протоіерея Туберозова, архіепископа Нила, митрополита (кіевскаго) Филарета и мн. др. согрѣваютъ нашу душу и наполняютъ ее чувствомъ глубокой благодарности къ этимъ самоотверженнымъ работникамъ въ вертоградѣ Господнемъ.

Къ тому же циклу высоко-даровитыхъ произведеній принадлежатъ и «Мелочи архіерейской жизни», появившіяся въ 1878 г. и живописующія намъ интимную жизнь русскихъ пастырей первой половины прошлаго столѣтія. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ; не мало страницъ этихъ очерковъ имѣютъ теперь уже чисто-историческое значеніе, потому что условия и порядки, встрѣчавшіяся полвѣка и болѣе тому назадъ, составляютъ достояніе прошлаго: архіерейскіе объѣзды, такъ, какъ ихъ описываетъ Лѣсковъ, значительно видоизмѣнились, нынѣшній духовный судъ не могъ не подчиниться духу времени, и факты, сообщаемые тутъ Лѣсковымъ, относятся къ далекому прошлому, тогдашнія злоупотребленія при совершеніи таинства брака (т.-наз. тайнобрачіе) теперь уже немислимы, развившаяся съ тѣхъ поръ миссіонерская дѣятельность въ значительной степени ослабила отрицательный смыслъ сообщенныхъ Лѣсковымъ фактовъ относительно положенія крещеныхъ язычниковъ (черемисовъ). И, тѣмъ не менѣе, «Мелочи архіерейской жизни» могутъ и теперь быть признаны книгою громаднaго современнаго значенія. Всѣ встрѣчающіеся въ ней отрицательные факты не новы: они рѣзче отмѣчены въ другихъ произведеніяхъ Лѣскова. Но нигдѣ, быть-можетъ, ему не удалось съ такимъ талантомъ и тактомъ ввести предубѣжденнаго русскаго интеллигентнаго читателя въ кругъ тѣхъ понятій и стремленій представителей нашей церкви, которыя одинаково дороги всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ, желающимъ потрудиться для ближняго въ духѣ нашего общаго великаго Учителя. Трудно назвать книгу (да ея и нѣтъ), которая болѣе «Мелочей архіерейской жизни» способствовала бы сближенію русской интеллигенціи съ церковью, потому что сквозь всѣ факты, рассказываемые Лѣсковымъ, просвѣчиваютъ всюду и всегда

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Съ легкой руки смоленскихъ корреспондентовъ,—въ теченіе 1878 года русскою печатью сообщено очень много интересныхъ и характерныхъ анекдотовъ о нѣкоторыхъ изъ нашихъ архіереевъ.

Правъ ли я или не правъ, но я имѣю основаніе думать, что извѣстное выраженіе Ларошфуко: «всякое правленіе впору своему народу»,—одинаково можетъ быть прилагаемо къ различнымъ видамъ управленія и, между прочимъ, даже къ нашему «архіерейско-владычному».

Изъ моего житейскаго опыта я имѣлъ возможность не разъ убѣждаться, что наши владыки и даже самые непосредственнѣйшіе изъ нихъ, по своимъ оригинальностямъ, отнюдь не такъ нечувствительны и недоступны воздѣйствіямъ общества, какъ это представляютъ корреспонденты. Объ этомъ я и хочу разсказать кое-что, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы отнять у нѣкоторыхъ обличеній ихъ очевидную односторонность, сваливающую непосредственно все дѣло на однихъ владыкъ и не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ положеніе и на отношеніе къ нимъ самого общества. По моему мнѣнію, наше общество должно понести на себѣ самомъ хоть долю укоризнъ, адресуемыхъ архіереямъ, для которыхъ настала пора похлопотать о своего рода эмансипаціи.

Какъ бы это кому ни показалось парадоксальнымъ, однако, прошу вниманія къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведу въ доказательство моихъ положеній.

IMPACT OF THE REVOLUTION

The revolution has brought about a complete change in the political and social structure of the country. The old system of government has been replaced by a new one, and the people have been given the right to elect their representatives. This has led to a more democratic and efficient government, and has allowed the people to participate in the decision-making process. The revolution has also led to a more equitable distribution of wealth and resources, and has helped to reduce the social and economic inequalities that existed in the past. The impact of the revolution has been far-reaching and has changed the lives of millions of people. The new government has implemented a series of reforms that have improved the lives of the people and have helped to build a more prosperous and stable society. The revolution has also led to a more unified and cohesive nation, and has helped to foster a sense of national pride and identity among the people. The impact of the revolution has been a positive one, and it has paved the way for a brighter future for the country.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Былъ у насъ генералъ Я—ль. Онъ скончался недавно послѣ окончанія послѣдней турецкой войны, которую тоже дѣлалъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ по складу ума, складу привычекъ и складу фигуры; онъ же обладалъ и краснорѣчіемъ, притомъ такимъ, какому въ наше стереотипное время пѣтъ подобнаго. Онъ былъ человѣкъ большой, сутуловатый, нескладный и неопрятный. Лицо имѣлъ самое некрасивое, монгольскаго типа, хотя проносилось изъ татаръ. По службѣ считался хорошимъ генераломъ и шелъ въ повышенія, но въ отношеніи образованности былъ очень своеобразенъ: литература для него не существовала, свѣтскихъ людей онъ терпѣть не могъ и на этомъ основаніи избѣгалъ даже родственниковъ по женской линіи. Особенно же не любилъ баловъ и собраній, на которыхъ притомъ и не умѣлъ себя вести. Былъ извѣстенъ случай, что однажды, подойдя къ вазамъ съ вареньемъ, онъ преспокойно выбралъ себѣ пальцами самую приглядную ягоду, пальцами же положилъ ее себѣ въ ротъ, и отошелъ отъ стола, не обращая ни на кого вниманія. Быть съ нимъ въ обществѣ одни считали мученіемъ, другіе же хотя и переносили его, но болѣе ради того, чтобы за нимъ подмѣчать его «деликатности». Но въ своемъ, въ военномъ дѣлѣ онъ былъ молодецъ, хотя тоже все съ экивоками. Подчиненные его ни любили, ни не любили, потому что сближеніе съ нимъ было невозможно, а солдаты его звали «татаринномъ». Но мы имѣемъ дѣло только до его краснорѣчія.

Военное краснорѣчіе генерала М—ля, какъ выше сказано, было оригинально и пользовалось широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Оно и въ самомъ дѣлѣ, какъ сейчасъ убѣдится читатель, имѣло очень рѣдкія достоинства. У меня есть одинъ образецъ рѣчей этого военнаго оратора, — притомъ образецъ наилучшій, ибо то, что я передамъ, было сказано при обстоятельствахъ, особенно возбуждавшихъ духъ и талантъ генерала М—ля, а онъ хорошо говорилъ только тогда, когда бывалъ потрясенъ или чѣмъ-нибудь взволнованъ.

Генераль М—ль занималъ очень видное мѣсто въ арміи. У него было много подчиненныхъ немалкаго чина, и особенно одинъ такой былъ въ числѣ полковыхъ командировъ, нѣкто Т., человекъ съ большими свѣтскими связями, что М—ля къ такимъ людямъ не располагало.

Неизвѣстно, какихъ онъ любилъ, но такихъ положительно не любилъ.

Была весна, — хорошее время года, а тѣмъ больше на югѣ. Генераль предпринялъ служебное путешествіе, съ цѣлію осмотрѣть свои «части». Онъ ѣхалъ запросто и съ однимъ адъютантомъ.

Пріѣхали въ городъ, гдѣ стоялъ полкъ Т., и въ тотъ же день была назначена «выводка».

Дѣло происходило, разумѣется, на открытомъ мѣстѣ, не-вдалекѣ за конюшнями. Офицеры стоятъ въ отдаленіи, — на обозрѣвательномъ пунктѣ только трое: генераль М—ль, у праваго его плеча—его адъютантъ, а слѣва, рядомъ съ нимъ, полковой командиръ Т.

Выводятъ первый эскадронъ: лошади очень худы.

М—ль только подвигалъ губами и посмотрѣлъ черезъ плечо на адъютанта.

Тотъ приложилъ почтительно руку къ фуражкѣ и общей миной и легкимъ движеніемъ плечъ отвѣчалъ, что «видитъ и разумѣетъ».

Выводятъ второй эскадронъ—еще хуже.

Генераль опять полковому командиру—ни слова, но опять оглядывается на адъютанта и на этотъ разъ уже не довольствуется мимикой, а говорить:

— Одры!

Адьютантъ приложился въ знакъ согласія.

Полковникъ, разумѣется, какъ на иголкахъ, и когда вывели третій эскадронъ, гдѣ лошади были еще худѣе, онъ не выдержалъ, приложился и говоритъ:

— Это удивительно, ване сѣятельство... шикакъ ихъ нельзя здѣсь ввести въ тѣло...

И—ль молчать.

— И уже,—продолжалъ полковникъ:—пробовалъ ихъ кормить и сѣчкою, и даже... морковью...

При словѣ морковь, въ смыслѣ наилучшаго или цѣлебнаго корма для лошадей, генералу показалось, что это идетъ какъ будто изъ вольнаго экономическаго общества, или другого какого-нибудь подобнаго оскорбительнаго учрежденія, и генераль долѣе не выдержалъ. Его тяжелый, по своеобразный юморъ и краснорѣчіе начали дѣйствовать,—онъ обернулся снова къ командиру и сказалъ:

— Морковь... это такъ... А я вамъ еще вотъ что, полковникъ, посоветую: попробуйте-ка вы ихъ овсомъ покормить.

И съ этимъ онъ повернулся и ушелъ, не желая смотрѣть остальныхъ «одровъ», но на завтра утромъ назначилъ смотрѣть ѣзду. Легъ онъ недовольный и всталъ недовольный, а при ѣздѣ пошли такіа же неудовлетворительности. Генераль и закинулъ и пошелъ все переѣзжать съ мѣста на мѣсто,—что у него выражало самую большую гнѣвность, которой надо было вылиться въ какомъ-нибудь соотвѣтственномъ поступкѣ: изругать кого, за пуговину подергать или же пустить такой цвѣтъ краснорѣчія, который забыть нельзя будетъ.

Дѣла пошли такъ, что командиръ самъ подалъ ему поводъ къ послѣднему, и живой даръ генерала началъ дѣйствовать

Какъ вчера полковникъ пустил себѣ на выручку морковь, такъ теперь онъ хотѣлъ найти оправданіе въ молодости эскадронныхъ командировъ. Генералу всякаго повода къ рѣчамъ было довольно, а этого даже съ излишкомъ. Услыхавъ, что вся бѣда въ томъ, что молоды офицеры,—онъ отскочилъ на своей лошади въ сторону, сдѣлалъ свою обыкновенную въ гнѣвномъ времени гримасу и страшнымъ,

громовымъ голосомъ, долетавшимъ при разстаповкахъ до послѣдняго фурштага, заоралъ:

— Вздоръ говорить изволите!.. Что это еще за манера другъ на друга ссылатся-я-я!.. Полковой командиръ долженъ быть за все въ отвѣтъ-ъ-ъ! Вы развраты этакіе затѣваете-е-е-е!.. По-о-лковой командиръ на эскадронныхъ!.. А эскадронные стануть на взводныхъ. А... взво-одные на вахмистровъ, а вахмистры на солдатъ... А солдат-ты на Господа Бога!.. А Господь Богъ скажетъ: «врите вы, мерзавцы,—И вамъ не копохъ, чтобы вашихъ лошадей выѣзжать: сами выѣзжайте!»

Это было начало и конецъ краткой, но, какъ мнѣ кажется, очень энергической рѣчи. Генераль уѣхалъ, а офицеры долго еще были въ недоумѣніи: какъ же это возможно, до чего стать доходить въ своемъ гнѣвѣ Я—ль? Особенно этимъ былъ пораженъ одинъ молодой офицеръ изъ нѣмцевъ, у котораго хранились добрыя задатки религіозныхъ чувствъ. Ему казалось, что послѣ такой выходки И—ля, онъ, какъ христіанинъ, не можетъ болѣе оставаться на службѣ подъ его начальствомъ.

Онъ думалъ объ этомъ всю ночь и утромъ, чисто одѣвшись, поѣхалъ потихоньку къ архіерею, чтобы ему, какъ самому просвѣщенному духовному лицу въ городѣ, рассказать все о вчерашней рѣчи и просить его мѣшья объ этомъ поступкѣ.

Архіерей принялъ и терпѣливо выслушалъ корнета, по съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ воспроизведенію на память генеральской рѣчи. И, по мѣрѣ того, какъ офицеръ, передавая генеральскія слова, все возвышалъ голосъ и дошелъ до «Господа Бога», то архіерей, быстро вставъ, взялъ офицера за обѣ руки и проговорилъ:

— Видите, какъ прекрасно! И какъ постѣ этого не сожалѣть, что духовное ораторство у насъ не такъ свободно, какъ военное. Почему же мы не можемъ говорить такъ разумительно? Отчего бы на текеть «просящему дай» такъ же кратко не сказать слушателямъ: не говори, алчная душа, что «Богъ подастъ». Богъ тебѣ не ключникъ и не ларешникъ, а самъ подавай... Повѣрьте, это многимъ было бы болѣе понятно, чѣмъ риторическое пустословіе, котораго никто и слушать не хочетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

То, что я ниже буду рассказывать, известно мнѣ со слов моего умершаго друга, художника петербургской академіи художествъ, Ивана Васильевича Гудовскаго, котораго, вѣроятно, еще очень многіе не забыли въ Кіевѣ. Онъ былъ хорошій мастеръ своего дѣла и очень добрый, честный и прямой, правдивый человекъ, каждому слову котораго можно было смѣло и несомнѣнно вѣрить.

Ив. В. Гудовскій — сынъ казака изъ г. Пирятина. Онъ еще въ отрочествѣ своемъ былъ привезенъ въ Кіево-Печерскую лавру и, во вниманіе къ замѣченнымъ въ немъ художественнымъ наклонностямъ, отданъ для наученія живописи въ лаврскую иконописную мастерскую. Мастерскою этою (пришедшею при митр. Арсеніи въ совершенный упадокъ) тогда завѣдывалъ іеромонахъ Иринархъ, художественныя способности котораго многіхъ не удовлетворяли. Иринарху ставили въ вину, что «кисть его надъ смертными играла»; онъ имѣлъ удивительное несчастье всѣхъ писать «на одно лицо». И на самомъ дѣлѣ, отецъ Иринархъ былъ не очень большой искусникъ, но человекъ очень рачительный и очень полезный. Митрополитъ Филаретъ Амфитеатровъ считалъ іеромонаха Иринарха хорошимъ мастеромъ по иконописанію, и едва ли митрополитъ не былъ правѣе многіхъ заѣзжихъ знатоковъ, смущавшихся тѣмъ, что у отца Иринарха «все шло на одно лицо». У него зато не было неприятной *золотаостности* академика Солицева и не было сухой *вытянутости* фигуры Пѣшехова. Вообще онъ писалъ въ иконномъ родѣ довольно пріятно, строгонькимъ, но довольно округлымъ монастырскимъ рисункомъ, въ мягкихъ тонахъ и нѣжными лассировками, что, безспорно, приличествуетъ иконописному роду живописи и очень правилось митрополиту Филарету *). Но всего болѣе о. Иринархъ былъ отлич-

*) Два современника: Филаретъ московскій (Дроздовъ) и Филаретъ кіевскій (Амфитеатровъ) между множествомъ отличавшихъ ихъ различій, различно относились и къ иконописному искусству. Филаретъ Дроздовъ, по собственному его признанію (см. письма, изд. А. П. Муравьевымъ), не зналъ толку въ этомъ дѣлѣ и даже, судя по тону письма, относился къ этому какъ будто равнодушно; но Филаретъ кіевскій любилъ иконописное дѣло и считалъ себя въ немъ свѣдущимъ. Онъ смѣло вмѣшивался въ работы по реставраціи стѣнныхъ кіевскихъ соборовъ, пока (какъ рассказывали за достовѣрное) получилъ чувствительныя для него це-

ный *школьмейстеръ*, что совершенно основательно цѣнили въ немъ покойный владыка. Лаврская школа при о. Ирнархѣ была, относительно, въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что надо было удивляться мастерству кіево-печерскихъ правителей, которые потомъ умѣли привести ее въ самое жалкое состояніе, въ какомъ я ее въ послѣдній разъ видѣлъ незадолго до кончины митрополита Арсенія, многообразныя услуги коего кіево-печерской наставѣ еще не оцѣнены. При Ирнархѣ здѣсь не только «тонко» работали, но и недурно держали учениковъ, такъ что у нихъ былъ свой товарищескій *духъ* и преданія, нѣсколько напоминавшія духъ школы старинныхъ монастырскихъ маэстро. Нѣкоторые ученики о. Ирнарха переходили изъ его школы въ академію и тамъ оказывались хорошо подготовленными по рисунку и отличались добрымъ, чисто художественнымъ настроеніемъ, дѣлавшимъ ихъ хорошими товарищами и пріятными людьми въ дальнѣйшей жизни. Все это творилъ о. Ирнархъ,—довольно строгій монахъ, но большой любитель своего ремесла и заботливый укоренитель его въ тѣхъ, кого судьба давала ему въ ученики.

Художникъ Гудовскій *пришелъ* въ Петербургъ, въ академію, изъ этой же школы о. Ирнарха, о которой до своей трагической кончины говорилъ всегда съ одушевленіемъ, какъ «о милыхъ годахъ своей юности»; въ этихъ же разсказахъ онъ не разъ упоминалъ слѣдующій анекдотическій случай, лично касающійся митрополита Филарета Амфиатрова.

«Разъ,—говорилъ Гудовскій:—мы работали лѣтомъ, внизу, подъ митрополичьими покоями*), и тамъ послѣ обѣда и отдыхали. Отецъ Ирнархъ, бывало, пообедавши, остается уснуть въ своей кельѣ, а мы, ребята, находили, что намъ лучше тутъ, потому что здѣсь было прохладнѣе, да и присмотра за нами не было; а самое главное,—что отсюда

пріятности отъ покойнаго государя Николая Павловича, желавшаго правильной реставраціи Софійскаго собора Ярослава. Но правдѣ суди, кажется, добрый старецъ болѣе любилъ искусство, чѣмъ понималъ его, и если тамъ въ фрескахъ что излишне «замалевано»,—то едва ли этого не слѣдуетъ, хотя долею, относить на его милую память.

*) Я уже не помню: была ли тутъ временная мастерская, или работы шли въ нижней домової церкви митрополичьего дома, или все это было въ Голосѣевѣ, гдѣ кіевскіе митрополиты проводятъ дачное время.

изъ оконъ можно было лазить въ митрополичій садъ, гдѣ насъ соблазнили большія, сочныя груши, называемыя въ Кіевѣ «принцъ-мадамы», которыя мы имѣли сильное желаніе отрясти.

«Послѣ долгихъ между собою совѣтовъ и обсужденія всѣхъ сторонъ задуманнаго нами предпріятія полакомиться митрополичьими принцъ-мадамами, мы пришли къ убѣжденію, что это сладкое дѣло хотя и трудно, но не невозможно. Надежно огороженный садъ никто не караулилъ, а единственный посѣтитель его былъ самъ митрополитъ, который въ жаркіе часы туда не выходилъ. Стало-быть, надо было только обезпечить себя отъ зоркаго глаза отца Ирриарха, чтобы онъ не пришелъ въ ту пору, когда мы спустимся въ садъ красть груши. А потому мы, въ одинъ прекрасный день, размѣтили посты, поставили на нихъ махальныхъ и, затѣмъ, одинъ по одному, всею гурьбою, спустились потихоньку въ угольное окно, выходявшее въ темное, тѣнистое мѣсто у стѣны, и, какъ хищныя хорьки, поползли за кустами къ самымъ лучшимъ деревьямъ.

«Все шло хорошо; работа кипѣла, и назухи нашихъ блузъ тяжело нависали. Но вдругъ, на одномъ деревѣ появилось разомъ два трисуна, изъ которыхъ одинъ былъ, вѣроятно, счастливѣе другого, и у нихъ тутъ же, на деревѣ, произошла потасовка, но въ это самое время *кто-то* крикнулъ:

«— Отецъ Ирриархъ идетъ!»

«Не разбирая, *какой изъ нашихъ махальныхъ* это крикнулъ, мы ударились бѣжать, разсыпая по дорогѣ значительную долю наворованныхъ принцъ-мадамъ. А тѣ двое, которые подрались на деревѣ, съ перепугу оборвались и оба разомъ полетѣли внизъ. И всѣ мы, столпившись кучею у окна, чрезъ которое спускались другъ за другомъ веревочкою, смялись и, плохо соображая, что намъ дѣлать, зацумѣли. Каждому хотѣлось спастись поскорѣе, чтобы не попасться отцу Ирриарху, и отъ того мы только мѣшали другъ другу, обрывались и падали. А *иди-то*, сверху надъ нами, *кто-то* весело смѣялся спокойнымъ и добрымъ старческимъ смѣхомъ.

«Это всѣ мы замѣтили, но въ суетахъ не обратили на это вниманія, тѣмъ болѣе, что когда мы успѣли взобраться назадъ въ окно и попрыгать принесенные съ собою воро-

важные запасы, то мы обнаружили, что одинъ изъ дравшихся на деревѣ былъ изъ числа нашихъ махальныхъ, которому надлежало стоять на самомъ опасномъ пунктѣ и наблюдать приближеніе отца Иринарха...

«Всѣ часы своей послѣобѣденной работы мы объ этомъ переиспытывались за своими мольбертами, а вечернею шабашкою тотчасъ же приступили къ дознанію: какъ это могло случиться, и рѣшили виновника «отдуть». Но чуть только мы хотѣли привести это рѣшеніе въ исполненіе, какъ тотъ струсилъ и, желая спастись отъ наказанія, выдалъ ужасную тайну: онъ сказалъ намъ, что не онъ одинъ, а всѣ три наши махальные не выдержали искушенія, и, покинувъ свои посты, вмѣстѣ съ нами сбѣжали въ садъ за краспобокими принцъ-мадамами».

Ночью, поѣвъ всѣ покраденныя груши, юные артисты рѣшили больше не воровать; по па-завтра забыли это рѣшеніе и снова выступили въ садъ въ томъ же порядкѣ, только съ назначеніемъ новыхъ сторожей, которые, однакоже, за исключеніемъ одного, оказались не исправнѣе прежнихъ. Не успѣли ворюшки принятыя за свое дѣло, какъ и лакомки-сторожа появились между ними,—всѣ, за исключеніемъ одного. Но и этотъ одинъ былъ плохой и злой сторожъ: оставшись при своемъ мѣстѣ, онъ умыслилъ жестокое коварство.

«— Не успѣли мы,—говорилъ Гудовскій:—приняться за работу по деревьямъ, какъ этотъ хитрецъ приложилъ руки трубкою къ губамъ и крикнулъ:

«— Отецъ Иринархъ идетъ!»

«Всѣ мы, сколько насъ тамъ было, услыхавъ это, какъ пули попадали сверху на землю и... не поднимались съ нея... Не поднимались потому, что къ одному ужасу прибавился другой, еще болѣе страшный: мы опять услышали голосъ, котораго уже не могли не узнать. Этотъ голосъ былъ тотъ самый, который насъ вчера предупреждалъ насчетъ приближенія Иринарха, но нынче онъ не пугалъ насъ, а успокаивалъ. Слова, имъ произнесенныя, были:

«— Неправда, рвите себѣ, Иринархъ еще не идетъ!»

Это былъ голосъ митрополита Филарета, котораго дѣти узнали и, приподнявъ изъ травы свои испуганныя головки, оцѣнѣли... И какъ иначе, — они увидѣли самого

его, владыку кievскаго и галицкаго, стоявшаго для нихъ на стражѣ у косяка своего окошечка и весело любовавшагося, какъ они обворовываютъ его садъ...

Какъ же приняли эти дуршо-воспитанныя дѣти такое страшное и, можетъ-быть, съ точки зрѣнія всякаго сухого педагога, конечно, очень неодобрительное отношеніе къ ихъ плохой шалости?

«— Мы, — говорилъ Гудовскій: — потеряли всё чувства отъ стыда: мы всё какъ бы окаменѣли и не могли двинуться, пока замѣнявшій намъ махальнаго митрополитъ крикнулъ:

«— Ну, теперь бѣгите, дурачки, — теперь Принархъ идетъ!»

«Тутъ мы брызнули: опять по-вчерашнему изобразились на свое мѣсто, но были страшно смущены и болѣе красть митрополитычьи груши не ходили.

«Прошелъ день, два, три,—мы все были въ страхѣ: по призоветъ ли митрополитъ о. Принарха и не откроетъ ли ему, какіе мы негодни? Но ничего подобнаго не было, хотя «милый дядуся», очевидно, объ насъ думалъ и, догадываясь, что мы безпокоимся, захотѣлъ насъ обрадовать.

«На четвертый день послѣ происшествія, вдругъ намъ принесли цѣлыя ночвы разныхъ плодовъ и большую деревянную чашу меду и сказали, что это намъ владыка прислалъ.

«— По какому же это случаю?—допытывались мы, радостно и робко принимая щедрый подарокъ. Но *случай* никакого не было, кромѣ того, о которомъ мы одни знали и крѣпко о немъ помалчивали.

«Посланный сообщилъ только, что владыка просто сказалъ:

«— Сошлите живонисцамъ-мальчишкамъ медку и всякихъ яблочекъ... Дурачки вѣдь они, имъ хочется... Пусть поточатъ».

«— Мы эти его груши и сливы,—честное слово говорю,—со слезами ѣли и потомъ, какъ онъ первый разъ послѣ этого служилъ, окружили его и не только его руки, а и ряску-то его расцѣловали, пока насъ дьякона по затылкамъ не растолкали».

Такъ онъ ихъ наказалъ и, прибавлю, наказаніе его было столь памятно, что лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого,

когда мы съ Гудовскимъ жили въ домѣ, выходившемъ на Софійскую улицу, эгооть, тогда уже пожилой художникъ, бывало, ни разу не пропуститъ мимо митрополичей кареты, чтобы не крикнуть вслѣдъ съ дѣтскою радостью:

«— Здоровъ будь, милый дидуно!»

И болѣе того: эгооть человекъ, здороваго и остраго ума, вранцавшійся въ свое время въ различныхъ кружкахъ Петербурга, не сохранилъ всей вѣры, къ которой былъ поставленъ своею церковью. Онъ былъ религіозенъ, но, къ сожалѣнію, долго жилъ съ монахами, хорошо зналъ ихъ и относился недружелюбно и даже враждебно къ духовенству вообще, и къ черному въ особенности; но на предложенный ему однажды вопросъ: гдѣ же, однако, въ какой церкви самое лучшее духовенство? отвѣчалъ:

«— Въ русской, бо изъ него выйшовъ нашъ старый дидуся Филаретъ, дуже добрый».

И Богъ вѣсть, когда пала въ эту художественную душу любовь къ «дуже доброму дидусъ». — Можетъ-быть, именно тогда, когда преемодный старецъ покрывалъ своею преемодною добротою *ребляче баговство*, которое любой педагогъ и моралистъ не усомнились бы теперь называть *воровствомъ* и даже, пожалуй, признакомъ соціалистическаго взгляда на собственность, а какой-нибудь либеральный перервертъ съ прокурорскаго кресла потребовалъ бы за все это самую строгую кару. Но, къ счастью, не такъ смотритъ на вещи не направлєнская, а настоящая добродѣтель, однимъ изъ прекрасныхъ представителей которой можетъ быть названъ Филаретъ Амфитеатровъ, о коемъ, право, кажется, можно сказать, какъ о Моисеѣ, что онъ «смирєнь бѣ паче всѣхъ человекъ».

Но чтобы сказать все, что мнѣ, случайно конечно, извѣстно объ истинномъ, неподдѣльномъ смирєнствѣ эгоого истиннаго человека, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы и не дать пронасть анекдоту, который можетъ пригодиться для характеристики простой, но замѣчательной личности митрополита Филарета, запишу еще слѣдующее событіе, извѣстное мнѣ отъ очевидцевъ,—родного дяди моего, профессора С. П. А—ва, и бывшаго генераль-штабъ-доктора крымской арміи Н. Я. Чернобаева.

Когда юго-западный генераль-губернаторъ Дмитрій Гаври-

ловичъ Бибиковъ возвратился въ послѣдній разъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ назначенъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ, то онъ посѣтилъ митрополита Филарета и, рассказывая ему новости, какія считалъ умѣстнымъ сообщить его смиренію, привелъ слова императора Николая Павловича о церковномъ управленіи.

Слова эти, очень вѣрно сохраняемые моею памятью, были таковы, что, будто покойный государь, разговаривая съ Дмитріемъ Гавриловичемъ о разныхъ предметахъ, сказалъ:

— «О церковномъ управленіи много безнормотнаго паче: пока живы Филаретъ мудрый да Филаретъ благочестивый, все будетъ хорошо».

Услыхавъ это отъ министра, митрополитъ смутился и поникъ на грудь головою, но черезъ секунду оправился, поднявъ лицо и радостно проговорилъ:

— Дай Богъ здоровья государю, что онъ такъ цѣнитъ заслуги митрополита московскаго.

— И вами, вано высокопреосвященство, — поправилъ Бибиковъ.

Филаретъ наморщилъ брови.

— Ну, какія мои заслуги?... ну что... тутъ... Государю наговорили... Все «мудрый» Филаретъ московскій, а я... что,—пустое.

— Извините, владыка: это не вамъ принадлежитъ ваша оцѣнка!

Но митрополитъ замахалъ своею слабою ручкою.

— Нѣтъ... нѣтъ, ужъ позвольте... какая оцѣнка: все принадлежитъ мудрости митрополита московскаго. И это конечно, и я униженно прошу ваше высокопревосходительство мнѣ больше не говорить объ этомъ.

И при этомъ онъ, говоря, такъ весь покраснѣлъ и до того сконфузился, что всемъ стало жалко «милаго старика» за потрясеніе, произведенное въ немъ неосторожнымъ прикосновеніемъ къ его деликатности.

Такъ дѣтски чисто и просто былъ этотъ превосходный человекъ, что всякая мелочь изъ воспоминаній о немъ наполняетъ душу пріятнѣйшею теплотою настоящаго добра, которое какъ будто съ нимъ родилось,—жило съ нимъ, и... съ нимъ умерло... По крайней мѣрѣ, для людей, знавшихъ Филарета, долго будетъ казаться, что органически ему при-

сущее добро умерло съ нимъ въ томъ отношеніи, что ихъ глазъ нигдѣ не находить другого такого человѣка, который былъ бы такъ подчиненъ кроткому добротолюбію, но по теоріи, не въ силу морали воспитанія и, еще болѣе, не въ силу сухой и вѣстой морали направленія, а именно подчинился этому требованію самымъ сильнымъ образомъ *оригинально*. Онъ родился съ своею добротою, какъ фіалка съ своимъ запахомъ, и она была его природою.

Но какъ онъ, съ такимъ характеромъ и въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, могъ править такою первоклассною епархією, какъ кіевская? Полагають, что его, вѣроятно, обманывали какіе-нибудь свои «гаврилки» (т. е. родственники) и, пользуясь его добротою, подъ его руку вершили кривду надъ правдою. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не терпѣлъ при себѣ ни одного «гаврилки» и имъ никто не правилъ, кромѣ его собственнаго сердца. Ветхій и немощный Филаретъ имѣлъ прекрасныхъ викаріевъ и замѣчательнаго намѣстника Іоанна, цынѣ епископа полтавскаго, который, можетъ-быть, болѣе сдѣлалъ *для духа* монашества лаврекаго, чѣмъ старательно прославляемый нынѣ намѣстникъ Сергіевской лавры Антоній—*для архитектуры*; но все эти лица сотрудничали м. Филарету, а не верховодили имъ. Во всехъ дѣлахъ, требовавшихъ отъ него самостоятельности, онъ дѣйствовалъ самостоятельно и до конца жизни правилъ самъ и вездѣ его доставало (только въ университетъ онъ пересталъ ѣздить, потому что «не хотѣлъ слышать о конкубинахъ») *). Даже гдѣ нужна была строгость и наибольшая

*) Пр. Филаретъ пріѣхалъ на защищеніе диссертациі, въ которой разбиралась разница права дѣтей, прижитыхъ отъ сожительства concubium и concubinatum. Митрополитъ долго крѣпился и слушалъ, но, наконецъ, не выдержалъ и всталъ. Насилу упростили его «не смущать диспутанта». Онъ это уважилъ, но жаловался.

— Что же, говорить, я монахъ, а только и слышу concubium да concubinatum. Не надо было звать меня.

И въ этомъ онъ былъ правъ. Но замѣчательно: это такъ оцѣдось у него въ памяти, что онъ, когда рѣчь касалась университетовъ, всегда любилъ за нихъ заступаться, но шутливо прибавлялъ:

— Одно въ нихъ трудно монаху, что все «concubium» да «concubinatum»,—а больше все хорошо.

Впрочемъ, изъ всехъ, такъ называемыхъ, «свѣтскихъ» наукъ, мнѣ извѣстно опредѣлительное отношеніе м. Филарета только къ медицинѣ. Тяжко страдая мочевыми припадками, онъ безпрестанно нуждался въ помощи врача З—го и, получивъ облегченіе отъ припадка, говорилъ со вздохомъ:

— Медицина—божественная наука!

энергія, онъ и тутъ не устранился отъ дѣла, а только всегда боялся быть жестокимъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Одинъ изъ памятныхъ случаевъ въ самостоятельномъ родѣ устроилъ ему бывший парадный іеродіаконъ монастыря, о. Ан—ій. Богатырь, красавецъ и жуиръ, діаконъ этотъ пользовался большими льготами въ монастырѣ, гдѣ дорожили его громоподобнымъ голосомъ и спускали ему многое, чего, можетъ-быть, не слѣдовало бы спускать. Все это его до такой степени избаловало, что онъ сталъ не знать мѣры своимъ увлеченіямъ и, приди разъ лѣтнею ночью въ изступленіе ума, вышелъ изъ кельи на житній дворъ, гдѣ на ту пору стояли вола прѣбывавшихъ съ вечера мужиковъ. Изступленному іеродіакоу пришла мысль сѣсть на вола верхомъ и начать развѣзжать на немъ по монастырю.

Онъ такъ и сдѣлалъ: отвязалъ отъ ярма самаго рослаго, полового вола, замоталъ ему на рога налыгачъ (ремень) и взмогился ему на спину. Непривычный къ верховой ѣздѣ, быкъ пошелъ реветъ, прыгать и метаться, а богатырь-діаконъ сидитъ на немъ, какъ клещъ на жукелицѣ, и, жари его каблуклами въ ребра, кричитъ: «врешь,—не уйдешь».

И волъ реветъ, и сѣдокъ реветъ; сонъ мирной обители нарушенъ,—она встревожена; спавшіе покатоми по всему двору странники въ переполохѣ мнутутся, думаютъ, что видятъ бѣса,—и вицныхахъ никто не разберетъ, кто кого деретъ. Словомъ, смятеніе произошло ужасное: шумъ, гвалтъ, суматоха и, въ заключеніе, когда дѣло объяснилось,—скандалъ и соблазнъ, утаить который было такъ же трудно, какъ сберечь секретъ Полишинеля. Нынѣшней газетной гласности, питающей отъ скандаловъ, при тогдашней тѣснотѣ еще не было, по слухъ, которымъ земля полнится, на другой же день распространился изъ монастыря въ монастырь, оттуда по приходскимъ причтамъ и, наконецъ, дошелъ до мірянъ, между коими рѣдко кто не зналъ чудака іеродіакона Ан—ія. Онъ, съ его нелѣпнымъ басомъ, гигантскимъ сложеніемъ, завитыми кудрями и щегольскими черными бархатными рясамы, то на желтомъ, то на голубомъ атласномъ подбоѣ, слишкомъ билъ въ глаза каждому. И никогда не слыхалъ, чтобы инокъ Ан—ій былъ особенно прославляемъ за свое благочестіе, какъ аскетъ, по его лю-

били, какъ простыя, за его наивную и безтолковую, а часто даже комическую удалъ, съ которою онъ, напримѣръ, самъ рассказывалъ, что онъ «изнываетъ отъ силы», потому что, по ужасно-крѣпкому своему тѣлосложенію, онъ болѣе не монахъ, а *паразитъ*.

Послѣ этого не должно показаться удивительнымъ, что вѣсть о ночномъ путешествіи лаврскаго «паразита» верхомъ на быкѣ казалась занятною, и многихъ интересовало: какія это будетъ имѣть для него послѣдствія? Но дни проходили за днями, а паразитъ оставался на своемъ мѣстѣ, и строгіе люди стали смущаться: что же это митрополитъ: онъ ослабѣлъ, онъ слишкомъ старъ, или, наконецъ, отъ него все это скрыли? Возможно ли, чтобы за все это безчинное волтижерство такого виднаго инока ему совсѣмъ ничего не было?

Но всѣ эти люди смущались напрасно: происшествіе не осталось безызвѣстнымъ владыкѣ, да это было и невозможно, такъ какъ разгоряченный воль или самъ занесъ наѣздника къ митрополичьимъ покоямъ, или же паразитъ нарочно его сюда направилъ. Владыка сталъ на высотѣ своего призванія: онъ взыскалъ съ волтижера и взыскалъ по-своему не только справедливо, но даже строго.

Управлявшій тогда лаврскою типографіею, очень образованный монахъ, къ которому я часто хаживалъ учиться гальванопластикѣ, рассказывалъ мнѣ по секрету всю сцену назбирательства этого дѣла у Филарета.

Митрополитъ, имѣя, какъ я сказалъ, превосходнаго наѣстника въ лаврѣ, не захотѣлъ даже ему довѣрить разбора этого необычайнаго дѣла, а рѣшилъ самъ его разобрать и наказать виновнаго *примѣрно*.

Какъ иннокъ строгой жизни, онъ, разумѣется, былъ сильно возмущенъ и разгнѣванъ произведеннымъ безпорядкомъ и собирался быть такъ строгъ, что даже опасался, какъ бы не дойти до жестокости.

Приступая къ открытію судьбища, онъ все обращался къ кому-то изъ приближенныхъ къ нему монаховъ и говорилъ:

— Боюсь, что буду жестокъ—а?

Тотъ его успокоивалъ, говоря, что виновный стоитъ сильнаго наказанія.

— Да, стѣбитъ онъ, дуракъ, стѣбитъ, но я боюсь, что я буду уже очень жестокъ—а?—твердить митрополитъ.

— Ничего, ваше высокопреосвященство! Онъ снесетъ.

— Снесетъ-то снесетъ, но вѣдь это не хорошо, что я буду очень жестокъ.

Насталъ часъ суда, — разумѣется — суда *калейнаго*, происходившаго только въ присутствіи двухъ-трехъ почетныхъ старцевъ.

Виновный, думавшій, что имъ очень дорожатъ за голосъ, мало смущаясь, ожидалъ въ передней, а владыка, весьма смущенный, сѣлъ за столъ и еще разъ освѣдомился у одного изъ приближенныхъ, какъ тотъ думаетъ: не будетъ ли онъ очень жестокъ? И хотя тотъ его успокоилъ, но онъ все еще просилъ:

— А на случай, если я стану жестокъ, то вы мнѣ поговорите за него что-нибудь подобре.

Открылся судъ: ввели подсудимаго, который какъ переступилъ порогъ, такъ и сталъ у двери.

«Жестокій» судья для внушенія страха принасунился, завертѣлъ въ рукахъ свои бѣленькія костяныя чотки съ голубою бисерною кисточкою и заневелилъ беззвучно губами.

Богъ его знаетъ: изливалъ ли онъ въ этомъ беззвучномъ поноутѣ самыя жестокія слова, которыя намѣревался сказать виновному, или... молился о себѣ и, можетъ-быть, о немъ же. Последнее вѣрише.. Но вотъ онъ примѣрился говорить вслухъ и произнесъ проглаголю:

— Ишь, кавалеристъ!

Дьяконъ упалъ на колѣни.

Филаретъ привсталъ съ мѣста и, строго хлопнувъ рукою по столу, зашибъ палецъ. Это, кажется, имѣло вліяніе на дѣло: владыка долго дулъ, какъ дитя, на свой палецъ и, получивъ облегченіе, продолжалъ живѣе:

— Что, кавалеристъ!

Виновный упалъ ницъ и зарыдалъ.

Митрополитъ изнемогъ отъ своей жестокости: онъ опять подулъ на палецъ, повелъ вокругъ глазами и, опустясь на мѣсто, закончилъ своимъ добрымъ баскомъ:

— Пошелъ вошь, кавалеристъ!

Судъ былъ конченъ; послѣдствіемъ его было такое незначительное дисциплинарное монастырское взискаше, что сторонніе люди, какъ я сказалъ, его даже вовсе и не за-

мѣтили; по митрополитѣ, говорятъ, еще не разъ возвращался къ обсужденію *своего* поступка. Опъ все находилъ, что онъ «былъ жестокъ», и когда его въ этомъ разувѣрили, то онъ даже тихонько сердился и отвѣчалъ:

— Ну, какъ же я не жестокъ: а отчего же онъ, бѣдный, плакать?

Атлетъ-черноризецъ, котораго терпѣлъ и о которомъ такъ соболѣзновалъ «добрый дидуня», однако, погибъ. По его собственнымъ словамъ, онъ «за свои грѣхи пережилъ своего благодѣтеля», но не пережилъ своей слабости.

Много лѣтъ спустя, въ одну изъ своихъ побывокъ въ Кіевѣ, я ѣздить съ моими родными и друзьями погулять въ лѣсистую пустынь Китаевъ. Обходя монастырь, со стороны пруда, надъ бѣлплымъ токомъ, гдѣ выкладываютъ на солнце струганный воскъ съ свѣчнаго завода, я увидалъ у св. брамы колоссальную фигуру монаха съ совершенною сѣдою головою и въ одномъ подрясникѣ.

Онъ разговаривалъ съ извѣстною всѣмъ китаевцамъ бродячкою «монашескою дурочкою», а возлѣ него, безцеремонно держа его за рукавъ, стоялъ послушникъ (по-кіевски *слимакъ*) и урезонивалъ его идти домой.

Я всмотрѣлся въ лицо богатыря и узналъ его: это былъ оный давній «паразитъ», давній мнѣ много красокъ для лица, выведеннаго мною въ *Соборникахъ*, діакона Ахиллы.

Я заговорилъ съ нимъ, но онъ меня не узналъ, а когда я ему напомнилъ кое-что прошлое, онъ вспомнилъ, осклабился, но сейчасъ же поцесъ какой-то жалкій, нескладный и безстыдный вздоръ.

Это былъ человекъ уже совершенно погибшій: въ немъ умерло все человѣческое,—все, кромѣ того, что не умираетъ въ душѣ самаго падшаго русскаго человека: онъ сохранилъ рѣдкую способность—*добро помнить*.

При одномъ имени покойнаго Филарета онъ весь съезжился, какъ одержимый, и, странно стукнувъ себя своимъ могучимъ кулачищемъ въ самое темя, закричалъ:

— Подлецъ я, подлецъ!—я огорчалъ его, моего батьку!— и съ этимъ онъ такъ ужасно зарыдалъ, что слимакъ, считя это неприличнымъ, повернулъ его за плечи къ брамѣ, шихнулъ въ калитку и сказалъ:

— Уже годъ,—идить до дому. Цо у въ васъ оныть вода плачетъ.

Паразитъ пошесть:—крѣпость его, видно, уже ослабѣла, и онъ привыкъ повиноваться,—но плакала въ немъ, мнѣ кажется, все-таки *не одна вода*.

Но возможенъ вопросъ: гдѣ же доказательство, что добрякъ Филаретъ не портилъ служебнаго дѣла своею младенческою простотою и правилъ енархіею не хуже самыхъ непростыхъ?

Доказательства есть, хотя ихъ надо взять не изъ сухихъ цифръ официального отчета, а изъ живыхъ сравненій, какъ говорится, *«отъ противнаго»*.

Что оставилъ митрополитъ Филаретъ въ наслѣдіе своимъ наступникамъ? Сплошное, однородное населеніе, самымъ трогательнымъ образомъ любившее своего «старесельскаго дядюсю», и обители, въ которыхъ пoboжные люди ослили духъ схимника Паросенія,—этого дивнаго челоуѣка, тихая слава котораго была равна его смиренію, даже превосходившему смиреніе его владыки.

Отъ завѣщаль церкви «дита своего сердца» (племянника) преосв. Антонія, почивнаго архіепископа казанскаго, у котораго, можетъ-быть, не было недостатка въ сильныхъ недоброжелателяхъ, по который тѣмъ не менѣе, конечно, небезосновательно, пользовался уваженіемъ и любовью очень многихъ людей въ Россіи, ожидавшихъ отъ него большихъ услугъ церкви.

А посему можно думать, что Русь судить о церковномъ правительствѣ митрополита Филарета Амфитеатрова правильно: она держится въ этомъ словъ своего Божественнаго Учителя: *«дерево узнается по плодамъ»* (Мѡ. 12, 33).

Не мнѣ одному, а многимъ, давно кажется удивительнымъ: почему такъ много говорится объ «истинномъ монашествѣ» митрополита Филарета московскаго и, при этомъ, *никогда* не упоминается объ *истиннѣйшемъ* монахѣ Филаретѣ кіевскомъ *). Не дерзая ни одного слова сказать про-

*) Строки эти были уже набраны, когда на страницахъ журнала «Русскій Архівъ» появились безцѣльные извѣстія, восполняющіи правительственный обликъ митр. Филарета Амфитеатрова и характеризующіи отношенія къ нему императора Николая Павловича.

тивъ перваго, я все-таки имѣю право сожалѣть, что его монашество какъ-будто совсѣмъ застигаетъ того, кого еще при жизни звали не иначе, какъ «*папъ амель*». Вся жизнь митрополита Филарета Амфитеатрова можетъ быть поистинѣ названа *самою монашескою* въ самомъ наилучшемъ понятіи этого слова... Но кажется и объ этихъ высокихъ людяхъ надо сказать то, что Сократъ сказалъ о женщинахъ, т. е. что «лучше всѣхъ изъ нихъ та, о которой нечего рассказывать»,—или, по крайней мѣрѣ, нечего рассказывать въ апологіяхъ, а достаточно вспомнить несчастнымъ вечеромъ, у домашняго очага, гдѣ тѣло согрѣвается огонькомъ, а душа тихою бесѣдою о *добромъ человѣкѣ*.

Память подобныхъ людей часто не имѣетъ мѣста въ исторіи, но зато она легко переходитъ въ *жизнѣя*,—эти священныя саги, которыя благоговѣнно хранить и чтить память народовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ милостиваго Филарета кіевскаго перейдемъ къ другому, тоже очень доброму старцу, епископу Н—ту. Этотъ былъ въ многомъ—гораздо болѣе веселомъ родѣ, но тоже чрезвычайно просто, а при всемъ этомъ правилъ епархію такъ, что оставилъ ее своему наступнику ничуть не хуже иныхъ прочихъ.

Въ отдаленной восточной епархіи, гдѣ недавно «окончили жизнь свою смертію» пр. Н—тъ, находятся большія имѣнія

Когда возобновляли великую церковь Кіево-Печерской Лавры, мѣстные художники закрыли старинныя фрески новою живописью, масляными красками. Это считалось и тогда преступленіемъ, а потому была назначена коммисія, и синодъ постановилъ митрополиту Филарету сдѣлать выговоръ. Государь написалъ на докладѣ: «Оставить старика въ покоѣ; мы и такъ ему насолали».

Въ первый затѣмъ прїѣздъ государя въ Лавру, митрополитъ Филаретъ, послѣ обычнаго молебствія, указавъ на группу чернецовъ, сказалъ:

— «Вотъ, ваше величество, художники, расписывавшіе храмъ».

— «Кто ихъ училъ?»—спросилъ государь.

— «Матерь Божія»,—отвѣчала простодушно владыка.

— «А! въ такомъ случаѣ и говорить нечего»,—замѣтилъ императоръ.

Судя по времени, къ которому относится этотъ рассказъ, нельзя сомнѣваться, что въ числѣ художниковъ, подучившихъ непосредственные уроки отъ Матери Божіей, былъ представленъ и знаменитый от. Принархъ, писавшій святыхъ «па одно лицо».

г-на Н., очень богатаго и чрезвычайно набожнаго человѣка, устроившаго себѣ житницу отъ винныхъ операцій *). Набожность г-на Н. такъ велика, что близкіе люди этого праведника, не будучи въ состояніи оцѣнить это настроеніе, готовы были принять ее за требующую лѣченія мацію.

Иноческое фантазированіе довело этого человѣка до того, что онъ совсѣмъ очудачѣлъ. Онъ не только «цѣлодневно молился», но даже спалъ въ какой-то освященной «срачицѣ», опоясанный пояскомъ съ монетами св. Митрофана, въ рукавичкахъ св. Варвары и въ шапочкѣ Іоанна Многострадальнаго, а проснувшись, занимался химіей: дробилъ «херувимскій ладанъ» изъ пещеры гроба и гомеопатически разсыропливалъ св. елеи и воду для раздачи несчастнымъ.

Эти благочестивыя занятія, однако, ему тоже были вмѣнены въ вину и отнесены къ наученію монашескому, хотя можетъ-быть химикъ получилъ пристрастіе къ подобнымъ занятіямъ гораздо ранѣе. Таковъ этотъ замѣчательный человѣкъ и понынѣ: онъ—строитель церквей, постникъ и ненасытныи любитель странниковъ, монаховъ, а наипаче читель архіереевъ, съ которыми неустанно ищетъ сближенія—желаетъ отъ нихъ *освятиться*. Когда онъ долго не сподобляется архіерейскаго благословенія натурою, онъ испрашиваетъ онаго письменно. Въ обширныхъ помѣстьяхъ Н., соединенныхъ въ той же отдаленной глухой мѣстности, до сихъ поръ водятся «пустынники», которыхъ онъ завелъ, и онъ же ихъ кроетъ отъ нескромныхъ очей міра и особенно отъ полицейскихъ властей. Это разведеніе и береженіе пустынниковъ стѣнитъ дорого и, вдобавокъ, Н. не мало претерпѣваетъ отъ нихъ и за нихъ, такъ какъ они порою балуются и попадаются въ дѣлахъ нецустынническихъ. Въ собственныхъ селахъ Н. самыя лучшія церкви, въ которыхъ всегда все въ исправности: чистота, порядокъ, книжный обиходъ, утварь и ризница, — словомъ, все благолѣпіе въ величїи. А въ селѣ, гдѣ живетъ самъ Н., «храмъ сіяетъ», при немъ два штата и ежедневное служеніе, которое изму-

*) Извѣстный авторъ сочиненія о томъ, какимъ святымъ въ каковыхъ случаяхъ надо молиться, пермскій протоіерей Поповъ напечаталъ, будто весь наступающій разсказъ, конечно очень несправедливый, касается одного *пермскаго* епископа и *пермскаго* же помѣщика г-на П. Д. Д—ва. Пусть это такъ и остается, какъ постарался правдивый протоіерей о. Поповъ.

ченныя г-номъ Н. священнослужители называютъ «бозчеловѣчнымъ», оттого, что при немъ не присутствуетъ *ни одного челоуька*. Таковъ уставъ благочестиваго владыки, которому, конечно, не смѣть и подумать возражать выполнѣ отъ него зависимый причтъ духовенства.

Къ лицамъ блага духовенства Н. строгъ до немилосердія и докучливъ даже болѣе, чѣмъ покойный Андрей Николаевичъ Муравьевъ, котораго, какъ извѣстно, звали въ шутку то «несостоявшимся оберъ-прокуроромъ», то «генераль-инспекторомъ напомаства». Впрочемъ, при огромномъ ихъ сходствѣ по ревности къ храму и по лютости къ храмовымъ служителямъ, они совсѣмъ не похожи другъ на друга въ томъ отношеніи, что покойный Андрей Николаевичъ былъ знатокъ церковныхъ уставовъ и порядковъ и могъ въ нихъ наставить много настоятеля, а у г. Н. такого знанія нѣтъ. Кромѣ познаній въ химіи и гомеопатическихъ дѣленіяхъ освященныхъ твердыхъ тѣлъ и жидкостей, онъ во всемъ церковномъ челоуькѣ кругомъ темный, и оттого у него нѣтъ той рѣшительности и смѣлости, которыми былъ одержимъ А. П. Муравьевъ, дерзавшій произнести осужденіе не только священникамъ и священноинокамъ, но даже иереосвященнѣйшимъ владыкамъ и всему ихъ святѣйшему собору. Н. не повиненъ въ такихъ знаніяхъ, но зато не виноватъ и въ дерзости, за кои А. П. Муравьевъ, вѣроятно, порядкомъ посудится съ обработанными имъ чернецами *).

*) До чего покойный Андр. Ник. Муравьевъ негодовалъ на высшихъ представителей церкви, могутъ знать только тѣ, кто видалъ его въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ контрпровалъ. Богъ-вѣсть изъ-за чего, съ митрополитомъ Арсеніемъ. Раздраженіе противъ сего владыки привело Андрея Николаевича въ состояніе величественнаго наоса, въ которомъ онъ даже пророчествовалъ, предсказывая, кою смертью будутъ скорѣ скончаваться самыя величественныя столпы церкви. Но предусмотрительный митрополитъ Арсеній, до котораго, вѣроятно, доходили отголоски этого пророчества, повелъ дѣло такъ тонко, что переживя Андрей Николаевича и успѣлъ ему хоть мертвому сдѣлать самую чувствительную неприятность: онъ затруднилъ его выносъ и погребенію въ Андреевской церкви и чуть не успѣлъ совсѣмъ лишитъ его права почивать подъ сводами храма. Остальныя пророчества, которыхъ и былъ слушателемъ, тоже еще не исполнились: всѣ возмущавшіе покой Андрея Николаевича «вредоносцы церкви»—здравы и невредимы. Но если онъ нѣвѣрно пророчествовалъ, то вознаградиъ это удивительной законченностью своего собственнаго жизненнаго пути. Цѣлую жизнь инспектируя священнодѣйствія, онъ умеръ въ этихъ же самыхъ занятіяхъ. Наканунѣ смерти онъ пожелалъ особороваться. Таинство это, во главѣ другихъ лицъ,

Г-нъ Н. не таковъ: онъ простецъ и беретъ все отъ одного вдохновенія,—отчего ему угодить трудно и даже невозможно, если блюсти свое правило и хоть немощно хранишь свое достоинство, о коомъ позволяет заботиться Сирахъ. — Составляя себѣ придворный штатъ духовныхъ, Н., обыкновенно, собиралъ кондуитъ человекъ изъ архива всѣхъ четырехъ вѣтровъ и вообще мѣнялъ и перемѣнялъ лицъ до тѣхъ поръ, пока найдется искусникъ ему по обычаю. Тутъ бываетъ отпускъ, пока подъ ловкача не подберется мастеръ еще ловчѣе. Игра идетъ до тѣхъ поръ, пока увидятъ, что сѣвнѣй на мѣсто новый священнослужитель основательно овладѣлъ своимъ господиномъ. Для этого же нужны: во-первыхъ, чувствительность въ служебнн; во-вторыхъ, любовь къ «таинственнымъ уединеніямъ» въ лѣсахъ или на верхней горницѣ; въ-третьихъ, равнодушіе и сухость къ женѣ, и, въ-четвертыхъ, подъ секретомъ сообщенный тайный обѣтъ монашества. Все это ловкіе люди находятъ возможность продѣлывать вполне удовлетворительно, а когда Н. такими ихъ заслугами его вкусу расположится въ ихъ пользу, тогда и ему начинаютъ открываться ихъ заслуги передъ немомъ: онъ сподобляется видѣть сіяніе или около лица самого священника, или вокругъ потира, который тотъ износитъ. Съ этихъ поръ дѣло священнослужителя становится крѣпко, и если бы Н. послѣ этого даже самъ увидалъ такового дивотворца въ часы уединенія играющаго въ верхней горницѣ въ карты, или сидящаго зимою, подъ вечерокъ, у печки, обнявшись съ женою, то все это ему не только проститъ,

совершалъ Филаретъ (Филаретовъ), бывший викаріѣ уманскій, нынѣ епархіальный архіерей рижскій. Вольной во время соборовапіа былъ уже такъ слабъ, что не подавалъ голоса. Но когда служба была окончена, и архіерей сталъ разоблачаться, умирающій, ко всеобщему удивленію, совсемъ неожиданно произнесъ:

— «Благодарю: таинство совершено по чину».

Таковы были его послѣднія слова на землѣ.

Этой, какъ нельзя болѣе отвѣчающею всегдашнему его настроенію фразою Муравьевъ окончилъ свою генераль-инспекторскую службу русской церкви и доказалъ, что онъ былъ одинъ изъ рѣдкихъ, тишескихъ, послѣдовательныхъ и вполне законченныхъ характеровъ. По крайней мѣрѣ, его не могутъ превзойти ни старый Домби у Чарльза Диккенса, ни та старушка у Тургенева, которая сама хотѣла заилать рубль за свою отходную. Эта послѣдняя черта, по моему мнѣнію, непременно должна бы украсить біографію «несостоявшагося оберъ-прокурора», которая, вообще, могла бы быть очень интересною.

но даже и не вѣннть въ вину, а отнесеть къ «искушенію», отъ котораго праведному человѣку трудно укрыться. Для того «преобладающу грѣху и преизбыточествуетъ благодать».

Изъ того, что мною вкратцѣ сказано, знатокамъ церковно-бытовой жизни, конечно, будетъ довольно понятно, коего сорта набожность и благочестіе у самого г. Н. и коего духа люди могутъ уживаться съ нимъ и угождать *его благочестію*... Для несвѣдущихъ же пояснить это долго и, можетъ-быть, опасно, — «да не соблазнится ни одинъ отъ малыхъ сихъ». Но весь этотъ отмѣнный подборъ отмѣнныхъ духовныхъ не могъ умолить Провидѣніе, чтобы всѣ женатые сыновья и замужнія дочери г. Н. овдовѣли и ушли въ монастырь, куда онъ и самъ желалъ бы уйти, чтобы тамъ «помириться съ Богомъ».

Изъ всѣхъ своихъ родныхъ Н. сподобился устроить въ монашество только одного, запутавшагося въ дѣлахъ, свояка, но и то неудачно. Тотъ оказался до такой степени легкомысленнымъ, что даже изъ монастыря давалъ поводы къ соблазну младшимъ. Такъ, напр., получивъ, однажды, нисъмо отъ племянницы, институтки, онъ написать ей: «не адресуй мнѣ *его благородію*: я уже монахъ, а монахъ благороднымъ быть не можетъ». И этотъ бѣдный инокъ, хотя и былъ скоро поставленъ въ іеромонахи К—го монастыря, но не выдержать, зацѣлъ и умеръ.

Вся семья Н., очень многочисленная и очень почтенная, тоже не тяготеетъ къ иночеству. Молодые люди, осемьянчившись, пѣжно любятъ свои семейства и религіозны, въ свою мѣру, по-русски; съзкаясь лѣтомъ къ отцу, они даже прекрасно поютъ на клиросѣ сельской церкви, и никакихъ религіозныхъ сомнѣній и споровъ не любятъ. Если же между ихъ случайно явится беспокойный совопросникъ, то такового отсылаютъ обыкновенно «переговорить съ батюшкой»; а этого, сколько извѣстно, всякій еретикъ боится хуже огня геенскаго и продолжительнаго разговора о религіи съ нимъ не выдержитъ. Словомъ, всѣ дѣти Н. простые, добрые, очень милые люди, безъ всякой *ханжеской претенціозности*.

Преосвященный Н — ть поступилъ изъ г. В. въ г. П. послѣ архіерея суроваго, большого постника, съ которымъ старшій Н. былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и желалъ

точно такія же отношенія учредить съ Н. Но при первомъ же визитѣ у нихъ дѣло пошло неладно.

Н. явился къ новому владыкѣ съ нѣкогда знаменитымъ цензоромъ г. Z., святошество котораго на многихъ дѣйствовало неприятно. Владыка, добрый, весьма почтенный старичокъ, еще не совсѣмъ отдохнулъ и, къ тому же, былъ еще разстроенъ тѣмъ, что доставившійся ему двухэтажный домъ въ г. П. былъ гораздо хуже одноэтажнаго дома въ г. В., а поправлять его было *не на что*. Да, буквально не на что!... Архіерей былъ *бѣденъ* и хотя у него было триста руб., которые онъ, по его словамъ, «заработалъ честнымъ трудомъ», но онъ поэтому-то и не хотѣлъ отдать ихъ на поправку архіерейскаго дома. Притомъ же ему было досадно, что его *повысили*,—при переводѣ произвели изъ епископовъ въ архіепископы, а болѣе существеннаго ничего не дали. Онъ этимъ обижался, находя, что ему «позолотили шлюлю». Вдобавокъ ко всему, владыка отдыхалъ отъ своего весьма дальняго пути и несовсѣмъ хорошо себя чувствовалъ, а нетерпѣливые благочестивцы въ это время на него набѣжали. Усталый архіерей началъ позѣвывать и замѣчать:

— Не къ дождю ли? что-то морить...

И, дѣйствительно, пошелъ дождикъ, сначала маленькій, а потомъ и большой.

— Эге, да вамъ надо зонть,—сказалъ владыка и велѣлъ подать зонтикъ, съ которымъ онъ имѣлъ привычку гулять по саду.

Оба святоши встали, но вотъ новая бѣда: оба они считали слишкомъ большою для себя честью «идти подь *ладычнымъ* зонтикомъ» и стали перекоряться.

— Нѣтъ, я не могу, я чувствую, что я не достоинъ идти подь *ладычнымъ* зонтикомъ.

— А нѣтъ, уже идите вы,—я еще менѣе достоинъ держать *ладычный* зонтикъ.

И все это у самаго крыльца, подь окнами у владыки, а дождь ихъ такъ и поливаетъ.

Въ это время откуда ни возьмись какой-то балда и говоритъ:

— Оба вы не достойны ходить съ *ладычнымъ* зонтикомъ, а потому я его у васъ беру.

И съ этимъ, хватя! да и былъ таковъ, а глядѣвшій на все это владыка, вмѣсто того, чтобы разсердиться и послать погоню, расхохотался и говоритъ:

— А что же такое: это презенты! онъ умно разсудить! Что за святиня, взаправду, въ моемъ зонтикѣ?

Н. и З. долго ломали головы: какъ могъ такъ опрометчиво сказать владыка и не есть ли это своего рода нигилистическая ересь?

Вскорѣ затѣмъ епископъ сталъ собираться лѣтомъ сдѣлать объѣздъ части своей обширной епархіи. Узнавъ объ этомъ, Н. тотчасъ же просилъ его не лишить своего посѣщенія его «пустынку» и благословить его дѣтей, которыя обыкновенно связываются къ старику на лѣто изъ Петербурга.

Владыка едва-ли считалъ пужнымъ быть въ «пустынкѣ», гдѣ, какъ онъ достаточно зналъ, благодаря усердію помѣщика, не только все внѣшнимъ образомъ исправно, но даже великолѣпно; однако, по добротѣ своей и по отличавшему его неумѣнію говорить слово «нѣтъ», онъ склонился на просьбу Н. и далъ ему обѣщаніе быть у него въ гостяхъ около Петрова дня.

Къ Петрову дню молодые люди, живущіе обыкновенно въ столицѣ, всегда пріѣзжали на отдыхъ къ отцу въ «пустынку», и потому обѣщаніе архіерея было во всѣхъ отношеніяхъ удобно и пріятно для благочестиваго хозяина. Зародя еще объ этомъ было возвѣщено мѣстнымъ причтамъ, которые сейчасъ же и взялись за «Божіе дѣло», т.-е. начали тщательно перетирать всѣ вещи въ храмѣ и мыть стекла, а самъ Н. въ это время блаженствовалъ за хлопотами по приготовленію помѣщенія для владыки. Ему, разумѣется, устраивали покои въ домѣ, а во флигеляхъ—для его свиты, которая у прежнихъ здѣшнихъ архіереевъ всегда была очень обширна. Въ покои владыки наставили иконъ и настлали передъ ними ковровъ, чтобы его преосвященству «не грубо было кланяться», а въ свитскихъ покояхъ, во флигелѣ, учредили «столы», такъ чтобы все, могущее здѣсь произойти, произошло *скромно*. Н. былъ увѣренъ, что, когда здѣсь вся челядь будетъ нитаться, онъ съ владыкою поведетъ цѣлонощную Никодимову бесѣду и сподобится самъ прочесть его высокопреосвященству полунощницу.

Затѣмъ, оставалось только ждать этой радости и притомъ недолго: около Петрова дня, въ самую веселую сельскую пору уборки покосовъ, въ «пустынку» прискакалъ за десять верстъ выставленный Н. нарочный съ извѣстіемъ, что владыка ѣдетъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

И. тотчасъ же сѣлъ въ экипажъ и поскакалъ навстрѣчу «дорогому гостю».

Помѣщикъ выѣхалъ одинъ, потому что не считалъ удобнымъ представлять владыкѣ дѣтей на дорогѣ и, къ тому же, онъ не зналъ, «какъ его преосвященство съ нимъ обойдется». Послѣ происшествія съ «владычнымъ зонтикомъ» И. нѣсколько сомнѣвался насчетъ владыки, и сомнѣвался даже до такой степени, что не былъ увѣренъ, удостоить ли владыка пересадить его къ себѣ въ карету, какъ это дѣлали всѣ его предшественники, или же оставить его скакать по-полцимейстерски спереди или сзади. Это, и въ самомъ дѣлѣ, могло серьезно озабочивать И., потому что онъ очень любилъ почетъ, и всѣ прежніе и—скіе владыки обыкновенно сажали его съ собою въ карету. Отчего же было его этимъ не утѣшить, особенно послѣ такой *двумысленной* исторіи съ «владычнымъ зонтикомъ», которую человекъ болѣе рѣшительный назвалъ бы просто «владычнымъ нигилизмомъ»?

И вотъ, съ небольшимъ черезъ полчаса, на пологомъ косогорѣ, далеко видномъ съ верхняго этажа дома, показался быстро несущійся столбъ пыли, а въ немъ архіерейскій поѣздъ, который, однако, оказался очень малымъ. Къ храму подокакали только троещныя дрожки, въ которыхъ сидѣлъ нѣсколько недовольный или смущенный И., а въ каретѣ очень простой старичокъ съ добродушнымъ лицомъ, въ черномъ клубчикѣ, за нимъ же, въ заднемъ кабріолетѣ за каретою, человекъ, который одинъ и составлялъ *всю свиту* архіерея. Это, между прочимъ, было одною изъ причинъ замѣтнаго на лицѣ хозяина смущенія. И. не привыкъ къ такой простотѣ и считалъ ее новымъ признакомъ всюду проникающаго нигилизма, который могъ имѣть дурное вліяніе не только на крестьянъ, но и на дѣтей владыка и на самое духовенство. Къ тому же, эта, столь желанная и столь благодѣтельная для бѣднаго сельскаго духовенства, простота оставляла безъ употребленія многое изъ приготовленнаго къ угощенію предполагаемой обширной компаніи и портила весь эффектъ встрѣчи. Даже и «исползаетидеснота» покому было грянуть при входѣ владыки. Какъ хотите судите, а добрый православистъ не могъ оставаться спокоенъ и доволенъ, видя такое «разореніе отечскаго обычая».

Но, кромѣ того, N. имѣлъ еще сугубое огорченіе въ томъ, что владыка не только не посадилъ его въ карету, а даже «уязвилъ его» за усердіе. А именно, онъ просто расклапался съ N. въ окно и спросилъ:

— Куда поспѣшаете? вѣрно по дѣлу хозяйственному? Резенты! Дѣла прежде всего, а я и безъ васъ справлюсь.

— Нѣтъ, какъ можно, владыка! И нарочно выѣхать на встрѣчу вашему преосвященству.

— А для какой причины?

N. смѣшался: онъ не ожидалъ такого страннаго вопроса и отвѣчалъ:

— Такъ... хотѣлъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Ну, вотъ! эка дѣло какое! Это и дома бы можно.

— Хотѣлъ благословенія, владыко...

— Ага! благословенія; ну, Боже васъ благослови,—отвѣчалъ владыка: — а теперь садитесь же поскорѣй на свое мѣсто да погоняйте. Жарынь, я усталъ, въ холодокъ хочется.

И, усадивъ N. на его прежнее мѣстечко, владыка прикатилъ, какъ доселѣ ѣхалъ, одинъ въ своей каретѣ и затѣмъ непосредственно началъ рядъ крайне смущавшихъ благочестиваго хозяина «странныхъ поступковъ, въ нигилистическомъ стилѣ».

Во-первыхъ, епископъ ходилъ скоро и когда, при вступленіи его въ церковь, дѣти помѣщика (между коими одинъ былъ въ мундирѣ кавалерійскаго офицера) пропѣли «Достоинно есть» и «исполатіе», то онъ остановился и слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, а потомъ похвалилъ ихъ и, скоро обойдя храмъ, опять принялся хвалить ихъ стройное пѣніе. Узнавъ же отъ молодыхъ людей по выходѣ изъ церкви, что они составляютъ домашній хоръ, которымъ исполняютъ оперное хоровое пѣніе, пожелалъ послушать ихъ *святое пѣніе*. Это старому N. казалось уже совсѣмъ соблазнительно, а молодые съ удовольствіемъ спѣли для епископа нѣсколько мѣстъ изъ «Жизни за Царя» и изъ «Руслана», а также изъ «Фауста» и изъ «Пророка».

Владыка все слушалъ и все одобрялъ. Затѣмъ, усмотрѣвъ, что не далеко передъ домомъ на лужайкѣ убираютъ сѣно, онъ захотѣлъ пройтись на покосъ и былъ такъ простъ, что взялъ изъ рукъ одной дѣвушки грабли и самъ прогребъ

рядь сухого сѣна. А на обратномъ пути съ сѣнокоса къ дому, повстрѣчавъ возы съ сѣномъ, онъ до того увлекся мѣрскими воспоминаніями, что проговорилъ изъ козловскаго «Чернеца»:

— Вотъ возъ, укладенный снопами,
И на возу, среди сноповъ,
Сидитъ въ вѣнѣ изъ васильковъ
Младенецъ съ чудными глазами.

И опять все простое свѣтское, а ничего ни о запахахъ, ни о дьяконахъ, и вообще ни о чемъ божественномъ. Къ вечеру же владыка даже пожелалъ половить въ мѣстномъ пруду карасей, смотрѣлъ на эту ловлю съ большимъ удовольствіемъ и не разъ ее похваливалъ, приговаривая:

— Хорошая работка,—апостольская! Надо быть ближе къ природѣ,—она успокоиваетъ. Иисусъ Христосъ все горки любилъ, да при озерцахъ сиживалъ. Хорошо надъ водою думать.

И такъ онъ провелъ весь день, совсѣмъ безъ всякихъ разговоровъ о странникахъ и юродивыхъ, и, покушавъ чаю, отказался отъ ужина и попросилъ себѣ только «Христову кушанья», т.-е. *печеной рыбки*. Затѣмъ онъ ушелъ въ отведенныя ему комнаты, но отъ услугъ Н., который его сопровождалъ и просилъ позволенія прочитать ему полунощницу, отказался, сказавши:

— До полунощи еще далеко; я тогда самъ помолюсь, а пока принлите-ка мнѣ какой-нибудь журнальчикъ.

— Какой прикажете, владыка: «Странникъ» или «Православный Собесѣдникъ»?

— Ну, эти я дома прочту, а теперь нѣтъ ли—гдѣ господи Щедринъ пишетъ?

Старый Н. этого не понялъ, но молодые поняли и послали владыкѣ «Отечественныя Записки», которыя тотъ и читалъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему прислѣлъ часъ становиться на полунощницу. Своего дѣла онъ, несмотря на всю усталость, не опустилъ,—огонь въ его окнахъ свѣтился далеко за полночь, а рано утромъ, на другой день, епископъ уже далъ духовенству аудіенцію, но опять очень странную: онъ переговорилъ съ духовенствомъ *на ходу*,—гуляя по саду, и потомъ немедленно сталъ собираться далѣе въ путь, въ городъ О.

Бенефисъ, который готовилъ себѣ въ архіерейскомъ по-сѣщеніи N., совершенно не удался и только «высокое по-чтеніе къ сану» воздерживало хозяина отъ критики «не по поступкамъ поступающаго» гости. Зато младшее поколѣніе было въ восторгѣ отъ милой простоты владыки, и владыка, въ свою очередь, повидимому, чувствовалъ искренность серд-ечно возлюбившей его молодежи.

Это можно было видѣть изъ всего его поведенія и осо-бенно изъ того, что, не соглашаясь оставаться обѣдать по просьбѣ самого N., онъ не выдержалъ и сдался, когда къ нему приступили съ этою просьбою кавалеристъ, два сту-дента и молодая дѣвушка и дамы. Онъ ихъ только спро-силъ:

— Но для какой же причины я долженъ еще остаться?

— Да намъ, ваше преосвященство, хочется съ вами побыть.

— А по какой причинѣ вамъ такъ хочется?

— Такъ... съ вами очень приятно.

— Приятно!

Владыка улыбнулся и отвѣчать:

— Ну, если приятно, такъ резентъ: я остаюсь, — только вы мнѣ за это хорошенько поцойте.

И онъ остался, попросивъ хозяина не безпокоиться осо-бенно объ его обѣдѣ, потому что онъ все «предлагаемое» ку-шаетъ. Просидѣвъ почти все дообѣденное время въ залѣ, владыка опять слушалъ, какъ ему, подъ аккомпаниментъ фортепiano, пропѣли лучшіе нумера изъ «Жизни за Царя», «Руслана» и многихъ другихъ оперъ.

Откушавъ же, онъ тотчасъ сталъ собираться ѣхать, и гарета его была подана во время кофе. Онъ какъ пріѣхалъ одинъ съ своимъ слугою «Сэмэномъ», такъ съ нимъ же однимъ хотѣлъ и уѣхать, но три молодые брата N. яви-лись къ нему съ просьбою позволить имъ проводить его до г. О.

— А по какой причинѣ меня надо провожать? — спро-силъ владыка.

— Здѣсь глухая дорога, ваше преосвященство.

— А я не боюсь глухой дороги: у меня денегъ только триста рублей, и тѣ честнымъ трудомъ заработаны.

— Да намъ хочется васъ провожать, владыка.

— А если хочется... это резентъ, — сопроводите.

И поѣздка состоялась съ провожатыми. Архіерей сѣлъ, какъ пріѣхалъ, въ свою карету, а впереди его курьерами снарядились въ большомъ казанскомъ тарантасѣ три рослые молодца: мировой посредникъ, офицеръ и университетскій студентъ. Самъ хозяинъ, видя, что его владыка не приглашаетъ, остался дома. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что проводилъ поѣздъ за рубежъ своихъ владѣній и, принимая здѣсь прощальное благословеніе отъ архіерея, выразилъ ему свою о немъ заботливость.

— Въ О. тамъ ничего нельзя достать, владыка, такъ вы меня не осудите.

— А по какой причинѣ я васъ могу осуждать?

— Я велѣлъ кое-что сунуть вашему слугѣ подъ сидѣнье.

— А что именно вы подъ моего Сэмэна подсунули?

— Немножко закусочекъ и... шипучаго.

— А для чего шипучаго?

— Пусть будетъ.

— Ну, резентъ; пусть будетъ. Сэмэнь, сохрани, другъ подъ тебя подложенное.

И съ тѣмъ хозяинъ возвратился, а поѣздъ тронулся далѣе.

Отъ «пустынки» до города О. на хорошихъ разгонныхъ коняхъ ѣздить одною большою упряжкой, и владыка, выѣхавшій послѣ ранняго обѣда, долженъ былъ пріѣхать въ городъ къ вечеру. Время стояло погожее, и грунтовые дороги были въ порядкѣ, а потому никакихъ «непредвидѣнностей» не предвидѣлось, и оба экипажа пронеслись доброе полпути совершенно благополучно и даже весело. Веселости нагрознія, конечно, не мало содѣйствовало и то, что путники, скакавшіе впереди въ тарантасѣ, молодые люди, тоже выѣхали не безъ запаса и, притомъ, не закладывали его очень далеко. Но они не совѣтъ вѣрно разочли и раньше времени замѣтили, что оживлявшая ихъ возбудительная влага исчезла прежде, чѣмъ путь пришелъ къ концу. Достать же восполненіе оскудѣвшаго дорогою пегдѣ было... кромѣ какъ у архіерея, которому хлѣбосольный старецъ предупредительно сунулъ что-то подъ его Сэмэна.

И вотъ, распалившаяся молодежь немножко позабылась и приняла къ дерзкой мысли воспользоваться архіерейскимъ запасомъ. Весь вопросъ былъ только въ томъ: какъ это

сдѣлать? Просто остановиться и попросить у архіерея вина изъ его запаса—казалось неловко, обратиться же за этимъ къ Сэмэну — еще несообразнѣе. А между тѣмъ, вина достать хотѣлось во что бы то ни стало, и желаніе это было исполнено.

Ѣхавшій впереди тарантасъ вдругъ остановился, и три молодые человѣка, въ самыхъ почтительныхъ позахъ, явились у дверецъ архіерейской кареты.

Владыка выглянулъ и, увидавъ стоявшаго передъ нимъ съ рукою у козырька кавалериста, спросилъ:

— По какой это причинѣ мы стали?

— Здѣсь, ваше преосвященство, въ обычаѣ: на этомъ мѣстѣ всѣ останавливаются.

— А по какой причинѣ такой обычай?

— Тутъ, кто имѣетъ съ собою запасъ, всегда тосты пьютъ.

— Вотъ-те на! А по какой же это причинѣ?

— Съ этого мѣста... были замѣчены первыя мѣсторожденія рудъ, обогатившихъ отечественную промышленность.

— Это резенты! — отвѣтилъ владыка: — если сіе справедливо, то я такому обычаю не противникъ.

И, открывъ у себя за спиною въ каретѣ форточку, черезъ которую онъ могъ отдавать приказанія помѣщавшемуся въ заднемъ кабріолетѣ Сэмэну, командовалъ:

— Сэмэнъ, шпучаго!

Сэмэнъ открылъ свои запасы, пробка хлопнула, и компанія, расливъ бутылку шампанскаго, поѣхала далѣе.

Но поѣхали еще верстъ десять, и опять тарантасъ сталъ, а у окна архіерейской кареты опять три молодца, предводимые офицеромъ съ рукою у козырька.

Владыка снова выглянулъ и спрашиваетъ:

— Теперь по какой причинѣ стали?

— Опять важное мѣсто, ваше преосвященство.

— А по какой причинѣ оно важно?

— Здѣсь Пугачовъ проходилъ, ваше преосвященство, и былъ разбитъ императорскими войсками.

— Резентъ,—и хотя фактъ сомнителенъ, чтобы это было здѣсь, но, тѣмъ не менѣе, Сэмэнъ, шпучаго!

Прокатили еще, и опять тарантасъ стоитъ, а молодые люди снова у окна кареты.

— Еще по какой причинѣ стали?—освѣдомляется владыка.

— Надо тостъ выпить, ваше преосвященство.

— А по какой причинѣ?

— Здѣсь, ваше преосвященство, самая высокая сосна во всемъ уѣздѣ.

— Резентъ, — и хотя фактъ совершенно недостоверенъ, но, Сэмэнь, шипучаго!

Но «Сэмэнь» не отвѣтилъ, а звавшій его владыка, глянувъ въ форточку, всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Ахъ-ти мнѣ! Мой Сэмэнь отвалился!

Пронсшествіе случилось удивительное: за каретою, дѣйствительно, не было не только Сэмэна, но не было и всего задняго кабриолета, въ которомъ помѣщалась эта особа со всемъ, что подъ оную было подсунуто.

Молодые люди были просто поражены этимъ происшествіемъ, но владыка, опредѣливъ значеніе факта, самъ ихъ успокоилъ и указалъ имъ, что надо дѣлать.

— Ничего,—сказалъ онъ:—это событіе естественно. Сэмэнь отвалился по той причинѣ, что карета и вся скоро развалится. Понизите его поскорѣе по дорогѣ, не зашибся ли?

Тарантась носкакала назадъ искать отваливнагося Сэмэна, котораго и нашли всего версты за двѣ, совершенно цѣлаго, но весь бывшій подъ нимъ запасъ шипучаго исчезъ, потому что бутылки разбились при паденіи кабриолета.

Насилу кое-какъ прицѣпили этотъ кабриолетъ на заднія долгія дроги тарантасы, а Сэмэна усадили на козлы и привезли обратно къ владыкѣ, который тоже не могъ не улыбаться по поводу всей этой исторіи и, тихо сносая довольно грубое ворчаніе отваливнагося Сэмэна, уговаривалъ его:

— Ну, по какой причинѣ такъ гнѣваться? Кто виноватъ, что карета *патылилась*.

По такомъ финалѣ поѣздъ достигъ города, гдѣ сопровождавшіе владыку молодые люди озаботились тщательно укрѣпить кабриолетъ Сэмэна къ каретѣ и здѣсь, прощаясь съ пр. П—мъ, испросили у него прощенія за свою вчерашнюю шалость.

— Богъ проститъ, Богъ проститъ,—отвѣчалъ владыка.— Ребята добрые, я васъ полюбилъ и угощалъ за то, что согласно живете.

— Но, владыка... вы сами такъ снисходительны и добры... Мы васъ никогда не забудемъ.

— Ну, вот! иѣтушки хвалятъ кукука за то, что хвалятъ онѣ иѣтушекъ. Меня помнить нечего: умру—однимъ монахомъ поменѣеть, и только. А вы помните Того, Кто велѣлъ, чтобы всѣ мы любили другъ друга.

И съ этимъ молодежь разсталась съ добрымъ старцемъ навсегда.

Кажется, по осени того же года старшій изъ этихъ трехъ братьевъ, необыкновенно хорошо передававшій *manière de parler* епископа Н—та, войдя съ прѣзда въ свой кабинетъ, гдѣ были въ сборѣ короткіе люди дома, воскликнулъ:

— Грустная новость, господа!

— Что такое?

— Сэмэнь больше уже не даетъ иѣтушкамъ шишучаго!— сказалъ онъ, подражали интонаціи преосвященнаго Н—та.

— А по какой причинѣ?—вопросили его въ тотъ же голосъ.

— Милый старичокъ нашъ умеръ,—вогъ нумерь газеты, читайте.

Въ газетѣ, дѣйствительно, стояло, что пр. Н—тъ скончался, и скончался въ дорогѣ. Вѣроятно, при немъ былъ его «Сэмэнь», но какъ о малыхъ людяхъ, состоящихъ при такихъ особахъ, не говорится, то о немъ не упоминалось. Впрочемъ, хотя все это было сказано по-казенному, но, однако, не обошлось безъ теплоты, вѣроятно, советъ не зависѣвшей отъ хроникера. Сказано было о какомъ-то сопровождавшемъ владыку протоіереѣ, которому добрый старецъ, умирая, устно завѣщалъ употребить на доброе дѣло все тѣ же пресловутые триста рублей, «нажитые имъ честнымъ трудомъ» и составлявшіе *все* оставленное этимъ архіепископомъ наследство. Деньги эти онъ всегда носилъ при себѣ, и онѣ оказались въ его подрясникѣ.

Какъ онъ ихъ «нажилъ честнымъ трудомъ», это остается не выяснено, но нѣкто, знавшій покойника, полагаетъ, что, вѣроятно, онъ получилъ ихъ за сдѣланный имъ когда-то переводъ какой-то ученой греческой книги.

Наступникъ этого ласковаго и снисходительнаго епископа, ѣздившаго въ ветхой каретѣ и читавшаго на сонъ грядущій сатиры Щедрина, кажется, не имѣлъ никакихъ поводовъ жаловаться, что предмѣстникъ его сдать ему епархію въ безпорядкѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

У графини В., рожденной Д., изищной и очень бойкой свѣтской дамы, въ одной ея м—ской деревнѣ завелся не въ мѣру дѣпюлюбивый пош. Онъ притѣснялъ крестьянъ графини до того, что тѣ вышли изъ терпѣнія и не разъ уже на него жаловались.

Но вотъ прѣѣхала изъ-за границы навѣстить свои маестности графиня, обыкновенно постоянно проживавшая въ Парижѣ. Крестьяне тотчасъ же пали ей въ ноги, умоляя ея сіятельство «стать за отца за мать: ослобонить ихъ отъ ворага», причемъ, разумеется, рассказали все или, по крайней мѣрѣ, многія продѣлки «ненасытнаго» пастыря.

Графиня вскипѣла и позвала къ себѣ «ненасытнаго», но тотъ не только не покался, а еще оказался искуснымъ отвѣтчикомъ и нагрубилъ барынѣ вволю.

Пылкая и тогда еще очень молодая дама сейчасъ же написала обо всемъ этомъ самое энергическое письмо владыкѣ, и была увѣрена, что его преосвященство непременно обратитъ вниманіе на ея справедливую просьбу.

Но владыка не отвѣчалъ графинѣ: онъ или совсѣмъ не удостоилъ вниманія ея письмо, или же ея хлопоты о какихъ-то притѣсненіяхъ, чинимыхъ попомъ какимъ-то крестьянамъ, казалась ему «суетными». А можетъ-быть и самое нетерпѣніе крестьянъ представлялось ему «малодушествомъ», къ которому онъ стоически относилъ все человѣческія скорби и несчастія. Но графиня, привыкшая къ иному съ нею обхожденію, обидѣлась и послала его преосвященству другое письмо, за другимъ третье, четвертое, пятое, десятое... Владыка все не отвѣчалъ ни однимъ словомъ, и ни о какомъ распоряженіи къ удовлетворенію просьбы графини вѣсти не было.

Но оставалось сомнѣніе, что владыка такъ и преодолѣетъ даму, покрывъ пылъ ея свѣтскаго негодованія своимъ молчаливымъ безучастіемъ «истоваго монаха».

Но на этотъ разъ вышла коса на камень. Оскорбленная невниманіемъ владыки, графиня не хотѣла ему «подарить» этого и, какъ только приспѣлъ часъ ея спѣшить съ милаго сѣвера къ своимъ сезоннымъ удовольствіямъ въ Парижъ, она призвала безутѣшныхъ крестьянъ и дала имъ слово «сама быть у владыки и не уйти отъ него до тѣхъ поръ, пока пошъ будетъ смѣщенъ».

Крестьяне отклонялись графини на ея ласковомъ словѣ, но едва ли вѣрили въ возможность его исполненія.

Судьба, однако, опредѣлила иначе.

Графиня повела дѣло своихъ крестьянъ съ свойственною ей энергіею и нетерпѣливостью. Она и мысли не допускала, чтобы это смѣло задержать ее въ городѣ болѣе трехъ-четыре-рехъ часовъ, которые она могла пожертвовать крестьянамъ въ ожиданіи поѣзда, приближавшаго ее къ границѣ. Поэтому она тотчасъ же съ дороги переодѣлась въ черное платье и въ ту же минуту полетѣла къ владыкѣ.

Время было неурочное: владыка *никого* не принималъ въ эти часы, но келейникъ, очутясь передъ такою ослѣпительною, въ свою пору, дамою, съ громкимъ титуломъ и дышащимъ негодованіемъ, энергическимъ лицомъ, оплошалъ и отворилъ передъ ней двери.

Ей только и надо было.

Графиня смѣло взойшла въ залъ и, сѣвъ у стола, велѣла «*попросить* къ себѣ владыку».

— Попросить!..

Келейникъ только руки развелъ; но гостыя стояла на своемъ: «сію же минуту *попросить* къ ней владыку, такъ какъ она пріѣхала къ нему *по дѣлу церкви*».

— По церковному дѣлу пожалуйте завтра,— упрашивалъ ее шопотомъ келейникъ.

— Ни за что на свѣтѣ: я сейчасъ, сію минуту, должна видѣть владыку, потому что мнѣ некогда; я черезъ полтора часа уѣзжаю и могу опоздать на поѣздъ.

Келейникъ увидалъ спасеніе въ томъ, что графиня не можетъ долго ожидать, и съ удовольствіемъ объявилъ, что теперь владыку рѣшительно нельзя видѣть.

— Это ложь, онъ меня приметъ. Я требую, чтобы вы сейчасъ обо мнѣ доложили.

— Помилуйте, спросите у кого угодно, принимаетъ ли кого-нибудь владыка въ эти часы? и вы изволите убѣдиться...

— Нѣтъ, это вы изволите убѣдиться, что вы говорите ложь! Сейчасъ прошу обо мнѣ доложить, или вы увидите, какъ я сумѣю васъ заставить дѣлать то, что составляетъ вашу обязанность.

— Воля ваша, но я не могу.

— Не можете?

— Не могу-съ,—не смѣю.

— Хорошо!

Съ этимъ графиня быстро поднялась съ мѣста, сбросила съ плечъ мантилью и, подойдя къ висѣвшему надъ столомъ зеркалу, стала развязывать ленты у своей шляпки.

Келейникъ смѣшался и уже умоляющимъ голосомъ заговорилъ:

— Чтѣ это вамъ угодно дѣлать?

— Миѣ угодно снять мою шляпу, чтобы было спокойнѣе и терпѣливо ожидать, пока вы пригласите ко мнѣ вашего владыку.

— Но я... извините... я не имѣю права васъ здѣсь оставить...

Но на это графиня уже совсѣмъ не отвѣчала: она только обернулась къ келейнику и, смѣривъ его съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ, повелительно сказала:

— Отправляйтесь на свое мѣсто! Я устала васъ слушать и хочу отдыхать.

— Отдыхать?!

Послушникъ совсѣмъ опѣшилъ: сатаны въ такомъ привлекательномъ и въ то же время въ такомъ страшномъ видѣ онъ еще не видалъ во всю свою аскетическую практику, а графиня, между тѣмъ, достала бывшій у нея въ карманѣ волюмчикъ цоваго французскаго романа и сѣла читать.

Чтѣ бы рѣшился предпринять еще далѣе противъ этого павожденія неопасливый келейникъ, — это неизвѣстно. Но, къ его счастью, затруднительному его положенію *поспѣшилъ* на помощь самъ дипломатическій владыка.

По разсказу графини, только-что она раскрыла свою книгу, какъ келейникъ стихъ, а въ противоположномъ концѣ зала *что-то зашуршало*.

— Я,—говоритъ графиня:—догадалась, что это, можетъ-быть, *самъ онъ* идетъ на расправу съ моимъ сорванствомъ, но притворилась, что не замѣчаю его появленія, и продолжала смотрѣть въ книгу. Это его, конечно, немножко затруднило, и я этимъ пользовалась. Онъ не дошелъ до меня на кадетскую дистанцію, т.-е. шаговъ на шесть, и остановился. Я все продолжала сидѣть и гляжу въ мою книгу, а сама вижу, что онъ все стоитъ и тихо потираетъ свои,

какъ будто, зябущія руки... Миѣ стало жалко старика; и я перевернула листокъ и какъ бы невзначай взглянула въ его сторону. Посмотрѣла на него, но не тронулась съ мѣста, дѣлая видъ, какъ будто я не подозреваю, что это самъ онъ. Это было для меня тѣмъ болѣе удобно, что онъ былъ въ одной легкой ряскѣ и какомъ-то колпачкѣ.

— Увидавъ, что я смотрю на него (продолжаю словами графини), онъ пристально вперилъ въ меня свои пронизательные сѣрые глазки и проговорилъ мягкимъ, замирающимъ полушепотомъ:

— Чѣмъ могу вамъ служить?

— Миѣ нужно видѣть владыку, — отвѣчала я, попрежнему не оставляя своего мѣста и своей книги.

— Я тотъ, кого вы желаете видѣть.

— А, въ такомъ случаѣ, я прошу у вашего высокопресвященства благословенія и извиненія, что я васъ такъ настойчиво беспокою.

И, бросивъ на столъ свой волюмъ, я подошла подъ благословеніе: онъ благословилъ и торопливо спряталъ руку, какъ бы не желая, чтобы я ее поцѣловала; по на мое извиненіе не отвѣтилъ ни слова, а продолжалъ стоять столбукомъ.

«О, пѣтъ же, — подумала я себѣ: — такъ въ свѣтѣ не водится: объясненіе въ подобной позиціи миѣ неудобно», — и я, отодвинувъ отъ стола свое кресло, пригласила его пресвященство сѣсть на диванъ.

Онъ моргнулъ раза два глазами и проговорилъ:

— Я васъ слушаю.

— Пѣтъ, — отвѣчала я: — вы извините меня, владыка: я не могу такъ съ вами говорить. Это неудобно, чтобы я сидѣла, а вы меня слушали стоя. Усердно васъ прошу присѣсть и сидя меня выслушать.

При этомъ я, какъ бы опасаясь за его слабость, позволила себѣ подвести его за локоть къ дивану.

Онъ не сопротивлялся и сѣлъ на диванъ, а я на кресло.

Мы оба, казалось, были изрядно взволнованы, — я его невниманіемъ, а онъ моимъ пахальствомъ, и оба нѣсколько времени молчали.

Я начала первал, и скоро, овладѣвъ собою, рассказала ему, кажется, о всѣхъ главнѣйшихъ обидахъ, какія терпятъ

отъ его пона мои крестьяне, и просила дать вмѣсто него въ мое село лучшаго человѣка.

Во время всего моего разсказа я наблюдала владыку и видѣла, что онъ рѣшилъ себѣ ни за что не исполнить моей просьбы. И тутъ моя врожденная отцовская вспыльчивость сказалась во мнѣ до того рѣшительно, что я способна была наговорить ему такихъ вещей, о которыхъ, конечно, сама послѣ бы жалѣла. Но я собрала всѣ свои силы и ждала отпѣта, который послѣдовалъ несшибно.

Онъ опять началъ потирать свои руки, взмахнувъ вѣками, а потомъ опять ихъ опустилъ и опять взмахнулъ, и тогда только заговорилъ съ медлительными разстановками:

— Я получилъ... ваши письма...

Воспользовавшись первою паузою, я замѣтила, что «смигивалась въ судьбѣ моихъ писемъ и очень рада, что они дошли по назначенію». А въ сущности это меня еще болѣе бѣсило.

— Да, они дошли, — продолжалъ онъ: — я опасаясь, что вы вовлечены въ заблужденіе...

— О, будьте покойны, владыка, я не заблуждаюсь: все чтò я вамъ писала и чтò теперь говорю, — это суцная правда.

— На духовенство... часто клеветуютъ.

— Очень можетъ быть, но я сама была свидѣтельницею многихъ поступковъ этого нечестнаго человѣка.

При словахъ «нечестный человѣкъ» владыка опять взмахнулъ вѣками и, остановивъ на мнѣ свои сѣрые глаза, укоризненно молчалъ. Но, видя, что я смотрю ему въ упоръ, и, можетъ-быть, замѣтивъ, что во мнѣ хватить терпѣнія пересмотрѣть и перемолчать его, онъ произнесъ:

— И при собственномъ видѣніи... все еще возможна... ошибка.

— Нѣтъ, извините, владыка, — я знаю, что въ томъ, о чемъ я вамъ говорю, нѣтъ ошибки.

Онъ опять замолчалъ и потомъ произнесъ:

— Но я долженъ быть... въ этомъ удостовѣренъ.

— Чтò же вамъ угодно будетъ считать достаточнымъ удостовѣреніемъ?

— Я велю спросить благочиннаго и... тогда распоряджусь.

— Но это будетъ не скоро — и вы простите меня — я не думаю, чтобы благочинный, его родственникъ, былъ болѣе

достовернымъ свидѣтелемъ, чѣмъ я, дочь человѣка, извѣстную правдивость котораго цѣнили государь.

— Я чту память вашего родителя, но... дѣла должны идти въ своемъ порядкѣ.

— Такъ дайте хотя средство унять его какъ-нибудь, пока это дѣло будетъ переходить свои несносные — порядки! — сказала я, чувствуя, что болѣе не могу да и не хочу владѣть собою.

— Прикажете сказать ему... моимъ именемъ, что мнѣ... о немъ должно.

— Для него ничего не значить ваше имя.

Владыка остановилъ свои ручки, но терпѣливо отвѣтилъ:

— Это... не можетъ быть.

— Нѣтъ, извините: я не приучена лгать, и если я вамъ это говорю, то это, именно, такъ и есть. Я ему давно говорила, что буду вамъ жаловаться, но онъ отвѣчалъ: «Владыка намъ ни шеть, ни пореть, а намъ пить-ѣсть надо».

И только-что я это проговорила, какъ тихій голосъ владыки исчезъ и угаснѣй взглядъ его загорѣлся: онъ пристально воззрися на меня во все глаза и, точно вырстая съ дивана, произнесъ звучнымъ, сильнымъ и полнымъ голосомъ:

— *Онъ вамъ это сказалъ?!*

— Да,—отвѣчала я:—онъ сказалъ: «владыка намъ ни шеть, ни пореть...»

И не успѣла я повторить всей фразы, какъ въ дрожащей рукѣ владыки судорожно зазвенѣлъ серебряный колокольчикъ, и... я черезъ полчаса могла со станціи желѣзной дороги послать въ деревню извѣстіе, что корыстолюбивый поггъ отъ насъ уже взятъ.

Этотъ незначительный случай, я думаю, можетъ показать съ одной стороны, что наши владыки очень осторожны въ своихъ расправахъ съ духовенствомъ и склонны къ рѣшительнымъ мѣрамъ только тогда, когда узнаютъ о недостаткѣ субординаціонной почтительности въ іерархіи. Съ другой же стороны, отсюда можно видѣть, что, при всей прозорливости нашихъ епископовъ, каковою, по мнѣнію многихъ, особенно отличался сейчасъ упомянутый святитель, и они все-таки могутъ погрѣшать и быть жертвами своей довѣрчивости. Такъ это и случилось въ рассказанномъ мною случаѣ. Ко-

рыстолюбивый пошъ,—виновный во множествѣ дурныхъ поступковъ,—не виноватъ былъ только въ томъ, что ему навязала приведенная въ азартъ графиня: *онъ никогда не говорилъ полюбившихъ его словъ, что «владыка ему ни шьетъ, ни поретъ».*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Однако, если бы предшествовавшій случай былъ поставленъ въ вину владыкѣ, который такъ незамѣтно попалъ въ женскія сѣти, то не надо забывать, что этихъ опасныхъ сѣтей иногда не избѣгали даже и такіе святые, которые творили чудеса еще за-живо. Но зато у насъ извѣстны и другіе епископы, которыхъ никакія жены не могли уловить въ свои сѣти. Одинъ изъ таковыхъ, на примѣръ, достойный Іоаннъ Смоленскій, о которомъ ходитъ слѣдующій анекдотъ.

Вскорѣ по прибытіи его въ Смоленскъ, даже едва ли не послѣ первой, совершенной имъ тамъ, службы, двѣ мѣстныя «аристократки» пожаловали въ его пріемную и приказали о себѣ доложить.

Архіерей, между тѣмъ, уже успѣлъ снять рясу и сѣсть съ стаканомъ чая къ своему рабочему столу, на которомъ, вѣроятно, написаны многія изъ его вдохновенныхъ и глубокихъ сочиненій.

Услыхавъ докладъ о посѣтившихъ его дамахъ, Іоаннъ удивился ихъ желанію его видѣть и, не оставляя своего мѣста, приказалъ докладчику спросить ихъ: «что имъ нужно?»

Тотъ вышелъ и черезъ минуту возвратился съ отвѣтомъ, что дамы пришли «за благословеніемъ».

— Скажи имъ, что я сейчасъ всѣхъ благословилъ въ церкви.

Келейникъ пошелъ съ этимъ отвѣтомъ, но опять идетъ и докладываетъ, что—«дамы желаютъ особо благословиться».

— Скажи имъ, что моего одного благословенія на всѣхъ достаточно.

Келейникъ пошелъ разяснить безпредѣльность расширенности архіерейскаго благословенія, но снова идетъ назадъ съ неудачею.

— Требуютъ, говорятъ, чтобы ихъ *особенно благословили.*

— Ну, скажи имъ, что я ихъ и особо благословляю и посылаю имъ это мое особое благословеніе чрезъ твое посредство.

Но келейникъ понезъ и опять возвращается.

— Онъ,—докладываетъ,—и теперь не уходитъ.

— Чего же имъ еще нужно?

— Говорять, что желаютъ поученія.

— Попроси извинить, я усталъ, а поученіе имъ въ церкви скажу.

Но келейникъ опять возвращается.

— Еще что?—спрашиваетъ епископъ.

— Недовольны: говорятъ, «мы для домашней бесѣды пришли».

Преосвященный, продолжая оставаться за рабочимъ столомъ, протянулъ руку къ полкѣ, на которой у него складывались получаемыя имъ газеты, и, взявъ два номера «*Домашней Бесѣды*» г. Аскоченскаго, сказалъ келейнику:

— Дай имъ поскорѣе «*Домашнюю Бесѣду*» и скажи, что я тебѣ не позволяю мнѣ о нихъ болѣе докладывать.

Дамы удалились и никогда болѣе не возвращались для домашней бесѣды съ епископомъ, который зато съ этой поры сталъ слытъ у нѣкоторыхъ смолянъ нелюдимымъ и даже грубымъ, хотя онъ, на самомъ дѣлѣ, таковымъ не былъ. По крайней мѣрѣ, люди, имѣвшіе счастье знать его ближе, полны наилучшихъ воспоминаній о пріятности его прямого, искренняго обхожденія и поражавшей всѣхъ прелести его смѣлаго и глубокаго ума и истинно-христіанской свободы мнѣній.

Повторяемый же въ разказахъ о немъ вышеприведенный анекдотъ съ двумя смоленскими дамами, кажется, нѣтъ нужды относить къ *нелюдимству* покойнаго епископа. Его, можетъ-быть, скорѣе надо отнести къ тому чувству, какое должны были возбуждать въ этомъ умномъ человѣкѣ праздныя доуки, такъ-называемыхъ, «архіерейскихъ баринь», которыя, къ сожалѣнію и къ униженію своего пола, еще и до сихъ поръ въ изобиліи водятся повсюду, гдѣ есть владыки, склонные напрасно баловать ихъ своимъ вниманіемъ и тѣмъ поощрять и развивать въ нихъ суетность, нераснознающую благочестія отъ святости.

Этотъ анекдотъ также долженъ относиться не къ укоризнѣ нашимъ епископамъ, а, напротивъ, къ похвалѣ ихъ проникательности, и онъ, по моему мнѣнію, прекрасно поясняетъ собою анекдотъ о пріемѣ, котораго достигла графиня В... Смоленскія дамы, докучавшія епископу, такъ

сказать, но ханжеской *рутиной*, встрѣтили твердый отпоръ и были отосланы къ «*Бесѣдѣ*» г. Аскаченскаго, а графиня В., настойчиво дѣйствовавшая *по вдохновенію*, была принята и удовлетворена, какъ требовало дѣло.

Кто бы что ни говорилъ, но такая способность отстранить, съ твердостію, мертвящую рутину и отдать должное живому вдохновенію, конечно, говорить въ пользу, а не во вредъ того высокаго представленія, какое намъ пріятно имѣть о нашихъ іерархахъ, положеніе конхъ часто бываетъ очень трудно и очень непріятно. Въ обществѣ этого и не воображаютъ, потому что въ обществѣ не знаютъ множества тягостныхъ мелочей архіерейскаго обихода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дамы, даже очень благочестивыя, не исключая принявшихъ санъ «ангельскій», имѣютъ удивительную способность доводить нашихъ святителей до прегрѣшеній, которыхъ тѣ, по своей извѣстной праведности, конечно, ни за что бы безъ женской доуки не сдѣлали. Такъ, напр., о покойномъ «Русскомъ Златоустѣ» Иннокентіи таврическомъ (Борисовѣ) извѣстно, что онъ былъ человѣкъ не только умный и даровитый, но и до того свободомысленный, что, бывши кievскимъ ректоромъ, прощаль и покрывалъ грубыя, конциственныя выходки В. И. Аскаченскаго, а въ письмахъ своихъ къ Максимовичу, даже прежде Флуранса, вступался за «душу бѣдныхъ животныхъ». Анекдотовъ о его либерализмѣ было много, и они достоверны, хотя добрая ихъ половина свидѣлствуетъ, что этотъ замѣчательный человѣкъ былъ несвободенъ отъ нѣкотораго фатовства. Однако все это можно совместить и помирить съ многосторонностію увлекавшейся художественной натуры Иннокентія. Но вотъ чему совершенно трудно повѣрить, это — что высокопреосвященный либераль Иннокентій могъ хоть разъ въ жизни драться.

И что же: кто довелъ до такого поступка нашего даровитѣйшаго вѣтца Иннокентія? Женщина и, вдобавокъ, иннокія, и даже игуменья.

Одинъ сотрудникъ пр. Иннокентія по переводу богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ, рассказывалъ мнѣ и многимъ другимъ слѣдующую энергическую расправу «русскаго Златоуста». Владыка Иннокентій служилъ какъ-то въ

вологодскомъ или въ Устюжскомъ женскомъ монастырѣ, сестры котораго вмѣстѣ съ своею игуменьею поднесли ему за это довольно цѣнный образъ. Зная скудость средствъ бѣдной обители, Иннокентій не захотѣлъ принять этого цѣннаго и, притомъ, ему совершенно ненужнаго подарка. Онъ усердно поблагодарилъ мать игуменью и сестеръ, но икону просилъ ихъ оставить у себя. Вѣрно онъ думалъ, что онѣ найдутъ какъ-нибудь средство реализовать произведенныя на нее затраты: поступокъ, конечно, благоразумный и вполне достойный памяти Иннокентія. Послушайся благочестивыя сестры обители своего добраго и резоннаго архипастыря,— все бы прекрасно и обошлось. Но имъ это пришлось не по обычаю, и онѣ-таки доставили образъ въ архіерейскій домъ, гдѣ келейникъ взялся тотъ образъ передать владыкѣ и, яко бы, это и исполнилъ. Благочестивыя сестры добились своего и успокоились.

Прошло не мало времени; владыка занимается своими учеными трудами и свѣряетъ съ сотрудникомъ зырянскія книги, какъ вдругъ однажды ему понадобился его келейникъ, который, какъ на грѣхъ, на ту пору отлучился и не явился по владычному зову. Сотрудникъ хотѣлъ пойти и позвать его, но живой Иннокентій предупредилъ и самъ прошелъ въ келейницкую, гдѣ думалъ застать своего служку спящимъ. Но келейника онъ тутъ не нашелъ, а зато нашелъ на его стѣнѣ знакомый образъ сооруженія сестеръ вологодской обители. Владыка вскипѣлъ и, призвавъ келейника, сію же минуту избилъ его и послалъ отнести игуменьѣ образъ, которымъ эта назойливая женщина, по своему непослушанію и упрямству, довела своего владыку до такого гнѣва, что онъ, по словамъ очевидца, «несмотря на свой досадительно-малый ростъ, являлъ энергію и силу Великаго Петра».

Поступокъ, конечно, горячій и не архипастырскій, но не нужно и не должно забывать, что все это происходило въ оныя, относительно недавнія времена, когда считалось не-благовиднымъ, чтобы духовный правитель имѣлъ у себя даже для чистки сапогъ и другихъ домашнихъ услугъ простого наемнаго человека, который удобнѣе тѣмъ, что онъ привычнѣе къ лакейскому дѣлу и не пользуется въ глазахъ невѣждъ авторитетомъ лакея монашескаго. Нѣтъ, архіерей непременно долженъ былъ терпѣть при себѣ если

не ту, такъ другую «несытую скотину», облеченную въ дол- гую одежду и препоясанную по чресламъ поясомъ усмен- нымъ. Этого требовалъ закорузлый этикетъ владычныхъ до- мовъ, объ упрядненіи котораго, впрочемъ, еще и поныѣ скорбятъ нныя ханжи и пустосвяты.

Теперь все это уже отошло въ область минувшаго: нынче уже не слыхать, чтобы архіереи дрались; вѣроятно, они не дерутся, да и не будутъ впередъ драться. И въ этомъ опять нельзя не видѣть ихъ важнаго преимущества передъ всѣми обыкновенными смертными: обыкновенные люди, на Руси, по общимъ примѣтамъ, помирнѣли со времени введенія миро- выхъ учреждений, — говоря простымъ языкомъ, они «испу- гались мирового», но архіерею мировой не страшенъ. Все- общій русскій укротитель, нашъ мировой, несомнѣнно, не укрощалъ ни одного архіерея, — архіерей самъ себя укро- тилъ и засмирнѣлъ. Отчего же это? Что такъ благодѣтельно подѣйствовало на архіерейскіе нравы? Нѣкоторые указы- ваютъ, какъ на причинное въ этомъ событіе, на соборную исторію калужскаго епископа Григорія, котораго кинулся бить недовольный имъ дьячокъ. Но это, очевидно, такое же случайное происшествіе, какъ и другая соборная исторія кѣвская, когда была провозглашена анаѳема епископу Фи- ларету Филаретову (нынѣшнему рижскому), и третья исторія въ петербургскомъ соборѣ съ викаріемъ Добронравинымъ, въ котораго былъ брошенъ камень. Все это происшества чисто случайнаго характера, каковыя бывали и прежде, но на архіереевъ не производили вліянія *). А потому въ замѣтномъ нынѣшнемъ самоукрощеніи особъ этого сана, я думаю, нельзя считать виновниками раздражительныхъ маньяковъ, возглашающихъ архіереямъ анаѳемы или мечущихъ въ нихъ камни. Мнѣ кажется, что, можетъ-быть, гораздо основа- тельнѣе видѣть здѣсь вліяніе общаго *духа времени*, кото-

*) Охотники видѣть во всякой такой случайности что-то «система- тическое», забываютъ харьковскій случай, когда анаѳему архіерею хватилъ посреди собора въ день православія его же соборный протодіа- конъ. Но тутъ систематическаго было только то, что прежде, чѣмъ хватить анаѳему своему архіерею, отецъ протодіаконъ хватилъ дома что-то другое, безъ чего будто бы этимъ особамъ «нельзя выкричать большое служеніе». Епископъ Филаретъ Гумилевскій (историкъ церкви), котораго это всѣхъ ближе касалось, однако, очевидно не считалъ это ни за что систематическое: онъ хотя и наказалъ виновнаго, но не строго и не мстительно.

рый, какъ бы онъ къмъ ни понимался и ни истолковывался, но, по прекрасному выраженію И. С. Тургенева, оказываетъ на всѣхъ неодолимое давленіе, побуждая всякое величіе *опроциться*. Правда, что нѣкоторые изъ особъ гражданскихъ и военныхъ до сихъ поръ еще какъ бы этого не чувствуютъ, и, опять по выраженію того же Тургенева, продолжаютъ въ военномъ генеральствѣ «хрипѣть», а въ статскомъ «гундосить»: но архіереевъ и цельзя ставить съ этими на одну доску, такъ какъ между архіереями, несмотря на ихъ владычное самоуправіе, всегда были и есть люди, по преимуществу умные, и потому нимаю не удивительно, что истина жизни ими почувствована сильнѣе, тѣмъ другими.

Тотъ бы глубоко заблуждался, кто хотѣлъ бы настаивать, будто архіереи измѣнились поневолѣ и съ паника. У нихъ не можетъ быть никакого паника. Живой русскій тактъ, присущій этимъ людямъ, выросшимъ на русскихъ поповкахъ и погостахъ, даетъ имъ вѣрную оцѣнку всякихъ событій, въ которыхъ, несмотря на ихъ порою суматошный характеръ, нѣтъ ничего способнаго паникать настоящего русскаго человѣка, знающаго Русь, какъ она есть. Нѣтъ, архіереи *опростились* просто потому, что все живое и все желающее еще жить теперь опроцается по неодолимому закону событій, которыхъ никакіе тайные гундосы не могутъ ни остановить, ни направить по иному направленію. Такъ-называемый *престижъ* потерялся въ заботахъ тяглой жизни, и его не только не для чего искать, но даже и не у кого болѣе искать. Даже тѣ, которые были окутаны этимъ *престижемъ* съ ногъ до головы, и тѣмъ «сіе оружіе оскудѣло въ конецъ». Остается еще какое-то русско-татарское кочевряженье, но и оно уже никому не внушаетъ ни почтенія, ни страха. «Жизнь, по выраженію поэта (И. С. Никитина), изнываетъ въ заботѣ о хлѣбѣ».

Русь хочетъ *устраиваться, а не великаться*, и измѣнить ея настроеніе въ противоположномъ духѣ невозможно. Кто этого не понимаетъ, о томъ можно *только жалеть*...

Понимать свое время и умѣть дѣйствовать въ немъ сообразно лучшимъ его запросамъ—это не значитъ рабѣнствовать волѣ массъ; нѣтъ, это значитъ только чувствовать потребность «одной съ ними жизнью дышать и внимать ихъ сердцу тренганью». И наши лучшіе архіереи этого хотятъ. Откидывая насильственно къ нимъ привитой и никогда имъ

не шедшій византийскій этикетъ, они сами хотятъ *опроститься* по-русски и стать людьми народными, съ которыми, по крайней мѣрѣ, отраднѣе будетъ ждать какихъ-либо *истощилъ* мѣръ, способныхъ утолить нашу религіозную истому и возвратитъ изнемогшей вѣрѣ русскихъ людей духъ животворящій.

Затѣмъ, снова продолжаемъ передвигать нашу портретную галерею, открывая новое ея отдѣленіе лицами иного «благоувѣтливаго» характера.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Самая неукротимая, желчная раздражительность оныхъ «бывшихъ» епископовъ никакъ не можетъ быть строго осуждаема, безъ вниманія къ нѣкоторымъ тяжкимъ условіямъ ихъ, повидимому, счастливаго и даже, будто бы, завиднаго положенія. Теперь, когда, благодаря новому порядку вещей, въ судахъ резонно и основательно ищутъ свисхожденія, а иногда и полнаго оправданія преступныхъ дѣяній, совершенныхъ въ состояніи болѣзненнаго раздраженія, вызваннаго ненормальностью функций организма, несправедливо и жестоко было бы не примѣнить этого, хотя въ нѣкоторой степени, къ людямъ, осужденнымъ вести жизнь самую вредную для своего здоровья, отъ котораго, по увѣреніямъ ученыхъ врачей, весьма много зависитъ и расположеніе духа, и сила самообладанія.

И смѣю думать, что такое вниманіе было бы со стороны общества только справедливостью, въ которой оно не должно отказывать никому, въ какомъ бы онъ ни находился званіи. И причину думать такимъ образомъ я имѣю на основаніи словъ одного очень умнаго и примодушнаго архіерея, о которомъ мы сейчасъ будемъ бесѣдовать.

Но прежде скажу два слова о цѣльномъ представленіи, существующемъ у многихъ людей, о такъ-называемомъ «архіерейскомъ счастьи» и о «привольностяхъ владычней жизни», которая на самомъ дѣлѣ гораздо тягостнѣе, чѣмъ думаютъ.

Надо признаться, что русскіе міряне, часто роища и негодуя на своихъ духовныхъ владыкъ, совсѣмъ не умѣютъ себѣ представить многихъ тягостей ихъ житейской обстановки и понять значеніе тѣхъ условій, отъ которыхъ владыки *не могутъ освободиться*, какова бы ни была личная

энергія, ихъ одушевляющая. Такъ-называемые, «свѣтскіе люди» видятъ только одну сторону епископскаго житія,— такъ-сказать, «казовой его конецъ», а никогда не промѣряли всей матеріи. Въ нѣкоторыхъ мірскихъ кружкахъ, гдѣ сужденія особенно неразборчивы, но смѣлы, считаютъ «архіерейское житіе» верхомъ счастья и блаженства. Простолюдины, напримѣръ, говорятъ обыкновенно о томъ, «какія важныя рыбы архіереи ѣдятъ, и какъ поѣвши зобовъ не просиживаютъ». А между тѣмъ, какаѣ мѣла и досада хоть бы съ этимъ «счастьемъ» «ѣсть» и сѣдѣннаго «не просиживать» *).

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ епископовъ, извѣстный уже своими литературными трудами, усердно воздѣлывалъ садъ при своемъ архіерейскомъ домѣ. Гости льто въ томъ городѣ и часто посѣщая его преосвященство, я почти всегда заставалъ его или за граблями, или за лопатой и разъ спросилъ: съ какихъ поръ онъ сдѣлался такимъ страстнымъ садоводомъ?

— Ничуть не бывало,—отвѣчалъ онъ:—я вовсе не люблю садоводства.

— А зачѣмъ же вы всегда трудитесь въ саду?

— Это по необходимости.

Я полюбопытствовалъ узнать: по какой необходимости?

— А по такой,—отвѣчалъ онъ:—что съ тѣхъ поръ, какъ, учинившись архіереемъ, я лишенъ права *двигаться*, то на-

*) Впрочемъ, въ самомъ сказаніи объ архіерейскихъ рыбахъ тоже по мало преувеличеннаго и даже баснословнаго. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ въ народѣ, будто на «коренную» ярмарку (подъ Курскомъ) съѣзжаются архіерейскіе повара и отбираютъ для своихъ владыкъ «всю головку», т. е. весь первый сортъ проковой конченой и вяленой рыбы, преимущественно бѣлужьяго и осетроваго балыка; но, разумѣется, все это вздоръ. Встарь говорятъ, что-то такое бывало, но уже давно минуло. Встарь, какъ видно и изъ записокъ Гавр. Добрынина, между архіереями, дѣйствительно, бывали не только любители, но и знатоки тонкаго рыбнаго стола; но въ наше время и этотъ садъ иноческаго аристократизма исчезъ. Нынѣшніе епископы плохіе гурмандисты: настоящій архіерейскій вкусъ къ тонкимъ рыбамъ у нихъ утраченъ и, живя по простотѣ, они и кушать стали простую, но болѣе здоровую пищу, какою вкушаютъ всѣ люди здраваго ума и скромнаго достатка. Дорогіе рыбные столы у архіереевъ теперь бываютъ рѣдко и то только для дорогихъ гостей.—сами же они, въ своемъ уединеніи, рыбы себѣ не заготовляютъ, а кушаютъ, большею частію, одно... грибное. Нѣкоторые епископы теперь даже берутъ для себя столъ по-просту изъ кухмистерскихъ, гдѣ питаются всякій «разночинецъ».

чать страдать невыносимыми головными болями; жирѣю какъ кашлунъ и, того и гляжу, что меня кондрашка стукнетъ.

Взаправду: кто изъ всѣхъ смертныхъ, не исключая даже колодниковъ, можетъ считать себя лишеннымъ такого важнаго и необходимаго права, какъ «право двигаться»? Кажется никто... кромѣ русскаго архіерея. Это его ужасная привилегія: *ему нельзя выйти* за ворота своего двора, а позволяется только *выхвать*, и то не на одномъ и даже не на двухъ, а непременно на четырехъ животныхъ, да еще, пожалуй, подъ трезвонъ колоколовъ.

Надо пожить въ такомъ положеніи, чтобы понять, до чего оно тягостно и какъ вредно оно отзывается на всемъ организмѣ. Сколько силъ и способностей, можетъ-быть, погибло жертвою одной этой привилегіи? И какъ тяготятся этою привилегіею многіе изъ тѣхъ, которымъ завидуютъ люди, считающіе блаженствомъ «ѣсть и не просиживать зоба».

Мой ближайшій родственникъ, довольно извѣстный врачъ, *специалистъ по женскимъ болѣзнямъ*, живетъ въ г. К., въ собственномъ домѣ, бокъ-о-бокъ съ М. монастыремъ, гдѣ обыкновенно проживаетъ мѣстный викарный епископъ. По своей акушерской практикѣ, родственникъ мой никакихъ сношеній съ своими черными сосѣдями не имѣлъ и не надѣялся практиковать у нихъ, но вотъ, однажды, темною осеннею ночью (лѣтъ пять-шесть тому назадъ), къ нему звонится монахъ и, во что бы то ни стало, проситъ его посѣтить на помощь къ преосвященному.

Докторъ подумалъ, что монахъ ошибся дверями, и приказалъ слугѣ разъяснить иноку, что онъ врачъ-акушеръ и для епископа не годится. Но слуга, вышедшій къ монаху съ этимъ отвѣтомъ, возвращается назадъ и говоритъ, что монахъ не ошибся, что онъ именно присланъ къ моему родственнику, котораго владыка проситъ придти какъ можно скорѣе, потому что ему очень худо.

— Что же такое съ нимъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Очень худо говорить: въ животѣ что-то разнесло.

«Ну, — думаетъ акушеръ, — если дѣло въ животѣ, такъ это уже не далеко отъ моей специальности», — и пошелъ, какъ всегда ходитъ къ требующимъ его помощи, съ мѣлкомъ своихъ акушерскихъ снастей и снарядовъ. Мы-было отсвѣтовали ему не заносить въ монастырь этого духа, но онъ не послушался:

— Надо взять,—говорить:—и безъ нихъ, какъ безъ рукъ. И онъ отлично сдѣлать, что настояль на своемъ.

Возвращается онъ назадъ передъ самымъ утромъ, съ ароматною сигарою въ зубахъ, и смѣется.

Разспрашиваемъ его: гдѣ былъ?

— Да, дѣйствительно,—говорить:—былъ у архіерея.

— А кому же у него помогать?

— Да ему же и помогать.

— Неужели,—спрашиваемъ:—и инструменты не даромъ брать?

— Да,—говорить:—одна инструментина пригодилась,—и рассказываетъ вообще слѣдующее:

— Прихожу,—говорить:—въ спальню и вижу—архіерей лежитъ и стонетъ:

— «Охъ, докторъ! какъ вы медлите... мнѣ худо».

— Я ему отвѣчаю: «Извините, владыка, вѣдь я акушеръ и дѣчу специально однѣхъ женщинъ». А онъ говоритъ:

— «Ахъ, полноте, пожалуйста: есть ли когда теперь это разбираться,—да у меня, можетъ-быть, и болѣзнь-то женская».

— Что же у васъ такое?

— «Брюхо вспучило—совсѣмъ задыхаюсь».

— И вижу,—говоритъ докторъ:—онъ, дѣйствительно, такъ тяжело дышитъ, что даже весь побавровѣлъ и глазами нехорошо водить; а въ брюхѣ, гдѣ ни постулу, все страшно вздуто.

— У васъ, говорю, все это газами полно,—и ничего болѣе.

— «Да и я самъ,—отвѣчаю,—думаю, что въ иномъ-то ви въ чемъ вы меня не обличите, а только помогайте».

— Желудокъ надо скорѣе очистить,—сказалъ докторъ.

— «И не трудитесь, все напрасно: одеревянѣлъ и не чистится».

И архіерей назвалъ самыя сильнѣйшія слабительныя, которыя онъ (самъ изрядный знатокъ медицины) употреблялъ, но все бесполезно.

— Худо,—молвилъ акушеръ.

— «Да съ,—отвѣчалъ епископъ:—совсѣмъ весь свой аппаратъ испортилъ. Хоть ничего не финъ и не пей, а все его не убережешь въ этой печеловѣческой жизни. Но теперь... умоляю... хоть какую-нибудь струменцію, что ли, въ ходъ пустить, только бы полегчало.»

Тутъ-то и пригодилась инструментина изъ акушерскаго ридикюля, а послѣ принесеннаго ею быстрого облегченія насталъ пріятный разговоръ, начавшійся съ того, что врачъ сказалъ облегченному святителю, что онъ ему не будетъ ничего прописывать, потому что болѣзнь его не отъ случайной неумѣренности, а отъ недостатка воздуха и движенія, но что состояніе его, обусловливаемое этими причинами, очень серьезно и угрожаетъ его жизни.

— «Ахъ,—говоритъ архіерей:—я съ вами согласенъ. Но что же вы мнѣ посоветуете?»

— Больше ходить по воздуху, преимущественно по горкамъ, которыхъ у насъ такъ много.

— «Какъ же, какъ же... прекрасно; да еще бы, можетъ-быть, часа полтора въ сутки верхомъ на конѣ поѣздить?»

— Это бы очень полезно.

— «Сядьте же, дорогой сосѣдъ, поскорѣе къ моему столу и напишите мнѣ все это, по старой формулѣ «Cum Deo».

— Зачѣмъ же это писать, когда я вамъ это такъ ясно сказалъ.

— «Да мало ли что вы мнѣ сказали! Я и самъ безъ васъ все это знаю. Итъ, а вы мнѣ это напишите, а я попробую въ синодъ просьбу послать и приложу вамъ рецептъ: не разрѣшатъ ли мнѣ, хоть ради спасенія жизни, часа два въ день по улицѣ тѣшкомъ ходить? Но итъ, впрочемъ, не хочу васъ напрасно и затруднять, не пишите. И св. синодъ мнѣ такой льготы не разрѣшитъ, да и благочестивые люди мнѣ не дадутъ итъшкомъ ходить: все подъ благословеніе будутъ становиться. Другое бы дѣло верхомъ ѣздить, я это и люблю, и когда-то много на Востокѣ на конѣ ѣздилъ, и тогда никакихъ этихъ припадковъ не зналъ, но на Востокѣ нашъ братъ счастливейе,—тамъ при туркахъ проще можно жить и свободнѣе можно двигаться».

— Ну, вы бы,—говоритъ докторъ:—какъ-нибудь у себя дома устроили себѣ моціонъ.

— «Итъомъ, когда садъ открытъ,—я хожу по саду. Хоть и скучно все по одному мѣсту топотать, но топочу. А вотъ, какъ придетъ осень съ дождями, такъ и съѣзъ. Куда же въ тонь-то лѣзть? А на дворѣ на мощенныя дорожки выйти—онять благословляться пристануть. И сижу въ комнатѣ. Зима, всѣ дни дома, и весь весенній ранокъ тоже дома. Вотъ вы и посчитайте: много ли архіерей по воздуху-то можно ходить?»

— У васъ по монастырскому двору зимою дорожки есть.

— «Какъ же: есть, — только мнѣ-то по нимъ ходить пельзы».

— Отчего же?

— «Саянъ великъ пошу: монахи будутъ стѣсняться со мною гулять, да и мнѣ, скажутъ, непристойно съ ними панибратствовать; а потомъ благочестивцы прознаютъ, что архіерей наружи ходитъ, за благословеніемъ одолѣють. Словомъ, безпокойство поднимется: даже мой монастырскій журавль и конюшенный козелъ, которые нынче имѣють передо мною привилегію разгуливать по той дорожкѣ, — и они почувствуютъ стѣсненіе отъ моего появленія на воздухъ. Какой же вы мнѣ иной, болѣе подвижной, образъ жизни можете указать?»

Врачъ развелъ руками и отвѣчалъ:

— Никакого.

— «А вотъ, то-то и есть, что «никакого». Я давно говорю, что мы, архіерей, самые, можетъ-быть, безпомощные и даже совсѣмъ пропаціе люди, если за насъ медицина не заступится.»

— Медицина? — повторилъ врачъ: — ну, вамъ преосвященство, врядъ ли вы отъ насъ этого дождетесь.

— «А почему?»

— Да вѣдь мы не набожны... Скорѣе набожные люди пусть за васъ заступятся.

— «Такъ-то и было! Экъ вы куда хватили! Нѣтъ! медицина, государь мой, одна медицина можетъ насъ спасти, и она тутъ не выйдетъ изъ своей роли. Медицина должна нами заняться не для насъ и не для благочестія, а для обогащенія науки.»

— Какую же услугу можетъ оказать медицинѣ занятіе архіереями? Это очень интересно.

— «Очень интересно-съ! Медицина черезъ насъ можетъ обогатить науку открытіями. Я вотъ, за столько лѣтъ моихъ кишечныхъ страданій, очень зорко слѣжу за всѣми новыми медицинскими диссертаціями и все удивляюсь: что они за негодныя и неинтересныя темы берутъ! Тотъ пишетъ о лучистомъ эпителиѣ, другой — о послѣ-родовомъ послѣдѣ, словомъ, все о томъ, что выплевывается да извергается, а нѣтъ того, чтобы кто-нибудь написалъ диссертацію, напримѣръ, «объ архіерейскихъ запорахъ». А это было бы и

пово, и оригинально, и вполне современно, да и для человечества полезно, потому что мы, освяжившись, сдѣлались бы добрее... намекнуть бы только объ этомъ надо гдѣ-нибудь въ газетахъ, а то навѣрное придется умный медикъ, который за это схватится. И ужь какая бы къ нему отборная, духовная публика на диспутъ съѣхалась и какую бы онъ себѣ выгодную практику приготовилъ, специализовавшись по этому предмету. А наше начальство, увидавъ изъ этого разсужденія доказательство, отчего родъ пренеподобныхъ наиболѣе страждетъ и умалится, можетъ-быть, смилостивилось бы и позволило бы намъ ходить пѣшкомъ по улицѣ. И, можетъ-быть, тогда и люди-то къ намъ больше привыкать бы стали, и начались бы другія отношенія,—не чета нынѣшнимъ. Право, такъ! Я или другой архіерей, ходи межъ людьми, можетъ-быть, кого-нибудь чему-нибудь доброму бы научилъ, и воздержалъ бы, и посовѣтовалъ. Пожалуйста, докторъ, поверните насъ на пользу науки и пустите объ этомъ, промежду своими, словечко за насъ *).

И больной съ докторомъ, пошутивъ, весело разстались.

А между тѣмъ, подумайте, читатель: сколько горькаго въ этой шуткѣ, которою отводитъ свою досаду русскій человѣкъ свѣтскаго и духовнаго чина? сколько въ томъ, что онъ осмѣиваетъ, чего-то напраснаго, обременяющаго и осложняющаго жизнь невыносимыми условіями, которыя, чуть не цѣлые вѣка, стоятъ неизмѣнными только потому, что никто не хочетъ понять ихъ тяжесть и снять съ людей «бремена тяжкія и неудобноносимыя»...

Положимъ, что наше духовенство невозможно ставить на одну доску съ протестантскими пасторами, которые ходятъ повсюду, куда можно ходить честному человѣку; но если даже сравнить положеніе нашего епископа съ положеніемъ лица соответственнаго сана римской церкви, то насколько свободнѣе окажется въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ даже римскій епископъ? Этотъ не только можетъ проѣхать

*) Лица, имѣющія какія-либо сношенія съ спеціальными медицинскими органами, можетъ-быть, дѣйствительно принесли бы нѣкоторую пользу человечеству, если бы не пренебрегли точно мною передаваемымъ мнѣніемъ епископа объ особенномъ характерѣ ихъ, такъ-сказать, сословнаго недуга. Можетъ-быть, гг. медики убѣдили бы общество и начальство, что такъ людямъ жить нельзя.

къ знакомому мірянину безъ звона и на простомъ извозчикѣ, но онъ посѣщаетъ безвредно для себя и для церкви музеи, выставки, концерты, самъ покупаетъ для себя книги, а съ однимъ изъ таковыхъ, епископомъ Г—мъ, большимъ любителемъ стариннаго искусства, я даже не разъ хаживалъ къ букинистамъ на петербургскій Апраксинъ дворъ, и все это не вредило ни сану епископа, ни его доброй репутаціи, ни римской церкви.

Почему же налгъ епископъ лишенъ этой свободы, и почему лишеніе это идетъ, напримѣръ, такъ далеко, что когда одинъ изъ русскихъ епископовъ, человѣкъ весьма ученый и литературный, пожелалъ заниматься на рѣду съ другими людьми въ залахъ публичной библіотеки, то говорили, будто это было найдено нѣкоторыми широко разставленными людьми за непристойность и даже за «фанфаронскую браваду» (два слова, и оба не русскія)... Мы такъ не привыкли, чтобы наши епископы пользовались хотя бы самою позволительною свободою, что приходимъ въ недоумѣніе, если встрѣчаемъ ихъ гдѣ-нибудь запросто. Я помню, какъ однажды, покойный книгопродавецъ Николай Петровичъ Кораблевъ (вмѣсто котораго, по газетнымъ извѣстіямъ, вѣроятно изъ вѣжливости, преждевременно былъ зачисленъ умершимъ его товарищъ Сяряковъ) встрѣтилъ меня въ самомъ возбужденномъ состояніи и съ живостью и смущеніемъ возвѣстивъ, что къ низу въ магазинъ *заходилъ епископъ!* Но и то это было еще во время оно; да и епископъ тотъ былъ краса наней церковной учености, трудолюбивый Макарій литовскій, нынѣшній митрополитъ московскій...

Въ обществѣ о такомъ «укрывательствѣ архіереевъ» думаютъ различно: одни находятъ, что этого, будто, «требуется санъ», а другіе утверждаютъ, что санъ этого не требуетъ. Люди сего послѣдняго мнѣнія, ссылаясь на простоту и общедоступность «оныхъ давнихъ архіереевъ», склонны винить въ отчужденіи архіереевъ отъ міра, такъ называемую, «византійскую рутину», или, наконецъ, кичливость самихъ архіереевъ, которымъ, будто бы, особенно правится сидѣть во свѣтѣ неприступнымъ и фздить на шести животныхъ.

Можетъ-быть, что все это имѣетъ мѣсто въ своемъ родѣ и склоняетъ дѣло къ одному положенію. Кто хоть разъ бы-

валь въ архіерейскомъ домѣ, тотъ знаетъ, какъ тамъ все нелюдимо, дико и какъ-то безпріютно, и кто видать много владычныхъ домовъ, тотъ знаетъ, что нелюдимость и безпріютность — это неотъемлемое качество сихъ жилищъ; а всякое жилище, говорятъ, будто бы выражаетъ своего хозяина. Еще одно общее архіерейскимъ домамъ отличительное и притомъ удивительное свойство, это необъяснимый запахъ *старыми фортепіанами*, который очень легко чувствовать, но причину его отгадать трудно, ибо фортепіанъ въ архіерейскихъ домахъ не бываетъ, но этотъ *скудный запахъ* тамъ есть точно въ залѣ стараго нежилого помещичьяго дома, гдѣ заперты фортепіаны, на которыхъ никто не играетъ. Есть и еще *что*, какъ мнѣ кажется, еще болѣе дѣйственное. Довольно общее и, притомъ, не безосновательное убѣжденіе таково, что православные любятъ пышное вельдѣіе своихъ духовныхъ владыкъ и едва ли могли бы снести безъ смущенія ихъ «опрощеніе». Объ этомъ даже очень недавно говорилъ «Голосъ» по поводу непріятности, случившейся съ епископомъ Гермогеномъ Доброправнымъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Однако, впрочемъ, по игрѣ случая, сказано это было въ томъ же самомъ номерѣ, гдѣ говорилось, что въ оное время всѣ газеты, будто бы, писали не то, что думали.

Любовь къ пышности, мнѣ кажется, — несомнѣнна, и она не ограничивается требованіемъ пышности только въ служеніи. Есть православные, которымъ, какъ будто, нужно, чтобы ихъ архіереи и виѣ храма вели себя поважнѣе, — чтобы они ѣздили не иначе, какъ «въ простыжъ», по крайней мѣрѣ четверкою, «гласили томно» и «благословляли авантажко», и чтобы при этомъ показывались не часто, и чтобы доступить до нихъ можно было не иначе, какъ «съ подходцемъ». А въ домѣ у нихъ все стояло чинно въ рядъ безъ всякаго удобства, — словомъ, не такъ, какъ у людей. Напрасно было бы оспаривать, что все это дѣйствительно такъ; но едва ли можно было бы доказать, что такое «любленіе» пышности выражаетъ любовь къ лицамъ, отъ которыхъ она требуется, и укрѣпляетъ уваженіе къ ихъ высокому сану. Совсѣмъ нѣтъ; въ этомъ желаніи православныхъ «превозвынать» своихъ архіереевъ есть живое сродство съ извѣстнымъ съ рыцарскихъ временъ «обожаніемъ женщинъ», которое отнюдь не выражало собою ни

любви, ни уваженія рыцарей къ дамамъ: дамы отъ этого «обожанія» только страдали, въ томительной зависимости. Мертвячая пышность нашихъ архіереевъ, съ тѣхъ поръ какъ они стали считать ее принадлежностію своего сана, не создала имъ народнаго почтенія. Народная память хранитъ имена святителей «прѣстыхъ и препрѣстыхъ», а не пышныхъ, и важныхъ или вообще «не прѣстыхъ» нашъ народъ никогда не считаетъ ни праведными, ни благовѣрными. Русскій народъ любитъ глядѣть на пышность, но уважаетъ *простоту*. Пышность скорѣе всего просто слѣдствіе привычки и, можетъ-быть, вкуса, воспитаннаго византизмомъ и давно требующаго перевоспитанія *истиннымъ христіанствомъ*. Тотъ же самый народъ, которому, будто бы, столь нужна пышность, узнавъ о такомъ «простомъ владыкѣ», какъ жившій въ Задонскѣ Тихонъ, еще при жизни этого человѣка оцѣнили его духъ и назвали его *святымъ*. Этотъ самый народъ жаждетъ слова Тихона и слушался этого слова болѣе, чѣмъ всякихъ иныхъ словесъ владыкъ пышныхъ.

Не безызвѣстенъ и другой подобный же примѣръ и нынче, но только мы не назовемъ этого современнаго намъ епископа, изъ уваженія къ его скромности и тщательному старанію, съ коимъ онъ таится отъ міра и его похвалъ. Стало-быть, не пышность и не велелѣшіе, а еще болѣе не важность и не неприступность служатъ лучшимъ средствомъ добраго вліянія архіереевъ на ихъ паству, а, напротивъ, — качества совсѣмъ иные, — качества, не только не утверждающіяся на пышности, но даже совсѣмъ съ нею несродныя: нужна *простота*.

Есть, однако, люди, которые утверждаютъ, что плѣнительная простота, отличавшая Тихона, возможна только для епископовъ, отказавшихся отъ дѣлъ управленія. Правящій же епископъ, будто бы, не можетъ вести себя такъ просто, — ибо «нашъ-де народъ еще не достигъ того понятія, чтобы чтить простоту».

Помимо отвратительнаго и горькаго чувства, внушаемаго симъ подобными словами, которые дышатъ и невѣжествомъ, и предательствомъ, они совершенно несправедливы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Первый архіерей, котораго я узналъ лично, былъ Сма-

рагдъ Крижановскій, во время его управленія орловскою епархією.

Это воспоминаніе относится къ самымъ раннимъ годамъ моего отрочества, когда я, обучаясь еще въ орловской гимназій, постоянно слышалъ рассказы о дѣянїяхъ этого владыки и его секретаря, «ужаснаго Бруевича».

Свѣдѣнія мои объ этихъ лицахъ были довольно разно-стороннія, потому что, по нѣсколько исключительному моему семейному положенію, я въ то время вращался въ двухъ противоположныхъ кругахъ орловскаго общества. По отцу моему, происходившему изъ духовнаго званія, я бывалъ у нѣкоторыхъ орловскихъ духовныхъ и хаживалъ иногда по праздникамъ въ монастырскую слободку, гдѣ проживали ставленники и томившіеся въ чайни «владычнаго суда» подначальные. У родственниковъ же съ материной стороны, принадлежавшихъ къ тогдашнему губернскому «свѣту», я видалъ губернатора, князя Петра Ивановича Трубецкого, который терпѣть не могъ Смарагда и находилъ неутолимое удовольствіе вездѣ его ругать. Князь Трубецкой постоянно называлъ Смарагда не иначе, какъ «козломъ», а Смарагдъ, въ отместку, величалъ князя «пѣтухомъ».

Губернаторъ князь Трубецкой и епископъ Смарагдъ не влюбили другъ друга съ первой встрѣчи и считали долгомъ враждовать между собою во все время своего совмѣстнаго служенія въ Орлѣ, гдѣ, по этому случаю, насчетъ ихъ ссоръ и пререканій ходило много рассказовъ, по большей части, однакоже, или совсѣмъ невѣрныхъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличенныхъ. Таковъ, напр., повсемѣстно съ несомнѣнною достовѣрностію рассказываемый анекдотъ о томъ, какъ епископъ Смарагдъ, будто бы, ходилъ съ хоругвями, подъ звонъ колоколовъ, на съѣзжую, посѣщать священника, взятаго, по распоряженію князя Трубецкого, въ часть ночнымъ обходомъ, въ то время, какъ этотъ священникъ шелъ съ дароносицею къ больному.

На самомъ дѣлѣ, такого происшествія въ Орлѣ вовсе не было. Многіе говорятъ, что оно было, будто бы, въ Саратовѣ или въ Рязани, гдѣ тоже епископствовалъ и тоже ссорился преосвященный Смарагдъ, но не мудрено, что и тамъ этого не было. Несомнѣнно одно, что Смарагдъ терпѣть не могъ князя Петра Ивановича Трубецкого и еще болѣе

его супругу, княгиню Трубецкую, рожденную Витгенштейнъ, которую онъ, кажется не безъ основанія, звалъ «бусловною нѣмкою». Этой энергической дамѣ Смарагдъ оказывалъ замѣчательныя грубости и, въ томъ числѣ, разъ при мнѣ сдѣлалъ ей такое рѣзкое и оскорбительное замѣчаніе, что это всѣхъ ужаснуло. Но княгиня отвѣтить Смарагду не нашлась или не посмѣла.

Епископъ Смарагдъ былъ человѣкъ раздражительный и рѣзкій, и если ходящіе о его расприхъ съ губернаторами анекдоты не всегда фактически вѣрны, то всѣ они въ самомъ сочиненіи своемъ вѣрно изображаютъ характеръ сорвавшихся сановниковъ и общественное о нихъ представленіе. Князь Петръ Ивановичъ Трубецкой во всѣхъ этихъ анекдотахъ представляется человѣкомъ заносчивымъ, мелочнымъ и безтактнымъ. О немъ говорили, что онъ «нѣтушится», — топоришитъ перья и брыкается шпорою во что попало, а покойный Смарагдъ «козляковалъ». Онъ дѣйствовалъ съ расчетомъ: онъ, бывало, нѣкое время посматриваетъ на нѣтушка и даже бородой не тряхнетъ, но чуть тотъ не поостережется и выступитъ за ограду, онъ его въ ту же минуту боднетъ и назадъ на его насѣсть перекинетъ.

Въ кружкахъ орловскаго общества, которое не любило ни князя Трубецкого, ни еп. Смарагда, — послѣдній все-таки пользовался хотя нѣкоторымъ вниманіемъ. Въ немъ цѣнили по крайней мѣрѣ его умъ и его «неуемность». О немъ говорили:

— «Сорванецъ и молодець, — ни Бога не боится, ни людей не стыдится». Такіе люди въ русскомъ обществѣ пріобрѣтаютъ авторитетъ, законности котораго я и не намѣренъ оспаривать, но я имѣю основаніе думать, что покойный орловскій дерзкій епископъ едва ли на самомъ дѣлѣ «ни Бога не боялся, ни людей не стыдился».

Конечно, если смотрѣть на этого владыку съ общей точки зрѣнія, то, пожалуй, за нимъ, какъ будто, можно признать такой авторитетъ; но если заглянуть на него со стороны нѣкоторыхъ мелочей, весьма часто ускользающихъ отъ общаго вниманія, то выйдетъ, что и онъ не совсѣмъ былъ чуждъ способности стыдиться людей, а, можетъ-быть, даже и бояться Бога.

Вотъ тому примѣры, которые, вѣроятно, однимъ вовсе неизвѣстны, а другимъ, можетъ-быть, до сихъ поръ позабыты.

Теперь я сначала представлю читателямъ оригинальнаго человѣка изъ орловскихъ старожилловъ, котораго чрезвычайно боялся «неуемный Смарагдъ».

Въ то самое время, когда жили и враждовали въ Орлѣ кн. П. И. Трубецкой и преосвящ. Смарагдъ, тамъ же, въ этомъ «многострадальномъ Орлѣ», въ небольшомъ сѣренькомъ домикѣ на Польшской площади, проживалъ не очень давно скончавшійся отставной майоръ Александръ Христіановичъ Шульцъ. Его всѣ въ Орлѣ знали и всѣ звали его съ титуломъ: «майоръ Шульцъ», хотя онъ никогда не носилъ военнаго платья и самое его майорство нѣкоторымъ казалось немножко «апокрифическимъ». Откуда онъ и кто такой,—едва ли кто-нибудь зналъ съ полною достовѣрностію. Шутливые люди рѣшались даже утверждать, что «майоръ Шульцъ» есть вѣчный жидъ Агасверъ или другое, столь же таинственное, но многозначачшее лицо.

Александръ Христіановичъ Шульцъ съ тѣхъ поръ, какъ я его помню, — а я помню его съ моего дѣтства, — былъ старикъ, сухой, немножко сгорбленный, довольно высокаго роста, крѣпкой комплекціи, съ сильною просѣдью въ волосахъ, съ густыми, очень пріятными усами, закрывавшими его совершенно беззубый ротъ, и съ блестящими, искривленными сѣрыми глазами въ правильныхъ вѣкахъ, опущенныхъ длинными и густыми темными рѣсницами. Люди, видѣвшіе его незадолго до его смерти, говорятъ, что онъ такимъ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ очень умный и еще болѣе—очень пріятный, всегда веселый, всегда свободный. искусный рассказчикъ и досужій шутникъ, умѣвшій иногда ловко запутать путаницу и еще ловчѣе ее распутать. По душѣ и по сердцу онъ былъ человѣкъ добрый и дѣлалъ не мало добра. Официальное положеніе Шульца въ Орлѣ выражалось тѣмъ, что онъ былъ безсмѣннымъ старшиною дворянскаго клуба. Никакого другаго мѣста онъ не занималъ и жилъ неизвѣстно чѣмъ, но жилъ очень хорошо. Небольшая квартира его всегда была меблирована со вкусомъ, на холостую ногу; у него всегда кто-нибудь гостилъ изъ пріѣзжихъ дворянъ; закуска въ его домѣ подавалась всегда обильная, какъ при немъ, такъ и безъ него. Домомъ у него завѣдывалъ очень умный и вѣжливый человѣкъ. Василій, питавшій къ своему господину самую вѣрную пре-

данность. Женщинъ въ домѣ не было, хотя покойный Шульцъ былъ большой любитель женскаго пола и, по выраженію Василія, «страшно слѣдилъ по этому предмету».

Жилъ онъ, какъ одни думали, картами, т.-е. велъ постоянную картежную игру въ клубѣ и у себя дома; по другимъ же, онъ жилъ, благодаря нѣжной заботливости своихъ богатыхъ друзей К—скихъ. Последнему вѣрить гораздо легче, тѣмъ болѣе, что Александръ Христіановичъ умѣлъ заставить любить себя очень искренно. Шульцъ былъ человѣкъ очень сострадательный и не забывалъ заповѣди «стяжать себѣ друзей отъ мамы неправды». Такъ, въ то время, когда въ Орлѣ еще не существовало благотворительныхъ обществъ, Шульцъ едва ли былъ не единственнымъ благотворителемъ, который подавалъ больше гроша, какъ это дѣлало и вѣроятно доселѣ дѣлаетъ орловское православное христіанство. Маіора хорошо знали безпомощные бѣдняки Пушкарской и Стрѣлецкой слободъ, куда онъ часто отправлялся въ своемъ куцомъ коричневомъ сюртучкѣ съ замасомъ «штрафныхъ» денегъ, собиравшихся у него отъ позднихъ клубныхъ гостей, и здѣсь раздавалъ ихъ бѣднымъ, иногда довольно щедрою рукою. Случалось, что онъ даже покупалъ и дарилъ рабочихъ лошадей и коровъ и охотно хлопоталъ объ опредѣленіи въ училище дворянскихъ сиротъ. Чтò ему почти всегда удавалось, благодаря его обширнымъ и короткимъ связямъ.

Но, помимо этой пользы обществу, Шульцъ приносилъ ему еще и другую, можетъ быть не менѣе важную услугу: онъ олицетворялъ въ своей особѣ мѣстную гласность и сатиру, которая, благодаря его неутомимому и острому языку, была у него беспощадна и обуздывала много пошлостей дикаго самодурства тогдашняго «добраго времени». Тонкій и язвительный юморъ Шульца преслѣдовалъ, по преимуществу, мѣстныхъ свѣтилъ, но преслѣдованіе это велось у него съ такимъ тактомъ и наивностью, что никто и думать не смѣлъ ему мстить. Напротивъ, многіе изъ преслѣдуемыхъ бичомъ его сатиры нерѣдко сами помирали со смѣху отъ насмѣшекъ маіора, а боялись его *всѣ*, по крайней мѣрѣ, всѣ, имѣвшіе въ городѣ вѣсъ и значеніе и потому, конечно, желавшіе не быть осмѣянными, лебезили передъ немѣвшимъ никакого официальнаго значенія клубнымъ маіоромъ

Шульцъ, конечно, это знать и мастерски пользовался почтительнымъ страхомъ, наведеннымъ имъ на людей, нежелавшихъ почитать ничего болѣе достойнаго почтенія.

Шульцу было извѣстно все, что происходило въ городѣ. Самъ онъ, по преимуществу и даже исключительно, держался компаніи въ «высшемъ кругѣ», гдѣ его и особенно боялись, но онъ не затворялъ своихъ дверей ни передъ кѣмъ, и оттого все сколько-нибудь интересныя или скандальныя вѣсти стекались къ нему всяческими путями. Шульцъ былъ принятъ и у кн. Трубецкого, и у архіерея Смарагда, распрями которыхъ онъ тѣшился и рачительно ими занимался, то собирая, то сочиняя и распуская объ этихъ лицахъ повсюду самыя смѣшныя и въ то же время способныя усиливать ихъ ссору вѣсти. Мало-по-малу, Шульцъ до такой степени увлекся этой травлею, что предался ей съ исключительнымъ жаромъ и, можно сказать, нѣкоторое время, просто, какъ бы ею только и жилъ.

Смарагдъ, по прибытіи въ Орель, очень скоро узналъ о Шульцѣ и оцѣнилъ его значеніе. Онъ, разумѣется, не только не пренебрегъ маіоромъ; но отнесся къ нему съ самою лестною внимательностью. Долго онъ все зазывалъ Шульца къ себѣ черезъ К—скихъ и заигрывалъ съ нимъ черезъ другихъ, поручая попенять ему, что онъ не хочетъ «навѣстить бѣднаго монаха». Шульцъ не шелъ, но какъ бы благоволилъ къ архіерею и похваливалъ его насчетъ губернатора. Наконецъ, они встрѣтились съ Смарагдомъ, кажется, на обѣдѣ въ с. Шаховѣ, и маіоръ здѣсь совсѣмъ очаровалъ скучавшаго епископа своими ѣдкими сарказмами надъ Трубецкимъ и докторомъ Д—цемъ, а также и надъ другими видными орловскими гражданами. Знавшій толкъ въ людяхъ, Смарагдъ тутъ же постарался подмѣтить слабость самого маіора: онъ замѣтилъ, что Шульцъ любилъ хорошо покушать и, притомъ, былъ тонкій цѣнитель «добраго винца», въ чемъ довольно свѣдуецъ оказывался и покойный епископъ. И онъ пригласилъ зюла къ себѣ въ городъ запросто и угостилъ его, что называется, «по знатоцки».

Съ тѣхъ поръ они стали знакомы и, какъ люди очень умные, не много чинясь другъ съ другомъ, скоро сблизились. Но Смарагду, конечно, не удалось закормить Шульца до того, чтобы онъ совсѣмъ положилъ печать молчанія на свои уста, и хотя многимъ казалось, будто маіоръ какъ бы

щадилъ архіерея и, даже, нападалъ за него на князя, но весьма вѣроятно, что это происходило оттого, что Смарагдъ безъ сравненія превосходилъ губернатора въ умѣ, а Шульцъ былъ любитель ума, въ комъ бы ни встрѣчалъ его. Однако, послабленіе епископу длилось не долго: разъ, когда Шульцу стали замѣчать, что онъ щадитъ архіерея, онъ отвѣтилъ:

— Не могу же я, господа, не дѣлать разницы между Трубецкимъ, у котораго мнѣ подають блюдо его лакеи, и архіереемъ, который всегда самъ меня потчуетъ.

Это было передано Смарагду и послужило началомъ владычнаго неудовольствія, которое вскорѣ затѣмъ усилилось еще однимъ обстоятельствомъ, послѣ котораго между владыкою и Шульцемъ произошелъ разрывъ. Причиною тому былъ пріѣздъ въ Орель какого-то важнаго чиновника центральнаго духовнаго учрежденія. Можетъ-быть, это былъ какой-нибудь директоръ канцеляріи, а можетъ быть, что-нибудь даже еще болѣе достопримѣчательное. Смарагдъ чувствовалъ заѣзжаго гостя въ своемъ архіерейскомъ домѣ вечернею трапезою, а Шульцъ былъ въ числѣ возлежавшихъ, и, по обыкновенію, одинъ оживлялъ пиръ своимъ веселымъ и злымъ остроуміемъ.

Благодаря ему, заняла бесѣда за ночь и «недоставшу винцу» владыка всплескалъ руками, что у него было призывнымъ знакомъ для слугъ; но слуги, не чая поздняго дополненія къ столу, отлучились. Тогда архіерей живо всталъ и, чтобы не распутить компанію, подобравъ свою бархатную рясу, побѣжалъ съ такою рѣзвостію, что, чрезвычайно удивленный этою прыткостію епископа, Шульцъ на другой же день началъ рассказывать, какъ рѣзво умѣютъ вани владыки бѣгать передъ чиновниками.

Смарагду это совсѣмъ не понравилось. Онъ нашелъ, что Шульцъ «не хорошъ въ компаніи», но, однако, его высокопреосвященство никакъ не могъ освободиться отъ довольно тяжкаго нравственнаго вліянія маіора: Шульцъ ни за что не хотѣлъ спускать съ глазъ архіерейскую распрю съ губернаторомъ и умыслилъ весьма хитрую штуку, чтобы обнародовать положеніе ихъ фондовъ во всеобщее свѣдѣніе.

Это имѣетъ особенный интересъ, потому что тутъ мы можемъ получить довольно ясное указаніе: какъ несправедливы нѣкоторыя нареканія на архіереевъ, будто бы имъ мало не дорожащихъ общественнымъ мнѣніемъ.

Нижеслѣдующій случай покажетъ, что даже и Смарагдъ былъ чутокъ къ совѣту Сираха «нешись объ имени своемъ», которое, по словамъ Теокрита, «каждый себѣ въ сладостный даръ получаетъ».

На свѣтломъ окнѣ сѣраго домика на Польшской площади «сожженнаго» города Орла, въ одинъ прекрасный день, совершенно для всѣхъ неожиданно, появились два чучела: одно было красный пѣтухъ въ игрушечной каскѣ, съ золочеными игрушечными же шпорами и бакенбардами, а другое — маленький, опять-таки игрушечный же козелъ, съ бороною, покрытый чернымъ лоскуткомъ, свернутымъ въ видѣ монашескаго клобука. Козелъ и пѣтухъ стояли другъ противъ друга въ боевой позиціи, которая отъ времени до времени измѣнялась. Въ этомъ и заключалась вся штука. Смотря по тому, какъ стояли дѣла князя съ архіереемъ, то-есть: кто кого изъ нихъ одолевалъ (о чемъ Шульцъ всегда имѣлъ подробныя свѣдѣнія), такъ и устраивалась группа. То пѣтухъ клевалъ и билъ взмахами крыла козла, который, понуря голову, придерживалъ лапою сдвигавшійся на затылокъ клобукъ; то козелъ давилъ копытами шпоры пѣтуха, поддѣвая его рогами подъ челюсти, отчего у того голова задиралась кверху, каска сваливалась на затылокъ, хвостъ опускался, а жалостно разинутый клювъ какъ бы вопіялъ о защитѣ.

Всѣ знали, что это значить, и судили о ходѣ борьбы по тому, «какъ у Шульца на окнѣ архіерей съ княземъ дерутся».

Это былъ первый проблескъ гласности въ Орлѣ и, притомъ, гласности безцензурной.

Не знаю, какъ интересовался этимъ князь Петръ Ивановичъ. Можетъ-быть, что этотъ губернаторъ, по приниципируемому ему словамъ, «сильно занятый поджогами», за недосугами и не зналъ, что изображали Шульцевы манекены; но преосвященный это зналъ, очень слѣдилъ за этимъ дѣломъ и частенько, говорятъ, посылалъ нѣкогого, понинѣ еще, кажется, здравствующаго въ Орлѣ мужа, «приватно пройти и посмотрѣть, что представляютъ у Шульца на окнѣ *фигуры*: какая какую бореть?»

Надѣюсь, что рассказанными мелочами изъ мопхъ отроческихъ воспоминаній объ архіерее, котораго я зналъ въ

оную безгласную пору на Руси, я въ нѣкоторой стѣпени показали примѣромъ, что и самыя крутыя изъ архіереевъ не остаются безучастными къ общественному мнѣнію, а потому такое нареканіе на нихъ едва ли справедливо. Теперь же я на томъ же самомъ Смарагдѣ представляю другой примѣръ, который можетъ показать, что и обвиненіе архіереевъ въ безучастіи и жестокости тоже можетъ быть не всегда вѣрно.

Но пусть, вмѣсто нашихъ разсужденій, говорятъ сами маленькія «событія».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

У насъ на орловской монастырской слободкѣ жилъ одинъ мой гимназическій товарищъ, сынъ этапнаго офицера, семья котораго мнѣ въ дѣтствѣ представлялась семьею тѣхъ трехъ праведниковъ, ради которыхъ Господь терпѣлъ на землѣ орловскія «проломленные головы». Это, въ самомъ дѣлѣ, была очень добрая семья, состоявшая изъ отца, бѣлаго, какъ лунь, коротенькаго старичка, который два раза въ недѣлю съ огромною «валентиновскою» саблею при бедрѣ садился верхомъ на сытую игренюю кобылку и выводилъ за кромскую заставу арестантскіе этапы. Арестанты его любили и, какъ былъ слухъ, не бѣгали изъ-подъ его конвоя только потому, что имъ «было жалко его благородіе». Онъ былъ совсѣмъ старецъ и, давно потерявъ всѣ зубы, кушалъ лишь одну маленькую кашку. Жена его, золотушная старушка, тоже была въ дѣтскомъ состояніи: она питала безграничную и ничѣмъ не смущаемую довѣрчивость ко всѣмъ людямъ, любила получать въ подарокъ игрушечныя фарфоровыя куколки, которыя она разставляла въ минуты скуки и унынія, посвящавшія ее при появившихся подъ старость дѣтскихъ болѣзняхъ. У нея обыкновенно дѣлались то свинка, то корь, то коклюшъ, а незадолго передъ смертью появились какіе-то припадки въ родѣ родимца. Оба этапные супруга были добры до безконечности. Ихъ сынъ, — мой гимназическій товарищъ, постоянно читавшій романы Вальтеръ-Скотта, и дочь, миловидная дѣвушка, занимавшаяся вышиваньемъ гарусомъ, — тоже были олицетвореніемъ простоты и кротости. И вотъ, у этихъ-то добрыхъ людей на дворѣ, по сѣнямъ и закуткамъ, всегда проживали «духовенные», изъ призванныхъ «подъ началь» или «ожидав-

шихъ резолюціи». Съ нихъ въ этомъ христіанскомъ домѣ ничего не брали, а держали ихъ просто по состраданію, «Христа ради». Изрѣдка развѣ, и то не иначе, какъ «по усердію», кто-нибудь изъ подначальныхъ бѣдняковъ бывало промететь дворъ или улицы или выполетъ гряды, или сходить на Оку за водою, необходимою сколько для хозяйскаго, столько же и для собственнаго употребленія самихъ подначальныхъ.

Въ кромѣшномъ аду, который представляла собою орловская монастырская слободка, уютный домикъ этапнаго офицера и его чистенькій дворикъ представляли самое утѣшительное и даже почти сносное мѣсто. Сострадательные хозяева жалѣли злополучныхъ «подначальниковъ» и облегчали ихъ тяжкую участь безъ разсужденія, которое такъ легко ведетъ къ осужденію. Но, однако, и здѣсь, кромѣ пріюта, «духовеннымъ» ничего не давали, потому что не имѣли, что имъ дать. Имъ дозволяли только дергать на огородѣ чрезвычайно разросшійся хрѣнь, который угрожалъ заглушить всякую иную зелень и не переводился, несмотря на самое усердное истребленіе его «духовенными».

Домомъ этимъ дорожили «духовенные» и, прощаясь съ офицерскимъ семействомъ, всегда молили «паки ихъ не отвергнуть, если впадутъ въ руцѣ Бруевича и паки сюда послѣдуютъ». Дорожилъ этими добрыми людьми и я, не только потому, что мнѣ всегда было пріятно въ этой простой доброй семьѣ, но и потому, что я могъ здѣсь встрѣчать многострадалныхъ «духовенныхъ», съ дѣтства меня необыкновенно интересовавшихъ. Они располагали меня къ себѣ ихъ жалкою приниженностію и сословной оригинальностію, въ которой мнѣ чужалось несравненно болѣе жизни, чѣмъ въ тѣхъ, такъ называемыхъ, «хорошихъ манерахъ», внушеніемъ коихъ томилъ меня претензіонный кругъ моихъ орловскихъ родственниковъ. И за эту привязанность къ орловскимъ духовеннымъ я былъ щедро вознагражденъ: единственно благодаря ей, я съ дѣтства моего не раздѣлялъ презрительныхъ взглядовъ и отношеній «культурныхъ» людей моей родины къ бѣдному сельскому духовенству. Благодаря орловской монастырской слободкѣ, я зналъ, что среди страдающаго и приниженнаго духовенства русской церкви не все одни «грошевики, алтынники и блинохваты», какихъ выводили многіе повѣствователи, и я дерзнулъ написать

«Соборныя». Но въ тѣхъ же хранилищахъ моей памяти, изъ конхъ я черпалъ типичныя черты для изображенія лицъ, выведенныхъ мною въ названной моей хроникѣ, у меня остается еще много клочковъ и обрѣзковъ или, эдакъ быче говорить по-русски, «купуровъ». И вотъ теперь одинъ изъ этихъ «купуровъ» просится къ настоящему случаю подъ перо. Герой моего наступающаго разсказа—молодой сельскій дьячокъ Лукьянъ, фамиліи котораго я не помню. Это былъ человѣкъ очень длинный и, отъ своей долготы, сгорбленный, худой, смуглый, безбородый, со впалыми щеками, несоразмѣрно маленькою головкою «рѣпкою» и веселыми желтыми глазками. Онъ былъ «бозпокойнаго характера», постоянно имѣлъ разнообразныя стычки съ разными лицами, попалъ за одну изъ нихъ подъ начало и сдѣлался мнѣ особенно памятнымъ по своей отважной борьбѣ съ Смарагдомъ, котораго онъ имѣлъ удивительное счастье и растрогать, и одолѣть, — во всякомъ случаѣ, по собственнымъ его словамъ, онъ «побѣдилъ воеводу непобѣдимаго».

Дьячокъ Лукьянъ появился въ офицерскомъ домѣ на монастырской слободѣ лѣтомъ, передъ ученическимъ разѣздомъ на каникулы. Родъ вины его былъ оригинальный: онъ попалъ сюда *«по обвиненію въ кисейныхъ рукавахъ»*. Подробности этого о своемъ преступленіи Лукьянъ вначалѣ ничего не сообщалъ, и я такъ и уѣхалъ на каникулы въ деревню съ одними этими поверхностными и скудными свѣдѣніями о его виновности. Извѣстно было только, что преступленіе съ «кисейными рукавами» стрислось на Троицу и что виновный въ немъ былъ взятъ и привезенъ въ Орелъ, по его словамъ, какъ-то «нагло», такъ что онъ даже оказался безъ шапки. Это я очень хорошо помню, потому что бѣднякъ попервоначально чрезвычайно стѣснялся быть безъ шапки и все хлопоталъ отыскать «оказію», чтобы выписать изъ «своихъ мѣстъ» какую-то, будто бы имѣвшуюся у него, другую шапку. По своему легкомысленному ребячеству, я почему-то все сближалъ Лукьяна съ тогдашнимъ романсомъ:

Ахъ, о чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ
И украдкой утираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ.

И думалъ: не онъ ли сочинилъ этотъ романсъ, или не записалъ ли онъ его ошибкою, гдѣ не слѣдуетъ. Но дѣло заключалось совсѣмъ въ иномъ.

По возвращеніи съ капитулы, я засталъ Лукьяна въ прежней позиціи, т.-е. на этой же монастырской слободѣ, въ офицерскомъ домѣ, но только уже не простоволосаго, а въ желтомъ кожаномъ картузѣ, съ длиннымъ четырехугольнымъ козыремъ. Это меня очень обрадовало, и я, при первой же встрѣчѣ, выразилъ ему свое удовольствіе, что онъ нашелъ хорошую оказію вытребовать себѣ шапку. Но Лукьянъ только махнулъ головою и, снявъ съ себя свой оригинальный картузь, отвѣчалъ, что оказіи онъ еще не нашелъ, а что носимый имъ теперь на головѣ снарядъ добытъ имъ «по случаю». При этомъ, осматривая картузь съ глубокими пренебреженіемъ, какъ вещь несоответствующую его духовному званію и употребляемую только по крайности, онъ сказалъ:

— Колпачокъ этотъ, чтобы покуда накрываться, мнѣ царскихъ жеребцовъ вертинаръ *) за регистры подарилъ, — и при этомъ Лукьянъ добавилъ, что колпакъ этотъ «дурацкій» и что какъ только онъ въ скорости возвратится домой, то сейчасъ же этотъ «колпачокъ» сдастъ на скворещню и скворца въ него посадить, чтобы тотъ научился въ ней по-нѣмецки думать: «кому па Руси жить хорошо».

Однако, ни одинъ скворецъ не дождался этой чести, потому что нѣмецкій колпачокъ успѣлъ разрушиться на головѣ самого Лукьяна, прежде чѣмъ онъ уѣхалъ во-свои. Онъ гулялъ въ немъ все лѣто, осень и зиму до Алексѣя Божія человѣка, когда въ судьбѣ моего страдальца неожиданно произошла счастливая перемена.

За этотъ терминъ страданій я узналъ отъ Лукьяна въ подробности о кисейныхъ рукавахъ и о прочемъ, — о чемъ теперь, вѣроятно, безъ всякихъ для него послѣдствій, могу сказать въ воспоминаніе: какія важныя дѣла иногда судить наши владыги.

Лукьянъ былъ человѣкъ холостой и состоялъ дьячкомъ въ очень бѣдномъ приходѣ, въ селѣ, которое, кажется, на-

*) «Царскими жеребцами» въ Орлѣ тогда звали заводскихъ жеребцовъ случной конюшни императорскаго коннозаводства. Она помѣщалась противъ монастырской слободы.

зывалось Цвѣтныи и было гдѣ-то неподалеку отъ пзвѣстнаго надъ Окою крутого Ботавинскаго спуска. При Лукьянѣ жила мать, которую онъ очень любилъ, но болѣе всего онъ, по своему кавалерскому положенію, любилъ нѣжный полъ и, по этому случаю, часто попадалъ въ «стычки». Въ этихъ случаяхъ Лукьянъ нерѣдко былъ «мять», но все это ему, однако, не приносило всей той пользы, какую должно приносить «тѣлесное наученіе». Увлеченіе страсти и слабости сердца заставляли его забывать все бывшее, и вскорѣ опять гдѣ женщины—тамъ и Лукьянъ, а затѣмъ невдалекѣ его и колотятъ и—что всего удивительнѣе—колотятъ иногда при помощи тѣхъ же самыхъ женщинъ, у которыхъ онъ, благодаря крутымъ завиткамъ на вискахъ и обольстительному духовному краснорѣчію, имѣлъ замѣчательные успѣхи. Но, на его несчастіе, онъ былъ слишкомъ нестойкень и, притомъ, слишкомъ паходчивъ. Въ такомъ родѣ было и его послѣднее преступленіе, за которое онъ теперь томился въ Орлѣ. Удостоенный вниманія пожилой постоянной дворничихи, онъ въ то же самое время воспылатъ страстію къ другой, молодой и болѣе красивой женщинѣ, и тутъ такъ «попутался», что во время одного визита къ дворничихѣ «скрылъ» у нея и «потаянно вынесъ» пышные кисейные рукава, которые немедленно же и презентовать соблазнительной красавицѣ. Сердце красавицы онъ этимъ преклонилъ на свою сторону, но самъ за это «двукратно пострадалъ». Во-первыхъ, когда молодая женщина появилась въ «скрытыхъ» Лукьяномъ кисейныхъ рукавахъ на Троицынъ день подъ качелями, то она тѣмъ привела въ неистовство обиженную дворничиху. Послѣдствіемъ этого было, что обѣ бабы произвели сначала взаимную потасовку, а потомъ, увидя желавшаго ихъ разнять Лукьяна, соединили свои силы и обѣ принялись за него: его онъ жестоко растрепали и исцарапали, а еще болѣе «пустили молву», вслѣдствіе чего обѣ атомъ было «донесено репортомъ», который предсталъ на архіерейскій судъ.

Но судъ былъ еще далекъ: обвиняемый томился, а Смагдаду о немъ, вѣроятно, или совсѣмъ не докладывали, или же владыка не считалъ дѣло «о кисейныхъ рукавахъ» подлежащимъ немедленному разбирательству и хотѣлъ нарочно потомить духовнаго волокиту. На огородѣ офицера отцвѣлъ и свернулся наперенный Лукьяномъ «по усердію» горохъ и

посинѣли тучные бобы, въ буйной ботвѣ которыхъ, бывало, сирятавшійся Лукьянъ громко и пріятно наигрывалъ что-то на зеленой ракитовой дудкѣ. Онъ плѣнялъ этою чудесною игрою и насъ съ товарищемъ, слушавшихъ его съ чердака, куда мы забирались читать Веверлея, и многихъ сосѣдокъ офицерскаго домика, старавшихся открыть черезъ частоколь: гдѣ кроется въ своемъ желтомъ картузѣ пострадавшій за любовь трубадуръ? Все это отошло: огороды опустѣли, Лукьянъ гбралъ офицерщѣ по усердію и картофель, и рѣпу, и парубилъ съ батрачкою большіе напoлы калусты, а собственное его дѣло о кисейныхъ рукавахъ нимало не подвигалось.

Настала суровая, холодная осень,—онъ все еще сидѣлъ на опустѣломъ огородѣ и спалъ въ нетопленномъ курятникѣ. Питался онъ *зрѣнымъ*, самъ готовя себѣ изъ этого фрукта и кушанье, и напитокъ. Кушанье это было — скобленный хрѣнъ съ салными «шкварками», которыя выбрасывали изъ кухни, а напитокъ дѣлался изъ тертаго хрѣна съ бѣлымъ квасомъ «суровцомъ».

Шутя надъ своею нуждою, Лукьянъ называлъ свое блюдо изъ хрѣна «лимонадъ-буштектъ», а напитокъ «лимонадъ-бышквитъ».

Кажется, если бы не только самого узловатаго нѣмца, но даже самаго сильнаго изъ древнихъ русскихъ могучихъ богатырей покормить этимъ «лимонадъ-буштектomъ» и поить «лимонадъ-бышквитомъ», то и онъ черезъ недѣлю задралъ бы ноги, но тѣдешный Лукьянъ живъ и здоровъ бывалъ. Однако, наконецъ, вся эта истома и его пересилила: онъ заскучалъ и сталъ говорить, что «надо къ кому-нибудь подольститься и искать протекціи», чтобы «подвинуть свое дѣло». И онъ въ этихъ цѣляхъ, дѣйствительно «подольстился» къ кому-то такому, кто попросилъ о немъ жандармскаго вахмистра, который имѣлъ сношенія съ случайными людьми архіерейскаго дома, и тѣ явили Лукьяну благостыню, по началу судя, весьма странную, но по послѣдствіямъ, дѣйствительно, очень полезную.

У полнокровнаго и тучнаго Смарагда бывали тяжелые припадки, — надо полагать, геморoidalнаго свойства. Въ эту пору у него, по рассказамъ, болѣла поясница и напухало между «крыль». Архіерейское *междукрыліе* находится

на спиць, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у обыкновенныхъ людей движутся лопатки. Поэтому опухоль между крыль, по-просту говоря, значила, что у епископа напухла спина между лопатками, и отъ этой опухоли, причинявшей больному тяжесть, докторъ (кажется Денпинъ) совѣтовалъ Смарагду полѣчиться активной гимнастикой. Но какія же гимнастическія упражненія удобны и приличны для человѣка такого высокаго и притомъ священнаго сана? Нельзя же архіерею метать шарами или подсакивать на трапеціи. Но Смарагдъ былъ находчивъ и выдумалъ нѣчто болѣе солидное и, притомъ, патріархальное, а вдобавокъ, и полезное: онъ пожелалъ *пилить дрова* съ подначальными, которые въ его бытность постоянно исполняли при архіерейскомъ домѣ черныя дворовыя работы и, между прочимъ, пилили и кололи дрова для архіерея и его домовыхъ монаховъ.

Дядючкѣ Лукьянъ былъ при чемъ-то въ сторожахъ и искалъ «протекціи», чтобы попасть въ пилыщики, дабы такимъ образомъ имѣть случай не только встрѣтиться со своимъ владыкою, но, такъ-сказать, стать съ нимъ лицомъ къ лицу. Этимъ способомъ онъ надѣялся обратить на себя владычье вниманіе и извлечь изъ того для себя нѣкоторую существенную пользу. Жандармскій вахмистръ, силою своихъ связей съ архіерейскимъ домомъ, все это устроилъ.

Смарагдъ избралъ для своихъ упражненій во врачебной гимнастикѣ послѣобѣденные часы. Прямо изъ-за стола онъ шелъ въ сарай, гдѣ трудились за топорами и пилою подначальные, и съ очередными изъ пилыщиковъ перепиливалъ три, четыре, а иногда и пять плахъ. Такъ шло уже нѣсколько времени, и хотя епископъ неопустительно продолжалъ свои занятія, но они, вѣроятно, не оказывали желаемого воздѣйствія на его владычныя междукрылія: онъ все ходилъ пригорбясь и насупясь и бѣ яко Исавъ «права дикаго, угрюмаго, ко гнѣву склоннаго и мстительнаго».

Дядючкѣ Лукьянъ, наблюдая все это, приходилъ отъ такого архіерейскаго вида въ неописанный страхъ, который потомъ вдругъ сталъ переходить въ раздраженіе. Всѣ горести Лукьяна разомъ точно поднялись у него изъ сердечной глубины, и онъ сталъ такъ свирѣпо ругаться, что дѣлалось за человѣка страшно. Позже онъ даже началъ угрожать чѣмъ-то нестаточнымъ, и отъ его возбужденности, дѣй-

ствительно, можно было ожидать какого-нибудь очень нехристианскаго поступка.

— Отекъ очень съ сытости,—говорилъ онъ непочтительно о своемъ владыкѣ:—оттого ничего и не чувствуетъ, а отцы наши все поддѣлываются: самыя тоненькія да сухія плашки ему пилить подкладываютъ. Низкое ихъ обхожденіе такъ научаешь, но дай срокъ, пусть онъ первый разъ меня за пилую, а не за топоромъ застанеть, я его такимъ полѣномъ разуважу, что будетъ онъ меня вѣкъ помнить.

Мы съ товарищемъ пожелади узнать, что такое, именно, Лукьянъ придумалъ подстроитъ своему архіерею, и узнали, что подначальный дьячокъ, полный кинищаго мщенія къ Смарагду, желаетъ подложить ему самыя толстыя коряги, надъ которыми бы его преосвященство «хорошенько пропыхтѣлся». Я и мой товарищъ, по своему отроческому легкомыслию, находили эту мысль чрезвычайно счастливою и достойною тѣхъ представленій, какія мы имѣли о Смарагдѣ, но сильно боялись за предприимчиваго Лукьяна, чтобы это не обошлось ему дороже, чѣмъ онъ разсчитываетъ.

Лукьянъ, однако, былъ на такой возвышенной степени воодушевленія, что не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ.

— Ребра онъ мнѣ, говоритъ, не сокрушить, а что ежели онъ меня костью отвезитъ, то я этого только и желаю, потому что онъ опосля битья, говорятъ, иногда сдабривается.

Такъ онъ и пошелъ неуклонно на эту желанную мѣру сближенія съ своимъ архипастыремъ; а мы все не забывали интересоваться ходомъ его исторіи, которая, впрочемъ, не замедлила принять оборотъ самый краткій и самый рѣшительный. Лукьянъ сдѣлалъ, какъ намѣревался, и въ укромномъ мѣстѣ, подъ стѣною, въ пыльномъ сараѣ, припасъ для своего владыки десятка полтора самыхъ толстыхъ суковатыхъ плахъ. Онъ тщательно берегъ этотъ отборъ до того случая, когда Смарагдъ застанеть его за работою и возьмется съ нимъ за другой конецъ пилы, чтобы разминать свои междукрылія. Случай этотъ не замедлилъ. Дня черезъ два послѣ того, какъ Лукьянъ сообщилъ намъ о своемъ смѣломъ предпріятіи, онъ явился домой въ невыразимомъ отчаяніи и, бросивъ подъ кухонную лавку свой желтый шлыкъ, объявилъ, что «надѣлать себѣ бѣды, какой не ожидалъ».

— Приходить, говоритъ, владыка, а я пилую съ кром-

ской округи попомъ старенькимъ; владыка попа прогнали: «пошелъ прочь», говорятъ, потому онъ имъ не по тали, а мнѣ приказали: «клади плаху». Я-было оробѣлъ и хотѣлъ, подобно какъ и другіе-прочіе, — положить плаху какая собою поделикатиѣ, но раздумался, что этакъ я себя долго ни къ чему счастливому не произведу и, благословясь, выхватилъ изъ своего амбара штуку самую безобразную. Владыка взглянули на меня и ничего не сказали, стали рѣзать, два ряда прошли и ряску сняли, говорятъ: «повѣсь на колокъ». А еще рядъ отпилили и совсѣмъ стали, а я имъ другую еще корижистѣ на козлы положилъ. Тутъ онъ на меня ужъ такимъ святителсмъ взглянулъ, что у меня и въ животъ заохолодѣло. «Ничего, говоритъ, ничего, я и эту перепилю, а ужъ зато ты у меня еще цѣлый годъ въ пильщикахъ останешься». Съ тѣмъ и ушли.

Мы спросили Лукьяна: что же онъ теперь думаетъ дѣлать? А онъ въ отчаяніи отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ, но что, кажется, ему лучше всего продолжать свой терминъ держать,—потому что, такъ онъ надѣялся, можетъ-быть ему Богъ поможетъ на семь тяготѣній своего владыку раньше года постоянствомъ «преодолѣть и замучить».

И точно, прошло не болѣе недѣли, какъ «державній свой терминъ» Лукьянъ возвратился съ веселымъ видомъ и объявилъ, что онъ «архіерея замучилъ» и дѣло о кисейныхъ рукавахъ, кажется, поправляется.

— Какъ же это такъ счастливо обернулось? — спрашиваемъ.

— А такъ, отвѣчаетъ, оно обернулось, что я его преосвященство совсѣмъ заморилъ и отъ болѣзни ихъ совершенно вполнѣ этими толстыми подѣвными выпользовалъ.

— А почему, говоримъ, это видно?

— Разсердился, и нынѣ меня, слава Богу, такъ костью отвозилъ, что и сейчасъ загорбокъ больно.

— За что же это?

— Досадно стало, что характеръ имѣю большія плахи класть, и самъ мнѣ наклалъ.

— Что же, говоримъ, тутъ хорошаго?

— Теперь сдобрится.

— А какъ нѣтъ?

— Нѣтъ, сдобрится: всѣ, которые опытные, завидуютъ,

говорять: «Экое счастье тебѣ отъ святителя! теперь, какъ сердце отойдетъ, онъ твоѣ дѣло потребуеть и рѣшить».

Приходитъ Лукьянъ на другой день и еще веселѣе.

— Вчера же, сказываетъ, дѣло къ себѣ потребовали.

А еще черезъ день послѣ этого нашъ Лукьянъ какъ вбѣжалъ на дворъ въ калитку, такъ прямо, ни съ того ни съ сего, и пошелъ на рукахъ колесомъ.

— Отпустилъ, кричить, отпустилъ, ко двору благословилъ идти.

— А какое же, спрашиваемъ, было наказаніе?

— Вовсе безъ наказанія,—кромѣ того, какъ третьяго дня костылемъ поблагословлялъ, ничего другого не вмѣнено.

— Да вѣдь костылемъ это было не за кисейные рукава, а за другое.

— Ну, что тамъ разбирать, что за что выпало! Одно слово: иду благополучный, все равно, какъ плетми да на выпускъ. Чего еще надо?

«Плетми на выпускъ» въ то время на Руси за большую непріятность не считалось. Нынче русскіе люди на этотъ счетъ немножко избаловались.

Итакъ, не поучаетъ ли насъ сей приснопамятный Лукьянъ, приведеннымъ случаемъ своей судьбы, что никогда не должно отчаиваться въ милосердіи русскихъ владыкъ, ибо хотя иные изъ нихъ и гнѣвны, но и ихъ гнѣвности бываетъ порою ослабленіе. И не достоинъ ли сей, повидимому, какъ будто маловажный случай особеннаго вниманія, именно потому, что онъ былъ не съ какимъ-нибудь слабохарактернымъ лицомъ, а со Смарагдомъ, о которомъ въ Орлѣ говорили, что онъ никого не боится и единственно лишь тѣмъ уступаетъ московскому митрополиту, что тотъ «вздитъ на шести животныхъ, съ двумя человѣками на запяткѣ». Другой же, менѣе Смарагда, нравный архіерей, конечно, можетъ оказаться еще податливѣе, если только случай сведетъ его съ человѣкомъ, въ коемъ онъ замѣтитъ настоящее «savoir faire». А безъ споровки, конечно, ничего не подѣлаешь не только съ архіереями, но даже и съ своими собственными дѣтьми.

Въ подтвержденіе же моихъ словъ о способности архіереевъ переходить отъ гнѣва къ благоувѣтному добродушію, расскажу еще одинъ такой случай о другомъ архіереѣ,

тоже вспыльчивомъ и гнѣвномъ, но укрощавшемся еще легче и проще.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Одна изъ моихъ тетокъ была замужемъ за англичаниномъ Ш., который управлялъ огромными имѣніями у гр. П., въ восточной половѣ Россіи. Англичанинъ Ш. былъ человѣкъ очень благородный и добрый, но своеобразный. Онъ любилъ вѣжливость и если встрѣчалъ съ чьей-либо стороны грубость и наглость, то не прощаль ихъ безъ нотации. Еще въ молодости онъ имѣлъ въ орловской губерніи исторію съ однимъ кавалерійскимъ полковникомъ, котораго Ш., просто-на-просто, прибилъ за нахальство. Не измѣнился онъ въ этомъ отношеніи и подъ старость. Когда я жилъ въ п—ской губерніи, онъ тогда, имѣя уже 60 лѣтъ отъ роду, вызывалъ на дуэль губернскаго предводителя дворянства А., съ которымъ не раздѣлался только потому, что умеръ. Теперь они уже оба покойники.

Разъ, лѣтомъ, не помню теперь котораго именно года, дядя Ш., строившій *первую* въ п—ской губерніи паровую мельницу, купилъ для нея въ селѣ К. огромные штучные французскіе жернова, которые были уже скованы крѣпкими шинами и которыхъ намъ очень не хотѣлось разбирать и сковывать за-ново. Мы рѣшили катить ихъ цѣликомъ и послали приготовленную для того снасть, лошадей и людей; но вдругъ получаемъ извѣстіе, что камни наши, едва отѣхавъ десять верстъ отъ К., *проломил мостъ* и за-сѣли въ сваяхъ.

Мы съ Ш. сейчасъ же поѣхали на мѣсто крушенія и, пріѣхавъ въ К. довольно поздно вечеромъ, остановились въ домѣ тамошняго священника, тогда еще очень молодого человѣка, который былъ намъ и радъ, и не радъ. По личнымъ добрымъ отношеніямъ къ Ш. онъ встрѣтилъ насъ весьма радушно, но былъ встревоженъ и смущенъ тѣмъ, что преосвященный В., объѣзжавшій въ ту пору епархію, почевалъ всего въ десяти верстахъ отъ К. и завтра долженъ былъ нагрянуть со всѣми провожатыми. Священнику, конечно, было о чемъ позаботиться: надо было ихъ и накормить, и размѣстить. Особенно его затрудняло послѣднее, такъ какъ его сельскій домикъ былъ очень не великъ, а поврежденный мостъ съ застрявшими въ сваяхъ камнями не по-

давали никакой надежды скоро переправы. «объ онъ полъ потока» архипастырскую карету.

Мы были, нѣкоторымъ образомъ, виновниками тягостныхъ для батюшки осложнений и чувствовали это, но помочь ему не могли ничѣмъ, кромѣ того, что, не претендуя на его гостепрѣимство въ домѣ, приготовленномъ «подъ владыку», легли спать на сѣновалѣ. Мы встали утромъ, чѣмъ свѣтъ, и отправились къ изломанному мосту, о поправкѣ котораго нельзя было и думать прежде, чѣмъ мы найдемъ какое-нибудь средство снять камень, засѣвшій въ проломѣ настилки, между сваями.

Снять камень оказалось, однако, совершенно невозможно, и мы, послѣ многихъ соображеній, рѣшили разсѣчь шины, которыя его связывали въ одно цѣлое, послѣ чего онъ долженъ былъ раздѣлиться на штуки и упасть въ ручей, откуда уже его предстояло послѣ вытащить и перевезти на колесняхъ.

Распорядясь этою работою и оставивъ людей при дѣлѣ, мы около десяти часовъ утра возвратились въ домъ священника, выкупались въ рѣкѣ, съѣли яичницу и усталые кувырнулись на сѣноваль и заснули. Но только-что мы разоспались, какъ внезапно бысть шумъ: мы были разбужены разливавшимся надъ поповкою оглушительнымъ трезвономъ колоколовъ и крикомъ: «ѣдетъ! ѣдетъ! архіерей ѣдетъ!»

Было очень любопытно посмотрѣть, какъ *онъ ѣдетъ?*

Съ неубранными спросонья головами, заспанными лицами и въ сыромъ, неотчищенномъ отъ грязи дорожномъ платкѣ, мы вышли къ калиткѣ и увидали, что *онъ ѣхалъ* неважно—на своихъ-на-двоихъ. По-просту говоря, *онъ шель тѣшкомъ*, потому что его карета не могла переѣхать черезъ мостъ. Зато шель святитель окруженный толпою, состоявшею челоувѣкъ изъ двадцати духовныхъ и недуховныхъ людей, между которыми особенно замѣчательны были двѣ бабы. Одна изъ этихъ усердныхъ христіанокъ все подстилала передъ святителемъ полотенце, на которое тотъ и наступалъ для ея удовольствія, а другая была еще благочестивѣе и норовила сама лечь передъ нимъ на дорогу,—вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы святитель по самой по ней прошелся, но *онъ* ей этого удовольствія не сдѣлалъ. Самъ *онъ* представлялъ изъ себя особу съ красноватымъ геморроидаль-

нымъ лицомъ, на которомъ свѣтились маленькіе, сердитые сѣрые глазки, раздѣленные толстымъ, дубоватымъ носомъ. Во всей фигурѣ владыки не было не только ничего «свято-лѣипаго», но даже просто ничего внушительнаго. Онъ казался только разгнѣваннымъ и «преогорченнымъ». Тревожный взоръ его какъ будто вопрошалъ всѣхъ и каждого: «Что это такое? Отчего это я могу ходить пѣшкомъ?»

Дядя П. былъ человекъ религіозный и даже ѣзжалъ въ русскую церковь, къ которой принадлежала его жена и дѣти, но, на несчастіе, онъ о ту пору былъ сердитъ на архіереевъ. Это вышло по одному, незадолго передъ тѣмъ случившемуся, случаю съ дочерью его великобританскаго друга, миссъ Сп—нгъ. Дѣло это состояло въ томъ, что миссъ Сп—нгъ, гостя у своихъ и у нашихъ друзей въ орловской губерніи, заболѣла и, какъ дѣвушка религіозная, позвала къ себѣ единственное духовное лицо въ деревнѣ,—приходскаго священника. А добрый сельскій батюшка не только помазалъ ее муромъ и причастилъ, но и примазалъ ей это въ ея документъ, т.-е. сейчасъ же «учинилъ о семъ надпись на ея паспортъ».

Между тѣмъ, умиравшая миссъ Сп—нгъ, послѣ совершеннаго надъ нею тайнодѣйствія, не только выздоровѣла, но вскорѣ же была помолвлена за сына извѣстнаго московскаго англійскаго коммерсанта г. Л—ви. И тутъ, когда дѣло дошло до вѣнчанія, московскій англійскій паспортъ набрелъ на самый неожиданный сюрпризъ: невѣста значилась «православною». Обѣ англійскія семьи и весь московскій англійскій приходъ, не сумѣвъ достойно оцѣнить это обстоятельство, пришли въ непонятное смятеніе и ужасъ. И вотъ пасторъ съ моимъ дядею отиравились къ митрополиту Филарету Дроздову «отпрашивать» присоединенную по невѣдѣнію англичанку, но митрополитъ имъ отказалъ. Тогда дѣло поправили иначе и гораздо легче. Помогъ въ этомъ случаѣ одинъ московскій квартальный, указавшій средство переписать оправославленную невѣсту снова въ ся прежній еретическій англианизмъ. Секретъ, сколько припоминаю, состоялъ въ томъ, что паспортъ англичанки съ надписью о ея присоединеніи *утратили* и вытребовали ей новый, на которомъ никакой надписи о присоединеніи не было. Такъ ее и перевѣнчали какъ *будто англичанку*. Но все-

таки московскихъ англичанъ Леонтьевскаго переулка всѣ эти хлопоты сердили, и дядя Ш. былъ, по его словамъ, «золь на архіереевъ» и далъ слово не имѣть съ ними никакихъ дѣлъ. Однако, нижеслѣдующій случай заставилъ его нарушить это слово.

Когда мы вошли въ церковь, недовольный путешествіемъ архіерей шумѣлъ на кого-то въ алтарѣ и, наконецъ, все обозрѣвъ и сдѣлавъ всѣ распоряжки въ алтарѣ, вышелъ къ солеѣ, у которой стояли ктиторъ и еще человекъ два три не изъ духовныхъ. Здѣсь же находилась и «матушка» отца-настоятеля, пришедшая просить его преосвященство на чай.

Преосвященный все супился и, раздавая всѣмъ по рукамъ благословеніе, спрашивалъ каждаго:

— «Чей такой», или «чья ты?»—и, раздавъ эти благословенія, на низкій поклонъ и привѣтъ матушки отвѣтилъ:

— «Ступай, готовься, — приду». — И затѣмъ онъ вдругъ неожиданно обратился къ намъ, смиренно стоявшимъ на лѣвомъ клиросѣ, и громко крикнулъ:

— А вы что? Чьи вы? Чего молчишь, старикъ?

Англичанинъ мой замоталъ головою, что у него обыкновенно бывало признакомъ неудовольствія, и неожиданно для всѣхъ отвѣтилъ:

— А ты чего кричишь, старикъ?

Архіерей даже покачнулся и вскрикнулъ:

— Какъ? что ты такое?

— А ты что такое?

Шумливый епископъ какъ-будто совсѣмъ потерялся и, ткнувъ по направленію къ намъ пальцемъ, крикнулъ священнику:

— Говори: кто этотъ грубець? (sic).

— Грубець да не глупецъ, — отвѣчалъ Ш., предупредивъ отвѣтъ растерявшагося священника.

Архіерей покраснѣлъ, какъ ракъ, и, зацелкавъ по пальцѣмъ ногтями, уже не проговорилъ, а прохрипѣлъ:

— Сейчасъ мнѣ доложить, что это такое?

Ему доложили, что это А. Я. Ш., главноуправляющій имѣніями графовъ П—скихъ.

Архіерей спросилъ:

— А для чего онъ въ такомъ уборѣ?—но, не дождавшись на это никакого отвѣта, направился прямо на дядю. Моментъ былъ самый рѣшительный, но окончился тѣмъ, что архіерей протянулъ III. руку и сказалъ:

— Я очень уважаю англійскую націю.

— Благодарю.

— Характерная нація.

— Ничего: хороша,—отвѣчалъ III.

— А что здѣсь случилось, прошу покорно, пусть остается между насъ.

— Пусть остается.

— Теперь же прошу къ священнику: откушать вмѣстѣ моего дорожнаго чаю.

— Отчего не такъ?—отвѣчалъ дядя:—я люблю чай.

— Значитъ, обрусѣли?

— Нѣтъ,—значитъ—чай люблю.

Преосвященный хлопнулъ дядю по-товарищески по плечу и еще разъ воскликнулъ:

— Ишь, какая характерная нація! Полно злиться!

А затѣмъ онъ оборотился ко всѣмъ предстоявшимъ и добавилъ: а вы ступайте по своимъ мѣстамъ.

И, наговорившіе другъ другу комплиментовъ, англичанинъ и архіерей долго кушали чай и закусывали «изъ дорожныхъ запасовъ» владыки, при чемъ его преосвященство въ это время не разъ принимался хлопать III. по плечу. Оба они остались другъ другомъ столько довольны, что на прощаньи братски расцѣловались, причемъ III. такъ сильно сжалъ поданную ему архіерею руку, что тотъ сморщился и еще разъ вскрикнулъ:

— Охъ, какая здоровая нація!

Такъ все это мирно и пріятно кончилось въ мимолетномъ свиданіи этого архипастыря съ англичаниномъ, а между тѣмъ этого самаго архіерея иные его современники представляли человѣкомъ и злымъ, и желчнымъ, да и позднѣйшіе некрологи не могутъ согласиться въ его оцѣнкѣ. Я же болѣе согласенъ съ тѣмъ изъ нихъ, который старается доказать, что преосвященный В. имѣлъ очень доброе сердце. По крайней мѣрѣ, я не вижу причины, которая не позволяла бы мнѣ заключить, что этотъ человѣкъ владѣлъ золотою способностью дѣлаться очень незлобивымъ, если чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, принадлежащимъ

къ «здоровой націи». А въ такомъ случаѣ очень возможно, что тѣ, которымъ онъ казался неукротимымъ, вѣроятно, только не умѣли себя съ нимъ держать. Не надо забывать стараго правила: «кто хочетъ, чтобы съ нимъ уважительно обходились другіе, тотъ прежде всего долженъ уважать себя самъ».

Мнѣ кажется даже, что его преосвященство имѣлъ нѣсколько высокій для русскаго человѣка идеаль гражданскаго общества и потому-то именно онъ и раздражался презрѣннымъ низкопоклонствомъ и лестью окружающихъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Есть очень распространенное, но совершенно ложное мнѣніе, будто наши архіереи люди крутые и неподатливые, будто они совсѣмъ безжалостны къ скорбямъ и нуждамъ мірскихъ человѣковъ. Такое, давно сложившееся, но, какъ я смѣю думать, неосновательное или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ одностороннее мнѣніе особенно раздражительно выразилось въ послѣднее время (въ концѣ семидесятыхъ годовъ)... Причиною было, такъ-называемое въ газетахъ «фіаско брачнаго вопроса въ св. синодѣ».

Синодальныя сужденія по этому ноющему вопросу русской жизни далеко не вполне извѣстны всему обществу, которое должно было довольствоваться только краткими «резюме», а въ нихъ для него не было ничего утѣшительнаго. Люди, несчастливые въ бракѣ, опять остались въ безотрадномъ и безвыходномъ положеніи—тянуть цѣлую жизнь тяжелое и неудобноносимое бремя несноснаго сожителства при взаимныхъ неладахъ и ненависти. Выходы остались прежніе: или смерть, или клятвопреступническая процедура нынѣшняго развода, или преступленіе въ родѣ того, какое намъ являетъ судебная хроника въ харьковскомъ дѣлѣ объ убійствѣ доктора Ковальчукова. Желать смерти даже ненавистнаго человѣка отвратительно; искать союза съ клятвопреступниками, содѣйствіе которыхъ необходимо при нынѣшнихъ законахъ о разводѣ, не менѣе отвратительно и притомъ стоить очень дорого. Это возможно только людямъ богатымъ, а семейное счастье желательно и потребно каждому, — и бѣдному оно даже нужнѣе, чѣмъ богатому. Третій способъ раздѣлаться съ ненавистнымъ союзомъ есть преступленіе, на которое, къ счастью человѣчества, способны очень немногіе

относительно всего числа несчастливыхъ супруговъ. Далѣе, выходя изъ всякаго терпѣнія, люди, при какой-нибудь долгѣ благоразумія, предпочитаютъ то, что, по господствующимъ понятіямъ, хотя и составляетъ позоръ, но при всемъ томъ даетъ людямъ какой-нибудь призракъ семейнаго счастья: у насъ все болѣе и болѣе распространяется безбрачное сожителство по-неволю. Люди эти несутъ нѣкоторое тяжкое отчужденіе и, страдая отъ него, конечно, не благословляютъ и никогда не благословятъ тѣхъ, кого они считаютъ виновниками своихъ несчастій, т.-е. защитниковъ тягостнѣйшихъ и невыносимыхъ условій нерасторжимаго брака при несходствѣ нрава и характеровъ.

Понятно, что когда, при такихъ обстоятельствахъ, обществу стало извѣстно, что брачный вопросъ, поднятый въ синодѣ по почину лица свѣтскаго чина, «потерпѣлъ полнѣйшее фіаско» по неподатливости лицъ чина духовнаго, то это не содѣйствовало притупленію чувства раздраженія, питаемаго многими противъ епископовъ. Послышались рѣчи памятныя и страшныя, которыя можно извинить только тѣмъ состояніемъ ужасной намученности, отъ которой впадали въ отчаяніе люди, потерявшіе въ этомъ «фіаско» всякую надежду исправить свою несчастную жизнь.

И были эти раздраженныя, но неосновательныя слова такъ вытнаты и такъ жестоки, что они, кажется, должны бы проникнуть и за тѣ высокія стѣны, которыми ограждали себя неподатливые устроители этого фіаско. И было бы непонятно и ужасно, какъ этотъ стонъ не тревожилъ ихъ сна и не вредилъ ихъ аппетиту, если бы... *если бы они могли поступить иначе.* Но дѣло, именно, таково, что, при данномъ ему направленіи, они, *какъ люди духовнаго чина,* не могли поступить иначе: они не могли руководиться ни чувствами, ни логикою явленій, которыя рѣшительно становятся насъ на сторону лицъ, считающихъ пересмотръ и реформу брачнаго вопроса въ Россіи настоятельно-необходимыми. Ихъ дѣйствіями правила и должна была править логика иныхъ началъ, отъ которыхъ они не могли и не могутъ отступить своею властію. Но общество наше, или вовсе незнающее церковной исторіи, или знающее ее только по учебникамъ, никакихъ подобныхъ вопросовъ не можетъ здраво обсуждать, а умѣетъ только раздражаться. Оно *такъ воспитано.*

Но здѣсь не мѣсто разбирать интереснѣйшій и самый животрепещущій брачный вопросъ, съ непостижимымъ и, можно сказать, предосудительнымъ равнодушіемъ оставляемый нынче безъ вниманія нашей печатью *). Тронувъ его, надо тронуть очень большую и важную матерію, для чего потребовалось бы не только много времени и мѣста, но и много знанія и обстоятельности, а моя задача иная, болѣе легкая и болѣе общая. Я не пишу изслѣдованія причинъ послѣдняго фіаско брачнаго вопроса въ св. синодѣ и не обязанъ представлять критикѣ воззрѣній, руководившихъ устроителями этого фіаско. Я хочу только показать живыми очерками архіерейскихъ отношеній къ людямъ, страдавшимъ отъ пути этого рокового вопроса, что объ архіереяхъ несправедливо заключать по этому «фіаско». Многие (если не все) епископы въ душѣ совсѣмъ не такъ жестки и безсердечны, какъ это думаютъ озлобленные мученики семейнаго ада, и я приведу тому небезынтересные и характерные примѣры въ наступающихъ разсказахъ. Они, какъ я надѣюсь, могутъ показать, что нашимъ архіереямъ вовсе не чужды

*) Очень замѣчательно, что печать довольно усердно и довольно основательно трогала этотъ вопросъ, когда онъ совсѣмъ не циркулировалъ въ правительственныхъ сферахъ (см. статьи г. Филиппова въ «*Современникѣ*»); но когда вопросъ поступилъ на очередь и подлежалъ рѣшенію, печать не оказала ему сравнительно самой малой доли того вниманія, на которое надлежало бы, кажется, рассчитывать въ интересахъ общества. Потеря отъ этого для общества произошла большая. Конечно, нѣтъ никакого основанія думать, что даже самая энергическая поддержка со стороны печати могла измѣнить сущность рѣшенія, которое можно было предвидѣть и которое не могло быть инымъ при данномъ этому дѣлу направленіи. Но печать, несомнѣнно, могла придать вопросу всю важность его общественнаго значенія и указать другія основанія, на коихъ вопросъ о бракѣ можетъ быть и долженъ быть разсмотрѣнъ въ сферахъ, властныхъ дать ему исходъ болѣе надежный и болѣе удовлетворяющій положенію самому мучительному и невыносимому. Печать, въ этомъ случаѣ, не была связана ничѣмъ, кромѣ развѣ изобилія болѣе интересныхъ матерьяловъ, постоянно накопляющихся въ дѣловыхъ портфеляхъ русскихъ редакцій. Мы, однако, достовѣрно извѣстно, что лучшей копромиссъ, при которомъ можно было ожидать самаго удовлетворительнаго рѣшенія нашего брачнаго вопроса, былъ предложенъ не публицистамъ и не юристамъ, а однимъ изъ нашихъ современныхъ архіереевъ, неофіціальное заявленіе котораго, къ сожалѣнію, оставлено безъ вниманія. Не мудрено, что когда мучительный вопросъ о брачной реформѣ снова появится на сценѣ, резонное мнѣніе умнаго владыки будетъ уже слишкомъ прочно позабыто, и дѣло опять пойдетъ въ долги ищикъ.

доходящія до нихъ скорби мірскихъ человѣковъ, нуждающихся въ милосердномъ снисхожденіи къ ихъ брачнымъ затрудненіямъ. Мы увидимъ, что архіереи иногда дѣлають для облегченія этихъ затрудненій не только все, что могутъ, но даже порою идутъ въ своемъ собогѣзнованіи гораздо далѣе.

Первый случай такого рода я знаю въ моемъ собственномъ отдаленномъ свойствѣ.

Иѣкто А. Т., довольно родовитый и крупный помѣщикъ о—ской губерніи, былъ женатъ на своей кузинѣ. Несмотря на ихъ nepозволительный по степени родства бракъ, они были обвѣнчаны. И мужъ, и жена были извѣстны за очень хорошихъ людей, каковыми, вѣроятно, считалъ ихъ и мѣстный преосвященный П—пъ, очень строгій монахъ и чудакъ, но очень добрый человѣкъ, неоднократно посѣщавшій супруговъ Т—выхъ въ ихъ родовомъ селѣ Х—ахъ, на берегу рѣки Оки. У Т—выхъ было уже нѣсколько дѣтей, и вдругъ надъ ними грянулъ громъ и, притомъ, что называется, грянулъ не изъ тучи, а изъ навозной кучи. Божіе благословеніе, благоуспѣшно призванное на это семейство церковью и видимо на немъ опочившее, захотѣлъ снять и снялъ пьяный дьячокъ. Это былъ изрядный забулдыга, который повадился ходить къ А. Т. «кучиться», т.-е. просить у него то дровецъ, то соломы. Онъ страшно надоѣдалъ этимъ попрошайствомъ, которое, вдобавокъ, обратилъ въ промыселъ: что выпрашивалъ, то не довозилъ до дому, а переводилъ въ кабакъ на вино.

Узнавъ объ этомъ, Т. прекратилъ отнустъ дьячку яровой соломы, и когда тотъ опять сталъ докучать и попалъ подъ руку во время крайней досады, причиненной прорвою мельничной плотины, то Т. прогналъ его не совсѣмъ вѣжливо и, по бывшей дворянской распущенности, не придавъ этому особеннаго значенія. Велика ли важность велѣть людямъ вытолкать пьянаго дьячка изъ дому? Но дьячокъ былъ на сей разъ съ амбиціею: онъ почелъ причиненную ему обиду за важное и отмстилъ за себя знатно и чисто подьячковски.

Недѣлю или двѣ спустя послѣ этого домашняго событія въ селѣ Х—хъ, Т. получилъ отъ домашняго секретаря

преосв. П—па приглашеніе немедленно пожаловать въ городъ къ владыкѣ по самому важному дѣлу.

Тайнственное дѣло это былъ доносъ, присланный обиженнымъ дячкомъ, на незаконность брака Т—выхъ, повѣнчанныхъ въ недозволенной степени родства.

Епископъ П—пъ вызвалъ Т—ва только для того, чтобы сообщить ему объ этомъ неприятномъ событіи, котораго архіерей никакъ не могъ оставить безъ послѣдствій, и рекомендовалъ Т—ву по дружбѣ сѣлнить въ Петербургъ, гдѣ назвалъ дѣльца, способнаго уложить все дѣло о расторженіи брака «подъ сукно, до умертвія».

Т. залася знатною и, по его соображеніямъ, достаточною для удовлетворенія дѣльца суммою, простился съ дѣтми и съ опечаленною женою и прикатилъ въ Петербургъ.

Я его постоянно видѣлъ у себя въ эту пору и знаю всѣ перипетіи дѣла до мельчайшихъ подробностей. Оно началось, какъ говорятъ, «съ удавки». Хорошо аттестованный преосвященнымъ П—помъ дѣлецъ, даже и состоятельному Т—ву приходился не подѣ силу. Не за то, чтобы опровергнуть доносъ и утвердить бракъ двоюроднаго брата съ сестрою, а только за то, «чтобы уложить дѣло до умертвія», онъ, не обинуясь, запросилъ русскую сказочную цѣну «до полцарства», и ни о чемъ меньшемъ не хотѣлъ и разговаривать. «Полцарства»—это былъ его прификсъ. Что было дѣлать? «Отдать до полцарства», какъ онъ просилъ съ остроумною шутливостію, конечно, было жалко, да и жирно. Это составляло тысячъ около тридцати. Но остановиться на однихъ переговорахъ и не дать этихъ денегъ, значило явно погубить дѣло самымъ рѣшительнымъ и, притомъ, безотлагательнымъ способомъ. Дѣлецъ слылъ за человѣка сколько смѣлаго и ловкаго, столько же корыстолюбиваго, злого и мстительнаго.

Все это Т—въ соображалъ и обсуждалъ, бродя цѣлыхъ три мѣсяца въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ въ О. дѣло его было уже рѣшено какъ нельзя для него хуже.

Думалъ, думалъ бѣдный Т—въ и, наконецъ, истерзанный мученіями жены и раздраженный тоскою и огромными упущеніями по хозяйству, рѣшился дать алчному чиновнику «до полцарства». Но какъ такой наличной суммы у помѣщика въ рукахъ не было и реализовать ее тогда было еще труднѣе, чѣмъ нынче, дѣлецъ же былъ, разумѣется, чело-

вѣкъ осторожный и не шелъ ни на какія сдѣлки, а требовалъ паличность, то, въ виду всего этого, Т. послалъ женѣ распоряженіе немедленно запродать все свое имѣніе прицѣнившемуся къ нему богачу М—ву, а деньги доставить какъ можно скорѣе въ Петербургъ для врученія ихъ дорожному благодѣтелю.

Молодая дама, конечно, не прочь была исполнить требованіе мужа, но, по свойственной большинству дамъ бережливости, не могла разстаться съ своимъ добромъ, по крайней мѣрѣ, хотъ не оплакавъ его. Ей хотѣлось спасти свой бракъ, но нестерпимо жаль было сразу лишиться «до полуцарства».

И вотъ, по непростительному, но опять весьма свойственному нѣкоторымъ дамамъ радикализму, разстроенной молодой женщиной вдругъ стало представляться, что вся эта игра не стодитъ такой дорогой свѣчки.

— «Бросить все, да и конецъ сразу со всѣми дьячками и попами и тѣми, кто еще ихъ повыше» — вотъ что внезапно пришло ей въ ея разчетливую головку. Она съ большимъ трудомъ удержалась отписать въ этомъ тонѣ мужу и еще съ большимъ усиліемъ заставила себя ѣхать въ г. О. съ тѣмъ, чтобы начать тамъ переговоры о желаніи продать родовое имѣніе, которое злополучные супруги надѣялись передать дѣтямъ.

Въ горѣ, почти близкомъ къ отчаянію, прибыла Т—ва въ О. и послала челоуѣка за нѣкимъ «Воробьемъ», мѣщаниномъ, исполнявшимъ тогда въ этомъ городѣ всякія маклерскія комиссіи, но посолъ не засталъ знаменитаго «Воробья» дома; огорченная же дама, чтобы не сидѣть одной вечеръ съ своимъ горемъ, вздумала проѣхать къ кому-нибудь изъ своихъ, посоветоваться. Но дѣло было лѣтомъ, когда О., представлявшій тогда, по выраженію близко знавшаго его романиста, «дворянское гнѣздо», былъ пустъ: вся его родовая знать жила въ эту пору въ своихъ маентностяхъ, и советоваться было не съ кѣмъ, съ мѣстными же дѣловиками дама не хотѣла говорить, да и не видѣла въ томъ никакой для себя пользы.

Въ такомъ положеніи, грустная и одинокая, не видя ни въ комъ изъ людей помощи и защиты, она вспомнила о самомъ послѣднемъ помощникѣ, призываемомъ какъ бы

изъ-за штата, — она вспомнила о Богѣ. — Мысль отдать праздный и тяготящій своею пустою часъ молитвъ показалась ей такою утѣшительною и счастливою, что она немедленно же привела ее въ исполненіе.

Случай благопріятствовалъ молитвенному настроенію огорченной дамы: въ то самое время, какъ она пожелала обратиться къ «послѣдному защитнику», въ церквахъ ударили ко всенощной, и люди потянулись къ храмамъ. Въ это время въ О. была «болѣзнь на людяхъ», и все населеніе города было настроено построже, почутче и побогобоязненнѣе. Т—ва вспомнила объ уютномъ уголкѣ въ домовой церкви преосв. П—па и немедленно же отправилась туда «выплакаться: не просвѣтитъ ли Богъ, чтò ей сдѣлать?»

Таковы, по ея собственнымъ словамъ, были ея мысли, которымъ она намѣрена была просить услышанія.

Вздумано и сдѣлано: — Т—ва пріѣхала въ монастырь и застала домовую церковь довольно отдаленнаго архіерейскаго дома почти совсѣмъ пустою. Всенощную служилъ простой іеромонахъ, а архіерея не было видно: какъ послѣ оказалось, онъ стоялъ у себя въ комнатѣ, изъ которой, по довольно общему архіерейскимъ домамъ обычаю, было продѣлано въ церковь окно, занавѣшенное голубою марлею.

Т—ва стала на колѣни въ уголкѣ, за лѣвымъ клиросомъ, и молилась жарко, сама не помня, откуда взявъ для своей молитвы слова:

— «Боже! по суду любящихъ имя Твое спаси насъ!»

Иного она ничего не могла ни собрать въ своемъ умѣ, ни сложить на устахъ, и, какъ ветхозавѣтная Анна, только плакала и шептала:

— «Спаси насъ, по суду любящихъ Твое имя», и въ томъ была услышана.

Выплакавшись вволю, молодая женщина даже не замѣтила, какъ окончилось служеніе и немногіе богомольцы, бывшіе въ церкви, стали выходить. И она встала съ колѣнъ и хотѣла идти вонъ, но вдругъ къ ней подходитъ архіерейскій служка и, отъ имени владыки, проситъ ее завернуть на минугу къ преосвящ. П—пу.

Т—ва почитала преосвящ. П—па и въ другой разъ была бы рада его зову, но теперь она чувствовала себя слишкомъ разстроенною и отказалась.

— Поблагодарите владыку,—сказала она:—я очень бы рада услышать его слово, но я очень, очень разстроена...

И она пошла далѣе, но не успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ее снова остановилъ запыхавшійся келейникъ и говорить,—что владыка потому-то и просить ее къ себѣ, что онъ видѣлъ въ окно, какъ она разстроена.

— Ихъ преосвященство и сами не совѣмъ хорошо себя чувствуютъ,—добавилъ келейникъ:—но они непремѣнно хотятъ говорить съ вами.

Дама подумала, что архіерей, можетъ-быть, скажетъ ей что-нибудь полезное по ея дѣлу, и пошла за провожатымъ.

Едва она вошла въ залъ, какъ тотчасъ была встрѣчена самымъ архіереемъ, который ласково протягивалъ ей обѣ руки.

Наблюдая бѣдную женщину въ церкви и замѣтивъ ея сильное расстройство, онъ, очевидно, и самъ растрогался.

— Что за горе печальное съ вами?—заговорилъ преосвященный участливо, переводя даму въ гостиную, гдѣ усадилъ ее на диванъ, и, приказавъ подать чай, попросилъ гостью рассказывать «все по порядку».

Дама рассказала все, что мы уже знаемъ изъ верхнихъ строкъ нашего повѣствованія.

Архіерей закачалъ головою, всталъ и молча началъ ходить.

Пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ остановился передъ гостью и произнесъ:

— Дорого.

— Ужасно, владыка.

— Дорого... весьма дорого... очень весьма дорого!

— И посудите, владыка: гдѣ же я могу такъ скоро взять столько денегъ?—продолжала сквозь слезы дама.

— Гдѣ взять столько денегъ? Негдѣ взять столько денегъ! Нѣтъ, это дорого.

— Но что же дѣлать, владыка? Я должна исполнить, что приказываетъ мужъ...

— Должны, должны исполнить:—мужняя воля прежде всего для хорошей жены... Но только очень дорого!

— Но какъ же намъ быть, владыка?

— Какъ быть, какъ быть?—Право, не знаю, какъ вамъ быть, но только это дорого.

— Я уже не знаю, что и предпринять...

— Да и не мудрено... Ишь какъ дорого!

— Не подадите ли вы, владыка, какого-нибудь совѣта?

— Да какіе же мои совѣты? Я вѣдь вотъ указаль на этого дѣловитаго мужа,—думаль хорошо выйдеть, а онъ, видите, какъ дорого. Нѣтъ, вамъ надо съ кѣмъ-нибудь изъ умныхъ людей подумать.

— Но когда думать, владыка, и гдѣ этихъ умныхъ людей теперь искать?

— Да, это правда: умные люди у насъ нонѣ рѣдки,—очень рѣдки, очень рѣдки, и кон есть еще—очень извертѣлись и на добро не сродны. Ишь какъ дорожится... подай ему «до полуцарства». А самому съ чѣмъ оставаться?

— Съ половиною только, владыка.

— Какъ говорите?

— Я говорю: самимъ намъ придется оставаться съ половиною.

— Съ половиною-то это бы еще ничего...

— Какъ ничего?

— Такъ, половины вашей еще бы, пожалуй, достаточно, чтобы поднять дѣтей на ноги, но... Вы, право, лучше бы обо всемъ этомъ съ какимъ-нибудь умнымъ человѣкомъ поговорили: умный человѣкъ могъ бы васъ однимъ словомъ на полезное наставить.

— Ахъ, Боже! да гдѣ я его сейчасъ возьму, владыка, такого умнаго человѣка? вы же сами изволите говорить, что они очень рѣдки.

— Правда, правда, умные люди очень рѣдки, но все-таки они есть гдѣ-нибудь въ черномъ углѣ.

— Да Богъ съ ними; въ какой еще уголъ мнѣ метаться?.. Да и въ моемъ теперешнемъ положеніи, я думаю, и никакой умный ничего для меня полезнаго не скажетъ, кромѣ какъ: вынь да положь деньги, сколько требуютъ.

— Охъ, не говорите этого,— это не такъ.

— Право такъ, владыка.

— Нѣтъ, я сомнѣваюсь: умный иначе скажетъ.

Дама посмотрѣла на архіерея и думаетъ:

«Что же это, твое преосвященство хитритъ или по-мочь мнѣ хочеть», и спрашиваетъ его:

— А что же, напримѣръ: какое такое «одно слово» могъ бы мнѣ сказать умный человѣкъ?

— Умный человѣкъ умно и скажетъ.

— Да, ваше преосвященство, но что же бы онъ могъ мнѣ сказать? Какое онъ можетъ знать «одно слово»?

— Ну, вѣдь это вамъ у него надо спросить.

— Да, но вы предположите, что я его спросила и жду его отвѣта... Что же онъ мнѣ проговорить? Вы простите меня, ваше преосвященство,—я такъ растерялась, что совсѣмъ безтолковая сдѣлалась и думаю, что въ помощь мнѣ никакой мудрецъ ничего изречь не можетъ.

— Да, конечно, съ васъ требуютъ очень дорого, но мудрецъ все-таки могъ бы поразсудить...

— Но что же такое, владыка, онъ будетъ разсуждать?

— Что такое? Ну, наприимѣръ, будемъ говорить такъ...

— Я васъ слушаю, владыка.

— Если онъ мудръ и, къ тому же, добръ и сострадательнъ...

— Добръ и сострадательнъ, какъ вы, владыка.

— Нѣтъ, не какъ я, гораздо меня болѣе, то... отчего бы ему, наприимѣръ, не разсуждать такъ...

— Какъ же, какъ, владыка?—спросила нетерпѣливая дама.

— Ну, положимъ, хоть вотъ какъ,—продолжалъ съ разстановками архіерей:—положимъ, что онъ, какъ мудрецъ, могъ бы знать, какъ этого петербургскаго жадника безо всего оставить: онъ бы вамъ это такъ ясно довелъ, что вы бы и успокоились.

Т—ва заплакала.

— Ахъ, бѣдное дитя! Но чего же вы плачете?

— Владыка! вы ко мнѣ немилостивы,—это вы дѣлаете, что я плачу.

— Я это дѣлаю, но чѣмъ я это дѣлаю, бѣдняжка?

— Конечно, вы, владыка! Я и такъ изстрадалась, но уже привыкла къ мысли, что намъ нѣтъ спасенія, а вы оживили во мнѣ надежду, а не хотите сказать, что же мнѣ можетъ присовѣтовать очень умный человѣкъ?

— Ну, вотъ! развѣ я это знаю.

— Знаете.

— Да откуда же я знаю?

— Знаете.

Дама улыбнулась, и архіерей тоже.

— Позвольте,—сказалъ онъ:—я уже давно ни съ однимъ умнымъ человѣкомъ не говорилъ, но развѣ для васъ переговорить.

— Ахъ, переговорите, владыка,—воскликнула, всплес-

пувъ руками, дама и хотѣла, кажется, упасть передъ нимъ на колѣна.

Архіерей ее удержалъ, посадилъ опять на кресло и молвилъ:

— Переговорить... да... переговорить... надо бы переговорить, но только...

На этомъ словѣ онъ неожиданно сморщился и сказалъ:

— Ахъ, извините, пожалуйста, я долженъ васъ на минутку оставить...

Съ этимъ онъ повернулся къ гостѣ спиною и быстрою походкою удалился въ свои внутренніе покои, откуда, черезъ плотно притворенную дверь, послышалось торопливое шелканье повернувшася въ пружинномъ замкѣ ключа,— затѣмъ все стихло.

Молодая дама внезапно очутилась въ полномъ недоумѣніи: она рѣшительно не могла понять, что такъ неожиданно отозвало отъ нея добраго и, повидимому, принимавшаго въ ней живое участіе архіерея. Но, къ счастью ея, въ эту минуту появился келейникъ съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ чашки чаю, сухари и варенье.

— Куда вышелъ владыка?—спросила тихонько дама; но келейникъ, не смотря на то, что имѣлъ въ ухѣ серебряную сережку, сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ.

— Гдѣ теперь владыка?—переспросила гостя.

Келейникъ болѣе не отмалчивался, но, въ тонѣ вопрошавшей, такъ же тихо отвѣтилъ, что онъ этого ей никакъ объяснить не можетъ.

— Но, однако, онъ дома?

— О, совершенно дома-съ. Они скоро выйдутъ.

И, какъ бы для большаго успокоенія гостыи, что внезапно покинувшій ее хозяинъ, дѣйствительно, скоро вернется,—служитель его преосвященства поставилъ на столъ большую голубую севрскую фарфоровую чашку, изъ которой архіерей всегда кушалъ, и самъ скрылся.

Дама снова осталась одна, но уже гораздо въ болѣе оживленномъ настроеніи. Ей, во-первыхъ, думалось, что архіерей выйдетъ или не съ пустыми руками, а съ нужными ей тысячами, которыя и предложить ей немедленно взаймы, или же онъ принесетъ ей то «одно слово» умнаго челоуѣка,

которое может обуздать и сдѣлать безвреднымъ петербургскаго жадника.

Конечно, вынести деньги было бы всего лучше, да притомъ, и всего легче, такъ какъ, по мнѣнію нанихъ дамъ, у всѣхъ архіереевъ десятки и даже сотни тысячъ всегда такъ и лежать готовые, на всякій случай, въ никатулкѣ:— стоитъ только его преосвященству щелкнуть ключомъ, опустить туда руку, вынуть пачки да отсчитать,—вотъ и дѣло въ шляпѣ. Ключомъ, уже она сама слышала, какъ его преосвященство щелкнуло, а теперь онъ, очевидно, занятъ только отсчитываніемъ,—поэтому келейникъ и не смѣлъ сказать, гдѣ владыка находится и чѣмъ онъ занятъ,—но сейчасъ онъ отложить, сколько ей нужно денегъ, и придетъ прежде, чѣмъ остынетъ чай въ его севрской чашкѣ. Конечно, ей будетъ немножко совѣстно брать, но что дѣлать?—если онъ предложитъ ей, она, хоть это и конфузю немножечко, все-таки возьметъ, а потомъ она ему отдастъ. Какая же въ этомъ бѣда?

И вотъ, дамѣ стало все легче и легче смотрѣть на свѣтъ и думать о своемъ дѣлѣ. Легкій, игривый умъ ея теперь ужъ только для забавы занимался разгадкою, какое это могло быть «одно слово», которое стоило только сказать—и все дѣло поправится. Разумѣется, архіерей только для политики отсылалъ ее разспрашивать о такомъ словѣ умнаго человѣка, а въ существѣ никакой другой человѣкъ тутъ не нуженъ, потому что владыка самъ и есть человѣкъ умный и нужное гостѣмъ магическое слово онъ самъ же и знаетъ. Конечно, можетъ-быть, ему нельзя, неловко выговорить это слово по его монашескимъ обѣтамъ или почему-нибудь другому, но надо его къ этому вынудить: надо вырвать у него это слово или *подловить* его на словѣ, какъ былъ подловленъ извѣстный своею тонкостью министръ, котораго она видѣла въ театрѣ, въ прекрасно исполняемой Самойловымъ пьескѣ «Одно слово министру». Она вспомнила и Самойлова, и то слово, которое онъ такъ художественно ловитъ. Въ пьесѣ это слово было: «*молчать*»,—но какое же должно быть то слово, не въ театральной пьесѣ, а въ русскомъ дѣлѣ «о расторженіи незаконнаго брака и о прекращеніи безправственнаго сожительства»? Это, конечно, не мѣшаетъ знать.

И только-что отвлеченная всѣмъ этимъ дама немножко поразсѣялась и даже утѣшилась, до слуха ея долетѣла опять звучная пружина замка какой-то отдаленной двери какого-то таинственнаго архіерейскаго покоя, и преосвященный П—тъ, съ нѣскольکو измѣнившимся и какъ бы озабоченнымъ лицомъ, появился на порогѣ. Онъ шелъ медленно, и, конечно, не безъ причины, держалъ свою правую руку за пазухою видѣвшагося изъ-подъ черной рясы шелковаго коричневаго подрясника.

Нечего было и сомнѣваться, что онъ бережетъ тутъ отсчитанными имъ деньги.

Милой дамѣ, имѣющей *общія* понятія объ архіерейскихъ богатствахъ, конечно, и въ голову не приходило, что преосвящ. П—тъ, какъ о немъ говорили, «былъ не богаче церковной мыши»: этотъ архіерей былъ до такой степени бѣденъ, что самъ занималъ у своихъ подчиненныхъ по «четвертной ассигнаціи».

Но, въ такомъ случаѣ, что же онъ такъ бережно несъ въ рукѣ, спрятанной за пазуху? Неужто «одно слово умнаго человѣка»? Но гдѣ же онъ нашелъ такъ скоро этого умнаго человѣка? Или у него есть свой «черный уголь», гдѣ такой человѣкъ спрятанъ? Но тогда зачѣмъ же онъ посылалъ ее разыскивать умнаго человѣка, если такой, какъ Святогоровъ конь, у него всегда наготовѣ подъ замкомъ, удила грызетъ и бьетъ отъ нетерпѣнья копытомъ объ израмранъ полъ?

Все это было невыразимо любопытно и раздражительно.

Преосвященный молча сѣлъ къ столу, положилъ себѣ въ свою голубую чашку ложечку варенья, и молча же началъ ее долго и терпѣливо размѣшивать.

Вѣжливая гостя не прерывала хозяина, — она только искоса поглядывала на него, стараясь проникнуть, принесъ ли онъ ей нужныя для взятки деньги, или онъ принесъ только одно могучее слово очень умнаго человѣка, съ которымъ, какъ ей казалось, владыка удалялся для совѣщанія.

И ей было крайне досадно на застѣнчивость архіерея, который, очевидно, былъ чѣмъ-то смущенъ и какъ бы не рѣшался возобновлять прерваннаго разговора.

Она допила свою чашку, поставила ее на столъ и сдѣлала рѣшительное движеніе, какъ будто готовясь встать и распротиться.

Архіерей это замѣтилъ и, тронувъ ее слегка за руку, произнесъ:

— Не торопитесь.

Она осталась. Владыка опять мѣшкалъ, работая въ чашкѣ ложечкою, и, наконецъ, отпивъ чайку, началъ, покряхтывая и морщась:

— Все такъ и идетъ, повѣтріями... то такая болѣзнь, то другая... У меня на сихъ дняхъ проѣздомъ изъ Петербурга генераль былъ... тоже дѣла имѣеть и тоже досадуетъ и жалуется:—«совсѣмъ, говоритъ, умные люди у насъ переводятся; прежде, будто, были, а потомъ стало все менѣе и менѣе, и теперь совсѣмъ нѣтъ». Какъ бываетъ годами отъ вѣтровъ неурожай на груши или на яблоки, такъ теперь недородъ на умы. Отчего бы это?

— Я не знаю, владыка.

— И я не знаю. Я ему только сказала, что неужели уже мы стали такое сплошь дурацкое соборище? Не встрѣчали ли, говорю, хоть проѣздомъ кого потолковѣе? «Да удивительно, говоритъ: ѣдешь по дорогамъ, бесѣдуешь, все будто умные люди,—обо всемъ такъ хорошо судятъ, а дойдутъ до дѣла, ни въ комъ дѣловитости нѣтъ». Вотъ не въ томъ ли, говорю, и есть наше повѣтріе, что дѣловитые-то умы у насъ все по путямъ ходятъ, а при дѣлахъ замѣсто нихъ приставлена безтолочь?

— Къ чему же это мнѣ, владыка?

— А къ тому, что умныхъ людей, дѣйствительно, остается искать только въ глупомъ мѣстѣ, куда мы ихъ забили точно какую непотребность. Вотъ отчего все и трудно, и нудно.

Архіерей опять остановился, а дама обнаружила новое намѣреніе встать, но онъ придержалъ ее.

— Это очень дорого съ васъ хотить,—заговорилъ владыка.

— Уже вы въ этомъ, ваше преосвященство, согласились. Но какъ это ни дорого, а все-таки я понимаю такъ, что надо скорѣе давать деньги.

— Изъ чего же это явствуетъ?

— А изъ того, что нѣтъ другого спасенія.

— Да, а въ этомъ-то развѣ есть спасеніе?

— Мм!.. по крайней мѣрѣ, обѣщаютъ, тогда какъ,—добавила она, улыбувшись:—вы, владыка, даже не хотите мнѣ сказать, что думаетъ о моемъ несчастіи очень умный человекъ.

Архіерей поглядѣлъ на нее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и, въ свою очередь, спросилъ:

— Кого вы подѣ симъ разумѣете?

Дама пошла на рискъ и отвѣтила напрямикъ, что она говоритъ о томъ, съ кѣмъ владыка выходилъ поговорить, оставляя ее одну въ своей гостиной.

Архіерей посмотрѣлъ на нее еще съ большимъ недоумѣніемъ, но потомъ сію же минуту улыбнулся, махнулъ рукою и заговорилъ:

— Ахъ, такъ вы объ этомъ!.. Куда я выходилъ... а что же? Пусть такъ. Ну, извольте: я отъ васъ не скрою, что оный умникъ думалъ. Онъ тѣхъ мыслей, что деньги, разумѣется, пустяки, пометъ въ сравненіи съ семейнымъ счастьемъ, но для лной свиньи и помета жалко. По его мыслямъ, деньги давать не слѣдуетъ, ибо черезъ то ваше семейное спокойствіе не устроится.

— А какъ же оно можетъ устроиться?

— Это другой вопросъ.

— Но умный человѣкъ, можетъ-быть, и объ этомъ вопросѣ имѣеть мысли?

— Имѣеть.

— И какъ же онъ разсуждаетъ?

— Сократически.

— Помилуйте, владыка: что же? Я ничего въ этомъ не понимаю. Сократъ былъ философъ, а я простая женщина.

— Это ничего не значить. Сократа всѣ понимать могутъ.

— Ну, позвольте,—я попробую.

— Извольте. Въ мысляхъ умнаго человѣка предлагается такое сужденіе, какъ я сказалъ, почти въ сократической формѣ. По какому поводу возникла вся эта исторія, простирающаяся нынѣ до половины вашего царства?

— Она возникла потому, что я и мой мужъ между собою двоюродные братъ и сестра.

— Изрядно сказано: иначе она не могла возникнуть. Но если бы объ этомъ никто не доносилъ, то не могла ли бы эта исторія не подниматься?

— Конечно, она никогда бы не поднялась.

— Да, возможно допустить, что она не поднялась бы, хотя это всегда подвержено случайности.

— Какой, напримѣръ?

— Такой, напримѣръ, что кто-нибудь изъ родственниковъ

вашего мужа послѣ его смерти могъ претендовать на родовое наслѣдство и доказывать незаконность вашего брака.

— Намъ это и въ голову не приходило.

— Вѣрю. Теперь, продолжая держаться того же сократическаго метода, основательному человѣку представляется нужнымъ опредѣлить: не былъ ли причиною всего доносъ?

— Да, разумѣется, доносъ, владыка! Я не знаю даже, зачѣмъ на этомъ такъ долго путаться?

— Позвольте, позвольте! Причиною былъ доносъ, — и кѣмъ же сдѣланъ тотъ доносъ?

— Вы отлично изволите это знать: доносъ сдѣланъ дьячкомъ.

— Дьячкомъ! Дѣйствительно, доносъ сдѣлалъ дьячокъ. Но человѣку разсудительному можетъ придти въ голову: одни ли только дьячки способны дѣлать доносы, или же этимъ могутъ заниматься и другіе?

— Разумѣется, не одни дьячки, ваше преосвященство, могутъ доносить. Вы все это изволите знать.

— Вѣрно, такъ: я это знаю; но дѣло не во мнѣ. Умный человѣкъ, далѣе, судить: доносы могутъ дѣлать не одни дьячки; а кто же еще можетъ дѣлать доносы?

— Разные гадкіе люди.

— Гадкіе...—вамъ непременно хочется назвать ихъ «гадкими»... Что же... конечно... разумѣется... но, можетъ-быть... гмъ!.. дѣло ничего не потеряетъ, если мы нравственную оцѣнку доносчиковъ отбросимъ. Для умнаго человѣка достаточно просто установить тотъ фактъ, что доносы могутъ дѣлать *разные люди*. Согласны ли вы съ нимъ на этотъ счетъ?

— Съ кѣмъ, владыка?

— Какъ—съ кѣмъ?.. ну, съ этимъ человѣкомъ, который такъ разсуждаетъ?

— Да, я съ нимъ во всемъ согласна.

— Прекрасно! Теперь, если такъ, — разсмотрите же съ нимъ: не слѣдуетъ ли допустить, что въ числѣ различныхъ людей, способныхъ дѣлать доносы, могутъ быть и нѣкоторые понамари?

— Конечно, допускаю, владыка.

— Прекрасно! Но какъ вы думаете: не могутъ ли дѣлать доносы также и нѣкоторые дьяконы.

— Вѣрно, могутъ и дьяконы.

— Могутъ; по прослѣдимъ далѣе. Если это могутъ дѣлать дьяконы, то увѣрены ли вы, что это совершенно не по силамъ инымъ священникамъ?

— Ахъ, имъ все по силамъ!

— И имъ это по силамъ. — такъ. Ну, теперь, выше восходя: что же вы скажете объ иныхъ отцахъ благочинныхъ? Не благонадежны ли и они въ разсужденіи способностей доносить?

— То же самое скажу и о нихъ, ваше преосвященство.

— Выше отцовъ благочинныхъ намъ подниматься уже не для чего. Уяснивъ себѣ все сказанное, толковій чловѣкъ знаетъ, что доносы могутъ поступать не отъ одного дьячка, а еще и отъ дьякона, и отъ попа, и отъ благочиннаго. Теперь обслѣдуемъ другую сторону. По какимъ побужденіямъ сдѣлалъ свой доносъ дьячокъ?

— Ему понадобился возъ соломы; онъ пришелъ не вовремя, ему не дали, — онъ разсердился и донесъ.

— Такъ; а не допускаете ли вы возможности, что понамарю можетъ когда-нибудь понадобиться возъ мякны, дьякону — возъ ухоботья, попу и отцу благочинному — возы овса и сѣна, да еще мѣшокъ крупчатки?

— Это все возможно, владыка.

— Да, свѣдущему чловѣку можетъ показаться, что всѣ такія случайности возможны, и онъ смотритъ, какое каждое изъ нихъ можетъ имѣть для васъ послѣдствіе.

— То же самое, къ какому привелъ доносъ дьячка.

— Вы хорошо судите, очень хорошо судите. Слѣдовательно, если дьячокъ достигаетъ «даже до полуцарства», то того же самаго могутъ достигнуть и попь, и дьяконъ?

— Все равно.

— И всякій такъ долженъ судить, что это все равно; ну, а въ вашемъ царствѣ сколько половинокъ?

— Конечно, двѣ только.

— Непремѣнно двѣ. Каждому извѣстно, что во всякомъ цѣломъ бываютъ только двѣ половины. Какъ же тогда быть, если половины всего двѣ, а охотниковъ уничтожить ихъ множество? Не опасно ли, что, такимъ образомъ, изъ всего цѣлаго для себя не останется ни одной половины?

— То-есть, какъ это, владыка?..

— Да такъ; это чловѣку дѣловитому очень просто представляется. Если дьячокъ доносъ обойдется до полуцар-

ства, и вы не успѣете отдохнуть, какъ на васъ уже пошамарь донесетъ,—подавай другую половину. Отдадите, а затѣмъ, когда дьяконъ съябедничаетъ, вамъ уже и давать больше нечего. Такъ или нѣтъ?

— Совершенно такъ, владыка.

— Думается, что такъ, потому что третьей половины уже нѣтъ; и тогда что же? Тогда сукно-то вскрыется, и все, подъ него упрятанное, выскочитъ на свѣтъ. И не будетъ тогда у васъ ни всего царства, ни законнобрачія, котораго васъ лишаютъ доносы. А посему благоразумный человѣкъ думаетъ: не лучше ли сберечь себѣ, но крайней мѣрѣ, свое царство и, притомъ, не повреждать съ ожесточеніемъ нравовъ ближнихъ!

— Какихъ же это ближнихъ, владыка?

— А духовенства.

— Да позвольте, что мнѣ до него за дѣло, владыка?

— Какъ что? Развѣ вы не русская?

— Русская я, русская,—я это знаю, но потому-то я и не хочу ни о комъ думать, а только боюсь доносовъ.

— А вы ихъ не бойтесь.

— Да какъ же ихъ не бояться?

— Такъ не бойтесь; развѣ вы не знаете, что кто холеры не боится, того сама холера боится?

— Но, вѣдь, однако, насъ съ мужемъ по доносу развели.

— Ну, и что же: какая отъ сего бѣда?

— Та, что дѣтей нашихъ признали незаконными.

— А хуже этого что?

— Что же еще хуже, владыка! Я ужъ и сама не помню, что тамъ я читала: вы вѣдь сами изволили это утвердить.

— Утвердилъ, согласился,—не могъ не согласиться: рѣшенъ по закону правильно.

— Ужасно, ужасно!

— Да то-то: что же такое?

— Тамъ что-то еще «предать покаянію», «возбранить безнравственное сожительство»... Одно слово страшнѣе другого.

— Да, вы правы, страшныя слова, страшныя слова, а вы имъ... не того...

— «Не чего», владыка?

— *Не доверяйте.*

Дама поняла, что это и есть одно слово умнаго человека, и спросила:

— И это все?

Но архіерей вмѣсто отвѣта опять сморщился, задвигалъ рукою, которая была у него подъ рясою, и проговорилъ:

— Да, ужъ извините... я долженъ уйти... опять повѣтріе.

И съ этимъ онъ быстро убѣжалъ, даже не затворивъ за собою двери. Очевидно, что на этотъ разъ онъ особенно спѣшилъ уединиться съ «умнымъ человѣкомъ».

Вѣрно или нѣтъ поняла молодая дама *одно слово* своего епископа, но только она не возвратилась въ домъ свой, въ деревню, а прикатила прямо въ Петербургъ и потребовала отъ мужа подробнаго объясненія о ходѣ дѣла.

Тотъ ей разказалъ.

— Ну, такъ это все надо бросить,—рѣшила дама.

— Какъ бросить?—удивился мужъ.

— А такъ, что теперь на насъ донесъ дьячокъ, и за это мы отдадимъ половину состоянія; потомъ на насъ донесетъ дьяконъ, и мы должны будемъ отдать другую половину; а послѣ донесетъ попъ, и намъ уже и давать будетъ нечего. И тогда насъ разведутъ, и дѣти наши будутъ и безъ правъ, и безъ состоянія. А потому надо сберечь имъ что-нибудь одно. Надо дорожить существеннымъ: сбережемъ имъ состояніе.

— А права?

— Они ихъ получаютъ по образованію.

— А мы сами?

— Что же о насъ?

— Мы не будемъ болѣе мужемъ и женою.

— Мы будемъ тѣмъ, чѣмъ мы есть другъ для друга и для нашихъ дѣтей, къ которымъ намъ пора возвратиться.

— Но... меня все тревожить...

— Что тебя еще тревожить?

— Чтò о насъ будутъ говорить? Тебя будутъ называть не женою моею, а...

Но дама не дала мужнинѣ договорить тяжелаго слова: она закрыла его губы своею рукою и съ доброю ласкою проговорила:

— Мы будемъ этому *не довѣрять*.

Онъ поцѣловалъ ея руку, и оба они обняли другъ друга и заплакали слезами, въ которыхъ смѣшались и горе, и радость.

Такъ эта Евва безъ большихъ затрудненій склонила своего Адама *«не довѣрять»* тому, что о нихъ писали въ губернскихъ и столичныхъ инстанціяхъ, и оставила петербургскаго жадника безъ куша. Полцарства своего они никому не дали и нинѣ сидятъ на немъ и преблагополучно господствуютъ. Ихъ, разумѣется, развели, и подписку съ нихъ взяли, и покаяніе ихъ, гдѣ надо, значилось. Всѣ мѣры къ прекращенію ихъ беззавѣстнаго сожителства были приняты, всѣ страшныя слова проговорены и прописаны, но разведенные супруги, держась совѣта, который ими, можетъ-быть, невѣрно и понять, все-таки никакимъ этимъ страстямъ *«не довѣряли»* и понынѣ не довѣряютъ, и Богъ ихъ на доброй русской землѣ тернитъ. Семья ихъ до сихъ поръ сохраняетъ свой прежній счастливый составъ и мирное благоденствіе, а недовѣріе ихъ имѣетъ столько заразительнаго, что всѣ, ихъ знающіе, продолжаютъ ихъ посящать по-старому, и даже сами совершенно не довѣряютъ, что тутъ что-либо кѣмъ-нибудь измѣнено. Словомъ, все, что гдѣ-то когда-то было постановлено объ этихъ супругахъ, общественнымъ довѣріемъ не пользуется. Только дячка, по доносу котораго возникла эта поучительная исторія, преосв. П—пъ убралъ въ другое мѣсто, прежде чѣмъ самъ скончался отъ того самаго повѣтрія, которое мѣшало его этюдамъ въ сократической формѣ.

Поэтому, читатель, если вы имѣете неосторожность раздѣлять довольно общее мнѣніе, будто наши епископы по собственной охотѣ стремятся отяготить лежащія на насъ бремена тяжкія и неудобопосимыя, то повѣрьте, что это неосновательно. Повѣрьте, что, можетъ-быть, ни въ какой другой русской средѣ, особенно въ средѣ, такъ-называемыхъ, *«особъ»*, вы не встрѣтите такого процента людей свѣтлыхъ и волюнѣ доброжелательныхъ, какъ среди епископовъ, которые, къ сожалѣнію, большинству извѣстны только съ сухой, официальной ихъ стороны. Человѣкъ же, какъ сказалъ нѣкто, *наилучше познается въ мелочахъ.*

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Показавъ отношеніе одного архіерея къ мірянамъ, находившимся въ затрудненіи по случаю расторгенія ихъ брака, я теперь покажу другого архіерея и другихъ мірянъ въ еще болѣе трудномъ и строгомъ моментѣ въ брачномъ дѣлѣ.

Въ нѣкоторомъ большомъ городѣ жилъ и теперь живетъ довольно крупный чиновникъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, но съ юношескимъ сердцемъ. Этого человѣка любятъ всѣ, кто его знаетъ, и не любить его очень трудно, такъ какъ онъ чрезвычайно обязательный и милый добрякъ. У него только два порока, или двѣ слабости, изъ коихъ одну можно ему поставить даже и въ добродѣтели: онъ большой *хлопотунъ*. Всю свою жизнь онъ за кого-нибудь просилъ или за кого-нибудь ручался, кого-нибудь вызволялъ изъ разнаго рода напастей, получая за это самъ перѣдко болѣе или менѣе чувствительныя неприятности. Великое множество разнообразныхъ несчастливцевъ считаетъ его своимъ благодѣтелемъ, а онъ скорбитъ, что не можетъ вызволить всѣхъ, потому что фонды его понизились и курсъ палъ. Его безпрестанныя за всѣхъ просьбы и поруки однимъ наскучили, а у другихъ потеряли вѣсъ и значеніе. Лядащая мораль нашихъ прожженныхъ дней такой сердечной доуки не терпитъ и не переноситъ.

Въ городѣ этого чудака прозвали: «Мать Софья о всѣхъ сохнетъ», а въ семейномъ кружкѣ его зовутъ—«*дядя Никсъ*», и мы удержимъ для него это послѣднее имя въ нашемъ разсказѣ.

Дядя Никсъ былъ женатъ первымъ бракомъ очень рано, на двѣицѣ очень хорошаго семейства, изъ рода владѣтельныхъ князей К. Онъ былъ какъ нельзя болѣе счастливъ въ этомъ бракѣ,—жена его раздѣляла общую къ нему симпатію и уваженіе и нѣжно его любила, но счастье ихъ было непродолжительно: молодая женщина умерла родами, оставивъ мужу маленькаго сиротку.

Вдовецъ очутился въ грустномъ и трудномъ положеніи—одинъ съ маленькимъ ребенкомъ, котораго ни за что не хотѣлъ отдать изъ дома. Но Богъ о добрыхъ людяхъ печется: семья покойницы, принимая живое участіе въ сиротѣвшемъ добрякѣ, прислала къ нему пожить и заняться имъ и ребенкомъ младшую сестру умершей,—тоже недавно потерявшую мужа, молодую и очень симпатичную женщину, имѣвшую о ту пору 22 или 23 года и двоихъ своихъ сиротокъ, которыхъ она тоже привезла къ дядѣ Никсу.

Прекрасная вдовица обладала душою самою нѣжною и была религіозна. Она имѣла весьма разностороннее образованіе и довольно замѣчательный музыкальный талантъ, а

дядя Никсъ, въдобавокъ ко всему, о немъ сказанному, былъ «поэтъ въ душѣ» и любилъ музыку.

Вдовцы зажили дружно, душа въ душу: дитя одного нашло въ теткѣ нѣжность утраченной матери, а дѣти другой обрѣли въ попечительности дяди Никса самаго заботливаго отца.

Сводная семья въ самое короткое время совсѣмъ слилась воедино, какъ родная, и глубокой трауръ, который всѣ носили въ этомъ миломъ *живомъ домѣ*, скоро совсѣмъ утратилъ свой суровый характеръ. Его какъ бы забыли замѣчать.

Цѣлую зиму всѣ знакомые люди охотно хаживали послѣдѣть вечерокъ у дяди Никса и охотно предпочитали его тихіе вечерки всякимъ инымъ болѣе шумнымъ собраніямъ. Но вдругъ, подѣ исходъ великаго поста, пріятныя бесѣды разстроились. Причиною тому было, что хозяйка стала часто прихварывать, и хотя болѣзнь никому не казалась опасною, но она какъ-то сверхъ мѣры озабочивала всегда милого и веселаго дядю Никса.

Грубые мужчины, по своей тяжеломысленности, не знали, какъ объяснить и чему приписать эту непостижимую и грустную перемену, но всепроницающія очи и всезнающій умъ женщинъ скоро разгадали тайну и объяснили ее краткимъ опредѣленіемъ: милый дядя Никсъ, по женскимъ примѣтамъ, очень основательно утѣшился.

Утѣшительница была въ положеніи, которое не могло оставаться безъ компрометирующаго ея вдовство результата.

Все это происходило въ то недавнее безалаберное, но живое время, когда мы, по выраженію нынѣшнихъ безнатурныхъ благоразумцевъ, «*захлебывались либерализмомъ*» или, попросту сказать, бурлили, не зная сами «что лъзя и то, чего не можно».

Въ томъ изъ «большихъ центровъ», гдѣ невзначай произошло такой случай съ утѣшительною дамою, это невѣдѣніе ходило безшабашными волнами и проникало всю глубь нашего мелкаго житейскаго моря, которое не хитро на глазомѣръ взять отъ гребня его валовъ до самаго дна. И на высотѣ, и въ преисподнихъ творились разныя чудеса. О томъ, какъ околесили маленькіе люди, мы болѣе

или менѣе знаемъ, а что въ этомъ же родѣ натворено людьми иныхъ положеній, то только едва-едва еще выльзаетъ на свѣтъ. Во главѣ мѣстной администраціи нашего «центра» тогда стоялъ высокодаровитый генераль, самой необъятной непосредственности. Его непосредственность была такъ велика, что онъ, напр., могъ судить о книгахъ, не читая ихъ, и, притомъ, судить очень оригинально. Такъ, напр., выдавая себя другомъ литературы, онъ говорилъ, что запретилъ бы только одну вышедшую тогда книгу,—именно, «Исторію конституцій» А. В. Лохвицкаго, но и то запретилъ бы ее потому, что «все это уже старо и узко». Въ государственномъ устройствѣ сановникъ мѣтилъ гораздо дальше, чѣмъ брала эта книга. Въ семьѣ онъ желалъ видѣть, чтобы дѣти росли на свободѣ безъ всякаго «воспитанія», и достигъ этого исполнѣ въ своихъ собственныхъ дѣтяхъ, *таскающихъ* его имя гдѣ пошло и съ кѣмъ попало. Между множествомъ анекдотовъ его административной свистопляски были извѣстны его слова, что онъ «не только терпѣть не можетъ низкопоклонниковъ, но даже *любить, чтобы ему грубили*».

Находились люди, которые пробовали доставлять ему такое удовольствіе, и, къ чести его сказать, онъ *иногда* сносилъ это довольно терпѣливо. Впрочемъ, послѣ сталъ обижаться. Но еще болѣе, чѣмъ грубіяновъ, онъ любилъ людей *неподзаконныхъ*, т.-е. такихъ совершенныхъ людей, которые любятъ становиться выше закона, будучи сами себѣ законъ. Въ такихъ людяхъ на Руси, какъ извѣстно, недостатка нѣтъ, и самъ высокій сановникъ тоже былъ изъ такихъ совершенныхъ людей; но онъ заблуждался, думая, что таковы и всѣ остальные современные ему правители отдѣльныхъ частей управленія. Особенно же онъ ошибался въ мѣстномъ владыкѣ, котораго всегда очень хвалилъ, говоря:

— C'est un brave homme, у него нѣтъ ni foi, ni loi.

Что касается архіерейской foi, то этого высокаго вопроса мы повѣрять не будемъ, но что до loi, то на этотъ счетъ генераль ошибался и получилъ за то распеканцію.

Узнавъ какъ-то отъ состоявшихъ при его важной особѣ сплетниковъ по особымъ порученіямъ объ анекдотѣ, случившемся при утѣшеніи дяди Никса его свояченицею, ге-

нераль сейчасъ же его пожалѣлъ, назвалъ *rauvre diable*-мъ и возымѣлъ намѣреніе уладить это дѣло.

— Что же такое, что она сестра его жены? — Это не бѣда... Вѣдь та первая ея сестра уже умерла?

— Умерла, — отвѣчаютъ.

— Ну, а умерла, такъ эта и должна занять ея мѣсто. Она кто такая урожденная?

— Такая-то.

— А сестра ея?

— То же самое.

— А онъ какой урожденный?

Ему назвали фамилію.

— Ну вотъ, видите: у нихъ совсѣмъ и фамиліи разные. Это можно. Что такое за важность!

— Конечно, — говорятъ: — но по-нашему, по-православному...

— Ахъ, полноте, пожалуйста, что это такое за православіе, и въ чемъ оно состоитъ, я не знаю, кромѣ какъ «Господи помилуй», да «Тебѣ Господи съ подай Господомъ». Но я знаю, что это можно, потому, вѣдь, та его жена уже умерла. Такъ или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, и можно. Если бы онѣ обѣ живы были, — ну, тогда, конечно... могли быть соображенія, ну, а теперь... Скажите ему, чтобы онъ мнѣ повинился и попросилъ помочь, — я очень радъ и самъ съѣзжу къ нашему бонзѣ. Старикъ мнѣ не откажетъ, — сейчасъ подмахнетъ разрѣшеніе.

Кто-то выразилъ-было нѣкоторое сомнѣніе насчетъ такой податливости владыки, но правитель совсѣмъ обѣлилъ его преосвященство.

— Полноте, пожалуйста; я, — говоритъ: — вамъ ручаюсь, что онъ ни во что не вѣритъ и не имѣетъ ни *foi*, ни *loi*.

Близкія послѣдствія показали, что оба эти мнѣнія о владыкѣ были невѣрны.

Генераль взялся за дѣло не только съ ловкостью, но и съ отвагою настоящаго военнаго человѣка.

Горячность его была такова, что онъ, при первомъ же свиданіи съ дядей Никсомъ, самъ разспросилъ его въ шутиливомъ тонѣ: «какъ это вышло?» — и, узнавъ о справедливости смущавшаго Никса анекдота, сразу же его ободрилъ.

— Вы не смущайтесь,—сказаль онъ:—все это въ наше время суще пустяки. Теперь, когда, можно сказать, уже никто изъ порядочныхъ людей не живетъ съ своими женами, на эти дѣла смотрять иначе. А вы, если хотите еще держаться старины, чтобы надѣвать «узы Гименея», такъ можете свободно жениться вторымъ бракомъ на сестрѣ вашей жены. Зачѣмъ и не побаловать даму: онѣ вѣдь егозятъ, будто стремятся къ свободѣ, а въ самомъ дѣлѣ — очень любятъ выходить замужъ. Имъ это правится «законъ принимать», — точно онѣ всѣ кухарки. Ну, да это ваше дѣло. Женитесь, я васъ благословляю, и сегодня же съѣзжу къ нашему бонзѣ и привезу вамъ отъ него разрѣшеніе. Онъ на этотъ счетъ безподобенъ: что вамъ пужно, все разрѣшить.

Дядя Никсъ не отказаль генералу въ правѣ ходатайствовать, и тотъ поскакаль съ этимъ полномочіемъ къ владыкѣ, но оттуда возвратился чрезвычайно скоро и такой разсерженный, что сразу же началъ передъ дядею Никсомъ бранить «безподобнаго» *толстоносымъ невѣжею, тупымъ бонзою и упрямымъ козломъ.*

— Никогда себѣ этого не прощу, что взялся съ нимъ объ этомъ говорить, — пылилъ генераль. — Помилуйте, я всегда былъ увѣренъ, что онъ прекрасный старикъ, что у него *ni foi, ni loi*, а онъ выходитъ прехитрый мужиченко! Онъ все отъ меня выслуналь и улыбался, а потомъ вдругъ давай ахать: «Ай-ай-ай! говорить, какое ужасное дѣло! Беременна родная сестра его жены. Боже, какая безнравственность!»

«Я хотѣль въ шутку—говорю:

— «Ну, полноте, ваше преосвященство: что за важность!»

«А онъ скропль такую благочестивую мину и отвѣчаетъ:

— «Какъ: что за важность! Ай-ай-ай! Беременна... родная сестра его жены... и онъ хочетъ на ней жениться... на родной сестрѣ своей жены... И вы, верховный сановникъ и правитель, изволите сообщать объ этомъ мнѣ, вашему епархіальному архіерею, и требуете, чтобы я, вашъ спархъ, далъ на это разрѣшеніе! Ай-ай-ай! ай-ай-ай! Какъ вы могли за это взяться!»

«Я говорю: просять меня, ну, и я прощу.

— «Да помилуйте, мало ли о чем иногда просить! Нѣтъ: это ужасно, ужасно, ужасно! Я, разумеется, не удивляюсь вашей все́мъ извѣстной добротѣ, притомъ же, хотя вы и должны знать законы, но вы въ военной службѣ служили и законовъ не изучали.

«Я говорю: — чортъ ихъ знаетъ,—я ихъ, дѣйствительно, не знаю!

— «Ну, онъ говоритъ, это васъ, конечно, и извиняетъ, но тотъ, кто васъ объ этомъ просилъ, неизвинителенъ. Удивляюсь, много удивляюсь, какъ онъ, зная законы, могъ рѣшиться позволить себѣ безпокоить особу столь высокаго, какъ вы, званія такую незаконною просьбою! Статочно ли это, чтобы вы, въ вашемъ положеніи, просили меня, архіерея, разрѣшить извѣстному человѣку жениться на родной сестрѣ его покойной жены! Ай-ай-ай! Надо его пощунять, да, пощунять его, пощунять. Пожалуйста, ко мнѣ его пришлите,—пришлите: я его у себя самъ погоняю. Ишь, какой дерзкій, какъ онъ смѣлъ васъ такъ подводить подъ такую глупость! Пришлите! Этого безъ штрафа оставить нельзя».

И, передавъ съ точностію рѣчь архіерея, сановникъ отмахнулъ, по-военному, рукою и добавилъ:

— Такъ вотъ, что теперь изволили заварить, то и извольте расхлебывать: отправляйтесь къ нему и извольте объясняться съ нимъ сами, а я болѣе — пасъ. Да-съ, я пасъ, пасъ, хоть бы у васъ не одна свояченица, а полный домъ все́хъ родныхъ сдѣлались беременными.

Переконфуженный дядя Никсъ попробоваль-было отговориться, что уже лучше. молъ, все это бросить и не просить и не ѣхать объясняться, но сановникъ былъ не такъ настроенъ.

— А, нѣтъ-съ, покорно васъ благодарю, — отвѣчала онъ: — нѣтъ-съ, извините, вѣдь это я тутъ замѣшанъ, а я не хочу, чтобы это на мнѣ и оставалось. Начали, такъ надо додѣлывать. Онъ теперь еще, пожалуй, пойдетъ рассказывать, что я пріѣзжалъ по такому дѣлу... Нѣтъ-съ, вы начали, — вы и кончайте: извольте ѣхать, да-съ, и даже немедленно извольте ѣхать. Завтра, именно, извольте ѣхать и объясняйтесь съ нимъ, какъ знаете, только чтобы я тутъ былъ ни при чемъ. Онъ мнѣ, можетъ-быть, сто разъ повторилъ, чтобы васъ прислать, и я васъ посылаю, да, сейчасъ извольте ѣхать, сейчасъ!

— Завтра,—говорить дядя Никсъ.

— Нѣтъ-съ, сейчасъ, сейчасъ, — сію минуту! Я имѣю основаніе не хотѣть, чтобы такое скандальное дѣло за мною числилось, и я васъ прошу, я вамъ, наконецъ, *приказываю* отъ этого скандальнаго дѣла меня очистить.

Дядя Никсъ насилу могъ отпроситься отложить свою явку владыкѣ до завтра. Онъ провелъ самую безпокойную ночь, скрывая отъ семейныхъ причину своей тревоги, но открытъ ее одному изъ близкихъ друзей и все у него допытывался мнѣнія, какъ тотъ думаетъ: «сѣсть или не сѣсть его завтра разгнѣванный епископъ?»

Но вопрошаемый знать объ этомъ столько же, какъ вопрошавшій, и разсуждать, что «пожалуй сѣсть, а пожалуй и не сѣсть».

Шутя, они даже по пальцамъ гадали, но ничего не угадали: разъ выходитъ, что сѣсть, а другой—не сѣсть.

Не добьешься толку: ворожба тайныхъ думъ освященнаго лица не раскрывала. Такъ, ничего не зная, что будетъ, дядя Никсъ на слѣдующій день, въ подходящій часъ, отправился съ стѣсненнымъ сердцемъ къ его высокопреосвященству, отъ котораго ожидалъ услышать нивѣсть какія неприятныя для себя напруги и строгости.

Архіерей не забылъ о дядѣ Никсѣ и даже, вѣроятно, ждалъ его. По крайней мѣрѣ, какъ только его ввели въ залъ и доложили о немъ, владыка самъ распахнулъ двери гостиной и привѣтливо заговорилъ:

— Прощу покорно, добро пожаловать, добро пожаловать. Сердечно радъ васъ видѣть.

И, усадивъ дядю Никса на диванъ, онъ продолжалъ въ томъ же мягкомъ и привѣтливомъ тонѣ:

— Давно и очень давно желалъ съ вами познакомиться. Много слышался о васъ хорошаго. Благо тому, о комъ такъ говорятъ, какъ о васъ, особенно у насъ, гдѣ ни за умъ, ни за доброту хвалить некого.

Дядя Никсъ кланяется, а архіерей продолжаетъ:

— Мало у насъ, очень мало умяхл, и еще менѣе — добрыхъ и благонамѣренныхъ людей на общественной дѣятельности, а вы не такой, не такой... Да, вы не недотрога.

Дядя Никсъ опять кланяется, а архіерей снова продолжаетъ:

— Я давно интересовался вашими хлопотами о народномъ образованіи. Могу сказать, не для вида одного занимаетесь, а дѣйствительную пользу дѣлаете. За это вамъ за нашъ бѣдный темный народъ поклонъ до земли. Но вы вѣдь, кромѣ того, и еще во многихъ комитетахъ.

— Точно такъ, ваше преосвященство.

— Усердны, очень усердны.

— Что дѣлать: избирають.

— Да, да, гдѣ ни прочитаю, все вы сидите. Хвалю, очень хорошо, очень хорошо дѣлають, что такого доступнаго добру человека избирають. Ну, и что же у васъ, напримеръ, по такому-то комитету дѣлается?

Дядя Никсъ опять отвѣчаетъ. А владыка далѣе любопытствуетъ: какъ идутъ дѣла въ третьемъ, въ пятомъ и въ десятомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ комитетовъ, при посредствѣ которыхъ такимъ живымъ ключомъ кипитъ наша смѣлая и оригинальная административная дѣятельность.

Дядя Никсъ обстоятельно, по всѣмъ пунктамъ, удовлетворилъ любознательность владыки и усиляя ему показать въ этомъ разговорѣ свою свѣдущность, искреннее добросердечіе и пріятный умъ. Владыка съ удовольствіемъ его слушалъ и не разъ принимался похвалять словомъ.

— Одобряю васъ, весьма одобряю, — а потомъ и самъ высказалъ нѣсколько замѣчаній, поразившихъ гостя не только своею глубиною и мѣткостью, но и благороднымъ свободомысліемъ, въ которомъ, впрочемъ, у русскихъ людей не бываетъ недостатка, пока они не видятъ необходимости согласовать свои слова съ дѣломъ.

Дядя Никсъ, конечно, зналъ эту черту нашихъ нравовъ и не обольщался ея проявленіями у владыки.

«Знаю я васъ,—думалъ онъ,—широко ты, братъ, расписываешь въ томъ, что до тебя не касается, а небось, въ чемъ дѣло къ тебѣ клонить, такъ ты мнѣ жениться не позволилъ, а про законъ запѣлъ, да вотъ и о сю нору все виляешь, а о моемъ дѣлѣ ни слова не говоришь!»

А владыка какъ бы прочелъ эти мысли на его лицѣ и говоритъ:

— Ну, пріятно, очень мнѣ пріятно было съ вами побесѣдовать, а теперь позвольте же мнѣ, ваше превосходительство, спросить: что такое у васъ дома случилось неловко по женской части?

— Да, владыка... извините, что я осмѣлился...

— Сшались?

— Виновать, владыка.

— Да, вчера князь налетѣлъ съ этимъ на меня, какъ съ ковшомъ на брагу, — говоритъ, что будто вы его просили со мною на этотъ счетъ переговорить. Да вѣдь онъ на гулянкахъ много празднословить, — я, признаюсь, ему не довѣрилъ.

— Нѣтъ, это точно такъ, владыка.

— Вы его просили?!

— Просилъ, владыка.

Владыка пожалъ плечами и закачалъ головою.

— Для чего же вы это сдѣлали?

Дядя Никсъ молчалъ.

— Вѣдь вы, кажется, безъ шутокъ... имѣете *серьезное* намѣреніе жениться на сестрѣ вашей покойной первой жены?

— Да, то-есть... я имѣю это желаніе, я имѣю въ этомъ нужду... потому что у меня есть сиротка, который въ этой женщинѣ только могъ бы найти вторую мать, но если это нельзя...

— Позвольте, позвольте, вы совершенно справедливо и совершенно основательно судите: дѣйствительно, кто же сиротѣ по женской линіи ближе тетки; но вѣдь такой бракъ у насъ недозволителенъ.

— Я думалъ, что, какъ у всѣхъ другихъ, на примѣръ у католиковъ и у лютеранъ, это не считается препятствіемъ, такъ, можетъ-быть, теперь уже и у насъ...

— Нѣтъ, опять позвольте... Во-первыхъ: чтò такое значить это ваше «теперь»? Въ разсужденіи духа времени — это такъ, но въ разсужденіи правилъ соборныхъ постановленій это «теперь» и тогда, и всегда будетъ одно и то же. Указываете, что у инославныхъ это дозволяется, но вѣдь мы съ вами не инославные, а православные, и, родясь въ лонѣ православной церкви, должны знать, что этого нельзя. Зачѣмъ же вы о такой невозможности просите?

— Извините великодушно, владыка; я вижу, что сдѣлалъ непростительную глупость, и умоляю васъ, не гнѣвайтесь и простите.

— Простить — извольте, прощу, потому что просящему прощенья и Богъ прощаетъ, а извинить — не извиняю.

Другому, менѣ васъ умному человѣку, я охотно бы это извинилъ, но вамъ не могу. Какъ, помилуйте, возможно, чтобы по такому деликатному дѣлу прислать ко мнѣ, монаху, такого безстыжаго пѣтуха, который и безъ того вездѣ оретъ во все горло, что у меня нѣтъ ни foі, ни роі (sic), и давно на грудь мнѣ наступаетъ, чтобы я закона не почиталъ. Помилуйте вы меня! Да къ чему же мнѣ это и для чего намъ, бѣднымъ людямъ, такая роскошь? Я вѣдь не въ корпусѣ на Садовой улицѣ учился, а Эврипида читалъ:

Nam si violandum est jus, regnandi gratia
Violandum est, aliis rebus pietatem colas.

«Нарушить законъ для того, чтобы царствовать», — это и умные люди дѣлали, но нарушать его для того, чтобы одинъ дѣйствительный штатскій шалунъ, съ моего разрѣшенія, на своей свояченицѣ женился, это уже никакого резона нѣтъ».

Владыка всталъ съ мѣста и подаль руку дядѣ Никсу, но не выпустилъ ее, а тепло придержалъ своею другою рукою и добавилъ:

— Нѣтъ, напрасно вы, напрасно прямо сами ко мнѣ не пожаловали: я бы вамъ разрѣшенія, разумѣется, все равно не далъ, но зато прямо бы вамъ объяснилъ, что вамъ мое разрѣшеніе вовсе и не нужно.

— А безъ разрѣшенія, ничего нельзя сдѣлать, владыка.

— Да, и я бы такъ думалъ, но мнѣ говорили, что, именно, такъ только и можно, какъ вы сказали: «безъ разрѣшенія». Для чего же въ эти дѣла епископовъ путать, да еще черезъ важныхъ русскихъ либераловъ это дѣлать? Помилуйте... Сей родъ самый опасный и ничимъ же изымается; съ ними надо очень, очень опасливо: они сами подзадорятъ, да сами же первые и выдадутъ хуже школьниковъ. До свиданія. Поѣду вашему покровителю визитъ отдать.

— Сдѣлайте милость, владыка, посѣтите его: онъ радъ будетъ.

— Знаю... Чудаки! а то подумаетъ, что я на него сержусь, и «предупреждать» пойдетъ повсюду. Свистунъ, а мужикъ добрый. Будьте покойны, я сейчасъ ему либеральнаго едея на самый главный винтикъ капну и до дна его смазлю. Богъ съ нимъ. Такихъ разболтаевъ тоже надо беречь. Онъ еще, можетъ, пригодится вамъ на всякій слу-

чай. Храни Богъ доноса—тогда умою ужъ ничего не возьмешь, а этакой цыцарь какъ разъ «цыцъ» и выхлопочеть... Прощайте, и желаю вамъ счастливаго успѣха.

Гость тронулся, но хозяинъ его опять придержалъ и добавилъ:

— А говорятъ, если здѣсь неустойка, то къ единовѣрамъ въ Молдавію хорошо съѣздить: тамъ, будто, говорятъ, никакихъ затрудненій не знаютъ: за деньги эти православные молахи и валдахи не только на матери, а даже и на отцѣ родномъ женять. Невѣроятно, а впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ! Прощайте!

Съ тѣмъ дядя Никсъ и вышелъ отъ владыки, а черезъ недѣлю послѣ этого разговора онъ уже былъ обвинчанъ со своею свояченицею.

Читателя можетъ поинтересовать: какъ все это сдѣлалось и какъ это вообще дѣлалось? А потому я въ концѣ моихъ очерковъ расскажу, что мнѣ на этотъ счетъ извѣстно, теперь же еще два послѣдніе портрета.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

За несомнѣнное рассказываютъ слѣдующій характерный случай, имѣвшій мѣсто съ однимъ полицейскимъ генераломъ у покойнаго московскаго митрополита Филарета Дроздова.

Генераль, обязанный блюсти благочиніе столицы, не всегда хорошо зналъ предѣлы своей власти и, случалось, вмѣшивался куда не слѣдовало. На это иногда жаловались, или пробовали дать ему сдачи собственными средствами, но къ общему огорченію все это выходило малоуспѣшно. Генераль же, отъ ряда такихъ безпрестанныхъ удачъ, дѣлался смѣлѣе, и безъ оглядки «забывая задняя—на передняя простирался» и въ такомъ неуклонномъ стремленіи наскочилъ на митрополита Филарета.

Случай этотъ возникъ съ слѣдующаго повода. Довелось безпокойному генералу быть на чьихъ-то похоронахъ, или по другому какому случаю заглянуть въ одну изъ приходскихъ церквей столицы, гдѣ его превосходительство не ждали и служили попросту. Служеніе генералу страшно не понравилось.

Генераль счелъ, что все это надо исправить, и обозначилъ въ самомъ иѣзливомъ письмѣ къ митрополиту Филарету, которое и было послано по адресу безъ лишняго раз-

думья. Отправляя такое посланіе, генераль, конечно, былъ какъ нельзя болѣе доволенъ собою, потому-что дѣлалъ владыкѣ сообщеніе, которое того не могло не интересовать, такъ какъ касалось самыхъ живыхъ вопросовъ церковнаго благочинія. Генераль, знавшій, быть-можетъ, очень многое въ петербургскомъ свѣтѣ,—откуда недавно пришелъ,—не зналъ вовсе неприступной щекотливости того лица, къ которому онъ обращался, и за то поплатился очень досадительнымъ урокомъ.

Митрополитъ Филаретъ, получивъ генеральское письмо, возымѣлъ себя совсѣмъ не такъ, какъ предполагали и невѣрно рассчитывали авторъ. Указаніе на то, что гдѣ-то въ московской церкви неблагочинно служить и не хорошо поють, обидѣло владыку; онъ усмотрѣлъ въ этомъ дерзость. Такія вещи онъ если и терпѣлъ, скрѣпя сердце, отъ Андрея Николаевича Муравьева, то это была милость безъ образа, и затѣмъ онъ уже никакъ не хотѣлъ этого терпѣть ни отъ кого другого,—тѣмъ болѣе отъ человѣка военнаго и занимающаго полицейскій постъ. Въ его глазахъ это имѣло такой видъ, какъ будто полиція начинаетъ вмѣшиваться въ церковное дѣло, для котораго въ Москвѣ не упразднена еще своя настоящая власть, сосредоточенная въ крѣпко ее державшихъ рукахъ митрополита Филарета.

И вотъ владыка, отложивъ письмо на уголь стола, переслушалъ всѣ другія поданныя ему въ этотъ день бумаги,—а потомъ, отпуская секретаря, указалъ на генеральское посланіе и сказалъ своимъ безстрастнымъ и беззвучнымъ голосомъ:

— Это положить въ конвертъ... и надписать генераль-губернатору.

Секретарь спросилъ: какъ отправить,—т. е. при какого содержанія письмѣ или бумагѣ? Но митрополитъ былъ не доволенъ этимъ разспросомъ и отвѣчалъ:

— Безъ всякой бумаги, послать просто.

Такъ и было послано.

Дѣло родилось и назрѣвало втиши, но вдругъ и забурлило.

Генераль - губернаторъ (который именно, я этого не знаю*), вскрывъ поданный ему конвертъ и доставъ оттуда

*) Во всякомъ случаѣ это не былъ Закревскій, которому представлялось, что м. Филаретъ сочинилъ и велѣлъ читать въ церквахъ молитву

генеральское письмо къ митрополиту, сталъ искать въ пакетѣ какого-нибудь препроводительнаго писанія отъ самого владыки. По всему, онъ имѣлъ основаніе предполагать, что такое писаніе непременно есть, но его, однако, не было. Тогда родилось другое, тоже весьма естественное въ семь случаѣ предположеніе, что препроводительное писаніе, по недосмотру или иной какой оплошности секретаря, не положено въ конвертъ и осталось гдѣ-нибудь, въ митрополичьей канцеляріи.

Поэтому генераль-губернаторъ помѣтилъ на письмѣ карандашомъ: «справиться у секретаря: гдѣ бумага, при которой прислано».

Справка была сдѣлана немедленно и притомъ не письменная, а личная, черезъ посредство одного изъ чиновниковъ генераль-губернаторской канцеляріи. Но тотъ, побывавъ съ пакетомъ у митрополичьяго секретаря, привезъ назадъ этотъ пакетъ безъ всякаго восполненія и притомъ съ страннымъ отвѣтомъ, что никакого препроводительнаго письма отъ митрополита не будетъ.

Опять доложили генераль-губернатору и опять отряженъ старшій по чину и званію посолъ съ посольствомъ, имѣвшимъ прямою цѣлю узнать: «что его высокопреосвященству угодно?» Но это новое посольство было не удачнѣе перваго: не легко секретарь поддался просьбѣ спросить владыку: «что ему угодно?» черезъ посылку упомянутаго письма, да не привело ни къ чему и вопрошаніе.

Филаретъ посмотрѣлъ на секретаря долгимъ, укоризненнымъ взглядомъ и тихо молвилъ:

— Миѣ ничего не угодно.

Въ гражданской канцеляріи генераль-губернатора отъ всего этого смущеніе только возрастало. По чиновничьему скудовѣрію, тамъ находили невозможнымъ удовлетвориться такимъ безмятежнымъ отвѣтомъ и считали неотразимо нужнымъ добиться: для чего вседовольный владыка прислалъ это письмо и чего ему хочется? Дѣлая такія и инныя соображенія, нашли наконецъ, что удивительное событіе это

объ избавленіи Москвы отъ лютаго положенія, т.-е. отъ управительства Закревскаго. Объ этомъ было официальное дознаніе, память о которомъ уберечь будущему исторіку митрополитъ Исидоръ. См. списокъ рукописей, пожертвованныхъ высокопреосв. Исидоромъ Петербургской Д. Академіи.

всѣхъ болѣе обязанъ разъяснить не кто иной, какъ самъ полицейскій генераль, который заварилъ всю эту кашу, Богъ знаетъ, зачѣмъ и для чьего удовольствія.

И, какъ это часто водится, прежде чѣмъ хваткій генераль успѣлъ показаться и дать какія-нибудь разъясненія объ этомъ безпокойномъ обстоятельстве, про самое обстоятельство уже меньше говорили. Чѣмъ про его вздорливый нравъ и его зливость, съ которою онъ безпрестанно надоѣдаетъ то одному, то другому, то нитому и десятому. И всѣмъ уже становилось радостно и мило, что вотъ-таки онъ нарвался. И съ чѣмъ присталъ? «Не хорошо поютъ!» Да ты, что ли, регентъ,—тебѣ какое дѣло? Не нравится—выйди и не слушай, ступай къ цыганамъ, тамъ хорошо поютъ. А чего лѣзть, зачѣмъ надоѣдать?.. Вѣдь это не какой-нибудь простой митрополитъ, а Филаретъ; онъ тайны знаетъ; его боятся... Его только тронь, такъ и самъ не обрадуешься. Вотъ и наскочилъ,—такъ тебѣ, сорванцу, и надо! Радовались не только люди русскіе, которымъ, по справедливому замѣчанію Пункина, «здорадетво свойственно», но даже нѣкій нѣмецкій чиновникъ, имѣвшій за свою солидность особый вѣсъ у начальства. Онъ вѣдалъ это дѣло и онъ же сказалъ о немъ: «нашла коза на камень», и съ этою, немножко измѣненною русскою пословицею, сдѣлалъ такое обобщеніе, что быть за все въ раздѣлкѣ самому безпокойному полицейскому генералу.

Такъ и случилось.

Во утрій день, едва полицейскій генераль сталъ въ урочный часъ по обычаю передъ генераль-губернаторомъ, сей послѣдній сразу сморщился и заговорилъ скороговоркою и въ недовольномъ тонѣ:

— Очень радъ васъ видѣть... Вчера почти только-что вы отъ меня уѣхали, я получилъ конвертъ отъ митрополита. Вотъ онъ: возьмите его, пожалуйста; онъ здѣсь прислалъ ко мнѣ ваше письмо, и кто его знаетъ: зачѣмъ онъ его прислалъ? Я посылалъ узнавать, и ничего не узнали... Столкновеніе съ нимъ. это чрезвычайно непріятно... Кончите это, пожалуйста, какъ-нибудь сами.

Генераль сконфузился и даже не на шутку, но подбодрился и, чтобы выдержать спокойный тонъ, спрашиваетъ:

— Что же... мнѣ самому прикажете съѣздить?

— Какъ хотите... Да впрочемъ я не знаю, какъ же иначе, лучше съѣздите.

— Хорошо-съ, я сейчасъ съѣзжу и сейчасъ же заѣду вамъ сказать, если угодно.

— Пожалуйста... Какъ-нибудь...

— Да вѣдь это такіе пустяки!

— Ну однако... все-таки... пожалуйста кончите и заѣзжайте.

Генераль поѣхалъ, но неудачно: вмѣсто того, чтобы получить возможность успокоить начальника, онъ заѣхалъ съ самымъ короткимъ, но неприятнымъ отвѣтомъ, что митрополитъ его *не принялъ*.

— Ну вотъ видите!

— Да онъ, говорятъ, дѣйствительно боленъ.

— Положимъ, а все-таки неприятно. Вы уже сдѣлайте милость... постерегите... когда онъ выздоровѣетъ.

— Непремѣнно-съ, непременно.

— Вы тамъ... келейника..

— Да... я уже все сдѣлалъ и *просилъ*.

(Вотъ онъ уже началъ *просить!*)

— Но и сами... навѣдайтесь когда онъ можетъ.

— Я заѣду, заѣду.

Онъ два раза повторилъ слово «заѣду», а довелось ему заѣхать нѣсколько разъ, потому что владыка все недоумалъ, а генераль-губернаторъ скучалъ, что это еще не разъяснено и не кончено.

Генералу это такъ надоѣло, что онъ говорилъ, будто уже «готовъ хоть пять молебновъ у Иверской отпѣть, лишь бы отвязаться отъ этого письма и отъ всей этой исторіи». И Богъ, который, по изъясненію Іоанна Златоустаго, «не только дѣянія приемлетъ, но и намѣренія цѣлуетъ»—внялъ нуждѣ утѣшеннаго этими событіями генерала и воздвигъ владыку съ одра болѣзни. Подъ вечеръ одного дня дали генералу съ подворья вѣсть, что владыкѣ лучше, а на другой день, едва его превосходительство собрался на Самотекъ, какъ черезъ подлежащихъ чиновъ полиціи пришло дополнительное извѣстіе, что Филаретъ нынче утромъ раненько со-всѣмъ выѣхалъ на лѣто за городъ къ Сергію и затѣмъ въ Новый Іерусалимъ.

Крѣпкій, непокладистый человѣкъ былъ генераль, но это уже и его вымотало. Теперь хоть и не говори ни слова,

а отправляйся туда же вслѣдъ за нимъ къ Сергію и въ Новый Іерусалимъ. А приметь ли еще онъ тамъ?—это опять Богъ вѣсть. Скажутъ: усталъ съ дороги, отдохнуть нужно, безпокоить не смѣемъ; или говѣеть, къ причастію готовится; съ отцомъ намѣстникомъ заняты — да вообще конца нѣтъ претекстамъ. И это такому-то человѣку, который и самъ кипитъ, и любить, чтобы вокругъ него все кипѣло и прыгало!..

Чортъ знаетъ, что за глупое положеніе и все изъ-за чистѣйшихъ пустяковъ.

Генераль давно уже былъ не радъ, что онъ все это подъялъ: крѣпкій и крупный во всѣхъ своихъ неразборчивыхъ поступкахъ, онъ ослабѣлъ и обмельѣлъ отъ этой святительской гонки, которая такъ—не такъ, еще пока и до объясненія не дошла, уже внушала ему необходимость извѣстной разборчивости. Даже ухарская бодрость его подалась и спесь попустилась до того, что онъ сталъ панибратственно спрашивать людей малыхъ: какъ они думаютъ, что лучше, немедленно ли ему ѣхать вслѣдъ за владыкой, или подождать,—пусть онъ отдохнетъ, начнетъ служить, и тогда... прямо къ обѣднѣ, да отъ обѣдни подъ благословеніе, — на чашку чаю, и объясниться.

Какъ мышь могла оказать великую услугу льву, такъ и тутъ случилось нѣчто малопозволительное—у мелкаго человѣка нашлось ума и сообразительности больше, чѣмъ у крупнаго.

Малый совѣтникъ сказалъ, что прямо отъ обѣдни генералу къ митрополиту являться не хорошо, разъ—потому, что его высокопреосвященство въ такую пору бываетъ уставши, а во-вторыхъ, что и дѣло-то требуетъ свиданія тихаго и переговора съ глаза на глаза, «чтобы если и колкость какую выслушать, то по крайней мѣрѣ не при публикѣ».

Это было первое упомянутіе о колкости, но оно было принято безъ удивленія и безъ спора. Очевидно, всѣ иначе и думать не хотѣли, что безъ колкости дѣло обойтись не можетъ. Вопросъ могъ быть только въ томъ: какая?

— У него, вѣдь, это все примѣняется, — говорили совѣтники,—что простецу, что ученому, что духовному, а что военному человѣку... Особенно ученымъ строго; онъ вонъ іерея Беллюстина вызвалъ, посмотрѣлъ на него, да опять пѣшкомъ въ Калязинъ прогналъ.

— Господи!.. это чортъ знаетъ что такое... И что за мысль пона пѣшкомъ гонять!

— А-а, онъ ученый, статьи пишетъ.

— Да хоть бы и какія угодно статьи писалъ, — все же, вѣдь, онъ не скороходъ или не пѣхотинецъ.

— А Голубинскаго еще хуже: прямо по рукѣ ударилъ; онъ къ ученымъ лють.

— Ну, а къ военнымъ каковъ, а?

Собесѣдники плечами пожали и говорятъ:

— Про военныхъ не знаемъ, военныхъ, пожалуй, не смѣть.

— Вѣдь не можетъ же онъ меня заставитьъ идти отъ Сергiя пѣшкомъ за покаянiе—а? что? Я его не послушаю: сяду да и уѣду... что?

— Да, конечно, нѣтъ: не смѣть.

— Еще бы!—пускай поповъ гоняетъ, а я не погъ.

На самомъ же дѣлѣ все это приводило генерала въ болѣзненную нервность, и онъ, волнуясь, кипятился и попеременно призывалъ то Бога, то чорта, не зная, къ кому плотнѣе пристать.

— Господи, что такое!.. чортъ бы все это дралъ... Съ коронованной особой, кажется, легче бы объясниться!

Но малый совѣтникъ, до бесѣды съ которымъ генераль не напрасно упизился, вывелъ его на хорошiй путь: онъ присовѣтовалъ генералу «сочинить» къ владыкѣ письмо и «по-искательнѣ» просить его высокопреосвященство дозволить представиться по нужному дѣлу, «когда онъ прикажетъ». И при всѣхъ этихъ варварскихъ фразакъ о сочиненiи, искательности и приказанiи, особенно настаивалъ, чтобы послѣдняя фраза была употреблена въ точности.

— А то иначе, говорить, онъ прошепчетъ секретарю: «напиши, я готовъ выслушать», а когда и гдѣ—опять не доберетесь. Нѣтъ, ужъ лучше пусть «прикажетъ».

Генераль въ досадѣ, уже ни за что не стоялъ и готовъ былъ испросить себѣ и «приказанiе», но только «сочинять» ему не хотѣлось.

— Сдѣлайте милость, говорить, чортъ бы все это побралъ... Господи!—напишите пожалуйста, какъ это по вашему нужно, я все подпишу.

— Нѣтъ, говорить, тутъ нельзя «подписать», а надо

своею рукою написать, или переписать, да еще почище,—хорошенько.

— Да у меня, говоритъ, почеркъ скверный.

— Надо постараться.

— Ахъ ты, Господи!.. ну да чортъ съ ними, со всѣми этими дѣлами; сочините мнѣ, пожалуйста, я перепишу.

И онъ сдержалъ свое слово,—переписалъ. Онъ взялъ черновое домой и хотя вначалѣ сильно его критиковалъ и называлъ «хамскимъ», но дома переписалъ его сполна и очень хорошо: буквы были всѣ аккуратно дописаны, строчки прямы,—очевидно, выведены по транспаранту, а внизу подписи со всякимъ почтеніемъ, покорною преданностью, порученіемъ себя отеческому вниманію и архипастырскимъ молитвамъ и просьбою о его владычномъ благословеніи. Словомъ, сдѣлано, какъ подобаетъ.

Письмо, въ видахъ наибольшей аттенціи, а можетъ быть и ради вѣрнѣйшаго полученія скорого отвѣта, послано не по почтѣ, а съ нарочнымъ, изъ сорока тысячъ курьеровъ, готовыхъ скакать во всѣ стороны, по манію каждаго начальника въ Россіи.

Ждутъ отвѣта. Ждетъ самъ генералъ, поминая то Бога, то чорта. Ждутъ и его подчиненные, которымъ казалось, что онъ имъ уже «протопотаъ голову вдоволя».

Здѣсь, среди этихъ форменныхъ людей, въ которыхъ, несмотря на всю строгость ихъ служебнаго уряда, все-таки билось своимъ боемъ настоящее широкое русское сердце, шли только тишкомъ смѣтки на свойскомъ жаргонѣ: «какъ тогъ нашего: вздрючить, или взьефантулить, или пришпандорить?»

Слова эти, имѣющія не ясное значеніе для профановъ,—для посвященныхъ людей содержать не только опредѣлительную точность и полноту, но и удивительно широкій масштаб. Самыя разнообразныя начальственныя взысканія, начиная отъ «окрика» и «головомойки» и оканчивая непрактикуемыми нынѣ «изутиемъ сапога» и «выволочки»,— всѣ они, несмотря на безконечную разницу оттѣнковъ и нюансовъ, опытными людьми прямо зачисляются къ соотвѣтственной категоріи, и что составляетъ не болѣе какъ «вздрючку», то уже не занесутъ къ «взьефантулѣ» или «пришпандоркѣ». Это нигдѣ не писано закономъ, но преданіемъ блюдется до такой степени чинно и безспорно, что

когда, съ упраздненіемъ «выволочки» и «изутія», вышелъ въ обычай болѣе сообразный съ мягкостью вѣка «выгонъ на ять—голубей гонять», то чины не обманулись и это мѣропріятіе ими прямо было отнесено къ самой тяжелой категоріи, т. е. къ «възефантулкѣ». Владыка, однако, не могъ же имѣть такого вліянія, чтобы «сверзнуть» генерала, или сдѣлать ему другую какую-нибудь непріятность, а онъ просто его не болѣе, какъ «вздрючить», но, конечно, въ лучшемъ видѣ.

Посоль возвратился на другія сутки. Ему довелось переночевать у Сергія, но зато онъ привезъ ясный отвѣтъ на словахъ, что его высокопреосвященство можетъ принять генерала.

— Когда же?

— Когда угодно.

— Я поѣду завтра.

Такъ и рѣшено было ѣхать завтра.

Генерала проводили и когда поѣздъ отъѣхалъ, смѣясь въ кулакъ проговорили:

— Напрасно ты, братъ, перемѣны бѣлья съ собой не захватилъ.

Межъ тѣмъ, ко всеобщему удивленію, генераль возвратился въ Москву раньше вечера и былъ очень живъ, скоръ и веселъ. Онъ тотчасъ же успѣшилъ успокоить генераль-губернатора, что они съ митрополитомъ объяснились, и дѣло это теперь кончено.

— Я доказалъ ему, что я правъ, и онъ согласился, и просилъ вамъ кланяться.

Тотъ былъ доволенъ; но подчиненные, которымъ никакъ не хотѣлось такого окончанія, нѣ вѣрили, чтобы дѣло обошлось безъ вздрючки. Краткое сказаніе: «я доказалъ ему, что я правъ, и онъ согласился», малодушнымъ людямъ казалось какъ-то неподходящимъ. Выходило это какъ-то очень ужъ кратко, и не имѣло на себѣ, такъ сказать, никакого облика живой правды. Какъ онъ это доказывалъ, что попъ дурно служилъ и дьячки нехорошо пѣли? Развѣ попа и дьячковъ туда тоже выписывали? Нѣтъ, этого не было и не могло быть, во-первыхъ, потому, что это дало бы дѣлу такое положеніе, что митрополитъ все-таки придалъ какое-нибудь значеніе письму генерала, а во-вторыхъ, этого

не могло быть просто потому, что владыка не зналъ, когда прискачетъ къ нему генераль съ своимъ объясненіемъ. Не могъ же онъ содержать при себѣ упомянутаго попа и дьячковъ, про всякій случай, по вся дни. Да и все это было бы совсѣмъ не по-филаретовски. Нѣтъ; молодшіе люди имѣли крѣпкое подозрѣніе, что генераль митрополиту ничего не доказывалъ, потому что ему еще никто никогда не доказалъ ничего такого, что онъ самъ не хотѣлъ считать доказаннымъ, а просто генераль вытерпѣлъ у него неприятную минуту, но какъ ея кончается вся эта долгая возня, то онъ и радъ, и опять прыгаетъ и носится. А доказать митрополиту нельзя,—нельзя потому, что онъ такія дарованія и способы имѣетъ—сразу самаго доказательнаго человѣка взять и отсадить отъ его доказательствъ. И отсадить въ самый дальній уголъ, гдѣ тотъ даже и самъ себя не сразу узнаетъ.

И вотъ эти-то приемы его очень интересны, какъ онъ это выведетъ такъ, что правъ—неправъ, а сказать нечего. И все это непремѣнно было съ генераломъ, но какъ же это было? какъ владыка его вздрючилъ и какъ тотъ извинялся? Это положили узнать. А взялся за это нѣкто близкій по своимъ связямъ съ какою-то «профессорією», а та профессорія знала еще кого-то, черезъ котораго доходили прямо до самаго близкаго человѣка. И когда весь этотъ порядокъ былъ ловко и ухищренно пройденъ, то результатъ превзошелъ всѣ ожиданія.

Вотъ вѣрное сказаніе о томъ, какъ объяснялся генераль съ митрополитомъ.

Владыка, зазвавъ гостя въ отдаленныя палестины, былъ внимателенъ къ его пріѣзду и не заставилъ его ожидать. Пожаловалъ генераль, доложили митрополиту, онъ и вышелъ: по обычаю своему не великъ, нарочито худъ, а изъ глазъ, яко мнилось, «семь умовъ свѣтитъ».

Разговоръ у нихъ вышелъ недолгій и все объясненіе, до котораго генераль достигъ съ такимъ досадительнымъ трудомъ, свертѣлося вкратцѣ.

— Чѣмъ позволите служить? — началъ шопотомъ владыка.

Генераль отвѣчалъ обстоятельно.

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, я былъ случайно

мѣсяцъ тому назадъ въ такой-то церкви, и слышалъ служеніе... оно шло очень дурно и даже, смѣю сказать, соблазнительно, особенно пѣніе... даже совсѣмъ не православное. Я думалъ сдѣлать вамъ угодное — довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія, и написалъ вамъ письмо.

— Помню.

— Вы изволили отослать это письмо для чего-то къ генералъ-губернатору, но ничего не изволили сказать: что вамъ угодно, и мы въ затрудненіи.

— О чемъ?

— Насчетъ этого письма, оно здѣсь со мною.

Генералъ пустилъ палецъ за бортъ и вынулъ оттуда свое письмо. Митрополитъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Позвольте!

Тотъ подаль.

Филаретъ однимъ глазомъ перечитывалъ письмо, какъ будто онъ забылъ его содержаніе, или только теперь хотѣлъ его усвоить, и наконецъ проговорилъ вслухъ слѣдующія слова изъ этого письма:

— «Пѣніе совершенно не православное».

— Увѣряю васъ, ваше высокопреосвященство.

— А вы знаете православное пѣніе?

— Какъ же, владыка.

— Запойте же мнѣ на восьмой гласъ «Господи, воззвахъ къ Тебѣ».

Генералъ смѣшался.

— То-есть... ваше высокопреосвященство... Это чтобы я запѣлъ?

— Ну, да... на восьмой гласъ.

— Я пѣть не умѣю.

— Не умѣете; да вы, можетъ-быть, еще и гласовъ не знаете?

— Да, я гласовъ не знаю.

Владыка поднялъ голосъ и проговорилъ:

— А тоже мнѣнія свои о православіи подаете! Вотъ вамъ ваше письмо и прошу кланяться отъ меня генералъ-губернатору.

Съ этимъ онъ слегка поклонился и вышелъ, а генералъ, опять спрятавъ свое историческое письмо, поѣхалъ въ Москву и притомъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: такъ ли, не такъ ли, противная доука съ этимъ письмомъ

все-таки кончилась, а мысль заставить его, въ его блестящемъ мундирѣ, иѣтъ въ митрополничьей залѣ на восьмой гласъ «Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши ми», казалась ему до такой степени оригинальною и смѣшною, что онъ отворачивался къ окну вагона и отъ души смѣялся, представляя себѣ въ умѣ, что бы это было, если бы эту умерительную штуку узнали друзья, знакомые и особенно дамы? Это очень легко могло дойти до Петербурга, а тамъ какой-нибудь анекдотистъ расскажетъ ради чьего-нибудь развлечения и шутя сдѣлаетъ тебя гороховымъ шутомъ восьмого гласа.

И онъ не разъ говорилъ «спасибо» митрополиту за то, что при этомъ хоть никого не было.

Но, однако, какъ «нѣтъ тайны, которая не сдѣлалась бы явною», то нерушимое слово писанія и здѣсь оправдалось. Вскорѣ же всѣ въ Москвѣ могли видѣть независтную гравюрку, которая изображала слѣдующее: стоитъ хиленькій старичокъ въ колпачкѣ, а передъ нимъ служить на заднихъ лапахъ огромнѣйшій пудель и держитъ на себя въ зубахъ хлысть. А старецъ ему говоритъ:

«--- Служи (собачья кличка), но на мой дворъ не смѣй лаять. А то я заставлю тебя визжать на восьмой голосъ».

Такова, или сей подобна была подпись подъ картинкою, которая вначалѣ показалась многимъ совсѣмъ не остроумною и даже бессмысленною; а потомъ, когда развѣдали, въ чемъ тутъ соль, уже немногіе лишь экземпляры картинки остались въ цѣлости.

Когда именно, въ какихъ годахъ и при какихъ правительственныхъ лицахъ имѣло мѣсто это происшествіе,—не знаю. Филаретъ Дроздовъ на московской каедрѣ пропустилъ мимо себя не одного генераль-губернатора, а полицейскихъ генераловъ еще болѣе, но сказаніе это, кажется, надо считать вѣрнымъ, потому что его приходилось слышать отъ нѣсколькихъ основательныхъ людей, да и картинка тоже даромъ появиться не могла.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Къ сказанному не излишнимъ будетъ прибавить о томъ, какъ иные изъ нашихъ владыкъ внимательны къ политикѣ, литературѣ, новымъ открытіямъ и проч. Хорошій матеріалъ

для этого мы имѣемъ въ «Спискѣ рукописей, пожертвованныхъ его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Исидоромъ въ библіотеку с.-петербургской духовной академіи». Объ этомъ митрополитчьемъ дарѣ было говорено газетами въ свое время, при чемъ было объяснено, что рукописи эти не могутъ быть предметомъ изслѣдованія и критики по жизни ихъ жертвователя. Но и самое содержаніе рукописей, даже по заглавіямъ, оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ, хотя это, съ одной стороны, очень интересно, а съ другой — шмало не нарушаетъ условій жертвователя, ибо не можетъ быть почитасмо за разработку. Поэтому, встрѣтивъ рѣдкій списокъ (отлиграфированный только въ числѣ 50 экземпляровъ), я не захотѣлъ разстаться съ нимъ, не сдѣлавъ изъ него небольшихъ выписокъ, которыя, мнѣ кажется, должны заинтересовать любителей русской давней и недавней старины. Должны онѣ быть любопытны также и для такихъ людей, которымъ безынтересно само лицо дарителя.

Вотъ изъ чего, судя по списку, состоитъ, между прочимъ, даръ митрополита Исидора петербургской духовной академіи:

Уроки профессора академіи архим. Иннокентія (архиеп. херсонскаго) по общему богословію—293 л.

Его же, уроки по догматич. богословію—188 л.

Его же, уроки по практич. богословію—327 л.

Его же, ученіе о таинствахъ церкви—139 л. (Это, конечно, тѣ знаменитыя лекціи, которыми когда-то хвалились слушатели Иннокентія. Ихъ ждали видѣть въ собраніи сочиненій этого автора, но этому что-то помѣшало).

Сорокъ шесть писемъ кн. Голицына къ архим. Фогію и 12 писемъ къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. (Матеріаль никогда не ослабѣвающаго интереса).

Донесеніе Христофора, высокопреосв. вологодскаго, о необыкновенномъ приключеніи съ крестьянкою - дѣвицею Агафьей, —летаргическомъ снѣ, припятомъ за чудо.

Отвѣтное письмо прот. Юсифа Васильева на вопросы, предложенныя ему графомъ Павломъ Дмитріевичемъ Н, по поводу присоединенія аббата Гетте. (Снова интереснѣйшее обстоятельство, въ оцѣнкѣ котораго до сихъ поръ нѣтъ чего-то самаго важнаго).

Разсказъ дѣдушки Алексѣя Васильевича Первого, почти

современника св. Тихона, о некоторых частных фактах изъ жизни св. Тихона.

Оправдательное письмо М. П. Погодина къ министру народнаго просвѣщенія по поводу признанія его статьи во 2 № газеты «Парусъ» неблагонамѣренною и прекращенія изданія.

Свѣдѣнія объ убійствахъ евреями христіанъ для добыванія крови.

Мнѣніе предсѣдателя цензурнаго управленія о распространеніи у насъ брошюры о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи (1830 года).

Списокъ сочиненіямъ богословскаго и отчасти политическаго содержанія, привезеннымъ изъ Варшавы въ 1833 и 1834 годахъ.

Приказъ поворооссійскаго генераль-губернатора жителямъ, называемымъ духоборцами, о возвращеніи въ лоно православной церкви или о переселеніи въ другія мѣста жительства.

Судебный допросъ некоторыхъ изъ сектантовъ «Общей» секты (изъ молоканъ).

О сектаторѣ Лукьянѣ Петровѣ—писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Донесеніе подполковника Граббе о новооявившейся сектѣ, отвергающей храмы, посты, праздники, таинства, и не признающей власти. (Это особенно интересно въ томъ отношеніи, что, по мнѣнію людей, знающихъ толкъ въ русскихъ ересеяхъ и расколахъ, у насъ нѣтъ ни одной секты, которая бы «не признавала властей», что, впрочемъ, и невозможно для христіанина какого бы то ни было толка).

Мысли о народѣ, называемомъ нигилайцами, которыхъ предки были христіане.

Свѣдѣнія о евангеліяхъ, записанныя (митрополитомъ Исидоромъ) послѣ разговора съ сыномъ владѣтельнаго князя Сванетіи Мих. Дидинкиани.

Высшая администрація русской церкви, сочиненіе архіепископа Агаангела—о незаконности и ошибочности принциповъ, положенныхъ въ основаніе церковно-административныхъ учреждений. (Это тотъ самый архіепископъ, который одинъ рѣшился открыто противодѣйствовать церковно-судобной реформѣ, какъ ее проводилъ оберъ-прокуроръ гр. Д. А. Толстой).

О вліянні свѣтской власти на дѣла церковныя.

Продолженіе сочиненія архіеп. Агаангела: въ чемъ должно состоять высшее управленіе отечественной церкви.

Записка оберъ-прокурора синода графа Д. А. Толстого о подчиненіи церкви контролю въ хозяйственномъ отношеніи. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Разсмотрѣніе записки подъ заглавіемъ «Вдовство священниковъ». (Самый большой вопросъ вдовствующихъ клириковъ).

Отношеніе оберъ-прокурора графа Д. А. Толстого къ митрополиту Исидору о назначеніи послѣдняго членомъ комиссіи по вопросу о порядкѣ разрѣшенія жалобъ на рѣшенія св. синода, по дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію. (Жалобы на синодъ, единолично приносимыя митрополиту, состоящему членомъ того же самого синода!.. Невозможно уразумѣть: какой это должно обозначать порядокъ?).

Записка «по вопросу возраженій (!) на предложенное учрежденіе въ Петербургѣ православнаго братства».

Выписка изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ о неудобствѣ вышеуказаннаго братства.

Выписка изъ отношенія главнаго начальника III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи о неудобствѣ того же братства. (Всѣ эти три документа получаютъ особенный интересъ въ виду нынѣшняго протестантскаго настроенія общества, при которомъ союзы православныхъ уже дозволяются, но, быть-можетъ, уже нѣсколько поздно).

Письмо наптекаго епископа Якова къ прот. Іос. Васильеву по вопросу о зависимости русской церкви отъ императора.

О тождествѣ бѣжавшаго въ Нью-Йоркъ іеродіакона Агапія съ авторомъ (какого-то) письма. Подробныя свѣдѣнія объ іеромонахѣ Агапіи.

Секретное донесеніе архіерею рядового С. Кулышева о заказѣ ему типографскаго станка для печатанія противоправительственныхъ сочиненій и о снабженіи его неизвѣстными ему лицами сочиненіями такого же характера: «Что нужно народу» и т. п. (Это дѣло, интересное само по себѣ, не менѣе интересно въ томъ отношеніи: почему солдатъ, которому сдѣлали упоминутый заказъ, обратился съ своимъ допросомъ не къ гражданскимъ властямъ и не къ жандарм-

скому офицеру, а къ мѣстному епископу? Все это возбуждаетъ интересъ къ личному составу властей, которые тогда правили въ Пермѣ).

«Объясненіе съ публикой». Программа дѣйствій революціоннаго кружка.

О вліяніи свѣтской власти на дѣла церковныя.

«Тайна», или секретная апологія архимандрита Фотія императору Александру I-му (рукопись на 158 л.).

Письмо протоіерея М. Ѳ. Раевского (изъ Вѣны) къ митрополиту Исидору по поводу замѣченнаго сближенія сербскихъ и болгарскихъ воспитанниковъ въ Кіевѣ съ поляками и о вредныхъ слѣдствіяхъ этого сближенія (М. Ѳ. Раевскій, напѣвъ вѣнскій священникъ, которому приписываютъ много политическихъ дѣлъ между славянскою молодежью,—лицо, небезынтересное на краткій часъ для историка, а, быть-можетъ, еще болѣе для сатирика. От. Раевскій былъ обильно прославляемъ за тонокость, что до сихъ поръ и составляетъ самую выступающую черту его священства).

Славянофилы на Востокѣ.

Письмо архимандрита Леонида о духовномъ состояніи русскихъ богомольцевъ въ Иерусалимѣ.

Письмо съ препровожденіемъ жесткой статьи одной греческой газеты противъ вселенскаго патріарха.

Донесеніе подробное о болгарскомъ вопросѣ.

Письмо посланника французскаго по поводу брака его слуги.

Письмо Тишендорфа съ препровожденіемъ его труда VII édition de Nouveau Testament.

Письмо е. в. императора русскаго къ султану турецкому о венгерскихъ мятежникахъ, бѣжавшихъ въ Турцію.

Рѣчь государя Николая Павловича къ епископамъ польскимъ и русскимъ, приглашеннымъ изъ Польши въ Петербургъ. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Изложеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, обнаруживающихъ невыгодное отношеніе закубанцевъ къ русскому правительству. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Послѣдствія неблагоприятнаго управленія генерала Пулло и особенно генерала Засса—возстаніе чеченцевъ, черкесовъ, бѣгство многихъ въ горы, даже такихъ, которые болѣе 50 лѣтъ были вѣрны русскому правительству. Писано высокопреосвященнымъ Исидоромъ.

Стихотвореніе Кукольника въ виду крымской войны.

Письмо генерала Муравьева къ генералу Ермолову изъ крѣпости Грозной о положеніи края и мысли о началахъ управленія.

О чрезмѣрной жадности греческаго духовенства и симоніи (1860 г.).

Замѣтка, содержащая недовольство кавказцевъ, особенно войска, на письмо Муравьева къ Ермолову. Писано высокопресвященнымъ Исидоромъ.

Особенно замѣчательные случаи дѣйствія благодати Божіей чрезъ митрополита московскаго Филарета, бывшіе при его жизни.

Много писемъ митрополита Филарета Дроздова, изъ коихъ нѣкоторыя писаны по общинтереснымъ вопросамъ, а два приводятъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Это, во-1-хъ, не письмо, а «списокъ съ отношенія къ московскому генераль-губернатору по поводу слуха, что въ церквахъ Москвы читается особая молитва объ избавленіи отъ того положенія, въ которомъ она находится». А второе письмо «о незаконномъ, причиняющемъ соблазнъ, дѣйствованіи духовнаго цензора въ Петербургѣ».

Легко можетъ быть, что не лишены общаго историческаго интереса и другіе нумера этого митрополитчьяго дара, которые мы здѣсь не поименовали единственно потому, что заглавія ихъ показались намъ менѣе интересными. Но кромѣ цѣнности, какую имѣетъ весь этотъ даръ самъ въ себѣ, онъ очень дорогъ и для характеристики самого дарителя. Жизнь нашихъ владыкъ течетъ такъ «прикровенно», что едва о нѣкоторыхъ изъ нихъ можно узнать и сбересть для исторіи что-нибудь образное и живое. Въ древности ихъ жизнеописанія были похожи болѣе на житія, а позже стали походить на послужные списки, изъ которыхъ ничего или почти ничего не извлечешь для исторіи. Не больше того усматриваемъ и въ самыхъ позднихъ некрологахъ, гдѣ уже, впрочемъ, стали иногда на что-то намекать. Былъ больше суровъ или меньше суровъ владыка, постился ли онъ и молился больше или меньше,—и въ этомъ почти все. Исключенія очень рѣдки, но и эти исключенія не обильны фактами. Біографіи даже такихъ людей, какъ Платонъ Левшинъ, Евгеній Волховитиновъ и Иннокентій Борисовъ, скудны: нѣтъ въ нихъ именно тѣхъ мелочей жизни, въ которыхъ

человѣкъ наиболѣе познается какъ живой человѣкъ, а не формулярный замѣститель урида,—чиновникъ, который былъ да и умеръ, а потомъ будетъ другой на его мѣсто—все равно какой. Правильно и основательно говоря, надо сознаться, что русскіе своихъ архіереевъ совсѣмъ не знаютъ: въ городѣ съ владыкой знакомы нѣкоторыя власти, среди конхъ не всегда находятся люди самые теплые къ вѣрѣ, да духовенство, у котораго отношеніе къ архіерею особое. Народъ же совсѣмъ архіереевъ не знаетъ. Между тѣмъ, въ числѣ нашихъ архіереевъ есть люди замѣчательнаго ума и иногда удивительнаго сердца. (Припомнимъ архіепископа Д. и состоящаго не у дѣлъ епископа О.). Знать о такихъ и имъ подобныхъ людяхъ возбуждительное, чѣмъ читать нѣкоторыя старыя сказанія, риторическая ложь которыхъ давно обличена и не перестаетъ обличать себя во всякомъ словѣ. Чтобы изволгавшіеся христонродавцы не укорили насъ въ легкомысліи и «подрываніи основъ», скажемъ, что это не наша мысль, или если и наша, то не исключительно наша, мы встрѣчаемъ ее, напримѣръ, даже у Эбрарда (Апологетика, переводъ протоіерея Заркевича 1880 г., ст. 598). «Если предложить вопросъ о томъ, что служить доказательствомъ (христіанства), то это доказательство можно заимствовать собственно не изъ исторіи христіанскихъ обществъ, а исключительно только изъ жизнеописаній частныхъ лицъ въ христіанствѣ, въ которыхъ евангеліе проявило себя, какъ силу Божию». А гдѣ же кажется и искать бы проявленій этой силы, какъ не между тѣми, которые первенствуютъ въ церкви? И вотъ тутъ-то какъ нарочно и приложена превосходно къ-то подмѣченная манера «минервированія» святителей, т.-е. манера представлять ихъ получившими всѣ совершенства, не возрастая и не укрупняясь,—они будто такъ прямо и являются полными всѣхъ добродѣтелей «отъ сосну матерне». Нѣкоторые изъ нихъ даже не сосали по средамъ и пятницамъ материнской груди... Результатъ этого передъ нами налицо...

Гдѣ всему легко вѣрить, тамъ легко и утрачиваютъ *всю оцру*.

Литературный даръ высокопресвященнаго Исидора до известной степени иллюстрируетъ особу нашего петербургскаго митрополита, котораго вообще считаютъ человѣкомъ опытнымъ въ жизни и благожелательнымъ. Разсматривая

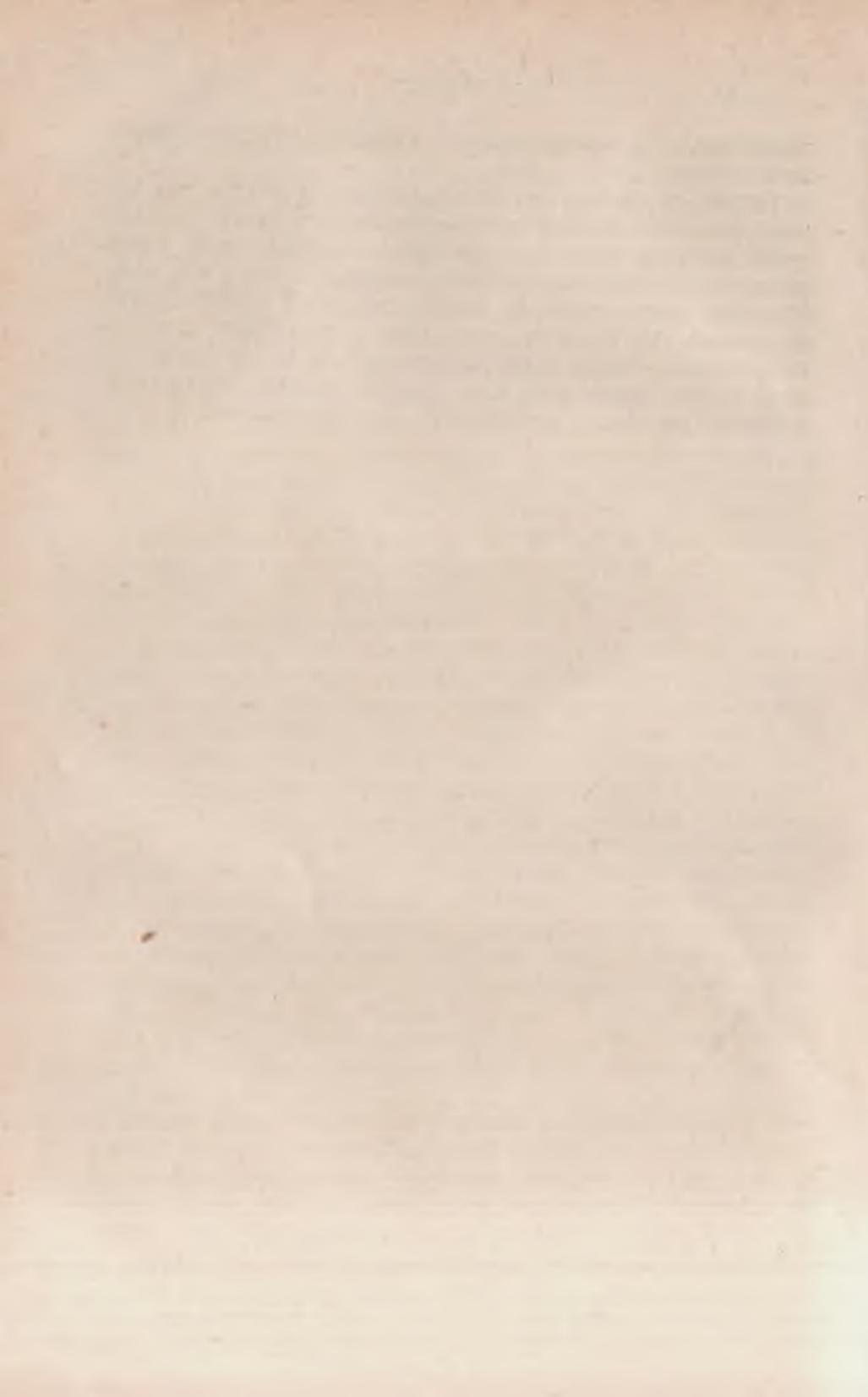
этот список, мы проникаем такъ-сказать въ нѣкую сокровенную сѣнь и узнаемъ: что наиболѣе интересовало и занимало высокопреосвященнаго Исидора—узнаемъ, что онъ не пренебрегалъ весьма разнообразными свѣдѣніями, и даже очевидно думалъ объ очень многомъ, не составляющемъ его прямыхъ обязанностей. Объ немъ всегда говорили, что онъ неутомимый читатель. Значительное количество времени митрополита беретъ ежедневное чтеніе газетъ, въ которыхъ онъ слѣдитъ за обсужденіемъ разныхъ вопросовъ и между прочимъ церковнаго. Было извѣстно, что онъ не остается равнодушнымъ къ заявленіямъ печати и настолько терпимъ ко мнѣніямъ, что очень въ рѣдкихъ случаяхъ жалуется на печать. Сколько извѣстно въ литературномъ кружкѣ, такой, едва ли не первый и не послѣдній случай, былъ не такъ давно по поводу диссертациі одного молодого университетскаго профессора, разбившаго легенду о св. Георгіи. Диссертациія была изъ наилучшихъ и составляетъ дорогой и самостоятельный вкладъ въ нашу литературу, но, разумѣется, взглядъ ученаго, основанный на неопровержимыхъ фактахъ, и взглядъ лица, обязаннаго во что бы ни стало защищать преданія, хотя и освященные временемъ, но совершенно размыслившіеся подъ методическою силою настоящей, научной критики, сойтись не могли, и нашъ митрополитъ протестовалъ, но совершенно безвредно и даже безпослѣдственно. Замѣчательное изслѣдованіе молодого ученаго о легендѣ св. Георгіа напечатано въ министерскомъ журналѣ, а въ наукѣ неудовольствіе митрополита не получило значенія. Но во многихъ случаяхъ, когда печать указываетъ что-либо дурное въ церковномъ управленіи, митрополитъ не пренебрегаетъ это поправить, притомъ всегда безъ шума и непремѣнно безъ рѣзкостей, которыхъ не одобряетъ его благожелательное настроеніе. Но изъ того, что высокопреосвященный Исидоръ имѣлъ охоту и удивительное терпѣніе собственноручно списать, можно заключить, что его вниманіе особенно часто было привлекаемо дѣлами политики, прямого касательства къ которой онъ по сану святителя не имѣлъ, и, стало-быть, занимался ею прямо соп amoге: Нѣкоторые списки, сдѣланные его рукою, заставляютъ еще болѣе удивляться трудолюбію его высокопреосвященства потому, что ихъ оригиналы сохранены намъ печатью. Таковы, напримѣръ, значащіяся подъ № 232 «Выписка изъ

газеты «Kurjer Wilenski» о собраніи раввиновъ во Франкфуртѣ на Майнѣ». № 233, «Замѣтка о числѣ и составѣ европейскаго народонаселенія въ Алжирѣ, изъ Morning Chronicle». «О числѣ жителей по всей землѣ по вѣрамъ, изъ газеты «Золотое Руно». Аббата Лакордера, объ увеличивающемся въ Парижѣ числѣ самоубійствъ, найденныиъ и умалишенныхъ, изъ газеты «Correspondant». «Россия и Западъ», изъ газеты «Indep. Belge». Есть даже списки статей русскихъ газетъ, напр. статьи «Московскихъ Вѣдомостей», изъ № 11, 1855 года. Владыку, какъ надо судить по выпискамъ, занимали также и другіе вопросы: его занимали труды Песталоцци, Нимейера, Коверау и Дистервега, а также пресловутый въ свое время Шедо-Ферротти, «неправильныя дѣйствія австрійскаго главнокомандующаго Гайнау», и «удивительныя дѣйствія зеренъ бѣлой горчицы», а потомъ вопросъ Кобдена: «Что же далѣе?» Словомъ, необыкновенная нестрота, въ которой своя доля вниманія дана вопросамъ самымъ разностороннимъ...

Говоря объ этомъ спискѣ, который хотя отчасти открываетъ передъ нами кабинетную жизнь перваго духовнаго сановника русской церкви, котораго удастся видѣть только въ сакофѣ и митрѣ или въ запряженной цугомъ каретѣ, — мы должны упомянуть и о томъ, что въ большинствѣ случаевъ архіерейскія бумаги обыкновенно тотчасъ послѣ кончины ихъ владѣльца «обезпечиваются», и рука изслѣдователя до нихъ добирается очень не скоро, а до иныхъ даже и вовсе не добирается. А потому, если бумаги, подаренныя митрополитомъ Исидоромъ академикъ, составляютъ (какъ надо думать), только часть его архива, то и тогда слѣдуетъ быть ему благодарнымъ, что онъ самъ, по собственному почину, устроилъ такъ, чтобы онѣ стали доступны исторіи и критикѣ безъ напрасной траты многого времени. Но пока что (дай Богъ еще многихъ лѣтъ жизни митрополиту Исидору), одно поверхностное знакомство съ его литературнымъ даромъ, конечно, многихъ должно удивить: сколько нашъ, нынѣ уже ветхій и достопочтенный старецъ, хранилъ въ себѣ постоянно живой способности интересоваться предметами, которые интересуютъ не всякаго изъ лицъ его положенія. Это во всякомъ случаѣ значитъ жить со своимъ въкомъ и аскетическое невѣдѣніе о немъ не считать лучшимъ достоинствомъ церковнаго

правителя. Въ такомъ взглядѣ, кажется, нѣтъ ни малѣйшей ошибки.

Такимъ образомъ, при этихъ слабыхъ данныхъ, мы все-таки находимъ нѣкоторую возможность дать самому отдаленному читателю нѣкоторое свободное очертаніе лица, имѣющаго несомнѣнно историческое значеніе, потому что митр. Исидоръ давно стоитъ во главѣ управленія нашей церкви, и притомъ въ ту пору, когда она и лиходѣямъ, и доброжелателямъ,—стала часто представляться въ состояніи, похожемъ на разложеніе, или, точнѣе сказать,—*въ кризисъ*, который, впрочемъ, переживаетъ все христіанство.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

REMEMBER

АРХІЕРЕЙСКІЕ ОБЪЪЗДЫ.

«Нельзя, не видя океана,
Себѣ представить оксантъ».

Палечатанные въ 1878 году очерки «*Мелочи архіерейской жизни*» вызвали въ короткое время нѣсколько замѣтокъ, написанныхъ духовными лицами, между которыми были и два архіерея.

Между письмами почтившихъ меня корреспондентовъ есть нѣсколько выражающихъ мнѣ укоризну за «погоню за простотою». Въ этомъ писавшіе усматриваютъ «вліяніе протестантскаго духа».

Я хотѣлъ бы остановиться на этомъ странномъ и неумѣстномъ замѣчаніи; я хотѣлъ бы сказать, но крайней мѣрѣ, сколько несправедливаго и прискорбнаго заключается въ той неосторожности, съ которою наши охотники до важности и пышности уступаютъ протестантамъ такое прекрасное свойство, какъ *простота*; но пройду это молчаніемъ, и коснусь только *одной частности* въ вопросахъ объ упрощеніи отношеній архіереевъ къ подначальному имъ духовенству.

Мнѣ пишутъ: «хорошо ли, если наши архіереи, объѣзжая приходы, будутъ трястись въ тарантасикахъ да кибиточкахъ, въ конхъ ихъ иной приметъ, пожалуй, за странствующихъ купцовъ, тогда какъ католическіе епископы будутъ катать шестернями» и т. п.

Тамъ мѣшала протестантизмъ, здѣсь—католичество...

Я ничего не могу отвѣчать на такой трудный церковный вопросъ, но я никакъ не думалъ, чтобы намъ былъ очень важенъ примѣръ католическихъ епископовъ!—Какъ бы они

ни катали, — имъ свой путь, а нашимъ — своя дорога, а, притомъ, никто и не добивается, чтобы русскіе епископы «трислись» въ тараптасахъ и кибиткахъ. Объ этомъ известень какой-то анекдотическій разговоръ митрополита Платона (Левинна) и больше ничего. Дѣло вовсе не въ экипажѣ, а въ томъ, кто въ немъ ѣдетъ. Можно и въ каретѣ ѣхать съ мирною простотою, и въ кибиткѣ приближаться съ большою и обременительною требовательностію. Объ этой-то требовательности и идетъ рѣчь у благонамѣренныхъ людей, желающихъ установленія лучшихъ, болѣе искреннихъ и болѣе полезныхъ для церкви отношеній епархіальныхъ начальниковъ къ сельскому духовенству.

Нѣкто бывшій простымъ священникомъ и потомъ достигшій «степеней» пишетъ: «Ожиданіе епископа очень благоприятно дѣйствовало на духовенство именно тѣмъ, что было событіе важное, котораго ждали и къ которому подготавлились. Тутъ, бывало, все подберется и подгнется въ струнку. Иной, слабый человекъ, годы храмлющій на оба колѣна, слышавъ объ архіерейскомъ прѣздѣ, позадумается и исцѣлѣеть. Другой, безнокойный и сварникъ—сходитъ къ мірянамъ и примирится и, вообще, поочистится въ своемъ поведеніи, а иной, давно отупѣвшій и все позабывшій, возьмется за умъ и поучится какъ отвѣчать на вопросы владыки, а отъ того сдѣлается опытиѣе. Наконецъ, самое это ожиданіе бываетъ полно прекрасныхъ минутъ для собравшагося духовенства, которое, совокупясь вмѣстѣ ко встрѣчѣ, ближе ознакомливается другъ съ другомъ и, притомъ, научается полезной солидности, какъ держать себя, сообразно достоинству своего духовнаго сана, серьезность котораго, порою, въ мелочахъ житейскихъ, позабывается. Вообще, это напоминало что-то въ родѣ сонества ангела, прилетающаго возмутить и сдѣлать снова цѣлебными застоявшіяся воды сельской купели».

Понестинъ — прекрасная картина, въ которой, главнымъ образомъ, и пригодится тотъ *прикладъ*, который я имѣю возможность предложить ниже, въ видѣ дополнительной иллюстраціи.

Но прослѣдимъ еще за тѣмъ, что говоритъ опытный корреспондентъ.

Начертавъ приведенныя замѣтки, онъ заключаетъ ихъ словами: «Мірянинъ этого знать не можетъ. Какъ бы искусно

онъ ни наблюдать бытъ и правы духовенства, онъ не можетъ дать оцѣнки тому, что, въ этихъ случаяхъ, творится въ душѣ ожидающихъ. Это невозможно для сторонняго наблюдателя, именно потому, что происходитъ *внутри* челоуѣка. Это знаютъ только тѣ, кто самъ подобное испытывалъ».

Можетъ-быть, все это правда. Вообще, я не стану опровергать моего корреспондента пунктъ за пунктомъ. Хотя, мнѣ кажется, это не особенно трудно было бы сдѣлать, но крайней мѣрѣ, въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ его доводовъ. Такъ, напримѣръ, можно бы попытаться доказать ему, что если бы епископы вѣдѣли почаще и поироче, — безъ большихъ сборовъ и торжественныхъ оновѣщеній о томъ, что они «скоро будутъ и непремѣнно придутъ», то завязывающіеся у духовенства распри съ мірянами не тянулись бы до тѣхъ поръ, пока имъ угрожалъ *ожидаемый* наѣздъ. При опасеніи неожиданности дѣла могли идти иначе, и «отупѣвшихъ» и «храмлющихъ на оба колѣна» тоже могло быть меньше. Но «оставимъ все это астрономамъ доказывать», а обратимся къ одному послѣднему обстоятельству, которое могутъ доказывать не астрономы, а благочестивые отцы наши.

Хотя мой почтенный корреспондентъ, обладая живымъ краснорѣчіемъ, такъ *заговорилъ* дѣло, что мнѣ, не имѣвшему въ указанныхъ обстоятельствахъ личнаго опыта, не оставалось бы ничего иного, какъ повѣрить ему во всемъ на-слово и умолкнуть; но благому случаю и доброй услугѣ нѣкоторыхъ друзей угодно было меня выручить. Ими доставлена мнѣ возможность рассказать нѣчто небезынтересное о серьезныхъ впечатлѣніяхъ, производимыхъ на духовенство въ ожиданіи архіерейской встрѣчи.

Въ моихъ рукахъ находится очень рѣдкая вещь — это выписка изъ дневника, который, въ теченіе довольно многихъ лѣтъ, велъ недавно скончавшійся сельскій священникъ и благочинный. Я называю это вещью *рѣдкою* потому, что до сихъ поръ не встрѣчалъ еще ни одного русскаго сельскаго священника, который бы велъ записки изо-дня-въ-день во всю свою жизнь. То, что издано подъ подобнымъ заглавіемъ гг. Ливановымъ и кн. Владиміромъ Мецкерскимъ — есть, кажется, плодъ собственной фантазіи этихъ авторовъ, изъ которыхъ первый, хотя и знаетъ быть

духовенства, но былъ очень одностороненъ, а другой индѣ не обнаруживалъ ни малѣйшаго знакомства ни съ какимъ бытомъ и, притомъ, страдалъ односторонностью еще больше Ливанова.

На самомъ дѣлѣ, наши сельскіе священники совсѣмъ не склонны къ писанію дневника и очень не многіе изъ нихъ способны вести замѣтки съ правдивостью и, въ то же время, съ живымъ юморомъ. Между тѣмъ, всѣмъ этимъ отличается дѣйствительный дневникъ, которымъ я пользуюсь для моихъ иллюстрацій. Тутъ мы безъ всякихъ прикрасъ увидимъ, что иногда происходитъ у собравшихся духовныхъ лицъ во время торжественнаго ожиданія ими своихъ владыкъ.

Во главѣ этого повѣствованія, да позволено будетъ мнѣ сказать два слова о самомъ авторѣ дневника. — Это совершенно необходимо для того, чтобы впередъ опровергнуть всякое подозрѣніе въ вымыслѣ.

Авторъ дневника—о. Фока Струтинскій, священникъ села Гореничи, въ 20 верстахъ отъ г. Кіева. Онъ былъ чело-вѣкъ умный, опытный, наблюдательный и немножко юмо-ристъ, что читатель и не преминетъ увидать изъ слѣдую-щихъ за симъ отрывковъ его дневника. Журналъ свой от. Фока велъ во все время своего служенія, сначала про-стымъ сельскимъ священникомъ, а потомъ благочиннымъ. За это время (съ 1829 по 1854 годъ) онъ исписалъ десять объемистыхъ томовъ, имѣющихъ весьма разнообразный ин-тересъ и немалое значеніе для исторіи сельскаго духовен-ства въ Россіи. Дневникъ этотъ, можетъ-быть, составилъ бы не менѣе интересное чтеніе, чѣмъ извѣстные «Записки Добрынина», но, къ сожалѣнію, все содержаніе десяти томовъ покойнаго отца Фоки теперь не можетъ быть пред-метомъ нашего разсмотрѣнія. Мы возьмемъ изъ него только то, что имъ записано объ архіерейскихъ встрѣчахъ, кото-рыя онъ справлялъ за свою жизнь, пока скончался, 15-го декабря 1854 года. Вышнія хлопоты и внутреннія ощу-щенія ожидателей здѣсь представлены съ достаточною на-глядностью челоуѣкомъ, котораго никакъ нельзя укорить ни въ малосвѣдуности, ни въ тенденціозности.

За симъ начнемъ *ab ovo*.

«1841 г., 2-го іюня. Располагали сегодня ѣхать въ Кіевъ,

но въ 7 часовъ утра — новость! Завтра въ Бѣлогородкѣ ожидаютъ митрополита (Филарета Амфиотрова). Розалія В., вчера, вечеромъ, послала въ Волюнку, а сегодня къ намъ за рыбою. Къ счастью, Косьма обѣщаетъ дать съ полуда вчера пойманной рыбы; я предполагаю послѣ обѣда поѣхать и узнать, что тамъ дѣлается. Протоіерей засталъ только-что прѣѣхавшаго и чрезвычайно хлопочущаго, — особенно, что не дали окончить слѣдственнаго дѣла. Указъ полученъ, что митрополитъ отправится для обозрѣнія уѣздовъ кіевского, радомысльскаго, махновскаго, сквирскаго и васильковскаго. По предписанію земскаго исправника Волкова, станція должна заготовить для подъема экипажей девятнадцать лошадей. Завтра и мнѣ должно явиться для встрѣчи его высокопреосвященства».

«*Іюня 3-го, вторникъ.* Очевидно, — чѣмъ сланикомъ занятъ, то и во снѣ снится. Уже послать черезъ дьячка свое облаченіе, вотъ покушаю и ѣду. Прощай, жена! Прощайте, дѣтки! Ёду въ нуть хоть недалекій, но, впрочемъ, нѣсколько опасный».

«Не удивляйтесь, брагія мои возлюбленные, что я, отправляясь навстрѣчу владыкѣ, поставилъ въ своемъ журналѣ три звѣзды. Страху я боюсь. Я легко могъ вообразить, что можетъ-быть случится и долгое отсутствіе мое отъ моего прихода и отъ журнала, но, слава Богу, — возвратился домой вечеромъ — цѣль, живъ, здоровъ, невредимъ и даже веселъ» *).

«По предписанію о. протоіерей, насъ собралось подвѣдомственныхъ семь іереевъ и почти-что столько же въ стихаряхъ дьячковъ, для встрѣчи высокопреосвященнаго. Всѣ возлежали на муравкѣ подлѣ церкви. Нѣкоторые, подобно Іонѣ, уже и храпляху... Вдругъ раздается тревога и производится колокольный звонъ, мы стремглавъ летимъ къ облаченіямъ, выстраиваемся въ должномъ порядкѣ и продолжаемъ Андреево стояніе съ добрыми полчаса. Наконецъ, узнаемъ, что это передовой отрядъ діаконовъ и іѣвчихъ. Звонъ умолкъ, облаченіе снято, и мы опять принялись за рассказы, которые продолжались часа два. Но въ три часа

*) Достоинно замѣчанія, что сердце автора сжималось такимъ страхомъ въ ожиданіи добрѣйшаго изъ людей, — митрополита Филарета Амфиотрова, простосердечіе и мягкость котораго въ кievской епархіи были всѣмъ извѣстны.

пополудни, опять суматоха прежняя, — и не по пустому, желанная минута настала: свититель встрѣченъ громогласнымъ «*Достойно естъ*» и «*Многая лѣта*». Преподавъ намъ миръ и благословеніе, онъ порознь разспрашивалъ: изъ каковыхъ кто?» (Послѣ нѣкоторыхъ обычныхъ дѣйствій). «Разспрашивалъ объ урожаѣ, говоримъ ли проповѣди? Я отвѣчалъ, что, со времени полученія указа, говорю по одной въ мѣсяць. Совѣтовалъ составлять и по четыре. Изъ дома шествовалъ въ сопровожденіи всѣхъ насъ къ мельницамъ; пилъ чай у откупщика Александра Якимовича Барскаго и, преподавъ намъ *въ десятый разъ* свое пастырское благословеніе, уѣхалъ въ Мотыжинъ».

Въ этой первой выпискѣ, кажется, не видимъ ничего, кромѣ «страха» да легкаго подшучиванія исподтишка, — ничего, возвышающаго духъ и сознаніе, нѣтъ.

За этимъ слѣдуетъ другая встрѣча. На сей разъ отецъ Фока встрѣчаетъ опять того же митрополита Филарета, но уже довольно много лѣтъ спустя, именно въ 1845 году, — и отецъ Фока теперь уже не простой молодой священникъ, а *благочинный*.

Въ дневникѣ сначала отмѣчено довольно сложное «движеніе» отца Фоки по случаю проѣзда императора Николая Павловича. Это свое «движеніе» отецъ Фока тоже описываетъ, мѣшая важность и даже нѣкоторую восторженность съ благопристойною шутливостью

«Въ 3³/₄ часа пополудни, тихо, чинно, стройно перемѣнили лошадей. Экипажъ закрытый, со сянчимъ геніемъ. Россіи, помчался далѣе. Къ нему навстрѣчу шель зарумяненный востокъ, а сзади катился смиренный экипажецъ отца благочиннаго, Струтинскаго, который прибылъ на всходѣ солнечномъ домой и разбудилъ нѣдѣльхъ, еще спавшихъ».

И тотчасъ послѣ этой отмѣтки идетъ слѣдующая. Благочинный Струтинскій встрѣчаетъ другого гостя.

«*Мая 23-го* (1845). Надобно ожидать другого гостя, — митрополита. Опять хлопоты, суета, — за хозяйство некогда и подумать. Вчера, впрочемъ, посеяно три мѣры проса и малость лёну, а сегодня роздано жалованье и прихватомъ слѣнилъ проповѣденку на недѣлю св. отецъ, и на случай прибытія владыки, о которомъ неизвѣстно еще, гдѣ предпологаетъ литургисать. Посланъ нарочный увѣдать».

«24-го мая. Получивъ обстоятельное описаніе выѣзда нашего пастыря, изъ котораго видно, что онъ будетъ литургисать въ Радомысль, — я побывалъ въ Бѣлогородкѣ для совѣта».

«25-го мая. Въ полдень завезъ Анну В. въ Бѣлогородку и узрѣлъ тамъ животрепещущихъ щукъ, заготавливаемыхъ на фрынтыкы для владыки, имѣющаго завтра служить литургію и завтракать».

«26-го мая. Еще сунду ми на одрѣ, утромъ полученъ съ почты пакетъ, изъ котораго усмотрѣно, что митрополитъ отправится изъ Кіева въ воскресенье. Вотъ и разстройство: священство съѣхавшееся разѣдется и я тоже».

«27-го, недѣля и поволуніе. Въ служеніи изморился и мокрую рубаху переѣшилъ. Сплю... Гремить, — сплю; проливной дождь—сплю... Снится встрѣча... сплю... и думаю, что владыка въ такую пору не осмѣлится отправиться. Ergo—еще больше сплю и храплю не хуже Ионы. Наконецъ, въ три часа пробуждаюсь,—солнце на небѣ сіяетъ, а грязь въ моихъ сѣняхъ воняетъ. Собравшись, прибыли въ Бѣлогородку и застали восемь священниковъ въ облаченіи. Черезъ часъ и владыка со свитою на тридцати лошадей. Ревилы (ревуны.—басы, дьяконы, пѣвчіе), прибывшіе впередъ, испугали мою Линушку, наговоривъ, что Соколовскій (помѣщикъ с. Гореничи) просилъ владыку на почлегъ; но я себѣ думаю: брешете, дорога нисколько въ провалѣ не исправлена, да и его пѣтъ въ домѣ... А тутъ пристава объявилъ уже мнѣ, что владыка намѣренъ далѣе ѣхать и велѣлъ заготовлять лошадей... Вотъ тутъ я, по правдѣ сказать, окаменѣлъ, не зная самъ, что мнѣ и дѣлать?»

Но обстоятельства, поставившія отца Фоку въ такое положеніе, что онъ «окаменѣлъ», измѣняются, благодаря участию отца ключаря, которому было передано, что у отца Фоки «разстройство»,—послѣ чего ключарь «обѣщавъ все уладить».

«Идя изъ церкви, — влѣдствіе предложенія отца ключаря, — владыка рѣшился остановиться въ Бѣлогородкѣ на почлегъ, а послѣ изъявилъ согласіе посѣтить гореничскій храмъ... Я бѣгалъ... или, лучше,—я стоялъ... меня гоняли, — шептали: «скорѣй, скорѣй, у васъ владыка будетъ пить чай!» Пѣвчіе и дьяконы приставали: «просите, просите владыку, чтобы у васъ остался ночевать на покой». А я себѣ, запыхавшись, думаю: гдѣ тамъ просить ночевать, когда у

меня полны сѣни грязи, и па дворѣ грязь, и въ комнатахъ тѣснота и неисправность? Касательно же пріема: что и было въ зашасѣ, то все перевезено на трактъ».

Въ этомъ отчаянномъ положеніи отецъ Фока являетъ новую черту своего характера и своего веселаго юмора. Заручившись обѣщаніемъ ключаря «все уладить», от. Фока суетится, когда его «говнюютъ», и со всѣхъ сторонъ ему «шпенчутъ» и тормозятъ его до того, что онъ уже не можетъ разобрать: «бѣгаетъ» онъ или «стоитъ», а все-таки онъ знаетъ ему же вѣруеть и на кого надѣется. Но когда вся эта добука его одолеваетъ, то онъ уже не въ страхъ ни стоять, ни бѣгать и отвѣчаетъ въ ланидарномъ стилѣ:

«Какъ себѣ хотите, такъ и дѣлайте, а миѣ не мѣшайте, по крайней мѣрѣ, сонты (т.-е. сонгъ), да вытирать потъ съ чела».

И дѣло не обошлось безъ того, что митрополитъ побывалъ у отца Фоки. Къ счастью, его высокопреосвященство всѣмъ остался доволенъ и обласкалъ дочь хозяйна, а угощеніе было не нужно. При простотѣ и невзыскательности покойнаго м. Филарета, все сошло съ рукъ хорошо, но, однако, мукъ и тревогъ бѣдному отцу Фокѣ, все-таки, какъ видимъ, было не мало. Затѣмъ гости уѣзжаютъ и благочинный съ сотрудниками могутъ вспомнить и о себѣ.

«По вызвѣдѣ свиты (продолжается дневникъ) мы принялись доставать бутылку мадеры и чай съ пуншомъ».

Подкрѣпясь, от. Фока пустился велѣдь за митрополитомъ въ Мотыжинъ. Пріѣхавъ туда «и заневелнивъ всѣхъ, (онъ) принялся переписывать набѣло свою вчерашнюю проповѣдку, которую и удалось, за благословеніемъ архимастырскимъ, сказать въ мотыжинской церкви».

Какъ онъ могъ во всей этой безтолковой суетѣ обдумывать, сочинять и набѣло переписывать свою «проповѣдку», — это достойно удивленія. Именно, развѣ Богъ помогать. Но не легче ему было придти въ себя и собраться съ духомъ, чтобы произнести эту «проповѣдку» въ присутствіи своего маститаго начальника.

«Встрѣча (въ Мотыжинѣ) была сдѣлана только двумя священниками: отц. Тихономъ и Вознесенскимъ. Первый изъ нихъ тотчасъ началъ литургію. Пѣвчіе пѣли, а я шатался и хлопоталъ о чаѣ и фрыштыкѣ, но успѣлъ перобко произнести слово».

«Сопты и отирать съ чела потъ» болѣе было не нужно. Дневникъ далѣе повѣствуетъ: (владыка) «уѣхалъ съ довольно веселымъ къ намъ благорасположеніемъ. Тутъ-то мы, отощавшіе, принялись въ 12 часовъ въ домѣ отца Іакова подкрѣпляться, гдѣ быть и священникъ Ч—скій, пріѣхавшій просить духовенства на погребеніе жены священника Г—ва, вчера скончавшейся. Напились до избытка и, дремля, въ 6 час. вечера, уѣхали».

Этимъ заключено описаніе второй архіерейской встрѣчи, которою труждался въ своемъ благочинническомъ житіи отецъ Фока Струтинскій. Впечатлѣніе, производимое его характернымъ очеркомъ, опять очень цѣльно и способно надолго оставить въ памяти всю эту комическую суматоху, гдѣ не отличишь серьезное отъ смѣшного. И, конечно, не берусь опредѣлять: насколько дѣятели описанной суматошной исторіи повысились или понизились послѣ того, какъ чрезъ ихъ мѣста прослѣдовалъ владыка, и они, тотчасъ же за его отъѣздомъ,—не знаю—съ горя или съ радости,—«напились до избытка»,—при чемъ подъ эту же стать попалъ и скорбный посоль смерти,—священникъ, пріѣхавшій просить духовенство на погребеніе жены другого священника, «вчера скончавшейся»... Вотъ и все возвращеніе «цѣлебныхъ свойствъ застоявшимся водамъ сельской купели!» Живыми и мертвыми здѣсь обладаетъ какая-то жуть, отъ которой даже бѣдной покойницѣ безпокойно. Будь это все прощяе и не вызывай такой суеты, разумѣется, было бы лучше; тогда передъ нами, можетъ-быть, прошло бы теченіе болѣе чистое и въ которомъ мы могли бы разглядѣть что-нибудь болѣе достойное вниманія и заботъ благочестиваго человѣка вообще, а христіанина въ особенности.

Но и это не все, чтѣ можно сказать. Никакъ не надо забывать, что все открываемое намъ дневникомъ отца Фоки происходило при митрополитѣ Филаретѣ Амфитеатровѣ,---человѣкѣ очень простомъ и добромъ, котораго изъ духовенства мало кто боялся. От. Фока его если и трусилъ немножко, то только вначалѣ, при первой встрѣчѣ, да и то какъ будто «въ нарощну», а потомъ только хотѣлъ «сопты да потъ отирать». Но совсѣмъ не то производилъ владыка, которому предтекала молва, что онъ петригланецъ и взыскателецъ.

Дневникъ отца Фоки Струтинскаго даетъ очень интересный образчикъ и въ этомъ забавномъ родѣ.

Другой архіерей, безпокоившій своими встрѣчами отца Фоку, былъ викарій Филарета Амфитеатрова, епископъ чигиринскій Аполлинарій. Этотъ святитель далеко не слылъ за такого добряка, какъ покойный митрополитъ.

Въ дневникѣ отца Фоки отмѣчены двѣ визитаціи этого владыки (тоже уже скончавшагося),—одна вкратцѣ и векользь, а другая поспокойнѣе и попросторнѣе.

Тревоги по первому паѣзду начинаются 14-го мая, 1847 г.

«14-го мая, суббота. Указъ полученъ, что 16-го преосв. Аполлинарій выѣдетъ изъ Кіева, для обозрѣнія по нашему пути церквей.—Новыя хлопоты!»

«16-го мая.—Погода ясная, но вѣтеръ столько холодный, что пришлось ѣхать въ теплой шубѣ. Въ Мотыжинѣ долго скучали ожидая;—онъ прибылъ часу въ 5-мъ или въ 6-мъ. Встрѣтили благоподучно, только за записку книгъ, за подчистки и проч. нѣсколько пожурили. Впрочемъ, обходился довольно ласково. При встрѣчѣ были священники В—въ, Р—скій и дяди Г—съ съ клирами.»

«Когда его и-ство изъявилъ согласіе пить чай, то я, испросивъ у него благословіе, пустился во всю прыть къ Фасову, а за мною въ погоню дьяконы и пѣвчіе въ двухъ экипажахъ, за обычнымъ ямужнымъ (нищенскимъ поборомъ), которое и получили отъ меня.»

Какъ шибко ни гналь отъ Фока отъ этихъ обирокъ, но по спасенію отъ нихъ даже полученнымъ благословіемъ. Они нагнали и обработали благочиннаго на той самой дорогѣ, по которой, *всего въ четверти часа* разстоянія, ѣхаль за ними ихъ епископъ, человекъ довольно строгій и взыскательный.

«Черезъ четверть часа (продолжаетъ отецъ Фока) прибылъ и владыка Аполлинарій. Здѣсь при встрѣчѣ были отцы В—скій, С—скій и Г—ловъ, *съ пьяными бездѣльниками клириками...*»

Здѣсь упоминается тотъ самый отецъ Г—ловъ, у котораго скончалась жена во время вышеописанной митрополитической встрѣчи, когда на погребеніе ея приглашали духовенство, «но трудѣхъ своихъ подкрѣпившееся до зѣла».

«Преосвященный велѣлъ конторщику сдѣлать замѣчанія о томъ, что нашель въ книгахъ... что сей и учинилъ: а что изъ того выйдеть—ночуетъ хто живой дикде».

«Преосвященный давно уговаривалъ Г—лова къ себѣ въ

монастырь. У дьякона замѣтилъ полуштофъ на окнѣ съ жидкостью. Съ улыбкой допрашивалъ: что это?

— «Укеусъ, ваше преосвященство.

— «Да ну,—точно ли?

— «Пи... укеусъ, укеусъ... да еще и добрый укеусъ. Ось попохайте, владыка».

«Чудакъ отецъ Калининъ—смѣшнѣе владыку всякій про-
ѣздъ».

«При захожденіи солнца, — пренодавъ намъ изъ кареты благословеніе, а отцу Г—лову подтвержденіе одуматься и явиться въ Михайловскій монастырь, преосвященный отпра-
вился въ Рожовъ, а я въ сумерки выѣхалъ изъ Фасовы и почевалъ у отца Т—на безъ чаю... Такъ-то честь благо-
чипнымъ; а трудись и отвѣчай за грѣшки подвѣдом-
ственныхъ».

«17-го мая. Зато утромъ выпилъ три стакана и узналъ, что въ Бѣлгородкѣ еще болѣе гопялъ за книги, чѣмъ у насъ. Слѣдовательно, всѣмъ досталось на калачи»

Но эта ревизія пр. Аполинарія, съ полученіемъ отъ него «на калачи», оставила, повидимому, у сельскаго духовенства довольно сильное впечатлѣніе и значительно усугубила «притрепетность», которую совсѣмъ не имѣлъ таланта возбуждать «старичокъ Божій» Филаретъ Амфитеатровъ. Узнавъ, что викарій значительно строже епарха, сельскіе отцы, при слѣдующемъ, новомъ его объѣздѣ, подтянулись, и зато описаніе второго ожиданія преосв. Аполинарія въ дневникѣ отца Фоки вышло всѣхъ живѣе и интереснѣе.

«6-го сентября (1849 г.). Вечеромъ, ѣхавшій съ Кіева отецъ В—скій потревожилъ насъ нѣсколько *уведомленіемъ*, полученнымъ въ бузовской корчмѣ, будто бы владыку ожидаютъ на ночь въ Ясногородку».

«9-го сентября. Протоіерей выѣхалъ изъ дому *высматри-
вать преосвященнаго*, а я окрестилъ младенца его прихода. Мужики пьянствуютъ и до крови дерутся между собою,—какая несносная картина! Жиды не въ правѣ ли упрекать христіанъ? Увы! улы! улы!»

«11-го сентября, *недѣля на новолуніе*. Послѣ отдыха, вечеромъ, навѣщать бѣлгородскихъ, и узналъ, что о. протоіерей ѣздилъ въ Бышевъ и въ Ясногородку, но ничего не слышно тамъ о приближеніи епископа,—и Богъ въдастъ,

когда онъ будетъ въ нашемъ вѣдомствѣ и когда мы сдѣлаемъ ему встрѣчу? Чаяніе нашихъ духовныхъ ослабѣло, хотя я и предписывалъ являться».

«12-го сентября. Однакоже и 12-го еще никто не явился. Ночи холодноваты и морозцы проявляются, а тутъ-то гречиха еще у меня не скошена. Черезъ разные хлопоты, не знаешь за что и приняться. Во время праздника издохла сивая корова, купленная въ Княжичахъ, а прежде двое телятъ».

«14-го сентября, среда. Поклонниковъ было до полсотни, и мы послѣ литургіи отирались въ Крюковщину, гдѣ застали духовенства довольно, — кажется, съ восемь священниковъ. Обѣдали, самоварствовали и, наконецъ, по причинѣ мрачной ночи и росвиного дождика, остались ночевать».

«15-го сентября. Въ часу первомъ послѣ обѣда уѣхали и достигли благополучно дома. Опять застали издохшую телушку. И у крестьянъ тоже гибнетъ скотъ. Вѣда!»

Но зато при этой бѣдѣ сейчасъ же слѣдуетъ долгожданное событіе, заставляющее отца Фоку забыть бѣду скотонаденія и полагающее конецъ его долгимъ странствіямъ съ цѣлю «выематривать преосвященнаго».

«Въ сумерки летитъ ко мнѣ изъ Вѣлгородки записка, писанная рукою плисецкаго священника, отца Іоанна Колтоновскаго, который увѣдомляетъ, что преосвященный уже къ Плисецкому приближается... Я узналъ, что о. протоіерей противъ ночи (т.-е. на ночь) отирается въ Ясногородку, а я, устроивъ тогда же порядокъ въ своей церкви и *умоливъ* Косьму Иващенко, чтобы до свѣта ѣхалъ въ Кіевъ за покупками для принятія гостей, спокойно проспалъ до разсвѣта».

Это былъ послѣдній спокойный сонъ благочиннаго въ его собственномъ домѣ. Съ этихъ поръ начинается все большая и большая суета, а за нею и «притренетность», постоянно возрастающая отъ приходившихъ грозныхъ извѣстій.

«16-го сентября. Рано пустился въ легонькой повозочкѣ, при кучерствѣ Кобченка, въ Княжичи и часу въ восьмомъ достигохъ іерейской квартиры. Только хотя о. Александръ и оспаривалъ, что о епископѣ нѣтъ никакихъ слуховъ, однакоже я понудилъ его идти въ церковь и, пока что,

приводить въ порядокъ. Самъ же остался въ домѣ и подготавлилъ кое-какія приказанія и распоряженія, вслѣдствіе чего и посланъ сидищій на костыляхъ В—скій, въ повозочкѣ, въ Новоселки, съ требованіемъ тамоннаго причета и для развѣдыванія».

«Во время дѣланнаго распоряженія, мать отца Александра, прибывшая къ сыночку изъ бердичевского и сквирскаго уѣздовъ, пересказывала чудеса о весьма и весьма строгомъ обращеніи епископа и, можно сказать, умлѣвала (sic)—дай только, чтобы и мы не испытали жезла строгости... Умилительно просила меня,—какъ можно, и себя побережь и ея сынуя. Что тутъ дѣлать? Поневоля струсилъ. Хотѣлъ бы я уже, наслушавшись краснорѣчивыхъ: *«Охъ, таточку жь мій риднисенькій! Да отецъ же благочинный!..»* и проч. сладкоглаголевыхъ словъ,—восхотѣлъ бы и азъ ухватъ за тридевять земель, въ тридесятое царство; но увы, — Кобченко уже кони позабывъ въ конюшню, а самъ потащился вышнвать кануннаго княжицкаго меду. Шый, шый, сыну, цѣки солодко, але якъ буде гирко,—отъ тоди що будемо робыты?...»

«Та вже жь чы то сякъ, чы то такъ,—иду, лишень, и я до храму Божого и побачу порядкивъ»...

Лишь отецъ Фока переступасть за порогъ «Храму Божого», какъ видитъ такіе «порядки», что весь страхъ у него пропадасть, и благочиннымъ овладѣваетъ его веселый юморъ, предавшись которому онъ продолжаетъ писать по-малороссійски.

«Колы-жъ я туды вйду (т.-е. въ храмъ)... Господы милостывый!.. Жиндкѣ (бабѣ) трѣха не зъ десять стоятъ ракомъ, понидтыкованныхъ и мыють въ церкви пидлогу (полы), а чоловиковъ (мужчинъ) мабуть зъ чотыри,—хто зъ вышномъ, а кто зъ крыломъ птычымъ, ходять межъ жинками, да все штурхають, да обмитають, то порохъ (пыль), то паутыну... Побачивши таке безладье, я подумавъ соби гришний: ну що якъ владыка до насъ румъ (сейчасъ нагрянеть) и застане въ цирквѣ насъ съ пидтыкаными жинками?.. Ото-то реготу (хохоту) богацько буде!»...

«Тымъ часомъ все сдѣялось до ладу и мы, взгромоздивши на колокольню старого, слпного сторожа, цѣобъ на окуляры дывивсь (въ очки смотрѣль) на двѣ дорози: Менгородску и

Музычку. Кто буде дуже шидрко катыться по дорози. Але жь то, отцове, якъ бувъ тоди вельми велькій и холодный витьеръ, то разь сторожъ збунтовавъ насъ, що катыться брыль по дорози, зирванный зъ головы Пылипона Крупчатника... Другій разь насъ сполошывъ, якъ побачивъ, що шидъ корчмою на самисенькой дорози покатыться соцькій, якъ його сперещивъ москаль по потылицы (солдаты съѣздилъ по затылку). Третій разь усе-таки нашъ слинный сторожъ крычать на дзвоницы якъ дурный, побачивши що гончаръ перекунывсь йдучи (ѣдучи) зъ Ясногородки и горники зъ воза (теляги) покатылись... А въ четвертый разь... да вже совсемъ не до ладу, та що же маєте робыты... оглашенный дидъ крычыть, що *катыця овецка!* Тифу ты пропасть! Ходыма до хаты, да вить, старый дурень, ще не такъ буде насъ дурыть».

«Ото мы пошли въ комнату вдовой госпожи, не успѣли тамъ натоцакъ выпить по стакану кашуннаго меду, какъ увидѣли запыхавшихъ бѣгунцихъ мужичковъ и увѣрющихъ, что два экинажа отъ Ясногородки уже приближаются къ селу».

«Туть можно было и въ самомъ дѣлѣ опшибиться, ибо два экинажа, — коляски, вираженныя по четыре хорошихъ лошади съ фурманами и люкаями, — алектъ то ѣхали подлѣ церкви паны яксь-то и покатылись по гребли».

«Мы опять возвратились въ комнату госпожи, колы и глядь, ажъ нашъ сторожъ полизъ уже въ свѣй погребныкъ и каже:

— «Я по-спыдаю, та надвини кожухъ вылизу на дзвонцыю, то певне вже якъ засну, то мени во сны що нибудь прывидится».

— «Ей гляды жь, иду, гляды, а мы пойдемъ спыдати, або вжей обидати до прыканщика, г. Сотничевскаго, — Амфилохія Петровича».

«Это было уже въ часу второмъ пополудни, и то дай Богъ здоровье и его женѣ (т.-е. Сотничевскаго, Амфилохія Петровича), подкрѣпились сперва водочкой и маринаваллою рыбною, а потомъ чаемъ и рябиновымъ пуншикомъ, къ которому пріѣхалъ и отецъ Стефанъ съ нетрезвымъ Н—мъ. Испивъ въ заключеніе кружку очень пріятнаго хлѣбнаго квасу, мы, въ часу пятомъ, опять пошли къ госпожѣ М—ой. Туть являється нашъ хромоногій курьеръ изъ Ясногородки

и увѣряетъ, что сейчасъ только возвратился посланникъ изъ Плисецкаго въ Ясногородку съ извѣстемъ, что должно всецѣлпрѣменно владыку ожидать на слѣдующихъ за симъ двухъ дняхъ, и что онъ уже неотмѣнно будетъ.

«Итакъ, слыша увѣренія хромоногаго гонца и видя приближающееся къ закату солнце, мы уже рѣшились идти на подкрѣпленіе и ночлегъ къ отцу Александру; но вдругъ бѣгунцы даютъ знать намъ, что епископъ ѣдетъ по плоти, и мы едва-едва успѣли выдти къ нему навстрѣчу. Я подошелъ къ самой каретѣ и первое слово его было: «давно ли я пріѣхалъ съ Княжичи!»

«Когда вошли съ нимъ, при пѣніи запыхавшагося и слабого клира, въ алтарь, тогда только загорѣлся сѣрничекъ въ рукахъ ктитора и начали зажигаться свѣчи».

Столько отецъ Фока употребилъ предусмотрительности и самыхъ опытныхъ предосторожностей, чтобы владыка былъ «высмотрѣнъ», но вотъ какъ оно вышло мизерно и жалостно: хоръ поетъ запыхавшись, архіерей проходитъ въ алтарь впотымахъ и тогда только еле-еле «загорается сѣрничекъ въ рукахъ ктитора».

Такъ эти злополучные встрѣчальщички съ ихъ хромыми курьерами, слѣпыми махальными и «ракомъ» ползающими по церкви и «пидтыкованными жшиками», выбились изъ силъ и сбились съ толку гораздо ранѣе, чѣмъ ихъ толкъ и сила потребовались на настоящее, полезное служеніе отечественной церкви.

Осмотрѣвъ антиминсъ и св. дары, архіерей пошелъ посмотреть—какъ живетъ священникъ.

«Тамъ (ишетъ отецъ Фока) я засталъ преосвященнаго, пересказывающаго, что въ иныхъ мѣстахъ (конечно, кievской же епархіи) священство не въ примѣръ хуже имѣетъ квартиры, и повѣствовалъ намъ о ночлегѣ своемъ у одного настыря, какъ тамъ дули въ окна вѣтры, а подъ окнами хрюкали цѣлую ночь свиньи».

Засимъ приходитъ какой-то «пьяный панъ К—скій»,—это епископу не нравится, и онъ увѣзжаетъ скорѣе, чѣмъ ожидали.

Проѣзжая черезъ село Гореничи, гдѣ настоятельствовалъ самъ авторъ дневника, преосвященный былъ ласковъ: разговаривалъ съ женою отца Фоки и его дочерями; хвалилъ

выпитую икону, выпилъ стаканъ чаю, «покушалъ ушнички и свѣжѣйшаго лянца и проч. и запилъ мадерою».

«По моей просьбѣ,— продолжаетъ о. Фока,—обѣщаль зайти въ храмъ Господень, который весь тотчасъ же превратился въ иллюминацію».

У отца Фоки эта часть, какъ видно, была въ такомъ порядкѣ, что онъ могъ ее смѣло репрезентовать своему епископу. Но архіерей былъ, очевидно, утомленъ обиліемъ почетныхъ церемоній и «просилъ, чтобы не дѣлать никакой встрѣчи и ивнія».

«Воиди въ церковь не прямыми дверями, а пройди инуде черезъ понамарню», его преосвященство «нѣсколько сконфузился», замѣтивъ въ храмѣ десятка три прихожанъ, и приложился къ иконѣ Божіей Матери».

Дневникъ не объясняетъ: чего именно «skonфузился» владыка, «замѣтивъ десятка три прихожанъ», — показало ли ему, что три десятка людей мало для его прѣзда и «иллюминаціи», въ которую «превратился» по этому случаю храмъ; или ему уже до такой степени надоѣли сбѣгавшіеся ему навстрѣчу люди, что одинъ ихъ видъ приводилъ его въ смущеніе? Дневникъ также ничего не сообщаетъ,—сказалъ ли что-нибудь архипастырь этому «малому стаду» вѣрныхъ? Видно только, что онъ «приложился» къ иконѣ и осмотрѣлъ «превратившійся въ иллюминацію» храмъ. А это очень жалко, потому что, какъ справедливо гдѣмъ-то замѣчено, наши простолюдины особенно любятъ «вѣрочительное слово», просто и прямо обращенное къ нимъ отъ высшихъ лицъ церковной іерархіи, и нѣкоторые изъ нынѣшнихъ архіереевъ, праву которыхъ не претить это простосердечное желаніе, стараются не отказывать въ этомъ (таковъ, напр., преосв. Модестъ, стяжавшій себѣ въ эти самые дни ауга popularis на Подлясьѣ). Но любители нышности смотрѣли на эти вещи иначе, и потому сношенія архипастыря съ «малымъ стадомъ» въ Гореничахъ, можетъ-быть, были безсловесныя. Иначе аккуратный записчикъ всего происходившаго, отецъ Фока не преминулъ бы отмѣтить это въ своихъ записяхъ. Но онъ заключаетъ сказаніе о себѣ встрѣчѣ кратко словами: «простился, благословилъ и уѣхалъ». А затѣмъ слѣдуетъ неинтересная роспись «фургоновъ», на которыхъ повезли конторщика, дяконовъ и инодиаконовъ, въ числѣ конхъ проименованъ отецъ Адій, съ пояснительною атте-

стацію: «всѣми презираемый». Маленькихъ пѣвчихъ отецъ Фока пожалѣлъ, оставилъ у себя ночевать и уложилъ «всѣхъ покотомъ», а утромъ супруга отца Фоки накормила этихъ утомленныхъ мальчиковъ «горячими пирогами съ говядиной», за что они, оправившись отъ усталости, въ благодарность хозяйкѣ, «запѣли нѣсколько кантиковъ», а она имъ дала на орѣхи по «злотому» (т.-е. по 15 коп.).

Потомъ и этихъ ребятъ зааковали въ фургоны и отправили.

«Пѣвчіе остались нашимъ угощеніемъ довольны, какъ замѣтно было», отвѣчаетъ практической отецъ Фока, не пренебрегавшій, повидимому, и единымъ отъ малыхъ сихъ, часто видящихъ лицо его преосвященства. И эта заботливость о ребятахъ, по правдѣ сказать, представляетъ самое теплое мѣсто въ интересномъ дневникѣ отца Фоки.

Затѣмъ финалъ, по обычаю: «Выпроводивши ихъ, мы поридочно принялись отдыхать и проспали до того времени, какъ пріѣхала къ намъ Анна Федоровна на поклоненіе».

Все кончилось «простенько, но мило», — только много было хлопотъ и шуму, и притомъ чуть-чуть не изъ-за пустиковъ.

Но бывали хлопоты и совсѣмъ изъ-за пустиковъ.

Всѣмъ изобильный дневникъ отца Фоки сообщаетъ небольшую исторію и въ этомъ родѣ.

Выписываемъ еще одно послѣднее сказаніе изъ лѣтописи отца Фоки, и очеркъ нашъ кончимъ.

«13-го августа (1851 г.). Засталъ дома указы о проѣздѣ епископа по епархіи съ 16-го августа. Труды и заботы, писанія. Хлопоты и ни откуда нособія. Всего уродило 28 копъ».

«15-го, среда. Послѣ обѣда, по моему приказанію прибираютъ въ храмъ, ибо владыка будетъ ѣхать, — чтобы не заѣхать въ Гореничи... А у меня дѣлъ по хозяйству пропасть, но о нихъ некогда и подумать».

«16-го. Посланецъ донесъ, что владыка Аполлинарій уже въ Рубежевкѣ, и мы вечеромъ въ Копыловѣ».

«Духовенство стало на-чеку, и даже прозвонили (на колокольцѣ) какой-то каретѣ, въ которой (какъ послѣ оказалось) ѣхалъ не архіерей, а сидѣла помѣщица, генеральша Дани-

левская.. Въ сумерки еще, сидя за самоваромъ, прислушивались прѣзда, а послѣ ужина я преспокойно уснулъ».

«17-ю. До двѣнадцати часовъ постигали, а послѣ прекрасно покушали свѣжей рыбы и пироговъ, и прекрасно заснули, по обычаю предковъ. По захожденіи солнца настояли нарядить гонца для рекогносцировки (высматривать архіерей), но послѣ ужина довольно поздно положились отдыхать съ о. Василиемъ и Стефаномъ... Долго я не могъ уснуть, ожидаю вѣстника; наконецъ, едва только вздремнулъ, какъ послышалось громогласное пѣніе: «*Слава въ вышнихъ Богу*», раздающееся на подворьѣ. Миѣ вообразилось, что это архіерейскіе пѣвчіе, и я вышелъ, но къ немалому моему удовольствію узналъ, что это хоръ отца протоіеря съ провозжатыми».

Архіерей, за различными путевыми неурядицами, застаивавшими его «сердиться и кричать», проѣхалъ мимо. По этому случаю и была прогѣта на дворѣ ангельская пѣснь: «*Слава въ вышнихъ Богу*». А если бы владыка прѣхалъ, то, конечно, отцы воспѣли бы: «*Днесь благодать Святою Духа на събра...*» Вообще, довольно трудно разобрать: что они искреннѣе поютъ или вопіютъ, вызываютъ или глаголятъ? И винить ихъ строго нельзя, они такъ спозаранокъ натасканы.

Одна московская газета («Соврем. Извѣстія»), разсуждая о явленіяхъ, которыя составляютъ «нотрисающую сатиру на растлѣніе нашего общества», весьма справедливо говорить: «то, чему мы теперь осуждены быть печальными свидѣтелями, есть прямой плодъ разлада словъ, мысли и дѣла: лицемѣріе благочестія обращается въ лицемѣріе атеизма». Это вѣрно, и слѣды этого ясны во всемъ, къ чему бы мы ни обратились *ab imo pectore*. Надо имѣть все безстыдство людей, для конхъ служить поводомъ поговорка: «*aprez vous le déluge*», чтобы еще и теперь стоять за какое бы то ни было укоренившееся лицемѣріе, въ какой бы то ни было формѣ. Во всякой формѣ оно ведетъ къ одному: къ деморализаціи...

Corruptio optimi pessima.

ЕПАРХІАЛЬНЫЙ СУДЪ.

«Отъ Меня произойдетъ законъ и правду Мою я выставлю свѣтомъ для народовъ». Исаія 51, 4.

Въ обширной и многосторонней полемикѣ, возбужденной недавно выходомъ въ отставку бывшаго министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, графа Толстого, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ споръ о заслугахъ этого сановника по духовному вѣдомству. Одна изъ петербургскихъ газетъ, — именно «Новое Время», — дѣлая общую оцѣнку заслугамъ графа, пришла къ тѣмъ заключеніямъ, что по духовному вѣдомству его распоряженія были во многихъ отношеніяхъ лучше и цѣлесообразнѣе его распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. Это подало поводъ къ замѣчательному спору, который, по моему мнѣнію, до сихъ поръ не выясненъ и не оконченъ. Между тѣмъ, это очень интересно не для того только, чтобы сойтись на одномъ мнѣніи о графѣ Толстомъ; нѣтъ, тутъ есть дѣло гораздо болѣе важное.

Я не имѣю никакой нужды входить въ оцѣнку справедливости высказаннаго мнѣнія, но долженъ замѣтить, что оно довольно распространено и было поддержано въ Петербургѣ «Церковно - Общественнымъ Вѣстникомъ», газетою очень здравомыслящею и въ церковныхъ вопросахъ свѣдущею. Зато въ Москвѣ это мнѣніе показалось очень обиднымъ и несправедливымъ, и одна изъ тамошнихъ газетъ, «Современныя Извѣстія», выступила съ рѣзкими замѣчаніями противъ такой оцѣнки заслугъ гр. Д. А. Толстого по св. синоду. Московская газета вспомянула объ оскудѣннхъ плодахъ вѣры

и, какъ на особенную вредность для церкви, — указала на неудачную попытку графа Толстого ввести, вмѣсто нынѣшняго безконтрольнаго консисторско-архіерейскаго суда, — судъ въ другой формѣ, — болѣе правильной и болѣе защищающей личность отъ произвола.

На этомъ разыгралось дѣло, доведенное только до того, что поспорившія стороны высказались и замолчали: московская газета осталась при своемъ мнѣніи, а петербургскія — при своемъ; дѣло же не подвинулось ни на волосъ, да даже едва ли и уяснилось для публики, которой, однако, необходимо имѣть о немъ вѣрное понятіе. Правда, «Церк.-Общ. Вѣстникъ», возражая «Современнымъ Извѣстіямъ», далъ хорошій отвѣтъ на нападки московской газеты и указалъ, что нынѣшній закрытый консисторско-архіерейскій судъ не только во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ, но и не согласенъ съ древнею церковною практикою; но всѣ эти доказательства, — убѣдительныя и вѣскія для людей свѣдущихъ, — большинству публики почти совсѣмъ недоступны. Кто у насъ знаетъ законы? кто знакомъ съ старою церковною практикою? Такихъ людей очень немного въ духовенствѣ и почти совсѣмъ нѣтъ въ публикѣ. А между тѣмъ, то, что мы, по обыкновенію, называемъ публикою, есть, въ извѣстномъ смыслѣ, та же *церковь*, т.-е. собраніе людей, связанныхъ единствомъ духовныхъ интересовъ, и ради этихъ-то интересовъ, *осмыслить намъ* пристойно знать объ этомъ дѣлѣ и имѣть свое мнѣніе о значеніи нынѣшняго нашего духовнаго суда, такъ какъ отъ него зависитъ клиръ, а отъ хорошаго или дурнаго клира зависитъ развитіе духовной жизни народа, до сихъ поръ еще весьма мало и весьма неудовлетворительно наставленнаго въ христіанскомъ ученіи. Поэтому, мнѣ кажется, не напрасно будетъ предложить общественному вниманію вопросъ о духовномъ судѣ еще въ одной простѣйшей и понятнѣйшей формѣ, въ которой всякому, и незнакому съ канонами, человѣку станутъ понятны недостатки нынѣшняго консисторско-епископскаго суда. Тогда и враги реформъ въ этомъ вопросѣ, и враги всего вообще новаго судопроизводства въ состояніи будутъ сравнить то, за что они стоятъ, съ тѣмъ, что они гонягъ, — и, можетъ-быть, совѣтъ и здравый смыслъ и имъ вложить что-нибудь другое въ сердце. Къ счастью, и, благодаря небольшой дозѣ вниманія, какое мнѣ всегда внушало мое не-

равнодушіе къ церковнымъ дѣламъ, я имѣю возможность предложить объ этомъ не большую, но документальную бесѣду; а непререкаемымъ документомъ, на который я буду ссылаться, мнѣ будутъ служить вѣдомости одной епархіи, издающіяся не совсѣмъ такъ, какъ издаются вѣдомости прочихъ епархіи. Я говорю о «Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ принято не дѣлать секрета изъ судебныхъ рѣшеній, постановляемыхъ епархіальною властью о преступленіяхъ и проступкахъ мѣстнаго духовенства.

Находи эти краткія отмѣтки самымъ живымъ и интереснымъ матеріаломъ для сужденій о достоинствахъ духовнаго суда, я имѣлъ терпѣніе четыре года къ-ряду слѣдить за этимъ судомъ въ Великомъ-Новгородѣ и дождался, что теперь мои замѣтки могутъ пригодиться въ дѣло.

Пропуская безконечныя штрафовки духовныхъ за пьянство, беремъ только тѣ случаи, которые намъ кажутся болѣе замѣчательными и характерными, какъ по роду вины, такъ и по формѣ наказаній.

Рисофорная послушница Горицкаго женскаго монастыря Августа, за неодобрительное поведеніе, уволена изъ обители и обращена въ первобытное званіе. Діаконъ дворецкой церкви Крутяковъ запрещенъ за нетрезвость. Боровичскаго уѣзда священникъ Василій Знаменскій запрещенъ за нетрезвость, несправность и неблагочиніе.

Такимъ образомъ, простая нетрезвость и нетрезвость, соединенная съ несправностью и неблагочиніемъ, при всей совокупности преступленій, наказываются *одинаково*. Почему это такъ—объясненій, конечно, нѣтъ. *Благочинный*, старорусскій протоіерей Ѳеодоръ Барсовъ, по дѣлу о недоставленіи имъ 21 проц. сбора, въ размѣрѣ 809 р., удаленъ отъ благочиннической должности. Здѣсь уже надо замѣтить, что преступленіемъ является *растрата*, за что удаленіе отъ должности не есть надлежащее наказаніе по русскимъ законамъ.

Пономарь черновскаго собора, Вознесенскій, отрѣшенъ за крайнюю нетрезвость. Благочинный устюженскаго уѣзда, священникъ Алексѣй Владимірскій, за нетрезвость и оскорбленіе помѣщика, отрѣшенъ отъ должности благочиннаго и посланъ въ Моденскій монастырь, а потомъ опять на прежнее мѣсто. Счелъ ли обиженный помѣщикъ это достаточ-

нымъ возмездіемъ за свою обиду—не видно. Но, во всякомъ случаѣ, ясно, что монастырь здѣсь замѣняетъ тюрьму, — что совсѣмъ съ учрежденіемъ монастырей несогласно, да и никакъ не отвѣчаетъ ихъ назначенію.

Однако, впереди мы съ этимъ фактомъ будемъ встрѣчаться очень часто.

Священникъ В. Быстровъ, за служеніе молебновъ иногда въ нетрезвомъ видѣ, за отказы въ требосправленіяхъ и нетрезвость, — въ Клонскій монастырь, а потомъ опять на мѣсто. Дьячокъ Конст. Богословскій, за самовольное израсходованіе братскихъ доходовъ, нетрезвость, ущущенія по службѣ и разгульную жизнь въ сообществѣ крестьянъ и женщинъ неодобрительнаго поведенія, назначенъ къ отрѣшенію. Священникъ Александроневскій, за нетрезвость — въ Кирилловъ монастырь, а потомъ обратно на мѣсто. Дьячокъ Н. Косинскій за то, что, несмотря на присужденное наказаніе и сдѣланную милость (отсрочку наказанія), вновь предался нетрезвости и *учинилъ въ церкви во время богослуженія безчиніе*, — въ монастырь, а потомъ — на прежнее мѣсто. Если бы «учинилъ въ церкви безчиніе» мірянинъ, то онъ едва ли не былъ бы лишень правъ состоянія и сосланъ; но духовному лицу — наказаніе меньше. Церковникъ, который долженъ подавать мірянину примѣръ благочестія, за буянство въ церкви наказывается только однимъ пребываніемъ въ монастырѣ... Этого уже никакъ понять нельзя, и обыкновеннымъ разсужденіемъ невозможно признать ни за справедливое, ни за цѣлесообразное. Но есть впереди нѣчто еще болѣе неслѣоятное: этотъ же церковный дебоширъ, послѣ пребыванія въ монастырѣ, *возвращается «ни прежнее мѣсто»*... Хотѣлось бы спросить, можетъ ли все это не служить къ соблазну бѣдныхъ прихожанъ, безобразному пьянству которыхъ часто дивуются, забывая, что ихъ первые въ томъ учителя — *духовенство*.

Дьячокъ Усердовъ, за нетрезвость, многократныя оскорбленія священника, сопровождавшіяся *грубою бранью* — въ монастырь и на прежнее мѣсто — конечно, опять при томъ же самомъ священникѣ. Иначе, конечно, нельзя думать, такъ какъ смѣстить священника было бы еще высшею несообразностію. Но не угодно ли кому-нибудь представить себѣ, каково было потомъ положеніе этого оскорбленнаго священника, котораго опять свели вмѣстѣ съ его обидчикомъ-дьяч-

комъ... Кому, для чего и въ какихъ цѣляхъ это могло казаться необходимымъ и наилучшимъ?

Но продолжаемъ наши сухія выписки: іеродіаконъ Кирилловскаго монастыря Савватій, за нетрезвость и *безчинство, произведенное въ церкви во время богослуженія*—запрещенъ до раскаянія и посланъ въ другой монастырь. Дьячокъ Литовскій, за нетрезвость, въ каковой иногда присутствовалъ при богослуженіи—въ монастырь и на прежнее мѣсто. Псаломщикъ Бальзаминовъ, за крайнюю нетрезвость и *неприличное веденіе себя въ храмѣ, сопровождавшееся прекращеніемъ богослуженія*,—въ монастырь и на другое мѣсто (1876 г.).

Вотъ случай изъ новгородскихъ епархіальныхъ хроникъ 1879 года.

Понамарь Волковъ, за бродяжничество, грубости и несправность отрѣшенъ, съ правомъ искать другого мѣста. Бродига «съ правомъ» искать мѣста церковника,—это уже что-то феноменальное и едва ли сообразное съ какимъ бы то ни было понятіемъ о правахъ, достоинствахъ, законѣ и чести.

Діаконъ Викторъ Орловъ, за нарушеніе долга подчиненности, порядка и благочинія «принадородно» въ храмѣ, во время литургій, и за насильственное держаніе у себя церковныхъ документовъ—въ причетники, впродъ до раскаянія. Понамарь Свѣтловъ, за распространеніе ложныхъ слуховъ, обманъ и по подозрѣнію въ похищеніи документовъ—въ монастырь съ переходомъ на другое мѣсто.

Наказаніе «*по подозрѣнію*»—въ новѣйшее время—вещь невѣроятная. Средневѣковая инквизиція и наша жестокая юрисдикція XVIII вѣка—и тѣ добивались доказательствъ или признанія, хотя бы *вымученнаго*. Оставляемыхъ же въ подозрѣніи по XV т. св. зак. *не наказывали*.

Священникъ Быстровъ (о которомъ выше, въ хроникахъ 1876 года, сказано, что онъ служилъ молебны въ нетрезвомъ видѣ и отказывалъ въ исполненіи требъ, за что и былъ въ монастырѣ), послѣ исправленія его въ монастырѣ, вновь священнодѣйствуетъ и вновь судится «за пролитіе св. даровъ, сопровождавшееся, притомъ, явнымъ невниманіемъ къ величайшей святынѣ». Какоже же наказаніе положено этому рецидивисту храмовыхъ безчинствъ? Онъ «удаленъ отъ мѣста

въ Блазнихъ съ предоставленіемъ права искать себѣ другого священническаго мѣста»...

Испр. должность псаломщика Земляничинъ, за нетрезвость, неисправность, неприличное поведеніе себя въ храмѣ, «какъ и прежде сего неоднократно судимый за предосудительные поступки», отрѣшенъ отъ мѣста съ предоставленіемъ права пріискивать себѣ другое (!). Св. Любальской церкви, священникъ о. Травлинскій, за повѣчаніе князя Дондукова-Корсакова съ Ильиною безъ соблюденія предбрачныхъ предосторожностей, за допущеніе неправильностей при другихъ бракахъ и «оскорбленіе благочиннаго при исполненіи имъ обязанности своей въ *нетрезвомъ видѣ*»,—на полтора мѣсяца въ монастырь. Просвирня Екатерина Пальмова за небрежное печеніе просфоръ, неумѣренное расходованіе церковной муки на нихъ, непокорность и непочтительность къ священнику, уволена и вакансія ея закрыта, съ возложеніемъ обязанности заготовленія просфоръ на мѣстнаго священника. Свящ. Любомудровъ, за служеніе молебна въ *нетрезвомъ состояніи*—на 2 недѣли въ монастырь. Свящ. гор. Новгорода, Александръ Троицкій, за жестокое обращеніе съ женою, сопровождавшееся то непристойною бранью, то нанесеніемъ побоевъ и за *разбитіе иконъ*—на два года въ причетники.

За чтò и съ какою цѣлью о. Троицкій разбивалъ св. иконы,—въ краткой хроникѣ «Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» не объяснено, но очевидно, что о. Троицкій не принадлежалъ ни къ штундѣ, ни къ иконоборству и ни къ какой иной предосудительной ереси, а содержалъ чистое православіе. Можетъ-быть, онъ просто имѣлъ какое-нибудь личное неудовольствіе на св. иконы, которое и вымещалъ на нихъ «разбитіемъ». Это въ православномъ мірѣ неоднократно случалось. Еретики, въ родѣ штундистовъ, отвергающіе поклоненіе иконамъ, обыкновенно выносятъ ихъ изъ домовъ, въ церкви или «пускаютъ на воду», по текучимъ рѣкамъ, но повреждать ихъ избѣгаютъ. Православныхъ же мірянъ, которымъ приходитъ такая фантазія, за это лишаютъ правъ состоянія и ссылаютъ; но священникъ, который подаетъ такой примѣръ, какъ видимъ, остается при храмѣ церковникомъ и потомъ можетъ опять священнодѣйствовать. (Во II томѣ сборника г. Любавскаго, есть интересное въ этомъ родѣ дѣло о рядовомъ Карпѣ Ор-

ловѣ, который тоже, возымѣвъ личность къ иконамъ и взойдя въ церковь села Перелеть, началъ стрѣлять по иконостасу изъ казеннаго ружья. Онъ пришелъ для этого съ большимъ запасомъ патроновъ въ сумкѣ. Происшествіе это, какъ видно изъ книги г. Любавскаго, считалось дѣломъ особой важности. Клининевскій епископъ писалъ объ этомъ свѣтскимъ властямъ и началось «секретное» дѣло, которое окончилось тѣмъ, что рядовой Орловъ оказался сумасшедшимъ и посаженъ въ домъ умалишенныхъ).

Дьяч. Вл. Сперанскій, за отмѣтку въ исповѣдныхъ росписяхъ такого лица, которое не исповѣдывалось и не причащалось, за упрекъ священника въ присвоеніи 25 р. и «за чтеніе однажды апостола довольно безобразно» — на 1 мѣсяць въ монастырь. Въ чемъ заключается безобразіе — не объяснено, но отмѣтка по росписямъ того, чего не было, есть *подлогъ по службѣ*, а за подлогъ ни на какомъ судѣ нельзя отдѣлаться мѣсяцемъ пребыванія въ монастырѣ. Случай этотъ имѣетъ такой видъ, какъ будто одному духовенству принадлежитъ какое-то исключительное право дѣлать подлоги почти безотвѣтственно.

Дьяч. Ловцовъ за «названіе понамаря неприличными словами *принародно*», въ бытность за вечерней въ не совѣмъ трезвомъ видѣ и, вообще, за употребленіе спиртныхъ напитковъ — на 1 мѣсяць въ монастырь.

Замѣчательно, что за подлогъ и за простую пьяную перебранку въ этихъ двухъ, рядомъ стоящихъ случаяхъ, назначено одинаковое наказаніе!..

Дьяч. Вихровъ, «за оскорбленіе священника *грубобраними* словами въ нетрезвомъ видѣ» — въ монастырь на 1 мѣсяць. Понамарь Цвѣтковъ за крайнюю нетрезвость, утайку братскихъ и церковныхъ денегъ, «проматываніе собственныхъ вещей» (такого преступленія, какъ «проматываніе *собственныхъ* вещей», нѣтъ въ уголовномъ кодексѣ; вѣроятно, это отнесено къ *расточительству*) и какъ не подающій надежды на исправленіе, отрѣшенъ навсегда. Дьяч. Ставровскій, неоднократно подвергавшійся суду и вновь уличенный въ тѣхъ же поступкахъ, «какъ рекомендуемый, поведенія *только хорошаго*» (надо имѣть отмѣтку «*препозрѣваемаго*» или *постоянно тщательнаго*) — отставкѣ въ заштатъ. Но при этомъ достойно вниманія, что и товарищъ дьячка Ставровскаго, аттестовавшася въ поведеніи до-

вольпо хорошесть, дячокъ Фортунатовъ, былъ тоже отмын-ный молодець и одновременно посланъ на полтора мѣсяца въ монастырь «за личныя оскорбленія священника...» Можно себѣ представить положеніе священника, который одинъ въ селѣ долженъ былъ служить съ такими двумя хватами «довольно одобрительнаго поведенія»!..

Лѣтопись 1878 года начинается съ лица женскаго пола. Монахиня Хіонія, за подачу безымяннаго доноса, заключающаго въ себѣ оскорбительныя выраженія для чести вновь избранной игуменьи, запрещено (временно) ношеніе мантии и клобука. Иеромонахъ Св. Духова монастыря Варлаамъ, за нетрезвость, сопровождаемую *соблазномъ для монастырской братіи и для жителей города*, запрещенъ на 1 м. и перемѣщенъ въ Перекомскій монастырь. Причетникъ Тихоміровъ, по поводу *тяжкаго оскорбленія* священника въ храмѣ и притомъ *въ церковномъ облаченіи* — устранилъ отъ исполненія обязанностей, «въ виду *неудовольствій* со священникомъ, которыя зашли слишкомъ далеко, и въ предотвращеніе на будущее время *скандаловъ въ церкви*». Каждый знаетъ, какое тяжкое наказаніе ожидало бы того мірянина, который поднялъ бы руку въ церкви на священника въ облаченіи, но дячку и такая расправа по енархіальному суду стѣить не тяжело «устраненія, въ предотвращеніе скандалевъ».

Этимъ можно не возмущаться только съ нашею русскою привычкою ничѣмъ не возмущаться, но стоять за таковыя рѣшенія, кажется, рѣшительно невозможно. Испр. должность псаломщика Лебедевъ, за похищеніе денегъ, собранныхъ въ пользу герцеговицевъ—въ монастырь на 1½ мѣсяца. Такому же самому наказанію подвергнуть дяконъ Локотскій—«за наклонность къ винбнитію», а понамарь Виноградовъ—«за недоставленіе на проскомидію просфоръ, за употребленіе хмѣльныхъ нашпковъ, за дозволеніе себѣ бушевать въ своемъ домѣ и за произнесеніе скверноматерныхъ словъ».

Всѣ эти очень разнохарактерныя провинности, какъ будто, одинаково вѣсятъ на вѣсахъ духовнаго правосудія: воровство, мошенничество и виновеніе! Иеродіаконъ нилосорской пустыни, какъ неблагонадежный для монастырской жизни по своему поведенію, — исключается. Священникъ Моревъ, за ссору въ церкви, *недопущеніе одного крестьян-*

лина приложится ко кресту и за употребленіе грубыхъ, ругательныхъ словъ — на 1 мѣсяць въ монастырь. Священникъ Тюльпановъ за служеніе молебновъ и хожденіе съ иконами въ нетрезвомъ видѣ, а также (тутъ только и начинается) за допущеніе въ служеніи *неприличій* (?) и за то, что «потерялъ мурницу» и «совершилъ крещеніе двухъ младенцевъ въ нетрезвомъ видѣ и, притомъ, безъ мурно-мазанія и съ опущеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ», — въ монастырь на 3 мѣсяца. Весьма интересный представляется отсюда вопросъ: поправлено ли, и какимъ именно образомъ, священное тайнодѣйствіе, совершенное этимъ пьянымъ тайностроителемъ? — Это не объяснено. А между тѣмъ возможно, что несчастный христіанинъ, у купели котораго іерей Тюльпановъ произвелъ описанныя унущенія и безчинства, придя въ возрастъ, услышитъ на это насмѣшки и попреки и позоветъ къ суду *кого-то*, не озаботившагося своевременно исправить его крещеную репутацію. Это уже было въ церковной практикѣ и еще *можетъ повториться* (напоминаю исторію о *некрещеномъ попѣ*).

Исправляющій должность дьячка Лавровъ, за нанесеніе побоевъ одному лицу, стрѣлянне изъ ружья, прибытіе въ храмъ въ *одной рубашкѣ*, и проч., и проч. — уволенъ отъ должности, и только!.. Знаменитому протопопу Аввакуму подобный фарсъ обошелся гораздо дороже.

Исправляющій должность псаломщика Добряковъ, «за неблагоповеденіе», отрѣшенъ отъ мѣста. Такимъ образомъ, простое «неблагоповеденіе» и «стрѣлянне» пошли по одной категоріи? *). Священникъ, за повѣнчаніе вторымъ бракомъ прежде расторженія перваго — въ монастырь на 3 мѣсяца, а съ іеромонаха Иоасафа, за пьянство, снята на время монашеская одежда.

Столько интересныхъ для судебныхъ соображеній случаевъ, сколько мы выписали, даетъ всего за четыре года только *одна* епархія, и притомъ не самая многочисленная. Всѣ болѣе мелкіе случаи, подъ рядъ состоящіе въ одномъ пьянствѣ и «неблагоповеденіи», — я не выписываю и не считаю; иѣтъ въ моемъ счетѣ и проступковъ, въ родѣ кражи коровъ и мошенничествъ, учиненныхъ духовными лицами,

*) Мнѣ кажется, что 1878 годъ, можетъ-быть, начинается съ этого мѣста. Въ моихъ выпискахъ это неаккуратно отмѣчено: годы 1877 и 1878 немножко смѣшаны, но факты, разумѣется, вѣрны.

по поданнымъ за эти дѣла свѣтскому суду, причемъ судъ духовнаго вѣдомства обыкновенно только сгнѣнить съ рукъ виноватаго посредствомъ исключенія его изъ духовнаго званія. Объ этихъ двухъ категорiяхъ скажемъ лишь вообще, что случаевъ соблазнительнаго пьянства чрезвычайно много, а подсудимость у свѣтскихъ судовъ — довольно рѣдка. Кажется, она имѣетъ мѣсто только, какъ явленiе исключительное, при такихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, духовное лицо прямо изловлено мiрскою властью на воровствѣ коровы. Если же что-нибудь подобное попадетъ на судъ духовный, то, несмотря на уголовный характеръ, едва ли не кончится монастыремъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что множество случаевъ съ подлогами въ документахъ, святотатствомъ, буйствомъ, нарушенiемъ благочинiя и порядка въ храмахъ, а также съ нанесенiемъ побоевъ равнымъ и старшимъ и убитковъ кому понало — въ противность русскимъ законамъ, обязательнымъ для всѣхъ русскихъ подданныхъ, для дебошировъ, пьяницъ и мошенниковъ духовнаго званiя обходится болѣе или менѣе продолжительными молитвами и благоугодными трудами въ мирныхъ обителяхъ. Давнишнiя просьбы и воздыханiя многихъ настоятелей о томъ, чтобы перестали считать ихъ монастыри исправительными заведенiями осторожнаго характера, ни къ чему не повели и не ведутъ.

«Не слышать,—видятъ и не знаютъ!»

А если все это такъ идетъ по одной новгородской епархiи,—по епархiи самой близкой къ столицѣ и имѣющей съ нею неразрывную связь въ лицѣ главнаго епархiальнаго начальника, то, кажется, волюгѣ позволительно предположить, что и во всѣхъ другихъ епархiяхъ на всѣ подобныя дѣла едва ли существуетъ лучший взглядъ и болѣе совершенные порядки. Если же допустить то, что и слѣдуетъ допустить, т.-е. что новгородская епархiя, подвѣдомая с.-петербургскому митрополиту, не хуже всѣхъ прочихъ епархiй въ Россiи и что обнаруженный здѣсь порядокъ имѣетъ свое мѣсто повсюду, то мы получимъ возможность судить о разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ *какъ объ образцѣ явленiй, общихъ всей современной Россiи*. И тогда станетъ ясно, что порядокъ этотъ нельзя признать удовлетворительнымъ, а затѣмъ, что нельзя не сожалѣть и о томъ, что въ недавней порѣ вопросъ о церковно-судебной реформѣ у насъ

былъ такъ торопливо стерть съ очереди, какъ нѣчто не-своевременное и для насъ совершенно излишнее.

Тутъ и выдвигается на видъ только-что сошедшая съ перваго плана личность графа Д. А. Толстого и становится необходимымъ сдѣлать нѣкоторую характеристику общихъ отношеній къ дѣлу духовнаго суда, недостатки коего бывшій оберъ-прокуроръ, конечно, понималъ, настойчиво желая учредить иной судъ.

Съ самаго перваго движенія графа Толстого къ пересмотру духовнаго вопроса, онъ не встрѣтилъ ни сочувствія, ни поддержки; *всѣ* имъ были недовольны: одни за то, что графъ «подбирается подъ епископовъ»,—другіе за то, что *онъ* взялся за это дѣло. Въ томъ, что за дѣло это взялся «*онъ*», а не кто иной, видѣли вѣрное ручательство, что оно «провалится».

Такъ, разумѣется, и вышло, и этому безразсудно радовались,—только уже не *всѣ*: были люди, которые понимали дѣло серьезно и начинали сожалѣть, что личные чувства къ графу Толстому получили слишкомъ большое значеніе.

Лучшіе люди въ нашемъ духовенствѣ, не стоя на сторонѣ графа Д. А. Толстого,—который сдѣлалъ, кажется, все, отъ него зависѣвшее, чтобы его не укоряли въ исканіи людскаго расположенія, — въ этомъ дѣлѣ глубоко сожалѣли о томъ, какъ далеко зашла враждебность, какую возбудилъ противъ себя этотъ сановникъ, говори о которомъ можно припоминать пословицу: «гнулъ, не парилъ, — сломалъ, не тужилъ». Въ духовенствѣ пророчили и не ошибались, что вопросъ о судебной реформѣ погибнетъ, именно потому, что его проводить нелюбимый гр. Дмитрій Андреевичъ Толстой. Но *всѣ* знали, что правда была на его сторонѣ, что нынѣшній духовный судъ не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворять требованій справедливости. Въ знаменитыхъ, въ свое время, возраженіяхъ волынскаго архіепископа Агаангела, въ которыхъ свѣтскіе клерикалы усматривали манну небесную, — духовные видѣли болѣе непосредственности, чѣмъ полноты, разносторонности и безпристрастія. Правда, отвѣты арх. Агаангела одобрили и въ духовенствѣ, но не изъ сочувствія мыслямъ пр. Агаангела, а изъ радости, что нашелся хоть одинъ человекъ, который противорѣчитъ графу Толстому, смиряя тѣмъ *всѣмъ* надкучившее его «колкое самовластіе». И, такимъ образомъ,

въ этомъ неосмотрительномъ злорадствѣ люди, вовсе несо-чувствовавшіе неподвижности духовнаго суда, дали своимъ зложеланіемъ перевѣсъ идеямъ этой неподвижности: реформа настоящей надобности была отвергнута, и это было большою радостію для людей, у которыхъ любовь къ родинѣ и ея вѣрѣ и церкви не могла возобладать надъ ихъ личными чувствами къ гр. Толстому.

Итъ спора, что въ постановкѣ дѣла, какъ за него взялся графъ Д. А. Толстой, кажется, было не безъ ошибокъ, и даже весьма большихъ; но все онѣ могли быть поправлены, а, вмѣсто того, все дѣло было отвергнуто.

Это было конечно хуже, чѣмъ все ошибки графа въ его предположеніяхъ о реформѣ. Теперь объ этомъ вспомнили при отставкѣ графа Толстого; но вспомнять и еще не одинъ разъ.

Такъ-называемый консерватизмъ, чаще всего у насъ сходящійся съ полною косностію, недавно дошелъ было до того, что наши пустосвяты были склонны видѣть зло въ самомъ возрастающемъ вниманіи мірянъ къ дѣламъ церкви. Людямъ этого образа мыслей и о сю пору болѣе нравится то время, когда въ свѣтскомъ обществѣ ни о чемъ церковномъ не разсуждали и исторіи церковной не знали, — архіереевъ угощали анапаснымъ вареньемъ, архимандритовъ — вишневымъ, а поповъ поили чаемъ въ конторѣ или даже въ передней. Но все эти сѣтованія напрасны; пробудившееся вниманіе къ церковнымъ дѣламъ уже не можетъ быть остановлено, да и не добромъ помянетъ христіанскій міръ усилія тѣхъ, которые считаютъ полезнымъ остановить это вниманіе. Оно достойно поддержки, а не противодѣйствія, потому что оно истекаетъ изъ самаго чистаго источника, — изъ любви къ родинѣ и ея вѣрѣ. Вѣра же наша, несомнѣнно, страдаетъ и подвергается самымъ ужаснымъ, почти неслыханнымъ въ христіанствѣ, порицаніямъ не по вліянію «заносныхъ ученій», на которыя мы охочи все сваливать, а по причинамъ, зависящимъ отъ устройства нашей церкви. При чемъ не малаго удивленія достойно, что порицанія эти приходится не только выслушивать отъ жителей странъ образованныхъ, которые имѣютъ показать нѣчто благоуспѣшно-развиваемое и совершенствуемое въ ихъ церковной жизни, но и отъ простодушныхъ невѣждъ, усматривающихъ, конечно по нашей винѣ, нѣкоторый, весьма

для нихъ осязательный вредъ въ христіанствѣ, *какъ въ культѣ*. Примѣровъ тому бездна, и я не стану приводить ихъ въ томъ изобиліи, въ какомъ они очень легко могутъ быть собраны изъ самыхъ достовѣрныхъ хроникъ, но укажу на послѣдній, недавно обнаруженный случай,—по моему мнѣнію, чрезвычайно тяжелый и мучительный для сознанія христіанина. Императорское русское географическое общество недавно издало изслѣдованіе одного своего члена-сотрудника, г. Кузнецова, о черемисахъ. Мы читаемъ въ этой книжечкѣ, что наши давно окрещенные черемисы и въ 1878 году были такіе же язычники, какими были до крещенія... Имъ было какъ-то проповѣдано евангеліе; у нихъ настроены церкви, въ которыхъ есть штаты духовенства; это духовенство совершаетъ крещеніе младенцевъ и ведетъ, конечно, исповѣдныя росписи, въ которыя надо вписываться, чтобы не подпасть отвѣтственности,—а христіанства все нѣтъ какъ нѣтъ... И это еще не самая большая бѣда, что крещеные черемисы до сихъ поръ не сдѣлались христіанами: это у насъ случилось и съ татарами, и съ мордвой, у которой до сихъ поръ во весь развалъ идетъ эпоха двоевѣрія, но вотъ въ чемъ бѣда, что окрещенные черемисы *стали нравственно хуже, чѣмъ были*; что всякій, вынужденный имѣть съ ними дѣло—старается отыскать стараго, не крещенаго черемиса (изъ тѣхъ, кои отбѣжали крещенія), потому что, по общему наблюденію, у некрещеныхъ больше совѣстливости... Этого оскорбленія святѣйшей религіи Христа не можетъ не поставить намъ въ вину вселенское христіанство! О своемъ же, крещеномъ поколѣніи черемисы самаго невыгоднаго мнѣнія; да иначе не можетъ и быть. Это окрещенное, но ничему въ христіанствѣ не наставленное поколѣніе, какъ свидѣтельствуешь та же книга, изданная императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ (стр. 6), «относительно христіанства столь же невѣжественно, какъ ихъ отцы и дѣды, а къ язычеству оно успѣло охладѣть, потому что представители его рѣдѣють. Теперь можно изъ подростнаго поколѣнія встрѣтить такихъ, которые *не придерживаются никакой религіи*»... Вотъ положеніе, которое едва ли нельзя назвать *водвореніемъ религіознаго нигилизма посредствомъ крещенія*. А это заявлено твердо и никѣмъ не опровергнуто, и, хотя или не-хотя, ему, очевидно, приходится вѣрить и съ нимъ соображаться. Принималъ же въ

расчетъ, что такое явленіе далеко не единично, его надо считать важнымъ и требующимъ самыхъ скорыхъ и самыхъ энергическихъ мѣръ къ всестороннему поправленію церковнаго дѣла. И *скорого* непремѣнно потому, что церковная бѣда не ждетъ. Мнѣніе это есть едва ли не общее мнѣніе всей церкви,—кромѣ тѣхъ, которые свои вкусы предпочитаютъ истинамъ Евангелія. Литература, во всѣхъ ея органахъ, которыхъ нельзя считать противународными и противувѣрными, неустанно твердитъ объ этомъ почти въ одно слово. Недавно еще всѣ мы читали рядъ правдивыхъ и талантливыхъ статей г. Евгенія Маркова о нашемъ «крещеномъ язычествѣ»,—а теперь, когда уже дописывается эта статья, получаемъ Юньскую книгу журнала «Русская Рѣчь», гдѣ съ религиозными вопросами обращаются почтительно и бережно. И здѣсь, въ интересномъ этюдѣ о духовенствѣ, снова читаемъ, что вопросъ о немъ «нельзя откладывать, такъ какъ отъ этого зависитъ подъемъ того жалкаго состоянія, въ какомъ находится большинство нашего духовенства. Вопросъ о свободѣ совѣсти тоже не ждетъ, и горе, если онъ рѣшится ранѣе преобразованія духовенства».

Какія же мѣры въ этомъ положеніи могутъ казаться самыми надежными и дѣйствительными? Ихъ, кажется, двѣ: 1) лучшее обезпеченіе православнаго духовенства, при которомъ оно не было бы вынуждено прибѣгать къ унижительнымъ поборамъ, роняющимъ его во мнѣніи прихожанъ, и 2) болѣе совершенный судъ, при коемъ правый человекъ могъ бы безтрепетно доказать свою правоту, а виновный принять наказаніе, сообразное дѣйствительной мѣрѣ его вины, какъ слѣдуетъ по закону, а не по произволу.

Улучшеніе быта, конечно, требуетъ очень большихъ средствъ, въ изысканіи которыхъ *на дѣло* мы бываемъ особенно несчастливы. Духовное вѣдомство очень богато,—но оно сонно и любитъ неприкосновенность своихъ капиталовъ. А потому вопросъ объ обезпеченіи служащаго духовенства есть вопросъ очень сложный и очень трудный для удовлетворенія. Ему, вѣроятно, еще долго будетъ мѣшать наша бѣдность, почти неизбежная при нашей системѣ государственнаго хозяйства, въ которомъ господствуетъ сильное смѣшеніе въ понятіяхъ о нужномъ и ненужномъ. Но судебная реформа гораздо удобоисполнимѣе, такъ какъ ее

можно произвести при несравненно меньшихъ капитальныхъ затратахъ,—для этого нужны только здравый умъ и добрая воля вывести дѣло изъ нынѣшняго волюнъ непригоднаго положенія. А между тѣмъ, одна ужъ эта реформа, произведенная удовлетворительно, помогла бы духовенству стать независимѣе отъ принижающаго его произвола... Судебная реформа помогла бы духовенству очистить свою среду отъ тѣхъ людей, которые своимъ поведеніемъ не только рожаютъ все духовное званіе, но даже унижаютъ имъ челоуѣка, и, несмотря на все это, терпимы въ духовенствѣ къ соблазну всѣхъ прихожанъ, стремящихся бѣжать отъ такихъ настырей въ какое попало разповѣріе. А въ то же время сознаніе свободы отъ нынѣшняго произвола привлекло бы къ служенію церкви многихъ благороднѣйшихъ молодыхъ людей духовнаго званія, которые нынче до такой степени нибко бѣгутъ отъ своей среды, что потребовались особыя и, очевидно, совершенно бесполезныя мѣры къ удержанію ихъ въ духовномъ званіи.

Къ чему приведетъ подобная мѣра, — понять не трудно: вакантныя мѣста будутъ замѣнены, но кѣмъ, какими людьми?

Указанія на эти вещи наглые люди нынче приравниваютъ къ нигилизму и даже къ «бунтарству». Пусть такъ, пусть ханжеское лицемѣріе или глупость говорятъ, что позволяетъ имъ ихъ бѣдный (мысль и прожженная совѣсть; но имъ никогда не удастся убѣдить разсудительныхъ людей, что сдавленность, въ которой наше духовенство утрачиваетъ свои достоинства, есть наилучшая форма, навсегда необходимая для нашей церкви. Пусть они считаютъ русскую церковь обреченною окаменѣть, на чемъ она разъ стала, но мы имѣемъ право считать ее еще живою и способною возродиться и исполнять свое духовное служеніе русскому народу, а потому и говоримъ о ея нуждахъ, съ кѣмъ бы насъ за это ни сравнивали изолтавшіеся хриstopродавцы. Здѣсь нами приведены не разсужденія, а *факты*, и эти факты говорятъ, что духовный судъ судить неудовлетворительно, — что онъ гораздо погрѣшимѣе суда свѣтскаго. Пусть друзья этого суда приведутъ, въ соответственномъ количествѣ, факты иного значенія и восторжествуютъ.

Оглавленіе

XXXV тома.

	стр.
Мелочи архіерейской жизни. (Картинки съ натуры).	3
Приложенія:	
Архіерейскіе объѣзды	141
Епархіальный судъ	159

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Намайд. пр., № 29.

МЕЛОЧИ АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(Картинки съ натуры).

ПРИЛОЖЕНІЯ: РУССКОЕ ТАЙНОБРАЧІЕ.

Тайнобрачіе въ Россіи, несомнѣнно, существуетъ и, притомъ, въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Едва ли въ какомъ-либо общественномъ кружкѣ неизвѣстно хотя одно супружество, сочетаніе котораго не вполне законно или, даже, совсѣмъ противозаконно. А между тѣмъ, всѣ эти браки кѣмъ-то повѣнчаны и гдѣ-то записаны и терпятся «ради слабости человѣческой» и ради страха суровой строгости неподатливаго закона. Наше положеніе таково, что мы какъ бы не можемъ обходиться, не обходя закона. Оттого, кажется, у насъ такъ и велика народная терпимость. Но, тѣмъ не менѣе, наше тайнобрачіе не представляетъ собою чего-нибудь совершенно безшабашнаго и безнравственнаго. Напротивъ, въ немъ замѣтно даже уваженіе русскаго человѣка къ границамъ свободы въ предѣлахъ нравственности и эстетики. Это всего удобнѣе можно наблюдать въ интересной практикѣ, которую выработало русское тайнобрачіе, до сихъ поръ удивительнымъ образомъ пренебрегаемое изслѣдователями нашего народнаго духа въ самыхъ глубокихъ и смѣлыхъ его проявленіяхъ.

За «обиліемъ матеріаловъ», упорно скопляющихся въ нашихъ повременихъ изданіяхъ, изслѣдованіямъ такого рода нѣтъ еще мѣста, и потому приходится касаться ихъ только слегка и издали и, притомъ, по какому пошло случаю и въ какой пошло формѣ.

Я расскажу, что мнѣ известно объ этомъ интересномъ предметѣ, именно, по поводу свадьбы дяди Никса, которая, въ связи съ другимъ случаемъ тайнобрачія въ нашемъ литературномъ кружкѣ, дала мнѣ возможность ознакомиться съ удивительнымъ механизмомъ этого своеобразнаго тайностроительства.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ довелось быть въ одномъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ собралось много разнаго званія людей.

Это относилось уже къ послѣднему времени, которое нѣкто удачно называетъ временемъ «реставраціи упадка правоты». Охота ко всякаго рода трактатамъ и иреніямъ тогда уже прошла, и такъ-называемые образованные люди не находили болѣе удовольствія въ обмѣнѣ мыслей. Мысли были изгнаны изъ обращенія, и все, отъ приткаго поручика до авантажнаго тайнаго совѣтника, обратились къ универсальному русскому средству «убивать время», — *стали за карты*. Литераторы и ученые не отставали отъ явныхъ поручиковъ и тайныхъ совѣтниковъ: и они садились за ломберные столы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и рѣзались съ тѣми самыми чиновниками, на которыхъ недавно еще изливали жгучій ядъ своихъ обличительныхъ сарказмовъ.

Объ эту пору литературный старовѣръ, не приручившій себя къ картамъ, уже составлялъ для хозяевъ извѣстное бремя. Онъ это чувствовалъ и, сознавая свою отсталость отъ современнаго общественнаго прогресса, прятался куда-нибудь «къ чудакамъ». Если же случай застигалъ его врасплохъ среди «новѣйшихъ» людей, онъ снѣшилъ сокращаться и исчезать, не нарушая господствующаго строя занятій.

Въ такомъ положеніи очутился и я на томъ вечерѣ, съ котораго начинаю мое повѣствованіе.

Драгоценными свѣдѣніями въ области этихъ, не имѣющихъ письменной исторіи, событій, я обязанъ духовнику моего гостепріимнаго хозяина, столичному протоіерею, внушительную фигуру котораго описать дано не моему перу.

Онъ появился на пиршествѣ какъ разъ въ то время, когда я собирался оттуда удалиться во-свои, и былъ виновникомъ, что мнѣ это не удалось, — о чемъ я, однако, не жалѣю. Такъ какъ все столики уже были заняты и для подобнаго отца не находилось пристойной партіи, то хозяева

были въ затрудненіи: къ чему имъ пристроить своего почтеннаго духовника, и рѣшили принести ему въ жертву мое неприкашаемое недостоинство.

Съ этою цѣлью меня немилосердно придержали и представили протоіерею съ рекламирующею аттестаціею, какъ автора «дьякона Ахилки».

Но преподобный отецъ сначала былъ неутѣшенъ: подавши мнѣ руку, онъ поправилъ у себя на груди важныя кавалеріи и обратился къ хозяевамъ съ словами горькаго упрека:

— Ахилку мы читали, и кто онаго авторъ — знаемъ, а чтобы своего духовнаго и вѣнчальнаго отца безъ нульки оставить, такъ это можно сдѣлать только совѣмъ забывши законъ.

Но однако потомъ дѣло обошлось и, притомъ, къ неописанному моему удовольствію, потому что я встрѣтилъ въ отцѣ протоіереѣ человека чрезвычайно пріятнаго: умнаго, добраго и большого практика.

Какъ только хозяева устроили его за однимъ столомъ «въ мотью», онъ пересталъ негодовать и, усѣвшись въ мягкомъ креслѣ, позволилъ мнѣ заговорить съ нимъ объ одномъ, нѣкогда сильно меня интересовавшемъ, церковномъ дѣлѣ.

Поводомъ къ разившейся у насъ интересной бесѣдѣ послужило одно чрезвычайно казусное событіе, о которомъ въ свое время много говорили въ русской печати, но никогда не коснулись того, что въ этомъ было самаго возмутительнаго и самаго интереснаго и прямо било въ глаза.

Одинъ довольно извѣстный въ свое время литераторъ принималъ къ себѣ въ домъ тоже довольно извѣстнаго педагога. Они были друзья, но потомъ поссорились, и педагогъ поступилъ непедагогично: онъ сдѣлалъ на своего гостепріимнаго товарища доносъ съ цѣлью доказать, что особа, почитаемая за жену этого писателя, совѣмъ ему не жена, и дѣти ихъ не могутъ считаться дѣтьми признающаго ихъ отца.

Ежедневныя газеты занимались этимъ дѣломъ съ одной общедоступной стороны, — именно, со стороны «скандала въ благородномъ семействѣ», и притомъ въ такомъ семействѣ, глава котораго принадлежалъ не къ фаворитному изъ тогдашнихъ направленій. Болѣе достойнаго вниманія въ этомъ

дѣлѣ печать ничего не усмотрѣла, но я позволю себѣ теперь, въ запоздалый слѣдъ, указать то, что тутъ составляло самый важный интересъ и было пропущено.

Супружество, о которомъ сдѣлалъ доносъ педагогъ, дѣйствительно было не изъ законныхъ, но оно, во всякомъ дѣлѣ, было супружество вѣнчанное или, какъ говорятъ иные, «въ церкви пѣтое». А между тѣмъ, когда, вслѣдствіе доноса, представилась надобность доказать вѣнчаніе, то объ этомъ нигдѣ не оказалось никакихъ записей и никакого слѣда.

Стояла на землѣ церковь, въ которой все сіе «пѣта бяху», жилъ и наслаждался полнымъ благоденствіемъ батюшка, который призывалъ на брачавшихся Божіе благословеніе, даже и дьячокъ игралъ на гитарѣ точно въ тотъ день, когда новобрачный записывалъ у него въ церковной квартирѣ свой «обыскъ», но теперь выходило, что всего этого никогда не было, что ни батюшка, ни дьячокъ этихъ супруговъ никогда не вѣнчали и, — что всего важнѣе, — въ обыскной книгѣ, дѣйствительно, *ничего не записано*.

Приняты были самыя энергическія и настойчивыя попытки разоблачить эту таинственнѣйшую продѣлку и доказать фактъ вѣнчанія, но все оказалось безуспѣшно. Между тѣмъ, бракъ, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ, — въ этомъ со всею искренностью ручались оба супруга, и очень престарѣлая мать одного изъ нихъ, *лично сидѣвшая* во время совершенія брачнаго обряда въ церкви. Но куда же это исчезло изъ обыскныхъ книгъ церкви и гдѣ брачное свидѣтельство, которое должно быть у каждой обвѣнчанной пары?

Его не было.

Почему?

Жена въ этомъ случаѣ ссылалась на мужа, а мужъ на свою олонность.

Все это было какъ-то темно и маловѣроятно.

Въ родствѣ у супруговъ оказался очень проицательный и ловкій адвокатъ московской заправки, котораго такъ и звали «московскій пекарь». Пекаря выписали и пустили въ ходъ, но онъ мѣсилъ, мѣсилъ въ этой дежѣ и ничего не вымѣсилъ... Концы были такъ похоронены, что ни одного изъ нихъ нельзя было отыскать.

Долго адвокатъ рылся въ архивахъ, много рыскалъ по

разнымъ мѣстамъ, отыскивая свидѣтелей, которые подписывали поручительныя записи въ обыскной книгѣ, но ни одного изъ нихъ нигдѣ не отыскали. Обращались, помнится, къ содѣйствию особыхъ властей, но и тѣ ничего не могли, что, впрочемъ, было и неудивительно, потому что ни мужъ, ни жена не знали свидѣтелей, подписавшихъ ихъ обыскную книгу. Супруги увѣрили только, что свидѣтели были и подписывались, но что они были поставлены самимъ батюшкою, который взялся за ихъ дѣло *аккордомъ*, т. е. что и свидѣтели, и пѣвцы,—все будетъ *отъ него*.

— Мы,—говорили супруги:—считали это за самое удобное, а оно вышло вотъ какъ... неудобно.

Добиться подтвержденія отъ батюшки—нечего было и думать: онъ разъ навсегда наотрѣзъ отрѣзалъ, что онъ «лично таковыхъ супруговъ не помнитъ», а потомъ особымъ властямъ довелъ, что онъ и не можетъ помнить всѣхъ, кого онъ вѣнчалъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самихъ этихъ людей,—если они не лгутъ,—ихъ вѣнчаніе происходило десять лѣтъ назадъ, а въ десять лѣтъ воды утечетъ много.

— «Если я ихъ вѣнчалъ,—отвѣчалъ батюшка:—то бракъ ихъ долженъ быть записанъ въ обыскную книгу, и у нихъ должно быть свидѣтельство. Это порядокъ всѣмъ извѣстный, даже не исключая и такихъ безбожниковъ, какъ писатели. А если въ обыскныхъ книгахъ записей нѣтъ и свидѣтельства нѣтъ, такъ, значитъ, вѣнчалъ ихъ не пошь вокругъ аналоя, а зайць вокругъ ракитоваго куста. Опять и это тоже по-литературному, но только пусть они теперь туда и идутъ справки брать. А я, говоритъ, если мнѣ съ этимъ докучать еще будутъ,—за пиворотъ ихъ да къ прокурору стапу, за оклеветаніе».

Ясно было, что батюшка крѣпко кованъ и ничего не боится.

Но что выходило всего хуже, такъ это то, что ветхая старушка, мать одного изъ супруговъ, во всей этой сумятицѣ совсѣмъ сбилась съ толку и стала говорить самый безсвязный вздоръ. Московскій софистъ до того изнурилъ ее, заставляя подробно припоминать всѣ детали событія, что она совсѣмъ все позабыла.

Старушка увѣряла, будто хорошо помнитъ, что, идучи въ церковь, она чуть не выпала изъ саней и такъ прозябла, что сидѣла въ церкви, не снимая шубы, тогда какъ, по показанію супруговъ, выходило, что бракъ ихъ происходилъ

въ іюні. Потомъ супруги говорили, что они перевѣчались за нѣсколько дней до рожденія ихъ старшаго сына, который появился на свѣтъ 2-го іюля, а матушка ихъ помнила, что она тогда, будто, очень спѣшила къ внучку.

Словомъ, выходила путаница, которая только прибавляла досаду къ досадѣ.

Старушка, которую всѣмъ этимъ мучили, думала, думала: какъ ей согласить свою шубу и сани съ іюльской жарой и ея послѣшливость къ внуку прежде его рожденія, и, наконецъ, объявила, что ей забилو пшороки.

— Теперь,—божилась она:—хоть къ присягѣ идти,—ничего не понимаю, что въ самомъ дѣлѣ было и что мнѣ только кажется. Можетъ-быть,—говорить,—я въ санихъ-то точно ѣхала, а про свадьбу вашу мнѣ только такъ кажется. А можетъ-быть я никуда и не ѣздила. Гдѣ это помнить!

Твердыми въ своемъ оставались одни супруги, которыхъ всѣ, ихъ знающіе, считали за людей очень правдивыхъ и честныхъ. Но ихъ показаніе въ своемъ собственномъ дѣлѣ не представляло никакого юридическаго доказательства, да, притомъ, и оно, въ виду всѣхъ другихъ несообразностей, начало казаться страннымъ. Даже московскій адвокатъ, по близкому родству съ супругами, первый готовъ былъ заподозрить основательность ихъ свидѣтельства, а его примѣру послѣдовали другіе. И пока газеты потѣшались насчетъ злополучныхъ супруговъ съ безтактною злобою, которой тѣ нимало не заслуживали, судьба супруговъ и ихъ дѣтей была рѣшена: дѣло было проиграно не только въ надлежащихъ инстанціяхъ, но и въ общественномъ мнѣніи людей, имѣющихъ несчастье подчиняться давленію всякой печатной строчки.

Правда, что добрые знакомые супруговъ послѣ всей этой передрыги отъ нихъ не отшатнулись, а напротивъ, даже еще болѣе о нихъ соболѣзновали; но что касается недоказаннаго вѣчанія, то ему уже положительно болѣе не вѣрили и даже ставили въ упрекъ: зачѣмъ они такъ упорно стоятъ на своей нескусной выдумкѣ?

Но могли ли такъ нагло и такъ упорно лгать эти люди, безусловно честные и безусловно правдивые, какими я ихъ считалъ и имѣю всѣ основанія таковыми же считать ихъ и понынѣ.

Это меня не переставало занимать и дало мнѣ поводъ вызвать скучающаго отца протоіерея на разъясненіе: можетъ ли случиться, чтобы бракъ, обвинанный въ церкви и записанный въ книги, исчезъ безслѣдно, или же все это невозможная ложь?

Батюшка, дай Богъ ему здоровья, все это мнѣ и разъяснилъ и, притомъ, такъ обстоятельно, какъ можетъ разъяснить человѣкъ, стоящій на высотѣ своего пастырскаго призванія и имѣющій умъ тонкій и пронизательный, а знаніе сердца человѣческаго самосовершеннѣйшее.

На мой вопросъ: возможно ли, чтобы безслѣдно исчезъ бракъ, «пѣтый въ церкви», мой собесѣдникъ отвѣчалъ:

— Нынче все возможно.

— Отчего же это только *нынче* стало возможно? Можетъ-быть, и прежде такъ бывало.

— Нѣтъ, прежде такихъ мошенниковъ не было, какъ нынѣшніе. Прежде были разбойники, грабители да воры,— люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Поль и компанія аккордомъ плутуетъ. Да вы это, впрочемъ, по какому случаю меня разспрашиваете?

Я назвалъ случай, т. е. пересказалъ вкратцѣ исторію непостижимаго вѣнчанія литератора Z., который никакъ не могъ доказать, что онъ былъ обвинанъ.

— Слыхалъ,—проговорилъ отецъ протопопъ:—слыхалъ про эту исторію, хотя и не помню гдѣ.

— Не въ газетахъ ли читали?

— Вотъ именно дѣти въ газетахъ гдѣ-то читали, а мнѣ рассказывали.

— Не правда ли, удивительное и непонятное дѣло?

— Отчего же непонятное? И удивительнаго мало, а непонятнаго еще менѣе.

— Однако, что же вы подумали: какъ это могло сдѣлаться?

— Я подумалъ только: должно быть отецъ N. вѣнчалъ.

Это дѣйствительно было такъ, какъ отгадывалъ мой собесѣдникъ, и потому я позволилъ себѣ предложить ему особый вопросъ объ отцѣ N., вѣнчанія котораго отличаются такою характеристическою непрочностью.

— Почему вы узнали, что это вѣнчаніе трудовъ отца N.?

— Вот странный вопрос: а почему вы узнаете работу одного мастера отъ работы другого?

— По красотѣ исполненія, по прочности, иногда по фасону. Но вѣдь это совѣмъ иное.

— То же самое. Отецъ Н. это тоже сихъ дѣлъ портной безъ узелка...

— Извините,—говорю,—я этого не понимаю.

— Чего же вы не понимаете? Что значить «портной безъ узелка»? Значить, что у него нитка въ швѣ не остается, а все насквозь проходить.

— И значить—шва совѣмъ нѣтъ?

— Нѣтъ, или есть—это уже какъ хотите, но только его шовъ не держится.

— Но какая же ему выгода такъ шить?

— Есть выгода.

— Но онъ рискуеть, съ такою манерою шва, остаться со временемъ безъ работы?

— Очень можетъ быть, только это будетъ еще не скоро,—не ранѣе, какъ иже по просвѣщеніи.

— То-есть, когда это «по просвѣщеніи»?

— А когда въ обществѣ распространятся настоящія понятія о *тайнѣ брачія* и люди не будутъ вертѣть этого дѣла какъ попало и съ кѣмъ попало, лишь бы скорѣе да подешевле.

— Да неужто вы полагаете, что тутъ дѣло въ цѣнѣ?

— А разумѣется; по платѣ и шитво: дешевая цѣна,—такая и работа. Нынче, знаете, время такое базарное, ну и предложеніе по запросу: теперь человекъ и любить какъ-нибудь, и вѣнчается какъ-нибудь; беретъ для этого поинишку какого-нибудь, а тогъ его свяжетъ тоже какъ-нибудь. А тамъ, гляди, оно и развязалось.

— Вы, замѣчаю, батюшка, кажется расположены въ пользу старины.

— Нѣтъ-съ, не особенно,—а впрочемъ—какъ въ чемъ и насчетъ чего. Если насчетъ того, будто бы древле было все лучше и дешевле,—такъ я не старовѣрь. А что насчетъ любви и склонности, а также серьезности брачныхъ отношеній, такъ тутъ я дѣйствительно люблю старинныхъ людей. Они, конечно, кое-чего такого, что мы знаемъ, не знали, а ужъ что касается любить, то это они посерьезнѣе насъ умѣли.

— Такъ ли? говорю.

— Да ужъ такъ-съ. Вы вѣдь,—я знаю,—сейчасъ готовы, небось, заговорить про рыцарей. А что за кушанье рыцари?—Это чужь. Нѣтъ, а вы въ глубь вѣковъ погрузитесь, отколѣ ключъ жизни идетъ: тамъ настоящую прелесть любви и найдете.

— Гдѣ же это?

— Въ Библии. Страстная книга: оттого ею многіе инокъ соблазняются. У меня ее разъ инспекторъ изъ рукъ вырвалъ: «начитаешься, говоритъ, женишься захочешь». А онъ хлопоталъ, чтобы я въ монахи пошелъ. Вотъ тамъ любви такъ любовь. Дочери-то человѣческія каково описаны: голенькія, безъ всякихъ нарядовъ, исполнновъ плѣняли.

— Это, говорю, все до-историческое.

— А въ историческомъ-то еще лучше: начнемъ хоть съ отца нашего Іакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина былъ по сердечной части! Вотъ настоящій месо-потамскій рыцарь влюбился въ Рахиль и шесть лѣтъ за нее, сердяга, прослужилъ ся отцу,—да вѣдь какъ отслужилъ: не въ прохладномъ магазинѣ за прилавкомъ, а на полѣ подъ палицимъ солнцемъ. И что же? Его надули, и надули самымъ подлымъ образомъ: ему дурнолицынькую Лию подложили, а онъ впопыхахъ не разобралъ. Винить нельзя: разговоръ вѣрно не было, а впопыхахъ всѣ конки сфрыя. Но вѣдь онъ не унылся:—не потянулъ тестя въ судъ, а еще шесть лѣтъ себя забатрачилъ, чтобы добыть—таки свою зазнобу, и добыть. Такъ вѣдь это-съ человѣкъ—во всемъ значеніи слова, значить *любить*. И женщиноу-то, какъ ей атакое чудеснаго мужчину не полюбить,—потому что хоть пастушокъ, да рыцарь, кавалеръ во весь ростъ и во всю силу. Ну, а нынче что же?.. Все прохвосты,—все приданого нищуть, либо завергать дѣвчонку и уговорить, будто ей стыдно, если мужъ на нее работать станетъ. «Сама, говоритъ, матушка, рукъ не покладай-работай». Это женское равноправіе, видите, называется; хитрость все,—чтобы самому легче было. Снизойдетъ къ ней когда-нибудь вечеромъ, какъ Юпитеръ на ложе, и то если дѣться некуда,—осчастливитъ ее, когда той, бѣднягѣ, уже съ усталости и не до утѣхъ любовныхъ вовсе, а потомъ, на утро, встряхнулся, да и пошелъ опять свои рацеи разводить. А она опять работай, да еще глядишь,—съ шарманочкой. Вотъ ей

и равноправіе. А другой если увозить дѣвушку,—будто ее крадутъ, однимъ словомъ—«тайно вѣнчается», а самъ чоригъ его не разберетъ, что такое онъ этимъ фортеле устраиваетъ; даже, право, не разберешь, для чего это они дѣлаютъ: по любви, или по глупости, или еще того хуже—по подлости, тайнобрачіе ломаютъ.

— Но по какой же подлости-то можетъ быть нужно ломать тайнобрачіе?

— По какой подлости?.. Эхъ, государь мой, еще какіе, когда бъ вы знали, нынче являются на этотъ фасонъ выжиги и какія отхватываютъ колѣнца,—такъ иной разъ просто либо только съ диву дашься и расхохочешься, или прямо вонъ поддеца выгонишь.

— Скажите хоть одинъ примѣръ.

— А вотъ, на примѣръ: подло или не подло сбить съ толку дурочку, которую родные берегутъ и не даютъ обобратъ? Но мнѣ явился разъ съ такою просьбою опекунгъ и въ больномъ чинѣ... ухъ, выжига.

— Вы ихъ обвѣнчали?

— Нѣтъ, я-то не обвѣнчалъ. Я ему сказалъ: «Вы вельможа большая, да я не плутъ большой», а отецъ N и ихъ обвѣнчалъ.

— Но, однако, какъ же онъ: неужели всѣхъ, кого попалю, вѣнчаетъ?

— Рѣшительно кого попалю, но это у него жадность, но привычка отъ отца, потому что его покойникъ отчаянный мастеръ на эти дѣла былъ; только я ихъ не бравлю: тотъ былъ благородень—дорого брать, но и знать, съ кѣмъ подѣлиться. А этотъ какъ гѣзна: все ничкомъ, самъ съ собою,—одинъ только все новыя штуки подлыя выдумываетъ.

— Значитъ, и тутъ, въ тайнобрачіи, замѣчается пониженіе тона и измельчаніе тона?..

— Да вѣдь какъ иначе. Все «идеть со временемъ»,—какъ говоритъ блаженный Августинъ,—«все, освѣщаемое солнцемъ, раздѣляетъ его подвижность, все изнемогаетъ подъ тяжестью вѣковъ». А ужъ нашего брата, пона, тяжести вѣковъ-то давили, давили, да еще и сейчасъ не даютъ ослабы... Въ старину, на примѣръ, тайнобрачіе часто по страху дѣлалось. Мнѣ мой дѣдъ рассказывалъ, какъ онъ въ царствованіе Екатерины одного помѣщика съ насильно увезенной

бойрышней вѣнчать. Взяти дѣдушку обманомъ, изъ дому вызвали, да первое дѣло, благослови Господи, веревочную петлю ему на шею накинули и повели въ церковь. Дѣдушка думалъ:—разбойники,—грабить храмъ хотять, и ключи имъ выставляютъ: «Верите, дескать, все, что хотите,—последнюю ризу съ Царицы небесной снимайте, только мою грѣшную душу пощадите». Но видитъ: помѣщикъ и его люди стоятъ въ церкви и пучки розогъ держатъ. «Вѣнчай, говорятъ, сію минуту, а то заперемъ или на колокольнѣ повѣсимъ».

Дѣдушка былъ уже очень старый старичокъ и до безпамятства перепугался, но одно только вспомнилъ — про архіерея.

— Смилюйтесь, говорить, нашъ архіерей безжалостный,— онъ узнаеть, тогда меня разстрижетъ, и моя старуха-попадья безъ хлѣба околѣеть.

А помѣщикъ отвѣчаетъ:

— Не блекочи, старый баранъ, о пустякахъ: кому онъ архіерей, а кому все равно что ничего. Сейчасъ надѣвай ризу да пойдѣ покороче, за нами погоня скачетъ. Успѣешь обвѣнчать,—я тебѣ за это выгоны цѣлины дамъ и до смерти вашей съ попадьей мѣсячину давать буду, а не сдѣлаешь по-моему, сейчасъ повѣшу.

Дѣдушка поклонился и стать облачатъ, только просить, чтобы съ него петли уже и не снимали, на тотъ конецъ, чтобы все-таки оправданіе было.

— Такъ онъ и вѣнчалъ ихъ въ петлѣ?

— Такъ и вѣнчалъ: впереди вокругъ налюю гайдукъ идетъ и дѣда ведетъ на обрывкѣ, а онъ молодыхъ ведетъ за руки.

— Что же, говорю, сказать?.. Дѣдъ ванъ сдѣлалъ дѣло невеликодунное.

— Чѣмъ-съ?

— Способствовалъ насилію:—вы же сами говорите, что невѣста была взята насильно.

— Да разумѣется, только вѣдь это дѣло-то, государь мой, все подъ петлей шло. Ишь вы захотѣли еще при нашихъ порядкахъ геройства! Героевъ, сударь, вообще на свѣтъ родится немного, да много-то ихъ и не пужно, а особенно на Руси ихъ не требуется. У насъ вѣдь ихъ не жалуютъ. И знаете черезъ что?.. Хлопотно съ ними. Право. Вотъ, посмотрите, напримѣръ, на насъ теперь откуда-нибудь честные люди,—могутъ сказать, зачѣмъ это здѣсь все въ карты

играють, а не занимаются чѣмъ-нибудь серьезнымъ; а займись-ка серьезностью,—скажутъ: что это они засерьезничали: о чемъ закручинились? Или все говорятъ: мало правды на свѣтѣ. И оно точно: ея мало. А начини-ка яному правдолюбцу всю правду-то сказывать, такъ онъ и слушать не станетъ, да еще «безпокойнымъ» прозоветъ. Оттого и нѣтъ правды... А что до духовенства, то попишки наши, конечно, худы, но, повѣрьте, они по нашему времени такіе и надобны. И это не отъ крови, а отъ тьмы вѣка сего,—отъ духовъ злобы поднебесной. Были бы у насъ и не такіе попы, да... говорить только не хочется. А то я, не выходи вотъ изъ этой же самой семейной моей, такъ сказать, хроники, имѣю тому доказательство, что попишки съ огоркомъ у насъ бывали и есть, но только они намъ не годятся и ждетъ ихъ конецъ часто бѣдственный.

Это касается родного брата моего отца и моего дяди, тоже сельскаго священника той же губерніи, откуда все мы родомъ, а начало тому дѣлу восходитъ къ двѣнадцатому году.

Дядюшка, отецъ Алексѣй, былъ старше моего отца и поступилъ на мѣсто того самаго дѣда, который съ веревкою на шеѣ номѣщика-то вѣнчалъ. А былъ онъ человекъ, по тогдашнему времени, новаго поповскаго закада, что называлось «платоновскаго»,—разумѣется, не по Платону-философу, а по митрополиту Платону Левшину, которымъ тогда по семинаріямъ восторгалось не мало пылкихъ и благородныхъ юношей и пламенно старались ему подражать въ высотѣ мысли, въ стойкости права, въ достоинствѣ поведенія и въ благородствѣ чувствъ.

Вотъ такой былъ и дядя, отъ котораго произошелъ на свѣтѣ мой двоюродный братъ.

Священствовать дядя о. Алексѣй началъ незадолго передъ отечественною войною, а въ ту пору въ одно село, его прихода, отъ французовъ прибѣжало изъ Москвы нѣкое семейство чиновничье. Люди были бѣдные, безпристальные и безкровные,—мужъ да жена съ однимъ груднымъ сынишкой. Помѣщикъ, сынъ того же самаго насильника Катеринныхъ временъ, почему-то знавалъ немножко этихъ можайскихъ сиротъ и теперь, въ ихъ тяжкой бѣдѣ, принялъ, но не на радость, а на новое горе. У чиновника жена была

раскрасавица-красавица, изъ московскаго купеческаго рода. Помѣщикъ чиновнику мѣсто гдѣ-то по карантинамъ достать, а жену у себя во флигеляхъ помѣстить, да и воспользовался ея одиночествомъ. Не знаю уже: сталося это волею, или неволею, или своею охотою, а говорили только, будто она сдѣлалась его добычею, хотя при этомъ всегда мужа любила.

Долго ея грѣхъ, разумѣется, не утаился, потому что у помѣщика прежде этого свой крѣпостной гаремъ былъ, и оставшья наложницы все скоро развѣдали и заняли. Особенно одна, какъ сейчасъ помню,—старухою ее мнѣ еще показывали,—она въ такое пришла неистовство, что, вѣроятно изъ мести, стала выкликать объ этомъ въ церкви за обѣдней. Какъ херувимскую пѣснь запоютъ на клиросѣ, она ладанъ почуветь и сейчасъ съ ногъ хлопъ на полъ въ растяжку и пойдетъ причитать обличенія. Всю эту публицистику она вела отъ лица помѣщеннаго, будто, въ нее бѣса... «Сижу, выкликаеть, у Афиьми въ утробѣ, подь горячимъ сердцемъ,—тоской ее мучу ревнивою, а самъ все вижу. Вижу, какъ Самоха съ Давида примѣръ взялъ: Урю на войну услалъ, а къ его Вирсавѣ со грѣхомъ ходитъ. Я то все знаю, и тѣмъ Химкино сердце сушу». Кричитъ, кричитъ этакъ, а потомъ взвостъ: «Ахъ, куда дѣться, куда дѣваться». Жуткость даже этими криками на весь приходъ навела, тѣмъ болѣе, что за нею, по ея примѣру, и другія закликали, и все про ту же бѣдную барыньку, которая можетъ-быть, и сама не рада была, что такого прелестинка у подобныхъ соперницъ отбила.

Шла эта безцензурная гласность до тѣхъ поръ, пока узнать про нее «самъ Самоха» и расправился съ обличительницами по силѣ своей божественной власти,—то-есть, одиѣхъ отечески перепоролъ, а самую главную зачинщицу замуровать въ какой-то чуланъ и держать тамъ чуть не цѣлыхъ десять лѣтъ. А въ это время, разумѣется, невольный грѣхъ барыньки все продолжался, или по крайности такъ о немъ все полагали.

Дядя же, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ зналъ, потому что и чиновникъ, и жена его, да и «самъ Самоха» у него исповѣдывались и, какъ люди вѣрующіе, сами ему все на духу сказывали. А чиновникъ-то даже и не на духу, а такъ, прямо, по пріязни, не разъ ему свое горе открывалъ и

искалъ у него духовнаго утѣшенія. Въ селахъ, вѣдь, попамъ сердечное горе и до сихъ поръ сказываютъ,—особенно если поппкъ не жадеиъ да проеть.

Дядя же былъ человекъ добрый и, въ свою мѣру, благочестивый; его все любили. Онъ и чиновника этого въ его огорченіи добрымъ словомъ пользовалъ: когда бывало ему что-нибудь изъ Евстафія Плакиды привести, или изъ другой трогательной книжечки прочитаетъ, а другой разъ, вечеромъ, съ нимъ домашнихъ наливочекъ попьеть, или въ мушку отъ скуки поиграеть, и такими разнообразными приёмами добраго участія очень успѣлъ его успокоить и примирить съ его положеніемъ. Такъ жили они все лѣтъ пятнадцать, и всякій день, какъ нынѣ въ удивленіе пишутъ, «втроемъ по утрамъ чай пили». Мужъ считался управителемъ и помѣщался на особой половинѣ, а помѣщикъ вблизи къ его супругѣ, утромъ же опять къ чаю трое садятся. Ревности мужъ по привычкѣ уже никакой не чувствовалъ, но только сталъ, горькій, запивать жестоко запоємъ и тогда опять, взволнованный, плакался. Однако и это горе минуло; но настало новое, еще худшее, да и поучительное, поучительное въ томъ смыслѣ, что можетъ показать вамъ, какъ иногда священникъ-то бываетъ высокъ и совѣтливъ, да, къ тому же, и свѣдунъ въ дѣлахъ, ускользающихъ всякаго контроля не только высшей духовной власти, но и самаго закона, который вотще все предузрѣтъ тщится.

У чиновницы съ тѣхъ поръ, какъ она стала по утрамъ втроемъ чай пить, народилось много дѣтей, и въ числѣ оныхъ была одна дочка, красавица-раскрасавица, не хуже матери. Помѣщикъ, лихо его финь, глядѣлъ, глядѣлъ на нее, выбиралъ, выбиралъ ей жениховъ, да вдругъ, въ одинъ прекрасный день, самъ вздумалъ на ней жениться. Законные все претексты были къ тому, что ихъ можно было обвинять, а только дядя, отецъ Алексѣй, больше всехъ законовѣдовъ зналъ: онъ, какъ духовникъ, зналъ грѣхи родительскіе. Да-съ; онъ зналъ, что тутъ незаконнаго:—дѣвочка приходилась дочь жениху,—и какъ дѣло дошло до отца Алексѣя, онъ и уперся.

— Нѣтъ, говорить, не только не могу васъ вѣнчать, но обличаю васъ. Бога убойтесь, сами вѣдь во грѣхѣ каялись, и мать ея каялась: эта дѣвица ваша дочь есть.

Помѣщикъ разсвирѣпѣлъ и покатилъ къ архіерею, а архіерей о ту пору былъ Г—иль. Умный былъ человекъ, но любилъ пожить, а жить было не на что, и потому онъ не всегда себѣ господиномъ выходилъ. Тутъ архіерей видитъ, что дѣло кормное, и сейчасъ вытребовалъ къ себѣ въ О. дядю, отца Алексѣя, и спрашиваетъ:

— Почему ты такого-то помѣщика на такой-то дѣвицѣ не вѣнчаешь? Какія къ тому препятствія?

А отецъ Алексѣй отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вотъ что мнѣ, какъ духовному отцу, извѣстно, и вотъ мои причины и основанія не вѣнчать.

Архіерей задумался, покряхтѣлъ и говоритъ:

— Ишь ты, какъ ты очень много знаешь!—и отослалъ дядю домой, а однако и помѣщику, должно быть, разрѣшенія не далъ, потому что тотъ въ сосѣдней епархіи вѣнчался.

— Что же, говорю, вангъ дядюшка, дѣйствительно, показалъ своего рода героизмъ.

— То-то, героизмъ, зато оно ему худо и вышло. Героизма-то, повторяю, у насъ не жалуютъ. Такъ это, прочтатъ гдѣ-нибудь о героѣ, который дѣйствовалъ при царѣ Горохѣ, или хоть и недавно, да только не на нашей землѣ,—это мы любимъ; а если у себя на дворѣ что-нибудь хоть мало-мальски съ характеромъ заведется, такъ и согнемъ его сами въ три погибели. То было и съ дядею: вмѣсто того, чтобы его взять да перевести на другое мѣсто отъ разлютовавшагося помѣщика,—его взяли да нарочно тамъ и оставили. И что онъ только, бѣдный, вытерпѣлъ въ этомъ загонѣ: на дворѣ его помѣщичій не пускали, собаками псарни не разъ травили, и, наконецъ, до того довели, что онъ съ ума сошелъ и точно, какъ та баба Химка, все бывало спитъ, какъ подстрѣленный голубь, и стонетъ:

— Куда дѣться? Куда дѣваться?

Ужасное это было зрѣлище. Помню его: бывало, дни и ночи все сидитъ въ батрацкой избѣ на холодной печкѣ и все одно жалобно стонетъ:

— Куда дѣться, куда дѣваться

Въ одну сторону метнется, голосить: «Куда дѣться?» и сейчасъ въ другую повернетъ: «Куда дѣваться?» Наслу

Господь его вспомнил: дочернину свадьбу за дьячка спра-
вляли послѣ Крещенія, да за суетами про него позабыли,—
онъ и замерзъ въ холодной избѣ на нетопленной печкѣ.
Утромъ послѣ свадьбы пришли къ нему, а онъ лежитъ
мертвый, скорчившись, и ручку крестомъ сложилъ: вѣрно въ
последнюю минуту въ себя пришелъ и Богу помолился о
себѣ и о своихъ мучителяхъ. Вотъ вамъ и примѣръ нрав-
ственнаго, какъ вы говорите, героизма, и того, чѣмъ онъ
для насъ на Руси увѣнчивается. Жестко, сударь, жестко на
Руси геройствовать...

Разсказчикъ вздохнулъ и добавилъ:—Такъ вотъ съ дѣт-
ства-то видѣвъ это направленіе и эту практику, молодое-то
поколѣніе наше и росло до того возраста, до котораго нынче
выросло, и выработало себѣ, что необходимѣе, именно: не
героизмъ, а практицизмъ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Да въ родѣ нѣкотораго, такъ сказать, самоуправленія,
или, пожалуй, если хотите, самоуправства, но только это,
во-первыхъ, вызвано необходимостію, а во-вторыхъ, и не
совсѣмъ безосновательно и не совсѣмъ безчленно. Даже къ
чести духовенства сказать,—оно во многихъ случаяхъ дѣй-
ствовало весьма человѣколюбиво, а главное—практику вы-
работало, которая хорошо рекомендуетъ духовныхъ и даетъ
полную возможность полагаться на ихъ умъ и нравственное
чувство.

— Но вотъ этого-то, говорю, я и не понимаю: въ чемъ
эта практика и ручательство?

— А въ томъ, что кого не слѣдуетъ вѣнчать, такъ
будьте увѣрены—у насъ не перевѣнчаютъ.

— Не ошибаетесь ли вы, батюшка?

— Нѣтъ-съ, я не ошибаюсь.

— Воздержусь отъ противорѣчія вамъ, а только въ
обществѣ объ этомъ думаютъ иначе.

— «Въ обществѣ!» Нашли на кого ссылаться! Что оно
знаетъ и чего не болтаетъ это такъ-называемое наше об-
щество!

— Ну какъ, говорю, такъ... о всемъ обществѣ...

— А то какъ еще говорить о людяхъ, которые судятъ
и ридятъ о томъ, о чемъ и понятія не имѣютъ? Или до-
казательствъ еще требуете, — такъ они у васъ налицо.
Разберите-ка, вѣнчать или не вѣнчать этотъ писатель Z.,

съ котораго нашъ разговоръ пошелъ, — вотъ и не разберете. Да они даже и сами не разберутъ, потому что въ церковь не ходятъ, служенія никогда не видятъ и не знаютъ, что надъ ними дѣлають: крестятъ ихъ, вѣнчаютъ, или хоронятъ. Ей право, — одичали хуже дикихъ!

И мой собесѣдникъ весело разсмѣялся.

— Но позвольте, — возразить я, слегка уязвленный его насмѣшкою, которая мнѣ все-таки не открывала интересовавшихъ меня практическихъ приѣмовъ тайнобрачія. — Надѣюсь, вы, однако, допустите, что если общество неправильно судить о духовенствѣ, то, напримѣръ, архіереи ваши имѣють же о васъ настоящія понятія.

— Ну, что же такое? къ чему этотъ вопросъ?

— Да такъ. Вы скажите: имѣють они или не имѣють?

— Можетъ-быть нѣкоторые и имѣють.

— «Нѣкоторые» только?

— Да, нѣкоторые.

— Да и то «можетъ-быть». Но пусть такъ, — пусть будетъ по-вашему, а вотъ я знаю одинъ случай.

И я назвалъ дядю Никса.

Но едва я произнесъ это имя, какъ мой собесѣдникъ слова покатилося со смѣху.

— Право, говорю, не могу понять, почему все это васъ такъ смѣшитъ.

— Да какъ же не смѣшнить-съ! Такъ вотъ это вы этакую-то младенческую свадьбу считаете отчаянною смѣлостію? Ну, поздравляю васъ съ знаніемъ русской жизни. Вотъ оттого-то у васъ, господа, по большей части и въ романахъ-то въ вашихъ отвлеченнѣ, чѣмъ въ Аристофановой комедіи, — все «на облакахъ» происходитъ.

— Романы, говорю, отодвиньте въ сторону, — нынче на нихъ и спроса нѣтъ, а вы разубѣдите меня, что свадьба съ родною сестрою первой жены не есть свадьба незаконная и рискованная.

— Что она незаконная, противъ этого я спорить не стану, а рискованнаго въ ней нимаю нѣтъ, да и вѣнчалъ ее основательный священникъ, котораго я какъ самъ себя знаю. Онъ никогда и ни за какія благополучія рискованнаго дѣла дѣлать не станетъ.

— По вамъ, я думаю, надо бы подробнѣе знать эту пару, о которой мы говоримъ.

— Нечего мнѣ о ней узнавать, когда я о ней все существенное знаю.

— Когда же вы это узнавали?

— Тогда, когда того надобность требовала. Не хотите ли позкзаменовать: я все отлично помню, со всѣми, можно сказать, деталями. Тутъ еще было нагажено тѣмъ, что разныя большія лица были внутаны. Не правда ли?

— Да.

— И къ тому же они владыку просили?

— Да, да, да.

— Помню. Братъ у невѣсты былъ, длинный-предлинный офицеръ съ ученымъ значкомъ.

— Былъ.

— Имени не помню, а по батюшкѣ, кажется, Данилычъ.

— Вы отлично помните.

— Вотъ онъ и приходилъ. Чудесный парень, все рассказалъ, по-военному: благородно и откровенно, и о своихъ неудачахъ у владыки открылъ.

— И это не испугало священника?

— Нимало. Штрафъ, разумеется, на нихъ маленькій накинута въ цѣль, чтобы старшихъ не безпокоили, и все тутъ.

— Однако, я помню, говорю, что этотъ Данилычъ не сразу какъ-то стоворился со священникомъ, а было два-три дня томительныхъ.

— Не правда: всего на-все одинъ день только ихъ просили подождать, и то это совсѣмъ не для притѣсненія, а уже это всегда такъ, нарочно, «заминка» дѣлается.

— Для чего?

— Чтобы давальцевъ не отпугнуть, а въ то же время справки навести.

— Какія же справки?

— Есть или нѣтъ у брачующихся недвижимое имущество или значительное наслѣдство.

— Но зачѣмъ это священнику?

— А это въ тайныхъ бракахъ и есть самое нужнѣйшее.

— Будто это такъ важно?

— Это только и важно. Если есть родовое имѣніе, которое могутъ наслѣдовать родственники, или если дѣти могутъ быть претендентами на какое-либо родовое наслѣдство,

• тогда, будьте увѣрены, никакой священникъ такого брака вѣнчать не станетъ.

— А какъ можно это знать?

— Въ тонкости узнаютъ.

— И скоро?

— Да смотря по людямъ и дѣлу: иногда сразу же, а иногда подольше.

— Съ недѣлку, или съ мѣсяцъ?

— О, что вы! Нѣтъ,—сутки, много двое.

— Какимъ же образомъ можно собрать такъ скоро такія щекотливыя справки, о которыхъ люди могутъ все утаить и налгать?

— Надо имѣть способнаго справщика и содержать его, иногда даже и терпѣть отъ него кое-что, какъ вотъ, напри- мѣръ, нѣкоему ближнему доводилось терпѣть отъ этого молодца, который о дядюшкѣ Никсѣ обыскъ дѣлалъ.

— Какой же у этого дѣльца церковный чинъ?

— Чинъ у него — церковный сторожъ, а ходитъ онъ за причетника.

— И по особымъ порученіямъ?

— Да, преимущественно — то по особымъ порученіямъ. Сдѣлаешь маленькую заминку, а онъ тѣмъ временемъ все и обслѣдуетъ.

— По какимъ образомъ?

— А ужъ это по его усмотрѣнію.

— А онъ не вретъ?

— Нѣтъ, для чего же? да онъ всегда вѣдь и весь процессъ и источники укажетъ, такъ что можете обсудить основательность и достовѣрность и того, и другого, и третьяго.

— Ну, такъ вотъ, позвольте же, говорю, васъ разочаровать.

— Сдѣлайте милость—если удастся.

— При вѣнчаніи дяди Никса рѣшительно ни отъ кого ни изъ ихъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ, никто такихъ справокъ не забиралъ.

— Вѣрно. Нашъ дока свое имя не даромъ носить: онъ не такъ глушь, чтобы съ родными жениха сталъ разговари- вать. Онъ понимаетъ, что это дѣло сердечное, и дѣй- ствуетъ тонко, — собираетъ источники чистые и достовѣр- ные. Ему было сказано, что вотъ такъ — то и такъ — то, — вотъ этакій крупный человѣкъ желаетъ жениться на се-

стрѣ своей покойной жены, — я на день замнику сдѣлаю, а ты пооди и удостовѣрь дѣло какъ нужно. А онъ отиѣ-часть: «это можно кратко дослѣдить — потому что у нихъ старшій дворникъ Терешка мой пріятель». Если вы все вѣдаете, то вы должны знать: былъ у нихъ дворникъ Те-решка или нѣтъ?

— Знаю: дѣйствительно былъ дворникъ Терешка.

— Ну вотъ видите. Справщикъ взялъ на три бутылки пива, посидѣлъ съ этимъ Терешкой въ низкѣ и вернулся, говорить:

— Терешка сказалъ: можно вѣнчать.

— Но вѣроятно же при этомъ и какія-нибудь подробности дознанія были представлены?

— Какъ же, — разумѣется, были: подробности необхо-димы, потому что по нимъ видишь и судишь: вѣрно ли и благонадежно ли все дѣло?

— Ну, а въ отношеніи дяди Никса, напримѣръ, въ чемъ же заключались эти подробности?

— Помнится, онъ разсказалъ такъ: пришелъ, говорить, къ воротамъ, Терешку вызвалъ, — пошли въ низокъ, двѣ пары пива выпили, и Терешка сказываетъ: ничего, — дѣло илевое, — можно вѣнчать, господа согласные. Она, гово-ритъ, барыня къ нему ласковая и теперь тяжела, а всѣ ейныя братья и сестры желаютъ, чтобы она съ нимъ под-законилась. А насчетъ состоянія не сумѣвайте: имѣ-ніевъ у нихъ нѣтъ и что имъ по зимѣ мороженыхъ индю-шекъ присылали, такъ это изъ чужой деревни. Онъ съ жа-лованья живетъ, а она совсѣмъ безномѣстная. Скажи ба-тюшкѣ, что совѣтую, чтобы крутилъ съ Богомъ.

— И это все?

— А вамъ что же еще надо?

— И вотъ *это-то*, вотъ эту болтовню съ дворникомъ вы называете справкою или свѣдѣніемъ!

— А какъ же это по-вашему надо назвать?

— Да такъ и назвать, нустяками, вздоромъ. Да вы, извините меня, я думаю, что вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу.

— Не могу вѣрить!

— Почему же?

— Да потому, что вы не можете не знать, что на слова

такихъ людей, какъ мужикъ-дворникъ, твердо полагаться нельзя.

— Нѣтъ, я этого не знаю, и совѣмъ другое думаю.

— Что же вы думаете?

— Я думаю: какіе вы все жалкіе, поврежденные люди, и какъ вы безнадежно повреждены, въ самомъ своемъ корнѣ: въ вѣрѣ въ умъ и въ доблесть русскаго человѣка. Кто, какой злой духъ, или какой лихой опытъ далъ вамъ право такъ низко судить о нашемъ умномъ и добромъ народѣ? И сторожь-то васъ обманеть, и дворникъ обманеть, и, наконецъ, уже и я, попъ, васъ обманываю, — шучу, видите, а не правду вамъ сказываю...

Батюшка закачалъ укоризненно головою и добавилъ снисходительно:

— Ахъ вы, господа, господа теоретики. Постыдились бы вы этого своего невѣрія въ русскаго человѣка, да не давали бы другимъ повадки утверждать, что мы сами собою ничего путнаго учредить не можемъ. Тѣфу, что за гадость, что за недовѣріе къ русскому человѣку, даже въ томъ случаѣ, если онъ дворникъ, которому сама полиція вѣритъ больше, чѣмъ любому ученому и литератору.

Сказавъ это, батюшка опять плюнулъ и плюнулъ такъ рѣшительно, какъ могъ плевать только извѣстный Костанджогло, и затѣмъ тихо проворчалъ:

— Недовѣріе, вездѣ недовѣріе, на всякое время и на всякъ часъ это проклятое недовѣріе. Оттого и заводятся всякіе портные, что безъ узла шьютъ.

— То-есть вотъ этого-то я и не понимаю: отчего же они заводятся?

— Да отъ болзни живыхъ сношеній съ людьми и отъ возни съ одною бумажною хитростію. И какъ все это сложно и непрочно, и какую хитрою механикой пахнетъ— вообразить гадко. Я увѣренъ, что если я вамъ сейчасъ это разьясню, то вы увидите, какія преимущества имѣеть простота вездѣ, не исключая и тайнобрачія, гдѣ она должна быть хвалима передъ всѣми иными хитростями, въ которыя теперь жалостно уловляется не мало людей, имущихъ только образъ вѣчанія, но силы онаго лишенныхъ.

Я весь обратился во вниманіе.

— О тайномъ вѣчаніи такихъ людей прежде и помина

не было. Вѣнчались тайно, бывало, помѣшники или гусары, или вообще люди значительные, о которыхъ всегда можно что надо разузнать въ разсужденіи родства и наслѣдства; но потомъ, какъ все это съ отъемомъ крестьянъ перенуталось, — тутъ разночинецъ сталъ входить въ силу и тоже полѣзъ тайнобратиться. Разумѣется, всему этому женщины виною: сейчасъ сороки этакія изъ верхнихъ слоевъ всякую моду перенимаютъ. Иная прежде уже лѣтъ нѣсколько въ простотѣ съ человѣкомъ безъ вѣнца тихо обращалась и нимало не смущалась, — а тутъ прослышала, что въ большихъ кружкахъ всѣ вѣнчаются, и сама стала приставать, чтобы и ей подзакониться. Ну, разумѣется, чего баба захочетъ, того достигнетъ: человѣкъ терпитъ, терпитъ и, наконецъ, илюнетъ: «будь ты совсѣмъ не ладна!» Пойдетъ и проситъ батюшку: «Такъ-моль и такъ, — не могу бабу усмирить: повѣщайте!» Иной по нынѣшнему времени и таковыхъ вѣнчается, и уже, разумѣется, не по старинному, за помѣшничью или за гусарскую цѣну, а такъ «что положить». И за двѣ десятныхъ пѣвали, и даже менѣе, и, разумѣется, уже въ разсужденіи справокъ стали обращаться съ небрежью, потому что и хлопотать-то было не за что, а къ тому же и трудно. Русскій мужикъ дворникъ — ужасный, вѣдь, аристократъ въ душѣ, особенно если брюхо себѣ наѣсть: онъ такимъ мелкимъ народомъ, какъ разночинцы, не любитъ заниматься. Вотъ о жильцѣ начиная съ чина статскаго совѣтника — онъ любопытствуетъ, изъ какихъ дошелъ и какого роду и состоянія, и изъ чьего имѣнія ему мороженныхъ индюшекъ присылаютъ, ну, а мелкою онъ интересоваться не любитъ. Это уже его натура такая, — даже полиція его къ этому приучить не можетъ. Приставъ нашъ мнѣ не разъ жаловался, — говоритъ: хоть не спрашивай ихъ, дураковъ, про подозрительныхъ людей, — заведетъ такую катавасію:

— «Мы, моль, ваше-скобродіе, понимаемъ, что какъ эти люди малозначительные, такъ ими не интересуемся, а вотъ генераль у насъ живутъ — это точно, и съ своей экономкой они обращаются, изъ нѣмокъ, а у той братъ есть при чужомъ гранѣ секретаремъ служить». — И пойдетъ, говоритъ, дуракъ вверхъ все въ аристократію лѣзть. — И это справедливо: съ этой стороны они намъ неудобны, и это-то собственно и есть для браковъ небольшихъ людей большое препятствіе. А между тѣмъ, какъ вамъ докладываю, и эти

въ послѣднее время, по бабьему настоянію, все туда же лѣзли, чтобы секретно вѣнчаться, да еще и задешево, потому что и платить-то какъ слѣдуетъ они не могутъ. Тогда этотъ самый отецъ «вѣнчальный батюшка» и выдумалъ фортелѣ, и такое фортелѣ, что долго его никакъ нельзя было понять, въ чемъ оно заключается. Слышимъ только между собою, что онъ вѣнчаетъ и направо, и налѣво, и уже никакихъ справокъ не собираетъ. Да-съ, и задешево: всѣ прификсы сбиль, а крутить за предложенную цѣну. Понять невозможно было, въ чью это голову онъ содитъ и за что рискуетъ, какъ вдругъ оказывается, что онъ, плутига, ничѣмъ и не рискуетъ. И вышло это дѣло самымъ неожиданнымъ манеромъ, къ которому я какъ разъ могу подвести дѣло вашего тайнобрачнаго знакомца.

Въ лѣтнее время семья моя на дачѣ была, а я наѣзжалъ сюда чередное служеніе отбывать. На всю недѣлю для обѣденъ я «раннего батюшку» за себя нанималъ, а въ субботу самъ пріѣзжалъ: служилъ всенощное и въ воскресенье—позднюю. Только-что выхожу я послѣ всенощной,—пройтись по набережной хотѣлъ, — а ко мнѣ подходитъ какой-то господинъ съ дамочкой и объясняютъ, что они женихъ съ невѣстою и хотятъ повѣнчаться. Я отвѣчаю: доброе дѣло, доброе дѣло; а самъ на него смотрю инквизитерски, потому-что онъ мнѣ что-то фертовать показался.

— А документы, говорю, въ порядкѣ?

— Да, документы, отвѣчаютъ, есть.

— Разсмотрѣть, говорю, надо. — Благоволите оставить. Завтра отвѣтъ дамъ.

Онъ утромъ занесъ всю свою герольдію въ одномъ пакетикѣ. Поглядѣлъ я, — все въ порядкѣ, а только легковѣсность кака-то: у него указишко объ отставкѣ и чинишко шаршавенькій,—губернскій секретарь, а она—вдова учителя. Кто ихъ тутъ разберетъ, въ какой они другъ къ другу позиціи?

Я велѣлъ своему докѣ-сторожу адресъ ихъ замѣтить и справиться, — справка вышла пустая. Приходитъ мой вѣстовщикъ и говорить:

— Такъ и такъ, говорить, живутъ они вмѣстѣ третій годъ на одной квартирѣ, и дѣвочка маленькая у нихъ есть, а прислугу одну держать и въ мелочной берутъ на

книжку, а мясникъ не даетъ въ долгъ. Впрочемъ, говоритъ, пить не пьютъ, но знакомцевъ окромя писателей никого изъ достойныхъ лицъ у нихъ не бываетъ и ничего про нихъ знать нельзя. Мое, говоритъ, такое мнѣніе, что не надо ихъ вѣнчать, — что-то опасно. Пусть къ своему приходскому батюшкѣ идутъ.

А я ему въ тонкихъ дѣлахъ вѣрилъ, да и мнѣ самому показалось, что это опасно. У насъ, знаете, ужъ свой нюхъ на это есть. Дѣла по дѣламъ будто ничего, а своимъ верхнимъ чутьемъ поведешь — и другое слышишь. Такъ и тутъ: бумаженки тощія и людцы маленькіе, и что-то не порядкомъ отдастъ, да опять, самое главное, и дворникъ не ручается.

Подумалъ я, подумалъ: есть что-то сомнительное, и отказалъ. Свернулъ бумажки въ его же конвертъ, подлѣпилъ клейкомъ и отдалъ сторожу.

— Какъ придетъ, говорю, этотъ господинъ, — скажи ему, что, молъ, батюшка уѣхали, и бумаги отдай. А впередъ, молъ, просили не приходять.

Такъ и сдѣлалось, тотъ его отпразднлъ. Я рукою махнулъ и позабылъ. Но господинъ этотъ женихъ былъ метивъ и, встрѣтивши разъ гдѣ-то моего сторожа, какъ бы въ веселіи объявляетъ: — «Вотъ твой батюшка не хотѣлъ меня перевѣнчать, а отецъ такой-то (называетъ вѣнчальнаго батюшку) насъ, говоритъ, перевѣнчалъ». Тотъ мнѣ это передаетъ, а черезъ малое время говоритъ, что онъ и самъ желаетъ перейти къ тому вѣнчальному батюшкѣ, на «соотвѣтственную должность».

— На какую это? — спрашиваю.

— Въ пѣвцы.

— Да ты пѣть не умѣешь.

— Что жъ такое, говоритъ, — и не умѣвши поеть.

— Но у тебя и голоса нѣтъ.

— Въ церкви, отвѣчаетъ, можно пѣть и безъ голоса.

— Пѣть, ты, говорю, откройся: чѣмъ мальчикъ Гришка мачихою недоволенъ?

— Да что, говоритъ, батюшка: откровенно сказать, вы еще по старинѣ: все справляете. Теперь это надо оставить. — Тамъ смѣлые крутятъ, и черезъ то служить авантажнѣе.

— Ну, смотри, молъ, не попадись, съ большимъ аваш-тажемъ-то.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, тамъ придумана механика умная.

Я и полюбопытствовалъ, что́ это за механика и какъ онъ про нее провѣдалъ.

— А я, говоритъ, отъ этого же барина все провѣдалъ.

— Да у тебя, молъ, какія же съ нимъ сношенія?

— За совѣтами онъ ко мнѣ приходилъ.

— А ты что́ за юристъ-консультъ такой, что къ тебѣ за совѣтами ходятъ?

— Нѣтъ, я, отвѣчаетъ, не консулт, а когда человѣка хорошенько нажгутъ, такъ онъ ко всякому лѣзетъ.

— Да, молъ, если глушь, такъ лѣзетъ.

— Однако, отвѣчаетъ, и у васъ, какъ въ прошломъ году зубы хорошенько разболѣлись, такъ вы вотъ и не глуны, а тоже на Моховую къ цырюльнику заговаривать пошли.

— Да, говорю, это правда,—ходилъ.

— А вотъ то-то, говоритъ, и есть. А вѣдь онъ, этотъ цырюльникъ, ничего не знаетъ: молитовку какую-то попенчетъ, да обрывокъ человѣку, какъ теленку, нацѣпнтъ и велитъ не скидывать. И вамъ, небось, то самое вѣшалъ?

— Вѣшалъ.

— И вы, пожалуй, такъ и служили въ обрывкѣ?

— Служилъ.

— Ну, такъ это и я бы вамъ могъ нацѣпнтъ, да стыдъ только не позволялъ. А баринокъ этотъ ко мнѣ первый разъ съ весельемъ заговорилъ, чтобы черезъ меня васъ подзадорить, а потомъ, вчера—гляжу, нарочно идетъ, и лица на немъ нѣтъ.

— Что, говорю, вамъ такое?

— Ужасная, говоритъ, неприятность: мнѣ надо еще разъ перевѣнчаться.

Я гляжу на него и думаю: не помѣшался ли онъ?

— Да вѣдь вы же, говорю, сказывали мнѣ, что васъ обвѣнчали.

— Да, отвѣчаетъ: обвѣнчать-то обвѣнчали, да очень легко сдѣлали: надо еще разъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться основательнѣе.

— Что же это за дѣло такое? Вы, говорю, если хотите отъ меня помощи, такъ въ подробности объясните, потому что безъ этого и лѣкаръ не лѣчитъ.

Онъ и стать объяснить.

— Батюшка, говоритъ, насъ обвинчалъ, велѣлъ поцѣловаться и отпустилъ, а потомъ я пошелъ за свидѣтельствомъ,— дома его не засталъ. И еще черезъ день пошелъ, и опять не засталъ, и опять черезъ недѣлю пошелъ и тоже не сподобился видѣть.

И такъ ходилъ, ходилъ, и счетъ ходникамъ потерялъ, а тѣмъ временемъ жена родила и надо крестить; брачное свидѣтельство уже необходимо.— Тутъ этотъ супругъ уже не съ короткимъ полѣзъ звониться, и дозволился, хоть не до самого батюшки, такъ до его причетника, и сообщилъ ему свою нужду и неудовольствіе. А причетникъ проговорилъ:

— Что, господинъ, напрасно ходите, и себя, и насъ напрасно затрудняете: никакого вамъ свидѣтельства не будетъ.

Баринокъ вскипятился: какъ не будетъ?

— Что, грозить, вы думаете—я церковныхъ порядковъ, что ли, не знаю! я юристъ—у насъ на лекціяхъ все это преподавали; я сейчасъ къ благочинному, да въ консисторію, или къ самому владыкѣ!

А дьячокъ-то у нихъ очень умный.—Все чернило и марки у него на рукахъ *). Онъ этому барину и отвѣчаетъ:

— Не пужайте, господинъ; что вы такъ страшно пужаете? Идите не только къ владыкѣ, а хоть къ самому Господу Богу, такъ мы стоимъ во всѣхъ дѣлахъ чисты, — и никого не боимся.

— Да, вѣдь, я же, говоритъ, вѣнчался.

— Сиору ибѣтъ, что вѣнчался, — отвѣчаетъ дьячокъ: — мало ли кто вѣнчался, но не всякій же беретъ свидѣтельство. Вотъ наши мужички православные и знать этихъ пустяковъ никогда не знаютъ. А намъ совсѣмъ неизвѣстно: кому нужно такое свидѣтельство, а кому оно не нужно. Если

*) Содержать «чернило на рукахъ»—значитъ вести письменную часть, а марками называются жестянки, выдаваемые священниками исповѣдникамъ, съ каковыми послѣдніе подходятъ къ записчикамъ, вносящимъ имена въ исповѣдныя росписи. Марки эти должны служить доказательствами, что исповѣдникъ дѣйствительно былъ у священника на духу и получилъ разрѣшеніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, а не записывается въ книги безъ исповѣди. Впрочемъ, эти марки или бляшки теперь уже почти повсемѣстно выводятся изъ употребленія, какъ не достигающія цѣли.

вы вѣнчались для уваженія таинства, то и будетъ съ васъ, и оставайтесь тѣмъ довольны.

Баринъ вскипѣлъ:—Что вы разбойники, что ли, говорить, на что мнѣ таинство!

А дьячокъ свой шагъ спокойно держать.

— Нѣтъ, говорить, мы не разбойники, а вы, господинъ, про таинство потише, да и не ругайтесь, а то я сейчасъ и дверь захлопну, чтобы такихъ словъ не слышать, за конъ къ отвѣту потянуть могутъ. А вы тогда оставайтесь на улицѣ и идите куда вамъ угодно жаловаться.

Тутъ баринокъ видитъ, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ крѣпкимъ: пересталъ шлить и говорить:

— Да нѣтъ, вы, милый другъ, сами посудите... я этого себѣ даже уяснить не могу: въ какомъ же я теперь положеніи?—Да при этомъ рублевый билетикъ ему въ руку и сунулъ.

Тогда, разумѣется, и дьячокъ къ нему перемѣнился.

— Давно бы, говорить, господинъ, вы этакъ... честью всегда все скорѣе узнаете. Вы къ батюшкѣ на домъ больше не докучайте, потому что они дома никакихъ объясненій по неприятнымъ дѣламъ не даютъ, а пожалуйте завтра, въ воскресенье, за литургію,—тамъ и объяснитесь.

Тотъ такъ и учинилъ: пошелъ къ обѣднѣ съ пыломъ въ сердцѣ, за обѣдней постоялъ, немножко поуморился и отмякъ, а, дождавшись времени, подходитъ къ батюшкѣ:

— Такъ и такъ, до васъ, батюшка, дѣло имѣю.

— Какое?

— Свидѣтельство мнѣ позвольте.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что я вами обвиняю съ моею женою.

— А какъ ваша фамилія?

— Такъ-то.

— Не помню. А когда я васъ вѣнчалъ?

— Да вотъ, мѣсяца два тому назадъ.

— Мѣсяца два назадъ... не помню. Но что же вы такъ долго не брали свидѣтельство?

— Я, говорить, нѣсколько разъ приходилъ, да все дома васъ не могъ застать.

— Ничего не слыхалъ, а дома меня точно трудно за-
стать. Впрочемъ, я сейчасъ здѣсь справлюсь.

Оборачивается къ дьячку и говоритъ:

— Покажи мнѣ, какъ ихъ обыскъ записанъ.

Долго, долго онъ гдѣ-то съ этою справкою возился и, наконецъ, идетъ съ обыскною книгою въ рукахъ и кладетъ ее передъ батюшкой.

— Что же?—спрашиваетъ тотъ:—на которой страницѣ?

— Ни на которой нѣтъ.—отвѣчаетъ дячокъ.

— Какъ такъ нѣтъ?

Дячокъ молчитъ.

— Должно быть, если вѣщали?

— Не знаю, —отвѣчаетъ дячокъ, а самъ налѣво кругомъ за двери.

А батюшка вручаетъ книгу супругу и говоритъ:

— Вотъ вамъ, милостивый государь, самому книги въ руки, отыщите вашу записъ.

Супругъ ищетъ, ищетъ и, разумѣется, ничего не находитъ.

— Нѣтъ, здѣсь, говоритъ, не записано.

— Вотъ тебѣ и разъ, —отвѣчаетъ батюшка и началъ самъ листки перекидывать.

— Что-же это можетъ значить?

— Значить: нѣтъ.

— Но вѣдь, помилуйте, говоритъ: я самъ расписывался въ такой книгѣ.

— Но гдѣ же эта ваиа роспись?

— Да нѣтъ ея здѣсь.

— А нѣтъ, такъ и суда нѣтъ.

Да съ этимъ хлопъ, —книгу закрыть и въ шкапикъ занеръ.

Супругъ взвиль не своимъ голосомъ.

— Что же это такое? У васъ вѣрно другая похожая книга есть?

А батюшка говоритъ:

— Т-съ, милостивый государь,—потнине. Здѣсь церковь, а не окружный судъ, что вы кричите. Не угодно ли попросить васъ о выходѣ, а то вѣдь вы помните,—здѣсь за всякое неумѣстное слово отвѣтственность по закону усугубляется.

Господишь и спеся,—милосердія запросилъ.

— Батюшка, говоритъ, помилуйте, вѣдь это же не можетъ быть; вѣдь вы же, конечно, помните, что я къ вамъ при-

ходилъ и вы меня вѣнчали, и я вамъ, что было условлено, впередъ заплатилъ.

— Еще бы, говорить, это уже такое правило, — впередъ отдавать.

— Ну, такъ что же, говорить, за что же вы меня такъ обижаете?

— Чѣмъ-съ?

— Да какъ же, помилуйте, я вѣдь это все не для себя, а для жены, да для дѣтей только и дѣлалъ, а теперь не могу даже разобрать: въ какихъ мы всё отношеніяхъ? Это хуже, чѣмъ было.

— Напрасно вы такъ говорите, отвѣчаетъ батюшка, чѣмъ же хуже? Ничего вы хуже не надѣлали. Во всякомъ случаѣ, если вы взяли благословеніе въ церкви, это безвредно и для супруги вашей хорошо — женщина должна быть религіозна. А въ разсужденіи прислуги отъ этого въ домѣ гораздо спокойнѣе, — прислуги законъ брачный уважають и вѣнчаную барыню лучше слушаютъ. Что же тутъ худо?

— Но мнѣ не это нужно... мнѣ свидѣтельство нужно!

— Свидѣтельство-о-о?

— Да?

— А я вамъ развѣ его обѣщалъ?

— М... н... то-есть... мы объ этомъ не говорили.

— Надѣюсь, что не говорили. Вы приняли ко мнѣ и просили васъ повѣнчать и представили документки какіе-то ледященькіе, темные, и говорите, что другихъ достать не можете, и къ тому же, вы человекъ не богатый и заплатить много не въ состояніи. Такъ это или нѣтъ?

— Такъ-съ.

— Ну, что же, развѣ я васъ обидѣлъ или притѣснилъ? Ничуть не бывало: я вамъ, напротивъ, во-первыхъ, добрый совѣтъ далъ, я вамъ сказалъ: если вы человекъ незначительный, такъ для чего вамъ обо всемъ хлопотать! Вы не графъ, ни князь, ни полковникъ, — и живите себѣ, какъ жили. Но вы на своемъ стояли, что вамъ это нужно, — что она «пристасть», что «надо отъ этого отвязаться». Что же — я и тутъ васъ не огорчилъ: — васъ никто бы не сталъ вѣнчать, а я васъ пожалѣлъ. Я знаю, что барыни охочи вѣнчаться, и вамъ на ваше слово повѣрилъ и обвѣнчалъ васъ для ея утѣшенія, и всего тридцать рублей за это взялъ, ничего болѣе съ васъ не вымогалъ. А если бы вы мнѣ

тогда сказали, что вамъ не только вѣщаніе, а и свидѣтельство нужно, такъ я бы понялъ, что это уже не для женской потѣхи, а для чего-то иного прочаго, и за это бы съ васъ трехсотъ рублей не взялъ. Да-съ, не взялъ бы, и не возьму, потому что у меня и своя жена, и свои дѣти есть. Прощайте.

— Но... позвольте... какъ же... гдѣ же я и жена, въ какую книгу мы себя записали?

— А это, я вамъ скажу,—не ваше дѣло.

— Нѣтъ, это мое дѣло: вѣрно у васъ другая книга есть.

— Да, для такихъ супруговъ, какъ вы, есть другая книга.

— Но это не можетъ быть.

— Вотъ тебѣ разъ,—почему это не можетъ?

— Консисторія не выдаетъ двухъ книгъ.

— А вы посмотрѣли въ ту книгу: откуда она была выдана!

— М... н... нѣтъ.

— А то-то и есть, что нѣтъ. Плохо видно васъ на вашихъ лекціяхъ учили, если пишете не взглянувъ: на чемъ пишете.

— Такъ вѣдь это все подлогъ, фальшь...

— Нимало не фальшь, — а просто предварительная чернетка, которая по минованіи надобности посъкается и въ огонь вметается.

— Такъ я же найду, кто были свидѣтели...

— Поищите, такъ они вамъ и объявятся.

— Ага! такъ вотъ зачѣмъ вы и сказали, что вамъ не надо моихъ свидѣтелей, а какую-то свою сволочь поставили.

— Да уже конечно такъ; только все же моя сволочь лучше вашей: они хотъ сволочь, да я-то ихъ знаю, а вы бы мнѣ такихъ своихъ ангелистовъ привели, что каждый вмѣсто крестнаго имени чужою чортовой кличкой назовется, а потомъ ни знать, гдѣ его и искать, — въ какомъ болотѣ. Нѣтъ, государь мой, мы, въ наше умное время, отъ вашего брата тоже учены.

— Тьфу!

— Здѣсь не плюйте, а то подтереть заставлю.

— Но что же мнѣ дѣлать: вы меня сгубили, такъ дайте хотъ мнѣ совѣтъ.

— Совѣтъ извольте: достаньте себѣ съ супругою хорошіе

документы и ступайте, ничего не говоря, къ приходскому священнику, — онъ васъ обвиняетъ и дастъ вамъ свидѣтельство. А со мною всѣ ваши объясненія кончены.

— И ничего болѣе?

— Да, ни одного слова болѣе.

Какъ мнѣ рассказали все это мой сторожъ, продолжалъ собесѣдникъ, я и руки растопырилъ.

Вотъ это, думаю, артистъ, такъ артистъ. Что за работа, что за милая работа! И просто все, и вѣрно, и безопасно, и даже по-своему *юридически честно*: за что взялся, — то и сдѣлалъ, а неуговорнаго съ него и не спрашивай. За что человекъ не брался, за то и не отвѣчаетъ.

— Чудесно, говорю: спасибо тебѣ, братъ, безголосый пѣвецъ, что ты мнѣ, глухому человеку, такія умныя дѣла открылъ. Хотя я самъ ихъ дѣлать и не стану, но все-таки просвѣщеннѣе буду. И отпустилъ его отъ себя къ тому батюшкѣ съ миромъ и даже съ наградою, на тотъ конецъ, чтобы не забывалъ ко мнѣ заходить и порою просвѣщать мое робкое невѣжество тѣмъ, что они, совокупивъ свою опытность, дѣлать будутъ.

— И что же, спросилъ я: онъ къ вамъ заходилъ?

— И сейчасъ иногда заходитъ.

— И интересныя дѣла рассказываетъ?

— Охъ, рассказываетъ, разбойникъ, рассказываетъ.

— Удивляюсь, какъ теперь это стало откровенно.

— Дѣйствительно, откровенно; да вѣдь что еще и сокробенничать-то, когда — какъ мои дѣти на фортепіано куплетъ поютъ:

«Расплясалась вся Россія
«Въ ахенбаховщинѣ мерзкой,
«Лишь одинъ Іеремія
«Намъ остался,—князь Мещерскій!»

А главное, замѣтите, любо-дорого то, что все это хорошо практикуется. Откровенно, а комаръ носу ни подо что не подточить.

— Батюшка! говорю: будьте благодѣтель, познакомьте меня съ этимъ интереснымъ человекомъ.

— Съ глѣвцомъ-то съ безголосымъ?

— Да.

— Извольте. Давайте вашу карточку.

Я подалъ, а батюшка начерталъ на ней рекомендацію и

наименовалъ меня «дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ», что мнѣ показалось неудобнымъ.

— Извините, говорю: это не годится, — у меня такого чина нѣтъ.

— Ну, вотъ важность! нынче никого меньше не называютъ, а къ тому же онъ сталъ гонористъ, и если узнаеть, что вы писатель, а не генераль, такъ, пожалуй, знакомиться не захочеть.

— Да, а я, говорю, все-таки, стѣсняюсь...

— Есть чѣмъ стѣсняться? суцте два пальца вмѣсто руки, — вотъ и сановникъ. Неужели у васъ на это образованія не достаетъ?..

Однако я не былъ у безголосаго пѣвца, потому что это представляло слишкомъ большія трудности: выходило, что для собесѣдованія съ этимъ интереснымъ лицомъ мнѣ не только надлежало выдать себя за дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и тыкать два пальца человѣку, который подаетъ мнѣ цѣлую руку, но надлежало еще изобразить собою предъ пѣвцомъ жениха или, по крайней-мѣрѣ, тайнобрачнаго переговорщика. Я опасался, что не выдержу этихъ замысловатыхъ ролей передъ такимъ пронизательнымъ человѣкомъ, а къ тому же думалось мнѣ, что самъ отецъ протоіерей открылъ мнѣ довольно, чтобы не гнаться за большимъ. Кромѣ того, пѣвецъ могъ сообщить мнѣ только факты, разнообразіе которыхъ зависитъ отъ случайностей, а ихъ природа почти неизслѣдима, между тѣмъ какъ настоящій мой собесѣдникъ могъ ввести меня въ самую философію вопроса, въ самую суть нравственныхъ побужденій, руководящихъ духовенствомъ въ дѣлахъ тайнобрачія. Это мнѣ казалось интереснѣе, потому что нѣкоторое знаніе нравовъ нашего духовенства внушало мнѣ твердую надежду, что и здѣсь, въ этомъ путанномъ дѣлѣ долженъ дышать тотъ духъ простоты и практическаго добролюбія, который присущъ русскому человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія и дѣятельности.

И я не ошибся. Роковые случаи, представляющіеся на практикѣ при вѣнчаніяхъ паръ, которыя не могутъ быть повѣнчаны съ разрѣшенія начальства, почти всѣ совершенно невозмутительны, а нѣкоторые изъ нихъ такъ трогательны, что надо имѣть мертвое, «почившее на законѣ», сердце,

чтобы не оцѣнить благодати, движущей сердцами живыми, которые ласково усыпляютъ законъ, вмѣсто того, чтобы самимъ азартно уснуть на немъ.

Такой случай мой собесѣдникъ разсказать мнѣ, даже не отдѣливъ отъ него немножечко и самого себя.

Я продолжаю и доканчиваю его бесѣду, а съ нею и мои очерки.

— Ко всему нынѣшнему тайнобрачію, — пререкъ оны: — какъ къ каждому историческому явленію, надо относиться беззлобно и съ разсмотрѣніемъ. И когда такъ станете смотрѣть, то и увидите, что оно потребно и отвѣчаетъ времени. А по сему времени даже и самые захватскіе «вѣнчальные батюшки» тоже, въ своемъ родѣ, нужны и годны. Право, право, годны: въ больномъ хозяйствѣ все сдается. И хотя я ихъ методы, безъ узловъ шить, въ принципѣ и не одобряю, но знаю, что и это у насъ инымъ въ прокъ пошло.

Я было обнаружилъ попытку выразить нѣкоторое сомнѣніе, но батюшка, замѣтивъ это, придержалъ меня за руку и сказалъ:

— Не спѣшите поспѣшать. Я живой случай знаю, гдѣ если бы не эта благодать, такъ нельзя было бы оказать помощи очень жалкимъ людямъ, которые однажды пришли ко мнѣ съ преудивительною исторіею.

Лѣтъ восемь назадъ ко мнѣ въ домъ хаживала дочерница подруга. Славная дѣвица Нюточка, — все онѣ съ моей дочерью въ четыре руки играли. Но потомъ она вдругъ какъ-то сникла. Перестала ходить, — я этого не замѣтилъ, а потомъ, когда дочь скоро замужъ вышла, то я и совѣмъ про эту чужую дѣвочку забылъ. Проходитъ такъ годъ, два и три, — и пять лѣтъ, но вдругъ тоже вотъ такъ, въ лѣтнее время (у меня замѣчательно, что большая часть казусовъ со мною все лѣтомъ случается, когда я въ одиночествѣ дома бываю), приходитъ ко мнѣ нѣкая молодая особа женскаго пола, съ виду мнѣ незнакомая, собою, однако, довольно благоприличная, но смутная и чѣмъ-то, какъ бы, сильно подавленная. Я думалъ, что потеряла себя и вѣрно хочетъ исповѣдываться, но вышло другое. Называетъ себя по имени и говоритъ, что была она подругою моей дочери по гимназін, а потомъ пошла достигать высшаго знанія, но не сподобилась онаго, потому что попала въ нѣкоторыя «трудныя

комбинаціи». Словомъ сказать, дойдя, вмѣсто научнаго совершенства, до нищеты и убожества, вспомнила о своей подругѣ, а о моей дочери, и пришла просить ее, не можетъ ли она достать ей гдѣ-нибудь переводовъ.

Ужаснуло меня это младенчество просьбы и младенчество страннаго ея вида.

— Извините, говорю, дочери моей здѣсь нѣтъ: она уже давно замужъ вышла и живетъ въ другомъ городѣ, да и переводами не занимается, а наипаче занята домашнимъ хозяйствомъ и чадорожденіемъ. Поэтому, если бы вы и писать ей захотѣли, то это будетъ для васъ бесполезно. А васъ я теперь дѣйствительно немножечко припоминаю: васъ, говорю, кажется, звали Нюточкою?

— Да, отвѣчаетъ, меня такъ прежде называли.

— Очень радъ, говорю, васъ видѣть, но что же довело васъ до такихъ комбинаціи?

Она хлопъ-хлопъ глазенками, да и заплакала.

— У васъ есть родные?

— Да, говоритъ, у меня есть братъ, и называетъ фамилію одного довольно извѣстнаго адвоката.

— Вы, говорю, вѣрно у него живете?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ.

— А почему же такъ?

— Онъ женатъ.

— Такъ что же такое, развѣ при женѣ для сестры и заширмою мѣста нѣтъ.

— Нѣтъ, мы съ его женою не ладили, я одна съ дѣтьми живу.

— Такъ вы вдова?

— Нѣтъ, не вдова.

— Тогда гдѣ же вашъ мужъ—вѣрно сосланъ?

— Нѣтъ, говоритъ, не сосланъ, а его нѣтъ со мною.

— Отчего?

— Онъ въ очень затруднительномъ положеніи.

— Въ какомъ затруднительномъ положеніи, чтобы своихъ дѣтей бросить?

— Его обманули, когда онъ женился.

Тутъ уже я глазами захопалъ.

— Милая барынька, говорю: да вы что же это такое, шутите, что ли? Что вы мнѣ рассказываете: какъ же онъ

могъ отъ живой жены во второй разъ жениться? развѣ вы разведены?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, мы жили въ гражданскомъ бракѣ, а одна моя подруга хотѣла въ акушерки, и ей понадобилось выйти въ фиктивный бракъ, она меня попросила, чтобы я позволила....

— Ну-съ?

- А она устроила комбинацію....

- Какую, милостивая государыня?

— Она, вмѣсто того, все обратила въ серьезъ и заставляетъ его, чтобы онъ ей деньги давалъ, и теперь онъ что получаетъ—ей носить, а мнѣ помогать не можетъ.

— Что же, онъ и съ нею не живетъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, онъ съ нею вмѣстѣ не живетъ; она одного полицейскаго любитъ, а этого только заставляетъ, чтобы онъ часть жалованья ей приносилъ.

— И онъ носить?

— Да что же дѣлать, а то она жаловаться пойдетъ.

— Да кто же онъ такой, вашъ общій мужъ-то?

— Ветеринаръ.

— Гм! думаю себѣ: однако она должно быть очень ловкая, эта акушерка, если на самомъ ветеринарѣ ѣздить.

— Да, она, говоритъ, очень развита.

— Развита? А извините, говорю, за вопросъ: онъ не дурачокъ, этотъ господинъ ветеринаръ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ: какъ дурачокъ? — онъ тоже очень развитъ.

— Какъ же, говорю, развитъ, а отъ акушерки отбиться не можетъ?

— Да онъ отбилъ и живетъ у товарищей, а больше нельзя, потому что у нея по полициѣ всѣ ей полезныя связи.

— Ага, говорю: это дѣйствительно «комбинація». Ну, а гдѣ же ваши дѣтки?

— Недалеко, говоритъ, тутъ за вокзаломъ на третьей верстѣ по желѣзной дорогѣ у сторожихи живутъ, -- я ихъ тамъ оставила, а сама пришла переводовъ искать.

— Стало-быть, вы теперь всѣ врозь?

— Да.

— Ветеринаръ съ товарищемъ, вы съ своими котятками, а та съ полицейскими?

— Да.

— А въ городѣ-то, говорю, у васъ есть пріютъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ — нѣту, да это ничего не значитъ: теперь тепло, — я ночь по бульвару прохожу.

— Какъ проходите?

И не дождевшись, что она мнѣ отвѣтитъ, скорѣе взявъ ее обѣими руками за голову, поцѣловалъ въ темя и говорю:

— Ничего я, бѣдное дитя, не понимаю, что вы мнѣ такое рассказываете. Вы ко мнѣ съ своими «комбинаціями» точно пришелица изъ другого свѣта упали. Но я, во всякомъ случаѣ, не ксендзъ, чтобы васъ укорять, и не протестантскій пасторъ, чтобы отъ вашихъ откровеній придти въ ужасъ или въ отчаяніе, а какъ простой пошъ я только васъ на бульваръ ночевать не пушчу. Вотъ у меня вся пустая квартира къ вашимъ услугамъ, а на кухнѣ есть баба-старуха смотрѣлка. Я ее сейчасъ къ вамъ призову. Разуйте поскорѣй свои бѣдныя ноженьки, напейтесь чаю, да ложитесь на диванъ въ гостиной спать. А впрочемъ, я старикъ — со мною и съ однимъ неопасно оставаться.

Она согласилась. И все это какъ-то тупо: и одно предполагать, и сейчасъ другое располагать, на все согласна — и все какъ не живая. Видно уже, что весь человѣкъ въ ней до-мертва въ порошокъ растолченъ.

Ужасно мнѣ ее стало жалко. Въ голову впало: какъ такой горемыкѣ на свѣтѣ жить? Свои дѣти у меня хорошо устроены, благодаря Бога и добрымъ людямъ, потому что заботился о нихъ, да къ тому же они дѣти іерейскія, — въ свѣтѣ могли ходъ имѣть, а эта тля безпомощная: кѣмъ она покрыта? Можетъ быть, съ дѣтства на произволь пущена. А все же вонъ въ ней еще какое-то добро ерошится: и за наукою она стремилась, и мужа своего гражданскаго отдала на подержаніе, а теперь, какъ кошка мечется и своихъ котятъ по сторожкамъ носить... И все это во имя чего-то возвышеннаго. Право, точно пришелицы изъ другого міра, а между тѣмъ страдаютъ какъ люди. Оставилъ я ее и пошелъ на вечеръ къ коллегѣ, у котораго жена зимою не позволяетъ въ карты играть, такъ онъ лѣтомъ, прїѣзжая съ дачи на служеніе, и собираетъ кружочекъ.

Засталъ тамъ ближнихъ и искреннихъ и «вѣнчальнаго батюшку». Провинтилъ въ винтъ рублей за сорокъ и, по

склонности человеческой, сваливаю всю вину этого прогрыша на кого-нибудь другого.

— Это, говорю, ребята, я такъ провинился отъ разстройствъ: одна дѣвчонка меня нынче очень размазала. И рассказалъ имъ о своей гостьѣ.

Всѣ выслушали и особеннаго вниманія не обратили, но мой вѣнчалникъ, идучи вмѣстѣ со мною домой, вѣрно нѣчто почувствовалъ, одобрился и уронилъ мнѣ «крылатое слово»:

— Еще такъ ли это, какъ они сказываютъ. Можетъ быть, имъ еще можно пособить. Вы у нихъ свидѣтельство спросите.

— Да какъ имъ пособить, если они обвиняны? Вѣдь у нихъ грошей на разводъ нѣтъ.

— Да я, отвѣчаю, о разводѣ и не думаю, а можетъ быть это дѣло совсѣмъ не порчено, — и развода никакого не надо.

— Все равно, если и свидѣтельства нѣтъ, а вѣнчаны, такъ уже пропадай они совсѣмъ, — второй разъ перевѣнчивать зазорно.

— Я, говорить, думаю, что ихъ не вѣнчали. Небось пропѣли что-нибудь, да и конецъ.

— Ну, можетъ ли это быть?

— А отчего нѣтъ? Они вѣдь ангелисты, — въ церковь не ходятъ, службы не знаютъ, не все ли имъ равно, что имъ спуютъ: молебень, или вѣнчащье. Нѣтъ, вы спросите-ка свидѣтельство.

Думаю: и вправду, дай-ка спрошу! Онъ это даромъ на вѣтеръ не бросилъ.

Отслуживъ на утро обѣдню, напился съ своей гостьей чаю и говорю:

— Я вамъ переводишко устроилъ, и вотъ вамъ пока изъ редакціи три рубля впередъ, а передъ вечеромъ пожалуйста, — тогда и переводъ получите. Да не можете ли пригласить ко мнѣ вашего ветеринара, — я и ему кое-что хочу представить.

Такъ, разумѣется, вздоръ вралъ, но въ случаѣ если бы она стала спрашивать, сказалъ бы, что хочу его отрекомендовать въ Москву бѣснаго слона лѣчить. Но только она не спросила, а прямо его обѣщала привести.

А я тѣмъ временемъ спосылалъ за безголосымъ пѣвцомъ

и спрашиваю: есть ли у них *для себя* какія-нибудь памятки, кто у них легко вѣнчанъ?

Отвѣчаетъ: есть.

— Нельзя ли, говорю, мнѣ справиться про такого-то студента?

Онъ это минутою сдѣйствоваль и воротился,—говорить:

— Очень легко сдѣлано.

— Такъ что можно ему еще разъ жениться?

— Сколько угодно. Имъ просто молебень спѣтъ.

— Ишь, говорю, что вы, разбойники, строите.

— А что же, отвѣчаетъ, да они безбожники больше и не стѣять. До какихъ лѣтъ дожить, въ церковь гроша не подадутъ, и не слышали о томъ, какая служба есть. Имъ и молебна-то жаль, — не токма что Псаю для нихъ безпокоить.

— Такъ, значить, они съ акушеркой не вѣнчаны?

— Не вѣнчаны.

Я это принялъ къ свѣдѣнію, пообѣдалъ и только маленько соснулъ, какъ смотрѣлка меня будить:

— Утренняя мадамка, говоритъ, вдвоемъ пришла.

— Съ кѣмъ?

— Женухъ, говоритъ, ейный, что ли, не знаю.

Я велѣлъ подождать, обтерся со сна полотенцемъ и выхожу.

Они кланяются.

Не знаю, что она въ немъ и полюбила, — смотрѣтъ со всѣмъ не на-что.

И его туда, сюда повернуль и въ первыхъ же разспросахъ вижу, что дѣтина самая банальная: откровенно глупъ и откровенно хитерь. Такъ сказать — фруктъ нашего урожайнаго года.

— Я, говоритъ, обмануть низостью, какой не ожидалъ. Жена моя, говоритъ, казалась развитою женщиною, — увѣряла, будто ей нужно выйти замужъ только для того, чтобы отъ родительской власти освободиться, а потомъ стала требовать, чтобы я Аниуту бросилъ, а съ нею на одной квартирѣ жилъ, или чтобы я ей на содержаніе давалъ. А послѣ къ ней полицейскіе стали ходить и она меня начала пугать.

— Чѣмъ?

Молчить.

— Доносъ какой-нибудь хотѣла сдѣлать?

Пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ:

— Вѣроятно.

— Да вы развѣ въ чемъ-нибудь замѣшаны?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, я не замѣшанъ, но мы еще со студенческаго времени всѣ безъ замѣшательства, такъ, просто боимся, а она теперь и сама въ полицію акушеркой поступила.

— Ахъ ты, думаю, дурачокъ горькій. И спрашиваю:

— Она въ полици, а вы-то гдѣ служите и подѣ чьимъ начальствомъ?

Называетъ мѣсто и начальника—лицо мнѣ, по старымъ памятямъ, весьма знакомое: еще съ табелькой съ нимъ игравали.

— Да у тебя, голубчикъ, въ формулярѣ-то записано ли, что ты женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, не записано.

— А вѣнчальное свидѣтельство есть?

— Тоже нѣтъ.

— Почему?

— Не дали.

— Хорошо, что не дали. А теперь отвѣчай мнѣ: радъ бы ты имѣть женою, вмѣсто твоей акушерки, Нюточку?

Молчитъ.

— Что же ты молчишь?

— Я, говорить, вѣдь совсѣмъ противъ брака.

— Ага, молъ, ишь ты какой: норовишь лизнуть да и сплюнуть. А по доброму порядку, говорю, когда человѣкъ съ женщиною дѣтей прижилъ, такъ ему ужъ эти рацен надо въ сторону. Женись-ка, братъ, на ней да и баста.

— Да, вѣдь, это невозможно.

— А если бы возможно было?

Опять молчитъ.

— Ну, стало быть, говорю, ты, братъ, лукавишь. Отвѣчайте-ка вы, Нюточка: вы желали бы быть его женою?

Та, молодцомъ, сразу прямо отвѣтила, что желала бы. Видно уже игра-то сія ей надоѣла.—Но онъ молчитъ.

— Что же ты, говорю, сталъ? Поверни тебя, батюшка Спиридонъ-поворотъ.

— Я, говорить, больше уже не попадусь.

— Кому это?—женщинѣ, которая вашихъ дѣтей таскаетъ и васъ любить?

— Все равно, говорить, я могу жить граждански.

— Нѣтъ, думаю, если ты по-граждански, такъ я же съ тобой съ разбойникомъ сдѣлаюсь по-военному.

Язычокъ-то себѣ прикусилъ и о родѣ его вѣнчанія съ акушеркой ничего ему не сказалъ,—чтобы онъ не считалъ себя свободнымъ, а озаботился имъ иначе.

Какъ онъ ушелъ, я положилъ передъ его супругой листъ бумаги и говорю:

— Пишите-ка, какой я вамъ переводъ продиктую.

И задиктовалъ, указывая, гдѣ что ставить: «Его превосходительству, господину такому-то, отъ такой-то докладная записка. А затѣмъ продолженіе въ такомъ смыслѣ, что «я, просительница, приживъ внѣ-брачно съ такимъ-то, служащимъ подъ вѣдѣніемъ вашего превосходительства, двухъ дѣтей, въ чемъ онъ чистосердечно признался при священникѣ такомъ-то, и не получая отъ него ничего на содержаніе сихъ невинныхъ малютокъ, коимъ сама не въ состояніи снискать пропитанія, а потому всепочтительнѣйше прошу побудить его на мнѣ жениться, или по крайности оныхъ моихъ малютокъ обезпечить должнымъ, по средствамъ его, содержаніемъ, вычетомъ части изъ его жалованья».

Она это все написала, а потомъ спрашиваетъ:

— Къ чему это писано?

— А къ сему, говорю, подпишись.

— Но, вѣдь, это доносъ.

— Нѣтъ: это докладная записка.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчаетъ, я подпишу. И подписала.

Я взявъ этотъ манускриптъ въ карманъ, надѣлъ новую ряску и пошелъ къ генералу, котораго, какъ вамъ говорю, еще въ малыхъ чинахъ коротко по картамъ зналъ. Отлично шельмецъ съ табелькой игралъ и, вообще, былъ чудесный парень,—любилъ выпить и закусить, и отношенія наши, по полковому, были на «ты».

Конечно, honores mutant mores,—можетъ быть, онъ и перемѣнился, но я какъ-то этого не надѣялся и рѣшилъ держаться съ нимъ на прежней ногѣ.

Велѣлъ о себѣ доложить, а самъ сталъ передъ зеркаломъ, чтобы орденки поправить. Но въ это же зеркало и вижу: онъ въ ту же минуту выходитъ, прямо ко мнѣ, крадется и—цапъ сзади ладошами глаза мнѣ и закрылъ.

— Жоздра! говорю,—радость моя,—это ты.

— А ты, — восклицаетъ, — почему узналъ?

— Мудрено ли узнать: кто, кромѣ тебя, можетъ мою священную особу за лицо брать, а къ тому же я и въ зеркало тебя видѣлъ. Давай, поцѣлуйся. — И, говорю, къ тебѣ по дѣлу, Жоздра.

Его Егоромъ величали, но мы его Жоздрою звали, потому что такъ ему одна нѣкогда влюбленная въ него простонародная дѣвица бѣлошвейка писала.

— Есть у тебя такой-то подчиненникъ?

— Есть.

— Повели ему, мой ангелъ, на одной мамзелькѣ жениться.

Онъ расхохотался.

— Что ты это, попъ-чудила, — говоритъ, — выдумалъ. Въ моей власти конскія свадьбы, но человѣческіе браки не по моему вѣдомству.

— Нѣтъ, говорю, Жоздра, жизненокъ мой, маточка, — не говори глупостей: у русскаго генерала все во власти! Я иначе не вѣрю. Не огорчай меня, не отказывайся отъ христіанскаго дѣла, повели дураку жениться на дурѣ, чтобы вышла цѣлая фигура, а то мнѣ ихъ и ребятъ очень жалко.

Онъ было опять смѣяться, но я говорю:

— Нѣтъ, ты ангелъ мой, не смѣйся, — это дѣло серьезное. И рассказалъ ему все дѣло.

— Понимаешь ли, говорю, что этого ни въ какой конклавъ нельзя пустить, чтобы кто-нибудь не пострадалъ, а зачѣмъ страдать, когда ты по-генеральски, одинъ все дѣло поправить можешь.

— Какимъ манеромъ?

— Просто — повели, да и баста, на то ты начальникъ.

— Я выгнать его, говоритъ, могу, но принудить его жениться не имѣю права.

— Тпру, тпру, тпру, отвѣчаю, — остепенись. Чтò ты это такое выдумалъ? Какъ можно человѣка выгнать, да еще особенно этакого глупаго. Куда онъ безъ казенной службы годится? Нѣтъ, ты не ожесточай несчастнаго сердца, а просто потребуй его передъ себя и накричи.

— Что же я буду кричать?

— Да что хочешь, только посердитѣ: это все равно. Но если замѣтишь, что отвѣчать хочетъ, этого не допускай, — топни и скажи: молчать.

— И съ тебя этого будетъ довольно?

— Совершенно, мамочка, довольно. Только, пожалуйста, посердитѣ и чтобы не смѣлъ отвѣчать.

— Изволь, говорить, уважу,—и съ этимъ позвонилъ, а мнѣ добавляетъ: пойдн, тамъ, за ширмой, посиди, покури и послушай, что выйдетъ. Я ни за что не ручаюсь.

— Да тебя, говорю, никто и не просить ручаться, только сдѣлай свое начальническое дѣло добросовѣстно,—накричи.

Ну, онъ и дѣйствительно сдѣлалъ все это очень хорошо: какъ тотъ вошелъ, онъ сразу его афрапировалъ. Всѣ нынѣшнія жестокия хитрости сентиментальнаго обхожденія откинуть, прямо ему сочиненною мною докладною запискою мимо носа на землю швырнулъ.

— Знаете ли вы, спрашивасть, какая женщина это пишеть?

И чуть тотъ было только ротъ разинулъ, чтобы сказать: «знаю»,—онъ какъ крикнетъ:

— Молчать! Почему вы на ней не женитесь?

Но прежде, чѣмъ тотъ отвѣтилъ, я ему черезъ ширму пальцами махнулъ, онъ—опять крикнулъ:

— Молчать! Я зпать ничего не хочу! Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Завтра мнѣ чтобы брачное свидѣтельство было. Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Вонъ! и до тѣхъ поръ на глаза мнѣ не смѣть показываться. Слышите?

— Слу-слу-слу-шаю.

— Деньги на свадьбу есть?

— Нѣтъ.

— вспомошествованіе дамъ, а пока... Батюшка!—зоветь меня:—пожалуйте сюда.

Я вышелъ.

— Извольте взять, говорить, этого соблазнителя: онъ двинцу соблазнилъ и долженъ немедленно быть съ нею обвѣчанъ. Прошу васъ исполнить это и завтра же прислать мнѣ его брачное свидѣтельство.

— Слушаю-съ, отвѣчаю. Извольте, молодой человѣкъ, идти и приготовьте разрѣшеніе начальства. Я за нимъ зайду. Тотъ вышелъ, а генераль спрашиваетъ меня:

— А что, я какво кричу?

Я его въ обѣ щки чмокнулъ и говорю:

— Дивно, дивно! но теперь доверни свою работу: сплавь ихъ отсюда.

— Куда?

— Назначь его куда-нибудь въ провинцію отдѣльную должность занимать.

— Это для чего?

— Да онъ тамъ успокоится и съ простыми людьми въ разумъ придетъ.

И въ этомъ успѣлъ. Такъ я ихъ въ одинъ день развелъ, а на другой день обвинчалъ, съ малымъ упущеніемъ по числу оглашеній, и свидѣтельство выдалъ, а черезъ недѣлю и на службу ихъ выпроводилъ. Онъ ничего и понять не могъ. Однако пробовалъ меня пугать.

— Вы отвѣчать, говорить, будете.

— Ну это, моль, не твое дѣло: мнѣ начальство приказало вѣнчать, а я власти покоренъ.

Такъ онъ и сейчасъ настоящимъ образомъ всего не понимаетъ, а живутъ, судьбою довольны и назадъ не просятъ,—думаютъ, небось, что они въ самомъ дѣлѣ законопреступно обвинчаны, да, чай, и акушерки болятся.

— А что же, акушерка не приходила?

— Къ кому?

— Къ вамъ.

— Какъ же,—приходила. Я ее къ ибѣцу отправилъ.

— И послѣ не видали?

— Нѣтъ, видѣлъ одинъ разъ у пристава на крестинахъ.

— Что же она: сердилась?

— Н-н-нѣтъ. Понскала вчерашняго дня и увидала, что она дура.

— «Отличную, говорить, батюшка, ваши духовные со мною штуку сыграли».

— А что такое?

— «Да то, что я по ихъ милости все равно, какъ будто вмѣсто кадрили вальсъ протанцовала».

— Ну, что дѣлать, когда-нибудь утѣшитесь, вмѣсто вальса кадрили протанцуете. На кого же ей сердиться?

— Просто невѣроятно!

— Вотъ то-то и есть. А поведите-ка все это черезъ настоящія власти,—какая бы кутерьма поднялась, а путнаго

ничего бы не вышло, потому что законъ и высокое начальство, стоя превыше людскихъ слабостей, къ глупости человеческой снисхожденія не могутъ оказывать, а мы, малые люди, можемъ, да и должны. Дурачки, да наши. Что жъ ихъ хитрецамъ въ обиду давать? Надо ихъ пожалѣть. Поживуть съ наше—и они обумиѣють,—тоже людей жалѣть будутъ. Но довольно мнѣ вамъ эти сказки сказывать. Я ужь очень разболтался, пойду—посмотрю, что мнѣ въ мотѣѣ написали.

— Да, говорю, это и впрямь все отдаетъ сказками.

— Сказки, сударь, и есть, сказки. Живи да посвиствуй... «Патока съ инбиремъ, ничего не разберемъ, а ты дядя Еремѣй, какъ гораздъ, такъ разумѣй».

Собесѣдникъ мой подалъ мнѣ руку, которую я придержалъ и спросилъ:

— Но неужто же у насъ никто не можетъ помочь вмѣсто всей этой городьбы прямую улицу сдѣлать?

— А объ этомъ намъ еще ничего неизвѣстно. Впрочемъ, никогда, ни въ чемъ не должно отчаиваться: одна набожная старушка въ дѣтствѣ меня такъ утѣшала: все, говорила, можетъ, поправиться, ибо «рече Господь: аще могу—помогу». Гдѣ она это вычитала,—я тоже не знаю, но только она до ста лѣтъ благополучно дожидла съ этимъ упованіемъ, чего я и вамъ отъ души желаю.

ИМПРОВИЗАТОРЫ.

(КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ.)

Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечеркомъ.

А. Фетъ.

«Одни представляли ее себѣ въ видѣ женщины, отравляющей воду, другіе— въ видѣ запятой. Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

С. Смирнова («Нов. Вр.» 18 ноября 1892).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Остроумная писательница, изъ послѣдняго литературнаго этюда которой я выписалъ этотъ эпиграфъ, обрисовываетъ дѣло чрезвычайно вѣрно. Когда лѣтомъ 1892 г., въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка, появилась въ нашей странѣ холера, немедленно же появилось и разномысліе, что надо дѣлать. «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

Слѣдуетъ добавить, что народъ не только такъ «думалъ», но онъ пробовалъ и приводить это въ дѣйствіе. Нѣсколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы дѣлу, были сами убиты.

Это случилось, говорятъ, оттого, что простымъ людямъ всего своевременно и терпѣливо не объяснили и, главное, не показали имъ нигдѣ эту самую «запятую», чтобы они видѣли, какъ она имъ вредитъ. Это, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ хорошо было бы показать, но только сдѣлать

это было очень трудно: залятая видима только подъ микроскопомъ, а въ слободахъ и селеніяхъ, гдѣ живетъ «народъ по преимуществу», микроскоповъ (или «мелкоскоповъ») нѣтъ. Поэтому нельзя удивляться, что народу, который впервые услышалъ про «залятую», вѣсти о ней показались сомнительными. Народъ довольно приученъ не вѣрить ученымъ, и онъ смекнулъ, кому эта выдумка о «залятой» могла быть выгодна, и порѣшилъ наказать лѣкарей за ихъ выдумку.

Въ столицахъ, гдѣ образованность несравненно выше, наукѣ оказано совсѣмъ иное довѣріе: здѣсь залятую видѣли увеличенную подъ микроскопомъ, засушенную и выставленную на окнѣ «въ квартирѣ извѣстнаго журналиста, живущаго на окраинѣ города». Объ этомъ было напечатано въ петербургской газетѣ, особенно слѣдящей за разнообразными явленіями столичной жизни.

«Журналистъ, проживающій на окраинѣ», демонстрировалъ «залятую» множеству людей, между которыми были особы достопримѣчательнаго положенія. Видъ козявки всѣхъ удивлялъ; большинство людей отбѣгали отъ нея въ страхъ, и лишь немногіе поддавались успокоительнымъ увѣреніямъ журналиста, что «залятая обезврежена», и тогда брали ее въ руки.

Такъ образованнымъ жителямъ столицы не было никакого труда увѣровать въ «залятую»; но слободскимъ и деревенскимъ мужикамъ никто этого не показалъ, и они въ залятую не повѣрили и до сихъ поръ еще не вѣрятъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсказанный случай съ «увеличенной залятой» газета объясняла такъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, «кунилъ шутки ради курьезную японскую козявку», а когда одинъ генераль спросилъ его: что это такое?— онъ, по вдохновенію, сказалъ, что это «увеличенная и засушенная залятая». Генераль этому повѣрилъ, а журналистъ сталъ пробовать: неужто и другіе образованные люди могутъ вѣрить такой очевидной нелѣпости. И оказалось, что *всѣ этому вѣрили!*

Если сопоставить то, что замѣчено г-жею Смирновою насчетъ несоотвѣтствія народныхъ взглядовъ на «залятую», съ тѣмъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, обнару-

жилъ въ людяхъ высшаго порядка, то выйдетъ, что степень легковѣрія и безразсудства на томъ и на другомъ концѣ общественной лѣстницы получается какъ бы одинаковая; но вверху дѣйствуетъ козявка засушенная, а по низамъ ползеть что-то живое, и не заморское, а простое доморощенное.

Что же такое замѣняло и замѣняетъ засушенную «запятую» въ народѣ? Я попробую показать эту штуку такъ, какъ я ее видѣлъ.

Тургеневъ изобразилъ, какъ говорить съ простолюдиномъ интеллигентъ и раскольникъ начетчикъ. У перваго все умно направлено къ дѣлу, а второй вертитъ «яко» да «аще», и смотришь — этого слушаютъ, а того нѣтъ. Малороссу, чтобы его растрогать, надо, чтобы ему свой братъ сказалъ: «граю и воропаю». Я самъ помню, какъ въ давнія времена въ Кіевѣ польскій актеръ Рекановскій игралъ роль въ какой-то малороссійской пьесѣ, гдѣ послѣ происшедшаго въ семьѣ горя жена начинаетъ выть, а мужъ бросаетъ ее за руку на полъ и говоритъ: «Мовчи, бо скорбь велика!» И послѣ этихъ словъ настала пауза, и театръ замеръ, а потомъ изъ райка кто-то рыдающимъ голосомъ крикнулъ: «Эге! це не ващъ Шекспыр!» И мнѣніе о Шекспирѣ было понижено до безконечности.

Надо сочинять что-то такое «дуже простое», чтобы было въ ихъ вкусъ — съ дымкомъ и съ грязью, даже, пожалуй, съ дуриной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лѣтомъ 1892 года я жилъ на морскомъ берегу въ Шмембѣ. Тяжко больной, я былъ далекъ отъ личнаго участія въ дѣлахъ, и даже равнодушно читалъ въ газетахъ энергичскіе приказы генерала Баранова, но потомъ мнѣ стало интересно сравнивать ихъ съ приказами другихъ администраторовъ, которые ему подражали и блистали только отраженнымъ или заимствованнымъ свѣтомъ. Изъ этой литературы я узнавалъ, что появились люди, которые распускаютъ вредные слухи о болѣзни, и что нижегородскій генералъ такихъ людей сбьетъ розгами и можетъ когда угодно повѣсить.

Мѣры генерала Баранова «въ наказаніи разговоровъ» производили въ большой публикѣ впечатлѣніе не особенно

сильное и неясное; многие не могли взять въ толкъ: отчего одного разговорщика довольно только высечь, а другого надо еще отдать въ санитары, а третьяго—«повѣсить» или, по простонародному выраженію, «удавить». Какое тутъ «распределеніе всеобщей провинности»? Многие думали, что все это послѣдовательно будетъ сдѣлано надъ каждымъ охотникомъ разговаривать, т.-е. что разговорщика сначала высѣкутъ, потомъ опредѣлятъ «горшокъ выносить», а потомъ уже, когда онъ станетъ ни къ чему неспособенъ, тогда дадутъ ему глухую исповѣдь и удавятъ на площади. О самомъ повѣшеніи тоже разнорѣчили: одни были увѣрены, что «вѣшать будутъ только для испуга публики», а потомъ «курьера выпустятъ съ прощадю», а другіе увѣряли, что «это не для шутки, и никакой прощады не будетъ, а удавятъ какъ слѣдуетъ», отъѣна же противъ обыкновенія будетъ только въ томъ, что, «по давленіи разговорщика, отдадутъ онаго родственникамъ для его погребенія». Возникать тоже вопросъ о женщинахъ: «какъ такую сѣчь, если разговариваетъ, а сама беременна?» По множеству всѣхъ этихъ сомнѣній мы съ толку сбѣлись и спрашивали разъясненій у четырехъ оставшихъ губернаторовъ, которые въ это лѣто ходили у насъ по плажу, но они были заняты своимъ положеніемъ и говорили, что ничего не понимаютъ.

Видаясь со своими сосѣдями — кузнецомъ, лавочникомъ, лѣсникомъ—и съ своими домохозяевами, я замѣтилъ, что они недоумѣваютъ: «Какія же это *вредныя слова* бываютъ?» Этому имъ никто объяснить не могъ, а имъ это было очень нужно знать:

— Вѣдь вотъ,—говорили они: — можетъ случиться что-нибудь такое умственное услышишь и не поймешь въ объясненіи случая, и скассируютъ на-смерть! Мы не можемъ узнать агитатора!

Это такъ говорилъ лавочникъ, образованный и краснорѣчивый человекъ, съ ораторскими дарованіями котораго мы ниже еще познакомимся.

То, что предвидѣлъ лавочникъ, то и на самомъ дѣлѣ отчасти случилось.

Разъ, когда я шелъ домой лѣскомъ изъ Мерекюля, нагоняетъ меня няня изъ одного моего знакомаго семейства и говорить, что «въ Петербургѣ уже народъ отравляютъ».

Я ее отговариваю, чтобы она этому не вѣрила, и напо-

минаю ей про опасность отъ генерала Баранова; но она не обращаетъ на мои предостереженія никакого вниманія и говоритъ, что то, что она знаетъ, это тоже произошло отъ генерала.

— Ну,— говорю я: — если отъ генерала, то въ такомъ случаѣ рассказывайте, что вамъ извѣстно... Но только, смотрите, увѣрены ли вы, что это точно отъ генерала?

— Отъ генерала.

И она рассказала исторію, которую я здѣсь передамъ съ возможною точностью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Живетъ у рышка отставной генераль. Отъ команды отставленъ, но военныхъ правъ не лишилъ и ходитъ въ военномъ образѣ съ поперечиной. На дачу онъ не любитъ ѣздить, а остается въ Петербургѣ, потому что веселаго характера и любитъ разѣзжаться по знакомымъ, а вечеромъ на закатъ солнца смотритъ и слушаетъ, какъ поютъ француженки. Онъ пожилой, но очень веселый, и все бы ему съ дамами да съ красотками; а жена у него старушка, съ нимъ не живетъ. Прислуги у него три человѣка, мужчины: камердинеръ, поваръ и буфетчикъ, и все ему вѣрные, потому что имъ жить у него прекрасно; гости часто въ карты играютъ и приходимыя красотки жалуютъ, и тогда уже ни въ чемъ нѣтъ сожалѣнія. И теперь же, на этихъ дняхъ, побхалъ этотъ генераль въ «Аркадію» или «Ливадію» и пробылъ тамъ до послѣдняго времени, а потомъ побхалъ домой въ простомъ намѣреніи раздѣться, Божинькѣ помолиться и бай-бай заснуть; но только-что онъ хотѣлъ въ дверь свой ключъ вставлять, какъ вдругъ заята! Сама дверь распахнулась, и на него вылетаетъ оттуда его буфетчикъ, блѣдный какъ шутъ Пьеро, и лопочетъ незнамо что.

Генераль подумалъ, что вѣрно онъ немножко вышилъ, или тоже приходимую крошку ожидаетъ, а тотъ ему отвѣчаетъ: «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; а у насъ огромное несчастье: вашего камердинера умирать увезли». Генераль разсердился. «Какъ, безъ меня? Какъ смѣли?.. Говори скорѣй, какъ это сдѣлалось?»

Буфетчикъ дрожитъ и путается языкомъ, но рассказалъ, что камердинеръ, проводивши генерала, совѣмъ былъ здо-

ровъ и ходилъ на рыбный садокъ, себѣ рыбу кушилъ, а потомъ пошелъ къ графу Шереметеву къ второму регента помощнику слѣвку слушать, а оттуда на возвратѣ встрѣтилъ приходимую бѣдную крошку и принялъ ее и съ нею при открытомъ окнѣ чай пилъ, а когда пошелъ ее провожать, то вдругъ сталъ себя руками за животоъ брать, а дворники его тутъ же подхватили подъ руки, а городской засвиристѣлъ—и увезли. Онъ не хотѣлъ ѣхать и не давался,—кричалъ:

— Прощайте, други!. Ваше превосходительство, заступитесь! Но они его усадили и неизвѣстно куда увезли.

— Ахъ, несчастный!--сказалъ генераль и, растроганный до слезъ, сейчасъ же поѣхалъ къ оберъ-полицеймейстеру. Но его тамъ не приняли; говорятъ: «Есть пріемные часы—тогда можете!» Онъ—къ приставу, и приставъ нѣтъ. «Гдѣ же онъ?»—«Помилуйте,—говорятъ,—по участку ходитъ!»—«Кого же я могу видѣть?»—«А вотъ дежурный за стѣнкой». Выходитъ изъ-за стѣнки дежурный офицеръ, застегиваетъ на себѣ мундирный сюртукъ и спрашиваетъ: «Что угодно?»

Генераль ему все и передаетъ: «Такъ и такъ, мой камердинеръ, на рукахъ котораго вещи, серебро и весь домъ, а его въ мое отсутствіе взяли и увезли безъ извѣщенія меня, какъ будто какого-нибудь учебнаго разсуждателя. Прошу мнѣ его сейчасъ возвратить».

А полицейскій говоритъ: «Я этого не могу, потому что его у насъ нѣтъ; мы его еще въ двѣнадцатомъ часу въ больницу отпразднили».

Генераль обругалъ его какъ не надо хуже и вскочилъ опять на извозчика и все извозчика послѣ этого вслѣдъ скорѣе подгоняетъ.

А извозчикъ догадался, для чего онъ ѣздитъ, и говоритъ:

— А осмѣлюсь спросить: котораго часа вашего человѣка взято?

Генераль говоритъ:—О полуночи.

— Ну, такъ теперь,—говоритъ,—ему уже аминь.

— Чтò ты вздоръ говоришь!

— Помилуйте, какой же вздоръ!—Теперь они ему уже струменцію запустили.

— Ты глупости говоришь.

А извозчикъ полуоборотился и крестится рукой, а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу, ей-Богу,—говорить:—вѣдь они теперь всёхъ струменціей пробують. Сначала начнутъ человѣка въ ванной шпарить и кожу долой стирать и притомъ въ ротъ лѣкарства льютъ; а которые очепь крѣпкаго сложенія и отъ лѣкарства не могутъ умереть, тѣмъ послѣднюю струменцію впускаютъ—и этого ужъ никто не выдержитъ.

Генераль же думаетъ: вретъ извозчикъ,—бросилъ ему деньги, а самъ вѣжалъ въ больницу и вскричалъ:

— Попросить ко мнѣ старшаго доктора? Кто здѣсь старшій докторъ?

Старшій докторъ выходитъ—этакій въ заспанномъ видѣ и никакого особливаго вниманія не обращаетъ, а спрахвола спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

Генераль ему отвѣчаетъ живо и бойко и рукой простираетъ, что вотъ такъ и такъ: «Я, говоритъ, въ нынѣшнемъ лѣтѣ на дачу не переѣзжалъ и остался въ городѣ»... А лѣкаръ его перебиваетъ: «Вы, говоритъ, пожалуйста, покороче, а то мнѣ изъ отдаленныхъ началъ слушать некогда»...

Генераль немножко разсердился и говоритъ: «Я вамъ пачинаю такъ, чтобы было понятно. Я вечеромъ человѣка въ цвѣточный магазинъ послалъ за букетомъ и оставилъ его въ цвѣтущемъ видѣ, и онъ еще послѣ мѣся пошелъ на садокъ и спѣвку слушалъ».

Но лѣкаръ опять перебиваетъ: «Ваше превосходительство, мнѣ, говоритъ, некогда! Нельзя ли, въ чемъ дѣло?»

— Дѣло въ томъ,—говоритъ генераль:—что этого человѣка взяли и увезли, и онъ у васъ, а я желаю его къ себѣ взять.

Старшій докторъ обернулся къ фельдшеру и говоритъ:

— Справся!—А тотъ справился и сразу отвѣчаетъ:

— Есть!

— Что же онъ?

— Умеръ.

Докторъ говоритъ:—Вотъ и можете получить.

Генераль и осомлѣлъ.

— Что это такое?—говоритъ.—Я не вѣрю... Всего нѣсколько часовъ тому назадъ человѣкъ былъ полный жизни...

А докторъ говоритъ: — Это и очень часто такъ бываетъ. А впрочемъ, пожалуйте, служитель васъ проведетъ и его покажетъ! — и велѣлъ служителю: — Проводи генерала!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Служитель привелъ генерала въ мертвецкій покой; но тутъ покойниковъ нѣсколько и еще на нихъ только номерки лежать, а нѣтъ никакого воззванія, и по лицамъ отличить нельзя, потому что всѣ лица почернѣвшія, и руки отъ судо­роговъ въ перстахъ сдерганы такъ, что не то благословеніе дѣлаютъ, не то растопыркою кызу представляютъ.

Генераль и говоритъ: — Я такъ не могу своего человѣка узнать! Мнѣ пусть покажутъ!

Служитель побѣжалъ въ контору, спросить, подъ какимъ оный номеромъ, а генераль остался и замѣчаетъ, что сзади его кто-то вздохнулъ. Видитъ, это читальщикъ, человѣкъ степенный, въ очкахъ, въ углу стоитъ, но не читаетъ, а на него сверхъ очковъ смотритъ и, какъ генералу показало­сь, — съ сожалѣніемъ.

Генераль его и спросилъ:

— Что, старина, съ сожалѣніемъ смотришь?

— Да, — говоритъ, — ваше превосходительство.

— Жутко, я думаю, и тебѣ въ этакомъ адскомъ мѣстѣ?

— Да, — говоритъ, — но главное дѣло, что мнѣ утромъ всегда нить очень хочется, а тутъ нигдѣ лавчонки нѣтъ. Въ другихъ больницахъ, которыя строены въ порядкѣ домовъ, это хорошо: тамъ сейчасъ, какъ дождень утра, такъ и выбѣжишь: квасу или огуречнаго рассолу выпьешь, и оживетъ дуна; а тутъ эта больница на площади... ни одной лавки вблизи нѣтъ... Просто, ей-Богу, даже ротъ трубкой сталъ.

Генераль вынулъ два пятиалтынныхъ и говоритъ:

— Сходи, за моего усопшаго чайку въ трактиръ напейся.

Читальщикъ, разумѣется, доволенъ и благодаритъ.

— Видно, — говоритъ, — вамъ дорогой человѣкъ былъ?

— Да, братецъ! Я бы ста рублей не пожалѣлъ, чтобы его поставить.

А читальщикъ ему и шепчетъ:

— Какъ же ихъ поставить! У нихъ ужъ всѣ чувства убиты и пульсы заморожены, потому что, вѣдь, струменцію-то

ставять подъ самую мышку, а въ пяткахъ подъ щиколоткой еще и послѣ смерти пульсы бьются.

Читальщикъ это сказалъ и ушелъ, а генераль свонный намекъ, на что онъ намекалъ,—понялъ, и какъ служитель вернулся и сказалъ, подъ которымъ номеромъ камердинеръ лежитъ,—тотъ ему говорить:

— Хорошо, братецъ, я надъ нимъ здѣсь останусь, а ты поди и сейчасъ мнѣ батюшку попроси. — я хочу панихиду отпѣть.

Служитель опять побѣжалъ, а генераль зажегъ читальщикову свѣчку да прямо покойника огнемъ подъ пятку... Тотъ вразъ и вскочилъ, а генераль его сейчасъ на извозчика да домой, а потомъ въ баню, а другого чловѣка, буфетчика, къ этимъ же докторамъ съ нисьмами послалъ—къ старшему и къ двумъ его главнымъ помощникамъ,—чтобы пришли къ нему его самого лѣчить.

Тѣ и рады: думаютъ, генераль съ состояніемъ, тутъ ужъ мы хорошо попользуемся! И притомъ же они были напугавшись, куда отъ нихъ изъ мертвецкой мертвый дѣлся: весь лишній форсъ съ себя сбросили и пришли.

А генераль велѣлъ, чтобы какъ они придутъ и сядутъ, такъ чтобы сейчасъ открыть изъ другой комнаты дверь и чтобы камердинеръ, во фракѣ, съ большимъ подносомъ чаю въ рукахъ входить.

Доктора, какъ это увидали, такъ всѣ трое съ кресель на полъ и упали. А генераль выхватилъ пистолеть и одному и другому помощникамъ груди прострѣлилъ, а старшаго доктора выступкой подкинулъ и началъ трепать его со щекъ на щеку, а послѣ, какъ уморился, говорить: «Иди теперь, жалуйся».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И когда няня докончила мнѣ этотъ разсказъ, она добавила съ радостью: «вотъ какъ!»—и я удивился. Она была женщина опытная, понятливая и осторожная, такъ что во всякомъ дѣлѣ обмануть ее было не легко, и неужели же этой нелѣпности она вѣрила?

Да, она вѣрила, или, если и не вѣрила, то *хотѣла, чтобы это было такъ*, потому что это ей было *во вкусъ*.

Я съ нею вступилъ въ пререканіе, приводить ей самыя простыя соображенія и доказательства того, что такое

происшествіе совершенно невозможно. Она все слушала и со мною соглашалась, но вслѣдъ за тѣмъ съ усиленнымъ самодовольствомъ добавляла:

— Ну, однако, генераль докторовъ все-таки угостили, какъ заслужили! И вотъ такъ бы и всѣхъ ихъ стѣбло.

— Да за что же? Какая имъ выгода морить людей?

— Вотъ, вотъ, вотъ!.. Вотъ это-то отъ нихъ и надо узнать! И узнаютъ...

Мнѣ чувствуется, что эта женщина — заодно съ тѣми, которые думаютъ, что надо убить не «занятую», а докторовъ. Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Любопытствую у ея госпожи, у которой она служитъ двадцать лѣтъ и воспитала ей «гвардейцевъ». Спрашиваю: не слышали ли, какіе няня пустихи рассказываетъ о генералѣ?

— О, — отвѣчаетъ мнѣ дама: — это она уже давно говорить... А впрочемъ, вѣдь это и всѣ рассказываютъ.

— Какъ всѣ?

— Да вотъ и у X. и у Y, и у Z дѣвушки говорили мнѣ то же самое, да и ваша Саша.

— Что такое — моя Саша?

— Она тоже говорить то же самое.

А «моя Саша» — молодая дѣвушка, восемнадцати лѣтъ, которая «тиха не по лѣтамъ» и которую всѣ зовутъ «мокрою курицей». Что же она можетъ говорить?

Но оказывается, что и она дѣйствительно знаетъ о генералѣ и его камердинерѣ, и о приходимой красоткѣ, — и сама, хоть она «мокрая курица», но очень весело сочувствуетъ тому, что «лѣкарей надо бить».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Захожу на другой день къ лавочнику посидѣть у его лавки. Лавочникъ, — человекъ молодой, очень пріятный и обладаетъ совершенно непосредственнымъ краснорѣчіемъ. Онъ «изъ поваровъ», кротокъ, благовоспитанъ и благоувѣливъ: имѣетъ нѣжное сердце, за которое и претерпѣваетъ. Онъ «прибыль къ здѣшней предмѣстности» тоже при генералѣ, у котораго ему было «хорошо наживать», но влюбился въ «этой предмѣстности» въ красивую эстонскую дѣвушку, и они «подзаконились». Отсюда начался «переломъ его жизни»: у нихъ вдвоемъ было пятьдесятъ рублей капитала, и на этотъ капиталъ они повели разностороннюю

дѣтельность: онъ снялъ сельскую лавочку, а она стала заниматься стиркою бѣлья. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, и они во все это время неутомимо старались устроиться, и кое-чего достигли: у нихъ уже трое дѣтей и всѣ прехорошенькія, но весь основной капиталъ ушелъ въ предпріятія. Теперь они живутъ только однимъ оборотомъ и, кажется, сами удивляются: какъ до сихъ поръ ихъ отсюда не выгнали, или они не умерли съ голоду? Но ихъ любовь и нѣжное и страстное «другъ ко другу стремленіе» не охлаждаютъ, и потому лица ихъ, равно какъ и личики ихъ дѣтей, всегда веселы и пріятны. Видѣть эти счастливыя лица—удовольствіе.

Спрашиваю я этого коммерсанта: не слышалъ ли онъ исторіи о воскресшемъ генеральскомъ камердинерѣ, о которомъ будто бы всѣ говорятъ? Лавочникъ подумалъ и отвѣчаетъ:

— Кажется, будто что-то слышалъ.

— Да вѣдь это же,—говорю,—нисколько не похоже на правду.

— Не знаю, какъ вамъ изъяснить въ опредѣленіи факта; но мнѣ, впрочемъ, это и ни къ чему... Ну ихъ!

А во мнѣ уже разыгрывается подозрительность, что и этотъ мой собесѣдникъ тоже не чистосердеченъ и что онъ тоже не за докторовъ, а за запятую; но поговорили мы дальше, и на думѣ становится яснѣе: лавочникъ оказывается человѣкомъ совершенно объективнымъ, и даже самъ называетъ уже «исторію» *глупостью* и припоминаетъ, что «эта глупость пошла словно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить *порціонный мужикъ*».

Слово это касается въ первый разъ моего слуха, и я спрашиваю: что это такое—порціонный мужикъ?

— А это,—отвѣчаетъ,—я такъ его прозвалъ.

— За что же?

— Да ужъ малъ онъ очень, совершенно цыпленокъ или порціонная стерлядка, которую дѣлить нельзя, а надо всю сразу съѣсть... Амкнулъ—и цѣтъ его!.. Да неужели вы его не видали?

— Не видалъ.

— Да вонъ онъ!

И тутъ я его увидѣлъ въ первый разъ, и вѣроятно съ тѣмъ, чтобы никогда его не забыть; но такъ какъ это ви-

дѣиіе стѣитъ того, чтобы передать его въ точности, то я долженъ обрисовать и рамку, въ которой оно мнѣ показалось.

Шмектъ—это длинная береговая линія домиковъ, соединяющая Устье-Паревы, или Гуингербургъ, съ мерекюльскимъ лѣсомъ, за которымъ непосредственно начинается и самый знаменитый нѣкогда Мерекюль,—нынѣ довольно демократизованный или «опрощенный».

Мѣстоположеніе такое: море, за нимъ полоса плотно уложеннаго песку (plage), за пляжемъ береговая опушка изъ кустовъ и деревьевъ, и тутъ построены дачи или домики. а мимо нихъ протекаетъ шоссе и за нею лѣсъ, довольно сырой и довольно грязный.

Лавочки, такъ же какъ и домики, построены лицомъ къ дорогѣ, за которою начинается лѣсъ. А потому, когда лавочникъ, рассказывавшій мнѣ о «порціонномъ мужикѣ», заключилъ свои слова указаніемъ: «вонъ онъ!»—я прежде всего взглянулъ прямо передъ собою на лѣсъ, и первое, что мнѣ представилось, навело меня не на ближайшую дѣйствительность, а на отдаленное воспоминаніе о годахъ, когда я жилъ также противъ лѣса и, бывало, смотрю на этотъ лѣсъ долго и все вижу одни деревья, и вдругъ сидитъ заяцъ, подгорюнился и уши ставитъ, а у меня сейчасъ, бывало, является охотничья забота: чѣмъ бы его убить? И въ это время что-то около себя хватаешь, а опять взглянулъ—зайца ужъ и нѣтъ!

Теперешнее видѣніе было совершенно въ этомъ родѣ: на сѣро-зеленомъ, туманномъ фонѣ стояло что-то маленькое и грязно-розовое; но прежде, чѣмъ я могъ хорошо рассмотреть, что это такое, оно уже и сникло.

— Боится,—проговорилъ лавочникъ.

— Чего же онъ боится?

— Запуганъ, знаете... бѣдность... Смотрите, смотрите! Вонъ онъ гдѣ, ниже на дорожку выходитъ.

И съ этимъ лавочникъ заложилъ себѣ за губу два пальца и пронзительно свистнулъ.

Порціонный мужикъ вздрогнулъ и оглянулся.

— Иди-ка сюда, Лишенный!—позвалъ его лавочникъ.

«Лишенный» къ порціонному мужику прилагалось въ родѣ обозначенія званія: такъ теперь зовутъ административно «высланныхъ» или «лишенныхъ столицы».

Мужиченко молча вернулся и пошелъ, и по мѣрѣ того,

какъ онъ ближе къ намъ подходилъ, я могъ яснѣе его разсматривать. Лѣтъ его цѣлзя было опредѣлить съ точностью: у него такое лицо, что ему можетъ быть между 20 и 50. Ростъ крошечный, какъ ростъ пятнадцатилѣтняго мальчика; худъ точно скелетъ, но обтянутый не кожей, а вылинявшею и вывѣтренной набойкой; губъ нѣтъ вовсе,—открыты два ряда превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ; носъ тоненькій и свернувшійся какъ коренокъ у сухой фиги; два глаза небольшіе, круглые, какъ у птицы, и оба разнаго цвѣта, какъ у знаменитаго Анастасія Дирахита: въ одномъ глазѣ зрачокъ чистый, голубой, а въ другомъ весь испещренъ темными штрихами и крапинками, и оттого кажется коричневымъ; бороденка и волосы на головѣ—это все какіе-то ключья. На головѣ шанки нѣтъ, босъ и почти-что нагъ, потому что весь уборъ его состоитъ изъ портокъ и рубанки: портки изъ набойки, изношенныя до лепестковъ; они спускаются только немножечко ниже колѣвъ и оканчиваются «бахмарою». Рубанка была когда-то изъ розовой нестриди, но теперь это одна розовая грязь.

Гейне видѣлъ въ Пиренеяхъ надъ бездною нищаго-испанца, который былъ покрытъ лохмотьями, и «у него глядѣлась бѣдность въ каждую прорѣху; изъ очей глядѣла бѣдность», но «исхудалыми перстами онъ щипалъ свою гитару» *). И описаніе этой бѣдности разрывало душу людей чувствительныхъ и добрыхъ, а испанецъ все-таки былъ «въ лохмотьяхъ» въ тепломъ климатѣ, и у него была еще «своя гитара»...

Западные писатели совсѣмъ не знаютъ самыхъ совершенныхъ людей въ этомъ родѣ. Порціонный мужикъ былъ бы моделью лучше испанца съ гитарой. Это былъ не человѣкъ, а какое-то движущееся ничто. Это сухой листъ, который оторванъ гдѣ-то отъ какого-то ледянаго дерева, и его теперь гонитъ и кружитъ по вѣтру, и мочитъ его, и сушитъ, и все это опять для того, чтобы гнать и метать куда-то далѣе...

И видишь его, и не разумѣешь: въ чемъ же есть смыслъ этого существованія?

«Господи! что сей самъ или родители его согрѣшили, и какъ проявятся въ немъ дѣла Божіи?!» Неужели, если бы

*) Атта-Троль.

птицы исклевали его въ зернѣ, или если бы камень жерновъ утопилъ его въ дѣтствѣ — ему тогда было бы хуже?

Конечно, «вѣсть Господь, чего ради изнемождаетъ плоть сыновъ человѣческихъ», но человѣку все-таки будетъ «страшно за человѣка»!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Онъ подошелъ и сталъ, и никому не сказалъ ни слова... Босыя ноги его всѣ въ болотинѣ, волосы шевелятся... Я близорукъ, но я вижу, что тамъ дѣлается. Руки его висятъ вдоль реберъ, и онъ большими перстами загнулъ ихъ за веревочку, которою подпоясанъ. Какія бѣдныя, несчастныя руки! Онѣ не могли бы щипать гитару... Нѣтъ, это какія-то увядшія плети тыквы, которую никто не поливалъ въ засуху. Глаза круглые, унылые и разнаго цвѣта — они не глядятъ ни на что въ особенности, а замѣтно, что они все видятъ, но ему ничто не интересно. За щеками во рту онъ что-то двигаетъ: это ходитъ у него за скулою какъ орѣхъ у бѣлки.

Съ этого и началась бесѣда.

Лавочникъ спросилъ у него:

— Что ты, Лишенный, во рту сосешь?

Онъ плюнулъ на ладонь и молча показалъ мѣдный грошъ, и сейчасъ же опять взялъ его въ ротъ вмѣстѣ съ слюнями.

— Хлѣба купить желаешь?

Порціонный отрицательно покачалъ головою.

Лавочникъ въ его же присутствіи наскоро изъяснилъ о немъ, что онъ «изъ-за Москвы», — «оголѣлъ съ голоду»: чей-то скотъ пригналъ въ Петербургъ и хотѣлъ тамъ остаться дрова катать, чтобы домой денегъ послать, но у него въ ночлежномъ пріютѣ какой-то странникъ укралъ пятнадцать рублей и скрылся, а онъ съ горя ходилъ безъ ума и взять и выслать «съ лишеньемъ столицы», но не вытерпѣлъ и опять назадъ прибѣжалъ, чтобы свои пятнадцать рублей отыскивать.

И когда рассказъ дошелъ до этого, порціонный отозвался; онъ опять выплюнулъ на руку грошъ и сказалъ:

— Теперь уже не надо.

Голосъ у него тоненькій и жалостный, какъ у больныхъ дѣвочекъ, когда онѣ обмогаются.

— Отчего же не надо?

— Дѣтки померли...

— Развѣ ты письмо получилъ?

— Нѣтъ; журавли летѣли да пѣли.

— А гдѣ же твоя жена?

— Къ слѣпымъ пошла. Слепымъ-то вѣдь хорошо жить: имъ подають... имъ надо стряпать...

Мы всѣ замолчали,—кажется, мы всѣ страдали, а *онъ*, безъ сомнѣнія, всѣхъ больше; но лицо его не выражало *ничего!*

— Убитый человѣкъ!—прошепталъ нищій-лавочникъ:— въ разсудкѣ рѣшается,—и подаль ему булку.

Тотъ ее взялъ, не поблагодаривъ, сунулъ за локоть, и опять опустилъ руки вдоль реберъ.

— Съѣшь!—сказалъ лавочникъ.

Мужикъ не отвѣчалъ, но взялъ булку въ руку, подержалъ и даже что-то съ нея хотѣлъ счистить и опять туда же сунулъ, за локоть.

— Не хочешь ѣсть?

— Не хочу... дѣтямъ снесу.

— Да дѣти вѣдь померли!

— Ну, такъ что-жь... Имъ тамъ дадутъ, въ раю, по лблочку.

— Ну, да; а ты булку самъ съѣшь.

Мужикъ опять взялъ булку въ руки, опять снялъ съ нея то, что ненадлежаще явилось, и затѣмъ вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Нѣтъ; все-таки цущай лучше дѣтямъ.

Лавочникъ посмотрѣлъ на него,—вздвигнулъ плечами и прошепталъ:

— Господи! тоже и родитель еще называется!

Мужикъ это услышалъ и повторилъ:

— Родители.

— И всѣ чувства къ семьѣ имѣешь?

— А то какъ же!

— А какое твое впередъ стремленіе?

— Не знаю.

— Расскажи барину, какъ генераль докторовъ билъ. Баринъ тебѣ тоже на хлѣбъ дастъ: можетъ-быть, въ Нарву съѣздишь, а тамъ какую-нибудь работу найдешь.

И порціонный сейчасъ же началъ сразу ровнымъ, тихимъ голосомъ всю ту исторію, которую я передалъ уже со

словъ своей знакомой няни. но только порціонъ ее излагать въ самомъ сильномъ конкретѣ: «Жиль возлѣ рынка генераль... имѣлъ вѣрнаго слугу-камердинера. Отлучился въ кійтеръ, а вѣрный камердинеръ къ себѣ приходимую кралю принялъ чай шить... какъ вдругъ ему рѣзь живота... Взяли его и стали надъ нимъ опытъ струментой пробовать, всѣ чувствія угасили, но въ подщиколкѣ еще нульсь билъ. Генераль его восхитилъ—и въ баню; потомъ позвалъ докторовъ въ гости, а камердинеру велѣлъ войти и чай подать... Тѣ и попалили... А генераль двухъ разстрѣлялъ, а третьяго въ морду набилъ и сказалъ: «стунай, жалуйся!»

Этимъ все и кончилось.

Я далъ мужику два двугривенныхъ и хотѣлъ ему собрать завтра между знакомыми всѣ пятнадцать рублей, которые у него странникъ укралъ. Онъ мои двугривенные кинулъ себѣ въ ротъ (кармановъ у него, какъ у настоящаго праведника, не было). И затѣмъ онъ ушелъ и болѣе уже въ нашихъ мѣстахъ не показывался. Я ужъ думалъ, не повлекъ ли его рокъ въ Нижній за краткой развязкою?..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

А тѣмъ временемъ прѣзжаешь съ кѣмъ-то извозчикъ изъ Нарвы и говоритъ, что къ нимъ ждуть генерала Баранова и полкъ артиллеріи.

— Для чего же?

— Да на фабрикахъ,—говорить,—очень живой разговоръ пошелъ.

— О чемъ?

— Все объ струментѣ.

А дальше рассказываетъ, что у нихъ дѣло будто уже и разыгралось такимъ образомъ: пошелъ будто у нихъ какой-то докторъ на Нарову купаться, раздѣлся и сталъ при всѣхъ глупость дѣлать: спустилъ на инуркѣ съ мостка въ воду трубку и болтасть ее и взадъ, и впередъ водить. Пополоскаеть-пополоскаеть и опять вытянетъ, поглядитъ и опять запустить... Люди увидали это и нѣсколько человѣкъ остановились, а потомъ вскричали ему: «Докторъ, молю, докторъ! Слышь-ко, оставь, молю, лучше эту... струментацию! Полно тебѣ ее полоскать!.. Оставь же, молю; а то нехорошо будетъ!» А онъ не послушался и еще разъ кинулъ. Ну, ужъ тутъ его одинъ по голой плоти хворостиной

и дернуть. И стали приставать. «Подай инструментъ, мы его отнесемъ узнать: что тамъ насажено». А онъ первой же хворостины испугался и бѣжать, и инструментъ съ собой... Ну, тогда, разумѣется, за нимъ ужь и многіе рушили, и кони догоняли, тѣ били его; но, слава Богу, что онъ рѣзво бѣжалъ, а если бы онъ на грѣхъ споткнулся, либо унать—такъ на-смерть бы убить могли. Докторъ успѣлъ вспрыгнуть на извозчика и въ полицію голый такъ и вскочилъ... Тутъ послѣ и пошли по всеѣмъ сходнымъ мѣстамъ и трактирамъ сходитья все фабричныя и ихъ эти тоже приходимыя красотки и пошли говорить по-русски и по-эстонски, для чего же полиція могла скрыть такого человѣка, который не постыдился при всеѣхъ въ водѣ черезъ инструментъ микробу выпускать... И теперь безпокойства, и ждуть, что съ одной стороны выѣдетъ губернаторъ изъ Ревеля, а съ другой вступитъ графъ Барановъ—и начнетъ всеѣмъ публиковать свои правила.

«Инструментъ» и «приходимыя красотки» — это прямо отдавало тѣмъ самымъ источникомъ, изъ котораго были почерпнуты первые матеріалы для легенды, получившей свое развитіе у насъ на *plage*. Вѣтеръ или вода, значить, занесли «занятую» прежде всего туда, въ наше фешенебельное мѣсто: по тамъ, на *plage*, «занятой» «среда не благоприятствовала», и занятая не принялась, или, культивируясь, вырождалась во что-то мало схожее и постороннее: а вотъ тутъ, когда она попала въ среду ей вполне благоприятную, она «развила свои разведенія».

А что это была именно она, та самая «занятая», которую мы видѣли и не узнали, а еще сунули ей въ зубы хлѣбъ и два двугривенныхъ, то это вдругъ сообразили и я, и лавочникъ. И лавочникъ къ тому имѣлъ еще и «подтвержденіе на фактѣ», такъ какъ онъ самъ ѣздилъ на лошади въ Нарву за товаромъ, и когда назадъ возвращался, то порціонный мужикъ самъ явился ему за городомъ: онъ совершенно неожиданно поднялся къ нему изъ мокрой канавки и закричалъ: «Журавли летятъ! Журавли! Аллилуйя!» Но только лавочникъ на этотъ разъ былъ уже умнѣе: онъ теперь зналъ, что порціонный мужикъ—человѣкъ опасный: лавочникъ поскорѣе хлеснулъ лошадь и хлѣба ему не кинулъ, а кнутомъ ему погрозилъ да прикрикнулъ:

— Вонъ графъ Абрамовъ наступаетъ съ публикацией—онъ тебя удовольствуетъ!

А на «порціонѣ» какъ разъ, кстати, теперь уже и равныхъ поргъ совсѣмъ не было, такъ что и легко было его «удовольствовать»... Но сумасшедшій домъ, однако, могъ бы безъ грѣха укрыть его отъ этого «удовольствія».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вотъ и весь сказъ о запятой. Тутъ налицо все: какая у нея видимость и умственность, что у нея за характеръ и какова она въ словахъ и въ разсужденіи своего вліянія на мозгъ человѣческой. Кажется, ничто особенно хитро не задумано и не слажено: что есть, то все взято безъ всякой пропорціи, не на вѣсь, а на глазомѣръ или, еще проще, — сколько влѣзло. Во всякомъ случаѣ, всего менѣе попало сюда злого намѣренія и расчета. Этого снадобья тутъ не болѣе, чѣмъ поэзи Фета, которая участвуетъ въ составѣ преступленія «запятой» только однимъ стихомъ: «Приходи, моя милая крошка». Такимъ образомъ муза поэта, ненавидѣвшаго народныя несурзности, изловлена гдѣ-то въ то время, какъ она гуляла въ ароматномъ цвѣтничкѣ или неслась надъ деревнею по воздуху, слетѣвъ съ устъ пѣвицы, «запузыривавшей» за фортепианомъ въ дворянскомъ домѣ. Аѵ. Аѵ. Феть вѣрно былъ бы недоволенъ тѣмъ, что сѣрый народъ безъ толку тормозитъ его «милую крошку», но вины Фета въ томъ нѣтъ. Столько же виновата и вся дѣйствительность. Вѣтеръ листь сухой гоняетъ и треплетъ, и онъ то летитъ, то катится, то гнѣтъ въ грязи и потомъ опять сохнетъ, и опять изъ темныхъ мѣстъ поднимается. Вотъ это самое дѣйствительное и несомнѣнное; все остальное — зыбь поднебесная, марево, буддійская карма, которая всѣмъ точно снится... Никакого перваго заводчика пѣсни и сочинителя легенды нѣтъ! Порціонный мужикъ, конечно, не сочинялъ «бѣдную крошку». Гдѣ ему! Онъ получилъ ее уже готовую и за горемъ своимъ онъ развивалъ ее гораздо слабѣе, чѣмъ всѣ другіе импровизаторы... За что же его такъ участь жестока?

О, Господи! сжался надъ нимъ да сошли и намъ просвѣщающую вѣру вмѣсто суевѣрія!

Изъ всѣхъ «запятыхъ» самыя ужасныя тѣ, которыя скрываются во тьмѣ суевѣрій.

РАСТОЧИТЕЛЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Посв. артисту Н. Зубову).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Максимовичъ Молчановъ, молодой купецъ, 30 лѣтъ. Одѣвается по-современному; держится ловко; носить бороду.

Марья Парменовна, жена его, 28 лѣтъ.

Пармень Семеновичъ Мякишевъ, тесть Молчанова, купецъ рослый, тяжелый, съ большою просѣдью; одѣвается по-стариннѣ.

Анна Семеновна, жена его, купчиха лѣтъ за 40.

Фирсъ Григорьевичъ Князевъ, купецъ лѣтъ 60, бодрый, сдержанный и энергическій. Сѣдые волосы на его головѣ острижены низко и причесаны по-кадетски; борода довольно длинная, но узкая и тоже сѣдая; одѣтъ въ длинный сюртукъ, сдѣланный щеголевато. Вообще фигура очень опрятная. На носу золотые очки. — Первый человекъ въ городѣ.

Иванъ Николаевичъ Колокольцовъ, товарищъ Молчанова, 30 лѣтъ, городской голова.

Вонифатій Викентьевичъ Минутка, думскій секретарь, изъ поляковъ.

Калина Дмитриевичъ Дробадоновъ, дядя Молчанова по женской линіи, купецъ очень крупнаго тѣлосложенія, лѣтъ 42; одѣтъ нерядливо.

Иванъ Петровичъ Канунниковъ

Матвѣй Ивановъ Варенцовъ

Илья Сергѣевъ Гвоздевъ

} пожилые купцы и члены Думы.

Марина Николаевна Гуслярова, молодая женщина лѣтъ 27, дочь няньки Ивана Молчанова, воспитанная въ дѣтствѣ въ Молчановскомъ домѣ.

Старуха, мать Марины, слѣпая.

Алеша Босый, помѣшанный, слыветъ юродивымъ; онъ не носитъ никакой обуви и зиму и лѣтомъ ходитъ босой въ одной длинной рубашкѣ.

Спиридонъ Обрѣзовъ, старый ткачъ.

Павлушка Челночекъ, мастеровой.

Служанка въ домѣ Мякишевыхъ.

Алена } слободскія дѣвушки.
Саша }

Пріѣзжитъ парень.

Двое дѣтей Молчанова.

Фабричные, купцы и мѣщане, полицейскіе солдаты и квартальный.

Дѣйствіе происходитъ въ 1867 году, въ большомъ торговомъ городѣ:

1-е—въ садовой бесѣдкѣ у Князева.

2-е—въ городскомъ домѣ Молчанова.

3-е—въ домѣ Мякишевыхъ.

4-е—въ паркѣ при Молчановскихъ фабрикахъ.

5-е—въ домѣ Дробадонова.

Между 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ нѣсколько дней, а между 4-мъ и 5-мъ—три мѣсяца.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная садовая бесѣдка, обращенная въ лѣтнее жилище Князева и убранныя, какъ кабинетъ достаточнаго человека, но нѣсколько въ старинномъ вкусѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Князевъ (при поднятіи занавѣсы сидитъ за стариннымъ бюро корельской березы и читаетъ письмо). «А къ сему еще и то тебѣ, любезный Фирсъ Григорьевичъ, прибавлю, что у насъ въ столицѣ нынѣ нѣчто совсѣмъ отъ прежняго отмѣнилось, и хоша то и сираведливо, что на всякую болѣзнь свое зелье растеть, только нынѣ аптекъ тѣхъ уже нѣту, гдѣ зелье противу нашихъ немочей приготовлялось. Судь старый рухнулъ, и при новыхъ судебныхъ выдумкахъ я въ дѣлѣ, о коемъ ты пишешь, пособникомъ быть считаю не безопаснымъ. Одно, что могу тебѣ присовѣтовать, то при- знайся ты питомцу своему Молчанову, въ чемъ грѣшенъ, и пенадлежаще отъ него присвоенное возврати. Иной же неправки сему дѣлу въ нынѣшнія тяжкія времена не ожидай». (*Нетерпливо держа письмо, продолжаетъ скороговоркою*): «Молчановъ пылокъ и добръ, и если ты передъ нимъ, какъ прочіе купцы дѣлають, хорошенько рассчитаешься, то онъ, пожалуй, и разжалобится...» (*Комкаетъ письмо*). Дуракъ, а не стряпчій! Чортъ его знаетъ, что онъ мнѣ за отвѣтъ написалъ! Я его спрашивалъ: какъ мнѣ быть, чтобы не уронить себя, чтобы оправиться въ Молчановскомъ онескунскомъ дѣлѣ и сдать отчеты безъ приплаты, а онъ зонъ что отвѣчаетъ: «отдать!» Отдать!... Да нечего отдать,

глупецъ!... Расплакаться!... Кто это видѣлъ, какъ Фирсъ Князевъ плачетъ! и передъ кѣмъ? И отъ чего заплакать?.. Ванъ новый судъ! Что жъ это—люди, что ль, перемѣнились? Вздоръ! Не можетъ быть, чтобъ человѣкъ съ умомъ не сдѣлалъ въ Россіи того, что хочетъ... Все это выдумка! Да наконецъ и графъ Александръ Андренчъ этого не можетъ допустить. На него на полмилліона векселей при такомъ судѣ представлятъ, а онъ платить долговъ не поваженъ. Пустое, вздоръ, мечтанье, форма.... Нѣтъ, меня не запугаете, и пока этотъ лобъ наружу, на Фирса Князева узды вамъ не накинуть. (*Слышитъ стукъ въ двери.*) Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Минутка (входя). Не беспокойтесь: это я.

Князевъ. Что ты тамъ пронадалъ столько времени? Велики, знать, очень секретарскіе разносолы.

Минутка (усаживаясь). Нѣтъ, какіе тамъ наши разносолы, а все же старуху восемь дней не видать.... да ей и нездоровится.

Князевъ. Ну, что тамъ нездоровится... цювая болѣзнь до пола, бабья до постели: выспится и здорова будетъ.

Минутка (подобострастно улыбаясь). Это такъ, такъ... онѣ, какъ кошки: переволоки надругое мѣсто и опять живутъ... Ну ахъ, чтобъ вы знали только зато, какъ я разбился... Кажется, заничто на свѣтѣ теперь бы съ постели не всталъ. Вѣдь минутка ли, въ самомъ дѣлѣ, въ восемь дней въ Петербургъ и назадъ. Хороша дорога, слова нѣтъ, особенно отъ Питера до Владиміра по чугункѣ, какъ въ комнатѣ сидишь; но ужъ отъ Владиміра...

Князевъ (перевивая). Да, отъ Владиміра многимъ не нравится... Ну, да къ чорту это! Расскажи ты мнѣ теперь, братецъ, что же ты сдѣлалъ въ Петербургѣ по моему приказанію? Письмо ты мнѣ отъ стряпчаго привезъ столь глупое, что я этого человѣка послѣ этого сумасшедшимъ считаю.

Минутка (ослабляясь). Нѣтъ, большого ума, большого ума человѣкъ, Фирсъ Григорьевичъ! Не дѣти, а мужи, самые настоящіе мужи, дѣльцы и тѣ приуныли. Одно слово, какъ стряпчій сказалъ, нечего и рецептовъ писать, когда наши аптеки всѣ закрыты. (*Разводитъ руками.*)

Князевъ. Какъ же это,—стало-быть, и ты уже безъ влгокъ жить собираешься?

Минутка. А что жъ подѣлаешь!

Князевъ (*встаетъ и начинаетъ ходить*). А вытерпѣть надѣешься?

Минутка. Представьте, Фирсъ Григорьичъ... чтобъ вы знали, ни денегъ дать, ни упросить его, ни подкупить... какъ вамъ это нравится?

Князевъ. А обмануть?

Минутка (*смотря на Князева съ изумленіемъ и растерянно повторяетъ*). Обмануть...

Князевъ. Да... обмануть?

Минутка. И обмануть... Ну, чтобъ вы знали, и обмануть я, Фирсъ Григорьичъ, не въ надеждѣ.

Князевъ. Ну обойти, коли не обмануть?

(*Минутка молча разводитъ у себя подъ носомъ руками*).

Князевъ (*про себя*). Однако, и у пѣявки брюшко залубе-нѣло. (*Громко.*) Нѣтъ, панъ Вонифатій, вижу я, что двадцать лѣтъ назадъ, когда тебя только-что прислали изъ Польши на смиреніе, ты смѣлѣй былъ. Помню я, какъ ты, первый разъ, какъ я тебя у полицеймейстера за завтракомъ уви-дѣлъ, разсуждалъ, что «въ Россіи невозможности нѣтъ». За одно это умное слово я тебя, сосланца, возлюбилъ и на службу принялъ и секретаремъ въ Думѣ сдѣлалъ, и двадцать лѣтъ намъ съ тобой и взаправду невозможности не было.

Минутка. То двадцать лѣтъ назадъ вѣдь говорилъ я, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ. Да; въ эти двадцать лѣтъ ты понажился, а я... а я прожился.

Минутка. Кто жъ этому причиной, Фирсъ Григорьичъ? Не я тому причиной: я жилъ по средствамъ, вы же...

Князевъ (*перевивая*). Молчи, сморчокъ!... Въ тебѣ сидитъ одинъ польскій чортъ, а во мнѣ семь русскихъ чертей съ дьяволомъ, такъ не тебѣ про то судить, кто виновать. Когда бъ не эти черти, я и теперь бы дома не сидѣлъ и не послалъ бы тебя въ Питерь. (*Успокоиваясь.*) Говори, велико ли время еще дадутъ мнѣ на передышку?

Минутка (*пожавъ плечами*). Сказали такъ, что дѣло объ отчетѣ два мѣсяца не болѣе могутъ продержатъ, и тогда потребуютъ остатки.

Князевъ. Сколько?

Минутка. Начету будетъ тысячь двѣсти.

Князевъ. Двѣсти тысячь!.. Ты врешь!

Минутка. Помилуйте, на что мнѣ врать.

Князевъ. На что?.. А ты соври себѣ, чтобъ легче было отвѣчать.

Минутка (*вскакивая и дрожа*). Да я-то что же здѣсь? Я здѣсь при чемъ же, Фирсѣ Григорьичъ?

Князевъ. Агу, дружокекъ! Ты здѣсь при чемъ? А не знаешь ли ты того подьячаго, что намъ съ Мякишевымъ двадцать лѣтъ отчеты по Молчановской опека выводилъ? Что, голубь! Я вѣдь бумажки прячу.

Минутка (*потерявшись, не зная, что сказать*).

Князевъ. А! Ишь, какъ дрожить! Вотъ тѣмъ-то вы, ляшки, и скверны. На каверзу вотъ тутъ васъ взять, а если гдѣ придется стать лицомъ къ лицу съ бѣдою, такъ тутъ вы ужъ и жидки на расправу. (*Грозя пальцемъ*.) Эй, пань, со мною не финти! (*Смѣло*.) Я крѣпко кованъ! Я знаю, куда ступаю. Я сѣлъ опекуномъ, такъ изъ всѣхъ должностей высѣлъ, а тебя, дурака, въ Думу посадилъ, и... придетъ къ тому, такъ... я же тебя и въ тюрьму посажу. Чего дрожишь! Чего? не бойся. Вѣдь новый судъ надъ нами еще не начался, а до тѣхъ поръ держись... вотъ тутъ вотъ... за полу мою держись, покуда... (*съ омерзѣніемъ*) покуда въ носъ сапогомъ не тресну.

Минутка. Да что вы, Фирсѣ Григорьичъ! Я, что ль, за новый судъ! Да заничто на свѣтѣ! Тифу! вотъ ему что отъ меня, новому суду. Я, чтобъ вы знали, я всѣмъ чѣмъ угодно готовъ служить вамъ, Фирсѣ Григорьичъ.

Князевъ. Ну, всѣмъ — гдѣ тебѣ всѣмъ служить? Я тебя посылаю каверзить—слышишь, каверзить. Больше вы, пань, ни на что не способны.

Минутка. Да ну-те бо, Богъ зъ вами, какой я пань: я такой же, какъ и вы, русскій человекъ.

Князевъ (*презрительно*). Ну, врешь—такой же! — что у тебя на русской службѣ польская кость собачьимъ мясомъ обросла, такъ ужъ ты отъ этого и русскимъ сдѣлался! Впрочемъ, не русишь: ты мнѣ такой и нуженъ, какой ты есть! Гдѣ ума потребуется, тамъ мы своего поищемъ; а ты ступай повсюду... бунтуй народъ, мѣщанъ, особенно фабричныхъ.. Заслать людей, чтобы и малому и старому твердили,

что Фирсъ Григорычъ ихъ отецъ, что онъ застоя ихъ; онъ благодѣтель ихъ и покровитель... Понимаешь? Сказать, что помните, молъ, въ прошломъ году совсѣмъ - было быть набору... а какъ министерскій чиновникъ черезъ нашъ городъ проѣхалъ да съ Князевымъ повидался, — и набору, молъ, конецъ. Ты все это долженъ помнить: самъ, вѣдь, распускалъ. Теперь опять все это имъ напѣть, да растолковать имъ, канальямъ, что я все могу сдѣлать.

Минутка. Это... это, что и толковать! Этому, чтобъ вы знали, они и такъ все вѣрятъ.

Князевъ. Знаю! И то... да! скажи, что опять въ Петербургѣ про наборъ слышалъ... Это старо, да еще не извѣдилось... Скажи и поприбавь, что я, освободившись теперь отъ Молчановской опеки, не откажусь быть головою и... «его, молъ, выберуть». Это ничего, что не ты, а они выбирать будутъ—ты прямо говори, что выберуть.

Минутка (смѣясь). Быдло!.. Скотъ, скотъ... бараны... я про народъ-то говорю: бараны!

Князевъ. Да; ступай и дѣйствуй смѣло, а я здѣсь кое-о чемъ подумая.

Минутка. Одно только, какъ бы это такъ получше, Фирсъ Григорычъ, пустить, чтобы оно всюду прокатило?

Князевъ. Ну, объ этомъ ты не заботься: у насъ правда молчкомъ лежитъ, а брехню пусти съ уха на ухо, она пролетитъ съ угла на уголь. Ступай.

Минутка (порываясь къ двери). Прощайте, до свиданья.

Князевъ. Да то еще... Да! если что-нибудь тебѣ случится разузнать, что Ванюшка Молчановъ не спокоенъ, что что-нибудь затѣваетъ...

Минутка. То дать вамъ знать?

Князевъ. Да, ту жъ минуту; ту жъ секунду... Слышишь: ту жъ секунду. Бѣги сюда хоть ночь, хоть за-полночь... да не ломись дворомъ, гдѣ люди видятъ, а оттуда, знаешь, съ выгона подергай за веревку. Я самъ тебя впусти въ садовую калитку.

Минутка. Не учите... знаю.

Князевъ. Не дай зѣвка.—Мнѣ кажется, что онъ не даромъ что-то очень тихъ. (*Про себя.*) Чортъ знаетъ... я бойкихъ людей не люблю и очень тихихъ не люблю тоже. Не вѣрю я тихимъ. (*Минуткѣ.*) Не вѣрю я тихимъ!

Минутка. Фирсъ Григорыичъ, не безпокойтесы! Кто тихо ходитъ, того чохъ выдастъ... чохъ выдастъ... хе-хе-хе, чохъ...
Князевъ. Ступай.

(Минутка уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Князевъ *(одинъ медленно и съ усталостію)*. Проклятая самая вещь чужіе милліоны въ рукахъ держать: ладони сами словно клеємъ приклеиваются—все такъ и пристаесть къ нимъ, такъ и пристаесть; а потомъ вотъ какъ поналипнетъ—и трудно приходится разсчитываться. Двѣ недѣли! Что тутъ можно сдѣлать изъ ничего въ двѣ недѣли? А не сдѣлай,—бубновый тузъ тебѣ на спину и въ каторгу. Гм! Но и еще и не въ томъ дѣло, что въ двѣ недѣли, и не въ томъ, что изъ «ничего»; а когда это? въ какое время? когда я уязвленъ, когда я умомъ помраченъ и только мечтаю о сласти, когда все наконецъ ужъ такъ доведено, что Маринѣ шагу ступить безъ меня невозможно... Сегодня ей ужъ послѣдній ударъ нанесенъ: я вчера велѣлъ Дросидѣ, чтобъ нынче выгнать ихъ—и ее и мать—если Марина еще ломаться будетъ. Теперь ей одинъ выборъ—идти съ сѣбною матерью питаться желудьми или... придти ко мнѣ. *(Глядя на часы.)* Теперь девятый часъ въ исходѣ... Непремѣнно должна бы сейчасъ быть... Небось, закутается... идетъ, словно земля подъ ней проваливается, и все плачетъ. Гм! *(Подумавъ.)* А я очень люблю иногда плачущихъ женщинъ... *(Страстно.)* У нихъ въ это время, когда онѣ плачутъ, губы такія... жаркія, и все какъ бабочка на булавкѣ трепещутся... Давно ужъ, давно я не цѣловалъ этакой! *(Задумывается.)* Изучились всѣ, всѣ ужъ и здѣшнія-то пріучились, какъ рыбы холодныя на блесточку ходятъ, только блесточекъ заготовлявай... Ахъ, эти блесточки, блесточки!... Вотъ, чортъ возьми. вертись, какъ жидъ передъ жолнеромъ: то баба, то свое спасенье. *(Садится къ столу, на которомъ стоятъ книги законовъ.)* Неужто же въ самомъ дѣлѣ ни умъ, ни законъ, ничто не поможетъ? Нѣтъ! чтобъ выгонять вонъ изъ головы эту проклятую бабу, давай лучше законы читать стану. Теперь мода на законы пошла. Прежде была мода на возможность, а нынѣ на законъ *(Раскрываетъ одну за другою нѣсколько книгъ.)* Что жъ!.. Говорятъ, подьячій отъ закона питается: не угѣшитъ ли онъ и насъ чѣмъ? *(Читаетъ.)*

«О фальшивых монетчиках».—Вот эта статья интересная. Только велика труппа требуется. *(Ищетъ далье.)* «О нарушении союза брачнаго». *(Останавливается и насколько секундъ читаетъ.)* Мужъ можетъ потребовать жену къ совмѣстному сожителству... а чтобы онъ не потребовать... *(Съ досадою.)* Но это опять все про нее! про нее!.. *(Оглядывается на дверь.)* Однако, что-то вотъ ея и нѣтъ. *(Глядя въ книгу.)* «О расточительствѣ». Вотъ этимъ закономъ меня хорошо было съ дѣтства отчитывать. *(Вздыхаетъ и бросаетъ книгу.)* Все вздоръ! Есть только то, чего не надо; а за что зацѣпиться? на чемъ выскочить?.. На что стать да насмѣяться этимъ и новымъ судамъ, и новымъ людямъ,—того и нѣтъ! *(Слышится стукъ въ двери.)* Ага, вотъ и она! *(Откидываетъ крючокъ.)* Одна?

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тъ же и Дросида *(входя)*. Одна, родимый. Да и съ кѣмъ же быть-то? Не съ кѣмъ.

Князевъ. Какъ не съ кѣмъ! Что такое?

Дросида. Да вѣдь ушла она, Марина-то, еще вчера ушла. Я думала, что ты ужъ знаешь, потому весь городъ знаетъ. Я про то и идти и глазъ тебѣ показать боялась, что ты, молъ, этакой человекъ... гнѣвнень теперъ...

Князевъ. Ты толкомъ мнѣ говори. Я твоей этой болтовни ничего не понимаю. Я дома сидѣлъ: ничего не слышалъ, а докладывать—кто мнѣ смѣетъ про эти глупости докладывать?

Дросида. А коли не знаешь, изволь, родимый, все расскажу. Я все ей баяла. Я говорю, ты вспомяни, Маринушка, что кто вѣдь былъ твоей застоей? Подумай, молъ, что ты вѣдь мужняя жена, а мужъ твой есть убивецъ. Кто за тебя встунился? Фирсъ Григорычъ. Кто мужа твоего по чести спровадилъ въ Питеръ да еще и денегъ на разживу далъ,—кто? все же Фирсъ Григорычъ. Кто этотъ домикъ-то, не домикъ, а хоромы добрыя тебѣ удержалъ, не далъ твоему мужу прогусарить?—опять же Фирсъ Григорычъ!

Князевъ. Ну!

Дросида. Да какъ же тебѣ, говорю, того не чувствовать? Ну, а она свое: я бы, говорить, отъ мужа и сама убѣгла, потому что онъ, всѣмъ извѣстно, разбойникъ; а что хоромы, такъ это, говорить, вѣдь наши притоманныя, свои хоромы: ихъ Фирсъ Григорьевичъ обманствомъ выманить: говорилъ,

чтобъ только переписать за него, чтобы мужъ меня подъ домъ денегъ занимать не заставлялъ; а нынче видно шутку эту въ правду ужъ повернулъ. Такъ мнѣ плевать, говорить, на эти и хоромы Я, говорить, нужды не боюсь, а ужъ тѣла своего не продаю. Дура ты, говорю ей, такъ же вѣдь съ своимъ съ разбойникомъ-то жила и тѣло ему предавала. Ну, то, говорить, законъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, и бабы про законъ за-гѣли!

Дросида. Да, говорить, законъ. Да что, молъ, намъ, ни-щимъ, законъ! Хорошо въ законѣ ходить, кому Богъ обужку далъ, а у насъ рѣдкая-рѣдкая, которая отъ Фирса Григорыча чѣмъ не пользовалась... Моя, говорю, дочь не хуже тебя была...

Князевъ. Ну, это ты проѣзжай мимо съ своей дочерью.

Дросида. Не хуже тебя, говорю, Алена-то моя была, да за счастье даже это почитала. А она съ этимъ харкъ мнѣ въ глаза, да говорить: змѣя ты, да еще змѣи хуже, потому и змѣя своихъ черевъ не ѣстъ, а ты къ чему дочь устроила. Я ужъ тутъ-то не стерпѣла, да и говорю: ну, коли ты говоришь, что я свое дитя съѣла, то ты хуже меня будешь и свою мать съѣшь. Мнѣ, говорю, отъ Фирса Григорыча такой приказъ данъ теперь, что если ты нонѣ своихъ капризовъ не переломишь да не пойдешь къ нему, такъ замѣсть того, чтобы онъ домъ на тебя записалъ, вотъ тебѣ Богъ да порогъ: выходи вонъ отсюдова съ своею матерью.

Князевъ. Ну, и что жъ она?

Дросида. Что жъ ей, безчувственной, Фирсъ Григорычъ! Она тому и рада словно. Прегордо плюнула еще, да и была такова. «Собирайся, маменька: нашъ домъ-то не нашъ, говорить, вышель». Повязала узлы, да и слѣдъ ихъ таковъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, какой, однако, въ этой бабенкѣ гоноръ сидитъ. *(Отходя.)* Вѣдь это... вѣдь это я вамъ говорю *(цѣлуетъ пальцы)*... вѣдь это сюпер-фейнъ! Эта... разомнетъ кости, пока ее къ знаменателю приведешь. Я и этотъ родъ знаю. Знаю, знаю! Сей родъ ничѣмъ же изымается, но хорошъ, хорошъ, заманчивъ. Дуру, какъ галку, сейчасъ подманишь, и сама и на плечо садится; а этакую... какъ сокола ее надо вынашивать... Маять ее, чтобы одурь ее взяла... чтобъ отдыху ей не было, чтобъ изъ силъ выбилась, съ тѣла спала... Въ нихъ вѣдь это не то... не мя-

коть, не тѣло дорого... а въ нихъ... Да дьяволъ ихъ знаетъ, что въ нихъ такое! (*Дросида*). Ну, и куда же она пошла?

Дросида. Да ужъ прежде, видно, Фирсѣ Григорьичъ, у нихъ мѣсто-то готовлено. Она такъ прямо, плюнувши, и говоритъ: стращать было вамъ, говорить, меня допрежъ сего, да и тогда-то бы я не больно испужалась, а новѣ мнѣ спасибо вамъ, что выгнали. Взяла слѣбую мать и повела къ Молчанову на дачу.

Князевъ (вскакивая). Къ Молчанову? Ты врешь!

Дросида. Мнѣ ли лгать тебѣ, родимый Фирсѣ Григорьичъ. Сама я видѣла, какъ взяли за уголь и полемъ поплелись вдвоемъ къ Молчановской слободкѣ.

Князевъ (проворно вскочивъ и расхаживая. Про себя). А, братъ Иванъ Максимычъ, ты что-то частенько сталъ мнѣ воперекъ дороги нырить. За тебя терплю, да и отъ тебя терпѣть — это ужъ не много ли будетъ по двѣ собаки на день! (*Слышенъ стукъ въ двери.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Минутка.

Минутка (блѣдный и взволнованный вѣглетъ и, обращаясь къ Дросидѣ). Ступай отсюда, ступай! Прикажите ей, Фирсѣ Григорьичъ, поскорѣе вонъ выйти.

Князевъ (Дросидѣ). Поди тамъ подожди въ саду.
(*Дросида уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же безъ Дросиды.

Князевъ. Чего ты мечешься, какъ угорѣлый?

Минутка. Да, угорѣлъ... прекрасно вы всѣхъ насъ учадили: на цѣлый вѣкъ этого угару хватить.

Князевъ. Не ври: всякій угаръ пройдетъ, какъ свиньи спать лягутъ. Ты говори, въ чемъ дѣло?

Минутка. Помилуйте, да вамъ вѣдь лучше знать, въ чемъ дѣло. Скажите-ка вы, гдѣ у васъ черновые счеты, которыми вы меня пугали?

Князевъ. Въ коробѣ спрятаны.

Минутка (плачевно). Да что вы шутите! намъ не до шутокъ. Нѣтъ, онѣ точно въ коробѣ, да не въ вашей... Ихъ нѣтъ у васъ: вы обронили ихъ хмельной у Марины Николаевы, да и не хватитесь. Стыдно вамъ, Фирсѣ Григорьичъ!

Князевъ (*въ ужасъ*). Она могла Молчанову отдать ихъ!

Минутка (*нервно*). Да что угадывать, когда ужъ отдала. (*Плачетъ*). Вотъ то-то вотъ... вино да бабочки... библейскаго Самсона и того остригли, и васъ остригутъ! Повѣрьте, остригутъ. (*Къ публикѣ*.) Лѣзетъ къ женщинамъ: та его терпѣть не можетъ, говоритъ такъ съ нимъ, съ омерзвнѣемъ съ такимъ, что смотрѣть совѣстно, а онъ все къ ней... Съ ума сошелъ дряхлецъ... Гдѣ гордъ, а тутъ ужъ и гордости нѣтъ.

Князевъ (*не слушая*). Теперь не остается много думать... Ступай сейчасъ къ Молчанову... не дожидайся утра, а сейчасъ ступай... скажи ему, что я кланяюсь ему...

Минутка (*перебивая*). Да; теперь мириться съ нимъ, прощенья у него просить готовы.

Князевъ (*кусая зубы*). Да, прощенья.

Минутка (*смыло*). Чего просить? чего просить? Напрасно, чтобы вы знали! Я ужъ просилъ—сейчасъ оттудова. Я какъ узналъ, что всѣ наши счета и фактуры у него въ рукахъ, такъ первымъ же дѣломъ прямо бросился къ нему... да не въ дворъ, а въ огородъ... подъ окна...

Князевъ (*схватывая Минутку за руку*). Гм!.. да, да, чтобы украсть? Ну, ну! ну, молодецъ, умно.

Минутка. Чтобы посмотрѣть, что можно сдѣлать...

Князевъ. Ну!

Минутка. Ну! (*Налло*.) Ну и ну! поднялся на карнизецъ да гляжу въ окошко: вижу, свѣчи горять, а никого нѣтъ, какъ вдругъ въ это время кто-то хватъ меня прямо за... ухо.

Князевъ. Тебя?

Минутка. Да, разумѣется, меня! вѣдь васъ тамъ не было. Оказывается, что это самъ господинъ Молчановъ. Держитъ за ухо и говоритъ: «а, Князевскій шпионъ, мое почтенье»... и хотѣлъ-было людей звать. — Иванъ Максимычъ, что вы! говорю, да Богъ-бо зъ вами! какой я шпионъ? Я, говорю, я, чтобы вы знали, къ вамъ отъ Фирса Григорьяча съ тѣмъ и присланъ, чтобы миръ сдѣлать; Фирсъ Григорьячъ, говорю, сами быть у васъ желаютъ... А онъ...

Князевъ (*нетерпѣливо*). Ну да; а онъ? Что жъ онъ?

Минутка (*вздохнувъ*). А онъ... Пословъ, говоритъ, ни худыхъ, ни хорошихъ, не бьютъ, не бранятъ, а жалуютъ. И въ этомъ видѣ, такъ и повелѣ.

Князевъ. Гм! все за ухо?

Минутка. Да я жъ вамъ говорю, что за ухо! (*Вздохнувъ.*) Повелъ въ кабинетъ. Провелъ, да и далъ мнѣ прочитать бумагу... Останетесь довольны, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ (*нетерпѣливо*). Чтò это за бумага?

Минутка (*тихо*). Въ Петербургъ.

Князевъ. О чемъ?

Минутка (*еще тише и спокойнѣе*). О томъ, что начеть на васъ ояъ дарить на двѣтскіе пріюты.

Князевъ. Всѣ двѣсти тысячъ?

Минутка. Съ процентами... Чтò-съ, Фирсъ Григорьичъ? Просить было, пока время было. Теперь вѣдь не съ Молчановымъ—тѣ не простятъ.

Князевъ (*хватая Минутку за бортъ*). Украдь эту бумагу съ почты.

Минутка (*спокойно*). Не рвите платья понапрасну. Бумаги нѣтъ: она ужъ третій день тому назадъ пошла съ нарочнымъ. Я видѣлъ копію.

Князевъ (*бросаетъ Минутку*). Что жъ это вы меня живѣемъ, что ли, хотите въ руки выдать! (*Снова хватая бѣшено Минутку*.) Ты говоришь, что поздно красть! — (*съ азартомъ*) такъ я же буду рѣзать! жечы!.. душить!.. (*Бѣжитъ къ двери*.)

Минутка. Что вы? что вы? Вы... вспомните вы, что вы говорите?

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Дробадонъ (*показывается въ это время съ дверяхъ и преграждаетъ Князеву дорогу*.) Чтò, еще охота все душить, да рѣзать? Довольно, кажется, въ свой вѣкъ ты ужъ и кралъ, и рѣзалъ.

Князевъ (*тивно*). Чтò это? какъ ты смѣлъ сюда взойти? Пошелъ отсюда вонъ!

Дробадонъ. Не прогоняй—и самъ не заслужу. (*Беретъ молча Минутку за плечи, составляетъ его за порогъ и запираетъ за нимъ дверь*). Не по своимъ дѣламъ къ тебѣ я, а отъ людей посланъ. Куда ты вышвырнулъ Марину Гуслярову съ слѣпою матерью изъ дому?

Князевъ. На просторъ.

Дробадонъ. Да какъ же такъ?

Князевъ. Такъ: очень просто—домъ мой и власть мол.

Дробадоновъ. Домъ твой и власть твоя, да и твое жъ вѣдь и безчестье. Ты домъ купилъ у нихъ за безцѣнокъ; сказалъ, что это только для того, чтобъ мужъ Марину не неволилъ занимать подъ домъ да отдавать ему на пьянство, а что они до вѣку будутъ въ этомъ домѣ жить.

Князевъ. Да вѣдь то-то вотъ видишь — я своему слову господинъ: хочу держу, хочу въ карманъ прячу. Ступай проси на меня, если хочешь.

Дробадоновъ. Чтò просить? А ты грѣха побойся, Фирсь Григорьичъ. Извѣстно намъ, чего ты хочешь отъ Маринны Николавны. Она не говорлива, да у людей-то вѣдь глаза — не бѣльма. Грѣшилъ ты много, Фирсь Григорьичъ; но нонѣ, кажется, не тѣ бы ужъ твои года... Ужъ я старикъ почти, а ты вѣдь мнѣ въ отцы годишься. Тебѣ бѣ теперь пора молиться Богу, да просить себѣ деревяннаго тулупа.

Князевъ (*раздражительно*). Да ты кашу, что ли, ѣлъ на моихъ крестинахъ, или воду выливалъ?

Дробадоновъ. Да Богъ съ тобой, съ твоими лѣтами. Я въ томъ пришелъ тебя просить: не доводи, пожалуйста, семью племянника Молчанова до безконечнаго раздора. Ты выгналъ изъ дому Марину; имъ съ матерью некуда дѣться было. Въ городѣ, тебѣ боясь, никто ихъ не приметъ. Я бы радъ ихъ душой пришить, да самъ съ сестрой и съ матерью едва мѣшусь:—ну, онѣ, разумѣется, къ Молчанову пошли; а вѣдь тебѣ и безъ того извѣстно, что весь народъ въ одно про нихъ твердить и путаетъ Марину съ Ваней. Теперь онѣ ихъ вчера пріютили, а это до семейныхъ уже дошло, и въ домѣ адъ насталъ.

Князевъ. Ага! и адъ уже насталъ? Чего жъ бы кажется? То ѣздилъ туда кататься, теперь живетъ: не велико различье.

Дробадоновъ. Будь миротворецъ — вороти ты этотъ домъ старухѣ.

Князевъ (*долго глядя въ глаза Дробадонову*). Калина Дмитричъ! Что ты — дуракъ или родомъ такъ?

Дробадоновъ. Послушай, Фирсь Григорьичъ! Ругательствомъ твоимъ не обижаюсь. Я не дуракъ и совѣсть у меня чиста, и такимъ меня мѣръ знаетъ. Я бѣденъ, да въ свою мѣру уважаютъ меня люди. Ты меня не обидишь, да ты мнѣ и не страшень: я не боюсь тебя. А я тебя по-христіански прошу и совѣтую тебѣ: опомнись, Фирсь Григорьичъ,

сдѣлай хоть что-нибудь доброе: пусть не все же боятся — пусть хоть кто-нибудь тебя и любить станетъ.

Князевъ. А мнѣ, любезный, это все равно: люби, не люби, да почаще взглядывай.

Дробадоновъ. Положимъ, что и тутъ ты правъ; но ты подумай, что говорятъ-то о тебѣ.

Князевъ. Плюю!

Дробадоновъ. Ну отчего бѣ тебѣ тѣ злыя рѣчи не закрыть добрымъ дѣломъ, чтобы сказали, что и у Князева душа есть?

Князевъ. Плюю на то, что говорили; плюю и на то, что скажутъ.

Дробадоновъ. А ты не плюй.

Князевъ. Что-о-о?

Дробадоновъ. Не плюй — вотъ что. Погода поднимается: неравно назадъ откинеть, въ свою рожу плюнешь. (*Подходитъ съ значительной миной.*) Говорять, будто ты утопилъ Максима Молчанова.

Князевъ (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Неужто?

Дробадоновъ. Говорять, что когда Максимъ Петровичъ написалъ духовную, гдѣ, обойдя всю женину родню, завѣщалъ сына въ опеку тебѣ съ Мякишевымъ, ты никакъ дожидаться не могъ, когда прійдутъ къ тебѣ въ руки миліоны.

Князевъ. Ишь, какой шельма народъ пронзительный: ничего отъ него не утаишь.

Дробадоновъ (*подходя еще ближе*). Говорять, что разъ, когда вы купались втроемъ—ты, онъ, да Алеша Брылкинъ—ты взялъ и началъ окунать Максима Петровича Молчанова, да и заокунать шутя; а какъ его заокуналъ, тогда бросился за Брылкинымъ Алешей, чтобы и свидѣтеля не было. Тотъ уходилъ, молился, плакалъ; но ты и съ нимъ покончилъ. Максимъ Молчановъ потонулъ, и не нашли его. А Алешу жъ Брылкина хоша и вынули и откачали, да что по немъ! Ужъ онъ тебѣ не страшенъ: онъ съ ума сошелъ и поднесъ остался сумасшедшимъ и бродить въ рублищѣ; (*махнувъ рукой*) да въ томъ, можетъ-быть, его и счастье, что онъ въ разсудкѣ помѣшался, а то ты бы и его спровадилъ.

Князевъ. Скажи, пожалуйста... совсѣмъ бы уголовщина, кабы доказательства не Окой снесло.

Дробадоновъ. Что по Окѣ несетъ, то въ Волгу попадаетъ

и Волгою всю Русь проходить и широкому Каспiю жалуется. Не кичись, что доказательствъ нѣтъ: былинка, травка шепчуть ихъ и Господу, и людямъ. Припомни: Валаамъ ослицею былъ обличенъ!

Князевъ. Да ты это что пришелъ мнѣ здѣсь читать! Я, братъ, къ пону хожу.

Дробадоновъ. Я тебѣ сказываю, что народъ говорить.

Князевъ. А я тебѣ говорю, что я на это плюю.

Дробадоновъ. Плюй, плюй, да ужъ къ сему покрайности не согрѣшай. Нашъ день сѣлъ въ беззаконiяхъ за горы, и понѣ судъ не прежнiй. Гляди, не ровенъ часъ, всплывутъ и старые грѣхи.

Князевъ (*взволнованно*). И ты про новый судъ! Холера это, что ли, этотъ судъ, что всѣ вы такъ про него заговорили?

Дробадоновъ. Для иныхъ холера.

Князевъ. А ты не знаешь, что кто холеры не боится, того сама холера боится. Знать не хочу я этого суда!.. Я не пойду на этотъ судъ, гдѣ... тебя и всякаго другого такого скота посадятъ судить меня. (*Въ раскрытомъ окнѣ появляется смотрящiй изъ купы сирени темнаго сада Алеша Босый.*) Я никого не боюсь; я ничего не боюсь; я холеры не боюсь, чумы не боюсь, тебя не боюсь, суда не боюсь и сатаны со всей пренсподней.

Алеша (*унисономъ протяжно*). Утону!.. Ка-ли-и-на Дми-и-тричъ! Во-озьми меня отсю-ю-да. Здѣсь... страшно... Утону...

Князевъ (*вздрыгнувъ*). Что это! Вы меня пугать задумали! (*Алеша.*) Прочь, чучело!

(*Алеша, вскрикнувъ, убѣгаетъ.*)

Дробадоновъ. Ахъ ты ругатель! Гордыня-то тебя куда уноситъ. Сейчасъ ты ничего на свѣтѣ не боялся, а вотъ безумный старичокъ забрелъ—и ты вздрогнулъ. Чего ты на меня остребенился? вѣдь я видѣлъ, какъ ты задрожалъ... Не я его подвелъ сюда, а можетъ это Богъ его послалъ, чтобы наномнить грѣхъ твой. Не пожалѣлъ отца ты, Фирсъ Григорычъ, — пожалѣй хоть сына. Боясь тебя, никто на дворъ Гусяровыхъ не пускаетъ жить; у меня вся хата съ орѣхъ, да мать съ сестрами и тѣмъ мѣста нѣтъ,—имъ некуда дѣться, кромѣ Молчанова. Не доводи до этого. Не дѣлай ты худой огласки. Оттого, что Марину взялъ Молча-

повъ, великая бѣда можетъ родиться. Верни имъ домикъ, гдѣ онѣ жили, а если честью воротить не хочешь, такъ вотъ тебѣ Молчановъ билетъ три тысячи рублей за этотъ домикъ. *(Вынимаетъ пачку ассигнацій и кладетъ ихъ на столъ.)* Возьми и выдай купчую, чтобъ жили тамъ гдѣ жили.

Князевъ. Тыфу пропасть! Да что жъ это такое: вездѣ на всякій часъ, во всякій слѣдъ Молчановъ! Ему о нихъ что за забота?

Дробадоновъ. Что жъ, старуха мамкою его была, а молодайка въ ихъ домѣ выросла, они дѣтьми играли вмѣстѣ... онъ человекъ богатый, не мотъ, не пьяница, не расточитель... куда жъ ему дѣвать?

Князевъ *(подпрыгивъ)*. Что ты сказалъ? что ты сказалъ? какое слово?

Дробадоновъ. Я говорю, что его достатки миллионы, а опъ не пьяница, не расточитель.

Князевъ *(про себя)*. Расточитель! *(Распрямляясь.)* Фу-у! батюшки! Орлу обновилася юность! *(Громко Дробадонову.)* Постой, постой!.. Да, хорошо... и домъ продамъ—на что жъ онъ мнѣ? онъ мнѣ не нуженъ, продамъ и завтра выдамъ крѣпость... Но постой же, братецъ, вѣдь это такъ нельзя. Живой человекъ живое и думаетъ, и тамъ кто его знаетъ... Нѣтъ, я деньги съ глазу на глазъ брать не стану. *(Беретъ со стола ассигнации и суетъ ихъ въ руки Дробадонову.)* Возьми-ка, возьми пока, возьми. *(Растворяетъ дверь.)* Эй! Вонифатій Викентьичъ!

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Минутка.

Князевъ. Вотъ я здѣсь домикъ свой, что на провальѣ, продалъ Ивану Максимовичу, и то-есть не Ивану Максимовичу, а Гуслировымъ, Маринѣ Гуслировой, только на Ивана Максимовича деньги, такъ сидь-ка напиши какую слѣдуетъ росписку, что деньги, молъ, три тысячи рублей за сей проданный домъ я отъ Молчанова получилъ и обязываюсь въ мѣсячный срокъ совершить на оный купчую крѣпость на имя Марины Гуслировой, а росписку сію положили до совершенія крѣпости дать за руки секретарю Минуткѣ. *(Сажая его за бюро.)* Пиши такъ, какъ сказано. *(Про себя съ самодовольною улыбкою.)* Очень бы хотѣлось мнѣ видѣть теперь какого-нибудь петербургскаго мудреца,

чтобы онъ, гляючи на меня теперь, сказать, что это по его разуму и дѣлаю? Нечего больше и сказать, что Князевъ домъ продаетъ... А Князевъ душу человѣческую и всю совѣсть мѣрскую подъ ногами затоптать собирается...

Минутка. Готово.

Князевъ (*скоро подписывается. Минуткѣ*). Подпишись свидѣтелемъ. (*Дробадонову*). Теперь пожалуй деньги. (*Дробадоновъ подаетъ*). И ты также подпишись. (*Смотритъ черезъ плечо, пока тотъ пишетъ, и потомъ, взявъ въ руки бумагу, читаетъ*): Кипецъ Калина... Какъ ты это, братецъ, скверно пишешь: не кипецъ надо писать, а купецъ. (*Свертываетъ листъ*). Минутка, спрячь.

Дробадоновъ. Прощай покуда, Фирсь Григорьичъ.

Князевъ (*быстро*). А?.. Да! Прощай, прощай покуда. (*Дробадоновъ уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, безъ Дробадонова.

Князевъ (*посмотрѣвъ въ слѣдъ Дробадонову*). Ну что жъ, братъ Вонифатій, понялъ?

Минутка. Домъ продали, я больше ничего не поцалъ.

Князевъ. Ничего?

Минутка (*пожимая плечами*). Н... ничего. (*Спохватясь*). Росписку уничтожить?..

Князевъ (*злбно смѣется*). Ха-ха-ха! (*Дѣлаетъ приторно свирѣлое лицо и наступая на Минутку*). Подай ее! подай сюда росписку!

Минутка (*испуганный, защищаясь и убогая*). Фирсь Григорьичъ, Фирсь Григорьичъ, я не могу... что жъ вы это въ самомъ дѣлѣ... Фирсь Григорьичъ? Вы деньги взяли, а я долженъ даромъ...

Князевъ. Давай, давай! я подѣлюсь съ тобой.

Минутка. А сколько же мнѣ? (*Опять, убогая*). Позвольте прежде: сколько же мнѣ?

Князевъ (*глядя на Минутку*). Ну какъ же васъ, такихъ-то попольней, не запугать судами да законами? Свѣтъ умудряется: вездѣ, на всякій часъ искусства новыя; а вы все только хашъ да цапъ. Это время прошло теперь, чтобъ нижегородски соль красть. Нѣтъ, я, братъ, не въ васъ! Это ты вотъ давеча съ перепугу бормоталъ здѣсь, что ужъ тебѣ теперь и прикоснуться къ взяткамъ страшно; а только по-

сулили — ты ужь опять и лану суешь. (*Смѣясь.*) Ахъ ты безстрашный этакой! Въ такія времена, при такомъ судѣ брать взятки! Нѣтъ, я не беззаконникъ! Теперь кто глушь, такъ тотъ пускай законы нарушаетъ, я чту законъ. Самъ на себя я, видишь, выдаю росписки. Какъ око береги ее! Домъ проданъ, только въ немъ не жить тому, кому его купили: на это есть законъ.

Минутка. Такого нѣтъ закона.

Князевъ (*нервно*). Неправда, есть! (*Бросаетъ на полъ къ ногамъ Минутки лежавшую на столѣ пачку ассигнацій.*) Бери! Три тысячи здѣсь: одну изъ нихъ возьми себѣ; остальные же двѣ представить въ Думу и объявить народу, что Богъ послалъ мнѣ великую удачу въ дѣлѣ трудномъ, и что за это я отъ своихъ щедротъ плачу за бѣдныхъ города всю податную недоимку. (*Подумавъ.*) А на тотъ годъ дарю на подать (*съ подареніемъ*) десять... нѣтъ! двадцать... тридцать тысячъ!

Минутка. Что вы? что... вы? Откуда это будетъ?

Князевъ. Откуда?... Отгадай!

Минутка. Нѣтъ, извините, не могу.

Князевъ (*надвывая перчатку*). Я кладь нашель.

Минутка (*покиваетъ головой и выражаетъ недоумѣніе*). Ряхнулся!

Князевъ. Аптеку,—понимаешь, аптеку выискать.

Минутка (*не понимая*). Какая аптека? Что это вы, Фирсъ Григорычъ!

Князевъ. А что стряпчій-то писалъ: «нѣтъ — говорить — аптеки»! Вадоръ! есть аптека! И не на сей день, а на два вѣка та аптека.

Минутка (*оглядываясь по сторонамъ въ недоумѣніи*). Гдѣ вы это видите? Вы нездоровы! Гдѣ аптека?

Князевъ. Она вотъ въ головахъ въ такихъ премудрыхъ, какъ твоя, да промежь зубовъ, которымъ чавкать нечего. Подай мнѣ трость и шляпу... Нѣтъ, врите всѣ: Фирсъ Князевъ не провалъ! Пусть черви грома прячутся, а стренету за тучами еще простора вволю.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и двѣ слободскія дѣвушки (*пролѣзаютъ въ дверь. Одна, постарше, очень смѣла, другая, молоденькая, робко жметя*).

Князевъ (*встрѣчая ихъ, обнимаетъ старшую, которая вскрикиваетъ; потомъ трется около младшей и, когда эта закрываетъ рукою глаза, сажаетъ ее на свою постель*). Побудьте здѣсь, Аленушка и Саша. Погрѣйте старичку мѣстечко. А тамъ вонъ въ поставцѣ вино, наливка и мятные груздочки. Покушайте покуда. Я вразъ сейчасъ вернусь.

Алена (*развязно указывая на Сашу*). Она робѣетъ, Фирсь Григорьичъ, съ непривычки.

Князевъ (*глядя Сашу по головѣ*). Робѣетъ. Ничего. Ты не робѣй: мы добрый. (*Минутка*.) Ступай домой теперь (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же, безъ Князева.

Минутка (*выпустивъ Князева, беретъ свою фуражку. Про себя*). Домой? Нѣтъ, я ужъ лучше за тобою издали пройдуся, поприсмотрю, что это ты затѣялъ ночью. (*Уходитъ*.) (*Занавѣсъ падаетъ*.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Молчанова, убранный въ современномъ вкусѣ.
Утро.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Молчановъ (*одѣтъ въ хорошій, льняной, утренній поджакъ. Выпроваживая изъ своей комнаты двсихъ дѣтей*). Ступайте съ Богомъ, рѣзвитесь и играйте, только пожалуйста не ссорьтесь. (*Выпускаетъ ихъ за дверь и говоритъ съ порога*.) Прошу васъ, няня, не давайте вы имъ этихъ коншекъ мучить, да собачекъ! Усердно васъ прошу объ этомъ. (*Затворяетъ дверь и идетъ къ письменному столу, который стоитъ справа отъ зрителей*.) Эхъ, не приведи Господи воспитывать дѣтей безъ матери, а еще хуже съ плохою матерью. (*Садится*.) Не женитесь, добрые люди, на деньгахъ... Если и за свою полу недобрая женищина схватится, рѣжьте лучше полу прочь да уленетьвайте. Что это вотъ за жизнь моя! Какъ вспомню я, бывало, какъ я жилъ въ Германіи: до вечера на фабрикѣ работаешь, все учишься; домой придешь — святая тишина въ бѣленькой комнаткѣ.

Тишь, тишь, тишь; про философію даже разсуждаешь. Но надокучить эта тишь чужая—бѣжишь на родину... бѣжишь... и здѣсь встрѣчаешь свару. Не по какимъ-нибудь такимъ причинамъ, которыхъ отвратить нельзя, все отравляется, а вотъ, словно въ фантастическомъ разсказѣ: Богъ вѣсть откуда, что сыплется; летитъ нежданное и засыпаетъ челоука.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Молчановъ и Минутка (который вскакиваетъ черезъ окно).

Молчановъ (увидѣвъ въ окнѣ Минутку, дѣлаетъ въ изумленіи одинъ шагъ назадъ). Это что за явленіе? (Смѣясь.) Вѣрно, гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.

Минутка (оправляясь). Пусть это васъ не удивляетъ, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ (улыбаясь). Однако довольно трудно и не удивляться. Ко мнѣ этой дорогой никто не ходитъ.

Минутка. Въ наше время не всегда можно прямой дорогой ходить. Прикажете присѣсть или убираться?

Молчановъ (улыбаясь). Это я предоставляю на вашъ выборъ.

Минутка. Я выбираю сѣсть. (Садится въ концѣ письменнаго стола.) Вамъ угрожаютъ большія неприятности, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ (весело). Скажите, вы что жъ, сегодня за кого?

Минутка (кланяясь). За васъ!

Молчановъ (строю). Благодарю покорно; но эта шутка мнѣ не поугру.

Минутка. Фирсъ Князевъ вамъ приготовилъ западню.

Молчановъ. Какую западню?

Минутка. Не знаю.

Молчановъ (гнѣвно). Вонифатій Викентьичъ! совѣтую вамъ съ вашими домашними въ дурачки играть, а не со мною.

Минутка. Я не знаю, не знаю и не знаю. Понимаете: я, я, я хочу знать это—и не знаю; но ждите бѣды. По радости, которой онъ полонъ, онъ едѣляетъ столь страшное, столь скверное...

Молчановъ. Что на него самого будетъ похоже.

Минутка. Вы не шутите. Я знаю его: онъ никогда такой не былъ. Это уже совсѣмъ сатана во всей славі своей. Вы

присылали къ нему вчера Дробадонова? Онъ далъ росписку Князеву, что вы купили домъ Гуслировой.

Молчановъ. Я присылалъ, покупаю. Что же далѣе?

Минутка. Росписку эту я могу... сберечь у себя и могу и возвратить вамъ; а на ней что-то строптсся. Вы, кажется, мнѣ не вѣрите? Вспомните, что я вѣдь съ васъ ничего не требую за услугу.

Молчановъ. Теперь я вамъ тѣмъ болѣе не вѣрю. Съ какой стати въ васъ явилось вдругъ такое безкорыстное дружество ко мнѣ, когда вы вѣчно служили врагу моему Князеву?

Минутка. Какъ умному человѣку, вамъ бы не грѣхъ знать, что служатъ чаще всего не тому, кого любятъ.

Молчановъ. А кому выгодно служить, — я это знаю. Но отчего же меня-то вы безвозмездно защищаете?

Минутка. Ну, на это у меня есть свои виды.

Молчановъ (*вглядываясь въ Минутку*). Нѣтъ; вѣрно не плохо ли Фирсу, или вамъ не плохо ли отъ Фирса?

Минутка. Можетъ-быть и плохо Фирсу, и мнѣ отъ Фирса плохо, можетъ-быть плохо, но, во всякомъ случаѣ, чтобъ вы знали, и вамъ плохо.

Молчановъ. Онъ надоѣлъ вамъ?

Минутка. Да, немпожко. Я порѣшилъ съ нимъ кончить, тѣмъ болѣе, что теперь къ тому и время приспѣло. Ему спасенья больше нѣтъ.

Молчановъ. Какъ нѣтъ спасенья? А въ чемъ опасность заключается?

Минутка. У него нечѣмъ заплатить денегъ, подаренныхъ вами дѣтскимъ пріютамъ.

Молчановъ (*удивляясь*). Фирсу Григорычу нечѣмъ платить? Я думаю, онъ не хочетъ платить?

Минутка. Онъ не можетъ платить. (*Оглядываясь*.) Мы съ вами совершенно одни?

Молчановъ. Въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія.

Минутка. Полагаю также, что нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что все, о чемъ я буду говорить съ вами, останется навсегда между нами?

Молчановъ. Я не выдавалъ никого.

Минутка. Потрудитесь не искать съ Князева вашихъ денегъ. Ихъ негдѣ уже искать. Позвольте мнѣ лучше его въ Сибирь отправить. Я вамъ это очень совѣтую.

Молчановъ (*встаетъ*). Г. Минутка, что это за тонъ? Что бы это могло значить!

Минутка. Стою за свою шкуру, Иванъ Максимычъ. Виновать передъ вами во всемъ главнымъ образомъ одинъ Фирсъ. Воротивъ всего заграбленного у васъ въ теченіе двадцати лѣтъ невозможно. И я, и голова, и тестъ вашъ— все пойдемъ подъ судъ и пропадемъ безъ всякой пользы для васъ. А вотъ я вамъ представляю бумажечки, по которымъ Фирсъ Григорычъ одинъ отлично прогуляется... (*Отдаетъ бумаги.*)

Молчановъ (*пересматривая*). Счетъ, росписка въ полученіи денегъ за кладовую и накладная на какую-то мочалу... Я ничего не понимаю.

Минутка. Полтора года тому назадъ, ровно за три мѣсяца до вашего возвращенія изъ-за границы, у васъ сгорѣли амбары, а въ нихъ двѣ тысячи пудовъ хлопка. Товаръ этотъ не былъ застрахованъ; а не былъ онъ застрахованъ (*помолчавъ*) потому, что его совѣмъ не было.

Молчановъ (*пожимая плечами въ недоумѣніи*). Шарада за шарадой.

Минутка. А очень просто: привезли мочалу, да сожгли ее за хлопокъ.

Молчановъ (*помолчавъ и вздохнувъ*). Ловко, другъ мой Фирсъ Григорычъ!

Минутка (*вставая*). Иванъ Максимычъ! Я много виновать передъ вами! Надѣяться на какое-нибудь примиреніе съ вами—это, разумѣется, было бы довольно смѣшно и глупо; но я хочу вотъ чего: хочу одолѣть свою гадость душевную и сказать вамъ: простите меня, Бога ради!

Молчановъ (*грустно*). Богъ васъ проститъ! (*Подаетъ руку, которую Минутка схватываетъ и мгновенно цѣлуетъ. Молчановъ переконфуженный.*) Что вы, что вы! Вонифатій Викентычъ... Богъ съ вами! (*Удерживаетъ его за руки и ласково сажаетъ назадъ въ кресло.*) Успокойтесь!

Минутка (*горячо*). А я за это весь вашъ, весь, весь! и ужъ у меня Фирсъ желѣзныхъ браслетовъ не минуетъ.

Молчановъ. Вонифатій Викентычъ, я вижу, вы меня не понимаете. Слушая васъ, поневолѣ вспомнишь, что «самая вышняя хитрость на свѣтѣ состоитъ въ томъ, чтобы никогда ни съ кѣмъ не хитрить». Будучи честнымъ человѣкомъ, какимъ я хоть не вездѣ, но по нѣкоторымъ статьямъ имѣю

право себя считать, я ни въ какихъ обстоятельствахъ не допущу васъ сожалѣть о вашей сегодняшней откровенности. Сказанное здѣсь—здѣсь умерло...

Минутка (*кланяясь*). Я въ этомъ былъ увѣренъ. Я всегда уважалъ васъ за благороднаго человѣка.

Молчановъ. Но вы напрасно думаете, что я желаю мстить Князеву. Взысканіе съ него я уступилъ приютамъ, чтобы меня не могли долго уграшивать эти деньги ему уступить или отсрочивать ихъ. Онъ не стоить этого. Но мстить... я не ищу этого. Съ Фирсомъ Григорычемъ мои счета такъ велики и длинны, что ихъ лучше не пробовать сводить. Они начались у моей колыбели и кончатся, можетъ-быть, въ день смерти моей. Этотъ человѣкъ ехидствомъ взнеслъ въ дружбу къ моему отцу; онъ оттеръ съ него мать мою; онъ уговорилъ отца написать завѣщаніе, по которому состояніе могло перейти ко мнѣ только въ такомъ случаѣ, если я, достигнувъ возраста, женюсь на Мякишевой. Иначе, за руками у Мякишева, было другое завѣщаніе, по которому, въ наказаніе мнѣ, цѣлая половина этого состоянія должна была поступить въ пользу богадѣльнѣ. По милости Князева, я въ наше просвѣщенное время въ шесть лѣтъ сдѣлался женихомъ четырехлѣтней дѣвочки... Кромѣ того... кромѣ того, общая молва говоритъ, что по его же милости я менѣ чѣмъ черезъ годъ послѣ этого завѣщанія сдѣлался сиротой. Не знаю, сколько въ этомъ правды; но...

Минутка. Но правда въ этомъ есть! есть, непременно есть.

Молчановъ. Да, если вѣрить голосу народа — это правда; народъ весь въ одно слово говорить это.

Минутка. Шепчетъ. Не говоритъ, а шепчетъ.

Молчановъ. Если вѣрить чувству крови — это правда: она кипитъ во мнѣ, когда я его вижу. Какъ бы я ни былъ спокоенъ, стоить произнести при мнѣ его имя—и я не свой. Я не могу, не могу быть своимъ, потому что одинъ видъ его меня въ бѣшенство приводитъ. Я не могу вспомнить, глядя на этого человѣка, какъ онъ въ восемь лѣтъ выучилъ меня пить сладкую водку, въ десять горькую, а въ пятнадцать ромъ и шампанское; какъ самъ онъ у себя на квартирѣ сажалъ мнѣ на колѣни французенокъ да танцовщицъ; какъ я въ его же глазахъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ рѣзалъ штоссы, и онъ за меня расплачивался... Убѣжалъ онъ — я уже самъ по его стонамъ ходилъ въ праздники къ

этимъ танцовщицамъ и франпуженкамъ, проигрывать имъ; поить ихъ: векселя имъ давалъ... Меня пороть надо было, а воспитателя повѣсить, а его всё пахвалиться не могли. Хвалили! За что жъ хвалили? Что съ голоду не моришь да въ напку не одѣвалъ? а онъ душу мою одѣвалъ въ лохмотья. (*Помолчавъ.*) Остальное все идетъ сплошная мерзость: въ двадцать лѣтъ болѣзнь потерять право на имѣніе ведетъ меня къ женитьбѣ на дѣвушкѣ, къ которой не чувствовалъ никакой привязанности: потомъ три года илѣнья съ своею тоской за границую; и когда бѣ не открылъ мнѣ глаза Дробадоновъ, когда бѣ онъ не поставилъ меня на нѣмѣннѣйшій путь, я былъ бы вѣрно и теперь прежнимъ поганцемъ и до сихъ поръ довелъ бы ужъ мои дѣла до состоянія, котораго нельзя бѣ было поправить. Такъ видите ли, какъ счеты-то мои съ Фирсомъ длинны, и какъ я хорошо ихъ знаю.

Минутка. О состояніи, Иванъ Максимовичъ, еще не безпокойтесь. Конечно, безъ состоянія человекъ все равно, что не человекъ; но вы... ваше состояніе еще дай Богъ всякому. Вы все-таки самый богатый фабрикантъ въ цѣломъ краѣ.

Молчановъ. Охъ. Боже мой! вы все о состояніи! Помилосердуйте! На что мнѣ жаловаться! У насъ, на Руси, есть люди, которымъ тузами, капиталистами бы быть, а они у своихъ благодѣтелей приказчиками, или кучерами служатъ, либо еще хуже того: папирасы въ веселыхъ домахъ гостямъ подаютъ, да не жалуются. Намъ это въ глупость нашу ставятъ; думаютъ, что мы ужъ и обиды чувствовать не способны!... Нѣтъ!... (*ударяя себя въ грудь*) чувствуемъ мы ее... чувствуемъ... такъ чувствуемъ, что можетъ быть, если бы объ этомъ, о чемъ мы говоримъ съ вами, на народъ вслухъ заговорить, такъ тысячи сердець объ самыя ребра въ грудяхъ стукнулись бы... да не зѣври мы, чтобы мечь любить, и не шуты, чтобы на вѣтеръ жаловаться... (*тихо*) потому что и своей вины каждый изъ насъ тоже въ этомъ долю видить! Что Фирсъ! Фирсъ прахъ, ходяшій на двухъ лапкахъ; а вотъ то, среди чего этотъ Фирсъ выросъ,—это ничтожество, это холопство... это равнодушіе... съ которымъ приходится сживаться, которое приходится терпѣть,—вотъ что, вотъ что не переносно! Нѣтъ... я не могу говорить объ этомъ...

Минутка. Вы успокойтесь, Иванъ Максимычъ! Я только вѣдь хотѣлъ васъ предупредить... хотѣлъ сказать вамъ, чтобы вы... были осторожнѣе...

Молчановъ. Благодарю васъ. *(Даетъ руку.)* Не думайте обо мнѣ: я не боюсь враговъ; я себя одного боюсь.

Минутка. Прощайте же, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ. До свиданья. *(Минутка идетъ къ окну.)* *(Улыбаясь.)* Неужто вы опять черезъ окно?

Минутка. А что жъ вы думаете?... Э! чтобы вы знали, право такъ лучше.

Молчановъ. Да что вы, Богъ съ вами! Чтò за охота! Будто я чужой какой! будто вы не могли зайти ко мнѣ просто по какому-нибудь своему дѣлу!

Минутка. Охъ, Иванъ Максимычъ! охъ, Иванъ Максимычъ! Какъ вы плохо еще его знаете! Фирсъ не то, чтò на землѣ есть, а что подъ землею-то, и то онъ на семь аршинъ вглубь видитъ.

Молчановъ. О, да Богъ съ вами! Стòитъ ли онъ того, чтобы о немъ постоянно думать! Но если вы ужъ непремѣнно желаете дѣлать секретъ изъ вашего визита, то я сейчасъ принесу ключъ отъ садовой калитки и черезъ садъ васъ выпущу.

Минутка *(останавливая его)*. Онъ нынче ночью ходилъ на телеграфъ и отправилъ въ Петербургъ депешу своему повѣренному и другую... *(на ухо)* Ефиму Гуслярову... мужу Марипы Николаевны.

Молчановъ *(вздвигнувъ и сжимая руку Минуткѣ)*. Т-ссс.

Минутка *(тревожно)*. Развѣ насъ кто слышитъ?

Молчановъ. Нѣтъ... не то... *(Живо.)* О чемъ депеша Гуслярову?

Минутка *(пожимая плечами)*. Не знаю. *(Молчановъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе.)* Не знаю, Иванъ Максимычъ, не знаю и узнавать не хочу, потому что изъ его депеши ничего не узнаешь. Онъ пошлетъ депешу, что овса или гречи больше не требуется, а читать это слѣдуетъ: «потребуй къ себѣ свою жену». *(Молчановъ вздрагиваетъ.)* Минутка, сжимая его руку, говоритъ внушительно.) Хорошаго ждать нечего: онъ золь на васъ и на Марину Николаевну. Надо быть готовымъ на всякое время и на всякій часъ все встрѣтить... и *(рѣшительно)* отпарировать.

Молчановъ. Какъ отпарировать?

Минутка. Какъ? (*Живо*). Сегодня ѣхать въ Петербургъ съ Мариной Николавной вмѣстѣ: къ отчету Фирса и въ тюрьму! Да, вмѣстѣ уѣзжайте, слышите! Если любите Марину Николавну, не оставляйте здѣсь ее: надъ ней бѣда виситъ не легче вашей.

Молчановъ. Все это вѣдь пока одни лишь подозрѣнія?

Минутка (*смотритъ Молчанову въ глаза и вздохнувъ*). Да, подозрѣнія; а вы когда хотите защищаться?

Молчановъ. Когда на меня нападутъ, когда...

Минутка (*перебивая*). Когда... (*спохватясь*) да, да, когда... когда увидимъ, что онъ противъ васъ задумалъ. Да, да... Ну, я буду за нимъ смотрѣть во всѣ глаза. А теперь, Иванъ Максимычъ, проводите меня покудова. Не равенъ часъ, чтобъ кто-нибудь къ вамъ не зашелъ.

Молчановъ. Сейчасъ. (*Уходитъ въ дверь нальво.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Минутка (*одна*). И этимъ не задѣлъ! Хе-хе-хе-хе! Подозрѣнія! Нѣтъ, ты перекреститься, милый, не успѣешь, какъ Фирсъ плюнетъ тебя въ самую маковку... (*Оборачиваясь къ комнатѣ, куда вышелъ Молчановъ*). А ты, барашекъ, приготовляйся, другъ, на заколенье! Не хочешь волкомъ быть, не хочешь зубъ имѣть, что жъ: самого съѣдятъ въ бараньей шкурѣ. А я... Нѣтъ, мнѣ ты насолилъ ужъ, Фирсъ Григорычъ! Я двадцать лѣтъ терпѣлъ твою кацапью спесь; а нынче не изъ-за чего: сосать-то больше некого. А на отчаянность... нѣтъ, братъ, при нынѣшнихъ судахъ, на эту штуку не пойду. Я ужъ себѣ собралъ съ ребятками на молочнико и другую дорожку понадупалъ... Одно до дьявола какъ глупо, что я вотъ этому кое про что понамекнулъ... Боюсь теперь, чтобъ ранѣе чѣмъ слѣдуетъ Фирсъ не прозналъ, что я съ нимъ въ союзъ поавстрійски. Да нѣтъ! Молчановъ честный человекъ, а честный человекъ въ Россіи мастеръ молчать, гдѣ ему молчать не слѣдуетъ. Нѣтъ: ничего! (*За сценою слышенъ веселый голосъ Колокольцова.*)

Колокольцовъ (*за сценою*). Сейчасъ, кума, сейчасъ. Я только изъ купальни. Вода какъ молоко парное! Просто божественно искупался.

Минутка. Голова Колокольцовъ! Вотъ чортъ возьми, еще этого осла тутъ нужно встрѣтить. (*Гѣжитъ къ окну*). Нѣтъ,

съ симъ писавый кланяюсь! (*Прыгаетъ въ окно, роняя на полъ перчатку.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Молчановъ (*входя*). Вотъ и ключъ. (*Оглядывается.*) Воинфатій Викентъичъ! Гдѣ же это онъ? Неужто же опять въ окно стрекнуть? (*Смотритъ въ окно.*) А!.. такъ и есть... Нинь, словно заяцъ чешеть... (*Закрываетъ окно*). Ну, добрый путь тебѣ до ясу. (*Сидится*). Самое скверное изъ всего, о чемъ тутъ говорилось, это то, что касается Марины. Я долженъ непременно о ней хорошенько позаботиться и не откладывать болѣе этого: ея доля ужасна. Матушка моя ее мнѣ въ дѣтствѣ въ невѣсты прочила, а я изъ нея чортъ знаетъ что сдѣлалъ... То-есть чортъ знаетъ, что мы такое за люди! Чего? зачѣмъ я ее замужъ выдалъ?... Поблагодѣтельствовалъ... Не казалась вотъ ничѣмъ, пока дѣвчонкой была, а какъ чужою женою стала—женою разбойника—и рассмотрѣлъ ее тогда, и полюблился; а нинѣ она все мое счастье. (*Задумывается*). Эхъ, помню я, какъ бывало въ Петербургѣ, бѣлыми ночами слоняясь по островамъ, какіе споры въ юные годы вели мы про русскую женщину, (*декламируя*) «съ которой никто не придетъ зубоскалить, которая въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ, коня на скаку остановить, въ горящую избу взойдетъ», и думалось: о, если бы я эту женщину встрѣтилъ! (*Въ это время тихо входитъ голова, въ бѣломъ, лѣтнемъ пиджакѣ и съ веселой улыбкой крадется къ Молчанову*). А встрѣтимъ живую такую женщину—не замѣтимъ ее; либо мимо ея—проста она намъ кажется, не философствуетъ, однообразіемъ утомляетъ—и сами съ рукъ ее сбывать хлопочемъ, и послѣ вспомнимъ про нее... смѣшно сказать, когда --- развѣ когда некому тебѣ въ дорогѣ пуговицы къ рубашкѣ пришить, или когда спохватишься, что глазъ теплой рукой завести будетъ некому.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Колокольцовъ.

Колокольцовъ (*стоя сзади Молчанова, закрываетъ ему своими руками глаза и держитъ.*)

Молчановъ. Иванъ Николаевичъ! полно пожалуйста буфоничать. (*Отнимаетъ его руки.*)

Колокольцовъ (*весело*). Чего ты:—замечтался? Здравствуй, мой милый! А отчего ты отгадалъ, что это я?

Молчановъ. Очень трудно отгадать! Одинъ у насъ буфонъ—голова городская. Садись-ка, закуривай сигару.

Колокольцовъ (*сидясь*). А я, братъ, зачѣмъ къ тебѣ пришелъ? Я нынче чортъ знаетъ какъ разстроены.

Молчановъ. Это отчего?

Колокольцовъ. Жена у меня очень скверна.

Молчановъ. Что, хуже ей?

Колокольцовъ. Совсѣмъ скверна. Прескверное лицо — и ослабѣла. Такая злость, ей-Богу! Посмотришь, въ прежнее то время какія были женщины, вонъ матушка моя сестру Паташу на сорокъ восьмомъ году родила. Даже стыдно, говорить, было ходить беременной; медики говорили: невозможно это; а она взяла да и сотворила «возможно» — вотъ ты и толкуй съ ней: — и ничего съ нею не подѣлалось. А нынѣшнія, какъ выйдутъ замужъ, такъ никакого удовольствія отъ нихъ нѣтъ... (*сидявъ гримасу*) какое-то трень-брень съ горошкомъ.

Молчановъ. Какъ фарфоръ брешны.

Колокольцовъ. Ни къ чорту, душка, не годятся! Говорятъ: отчего мужъ дома не сидитъ; да какъ, скажи, пожалуйста, сидѣть, когда все искотня да стоны! Я, знаешь... я сравниваю нашъ вѣкъ съ римскимъ, когда всѣ римляне сидѣли у гетеръ. Чтѣ хочешь говори, а это мнѣ понятно. Когда жена все эти мины корчитъ, а тамъ, представь себѣ, роскошная этакая краса, этакая веселость, блескъ, рѣчь понятная, и весь ты нараспашку распахнешься... Ахъ, Питеръ, милый Питеръ! Ахъ ты Мабиль въ Парижѣ! Какія пиплянки... Этотъ компресникъ-то свой съ ленточками на головенку какъ приколетъ.. Какое остроуміе-то! Ей-Богу, день бы цѣлый все сидѣлъ да пульсикъ щупалъ бы у этакой Аснази. (*Грозя шутливо пальцемъ*.) Но ты, я знаю, ты русской почвы держишься—Марины Николаовны.

Молчановъ. Боюсь, что всѣ вы скоро посѣдете: ничто отъ васъ не скрыто.

Колокольцовъ. Да и не скроется! Представь себѣ: зачѣмъ я къ тебѣ зашелъ? Я вѣдь сейчасъ — всего за полчаса — полицеймейстершу голую видѣлъ въ купальнѣ. Я очень давно ее посмотрѣть собирался и двадцать разъ говорилъ купальщику Титу: проверни ты мнѣ, Титъ милосердный,

для меня щелочку въ тотъ номеръ. Онъ, дуракъ, все начальства боялся; но я полицейскому солдату, что у будки на часахъ стоитъ, это поручилъ, онъ и провернулъ, и прекрасно, каналья, провернулъ: сдѣлалъ, знаешь, такую щелочку и вставной сучокъ... Нѣмецъ бы этого ни за что не сдѣлалъ.

Молчановъ. Гдѣ нѣмцу!

Колокольцовъ. Да ты, я знаю, ты западникъ и этому не сочувствуешь! (*Хватаясь за карманъ.*) Ахъ, Господи ты мой! твержу: западникъ, западникъ, а самъ и позабылъ сказать тебѣ, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ... Какую мнѣ, братъ, Фирсъ Григорычъ новость сообщили про нашихъ славянскихъ братьевъ! Я тебѣ скажу, я чувствую, что я съ большимъ бы удовольствіемъ катнулъ посмотрѣть на нашихъ славянскихъ братьевъ.

Молчановъ. Ты, гляди, ты это не на компресинки ли съ ленточками посмотрѣть въ Петербургѣ хочешь.

Колокольцовъ. Н-нѣтъ! Какъ можно! Нѣтъ, я вѣдь въ прошломъ году не могъ собраться посмотрѣть своихъ атлантическихъ братьевъ: денегъ не было. Неужто жъ я и этихъ не увижу? Я еще никогда не видалъ славянскихъ братьевъ! Капунниковъ видѣлъ ихъ, да ничего рассказать не умѣеть: какъ греки—говорить—на грековъ похожи... (*Замѣчая у окна оброненную Минуткою перчатку, бросается и поднимаетъ ее.*) А это кто у тебя, милый, рукавички-то терять? Кто это, милый, былъ у тебя?

Молчановъ (*всматриваясь*). Это Минутка у меня былъ: за лѣчебникомъ заходилъ.

Колокольцовъ. Минутка заходилъ на минутку, ха-ха-ха!—я давно сдѣлалъ этотъ каламбуръ. «Минутка, пожалуйста на минутку». Онъ за это не сердится. Онъ преуморительный ляшокъ. И, впрочемъ, не знаю, какого ты теперь мѣнія о полякахъ?

Молчановъ. Да никакого больше.

Колокольцовъ. А нѣтъ, ты не шути скажи, что они такое по-твоему?

Молчановъ (*шутя*). Чортъ ихъ знаетъ: помѣсь жидъ съ французомъ.

Колокольцовъ. О, о, о, о! Нѣтъ, это, милый, не годится. Жидъ, чистый и мѣшанный, все держится одной политики:

Мнѣ въ глаза наплюй,
По лицу отдуи,
По щекамъ трезвонь,
Лишь карманъ не тронь:
Въ немъ чувствительность,
Раздражительность.

А у поляковъ... у нихъ есть что-то такое этакое... рыцарское... это... это, какъ тебѣ сказать, этакое все... у нихъ вмѣстѣ... дерзость и мерзость.

Молчановъ. Похвалилъ!

Колокольцовъ. Да; но я говорю, что они все-таки амюзантная нація. Я не люблю, когда противъ нихъ возбуждается эта ненависть. Это не въ нашемъ характерѣ. Разумѣется, я говорю это не какъ голова; какъ голова, я, конечно, гдѣ слѣдуетъ, иначе скажу,—но я это какъ русскій человѣкъ говорю, какъ я чувствую. Я ничего не имѣю противъ поляковъ. Ты помнишь въ Вѣнѣ, что сдѣлалъ одинъ полякъ съ нашимъ русскимъ?—далъ ему одну брошюрку прочесть противъ австрійскаго правительства, а того бацъ ночью и обыскали. Съ тѣмъ лихорадка сдѣлалась, чуть съ ума не сошелъ отъ страху, что сошлуть. Но этотъ полякъ пришелъ и говоритъ: не бойтесь, говорить, это я, говорить. на васъ наслалъ, потому что намъ нужно было отвлечь вниманіе полиціи отъ одного своего дѣла: я, говорить, и написалъ анонимное письмо, что у васъ есть подозрительныя бумаги... Вѣдь этакая верткая каналья!

Молчановъ. Да, ужъ чего еще не каналья!

Колокольцовъ. Но какъ ловко-то и въ то же время вѣдь и совершенно безвредно! Ахъ, другъ мой, я того убѣжденія, что вѣдь они не мы. Ихъ положеніе другое. Мы вѣдь гиганты... наше имя исполнишь, а исполнины всегда снисходительны. Ты вотъ, я знаю, ты не любишь Фирса Григорича; а я его за что люблю? Я знаю, что онъ—*entre nous soit dit* — мерзавецъ *cum cuximia laude*, но я его люблю за его прекрасную натуру — за его русскую натуру. Онъ русскій человѣкъ, и зато посмотри, какъ онъ снисходительно относится къ полякамъ. Онъ говоритъ: что поляки? Это вздоръ, говорить, поляки... Такъ-таки и говоритъ: «это вздоръ», ихъ нѣтъ,—и я въ этомъ съ нимъ совершенно согласенъ, потому что гдѣ же нынче Польша? Тюти, душка: мышки ее съѣли.

Молчановъ. Да, чортъ бы ихъ побралъ: теперь, какъ клопы ползуть сюда, чтобъ кровь сосать тихонько изъ Россіи. Здѣсь подлецовъ и дураковъ еще найдется, чтобъ съ ними заодно якшаться.

Колокольцовъ. Догадываюсь! Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что, сказавши «подлецовъ», ты это на Фирса намекаешь; ты Фирса очень не любишь. И я это понимаю. Я какъ-то очень долго размышлялъ, за что ты его такъ не любишь, и нарочно сегодня зашелъ къ тебѣ сказать, что я открылъ причину вашей ненависти: вы оба очень самолюбивы. Ты самолюбивъ и онъ самолюбивъ. О, онъ чертовски самолюбивъ; онъ въ этомъ случаѣ... онъ даже до поэзіи возвышается... Онъ во многомъ возвышается до поэзіи; но въ самолюбіи онъ даже во вредъ себѣ возвышается до поэзіи. Я этому вчера колоссальный примѣръ видѣлъ; грандіозный примѣръ. Я нарочно пришелъ сегодня рассказать тебѣ объ этомъ. Вчера у меня генераль Ковалевъ сказалъ о Штукаревѣ... Кто-то сказалъ, что Штукаревъ разоренъ; а Канунниковъ, что ли, или не помню кто говоритъ: Э, говорить, это путный человѣкъ пропадетъ, а ихъ брата, откупную пивку, чортъ не возьметъ. А генераль Ковалевъ говоритъ: да, говорить, Штукаревъ налѣ настоящій русскій человѣкъ; я, говорить, совершенно въ томъ увѣренъ, что «пока онъ живъ, никто въ его дѣлахъ ничего не разберетъ». Что жъ ты думаешь, Фирсъ вынесъ это? Какъ бы не такъ! «Эхъ, ваше превосходительство, говорить,—да я, говорить, и умру, такъ послѣ меня никто ничего не разберетъ». Можешь ты себѣ это представить — и здѣсь не упустилъ!

Молчановъ (*смявъ*). Вотъ! какъ грачъ по нашиѣ прыгалъ съ одного на другое: про все переговорилъ—и опять за Фирса! Когда бъ ты зналъ, какъ мнѣ это надоѣло два часа къ ряду день-изо-дня все слышать: Фирсъ Григорьичъ да Фирсъ Григорьичъ,—точно онъ здѣсь какой король. Да чортъ его дери! Онъ мнѣ вовсе не интересенъ.

Колокольцовъ (*таинственно*). А скажи, правда это, что ты на него искъ дѣтскимъ приютамъ уступилъ?

Молчановъ (*снова разсмѣявшись*). Опять грачомъ запрыгалъ! (*Серьезно*.) А что такое?

Колокольцовъ (*шутливо и робко*). Ничего, душа моя, ничего... Но это, я думаю, ему... не по носу табакъ.

Молчановъ. Я и не желаю его носа тѣшить.

Колокольцовъ. Да, да, именно носа не тѣшить. Есть на этотъ счетъ французская поговорка, только не къ носу, а къ другому, къ плѣши: *il ne faut jamais tacher de tuer le nez...* А? понялъ?... По-русски это просто значить: не тѣши чужую плѣшь. (*Наибаясь къ Молчанову.*) А знаешь ты, я, наблюдая твой характеръ, всегда сравниваю тебя съ Сарданапаломъ? именно съ Сарданапаломъ. Ты очень тихъ, и вдругъ ты такъ именно являешься Сарданапаломъ, котораго весь вѣкъ считали бабою, а онъ вдругъ взял и сжегъ себя.

Молчановъ (*иромко расхоладовавшись*). Ха-ха-ха! Охъ! ты меня уморишь, Иванъ Николанчъ!... Ха-ха-ха!

Колокольцовъ. Чего ты? чего ты? Ей-Богу, Сарданапал!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Мякишевъ.

Мякишевъ (*сходитъ*). Здорово зять!

Молчановъ (*встаетъ, кланяется и снова садится*). Здравствуйте, Парменъ Семенычъ!

Мякишевъ. Чего же это ты хохочешь? Фирсъ Григорьичъ такое подѣ тебе подвелъ... статью такую вывелъ, а ты здѣсь шутки шутишь!

Молчановъ (*жестко*). Что такое? Какую онъ статью подвелъ? Какое мнѣ дѣло до его статей?

Мякишевъ. Дѣло!.. Да мнѣ-то дѣло: вѣдь за тобой дочь моя.

Молчановъ. Чортъ знаетъ, что это такое говорится! статью подвелъ, дочь за мной... Въ чемъ дѣло—разскажите?..

Колокольцовъ (*шутя и зашрывая*). Да я и забылъ, мой милый... Я вѣдь за этимъ и пришелъ къ тебѣ. Ты тамъ своимъ рабочимъ долю назначаешь... Конечно, отъ насъ, какъ говорится, хоть тридцать лѣтъ скажи, ни до какого государства не дойдешь; но все же вѣдь... Это социализмъ. Конечно, всѣ могутъ съ тобой согласиться, что это полезно; но это...

Молчановъ (*неробивая*). Это если, Иванъ Николанчъ, и шутка, такъ это очень глупая шутка. О какомъ социализмѣ тутъ можетъ быть рѣчь, гдѣ всѣ за каждый грошъ брата засудятъ?

Колокольцовъ. Да вѣдь, однакоже, справедливо, что ты фабричнымъ долю обѣщаль?

Молчановъ. Штъ; это несправедливо. Это было бы слишкомъ справедливо для моей несправедливости. Я хотѣлъ прибавить имъ жалованья, потому что нынче неурожай, хлѣбъ дорогъ. Вы возстали противъ этого, просили меня не дѣлать надбавки, чтобы и ваши того же не потребовали...

Колокольцовъ. Этого, душа моя, нельзя! Какія же наши-то прибыли! Помилуй, я... я правду тебѣ скажу. Я за тѣмъ къ тебѣ сегодня и зашелъ, чтобы у тебя тысячку наличности перехватить, чтобы съѣздить славянскихъ братьевъ посмотреть. Когда тутъ намъ въ эти годы съ рабочими сентиментальничать! Видь это въ литературѣ очень хорошо сочувствовать стачкѣ рабочихъ... Ты знаешь, что я и самъ этому сочувствую, и самъ въ Лондонѣ на митинги хаживалъ... Тамъ я этому всему сочувствовалъ, хотя, я тебѣ скажу, что жь такое Англія? Я вовсе не уважаю Англію... Гм! стачки позволены—и о-бокъ съ ними лорды и крупное землевладѣніе... Но когда это на самомъ дѣлѣ, когда... когда я самъ сдѣлался фабрикантомъ—это другое дѣло, душа моя! Это стачки, это... это чортъ знаетъ что такое для нашего брата! Да и наконецъ, какъ голова, я долженъ тебѣ сказать, что это видь и закономъ запрещено.

Молчановъ (*вспыльчиво*). Убирался бы ты отсюда, Ивагъ. Николанчъ, поскорѣ къ своимъ славянскимъ братьямъ и не мѣшалъ бы намъ свои русскіе ланты на оборы поднимать. Что это такое? Про что вы встолковались? *Я такъ хочу!* Понимаете, *я такъ хочу!* Я нахожу, что наши рабочіе получаютъ мало. Я хотѣлъ прибавить имъ—вы воспротивились. Изъ этого простого желанія вы сочинили и распустили слухъ, что я у васъ хочу лучшихъ работниковъ хитростью отбить, а потомъ опять сбавлю цѣну ниже нынѣшней. Мастеровые вамъ повѣрили... Что жь, на вашей улицѣ праздникъ. Пообѣдители не судимы.

Колокольцовъ. То-то, я говорю, другъ мой, надо знать нашего человѣка.

Молчановъ. Чортъ его бери, нашего, не нашего: мнѣ всѣ ровны люди. Я знаю, что они голодны, и ихъ голодъ мнѣ мѣшаетъ обѣдать спокойно. Я имъ сказалъ одно, чтобы они составили артель, чтобы сами поручились мнѣ за цѣлость матеріала, а я отищу зрителей и раздамъ смотрительское жалованье рабочимъ. Кажется, я въ правѣ это сдѣлать.

Колокольцовъ. Нѣтъ, не въ правѣ.

Молчановъ. Отчего?

Колокольцовъ (*не жаятъ, что сказать*). Мм... м...

Макишевъ. Да ты общественный человѣкъ, или тебя подъ крапивою видюшка высиждѣла?

Колокольцовъ. Да, да! ты вѣдь не Фридрихъ Великій, чтобъ каждому жареную курицу могъ къ обѣду доставить. Да и тотъ не доставилъ.

Молчановъ. Извольте разбирать пожалуйста: то социализмъ, то Фридрихъ Великій.

Макишевъ. А больше всего скажу я тебѣ, зять: ты шутъ.

Молчановъ. Какъ это шутъ?

Макишевъ. А такъ шутъ, коли ты на общую долю даешь, что еще самому годящее. Можно пожертвовать, кто говоритъ, мало ли кунцы на что жертвуютъ, да только вѣдь жертвуютъ, такъ съ умомъ жертвуютъ, съ выгодой: или для ордена, либо что совсѣмъ нестоящее. А ты, пакося, отъ себя рвень, да на мѣръ заплатишь.

Колокольцовъ. Да; вѣдь именно прежде всего всѣ мы, другъ мой, мы общественные люди... Мы этимъ должны гордиться. Но мы не свободны — это самое первое... мы должны другихъ слушаться... это наше коренное, наше русское... славянское...

Молчановъ. Отстань ты отъ меня, пожалуйста, съ твоимъ и съ русскимъ, и съ славянскимъ! Говори, въ чемъ дѣло?

Макишевъ. А въ томъ дѣло, что какъ ты по-своему, по-ученому полагаешь: можетъ ли тебѣ общество затрепщину дать?

Молчановъ. Какъ это затрепщину дать?

Макишевъ. Такъ, взять да и выпырнуть. Не надо, молъ, намъ, дуракамъ, такого умника. Не знаешь, какъ изъ общества исключаютъ? Приговоръ напишутъ, да и выключатъ.

Колокольцовъ. Общественный, душа моя, суди. Общество въ этомъ неограниченно. Я за тѣмъ къ тебѣ и пришелъ сегодня.

Молчановъ. Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать, что полицеймейстершу голуя видѣлъ.

Колокольцовъ (*недовольно*). Совсѣмъ не то! Это... мм-м... это другое... Я пришелъ потому, что сегодня утромъ всѣ наши первые фабриканты—Иванъ Петровичъ Капунниковъ, Матвей Ивановичъ Варенцовъ и Илья Сергѣичъ Гвоздевъ—

подали мнѣ бумагу, что ты своими распоряженіями злона-
мѣренно дѣйствуешь въ подрывъ нашей фабричной промышлен-
ности, и просить тебя ограничить. Я вотъ зачѣмъ пришелъ.

Молчановъ. Ты, Иванъ Николаичъ, въ эту минуту мнѣ
напоминаешь того анекдотическаго бурмистра, который на-
чиналъ свое письмо барину съ извѣщенія, что въ его имѣніи
все, слава Богу, благополучно, а подь конецъ прибавлялъ,
что только хлѣбъ градомъ вышло, скотъ подохъ да деревни
сгорѣла. Что жъ ты мнѣ здѣсь торочишь про полицей-
мейстершу, про атлантическихъ братій, про славянскихъ
братій, а не скажешь, что противъ меня затѣваютъ мои
русскіе братія?

Колокольцовъ. Да вѣдь я къ этому жъ и велъ, душа моя,
когда говорилъ съ тобой про Фирса. Я говорилъ, что онъ
удивителенъ... я не могу сказать: оригиналенъ, а именно
удивителенъ. Какъ бы о немъ что ни говорили, но я дол-
женъ отдать ему справедливость, что онъ владѣетъ удиви-
тельной силой убѣжденія. Какъ онъ ловко основалъ все
это! Вотъ какъ это у него написано (*вынимаетъ бумажку
и читаетъ*). Мм... м... м... да вотъ! «Такія несоразмѣрные
надбавки задѣльной платы въ подрывъ другимъ фабрикан-
тамъ невозможны со стороны человѣка, радѣющаго о своихъ
пользахъ и выгодахъ, а свойственны лишь расточителю,
стремящемуся предать свое наследственное имущество чрезъ
свою расточительность последнему разоренію и окончить
банкротствомъ, которую цѣль общество обязано предупред-
ить и отвратить, сколь въ видахъ сохраненія обществен-
наго кредита, столь же и для того, дабы семейство сего
расточителя, доведенное имъ до нищенства, не осталось на
рукахъ и на попеченіи общества. А что Иванъ Молчановъ
есть расточитель, то сему кромѣ сказаннаго доказательства
слѣдующія: онъ окромѣ прибавки платы рабочимъ, забывъ
родныхъ дѣтей, намѣревался пожертвовать двѣсти тысячъ
въ пользу дѣтскихъ пріютовъ и преподноситъ покушаемый
имъ на свои деньги особый домъ со строеніемъ мѣщанской
женкѣ Маринѣ Гусляровой».

Мякишевъ. Не хорошо зятекъ, не хорошо.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же, Анна Семеновна и Марья Парменовна.

Марья Парменовна (*быстро-входя и вводя за руки двоихъ*

дѣтей. Къ мужу). Что жъ ты это и послѣ этого еще мужъ, а не разбойникъ? Есть же еще гдѣ Пилать хуже тебя!

Мякишевъ. Марья! Марья! Марья! не хорошо, не хорошо такъ съ мужемъ.

Марья Парменовна. Что вы, папенька, вмѣниваетесь? Это не ваше дѣло совѣмъ въ это мѣняться. Между мужемъ и женою никто мѣняться не долженъ; а я именно, какъ дяденька Фирсъ Григорьевичъ совѣтуетъ, я судъ соберу, и пусть насъ разсудитъ, потому что онъ воръ.

Анна Семеновна. Да и хуже вора гораздо.

Молчановъ. Что это такое? Какъ вы смѣете приходить ко мнѣ и говорить такія вещи?

Анна Семеновна. Да отчего жъ правды не говорить? Мнѣ десятскій на ротъ бандероли не накладываль?

Марья Парменовна. Гдѣ жъ тебѣ съ воромъ равняться? Воръ что воруетъ, все себѣ танцить; а ты все изъ дому.

Анна Семеновна. Да, разумеется! что ты съ воромъ-то равняешься? Воръ вонъ напередъ у насъ козу украсть, такъ онъ ее не чужимъ же потащаль, а къ дѣтямъ къ своимъ отвелъ ее, чтобъ пропитаніе имѣли. Это стало отецъ. Онъ и побой за все принялъ, хоть и не въ дурномъ мѣнѣи и украсть-то ее, а что краденая, говоритъ, молока больше дастъ. Такъ это рачитель. А ты, нако-ся, по двѣсти тысячъ на незаконныхъ дѣтей жертвуешь! Ты бы хоть своихъ-то дѣтей постыдился.

Марья Парменовна. Да ему что свои дѣти! Онъ имъ хлѣба — и того жалѣетъ. На что, говоритъ, вы ихъ по десяти разъ въ день кормите? — они опухли отъ жратвы. Животы наоходилъ у нихъ какіе-то: какъ барабаны, говорить, у барабаничковиъ.

Анна Семеновна. Ахъ ты, безбожникъ ты этакой! Развѣ можно такъ про херувимовъ говорить: барабанички? Вѣдь они безплотные или дѣтъ: какъ же ты имъ есть-то отказываешь?

Марья Парменовна. Аглицкую болѣзнь отыскалъ въ нихъ.

Мякишевъ. Это не дѣло ты говоришь. Какая у купеческихъ дѣтей аглицкая болѣзнь можетъ взяться? Такъ съ сытости кушцы пухнуть.

Марья Парменовна. Опять же это вы такъ, тытенька, имѣвши разумъ, понимаете; а онъ этого, вѣдь, ничего понимать не можетъ. (*Выставляя дѣтей на видъ и оглаживая*

ихъ.) Опъ даже и того не скрываетъ, что стыдится своихъ дѣтей.

Анна Семеновна. Это законныхъ-то дѣтей стыдится?

Марья Парменовна. Уроды, говорить. Людямъ ему ихъ, видите ли, показать будто стыдно!

Анна Семеновна. Да что ихъ кому показывать-то? Чтобъ еще сглазили! Тпфу! (*Забираетъ къ себѣ дѣтей.*) Опи, слава Богу, не дворянскія дѣти, а христіанскія, не на показъ растутъ.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ (*входя*). А все же, сватья, дворянскія дѣти нашихъ умѣе. Дворянинъ съ четверть роста всего, а спроси его, что, молъ, такое грамматика? говоритъ: «два солдата»; а нашъ этого объ эту пору не знаетъ.

Молчановъ (*вспыхнувъ*). Фирсъ Григорьичъ! Какое право вы имѣете сюда войти? Прошу васъ вонъ! Сію же минуту вонъ выйдите.

Князевъ (*садясь*). Не слушаю.

Молчановъ (*зоветъ прислугу*). Люди! люди!

Марья Парменовна. Что! ты звать людей? (*Бросается къ двери.*)

Анна Семеновна. Выскочи, выскочи, Маша, на улицу, да заори хорошенько.

Марья Парменовна. Что, хорошо тебѣ будетъ, какъ народъ-то соберется?

Молчановъ. Что ты!.. безумная! (*Схватываетъ ее за руку и возвращаетъ на мѣсто.*)

Анна Семеновна. Что тутъ безумнаго? Да на разбойника мужа только и справы, что на весь народъ крикнуть. (*Молчановъ садится, махнувъ рукой.*)

Марья Парменовна. Я вѣдь тебѣ десять разъ говорила, что я скандаловъ не боюсь; а ты, когда боишься ихъ, такъ такъ и веди себя, не затѣвай свары и покоряйся мнѣ.

Князевъ (*Колокольцову*). Прошу васъ, господниъ голова, сго поурезонить.

Колокольцовъ. Постой, Иванъ Максимычъ: мы къ тебѣ собрались по дѣлу.

Молчановъ. Какъ, по дѣлу собираетесь? По какому дѣлу?

Князевъ. Сейчасъ узнаешь.

Молчановъ. Что жъ это... засѣданье, что ли, или заговоръ?

Князевъ. Да, заговоръ. Не знать только, что заговаривать: не то одни зубы, не то всю гадину. Нѣтъ, братъ, мы не заговорщики, а общественные люди. Заговорщиковъ въ-знаютъ, а намъ и Богъ, и Царь, и совѣсть указали сообща вести мірской корабль и защищать вдовицъ и сиротъ.

Молчановъ. Но здѣсь нѣтъ ни вдовицъ, ни сиротъ, и некому некать у васъ защиты.

Марья Парменовна. Я, я прошу защиты.

Князевъ. Вотъ, видишь, вразъ вдовица-то и объявилась, а сироты, по маломыслию, молчать, такъ міръ за нихъ и самъ заговорить. *(Строго и важно, ступивъ въ полъ шпалкой.)* Ты состояніе родовое сотнями тысячъ транжиришь; работникамъ счеты свои фабричные открывать собираешься; имѣніе продавать надумалъ; да на всемъ честномъ народѣ отъ живой жены любовницу замужнюю къ себѣ въ загородный домъ взялъ... Нѣтъ, братъ *(ударя себя въ грудь)*, мы не допустимъ этого! Мы, общество, боясь Бога и совѣсть почитая, не допустимъ твоей семьѣ погибнуть. *(Къ присутствующимъ.)* Господа! вы, голова, и ты, Парменъ Семеновъ, и ты, вдова при мужѣ, и все вы, кто меня слышите! объявляю вамъ, что находившійся въ моей онекъ купецъ Иванъ Молчановъ стремится къ расточенію своего имущества. Вотъ вамъ доказательства, что онъ позавчера купилъ для одной безпутной женщины домъ *(вынимаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ ее голову)*, а вотъ другое, что онъ позавчера же подарилъ двѣсти тысячъ... *двисти тысячъ*, господа, подарилъ, и этотъ подорокъ едва могъ быть остановленъ...

Молчановъ *(быстро)*. Кто смѣлъ его остановить?

Князевъ *(спокойно)*. Я.

Молчановъ. Это ложь! Вы не могли остановить этого.

Князевъ *(еще спокойнѣе)*. Отчего бы это не могъ? Мы не въ Сибири живемъ, да и тамъ нынѣ телеграфы есть, а отъ сумасшедшихъ и отъ расточителей нигдѣ подарковъ принимать не позволяется. *(Присутствующимъ.)* Съ своей стороны, я одинъ своими средствами все, что могъ, сдѣлалъ. Теперь ужъ вы за все въ отвѣтъ.

Мякишевъ. Что жъ, надо его ограничить.

Князевъ *(подавая бумагу Марьѣ Парменовнѣ)*. Жена его проситъ васъ, господинъ голова, не медливши ни часу, пока

послѣдуетъ какой судъ и приговоръ, устранить его отъ распоряженія имѣніемъ.

(Марья Парменовна подаетъ голову бумагу, которую тотъ сертитъ въ рукахъ, недоумывая, что ему съ нею дѣлать.)

Молчановъ *(вставая)*. Такъ это по во снѣ?

Князевъ *(обтирался платкомъ)*. Пѣтъ, сударь, вѣдь.

Молчановъ. Такъ это вы вправду собралися... меня связать судомъ, какимъ еще ни одинъ человѣкъ на Руси не былъ связанъ?

Князевъ. Были, врешь ты, были.

Молчановъ *(горячо и рывительно)*. Ну, были ли, по были ли, мнѣ все равно. Но если вы нашли право такъ поступить со мною, и если точно есть у васъ такое право, такъ... такъ знайте жъ и вы, и дѣти, и жена моя доносчица: — я господинъ своимъ имѣніямъ! Пока вы свой холопій судъ нарядите, я продамъ все... подарю, если куца не будетъ... подарю, первому нищему отдамъ, по этой гадинѣ холодной *(указывая на жену)*, которая передъ Богомъ обѣщалась беречь меня и передъ людьми меня выдала на поруганье... пѣтъ ничего, ничего! Своихъ враговъ награждать никто человѣка обязать не можетъ.

Князевъ *(подкрадываясь тихо, распахиваетъ двери во внутренніе покои, въ которыхъ на самомъ порогѣ стоятъ Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Варенцовъ)*. Прощу воити васъ, господа! Вы слышали?

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Варенцовъ.

Всѣ *(входя вмѣстѣ)*. Слышали, Фирсъ Григорьевичъ, слышали.

Князевъ. Теперь извольте сами разсуждать по тому, что видите?

Гвоздевъ. Что жъ, паншъ совѣтъ такой, каковъ и твой же, Фирсъ Григорьевичъ: собрать все общество и ограничить.

Всѣ *(разомъ)*. Ограничить, ограничить.

Молчановъ. Да это что жъ такое? Въ домъ шноновъ ставить? Вѣдь не блюю же еще покудова суда, и я покуда здѣсь хозяинъ.

Князевъ. Врешь ты бѣлъ хозяинъ, по съ сей поры... ты расточитель! *(Пауза. Картина.)* А вотъ мы сейчасъ еще лучше увидимъ, кто хозяинъ. Хозяинъ дому не кипеть,

хоть варомъ вари его, а прусакаъ отъ слова вопъ побѣжить, кто на него слово знаетъ. (*Присутствующимъ.*) Я, господа, за разъ, чтобъ положить копецъ всему этому безобразію, покончилъ и съ его помощницей. (*Вынимая изъ кармана небольшую бумагу и раскрывая ее передъ всеми.*) Вотъ вамъ денеша изъ Питера отъ Гусларова: онъ просьбу илеть, чтобы жена его Марина Николаевна, которую и теперь скрываетъ у себя на дачѣ Иванъ Молчановъ, была бы немедленно же выслана къ нему къ совѣстному сожителству; а до поры ее теперь, я думаю, уже арестовали.

Молчановъ (*отчаянно*). Га!.. (*Опрометью бросается въ двери и убѣгаетъ.*)

Князевъ (*Марья Парменовна*). Смотри, племянница, онъ брильянты схватитъ!

Анна Семеновна (*бѣжитъ*). Охъ, матушки! ухватитъ.

Марья Парменовна (*бѣжитъ*). Маменька, маменька, тамъ еще шуба бархатная, что онъ дарилъ. (*Дѣти уходятъ съ резомъ.*)

Князевъ (*присутствующимъ*). Смотрите, онъ ушибетъ вѣдь бабъ-то!

(*Всѣ кромѣ Минутки бросаются за женщинами.*)

Князевъ (*посмотрѣвъ пристальнымъ взглядомъ на Минутку*). Что?.. какъ ты думашь объ этомъ, Вонифатій? (*Сжимая руку Минутки.*) Вотъ то-то... Вы всю жизнь на этомъ ремеслѣ стоите, и крестятъ васъ въ такой купели въ Польнѣ, чтобъ каверзу стронть, а все... безъ заговоровъ ничего не сдѣлаете. У насъ проще эта политика! Видишь, ты одинъ дѣла верти... да такъ, чтобъ хвостъ не зналъ, что затѣваетъ голова. (*Указывая наизякъ на дверь, куда вышелъ Колокольниковъ.*) Не эта голова, что вышла, а вотъ эта (*показывая на себя*), что дѣло додѣлывать будетъ. (*Сухо.*) Садись къ столу и актъ нашини о всемъ, что было, и приноси туда для подписи. (*Минутка садится къ письменному столу Молчанова.*)

Князевъ (*выходя на авансцену*). Пу, кашу заварилъ. (*Тихо смѣется.*) Хе-хе-хе-хе... въ колокола про судъ ударили и звонять, и звонять... ха-ха-ха! Да что тутъ хитраго въ колокола звонить! Вотъ вы пожалуйста прислушайте, какъ я вамъ въ лапти звякну. (*Уходитъ.*)

Минутка. Да, ты правъ, нагъ Фирсѣ, ты правъ. (*Беретъ себя за ухо и подражаетъ Фирсу.*) «Дѣлай такъ, чтобъ

хвостъ не зналъ, что затѣваетъ голова. Не эта голова, что вышла, а вотъ эта (показывая на своей лобъ), что будетъ дѣло додѣлывать».

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая зала въ домѣ купца Мякишева. Мебель старинная, обитая чернымъ; по обѣимъ сторонамъ два одинаковые дивана; передъ ними столы; бюро; часы съ кукушкой; въ углу колонка краснаго дерева съ букетомъ восковыхъ свѣцовъ подъ стеклянныи колпакомъ. При поднятіи занавѣса черезъ открытыя окна комнатъ слышенъ со двора шумъ многочисленной толпы народа. Шумъ начинается до поднятія занавѣса.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Мякишевъ (сидитъ за столомъ на диванѣ); Князевъ (помѣщается за тѣмъ же столомъ на креслѣ); Минутка (пишетъ).

Князевъ. Экъ, какъ гадятся!

Минутка. Съ утра стоятъ здѣсь на дворѣ; пекота, жарко; оголодали, Фирсъ Григорычъ, а судъ еще, гляди, вѣдь не сейчасъ начнется. (Оставляя перо.) Иванъ Максимовичъ, говорятъ, только-что сейчасъ прѣѣхалъ съ дачи въ городъ и зашелъ къ головѣ, но голова его не принялъ.

Князевъ. Да; не принялъ. Ну, что намъ до того,—принялъ или не принялъ. (Смотритъ въ окно.) Скажи, пожалуйста, чего это они все въ одно мѣсто вверхъ смотрятъ?

Минутка (тоже выглядывая въ окно). Галка вопъ на карнизѣ сидитъ. Галку смотреть.

Князевъ. Что-жъ она чудного дѣластъ, что они въ нее воззрились?

Минутка. Ни чего—хвостомъ трясетъ, а они смотрятъ.

Князевъ (смѣясь). Эко дурачницы!

(Народъ подъ окномъ за сценою: Ха-ха-ха! У-у! у! у! уре! Полетѣла! полетѣла!)

Князевъ. Ха-ха! Что за скоты такіе. (Минуткѣ.) Поди-ка ты сюда. (Отводитъ его въ сторону.) Тамъ спосылай кого-нибудь скорѣе въ мой шинокъ, что на углу здѣсь ближе, и прикажи сидѣльцу, чтобъ всегъ имъ въ долгъ далъ,

кто сколько вылопасть. Понимаешь ли: не давать даромъ, чтобъ не сказали, что я подманывать хотѣлъ всю эту сволочь. Въ долгъ пусть лопаютъ. Отдастъ ли, не отдастъ ли который, но только въ долгъ давать... Бѣги.

Минутка. Въ минуту, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ (*Мякишеву*). А ты, отецъ, чего-то пони распустилъ?

Мякишевъ (*покачивъ головой, тихо*). Жалко мнѣ его. Я его люблю.

Князевъ. Чурилка ты, какъ посмотрю я на тебя, а по купецъ! Что, будемъ такъ къ примѣру разсуждать, — что если я напыюся до-пьяна, да въ твоихъ глазахъ полязу въ рѣку—пустишь ты меня? Тонись молъ, Фирсъ Григорычъ, я съ тебя твоей воли не снимаю? или попріудержать бездѣлицу? Что тебѣ долгъ-то твой христіанской повелѣваетъ?

Мякишевъ. Да христіанскій долгъ, конечно...

Князевъ. Ну, то-то и оно «конечно». Не то, что просто пріудержишь, а если буянить стану, такъ и свяжемъ да положишь, пока умирать охота пройдетъ. Не что иное и съ нимъ дѣлаютъ: онъ тониться хочетъ, а мы его удерживаемъ; онъ буянить—что дѣлать—мы его свяжемъ.

Мякишевъ (*тыкая въ столъ пальцемъ*). Вотъ это-то вотъ, свяжемъ-то... слово сіе жестоко есть.

Князевъ. А если Марьюшка къ тебѣ назадъ придетъ на хлѣбъ, да не одна еще теперь, а съ внучками, которые все ѣсть-то просить, сіе не жестоко будетъ?

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна (*входя съ сердитой миной. Къ мужу*). Да ты чего съ нимъ, Фирсъ Григорычъ, говоришь-то? О чемъ? Онъ вѣдь, небось, не понимаетъ.

Мякишевъ. Небось, понимаю.

Анна Семеновна (*мужу*). Ну, какъ же! Не мало ты когда что-нибудь понимаешь. Видишь, осовѣлъ совсѣмъ; все спитъ. Теперь вонъ май мѣсяць—народъ въ рѣкѣ купается, а онъ, точно котъ, все на лежанкѣ трется. (*Князецу*) Не слушай ты его, свать, ни въ чемъ. Нечего его слушать. Дѣлай, какъ ты самъ знаешь. Вѣдь ты у насъ, всѣ знаютъ, какой ты умный; тебя умнѣй никого въ городѣ нѣтъ.

Князевъ. Да, дуракомъ не ставили.

Анна Семеновна. Да и Марьюшка вчера у меня вечеромъ также была, такъ то-жь говорить: какъ, говорить, дяденькѣ Фирсу Григорьичу, говорить, угодно, а надо, говорить, его ограничить. Не такъ, чтобы вполне, говорить, ограничить, а чтобы онъ только, говорить, ни до чего бы не доходилъ; а я бы, говорить, всемъ распорядилась.

Князевъ. Ну, разумеется, она.

Анна Семеновна. Потому что иначе она его никакъ съ собой къ любви не приведетъ. Видишь, вонъ онъ какъ позавчера безъ всякаго стыда махнулъ къ Маринкѣ, такъ и теперь до сихъ поръ тамъ... и не бывалъ къ жепѣ. Легко это ей, Мангъ-то? Да и скажи-жь, свать, сдѣлай милость, — скоро ее, Марицу-то, вышлютъ? Вѣдь неприятно это намъ, что она тутъ живетъ.

Князевъ. Ну, погоди, вышлютъ. Надо, чтобы добро-то прежде было въ вашихъ рукахъ, а тогда въ вашихъ рукахъ и правда будетъ.

Анна Семеновна. Разумеется такъ! *(Мужу.)* А этотъ еще унирается.

Мякишевъ. Миѣ суда страшно.

Анна Семеновна. Какого это суда?

Мякишевъ. Страшнаго суда Господня.

Анна Семеновна. Такъ, стало-быть, судъ-то этотъ надъ тобою надъ однимъ, что ли, будетъ? Надъ всеми вѣдь этотъ судъ будетъ. Такъ вѣдь на то же человѣку положена молитва — отмолить можно. Да тебѣ и отмаливать-то нечего: ты молчи, да и только. Я, молъ, что все, то и я; я ничего не знаю. Такъ тутъ и грѣха нѣтъ.

Князевъ. Вотъ, видишь, жена-то у тебя какая мозговитая.

(Мякишевъ машетъ рукою и уходитъ.)

Князевъ *(по уходѣ Мякишева, фамильярно и съ своеобычнымъ куртизанствомъ, къ Аннѣ Семеновнѣ)*. Ахъ ты, копые мурзомецкое! Гляди, какъ она командуетъ.

Анна Семеновна *(улыбаясь изъ-подъ брови)*. У тебя научилась.

Князевъ *(вставая и потирая поясницу)*. Э, дѣвка, ужъ я и самъ-то все позабылъ: старо становится и ветхо.

Анна Семеновна. Нѣтъ, видно, ты старъ-то никогда не будешь. У тебя, у стараго-то, все слышно идетъ не по-старому, а по-молодому.

Князевъ. Толкуй. Итъть, дѣвушка, того ужъ итъть, что тебѣ, можетъ, помнится. Третьяго дня, вечеромъ, вздумалъ-было на кладбище прогуляться. Прѣхалъ, анъ ужъ ворота заперты и сторожей нѣтъ. Ахъ вы, волкъ вась съѣшь со-всѣмъ! Черезъ ограду вздумалъ перескочить... Что-жъ ты думаешь, вѣдь наслу перелѣзъ. *(Бьетъ себя по колѣнямъ.)* Тутъ-то вотъ... въ хрицахъ-то жестоко стало... не то, что бывало... Помнишь, Юра! гдѣ намъ съ тобой большой до-роги не было? А-а! Помнишь, что ль?

Анна Семеновна *(потупляя глаза и разбирая бахрому у платка)*. Чай вѣдь не вовсе безпамятная.

Князевъ. Ахъ, ты, безпардонная! Ужъ я тамъ по клад-бищу-то ходючи тебя вспоминалъ, вспоминалъ, да и счетъ съ памятью забылъ. И тутъ-то Юша; и вотъ здѣсь-то она; и вотъ тутъ не безъ нея... Тифу ты, грѣхи наши тяжкіе!

Анна Семеновна. Не со мной ты съ одной тамъ прогу-ливался: у тебя стать вѣшать до Москвы на столбахъ по одной—не перевѣшаемъ.

Князевъ *(персбивая)*. Да не про то, глухая! Я говорю, что, тебя вспоминаючи, вспомнишь, какой народъ-то былъ. И промежъ вашей сестрой, промежъ бабами тогдашними, и то люди были. И строгость была, и мужья, и свекровы, и у насъ все, бывало, свое идетъ: о полвечери рѣжешь себѣ прямо на могилки; а Юша ужъ тамъ... *(Загнриваетъ съ ней.)* Сидитъ, разбойница, на камуникѣ въ кленочкахъ... дожидается... А-а? Ни за что не обманетъ... А? Помнишь что ль? *(Ласкаетъ ее и смѣется.)* Хе-хе-хе-хе! Эхъ ты, звѣзда восточная!

Анна Семеновна *(съ притворнымъ неудовольствіемъ)*. Да ну тебя совсѣмъ! Нашелъ про что и вспомянуть? Знать видно молодья-то ужъ нонче прочь гонять, такъ хоть про старое поговорить.

Князевъ. Опять же не про то! Что молодья! Тифу!.. Козлихи онѣ все нонче, и совки, да неловки. Ихъ са-михъ-то надо еще по всякій часъ учить... *(Поглаживая ее по плечамъ.)* Не то, что вотъ эта мать-лебедушка: босой ножкой, бывало, выйдетъ, встрѣтитъ и проведетъ и выве-детъ... *(Веретъ ее за руку.)* Ишь, окаянная, и теперь еще пульты бьются!

Анна Семеновна *(не совладавая съ довольною улыбкой, от-малкиваетъ Князева)*. По-оди про-очь!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и возвратившійся **Мякишевъ** (*входитъ и заводитъ у двери часы*).

Князевъ (*отходя на авансцену*). Глуна какъ ступа конопляная эта женщина, а съ большимъ огнемъ была. Чуть-чуть, бывало, ей кивни, она ужъ тутъ — и время выщеть и случай и, какъ звѣзда, куда положено и катить. Смерть люблю такихъ женщинъ за обычай! (*Секундная пауза*.) Вотъ у Марины обычай совсѣмъ другой: это ренеекъ колючій... (*Опять короткая пауза*.) Ну, да я и этакихъ тоже люблю. (*Смысль*.) Хуже себѣ ничего не могу представить, какъ то, что послѣ моей смерти на землѣ вино, деньги и красивыя бабы останутся!.. (*Къ публикѣ*.) Вотъ такъ-то разсуждайте, кто какъ любить! Говорятъ: «я тебя всѣмъ сердцемъ люблю». По-мосму, это ничего не значить. А я вотъ (*потирая большими пальцами концы другихъ пальцевъ*).. я все чувствую... какъ только вспомню про Марину... такъ физическіе нервы мои болятъ. Особенно вотъ тутъ, вотъ въ самыхъ въ пальчикахъ поетъ... Весь боленъ даже стану; а мнѣ свое здоровье мило... Да, ужъ по этому по одному мнѣ нельзя пожалѣть Молчанова... нельзя, никакъ нельзя... я боленъ!.. Я не виноватъ, что это у меня такъ не проходить!

Мякишевъ (*подходит*). Знаете, я что? (*Махнувъ рукой*.) Я молчать буду.

Анна Семеновна. Давно бѣ вотъ такъ-то лучше.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и **Дробадоновъ**.

Дробадоновъ (*входя, про себя*). Съ лучкомъ.

Мякишевъ. А, братъ, Калина Дмитричъ, здравствуй! Какъ? все ли въ своемъ?

Дробадоновъ. Живу. Благодарю покорно. (*Садится*.)

Князевъ (*про себя*). Глядите, пожалуйста, этого только и боялся: и этотъ жукъ-отшельникъ выползъ. Въ два года разъ на сходку ходить, а нынче явился... Противный человекъ. Всѣ его любятъ, а я вѣкъ цѣлый его терять не могу. Но нынче ему подстроено, — спотыкнется.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же, Гвоздевъ и Минутка.

Гвоздевъ. Хозяевамъ и Фирсѣ Григорьичу.

Князевъ. Здравствуй и ты, Илья Сергѣичъ! А что, какъ твоя супружница?

Гвоздевъ. Благодарю покорно — опасности нѣтъ — свинка у нея сдѣлалась.

Минутка. Въ самой вени свинка?

Князевъ. Ну... ты опять съ своей самой венцью! У русскихъ свинки въ горлѣ бывають. (*Гвоздеву.*) Фіалковаго меду надо давать.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Варенцовъ.

Варенцовъ (*Князеву*). Здравья всякаго.

Князевъ. Спасибо, братъ, спасибо. Что это у тебя заборъ, что ль, новый нынче будутъ ставить?

Варенцовъ. Нѣтъ, старенькій пересынаю, Фирсѣ Григорьичъ. Что! ужъ съ этими заборами у насъ одна бѣда: безъ забора скотина все новытравить, а поставъ заборъ — сейчасъ его народъ на тонку растащить.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же и Канунниковъ (*которому Князевъ подаетъ руку и удерживаетъ ее въ своей рукѣ*).

Князевъ (*Гвоздеву*). А ты взакрой вели заборъ-то забирать, не на шины чтобы сажали доску, а взакрой: доска взакрой сидитъ плотно; а сверху скобочку пускай прибьютъ: такъ вотъ оно живетъ и плотно. А что воринки, такъ мы съ головою на воринкѣ открыли средство: на той недѣлѣ голова предложить приговоръ, чтобъ ихъ при первомъ же наборѣ всѣхъ безъ очереди сдать. Въ газетахъ помѣстимъ, чтобъ всякій зналъ и, ужъ понавнись бы, на общество не плакался. (*Канунникову.*) А ты, нашъ Баянъ Петровичъ, будго нездоровъ?

Канунниковъ (*весело*). Какъ быть здоровымъ, Фирсѣ Григорьичъ, когда всю ночь не спать.

Князевъ. Баяншкѣ что ли съ головой металл?

Канунниковъ (*также весело*). Да нѣтъ! Какое тамъ баяншкѣ! Собаки все проклятыя. Вотъ надобли! То мечутся, то рвутъ, то воютъ... тифу ты совсѣмъ, ровно въ самомъ

дѣлѣ передъ пронастью какою. Заснулъ-было — надавило. Дай, думаю себѣ, спрошу, какъ старые люди учатъ: къ добру или къ худу? Спросилъ — говоритъ: «къ худу». Ну гдѣ-жъ тутъ спать? А проснулся—онитъ немы воютъ.

Князевъ. А ты бѣ подъ собой подушку перевернулъ: они бы и выть перестали. Это у тебя жаръ въ головѣ, съ жару не снится.

Дробадоновъ (*про себя*). И тутъ знаетъ, что посоветовать.

Канунниковъ (*смысь*). Какое съ жару: со страху. На дачѣ былъ вчера да заповздалъ: жутко одному; ночь темная, лошадь черная: не знай, на чемъ и ѣдешь.

Князевъ. А ты бѣ пощупывать.

Канунниковъ. Да еще лошадь-то изъ рабочихъ лѣшная, ободрать ее, поналась, что не дошлосьея ей.

Князевъ. Дратся надо было съ ней хорошенько, когда лѣшная.

Дробадоновъ (*очень громко*). Ха-ха-ха-ха!

Князевъ. Чего такъ расхватило?

Дробадоновъ. Съ радости, что и съ лошадьми ужъ учинишь дратся.

(*Входятъ еще нѣсколько купцовъ разомъ и раскланиваются.*)

Князевъ. А вотъ и мѣръ весь въ сборѣ.

Дробадоновъ. Теперь можно и батьку убить.

Минутка (*взглянувъ въ окно*). Иванъ Максимычъ идетъ.

Всѣ. Тесе! (*Кромѣ Дробадонова всѣ споронитъ, очищая дорогу отъ двери.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Молчановъ (*грустный, но спокойный, подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ Дробадоновъ. Молча жметъ ему руку и отходитъ къ окну и становится спиною къ тестю и ко всемъ фабрикантамъ. Пауза.*)

Канунниковъ (*шопотомъ*). Тихій ангелъ летаетъ.

Князевъ (*громко*). Нѣтъ, не узналъ. Нонѣ говорятъ: это мировой судья родится.

Канунниковъ (*смысь*). А воровъ страхъ беретъ. (*Дробадоновъ неожиданно чихаетъ такъ громко, что всѣ вздрагиваютъ и раздаются восклицанія.*)

Князевъ (*иньво*). Тпфу! слонъ египетскій, какъ испугалъ. (*Минуткѣ.*) Ступай, проси сюда скорѣй голову!

Минутка (*взглянувъ въ окно*). Они идутъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Колокольцовъ съ портфелемъ. Съ нимъ подъ руку
Марья Парменовна. Все поднимаются.

Колокольцовъ. Мое почтеніе, господа! Марья Парменовна,
прошу васъ. (*Указываетъ ей на мѣсто за столомъ. Садится
рядомъ съ нею и вынимаетъ изъ портфеля бумаги.*)
Все здѣсь?

Дробадоновъ (*вздыхнувъ*). Которыхъ надо—все.

Колокольцовъ. А, и вы, Калина Дмитричь, нынче съ
нами. Простите, не замѣтилъ.

Князевъ. Махонькій — не вотъ-те-на его разсмотришь.
(*Общій смѣхъ.*) Чихнулъ, такъ дома чуть-чуть не опроки-
нулъ. Вотъ то-то значить, что безгрѣшный человѣкъ: надъ
нимъ хоть крыша упади, такъ онъ не побойтся смерти.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычь!

Молчановъ (*молча отходитъ отъ окна и становится къ
столу, за которымъ сидитъ Дробадоновъ, спиною къ нему,
лицомъ къ головъ и къ усѣвшимся фабрикантамъ*).

Колокольцовъ (*Молчанову*). Прежде чѣмъ я черезъ ми-
нуту, какъ должностное лицо, открою собраніе по вашему
дѣлу, я, какъ частный человѣкъ, прошу у васъ извиненія,
что полчаса тому назадъ не могъ принять васъ. (*Молча-
новъ кланяется.*) Я васъ не могъ принять какъ потому,
что я вчера уже разсматривалъ съ бывшими вашими опе-
кунами ваши бумаги и составилъ себѣ о вашемъ дѣлѣ
опредѣленное мнѣніе, такъ потому, что въ то время, когда
вы ко мнѣ заѣхали, у меня была жена супруга, и мы съ
нею разсуждали о васъ. Я нарочно за тѣмъ пришелъ...
Тифу!.. Простите: я за тѣмъ къ вамъ обращаюсь, чтобы
оправдаться передъ вами.

Молчановъ. Я не знаю, въ чемъ вы такъ много извиняе-
тесь: и оскорбленіе не велико, и всякій воленъ кого хочетъ
принять или не принять въ своемъ домѣ.

Дробадоновъ. На то ворота вѣшаютъ.

Анна Семеновна. Идѣтъ, квартальнаго, хоть и ворота есть,
а не смѣешь не пустить: въ Москвѣ купчиху за это но-
вымъ судомъ судили.

Князевъ (*про себя*). Дробадонъ что-то дробадонить... Надо
бы ему больничку въ губу вдернуть.

Колокольцовъ (*ко всемъ*). Прошу занять мѣсто и объявляю

вамъ, что засѣданіе открыто. (*Усаживаютъ въ полукругъ. Дробадоновъ и Молчановъ остаются на прежнемъ мѣстѣ.*) Мы взяли эту комнату для засѣданія потому, что присутственная камера думы тѣсна для такого большого собранія, въ какомъ, по справедливости, слѣдуетъ судить дѣло Ивана Максимовича. Впрочемъ, дума здѣсь же, за этою стѣною, въ домѣ Пармена Семеныча, и, я надѣюсь, никто ничего не будетъ имѣть противъ того, что мы собрались по сю сторону стѣны, а не по ту сторону?

Молчановъ. Не въ этомъ дѣло.

Князевъ. Да, онъ умнѣе всѣхъ сказалъ: не въ этомъ дѣло. Пускай дѣло начинается.

Колокольцовъ. Господа! вниманіе. (*Минутка.*) Читайте.

Минутка (*беретъ бумагу и читаетъ*). «Душеприказчики покойнаго коммерціи совѣтника, потомственного почетнаго гражданина и первой гильдіи купца, Максима Петровича Молчанова, а внослѣдствіи опекуны и попечители единственнаго его сына и наслѣдника, Ивана Максимова Молчанова, купцы Фирсъ Григорьевъ Князевъ и Пармень Семеновъ Мякишевъ, довели до свѣдѣнія общества и городского головы, что сказанный купецъ Иванъ Максимовъ Молчановъ, съ дѣтства своего постоянно отличаясь страстію къ расточительству, во время бытности своей въ опекѣ, а потомъ до двадцати одного года, согласно желанію покойнаго отца его, подъ попечительствомъ, былъ отъ сей вредной склонности постоянно воздерживаемъ».

Молчановъ (*неревивая*). Позвольте!

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть слово.

Минутка (*продолжаетъ*). «По достиженіи же законнаго совершеннолѣтія, онъ, Молчановъ, чувствуя самъ сію слабость и влеченіе къ разсѣянной и безпутной жизни, самъ уполномочилъ бывшихъ опекуновъ своихъ Князева и Мякишева довѣренностію на управленіе своимъ имѣніемъ, а самъ провель три года за границую, для изученія будто бы торговаго дѣла, но сего не исполнилъ».

Молчановъ (*неревивая*). Чего не исполнилъ? чего я не исполнилъ?

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть въ свое время слово.

Молчановъ. Да это и есть мое время говорить, когда на меня клеветуютъ. Я изучалъ фабричное дѣло и его знаю.

Князевъ. Читай, Минутка.

Минутка (*продолжаетъ*). «Прибывъ же два года тому назадъ на родину и вступивъ въ управленіе своимъ имѣніемъ, въ самое кратчайшее время привелъ все свои дѣла и счета въ безпорядокъ; расходы по фабрикаціи непомерно увеличилъ; доходы же привелъ къ существующему ничтожеству и кромѣ того обнаружилъ во всей своей силѣ свои прежнія склонности къ мотовству и расточительству, какъ-то: занимать у разныхъ лицъ деньги и выдавать на себя векселя; векселей этихъ своевременно не оплачивалъ, а переписывалъ, увеличивая сумму; затѣмъ имѣющіяся полученія расходовалъ заранѣе самымъ безразсуднымъ образомъ и претензію въ двѣсти тысячъ рублей уступилъ въ пользу пріютовъ, вмѣсто того чтобы сею суммою расплатиться съ долгами. И наконецъ, онъ сдѣлалъ безвкладными пайщиками въ операціяхъ фабричныхъ ремесленниковъ, дабы вредить прочимъ фабрикантамъ; купилъ домъ для посторонней женщины въ ущербъ благосостоянія своей семьи и, наконецъ, при многихъ свидѣтеляхъ, подписавшихъ актъ, выразилъ непремѣнное свое желаніе расточить все свое имѣніе, лишь бы ничего не досталось его женѣ и дѣтямъ. Такой образъ дѣйствія Ивана Молчанова, несомнѣнно клонящійся къ прямому его разоренію, вынудилъ душеприказчиковъ отца его обратиться на сіе вниманіе общества и просить объ огражденіи его наслѣдственнаго имущества, составляющаго обезпеченіе семейства, отъ разоренія. Одновременно съ симъ подано прошеніе и женою Молчанова, Марьею Парменовою Молчановою, которая, подтверждая общее мнѣніе, что мужъ ея есть расточитель, просить, въ огражденіе ея семейства отъ неминуемо-угрожающей нищеты, взять мужа ея за расточительство въ опеку».

Молчановъ (*глядя на жену*). Въ опеку! (*Качая головою*.) Такъ вотъ кто первый выговорилъ это слово!

Князевъ. Кого это ближе всѣхъ касается, тотъ и выговорилъ это слово!

Варенцовъ (*вздыхая*). Намъ изъ-чужи жаль; а она мать.

Марья Парменовна (*плача*). Я мать; и должна дѣтей обезпечивать.

Князевъ (*Минуткѣ*). Дочитывай.

Минутка. «Городской голова, члены сиротскаго суда и думы, рассмотрѣвъ все это дѣло, нашли представленіе купцовъ

Князева и Мякишева, а равно и прошеніе жены Молчанова заслуживающими вниманія и постановили передать это дѣло на общее обсужденіе всего общества и о томъ, что оно постановитъ, написать приговоръ». (*Кладетъ бумагу на столъ.*)

Колокольцовъ. Вотъ, милостивые государи, предметъ нашего сегодняшняго собранія. Иванъ Максимовичъ и его супруга, голосъ которой имѣетъ первое мѣсто, оба здѣсь. (*Со двора слышатся нетерпеливые звуки толпы.*) Купечество въ полномъ сборѣ, мѣщане на дворѣ во всемъ своемъ составѣ (*шутливо*) и, какъ слышите, напоминаютъ намъ о себѣ этими воплями.

Дробадоновъ. Какъ вороны крови ждуть. (*Молчановъ сдвигиваетъ.*)

Князевъ (*тихо*). Сейчасъ имъ стерву выкинуть.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! вамъ что-то угоднъ было сказать? Можетъ-быть, вы противъ кого-нибудь что-нибудь имѣете?

Молчановъ. Я противъ всѣхъ имѣю.

Князевъ. Никого, спасибо, не обидѣлъ.

Молчановъ. Здѣсь все́мъ выгодно, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь гадость; но я васъ спрошу: по какому праву вы вздумали устроить этотъ судъ? Пять дней тому назадъ меня никто не признавалъ ни расточителемъ, ни мотомъ, вы сами, господинъ голова, искали у меня перехватить тысячу рублей, для того чтобы истратить эти деньги на какую-то поѣздку. Я все́мъ человекъ былъ еще, такой же гражданинъ, какъ все́ здѣсь присутствующіе, какъ Петръ, Иванъ, Сергій: у меня можно было денегъ просить, и я могъ дать ихъ или не дать, считая вашу нужду не нуждою, а прихотью. И вы и каждый признавали меня въ такомъ правѣ—и вдругъ вы, тѣ же самые, говорите, что я расточитель, и собираетесь отнять у меня ваши мѣщанскіе судомъ человѣческія права, права, которыя дали мнѣ Богъ, природа. Гдѣ взяли вы такое право?

Князевъ. Минутка, прочитай ему законъ.

Молчановъ. Законъ! Не нужно мнѣ читать закона. Здѣсь дѣло не въ законѣ. Ваши заботы не о томъ, чтобы обстоять законъ, чтобы его исполнить, а о томъ, чтобы беззаконье сдѣлать на законномъ основаніи. Такихъ расточителей, какъ я, полна Россія. Все́ люди расточители и все́... быть-

можетъ болѣе, чѣмъ я. Гусарь, который безъ гроша вѣрнаго дохода землянику ѣсть зимой, по полтиннику за ягодку, — его въ опеку; ремесленникъ, который въ одинъ часъ пропиваетъ недѣльный заработокъ, — его въ опеку; чиновникъ, который сто рублей въ годъ жалованья получаетъ, а въ сто рублей жеицѣ одно платье шьетъ, — тожъ въ опеку его...

Дробадоновъ. Этого хоть и въ острогъ, такъ у мѣста былъ бы.

Молчановъ. Берите всѣхъ, всѣхъ въ опеку... да и себя ужъ заравно въ опеку сдайте. Такъ пусть и будетъ въ круговую... даже въ ландкартахъ географическихъ, вмѣсто *Россія*, пусть пишутъ *Опека*. Подводи меня подъ это, вы всѣхъ подъ то ведете и сами подъ то же лѣзете.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ, это все умно сказано и прекрасно, да къ дѣлу не идетъ.

Гвоздевъ. Ты дѣло говори.

Мякишевъ (*подходя, тихо*). А ты оправдывайся, Ваня.

Молчановъ. Да не знаю я, въ чемъ мнѣ оправдываться! Во всемъ этомъ дѣлѣ я дѣла никакого не вижу. Я вижу только одно беззаконіе, взмачивающееся на законъ; одну придирку и ничего болѣе. Я не хвалю себя! я молодъ былъ, кутить, любилъ веселую компанію. Что жъ дѣлать! знаю самъ, что, можетъ-быть, полсотни тысячъ промоталъ...

Князевъ (*Минутка*). Запиши.

Молчановъ. Но это было, да прошло.

Князевъ (*сладостно*). А на полсотни тысячъ что вѣдь могло быть сдѣлано-то? Вѣдь это пяти... да что я говорю: пяти! — десяти, пятнадцати семействамъ до вѣку кусокъ хлѣба дать бы можно.

Гвоздевъ. По три тысячи... Это бѣдной семьѣ довѣчный капиталъ.

Молчановъ. Правда, правда. Прокутить полсотни тысячъ — это большая низость; но удивляюсь сердоболью вашему о бѣдныхъ. Всѣ вы такіе, какъ и я. Вотъ здѣсь недалеко ходя сидятъ... ну три, четыре человека, которымъ случай кинулъ по миллиону; кто же изъ васъ рвался, чтобы свою гортань или чрево жадное унять и вспомнить неимущихъ?

Колокольцовъ. Тутъ дѣло не о ближнихъ, а о семьѣ, Иванъ Максимычъ.

Князевъ. Да, о семьѣ.

Гвоздевъ. За семью твою боюсь: вѣдь вопъ жена что пишетъ: *расточитель*.

Молчановъ. Да позвольте мнѣ спросить васъ: вы отдасте отчетъ своимъ женамъ?

Нѣсколько голосовъ. Да наши жены что жъ понимаютъ?

Канунниковъ. Нашихъ бабъ съ постелей вставать, и то пѣтухи учать.

Гвоздевъ. Ребятъ рожать имъ да рядиться — вотъ ихъ ремесло.

Молчановъ. Такъ что жъ моя-то жена? Особенное она что-нибудь, что ли? Воспитали ее, что ли, какъ-нибудь особенно, что при ней мужъ ничего не долженъ значить? Учили ее, что ли, чему-нибудь полезному?

Анна Семеновна. Да чему полезному учить-то? Нѣшто въ ученнхъ польза-то бывастъ? У ученыхъ денегъ-то меньше нашего.

Дробадоновъ. У насъ то полезно, что въ ротъ полѣзло.

Канунниковъ (*смѣясь*). Чего ихъ учить-то, когда съ ними и съ неучеными не справишься! Хвосты въ семь аршинъ пораспускаютъ и ходять какъ снофиды.

Колокольцовъ. Что жъ, это только значить, что наша женщина въ постоянномъ угнетеніи.

Молчановъ. Въ угнетеніи! Гм! и вотъ она, угнетенная, пришла сюда судить предъ всѣми мужа! Она сидитъ здѣсь, съ судьями моими, а я, которому она у алтаря Господняго глялась быть мнѣ подругою... нѣтъ... болѣе того: господиномъ, строителемъ семьи признавать меня... она мой обвинитель здѣсь; она сидитъ въ почетномъ мѣстѣ за то, что посмѣялась надъ клятвой... Она, которой я перстомъ не тронулъ, которой сроду словомъ не обидѣлъ, сидитъ здѣсь съ вами и судить мужа такимъ судомъ, какимъ еще Шемяка не судилъ, какимъ не дай Богъ Каину судиться; а я одинъ стою, мнѣ даже мѣста нѣтъ; скамейки у коровницы не заняли, чтобъ посадить меня по крайней мѣрѣ!

Мякишевъ (*встаетъ и торопливо приноситъ Молчанову стулъ*). Сядь, Ваня, сядь, безчастный!

Марья Парменовна. Ну, вотъ тебѣ и стулъ—садись.

Молчановъ (*цѣлуя тестя*). Благодарю. Не надо.

Марья Парменовна. Вотъ ты вѣдь и всегда такой. Вѣдь вотъ при всѣхъ теперь оно и видно: какой ты? То жаловался, мѣста сму нѣтъ, а подали стулъ—и не надо. (*Какъ*

бы тронутал.) Ну, вотъ сюда иди, когда не хочешь тамъ садиться. (*Подвигаясь и освобождая мѣсто*). Иди же что ль? (*Перемѣнилъ тонъ.*) Вѣдь кланяться не буду.

Молчановъ (*горько*). Намъ съ вами вмѣстѣ больше не жить и не сидѣть.

Князевъ. Кто нынче съ женами изъ образованныхъ людей живетъ!

Марья Парменовна. Такъ что жъ тебѣ съ чужою, стало-быть, показано теперь ужъ жить? Стало чужая лучше?

Князевъ. А какъ же не лучше? въ чужую жену чортъ меду ложку кладетъ.

Марья Парменовна. Нѣтъ, ты когда женился, такъ живи. А не хочешь, такъ заставитьъ.

Анна Семеновна. Есть же правило, чтобъ женъ къ мужьямъ отправлять, если требуютъ, — такъ теперь новый судъ, не безпокойся, и на мужей законъ выдастъ. И васъ приводитъ будутъ.

Князевъ (*съ сдержанной улыбкой*). Будутъ, сватья, будутъ. (*Молчанову.*) А ты, не такъ ты на это дѣла, другъ Иванъ Максимичы, смотришь. Я, долго твои умныя рѣчи слушавши, вотъ что тебѣ скажу: стронтель-то семьи ты стронтель, а тебѣ жены чуждаться нечего, да и по нашему, по русскому закону невозможно. Ты самъ вѣдь вспомнилъ сегодня, что вы съ нею въ церкви вѣнчаны; а мы не нѣмцы: у насъ разводовъ нѣтъ. Она здѣсь проситъ на тебя! Да что жъ такое? Мало ль женъ, которыя просили на мужей, не только что въ обществѣ, а и у квартальныхъ на мужей жаловались, да вѣдь не расстаются же съ ними со всѣми мужьями — живутъ.

Канунниковъ (*смѣясь*). А у мѣщанъ и у мужиковъ такъ еще и розгами мужа на сходкѣ по женной жалобѣ откарятъ, а все опять живутъ. Домой придутъ, онъ ее пощелкаетъ... (*Махнувъ рукою.*) У насъ на этотъ счетъ просто.

Гвоздевъ. Куда подѣнешься! законъ свой надо соблюдать.

Варенцовъ. И воютъ, да живутъ.

Молчановъ (*къ головъ*). Иванъ Николаичъ, позвольте васъ спросить, для чего я позванъ сюда передъ обществомъ? За расточительность какую-то вы собрались судить меня, такъ прикажите про расточительность и говорить, а не про то... что здѣсь говорится.

Колокольцовъ. Иващъ Максимычъ, вѣдь мы еще не парламентъ, намъ парламентскія формы чужды. Мы народъ.

Князевъ. Мы протесты, такъ попростому и рассуждаемъ, а по-ученому, по-заграничному не умѣемъ и не поймемъ пожалуй.

Колокольцовъ. Быть-можетъ, въ этомъ есть связь во всемъ...

Анна Семеновна. Да какъ же не связно! Теперь ужъ заодно въ одно время его судить и за расточительность, и за целюбовь.

Колокольцовъ. За нелюбовь, Анна Семеновна, нельзя судить.

Анна Семеновна. А отчего жъ нельзя?

Колокольцовъ. Нѣтъ основаній нравственныхъ; закона нѣтъ.

Анна Семеновна. А развѣ все по закону судятъ? Нѣтъ закона—по писанію судить можно.

Князевъ (*улыбаясь*). Ну, полно, сватъя, вратъ. (*Молчанову.*) А я опять тебѣ, Иванъ Максимычъ, рѣшаюсь доложить. Можетъ ты и вправду честный человѣкъ...

Колокольцовъ (*перебивая*). Да въ этомъ, я думаю, и сомнѣваться невозможно.

Князевъ. Ну да. Честный человѣкъ у насъ, говорятъ, одну жену обманываетъ: такъ ужъ, стало-быть, и потому ты честный. А вотъ ты говоришь, что такое въ твоѣй женѣ особеннаго. Я тебѣ расскажу это. Ты вспомнуй, что тамъ вамъ было въ церкви нѣто, а пѣсни-то эти, должно, по всегда памитоваль. Пять лѣтъ ты, женатымъ бывши, по Вѣнамъ да по Парижамъ развѣзжалъ—много ты о ней тамъ вспомнилъ? А вѣдь она здѣсь, какъ пташка, взаперти сидѣла; дѣтей твоихъ глядѣла, а суперантовъ, какъ другія прочія, не заводила. (*Съ удареніемъ.*) Имени-то твоего, безпутная ты голова, она вѣдь не замарала, хоша... стоилъ бы ты, можетъ, того, и очень бы стоилъ.

Молчановъ. Вы за собой бы лучше посмотрѣли, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ (*тѣши*). Я не бросалъ жены; домовъ любовницамъ не покуналъ.

Молчановъ. А съ задняго крыльца черезъ садовую калитку всю слободу къ себѣ переводили.

Колокольцовъ. Тсс! Господа! господа!.. Иванъ Максимычъ, вѣдь мы не на площади.

Молчановъ (*горячо*). Не позволяйте оскорблять меня. Противъ жару и камень треснетъ.

Колокольцовъ. Во всякомъ случаѣ, Иванъ Максимычъ, на оскорбленья можно жаловаться послѣ; а домашними дѣлами считаться здѣсь не мѣсто.

Варенцовъ (*смирно*). Особенно этакими пустяками: ими какъ и считаться?

Гвоздевъ (*вздыхнувъ*). Такое дѣло Богъ одинъ разсудить; а ты, милуша, проплыви челоуѣка не кори.

Дробадоновъ. И посейчасъ оно есть.

Колокольцовъ (*улыбаясь*). Калина Дмитричъ... слово здѣсь отвѣтственно.

Молчановъ (*всплеснувъ руками*). О, Господи! И это мѣръ, и это судьба! (*Въисне къ Колокольцову.*) Рѣшайте что-нибудь со мной скорѣй: я не могу здѣсь съ вами оставаться! Это не судъ, а разговоры возмутительные. Я не хочу этихъ разговоровъ слушать: у меня дѣло есть; меня люди дома ждутъ.

Князевъ. Не торопись, не всюду разомъ поспѣвай. Кто ждетъ, такъ подождетъ, а то другая рѣчь — была бъ постелюшка, а милый найдется.

Молчановъ (*быстро скокиваетъ въ рукахъ шляпу, но, овладевъ собою, говоритъ спокойно*). Я просто думаю, что вы издѣваетесь; это болтовня какая-то.

Дробадоновъ. А домъ, что купленъ Гуслировой,—такъ это я совралъ: домъ этотъ я купилъ. (*Общее движеніе.*)

Князевъ (*смыль*). Ха-ха-ха, проворовался грѣшникъ...

Молчановъ (*перебивая*). Не надо лгать, Калина Дмитричъ: я купилъ. До этого никому дѣла нѣтъ: я свое дарю.

Князевъ. Врешь, не свое, а дѣтское.

Молчановъ. Вы врете! Я своимъ дѣтямъ отецъ, а не холопъ кабальный, чтобы при нихъ уже ничѣмъ не смѣлъ распорядиться. Я долгъ, обязанность имѣю помочь Гуслировымъ.

Анна Семеновна. Гдѣ жъ это такая обязанность, въ какомъ законѣ показана?

Марья Парменовна. А ты еще знаешь ли то, что отъ любви-то дѣти бываютъ?

Молчановъ (*презрительно жемт*). Знаю! Я и то знаю, что они, къ стыду челоуѣческому, у низкихъ людей, каковы мы съ вами, и безъ любви рождаются.

Канунниковъ (*весело*). Ребята, что мѣрицы, они вездѣ водятся.

Марья Парменовна. Ну, такъ что жъ ты? Такъ ты и долженъ помнить, что вѣдь и другихъ дѣтей надо будетъ награждать.

Князевъ. Ну, гдѣ тамъ понче дѣти родятся, гдѣ ихъ не хочутъ!

Молчановъ *(быстро)*. Господинъ голова! велите имъ молчать!... Что это въ самомъ дѣлѣ такое? До чего это дойдетъ? Я протестуюсь и выйду вонъ отсюда.

Колокольцовъ *(тупясь въ бумагу)*. А для чего вы вздумали продать свое имѣнье, Иванъ Максимычъ, когда это тревожить вашу супругу?

Молчановъ *(вертя свою шляпу)*. Для чего?

Князевъ. Да, для чего? Ты не верти шляпы-то, а то голова болѣть будетъ.

Молчановъ *(быстро скомкиваетъ шляпу и въ бышество бросаетъ ее въ Князева. Весь вскакиваютъ)*. Вотъ для чего, чтобъ этотъ гадъ изъ терѣбнѣя бы меня не выводилъ. *(Смятенъе. Весь встаютъ.)*

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! Вы не въ своемъ умѣ!

Князевъ. Я дураку прощаю.

Колокольцовъ. Но мы простить не можемъ; мы всѣ оскорблены.

Молчановъ *(совершенно забываясь)*. Вы!... Вы?... Да что такое вы? *(Указывая на Князева.)* Когда онъ, воръ, убійца, развратитель... когда онъ не боится васъ, такъ что жъ такое вы? *(Въ азартъ.)* Я говорю вамъ: онъ убійца! Пишите протоколъ!! Онъ утопилъ въ рѣкѣ моего отца. Весь городъ это говоритъ! *(Князевъ вздрагиваетъ.)* Что вы меня терзаете допросами, тогда какъ у меня отцовская кровь изъ сердца выступаетъ!.. Вы злитъ меня вытребовали!.. Я понимаю васъ... вы всѣ здѣсь Князевская шайка!.. Кто не дуракъ, тотъ плутъ; а кто не плутъ, такъ грошъ ему цѣна. *(Князевъ встаетъ и тихо машетъ рукою по направлению къ двери, давая знакъ всемъ выходить. Ближайшіе къ дверямъ купцы тотчасъ же одинъ за другимъ выходятъ. Прочіе, не сводя съ Молчанова глазъ, тоже поднимаются къ двери. Молчановъ же, не замѣчая этого движенія, продолжаетъ.)* Вы понагнали во дворъ сюда мѣщанишекъ, изъ которыхъ Князевъ давно весь мозгъ новытрясъ. Онъ ихъ угощалъ черезъ своихъ сидѣльцевъ. Онъ ихъ стращалъ, что фабрики черезъ меня позакрываются и черезъ меня ни у

кого у нихъ работы не будетъ. Вы научили доброму мою жену просить на мужа... Зачѣмъ еще дѣтей моихъ сюда не привели?..

Марья Парменовна *(проходя во внутреннія комнаты)*. Нечего тебѣ здѣсь дѣтей вспоминать.

Молчановъ *(Колокольцову)*. А вы! вы... голова, товарищъ мой, вы съ учеными, съ поэтами водили дружбу. Соціалистъ вы были, пародникъ... славянинъ вы... вы изъ-за чего подличаете? Изъ-за того, что Фирсовымъ радѣтельствомъ попали въ головы... Простите вы меня, вы... вы не голова... а чортъ васъ знаетъ, что вы... *(забываясь)* вы мерзавецъ!

Колокольцовъ *(быстро нагиается подъ столъ и шаритъ тамъ рукою)*.

Князевъ *(Колокольцову)*. Чего вы ищете?

Колокольцовъ. Бумага, кажется, одна упала; да это ничего... *(Не разибаясь выбѣгаетъ на дворъ. За головою одинъ за другимъ выходятъ остальные кучмы.)*

Молчановъ. Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую вѣру въ правду, и вотъ за это расточительство васъ всѣ свои и всѣ чужіе люди честные—потомство, Богъ, исторія осудить... *(Князевъ уходитъ въ среднюю дверь и запираетъ ее за собой.)*

Молчановъ. Не расточителемъ, а стяжателемъ великимъ буду... если Богъ поможетъ мнѣ хоть все, хоть до послѣдняго алтына все отдать тому, кто бы сумѣлъ вдохнуть живую душу въ грудь моимъ открытымъ всякому пороку дѣтямъ!...

Анна Семеновна *(проходя во внутреннія комнаты)*. А для чего же сказано: остави останки младенцамъ своимъ? *(Уходитъ.)*

Молчановъ. Они богаче будутъ, оставишись нищими, да не съ такой волей слабой и не съ такимъ ничтожнымъ сердцемъ, какое тутъ *(бьетъ себя въ грудь)*—какое тутъ у ихъ несчастнаго отца! *(Блѣднѣетъ и падаетъ безъ чувствъ въ кресло.)*

Дробадоновъ *(сидѣвшій до сихъ поръ съ опущенною головою во все время монолога Молчанова, быстро вскакиваетъ)*. Что это? *(Испугавшись)*. Всѣ ушли! *(Вскакиваетъ и сильно хватается Молчанова.)* Иванъ Максимычъ! Не время спать! *(Въ ужасъ.)* Онъ сомнѣлъ... Что дѣлать, Господи! *(Бросается къ двери.)* Галъ заперта! *(Толкаетъ дверь, но она не пс-*

дается.) Мы здѣсь въ ловушкѣ! (Кидается къ Молчанову, схватываетъ его безчувственнаго и тащитъ передъ собой къ окну.) Приди, приди въ себя! Черезъ минуту кончатъ судъ, и нѣтъ спасенья!

Молчановъ (расстрепанный). А!.. что такое?.. дѣсь...

Дробадоновъ (открываетъ окно, черезъ которое тотчасъ же врываясь гулъ большой толпы; онъ держитъ Молчанова подъ плечи передъ окномъ и кричитъ громко). Народъ! мѣръ! люди, на комъ есть крестъ! кто въ Бога вѣруетъ! глядите: это человѣкъ... (Замыкая, что его не слышатъ, бросаетъ Молчанова въ кресло). Не слышатъ! (Бьются съ размаха въ запертыя двери и растворяютъ ихъ. Пауза.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Молчановъ (одинъ, приходя въ себя). Что?.. Гдѣ Калипа Дмитричъ? Всѣ ушли... (Схватываетъ себя съ отчаяніемъ за голову.) Что это было? (Съ увеличивающимся ужасомъ.) Я ихъ бранилъ, я вель себя, какъ мальчикъ... (За сценой слышенъ голосъ Дробадонова: «Спросите совѣтъ: чтѣ кому онъ злое сдѣлать».) Пойду имъ въ ноги кинусь... вѣдь осудятъ... (Прислушивается.) Калина Дмитричъ говоритъ! (Падаетъ на колѣни.) Великій Господи! когда судили Гуса, соловей заплѣлъ, и чье-то сердце дрогнуло отъ этой пѣсни, — неужто же ихъ и человѣческое слово не тронетъ! (Слышенъ вдругъ громкій шумъ снаружи и голоса: «Врешь! знаемъ мы! Ты не учитель намъ: насъ Фирсъ Григорычъ не обманетъ». Свистъ, гамъ и озлобленные крики: «Вонъ мускательщика! Вонъ Дробадонова!» Нѣсколько рукъ вталкиваютъ сильно расстрепаннаго и помятаго Дробадонова въ двери.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (въ совершенно разореанномъ стуртукъ влетаетъ на сцену отъ сильнаго толчка сзади). Ухъ! (Опра-вляется).

Молчановъ (быстро вставая и схватывая Дробадонова за руку). Что?

Дробадоновъ. Опека.

Молчановъ (падаетъ съ обморокъ).

Дробадоновъ (поднимаетъ Молчанова, разстегиваетъ его жилетъ и даетъ ему со стола стаканъ воды).

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и Служанка.

Служанка (*оббѣгая на стукъ отъ паденія Молчанова*)
Что это здѣсь унало, Калина Дмитричъ?

Дробадоновъ. Что унало, то подняли.

Служанка. Что жь тутъ случилось?

Дробадоновъ. Деревня мужика переѣхала. Пошла, принеси мнѣ иглу съ ниткою, да поздоровѣе.

(*Служанка уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ (*сходитъ съ палочкою, и весь, которые выходили съ нимъ на судъ, кромѣ жесницинъ*).

Князевъ (*тихо Колокольцову*). Обирайте руки-то, не расходившись.

Колокольцовъ. Не расходитесь, господа! Проншу сейчасъ же подписывать приговоръ! (*Минутка кладетъ бумагу на столъ, и начнётся подписыванье. Подписавшіеся отходятъ и садятся. Молчановъ съ это время поднимается, открываетъ глаза и сидитъ въ остолбенѣніи*).

Князевъ (*на авансценъ*). Про что вѣдь говорилъ?.. Молчановъ-то, я говорю, про что говорилъ? Смѣхъ! Ха-ха-ха! Только задѣнь ихъ, сейчасъ дурь замельютъ. Даже про исторію... Ну скажите вы пожалуйста, кто же этой парши у насъ бояться станетъ?.. Самъ себя осудилъ! (*Вынимаетъ изъ кармана маленькую бомбоньерку, достаетъ изъ нея пастилку и сосетъ*.) А Дробадоновъ-то какъ-было вырвался.. Хи-хи-хи... Нѣтъ, это, братъ, не то! Тебя за добродѣтели твои, за справедливости могутъ чнить, кто хочетъ... а тутъ на голодномъ брюхѣ музыка построена, а не на справедливости... Хе-хе... Я слово чуть одно сказалъ, а подголоски подхватили, что ты корысть имѣешь въ томъ, чтобъ стали фабрики, ну и... на кулачьихъ вынесли... Но онъ ужъ началъ не жалѣть и самого себя: такіе люди въ обществѣ не годны. (*Сердито оборачивается и громко*.) Купецъ Калина Дробадоновъ!

Дробадоновъ (*подписываясь*). Пишетъ.

Князевъ (*съ ироніей*). Что? отъ міра видно не прочь.

Дробадоновъ (*кладя перо*). На міръ не челобитчикъ.

Князевъ. А? (*Подходитъ и смотритъ въ бумагу.*) Опять «кисецъ». (*Минутка*). Читай!

Минутка (*беретъ бумагу*). «1867 года, мая»...

Князевъ. Не все, а суть одну читай.

(*Входитъ служанка и подаетъ Дробадонову иголку съ длинной бѣлой ниткой. Дробадоновъ садится на видномъ мѣстѣ и начинаетъ зашивать свой разорванный народомъ сюртукъ*).

Минутка. Мм...м...м. «А посему приговорили: признать его, Ивана Молчанова, на основаніи всего вышензложеннаго, злостнымъ расточителемъ (*Молчановъ быстро приподнимается*) и, въ огражденіе разрушаемаго имъ благосостоянія жены своей и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, устранить его отъ права распоряженія своимъ имуществомъ и сдать оное въ опеку благонадежнымъ людямъ»...

Молчановъ (*перебивая*). Что? что такое?

Князевъ. Въ опеку. Въ опеку тебя приговорили.

Молчановъ. Пѣтъ! Этого не можетъ быть!

Князевъ (*соя настилку*). Ну да, не можетъ.

Молчановъ. Да гдѣ жъ былъ этотъ судъ?

Князевъ. Вотъ, видишь, за руганьемъ-то ты не видѣлъ, какъ и овинъ сгорѣлъ.

Молчановъ. Тутъ разговоры одни шли.

Князевъ. А развѣ въ чемъ же судъ, какъ не въ разговорѣ? Ты все парламентовъ смотришь; а у насъ это просто.

Молчановъ (*перебивая*). За что же, господа!.. За что въ опеку? Помилуйте! мнѣ тридцать лѣтъ...

Князевъ (*ворочая со рту настилку*). Хотя бѣ и триста; а мнѣ тебя ребенкомъ призналъ.

Молчановъ. Господа! (*Всѣ тупятся и смотрятъ на Князева*.) Фирсъ Григорычъ! За что ты цѣлый вѣкъ меня преслѣдуешь? Пусти меня на волю—я уйду! Или ты, можетъ быть, униженія моего хотѣлъ?.. (*Падаетъ передъ нимъ на колѣни*.) Смотри, я здѣсь при всѣхъ передъ тобою на колѣняхъ... прости меня... прости меня... въ моей передъ тобою невинности! прости! (*Кланяется въ землю*.)

Князевъ (*проглатывая конфетку*). Вотъ такъ-то бы давно, сынокъ! Не гордыбаченьемъ у старыхъ людей берутъ, а почтеніемъ. А вы всѣ молодость цѣны себѣ нынче не сложите. Мы, дескать, честь свою и гордость выше всего ставимъ; а все это вздоръ ваши и честь, и гордость! Пока

лафа вамъ—ходите, какъ павы, хвостъ раскинувши, а су-
петь васъ клюкою хорошиі старичокъ—и поползете жабами.
Не хорошо такъ, другъ!.. Вѣдь вотъ теперь смирился пылкій
Шлишенбахъ—стоишь передо мною на колыняхъ, и въ
этомъ умный человекъ тебя не покорить. Ты знаешь передъ
кѣмъ стоишь; не иню почтенно отдалъ. (*Кладя ему на го-
лову руки.*) Ну, Богъ тебя простить. Теперь вотъ попроси
людей, чтобы тебя простили за грубости.

Молчановъ. Простите. Я себя не помнилъ!

Всѣ (*разомъ*). Богъ простить.

Князевъ. Нельзя такъ, другъ, не помнить. Ну, да ужъ это
прощено. (*Минутка*). Читай, Минутка!

Минутка. «И опекунами къ имѣнію Молчанова назначить
жену его Марью Парменовну и съ нею вмѣстѣ соопекуномъ
отца ея, кунца Пармена Мякишева; а какъ сей Мякишевъ
на сходѣ отъ такой обязанности отказался, то вмѣсто его
(*откашлявшись*) поручить сію должность съ полною за цѣ-
лость имущества отвѣтственностію (*Молчановъ встаетъ съ
колынь и остро смотритъ на Князева*) кунцу Фирсу Гри-
горьевичу Князеву». Иванъ Максимычъ, подпишитесь, что
вамъ объявили. (*Подаетъ Молчанову перо*).

Молчановъ (*не принимаетъ пера и совсем не замечаетъ
Минутки*). Ты! ты!.. ты мой опекунъ! (*Бросается съ азар-
томъ на Князева. Общее движеніе въ защиту Князева.*)

Князевъ (*поднимая палочку противъ лица Молчанова и
позируя*). Иванъ Максимычъ, не шали!.. У насъ, дружокъ,
для этакихъ хватовъ есть унокойчекъ темненькій, въ сми-
рительномъ. (*Къ обществу рѣшительно.*) Съ согласія моея
соопекушни, сегодня объявляю всѣмъ словесно, а завтра
пошлемъ въ газетахъ напечатать, чтобы Молчанову ни отъ
кого никакого довѣрія не было и никакихъ его долговъ, ни
векселей и ни росписокъ мы принимать не будемъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Господа, прошу покорно закусить! (*Всѣ
кланяются.*)

Князевъ (*спокойно*). Адмиральскій, господа, ударить. Пора
и закусить. (*Уходитъ. За нимъ уходятъ есъ, оставая въ
комнатѣ Дробидонова и Молчанова.*)

Молчановъ. Калина Дмитричъ! что жъ это!

Дробадоновъ. А ты бѣ побольше бѣсился.

Молчановъ. Неужто жѣ это не во снѣ, а вправду?

Дробадоновъ (*окончивъ пришиваніе, закалываетъ въ спинку кресла толку*). Да, Фирсъ Григорычъ молодецъ! И не одинъ я его похваляю, а и чортъ, и тотъ его похвалить. (*Идетъ къ дверямъ, куда все вышли во внутренніе покои.*) Пойду смотрѣть, какъ заливаетъ мѣръ, поѣвши человѣчины.

Молчановъ (*останавливая его восклицаніемъ*). Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ (*оборотясь*). Что?

Молчановъ. И ты... и ты... ты, честный человѣкъ... одинъ, которому я съ дѣтства вѣрилъ... и ты своей рукой подписалъ!

Дробадоновъ. Иванъ Максимычъ, ты вправду, знать, по знаешь, что такое мѣръ? Спроси о немъ мой бока. Рѣдко я на него хожу, а все жѣ это имъ не первый снѣгъ на голову... Одинъ на мѣръ не челобитчикъ. Тверезъ ты или пьянъ, всѣ говорятъ, что пьянъ: ступай и спать ложись, а то силкомъ уложить.

Молчановъ. Ты подписалъ! ты подписалъ!

Дробадоновъ (*возвращаясь къ Молчанову на авансцену и показывая обѣими руками на свою фигуру*). Великъ и силенъ кажется тебѣ купецъ Калина Дробадоновъ?.. а мѣръ ядуецъ: сожретъ и этого съ кишками. (*Быстро поворачивается и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Молчановъ и Марина.

Марина (*которая входитъ со двора, тщательно закутавшись большимъ платкомъ, осматривается и, сбросивъ однимъ движеніемъ платокъ, быстро подбѣгаетъ къ Молчанову*). Иванъ Максимычъ!

Молчановъ (*вздвинувъ*). Марина! Богъ съ тобой! Зачѣмъ ты здѣсь? (*Стараясь выпроводить ее.*) Бѣги отсюда! бѣги скорѣй! бѣги!

Марина. Не бойся. Я видѣла въ окно: всѣ за столомъ сидятъ. Я за тобой пришла, чтобы ты не оставался здѣсь.

Молчановъ (*тревожно и какъ бы не сознавая, что говоритъ*). Нѣтъ... мнѣ отсюда нельзя... Я Фирса жду...

Марина (*рѣшительно*). Вздоръ говоришь! Иди! Тебѣ поужно больше видѣть Фирса!.. Идемъ!.. идемъ!..

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Тъ же и Марья Парменовна.

Марья Парменовна (*очень раскрасневшаяся, съ алыми губами, выходитъ изъ внутренннхъ покоевъ; она полупьяна. Увидивъ Марину, она тихо крадется къ нимъ и становится сбоку Гуслиаровой, не замѣченная ни ею, ни мужемъ*).

Марина (*Молчанову*). Не будь ребенкомъ. Не злобься и не ползай... Скорѣй, одной минуты не теряя, въ Петербургъ, ницъ суда... Въ судахъ, въ сенатахъ не найдешь защиты,— къ Царю иди... иди къ его ногамъ, скажи ему: (*Молчановъ, слушая ее, поднимается со стула*) Надежда, защити! я умаленъ до возраста младенца! будь Богъ земной—создай меня во человѣка... Идемъ! Я буду стоять передъ тобой и молиться, чтобы Господь управилъ сердце Государя. Идемъ, идемъ! что бы ни встрѣтилось, живые въ руки не дадимся!

Молчановъ (*дрожжа, повторяетъ*). Я умаленъ до возраста младенца... Будь Богъ земной—создай меня во человѣка!.. (*Иъжитъ*).

Марья Парменовна (*хватаясь за платье мужа*). Куда? куда?.. Я, вѣдь, все слышала... Нѣтъ, я его не отпускаю!

Марина (*быстро вырваживаятъ Молчанова однимъ движеніемъ за двери, а сама схватываетъ Марью Парменовну сзади за локти и, перекруживъ ее три раза около себя, сажаетъ на полъ и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Марья Парменовна и Анна Семеновна (*входитъ совѣмъ пьяная и красная, какъ пѣонъ*).

Марья Парменовна (*сидя на полу, съ улыбкою*). У-у-ухъ, какъ вся земля закружилась!

Анна Семеновна (*покачивушиись*). Это тебѣ съ хересу... У меня и у самой кружится...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДВѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паркъ при загородномъ домѣ Молчанова. Между множествомъ деревьевъ, вправо въ одной куртннхъ замѣтно старое, толстое дерево, въ которомъ сбоку виденъ лазъ въ большое дупло. Вечернетъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Марина и Дробадоновъ (*сидятъ на дерновой скамьѣ подъ старую липою*).

Марина. А ты думаешь, я сама спокойна? Знаешь про то только грудь моя да подоплека, какъ я вѣрю въ хорошее.

Дробадоновъ. А я опять скажу, не про что много и безпокоиться. Я для того и приговоръ подписалъ, чтобы и снова изъ пустого не заводить. Сегодня вы съ Иваномъ Максимычемъ выѣдете; черезъ четыре дня въ Питеръ, и дѣло это намъ только за смѣхъ вспоминаться станетъ.

Марина. Все не про то ты говоришь. Опекунъ снимутъ, разумѣется. Ну, а дальше что-жъ?

Дробадоновъ. Да дальше то жъ, что было...

Марина. Славное житье!.. А все я виновата: сколько любила, вдвое того погубила.

Дробадоновъ. Не было въ его жизни и до тебя много путнаго: души онъ честнѣйшей, да не строитель, по правдѣ сказать. Такъ бы, прямою дорогой, да съ прямыми людьми, онъ бы еще жить ничего; а тутъ, чтобы у насъ, промежъ нашимъ народомъ жить, надо, чтобы шкура-то у тебя слоновая стала. Тогда развѣ вынесешь. А ему гдѣ это вынести: съ него со всего кожа-то совсѣмъ словно содрана; къ нему еще руку протягиваютъ, а ужъ ему больно—кричать. Нашъ народъ деликатности не разбираетъ, и этакъ въ немъ жить невозможно.

Марина. А главнѣй всего, что все спуталось да перепуталось. Чтобы въ немъ душу поднять, я его тѣшила тѣмъ, потому что имя Государя въ такую минуту много значить. А просить—какъ просить? (*Конфузясь*.) Это хорошо съ чистой совѣстью и къ Царю, и къ Богу, а мы... Какъ онъ противъ своего закона, какъ и я... (*Махнувъ рукой*.) Гдѣ еще тутъ и ротъ развѣвать!

Дробадоновъ (*вздыхнувъ*). То-то пузо-то у насъ все въ жемчугѣ, а сзади-то и у тѣхъ, которые чище-то, и то на аршинъ грязи налило... О-ихъ-хе-хе-хе-хе... Ну, да нечего и безпокоить Государя: уповаю несомнѣнно, что все это и такъ, по закону сдѣлается.

Марина (*задумчиво*). Надо ужъ было ему одному-однѣишеньку жить; не путаться, не запутываться, чтобы не за что брать его было.

Дробадоновъ. Разумѣется, такъ бы лучше было; да вѣдь и одному съ горемъ тожъ не радостно.

Марина (живо). А ты думаешь, что когда бъ не горе его, такъ промежъ насъ что-нибудь стало бы? Ни въ жизнь жизненскую! Горе это его меня ко всему къ этому и вывело. Все было слышу, такой онъ, сякой, негодящій. Жена сама коритъ: ужь что жъ тутъ—стало-быть либо жена непутящая, либо это все правда? Вотъ и поидетъ вспоминаться, какъ мы дѣтьми, бывало, играемъ... Въ мужа съ женой, бывало, все играли (*сквозь горькую улыбку*)... не знали, что не мужъ съ женой изъ насъ будетъ, а чортово радвинце... (*Утираетъ нѣжно слезу.*) Ахъ, какое чудное было дитя! И такой доброты, такой нѣжности съ той поры ни въ одномъ ребенкѣ не видѣла.

Дробадоновъ. А вотъ эта нѣжность-то на нашемъ народѣ, видишь, чѣмъ сказывается. Самъ нѣженъ, да и отъ другихъ все нѣжности ждетъ. А нѣту ея — онъ сейчасъ на дыбы.

Марина. Онъ простодушный!

Дробадоновъ. Простодушный!.. А это тоже не вездѣ кста-ти. Насъ вѣдь этимъ не удивить. У насъ будь простъ, рубашку скинь,—скажутъ можетъ еще крестъ серебряный есть на шеѣ — его подай. У насъ требуется, чтобы человекъ былъ во всеоружіи своемъ, а не простоквашею да петерьячкою. Это все ему еще бѣлою соской рыгается.

Марина. А все, будь у него въ семьѣ все какъ слѣдуетъ... Не такихъ, да и то берегутъ, ни до срама, ни до позора ни до какого не допускаютъ.

Дробадоновъ. Разумѣется. Если бы ты бы жена-то его была, ну ты бы его сберегла и понѣжила и не допустила до этой несносности. Такъ что жъ, и тутъ вѣдь опять, и въ этомъ дѣлѣ ему его бѣлая соска мѣшала. На тебѣ надо было жениться, надо было половину гамзы потерять. Онъ женился на той, которая у него все взять поровить.

Марина (не смирная). Чудное было дитя!.. И, какъ оса, такъ и росла такая ехидная. Безстыжая была я дѣвчонка, заведу его, бывало, куда-нибудь въ ровъ, или въ садъ далеко и прибую. (*Утираетъ глаза.*) Ежели есть что у него — отниму — онъ все-было терпитъ... А разъ покойница мать увидѣла, какъ я его толкла на грядяхъ, да вѣсть не дала мнѣ за это, и онъ вѣсть не сталь... ну, скажи мнѣ пожа-

дуйста!.. *(Плачетъ.)* Взрыдался, всплакался: «мою Мари-нушку! мою Маринушку! не обижайте мою Маринушку!»... Ахъ, чудное было дитя! ахъ, дитя было чудное!.. Ахъ! *(уда-ряя себя въ грудь)* ахъ! когда бъ знали... вы, какъ я его любила!.. Мнѣ десятый годочекъ шелъ, когда его въ Пе-тербургъ увозили... я себя не помнила, что со мной было. Фирсъ съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ; а я все догнать ихъ хотѣла... бѣжала, бѣжала, пока ямщикъ кнутомъ чуть глаза всѣ не выстегалъ... ножонки подкосились, какъ цыпленокъ въ пыль и ушла.

Дробадоновъ. То-то, дитя, не слѣдъ видно намъ, иѣшехо-дамъ, гоняться за тѣми, что ѣздятъ въ каретахъ.

Марина. Милый! хорошій мой! смыслъ-то во мнѣ какой въ ту пору былъ? Я и черезъ шесть-то лѣтъ, когда ихъ иѣбичали съ Марьей Парменовной, не умнѣе была: сквозь народъ въ церковь пролѣзла, да о бокъ съ нимъ стано-вилось, чтобы будто мнѣ съ нимъ это вѣщаніе пѣто... Да и кромѣ того я скажу тебѣ, я вѣдь какая-то порченная, что ли: ни жизни, ни смерти мнѣ нѣтъ, пока не добьюсь того, что въ голову вступить. Изъ чужихъ краевъ когда онъ вернулся, я вѣдь уже тогда три года замужемъ была... Въ эту пору мы мельницу въ Балкахъ держали... Услыхала я, что онъ вернулся, что его здѣсь все злосудятъ опять—вогъ, словно могилу мою разрывать начали: такъ востосповалася. О полуднѣ, какъ жаръ, бывало, нахлынетъ, разморить всѣхъ, снать, а я уйду тихонько подъ скрынъ, гдѣ вода бьетъ съ колесъ, — и вѣришь ли — кто-то со мною тамъ все гово-рилъ... и я не боялася этого говора... я сама говорила о чемъ-то... Чародѣйкою стала... въ грозу съ серебра умыва-лась, чтобы ему полюбитъ... въ страшную бурю бѣгала въ степь его по-вѣтру кликать... *(въ экстазѣ)* и одинъ разъ... Это ночью случилось подъ Ивана Кунала... мужа не было дома... о полуночи буря такая поднялась, что деревья съ кореньями на землю клала... Темень и грохотъ этотъ ду-шили меня. Я горькими слезами плакала, о чемъ—и сама я не знала... и тутъ въ лицо мнѣ все что-то изъ-за плечъ, то съ одной, то съ другой стороны, взглянетъ... Я сорва-лась съ постели. Не помню, куда бѣжала, а только его все звала и... *(вздохнувъ)* я тутъ онъ пришелъ... На охоту хо-дилъ; сбился съ дороги... *(Поникая головою.)* Ни жизни, ни смерти себѣ не чаяла, пока съ нимъ, какъ хотѣла, не

свидѣлась... Спознавались сладко, а теперь тяжело разставаться... (*Воскляясь.*) Калина Дмитричъ! скажи мнѣ: намъ надо разстаться?.. Скажи?.. Вѣдь это, вѣдь все черезъ меня поднимается вьюга? Ему было бы легче, когда бъ я, лихо-дѣйка, на шею ему не повисла... Не вкусивши любви, не такъ къ ней манится... Онъ бы къ дѣтямъ ютился.—Правда? Калина Дмитричъ!.. Калина Дмитричъ!.. да что жъ ты молчишь!

Дробадоновъ. Что, дитя, говорить противъ правды?

Марина. Ты носовѣтуй, какъ быть мнѣ?

Дробадоновъ. Совѣтовать надо, когда человѣкъ въ заблужденъ; а тебя Господь самъ ведетъ къ чему-то чудному, такъ ужъ не человѣку тутъ учить, когда Онъ самъ твоей души огненнымъ перстомъ своимъ касается.

Марина (*строга*). Слушай! Пока его судили,—я надъ собою судъ сотворила. Господь вправду былъ въ душѣ моей... Намъ путь, которымъ мы идемъ, кривой; а по кривой дорогѣ впередъ ничего не видно. Все это я рѣшила кончить. Я съ нимъ, какъ сказано, поѣду въ Петербургъ... поѣду для того, чтобъ поддержать его теперь... а тамъ, какъ онъ съ дѣлами справится, я скроюсь... пропаду... со слуху сгину... Онъ не печалится; тоска въ дѣлахъ пройдетъ... а мнѣ...

Дробадоновъ (*нербивая*). Пстой, пстой, не части такъ часто. Помысль твой—номысль великій! Отъ Бога къ намъ, не отъ сластей земныхъ такіе помыслы нисходятъ; а съ даромъ Божьимъ бережливо обращайся. Ты говоришь: «что мнѣ!» то-есть тебѣ-то что? Ты сама о себѣ не думаешь; а въ волѣ Божьей, чтобъ всѣмъ было добро и никому зло. Ты пропадешь, и слуху о тебѣ не будетъ. Вѣдь это ты ему по всякій часъ упрекъ создашь! Гдѣ ты? что сдѣлалось съ тобою? Быть-можетъ, въ воду бросилась изъ-за него, или бродягою непомнящей пошла въ Сибирь по пересылкѣ?.. А можетъ и того еще хуже... вступить, пожалуй, въ сердце, что, можетъ, ты и любви-то его не стоила... Этого съ душой человѣку перенести невозможно. Нѣтъ, другъ, не пропадай, живи ему въ подкрѣпленье! Не бѣгай отъ любви. На что? Въ любви Господь намъ указалъ спасать другъ друга! (*схватывая ее за руку*) но сотвори свою любовь во благо... Ты за его дѣтей теперь въ отвѣтъ! Его жена безумная законовъ ницетъ... да что законъ въ семей-

помощь дѣлѣ можетъ помогать! Она о деньгахъ упадаетъ... да что жь въ тѣхъ деньгахъ дѣтямъ, когда нѣтъ сѣятеля съ нами, который сѣялъ бы живое слово въ ихъ малыя души? Ты только уразумѣй, что значитъ отецъ? Про птичье молоко хоть въ сказкахъ говорится, а отцовскаго слова до-вѣчнаго дити и въ сказкѣ не услышнть.

Марина (*падала на грудь Дробадонова*). Дѣтки, дѣтки! Ахъ, какъ мнѣ жалко ихъ!

Дробадоновъ. Усугуби жь для нихъ свою любовь къ отцу. Любовь не разлучитъ отца съ дѣтьми: то грѣхъ, то сласть земная разлучаетъ. Воздвигни свою любовь превыше этой сласти; его своимъ примѣромъ склони къ тому же. Разстанься, но пусть онъ знаетъ, что ты жива, что съ тобою ничего худого не сталося и—главное—что ты любишь его. Это большая сила несчастливому человѣку. Не отрекайся отъ своей любви, зане я знаю, что любовь твоя, слезой твоей омытая теперь, будетъ безгрѣшна. (*Пауза*) Встань, голубица, встань! черезъ часъ надо вамъ ѣхать. Онъ тамъ бумаги ужъ всѣ приготовилъ. Теперь время удобно: поди къ нему съ ласковымъ словомъ, съ открытымъ лицомъ. Если и тяжело на сердцѣ, какъ я и ожидаю того,—терпи... виду не дай, что страдаешь... Будь весела, если можешь, о чемъ попало говори, будто какъ это даже и въ раздумье тебя не вводитъ. Слышишь, моя дѣтка?

Марина (*воскляясь и отирая слезы*). Нѣтъ, нѣтъ! не бойся: я сердца не выдамъ. (*Закрываетъ глаза платкомъ*.)

Дробадоновъ. Иди жь! Слезы твои будутъ въ радость тебѣ... Дѣтей его мать съ бабкою учатъ тебя проклинать, а ты научи ихъ благословлять тебя. Ихъ дѣтское сердце и теперь ужъ, можетъ, слышитъ, какъ твое сердце для нихъ разрывается; а вырастутъ они, ихъ почтенію къ тебѣ мѣры не будетъ. Ты счастливица въ женахъ: твой рай сегодня начнется, какъ только ты вымолвишь слово...

Марина (*сквозь рыданія*). Дѣти, дѣти! я отдаю вамъ вашего отца! (*Быстро убѣгаетъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Дробадоновъ (*одинъ*). О лебядь бѣлая!.. о лебядь чистая!.. о лебядь прохладная!.. (*Задумывается*.) Нѣтъ! Не въ любви людская погибель, а въ томъ, что мала людская любовь на землѣ, что не выросла она еще на вершокъ выше звѣри-

пой. (*Задумывается и садится.*) Въ это время за сценою слышна приближающаяся тѣсня). Ужъ пошабанили фабричные. Пора! (*Встаетъ.*) Надо имъ до свѣту добратся до станціи, чтобъ взять почтовыхъ; а ночь-то вся нынче съ воробьиный пось. Богъ знаетъ, все чего-то сердце замираетъ. Спаси ихъ Господи: они теперь на Твой правдивый путь готовы! (*Идетъ и ветрѣчается съ фабричными.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Мастеровой *Павлушка Челночекъ*: старый ткачъ *Спиридонъ Обрѣзовъ*; *пріѣзжій парень* и фабричные (*выходятъ не стѣшными шагами.*)

Челночекъ (*играетъ на гармоніи и поетъ*).

Ахъ, когда бы эту крацію,
Подержать бы мнѣ за талію.

(*Ветрѣчается съ Дробадоновымъ, снимаетъ шапку и кланяетъ.*)

Здравствуйте, Калина Дмитричъ.

Фабричные (*весь кланяется и тѣсколько голосовъ*). Паню почтенье, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Спасибо вамъ. Здравствуйте, ребятки! (*Уходитъ.*)

Весь *подходятъ къ скамейкѣ, съ которой всталъ Дробадоновъ, и располагаются на ней, кто сидя, кто полудлежа.*

Челночекъ (*поетъ*).

Ой, что же вы, ребята, приуныли?
Иль у васъ, ребята, денегъ нѣту?

Обрѣзовъ (*Челночку*). Или еще, пустая голова, не всѣ глѣсны переэввалъ!

Пріѣзжій парень. А кто это у васъ такой, что съ нами сейчасъ суетрѣтился?

Обрѣзовъ. Пріятель хозяйскій, гунедъ Дробадоновъ. По душѣ и по совѣсти первый человекъ у насъ въ обществѣ.

Пріѣзжій. А собою на видъ сколь ужасентъ.

Челночекъ. Канидонъ; это онъ тотъ самый и есть Дробадонъ Дробадоновичъ Дробадоновъ, что, сказывали, что съ одной стороны на медвѣдя похожъ.

Пріѣзжій. Скалки, антиресный какой! А должно еще того антиреснѣй, что за супруга подъ пару ему пришлася?

Челночекъ. А онъ у насъ буки еръ—кавалеръ, еще жешнокъ по сію пору.

Пріѣзжій. Неужко не женать? Это ужъ по-купечеству не годится безъ хозяйки.

Челночекъ. А ивнѣ ихъ мало у насъ по городу, хозяйекъ-то? У насъ изъ эстаго просто.

Обрѣзовъ. Что ты это все врешь-то? Кто это про Калину Дмитрича сказать можетъ?

Челночекъ. Я совѣмъ и не про него, а такъ говорю, что у насъ насчетъ женскаго пола все по-душевному, по простотѣ. Надо-тъ было обществу по-настоящему воспитательный домъ, какъ въ Петербургѣ, построить; ну, да у насъ про то покудова въ слободѣ сталовѣры: что угодно дѣтей берутъ, только сдавать поспѣвай.

1-й фабричный. А то тоже въ колодець—такъ и тамъ они кани не просить.

Челночекъ. Ну, это только Князеву такую механику построили, потому по-настоящему изъ-за чего у насъ ихъ губить, когда сталовѣры сколько хочешь берутъ и въ свою вѣру крестятъ; а ужъ это въ колодець—это не иначе, какъ на злость сдѣлано, и я вотъ, рука отсохни, знаю, что больше никто другой это сдѣлалъ, кромѣ какъ бабушкин Дросиды Аленька.

1-й фабричный. И по-дѣломъ ему, Князеву-то.

2-й фабричный. Хотя бы и вдвое онъ заплатился, не жаль бы его.

Челночекъ. Да онъ, небось, и не заплатится. Что-жь ему такое, что въ его колодець ребенка нашли? Колодець на улицѣ—не мало кто мимо его ходитъ. Самого бъ его если бъ туда головою...

Пріѣзжій. У васъ, я вижу, этого Князева терпѣть не могутъ.

Челночекъ. Не могу-уть! Съ чего такъ, милый человекъ, не могутъ? Итъ, братъ, у насъ мѣрь-то того добраго короля стѣитъ, что всѣмъ восхотѣлъ въ своемъ королевствѣ угожденіе сдѣлать. Докладають ему: пусть, говорятъ, пресвѣтлый король, въ нашемъ королевствѣ хоть разбойникамъ худо будетъ. Итъ, на что же, говоритъ, ихъ обижать: кто жъ, говоритъ, у насъ послѣ того безъ нихъ людей будетъ рѣзать? (*Хохотъ*).

Обрѣзовъ. Шутъ его знаетъ, что онъ только мелеть, пустомели!

Челночекъ. Я, братцы, въ Питерѣ жимши, разъ въ Де-

ксандринскомъ театрѣ видѣлъ, какъ критику одну на купцовъ представляли. Выставленъ бѣдовый купецъ; ну, а все ему противъ нашего Фирса Григорыча далеко. Тотъ все съ бабами больше баталь велъ; а гусаръ его на паромѣ обругалъ, онъ такъ и голосу противъ него не выискалъ. Ну, а нашъ вѣдь одно слово во всей формѣ вонитель. Я въ прошломъ году, какъ у головы прѣзжій чиновникъ обѣдалъ, за столомъ прислуживалъ, такъ подаю кофей, а они меня не видятъ, потому что разговоръ у нихъ непріятный. Чиновникъ говоритъ Фирсу: «Я, говоритъ, ясно удостовѣрился, что вы, Фирсъ Григорычъ, здѣсь точно помѣщикъ на помѣстьѣ сидите; все здѣсь по вашей дудкѣ пляшетъ: все торги или выборы, какіе бываютъ, то это только проформа одна... все вы кому хотите сдаете, кого вамъ нужно на общественныя мѣста сажаете...» А онъ сейчасъ этакъ спокойно взялъ его, этого чиновника, вотъ этакъ за пуговку, крутитъ ее, эту пуговицу, промежъ пальцевъ, да и говоритъ: «Охота вамъ, говоритъ, ваше превосходительство, этакому вздору вѣрять; вотъ мнѣ, говоритъ, ваше превосходительство, одинъ человекъ тоже за вѣрное сказывалъ, что вы изволите взятки брать, такъ развѣ я этому вѣрю?..» Чиновникъ такъ и сѣлъ. *(Хохотъ.)* Одно слово, кабы этому нашему Фирсу Григорычу да хвостъ приладить, такъ и собаки не требуется. *(Хохотъ.)*

Обрѣзовъ *(вздохнувъ)*. Одно слово, за наши грѣхи у насъ Терехи дяки.

(Въ это время по сценѣ проходитъ тихо Алеша Босой и скрывается въ своемъ дуплѣ.)

Прѣзжій. Это чтò за человекъ?

1-й фабричный. Купецъ былъ, да, тонувши, тронулся въ умѣ.

Прѣзжій. Скажите, страсть какая!

1-й фабричный. Онъ смиренъ: никого не трогаетъ. Облюбовалъ вотъ садъ хозяйскій, вонъ тамъ въ дуплищѣ и ночуетъ. Не любитъ только, если къ нему подойти туда изъ извѣстности, и то не сердится, а съ перепугу обхватить и держится, что никакъ не оторвать его. Все думаетъ, что тонетъ.

Челночекъ. А я опять, ребята, къ Фирсу! Чтò я на него, братцы мои, только, въ Питеръ ѣздивши съ нимъ, посмотрѣлся! Молодчина! Поѣдемъ, бывало, на балъ куда или въ

маскарады: я сижу съ шубой на лѣстницѣ,—смотрю, что ни лучшую какую барыню, французенку тамъ, или англичанку, мой фирсъ Григорычъ и тащить; а какую пониже сортомъ.—Иванъ Максимычъ. Привезутъ ихъ домой, и ужъ тутъ такое колыванье пойдетъ, что ажъ чертямъ ужасно—ничего не пожалѣть для женщины. «Что», говоритъ, «вы вулеву? Потому вулеву, вы», говоритъ, «такъ вулеву; а по вулову, такъ и какъ хотите». — По болоту, говоритъ, охотиться хочу, амазонкой. «Дѣлай, говоритъ, намъ, Пашка, болото». Ну, и лей на полъ шампанское по самыя щиколотки. Будь, говоритъ, лягаломъ, заней,—я лягу и локчу, а она смѣется. Скусное вино — прелестное. (*Обтираетъ зубы.*) А на-утро, глядишь, Иванушко хоть молодешенекъ, да головы не подниметь, а этотъ соколомъ встрепенется, подкрасится, подфабрится, вздѣнетъ фракъ и пошелъ къ министрамъ тамъ да къ сенаторамъ дѣла обдѣлывать. Усталъ ему никогда нѣтъ.

1-й фабричный. Да и посейчасъ онъ такой!

Челночекъ. Ему, братъ, такъ кукушка накуковала: ему, пока подъ святые положить, перемѣны не будетъ.

1-й фабричный. Онъ и помретъ-то, такъ его не сразу похорошншь.

2-й фабричный. Да одно слово апаоема.

3-й фабричный. Разбойникъ.

4-й фабричный. Блудникъ и душегубецъ.

Челночекъ. А чтò про блудъ, такъ вы это и оставьте! Это вотъ этотъ змѣй, что въ сказкѣ сказывается, что изъ озера выходилъ, да что ни есть всѣхъ первыхъ красавицъ то собѣ забиралъ,—это вотъ онъ самый и есть.

Обрѣзовъ (тихо). А не къ лицу бѣ ужъ бабушкѣ дѣвичьи пляски.

Челночекъ. Ну, это ты напрасно его, дядя, бабушкой-то зовешь! Онъ еще какъ ястребъ: зацѣлуеъ курочку до послѣдняго перушка. (*Показивъ тонъ.*) Онъ, вотъ видите, нонѣ все бросилъ и за Мариной Николавной поперъ... ужъ это онъ отъ нея теперь ни въ жизнь свою не отстанеть.

Обрѣзовъ. Врешь ты, дуракъ, не такая Марина Николавна.

Челночекъ. Да ужъ какая она ни будь, отъ него не отвертится. Ни одной вѣдь такой еще не было. Онъ ужъ, я знаю, онъ чего захотѣлъ, такъ онъ вѣдь не ѣсть, не

петь, глазъ не сведеть, а все думаетъ, и ужъ тутъ вотъ скажи ты ему, что его смерть за это ожидается, пусть вотъ море дѣло передъ нимъ разольется, онъ такъ и въ море ползетъ. А опять же и то сказать, что вѣдь и Господь бабу изъ кривого ребра создалъ: никто вѣдь и за нее впередъ отвѣчать не можетъ.

Голоса фабричныхъ. Не такая Марина Николаевна.

Челночекъ. Опять же-таки я вѣдь ничего въ ей обиду не сказалъ. И такъ говорю, что кто знаетъ, что бабѣ на умъ придетъ. Вонъ мнѣ въ Петербургѣ сказывали, что тамъ одна барышня арана родила. (*Хохотъ.*) Черниціи-пречерный, говорятъ, родился, и какъ только родился, сейчасъ какъ гаркнетъ по-черкесски: я, говоритъ, въ васъ нынжать нушу! Окрестили въ нашу вѣру—перестать.

2-й фабричный. Да за женщину какъ поручиться!

Челночекъ. То-то и дѣло. Кто ее знаетъ, что и отъ ней отродится. Вѣдь вотъ съ хозяиномъ проклажается же. (*Пасмыливо.*) Можетъ развѣ, что у нихъ промежь себя ничего опречь такой любви и вѣдутъ.

2-й фабричный. Это никакъ невозможно.

Челночекъ. Ну, это тоже опять нельзя сказать, что невозможно. У господъ есть такая ухватка, чтобы вдвоемъ чорта дразнить. Сядутъ, обоймутся, да: «ахъ, какъ я васъ!»... а та: «ахъ, сколь я симъ счастлива!»... (*Хохотъ.*)

1-й фабричный. Вотъ и у хохловъ безмозглыхъ тоже такая мода.

Челночекъ. Да, да, да. Жилъ я у князя Рѣпина, въ полтавской губернии, въ имѣнии, тоже видать это: сядутъ хохоль съ хохлушкой, гдѣ-нибудь надъ овражкомъ или надъ рѣкой, да и заведутъ (*пародируютъ*): «Не помогутъ слезы счастью»... а естественнаго ничего.

1-й фабричный. У насъ этого нѣтъ.

Челночекъ. Какъ можно! (*Сплюнцъ.*) У насъ изъ эстаго просто.

Обрѣзовъ. Что вы все про какой вздоръ мелете! Вотъ ужъ сколько разъ я замѣтилъ, что гдѣ только этотъ Пашка замѣшался, тамъ ужъ добрыхъ рѣчей не дожидайся. Давайте лучше про дѣло-то потолкуемъ. Иванъ Максимычъ вѣдь сейчасъ придетъ и спроситъ, что же мы артель, что ли, составимъ? Надо это порѣшить. Онъ такъ хочетъ, чтобы всѣхъ приставниковъ, что за матеріалами смотреть, прочь.

Сами, говоритъ, устройте, чтобъ нечего за вами смотрѣть было, и какъ воровства не будетъ, я вамъ процентъ дамъ.

1-й фабричный. Какой такой процентъ?

2-й фабричный. Это не слыхано.

Обрѣзовъ. Да вѣдь вамъ въ толкъ объ этомъ Иванъ Максимычъ рассказывалъ.

1-й фабричный. Поняли мы! да вѣдь кто его знаетъ.

2-й фабричный. Опять какъ же ты за другихъ поручишься, что онъ не украдетъ?

Голоса. Это никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Да съ чего кто красть-то станетъ, если другъ за друга поручимся?

1-й фабричный. Съ чего? Мало ли съ чего кто крадетъ!

Пріѣзжій. Иной привычку такую имѣеть, что къ этому привержень.

2-й фабричный. А есть такіе, что просто со скуки крадутъ.

Челночекъ. Да это что про то толковать! Безъ этого никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Что ты это врешь-то? Почему это невозможно.

Челночекъ. Потому, что мы въ этомъ дѣлѣ въ родѣ какъ порченые: даже кому и не нужно, не своей охотой крадетъ.

Обрѣзовъ. Э-ка дура, что городить! Да ты самъ-то русскій или турка?

Челночекъ (*вздохнувъ*). Я не русскій и не турка, а изъ Питера фигурка.

Обрѣзовъ. Да турецкое у тебя и разсужденіе.

Челночекъ. Пѣтъ, дяди, я знаю, что это тоже не сироста, а по благословенью дѣлается.

Обрѣзовъ. Отъ кого жъ это могло быть такое благословеніе, чтобы красть?

Челночекъ. Отъ странника. Ходилъ такой странникъ по свѣту и былъ увлеченъ отъ дванадцати языкъ и пропать на древіѣ, и никто за него не заступится. Вотъ какъ онъ на древіѣ началъ томиться, и начали люди приходить къ нему съ жадостію, чтобы спасать его. Сунулись первые пѣмцы, потому безъ нихъ и вода не освятится, ихъ вездѣ спрашиваютъ. «Господине честной, говорятъ, хочешь ли, мы тебя отторгуемъ?» Онъ покивалъ на нихъ головою и говоритъ: «Ступайте, торгуйтесь-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они по этому слову его завернулись и пошли, и все тор-

гуютъ, и до вѣка всѣмъ торговать будутъ. Тутъ сейчасъ французы, народъ этакой верткій. «Господине честной, давай, говорятъ, мы тебѣ отвоюемъ». — «Ступайте, — говоритъ, воюйте-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они все и будутъ цѣлый вѣкъ воевать, и все безъ толку. Тогда ужъ наши русаки, — какъ они противъ иѣмцевъ и французовъ, разумѣется, обстоятельнѣй, то видятъ, что не хотятъ онъ ни торговлею, ни отъемомъ спастись. «Господине честной, давай, говорятъ, мы тебя уворуемъ». А онъ намъ и брякни: «ступайте, говоритъ, воруйте-себѣ цѣлую жизнь». Вотъ намъ этого никакъ переступить и невозможно: мы и воруемъ.

Обрѣзовъ. О, брехунъ, брехунъ! Такъ стало ужъ по-твоему до вѣку намъ со всѣми этими художествами и не разстаться?

Челночекъ. Какъ можно до вѣку художеству быть. Это все до тѣхъ поръ художество, пока у петербургскихъ свинтусовъ въ грудяхъ живое сердце забьется. Миѣ одинъ человекъ на Невѣ на перевозѣ сказывалъ: «видишь, говоритъ, молодецъ, перодъ художествъ академіей двѣ каменныхъ собаки въ колпакахъ лежатъ? Это, говоритъ, не собаки, а свинтусы. Изъ города Фивъ, изъ Египта, ихъ привезли; съ тѣмъ, говоритъ, ихъ и привезли, что пока въ этихъ свинтусахъ живое сердце не затрепещется, до тѣхъ поръ, чтобъ ш-ша! чтобъ ничему значить настоящему не быть, а будетъ все только какъ для виду. Такъ и Иванъ Максимычъ, хоша онъ и желаетъ это сдѣлать, но только все это для виду будетъ. Да и то сказать, самъ-то онъ еще противъ Фирса уцѣлѣетъ ли? Не довелось бы еще скоро ему самому изъ-подъ печи поросять мануть.

Обрѣзовъ. А тишунъ бы тебѣ на языкъ за это.

Челночекъ (*сухо*). Да вѣдь это вчернѣ сказано: коли не правится, и похѣрнить можно.

Пріѣзжій. Нонѣ судъ не такой, чтобъ такія беззаконія съ рукъ сходили.

Челночекъ (*вздохнувъ*). Что суды! Что такое, милый человекъ, суды! У насъ до суда заворотить тебя туда и сюда хуже мороженого. Неужли жъ ты такъ думаешь, что если этотъ судъ точно правый, такъ противъ его ушираться будетъ некому? Нашъ братъ въ самый послѣдній секундъ — и тогда еще поровить штуку выкинуть, чтобъ отъ чего слѣдуетъ уворачиваться. Я вотъ вамъ къ примѣру скажу, я въ Вильнѣ видѣлъ, какъ поляковъ вѣшали. Идутъ, бывало,

который еще съ фантазіей, а который плачетъ. Ну, ужъ какъ увернуться, и думки въ нихъ не видно. А нашъ и тутъ свой терминъ держитъ: все норовитъ на выдумки. Въ Крыму я, въ ратникахъ бывши, видѣлъ, какъ двухъ мѣщанишекъ вѣшали, что провіантъ непріятелю продавали. Такъ и не очень, чтобъ авантажно ихъ и вѣшали-то—въ простой деревушкѣ—ну только всѣхъ насъ эти висѣльщики посмѣшили. Спрашиваетъ одного командиръ: не имѣеть ли, говоритъ, какой просьбы?—«Имѣю», говоритъ. Что такое? «А чтобъ меня за шею, говоритъ, ваше благородье, не вѣшать, потому я, говоритъ, щекотки боюсь»... Нѣтъ, братъ, хоть ежели чему и неминуемо быть, такъ все это хоть на минутую чѣмъ-нибудь за уголь заводитъ стануть.

Пріѣзжій. А вонъ это, гляди, вашъ хозяинъ съ компаніей идетъ.

Челночекъ (*заглядываетъ*). Онъ и есть. Иванъ Максимычъ, Дробадоновъ и Марина Николавна. Вотъ ты теперь посмотри ее: одно слово, хрящикъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(*Показываются вдали Марина Николавна, которая ведетъ за одну руку Дробадонова, за другую Молчанова. Фабричные встаютъ и отходятъ съ стороны.*)

Пріѣзжій. Можетъ-быть, уйти намъ отсюда.

Челночекъ. Нѣтъ. У насъ изъ эстаго просто—никому гулять не заказано.

Молчановъ (*въ пальто, съ дорожною сумкою черезъ плечо*).
Здравствуйте, ребята!

Голоса. Здравствуйте, Иванъ Максимычъ! (*Молчановъ и Дробадоновъ садятся на скамейку.*)

Марина. Ребятки! слетайте кто-нибудь въ домъ, принесите оттуда сюда столикъ, и самоваръ пусть сюда вынесутъ. Только живо, ребятки!

Челночекъ (*выдвинувшись впереди всѣхъ*). Сейчасъ, Марина Николавна.

Марина. Да Дѣичу вели, чтобы бутылъ вина прислалъ. Хозяинъ васъ желаетъ попотчевать.

Челночекъ (*живо*). Сейчасъ. (*Къ фабричному.*) Андрюшка, дуемъ вмѣстѣ. (*Убываютъ. Прочіе фабричные отходятъ вправо. Молчановъ снимаетъ съ плеча сумку и кладетъ ее.*)

Марина. Вотъ видишь, Валя, какъ хорошо и какъ легко

теперь на свѣтъ смотрѣть. И выйдетъ все наше горе не къ горю, а къ радости. Не грянулъ бы громъ, мы бы не перекрестились! *(Живо)*. Спасибо тебѣ, Калина Дмитричъ! Десять разъ я тебя уже благодарила, а еще и въ одиннадцатый не погнунайся. *(Подаетъ ему руку)*. Дай я тебя, Калина Дмитричъ, поцѣлую! *(Встаетъ и быстро его цѣлуетъ.)* Спасибо, другъ нашъ истинный! Ты намъ голову поставилъ на плечи.

Дробадоновъ. Ну, легко ли — есть за что благодарить! Слово сказать всякій скажетъ, не всякая только душа принять его можетъ.

Молчановъ. Цѣль, братъ Калина Дмитричъ, твоей услуги я повѣкъ не забуду. Спасибо тебѣ, спасибо. *(Жметъ ему руку.)*

Дробадоновъ. Теперь справляй дѣла, да не сердись: помни, что на Руси у насъ на сердитыхъ воду возятъ.

Молчановъ. Дѣла! *(Вздохнувъ.)* Да, буду дѣлать дѣла и вернусь... и все здѣсь застану... *(беретъ за руку Марину и съ чувствомъ)* все постылое будетъ, одного милаго не встрѣчу.

Дробадоновъ. А ты не скивай со свѣта постылую, чтобы сохранилъ Богъ милою.

Марина *(помолчавъ)*. Послушай, Ваня! такого уговора не было, чтобы скучать. Вотъ видишь, какой ты не крѣпкій.

Молчановъ *(долго на нее смотритъ)*. Марина, за что ты меня любила? Ничего, такъ ровно ничего я не далъ тебѣ, кромѣ слезъ вмѣстѣ и слезъ въ разлукѣ.

Марина. Не урекай себя. Не ты въ томъ виноватъ. Кто любилъ, тотъ и плакалъ. Она любовь, какъ въ цѣснѣ свѣто прѣ нее: «горюча любовь, слезами полита,—такова любовь на свѣтѣ создана».

Дробадоновъ. Слезы тѣ минули. Теперь другое будетъ... Будетъ наша Маринунка жить тихонько, за Невой широкою; будемъ мы навзгать къ ней въ Питеръ въ гости; встрѣтимся—поцѣлуемся, разоидеся—другъ о другѣ помолимся... доживемъ тихой старости, станемъ съ клюкою подъ ручки другъ съ дружкой въ церковь ходить да на твоихъ дѣтей радоваться... *(Ударивъ Молчанова по плечу.)* Полно задумываться!

Марина. Ваня! не вѣсь головы.

Дробадоновъ. Не вѣшай головы, тебѣ говорятъ. Примѣта скверная, если конь передъ битвой голову вѣсить.

Молчановъ (*пріободряясь*). Нѣтъ, я ничего.

Дробадоновъ (*Молчанову*). Ну, я пойду, скажу, чтобъ запрягали. Пора вамъ: ужъ совсѣмъ стемнѣло.

Марина. Иди, вели закладывать.

(*Дробадоновъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Челночекъ (*съ самоваромъ въ рукахъ. За нимъ другой парень съ чайнымъ приборомъ. Входитъ луна*).

Марина (*Челночку, усаживаясь за самоваромъ*). Вотъ Паниа молодецъ! А я тебя еще впервой и вижу, какъ ты вернулся. Ты вѣдь теперь совсѣмъ заграничный сдѣлался. Ну, что жъ ты дѣлалъ тамъ, за границей?

Челночекъ. Трактиръ Корещенкову въ Парижѣ, Марина Николавна, становили.

Марина. Понравилось тебѣ въ Парижѣ?

Челночекъ. Н-ничего городишко.

Марина. Лучше нашего?

Челночекъ. Совсѣмъ не сравнивать, Марина Николавна. Гораздо нашего превосходнѣйше.

Марина. Скажи пожалуйста! Что жъ ты тамъ что замѣтилъ такое?

Челночекъ. Какъ же, Марина Николавна, не замѣтить! много есть прекраснаго. Какъ только сейчасъ первый шагъ, какъ изъ самаго агона выйдешь, сейчасъ надиси всякія: тутъ «пуръ для дамъ», тутъ «пуръ для мужчинъ». Прекрасно все.

Молчановъ (*смѣясь*). Ишь, пады чѣмъ остановился!

Челночекъ. И обращеніе, Иванъ Максимычъ, совсѣмъ другое. Запрещеніевъ тоже меньше. (*Заискивающимъ голосомъ и глядя на Молчанова.*) У нихъ, что господа, что такіе, идутъ по улицѣ да все «тру-ля-ля—тру-ля-ля»,—а у насъ теперь Фирсъ Григорычъ Князевъ даже такой строкуляръ издалъ, чтобъ даже по городу голосу никто взвѣсть не смѣлъ, а тамъ всѣ горланить.

Марина. А ему что, Фирсу, ваши пѣсни помѣшали?

Челночекъ. Да такъ это, Марина Николавна, значить для политики, чтобъ запретъ отъ него исходилъ.

Марина. Эхъ, ребята, смотрю я на васъ, стыдно васъ и

ребятами-то звать. Залучили бь вы его въ темномь мѣстѣ, да такую бь политику ему пшандаремь задали... Это одному странно, а вѣдь вась сколько на фабрикахъ! на всѣхъ вѣдь не разишется и со всѣхъ не взыщется. А хотя бь и взыскалось! Рыло въ крови, да наше взяло — вотъ молодцовская ухватка!

Челночекъ. Да развѣ, Марина Николавна, въ томь? Разумѣется, если-бь онь сюда, то бь... Тутъ ба его по ку-сочку не достало!

Голоса фабричныхъ. Э, если бь онь здѣсь-то показался! — Тутъ-ба его и рѣшеніе!

Марина. Ну, это я шутила. *(Подбавая Молчанову чай.)* А ты опять заневѣстился, голову нуришь! Ваня! Ваня! *(Челночекъ отходитъ.)* Ванюша! Ваня! Ваня! *(Поднимаетъ его голову.)* Ахъ, какой характерь! Тебя въ руки берешь, а ты разсыпашешься. *(Горячо.)* Не вѣсь головы! Уѣдемъ такъ, чтобъ наше горе смѣялось. *(Фабричнымъ, которые пьютъ водку.)* Ребята! повеселите-ка хозяина: онь что-то скученъ! Пѣсню! пѣсню, ребята! пѣсню! такую, чтобъ горе смѣялось.

Фабричные. Сейчасъ, Марина Николавна! *(Скучиваются. Одинъ достаетъ изъ-подъ полы кларнетъ и даетъ тонъ.)*

Хорь.

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Во лузяхъ, во зеленыхъ лузяхъ. (bis)
Выросла, выросла,
Выросла трава шелковая. (bis)
Врознь пошли, врознь пошли,
Врознь пошли духи малиновые (bis).

Марина. Живо, ребята, живо! *(Становится передъ Молчановымъ и подбавляетъ.)*

Хорь *(чаще).*

Ужъ я той, ужъ я той,
Ужъ я той травой выкормлю коня. (bis)

Марина. Чаще!

Хорь.

Выкормлю, выкормлю,
Ужъ я выкормлю, вывожу его. (bis)
Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ. (bis)

Марина *(кокетливо трогаетъ плечами и бровью и топаетъ въ тактъ ножкой).*

Хоръ.

Государь, государь,
Государь ты мой батюшка. (bis)

(Марина вынимаетъ бѣлый платокъ и платитъ.),

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Въ это время изъ глубины сцены, изъ-за кустовъ выходятъ никому не замѣчаемые Князевъ, Анна Семеновна, Мякишевъ, Марья Парменовна, Минутка, Колокольцовъ и нупцы. Князевъ даетъ своей компаніи знакъ остановиться и одинъ, попрежнему никому не замѣчаемый, тихо подходитъ къ пьсенникамъ.

Хоръ (продолжаетъ).

Ты прими, ты прими,
Ты прими мово ворона копя. (bis).

Марина (останавливается и, положивъ Молчанову руки на плечи, смотритъ ему въ глаза).

Хоръ (протяжеть).

Ты услышь, ты услышь,
Ты услышь слово ласковое,
Ты прими слово привѣтливое.

Марина (всплескивая руками). Да услышь же, Ваня, слово ласковое и прими слово привѣтливое!

Молчановъ (съ чувствомъ). Жизнь моя! что я съ тобою теряю!

(Оба бросаются другъ къ другу и плачутъ.)

Князевъ. Люблю дѣвку за издѣвку!.

(Всѣ оборачиваются на его голосъ. Общее смятеніе. Молчановъ почти падаетъ на скамью. Марина смѣло выступаетъ и загоразживаетъ его собою. Фабричные тихо жмутся и прячутся другъ за друга.)

Князевъ (язвительно вздохнувъ). Это хоть бы и на театрѣ представить не стыдно! (Подходитъ съ палочкой къ фабричнымъ и всматривается въ ихъ лица.)

Молчановъ (отодвинувъ Марину). Это что еще за штука повам!

Марина (удерживая его). Ванюша! Ваня, не горячись!

Молчановъ. Постою,—я даже вовсе не сержусь. Я только смотрѣть хочу, что это? Вломились въ домъ!

Князевъ (фабричнымъ). Что же, голосистые соловушки?

Или пѣсня кончена? (*Всматривается пронзительно въ каждое лицо.*)

Челночень (*про себя*). Ухъ, глазищи! (*Юркаетъ въ задніе ряды.*) Въ молоко взглянуть, молоко скиснется.

Князевъ (*водя палочкой надъ головами толпы и ударяя по лаковкѣ спрятавшася Челночка*). Ты, какъ тебя? Павлушка, кажется?

Челночекъ (*робко*). И, Фирсь Григорьичъ, здѣсь маинюнально... (*Оправляется.*) И чай подаѣ по Марины Николаевниному приказанію.

Князевъ. А она здѣсь у васъ приказываетъ. (*Фабричнымъ, поднявъ палку по направленію къ дому.*) Вонъ! (*Всѣ уходятъ, перегоня другъ друга; послѣдній плетется Обрѣзовъ. Челночекъ впереди всѣхъ.*)

Марья Парменовна. Ну, это жъ не разбойникъ ты? Есть же еще, думаешь, послѣ этого хуже тебя человекъ на свѣтѣ. (*Къ Маринѣ.*) А ты что здѣсь прохлаждаешься? (*Хватая ее за рукавъ.*) И вѣдь тебя здѣсь не боюсь.

Марина (*тоннувъ ногою, отрываетъ руку*). Прочь!

Марья Парменовна (*из испугъ отскакиваетъ*). Ишь ты какал!

Анна Семеновна. Отойди отъ нея, Маша, отойди.

Марья Парменовна (*отходя и косясь на Марину*). И-ишь!.. А ты не очень-то!

Марина (*Марья Парменовна*). Мужѣдка!

Молчановъ (*вскакивая*). Кто имъ ворота отперъ?

Князевъ. А кто бы смѣлъ опекунамъ не отпереть ворота? Я здѣсь хозяйинъ нынче, а не ты, безпутникъ! Его сегодня только-что немножечко остепенить хотѣли, а онъ, изволишь видѣть, какъ остепеняется: вино, фабричные, да вотъ распутная бабенка, сбѣжавшая отъ мужа... продажная красавица

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Челночекъ (*крадучись возвращается и прячется за деревомъ вблизи Молчанова*).

Марина (*удерживая Молчанова*). Молчи, молчи, Иванъ Максимычъ!

Князевъ (*не обращая вниманія на ея слова*). Прошу полюбоваться, господа! Хорошъ, хорошъ купецъ, супругъ женѣ своей, отецъ дѣтиамъ и доброму отцовскому хозяйнѣ Иванъ

Максимычъ! А эта скромница (на *Марину*)... на всѣхъ глядитъ, не зная, кого выбрать, чтобъ подъ полу кинуться.

Марина (*схватывая Молчанова за руки*). Оставь, оставь: онъ насъ нарочно дразнитъ!

Князевъ. Вотъ, говорятъ, что нечему памъ поучаться у молодыхъ! Какъ нечему? Грѣшили, можетъ, люди и въ наши дни, да все это бывало со стыдомъ, отъ глазъ человѣческихъ прятались, а нынче, видите. (*Указывая объими руками*.) Жена вотъ она, вотъ теща-матушка и тесть, а вотъ супругъ съ любовницей обнявшись стоятъ, и словно быть всему тому такъ сядусть. Дай протереть глаза. (*Протираетъ платкомъ глаза*.) Стоятъ, дѣйствительно стоятъ! (*Строго*.) Ну, будетъ этого! (*Вскинувъ головой*). Я васъ прошу, господинъ голова, сейчасъ потребовать у него всѣ счета и фактуры, которые у меня украдены и ему переданы. Они мнѣ нужны, чтобъ принять дѣла. (*Бросается къ Молчанову*.) А ты ступай къ женѣ!

Молчановъ (*устраивая Князева*). Вы хоть опомнитесь! Мнѣ кажется, вы ужъ съ ума свихнули съ тѣхъ поръ, какъ глупая толпа дала вамъ въ руки власть. Прошу васъ дальше. Не вводите въ грѣхъ: я самъ дамъ сдачи.

Князевъ (*въ азартъ*). Ты сдачи дашь? ты? Вяжи его, ребята! Я объявляю вамъ, онъ воръ. Онъ утаилъ билетъ въ двѣ тысячи. (*Грозно*.) Обыскивай его. (*Всѣ порываются и не могутъ ринуться. Челмочекъ высовываетъ голову*.)

Князевъ (*Челмочку*). Ну! (*Челмочекъ схватываетъ Молчанова сзади за локти. Всмѣдъ за нимъ упиливаются Канунниковъ и Гвоздевъ. Князевъ схватываетъ Марину и жметъ ее съ скрытымъ сладострастьемъ. Молчановъ борется*.) Держи его! (*Получая отъ Марины толчокъ, быстро отлетаетъ и чуть не падаетъ*.)

Марина (*бросается къ Молчанову, разстегиваетъ пуговицу у его сюртука и кричитъ*). Бѣги, и съ Богомъ!

Молчановъ (*вырывается, оставляя въ рукахъ державшихъ его одинъ сюртукъ, и убѣгаетъ въ глубь парка*).

Князевъ (*Мирь Парменовна*). Машута! другъ, бѣжи за нимъ! Чего жъ ты смотришь, глупая! Бѣжи скорѣй, останови. Вѣдь онъ твой мужъ... еще пожалуй въ озеро прыгнетъ. (*Марья Парменовна и мать ея убѣгаютъ за Молчановымъ*.) Господа! а вы-то что жъ? вѣдь всѣ въ отвѣтъ бу-

дете! Ловите! *(Всѣ убѣгаютъ въ паркъ. Остаются на сценѣ Марина и Князевъ.)*

Князевъ *(бросается на лежащій сюртукъ Молчанова).* Топись теперь, дуракъ! Миѣ этого и надо. *(Вынимаетъ изъ кармана Молчановскаго сюртука бумажникъ.)*

Марина *(глядящая до сихъ поръ вельдъ бѣгуцимъ, быстро про себя).* Боже, что я надѣлала? *(Князеву.)* Подай! подай назадъ. *(Ловитъ его за руки.)* Подай! разбойникъ!

Князевъ *(скоро прячетъ бумажникъ въ карманъ).* Ага! пеструшечка, ты вотъ она. *(Обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Воротся.)*

Князевъ *(борясь).* Послушай! Не дурачься, не дурачься...

Марина *(отчаянно).* Подай! подай бумаги!

Князевъ. Ты одурѣла!

Марина. Эй, люди!.. люди!.. люди!..

Князевъ. Кличь вѣтра въ полѣ!..

Марина. Я съ тобой и безъ людей одна справлюсь. *(Отбрасываетъ Князева.)*

Князевъ *(отлетая).* Га! Безъ людей справишься!.. Ну, такъ при людяхъ же не справишься! Эй, люди! люди! люди! Свести ее въ полицію, чтобъ къ мужу выслали.

Марина *(ломая руки).* Что дѣлать? Боже мой, что дѣлать?

Князевъ *(схватывая Марину за руку).* Дѣлать!.. Не гребуй мною! Я немногаго хочу!

Марина. Я не люблю жъ тебя!

Князевъ. И не надо! Ты этимъ докажи ему, что ты его-то любишь... Да, да, любя-то ни за что вѣдь хорошія жепщины не стоятъ... Онъ вѣдь про то и знать не будетъ... онъ вздвигнется, съ чего это все перевернется... *(Обнимаетъ ее.)* Ланка, ланка! все въ твоихъ рукахъ!

Марина *(съ омерзѣніемъ устраняясь отъ объятій).* Эхъ!.. Вѣдь, знаю, ты обманешь...

Князевъ *(еще сильнѣе обнимая).* Нѣтъ! нѣтъ... какіе тутъ обманы! *(Вливается въ нее и цѣлуетъ, держа руками ее лицо.)*

Марина *(съ отвращеніемъ).* Н-н-ну!.. Ахъ, пусти!.. Пусти же на минуту! *(Про себя.)* О Боже, умудри меня, какъ миѣ отнять? *(Князеву.)* Такъ ты не лжешь?.. Такъ ты его отпустишь?..

Князевъ. Ты отпусти его... Пеструшечка! Змѣенышь, заслужи... пуцу...

Марина (*про себя, глядя на дупло, идъ спитъ Босой*). А если, какъ на грѣхъ, его здѣсь нѣтъ сегодня? (*Князеву, грозя пальцемъ*.) Гляди жъ, не обмани!

Князевъ. Толкуй себѣ про глухости!

Марина. Ну, такъ и быть, идемъ... Пойдемъ отсюда: здѣсь не тодится вмѣстѣ быть... Здѣсь люди ходятъ... Здѣсь мы сейчасъ съ нимъ вмѣстѣ сидѣли... не хорошо...

Князевъ (*задыхаясь*). Ничего это мнѣ, ничего!.. я тѣмъ не гребую.

Марина. Нѣтъ! Ты обѣщалъ, что побережень мой стыдъ... Пойдемъ. Я знаю, куда тебя сведу. (*Бьютъ оба, взявшись за руки. Князевъ съ той стороны, въ которой приходится дупло Босого.*)

Марина (*поровнявшись съ дупломъ, быстро толкаетъ въ него Князева, держитъ его и отчаянно вскрикиваетъ*). Душа святая, заступись!

Босой (*хватая Князева*). Тону! тону! (*Держитъ Князева.*)

Князевъ (*въ ужасѣ*). Максимъ! Максимъ! Пусти, я буду каяться! (*Вздымаетъ въ страхъ руки. Марина быстро выхватываетъ у него изъ кармана бумаги.*)

Марина. Ха-ха-ха! (*Истерически хохочетъ и, оставляя Князева въ рукахъ Босого, бѣжитъ. На половинѣ сцены она острѣчаетъ съ постыжающимъ къ ней Дробадоновымъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Марина (*падая въ изнеможеніи на грудь Дробадонова*). Ахъ, гдѣ ты былъ, Калница Дмитричъ? Я силъ моихъ лишилась! (*Теряетъ чувства.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и показываются Колокольцовъ, Марья Парменовна, Минутка и прочіе бывшіе здѣсь купцы.

Дробадоновъ (*насмѣшливо купцамъ*). Скорѣй, друзья: хорекъ въ силки попался.

Колокольцовъ (*увидя Князева*). Что это значитъ, Дробадоновъ?

Дробадоновъ (*поднимая на руки Марину*). Должно-быть значитъ то, что гдѣ лукавыя уста молчатъ, тамъ безумныя руки за работу берутся. (*Уноситъ Марину.*)

Минутка (*про себя*). Опять потышуло пчелку на красный

модокъ. Прихватило! (*Купцы освобождаютъ Князева изъ рукъ Восою.*)

Князевъ (*охрипшимъ голосомъ*). Молчановъ гдѣ?

Колокольцовъ (*къ Князеву*). Это нельзя! Онъ прямо плюнулъ на меня тутъ... на жилетъ... въ лицо, и тутъ вотъ... въ это мѣсто... по плечу... немного выше... по галстуку...

Князевъ. Оставь про вздоръ молоть!

Колокольцовъ. Да, это вздоръ; но я терпѣть не могу такой фамильярности, чтобъ по лицу меня...

Князевъ. Оставь! Всѣ знаютъ, что онъ дрянй, а ты хоропій человекъ.

Колокольцовъ. Хоропій? Такъ развѣ всѣхъ хорошихъ такъ ужъ и бить по щекамъ? Вамъ ничего, а онъ въдь два раза меня ударилъ. Я хочу знать по крайней мѣрѣ, за что?

Князевъ. Онъ сумасшедпій. (*Приложивъ палецъ къ устамъ, про себя.*) Онъ сумасшедпій!

Челночекъ (*выбывая изъ-за кулисъ*). Хозяина поймали, Фирсъ Григорычъ, и ведутъ. (*Подобострастно.*) Я первый, Фирсъ Григорычъ, ухватилъ... подставилъ ножку: онъ и чебурахнулъ!

Князевъ (*про себя*). Га! Ну, храбрый витязь, сражались мы съ тобой до этихъ перъ тупыми концами, теперь давай перевернемъ конья да острыми ударимся. (*Вслухъ.*) Въ мою коляску и везите въ городъ! Вы видѣли его сегодня всѣ: онъ сумасшедпій.

Колокольцовъ. Да, да. Онъ плюнулъ мнѣ въ лицо и три плюхи мнѣ далъ. Онъ сумасшедпій!

Всѣ (*качая головами*). Онъ сумасшедпій, сумасшедпій.

(*Занавѣсъ падаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большая, каменная кладовая, такъ-называемая «полатка». Дверь посрединѣ изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ массивными шодами на тяжелыхъ петляхъ. По сторонамъ этой двери два продолговатыхъ окна, продоланныхъ почти подъ потолокомъ. Задымленный очажокъ, служапій для варки клею и красокъ. Тюки, кули, кадъ съ красками, пуки травъ и разбросанный хламъ. Вмѣсто на авансценѣ большой, окованный желѣзомъ сундукъ, передъ нимъ столъ, на

столъ глиняный кувшинъ съ водою и стаканъ, въ которомъ горитъ конопляное масло. Столъ и сундукъ загорожены отъ входа грубыми крапивою ширмами.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Марина (въ темномъ шерстяномъ платьѣ съ накинутою на плечи бѣличей шубкою, крытою алымъ или чернымъ бархатомъ. По открытіи занавѣса сидитъ на сундукѣ. Нѣсколько секундъ молчанія. Она съ утомленіемъ смотритъ въ огонь печника)... «Прошло лѣто, прошла осень, прошла теплая весна; наступаетъ злое время — то холодная зима». Славная пѣсенка; да некому ее спѣть... (Задумывается.) Да, ужъ и лѣто, и осень почти минула съ тѣхъ поръ, какъ Ивана Максимыча въ сумасшедшій посадили; а на бумагу, которую Калина Дмитричъ отъ него послалъ, до сихъ поръ ни отвѣта, ни привѣта нѣтъ. Сорокоустъ успѣютъ отчитать, пока этой защиты дождешься... И я здѣсь сижу въ этой кладовой у Дробадонова совершенно напрасно... Отъ матери, и отъ той скрыто, гдѣ я; а Фирсъ Князевъ все по-иски править: его не обманешь. Вчера опять, Калина Дмитричъ говоритъ, посулы дѣлалъ, что дастъ сто рублей тому, кто его на мой слѣдъ наведетъ; а кормовья на пересылку давно представлены... За сто ли рублей у насъ не найдется охотника человека продать, лишь бы пронюхали. (Пауза.) Да мнѣ ужъ и самой наскучило!.. Три мѣсяца изо дня въ день одна-однишенька въ этой норѣ съ крысами выси-дѣла... Не умѣла я въ тѣ поры рѣшаться, когда слѣдовало. Не въ Петербургъ мнѣ надо было съ Ванею собираться да не надѣяться, какъ Калина Дмитричъ увѣрилъ, старости доживать другъ друга жалѣючи; а надо было прямо его по-жалѣть: разогнаться самой да въ воду. Вотъ бы и конецъ былъ... Пагуба я, какъ есть для всѣхъ пагуба... Теперь еще, если здѣсь найдутъ, и онъ и Калина поотвѣчаютъ... А онъ еще-было задумалъ гдѣ-то мнѣ фальшивую бумагу хлопотать... Легко ли дѣло: очень нужно людей губить! Уйти я и безъ всякихъ бумагъ уйду; а что со мной будетъ — это мнѣ все равно... Бродяга, такъ и бродяга: разнѣ не все равно. Это чѣмъ не острогъ!.. Охъ-охъ-охъ! (Задумывается и заводитъ вполголоса.)

Ужъ ты молодость, моя молодость!
Красота ль моя, краса дѣвичья!..

(Плачетъ.) Нѣтъ, не поются съ горя и горькія пѣсни! *(Утираетъ слезы.)* Какія все были рѣшенія, какія больнія, да какія хорошія—и ничего изъ нихъ не повиходило... Ты себѣ умудряешься, а врагъ себѣ умудряется: вотъ и поручись за то, что ты сдѣлаешь... Особенно вотъ теперъ, какъ въ одиночествѣ одурь взяла и сто дней изо дня въ день не знаешь, чего дожидаясь, кто его знаетъ, на что бѣ кипулся, только-бъ истомѣ этой конецъ положить. *(Осматривается.)* Есть тутъ мышьякъ; есть веревки... Прости Господи душу грѣшную... что за дурь въ голову лѣзеть... А особенно нынче... Нынче ужъ день какой-то... словно ему такъ не минуть безъ чего страшнаго. *(Слышитъ вой бури.)* Ишь, воетъ!.. Неспокойна я всегда въ это время... Что это и Калина Дмитричъ нынче что-то запоздалъ... Не могу сидѣть одна... дверь нарочно отперла... Все вотъ будто смерть мнѣ въ глаза засматриваетъ: нѣтъ, нѣтъ да и вздрогну. *(Кидетъ руки на столъ и опускаетъ на нихъ голову.)*

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Марина и ся мать *(спящая)*.

Мать *(входя оцупью съ клюкою)*. Куда жъ я это, дура, забрела? Хотѣла черезъ дворъ пройти на кухню корочекъ поискать, размочить. Провести-то некому — и забрела по знаю куда. *(Громко.)* Эй! есть тутъ живъ человѣкъ, гдѣ это я?

Марина *(вздрыгивъ и вскакивал)*. Родимая! родимая! *(Бросается къ матери.)* Ты ль это, матушка?

Мать *(роняя клюку)*. Марина! дочка! *(Ощупываетъ руками ея лицо.)*

Марина. Я, матушка! я, я! Иди сюда, садися; дай мнѣ хоть насмотрѣться на тебя. *(Ведетъ мать къ сундуку.)*

Мать. Такъ ты не умерла? А мнѣ все шутятъ, говорятъ на улицѣ: «твою Марину-то, говорятъ, распотрошили».

Марина. Распотрошили, матушка, распотрошили. Я ужъ три мѣсяца здѣсь прячуся отъ нашихъ лиходѣевъ.

Мать. Смотри пожалуйста! А я вѣдь вѣрила, что нѣтъ тебя. Я такъ и говорю, когда меня чѣмъ попрекаютъ здѣсь: я говорю, все это оттого, что нѣтъ моей дочки Маринушки: ужъ она бы, говорю, хоть при какомъ великомъ горѣ, меня въ обиду не дала бы. А ты, голубушка, жива! *(Лаская ее.)* Лебедушка моя! голубка!

Марина. Ахъ, родная моя!.. Жива; да что по мнѣ... куда мнѣ выступить?

Мать. Такъ вмѣстѣ будемъ жить... и при тебѣ останусь... а то меня все... гонять вонъ... Калина Дмитричъ выйдетъ со двора, а мать его съ сестрой и гонять... «Вонъ, говорить, ступай, толгѣга старая»... По всякій часъ ему не жалуясь... терплю...

Марина. Ахъ, матушка, не говори! У тебя нѣтъ дочки; я не могу тебя взять: я сама въ амбарѣ скрываюсь...

Мать. Въ амбарѣ! Зачѣмъ въ амбарѣ?

Марина. Къ мужу выслать хотятъ.

Мать. На что ты ему? Онъ пьяница, онъ все пропалъ, ишсали.

Марина. Такъ что жъ? На зло это дѣлають.

Мать. Все на зло, дитя, дѣлають. Какъ я плакала, какъ сказали, что ты пропала, просила, чтобы меня съ Молчановской дачи не выгоняли... (*поишжая голосъ*) нѣтъ... не послушали, на зло выгнали. Фирсъ Григорычъ сказалъ: «Здѣсь, говоритъ, не богадѣльня, а онека тенера... Ступай, говоритъ, свою дочь разыщи, тогда и упокой тебѣ будетъ». А я баю, гдѣ баю мнѣ, родной, искать ее? меня, говорю, слѣную, собаки съѣдятъ... «А ты, говоритъ, съ палочкой». Все, дѣточка, у насъ наше добро отобрали: два твои матеревыя платья взяли. Ты ихъ сама выработала на кружевалъ; а они говорятъ, это, говорятъ, Молчановъ дарилъ...

Марина. Богъ съ ними, матушка! Какія тамъ платья считать: мы сами пропали.

Мать. Да, да, да, дѣтка! Я ужъ такъ себѣ и думала, какъ меня вчера обидѣли: не найду, говорю, если ее еще три дня, Маринушки, и жизни себя рѣшу; да вотъ и нашла. А то онѣ, мать-то съ сестрой Калины Дмитрича, безъ него все вонъ меня гонять. Калина Дмитричъ говоритъ: «иди, старушка, со мной щи ѣсть»; а когда его нѣтъ, онѣ и хлѣбъ отъ меня забирають. Не какъ мы съ тобой дуры, когда было что, всемъ были щедрыя да раздачливыя. «Иди, говорятъ, по міру—ты убога: тебѣ всякій подастъ». Опомедни послушала ихъ: пошла у сосѣдей попросить, а ребятишки собаками травить стали балуючись -- несъ злой такой кипулся, тугъ за самую грудь и прокусилъ, а мнѣ отбитъся не видно его... Смѣются: это за то, говорятъ, эту грудь прокусилъ, что дочку гордячку выкормила... Я ужъ понесъ

вечеромъ на кухню хожу: тюрку себѣ изъ корочекъ мочу.

Марина. Мамушка, да ты-бъ самому-то объ этомъ сказала!

Мать. На что, дѣтушка, ссорить ихъ! Онъ говоритъ: «ѣшь со мной щи, старушка». И съ нимъ и ѣмъ, когда дома онъ. Это онъ, пересмѣшница. Онъ говорятъ: о чемъ, старая, плачешь? И въ уголкѣ о тебѣ плачу, а имъ говорю: про домикъ свой плачу. По холоду-то теперь, дѣнюшка, похожу, все въ домикъ и мащется. Тепленькій, говорю, у насъ свой домикъ былъ; печечка въ углѣ была... старыя косточки плачуть по печечкѣ... А онъ на свою печь не пущаютъ... иѣ-тъ, не пущаютъ,—сами спятъ. При немъ погрѣюсь, а безъ него... «не рожать было, говорятъ, дочки гордячки». И Фирсъ Григорычъ намени за обѣдней конеечку подаль мнѣ и тожо говоритъ: «надо бы, говорить, тебя дочкѣ-то твоей пожалѣть. Ишь, говорить, ты какое мѣрское челобитье, въ лубочкѣ связавное»... Пожалѣй меня, дочушка!

Марина. Мамушка! сердце мое разорвалося тебѣ слушаючи; да что жь я подѣлаю?

Мать. Домикъ, говорить, ванъ отдамъ, говорить Фирсъ-то Григорьевичъ.

Марина. Матушка! да неужели-жь ты не знаешь, чего онъ отъ меня хочетъ-то?

Мать. Ничего про то не сказать. Такъ вѣрно, чтобъ ты покорилася хочеть.

Марина. Такъ! такъ!.. Мамушка, кто нынче что-нибудь такъ дѣлаеть? О, Боже мой! Да скорѣе солнце на востокъ съ запада пойдетъ, чѣмъ мужчина что-нибудь жепцинѣ такъ, даромъ сдѣлаеть!

Мать. «Не хорошо, говорить, что даетъ собакамъ грудь-то твою кусать, откуда молоко сосала. Это, говорить, была ея житница». И, говорю, не ропщу на Господа: у меня добрая, честная дочь, а люди смѣются: «Что, бають, честь, когда нечего ѣсть». Вотъ, говорятъ, у бабушки Дросиды Аленка може не совѣмъ очень честная, да у ней, у безчестной дочери, мать и сыта, и одѣта, и въ храмъ Божій выйти ей есть въ чемъ, за дочериниѣ грѣхъ помолиться, и ты-бъ, говорятъ, такъ-то молилась. А я того ничего не знаю: мнѣ только въ домикъ нашъ съ тобой хочется.

Марина (*ложая руки*). Охъ, Боже мой! Боже мой! вправду посылай лучше тяжелое свое горе одному нести!

Мать (*лаская Марину*). Ты не сердися, доча: можетъ, я что глушое говорю.

Марина. Мамушка! дѣлала ты для меня когда грѣхъ какой? что-нибудь такое, въ чемъ каяться надо, сдѣлала такое?

Мать. Не знаю, дитя, какъ тебѣ сказать про это: какъ въ оснѣ ты лежала маленькая, тогда мы тоже были при бѣдности—Молчанова не было—ну, и горохъ для тебя крала и вишенъи, чтобъ тебѣ ротокъ освѣжить.

Марина. А больше?

Мать. Курочку тоже одинъ разъ у дьяконицы словила, изжарила, какъ тебя лихоманка томила. Отецъ дьяконъ-то свелъ меня тогда въ полицію: «Вотъ, говоритъ, воровку поймалъ,—по законамъ ее надо судить», да покойникъ квартальный, Никаноръ Никанорычъ, дай ему Богъ царство небесное, «ничего, говоритъ, это». Два раза меня прутомъ ударилъ, да и говоритъ: «отпустите, говоритъ, ее, отецъ дьякъ, съѣдомое, говоритъ, это не грѣхъ». И тебѣ ее и зажарила и лапшницы съ нею сварила.

Марина. Больше что, матушка? больше?

Мать (*подумавъ*). Фирсѣ Григорычъ, какъ Молчанова утопилъ... я это видѣла съ берега, съ тобой—ты у груди была—я съ тобой сидѣла и видѣла... а онъ говоритъ: молчи, я тебя сотенной одарю—я и молчала.

Марина (*въ ужасѣ*). Мамушка! неужто-жъ ты видѣла это?

Мать. Видѣла, дѣтка. Ты про это молчи. Онъ мнѣ все заплатилъ: я тебѣ тутъ-то все погунила... Онъ послѣ сказалъ: молчи, а то отвѣчать будешь вмѣстѣ со мною. Я тутъ-то и молчала...

Марина. Матушка! ты жъ богобойная.

Мать. Что, дитя, дѣлать-то было. Богъ-то не люди: Онъ, милосердный, помилуетъ. Не моими руками то сдѣлано. Онъ говоритъ вчера: «домика жалко, старуха?» Какъ, говорю, не жалеть. «А Марина твоя-бъ, говоритъ, ко мнѣ пришла покориться, я-бъ ей отдать его». Я, молю, не знаю. «Такъ, говоритъ, съ постельнаго крыльца пускай стукнетъ, я самъ отпру».

Марина (*заслоняя лицо матери*). Матушка! Матушка, что ты это сказала! Ты помрачилась. Лучше, хочешь, давай умремъ вмѣстѣ!

Мать. И ужъ тебѣ про смерть говорила. (*Шмыча*.) Только домика, дѣточка, жалко... Тамъ тешеръ... Дросида съ Алеп-

кой живуть; имъ тамъ тепленько въ нашемъ домикѣ... Тамъ бы, ребенокъ, и умерли... *(Въ трубу къ камину раздается довольно громкій гулъ сверху внизъ и падаетъ одинъ кирпичъ.)*

Марина *(въ испугъ)*. Что это! *(Торопливо.)* Иди! иди, мамушка, а то тебя хватятся.

Мать *(вставая)*. Ты меня гонишь, дочушка!

Марина. Нельзя, нельзя! Обѣ задаромъ пропадемъ.

Мать *(идучи)*. А ты жъ теперь завтра меня приди навѣстить.

Марина. Хорошо, хорошо! *(Ведетъ мать къ двери.)* Я буду думать... Спи ты сегодня весело... я буду думать... Я все... все, что въ свѣтѣ есть возможнаго, все тебѣ сдѣлаю. *(У самой двери.)* Но какъ ты дойдешь? *(Выглянувъ за дверь.)* Боже мой! ночь какъ тюрьма,—ты расшибешься вся.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Въ сводахъ камина показывается спустившійся изъ трубы Челночекъ. Онъ зорко слѣдитъ за Мариной.

Марина *(матери)*. Постой, моя мамушка. Что тамъ ни будетъ, я тебя провожу до крыльца. Темно: авось никто не увидитъ. *(Накидываетъ шубейку на плечи и уходитъ, уводя подъ руку мать.)*

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Челночекъ *(одинъ, вылезаетъ изъ камина и отряхивается)*. Вотъ какъ! По вѣдьмински лазимъ. Большою дорогой въ трубу. *(Осматриваясь.)* Тутъ она, голубушка, тутъ. Не даромъ Фирсовъ глазочекъ отсюда дымокъ-то примѣтилъ. *(Возвращается къ камину и держитъ за веревку, концы которой спустилъ съ собою.)* Андрюша! *(Въ трубу.)* Андрюша!.. есть! *(Закидываетъ веревку въ глубь каминнаго свода и самъ быстро прячется за кули, или за кадъ.)*

Челночекъ *(усаживаясь)*. Теперь, Фирсъ Григорьичъ, со-тѣнцую, братъ, присылай. *(Садится такъ, что его не видно.)*

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Челночекъ и Марина.

Марина *(вбѣгаетъ, сильно взволнованная, едва переводя духъ, падаетъ на сундукъ)*. Охъ!.. охъ!.. Они меня видѣли! Теперь все пропало... Удержаться нельзя было. Я ее довела до крыльца и хотѣла вернуться... Она тамъ въ сѣняхъ по-

скользнулась впотьмахъ... и думала, что она расшиблась... вскочила за нею... а они дверь отворили съ огнемъ... *(Челночекъ то высосывается изъ-за кади, то снова прячется.)* Нѣтъ, теперь все равно пропадать... По крайней мѣрѣ пропадать не безъ пользы... Она мнѣ разорвала своими рѣчами всю душу мою, и теперь я своими глазами смотрѣла, въ окно, какъ они надъ нею смѣялись... Вздоръ! вздоръ! Надъ чѣмъ тутъ задумываться! Развѣ она задумывалась, когда для меня крала? Развѣ она задумывалась, когда Фирсовъ страшный грѣхъ брала себѣ на душу? Развѣ ей не больно и не странно было губить душу свою? А у меня совѣсть! А у меня совѣсть! Совѣсть! совѣсть! Когда мать для насъ и стыдъ, и совѣсть забываетъ, мы не совѣстимся, мы беремъ это; а намъ имъ долгъ отдать совѣсть зазреть?.. *(Схватывая себя за горло.)* Да развѣ смѣешь ты про совѣсть свою думать, когда у твоей матери цѣлы грудь рвутъ; когда у твоей матери люди ложку изъ рукъ отнимаютъ; когда у твоей матери угла нѣтъ?.. Нѣтъ; въ такой совѣсти нѣтъ совѣсти! нѣтъ! Все, мамунка, все: стыдъ, совѣсть, жизнь... любовь мою и мой позоръ... все, все возьми, родная, за твою прокушенную грудь! *(Накрывалась торопливо платкомъ.)* Теперь, Фирсъ, ты досталъ меня! Звѣзды небесныя! закройте ваши свѣтлые глазки, пока пробѣгу я! *(Въжигъ и у двери останавливается и возвращается.)* А для чего жъ, одну любовь блюдя, губить другую? Себя не пожалѣть, такъ можно никого не обидѣть! Себя не пожалѣвши, можно все сдѣлать! *(Кидается къ одному изъ ящичковъ, беретъ изъ него горсть порошка и, всыпавъ его въ кусокъ синей бумаги, быстро сворачиваетъ.)* Это мышьякъ! *(Челночекъ безпрестанно высосывается и слѣдитъ за Мариной.)* Да, я обману его! Я скажу ему, чтобы онъ домъ за мать закрѣпилъ, а потомъ... онъ ничего отъ меня не дождется. *(Строго.)* Что я это путаю? Вѣдь это отъ позора неотвратимаго можно, а отъ горя развѣ это простится... если на жизнь покусаться... Прочь! *(Бросаетъ свертокъ подъ столъ и толкаетъ его ногою.)* Я приду; я дамъ обѣщанье; пусть онъ запретъ меня у себя на выникъ, пока сдѣлаетъ матери крѣпость; послѣ... подушкой голову оберну и брошусь въ окно, и уйду... или расшибусь. *(Въжигъ къ двери и сталкивается съ Дробадиновымъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *входитъ съ большой лисьей шубъ, съ зашпунтъмъ за уши воротничкомъ. Подъ полою у него зажженный фонарь, который онъ вынимаетъ въ ту самую минуту, когда блиющая въ дверь Марина почти-что съ нимъ сталкивается. Челночекъ, порывавшійся бѣжать вслѣдъ за Мариной, при видѣ Дробадонова снова прячется.*

Марина *(видитъ свѣтъ, въ ужасѣ вскрикиваетъ и прижимается спиною къ кади).* Ай! ай! Кто это? кто? кто ты?

Дробадоновъ. Чего ты? Богъ съ тобой! чего?

Марина. Кто это съ свѣтомъ? *(Всматривается и узнаетъ.)*

А, это ты, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Да что ты? Кому же больно здѣсь и быть?

Марина *(хрустя пальцами).* Да Богъ знаетъ... все какъ-то жутко такъ... *(Отмывается.)* Будто кто здѣсь не свой есть?

Дробадоновъ. Куда жъ это ты шла?

Марина *(съ замѣшательствомъ).* Я это такъ... Такъ здѣсь хожу покрывшись, чтобъ веселѣй.

Дробадоновъ *(обнимаетъ добродушную ироническую гримасу, обнимаетъ фамильярно Марину за плечи, ведетъ къ столу и сажаетъ).* Садись-ка и сяди! *(Ставитъ на столъ фонарь. Полусвѣщеная до сихъ поръ кладовая освѣщается вполне.)*

Дробадоновъ *(усѣвшись и сбросивъ шубу).* Сказать тебѣ по правдѣ, я, братъ, и самъ сегодня трусу чуть не спраздновать.

Марина. Что такъ? *(Слышна буря).*

Дробадоновъ. Да вотъ все буря эта. Скажи на-милость, что вѣдь захватить цѣлое облако песку, пыли мерзлой, и такъ вотъ и гонить, словно какъ сила нечистая передъ мечомъ архангельскимъ мчится. Небо-то все *(отдаетъ рукою)* такъ-тѣкъ-тѣкъ... Такъ и трисется, такъ ходоромъ и ходитъ. Дѣича—по всему городу прошелъ, встрѣтилъ только одного Дѣича: «иду, говорить, Фирсъ Григорьичъ къ головѣ посылають дожидаться его; онъ утромъ денешъ прислать, что непременно нынче къ вечеру изъ Питера воротится»; а то кромѣ Дѣича ни одной Божьей души на улицѣ, и вѣтеръ, знаешь это, вдоль улицы-то такъ и реветъ медвѣдемъ.

Марина *(Буря).* И здѣсь слышно.

Дробадоновъ. Что здѣсь! Нѣтъ, вотъ тамъ на площади ты побыла бѣ. Съ собора сорвало крестъ и на цѣпяхъ вертить его по крышѣ: грохотъ, звонъ, словно кто съ неба на заушковойную обѣдню звонить.

Марина. Чтò это за страсти, въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ пошли!

Дробадоновъ. Ужъ и не говори! Съ весны еще начали люди примѣчать, то куры пѣтухами пѣли; то каша изъ печей уходила. Про псовъ и говорить ужъ нечего, что побѣсились; а сегодня, скажи ты, иду я сейчасъ отъ Ратищей берегомъ, уронилъ палочку, сталъ поднимать и рукой рака схватилъ. Ну, скажи пожалуйста, въ это время ракъ-то да на сухомъ берегу?

Марина (*живо*). Ты былъ на Ратищахъ?

Дробадоновъ. Сейчасъ оттудова.

Марина (*живо*). Изъ сумасшедшаго дома! Ну что, здоровъ опъ? живъ Иванъ Максимычъ?

Дробадоновъ. Да! Я сегодня лавку заперъ рано: все равно, торговли не было, да думаю: вотъ въ этакой день ужъ и Фирсъ не поѣдетъ, да и махнулъ. Насилу допустили. Теперь еще строже—приставникъ такъ и не отходить, и всѣ подкуплены отъ Фирса, чтобъ никого не допускать. Мы, говорить, ему въ томъ присягали. Насилу за двѣ четвертины уломалъ.

Марина (*спокойнѣе*). Ну, и что жъ:

Дробадоновъ (*поглядывъ на нее*). Опъ сумасшедшій, любя!

(*Пауза. Марина смотритъ на свои ноги.*)

Дробадоновъ. Пространства никакого нѣтъ тамъ, тѣснота одна и очень ужъ зловонно. Такъ стойлицо, а по серединѣ каровать, и опъ лежитъ, подъ мышки и въ колѣняхъ перевязанъ.

Марина (*равнодушно*). Это на что опъ связалъ?

Дробадоновъ. Нельзя, говорятъ, не вязать: востоскуется, пачнетъ метаться, плакать, о стѣны бьется, а ночью на-медни голову, говорить, въ рѣшетку въ окнѣ завязилъ. (*Пауза.*) Истомили они его тѣмъ, что отнуску ему никуда нѣтъ: совѣмъ узнать его нельзя. Другіе прочіе хоть въ коридоръ выпускаются, а опъ никуда... Маринушка, что жъ ты молчишь?

Марина (*сдвигая брови*). А? (*Издыхаетъ.*)

Дробадоновъ (*тихо*). Я далъ еще десятку, чтобъ его пу-

стили погулять по коридору. Обѣщали. Нонче Фирса не будетъ: погода, и онъ головы изъ Петербурга дожидается; они и пустятъ. (*Смотритъ на свои карманные часы.*) Э, да ужь онъ теперь разминается, гуляетъ... Марія Николавна! скажи жь покрайности спасибо! (*Трогаетъ ее за руку.*)

Марина (*раздумчиво*). Скажи пожалуйста... не знаешь ты, что это такое значить: что ты мнѣ говоришь о немъ, а мнѣ его... совсѣмъ не жаль?.. Мнѣ словно никогда его и не было.

Дробадоновъ. Что ты это говоришь-то это? Кого ты обмазываешь?

Марина (*пожавъ плечами*). Пѣтъ, право!

Дробадоновъ. Да это что жь такое?.. Послушай! Милушка! Марина Николавна!.. Да что же ты молчишь?.. (*Трясетъ ее за плечо, она сидитъ въ томъ же положеніи.*) Ты вотъ послушай-ка, что люди-то говорятъ: это хорошо, говорить, что онъ въ сумасшедшемъ отсидится, а то бы, говорятъ, его за голову въ каторгу сослали. И Минутка, какъ уѣзжалъ, это же самое говорилъ... (*Опять трогаетъ ее.*) Да что же ты пугаешь меня, что ли, Марина Николавна? (*Трясетъ ее за плечо.*) Ну, а если пугаешь, такъ я тебѣ и не скажу... (*Пауза. Др. смотритъ на Марину.*) Такъ и уѣду въ Питеръ... Да; вотъ черезъ два часа и уѣду, потому мнѣ жаль его... я на него сегодня смотрѣть не могъ... а ты каменная... сердце-то у тебя изъ стали, изъ стали сдѣлано... И бы, можетъ быть, могъ бы и тебя свести теперь показать его... да что жь брать безчувственную... (*Въ отчаяніи со всей силы качаетъ ее взадъ и впередъ за плечи.*) Да что же ты — окаменѣла, что ли!

Марина (*не слышно*). Чего тебѣ?

Дробадоновъ. Да ты скажи, молъ, отвяжись ты, что ли, прочь!

Марина (*задумчиво*). Мнѣ не нужно его видѣть... Ты не слыхалъ, какъ женщины, которыя отъ родовъ умираютъ, дѣтей своихъ видѣть не хотятъ,—такъ и онъ мнѣ... (*махнувъ рукой*) не нужно! Я имъ измучилась... Я изслабѣла, все это въ себѣ всю жизнь носивши... Теперь мнѣ и его не жалко.

Дробадоновъ. Что ты это, дѣвушка! Богъ съ тобой. Сто дней бодрилась—и вдругъ на сто первомъ...

Марина. На сто первомъ кнутъ, Калина Дмитричъ, люди умирали.

Дробадоновъ. Перестань! стыдись! У Бога много дней.

Марина. Въ лютой поръ всѣ дни бываютъ люты. (*Вежливую оловую.*) Что мать моя у тебя какъ живетъ? Успокой ты ее.

Дробадоновъ. Сударушка ты моя! Будь только ты-то въ своемъ видѣ; а я не хвасталъ тебѣ: я ей ужъ келійку ставлю противъ бани на огородѣ и дѣвчонку въ няньки приставлю къ ней.

Марина. Сбереги ее.

Дробадоновъ. Какъ мать родную сберегу. (*За сценою слышны шумъ и легкій трескъ, какъ бы пошатнулся заборъ. Челночекъ, при первомъ звукѣ этого шума, кидается къ двери, откидываетъ крючокъ и тѣми же стопами крадучись опять скрывается.*)

Марина (*протягивая Дробадонову руку*). Накажешь вѣрить этому?

Дробадоновъ (*сжимая ея руку*). Какъ счастья тебѣ желаю, какъ люблю тебя.

Марина (*удерживая въ своей рукѣ его руку и глядя въ лицо ему*). Спасибо тебѣ за твою дружбу; два спасибо за твою любовь. (*Дробадоновъ конфузится.*) Чего ты застыдился? Миѣ кажется, что я ужъ вся истлѣла, что все равно, что нѣтъ меня... что стыдиться, что любить? Я это знала.

Дробадоновъ (*утираетъ слезу*). Да что жъ съ тобою?

Марина. Спроси жъ вотъ! Пэслабѣла.

(*Повторяется сильнѣе шумъ.*)

Дробадоновъ (*въ испугъ*). Что это значитъ?

Марина (*спокойно*). Пойди, взгляни. (*Дробадоновъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Марина одна и Челночекъ (*спрятанный, но безпрестанно выставляющійся*).

Марина. Одна! одна, цѣлый вѣкъ одна, а горя столько, что не знаешь, къ которому лицу оборачиваться... (*Пауза*). Калина Дмитричъ поѣдетъ въ Петербургъ, а я за нимъ вслѣдъ ночью уйду, куда глаза глядятъ, и будь ужъ то, что въ судьбѣ моей написано!

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тъ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (*вбѣгаетъ встревоженный и смущенный, но старается скрыть это*). Скажи пожалуйста, ты не помнишь, у насъ, какъ мы здѣсь сидѣли, дверь заперта была?

Марина. Разумѣется, была заперта.

Дробадоновъ. Гм... странно! (*Опять шумъ, уже несравненно болѣе и постоянно увеличивающійся до съдвигу-щюю явленія.*)

Дробадоновъ. Шумить это вѣтеръ; а все дѣло скверно. Ты не сказала мнѣ, что тебя видѣли. (*Челночекъ крадетел и снова откидываетъ крючокъ и опять прячется.*) Тамъ мать твою съ моею матушкой поссорилась и... я не знаю... Мой совѣтъ... про всякій случай куда-бъ-нибудь тебѣ отсюда пока уйти... Куда? (*Думаетъ. Въ это время шумъ вдругъ увеличивается, дверь растворяется и на порогъ появляется Князь, а за нимъ еще видно нѣсколько головъ. Дробадоновъ бросается на нихъ съ неистовымъ крикомъ, выбрасываетъ ихъ за порогъ и схватывается за дверь.*) Га! такъ это вотъ кто вмѣстѣ съ бурей ходитъ! Марина Пиколавна, заступъ дай мнѣ! ломъ подай! пѣнию! (*Держась за дверную скобу, борется съ усиліями тѣхъ, которые рвутъ дверь снаружи. Челночекъ ползетъ на четверенькахъ, чтобы схватить Дробадонова за ноги. Дверь то отворится усиліями внешней партіи, то усиліями Дробадонова снова захлопнется. За сценою голосъ Князева*). Ломай въ мою голову!

Марина (*съ возвратившеюся мимовенно энергіей*). Вотъ опъ, судьбы рѣшитель! (*Беретъ изъ подъ-стола свертокъ съ мѣхьякомъ, торопливо бросаетъ въ рожъ цепоть яду и, захлебнувъ изъ кувшина, идетъ смѣлою, рѣшительной походкой къ Дробадонову. Въ это мимовеніе Челночекъ уже готовъ схватить ноги Дробадонова, но Марина даетъ ему презрительно толчокъ по лицу тыловою частью левой кисти. Челночекъ отскакиваетъ, держась за щеку. Марина беретъ за обѣ руки Дробадонова.*)

Марина. Пусти! (*Отрываетъ его руки.*) Меня никто отсюда не возьметъ.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Фирсъ Князевъ, въ сопровожденіи многихъ мѣщанъ, квартальнаго и полицейскихъ.

Князевъ (входя). Здорово, добрый другъ Калина Дмитричъ! (Идвигно Маринъ.) Болтаютъ люди, что будто здѣсь кто-то чужихъ женъ скрываетъ. Должно быть врутъ.

Марина. А ты еще не радуйся. Что не въ рукахъ, тѣмъ не играй покудова.

Князевъ (полицейскимъ). Верите ее!

Челночекъ (прежде всѣмъ схватываетъ Марину за локти).

Марина (презрительно на него оглядывается и не сопротивляется).

Челночекъ (Маринъ). Не своей волей. Марина Николавна: начальство приказываетъ. (Глядя на Князева.) Должны мы, его подначальные, слушаться. (Киваетъ полицейскимъ.) Подай веревочку!

Князевъ (полицейскимъ). Ну, что жъ вы стали! двое берите! (Два полицейскихъ солдата съ выраженіемъ тупого равнодушія и трое мѣщанъ, потупивъ глаза, берутся за Марину и завязываютъ ей руки за спиною.)

Марина. Ха-ха-ха-ха! всѣмъ міромъ ухватитесь! (Перво.) Холопы Князева! (Вдругъ блѣднѣетъ. Лицо ея искажается муками. Нетерпѣливо.) Прочь! прочь! Прочь, я больна... Вамъ говорю я... дайте сѣсть мнѣ... законъ больныхъ щадить.

Дробадоновъ (съ поднятымъ надъ головою тяжелымъ желѣзнымъ жезломъ, грознымъ голосомъ). Прочь! распластаю! (Полицейскіе и мѣщане, держаще Марину, бросаютъ ее и быстро отскакиваютъ въ стороны.)

Марина (Дробадонову тихо и сквозь сжатые зубы.) Калина Дмитричъ, развяжи!

Квартальный (солдатамъ). Освободи ее.

Дробадоновъ (срывая веревку съ руки Маринъ). Уже освободили.

Марина шатается, схватывается за край одной кадки и, поддерживаемая Дробадоновымъ, тихо опускается на полъ. Черты лица ея страшно искажены внутреннею болью). Воды мнѣ!.. снѣгу!.. льду!.. Я умираю!..

Дробадоновъ (кидается къ столу, чтобы взять куб-

ини съ водою, и, увидѣвъ мышьякъ, беретъ его и въ ужасѣ роняетъ). Все кончено: она себя отравила! (*Подастъ Маринѣ кувшинъ съ водою; всѣ разматриваютъ ядъ.*)

Марина (*отинивъ изъ кувшина, глядитъ на окна, въ которыхъ въ это время во всю ширь показывается яркое зарево*). Вездѣ... вездѣ огонь... (*Мышьякъ.*) Огонь и тутъ (*указывая на свою грудь*) и тамъ (*указывая на окно*), вездѣ огонь... (*Подастъ.*)

Мѣщане. Пожаръ! Городъ горитъ! (*Раздается набатъ.*)

Голоса за сценой. Молчановская фабрика горитъ!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и Спиридонъ Обрѣзовъ.

Обрѣзовъ (*вбѣгая внопыляхъ*). Фирсѣ Григорьичъ! ба-тюшка! несчастье! Въ одну секунду все огнемъ обняло— хлопочка не спасли!

Князевъ (*про себя*). Зато и счеты, и концы сгорѣли.

Обрѣзовъ. Онъ самъ почти весь до костей обжегся.

Марина (*приподнимаясь*). Ванюша? милый? огнь?

Обрѣзовъ (*Маринѣ*). Огнь, матушка Марина Николаевна. (*Князеву.*) Его схватили тамъ, за хлопчатými анбарами. Изъ сумасшедшаго онъ вырвался и какъ архангель-метель все сжегъ свое и со своимъ чужое.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и 1-й мѣщанинъ.

1-й мѣщанинъ (*вбѣгая*). Поджигателя сюда ведутъ.

Князевъ. Зачѣмъ его сюда?

Челночекъ (*Князеву*). Должно быть къ вашей милости.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и толпа народа тащитъ подъ руки Молчанова. Сзади юлову Молчанова поддерживаетъ Алеша Босой. Молчановъ въ пестромъ, шиковомъ больничномъ халатѣ и кожаныхъ туфляхъ на босыхъ ногахъ. Онъ обросъ бородой, блѣденъ, съ помутившимися усталыми глазами.

Князевъ. Въ острогъ его!

Одинъ изъ приведшихъ. Пельзя, не доведешь... Ужъ онъ копаецъ, Фирсѣ Григорьичъ, весь въ волдыряхъ.

(*Молчанова опускаютъ на полъ. Онъ сидитъ одну минуту и падаетъ навзничъ, ногами къ зрителямъ.*)

Босой (опускается на колѣни въ юловасѣ Молчанова, береть его юлову въ руки, смотритъ ему въ лицо черезъ лобъ и беззвучно шевелитъ губами).

1-й мѣщанинъ. Т-се! отходишь.

Марина (поднимающаяся съ усиліемъ и ползшая на колѣняхъ къ Молчанову, падаетъ ему на грудь, съ воплемъ). Ваня! Ваня!

2-й мѣщанинъ. Скончался.

Босой (затягиваетъ трисономъ). «Со избранными избранъ будешь»...

Князевъ (бьетъ Босоя палочкой). Молчи, юродивый!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Колокольцовъ (въ снотовой шубѣ, подпоясанный хорошимъ ремнемъ, съ большимъ кожанымъ, ороженнымъ портсигаръ черезъ плечо на шнуръ). Нигдѣ нельзя проѣхать... Въ огнѣ весь городъ... Что это у насъ дѣлается!

Дробадоновъ. Одна вѣдь намъ работа: изъ ничего дѣла творить; а что воистину у людей слыветъ дѣлами (разводя руками), то въ смѣхъ, да въ дымъ, да въ пенегъ обращать.

Колокольцовъ (уныло). Да, да... въ губеріи завтра судъ открывается... и насъ съ вами, Фирсъ Григоричъ, первыхъ передаютъ суду.

Князевъ. Что врешь? за что? съ какого повода?

Колокольцовъ. Доносъ Минутка сдѣлалъ.

Князевъ. Доносъ! Минутка! Гдѣ онъ?

Колокольцовъ. Онъ тамъ остался въ Петербургѣ. Онъ домъ себѣ купилъ въ Подьяческой и кассу съсудъ открылъ съ крещеными полягами.

Князевъ (закусываетъ молча губу).

Дробадоновъ. Вотъ насъ какими новый судъ засталъ.

Князевъ (съ тивомъ). Что судъ! Пусть судитъ: міръ это дѣлалъ, а не я.

Колокольцовъ (обрадованный). Да; міръ вѣдь цѣлый не осудитъ: его нельзя сослать.

Князевъ. Міръ не судимъ.

Дробадоновъ (уныло качая головою). Міръ не судимъ и Фирсъ не судимъ. Они другъ друга создали и другъ другу работаютъ. (Князеву.) Вами нѣтъ еще суда, ума и совѣти народнои расточителямъ.

Марина (въ предсмертныхъ мученіяхъ, поднимается на

локоть. Дробадоновъ се поддерживаетъ). Тсс!.. Пчела жужжитъ... Господинъ вѣстникъ смерти... (Строко.) Молчите все!.. Она меня зоветъ... домой... къ Судьѣ небесному... отъ васъ, судей ничтожныхъ. (Умираетъ.)

Дробадоновъ. Умерла! (Паботъ.)

Голосъ за сценой. Шкитья церковь занялася.

Квартальный (солдатъ мѣ). Къ церкви! (Убѣгаетъ со всеми полицейскими.)

Другой голосъ за сценой. Домъ Фирса Князева горитъ!

Князевъ (вздрагивая, мѣщанинъ мѣ). Ко мнѣ на дворъ!

Одинъ изъ мѣщанъ (указывая на Молчанова и на Марицу). А ихъ теперь, Фирсъ Григорычъ, какъ?

Князевъ (убѣгая). Покинь!

(Голоса, и все мѣщане суетливо убѣгаютъ.)

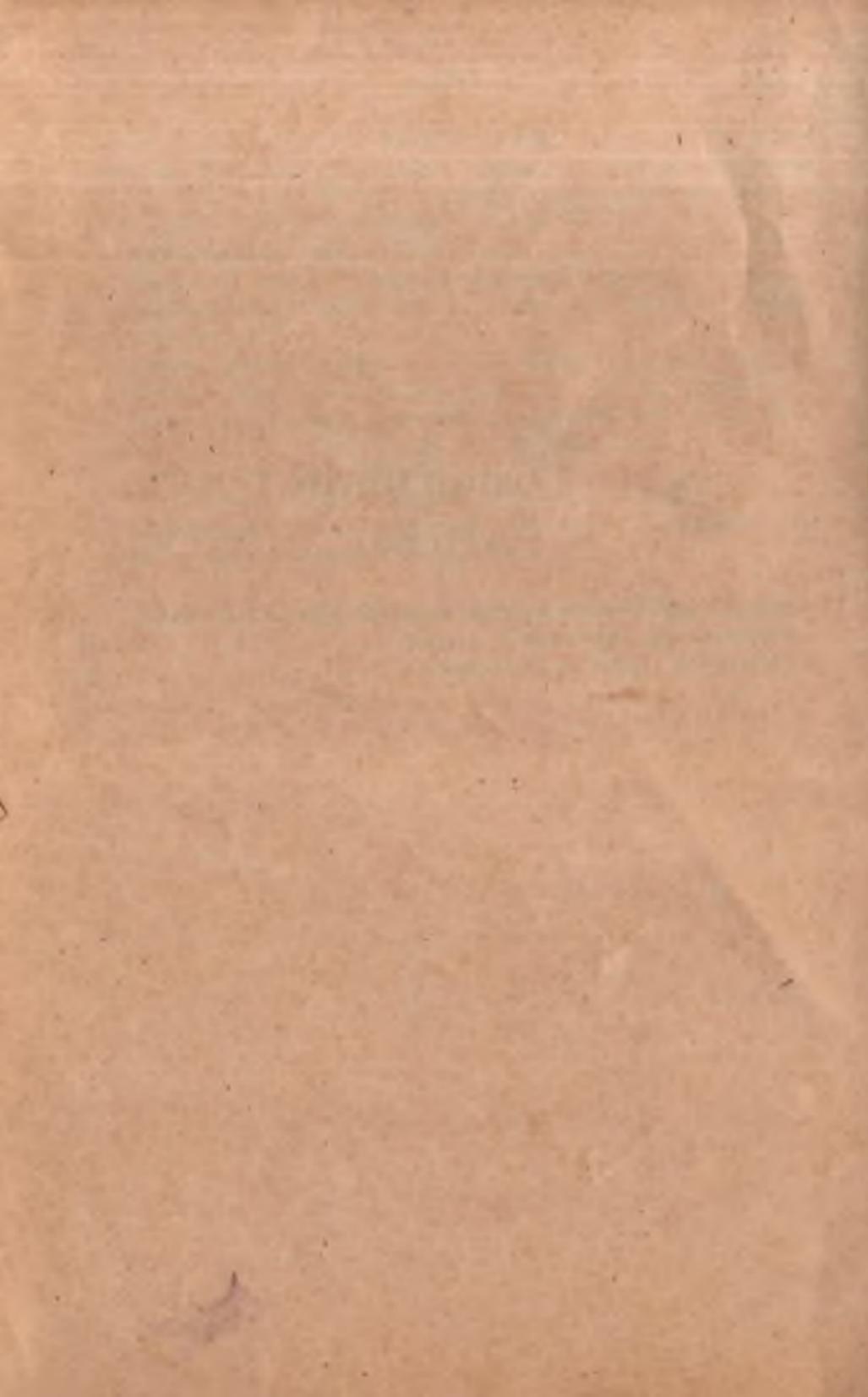
Дробадоновъ (вслѣдъ Князеву). Покинь! (Вздолнувъ.) Не лопаетъ Фирсъ Князевъ мертвечиной.

(Занавѣсъ падаетъ.)

Оглавление

XXXVI ТОМА.

	стр.
Мелочи архіерейской жизни. Приложение III. Русское таинобращіе.	3
Импровизаторы. (Картинка съ натуры).	47
Расточитель. (Драма въ 5 дѣйствіяхъ)	65

Общее оглавление

всѣхъ 36-ти томовъ сочиненій Н. С. Лѣскова.

стр.

Томъ I.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Критико-біографическій очеркъ Р. И. Сементковскаго	5
Соборяне. (Хроника). Часть I	67

Томъ II.

Соборяне. (Хроника). Части II—V.	3
--	---

Томъ III.

Запечатлѣнный Ангель	5
Праведники:	
Предисловіе	73
Одюдумъ	76
Сигмей	108
Кадетскій монастырь	122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ	154
Русскій демократъ въ Польшѣ	158

Томъ IV.

Праведники:	
Несмертельный Головакъ	5
Инженеры-безсребренники	51
Лѣвша	109
Человѣкъ на часахъ	142

Томъ V.

Очарованный странникъ	3
Шерамуръ	136

Томъ VI.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I и II.	5
---	---

Томъ VII.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III	3
На краю свѣта.	103

Томъ VIII.

Некуда. Романъ въ 3-хъ книгахъ. Книга первая, гл. I—XXIV.	5
---	---

Томъ IX.

Некуда. Книга первая, гл. XXV и книга вторая, гл. I—VII.	5
--	---

Томъ X.

Некуда. Книга вторая, гл. VIII—XXX	5
--	---

Томъ XI.

Некуда. Книга третья	5
--------------------------------	---

Томъ XII.

Островитяне. Повѣсть	5
--------------------------------	---

Томъ XIII.

Вонительница. Очеркъ	3
Леди Макбетъ, Миценскаго уѣзда. Очеркъ	83
Грабежъ	131
Антука. Разсказъ	173

Томъ XIV.

Овцебыкъ. Разсказъ	3
Козыванскій мужъ. (Изъ остзейскихъ наблюдений)	70
Ракушанскій мелемедь. Разсказъ на бивуакъ	130
Бѣлый орелъ. Фантастическій разсказъ	166
Чертогонъ.	187

Томъ XV.

Смѣхъ и горе	5
------------------------	---

Томъ XVI.

Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ:	
Очеркъ первый. Бояринъ Никита Юрьевичъ	3
Очеркъ второй. Боярыня Марфа Андреевна	30
Очеркъ третій. Плодомасовскіе карлики	61
Котинъ, удилецъ и Платонида.	86
Тупеиный художникъ. Разсказъ на могилѣ	126
Томленіе духа. Изъ отроческихъ воспоминаній	148
Пламенная патриотка.	157
Безстыдникъ.	166

Томъ XVII.

Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протозановыхъ Въ двухъ частяхъ.	
--	--

Часть первая.—Старая княгиня и ее дворъ	5
Часть вторая.—Старое старится—молодое растетъ	117

Томъ XVIII.

Свиточные рассказы:	
Предисловіе	5
Жемчужное ожерелье	6
Неразъимный рубль	22
Звѣрь	31
Привидѣніе въ Инаксерномъ замкѣ. (Изъ кадетскихъ воспоминаній).	51
Отборное зерно. (Краткая трилогія въ прозонкѣ).	65
Обманъ	91
Штопальщикъ	124
Жидовская кувирколлегія	140
Духъ госпожи Жанлисъ. (Спиритическій случай).	169

Томъ XIX.

Свиточные рассказы:	
Старый геній	3
Путешествіе съ нигилистомъ	12
Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи	20
Пугало	28
Фигура	79
Рассказы кстати:	
Совмѣстители	105
Старинные психопаты	138

Томъ XX.

Рассказы кстати:	
Интересные мужчины	3
Таинственныя предвѣстія	61
Александритъ	91
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ	105
Умершее сословіе	119
Загонъ	132
По поводу Крейцеровой сонаты	165

Томъ XXI.

Рассказы кстати:	
Дама и фелела	3
Голосъ природы	47
Сибирскія картинки XVIII вѣка. (Изъ дѣлъ сибирской старины)	56
Вдохновенные бродяги. (Удалецкія «сказки»)	111
Соплестіе во адѣ. (Апокрифическое сказаніе).	146

Томъ XXII.

Некрещенный пошъ. Нефѣроятное событіе	3
Владычній судъ. Быль. (Изъ недавнихъ воспоминаній)	55

	стр.
Язвительный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній	114
Продуктъ природы	134
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу	150
Томъ XXIII.	
На пожахъ. Романъ въ 6 частяхъ. Часть I и часть II, гл. I—VI.	5
Томъ XXIV.	
На пожахъ. Часть II, гл. VII—XV, и часть III, гл. I—VI.	5
Томъ XXV.	
На пожахъ. Часть III, гл. VII—XIX, и часть IV.	5
Томъ XXVI.	
На пожахъ. Часть V	5
Томъ XXVII.	
На пожахъ. Часть VI. Эпилогъ	5
Томъ XXVIII.	
Загадочный человѣкъ. Истинное событіе. (Съ письмомъ Н. С. Лѣскова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу)	3
Зимній день. (Пейзажъ и жанръ)	112
Томъ XXIX.	
Гора. Египетская повѣсть. (По древнимъ преданіямъ).	3
Повѣсть о богоугодномъ древоколѣ	91
Прекрасная Аза	96
Сѣморохъ Памфалонъ	108
Часть воли Божіей. Сказка	166
Томъ XXX.	
Легенда о советномъ Данилѣ	3
Левъ старца Герасима. (Восточная легенда).	21
Аскалонскій злодѣй. (Проншествіе въ Продовую темницу).	29
Сказаніе о Федорѣ-христианинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ.	88
Невинный Пруденцій. (Легенда).	112
Брамадата и Радованъ. (Индійское сказаніе).	179
Томъ XXXI.	
Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній)	3
Чортовы куклы. (Главы изъ неоконченнаго романа).	90
Томъ XXXII.	
Влуждающіе огоньки. (Автобіографія Праотцева)	3
Томъ XXXIII.	
Юдоль. (Рансодія).	3
О квакеряхъ. (Post-scriptum къ «Юдоль»).	97

	СТР.
Пустоты. (Святочный рассказ)	106
Дурьковъ. (Рассказъ)	118
Личностные характеры. (Опыт систематическаго обозрѣнія)	126
Мазанъ — голова бараня. (Сказка).	196

Томъ XXXIV.

Полувосники. (Пейзажъ и жанръ).	3
Павильонъ. (Рассказъ)	105

Томъ XXXV.

Методы архіерейской жизни. (Картинки съ натуры)	3
Приказаніи:	
Архіерейскіе объѣзды	139
Епархіальный судъ	157

Томъ XXXVI.

Методы архіерейской жизни. Русское тайнобраще	3
Импрессионисты. (Картинка съ натуры)	47
Работничекъ. (Драма въ 5 дѣйствіяхъ)	65

Алфавитный указатель

сочинений Н. С. Лёскова.

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
✓ Александрить	XX	91	Запечатливный		
Аптука	XIII	173	Ангель	III	5
✓ Аскалонскій злодѣй	XXX	29	✓ Захудалый родъ	XVII	5
Безстыдникъ	XVI	166	Звѣрь	XVIII	31
Блуждающіе огонки	XXXII	3	Зимній день	XXXVIII	112
Брамадата и Радованъ	XXX	179	Импровизаторы	XXXVI	47
Бѣлый орель	XIV	166	Инженеры - безсребренники	IV	51
Вдохновенные бродяги	XXI	111	Интересные мужичины	XX	3
Владычный судъ	XXII	55	Кадетскій монастырь	III	122
Воительница	XIII	3	Кольванскій мужъ	XIV	70
Голось природы	XXI	47	Котикъ дощлецъ и Платонида	XVI	86
✓ Гора	XXIX	3	Левъ старца Герасима	XXX	21
Грабежь	XIII	131	Легенда о свѣтломъ Данилѣ	XXX	3
Дама и фесѣла	XXI	3	Легендарные характеры	XXXIII	126
Домашняя челядь	XXII	150	Леди Макбетъ Миценскаго уѣзда	XIII	83
Дурачокъ	XXXIII	118	Лѣвша	IV	109
Духъ госпожи Жаилнсъ	XVIII	169	Малашья - голова баранья	XXXIII	196
✓ Жемчужное ожерелье	XVIII	6	Маленькая ошибка	XIX	20
✓ Жидовская кувырколлегія	XVIII	140	Мелочи архіерейской жизни	XXXV—XXXVI	
✓ Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ	XX	105			
✓ Загадочный чловѣкъ	XXVIII	3			
Загонъ	XX	132			

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
На краю свѣта	VII	103	✓ Расточитель	XXXVI	65
✓ На ножахъ	XXIII—XXVII		Русскій демо- кратъ въ Поль- шѣ	III	158
✓ Певинный Пру- денцій	XXX	112	Святочные раз- сказы	XVIII—XIX	
✓ Пекрещенный попъ	XXII	3	Сибирскія кар- тинки XVIII вѣка	XXI	56
✓ Пекуда	VIII—XI		✓ Сказаніе о Ос- дорѣ - хрестіа- нинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жи- довинѣ	XXX	88
✓ Неразмѣнный рубль	XVIII	22	✓ Скоморохъ Нам- фалонъ	XXIX	108
Несмертельный Головакъ	IV	5	Смѣхъ и горе	XV	5
✓ Обманъ	XVIII	91	✓ Соборіане. (Хро- ника)	I—II	
✓ Обойденные	VI—VII		Совмѣстители	XIX	105
✓ Овцебыкъ	XIV	3	Сошествіе во адъ	XXI	146
Однодумъ	III	76	Старинные пси- хонаты	XIX	138
✓ О квакереяхъ	XXXIII	97	✓ Старые годы въ селѣ Плодома- совѣ	XVI	3
✓ Островитяне	XII	5	Старый геній	XIX	3
Отборное зерно	XVIII	65	Талисвенныя предвѣстія	XX	61
Очарованный страшникъ	V	3	Томленію духа	XVI	148
✓ Павлинь	XXXIV	105	✓ Тупейный худож- никъ	XVI	126
✓ Печерскіе ан- тики	XXXI	3	✓ Умершее сосло- віе	XX	119
Пигмей	III	108	Фигура	XIX	79
✓ Пламенная па- тріотка	XVI	157	Чась воли Бо- жіей	XXIX	166
✓ Повѣсть о бого- угодномъ дро- воколѣ	XXIX	91	✓ Человѣкъ на ча- сахъ	IV	142
Полунощники	XXXIV	3	Чертогонъ	XIV	187
По поводу Крей- перовой сонат- ты	XX	165	✓ Чортovy куклы	XXXI	90
✓ Праведники	III—IV		Шерамуръ	V	136
✓ Прекрасная Аза	XXIX	96	Штопальщикъ	XVIII	124
✓ Привидѣніе въ Ниженерномъ замкѣ	XVIII	51	Юдоль	XXXIII	3
✓ Продуктъ приро- ды	XXII	134	Язвительный	XXII	114
Пугало	XIX	28			
✓ Пустоплясы	XXXIII	106			
Путешествіе съ нигилистомъ	XIX	12			
✓ Разказы кстати Ракушаискій ме- ламедъ	XIX—XXI	XXI			
	XIV	130			

